ДМИТРИЙ ВОЛКОГОНОВ
ЛЕОНИД МЛЕЧИН

10 ВОЖДЕЙ

от ЛЕНИНА до ПУТИНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

От Ленина и Сталина до Медведева и Путина – эта книга прослеживает судьбы всех хозяев Кремля за последнее столетие, среди которых были гении и злодеи, революционеры и филистеры, смелые реформаторы и пустобрехи. Это – групповой портрет кремлевских вождей, чьи сравнительные жизнеописания проливают свет на самые запретные страницы истории и самые охраняемые «дворцовые тайны», позволяя заглянуть за кулисы Большой политики, в святая святых Власти.

- Леонид Млечин, Дмитрий Волкогонов
  - Дмитрий Волкогонов. Семь вождей
    - Вместо введения: Тропа вождей
    - Вождь первый: Владимир Ленин
      -
      - «Злой гений»
      - Грех Октября
      - Соратники Ленина
      - «Мировая революция»
      - За кулисами
      - Творец Системы
      - Судьба ленинизма
    - Вождь второй: Иосиф Сталин
      -
      - «Выдающийся ученик Ленина»
      - Сталинская система
      - Жезл генералиссимуса
      - Тайные диалоги
      - «Бумаги» Сталина
      - Корейский тупик
      - Сталинизм умер?
    - «Вождь» третий: Никита Хрущев
      -
      - Схватка с монстром
      - Крым – «подарок» Хрущева
      - Атака на «культ личности»
      - Импульсивный реформатор
      - Революционная дипломатия
      - Операция «Анадырь»
      - Поражение реформатора
    - «Вождь» четвертый: Леонид Брежнев
      -

- Путь наверх
- От стабильности к стагнации
- Чехословакия, Афганистан
- Маршал, «Герой», лауреат…
- Рабочие записи генсека
- Провозвестник крушения Системы
- «Вождь» пятый: Юрий Андропов
  -
  - Пятнадцать лет – шеф КГБ
  - Пятнадцать месяцев – лидер КПСС
  - Генсек и политбюро
  - Символ «эры» Андропова
  - Руководство из больницы
- «Вождь» шестой: Константин Черненко
  -
  - Печать безвременья
  - Чиновник партии
  - Фаворит Брежнева
  - Тринадцать месяцев
  - Канун перестройки
- «Вождь» седьмой: Михаил Горбачев
  -
  - Последний ленинец
  - Феномен перестройки
  - Парадокс Горбачева
  - Рок Чернобыля
  - Любимец Запада
  - Горбачев и Ельцин
  - Исторический Горбачев
- Вместо заключения: История в лицах

○ Леонид Млечин. Три президента

- Борис Ельцин. Бунтарь на троне
  -
  - «Ему нужна вся власть»
  - Гроссмейстер политических шахмат
  - Симпатии и антипатии
  - Оглоблей по голове
  - Бунт, расправа и ножницы
  - Герой-чудотворец
  - Победа за победой
  - Реформы начались
  - Осень 1993 года
  - Чеченская война
  - Его последние выборы

        - Болезнь и закат
        - Смерть и прощание
    - Владимир Путин. Последняя надежда
        -
        - «Инициативников не берем»
        - Враги и предатели
        - В питерской мэрии
        - Трудоустроиться в Москве не просто
        - Полоний для Литвиненко
        - Кассета для прокурора
        - «Он просто очаровывает»
        - Государевы люди и неодворяне
        - Разговор с «товарищем Волком»
        - Появление «оранжевых»
        - Групповой портрет с президентом
    - Дмитрий Медведев. Опыт дуумвирата
        -
        - Главный выборщик
        - Нетипичная биография
        - Августовская война
        - Верхом на асфальтовом катке
        - Никуда они не уедут
        - Детский сад в Лондонграде
        - Как заспорили президент и премьер
        - Тандем невозможен в принципе
        - Лидер оппозиции?
        - «Перестройка наоборот»
- notes
    - Примечания
        - 1
        - 2
        - 3
        - 4
        - 5
        - 6
        - 7
        - 8
        - 9
        - 10
        - 11
        - 12
        - 13
        - 14
        - 15

- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28

○ Комментарии
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30

- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74

- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118

- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162

- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206

- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246
- 247
- 248
- 249
- 250

- 251
- 252
- 253
- 254
- 255
- 256
- 257
- 258
- 259
- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268
- 269
- 270
- 271
- 272
- 273
- 274
- 275
- 276
- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285
- 286
- 287
- 288
- 289
- 290
- 291
- 292
- 293
- 294

- 295
- 296
- 297
- 298
- 299
- 300
- 301
- 302
- 303
- 304
- 305
- 306
- 307
- 308
- 309
- 310
- 311
- 312
- 313
- 314
- 315
- 316
- 317
- 318
- 319
- 320
- 321
- 322
- 323
- 324
- 325
- 326
- 327
- 328
- 329
- 330
- 331
- 332
- 333
- 334
- 335
- 336
- 337
- 338

- 339
- 340
- 341
- 342
- 343
- 344
- 345
- 346
- 347
- 348
- 349
- 350
- 351
- 352
- 353
- 354
- 355
- 356
- 357
- 358
- 359
- 360
- 361
- 362
- 363
- 364
- 365
- 366
- 367
- 368
- 369
- 370
- 371
- 372
- 373
- 374
- 375
- 376
- 377
- 378
- 379
- 380
- 381
- 382

- 383
- 384
- 385
- 386
- 387
- 388
- 389
- 390
- 391
- 392
- 393
- 394
- 395
- 396
- 397
- 398
- 399
- 400
- 401
- 402
- 403
- 404
- 405
- 406
- 407
- 408
- 409
- 410
- 411
- 412
- 413
- 414
- 415
- 416
- 417
- 418
- 419
- 420
- 421
- 422
- 423
- 424
- 425
- 426

- 427
- 428
- 429
- 430
- 431
- 432
- 433
- 434
- 435
- 436
- 437
- 438
- 439
- 440
- 441
- 442
- 443
- 444
- 445
- 446
- 447
- 448
- 449
- 450
- 451
- 452
- 453
- 454
- 455
- 456
- 457
- 458
- 459
- 460
- 461
- 462
- 463
- 464
- 465
- 466
- 467
- 468
- 469
- 470

- 471
- 472
- 473
- 474
- 475
- 476
- 477
- 478
- 479
- 480
- 481
- 482
- 483
- 484
- 485
- 486
- 487
- 488
- 489
- 490
- 491
- 492
- 493
- 494
- 495
- 496
- 497
- 498
- 499
- 500
- 501
- 502
- 503
- 504
- 505
- 506
- 507
- 508
- 509
- 510
- 511
- 512
- 513
- 514

- 515
- 516
- 517
- 518
- 519
- 520
- 521
- 522
- 523
- 524
- 525
- 526
- 527
- 528
- 529
- 530
- 531
- 532
- 533
- 534
- 535
- 536
- 537
- 538
- 539
- 540
- 541
- 542
- 543
- 544
- 545
- 546
- 547
- 548
- 549
- 550
- 551
- 552
- 553
- 554
- 555
- 556
- 557
- 558

- 559
- 560
- 561
- 562
- 563
- 564
- 565
- 566
- 567
- 568
- 569
- 570
- 571
- 572
- 573
- 574
- 575
- 576
- 577
- 578
- 579
- 580
- 581
- 582
- 583
- 584
- 585
- 586
- 587
- 588
- 589
- 590
- 591
- 592
- 593
- 594
- 595
- 596
- 597
- 598
- 599
- 600
- 601
- 602

- 603
- 604
- 605
- 606
- 607
- 608
- 609
- 610
- 611
- 612
- 613
- 614
- 615
- 616
- 617
- 618
- 619
- 620
- 621
- 622
- 623
- 624
- 625
- 626
- 627
- 628
- 629
- 630
- 631
- 632
- 633
- 634
- 635
- 636
- 637
- 638
- 639
- 640
- 641
- 642
- 643
- 644
- 645
- 646

- 647
- 648
- 649
- 650
- 651
- 652
- 653
- 654
- 655
- 656
- 657
- 658
- 659
- 660
- 661
- 662
- 663
- 664
- 665
- 666
- 667
- 668
- 669
- 670
- 671
- 672
- 673
- 674
- 675
- 676
- 677
- 678
- 679
- 680
- 681
- 682
- 683
- 684
- 685
- 686
- 687
- 688
- 689
- 690

- 691
- 692
- 693
- 694
- 695
- 696
- 697
- 698
- 699
- 700
- 701
- 702
- 703
- 704
- 705
- 706
- 707
- 708
- 709
- 710
- 711
- 712
- 713
- 714
- 715
- 716
- 717
- 718
- 719
- 720
- 721
- 722
- 723
- 724
- 725
- 726
- 727
- 728
- 729
- 730
- 731
- 732
- 733
- 734

- 735
- 736
- 737
- 738
- 739
- 740
- 741
- 742
- 743
- 744
- 745
- 746
- 747
- 748
- 749
- 750
- 751
- 752
- 753
- 754
- 755
- 756
- 757
- 758
- 759
- 760
- 761
- 762
- 763
- 764
- 765
- 766
- 767
- 768
- 769
- 770
- 771
- 772
- 773
- 774
- 775
- 776
- 777
- 778

- 779
- 780
- 781
- 782
- 783
- 784
- 785
- 786
- 787
- 788
- 789
- 790
- 791
- 792
- 793
- 794
- 795
- 796
- 797
- 798
- 799
- 800
- 801
- 802
- 803
- 804
- 805
- 806
- 807
- 808
- 809
- 810
- 811
- 812
- 813
- 814
- 815
- 816
- 817
- 818
- 819
- 820
- 821
- 822

- 823
- 824
- 825
- 826
- 827
- 828
- 829
- 830
- 831
- 832
- 833
- 834
- 835
- 836
- 837
- 838
- 839
- 840
- 841
- 842
- 843
- 844
- 845
- 846
- 847
- 848
- 849
- 850
- 851
- 852
- 853
- 854
- 855
- 856
- 857
- 858
- 859
- 860
- 861
- 862
- 863
- 864
- 865
- 866

- 867
- 868
- 869
- 870
- 871
- 872
- 873
- 874
- 875
- 876
- 877
- 878
- 879
- 880
- 881
- 882
- 883
- 884
- 885
- 886
- 887
- 888
- 889
- 890
- 891
- 892
- 893
- 894
- 895
- 896
- 897
- 898
- 899
- 900
- 901
- 902
- 903
- 904
- 905
- 906
- 907
- 908
- 909
- 910

- 911
- 912
- 913
- 914
- 915
- 916
- 917
- 918
- 919
- 920
- 921
- 922
- 923
- 924
- 925
- 926
- 927
- 928
- 929
- 930
- 931
- 932
- 933
- 934
- 935
- 936
- 937
- 938
- 939
- 940
- 941
- 942
- 943
- 944
- 945
- 946
- 947
- 948
- 949
- 950
- 951
- 952
- 953
- 954

- 955
- 956
- 957
- 958
- 959
- 960
- 961
- 962
- 963
- 964
- 965
- 966
- 967
- 968
- 969
- 970
- 971
- 972
- 973
- 974
- 975
- 976
- 977
- 978
- 979
- 980
- 981
- 982
- 983
- 984
- 985
- 986
- 987
- 988
- 989
- 990
- 991
- 992
- 993
- 994
- 995
- 996
- 997
- 998

- 999
- 1000
- 1001
- 1002
- 1003
- 1004
- 1005
- 1006
- 1007
- 1008
- 1009
- 1010
- 1011
- 1012
- 1013
- 1014
- 1015
- 1016
- 1017
- 1018
- 1019
- 1020
- 1021
- 1022
- 1023
- 1024
- 1025
- 1026
- 1027
- 1028
- 1029
- 1030
- 1031
- 1032
- 1033
- 1034
- 1035
- 1036
- 1037
- 1038
- 1039
- 1040
- 1041
- 1042

- 1043
- 1044
- 1045
- 1046
- 1047
- 1048
- 1049
- 1050
- 1051
- 1052
- 1053
- 1054
- 1055
- 1056
- 1057
- 1058
- 1059
- 1060
- 1061
- 1062
- 1063
- 1064
- 1065
- 1066
- 1067
- 1068
- 1069
- 1070
- 1071
- 1072
- 1073
- 1074
- 1075
- 1076
- 1077
- 1078
- 1079
- 1080
- 1081
- 1082
- 1083
- 1084
- 1085
- 1086

- 1087
- 1088
- 1089
- 1090
- 1091
- 1092
- 1093
- 1094
- 1095
- 1096
- 1097
- 1098
- 1099
- 1100
- 1101
- 1102
- 1103
- 1104
- 1105
- 1106
- 1107
- 1108
- 1109
- 1110
- 1111
- 1112
- 1113
- 1114
- 1115
- 1116
- 1117
- 1118
- 1119
- 1120
- 1121
- 1122
- 1123
- 1124
- 1125
- 1126
- 1127
- 1128
- 1129
- 1130

- 1131
- 1132
- 1133
- 1134
- 1135
- 1136
- 1137
- 1138
- 1139
- 1140
- 1141
- 1142
- 1143
- 1144
- 1145
- 1146
- 1147
- 1148
- 1149
- 1150
- 1151
- 1152
- 1153
- 1154
- 1155
- 1156
- 1157
- 1158
- 1159
- 1160
- 1161
- 1162
- 1163
- 1164
- 1165
- 1166
- 1167
- 1168
- 1169
- 1170
- 1171
- 1172
- 1173
- 1174

- 1175
- 1176
- 1177
- 1178
- 1179
- 1180
- 1181
- 1182
- 1183
- 1184
- 1185
- 1186
- 1187
- 1188
- 1189
- 1190
- 1191
- 1192
- 1193
- 1194
- 1195
- 1196
- 1197
- 1198
- 1199
- 1200
- 1201
- 1202
- 1203
- 1204
- 1205
- 1206
- 1207
- 1208
- 1209
- 1210
- 1211
- 1212
- 1213
- 1214
- 1215
- 1216
- 1217
- 1218

■ 1219
■ 1220

Леонид Млечин, Дмитрий Волкогонов
10 вождей. От Ленина до Путина

Дмитрий Волкогонов. Семь вождей

Вместо введения: Тропа вождей

Проблема власти была основной
у Ленина и всех следовавших за ним.

Н. Бердяев

Да, именно тропа. Человечество, по мере роста своей цивилизованности, все увереннее выходило на широкую дорогу прогресса. И лишь диктаторские, тоталитарные режимы следовали по обочине исторического пути. Во главе таких государств были не народом избранные руководители, а выдвинутые, «посаженные», «вознесенные» экстремистской частью общества вожди типа Франко, Салазара, Муссолини, Гитлера, Ким Ир Сена, Хусейна. Но, заметьте, никто из них, уклоняясь от общечеловеческой дороги народовластия, демократии, парламентаризма, не привел свои страны к процветанию, согласию, торжеству гуманизма и свободы.

Семь десятилетий XX века советская Россия шла по указанной Лениным тропе. Ей удалось стать сверхмощной военной державой, которую боялся весь мир. Страна создала могучий технический, индустриальный, военный и научный потенциалы, которые, однако, не сделали людей счастливыми и свободными. Держава по имени СССР первой вырвалась в космос, но это не изменило к лучшему положения с нарушениями прав человека в стране. Народ, совершивший «Великую Октябрьскую социалистическую революцию», победивший в Великой Отечественной войне, приступивший к «Великим стройкам коммунизма», не добился в результате ни свободы, ни процветания. Он «кучно» шел по ленинской тропе, где «масса» могла дружно двигаться, а отдельному человеку было тесно…

Россия, жившая столетия под чередой царей, в 1917 году перешла к новой форме абсолютизма – большевистскому вождизму. За почти семь десятилетий существования СССР, по случайному стечению исторических обстоятельств, было тоже семь лидеров, управлявших страной. Правда, один из них командовал государством более трех десятилетий, а два предпоследних едва протянули немного больше, чем по году.

Книга, которую вы держите в руках, о семи первых лицах, стоявших во главе советского государства, от Ленина до Горбачева. В то же время книга, которую автор предлагает читателю, состоит как бы из семи небольших книг, посвященных В.И. Ленину, И.В. Сталину, Н.С. Хрущеву, Л.И. Брежневу, Ю.В.

Андропову, К.У. Черненко, М.С. Горбачеву. Каждая «книга», имея самостоятельное значение, тем не менее связана общим замыслом: показать историю верховной власти великой страны в лицах ее вождей за семь десятилетий. Разумеется, портрет любого лидера единственной партии в стране (а для СССР это всегда и фактический глава государства) не может охватить всего богатства качеств, черт, событий, характеризующих историю народа. Но нечто общее, нечто существенное для страны, для режима, для системы представленные в книге портреты отражают. Что же конкретно?

Ни одного из семи вождей народ «на правление» страной никогда, ни разу (!) не избирал. Как бы сейчас сказали, все большевистские руководители были нелегитимными, «незаконными». Власть, часто после жестокой, но невидимой борьбы на самом верху, просто передавалась из рук в руки внутри узкого клана «профессиональных революционеров». Высшая власть всегда была в руках партийных лидеров единственной партии, узурпировавшей власть в результате государственного переворота в октябре 1917 года. Долгие годы народом правили люди, которые не имели на это законного права. Все они, без исключения, переносили ожидаемые, постоянно обещаемые блага для людей в неопределенное будущее.

Все семь вождей считали себя марксистами и всегда хотели выглядеть правоверными «ленинцами». Каждый находился в жестком прокрустовом ложе большевистских принципов: руководящая роль коммунистической партии, первенство классового подхода, господство государственной собственности и ленинской идеологии, примат власти над законом, коминтерновское мышление. Все вожди до мозга костей были политиками и, естественно, считали глубоко вторичной мораль. Отсюда безусловное первенство массы, класса, коллектива в ущерб конкретной личности. Жесткость этих большевистских постулатов обусловила догматизм мышления советских вождей, за исключением, возможно, «вождя» последнего. Марксизм-ленинизм для лидеров (как и для народа) являлся фактически светской религией, в которую прежде всего нужно было верить и не подвергать сомнению.

Все семь вождей выходцы из провинции. Ни один лидер ВКП(б) – КПСС не был коренным «воспитанником» столичных организаций большевистской партии. Провинциализм всегда более консервативен и ортодоксален. Ни один вождь не имел «чистого» пролетарского происхождения, хотя все признавали и не уставали божиться «ведущей» ролью рабочего класса. Это, однако, лишь подчеркивает положение, что «социальный расизм»,

после того как была захвачена власть, не имел для руководства страной и партией решающего значения. «Руководил» не рабочий класс, а быстро сформировавшаяся бюрократическая партократия. Лидеры имели весьма отдаленное отношение к рабочим, крестьянам, интеллигенции, ибо все они вышли из самой глубины «профессиональных партократов». Интеллектуальный, образовательный, культурный уровень всех вождей (за исключением «вождя» последнего) был весьма низким. Даже Ленин, человек с мощным умом, имел одномерную, сугубо политическую интеллектуальную силу, что в огромной мере обедняет человека. Он был далек от русской культуры, достижений ее выдающихся мыслителей.

Все семь лидеров знали страну, которой управляли. Но каждый знал ее по-своему, что и предопределило их достоинства и решающие просчеты.

Первый вождь, Ленин, «знал» Россию как политэмигрант, по-книжному, газетному, партийному. Политические очки врага царизма и буржуазной демократии обрекли его на метафизическое, чисто «революционное» видение империи, а затем и российской советской республики. Ленин никогда и нигде не работал (в обычном понимании этого слова), что имеет огромное значение в познании действительности. Полтора года в качестве помощника присяжного поверенного, без знания промышленности, сельского хозяйства (хотя одно время был совладельцем имения), давали весьма поверхностное представление о глубинных процессах российской жизни. Отсюда многие роковые ошибки, в частности уверенность в том, что можно сразу, непосредственно «ввести коммунизм»; непонимание цементирующей роли губерний в многонациональном государстве и постепенное их разрушение; враждебное отношение к крестьянству и уверенность в том, что ликвидация целых социальных групп в обществе, так же как религии и церкви, приблизит его «советизацию», и другие исторические просчеты. Известный меньшевик Р.А. Абрамович характеризует деятельность Ленина в начале 1918 года как «историю буйного припадка утопизма в форме военного коммунизма». «В начале 1918 года, – писал Абрамович, – Ленин почти на каждом заседании Совнаркома настаивал на том, что в России социализм можно осуществить в шесть месяцев… Шесть месяцев, а не шесть десятилетий или, по крайней мере, шесть лет? Но нет, Ленин настаивал на шести месяцах. И в марте 1918 года началось проведение этого плана непосредственного перехода к коммунистическому производству и распределению»{1}. Ленин безжалостно экспериментировал над гигантским государством и

великим народом, создавая систему большевистского абсолютизма. Его главный просчет – ставка и вера в принципиальную возможность полного превращения нашей планеты в коммунистическую.

Второй вождь – Сталин – был представителем немногочисленного деклассированного мира России. Человек, не имевший профессии и никогда не работавший, знал страну как захватчик власти, безжалостный диктатор, глава большевистского клана. Его знание России сугубо функциональное: что и как можно использовать для укрепления режима личной власти, укрепления «пролетарской диктатуры». Сталин полностью унаследовал ленинские «способности» к социальному экспериментаторству над гигантской страной (кровавая коллективизация, чудовищная «чистка», «дружба» с фашизмом…). Дело совсем не в «культе личности», как КПСС пыталась изобразить внешнее выражение тоталитарной тирании. Суть в полном отчуждении людей от права распоряжаться своей судьбой, права свободно мыслить, права делать независимый выбор. Сталин в предельно вульгарной форме выразил квинтэссенцию большевистской власти, где не осталось ни малейших шансов для свободы человека: «Диктатура пролетариата состоит из руководящих указаний партии плюс проведение этих указаний массовыми организациями пролетариата, плюс их претворение в жизнь населением»{2}. Со временем второй вождь уверовал, что так может быть всегда и везде. Основной просчет второго вождя заключался в фанатичной, глубоко ошибочной вере, особенно после победы советского народа в Великой Отечественной войне, в то, что история «подтвердила» его правоту в стратегии и методах развития советского государства. И всех других, которые стали его вассалами.

Третий «вождь» советского государства – Хрущев – знал страну, вероятно, лучше первых руководителей СССР. Но знал эмпирически, во многом без понимания глубинных тенденций и закономерностей развития общества. Однако не может не вызывать уважения неуемная энергия Хрущева в стремлении познать и реформировать страну. Но с этим стремлением постоянно приходил в противоречие большевистский волюнтаризм лидера. Его роковая ошибка: он наивно полагал (как и все мы), что ущербности ленинской системы не будет, если только удалить коросту «культа личности». Он был пленником Великой Утопии. Хрущев всерьез верил в возможность «волевого» приближения лучезарного будущего – коммунизма. Всего через два десятилетия! Третий «вождь» не знал, видимо, о существовании в давние времена Сен-Симона, Фурье, Оуэна. Но

Хрущев был не просто мечтателем – он верил в реализацию своих планов…

Четвертый «вождь» партии и страны – Брежнев – познавал общество через традиционные партийные очки. Он оказался, вероятно, наиболее последовательным выразителем системы. Для этого лидера Советский Союз был прежде всего ленинским плодом коммунизма, который нужно любой ценой сохранить, законсервировать, сберечь. Невозмутимый и последовательный проводник «курса» познавал страну через партийные донесения, рапорты и доклады. Он был доволен стагнацией, которую искренне принимал за стабильность. Как вспоминал помощник четырех генсеков КПСС А.М. Александров-Агентов, Брежнев «был хороший практический руководитель областного уровня, но для поста руководителя великой державы и великой партии ему много явно недоставало»{3}. Это и неудивительно: народ ни его, ни других «вождей» не уполномочивал на «правление», он не только не имел данных для всесоюзного лидера, он не имел на это права… Суть его главной ошибки: Брежнев хотел добиться всего, ничего не меняя.

Пятый «вождь» ленинской системы – Андропов – был умнее многих руководителей СССР. Он знал, что делается в стране и что ее ждет, намного лучше других. Но его знание общества было «кагэбэшным», полицейским. Многолетний руководитель спецслужб СССР, безусловно, хотел позитивных перемен в стране, но был намерен добиться их прежде всего административными мерами. Для него Лубянка осталась «пиком Коммунизма», откуда было легче озирать государство и укреплять его мощь, прежде всего военную. Андропов был большевистским ортодоксом; его глубокое знание истинного положения в стране не рождало такого же желания радикальных позитивных перемен. А может, он просто не успел о них заявить… Генсек, питомец КГБ, хотел укрепить, «улучшить» большевистскую систему, не затрагивая «ленинских основ».

Шестой «вождь» советского государства – Черненко – знал страну как высокопоставленный партийный чиновник. Он искренне верил, что справками, докладами, решениями, постановлениями можно изменить общество, но тоже в рамках «ленинских норм» и традиций. Для этого нелепого, но исторически не случайного лидера сама страна была главным «бумажным делом». Черненко вообще ничего не пытался, кроме как остаться номинальным главой партии и государства. Предпоследний генсек промелькнул на небосводе советской истории, как Петр II династии Романовых, не оставив никакого следа…

Седьмой и последний «вождь» партии и советского государства – Горбачев – человек классической партийной карьеры. Первые годы «правления» чувствовалось, что он знает страну как партийный лидер провинциального масштаба. Но со временем и достаточно быстро постиг нечто очень важное: внутренние проблемы в такой огромной стране трудно решать вне планетарного контекста и ставки на широкую Реформацию. Его знание множества проблем, которыми была больна страна, слабо, однако, сочеталось с прогностическими и волевыми компонентами управления. Главный просчет Горбачева: он надеялся реформировать и сохранить коммунистическую систему, что в принципе невозможно. Однако его великие «заделы» по устранению угрозы ядерной войны, открытию шлюзов гласности, ставка на демократические перемены в обществе сделали Горбачева эпохальной исторической личностью, роль которой полностью будет оценена лишь за порогом XXI столетия.

Каждый вождь, окруженный партийной элитой, знал по-своему страну, общество, свой народ. Но при этом у всех господствовало конфронтационное, классовое мышление. Коммунистическая идеология вся «замешена» на борьбе: с внутренними и внешними врагами, природой, другими системами и идеологиями. Но вожди «просмотрели» то обстоятельство, что постепенно господствующими тенденциями в мировом развитии стали интеграционные процессы, переход от конфронтации к сотрудничеству, социальному объединению, поиску гармонизированных форм сосуществования землян. Мысль вождей, всех нас была как бы в «окопах», в вечной непримиримости и борьбе со всем, что не совпадает с марксистскими схемами и большевистским мироощущением. Это вело к консервации созданной Лениным системы, «застылости» общественного сознания, враждебности и недоверию к чужому социальному опыту. В конечном счете это привело к утрате великим народом способности к цивилизованным, эволюционным переменам в социальной сфере. Стремление «разрушить старый мир до основанья» создало у людей устойчивую черту, склонность к радикализму, бунту, потрясениям, взрывам.

Горбачев первым из семерки большевистских вождей заставил мыслящих людей глубоко задуматься над этим судьбоносным вопросом. Но задуматься – не значит переосмыслить…

Сейчас, в посткоммунистическое время (впрочем, большевики могут еще на какое-то время вернуться, их уход пока не приобрел необратимого характера), новым лидерам России, которые, хотят

того или нет, получили в наследие огромный «советский багаж», в котором много горького, уцененного историей, как, впрочем, и такого, что может послужить в настоящем и будущем, важно постоянно помнить о нескольких исторических обстоятельствах.

Во-первых, нельзя забывать, что над нами довлеет не только семидесятилетняя эпоха большевистского абсолютизма, но и многовековая история российского самодержавия. Историческая летопись государства нашего, сложившегося во второй половине первого тысячелетия нашей эры, до России начала XX века оказывала и будет оказывать внешне незаметное, но огромное влияние на жизнь великого народа в настоящем и будущем. В обоих временных пластах было не только то, что навсегда уценено историей, но и нечто такое, что имеет непреходящее значение (бесплатное образование, медицинское обеспечение, меры социальной защиты граждан в социалистической стране и т. д.). Поэтому, возможно, социально-демократический «коридор» есть наилучший путь выхода страны из нынешнего тотального кризиса. Ведь социально-демократическая идея наиболее продуктивно обосновала, например, синтезирование (в той мере, насколько это вообще возможно) чаяний социальной справедливости со свободным рынком.

Во-вторых. Россия «распята» между Азией и Европой. Это не Азия и не Европа. Она – Евроазия. Это проклятие и благодать. Мы веками отстаем от цивилизованных стран в социальном опыте развития. Ведь глубинный мотив ленинского радикализма и его последователей как раз заключался в попытке исторического опережения других цивилизаций. Не получилось. Но это не значит, что мы обречены лишь на копирование чужих схем, моделей, подходов и образа мышления. Тем более что идеальных обществ не бывает. Как фактический призыв Горбачева «назад к Ленину», так и стремление радикальной демократии равняться только на западные ценности – это все старая метафизика. Поэтому давно пора отказаться от разговоров, от попыток «строить» социализм или капитализм. Начало XXI века на планете пройдет под знаком дальнейшего освобождения от тоталитарных, авторитарных традиций и достижения новых ступеней цивилизованности. Россия – как Евроазия… Она, Россия, «распята» не между континентами, а между цивилизациями. Ей не хватает (при колоссальном интеллектуальном потенциале) европейской культуры и азиатского трудолюбия. Нужно брать все лучшее и на Западе, и на Востоке, но не подражать слепо. Наше «заимствование» марксизма и перенесение его на российскую почву горькое историческое предупреждение.

В-третьих. Следует понять, что жизнестойкость режима,

возглавлявшегося семью лидерами, не в последнюю очередь определялась ясными (хотя и утопическими) ориентирами общественного развития. Сейчас для большей части россиян эта ясность исторических вех утрачена, что в немалой степени обесценивает, обессмысливает и обессиливает курс Реформации. Нельзя отказать большевистской Системе и ее вождям: они знали, чего они хотят. Правда, с вопросом, как достичь коммунистического процветания, дело обстояло неизмеримо хуже. Сегодня нам нужны объединяющая идея, обновленные ценности, общенациональные идеалы «российского прогресса», которые базировались бы не только на отрицании, но прежде всего на созидании. Может быть, это самое трудное в процессе перелома судьбы России. Комплекс этих идей не может просто родиться в голове нового мессии, на каком-то съезде, сессии, конференции. «Контуры» этих идей, однако, уже витают в воздухе; но нужны новая логика мышления и действий людей, которые, наконец, должны осознать, что не «классовая борьба», не поиск новых «врагов» и «спасителей» выведут страну из кризиса. Демократические «компоненты» русской идеи, основанные на уважении свободы, гармонии прав человека и гражданского общества, могут помочь освободить людей от духовного смятения.

Итак: «семь вождей». Почему первых двух я не беру в кавычки, а остальных «закавычиваю»? Дело в том, что лишь первые – Ленин и Сталин – не только обладали властью диктаторов, но и в глазах людей были подлинными вождями-предводителями. Само понятие «социальная реформа» во время бытия этих лидеров у власти носило ярко выраженный негативный характер. У этих вождей, кроме неограниченной власти, было нечто мистическое, иррациональное, революционно-классическое. В сознании простых людей это были действительно вожди; достаточно вспомнить сцены похорон Ленина и Сталина с их неподдельной скорбью и эмоциональными переживаниями.

Все последующие пять лидеров уже не несли печати таких же большевистских «вождей»; в стиль их правления исподволь и незаметно вошел, под влиянием внешних обстоятельств, некий элемент реформизма и даже внешнего либерализма. Я не могу без кавычек писать об этих лидерах, как о «вождях», если речь идет о Хрущеве или Брежневе, Андропове или Черненко, не говоря уже о Горбачеве. У них власти было по-прежнему больше, чем у российских императоров, но… все они жили и творили уже во второй половине XX века. Прогресс исторический – понятие не отвлеченное, и он не мог не сказаться на стиле и методах правления этих могущественных лидеров.

В истории власти в СССР возможно рельефно просмотреть две противостоящие и противоборствующие тенденции.

Первая, начатая Лениным и Сталиным и продолженная Брежневым, Андроповым и Черненко, была откровенно большевистски-ортодоксальной, сугубо консервативной. Все их «преобразования» даже в малейшей степени не затрагивали основ и устоев системы, родившейся после октябрьского переворота 1917 года. Огромную роль в живучести консервативной тенденции играет историческая инерция, обожествление исходных постулатов в создании системы. Это целая философия, делающая ставку на абсолютизацию верности пройденного, безграничную веру в единую государственную идеологию.

Вторая тенденция, реформаторская, нашла свое проявление и выражение в деятельности третьего и седьмого «вождей» – Хрущева и Горбачева. Если хрущевские реформы носили в основном «очищающий», отрицающий «культ личности» характер (но не сталинизм!), то последний «вождь» стал инициатором самой крупной Реформации в XX веке.

Все семь «книг» в корочках это издания, которое вы держите в руках, рассказывают об истории верховной власти большевистских лидеров в СССР. Разумеется, это только один из возможных срезов историософического анализа. Давно замечено, что люди более охотно знакомятся с историей через призму судеб конкретных личностей. А здесь представлены те, которые вершили дела великого народа и определяли, например: идти ли Красной Армии в 1920 году походом на Варшаву; сохранить или упразднить в России губернии; «дружить» или не «дружить» с Гитлером; расстрелять или не расстреливать 21 тысячу польских офицеров; воевать ли с Финляндией; посылать ли ядерные ракеты на Кубу; разворачивать ли ракеты «СС-20» в Восточной Европе; «вводить» войска в Афганистан или нет; «помиловать» ли Сахарова…

У этих людей была колоссальная власть, которая, однако, именно в силу своего избытка и монопольной бесконтрольности подверглась необратимой эрозии. Глубинные причины тотального кризиса системы, ее власти – многочисленны. Назовем лишь некоторые из них.

Крушение ленинского большевизма было предопределено **генетическими причинами;** в своей основе марксизм, абсолютизировавший ряд факторов общественного развития, стал претендовать на роль универсальной теории. Мы в это верили. «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно»[{4}], – провозгласил Ленин в марте 1913 года. «Всесильный» марксизм с огромным интеллектуальным тщеславием заявил о реальной

возможности «построения» справедливого общества на земле, где не будет ни богатых, ни бедных. Свою стратегическую цель – построение коммунистического общества, провозглашенную в знаменитом «Манифесте», родоначальники марксизма предопределили главным условием. Эта цель может быть достигнута «лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего строя». «Насильственного…»

Пересаженный на российскую почву марксизм принял разновидность ленинизма – наиболее уродливой формы «коммунистического переустройства мира». Партия и все ее семь вождей следовали и логике, и букве ленинизма. М.С. Горбачев, безусловно, лучший из всех советских лидеров, заявил 15 октября 1987 года на заседании политбюро: важно «перекинуть мост от Ленина, связать ленинские идеи, ленинские подходы к событиям тех лет с делами сегодняшних наших дней. Ведь та диалектика, с которой решал вопросы Ленин, это ключ к решению нынешних задач»[{5}].

Ленинский ключ подходил к тем вратам, которые не вели к истине…

Политические причины крушения ленинской системы лежат в классовой нетерпимости, социальной агрессивности к тем, кто не разделяет марксистских взглядов. Эта глубокая конфликтность социальной практики взлелеяла со временем чудовищный сталинский режим, с коим часто олицетворяются все главные грехи марксизма-ленинизма. Большевики были апологетами гражданской войны, в которой они видели средство ликвидации всех социальных групп, не разделяющих их взгляды. И они хотели перенести эту методологию на остальные страны, как важнейшее условие разжигания мировой пролетарской революции. Н.И. Бухарин, к которому мы относимся с сочувствием и симпатией из-за личной трагической судьбы, писал, однако: «…гражданская война в более «культурных» странах должна быть еще более жестокой, беспощадной, исключающей всякую почву для «мирных» и «законодательных» методов»[{6}].

Со времени октябрьского переворота большевики продолжали вести гражданскую войну против собственного народа, сохраняя ее тлеющие угли и после Сталина в виде угрозы насилия, всеобъемлющего контроля, низведения личности до простого «винтика» системы. И это называлось «пролетарской демократией»! В.И. Ленин, в самой неприличной форме «сокрушая» К. Каутского, утверждал: «Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики»[{7}].

Ленинский большевизм мышления, ярко выраженный в приведенной выше фразе, сохранялся на протяжении десятилетий у всех советских вождей.

Духовные причины разрушения ленинской системы находятся в претензии марксизма, что только с пролетарских революций начинается подлинная история человечества. Методология ленинизма – это, по сути, концепция «прерванной истории». Отринув многое из тысячелетней мировой и отечественной культуры, большевизм, и без того убогий в своей одномерности, фактически пытался сделать политические мифы марксизма основным содержанием духовной жизни советских людей. Судьбы Есенина, Мандельштама, Пастернака, Зощенко, Ахматовой, Платонова, Бабеля, Мейерхольда, многих-многих других «творцов духа» свидетельствуют об ущербности системы, не способной быть в ладу с правдомыслием. Идеологизированное общественное и индивидуальное сознание было почвой укоренения дуализма мышления, глубокого скепсиса в отношении усилий гигантской пропагандистской машины и просто человеческого равнодушия.

Идеология в тоталитарном государстве – это своеобразная униформа, которая в конце концов не может сокрыть духовной нищеты.

Формирование глубокого историософического взгляда на семь советских десятилетий – дело будущего. Автор надеется, что представленные здесь семь очерков-книжек о вождях большевистской системы посильно помогут в этом деле.

Я знаю, что «Семь вождей», как и моя книга о Ленине, найдут не только благожелательных читателей, но и много воинственных оппонентов. Книга о Ленине полностью замолчана демократической печатью (видимо, она шокировала тех, кто прагматически присматривается: в каком направлении будут развиваться события?), но удостоилась множества негативных, оскорбительных откликов в коммунистической прессе. Я хочу видеть в этом похвалу истине, к которой стремился.

Теперь несколько слов о взглядах автора этого двухтомника. Мои многочисленные недоброжелатели часто обвиняют меня в оппортунизме и пристрастности. Вообще полностью беспристрастным, думаю, можно быть только «теоретически». Я долгие годы был ортодоксальным марксистом и только к исходу своей жизни, после долгой внутренней и мучительной борьбы, смог освободиться от химер большевистской идеологии. Испытав после этого огромное душевное облегчение и какую-то неизбывную печаль: столько лет быть в плену утопии!

Может быть, единственное, что я сделал в этой жизни, – смог

порвать с тем, чему молился долгие годы. И честно сказал об этом везде: с трибун съездов, высоких совещаний, в книгах, беседах с множеством людей. Я несу свою часть общего греха за прошлое. И намерен выразить свое покаяние скромными делами по примирению взъерошенного общества, которому больше всего нужно согласие.

То, что написано здесь, в этой книге, опирается на несколько групп источников. Прежде всего сам я, как и миллионы других россиян, был участником и свидетелем многих событий. Большую пользу принесла в написании этой книги мемуарная и аналитическая литература последних лет. Хотел бы отметить в этой связи книги А.Н. Яковлева, Г.К. Шахназарова, А.М. Александрова-Агентова, А.С. Черняева, А.С. Грачева, Р.А. Медведева, М. Геллера, В. Соловьева и Е. Клепиковой, А.А. Громыко и некоторых других. Неоценимую услугу оказали мне директора и работники хранилищ архивных документов: ГАРФ, АПРФ, РЦХИДНИ, ЦХСД, ЦАМО, РЦХАК и некоторых других. Я смог в последние годы ознакомиться со многими документами ЦК КПСС, его политбюро. Эти документы стали доступными после работы парламентской Комиссии, которую я возглавлял в 1992–1993 годах как председатель. Комиссия открыла для общего пользования 78 миллионов файлов, десятилетиями томившихся в секретном партийном заточении.

И последнее. Еще до начала горбачевской Реформации, наблюдая порой уродливые гримасы нашего бытия, я мог сказать самому себе словами Тихона из «Бесов» Достоевского: «По несовершенству веры своей сомневаюсь». Оно, это «несовершенство веры», питалось догматизмом утопии.

Сначала ко мне пришло разочарование в идее, подобное печальной горечи духовного похмелья. Затем – интеллектуальное смятение. Наконец, решимость встретиться с истиной и понять ее.

По своим взглядам я, скорее всего, принадлежу к людям, разделяющим идеи социальной демократии. На последнем, XXVIII съезде КПСС я заявил об этом с трибуны, но мне не дали закончить выступление.

Моя жизнь прошла во времена «правления» шести вождей; с четырьмя последними я имел непродолжительные рабочие контакты, связанные с моей деятельностью трехзвездного генерала. Я многое видел и немало знал. Это помогло мне в подготовке книги.

У меня нет предубеждения к лицам, которые я запечатлел в галерее из семи портретов. Даже к Сталину, из-за которого был расстрелян мой отец, умерла мать в ссылке, погибли другие родственники.

Истории бессмысленно мстить. Как и нельзя смеяться над ней. Ее нужно понять.

Прошлое необратимо. Настоящее не завершено. Будущее уже начато.

Вождь первый: Владимир Ленин

Ленин антигуманист, как и антидемократ.

Н. Бердяев

Ульянов-Ленин был первым не только потому, что основал коммунистическую партию, советское государство и большевистскую систему в России. Он считался первым по своему влиянию, исторической роли, политическому авторитету не только среди своих единомышленников. Бесчисленные недруги, ненавистники, «классовые» противники признавали его лидером движения, которое грозило со временем охватить кумачом весь мир.

Век XX выдвинул на политическую сцену немало руководителей мировой величины: Черчилль, Рузвельт, де Голль, Аденауэр, Мао Цзэдун, Гитлер, Сталин, Насер, Неру… Но, бесспорно, никто из них не оказал такого влияния на ход мировой истории, как Владимир Ленин. И сделать это ему удалось за шесть с небольшим лет: с момента октябрьского переворота в 1917 году (по своему значению в дальнейшем ставшего крупнейшей революцией столетия) до ранней кончины в 1924 году. Если учесть, что фактически почти два года из этого срока Ленин был серьезно болен и принимал ограниченное, а затем и просто символическое участие в политической жизни страны и партии, то еще раз приходишь к выводу: это был лидер планетарного масштаба.

Я пока не говорю о ценностных координатах его деятельности, о том, как оценила и оценит история роль начатого им в XX веке крупнейшего эксперимента в истории человечества. Этот невзрачный с виду человек, лысый, коренастый, похожий на умного мастерового с усталыми глазами, оказался историческим гигантом. Его роль в человеческой цивилизации огромна хотя бы уже потому, что от ленинского эксперимента выиграл весь мир, кроме самой России. Мой вывод кажется парадоксальным. Но это только на первый взгляд. Дело в том, что после октября 1917 года в России проницательные политики, мыслители, общественные деятели во множестве государств, увидев методы и методологию «осчастливливания» великого народа гигантской страны, в страхе отпрянули от представшей их взору картины.

Движение к «справедливому, бесклассовому обществу» в России началось с неограниченного насилия, лишения миллионов

людей всех прав, кроме одного – безоговорочно поддерживать большевистскую политику. Даже те, кто поначалу симпатизировал русской революции, вскоре, как в историческом зеркале, увидели свое возможное будущее: монополию одной политической силы, мифологизированное сознание, «гарантированную» бедность, физическое и духовное насилие, обязательный атеизм и, естественно, отшатнулись от этой «лучезарной» возможности. Большинство стран мира (но не все) избежали своего «октября».

Говоря об этом, я думаю, насколько в человеческой истории, движущейся в русле определенных закономерностей, велика роль случайностей. Редчайшая комбинация военных, политических, социальных и личностных факторов в России осенью 1917 года создала ситуацию, когда нужно было лишь точно определить момент: в какой день и час подобрать власть, фактически валявшуюся на мостовых Петрограда. И этот момент безошибочно определил Ленин. Не будь этой проницательности вождя, переворот мог и не состояться. И это не мое мнение. Второй человек в русской революции – Л.Д. Троцкий, находясь уже в изгнании, писал, что, не окажись Ленин в октябре 1917 года в Петрограде, революционный переворот не произошел бы. Вождь в эти дни проявил нечеловеческую энергию и напор: требовал, подталкивал, вдохновлял, угрожал, настаивал, направлял… И добился-таки своего.

Но, обращаясь к Троцкому, снова заметим: если бы в этот момент в Петрограде не было Ленина, все могло быть по-другому – или нашелся бы новый, более удачливый генерал, чем Корнилов, либо Керенский смог бы как-то устоять. Все зависело, в известном смысле, еще от… одного, лишь одного человека: Павла Николаевича Малянтовича, министра юстиции Временного правительства. Он в соответствии с решением правительства подписал «Постановление Петроградской следственной власти», согласно которому «Ульянов-Ленин подлежит аресту в качестве ответственного по делу о вооруженном выступлении третьего-пятого июля в Петрограде. Ввиду его поручаю Вам распорядиться немедленным исполнением этого постановления»{8}.

Керенский и Малянтович недооценили умение Ленина соблюдать «революционную конспирацию». Вялые поиски Ульянова-Ленина, которые велись с лета 1917 года, не дали результата, а вождь, как тот же Троцкий, не захотел передать себя добровольно в руки правосудия. Истории (или ее случайности?!) было угодно все определить по-другому. Малянтович, по словам его сына Владимира, с горечью говорил в тридцатые годы: «Если бы он исполнил приказ Временного правительства об аресте

Ленина, то всех этих ужасов не было бы»[9]. Он был арестован и, конечно, расстрелян большевиками, но много лет спустя, 22 января 1940 года. А жене П.Н. Малянтовича, Анжелике Павловне, В.В. Ульрих, кровавый прокурор большевиков, заявил, что ее муж «осужден на 10 лет без права переписки и отправлен в восточные лагеря». Бедная старая женщина, ослепшая от горя, долгие годы ждала весточки от старше чем семидесятилетнего, давно расстрелянного мужа, пока не скончалась в декабре 1953 года. Возможно, эта история была своеобразной расплатой за неисполнение П.Н. Малянтовичем распоряжения Керенского…

Но нет. Все произошло так, как произошло. Триумфальный переворот, ставший революцией, состоялся. Ее мозгом, пружиной, «рулевым» стал Ульянов-Ленин.

Отныне ему не грозила судьба быть полузабытым в истории, как Е.К. Брешко-Брешковской, П.Л. Лаврову, Н.К. Михайловскому, М.И. Туган-Барановскому и другим российским социалистам. Он стал самым крупным политиком и революционером XX столетия. Шрам, оставленный его учением и практикой в истории человеческой цивилизации, глубок. Даже сейчас, когда уже совершенно ясно, что семидесятилетний эксперимент, начатый первым вождем СССР, потерпел полную историческую неудачу, у Ленина и его учения сохранились в России миллионы поклонников и почитателей. Значительно меньше открытых оппонентов, принципиально отвергающих ленинизм. Я принадлежу к их числу. После того как десятилетия находился в лагере его приверженцев. Но сегодня в моем отечестве больше всего тех, кто равнодушен к человеку, который, возможно, руководствуясь самыми благими намерениями, убедил, заставил их пойти по ложному пути. Ведь диктатура, апологетика классовых начал, социальный расизм, однодумство, террор, претензия на абсолютную истинность учения русифицированного марксизма, будучи вехами на этом пути, не могли не привести в конце концов к огромной исторической неудаче.

Ленин был одномерным человеком. Как выяснилось, когда ему исполнилось уже сорок семь лет, любил он только одно: власть, власть, власть… И все, что обеспечивало ее: огромную, бесконтрольную, диктаторскую.

Не любил вождь гораздо больше: самодержавие, буржуазию, помещиков, меньшевиков, эсеров, кулаков, духовенство, религию, либералов, мещанство, парламенты, реформизм, оппортунизм, социал-демократию, российскую интеллигенцию, колеблющихся, смятенных, всех, кто не с ним… Перечислять, кого и что не любил Ленин, можно очень долго. Он не любил весь старый мир. А посему, раз власть оказалась у руководимых им большевиков, все

это нужно снести, сбросить, как говаривал ленинский единомышленник с 1917 года Троцкий, «в сточную канаву истории». В результате ленинцы уничтожили в России целые классы и сословия, тысячи церковных храмов, по вине Ленина сгинули тринадцать миллионов соотечественников в Гражданской войне, два миллиона изгнали за околицу отечества, ну а царя с семьей при таком раскладе, конечно же, никак не могли оставить в живых.

Правда, в те сутки, когда Москва уже дала приказ на уничтожение и в ночь с 16 на 17 июля 1918 года злодейство свершилось, вождь счел необходимым лично ответить копенгагенской газете National Tidende: «Слух неверен, бывший царь здоров, все слухи – ложь капиталистической прессы. Ленин»{10}. Хотя, как мне удалось установить на основе целого ряда фактов и свидетельств, Ленин стоял у самых истоков страшного решения по уничтожению бывшего российского императора и его семьи. Обо всем этом я написал в двухтомнике «Ленин», вышедшем в Москве в 1994 году. Известно, что сообщение о злодействе было обсуждено на заседании Президиума ВЦИК 18 июля 1918 года и полностью одобрено.

Опыт политических убийств своих политических противников Ленину пригодится еще не раз. В конце января – начале февраля 1920 года Ленин, узнав об аресте Колчака, пишет записку заместителю Председателя Реввоенсовета Республики Э.М. Склянскому:

«Пошлите Смирнову шифровку. Не распространяйте никаких вестей о Колчаке (который к этому времени был передан чехословаками Политическому центру, состоявшему из эсеров и меньшевиков. – *Д.В.),* не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступили так и так (выделено мной. – *Д.В.)* под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. Ленин (подпись тоже шифром)»{11}.

Все было сделано в соответствии с тайными ленинскими указаниями. Власть в Иркутске перешла в руки большевиков 21 января, как и арестованный Колчак. Директива Ленина была выполнена Председателем Революционного комитета И.Н. Смирновым точно и пунктуально. Ревком на своем заседании приговорил Колчака и Председателя Совета Министров Омского правительства В.Н. Пепеляева к расстрелу. Через несколько часов «приговор» был приведен в исполнение. Смирнов, в соответствии с указанием Ленина, прислал в «Правду» телеграмму: «Иркутский революционный комитет, имея сведения о подготовке

контрреволюционного выступления офицеров с целью свержения власти и освобождения арестованного чехами и переданного затем революционной власти Колчака, не имея возможности снестись с Сибирским революционным комитетом, благодаря повреждению телеграфных проводов Иркутска… в своем заседании от 7 февраля, с целью предотвратить столкновение, постановил адмирала Колчака расстрелять… Приговор был приведен в исполнение в тот же день»[12].

Это кровавый «штрих» к характеристике «вождя всемирного пролетариата» и пониманию того, у кого учился Сталин – вождь второй в перечне большевистских лидеров, правивших великой страной на протяжении семи десятилетий.

Ленин умер очень рано, пятидесяти трех лет от роду. Но за несколько последних лет своей жизни сделал страшно много: разрушил старую империю и создал новую, уничтожил прежний общественный строй, заложив основы совсем иного уклада. Пообещав людям мир и землю, он на долгие десятилетия отобрал у них февральскую свободу. А без нее цена земли и мира ничтожна, тем более что землю тут же национализировали, а войну империалистическую «преобразовали» в гражданскую, стоившую чудовищных жертв стране.

Выступая на пленуме Московского Совета вечером 20 ноября 1922 года в Большом театре (который, кстати, вождь хотел ликвидировать и заменить дюжиной агитбригад), как выяснилось, в последний раз «на народе», Ленин заявил: мы решили построить новый строй. «Есть маленькая, ничтожная кучка людей, называющая себя партией, которая за это взялась. Эта партийность – ничтожное зернышко во всем количестве трудящихся масс России. Это ничтожное зернышко поставило себе задачей, а именно переделать все, и оно переделало»[13].

Такое общество Ленин начал строить с первых дней после октябрьского переворота. Сделав собственников неимущими на основании почти шести десятков декретов, подписанных им, Ленин, как бы опасаясь, что все это когда-нибудь повернется вспять, пишет народному комиссару юстиции Д.И. Курскому записочку (любимая форма управления вождя):

«Не пора ли поставить на очередь вопрос об уничтожении документов частной собственности:

– нотариальные акты о землевладении

– фабриках

– недвижимости

и прочее и так далее. Подготовить тайно, без огласки. Захватить сначала…

Бумаги, по-моему, надо бы в *бумажную массу* превратить

(технически это изучить заранее)».

Исполнительный Курский тут же отвечает:

«Мера нелишняя и может быть проведена быстро, так как нотариальные архивы в наших руках».

Ленин доволен и резюмирует еще одной запиской наркому:

«Итак, Вы за это возьметесь без особого постановления СНК (и привлечете к совещанию об этом Комиссариат внутренних дел и др. Но тайно)»[14].

Отобрав все, что можно, Ленин заботится, чтобы не осталось даже следов частной собственности. Кто-кто, а он понимает, что нового общества на старом фундаменте не построить.

Юрист Ленин за свою короткую полуторагодовую практику в качестве помощника поверенного присяжного вел защиту всего по четырем-пяти мелким делам (бытовые воришки). Фактически почти все дела проиграл. Зато, когда в 1909 году в Париже виконт (фамилия в анналах истории не сохранилась, иначе стал бы знаменит) сбил автомобилем Ленина, ехавшего на велосипеде, пострадавший подал в суд, настойчиво боролся и выиграл иск. Он еще не знал тогда, что через восемь лет, в октябре 1917 года, выиграет «дело» века – получит власть в самой огромной стране мира. Но знать ли ему, что в этой победе, сказочно легкой и неожиданной, будут заложены семена грядущего исторического поражения.

У Ленина была похвальная слабость к иностранным словарям: русско-французский, немецко-французский, итало-французский, русско-английский… Читал их перед сном и в бессонницу. Может, это было оригинальным снотворным? Или революционер был уверен, что выиграл «дело» не только в России, но выиграет его и на всей планете, сделав ее красной, большевистской?

Конечно, уверен. На VIII съезде партии Ленин огласил написанное им приветствие рабочим Будапешта, где прямо говорилось: «Наш съездубежден в том, что недалеко то время, когда во всем мире победит коммунизм…»[15].

Таков был Ленин: самоуверенный и циничный, волевой и безжалостный. Ум его был уникальным по своей целеустремленности. Виктор Чернов писал о нем: «Ум Ленина был не широкий, но интенсивный, не творческий, но изворотливый, и в этом смысле изобретательный. Ленин не уважал чужих убеждений, не был проникнут пафосом свободы…»[16]. Но именно этому человеку было суждено совершить на планете в XX веке самые глубокие социальные потрясения.

В этом очерке о первом вожде большевистской партии и

советского государства я коснусь лишь некоторых черт его портрета. Кто хочет узнать о нем больше и глубже, прочтите мой двухтомник «Ленин», плод мучительных размышлений бывшего ортодоксального коммуниста, окончательно пришедшего к выводу, что все главные беды России в XX веке исходят от Ленина и ленинизма.

Редко кому удавалось в своей судьбе пройти за год-полтора путь от обычного эмигранта, которого знали только его партийцы, до человека, замахнувшегося на мировое коммунистическое владычество…

«Злой гений»

Да, именно так определил вождя большевиков А.Н. Потресов, хорошо знавший его лично, в книге, написанной в 1927 году: «Злодейски гениальный Ленин»{17}. Что же видел Потресов «гениального» и «злодейского» в вожде большевиков? Каков смысл парадокса, синтезировавшего гениальность и злодейство?

«Ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой не обладали секретом излучавшегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей, я бы сказал, господства над ними, – писал Александр Николаевич. – Плеханова почитали, Мартова любили, но только за Лениным беспрекословно шли, как за единственным бесспорным вождем. Ибо только Ленин представлял собою, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающего фанатичную веру в движение, в дело, с не меньшей верой в себя… Но за этими великими достоинствами скрываются также великие изъяны, отрицательные черты, которые, может быть, были бы уместны у какого-нибудь средневекового или азиатского завоевателя…»{18}

Ленин, как и положено гению, был лаконичен, говоря в свое время об авторе приведенных выше строк: «Экий подлец этот Потресов!»{19} Впрочем, о «гениальности» и «злодействе» Ленина говорил и писал не один Потресов. Марк Алданов уже обратил внимание на соотношение этих компонентов у Ленина: «черта гения в одном случае, черта варвара в ста других»{20}. Уточнение сколь существенное, столь и верное.

Вот одна иллюстрация «гениальности» и «злодейства» вождя большевиков.

В январе 1919 года Ленину из Петрограда пришло письмо от старого знакомого, социал-демократа Николая Александровича Рожкова, экономиста, публициста. В этом письме тот, в частности, излагал:

«Владимир Ильич, я пишу Вам это письмо не потому, что

надеюсь быть Вами услышанным и понятым, а по той причине, что не могу молчать… Должен предпринять даже безнадежную попытку». Далее Рожков пишет, что продовольственное положение Петрограда отчаянное: половина города обречена на голодную смерть. «Вся Ваша продовольственная политика, – продолжает автор, – построена на ложном основании… Без содействия частной торговой инициативе Вам, да и никому не справиться с неминуемой бедой…» Старый социалист толкал Ленина к тому, что потом назовут нэпом.

«Мы с Вами разошлись слишком далеко. Может быть, и даже всего вероятнее, мы не поймем друг друга… Мне и это письмо кажется смешным с моей стороны донкихотством. Ну, пусть в таком случае оно будет первым и последним. Н. Рожков»[21].

Ленин внимательно прочел письмо меньшевика и собственноручно тут же написал ответ.

«Николай Александрович!

Очень рад был Вашему письму – не по его содержанию, а потому что надеюсь на сближение благодаря общей фактической почве советской работы…

Не о свободе торговли надо думать – именно экономисту должно быть ясно… не назад через свободу торговли, а дальше вперед через улучшение государственной монополии к социализму…» (вождь еще не знает, что именно Рожков, а не он, Ленин, окажется исторически прав в этом споре). Далее, рассуждая в письме к Рожкову о гибельности парламентаризма – «учредилки в России», садится на любимого конька: «…история показала, что это всемирный крах буржуазной демократии и буржуазного парламентаризма, что без гражданской войны нигде не обойтись…

Привет. В. Ленин»[22].

История с обменом письмами на этом не кончается. Как читатель понял, Рожков видел полную гибельность «военного коммунизма» уже в январе 1919 года и предлагал новую по сути («старую капиталистическую») экономическую политику. Ленин-«провидец» этого не видел и не понял. Но о Рожкове не забыл. Он был злопамятен.

Когда по инициативе Ленина в конце лета 1922 года был поставлен вопрос о высылке за границу большой группы представителей российской интеллигенции (ее цвет!), Председатель Совнаркома снизошел до личных указаний. Он пишет записку директивного характера. Приведу лишь часть ее.

«т. Сталин!

К вопросу о высылке из России меньшевиков, народных социалистов, кадетов и т. п. я бы хотел задать несколько вопросов

ввиду того, что эта операция, начатая до моего отпуска, не закончена и сейчас.

Решено ли «искоренить» всех этих энесов? Пешехонова, Мякотина, Горенфельда, Петрищева и др.?

По-моему, всех выслать. Вреднее всякого эсера, ибо ловчее. То же А.Н. Потресов (не забыл! – *Д.В.),* Изгоев и все сотрудники «Экономиста» (Озеров и многие, многие другие). Меньшевики Розанов (враг, хитрый), Вигдорчик, Мигуло или кто-то в этом роде, Любовь Николаевна Радченко и ее молодая дочь (понаслышке злейшие враги большевизма); Н.А. Рожков (надо его выслать; неисправим); СП. Франк (автор «Методологии»). Комиссия под надзором Манцева, Мессинга и др. должна представить списки, и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго…»{23}

Бессвязный и жестокий текст. Как видите, Рожков совсем не забыт, как и многие другие, вроде «Любови Николаевны Радченко и ее молодой дочери» – Ленин «понаслышке» знает, что они «злейшие враги большевизма». Так решались судьбы людей, так глава правительства учил действовать своих коллег. Ленин «очищал Россию надолго» от гордости нации, ее совести и интеллекта. Ну разве не прав А.Н. Потресов, сам удостоившийся чести быть высланным на чужбину личным распоряжением Ленина и давший вождю характеристику, как «злодейски гениальному» человеку!

Узнав, что Рожков болен, Ленин снисходит до милосердия: «Высылку Рожкова отложить. Выслать Рожкова в Псков. При первом проявлении враждебной деятельности выслать за границу»{24}. Но продолжает следить за экономистом, который предвосхитил нэп тогда, когда Ленин его полностью отвергал.

Ленин о врагах не забывает. Он мстителен и злопамятен. Через два с половиной месяца, почему-то вспомнив или услышав о Рожкове, тут же пишет питерскому вождю Г.Е. Зиновьеву:

«Рожков в Питере?

Надо его выселить»{25}.

Как видим, «полемика» Ленина направлена не столько против идей, сколько против людей.

В действительности у Ленина было много оснований для причисления его к лику «гениев». Мощный, волевой интеллект, огромная историческая решительность, способность на крутые повороты в политике, беспредельная заряженность на достижение цели быстро превратили его после приезда в Россию в политика номер один. Обладая огромной внутренней силой, он умел убеждать и даже подавлять своих оппонентов. Я не знаю людей, которые могли бы похвастаться победами над ним в личных

спорах. Впрочем, когда он чувствовал свою неправоту или шаткость позиции, Ленин считал за благо уклоняться от словесных баталий, предпочитая им печатные выступления. Признанием его лидерства служило и то обстоятельство, что, не будучи ни председателем партии, ни ее генеральным секретарем, ни каким-либо специально оговоренным лицом, Ленин в политбюро единодушно считался первым. Он был признанный вождь. Заседания этого высшего партийного синклита, как правило, вел сам Ленин.

…Идет очередное заседание политбюро 7 декабря 1922 года. За столом всего несколько человек: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Калинин, Молотов. Как всегда, высшая коллегия рассматривает множество вопросов. Ленин деловит, немногословен. Выступает редко, но его резюме по конкретному вопросу звучит как «коллективное решение», даже когда в нем есть большие сомнения.

…Об экспорте хлеба докладывает А.Д. Цюрупа. Калинин и Каменев переглядываются. Все поднимают головы: страна еще не пришла в себя от последствий страшного голода, скосившего миллионы людей. Но Цюрупа сообщает: в этом году «вывернемся», нэп поможет. Обсуждения, по сути, нет, и Ленин подытоживает в протокол:

а) Признать государственно необходимым вывоз за границу хлеба в размере до 50 млн пудов.

б) Сосредоточить в руках Цюрупы общее наблюдение за всей операцией по продаже хлеба.

На том и остановились.

Если брать за показатель «гениальности» только мощь и безответственность ума, становится не по себе, когда этот ум безапелляционно решает: выслать Рожкова за границу или в Псков; отправлять на продажу хлеб из голодной страны и каким тиражом печатать Маяковского. Когда Луначарский считает, что поэму «150 000 000» можно опубликовать тиражом в пять тысяч экземпляров, Ленин тут же дает этому намерению убийственную оценку: «Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность…» Не колеблясь, однозначно постановляет: «печатать такие вещи лишь 1 из 10 и не более 1500 экз. для библиотек и для чудаков»{26}.

«Гений» считает возможным единолично определять, что писать, что читать, что издавать. Власть категорична, и Ленин полагает вправе выносить свои вердикты только на основе личных убеждений и впечатлений. Не из-за этого ли, спросим себя, в истории стали возникать бунты, мятежи, восстания? Люди никогда не хотели (не всегда это могли и сказать), чтобы их

судьба зависела от капризов, желаний, взглядов того или иного вождя.

…Ленин, ставший вместе с Троцким автором постыдного заложничества, не уставал напоминать о реализации этого бесчеловечного принципа в повседневной революционной практике. В записке Э.М. Склянскому, подготовленной глубокой ночью 8 июня 1919 года, Ленин не забыл потребовать: «…Надо усилить взятие заложников с буржуазии и с семей офицеров – ввиду учащения измен. Сговоритесь с Дзержинским…»{27}

Ленин был цельным человеком и в то же время глубоко раздвоенным: мощь интеллекта соседствовала с глубокой безнравственностью. Конечно, политика, как правило, безнравственна. Но Ленин привнес в нее глубокий цинизм. Фактически на любом решении вождя, даже отмеченном деловым прагматизмом и точно выверенным интеллектуальным расчетом, лежит печать глубокой вторичности морали, ее полное подчинение политическим реалиям. Могут привычно возразить и возражают: время было такое, революционная ломка, становление новых отношений и институтов, введение в действие новых критериев… Что вы хотите, чтобы революцию делали в «белых перчатках»?! Но в том-то и дело, что политический цинизм Ленина рельефно просматривается как до революции, так и после нее. Это было сутью вождя российской революции; достижение политической цели оправдано любыми способами и методами.

Например, чтобы выгородить своего любимчика Р.В. Малиновского, оказавшегося провокатором, Ульянов не останавливается перед самыми грязными оскорблениями его оппонентов, людей, не доверяющих Малиновскому. «Мартов и Дан – грязные клеветники»; «надо научить наших (они наивны, неопытны, не знают), как бороться с вонючками мартовыми»; «Мартов с К° продолжают вонять. Воняйте!!. Пусть захлебываются в своей грязи, туда им и дорога»; это «слизь и мерзость»; «пакостники» – таковы выражения Ленина{28}.

Продолжать эпитеты площадного характера можно до бесконечности. Дело здесь не в ошибке, ее может допустить каждый, а в упорстве ее отстаивания. Сам Малиновский не так уж и интересует Ленина, но нужен как повод для «уничтожения» своих политических соперников, людей, думающих по-другому, а главное, не признающих безоговорочного диктата и приоритета Ленина. Ведь Малиновский не только член ЦК, но и депутат Государственной Думы, к которому благоволит лидер большевиков.

Одновременно, не особенно вникая в суть дела, Ленин всячески поддерживает Малиновского. Он ему нужен как

инструмент борьбы против своих политических противников.

«Дорогой друг Роман Вацлавович!

Получил Ваше письмо и передал здешнему комитету Вашу просьбу о присылке кое-каких вещей… Надеюсь, что Вы здоровы и сохраняете бодрость. Пишите о себе и кланяйтесь всем друзьям, которые, наверное, имеются и в новой обстановке вместе с Вами. Надежда Константиновна очень кланяется.

Ваш В. Ульянов.

22 декабря 1915 г.»[29].

Письмо было отправлено (как и многие другие) в Альтен-Грабов, где находился германский лагерь для пленных и интернированных российских граждан.

Личная привязанность… Хотя близких друзей у него не было, Ленин любил преданных людей. Для Ленина это всегда значило очень многое. Он любил тех людей, кто ценил его, понимал, безоговорочно поддерживал: Г.М. Кржижановский, А.И. Рыков, Г.В. Чичерин, А.Д. Цюрупа, В.Д. Бонч-Бруевич, Ф.Э. Дзержинский, Я.С. Ганецкий, Г.Л. Шкловский… И тот же Р.В. Малиновский.

Как позже выяснилось, Малиновский был одним из самых ценных провокаторов царской охранки. По ее указанию Малиновский проводил в ЦК большевиков самый жесткий курс на размежевание с меньшевиками, любил заводить разговоры о желательности «более решительных действий» ленинской партии. Лидеру большевиков это нравилось; он провел не один вечер в долгих беседах с Малиновским, когда тот наезжал к нему до войны в Краков. В 1914 году Ленин вместе с «титулованным» провокатором ездил в Брюссель, Париж, где член Государственной Думы выступал с рефератом, имевшим, по словам покровителя Малиновского, «большой успех».

Когда после Февральской революции были открыты архивы Охранного отделения, тайное стало явным: Малиновский, один из самых близких к Ленину большевиков, оказался высокооплачиваемым агентом царской охранки. Ленину, еще до победоносного большевистского переворота, пришлось давать в Петрограде 26 мая 1917 года пространные показания по делу Р.В. Малиновского. Показания Ленина записал член Чрезвычайной следственной комиссии Н.А. Колоколов. Лидер радикальной социал-демократии, конечно, ни словом не упомянул о том, с какой яростью и убежденностью он в свое время защищал и отстоял провокатора.

Даже после всего ставшего известным Ленин весьма сдержанно характеризовал шпика: «Малиновский был, по моему мнению, выдающийся, как активный работник… Малиновский приезжал к нам, в общем, раз 6 или 7, во всяком случае, чаще

всех депутатов. Он хотел играть главенствующую роль среди русских цекистов, бывал, видимо, недоволен, когда не ему, а кому-либо другому давалось нами ответственное поручение… ему бы хотелось более смелой нелегальной работы, и неоднократно на эту тему были разговоры у нас в Кракове… За его спиной стояла несомненно комиссия умных людей, которая направляла каждый его политический шаг…»{30}

Ленин не жалел о своей близости к этому человеку и ни словом не выразил огорчения по поводу своей долгой и исступленной защиты агента. Странно другое: неожиданно в 1918 году, когда власть была уже у большевиков, Малиновский возвращается в Петроград из Европы. Нет, там он не бедствовал: на провокаторстве «заработал» немалые деньги и мог устроить свою жизнь и за границей. Не исключено, что Малиновский, очень тщеславный, авантюрного плана человек, рассчитывал на снисхождение властей в связи с покаянием, а главное – на заступничество Ленина. Документов по этому поводу обнаружить не удалось, но по ряду косвенных признаков могу судить: Малиновский обращался за защитой к лидеру большевиков. Но Ленину он уже был не нужен. Суд был кратким, как и сам приговор: расстрелять. В своем письме Горькому Ленин однажды заметил: «Негодяя Малиновского не мог раскусить. Очень темное это дело, Малиновский…»{31}

«Темное» в основном из-за безапелляционности Ленина, который очень не любил признавать собственных ошибок, хотя на словах не раз говорил совсем другое. «Гении» ведь непогрешимы и неуязвимы.

Как видим, «гениальное злодейство» у Ленина весьма рельефно выражалось в уродливом соотношении политики и морали, интеллекта и добра. Это происходило от убежденности в первенстве классового над общечеловеческим, которое сформировалось у российского революционера, возможно, на самой ранней стадии «рождения вождя». Следствием этого «гениального злодейства» явился последовательный, до конца жизни, антидемократизм Ленина в политике.

Демократичным, по Ленину, было лишь то, что совпадало с его взглядами на сущность и содержание пролетарской революции. В конце концов лидер большевиков был способен и диктатуру пролетариата назвать «демократией»{32}. Для Ленина демократия прежде всего форма насилия, а не выражение народовластия. Именно здесь коренился пункт того обстоятельства, которое сделало «гений» Ленина «злодейским». Рассуждая о народовластии, вождь (а затем его последователи) прочно присвоил себе право говорить от имени народа. В

разговоре с Кларой Цеткин он однажды заметил: «Искусство принадлежит народу… Оно должно быть понятно народу». Но разве он когда-нибудь спрашивал «народ», что тому понятно, принимая свои решения, допустим, о фактическом запрете футуризма, других модернистских «штучек»? Расчет был элементарен: коль скоро он, Ленин, не понимает, «куда уж массам соваться»?

«Товарищ Ленин, – заметила Клара Цеткин, – не следует так горько жаловаться на безграмотность. В некотором отношении она Вам облегчила дело революции»{33}.

Замечание более чем верное и едкое.

Вождя русской революции нельзя понять, не уяснив, что значил для него «большевизм». Усилиями той части партии, которая пошла за Лениным с самого порога века, большевизм стал синонимом революционности, классового благородства, пролетарской одержимости. Для большевика было естественным видеть в любых сомнениях, колебаниях, неуверенности проявление буржуазного либерализма, соглашательства, реформизма, интеллигентщины. Дико подумать, но с «легкой» руки Ленина слово «интеллигент» стало означать некий антипод революционности и радикализма. В феврале 1908 года Ленин в письме к Горькому, с которым он был в то время весьма близок, сообщает, как о большом достижении: «Значение интеллигентской публики в нашей партии падает: отовсюду вести, что интеллигенция бежит из партии. Туда и дорога этой сволочи… Это все чудесно…»{34}

В этом и проявлялся «большевизм души» Ленина, исповедовавшего, по сути, социальный расизм. Пролетарии – вот единственно и подлинно революционная сила. В своей самой утопической и беспомощной книге «Государство и революция», которая нами, бывшими ленинцами, считалась венцом теоретической мудрости, сконцентрирован сгусток ленинских воззрений на классы, государство, роль пролетариата во всемирной истории. Ленина возмущает, что многие социалисты смеют усматривать в государстве «орган примирения классов». Чудовищно! Но разве можно забывать, напоминает Ленин, что все «общество цивилизации расколото на враждебные и притом непримиримые классы»? Это-то и прекрасно! Нужно все сделать для того, чтобы не пролетариат подавлялся буржуазией, а наоборот. Вот тогда возникает «диктатура пролетариата», спасение человечества{35}.

Даже учитывая наше фанатичное преклонение перед революцией, перед методологией беспредельного насилия во имя туманного грядущего счастья людей, трудно понять нашу

прошлую слепую приверженность этим человеконенавистническим постулатам.

А суть их одна: большевизм – это радикализм мышления и радикализм действий. В классической форме все это находило выражение в ленинской судьбе. Он бесконечно верил в то, что писал. А писал страшные вещи. Судите сами: «Учет и контроль, – утверждал теоретик коммунизма, – вот главное, что требуется для «налажения», для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества… Когда большинство народа начнет производить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентиками, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, «некуда будет деться». Тут же Ленин добавляет: «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы».

Прошу простить меня за обильное цитирование, но не могу удержаться еще от одного ленинского добавления. Суть его: уклониться от такого «учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентики, и шутить они с собой едва ли позволят), что необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой»{36}.

Идеал Ленина – казарма, хотя он и говорит: «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой». В этой конторе все за всеми следят, и за мерой труда и мерой потребления, ведь над головой каждого «быстрое и серьезное наказание», особенно грозит это «интеллигентикам». Сегодня меня поражает не только ленинский радикализм, а то, как мы, замороченные, оболваненные, запуганные, могли верить (и поклоняться!) всем этим диким вещам!

Но мало верить, мы видели, как в сталинские времена за горсть собранных на колхозном поле колосков могли дать 10 лет лагерей, а то и расстрел; как за опоздание на 20 минут на фабрику можно было вернуться не домой, а сразу попасть в тюрьму; как за неотработанное на коммунистической барщине количество «трудодней» легко было угодить на «спецпоселение». Контроль все совершенствовался, ухищрялся, универсализировался, и жизнь такая действительно становилась «привычкой». Мы считали нормальным, что везде были

«нормировщики», «учетчики», «инспектора», «инструктора», «общественные контролеры», «легкая кавалерия» и множество-множество других подобных ленинских должностей, что само по себе знаменовало приближение лучезарного коммунистического общества. Ленин заложил прочные традиции «учета» и «контроля».

«…Т. Троцкий… Сведения насчет числа «очищенных» церквей, надеюсь, заказаны? Привет! Ленин. 11 марта 1922 г.»[37].

Не отставал в совершенствовании «учета» и его верный ученик и продолжатель Сталин. В своей печально знаменитой статье «Головокружение от успехов», появившейся 2 марта 1930 года, большевистский генсек подсчитал: «На 20 февраля с.г. уже коллективизировано 50 процентов крестьянских хозяйств по СССР. Это значит, что мы перевыполнили пятилетний план коллективизации к 20 февраля 1930 года более чем вдвое».

Даже Горбачев, едва придя к власти, начал с «контроля»! Мне довелось быть на том секретариате ЦК КПСС и услышать его страстную речь: стоит ввести государственную приемку продукции на заводах и фабриках, как качество товаров резко пойдет вверх… (а для этого потребовалось учреждать многие тысячи новых контролеров). Но ничего, конечно, не улучшилось.

Мы все помешались на этом «контроле», соглядатайстве, вечных подозрениях в мошенничестве и казнокрадстве. Ленин, будучи «злодейски гениальным», решил путем абсолютного контроля над всем народом создать общество-«контору», где каждому предоставлялось бы единственное право считать себя счастливым в соответствии с указаниями вождей. Именно этот радикализм и закреплял формирование тоталитарного общества, где контролировались не только килограммы и метры, но и разговоры и мысли граждан.

«Злодейская гениальность» Ульянова-Ленина выражается и в его установке, предельно жесткой, означавшей монополию на власть. Фактически это вылилось в большевистский абсолютизм.

На первых порах Ленин и его сторонники пытались создать хотя бы видимость альянса с левыми эсерами, имевшими большое влияние среди крестьянства. У большевиков не было даже собственной четкой программы по аграрному вопросу; триумфаторы, по сути, заимствовали ее у эсеров. Боясь, что они будут не в состоянии единолично удержать власть, Ленин, не без внутреннего напряжения, пошел на союз с левыми эсерами, правда, очень короткий. Трижды заседал Совнарком под председательством Ленина – 7, 8 и 9 декабря 1917 года. Шли торги и оговор условий, на которых левые эсеры могут стать народными комиссарами (министрами). Наконец Совет Народных

Комиссаров постановил: «Предложить с.р. войти в состав правительства на следующих условиях:

а) Народные Комиссары в своей деятельности проводят общую политику Совета Народных Комиссаров.

б) Народным комиссаром юстиции назначается Штейнбергъ[1]. Декрет о суде не подлежит отмене.

в) Народным комиссаром по городскому и земскому самоуправлению назначается Трутовский. В своей деятельности он проводит принцип полноты власти как в центре, так и на местах.

г) Тов. тов. Алгасов и Михайлов (Карелин) входят в Совет Народных Комиссаров как министры без портфелей. Практически они работают как члены коллегии по внутренним делам.

д) Народным комиссаром почт и телеграфов назначается Прошьян.

е) Народным комиссаром по земледелию остается тов. Колегаев.

ж) Народным комиссаром по Дворцам Республики назначается т. Измайлов. Театры и музеи остаются в ведении Государственной Комиссии по народному образованию.

Опубликовать следующее: «В ночь с 9-го на 10-ое декабря достигнуто полное соглашение о составе правительства между большевиками и левыми с.р. В состав правительства входят семь ср.»{38}.

Столь пространный документ я привел затем, чтобы «поддержать» в мысли ушедший, правда, эфемерный шанс: а вдруг у большевиков с левыми эсерами стало бы что-то «получаться» не уродливое? Особенно если в правительство были бы введены меньшевики? Шанс подобного, повторяю, почти невероятен. Но если бы даже относительно разнородные политические силы оказались, как теперь говорят, в «одной команде», не могло бы это привести весь курс к большей социал-демократизации? Этого не произошло и, видимо, не могло произойти. Большевики, по своей природе, ни с кем не хотели делить свою власть. Монополия на диктатуру была у них в крови.

Идеи политического цинизма, крайнего радикализма, тотального контроля, монополии на власть и мысль непрерывно генерировались в воспаленном мозгу вождя большевиков. Почему этот мозг оказался так устроен? Почему дворянин Ульянов, живший с матерью и остальными ее детьми на хорошую царскую пенсию, оказался столь непримиримым революционером? Нет ли здесь какой-то аномалии у человека, который не мог ни о чем думать и говорить, кроме как о революции?

Конечно, неповторимые обстоятельства и особая, уникальная

комбинация формирующих и воспитующих факторов сделали Ленина таким, каким он вошел в человеческую историю. Высокоорганизованная, нравственно здоровая семья, где чувствовалось одновременное влияние нескольких культур: русской, немецкой, еврейской, калмыцкой и даже частично шведской. В судьбе Ленина тесно синтезировались: российский радикализм, европейская цивилизация, еврейский интеллект, азиатский размах и жестокость. Как плод, частный продукт гигантского евразийского государства, Ленин смог слить в себе многие неповторимые черты своего происхождения. И это весьма символично. Большевики, фактически унаследовав идею абсолютизма у русской традиции, пытались скрыть происхождение Ульянова-Ленина. Делали это напрасно, ибо в нем, генетическом древе вождя российских якобинцев, голос судьбы великого народа, раскинувшегося на двух континентах.

Огромную роль в жизненном выборе Владимира Ульянова сыграла трагическая смерть его старшего брата Александра, казненного за попытку покушения на царя. Студент университета А. Ульянов был бы, вероятно, прощен императором Александром III, но схваченный террорист счел бесчестным просить прощения. Казнь брата что-то перевернула в душе Владимира, сделала его полуотверженным у общества, ибо он вскоре попал под бдительное око царской охранки. Его потрясла не только смерть брата, но и его мужество. Ульянов-младший извлек урок из гибели революционера. Нет, не в том, что он якобы сказал: «мы не пойдем таким путем». Свидетельства, приводимые в доказательство этого заявления, малоубедительны и, более того, сомнительны. У него еще совсем не было понимания «своего пути», но его все больше влекли радикализм и бескомпромиссность. Ульянов в последующем действительно пойдет «другим путем». Его никто и никогда не увидит «метальщиком» пироксилиновых бомб, организатором непосредственной баррикадной борьбы, руководителем фронтовых операций. Оттачивая, шлифуя идеи своей жестокой философии, Ленин станет глубоко «кабинетным революционером».

Ленин был пленником Цели. Для него она оправдывала исключительно все.

Я подхожу сейчас, возможно, к самому главному в понимании становления личности Ленина, его духовным истокам. Воспитанная семьей жажда к знаниям, помноженная на растущий радикализм воззрений, подвигнула молодого Ульянова к поглощению огромного количества литературы. Но литературы особого свойства. У совсем юного Ульянова на письменном столе

появляются не только естественные в этом возрасте книги Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Г.И. Успенского… Здесь не редкость и книги Ч. Дарвина, Г. Бокля, Д. Рикардо, Н.А. Добролюбова и почти постоянно Н.Г. Чернышевского. «Капитал» Маркса Ленин начал читать уже в родном имении Кокушкино Казанской губернии. Миросозерцание у Владимира Ульянова очень рано стало «уплотняться» социальными и политическими идеями.

И вот особенность! Возможно, решающая. Все интеллигентное российское общество конца XIX – начала XX века чувствовало свой особый духовный подъем, взлет к благодатным нравственным вершинам. Это выражалось и в расцвете российской прозы, и в «серебряном веке» русской поэзии, глубоких и оригинальных исканиях отечественных мыслителей, историков, публицистов. Люди не только зачитывались А. Фетом, Надсоном, Бальмонтом, Северяниным, Гиппиус, но и жадно поглощали, спорили по поводу последних книг и статей отца и сына С. и В. Соловьевых, Е. Трубецкого, Н. Бердяева, С. Булгакова, В.В. Розанова, Н. Лосского, С. Франка, Л. Карсавина, Н.Ф. Федорова, других замечательных мыслителей. Многие, естественно, были в духовном «плену» у Л. Толстого и Ф. Достоевского. Созвездие великих имен столь впечатляюще, что и спустя век поражаешься щедрости Провидения и Природы, взрастивших и подаривших России это бесценное интеллектуальное богатство. Возможно, только благодаря ему советская Россия на протяжении семи десятилетий, безжалостно растаптывая это уникальное достояние, так и не превратилась в холодный археологический осколок в раскопках славянской культуры. Конец XIX – начало XX века были одной из самых высоких (если не самой высокой!) интеллектуальных вершин российской истории.

Но… Ленин обошел эту вершину кругом, даже не пытаясь взобраться на нее… Для него высокие нравственные максимы В. Соловьева, размышления о свободе Н. Бердяева, таинства духовного мира, открытые Ф. Достоевским, остались «terra incognita»[2]. Сознательное обеднение своего сильного интеллекта выразилось в прямолинейной одномерности Ленина, его политической безапелляционности, игнорировании общечеловеческих нравственных начал. Подумать только, Н.Г. Чернышевский смог заменить Ульянову все богатство палитры отечественной философской мысли! Для Ленина Чернышевский оказался «единственно действительно великим русским писателем» только потому, что он смог оказаться, по мысли большевистского лидера, на «уровне цельного философского

материализма». Ленина восхищала, однако, в Чернышевском не философия, а политический радикализм. Вождь октябрьского переворота 1917 года с удовольствием брал себе в союзники того Чернышевского, который сказал: «Кто боится испачкать себе руки, пусть не берется за политическую деятельность»{39}. Ленин, конечно, не боялся…

Достоевский для Ленина, естественно, «архискверный» писатель, и этим многое сказано{40}. Даже гениальный Л.Н. Толстой, о котором Ленин написал несколько сугубо политических статей, понадобился автору только для того, чтобы подчеркнуть: писатель, «горячий протестант» и обличитель царских порядков, обнаружил, однако, «такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса»… «которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски образованному писателю». Утверждение русских либералов, что Толстой «великая совесть» народа, Ленин называет «пустой фразой…» и «ложью». Ленин договорился до того, будто гений русской литературы нашего времени «не сказал ничего такого, что не было бы задолго до него сказано и в европейской, и в русской литературе»{41}.

Стоит ли после этого удивляться тому, что, по выражению Ленина, «разные» Бердяевы способны лишь на «философские» туманности, политические пошлости, «литературно критические взвизгивания и вопли». Не случайно, что партийные издатели ленинских сочинений официально величали, например, великого русского мыслителя Н. Бердяева «апологетом феодализма и средневековой схоластики»{42}.

Многие же из тех, кто были кумирами студенчества, светочами прогрессивной интеллигенции, просыпающихся разночинцев, остались Ленину навсегда неизвестными или, в лучшем случае, просто исторически непонятными авторами.

Ленин в области философской, мыслительной культуры был, по определению Н.А. Бердяева, страшно «бедным человеком». Его книга «Материализм и эмпириокритицизм», названная в официальных оценках большевиков «гениальным», «главным философским трудом XX века» (и нами, замороченными догматиками, так и воспринимаемая), полностью игнорирует лучшие отечественные достижения в этой области. Избивая (иначе не скажешь) нескольких российских и западных «махистов» (о существовании которых подозревало вначале такое количество людей, что их можно было усадить на одном диване), Ленин оперирует работами и тогда малоизвестных, а ныне и вовсе забытых философов. Ни один из крупных российских мыслителей (за исключением, разумеется, Н.Г. Чернышевского)

даже не упомянут в схоластической книге «гениального» Ленина!

Ленин, являясь «святошей» созданной им касты «профессиональных революционеров», всегда презирал российскую интеллигенцию, ибо по сути своей она была носительницей либерализма. Ленину же была нужна не свобода, а власть его касты. Поэтому прав талантливый биограф русского революционера Л. Фишер, утверждавший, что «интеллигенции Ленин не доверял… Сомнения, независимое мышление, неприятие ортодоксальных канонов, все это было нежелательно, поскольку новой ортодоксией была советская власть»{43}.

Ленин старательно и последовательно обходил интеллектуальную вершину российской общественной мысли… Стоит ли удивляться, что человек, проявивший себя как исключительно напористый, виртуозный и удачливый политик, получив необъятную власть, использовал ее не во благо, а на историческую беду России…

Гениальность тактика и злодейство стратега. Симбиоз гениальности и злодейства.

Лишенные Лениным родины, российские таланты также не щадили его в своих оценках. Великий И.А. Бунин, будущий лауреат Нобелевской премии, в минуты озлобленного исступления, выступая 16 февраля 1924 года в Париже с речью «Миссия русской эмиграции», с глубокой горечью сказал: «Была Россия, был великий, ломившийся от всякого скарба дом, населенный могучим семейством, созданный благословенными трудами многих и многих поколений, освященный богопочитанием, памятью о прошлом и всем тем, что называется культом и культурою. Что же с ним сделали? Заплатили за свержение домоправителя полным разгромом буквально всего дома и неслыханным братоубийством, всем тем кошмарно-кровавым балаганом, чудовищные последствия которого неисчислимы…» С тоской глядя в зал, Бунин продолжал: «Планетарный же злодей, осененный знаменем с издевательским призывом к свободе, братству, равенству, высоко сидел на шее русского «дикаря» и призывал в грязь топтать совесть, стыд, любовь, милосердие…» Великий писатель считал, что сказанного мало:

«Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил миллионы людей, а среди бела дня спорят: благодетель он человечества или нет?»{44}

В.В. Розанов еще в роковой год Октября напишет для будущей книги «Черный огонь. 1917 год» безжалостные строки:

Ленин «был рассчитан на самые темные низы, на последнюю обывательскую неграмотность… Ленин отрицает Россию… И народа он не признает. А признает одни классы и сословия… России нет: вот подлое учение Ленина»{45}.

Ленин никогда не услышит и не прочтет этих слов, но они будут жить так же долго, как и ленинские «дела» и «учение». Так интеллектуалы России отвечали своему погубителю.

Отторжение Лениным великой интеллектуальной среды России, творений ее гениев дало во времена большевистских посевов столь глубокие ядовитые всходы, что трудно сказать, когда мы с ними совладаем. В этой борьбе с «большевизмом» душ и ленинским схематизмом решения вековых вопросов заключается не только трудность, но и опасность; ведь прошлое особенно беззащитно перед безапелляционностью невежества. По большому счету, Ленин и ленинизм прервали многовековую интеллектуальную традицию, что является одним из важнейших источников многочисленных бед великого народа. «Спасающий спасается. Вот тайна прогресса – другой нет и не будет…» – писал великий Владимир Соловьев. Большевики не «спасали» Россию и не «спаслись» сами – таков вердикт истории. В книге В.В. Сербиненко о В.С. Соловьеве автор на всем протяжении своей очень умной работы утверждает: разрыв богатейшей интеллектуальной российской традиции чреват тяжелейшими духовными последствиями{46}. Именно Ленин со своими «профессиональными революционерами» совершили этот трагический разрыв.

Мстить истории бессмысленно. Смеяться над ней глупо. Значительно важнее ее понять и, как говаривал блистательный В.О. Ключевский, увидеть, где мы «запнулись или рухнули». Где начался долгий период российского нигилизма, который мы, кажется, начинаем если не преодолевать, то хотя бы понимать.

Грех Октября

Шел третий год империалистической войны. В окопах гибли миллионы солдат. Канонада, газовые атаки, висящие на колючей проволоке серые пятна убитых солдат, парящие в небесах немецкие «цеппелины» отражали страшный облик Первой мировой войны в Европе. Война прошла через свой «экватор». Было не много сомневающихся в том, что Германия со своими союзниками в конце концов стратегически потерпит поражение, особенно после того, как в войну вступили Соединенные Штаты Америки. Положение России было тяжелым, но не безнадежным. Фронт стабилизировался. Однако социалистическая агитация

основательно разлагала войска. Эшелоны с пополнениями прибывали на фронт часто полупустыми: началось массовое дезертирство.

Последний Председатель Государственной Думы Родзянко позже вспоминал, что к 1917 году «дезертиров с фронта насчитывалось около полутора миллионов. В плену у неприятеля уже было около 2 миллионов солдат… Так работали большевистские агитаторы, усиливая естественное нежелание крестьян воевать…»[47]. Страна и народ устали от войны.

Ленин занимается в тихой Швейцарии философским самообразованием, пишет статьи, совершает в обществе Надежды Константиновны и Инессы Арманд пешие прогулки, жадно следит за вестями с фронта. Он, словно с балкона гигантского европейского театра, наблюдает за сценой, где идет страшная война.

Ему не довелось в своей жизни износить ни одной пары солдатских штанов, побывать в окопах, залитых грязью и кровью, он никогда не видел вблизи страшного оскала войны. Но он давно уже знал, что именно война способна что-то коренным образом изменить в его тусклой, бесцветной и однообразной жизни эмигранта. Будучи проницательным человеком, Ленин не мог не догадываться: европейские столицы не знают, как окончить войну. Но именно в войне, войне нелепой и жестокой, ключ к его будущему.

В феврале 1915 года шведский король Густав V пишет Николаю II письмо.

«Мой дорогой Ники.

…Ты понимаешь, дорогой Ники, как сильно волнуют меня ужасы этой страшной войны. И вполне естественно, что мои мысли заняты изысканием средств, могущих положить конец этой страшной бойне… Совесть моя побуждает меня сказать тебе, что в любой момент, раньше или позже, когда ты найдешь это удобным, я готов тебе всемерно служить в этом деле… Как ты смотришь на мое предложение услуг?»[48]

Как писал Виктор Чернов, 4 февраля 1917 года к русскому послу в Христиании (ныне Осло) Гулькевичу является болгарский посланник в Берлине Ризов и просит телеграфировать в Петербург «о желании Германии заключить на чрезвычайно выгодных условиях сепаратный мир с Россией». Из Петербурга идет ответная депеша: «Выслушать и внимательно добиться точной формулировки условий…»[49] Но уже поздно: февраль чреват необратимыми событиями.

Ленин с началом мировой бойни выступил не за ее прекращение, что казалось наиболее естественным, а за ее

«социализацию». В своем письме А.Г. Шляпникову 7 октября 1914 года он убежденно осуждал борьбу за мир. «Неверен лозунг «мира», – подчеркивал лидер большевиков, – лозунгом должно быть превращение национальной войны в гражданскую войну»{50}. Первая часть позиции по отношению к войне была сформулирована Лениным быстро.

Но еще быстрее родилась другая часть большевистской платформы, которую Ленин сформулировал еще раньше, вскоре после выстрелов в Сараево и объявления Германией в 19 часов 10 минут 19 июля (1 августа по новому стилю) 1914 года войны России.

Россия официально стала стороной, которой бросили кровавую перчатку большой европейской войны. Тем не менее Ленин уже в первые дни войны начал писать так называемые «Тезисы о войне», которые позже были опубликованы в ряде печатных изданий как манифест под заглавием «Война и российская социал-демократия». В документе есть забавные строки, на которые способен только такой ортодокс, как Ленин. Стремление «…перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии – таково *единственное реальное* (курсив мой. – *Д.В.)* содержание и значение войны».

Абсурдность ленинского утверждения очевидна, тем не менее первые кирпичи социалистического фундамента пропаганды заложены. Дальше еще определеннее: «С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России, наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск…»{51} Ни до Ленина, ни после него ни один россиянин не выступал со столь антипатриотических позиций.

Поражение собственного правительства, а значит, и отечества в войне (которому объявили войну!), а еще лучше превратить ее в революцию, в гражданскую войну – вот что провозгласил Ленин. Позиция Ленина и ленинцев, при ее внешнем интернационализме, ни на шаг не приближала к главному – гашению войны. А по сути, с самого начала ленинская платформа была рычагом для страшных революционных мехов, раздувающих ненасытный пожар европейской войны.

Одновременно ленинский курс в войне означал прямое национальное предательство, основанное на глубоком презрении к государственным интересам России и ее союзникам. Ведь определеннее не скажешь: «…царизм во сто крат хуже кайзеризма»{52}. Не эта ли позиция со временем привела Ленина к мысли о «совпадении интересов» большевиков и Берлина? Царь, его правительство, российские войска были препятствием для

кайзера в его далеко идущих экспансионистских планах, а для Ленина – в захвате власти в России. С самого начала войны у кайзеровской Германии и большевиков появился общий враг – царская Россия…

Именно такой «партийный» подход подвигнул Ленина и дальше, к необходимости разложения сражающейся российской армии. «Мы и на военной почве, – категорически утверждал цюрихский эмигрант, – должны остаться революционерами. И в войне проповедовать классовую борьбу»{53}.

В конце сентября 1914 года в российской газете «Русское слово» было опубликовано воззвание «От писателей, художников и артистов», осудивших развязывание кайзеровской Германией войны против России. Подписали его многие звезды российской культуры первой величины: А. Васнецов, К. Коровин, С. Меркуров, А. Серафимович, П. Струве, Ф. Шаляпин, М. Горький и другие очень известные люди. Легата опубликовал открытое письмо к «Автору «Песни о Соколе» (А.М. Горькому), в котором осуждает его за «шовинистически-поповский протест». Походя замечает: «Пусть Шаляпина нельзя судить строго… Он чужой делу пролетариата: сегодня – друг рабочих, завтра – черносотенец…»{54} Для Ленина все люди уже поделены строго: кто занимает классовую позицию (ленинскую), тот союзник, а кто «шовинистическо-поповскую» – непримиримый враг. Даже в работе, которую почти все советские люди должны были изучать как глубоко «патриотический труд», «О национальной гордости великороссов», Ленин утверждал: «…нельзя великороссам «защищать отечество» иначе, как желая поражения во всякой войне царизму, как наименьшего зла для $^{9}/_{10}$ Великороссии…»{55}.

Идею пацифизма, идею «паралича войны» Ленин жестоко высмеивал. Эти лозунги вождь называл «одной из форм одурачения рабочего класса», а саму мысль «демократического мира» без революций считал «глубоко ошибочной»{56}.

Характерно, что, призывая к «решительным действиям» против милитаристов, за «разворачивание классовой борьбы в армии», Ленин и не думал показать «пример» в этом отношении. Во время Циммервальдской конференции социалистов (сентябрь 1915 г.) лидер большевиков шумно настаивал, чтобы делегаты вернулись к себе в страны и лично организовывали забастовочное движение против своих воюющих режимов. Немецкий социал-демократ Г. Ледебур заметил, обращаясь к лидеру большевиков:

– Но меня за это просто отдадут под полевой суд…

Ленин, однако, настаивал на своем. Тогда делегат-немец вкрадчиво спросил Ульянова:

– Вы тоже поедете в Россию, чтобы организовывать стачки против войны? Или останетесь в Швейцарии?

Ленин не удостоил ответом столь «провокационный» вопрос[57]. В Россию он не собирался даже в самом начале 1917 года… Впрочем, депутаты IV Государственной Думы – большевики А.Е. Бадаев, М.К. Муранов, Г.И. Петровский, Ф.Н. Самойлов, Н.Р. Шагов и еще несколько социал-демократов были осуждены в феврале 1915 года Особым присутствием Петроградской судебной палаты за то, что при обыске у них обнаружили манифест ЦК РСДРП, написанный Лениным, «Война и российская социал-демократия». Призыв лидера большевиков, мы знаем, звучал так: поражение собственного отечества в войне и превращение империалистической войны в гражданскую. Все пять депутатов-большевиков были отправлены в вечную ссылку в Туруханский край. Автор призыва продолжал наслаждаться безмятежной жизнью в Швейцарии.

Выступая 28 сентября 1914 года во время доклада Г.В. Плеханова «Об отношении социалистов к войне», Ленин откровенно посоветовал министрам-социалистам: «Уйти в нейтральную страну и оттуда сказать правду…»[58] Свою революционную методологию – смело критиковать царизм, самодержавие, шовинизм из абсолютно «безопасного далека» – он считал совершенно правильной и нравственной.

Ленин был человеком сильной воли, но никогда не отличался личным мужеством: его никто не видел ни на баррикадах, ни на фронтах, ни перед лицом разъяренной толпы, ни в осажденном городе. Вождь всегда исключал риск для себя. Во время сходки в Петербурге в 1906 году кто-то из рабочих крикнул:

– Казаки!

Все бросились врассыпную. Ленин бежал неловко, упал в канаву, потерял котелок… Хотя тревога, как выяснилось позже, оказалась ложной[59].

Ленин жил за рубежом не потому, что его преследовали власти, он боялся самой возможности такого преследования. Его никто не искал и не шел по пятам. Постепенно, на протяжении многих лет у лидера большевиков выработался весьма своеобразный стереотип отношения к России, ее строю, институтам, людям: он мог легко оскорбить, обругать, унизить любого (даже российского императора), сам абсолютно ничем не рискуя. Ленин, по его словам, писал о революционных выступлениях в России с «трепетом восторга», не останавливаясь перед самыми дикими, категорическими суждениями. Еще в 1905 году (!) он мог написать: «Мы дадим приказ отрядам нашей армии (!) арестовывать спаивающих и подкупающих темный

народ героев черной сотни…» и отдать их «на открытый, всенародный революционный суд». Точнее, самосуд?! Уже весной 1906 года, полагал Ленин, «не останется и следа от учреждений царской власти». Вождь любил определенность: «Кто не революционер, тот черносотенец»[60].

Эти фрагменты «революционного» бреда писались в конце 1905 года, когда уже было ясно, что царский манифест в октябре сбил социальную горячку в обществе, дал уникальную возможность стране пойти по пути конституционной монархии. Но Ленин тут же выступил с призывом «добить тиранов»[61], пресекая даже саму возможность социального компромисса. Ведь более определенно не скажешь:

– Кто не революционер, тот черносотенец.

Греческий мудрец Солон, живший в VII–VI веках до нашей эры, в своих знаменитых законах предлагал предавать смерти людей, которые не занимают в гражданской войне чьей-либо стороны. Ленин говорил и действовал по-«солоновски».

…Европа, опоясанная бесчисленными траншеями и рядами заграждений из колючей проволоки, истекала кровью. Паралич мировой войны, между тем, подсказывал: что-то должно произойти. Ленин из сонного, уютного Цюриха слал заклинания своим единоверцам: выше факел классовой борьбы, нужно приблизить поражение России в войне, «отнять армию» у царя, сделать все для того, чтобы «переплавить» империалистическую войну в войну гражданскую.

Наступил роковой 1917 год. 9 (22) января Ленин выступил в цюрихском Народном доме перед рабочей молодежью с длинным скучным докладом об очередной годовщине русской революции 1905 года. Зал невелик, мне в начале девяностых годов довелось побывать там. Немного воображения, и я услышал энергичный картавый голос российского демона.

«…До 22 (по старому стилю 9) января 1905 года революционная партия России состояла из небольшой кучки людей – тогдашние реформисты (точь-в-точь как теперешние), издеваясь, называли нас сектой…»

По обыкновению, докладчик густо пересыпал свое выступление статистическими выкладками, временами поднимаясь до непривычных для него образных сравнений: «Крепостная, пребывавшая в медвежьей спячке, патриархальная, благочестивая и покорная Россия совлекла с себя ветхого Адама…»

Полупустой зал вежливо слушал коренастого лысого господина, с горящими глазами сетовавшего, что «к сожалению, крестьяне уничтожили тогда только пятнадцатую долю общего

количества дворянских усадеб, только пятнадцатую часть того, что они должны были уничтожить…» Человек за кафедрой был тоже дворянин, семья которого, однако, еще раньше продала свое поместье и жила на проценты с семейного капитала. Молодые люди потихоньку выходили из зала, оживившись, пожалуй, еще один раз, когда Ленин с пафосом рассказывал о насильственной русификации «точно 57 процентов» населения.

«В декабре 1905 года в сотнях школ польские школьники сожгли все русские книги, картины и царские портреты, избили и прогнали из школ русских учителей и русских товарищей с криками: «Пошли вон, в Россию!».

Наконец терпеливо дожидавшейся конца доклада, заметно поредевшей стайке молодежи Ленин сказал: «Мое время почти уже истекло, и я не хочу злоупотреблять терпением своих слушателей…» Проговорив еще минут пятнадцать о своем любимом предмете, революции, русский эмигрант заявил: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции…»{62}

Человек, которого скоро будут называть «пророком», «оракулом», «провидцем» революции в России, не видел, что она уже на пороге, она на подходе. Менее чем через два месяца в Петрограде свершатся драматические февральские события, которые начнут новый отсчет времени для страны и всего мира. Человек же с крупным куполом черепа, доставая из поношенного сюртука носовой платок, извиняющимся голосом говорил: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции». Он был слеп, как все. История любит выкидывать свои «штучки», которые, кроме самого Провидения, никто предвосхитить не в состоянии.

Неудачная война и слабость власти в России привели к самоупразднению самодержавия на волне широчайшего недовольства войной самых разных слоев народа. В 1917 году началась своеобразная историческая мутация, которая через несколько лет приведет к созданию новой цивилизации, новой культуры, новых политических и общественных институтов, имеющих мало общего с многовековой историей великого народа. Если бы все ограничилось демократическим февралем и он бы «устоял», то, вероятнее всего, Россия сегодня была бы великим, демократическим, могучим, не распавшимся государством. Но не только февральские события оказались неожиданными.

В своей двухтомной книге о Ленине я очень подробно описал метания Ленина в Цюрихе, боявшегося, что революционный поезд в России может уйти в будущее без него. Но здесь сыграли свою революционную роль негласные, неофициальные отношения,

которые еще раньше установились между некоторыми ленинцами и «доверенными» кайзеровской Германии. В этой цепи были ключевые лица.

Близко знакомый Ленину Гельфанд-Парвус, немецкий социал-демократ, выходец из России и ставший удачливым коммерсантом в Германии. Этот человек, прозванный «купцом революции», был автором авантюристического плана-идеи, так убедительно описанного А.И. Солженицыным в его книге «Ленин в Цюрихе». По мысли Гельфанда-Парвуса, Германия, чтобы выиграть войну, должна помочь родиться революции в России. Как революционеры-ленинцы, так и кайзер в Берлине имеют общую, очень тесную точку соприкосновения интересов: нужно было победить царскую Россию в войне. Ленин своими заявлениями, что «царизм во сто крат хуже кайзеризма» и что его, царизма, поражение «теперь и тотчас» было бы наилучшим выходом из войны{63}, публично, многократно, определенно заявлял о своей позиции фактического союзника Германии в борьбе против собственной родины, своего народа.

Эрих Людендорф, крупнейший военный авторитет Германии, мозг ее военной машины, предельно откровенно и цинично отозвался о роли Ленина в планах Берлина: «Помогая Ленину поехать в Россию (через Германию из Швейцарии в Швецию. – *Д.В.*), наше правительство принимало на себя особую ответственность. С военной точки зрения это предприятие было оправданно. Россию было нужно повалить»{64}. «Повалить» царскую Россию хотел и Ленин. Он оказался самым верным союзником кайзера; ведь тот во сто раз лучше царя…

С тех пор зарубежные исследователи (в СССР это было абсолютно невозможно) нашли множество прямых и косвенных документов, бесспорно свидетельствующих о надежной связи большевиков и Берлина. В моем двухтомнике «Ленин» мне, надеюсь, удалось использовать многие важнейшие документы этого рода, а также внимательно проанализировать отечественные материалы в ранее закрытых архивах о финансовых связях помощников Ленина с Германией. Несмотря на неоднократную «чистку», архивы сохранили «бухгалтерские» телеграммы, счета, объемы сумм, которыми располагали большевики от «щедрот» Берлина. Я отсылаю любознательного читателя к своей книге «Ленин» (глава «Октябрьский шрам»), где приведено множество неопровержимых свидетельств преступной связи ленинцев с силами, которые вели войну против российского отечества. Правда, у ортодоксов ленинизма сохранился иезуитский аргумент вождя: «До 25 октября 1917 года у трудящихся нет отечества». А когда он «со товарищи»

узурпировал государственную власть, отечество неожиданно «появилось».

Если коротко, то дело обстояло следующим образом. После встречи Ленина с Парвусом в мае 1915 года (которая, конечно, не отражена в официальной биографической хронике) между узким кругом доверенных лиц Ленина, где главную роль играл Яков Станиславович Ганецкий (Фюрстенберг), и германской стороной через Александра Лазаревича Парвуса (Гельфанда) установилась тесная связь. Эти два по-своему талантливых человека, слабо выхваченные историческим светом из тьмы былого, явились основой хитроумного механизма, особо активно функционировавшего в 1916–1917 годах.

Парвус, располагая деньгами, которые ему передавались немецким послом в Копенгагене Брокдорф-Ранцау, через другие каналы, создал в столице Дании «Институт причин и последствий войны». С центром сотрудничали некоторые большевики: Чудновский, Зурабов, Урицкий и еще ряд лиц. В свою очередь, Ганецкий в Стокгольме создал фирму, которая на немецкие деньги закупала различные товары (медикаменты, предметы бытового характера, «химию» и т. д.) и направляла их в Петроград. Реализованные товары позволяли помощнику Ганецкого М.Ю. Козловскому перечислять крупные суммы денег на счета различных банков. Это были сотни тысяч рублей, которые использовались большевиками для различных целей (выпуск газет, листовок, закупка оружия, выплата жалованья широкому кругу «профессиональных революционеров»). Сохранились десятки телеграмм (многие требуют дополнительной расшифровки), свидетельствовавших о непрерывно пульсировавшем денежном канале: большевики – Берлин – Ганецкий – Парвус, с использованием ряда посредников, ничего не знавших о столь хитроумной подпитке ленинской партии, превратившейся, по сути, в фактического союзника врага, с которым сражалось отечество. Думаю, в свои годы и КГБ, и ЦРУ, другие спецслужбы могли бы немалому поучиться на этой истории. КГБ-то, конечно, учился…

Правда, нужно отдать должное, Ленин не «метил» документы собственными резолюциями, не писал прямых денежных распоряжений. Он стоял за кулисами и наблюдал (а также пользовался) хитроумным механизмом, с помощью которого осуществлял руководство на вербальной (словесной) основе.

Исследование, осуществленное мной в книге «Ленин», не оставляет сомнений (хотя есть еще слабо изученные аспекты) в том, что октябрьский переворот Ленина опирался на денежную помощь Германии. Она продолжалась и после захвата власти

большевиками. Например, посол Германии в Москве граф Мирбах 3 июня 1918 года (за месяц до своей гибели, частично связанной с этой его функцией) отправляет шифрованную телеграмму в Берлин: «Из-за сильной конкуренции союзников нужны 3 миллиона марок в месяц». Через два дня, 5 июня, в Берлин летит новая шифрограмма: «Фонд, который мы до сих пор имели в своем распоряжении для распределения в России, весь исчерпан. Необходимо поэтому, чтобы секретарь имперского казначейства предоставил в наше распоряжение новый фонд. Принимая во внимание вышеуказанные обстоятельства, этот фонд должен быть, по крайней мере, не меньше 40 миллионов марок»{65}.

Думаю, что люди в немецком посольстве эти деньги получили. Как и большевики – от них. Значительно позже названных выше дат знаменитый социалист Эдуард Бернштейн опубликовал в газете «Форвертс» сенсационную статью, в которой говорится, что «Ленин и его товарищи получили от правительства кайзера огромные суммы на ведение своей разрушительной кампании… Из абсолютно достоверных источников я выяснил, что речь шла об очень большой, почти невероятной сумме, несомненно больше пятидесяти миллионов золотых марок… Одним из результатов этого был Брест-Литовский договор…»{66}.

По сути, большевистская верхушка была подкуплена Германией. Ведь не случайно Ленин настаивал, чтобы российская делегация соглашалась на самые тяжелые условия сепаратного мира в Брест-Литовске. Думаю, что это самый удивительный «мир», ценой которого Ленин в значительной мере получил и удержал власть.

Еще недавно заявляя, что большевики «никогда» не согласятся на сепаратный мир, Ленин пошел фактически на признание поражения России (вот оно, трехлетнее пораженчество!), которого не было! Ленин признал то, чего не существовало, – поражение перед Германией – противником, который сам уже фактически стоял на коленях перед Антантой! Но Ленин не только признал это поражение, но и согласился выплатить фантастический приз: отдать один миллион квадратных километров российской территории Германии и выплатить контрибуцию в 245,5 тонны золота! Когда эта страна, повторяю, уже почти была в могиле поражения осенью 1918 года, хранитель золотого фонда Новицкий докладывал Ленину, что подготовлена к отправке в Германию очередная партия золота в 95 тонн…{67}

Ленин совершил величайшее предательство нации, стал историческим преступником. Читатель может задаться вопросом: название главы «Грех Октября», а пока речь идет о других вещах.

Но именно эти «вещи» объясняют, почему произошел великий грех, совершенный большевиками. Как писал И.А. Ильин, «русская революция есть величайшая катастрофа не только в истории России, но и в истории всего человечества»{68}.

Ленин, отринув решительно все социал-демократические постулаты, вскоре после своего приезда взял резкий курс на захват власти вооруженным путем. С Керенским-социалистом встретиться отказался. Лозунги Ленина были демагогичны и примитивны, но действовали безотказно. Большевики обещали уставшему от войны, безземелья и голода народу мир и землю. Но для этого, требовали ленинцы, нужно воткнуть штык в землю, бросать окопы, идти в тыл «брать наделы». Гарнизон в Петрограде, которому пообещали, что он никогда не будет отправлен на фронт, стоял за большевиков. Реальная власть Временного правительства таяла, как льдина, выброшенная половодьем на освещенный солнцем берег. А демагоги большевизма, как тысячеустые сирены, обещали доверчивым, темным крестьянам в солдатских шинелях достаток, мир, землю, хлеб, больницы, волю…

Выступая на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов, состоявшемся в мае 1917 года, Ленин рисовал мужикам в лаптях идиллические картины: «Это будет такая Россия, в которой будет вольный труд на вольной земле»{69}. Читатель может сам судить, как сбылся очередной прогноз вождя.

На столичной арене шли политические маневры. Дон-Кихот Февральской революции А.Ф. Керенский все время пытался подняться над нацией, сплотить ее, продержаться до победы союзников в войне. Сама Россия имела уже очень ограниченные возможности для активного ведения войны, но продержаться еще восемь-десять месяцев вполне могла…

А Ленин с большевиками стремительно укреплял свою позицию на фабриках, заводах, в воинских частях, флотских экипажах. Незрелая, неокрепшая февральская демократия утыкалась лицом в суровый ворс солдатских шинелей и бушлатов. Ров, разделявший либеральную демократию и радикальное крыло массового люмпена, становился все шире… Как всегда, в России не оказалось влиятельного политического центра. Власть аморфна и дрябла. Большевики решают попробовать ее крепость и, в случае удачи, с помощью огромной манифестации, а если надо, и оружия взять ее рычаги в свои руки.

Ленин, конечно, решает быть не в эпицентре событий, а в близком «далеке». В сопровождении Марии Ильиничны и двух телохранителей он уезжает в деревню Нейвола, подле станции

Мустамяки, и останавливается в доме В.Д. Бонч-Бруевича. В случае неудачи – рядом спасительная Финляндия, а там и до Швеции рукой подать. Однако он понимает, что ни Советы, ни правительство по-настоящему не контролируют ситуацию.

В начале июля большевики решили сделать «пробу штыком» (так Ленин выразился, когда настоял в 1920 году на Варшавском походе). На массовую демонстрацию были подняты десятки тысяч людей, воинские части, флотские экипажи. Рано утром Ленин, вызванный соратниками, возвращается в Петроград и становится у нерва революционного выступления.

Накануне большевистские агитаторы хорошо поработали среди солдат и матросов. Главный тезис: после неудачи июньского наступления Временное правительство готовится заткнуть войсками петроградского гарнизона бреши на фронте. Гнев солдат и матросов неописуемый. Разложившиеся столичные войска предпочитали прогрохотать своими сапогами по мрамору столичных дворцов, нежели идти в залитые грязью и кровью окопы вшивого фронта.

В своих воспоминаниях П.Н. Милюков пишет, что «3 июля (Милюков ошибается: не 3-го, а 4-го. – *Д.В.*) Ленин уже занял свой знаменитый балкон в доме Кшесинской и приветствовал солдат, давая им указания. Здесь помещалась вся военная разведка ЦК партии большевиков; сюда направлялись и отсюда рассылались приходившие воинские части. Словом, военный штаб восстания был налицо…»{70}. Ленин еще ранее, а если точно, то 14 (27) июня, прилюдно заявил: «Мирные манифестации – дело прошлого»{71}.

Ленин с балкона воззвал: «Вся власть Советам!» Впрочем, точного текста выступления Ленина я нигде не нашел. Публиковать его оказалось опасно: лидер большевиков призвал, по свидетельству многих мемуаристов, к свержению Временного правительства, а выступление-то и провалилось… А то, что позже речь эта была изложена большевиками как «мирная», никого не должно вводить в заблуждение. По этой части лжи и дезинформации у ленинцев никогда не было достойных соперников. Правда, Н.Н. Суханов пишет, что речь Ленина была довольно осторожной: оратор «усиленно агитировал против Временного правительства, призывал к защите революции и верности большевикам»{72}.

Скорее всего, большевики надеялись с помощью гигантского человеческого пресса «надавить» на Временное правительство, заставить его капитулировать, ибо у него уже не было поддержки в армии. Тем не менее сотни тысяч людей, вышедших на улицы, встретило вначале слабое, а потом и возросшее сопротивление

верных правительству частей. Начались стрельба, погромы, неорганизованные столкновения. Пролилась кровь. Открывалась перспектива плохо организованной борьбы с неясными шансами. С мест во дворец Кшесинской поступали неутешительные донесения: телеграф хорошо охраняется; прибывают новые отряды казаков; солдаты верных правительству частей перекрыли еще одну ключевую улицу…

Ленин, оказавшись, возможно, впервые в жизни неподалеку от эпицентра борьбы, счел за благо не рисковать будущим и свернуть «выступление». Надо было сохранить «революционное лицо» и быстрее найти аргументы для обвинения властей в «кровавых жестокостях». В этом деле главное – первыми обвинить. Оправдывающейся стороне всегда труднее.

Ленин скрывается, что всегда делает очень умело. Разговоры о «явке на суд», хотя вначале он вроде бы был готов обсудить эту возможность, в действительности никогда всерьез им не рассматривались. Даже учитывая, что Ленин должен был предстать не перед судом царским или военной диктатуры, а судом «революционных социалистов». Вождь большевиков всегда предпочитал иметь запасной вариант: уйти в подполье, уехать, скрыться за границей.

Троцкий вспоминал, что, когда он увидел Ленина после провала июльского выступления, лидер большевиков был очень встревожен:

– Теперь они нас перестреляют. Самый подходящий для них момент{73}.

Успокоившись в безопасном месте, Ленин все свои силы нацелил на подготовку статей, теоретических работ, директив, указаний, которые должны были нагнетать социальную ярость, делать невозможным национальное и общественное согласие, генерировать ненависть к неопытной, незрелой буржуазной демократии.

Верный своему правилу сверхосторожности, зная, что его ищут, чтобы арестовать за организацию антигосударственного выступления, Ленин меняет места своих нелегальных укрытий: Разлив, Гельсингфорс, Выборг. Везде прежде всего устанавливает надежную связь со своим ЦК. Материальных затруднений не было: верхушка большевиков жила на деньги, которые «перебрасывали» в Петроград из-за границы Ганецкий, Козловский, Суменсон.

Ленин понимал, что у России есть выбор: Керенский – это мучительный переход страны, прожившей столетия при самодержавии, на демократические, парламентские рельсы. Но Александр Федорович в силу своей порядочности не мог пойти на

сепаратные договоренности с Германией и предать союзников.

Корнилов или любой другой генерал-диктатор кровью умоет Россию, но наведет в ней порядок более жесткий, чем при Николае II. Но тоже продолжение войны «до победного конца».

Только он, Ленин, мог предложить уставшему народу нечто другое: в обмен на власть, которую должны получить большевики, он обещал всем мир, а крестьянам еще и землю. Ценой национального предательства. Ценой развала армии. Ценой отказа от союзнических обязательств.

И только он, Ленин, понимал, что нация пойдет на это предательство, которого затем будет мучительно стыдиться. Лидер большевиков апеллировал не к высоким чувствам, не к патриотизму и гражданственности, а к ненависти, усталости, обманутым ожиданиям. Ленин был циник, но хорошо понимал механизмы влияния текущего момента на общественную психологию. Он был антипатриот, но он точно знал, чего хотел. Вождь большевиков мог сознательно запускать демагогические лозунги, уверенный, что в любой момент может от них отказаться.

Это был человек, отчетливо видевший не только свою цель, но и способы ее достижения.

Ленин пишет и пишет из подполья статьи, записки, письма, указания. Еще три месяца назад он категорически заявлял, что не допустит сепаратного мира. А сейчас, перебегая от укрытия к укрытию (вблизи спасительных путей ухода на Запад), утверждает: «99 шансов из 100 за то, что немцы дадут нам по меньшей мере перемирие. А получить перемирие теперь – это значит уже победить весь мир»[{74}].

Ничего святого, нерушимого, постоянного. Кроме революции и власти.

В сентябре 1917 года Ленин еще более определенен: «Победа восстания обеспечена теперь большевикам: мы можем (если не будем «ждать Советского съезда») ударить внезапно и из трех пунктов: из Питера, из Москвы, из Балтийского флота… девяносто девять сотых за то, что мы победим с меньшими жертвами, чем 3–5 июля, ибо не пойдут войска против правительства мира»[{75}].

Чувствуя, что ЦК медлит, колеблется, проявляет нерешительность, Ленин, после принятия особых мер безопасности, в начале октября возвращается в Петроград. Он не может больше ждать. Мощный ум Ленина, просчитывая варианты, подсказывает: его партии представляется уникальная, редчайшая возможность не просто захватить власть, а просто подобрать ее на мостовых Петрограда. Пока этого не сделал какой-нибудь более

удачливый генерал, чем Лавр Корнилов…

А.Ф. Керенский предпринимает последние судорожные попытки что-то изменить в трагическом ходе вещей: проводит совещания с думцами, шлет депеши на фронт с целью остановить его распад, интересуется, не задержан ли Ленин. С целью усиления демократических начал по его настоянию 1 сентября 1917 года Временное правительство объявляет: «Государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский», а посему Россия «есть республика». Далее в постановлении говорится, что «Временное правительство своею главной задачей считает восстановление государственного порядка и боеспособности армии»{76}.

Дезертирство под влиянием большевистской пропаганды, однако, нарастало. Как писал Н. Полторацкий, «Россия в 1917 году рухнула от разложения войска»{77}. Большевики набирали силу. В воздухе витало: заговор, переворот, мятеж… Ленин в своих многочисленных письменных выступлениях перешел на конкретные директивные указания. Порой его призывы, нагнетая ярость, носят истерический характер:

«…После захвата юнкерских школ, телеграфа, телефона и прочее, – требует Ленин, – нужно выдвинуть лозунг: «Погибнуть всем, но не пропустить неприятеля». Стратегические пункты должны быть заняты «ценой каких угодно потерь»{78}.

Поражает легкость призывов Ленина к жертвенности, тем более «ценой каких угодно потерь». Черта большевизма: жизнь человеческая не более как статистическая единица.

10 и 16 октября 1917 года состоялись чрезвычайно важные заседания ЦК РСДРП, на которых Ленин настоял на принятии решения о вооруженном восстании. Из 21 члена ЦК 10 октября присутствовали только двенадцать человек. Ленин был настолько напорист, решителен и энергичен, что лишь двое из присутствовавших, Зиновьев и Каменев, выступили против. Эти два большевика проявили завидную осторожность и проницательность: нужно ждать созыва Учредительного собрания, которое шире отразит политические умонастроения гигантской страны. Каменев заявил: «Партия не опрошена. Такие вопросы десятью не решаются».

Эта реплика лишь подчеркнула огромную политическую греховность стремлений вождя. Бланкизм XX века, который так рельефно выразил Ленин, и не требовал «опроса» партии. Более того, впредь это не будет иметь в истории партии никакого значения.

Через несколько дней Ленин с соратниками, представляющими ничтожное меньшинство в России, захватит

власть. Отныне семь десятилетий великой страной будут руководить люди, которых никто не уполномочивал «на власть». Никто! Просто клан «профессиональных революционеров» будет отныне передавать большевистский скипетр из рук в руки. Иногда после жестокой верхушечной схватки на самом верху или запутанных дворцовых интриг. Ленин положил начало этой печальной «традиции».

На протяжении семи десятилетий в советской стране много писали о «ленинской теории социалистической революции». Собственной, синтезированной, цельной теории как таковой нет. Но, внимательно прочитав многие десятки его статей, речей, писем, памфлетов, можно выделить нечто главное в этой ленинской «технологии» революции.

– Максимально возможная обработка общественного мнения, своеобразный «массаж» обыденного сознания.

– Исступленное культивирование образа классового врага (царь, буржуазия, меньшевики, либералы).

– Разложение армии и государственного аппарата с помощью ничем не ограниченной демагогии.

– Подталкивание к хаосу, распаду государственности и власти.

– Переворот в момент, когда государственная власть окончательно обессилена и скомпрометирована.

– Установление жестокой диктатуры, отменяющей «буржуазные свободы и права».

– Террор как решающий метод сдержать миллионы людей в узде диктатуры.

– Война без правил – безбрежная гражданская война.

Конечно, мы назвали лишь несколько ключевых звеньев ленинской технологии. Осуществляет ее дисциплинированная, организованная, закаленная партия-орден, возглавляемая «профессиональными революционерами». Такими, как Ленин. Только они будут способны принимать решения, подобные этим: «Наличный паек уменьшить для неработающих по транспорту; увеличить для работающих. Пусть погибнут еще тысячи, но страна будет спасена»[{79}]. Жестокая логика технологии Ленина: погубить одних, чтобы «спасти» других…

Ленин оказался «гением» своей технологии.

Но нужно отдать должное его тактической проницательности: именно Ленин абсолютно точно определил момент, когда власть будет полностью парализованной, незащищенной. Ленин понимает, что если большевики не подберут валяющуюся власть, ее подберут другие…

Джон Рид, ставший американским героем на русской

революционной земле, повторяет слова, которые Ленин высказал 3 ноября (стиль новый): «6-го ноября будет слишком рано действовать; 8-го будет поздно. Нужно действовать 7-го, в день открытия съезда»{80}. Точный расчет времени и порядка захвата власти, личная огромная воля, невероятная нацеленность на самые решительные действия делают Ленина главным творцом переворота, который позднее стал по своему значению крупнейшей социальной революцией. Известный историк Э. Карр справедливо утверждает: «Триумф партии можно приписать почти исключительно Ленину, сумевшему навязать ей свою личную волю и увлечь за собою часто колебавшихся товарищей»{81}.

Но Ленин до последнего момента в душе не верил в успех грандиозной политической операции. Один из самых глубоких западных историков России Ричард Пайпс справедливо пишет: «Ленин не решался появляться на публике, пока кабинет (включая Керенского, о бегстве которого он не знал) не захвачен большевиками. Большую часть 25 октября он провел с перебинтованным лицом, в парике и очках. Когда проходившие мимо Ф. Дан и М. Скобелев узнали его, несмотря на этот маскарад, он вновь удалился в свое укрытие, где дремал на полу, а Троцкий время от времени входил и докладывал о событиях»{82}.

С этими суждениями крупного историка, а также и второго лица в русской революции трудно не согласиться. Но тем выше греховность свершенного. России, в трудное, переломное время вставшей на путь демократического, цивилизованного развития, помешали это сделать. Ее ввергли из самодержавного абсолютизма в абсолютизм большевистский. Еще никто не знает, что революционный спазм в России приведет к созданию новой псевдокультуры, совершенно новой политической реальности, новой идеологической атмосферы. Начнется долгий, мучительный, кровавый эксперимент по насильственному осчастливливанию миллионов людей.

Гибнувшая власть еще успеет подать по радио и в «Рабочей газете» 29 октября 1917 года сигнал бедствия, которое будет долгим и беспросветным:

«Всем! Всем! Всем!

Временный совет Российской Республики, уступая напору штыков, вынужден был 25 октября разойтись и прервать на время свою работу.

Захватчики власти со словами «свобода и социализм» на устах творят насилие и произвол. Они арестовали и заключили в царский каземат членов Временного правительства, в том числе и

министров-социалистов… Кровь и анархия грозят захлестнуть революцию, утопить свободу и республику…»{83}.

Долгий «поход» за «светлым будущим» пройдет под знаком греховного величия Ленина. При этом русская революция сохранила традиционную народную связь мистики и практики. Мистикой стали догматы Ленина, а практикой низвержение всего и вся. Оно, низвержение, было тотальным. «Было разрушено все, кроме традиции, кроме плана, чертежа, злобы и несломленной воли вождя, – писал Е. Богданов. – Остальное сделала народная стихия, питательный бульон, который с микробиологической быстротой размножил «палочки» большевизма в России… Народ наплевал на свободу и демократию, которые были ему предложены (февралем 1917 года. – *Д.В.*), и успокоился только в новом, тяжелейшем рабстве…»{84}

Октябрьский переворот 1917 года в каком-то смысле та же пугачевщина, перенесенная в век двадцатый. Пугачев не знал, как «оседлать» слепые стихийные силы, а Ленин знал, ибо был и умнее, и циничнее. Он помог родиться бунту и придал ему смысл.

Россия духовно была оскоплена большевистским экспериментом. Пройдет немало времени, пока она освободится от бесовского, греховного наваждения.

Соратники Ленина

У Ленина было много соратников. Разных. К одним он питал явную симпатию, к другим был более сдержан, к третьим приятельски снисходителен. Как вспоминала Н.К. Крупская, с «людьми, которых растил, был очень тактичен». Но «спуску» соратникам не давал, «реагировал очень сильно». Впрочем, «реагировал» бурно он не только на своеволие соратников. «В Брюсселе после столкновения с Плехановым немедленно сел писать ядовитые замечания на ядовитые замечания Плеханова, несмотря на уговоры пойти гулять: «Пойдем собор смотреть»{85}.

До того как Ленин стал всероссийски знаменит, а произошло это после покушения на него 30 августа 1918 года, соратники могли с ним остро спорить, возражать, едко критиковать ленинскую позицию. Он еще не был земным богом, каковым стал после смерти.

…Поздним вечером 6 марта 1918 года в Таврическом дворце открылся VII съезд РКП. Он был почти секретным. Ленин то и дело бросал, выступая:

– Пусть секретари и стенографы не вздумают этого писать{86}.

Обсуждался вопрос о Брестском мире – печальном итоге национального предательства большевиков, своей политикой

добившихся, как с гордостью заявил на съезде Ленин, «превращения империалистической войны в гражданскую»{87} ценой поражения своего отечества в войне, чего так страстно добивался творец октябрьского переворота.

Это полностью совпадало с интересами Берлина. «Большевистское правительство устраивало Германию, как никакое другое…» В Германии считали, пишет Р. Пайпс, что «большевикам следует помогать как единственной партии, которая готова идти на почти неограниченные территориальные и экономические уступки и которая, вследствие своей некомпетентности и непопулярности, поддерживает в России состояние перманентного кризиса»{88}. Ленин практически всегда шел навстречу интересам Германии: и раньше, и теперь. Его можно было бы увенчать титулом «Большого друга немцев».

Впрочем, многие в зале, где проходил VII съезд партии, понимали истинную цену «мирного договора». В.В. Оболенский (Осинский) прямо об этом заявил: «Я утверждаю, что та сделка между Россией и германским империализмом, которую тов. Ленин хочет заключить за счет подчинения германскому капиталу, не создаст спасения для остальной части»{89}.

Но мне хотелось сказать, вспоминая то, теперь такое далекое, заседание VII съезда РКП, как реагировали некоторые соратники на ленинские предложения о «мире».

Особенно не стеснялся Н.И. Бухарин, справедливо называя утверждения Ленина «спекуляциями», говоря, что тот живет «иллюзиями», что «перспектива, которую предлагает т. Ленин, для нас неприемлема». Бухарин резок против демагогии лидера: «Когда т. Ленин постоянно прибегает к такому аргументу, как «вот это поймет любой солдат», «это поймет любой мужик», и думает «убить» нас этим аргументом, то он жестоко ошибается»{90}.

Спорили и не соглашались с вождем и некоторые другие его соратники. Ленин являлся тогда первым, но не единственным лидером. В партии в то время были весьма популярны Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Крестинский, Свердлов, Радек, Иоффе, Сокольников, Урицкий, Крыленко, Ломов, Луначарский, Дзержинский, Коллонтай и некоторые другие руководители, которые могли считаться соратниками Ленина. Вождь, как выразилась Н.К. Крупская, «растил» соратников, был к ним внимателен и заботлив, но никто не мог называться его другом. Таковых у него просто не было, как, впрочем, их обычно не имеют и другие вожди крупного калибра. На самой вершине власти всегда тесно; места там достаточно лишь для одного…

Конечно, все соратники были «профессиональными

революционерами», кастой людей, для которых главной целью стало разрушение старого, ниспровержение устоявшегося и завоевание столь желанной власти. Это ленинское «изобретение» сразу придавало высокий смысл людям, которые никогда в жизни не работали, ничего для людей не сделали, фактически ничего не умели. Кроме, естественно, умения нелегально подтачивать царский режим, вести споры в прокуренных кафе о путях грядущей русской революции, перебиваться скудными эмигрантскими харчами в надежде на лучшее будущее.

Основная масса высших руководителей русской революции – люди, оторванные как от народа, так и привычного для миллионов людей труда. Но ни у кого из них в 1917 году даже не возникла мысль: по какому праву они завладели властью, почему они решили, что гражданская война принесет счастье людям, а беспощадное уничтожение целых социальных групп России – это и есть «революционная необходимость»? Как подобострастно писал большевистский фигляр Карл Радек: Ленин – это «Моисей, который вывел рабов из страны неволи и вошел вместе с ними в землю обетованную»[{91}].

Из «страны неволи» вождь вел рабов в «землю обетованную» не один, а со своими соратниками. Ближе других за рубежом были для него Зиновьев и Каменев. Ленин их (до октябрьского эпизода 1917 года, когда соратники поставили под сомнение целесообразность вооруженного переворота) ценил особо. Он считал их «писателями-большевиками»[{92}], как и революционерами-практиками.

Григорий Евсеевич Зиновьев (Радомысльский) примкнул к большевикам после II съезда партии, лично познакомившись с Лениным в 1903 году. Как и Ленин, он долгие годы прожил в эмиграции, послушно исполняя волю будущего вождя русской революции. Его бесцветные статьи в «Пролетарии», «Социал-демократе» были всегда в русле ленинских установок борьбы с «ликвидаторством», «отзовизмом», «каутскианством».

В известном смысле Зиновьев был тенью Ленина. Поехал «в первую русскую революцию» Ульянов-Ленин, потянулся туда и Зиновьев. Как и вождь, его соратник не оказал на нее заметного влияния. Ленин после поражения революционеров собрал чемоданчик и вместе с Н.К. Крупской вновь уехал в милую для него эмиграцию. Зиновьев с женой З.И. Лилиной, конечно, последовал следом. Ленин с супругой в декабре 1908 года перебираются в Париж, где вскоре оказались и Зиновьевы. Когда они не вместе, Ленин много пишет своему послушному соратнику. Сохранилось более 200 писем и телеграмм вождя «Григорию».

Ленин едет читать лекции на Капри, туда же отправляется Зиновьев; Ленин в партийной школе Лонжюмо под Парижем, там же дуэтом с ним «Григорий». В Кракове, куда Ленин перебрался в 1912 году, Зиновьевы жили некоторое время с Ульяновыми в одном доме; Ленин переезжает в Швейцарию – как на веревочке, за ним тянется Зиновьев.

В Россию Ленин, конечно, с помощью немецких властей, поехал не один, а в окружении тесной компании, в которой был, разумеется, и Зиновьев. Прибыв во «вторую русскую революцию», Ленин с Зиновьевым 5 (18) апреля 1917 года, словно оправдываясь (а так оно и было, ведь доставил их фактически воюющий противник России), опубликовали в «Правде» и «Известиях» статью «Как мы доехали». Статья в «Правде» вышла с подзаголовком «Сообщение, сделанное Исполнительному Комитету тт. Лениным и Зиновьевым по поручению товарищей, приехавших из Швейцарии»{93}.

Все попытки Ленина оправдать использование услуг Берлина совершенно не производили должного воздействия на общественное мнение. Наконец, после июльской попытки захвата власти Ленину (и вновь с ним Зиновьев!) пришлось скрыться, уйти в подполье. Судя по многим признакам, Ленин посчитал, что шансов захватить власть осталось немного. Он был готов вновь уехать в Европу. Но власть Временного правительства оказалась слабее, чем можно было предполагать…

Единственный заметный зигзаг в сторону от ленинской линии Зиновьев допустил в октябре 1917 году по вопросу о вооруженном восстании. Они с Каменевым выступили против и даже огласили свое мнение в газете «Новая жизнь». Возможно, это было, исходя из того, что сегодня мы знаем, наиболее истинной позицией среди всех, кто тогда окружал Ленина? Было ли то предчувствием начала исторической беды или элементарной осторожностью и даже трусостью? Этого сегодня уже никто с полной уверенностью не скажет.

Впрочем, Ленин оценил позицию большевистского «дуэта» весьма однозначно: «…Товарищами их обоих больше не считаю»{94}. Правда, после увенчавшегося успехом переворота Ленин вновь «подобрел» к Зиновьеву и Каменеву, но прежней близости, как в эмиграции, уже никогда не было. Если до этого эпизода Ленин свои записки и письма адресовал: «Дорогой друг!», «Дорогой Григорий», то теперь они стали официальными: «т. Зиновьев!», «Товарищу Зиновьеву» и пр.

Тем не менее Зиновьев, будучи членом политбюро, последовательно исполнял волю Ленина, возглавляя Петроградский Совет рабочих, солдатских и крестьянских

депутатов. Правда, при обсуждении вопроса «о мире и войне» на заседании ЦК РСДРП 11 (24) января 1918 года Зиновьев вновь допустил некоторый отход от ленинской линии. В его выступлении прозвучали слова: «…мы стоим перед тяжелой хирургической операцией, так как миром мы усилим шовинизм в Германии и на некоторое время ослабим движение везде на Западе. А дальше виднеется другая перспектива – это гибель социалистической республики»{95}. Но затем Зиновьев вновь «исправился» и стал следовать ленинскому курсу спасения большевистской власти ценой национального предательства.

Сохранилось много записок Ленина Зиновьеву с указаниями по самому разному поводу. Впрочем, таковых сохранилось немало с дореволюционного периода.

За год до февральского спазма в Петрограде Ленин в марте 1916 года пишет записку Зиновьеву, в которой дает указания, как использовать его тезисы. «Радеку дайте (если Вы хотите еще иметь с этой сволочью дело), но не иначе, как только на $^1/_2$ дня для переписки. Иначе я абсолютно не согласен. Эта сволочь до сих пор тормозит (месяц!) сговор наш с левыми о тезисах». Обругав одного из соратников, Ленин дает указание, что если Гримм не напечатает их протеста в бюллетене, «тогда ни копейки ему денег»{96}.

Зиновьев исполнителен: «сволочь» получает тезисы лишь на полдня, а Гримм, не желая терять ленинской оплаты, публикует его протест. При внешнем равенстве отношения Ленина с Зиновьевым, как и с другими соратниками, это были отношения властного лидера с подчиненными. Правда, Ленин умел облекать свои указания в товарищескую форму, не отказываясь от императивности указаний:

«т. Зиновьев!

Раз уж прислали мне корректуру, доведите дело до конца:

1) Назначьте лицо, ответственное за правку.

2) Пришлите мне его имя и адрес.

3) Верните мне вместе с № журнала прилагаемую корректуру…

(Без этого «советская» сволочь ни черта не сделает!)…

Привет! Ленин»{97}.

Часто записки Ленина Зиновьеву подобны властным командам:

«Петроград. Смольный. Зиновьеву. Члены ЧК детско-сельской Афанасьев, Кормилицын и другие изобличены, по словам Луначарского, в пьянстве, насиловании женщин и ряде подобных преступлений; требую арестовать всех обвиняемых, не освобождать никого, прислать мне имена особых следователей,

ибо если по такому делу виновные не будут раскрыты и расстреляны, то неслыханный позор падет на Питерский совет комиссаров. Афанасьева арестовать.

Предсовнаркома Ленин.

7.1.1919 г.»[{98}].

Ленин, вновь используя выражение Н.К. Крупской, «растил» своих соратников. Когда в критические дни октября 1919 года Зиновьев попросил у Ленина подкреплений для разгрома Юденича, Ленин шлет записку Троцкому для передачи указаний Зиновьеву в Питер. Там, в частности, говорится:

«…Покончить с Юденичем (именно покончить – добить) нам дьявольски важно. Если наступление начато, нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих плюс тысяч 10 буржуев, поставить позади их пулеметы, расстрелять несколько сот и добиться настоящего массового напора на Юденича?»[{99}]

Ну, разумеется, публикация этого письма в 51-м томе полного собрания сочинений была осуществлена с купюрой; слова «плюс…сот» были опущены. Разве можно было бросать тень на земного бога?

Те, кого Ленин «растил», получали советы в соответствии с методологией российского якобинца. Зиновьев получал подобных указаний множество: «Совершенно благонадежных отправляйте на Дон, неблагонадежных в концентрационные лагеря, неопределенных в Орловскую и подобные… губернии»[{100}].

Как точно писала мятежная и молитвенная Зинаида Гиппиус о том, «ленинском времени»:

> Нет революций краснее нашей:
> На фронт иль к стенке, одно из двух[{101}].

Зиновьев принял предложенные Лениным правила общения и во время заседаний политбюро строчил во множестве записки вождю и другим сотоварищам. В архиве сохранилось два тома записок, сочиненных Зиновьевым на заседаниях высшего партийного синклита!

Зиновьев написал много, оставив еще больше незавершенного. Но написанное соратником Ленина малосодержательно, поверхностно, декларативно. Хотя помощник Зиновьева Р. Пикель, как и другие члены аппарата председателя Исполкома Коминтерна, приложил немалые усилия к выпуску многотомного собрания сочинений патрона. Сделать этого они не успели. После смерти Ленина генсек Сталин, коварно использовав Зиновьева и Каменева в борьбе с Троцким, постепенно отодвинул их далеко от вершины партийной власти.

Зиновьев, правда, продолжал славить Ленина и партию, но голос его был слышен все глуше.

В своей книге «Ленинизм» Г.Е. Зиновьев уделил особое внимание развитию ленинского положения о диктатуре партии. «Согласно учению Ленина, диктатура пролетариата осуществляется через диктатуру авангарда, через диктатуру пролетарской партии… В этом смысле у нас диктатура партии»{102}.

Именно Зиновьеву принадлежит первенство в попытке создать первую биографию Ленина, в которой он напишет, что в хаосе 1918 года, когда все висело на волоске, спас положение Ленин. «Надо вспомнить все эти тревожные, все эти переломные моменты, чтобы уяснить себе, что, не будь тогда товарища Ленина – неизвестно, что было бы с нашей революцией»{103}. Пожалуй, соратник Ленина прав: воля и устремленность вождя позволили большевикам удержать власть.

С уходом Ленина с политической сцены карьера Зиновьева, Каменева, да и других соратников вождя стала быстро закатываться. Сталин давал (и отбирал) бывшему всесильному члену политбюро мелкие должности: члена Президиума Госплана РСФСР, затем члена Совета института имени В.И. Ленина, члена коллегии Наркомпроса республики. Последняя его должность, где он пробыл четыре месяца, член редколлегии журнала «Большевик». В ноябре 1927-го, октябре 1932-го, декабре 1934 года (уже окончательно) Зиновьев исключался из партии, которую он создавал вместе с Лениным.

Соратник Ленина был обречен: он находился слишком близко к «первому вождю» и много знал о Сталине и всех делах «партверхушки». По неписаному правилу диктаторов лишь главный вождь мог обладать таким знанием. Те десять лет тюрьмы, которые Зиновьев получил в 1934 году, сменились в августе 1936 года на высшую меру наказания – расстрел.

Не знаю, вспоминал ли Зиновьев на закате своей жизни Ленина, с которым провел бок о бок долгие годы своей жизни? Пронеслось ли перед его мысленным взором быстротечное время триумфа захвата власти и «руководящей деятельности» на высоких постах в государстве, партии и Коминтерне? Едва ли. В последние часы своей жизни «профессионального революционера» Зиновьев надеялся только на милость Сталина, которого он так недооценил…

Когда вечером 24 августа 1936 года Зиновьева под руки увели из зала суда, где он выслушал вместе с Л.Б. Каменевым, Г.К. Евдокимовым, И.П. Бакаевым, СВ. Мрачковским, В.А. Тер-Ваганяном, И.Н. Смирновым, Е.А. Дрейцером, И.И. Рейнгольдом,

Р.В. Пикелем, Д.И. Круглянским, В.П. Ольбергом, К.Б. Берманом, М.Н. Лурье, Н.Л. Лурье беспощадный, как сама смерть, приговор, он еще на что-то надеялся. Ведь уже однажды Сталин заменил смертную казнь 10 годами… В одиночной камере внутренней тюрьмы НКВД ломающимся карандашом в деревенеющих от страха руках Зиновьев с трудом написал:

«Заявление

О совершенных мною преступлениях против Партии и Советской власти я сказал до конца пролетарскому суду. Президиуму ЦИК они известны.

Прошу мне поверить, что врагом я больше не являюсь и остаток своих сил горячо желаю отдать социалистической родине.

Настоящим я прошу Президиум ЦИК СССР о помиловании меня.

24 августа 1936 г.

Г. Зиновьев

4 часа 30 м. утра»[104].

Жить Зиновьеву с Каменевым, как и его подельцам, оставалось несколько часов. Еще до того как несчастные взяли в свои руки тюремные карандаши для сочинения бесполезных заявлений о помиловании, М.И. Калинин, председатель ЦИК СССР, и Н.К. Уншлихт – за секретаря ЦИК СССР подписали постановление об отклонении еще не написанных ходатайств. Заранее.

Такой будет судьба большинства ленинских соратников. Все они создали такую систему, в топке которой всегда должны быть жертвы.

Пожалуй, еще ближе к Ленину был Каменев. Он не обладал качествами трибуна, «теоретика», как Зиновьев, но был более основателен и, вероятно, более мужествен. Лев Борисович Каменев раньше других рассмотрел диктаторские замашки Сталина и пытался его остановить еще при жизни Ленина.

На заседании политбюро, которое состоялось 15 мая 1920 года, Каменев написал Ленину четыре(!) записки и получил три ответа. Обсуждался вопрос реорганизации Наркомата национальностей и определения отношений с Башкирской республикой[105].

В одной из записок Каменев пишет Ленину, что вопросы, связанные с национальными отношениями, «всегда будут неподготовлены, пока в центре не будет человека, постоянно и систематически знакомящегося с этим делом. Сталин только эксперт. Ставлю, – если это не будет обиды для Сталина, – свою кандидатуру…»[106].

Ленин, однако, не желает «обижать» Сталина:

«НКНац Вас нельзя; не создать ли комиссию? Или не ввести ли Вас членом коллегии НКНаца?»{107}

Каменев не сдается. Предлагает Ленину кроме комиссариата по национальным вопросам образовать Совет из представителей всех национальностей. «Быть председателем его согласен»{108}, – пишет в очередной записке Каменев. Ленин вроде и не против, но в постановлении о реорганизации наркомата Сталин остается во главе комиссариата, прибавив к своему посту и «должность Председателя Совета национальностей»{109}.

Хотя Ленин не был так близок (в житейском плане) к Каменеву, как к Зиновьеву, вождь очень ценил своего соратника. Установлено, что более двух с половиной сот писем, телеграмм, записок он адресовал Каменеву, нередко давал ему деликатные поручения. Например, дела, связанные с семьей, близкими Ленина{110} (дрова, поездки, памятник И. Арманд, квартирные вопросы и т. д.). Именно Каменеву вождь предлагает организовать работу так, чтобы «брать в учителя немцев»{111}. Когда Ленин решился на подписание сепаратного мира с немцами, то пытался свое предательство союзников как-то «сгладить» посылкой Каменева в январе 1918 года в Лондон. Тот, однако, не был принят там; его арестовали и выслали из Англии. В итоге после интернирования в Финляндии Каменев добрался до Москвы лишь в августе того же года.

Первое издание ленинских сочинений редактировалось именно Каменевым и начало выходить еще при жизни вождя. 20 томов в 26-ти книгах. Причем весь личный архив Ленин сам передал Каменеву. Мало кто помнит, что еще в 1907 году Каменев пытался издать ленинский трехтомник «За 12 лет». Вышел один том, но спроса на него совершенно не было, и остальные два не увидели света.

Зиновьев и Каменев были близки к Ленину, и лидер большевиков заботился об их материальном благополучии в эмиграции, подполье, чаще, чем кому-либо, выделял средства из партийной кассы. Однажды, в 1913 году, он даже предложил «Правде» выплачивать Каменеву, как постоянному автору газеты, по 75 рублей в месяц. Доверие и преданность нужно было оплачивать.

Разногласия этих соратников с Лениным были временными. Пожалуй, они более, чем кто другой, ревностно проводили ленинскую линию в большевистской политике. Без этих людей трудно представить Ленина как вождя…{112}

Ленину приходилось постоянно маневрировать в политбюро и ЦК, с тем чтобы не дать разгореться страстям и ослабить неизбежные трения вождей второго плана. Особенно много

хлопот ему доставляли Троцкий и Сталин, почти открыто враждовавшие и не скрывавшие взаимной неприязни. Такой характер отношений в немалой степени был порожден Троцким, не без основания считавшим, что его роль в революции, перевороте уступает только Ленину. И сам вождь не раз публично высоко оценивал роль Троцкого в революции и Гражданской войне.

Председатель Реввоенсовета не скрывал своего покровительственно-снисходительного отношения к другим соратникам Ленина. Это терпели, но за это и не любили Троцкого. Интеллектуальное «превосходство» редко прощают. В конце августа 1918 года Председатель Совнаркома вместе со Свердловым шлют телеграмму Троцкому:

«Измена на Саратовском, хотя и открытая вовремя, вызвала все же колебания крайне опасные. Мы считаем абсолютно необходимой немедленную Вашу поездку туда, ибо Ваше появление на фронте производит действие на солдат и на всю армию…

Ленин. Свердлов»{113}.

И хотя из Саратова получено сообщение от комиссаров А.К. Пайкеса и Б.П. Зорина, что заговор обезврежен и заговорщики расстреляны, Ленин направляет Троцкого на угрожающий участок кровавой гражданской схватки. Поезд Председателя Реввоенсовета метался между фронтами. Троцкий с летучим отрядом затянутых в кожу красноармейцев своим присутствием обеспечивал прилив новых духовных сил сражающимся бойцам. Ленин весьма ценил мобилизующие возможности своего соратника, сыгравшего в годы Гражданской войны не меньшую роль, чем Ленин.

Сам Председатель Совета Народных Комиссаров ни разу не выехал на фронт, да и не пытался это сделать. Он привык влиять на положение дел «издалека», плохо разбирался в конкретных оперативных вопросах военного дела, да и не хотел рисковать своей жизнью.

Ленин руководил своими соратниками, «растил» их, мирил, критиковал, одобрял, помогал искать компромиссы. Надо сказать, что часто это ему удавалось, за исключением отношений Сталина и Троцкого.

Так, у А.В. Луначарского были неоднократные трения с Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым главным образом из-за административного отношения этих членов политбюро (как и самого Ленина) к вопросам культуры, и в частности к театрам. Например, летом 1919 года Луначарский протестовал против административных предписаний Каменева в отношении театров.

Конфликт обострился, когда Московский Совет постановил закрыть ряд театров столицы, формально ссылаясь на нехватку топлива{114}. Луначарский, естественно, пожаловался Ленину. Каменев расценил это как «интриганство» и обратился, в свою очередь, к двум «главным» вождям октябрьского переворота.

«Ленину и Троцкому.

Я до глубины души возмущен письмом Луначарского. Никто никогда не обвинял меня в интриганстве при всех столкновениях. Луначарский делает это второй раз за спиной, поддерживая самые лучшие отношения. Ей-ей, это невыносимо. Я буду теперь с ним беспощаден. Вокруг него грязно.

Л. Каменев».

Ленин примиряюще добавляет к записке Каменева несколько строк: «Ни тени обвинения в интриганстве у него нет»{115}, кладя сей фразой конец препирательствам, грозящим перерасти в ссору. Ленин любил натравливать своих врагов друг на друга, но это совсем не входило в его планы, когда дело касалось соратников.

Ленин никого не приближал к себе до дружески-фамильярных отношений; был внешне тактичен, корректен, но всех держал на должной дистанции. Ценил усердие и преданность, неординарность окружавших его людей. В этом смысле он был весьма высокого мнения о Чичерине и Ганецком. Их трудно назвать «соратниками», скорее помощниками, но Ленин был с ними весьма откровенен и, как и Каменеву, давал этим людям самые щекотливые поручения.

Нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин очень хорошо понимал Ленина с полуслова и был последовательным проводником его политики. Больной, неимоверно растолстевший Чичерин интересовался только внешней политикой и музыкой. Кстати, нарком не оставил своих воспоминаний о становлении советской внешней политики, но зато написал книжку о гениальном Моцарте, где выразил всю музыкальность своей натуры. Чичерин, будучи сам хорошим музыкантом (аристократическое происхождение!), считал Моцарта «идеалом красоты и воплощением космического чувства Вселенной, пламенной настоящей жизни, человеческого духа и безбрежности».

Как писал замечательный биограф Ленина Луис Фишер, лично знавший Чичерина, «у него были антизападные, в особенности – антианглийские предубеждения, напоминавшие те, что были распространены при царе, и проистекавшие из англо-русского соперничества в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Британская интервенция в советской России только укрепила эти предубеждения. Европа интересовала Чичерина

своим могуществом, Азия – своими возможностями»{116}. Правда, когда поход на Варшаву, предпринятый по инициативе Ленина, потерпел провал, Чичерин предлагает вождю бредовую идею: попытаться создать из английских рабочих «добровольческие отряды» для помощи Красной Армии… Ленин соглашается, но, естественно, дело ограничилось лишь этими записками{117}.

Чичерин полностью поддерживал план Ленина в отношении Германии, ее использования против как англо-французских интервентов на территории России, так и белых генералов.

Ленин писал в августе 1918 года:

«…Помощи никто не просил у немцев, а договаривались о том, когда и как они, немцы, осуществят их план похода на Мурманск и на Алексеева. Это совпадение интересов. Не используя этого, мы были бы идиотами…»{118}

Как при подготовке октябрьского переворота Ленин опирался на немецкие финансовые возможности, так и в возникшей Гражданской войне, к которой стремился, он использовал «германский фактор». Не случайно очень близким другом Чичерина был германский посол в Москве граф Брокдорф-Ранцау, с которым нарком любил вести за чаем долгие ночные беседы. Граф был ярым сторонником «активной восточной политики» Германии, что отвечало интересам Ленина. Вождь русской революции всегда считал, что, если получится «революционизировать Германию», мировой пожар потушить никому не удастся.

Пока Ленина не приковала к постели болезнь, он едва ли не чаще, чем с кем-либо другим, говорил с Чичериным по телефону, откровенно обсуждая дипломатические планы в тесной связи с революционными делами.

Накануне Генуэзской конференции чрезвычайная сессия ВЦИК 27 января 1922 года утверждает на нее советскую делегацию во главе с Лениным. Однако Л.Б. Красин и Я.А. Берзин в телеграмме Чичерину из Лондона сообщают: «Приезд Ленина в Италию считаем недопустимым, ввиду савинковцев, врангелевцев и фашистов. Более приемлемым был бы Лондон. Тут можно обставить как приезд, например, в сопровождении Красина, так и проживание…» Ленин тут же соглашается (он никогда лично не любил рисковать) и пишет в политбюро: «Думаю, что указанная Красиным причина в числе других причин исключает возможность поездки в какую-либо страну как для меня, так и для Троцкого и Зиновьева»{119}.

Чичерин предлагает принять некоторые условия организаторов конференции, но выставить контрпретензии по долгам. Затем, понизив «наши контрпретензии ниже их

претензий», получить новый заем{120}.

Ленин более радикален. Он пишет секретное письмо Чичерину, где, в частности, говорится:

«Архисекретно. Нам выгодно, чтобы Геную сорвали… но не мы, конечно. Обдумайте это с Литвиновым и Иоффе и черкните мне. Конечно, писать этого нельзя даже в секретных бумагах. Верните мне сие, я сожгу. Заем мы получим лучше без Генуи, если Геную сорвем не мы. Например, дура Гендерсон и К° очень помогут нам, если мы их умненько подтолкнем…

Ваш Ленин»{121}.

Чичерин осторожно возражает: «…нам до зарезу, ультра-настоятельно нужна помощь Запада: заем, концессии, экономическое соглашение… А если это так, нужно не расплеваться, а договориться… Вы несомненно ошибаетесь, если думаете, что получим заем без Генуи, если расплюемся с Англией… Если мы будем в Генуе бить стекла, они шарахнутся прочь от нас…»{122}.

Однако Ленин хочет многого: и «стекла побить», и заем получить. Чичерин более цивилизован и либерален, чем Ленин, но его не смущают частые жесткости вождя. Когда в Россию летом 1920 года захотел приехать знаменитый Нансен, как уполномоченный Лиги Наций по делам военнопленных, Чичерин поддерживает просьбу последнего. Ленин, однако, думает по-другому:

«По-моему, пока не пускать. У нас следить некому. Мы прозеваем.

Если другие члены политбюро за впуск, то я вношу поправку: с ним абсолютно никого»{123}.

Ленин уже больше чекист, чем сам Дзержинский…

Хотя во многих других случаях Чичерин действует, как Ленин. Когда в июле 1921 года в советскую Россию собиралась приехать американская журналистка Битти, Чичерин пишет записку вождю: «Приезд Битти ничего, кроме вреда, не принесет. Главное соображение – придется пустить многих американцев. В настоящее время лучше не допускать непосредственного наблюдения нашей действительности…»{124} Ленин согласен: к чему демонстрировать «коммунистическую действительность», да и следить надо…

Другой дипломат, А.А. Иоффе, с которым у Чичерина были нередко трения, но это не мешало Ленину высоко его ценить, оставил отрывки своих неопубликованных воспоминаний. В них полнее освещается роль Ленина в советской внешней политике. Первые годы, пишет А. Иоффе, у Ленина вся внешняя политика преломлялась через «ставку на мировую революцию». «Перед

отправкой меня послом в Берлин, – вспоминал Иоффе, – Ленин тщательно инструктировал: как совпосольство должно готовить и распространять в Германии агитационные материалы по созданию революционной ситуации, как использовать деньги для этих целей, как «бросить жирный кусок» российской интеллигенции, находящейся там и согласной на нас работать…»{125}

Иоффе не был близким соратником Ленина, но имел возможность немало с ним встречаться и переписываться, как видный дипломат большевиков. Воспоминания ленинского дипломата, покончившего с собой в конце 20-х годов, показывают Ленина циничным и прагматичным политиком, для которого не существовало ничего святого, кроме власти и революции. Об этом хорошо в свое время сказал Ф. Степун: «Для всей психологии Ленина характернее всего то, что он, в сущности, не видел цели революции, а видел всегда только революцию как цель»{126}.

В ленинском окружении в предреволюционные годы и после переворота внешне незаметную, но весьма важную роль играл Яков Станиславович Ганецкий (он же Фюрстенберг, он же Борель, Гендричек, Франтишек, Николай, Мариан Келлер, Куба…). На заседаниях политбюро вопросы, связанные с Ганецким, обсуждались более двух десятков раз: назначения на новые посты, командировки в западные столицы по финансовым делам, руководство денежными ревизиями, отъезды на лечение за границу, поездки за ленинскими бумагами в Варшаву и т. д. Это был человек хотя и второго плана, но весьма известный и влиятельный. Это был близкий, возможно, самый близкий доверенный и в денежных делах вождя. У Ленина от Ганецкого в данных вопросах не было тайн, и он полностью полагался на незаметного соратника. Именно Ганецкий вместе с Парвусом обеспечили поступление немецких денег в большевистскую кассу «для пропаганды мира», именно этот человек вел денежные дела на различных переговорах с зарубежными делегациями, исполнял личные финансовые поручения вождя. Не раз Ганецкого уличали в каких-то махинациях его сотоварищи, рассматривали «личное дело» на заседаниях ЦК, однако Ленин всегда становился на сторону своего финансового агента. Как писал летом 1918 года Председатель Совнаркома послу в Берлине А.А. Иоффе: «Красин и Ганецкий, как деловые люди, Вам помогут, и все дело наладится»{127}.

Ленинский «казначей», выезжая за границу, выполнял самые деликатные поручения вождя, приобретал, например, «по списочку (побольше)» вещи и продукты для Надежды Константиновны, самого Ленина{128}.

Ганецкий хорошо знал состояние большевистской казны как до переворота, так и после, и приходится лишь удивляться, как он мог так долго прожить после смерти своего покровителя.

Когда в июле 1937 года Ганецкого арестовали, то у человека, ворочавшего большевистскими миллионами, при обыске нашли всего… 2 доллара и кучу старинных пистолетов, которые он коллекционировал. Обвинение было стандартным: «агент германской и польской разведок». Но когда на допросах несчастный стал приводить факты своей близости к Ленину и расположения вождя к нему, Ганецкому, слово «германской» из обвинения исчезло. Слишком опасно было затрагивать германскую тему в связи с Лениным.

Ганецкий, его жена Гиза Адольфовна, сын Станислав в годы сталинского террора были расстреляны. Дочь Анну арестовали прямо в театре и в праздничном летнем платье отправили на Север, где она провела долгие-долгие годы. В память о ленинском «казначее» лейтенант госбезопасности Шевелев оставил в его деле коротенькую справочку:

«Приговор о расстреле Ганецкого Якова Станиславовича (он же Фюрстенберг) приведен в исполнение в гор. Москве 26 ноября 1937 года. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в Особом архиве 1-го спецотдела НКВД СССР, том 2, лист 395…»{129}.

Мало кто из ленинских соратников уцелел после его смерти. Зиновьев, Каменев, Бухарин, Крестинский, Раковский, Бубнов, Курский, Ломов, Сокольников, Шляпников и многие, многие другие испили ту же чашу, что и Ганецкий.

Соратники Ленина… Часто на силуэте того или иного большевика, близкого к вождю, видим блики, отсветы, тени, отбрасываемые фигурой большевистского лидера. Как правило, все «профессиональные революционеры» из обоймы «соратников» дополняли Ленина, бывшего в эпицентре внутрипартийной борьбы, революции и Гражданской войны. В их судьбах эволюция, свершения, драмы и трагедии большевистского эксперимента в России, осуществленного Лениным. Но Ленин был так масштабен, значителен для своего дела, что фаланга его соратников (возможно, кроме четырех-пяти «вождей») была лишь дополнением, антуражем к портрету главного героя.

Без Ленина только Троцкий и Сталин имели самостоятельное историческое значение.

Портретная галерея соратников Ленина, все больше погружающаяся в историческую тьму, – это длинный ряд теней людей, поверивших в химеры большевистского вождя.

«Мировая революция»

Утопии обычно выражают ересь. Поэтому они и бессмертны. Некоторые из них живут очень долго. Идеи Томаса Мора, Оуэна, Кампанеллы всегда имели своих продолжателей спустя многие годы после их ухода с политической сцены. Ленин не был их продолжателем в прямом смысле этого слова. Но он стал отцом потрясающей утопии, которая жила долгие десятилетия в XX веке. Она не просто жила в умах людей, во имя ее реализации вождем русской революции были предприняты беспримерные усилия. Одно время мираж мирового революционного пожара, казалось, обретал самые реальные контуры: Россия, Германия, Венгрия, Италия, Персия, Индия, Китай, Испания…

И об этом желанном пламени Ленин неустанно говорил с момента захвата власти. Выступая на заседании Исполкома Коминтерна 17 июля 1921 года, Ленин заявил: «Победе коммунизма во Франции, Англии и в Германии можно помешать только глупостями»{130}. Речь пролежала десятилетия в совершенно секретных хранилищах большевиков. То ли по тактическим соображениям, то ли из-за неверия соратников в бред своего вождя.

Приехав в марте 1919 года в Петроград на похороны М.Т. Елизарова, мужа своей старшей сестры Анны, он выступил вечером 13 марта в так называемом «Железном зале» Народного дома. Ленин своему «бреду» придал еще большую конкретность. Размахивая рукой, словно обрубая революционные фразы, Ленин заявил, что Версальский мир приведет к дальнейшему усилению противоречий между победителями: «Франция готова броситься на Италию, они не поделили добычу, Япония вооружается против Америки… Рабочие массы и Парижа, и Лондона, и Нью-Йорка перевели слово Советы на свои языки… Победа обеспечена за нами полная, потому что империалисты других стран подогнулись, рабочие уже выходят из состояния угара и обмана. Советская власть уже завоевала себе победу в сознании рабочих всего мира…

Мы еще раз говорим себе и вам с полной уверенностью, что победа обеспечена за нами в мировом масштабе… Мы скоро увидим рождение всемирной федеративной советской республики…»{131}

Кроме газетного отчета в «Северной коммуне» в марте 1919 года, авантюристическая, ирреальная речь Ленина более не увидела света. Его соратники предпочитали держать в тайных архивах болезненные международные видения Ленина.

По большому счету, не Ленин автор идеи «мировой революции». Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», сформулированный Коммунистическим манифестом основоположников «научного социализма», брал в плен всех членов этого всемирного ордена, перед которым пресловутое масонство кажется опереточной группой мелких заговорщиков.

Интересно отметить одно обстоятельство жития идеи «мировой революции». Как ни странно, Ленин особенно отдавался ей в конце своей эмиграции в Швейцарии. Оторванный от России, живя мелкими заботами нейтральной страны, занимаясь традиционными «склоками», увлеченный в это время бесконечной перепиской с И.Ф. Арманд, В.А. Карпинским, СВ. Равич, А.М. Коллонтай, Я.С. Ганецким, Г.Я. Беленьким, Н.Д. Кикнадзе, М.Н. Покровским, Г.Л. Шкловским, другими большевиками, несколько месяцев до своего сенсационного выезда из Берна через Германию в Стокгольм Ленин был увлечен именно идеей «мировой революции».

То ли от вынужденного безделья, то ли от смещения, аберрации политического зрения или огромного отрыва от сложившихся реалий Ленин перенес свое внимание на социал-демократию Швейцарии. Ленин писал тезисы, письма, обращения к лидерам швейцарской социал-демократии Е. Клэтли, П. Граберу, Э. Нобсу, Ш. Нэнте, Р. Гримму с целью поддержки курса на пораженчество буржуазных правительств в войне и даже требований… «поставить на очередь дня пропаганду немедленного социалистического переворота в Швейцарии…»{132}.

Увлеченный, Ленин полагает, что социалистическая революция в Швейцарии возможна, более того, реальна. Но тут же задается вопросом:

– Но ведь великие державы никогда не потерпят социалистической Швейцарии, и первые же зачатки социалистической революции в Швейцарии (даже после работы многочисленных редакторов, заметьте, в ленинских трудах сплошная тавтология. – *Д.В.*) будут подавлены колоссальным перевесом сил этих держав!

На этот резонный вопрос Ленин сам и отвечает: если великие державы вмешаются в дела маленькой страны, то это «явилось бы лишь прологом к тому, чтобы революция вспыхнула во всей Европе»{133}.

Вот так… Мало кто знал о идее «европейской революции», хотя этот бред был опубликован со временем в полном собрании сочинений вождя, но обыкновенно Ленина читали узко, выборочно, по указанию пропагандистских ведомств. Ленин не

исключал начать европейскую революцию, а затем и мировую из теплой, сытой, гостеприимной Швейцарии…

Утопии бессмертны и потому, что они всегда оригинальны в своей беспомощности.

Даже в начале 1917 года, когда Ленин публично заявил в цюрихском Народном доме о том, что он (как и другие старики) не доживет до грядущей революции, эмигрант продолжал твердить о своем. В пространном письме швейцарскому оппоненту Г. Грейлиху в середине января 1917 года Ленин утверждал, что перед пролетариатом Швейцарии два пути. Первый – находиться в состоянии угрозы быть втянутыми в войну, «зарегистрировать 100 000 убитых, положить в карманы швейцарской буржуазии новые миллиарды военных прибылей…».

Второй путь – «вызвать социалистическую революцию»[134].

Как все это похоже на Ленина-максималиста и радикала до мозга костей. Не случайно эти авантюрные псевдореволюционные упражнения, очень смущавшие его соратников, не увидели света на русском языке при жизни Ленина.

Ведь не всякий додумается попытаться превратить Швейцарию в детонатор мировой революции! При этом Ленин был искренне убежден, что своими взглядами выражает интересы подавляющего числа, нет, не только кучки его сторонников, но и «трудящихся» всей планеты! В декабре 1916 года он писал, что нужно принести «величайшие жертвы за социализм. За интересы $^{9}/_{10}$ всего человечества»[135]. Откуда заштатный эмигрант мог знать, что девяносто процентов землян жаждут «его» социализма и даже должны принести во имя этого жертвы?!!

Сейчас Ленин пытается говорить от имени большинства, а затем в своей стране узурпирует власть у этого большинства, даже не спрашивая, хотят ли они его. Б.В. Савинков, человек парадоксальной и изломанной судьбы, писал в 1920 году в Варшаве: «Ленин, Троцкий, Дзержинский возникли помимо воли и желания народа. Их не избирал никто»[136].

Ленин был человеком крайностей; он мог в пустяке увидеть смертельную угрозу или, наоборот, в первом, робком сигнале – начало огромнейшего события. Ошибался часто и вновь пророчествовал, пророчествовал…

Почти все свои выступления после захвата власти в октябре 1917 года вождь сопровождал утверждениями, что мировой пролетариат «идет большевикам на помощь», что классовая солидарность «обеспечит победу над буржуазией». Но общие призывы не давали конкретной отдачи. Нужна была международная коммунистическая организация, в дело создания которой активно включился лидер большевиков, впервые

заговоривший о ней еще осенью 1914 года в Швейцарии. Но из кого создавать эту организацию? Только в России утвердилась большевистская партия, да Спартаковский союз в Германии был ей родственным. Ленин, взявшись за образование «всемирной партии диктатуры пролетариата», порой сам впадал в пессимизм: кого объединять? Анжелика Балабанова, человек с необыкновенной судьбой, вспоминала, что Ленин, размечтавшись об этой всемирной партии, вдруг заявлял: «Вероятнее всего, из этой истории ничего не выйдет»{137}. Подключил к реализации идеи Г.Е. Зиновьева, буквально клокочущего энергией.

В результате в феврале 1919 года несколько раз в эфир запустили обращение о созыве в Москве международной коммунистической конференции, на которую приглашались те, кто «разделяет взгляды русских социалистов, пришедших к власти». То был революционный крик из Москвы, похожий на писк комара. Его, этот «писк», никто не услышал, да и некому, по сути, было замечать. Из Берлина выехали только два делегата: Левине и Эберлейн. Добрался до Москвы лишь последний. Зиновьев в это время лихорадочно «создавал» из сочувствующих военнопленных солдат компартии Австрии и Венгрии. «Сформировали» также делегации России, Украины, Белоруссии, Латвии, Польши, Финляндии, Армении, немцев Поволжья и даже не очень ясную – «народов Восточной России», как и малопонятную – представителей различных «международных групп». Наскребли целых 52 делегата конференции, среди которых с правом решающего голоса (тех, кто был уполномочен что-либо подписывать) было лишь 34 человека. Конференция получилась вся пророссийская. Известных международных деятелей социалистического движения было немного: Ленин В.И., Эберлейн Г., Куусинен О.В., Платтен Ф., Скрытное Н.А., Садуль Ж. Большинство были малоизвестными статистами. В российской делегации на конференции, открывшейся 2 марта 1919 года, восседали, кроме Ленина В.И., Воровского В.В. и Чичерина Г.В., известный чекист Ун шлихт И.С., которого потом заменил цареубийца Юровский Я.М.

В повестке дня было много вопросов: о платформе международной коммунистической конференции, буржуазной демократии и диктатуре пролетариата, о политике Антанты, «белом» терроре и другие.

Естественно, на конференции солировал Ленин. По инициативе большевиков, но озвученной другими «партиями», конференция решила «конституироваться как III Коммунистический Интернационал». Отныне у партии большевиков, ее центрального комитета возник международный

придаток. Нет, не российские большевики, по большому счету, были членами Интернационала; эта международная организация с первого же конгресса (а их состоялось до ее кончины семь) попала в полную зависимость от Москвы.

Открывая первый конгресс, В.И. Ленин заявил, что «наше собрание имеет великое всемирно-историческое значение. Оно доказывает (И – *Д.В.*) крах всех иллюзий буржуазной демократии. Ведь не только в России, но и в наиболее развитых капиталистических странах Европы, как, например, в Германии, гражданская война стала фактом»{138}.

Ленин говорит об этом («гражданская война стала фактом»), как о величайшем революционном достижении. Таков был образ мышления революционеров того времени…

Естественно, лидер большевиков начал с главного: пролетариату следует «осуществить свое господство». А орудие для этого есть: «советская система с диктатурой пролетариата». Выдавая желаемое за действительность, Ленин неожиданно заявил, что «советская система победила не только в отсталой России, но и в наиболее развитой стране Европы – Германии, а также и в самой старой капиталистической стране – в Англии»{139}. Даже наметки того, что Советы рабочих депутатов в ряде стран пытались заявить о себе как экономические организации, Ленин расценил как «победу советской системы»!

На конгрессе Зиновьева избрали председателем созданной международной организации, а Балабанову секретарем. Председатель, пользуясь каждым удобным случаем, делал заявления, обращения, призывы, слушая которые, можно было представить, что земной шар уже весь объят пламенем пожара мировой революции.

«…Победа коммунизма во всей Европе совершенно неизбежна… Движение идет так головокружительно быстро, – выкрикивал слова сильным, звонким голосом Зиновьев, – что можно с уверенностью сказать: через год мы начнем забывать, что в Европе была борьба за коммунизм, ибо через год вся Европа будет коммунистической. Натиск против твердынь капитализма начался. Революция уже наступила!»{140}

Фанатики идеи так в нее верили, что полагали: достаточно прокричать ее в пространство, как она сама реализуется…

Часовой доклад Ленина о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата, прочитанный лидером большевиков 4 марта 1919 года, был выдержан в тонах жесткого антипарламентаризма. Все, что не укладывалось в понятие диктатуры пролетариата, Ленин предал коммунистической анафеме. Особенно досталось так называемой «чистой

демократии» с ее свободой собраний, свободой слова, свободой печати. Все это, по Ленину, «есть пустая фраза».

Нужно отдать должное Председателю Совнаркома: с октября 1917 года и на десятилетия вперед «трудящиеся» России больше не будут во власти «пустых лозунгов чистой демократии». Но этого покажется мало; Ленин хотел, чтобы такой порядок был установлен на всей планете. Сомнений в этом, судя по всему, у него не было. Когда 6 марта 1919 года вождь российской революции закрывал конгресс, его последние слова заключительной речи были искренними: «Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена. Грядет основание международной Советской республики»{141}.

Нынешние российские коммунистические руководители хотят стыдливо отмежеваться от феномена мировой революции. В программе Коммунистической партии Российской Федерации, принятой в 1994 году, утверждается: «Лжекоммунисты призывали превратить молодую республику в базу экспорта революции, в горючий материал для «мирового пожара»{142}. То ли лидеры нынешних коммунистов не читали Ленина, то ли, как всегда, надеются на «короткую» память людей. Записав Ленина – нечаянно – в «лжекоммунисты», авторы программы посчитали, что они отмежевались от идеи мировой революции, стоившей стране столь великих жертв… Но именно Ленин, человек, которому мы все верили, загипнотизировал миллионы химерой: «Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена…»

Эти же мотивы звучали в словах Ленина, когда он писал в «Правду» о I конгрессе Коминтерна, выступал на торжественном собрании представителей разных ветвей большевистской власти в Москве. Раз от разу убежденность в «международной победе коммунизма» росла, а формы ее конкретизировались. На объединенном торжественном собрании пяти различных коммунистических органов власти в Москве Ленин был уже более чем определенен: скоро «увидят все, как будет основана Всемирная Федеративная Республика Советов»{143}. Ленин, как это бывало с ним часто, переоценивал свой опыт. Фактически все начало международной деятельности захвативших власть российских коммунистов, а затем и Коминтерна, который они возглавили, прошло под знаком абсолютизации роли Советов. Ленин видел в «советизации» (а по сути, коммунизации) важнейший революционный метод, способный выкрасить планету в багровый цвет пожарища. Это навязывание собственного опыта чем дальше, тем больше отталкивало от ленинцев тех, кто вначале им искренне сочувствовал.

Дело осталось за «малым»: реализовать на практике эту

уверенность.

Мысль Ленина была слишком инерционна, но вождь не любил быстро забывать любимые мифы. Все знали, что главную ставку на раздувание пламени мировой революции, после России, кремлевский лидер делал на Германию. Ведь все так хорошо складывалось!

Поражение кайзеровского государства привело к быстрой радикализации умонастроений уставшего от войны немецкого пролетариата. Через год после октябрьского переворота, 9 ноября 1918 года, Карл Либкнехт провозгласил образование Германской советской республики. В Киле восстали матросы, тысячи рабочих вышли на улицы Берлина. Казалось, Либкнехт исполнит «роль» Ленина в Германии. Но нет. Более трезвые и не так зараженные чумой максимализма немецкие социал-демократы, и прежде всего Фридрих Эберт и Филипп Шейдеман, постарались направить «революционный поток» в спокойное русло. Они не стали расправляться с генералами, как Ленин с Духониным, а попросили у них поддержки для сохранения знаменитого немецкого «порядка». Союз был установлен. По имеющемуся московскому образцу правительство назвали Советом народных комиссаров. Однако влияние социалистов быстро падало. И хотя в январе Берлин пережил несколько дней гражданской войны, сотрясаясь от канонады и перестрелок, последователям Ленина в Германии не удалось «превратить империалистическую войну в войну гражданскую».

У нас никогда не писалось о том, что советское посольство в Берлине во главе с известным дипломатом А.А. Иоффе, по его словам, «было главным штабом германской революции». По воспоминаниям советского посла, в разгар революции он «заплатил 100 000 марок за оружие для революционеров. Тонны антимонархической и антивоенной литературы печатались в совпосольстве… Почти каждый день социалисты тайком приходили в посольство, чтобы получить советы»{144}. Однако все было напрасно. Основная масса народа не поддалась демагогии. Зловещее убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург, брошенных затем в канал, знаменовало поражение радикального, «российского» варианта революции. Большая денежная помощь Москвы германской революции, закупка оружия рабочим, «инструктора» большевизма не помогли.

Конечно, Ленин и большевики обвинили в предательстве социал-демократов. Но дело было в другом: ни рабочие, ни интеллигенция не видели в ленинском «примере» подходящего для них образца, а армия, чиновничество, крестьянство были враждебны революции. Армия в Германии, несмотря на

поражение в войне, осталась не разложившейся, как это случилось в России. Здравомыслящие немцы стали защищать Веймарскую республику Эберта и Шейдемана значительно лучше, чем либералы и армия в России защищали республику Керенского.

Ленинские схемы революции не были взяты на вооружение социал-демократией, да и внутренняя обстановка коренным образом отличалась от российской. Пресловутые «общие закономерности» перехода от капитализма к социализму, на которых так долго паразитировал послеленинский мир коммунизма, оказались весьма поверхностными. Луис Фишер пишет в своей книге вполне определенно: «Большевизм в России отбил у социал-демократов и у Каутского еще остававшийся у них вкус к революции. Большевизм нуждался в коммунистической Германии, но сделал ее создание невозможным»{145}. Не «ренегат Каутский» повинен в поражении германской революции.

Однако Ленин даже в самые отчаянные моменты борьбы советской власти за выживание не переставал смотреть на Германию. Он искренне верил, что если удастся «разгромить» предателей – социал-демократов, то революционный пожар на немецкой земле все же можно зажечь. И именно с «германской идеей» была связана одна из самых крупных ленинских авантюр.

Ленин, почувствовав, что большевики выиграли Гражданскую войну, настаивал, чтобы революционный заряд победы был направлен в сторону инициирования мировой революции. Как вспоминал Троцкий, «мы шли на риск – на этот раз по инициативе Ленина – прощупывание штыком буржуазно-шляхетской Польши»{146}.

Анализ документов, особенно тех, что лежали семь десятилетий в особых секретных фондах КПСС, свидетельствует: Ленин был главным инициатором «похода на Варшаву» с целью «советизации Польши» и «революционирования Германии». На заседаниях политбюро он вел себя как азартный игрок, который уже получил крупный выигрыш, но хотел его удвоить. Правда, и возражали соратники Ленину слабо. На каком-то этапе вождь большевиков, очень плохо разбиравшийся в тонкостях военной стратегии, фактически взял в свои руки руководство кампанией, окончившейся унизительным поражением.

…По прямому проводу 17 марта 1920 года Ленин дает директиву Сталину, находящемуся на юге: «…Операцию на Крым нельзя затягивать… Только что пришло известие из Германии, что в Берлине идет бой и спартаковцы завладели частью города[3]. Кто победит неизвестно, но для нас необходимо максимально ускорить овладение Крымом, чтобы иметь вполне

свободные руки, ибо гражданская война в Германии может заставить нас двинуться на запад на помощь коммунистам»{147}.

Ленин отдает многочисленные распоряжения, в соответствии с которыми без серьезной подготовки принимается решение «прощупать штыком буржуазно-шляхетскую Польшу». Вождь возбужден, о чем свидетельствуют его разноречивые записки и указания по «польскому вопросу». Он уже мысленно видит бойцов с красными звездами в Варшаве, Берлине, тянущих за собой багровый шлейф советизации капиталистической Европы.

…Уполномоченному по польским делам И.С. Уншлихту, находящемуся на Западном фронте, идет секретная директива от Ленина:

«Сообщить Вашу и других польских товарищей оценку такой тактики:

1. Мы заявляем очень торжественно, что обеспечиваем польским рабочим и крестьянам границу восточнее той, которую дает Керзон и Антанта.

2. Мы напрягаем все силы, чтобы добить Пилсудского.

3. Мы входим в собственно Польшу лишь на кратчайший срок, чтобы вооружить рабочих, и уходим оттуда тотчас.

4. Считаете ли вероятным и как скоро советский переворот в Польше?

Ленин»{148}.

Документ сколь откровенный, столь и циничный. Ленин готов пойти на новые территориальные уступки за счет России, чтобы завоевать поддержку польских «рабочих и крестьян». Оказывается, ввод войск в Польшу нужен только для того, чтобы вооружить «рабочих»… Но все же: когда будет «советский переворот в Польше»? Пока поход в Германию не выпячивается. Ленин всегда любил секреты, хотя какие уж тут тайны? Советская Россия, не успев еще одолеть всех своих неудачливых противников внутри страны, готова взяться за главную задачу: надуть мехи революции в Европе, а затем и в мире.

Полубестолковые, но напористые записки Ленина идут в военные советы и штабы. «Э.М. Склянскому.

Не надо ли указать Смилге, что надо поголовно (после сбора хлеба) брать в войско всех взрослых мужчин.

Надо».

Следом идет еще: «Мобилизовать поголовно белорусских крестьян. Тогда вздуют поляков и без Буденного…»{149}

Варшава рядом… Кажется, триумф близко. Ленин через голову Реввоенсовета, главкома шлет свои указующие записки, часто даже не успевая их привычно «засекретить». В эти дни – больше всего заместителю Председателя Реввоенсовета Э.М.

Склянскому.

Речь идет о дивизиях, которые с юга и из-под Петрограда спешат к Бресту. Ленин торопит, торопит…

«…Если с военной точки зрения это возможно (Врангеля без этого побьем), то с политической архиважно добить Польшу…»

Склянский уже чувствует грозящую беду под Варшавой: главком Тухачевский производит отправку новых войск на Варшаву «не столько для того, чтобы добить поляков, сколько чтобы не дать им развить свой успех и попереть нас назад…».

Но Ленин не хочет даже слышать, что нас могут «попереть назад», он уверен, что можно «вздуть поляков». Ведь он думает не столько о Варшаве, сколько о мировой революции или, по крайней мере сейчас, о европейской.

Его лаконичные послания Склянскому по-прежнему нетерпеливы:

«…Надо нажать: во что бы то ни стало взять Варшаву в 3–5 дней…»{150} Тем более что Ленин, который как никогда часто подходит к оперативной карте, специально принесенной в его кремлевский кабинет, знает: красная конница уже приближается к германской границе, она близка к Пруссии…

«Э.М. Склянскому

Немцы пишут, что Красная Армия близко от Грауденца. Нельзя ли там налечь и вовсе отрезать Польшу от Данцига?

17 августа 1920 г.

Ленин»{151}.

По настоянию Ленина принято решение направить на фронт новые тысячи коммунистов. Большевистская «головка» в Кремле 19 августа 1920 года передает по прямому проводу Петроградскому комитету РКП:

«…Польско-врангелевский фронт требует высшего напряжения сил. ЦЕКа предлагает Вам сосредоточить все силы и средства для фронта, от которого зависит на долгие годы судьба международной революции… Нужны тысячи коммунистов и коммунисток… Не теряйте ни часу. Подайте новый пример партийным организациям всей страны.

Ленин. Крестинский. Троцкий. Сталин. Бухарин»{152}.

Ленину нужна была, конечно, не Варшава, а «международная революция», которую он судорожно пытался «организовать», используя польские шляхи на пути к Германии. Авантюра стоила более 120 тысяч жизней крестьян, мобилизованных в Красную Армию. Дивизии, брошенные к Варшаве и границам Пруссии, шли фактически без снарядов и патронов, без всякого разведывательного, инженерного, транспортного обеспечения. Многие, очень многие погибли, когда, как писали поляки,

произошло «чудо под Варшавой». Десятки тысяч красноармейцев оказались в плену. Судьба более 30 тысяч из них неясна и по сей день…

Ленина никогда не мучили сомнения и раскаяния в содеянном. Он, конечно, ни разу не вспоминал о красноармейцах, гибнущих в польских бараках для военнопленных, куда они попали во имя ленинской химеры «мировой революции». «Сентиментальность, – по его мнению, – есть не меньшее преступление, чем на войне шкурничество»{153}. Об этом же говорил и Виктор Чернов, хорошо знавший вождя лично: «Для Ленина не могло быть ничего хуже сентиментальности…»{154} Они с Троцким почти по-детски радовались, когда удалось войну империалистическую «перелить» в войну гражданскую. То, что она стоила для России 13 миллионов человеческих жизней, двух миллионов изгнанных соотечественников, Ленина никогда не заботило. Жестокая философия большевизма «освободила» вождя от мучений совести. Тот же В. Чернов писал, что «Ленин по совести разрешал себе переноситься по ту сторону совести»…

«Вождя мирового пролетариата» не мучили приступы стыда по поводу того, что, помимо всего прочего, он страшно унизил Россию, которая проиграла войну своей бывшей провинции и выплатила ей огромную контрибуцию… Десятки миллионов рублей золотом. Ленин лишь просматривал доклады о регулярной отправке очередной части контрибуции в Варшаву. Вот секретарь комиссии по золотому фонду Совета труда и обороны Новицкий докладывал: в Польшу вновь отправлено 5 010 900 золотых рублей{155}. Впрочем, золото, драгоценные камни, разбазаренные им за годы революции в фантастически огромных количествах, вождь не добывал на рудниках…

По «Рижскому договору – Польша за линией Керзона, – писал А.Ф. Керенский, – включает в свои пределы 15 уездов целиком и части еще 11 уездов России… Живет на этих землях 6 млн 750 тыс. жителей (поляков лишь 400 тысяч)…»{156}. Вот так «пощупал» штыком Польшу Ленин. Добыл беспрецедентный позор, пожертвовал во имя химер мировой революции множеством человеческих жизней, выбросил в очередной раз на ветер огромные национальные богатства.

Впрочем, деньги для Ленина были не столько элементом рынка, полностью разрушенного большевиками, сколько политическим орудием, средством достижения коминтерновских целей.

Вскоре после образования Коминтерна Ленин заразился идеей: максимально использовать золотые, денежные запасы, захваченные большевистской Россией у царского самодержавия,

для создания все новых и новых компартий, подрыва влияния социал-демократии в европейских странах, для инициирования революционных выступлений пролетариата и колониальных народов против своих угнетателей. Деньги, драгоценные камни в глазах Ленина стали едва ли не главным инструментом революционирования отдельных стран и целых континентов. Царские золотые запасы хищнически разбазаривались для «революционных целей». Конфискованное у буржуазии, церквей золото, ценности в огромных количествах прямиком шли на коминтерновские дела, очень часто оседая в руках предприимчивых дельцов, которых изрядно кружилось вокруг российских богатств. Многие миллионеры и миллиардеры за пределами России свои первичные капиталы получили от Ленина.

Пока Ленин был здоров, он часто запрашивал Гохран, Народный комиссариат внешней торговли, Главзолото республики о наличии, движении, реализации ценностей России, значительная часть которых шла на нужды Коминтерна.

В июне 1920 года Ленину, например, докладывают о количестве ценностей для реализации за рубежом на «революционные нужды»:

«Золото в монетах – 383 448 144

Дополнительно – 101 000 000

Бриллиантов – 140 006 036 карат».

Ленин плохо ориентируется в соотношении количества и объема ценностей и пишет резолюцию:

«Т. Литвинов!

Дайте, пожалуйста, Ваш отзыв на этой же бумаге и пришлите мне архисекретно.

Ваш Ленин»{157}.

Литвинов, Альский предложили Ленину использовать не только традиционные ценности за рубежом, но и ценные бумаги; поставить под более жесткий контроль добычу золота на Бодайбо[4].

Документов, подобных приведенному, очень много. Вот, например, доклад вождю об «отсортированных» в течение 10 дней в Гохране ценностях и готовых к использованию, пересылке, направлению в «резерв», к передаче «по обязательствам», главным образом международного характера (репарации Польше, поддержка компартий, для «подкупа агентов» и т. д.).

«Бриллиантов на сумму – 55 887 000 руб. золотом

Жемчуга – 160 000 штук

Золота (лом) – 91 827 пудов

Изделий из золота – 1 362 087 штук

Серебра – 309 224 пуда»[158] и т. д.

Захватив власть, большевики только по первым данным обнаружили в Государственном банке золота (слитки и монеты) на сумму 1 064 300 000 золотых рублей, не считая 117 миллионов так называемого «румынского золота»[159]. Сюда не вошло большое количество ценностей, хранившихся вне Государственного банка, не вошли платина, серебро и драгоценные камни, которые с беспримерной расточительностью и «революционной» бесконтрольностью стали транжирить большевики. Именно из этих сумм благодаря «гениальному решению» Ленина Россия, не потерпевшая поражения в войне с Германией (!!!), подписала акт о выплате Берлину контрибуции в размере 6 миллиардов марок. Платили золотом (около 245,5 тонны).

Трудно найти в истории примеры большего национального преступления…

Однако вскоре после захвата власти по решению Совнаркома (20 мая 1918 года) значительная часть золотых запасов для «безопасности» была перевезена из Москвы, Тамбова, Нижнего Новгорода и Самары в Казань. Большевики все же побаивались захвата ценностей в столице немцами, поэтому легкомысленно бросили большое количество национальных ценностей на периферию, отнюдь не озаботясь их сохранностью. Но там 40 тысяч пудов золотых и платиновых слитков и 30 тысяч пудов серебра быстро попали в руки восставших чехословаков и белогвардейских войск[160]. Правда, в феврале 1920 года, с крушением Колчака, советские войска вроде вернули «революционному народу» 18 вагонов ценностей: 5143 ящика и 1678 мешков с золотом и драгоценными камнями[161]. Но одна треть из первоначального объема национальных ценностей уже бесследно исчезла.

Как убедительно показали в своей книге «Красные конкистадоры» О.Ю. Васильева и П.Н. Кнышевский, большевики за короткий срок «промотали» фантастические богатства российского народа, в том числе и на «мировую революцию»… Но история ничему не научила российских коммунистов. В своей новой программе КПРФ, где говорится об «уроках российской истории», есть патетические восклицания: «Российская история полностью подтверждает взгляд на роль революций как локомотивов истории»[162]. Этот «локомотив» раздавил десятки миллионов человеческих жизней, превратил великую страну в «архипелаг ГУЛАГ», уничтожил тысячи церквей, создал подневольное сословие крепостных XX века, разбазарил огромные национальные ценности на «революционные дела». Сегодня мне,

бывшему коммунисту, трудно понять, как удалось Ленину взять в духовный плен миллионы людей, всех нас, которые готовы были верить, что национальное предательство (например, «Брестский мир») есть «вершина государственной мудрости» вождя.

Проследить, как использовались ценности для «нужд» Коминтерна, для мировой революции, нелегко, ибо часто огромные суммы выдавались просто по ленинским запискам, иногда даже на основании вербальных (устных) распоряжений вождя или соответствующей «Комиссии ЦК РКП».

Вот, например, письмо Ленина Ш.З. Элиаве – председателю Комиссии по делам Туркестана, написанное 16 октября 1919 года. Ленин советует создать в Туркестане базу снабжения колониальных народов Востока оружием, литературой. Нужно организовать «помощь народам Востока в борьбе с империализмом…». При этом указывает, что «вести дело, конечно, архиконспиративно (как умели при царе работать)». В письме сообщает: «Денег мы не пожалеем, пошлем довольно золота и золотых иностранных монет…» Рудзутак «везет кое-что». В конце еще фраза: «Извещайте меня о важнейших событиях и требованиях»[{163}].

Для работы в Европе Ленин делал упор на оказание финансовой помощи в деле «революционной пропаганды». Так, в своем письме в октябре 1918 года (еще до образования Коминтерна) российскому послу в Швейцарии Я.А. Берзину он уведомляет:

«…не жалейте миллионов на нелегальные связи с Францией и агитацию среди французов и англичан»[{164}].

В другом письме, написанном Берзину через несколько дней, настоятельно рекомендует, как послу уделять $^{3}/_{4}$ времени «на руководство агитацией», используя при этом немцев, итальянцев, французов. А «русским дуракам раздайте работу: посылать сюда вырезки, а не случайные номера, как делали эти идиоты до сих пор». Советует вызывать левых из разных стран. «Из них назначьте агентов, платите и за поездки и за работу архищедро. На официальщину (дипломатическая работа посла. – *Д.В.*) начхать: минимум внимания. На издания и нелегальные поездки maximum внимания…»[{165}]

Секретарь Коминтерна Анжелика Балабанова после эмиграции из России вспоминала, что Ленин от зарубежных сотрудников (а она была послана в Швецию для «работы» в скандинавских странах) и от нее конкретно требовал:

«Я умоляю Вас, не экономьте. Тратьте миллионы, много миллионов». Мне разъяснили, писала Балабанова, что я должна щедро использовать деньги для поддержки левых организаций,

подрыва оппозиционных групп, дискредитации конкретных лиц и т. д.[166]. И Балабанова «не экономила». Ленину докладывали: «По сообщению Балабановой, Грунзбергу дано полмиллиона ценностей и пятьдесят тысяч иностранной валютой.

18 декабря 1919 г.

Я. Берзин. Клингер»[167].

Так большевиками обворовывался народ – единственный хозяин и собственник огромных, фантастических ценностей.

С момента образования Коминтерна, чисто промосковской «мировой» организации, самое прямое влияние на его деятельность стали оказывать нарождающиеся спецслужбы ленинского государства. Со временем ГПУ, НКВД будут держать под контролем всю работу руководящего органа «всемирной коммунистической партии», как поначалу любили называть эту промосковскую организацию большевистские вожди.

Некоторые партии (точнее, их верхушка) с момента своего возникновения поступили на полное содержание ЦК РКП (а по сути, спецслужб Советской России). Это считается почти нормальным, хотя внешне и маскируется. Например, Литвинов в телеграмме Сталину предупреждает, что «в Лондоне записывают номера банкнот, которые мы получаем в банке. Эти деньги на коминтерновские цели использовать нельзя. Тем не менее у арестованного Бордиги (один из руководителей итальянской КП) обнаружили фунты стерлингов из Лондона…»[168].

Один из руководителей финской компартии Э.А. Рахья пишет Ленину из Хельсинки: нужны деньги для «зарплаты» функционерам. Просит конкретную сумму: 10 миллионов финских марок. Резолюция Ленина лаконична: «Согласен». На эту сумму Гохран выделяет царские драгоценности.

Зависимость многих партий от ЦК РКП была полной. «Вождь» Коминтерна Г.Е. Зиновьев, отдыхая в январе 1923 года в Сухуми, шлет распоряжения: нужно «приступить к выработке программ для партий, которые их еще не имеют»[169]. Компартии (по крайней мере, многие из них) играют марионеточную роль по отношению к «старшему брату». Порой они не самостоятельны принимать даже безобидные, рутинные решения.

В августе 1921 года «малое бюро» ИККИ под председательством Ракоши решает провести в начале октября в секциях международной организации так называемую «партийную неделю». И запрашивает политбюро ЦК РКП о целесообразности проведения такой недели в России.

Из ЦК РКП следует указание Зиновьева: «Перенести «неделю» на 7-15 ноября. Ограничиться в «неделе» только пропагандой…»[170]

Руководители национальных секций, аппарат ИККИ, люди, связавшие себя с Москвой, полностью зависимы от ленинского «штаба». Даже снабжение сотрудников Коминтерна значительно хуже, чем аппарата ЦК РКП. По просьбе коминтерновцев Ленин и его соратники не раз рассматривают вопросы увеличения работникам ИККИ пайков муки, мяса, рыбы, мыла и т. д. Например, такой вопрос обсуждался на заседании политбюро 3 ноября 1921 года{171}. «Карманный» Интернационал штамповал нужные большевикам решения: об усилении борьбы с международным меньшевизмом, парламентской социал-демократией, давал указания о методах революционной борьбы на Западе и Востоке. ЦК РКП просто хозяйничает в «мировой коммунистической организации». С самого начала. Например, предстоит II конгресс Коминтерна. Политбюро под председательством Ленина назначает дату его созыва, место, определяет повестку дня, докладчиков, пополнения в аппарат{172}. Марионеточная организация, едва родившись, стала сразу же перерождаться и вырождаться в международную секту большевистских агентов, исполнителей, агитаторов, доверенных лиц РКП в «братских» партиях и профсоюзах.

Но особенно Ленин верит в агитацию. Ему кажется, что стоит «разъяснить угнетенным массам» цели Коминтерна, уроки Советов в России, показать универсальность диктатуры пролетариата, как тысячи, а затем и миллионы трудящихся встанут на тропу, ведущую к мировой революции. Разрабатываются самые различные проекты в этом отношении. По предложению Ленина ответственный работник НКИД Карахан готовит положение, согласно которому ЦК РКП должен регулярно выделять крупные суммы для оплаты большевистских агитаторов, засылаемых в страны Востока. Устанавливается такса (выплачивается предусмотрительно лишь по возвращении): «командировка» в Северный Китай и Корею – 10 тысяч рублей золотом, в Южный Китай – 20 тысяч. Своя шкала существует и для Персии, Индии, других азиатских стран{173}.

Не случайно, что на II конгрессе Коминтерна, проходившем в июле-августе 1920 года в Москве, Ленин в своем пространном докладе поставил задачу: начать организацию «советского движения в некапиталистических странах. Советы там возможны; они будут не рабочими, они будут крестьянскими Советами или Советами трудящихся»{174}. Но конечная цель, провозглашенная Лениным в марте 1919 года, осталась прежней: создание всемирной Советской республики.

Ленин, повторю, верил в большевистскую агитацию. Однажды он чуть не «клюнул» на предложение некоего Е. (работника

Коминтерна на Балканах). Тот докладывал в Москву: «Можно захватить Константинополь руками распропагандированных врангелевцев, в глазах которых престиж советской России очень велик. Затем отдадим его кемалистам[5]… Врангелевцы без труда займут Андрианополь, Салоники, там появятся наши комиссары, и едва держащиеся балканские правительства будут опрокинуты, что может иметь громадный эффект и дальше Балкан». Е., разумеется, просил еще денег, денег…

Ленин колебался. А вдруг мировую революцию можно зажечь с этого, неожиданного конца. Посоветовался с Чичериным и Троцким. Последний, будучи революционером до мозга костей, тем не менее назвал предложение Е. полной «авантюрой». Ленин с сожалением согласился с «военным мозгом» революции…{175}

Почему Ленин делал такую ставку на мировую революцию? Почему первые годы советской власти он буквально был помешан на этой идее, а затем, незадолго до своей кончины, стал остывать к ней?

Дело в том, что Ленин долго сомневался, что большевики устоят. Для него мировая революция была прежде всего помощью России, ее защитой и спасением, а затем уже вписывалась в дальние, стратегические цели русских коммунистов. Ленин верил, искренне верил в то, что «советская власть России сумела завоевать чувство поддержки, внимания всего мира», а это значит, говорил Ленин в Петрограде в марте 1919 года, что «победа за нами обеспечена полная»{176}.

В 1919–1921 годах Ленин действовал как азартный игрок, бросая в угли классовых конфликтов людей, деньги, золото, агитаторов, свой авторитет с целью раздуть пламя мирового пожара. Польский поход подействовал на Ленина отрезвляюще. Но постулаты, бредовые идеи о «мировой революции» жили после Ленина еще долгие десятилетия, трансформировавшись от необходимости прямого штурма цитадели капитализма к ее долгой и планомерной осаде.

Уже будучи смертельно больным, в конце марта 1922 года с удовлетворением подчеркивал слова речи Г.В. Чичерина, которую нарком по его поручению должен был произнести на Генуэзской конференции:

…Мы, коммунисты, считаем неизбежным насильственный переворот и применение кровавой борьбы…

…Мы, которых историческая концепция включает применение насильственных мер…

…Мы, которых историческая концепция предполагает неизбежность новых мировых войн…{177}

Вот такая новая сила пришла к власти в гигантской стране,

что постепенно привело к двухполюсности мира, чудовищной конфронтации, новой мировой войне, кошмарному ядерному противостоянию. Все складывалось по «исторической концепции» Ленина. Сколь бессмысленным, чудовищно опасным был этот глобальный конфликт! Земляне рисковали потерять все и исчезнуть. Во Вселенной могло не остаться ни одного живого существа, способного уронить хотя бы одну слезу… Яростная воля Ленина, воспаленный мозг сокрушителя, дьявольская цепкость политика смогли создать столь сильные революционные дрожжи, что почти весь XX век испытывал их вулканическое брожение.

Так называемое «мировое коммунистическое движение» было фикцией. Кроме Китая, Италии, Франции, нигде не удалось создать массовые партии. Их было несколько десятков, похожих на вымирающие секты. Как правило, руководители этих «партий» жили на деньги Москвы и были готовы при очередном «историческом съезде КПСС» в Кремле произнести речь, отредактированную на Старой площади в аппарате ЦК.

Видимость массовости движения была нужна советским руководителям для многих целей: иллюзии массовой поддержки СССР, обреченности «старого строя», «неисчерпаемости» ленинизма. До самых последних дней распада великой страны ко многим компартиям по-прежнему проявляли повышенный интерес спецслужбы ленинской страны.

Утопии бессмертны. Но идея мировой революции выродилась и тихо зачахла. Бессмертие ей не угрожает.

За кулисами

У каждого человека есть своя «личная жизнь». Ее трудно отделить от того, чем занимается личность, но тем не менее эта сфера бытия обычно полузакрыта. Как бывают закрытыми и многие конфиденциальные, тайные деяния лидеров. Все это остается как бы «за кулисами». Если сама политическая сцена, где солировали коммунистические вожди, более или менее освещена (конечно, только в выгодном для них свете), то, что происходит за самими кулисами, известно лишь самому узкому кругу людей.

Личная жизнь всегда, в той или иной мере, тоже находится «за кулисами». Это естественно. Семейный мир с его противоречиями, сложностями, радостями, интимной жизнью – мир личный.

Что касается Ленина, то его «личная жизнь» не представляет особых загадок. Он был однолюб. И тем не менее эта жизнь далеко не та, какой ее долго изображали официальные

историографы.

До 1909 года его жена, Надежда Константиновна Крупская, была единственной любимой женщиной-другом и партийным товарищем. По сути, фанатичная преданность Ленина партийным и политическим делам не оставляла достаточно времени столь тонкой сфере человеческих отношений, как любовь, увлечения женщинами. До женитьбы в июле 1898 года в Шушенском на Надежде Крупской известно лишь одно заметное «ухаживание» Владимира Ульянова. Его серьезно привлекала подруга Крупской – Аполлинария Якубова, тоже социалистка и учительница, как и его будущая жена.

Уже не очень молодой Ульянов (ему тогда перевалило за двадцать шесть) сватался к Якубовой, однако встретил вежливый, но твердый отказ. Судя по ряду косвенных признаков, неудачное сватовство не стало заметной драмой будущего вождя российских якобинцев.

В последующем Ленин не раз встречался за границей с А.А. Якубовой, ставшей женой социал-демократа К.М. Техтерева, обменивался с ней письмами. Правда, были эти послания сугубо партийными, хотя едва ли респонденты забыли, что их судьба могла, возможно, сложиться совсем иначе, стань они мужем и женой.

Известна еще одна увлеченность Ленина (до встречи с И. Арманд), молодой француженкой в Париже. В тридцатые годы, когда Сталин особенно активно добивался возвращения всех ленинских рукописей под свой контроль, посланцам из Москвы удалось прочесть в Париже у Г.А. Алексинского несколько писем Ленина французской писательнице весьма личного, интимного характера. Но тогда была еще жива Н.К. Крупская, и знакомая Ленина свои письма отказалась продать Москве.

Однако вернемся к порогу века. Приехав в Шушенское, мать Крупской Елизавета Васильевна настояла, чтобы брак был заключен без промедления, добившись при этом, чтобы свершился он «по полной православной форме». Двадцативосьмилетний В.И. Ульянов и Н.К. Крупская, которая была старше жениха на один год, подчинились воле матери. Атеисты Ульяновы терпеливо снесли все церковные формальности и зажили спокойно и умеренно. Хорошо знавший Ленина А.Н. Потресов вспоминал, что Ульянов «в своей личной жизни – скромный, неприхотливый, добродетельный семьянин, добродушно ведший ежедневную, не лишенную комизма борьбу со своей тещей, – она была единственным человеком из его непосредственного окружения, дававшим ему отпор и отстаивавшим свою личность…»{178}.

Жизнь текла размеренно: ни громких ссор и долгих размолвок, ни попыток разорвать брачный союз (по крайней мере, до знакомства Ульянова с Арманд) и создать новый в семье революционеров не было. Со стороны могло показаться, что Ульяновы – просто партийные товарищи, делающие общее дело. Надежда Константиновна была заботливым другом, взявшим на свои плечи хлопоты по домашнему хозяйству в их бесконечных эмигрантских скитаниях.

Супруги никогда ни с кем не делились своей болью: бездетностью Надежды Константиновны, страдавшей базедовой болезнью, и, как пишет сам Владимир Ильич, не только ею. В письме к матери любящий сын сообщает: «Надя, должно быть, лежит (она в то время не была с ним в Пскове. – *Д.В.*): доктор нашел (как она писала с неделю тому назад), что ее болезнь (женская) требует упорного лечения, что она должна на 2–6 недель лечь. Я ей послал еще денег (получил 100 р. от Водовозовой), ибо на лечение понадобятся порядочные расходы…»{179}

Порой боль супруги Ленина о неиспытанном счастье материнства косвенно прорывается в ее письмах, воспоминаниях. Говоря о Вере Засулич, Крупская отмечала: «Потребность же в семье у нее была громадная… Надо было только видеть, как любовно она возилась с беленьким малышом, сынишкой Димки (сестры П.Г. Смидовича)…»{180}

В «Воспоминаниях о Ленине» Н.К. Крупская предпочитает говорить о друзьях и знакомых, революционной работе, городах, где жили супруги во время эмиграции, партийных делах, которым оба посвятили всю свою жизнь. Пожалуй, подробнее она говорила о семье лишь в связи с болезнью супруга, об их жизни в Горках, где Ленин и скончался. В своих бесхитростных воспоминаниях «Последние полгода жизни Владимира Ильича» она, по сути, написала «моральную историю болезни». Наступило в 1923 году время, когда Крупская стала главным толкователем смысла жестов, звуков, нечленораздельного мычания вождя русской революции. «Отгадывать было возможно потому, что, когда жизнь прожита вместе, знаешь, что какие ассоциации у человека вызывает. Говоришь, например, о Калмыковой и знаешь, что вопросительная интонация слова «что» после этого означает вопрос о Потресове, об его теперешней политической позиции»{181}.

О совместной жизни Крупская пишет очень скупо, чуть раскрываясь, лишь когда описывает свои путешествия с мужем. Рассказывая, как Владимир Ильич устал от борьбы с меньшевиками в преддверии III съезда партии, Надежда

Константиновна вспоминает: «Мы с Владимиром Ильичем взяли мешки и ушли на месяц в горы… Побродяжничали мы месяц: сегодня не знали, где будем завтра, вечером, страшно усталые, бросались в постель и моментально засыпали… Мешки были тяжеловаты: в мешке Владимира Ильича уложен был тяжелый французский словарь, в моем – столь же тяжелая французская книга, которую я только что получила для перевода. Однако ни словарь, ни книга ни разу даже не открывались за время нашего путешествия; не в словарь смотрели мы, а на покрытые вечным снегом горы, синие озера, дикие водопады»{182}.

В конце декабря 1909 года супруги после долгих колебаний переехали в Париж, где Ленину было суждено встретиться с яркой, волнующей личностью – Инессой Арманд. Эта молодая женщина, «русская француженка», оставила глубокий сердечный шрам в душе лидера большевиков. Крупская не могла не знать, что у сорокалетнего мужа бурно вспыхнули нерастраченные чувства. Есть свидетельства, в частности Коллонтай, что она хотела уйти и предоставить свободу супругу. Но тот, почти без колебаний, сказал: «Нет, оставайся». Как рассказывала А. Коллонтай, «вообще Крупская была «au corant» (в курсе. – *фр.*). Она знала, что Ленин был очень привязан к Инессе, и не раз выражала намерение уйти. Ленин удержал ее»{183}.

Может быть, поэтому, говоря о пребывании во Франции (встреча Ленина с Арманд), Крупская считала, что «в Париже пришлось провести самые тяжелые годы эмиграции»{184}. Но, к чести Крупской, она не стала устраивать мещанских сцен ревности и смогла установить с красивой француженкой внешне ровные, даже дружеские отношения. Та отвечала Крупской тем же.

Жена Ульянова в своих воспоминаниях, например, писала: «Осенью мы все, вся наша краковская группа, очень сблизились с Инессой. В ней было много какой-то жизнерадостности и горячности… К Инессе очень привязалась моя мать, к которой Инесса заходила часто поговорить, посидеть с ней, покурить. Уютнее, веселее становилось, когда приходила Инесса»{185}.

Арманд, по удачному выражению А.И. Солженицына, став «подругой Ленина», приняла правила игры «трех». Она смогла проявлять дружеские чувства и к жене любимого ею человека. Вот начало письма И. Арманд к Крупской: «Дорогая моя Надежда Константиновна! Дорогая Н.К., как я о тебе соскучилась…»{186} Знакомясь с перепиской Ленина и Арманд (значительная часть которой сохранилась), убеждаешься, что отношения этих людей были озарены светлыми чувствами.

Большевистская мораль, фарисейская по своей сути, не могла

допустить, чтобы в биографии вождя были сомнительные штрихи. Письма Ленина к Арманд и француженки к лидеру русской революции, опубликованные в собраниях сочинений, полны купюр… Многое из их переписки не было никогда опубликовано, хотя именно эти письма показывают Ленина как человека, которому были не чужды страсти, увлечения, интимные переживания. Впрочем, Ленин был сам очень осторожен и, вероятно, уничтожил многие письма от Арманд и свои тоже. В июле 1914 года Ленин пишет Инессе (конечно, в Полном собрании сочинений эти строки опущены): «Пожалуйста, привези, когда приедешь (т. е. привезти с собой), все наши письма (посылать их заказным сюда неудобно: заказное письмо может быть весьма легко вскрыто друзьями. И так далее…). Пожалуйста, привези все письма, приезжай сама, и мы поговорим об этом»[{187}].

Конечно, Ленин стремится заполучить собственные письма не с целью перечитать их вновь. Он осторожен и совсем не хочет, чтобы об их близкой связи знали другие.

В своей книге «Ленин» я достаточно подробно рассказал об отношениях этих двух людей, чье влечение друг к другу было чистым и возвышенным. Об этом, например, свидетельствует письмо Арманд Ленину из Парижа в Краков. Послание очень велико, поэтому приведу лишь его фрагменты.

«Суббота, утро.

Дорогой, вот я и в Ville Lumiere (светлый город. – *Д.В.*), и первое впечатление самое отвратительное. Все раздражает в нем – серый цвет улиц, и разодетые женщины, и случайно слышанные разговоры, и даже французский язык… Грустно было потому, что Ароза была чем-то временным, чем-то переходным. Ароза была еще совсем близко от Кракова, а Париж – это уже нечто окончательное. Расстались, расстались мы, дорогой, с тобой! И это так больно. Я знаю, я чувствую, никогда ты сюда не приедешь! Глядя на хорошо знакомые места, я ясно сознавала, как никогда раньше, какое большое место ты еще здесь, в Париже, занимал в моей жизни, что почти вся деятельность здесь, в Париже, была тысячью нитей связана с мыслью о тебе. Я тогда совсем не была влюблена в тебя, но и тогда я тебя очень любила. Я бы и сейчас обошлась без поцелуев, и только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью – и это никому бы не могло причинить боль. Зачем было меня этого лишать? Ты спрашиваешь, сержусь ли я за то, что ты «провел» расставание. Нет, я думаю, что ты это сделал не ради себя.

Много было хорошего и в отношениях с Н.К. В одной из наших последних бесед она мне сказала, что я ей стала дорога и

близка лишь недавно… Только в Лонжюмо и затем следующую осень в связи с переводами и пр. я немного попривыкла к тебе. Я так любила не только слушать, но и смотреть на тебя, когда ты говорил. Во-первых, твое лицо оживляется, и, во-вторых, удобно было смотреть, потому что ты в это время этого не замечал…

Ну, дорогой, на сегодня довольно – хочу послать письмо. Вчера не было письма от тебя! Я так боюсь, что мои письма не попадают к тебе – я тебе послала три письма (это четвертое) и телеграмму. Неужели ты их не получил? По этому поводу приходят в голову самые невероятные мысли. Я написала также Н.К., брату, Зине (жене Г.Е. Зиновьева. – *Д. В.*).

Неужели никто ничего не получил?

Крепко тебя целую.

Твоя Инесса»{188}.

Письмо (а их немало) более чем красноречиво свидетельствует о подлинном характере отношений Инессы Арманд, матери пятерых детей, и Владимира Ульянова-большевистского «моралиста». Марксистские схемы нравственности быстро отступили перед реальными, сильными чувствами, которые захватили двух эмигрантов. Из этих неопубликованных писем двух не очень уже молодых людей и из купюр, сделанных партийными издателями, можно составить целый сборник… Книгу о любви двух революционеров, о необычном «треугольнике», в котором все (даже Надежда Константиновна) сохраняли благообразные отношения.

Жена Ленина, находившаяся в самой трудной позиции, по словам А.И. Солженицына, «воспитывала в себе последовательность: не отклонять с пути Володю ни на волосок – так ни на волосок. Всегда облегчать его жизнь – и никогда не стеснять. Всегда присутствовать – и в каждую минуту как нет ее, если не нужно… О сопернице не разрешить себе дурного слова, когда и есть что сказать. Встречать ее радостно, как подругу, – чтобы не повредить ни настроению Володи, ни положению среди товарищей…»{189}.

У Ленина был трудный выбор: между чувствами и долгом, между огромным влечением и нормами приличия. Он смог, как не раз делал в политической жизни, найти компромиссные решения. Он сохранил семью и сохранил для себя Инессу.

Весной 1912 года чета Ульяновых засобиралась в Краков, поближе к России. Заторопилась в Польшу и Инесса. Она стала тенью семьи… Крупская вспоминала, что Инесса «много рассказывала мне в этот приезд о своей жизни, о своих детях, показывала их письма, и каким-то теплом веяло от ее рассказов. Мы с Ильичем и Инессой много ходили гулять»{190}. Арманд

временами была похожа то на тень, то на члена семьи. В 48-м томе Полного собрания сочинений есть одно из писем Ленина к Арманд. В предпоследнем абзаце – многоточие. Значит, очередное изъятие. А там сказано: «…безграничная дружба, абсолютное доверие укрепились во мне и ограничиваются у меня только по отношению к 2–3 женщинам. Это совершенно взаимные, совершенно взаимные деловые отношения…»{191}.

Ясно, по-моему, одно, что в числе «2–3 женщин» почти наверняка Крупская и Арманд. Ленин был обречен делить свою любовь между двумя женщинами. В этом утверждении нет осуждения; судьба человека такова, что в ней есть вещи, в которых прямолинейные оценки могут оказаться столь же неверны, как и умолчание.

Когда Арманд нет вблизи, Ленин пишет ей письма. Пожалуй, мало кому он написал так много писем, как Инессе. Иногда это многостраничные послания.

…В июле 1914 года Ленин отправляет большое письмо к «подруге» своего сердца. В нем так много тем: о предстоящем докладе Инессы, о Вандервельде, Розе Люксембург, Ягелло, Каутском, других социал-демократах. В текст одновременно вкраплены очень личные излияния. Сразу же после рассуждений о ликвидаторах, профессиональных союзах и страховых кассах Ленин, например, пишет (на французском): «О, мне хотелось бы поцеловать тебя тысячу раз, приветствовать тебя и пожелать успехов: я вполне уверен, что ты одержишь победу. Искренне твой В.Л.». (Иногда Ленин, как, например, в письме 12 (25) июля 1914 года, обращается к Арманд особо подчеркнуто: «Мой дорогой, самый дорогой друг!») Ленин продолжает в письме:

«Я забыл о денежном вопросе. Мы оплатим письма, телеграммы (пожалуйста, телеграфируй почаще) и железнодорожные расходы, расходы на гостиницу и т. д. Помни об этом»{192}.

Конечно, в Полном собрании сочинений Ленина опубликована лишь та часть письма, где не говорится о «поцелуях».

В письмах к Арманд Ленин особенно размашисто, хлестко говорит о своих оппонентах, людях, с которыми он имеет дело: «Мерзавец, сволочь Попов»; «дурачок Радек», «старый дурень Кон», «глупая полковая дама» (о Р.С. Розмирович), «дурак Трояновский», «негодяй Мартов»{193} и т. д.

Ленин в письмах к Арманд пишет не только о делах личных, но и о самых острых партийных, финансовых, литературных. Инесса для революционера уже стала частью его духовной жизни; без нее он уже не представлял своего существования. После

приезда в Россию, «в революцию» (Инесса, конечно, была с семьей Ульяновых в знаменитом «пломбированном вагоне» в одном купе), Ленин, захваченный вихрем событий, встречался с Арманд уже реже, чем за рубежом.

Когда решался вопрос о возвращении из Швейцарии в Россию с помощью германских властей, Ленин писал Инессе 6 (19) марта 1917 года: «Вы скажете, может быть, что немцы не дадут вагона. Давайте пари, что дадут!»{194}

Лидер большевиков знал, что у Берлина и его, Ленина, партии одна цель: «повалить Россию», как выразился военный мозг немецкой нации Людендорф, добиться ее поражения. Тогда путь к революции, к власти будет открыт. Поэтому Ленин хорошо знал, что писал Инессе; специальный вагон для вождя большевиков немцы обязательно «дадут». Ведь он «загружался» взрывной силой революции планетарной мощности.

Но революция быстро надорвала силы не только Ленина, но и его любимой. Инесса горячо бралась за любое дело, какое ей поручали партийные руководители. Сил у нее оказалось меньше, чем было нужно в это сумасшедшее время. Дети, трудный быт, новая обстановка, революционный ритм жизни менее чем за три года после октябрьского переворота опустошили душу женщины и подорвали ее физические силы. В своих дневниковых записях Инесса, совсем незадолго до кончины, записала:

«…Теперь я ко всем равнодушна. А главное – почти со всеми скучаю. Горячее чувство осталось только к детям и к В.И. Во всех других отношениях сердце как будто бы вымерло. Как будто бы, отдав все свои силы, свою страсть В.И. и делу работы, в нем истощились все источники любви, сочувствия к людям, которыми оно раньше было так богато. У меня больше нет, за исключением В.И. и детей моих, каких-либо личных отношений с людьми, а только деловые… Я живой труп, и это ужасно»{195}.

Бесовство революции искалечило миллионы судеб. В ее жернова угодило и такое хрупкое, нежное и милое существо, как Инесса Арманд. Ленин в Москве и Петрограде все реже встречался с «русской француженкой». Он уже не принадлежал себе, а только своему божеству – революции. Правда, вождь Октября писал довольно часто записки Арманд: справлялся о здоровье Инессы и ее детей, посылал продукты, покупал ей калоши, отправлял на Арбат, угол Денежного и Глазовского, дом 3/14, квартира 12, своего личного врача для «пользования» заболевшей Инессы, распоряжался отремонтировать у нее телефон…

Ленин, видимо, чувствует, что Инессу опустошили беспросветность борьбы, хаос и тяготы бытия. Давно известно, что

топка революции ненасытна; она требует все новых и новых жертв. Инесса стала одной из бесчисленного их множества.

Осенью 1920 года Арманд сдала совсем. В своем дневнике 9 сентября она запишет: «Мне кажется, что я хожу среди людей, стараясь скрыть от них свою тайну, – что я мертвец среди живых, что я живой труп… Сердце мое остается мертво, душа молчит, и мне не удается вполне укрыть от людей свою печальную тайну… Так как я не даю больше тепла, так как я это тепло уже больше не излучаю, то я не могу больше никому дать счастья…»{196}

Она хотела поехать в родную Францию, хоть ненадолго вырваться из объятий революции и восстановить растраченные силы. Ее тянула к себе родина. Арманд чувствовала, что погибает от груза тягот, навалившихся на ее хрупкие плечи. Она позвонила Ленину, тот был занят и позже ответил запиской:

«Дорогой друг!

Грустно было очень узнать, что Вы переустали и недовольны работой и окружающими (или коллегами по работе). Не могу ли помочь Вам, устроив в санатории? С великим удовольствием помогу всячески. Если едете во Францию, готов, конечно, тоже помочь; побаиваюсь и даже боюсь только, очень боюсь, что Вы там влетите… Арестуют и не выпустят долго… Лучше бы не во Францию, а то Вас там надолго засадят и даже едва ли обменяют на кого-либо. Лучше не во Францию…

Если не нравится в санаторию, не поехать ли на юг? К Серго на Кавказ? Серго устроит отдых, солнце, хорошую работу, наверное устроит. Он там власть… Подумайте об ЭТОМ…»{197}

Инесса «подумала» быстро; она не только любила Ленина, но и, как всякая любящая женщина, полностью полагалась на него. Получив записку, Арманд позвонила: я согласна поехать на юг…

Тут же, 17 августа 1920 года, Ленин продиктовал официальное распоряжение Председателя Совнаркома:

«Прошу всячески помочь наилучшему устройству и лечению писательницы тов. Инессы Федоровны Арманд, с больным сыном.

Прошу оказать этим, лично мне известным, партийным товарищам полное доверие и всяческое содействие»{198}.

Кто мог знать, что, отговорив Арманд от поездки во Францию, он пошлет ее туда, где Инесса встретит свою смерть?

Судьба человека загадочна. Она, похоже, как некая внешняя сила, знающая наше будущее, ведет нас своей роковой рукой по узкой тропе в определенном направлении, к своему финалу. Ленин, по воле судьбы Инессы, своей рукой повернул ее лицом к югу, на Кавказ, к Серго, который – «власть». А оттуда через месяц пришла телеграмма:

«Вне всякой очереди. Москва. ЦЕКа РКП, Совнарком, Ленину.

Заболевшую холериной товарища Инессу Арманд спасти не удалось точка кончилась 24 сентября точка тело перепроводим Москву Назаров»{199}.

Вероятно, Ленин пережил мучительные часы после получения рокового известия. Серго еще пару дней назад сообщал: «У Инессы все в порядке». И вдруг такой страшный финал… Холера, смерть, гроб… Потрясение Ленина было огромным; подруга Арманд Александра Коллонтай прямо утверждала: «Он не мог пережить Инессу Арманд.

Смерть Инессы ускорила его болезнь, ставшую роковой…»{200}

Похоронили Инессу в Москве, в Кремлевской стене. Везли ее с Кавказа в столицу почти три недели… Та же Коллонтай рассказывала, что когда 12 октября 1920 года «мы шли за ее гробом, Ленина невозможно было узнать. Он шел с закрытыми глазами и казалось – вот-вот упадет»{201}. Кто мог знать (судьба!), что пройдет всего три с небольшим года и человек, к которому, по словам умершей, у нее до конца осталось «горячее чувство», будет самым необычным способом «похоронен» здесь же, на Красной площади… Сейчас она – в тени мавзолея, усыпальницы земного бога. Это соответствует той исторической участи, что выпала на долю этой незаурядной женщины: быть вечно в тени вождя русской революции.

У каждого обычного человека есть своя личная жизнь. Но она интересует, как правило, столь малый круг людей, что их можно усадить всех на одном диване. Известные, тем более знаменитые, лица становятся объектом самого пристального внимания людей, а в демократических странах – и журналистов. И такое любопытство, любознательность – оправданны. Политический лидер, фигуры первой величины в науке, культуре, бизнесе, дивы эстрады, звезды спорта только тогда предстают в обществе цельной личностью, когда люди их знают не только с «парадной» стороны, с той, что знаменитости выгодно, но и с тех сторон деятельности, что обычно находятся за кулисами.

За кулисами находится не только «личная жизнь», какая-то ее часть, но и многие деяния, совершаемые втайне от людей. Особенно если эта жизнь – политика. Чем более цивилизованно, демократично общество, тем меньше «закрытого» происходит за кулисами. Дело Профьюмо (связь английского министра с любовницей), Уотергейтский скандал в США, связанный с подслушиваниями в предвыборной борьбе, получили огромный общественный резонанс с серьезными последствиями. Ничего подобного не могло быть в обществе, государстве, системе, созданной Лениным. Люди знали лишь то, что им «положено»

было знать. То, что происходило за кулисами политики, редко выходило наружу. Или «выходило» в препарированной, нужной для одобрения или неодобрения форме.

Ленин, сформировавшийся в обстановке уважения к партийной конспирации, наложил свою печать пристрастия к сохранению тайн и секретов. Откройте, допустим, 54-й том Полного собрания сочинений. То тут, то там: «Не следует ли созвать из архинадежных людей совещание тайное о мерах борьбы?» Даже о ревизии отдела животноводства: «Пришлите секретно на имя Фотиевой»; или: «Не предложить ли тотчас секретно всем постпредам прозондировать почву…» Из письма Сокольникову: «…Альского надо прогнать (никуда не годен)». Здесь же: «Посылаю Вам сие секретно»{202}.

Любовь к секретам у Ленина – поразительна. Не случайно большевики, следуя ленинской политической методологии, огромные сферы жизни СССР сделали со временем абсолютно закрытыми, секретными. Судите сами. К секретным и особо секретным областям относились: жалованье членов политбюро, количество закупаемого зерна за границей, объем добычи золота в стране, количество заключенных в тюрьмах, результаты переписи населения, число исключенных коммунистов из партии, сумма помощи зарубежным родственным организациям, динамика и статистика преступности, персональные дела на партийных бонз и многое, многое другое. Словно власть хотела всю жизнь засунуть «за кулисы» таинственности. В этом одна из сущностных черт тоталитаризма – всеобщий контроль, который невозможен без господства «секретов»: государственных и нелепых, национальных и надуманных, военных и бюрократических. Ленин «приложил руку» к этой сущностной традиции системы. 5 января 1920 года вождь шлет телеграмму члену Реввоенсовета республики Г.К. Орджоникидзе:

Секретно

Т. Серго! Получил сообщение, что Вы и командарм 14 пьянствовали и гуляли с бабами неделю…

Скандал и позор! А я-то Вас направо и налево нахваливал! И Троцкому доложено…

Ответьте тотчас:

1) Кто Вам дал вино?

2) Давно ли в Рев. военном совете пьянство? С кем еще пили и гуляли?

3) – тоже – бабы?

4) Можете по совести обещать прекратить или (если не сможете) куда Вас перевести? Ибо позволить Вам пить мы не можем.

5) Командарм 14 – пьяница? Неисправим? Ответьте тотчас. Лучше дадим Вам отдых. Но подтянуться надо. Нельзя. Пример подаете дурной.

Привет. Ваш Ленин»[203].

Орджоникидзе обиделся и, конечно, все отрицал. Эпизод завершился 3 апреля 1920 года еще одной ленинской телеграммой: «Получил Ваше обиженное письмо. Вы рассматриваете напрасно обязательный для меня запрос как недоверие. Надеюсь, что Вы еще и до личного свидания бросите неуместный тон обиды»[204]. Ленин уже как бы извиняется. Да это и понятно: попавшие в партийную «номенклатуру» всегда имели основание рассчитывать на снисхождение.

Приведем еще несколько записок Ленина из числа конспиративных.

«Т. Сталин!..Кстати. Не пора ли основать 1–2 образцовых санатория не ближе 600 верст от Москвы. Потратить на это золото; тратим же и будем долго (подчеркивая эту мысль, Ленин не ошибся. – *Д.В.*) тратить на неизбежные поездки в Германию. Но образцовыми признать лишь те, где доказана возможность иметь врачей и администрацию пунктуально строгие, а не обычных советских растяп и разгильдяев. 19/V. Ленин».

Ниже следует приписка: «В Зубалово, где устроили Вам, Каменеву и Дзержинскому, а рядом устроят мне дачу к осени, надо добиться починки жел. ветки к осени и полной регулярности движения автодрезин. Тогда возможно быстрое и конспиративное (Ленин опять подчеркнул. – *Д.В.*) сношение круглый год…»[205]

Ленин не случайно создаваемые привилегии партийной верхушке относил к сфере особо тайного, закулисного. Ведь все начиналось с объявления «войны дворцам», а уже весной 1918 года вождь большевиков со своим окружением и челядью превратили национальную святыню Кремль в свои жилые апартаменты… Параллельно пролетарские вожди обзаводились великолепными дачами, своими санаториями, снабжением, особой медициной и другими «презренными» капиталистическими атрибутами. Естественно, распоряжения, подобные вышеприведенному, могли быть известны только тем, кто находился за «партийными кулисами».

Из Берлина совпредставитель Копп пишет Ленину, Троцкому и Чичерину о том, что немцы предлагают в обход Версальских соглашений начать военное сотрудничество, выгодное Германии и советской России. Для этого, сообщает Копп, «привлечены на условиях строжайшей конспирации фирмы «Блом и Фосс» (подводные лодки), «Альбатросверке» (воздушный флот) и «Крупп» (обычное оружие).

Ленин накладывает резолюцию:

«Т. Склянский! Черкните, ответили и как. Я думаю, да. Верните это. Ленин. Секретно. Февраль 1921 г.»{206}

Ленин словно забыл, что, прежде всего в результате Версальских соглашений, Россия вернула миллион квадратных километров, услужливо отданных большевиками Германии по предательскому Брестскому миру. А теперь Ленин вновь готов затеять секретную игру с Берлином, которую доведет до позорного конца (пакт Молотова-Риббентропа, «секретные протоколы», договор о «дружбе» с Германией и т. д.) его кровожадный продолжатель.

Закулисная политика для Ленина – одна из сущностных характеристик большевизма. Даже в сфере гуманистической ленинские «классовые принципы» неизменны.

…Обрушившийся в 1921–1922 годах на Россию страшный голод заставил большевиков отодвинуть на второй план заботу об «идеологической чистоте» своей революции и принять помощь от капиталистов. Особенно существенной она оказалась со стороны Соединенных Штатов Америки. Миллионы россиян были спасены от голодной смерти благодаря деятельности АРА[6]. В разгар своей деятельности АРА обеспечивала питанием ежедневно до 10 миллионов россиян. Огромная заслуга в этих благотворительных делах принадлежит Герберту Гуверу. Но Ленин и тут усмотрел опасность. В своей записке, адресованной 23 августа 1921 года В.М. Молотову, конечно, с грифом «секретно», Председатель Совнаркома пишет:

«Ввиду договора с американцем Гувером предстоит приезд массы американцев.

Надо позаботиться о надзоре и осведомлении (подчеркнуто Лениным. – *Д.В.*). Предлагаю политбюро постановить:

Создать Комиссию с заданием подготовить, разработать и провести через ВЧК и другие органы усиление надзора и осведомления за иностранцами…»{207}

Впрочем, еще задолго до этого, в июне 1919 года, Председатель Совета обороны В. Ульянов подписал постановление, согласно которому «всех проживающих на территории РСФСР иностранных подданных из рядов буржуазии тех государств, которые ведут против нас враждебные и военные действия, в возрасте от 17 до 55 лет, заключить в концентрационные лагеря»{208}. Исключение допускалось лишь в отношении «лиц, доказавших свою преданность советской власти».

Типично большевистский прием: следить даже за гостем, другом; во всех иностранцах видеть прежде всего врагов, ибо

«бдительность» классовая превыше всего. Скоро сыскательство, доносительство, тайное «сотрудничество» с «органами» станет еще одной из самых сущностных черт ленинской системы. Достаточно сказать, что забота Председателя большевистского правительства «о надзоре и осведомлении» за советскими и иностранными гражданами достигнет своего апогея при Сталине – «Ленине сегодня». В год смерти тирана в 1953 году количество нештатных, так называемых «секретных сотрудников» (а попросту соглядатаев, окрещенных народом «сексотами») в СССР достигнет одиннадцати миллионов человек… Целое государство в государстве… У истоков его рождения стоял Ленин, почитавший ЧК не меньше, чем свою партию. А ведь она, по Ленину, – «ум, честь и совесть эпохи». По крайней мере, очень странное понятие о «чести и совести».

На заседаниях политбюро Ленин выступал не часто, но всегда его слова, предложения оказывались решающими. Как правило, были они радикальными. Накануне заседания политбюро ЦК РКП 27 августа 1921 года Ленину стало известно, что в Монголии пленен генерал-лейтенант барон Роман Федорович Унгерн фон Штернберг.

Вторым вопросом (первый – об аресте некоммунистов – членов комитета помощи голодающим) Ленин предложил рассмотреть: «О предании суду Унгерна». Возражать, естественно, никто не стал, столь большевистски монолитным был состав присутствующих: кроме вождя – Троцкий, Каменев, Зиновьев, Молотов, Сталин.

Ленин тут же внес конкретный проект постановления: «Добиться солидности, и если доказанность полнейшая, в чем не приходится сомневаться, то устроить публичный суд, провести его с максимальной скоростью и расстрелять»{209}.

Рассмотрение вопроса на политбюро занимает две минуты, и решение (естественно, с грифом «строго секретно») тут же принимается. В Сибирь, в Новониколаевск, идет депеша, где предлагается приступить к подготовке процесса над 35-летним генерал-лейтенантом.

При огромном скоплении народа 15 сентября 1921 года, в полдень, начался суд над Унгерном. Высокий, стройный барон спокоен, хотя прекрасно знает, что его ждет. На «классовый» вопрос: чем отличился на русской службе род Унгернов-Штернбергов? – ответил лаконично: в войнах за российские интересы погибло 72 члена рода.

Как и требовал Ленин, «солидность обвинения» была «достаточная», скорость процесса – высокая (три часа), приговор был сформулирован Председателем Совнаркома еще в Москве на

заседании политбюро 27 августа… При его объявлении в зале театра, где проходил «суд», трудящиеся встретили его «бурным одобрением».

Как видим, хотя суд и был «гласным», его исход предрешен за политическими кулисами, как и судьба династии Романовых и многих, многих других классовых врагов.

Конечно, строго «конспиративно», как Ленин любил, всегда за кулисами обделывались и денежные дела. Роспись Ленина или его лаконичное «за» решали вопрос о передаче миллионов золотых рублей на инициирование мировой революции, создание новых компартий, их поддержку, проведение секретных операций за рубежом. В этих случаях Ленин всегда был «за».

По инициативе вождя 15 октября 1921 года принимается специальное решение политбюро о том, что «ни один расход золотого фонда не может быть произведен без особого постановления ПБ»[210]. Основные ценности, по предложению А. Шлихтера, одобренному Лениным, перевезли летом 1921 года в Кремль в количестве 1878 ящиков, куда позже доставили и ценности царской семьи на сумму 458,7 миллиона золотых рублей[211]. А уж тратить «народное достояние» новоявленные властители России умели. Благо, нажито было не ими и все делалось «за кулисами».

Чичерин обращается к Ленину с предложением выделить туркам 1 миллион 100 тысяч рублей золотом. Председатель советского правительства щедр: «Секретно. Тов. Сталин. По-моему, дать… 7.11.21. Ленин»[212].

Карахан предлагает направлять большевистских агитаторов в Китай, Персию, Индию для пропаганды коммунистических идей. Коммунистических миссионеров щедро оплачивать[213].

Ленин, конечно, не возражает. Мираж мировой революции еще не развеялся, а деньги… Что их жалеть, ведь они «царские».

Иногда решения о финансовых вопросах Ленин принимает и сам, без политбюро:

«Т. Карахан!

По-моему, надо дать 500 000 рублей товарищу Роту. Заделать архитщательно, переговорите заранее со Свердловым. Привет! Ленин»[214].

Часто принятые решения формально закрепляют постановлениями политбюро. Так, 1 сентября 1920 года решено передать по просьбе Лежавы «для реализации за рубежом 200 пудов золота»[215].

Этот скорбный и преступный перечень разбазаривания российских национальных богатств большевиками, при самом активном участии Ленина, можно продолжать очень долго. Мне

удалось установить, что значительная часть российских богатств в конечном счете осела в сейфах предприимчивых дельцов, не имевших никакого отношения к ленинским авантюрам. А та, другая часть ценностей, дошедшая до компартий, иных зарубежных организаций, контролируемых Москвой, не смогла помочь создать чего-то существенного для реализации ленинских идей во всемирном масштабе. За исключением 3–4 стран, созданные компартии выродились в секты, десятилетиями подкармливаемые большевистскими руководителями.

«За кулисами» прошел и последний год жизни вождя. Ленинский организм не смог вынести сверхперегрузок, которые обрушились на него как руководителя партии и главу правительства. Многочисленные симптомы серьезного заболевания появились еще в 1921 году: несколько «ударов» болезни в конце концов превратили лидера большевиков в беспомощного младенца.

Началось последнее испытание вождя на прочность в конце 1922 года.

Как пометил в своих записках невропатолог профессор В. Крамер, «мимолетные параличи конечностей, наблюдавшиеся у Владимира Ильича в конце 22-го года, как и нарушения в речи, становились день ото дня глубже и продолжительней и привели 6 марта 1923 года, без всяких видимых к тому причин, к двухчасовому припадку, выразившемуся полной потерей речи и полным параличом правых конечностей. Такой припадок повторился затем 10 марта и привел, как уже известно, к стойким изменениям как со стороны речи, так и правых конечностей… В период между 10 и 21 числами марта… у Владимира Ильича наступил новый удар… поведший к явлениям так называемой сенсорной афазии, т. е. затруднению понимания обращенной к нему речи»{216}.

А из регулярно публикуемых бюллетеней о состоянии здоровья нельзя было понять истинного положения вождя. Большевики никогда не любили правды: она у них всегда была усеченной, «отредактированной», «удобной».

Вот, например, какой бюллетень, предварительно откорректированный в ЦК, подписали 17 марта врачи В. Крамер и А. Кожевников, а также нарком Н. Семашко. «Бюллетень № 6 о состоянии здоровья Владимира Ильича.

Вместе с продолжающимся улучшением со стороны речи и движений правой руки наступило заметное улучшение и в движениях правой ноги. Общее состояние здоровья продолжает быть хорошим»{217}.

А слухи шли иные. Местные вожди запрашивали отовсюду ЦК

об истинном положении со здоровьем вождя. Шли депеши и из-за границы. В это же время, когда была опубликована информация врачей, приведенная выше, советский полпред прислал из Лондона шифровку.

«Передайте копию Красину. Здесь все кому не лень сочиняют бюллетени о здоровье Ленина. Например, сегодня сообщено, что Ленин, потерявший способность речи, посажен в сумасшедший дом и заменен тройкой из либерала Каменева, отца нэпа Рыкова и турка Сталина. Ввиду отсутствия сведений мы лишены возможности что-либо сказать. Прошу держать нас в курсе состояния здоровья Ленина»{218}.

В тот же день, 17 марта, когда Семашко с врачами подписали утвержденный в ЦК текст бюллетеня о «хорошем» состоянии здоровья Ленина, генсек Сталин пишет записку членам политбюро. В ней он сообщает, что больной Ленин настойчиво требует цианистый калий. Надежда Константиновна «упорно настаивала не отказывать Ильичу в его просьбе». Мол, Крупская даже «пробовала дать калий, но не хватило выдержки», ввиду чего требует поддержки Сталина.

Сталин в конце записки пишет, что, хотя он считает передачу калия «гуманной миссией, выполнять он ее не будет»{219}.

Тайны болезни Ленина, которого «пользовали» более двадцати российских и зарубежных врачей, десятилетиями хранились в архивах ЦК, как особый государственный секрет. Закрытость лечения, которым «руководило» политбюро, настроило и некоторых врачей на особые оценки течения болезни у вождя. Тот же В. Крамер, уже после смерти лидера большевиков, запишет: «У выдающихся людей, как гласит внедрившееся в сознание убеждение, все необычно: как жизнь, так и болезнь течет у них всегда не так, как у других смертных»{220}.

Не случайно после смерти Ленина политбюро приняло решение об изучении мозга вождя с целью получения «материальных доказательств гениальности вождя…». Уже априори, до проведения исследования, профессора А.А. Демин, В.В. Бунак, Б.С. Вейсброд, Л.С. Минор, А.И. Абрикосов, В.В. Крамер, 0. Фохт дали положительный ответ{221}. Как можно перечить всесильному политическому бюро?

У святого должны быть и болезнь, и мозг, и смерть необычными, святыми.

Хотя Н.К. Крупская, более других знавшая о Ленине, описала кончину первого вождя печально-прозаически и обреченно. «В понедельник пришел конец… – писала Надежда Константиновна в своих записях с грифом «совершенно секретно», установленным хранителями тайн в ЦК. – Часов в 11 попил черного кофе и опять

заснул. Время у меня спуталось как-то. Когда он проснулся вновь, он уже не мог совсем говорить, дали ему бульон и опять кофе, он пил с жадностью, потом успокоился немного, но вскоре заклокотало у него в груди. Бессознательнее становился взгляд, Владимир Александрович […] и Петр Петрович […] держали его почти на весу на руках, временами он глухо стонал, судорога пробегала по телу, я держала его сначала за горячую мокрую руку, потом только смотрела, как кровью окрасился платок, как печать смерти ложилась на мертвенно побледневшее лицо. Профессор Ферстер и доктор Елистратов впрыскивали камфару, старались поддержать искусственное дыхание, ничего не вышло, спасти нельзя было»{222}.

Обычная семейная трагедия, которой отныне надлежало стать на многие десятилетия глубокой партийной тайной.

Власть времени – власть абсолютная.

Боги на небе не знают возраста. Кто может сказать, сколько лет было Зевсу, Афродите, Афине Палладе, Фемиде? Может быть, для них время застыло? Или имеет даже «обратный ход»? Потому они и боги, что стоят над абсолютно невозможным – над временем.

А земные боги смертны. Хотя десятилетиями мы говорили: «Ленин жив…», подразумевая его дела и свершения. Но и они не вечны.

Я уже говорил однажды, что судьба Ленина в изображении его соратников похожа на монумент, освещенный солнцем с одной стороны. Что было в действительности на стороне теневой – никому не положено было знать.

Разумеется, автор смог лишь приподнять полог над тем, что происходило за партийными, политическими кулисами партии-монополиста, личной жизнью и трагедией вождя. Закулисную жизнь рождает боязнь света правды, истины.

На протяжении десятилетий «ленинское политбюро» решало в самом узком кругу вопросы, дела, «расхлебывать» которые приходилось всей стране: «поход на Варшаву», коллективизацию сельского хозяйства, кровавую чистку в обществе, преступные соглашения с Гитлером, Катынь, советско-финляндская война, антиеврейские процессы, корейское побоище, ссора с Югославией, Карибская авантюра, интервенции в Венгрию и Чехословакию, Афганистан, подготовка к вторжению в Польшу и многое, многое другое. Все решалось «за партийными кулисами». Народу предоставлялось лишь право «проявлять инициативу», «советский патриотизм», «выдвигать новые почины» в реализации решений, принятых втайне в Кремле или на Старой площади в Москве.

Ленин явился основателем закрытого общества, где в полной мере общественного мнения не существовало, оно целенаправленно формировалось и им управляли. Заговорщицкая партия до 1917 года (легальные способы борьбы были вспомогательными) перенесла свои антидемократические методы на государство, в котором большевики сказочно легко захватили власть.

По воле Ленина в России возникло государство, состоящее как бы из двух этажей. На верхнем – «творили» вожди, их деятельность подавалась, естественно, только как «мудрая», «ленинская», «единственно правильная». Они избирали сами себя на самый высший пост в партии и государстве, не несли никакой ответственности за свои деяния, строго следовали ленинским догмам. Партийная номенклатура обладала тотальной властью.

На этаже нижнем творили «массы», которые, в свою очередь, тоже были поделены на пролетариат (высшая страта) и крестьянство (естественно, низшая), с какой-то интеллектуальной «прослойкой», имевшей социально подчиненное положение по отношению к двум «основным классам трудящихся».

Такая конструкция оказалась устойчивой только в условиях экстремальных, когда диктаторские методы использовались в полной мере. И наоборот, в сфере мирного соревнования, экономического соперничества, реального обеспечения прав человека конструкция оказалась сильно уязвимой и исторически нежизнеспособной. Когда Ложь и Насилие оказались после 1985 года потесненными, выяснилось, что ленинское творение без них существовать не может.

Закулисная жизнь тем объемнее и влиятельнее, чем выше тоталитарность общества. Это, по сути, выражение его закрытости и антидемократизма. Ленинский совет посылать в нужное место, в нужное время автодрезины ВЧК «архиспешно и архиконспиративно»{223} в условиях гласности бесполезен.

Перед лицом истины сила чаще всего оказывается бессильной.

Творец Системы

Неожиданно для всех 18–19 октября 1923 года Ленин приехал из Горок в Москву. Получилось это спонтанно, вне плана врачей и близких. Вцепившись в шею санитара, больной Ленин знаками, звуками, жестами рук требовал усадить его в автомобиль. Когда просьба беспомощного вождя была исполнена и он устроился на заднем сиденье машины, то стал требовать от шофера В.И. Рябова, как все догадались, поездки в Москву. Попытки отговорить не дали результата.

«Путешествие», занявшее два часа, закончилось приездом в Кремль, где Ленина в его коляске провезли по коридорам Совнаркома, доставили по очереди во все комнаты пустующей квартиры. Больной удовлетворенно повторял свое однообразное: «Вот… boot… boot», нечленораздельно мычал. Врачи гадали о причинах столь страстного желания Ленина побывать в Москве, как оказалось впоследствии, в последний раз в своей жизни. Потом вполголоса говорили всякое (написанное очевидцами о поездке увидело свет лишь через много десятилетий): приезжал, мол, прощаться со столицей; гадали – решил напомнить кремлевским вождям, что он еще жив; иные думали, что просто хотел посмотреть на Москву большевистскую, какой она стала после таких бурь революции…

Вечная тайна? Нет: вечные тайны существуют только для человека, но не для Провидения…

На другой день, проснувшись в 11 часов, Ленин потребовал, чтобы его подвезли к книжным шкафам библиотеки, где он отобрал десятка два книг. Проехали под дождем на машине по территории Кремля, по улицам столицы, доехали до выставки. Дождь усиливался. Больной Ленин из закрытого автомобиля пристально рассматривал идущих по тротуарам хмурых людей, смотрел на вывески советских учреждений, косые струны осеннего дождя, придававшие сумрачный колорит давно оставленной им Москве.

Зачем он приехал в столицу новой империи, созданной им на месте старой, разрушенной? Что Ленин хотел увидеть в покоренной им Москве? Едва ли его ослабевший от болезни мозг мог ответить на эти простые вопросы. Спонтанная больная прихоть парализованного и немого человека позволила «вождю мирового пролетариата» за три месяца до физической смерти побывать в последний раз в Москве. Никто из его соратников, несомненно узнавших об этой неожиданной выходке больного вождя, не поспешил к приехавшему лидеру. Логическое,

нормальное общение с Лениным было практически невозможным; к тому же уже почти не осталось среди кремлевских руководителей тех, кто хотя бы слабо верил в его активное возвращение в реальную политику. Ленин в их глазах политически был уже мертв.

Хотел того или не хотел первый Председатель Совета Народных Комиссаров, а скорее всего, просто не сознавал, что его приезд явился весьма символичным. Он побывал в столице «революционного» государства, с созданной им большевистской системой. Еще немногие могли предположить, что она окажется очень жизнестойкой, многолетней, совершенно необычной в истории человеческой цивилизации. В каждом параметре этой угрюмой системы, ее гранях, механизмах, особенностях были видны «заветы», идеи, постулаты, оставленные вождем октябрьского переворота 1917 года своим наследникам.

В годину трагического краха российского государства, как только власть оказалась в руках Ленина, его мыслью и руками были совершены деяния, положившие начало существованию нового общества и нового порядка. Никто не мог вначале и подумать, что полуфантастические, полубредовые идеи Ленина «прорастут» в конкретных делах, положат начало «ленинскому пути», ленинской методологии мышления и действий. Основы общества, которые не умерли полностью и сегодня, были заложены самим Лениным.

Как верно отметил Ричард Пайпс, «…политическая система, родившаяся в октябре 1917 года, стала как бы воплощением его личности. Партия большевиков была ленинским детищем; как ее творец, он создавал ее по своему образу и подобию и, подавляя всякое сопротивление извне и изнутри, вел по пути, который определил сам… Коммунистическая Россия с момента своего появления была диковинным отображением сознания и воли одного человека; его биография и история слились и растворились друг в друге»{224}. Трудно с этим не согласиться.

Прежде всего Ленин, придерживаясь марксистских схем по национальному вопросу, добился начала ликвидации губернского деления, лежавшего в основе российской империи. Возможно, это было одним из самых роковых решений большевизма. Вначале, захватив власть, большевики не могли предотвратить распада империи. Еще до прихода Ленина к власти Временное правительство в марте 1917 года объявило о независимости Польши, а сама Россия в сентябре 1917 года была провозглашена демократической республикой. Так что большевики в октябре 1917 года не только свергали Временное правительство, но и рушили «демократическую республику».

В декабре 1917 года Совет Народных Комиссаров, возглавляемый Лениным, заявил о признании Народной Украинской Республики, а также государственной независимости Финляндской Республики (утверждено ВЦИК 4 января 1918 года). К слову: когда Ленин находился в Кракове, накануне империалистической войны, он поддерживал связь с организацией «Союз за освобождение Украины», за спиной которого стояла Австрия. Нет, не любовь к Украине двигала в данном случае Лениным; он поддерживал всех, кто выступал против царизма. Именно на этой основе большевики стали фактическими союзниками Германии, воевавшей против их родины – России…

В декабре 1918 года Москва признала независимость Эстляндии, Латвии, Литвы. В 1920 году Совнарком признал независимость Белорусской, Азербайджанской, Армянской советских республик, а в феврале 1921 года – Грузинской советской республики.

Правда, Ленин и его соратники, с внешней легкостью соглашаясь с «независимостями» республик, тут же советовали своим сторонникам «советизировать» их, установить «власть рабочих и крестьян», держаться «пролетарского центра» в Москве. Вождь Октября, разрушая многовековую державу, пытался тут же ее воссоздавать, но на иной, большевистской основе. Читая письмо А.А. Иоффе к Н.Н. Крестинскому, Ленин подчеркнул понравившиеся ему слова: «…То, что здесь действительно нужно, это фактическое подчинение Украины с сохранением формальной самостоятельности»{225}.

Вскоре РСФСР стала заключать двусторонние договора с «независимыми» республиками, пока 30 декабря 1922 года, когда Ленин уже был тяжело болен, не была подписана Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик.

Ленинский курс оказался причудливым: от развала российской губернской империи к воссозданию ее на советской, «интернациональной» основе. Через размежевание к воссоединению. На другой базе. Но «национальное строительство» быстро вызвало трения, противоречия. Больной Ленин 30–31 декабря 1922 года диктует М.А. Володичевой одну из своих последних работ «К вопросу о национальностях, или об «автономизации»{226}. Угасающий вождь пытается исключить в деле объединения республик проявления как великодержавного шовинизма, так и регионального национализма{227}.

Ни при жизни Ленина, ни много позже статья не увидела свет на его родине и впервые была опубликована лишь в 1956 году в партийном журнале «Коммунист». Правда, меньшевики, уже

затравленные победителями, напечатали статью в своем издании «Социалистический вестник», выходившем в Берлине, когда Ленин был еще жив, – в декабре 1923 года.

Ленин ратует в своей статье за создание и укрепление союза социалистических республик, подробно рассуждает, как нужно уладить дела «своими уступками по отношению к инородцу» и ослабить то «недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством «великодержавной» нации».

Однако все рассуждения Ленина, которые кажутся порой мудрыми, провидческими, глубокими, уже лишены позитивного смысла. Его просьбы к Троцкому «взять на себя защиту грузинского дела»{228}, попытки подготовить «записку и речь» в поддержку Мдивани, Махарадзе{229}, перепалка между Троцким и Сталиным по поводу статьи Ленина{230} уже ничего не меняют. Почему?

Ликвидация губерний – дело решенное. Процесс создания национальных образований в России переводит проблему совсем в иную плоскость. Под видом «интернационализма» и внешне именно в этой форме завершается процесс разрушения уникальных основ государства – губерний, способных до минимума ослабить национальные противоречия. Исторический пример США, с их огромной многонациональностью, показывает, что именно штаты позволили возникнуть американскому народу. Советский народ «как новая историческая общность», что было торжественно провозглашено, не возник. События после августа 1991 года это подтвердили. Как только появились условия для действия центробежных националистических сил, союз, созданный Лениным и его соратниками, в одночасье рухнул. Межнациональные связи образований в виде республик оказались значительно более слабыми, нежели они были бы при наличии губерний. Ленинская система, возникнув, имела в своем фундаменте органические, роковые слабости.

Ленин следовал марксистской схеме, а не историческому опыту российской государственности. Впрочем, порой решая частные, конкретные вопросы национального характера, он думал иначе. На телеграмму Сталина о «необходимости оккупации Грузии» и возможных издержках Ленин 18 ноября 1920 года отозвался: «…надо очень осторожно обдумать, стоит ли воевать с Грузией, потом ее кормить…»{231}.

В конечном счете Ленину и его последователям, разрушившим Российскую империю, удалось создать новую – советскую, но на совершенно другой основе. Пока СССР был унитарным государством (фактически именно так и было),

национальный антураж не имел никакого значения. Но эти скрепы между республиками оказались прочными лишь в условиях тоталитарности, диктатуры, монополии на власть одной политической силы.

Этой политической силой оказалась большевистская партия – центральное ядро ленинской Системы. Возможные союзники – меньшевики и эсеры – были быстро и беспощадно ликвидированы. Не просто политически, но и физически.

Вчерашние союзники, друзья, почти единоверцы ссылались в провинцию, отправлялись в концлагеря, сажались в тюрьмы, высылались за границу. Ленин был главным инициатором этих гонений и репрессий. В его бумагах множество записок, резолюций, докладов, преследующих одну цель: как «извести» российских социалистов, отличающихся своим мировоззрением от большевиков. По указанию Ленина Уншлихт в июне 1921 года докладывает в политбюро: «…в первую очередь ВЧК предполагает продолжать свою систематическую работу по разрушению организационного аппарата партий эсеров и меньшевиков, вылавливая как отдельных подпольных работников, так и руководителей организации. Необходимо провести массовые операции по указанным партиям в государственном масштабе…»{232}.

Ленин согласен. Вскоре политбюро, по докладу того же Уншлихта, решает усилить высылку меньшевиков в «уездные города», не возражая одновременно против высылки членов этой партии и за границу{233}.

Так печально заканчивала свой путь в России социал-демократия. Может быть, поэтому она никак не может по-настоящему возродиться и ныне, потенциально имея и сейчас определенные исторические шансы…

Ленин, сделав ставку на «железную» партию с высочайшей степенью централизации, не ошибся: политическую борьбу он выиграл. Но исторически проиграл ее уже в самом начале.

В своем публичном выступлении 20 ноября 1922 года на проходившем в здании Большого театра пленуме Моссовета Ленин был очень откровенен. К слову, о его выступлении было сообщено лишь в газетном отчете{234}, а сама стенограмма речи не публиковалась никогда. Она была слишком шокирующей и для того времени.

Устоявший в бурях революции Ленин октябрьским вечером последний раз в своей жизни общался лицом к лицу со своими единоверцами. По сути, в этой речи изложены основные постулаты нового строя, новой Системы, которую создавал Ленин.

Социализм – «вот задача, которую мы себе поставили», заявил больной вождь. «Есть маленькая, ничтожная кучка людей, называющая себя партией, которая за это взялась… Ничтожное зернышко во всем количестве трудящихся масс России. Это ничтожное зернышко поставило себе задачей, а именно – переделать все, и оно переделало»{235}.

Действительно, фантастическая задача «переделать все». И «ничтожная кучка людей» – все «переделала», все перевернула. Отмечая этот исторический факт, нельзя не отдать должное невероятной воле Ленина и его фанатичной целеустремленности. В гигантской стране перевернуть все вверх дном! А во главе – «маленькая, ничтожная кучка людей, называющая себя партией…». Вот то главное, чего добился Ленин: одна, его партия властвует в гигантском государстве, став его важнейшей частью! Как только партия оказалась во властном одиночестве, сосредоточив в своих руках все мыслимые и немыслимые рычаги управления, она стала быстро превращаться в государственный тоталитарный орден.

В этот вечер Ленин, словно чувствуя, что ему больше не придется говорить в гулких залах его революции, был очень прям и решителен. «…Мы выработали свой государственный строй более чем трехгодовой работой… для того, чтобы доказать и показать, что это старое течение международной жизни мы сломаем во что бы то ни стало, и переломали. В условиях, в которых мы были до сих пор, нам некогда было разбирать – не сломаем ли мы чего лишнего, некогда было разбирать – не было ли много жертв, потому что жертв было достаточно много…»{236}

Едва ли Ленин знал, что кровавым итогом Гражданской войны будет гибель 13 миллионов соотечественников и изгнание 2 миллионов за рубежи отечества. По Ленину, это всего-навсего «достаточно много». Машина кровавого террора, уже хорошо отлаженная и запущенная во второй половине 1918 года, обеспечила большевикам повиновение огромных масс людей: крестьянства, буржуазии, белого офицерства.

В этот ноябрьский, промозглый вечер 20 ноября 1922 года Ленин, появившись в последний раз перед большевистскими единоверцами, счел возможным заявить, что новый государственный строй, новая политическая система уже созданы. Да, созданы. Не все тогда обратили внимание на эти слова Ленина, а в кратком газетном отчете об этом заявлении, опубликованном на следующий день в «Правде», сказано о главном достаточно глухо. Но Ленин знал, что говорил. По сути, он видел – возможно, еще только он! – что главные параметры системы уже определены. Отныне его последователям придется

лишь укреплять, «обогащать», воплощать, развивать, «защищать» ленинские «заделы». А они были впечатляющими.

Прежде всего – монопольное господство большевистской партии. Ее решения на всех уровнях становились обязательными для любых государственных исполнителей. Политбюро, Центральный Комитет партии стали выразителями нового, идеологического и политического абсолютизма. Экономика, финансы, военное дело, дипломатия, государственные назначения, социальные вопросы, наука, культура и все, все остальное стали прерогативой ленинской партии. С момента захвата власти она быстро превратилась в главный государственный институт. Целым рядом решений это монопольное положение партии большевиков было неоднократно закреплено специальными постановлениями. Когда Ленин отошел от управления партией и государством, его соратники подтвердили своим решением от 14 июня 1923 года высшие властные полномочия политбюро{237}.

Вскоре родились и пресловутая номенклатура № 1 и № 2, по которым назначения в ВСНХ, Госплан, комиссариаты, ГПУ, Верховный суд, в армии, бесчисленные бюрократические конторы производились только с ведома и одобрения ЦК партии и его отделов. В специальном Постановлении Центрального Комитета оговаривается, что «партработники укрепляют основные органы госаппарата» во всех сколько-нибудь значащих должностях»{238}. Бюрократия партии становилась бюрократией государства. Монополия, говоря ленинскими словами, «ничтожной кучки людей»{239} превратилась в монополию мощной идеологической организации, главной целью которой навсегда осталось: сохранить и укрепить свою власть. Никто и никогда на протяжении десятилетий не будет избирать лидера государства, других должностных лиц; все станет решать узкий круг высших единоверцев. От Ленина до Горбачева власть просто передавалась внутри «священного клана» ленинцев как эстафетная палочка. Уже здесь были заложены генетические корни неизбежного краха Системы, созданной Лениным.

Еще одним элементом ленинской Системы стали органы террора, или, как более «изящно» выражался Сталин, «карательные органы». Постепенно превратившись в столь многочисленные, что охватили своими щупальцами буквально всю страну, весь народ, все общество. К концу правления Сталина, повторюсь вновь, только осведомителей всех уровней насчитывалось в стране 11 миллионов! Тотальный контроль и наблюдение. Всех за всеми. «Органы» стали олицетворением Системы. Ничего подобного в истории не было. Сам Ленин дал

пример особой заботы о чекистах.

В своей записке И.С. Уншлихту 21 сентября 1921 года Ленин пишет: «… видел сегодня Радека, только что вернувшегося из Питера. Говорит: город необычно оживлен. Порт. Подкуп иностранцами сугубый, в том числе голодных и раздетых чекистов. Опасность тут величайшая.

Создать парткомиссию (ВЧК + Петроградская ЧК + Питерская организация РКП + ЦК) – достать денег (золота придется дать) и подкормить и одеть чекистов в Питере, Одессе, Москве и т. п. Обязательно и спешно…»[240].

Уншлихт не медлит. Вскоре он запрашивает у Ленина 4 356 690 золотых рублей, «чтобы пошить обмундирование для 105 000 сотрудников ВЧК»[241]. Ленин, естественно, разрешает. Отпускаются затем дополнительно 792 000 и 340 000 рублей золотом на другие нужды чекистам[242]. А в будущем это станет самым «надежным отрядом партии».

Одели. Подкормили. Партия сразу же после революции стала обладателем «самого верного революционного отряда». Ликвидация буржуазии? Разоблачение контрреволюционных заговоров? Проведение классовой линии? Обеспечение хлебозаготовок? Везде чекисты Ленина не подводили, как и другие инструменты власти. Выступая с речью на заседании коммунистической фракции ВЦСПС 12 января 1920 года, Ленин, говоря о «хлебозаготовках», необходимости решительных мер в этом деле, заявил: «…мы не остановились перед тем, чтобы тысячи перестрелять, мы не остановимся и перед этим и спасем этим страну»[243].

Чтобы не было «затруднений» при расстрелах, политбюро рядом своих решений дает ВЧК, ГПУ право «внесудебных расстрелов», как и право на «ссылку и заключение в концлагеря»[244]. Ленин все это называет укреплением «революционной законности».

Такая методология уже нравилась последователям, потому что заключительные слова о «тысячах перестрелянных» были встречены аплодисментами…

Ленин понимал, что захваченную власть он в состоянии удержать, лишь применяя безбрежное «революционное насилие». Мы, воспитанные на «священном писании» ленинизма, видели оправдание этой классовой жестокости в самих «обстоятельствах», «условиях», «конкретной обстановке», напрочь отбрасывая ту реальность, что она была создана прежде всего самими большевиками. Так уж сложилось с ленинских времен: готовность и способность к насилию во имя «высоких целей» были всегда оправданны. Трудно даже представить, что в начале века

Ленин был социал-демократом и вроде бы уважал традиционные ценности движения!

Самое страшное – к насилию (политическому, идеологическому, физическому) все привыкли. Ленин сам давал пример беспощадности как выражению высшей революционной добродетели.

Правда, большевики несколько раз «пытались» отменить смертную казнь. В своей речи на совещании председателей губернских и уездных исполкомов 1 февраля 1920 года Ленин демагогически утверждал, что Совнарком сделает все, «чтобы применение смертной казни в России стало невозможным»{245}. Однако уже во время кронштадтского восстания моряков и солдат против большевистского засилья Ленин явился инициатором жестокого подавления стихийного выступления обманутых людей. Расстреливали за одно то, что люди находились в крепости или на кораблях Кронштадта. Например, 20 марта 1921 года заседанием Чрезвычайной «тройки» было заслушано дело по обвинению 167 военных моряков линкора «Петропавловск». Все представшие перед «тройкой» приговорены к расстрелу. Приговор немедленно приведен в исполнение. На другой день на этом же корабле расстреляли еще 32 человека, а 24 марта – 27 моряков этого же линкора…{246} Работали десятки «судов» и трибуналов. Только Петроградская губчека приговорила к расстрелу 2103 человека, осмелившихся возвысить голос против партийного засилья об обмане матросов и солдат – вчерашних крестьян{247}.

Командующий 7-й армией Тухачевский приказал начать штурм: «Не позже завтрашнего дня атаковать линкоры «Петропавловск» и «Севастополь» удушливыми газами и ядовитыми снарядами»{248}. Да «жаль», снаряды не успели подвезти… К лету 1921 года было приговорено к расстрелу 2103 человека, к тюрьмам и высылке-6459 участников кронштадтского восстания{249}. Позже, когда большевистский порядок наводил уже Сталин, практически все сосланные были расстреляны.

Так Ленин «боролся» с террором и смертной казнью. Его власть не могла обходиться без них; она просто бы рухнула без насилия.

В декабре 1919 года в советской России сложилось напряженное положение с топливом. Ленин подписывает мандат о назначении А.В. Эйдука особоуполномоченным Совета обороны по заготовке и отгрузке топлива. Привлекались для этого, естественно, «буржуи»: чиновники, творческая интеллигенция, царское офицерство, другие обнищавшие при советской власти «бывшие». Как правило, все они лишены продовольственных карточек по социальному признаку. Являлись обычными картины,

когда обессилевшие люди, закутанные в остатки былых роскошных одежд, неумело грузили на железнодорожные платформы стылые бревна под присмотром какого-нибудь «уполномоченного». Эти люди из «бывших», в соответствии с решениями политбюро (и, в частности, от 20 апреля 1921 года), были «уплотнены» в своих жилищах, а то и попросту лишены их, как и всего самого необходимого{250}. Несчастные, естественно, пытались использовать любой повод, любую лазейку для уклонения от «революционной» повинности. Церковные праздники вроде давали такую возможность.

В ленинской записке А.В. Эйдуку 25 декабря 1919 года, в частности, говорится: «…мириться с «Николой» глупо: надо поставить на ноги все чека, чтобы расстреливать не явившихся на работу из-за «Николы».

Немедленно нужны экстренные меры:

1) чтобы поднять погрузку,

2) чтобы предупредить прогулы на Рождество и Новый год. Сообщите мне сегодня же, какие экстренные меры принимаете.

Ленин»{251}.

Как читатель понимает, записка, опубликованная в официальной историографии, содержала купюру. Подобно всему остальному политическому творчеству Ленина, весьма густо пересыпанному требованиями расстрелов и казней. Но Ленин не ценил жизни не только буржуа, но и большевиков. Методология мышления вождя была одномерной; для достижения поставленной цели допустимо абсолютно все.

Выступая перед профсоюзными работниками 12 января 1920 года, он очень одобрительно отозвался о Троцком, который на фронтах борьбы с Деникиным и Колчаком широко и решительно применял смертную казнь. И вообще, «мы уложили десятки тысяч лучших коммунистов за десять тысяч белогвардейских офицеров и этим спасли страну»{252}. Эти методы, напомнил Ленин, нужно не забывать, а «применять».

И применяли. В ноябре 1920 года Дзержинский докладывает Ленину о новых трудностях: «…республике предстоит организовать изоляцию в лагерях около 100 000 пленных с Южного фронта и *громадных масс* (курсив мой. – *Д.В.*), выселяемых из восставших станиц Терека, Кубани, Дона…»

В записке Енукидзе Дзержинский конкретизирует: «Сегодня прибыли в Орел из Грозного 403 человека мужчин и женщин казачьего населения возраста 14–17 лет для заключения в концлагерь… Принять нет возможности ввиду перегруженности Орла…»{253} Казачество по воле Ленина, его мужская часть, было уничтожено почти на одну треть. Даже дети отнесены к разряду

«врагов», что широко практиковал в последующем и «продолжатель Ленина» – Сталин.

Гражданская война жестока, беспощадна. Она быстро формирует в общественном сознании людей установку: жертвы, насилие, репрессии – естественная норма жизни. Этот постулат настойчиво утверждался в повседневности всеми идеологическими средствами большевиков. Для этого, конечно, пришлось сразу же отказаться от лозунгов свободы слова, свободы печати, с которыми большевики шли к власти. Первые же шаги Ленина после октября 1917 года были направлены на закрытие небольшевистских газет. Ну а в последующем даже сама мысль о возможности «свободы печати», как и о правах личности, считалась глубоко еретически-ущербной и контрреволюционной.

В письме к Г.И. Мясникову в августе 1921 года Ленин наставляет: «свобода печати» – это «оружие в руках мировой буржуазии»{254}. Поэтому естественно, что, когда «красные печатники» в апреле 1919 года решили бастовать, добиваясь улучшения условий жизни, Ленин вместе с Каменевым быстро набросали проект резолюции Московского комитета РКП(б): «Московскую чрезвычайную комиссию обязать произвести аресты беспощадно, не считаясь с прошлыми соображениями, среди забастовщиков и делегатов»{255}.

Со временем борьба со «свободой печати», «свободой слова» дойдет до столь абсурдно-чудовищных форм, что с трудом будет вериться, что еще летом 1917 года Ленин был за эти высокие принципы. Во времена сталинской деспотии одно неудачное, двусмысленное, неопределенное слово в тексте статьи, книги, речи могло стоить жизни.

В том же письме Мясникову, который написал две статьи, где ратовал за предоставление элементарных демократических свобод рабочим, и прежде всего свободы слова и свободы печати, Ленин сразу же почувствовал опасность для его режима подобных взглядов и идей. Он тут же откликнулся большим письмом, опубликованным в книге «Дискуссионный материал». Ленин, как всегда, категоричен: «Мы над «чистой демократией» смеемся».

В чем следует согласиться с вождем, так это с его утверждением: «Нет ни одной страны в мире, которая бы так много делала и делает для освобождения масс от влияния попов и помещиков, как РСФСР. Эту задачу «свободы печати» мы выполняли и выполняем лучше всех в мире»{256}.

Тут Ленин прав на все сто процентов. Чтобы полностью подорвать влияние «попов» и «помещиков», их надо было просто физически уничтожить. Но поражает легкость отказа Ленина даже от декоративных демократических лозунгов, после того как

власть оказалась у его сторонников. Г.И. Мясникова, конечно, исключили из партии, и от последующих неизбежных чисток его спасло только бегство за границу. Вообще слово «свобода» при большевизме стало весьма опасным, ибо сразу же следовал вопрос: для кого? от кого? какая свобода?

В ленинской Системе слова «частная собственность» постепенно стали синонимами контрреволюционности, перерожденчества, идейной неполноценности. Не случайно Ленин хотел вытравить из общественного сознания само упоминание о частной собственности, как о чем-то социально-еретическом. Еще в октябре 1918 года вождь дал прямое указание народному комиссару юстиции Д.И. Курскому уничтожить в архивах все документы частной собственности. Но советовал сделать это, как всегда любил вождь, «тайно, без огласки». Со знанием дела, как былой собственник, Ленин предлагал в первую очередь уничтожить «акты о землевладениях», «фабриках», «недвижимости» и прочее и так далее»{257}.

Однако ленинская Система, основанная на жесткой централизации и директивной экономике, поначалу никак не могла обойтись без «частной собственности». Бесшабашная национализация, непрерывные изъятия и конфискации не смогли накормить голодную Россию. Скрепя сердце Ленин, поддавшись объективным обстоятельствам катастрофы большевизма и настояниям наиболее трезвомыслящих соратников, решился-таки на послабления «собственникам». Правда, Ленин не дал никому усомниться, какова цель его новой экономической политики.

В цитировавшейся нами последней публичной речи 20 ноября 1922 года (стенограмма), которая никогда не была опубликована, угасающий вождь был откровенен:

«Мы делаем определенный жест, определенное движение. Мы сейчас отступаем, как бы отступаем назад, но мы это делаем, чтобы отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед. Только под этим условием мы отступили назад в проведении нашей новой экономической политики… нэп становится главным, очередным, все исчерпывающим лозунгом сегодняшнего дня…»{258}

На нэп Ленин смотрел весьма специфически, что определялось тактическими соображениями его введения. В письме Л.Б. Каменеву 3 марта 1922 года Ленин напоминал: «Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору. Мы еще вернемся ктеррору, и к террору экономическому»{259}. И как мы знаем, угроза эта была реализована в широких масштабах.

Нэп спас ленинскую Систему. Но нужно отдать должное российскому лидеру: в критическую минуту полного краха

военного коммунизма он вновь проявил поразительные способности тактического маневра, умения отказаться (на время!) от того, что для него было священным.

Создавая свою Систему, Ленин без колебаний мог отбросить в случае нужды то, что еще недавно в его программных установках представлялось незыблемым. Рассуждая об экономических основах социализма, Ленин всегда напирал на рабочее самоуправление, высмеивал администрирование, бюрократическое управление производством. Но уже сам «военный коммунизм» стал экономической формой беспощадной диктатуры. Советы, Комиссии, Коллегии, так бурно насаждавшиеся после триумфа октябрьского переворота, постепенно уступили жесткой авторитарности и государственной бюрократии.

Выступая перед профсоюзными руководителями 12 января 1920 года, Ленин в своей речи едко высмеял Ломова, Рыкова и Ларина, ратовавших за коллегиальность в работе и децентрализацию управления. «Болтовня» о централизации и децентрализации, заявил Ленин, «это вздорный, жалкий хлам, что стыдно и позорно тратить на это время». Однако в конце примирительно заключил: «Мы будем употреблять иногда коллегиальность, иногда единоначалие. Коллегиальность оставим для тех, кто слабее, хуже, для отсталых, для неразвитых; пускай покалякают, надоест и не будут говорить…» Ленин, естественно, высказался за централизацию и единоначалие{260}. Он-то прекрасно понимал, что большевики смогли победить в Гражданской войне в огромной мере и потому, что смогли сконцентрировать в единых руках беспощадную власть, которая не останавливалась ни перед террором, ни перед жесткими диктаторскими методами управления в минуты опасности.

Такой власть и осталась после Ленина. Формально были и Советы, и Коллегии, и Комиссии, и много других антуражных форм эфемерного самоуправления. А в действительности руководила всем диктатура партии во главе с вождем. В стране властвовало партийное единоначалие, опиравшееся на всесильное ВЧК-ГПУ-НКВД-НКГБ-КГБ. Ленинская Система обеспечивала управление из одного центра в сочетании с тотальным контролем за всеми сферами жизни общества. В результате стали совсем «ненужными» многие общечеловеческие ценности: народовластие, свобода, права человека.

При создании своей Системы Ленин искренне верил, что российский пример заразителен: мол, опыт большевизма распространяется по всему миру. Вождь русской революции наивно полагал, что крах капиталистической системы уже

начался. Выступая на IX Всероссийском съезде Советов, Ленин с пафосом воскликнул: «Капитализм гибнет; в своей гибели он еще может причинить десяткам и сотням миллионов людей невероятные мучения, но удержать его от падения не может никакая сила»{261}.

Захваченный глобальной целью утверждения большевистской системы не только в России, но и на всей планете, Ленин все дальше и дальше отодвигал интересы конкретного, простого человека. Он весь жил грядущим. «.. Скажу за себя – думаю, и за ЦК, – историками быть не собираемся, а интересует нас настоящее и будущее»{262}.

А «будущее» достижимо лишь «массами». Ленин мыслил категориями эпох, континентов, масс. И простой, обычный человек как-то сразу терялся в колоссальности этих планетарных измерений.

Нет, Ленин мог поговорить с ходоком, написать записку посетителю, чтобы тому дали талон в столовую, позаботиться, чтобы вагон с его собственными родственниками вовремя прицепили к военному эшелону. Но когда речь заходила о действительной заботе, касающейся конкретных людей, тут Ленин мог быть непреклонен, если это ущемляло «общественный интерес».

В 1921 году происходило крупное сокращение Красной Армии сразу на 500 тысяч человек. Тут же подсчитали: развезти по домам – сильно загрузить железные дороги. А если ждать постепенного «развоза» по домам, то этих людей надо кормить, одевать, обогревать…

Ленин пишет по этому поводу записку Г.Е. Зиновьеву: «Надо в корне изменить: переставать давать что бы то ни было. Ни хлеба, ни одежи, ни обуви. Сказать красноармейцу: либо уходи сейчас пешком «без ничего». Либо жди 1 год на $^1/_8$ фунта и без одежи, без обуви. Тогда он уйдет сам и пешком…»{263}

И что же? Политбюро ЦК РКП(б) на другой день после письма Ленина Зиновьеву, 6 апреля 1921 года, принимает постановление: «Признать необходимым радикально изменить быстроту демобилизации. Для этого: не везти демобилизуемых по железным дорогам, а отпускать пешим хождением…»{264}

И потянулись красные «гренадеры» по сельским дорогам, словно и не добывали они власть большевикам… В этом факте политический цинизм и бездушие Ленина не требуют никаких комментариев.

В отношении вождя к массе Ленин – психолог. Когда заменили продразверстку продналогом, Ленин забеспокоился; а ну как опять те же люди с маузерами у пояса поедут в село за

хлебом? Ведь примелькались… Тут же следует распоряжение А.Д. Цюрупе:

«Политически необходимо перетасовать личный состав компрода перед началом новой кампании. Чтобы крестьяне видели других людей. Не старые чиновники компрода, ненавистные крестьянству, а другие должны проводить новую политику… Обдумайте, как это сделать (перетасовать из губернии в другую), и черкните мне быстро.

27 марта 1921 г. Ваш Ленин»{265}.

Однако «перетасовки» быстро растущего аппарата мало что изменяли. Бюрократия растет и множится по своим законам. А тем более в системе, где все строилось на основе не учета объективных реалий и закономерностей, а директив и постановлений ЦК и иных партийных органов. Ленин, отдавший массу сил борьбе с «волокитой», «саботажем», «бюрократией», так и не понял, что созданная им Система была органично поражена этими пороками. Это приводило порой вождя в отчаяние; он требовал над волокитчиками-чиновниками гласных судов, арестов, расстрелов. Но… все тщетно. Бюрократия крепла.

Бесплодность борьбы с бюрократизмом системы вызвала у Ленина ненависть к «комчванству», другим подобным явлениям, негативный характер которых он объяснял российскими, советскими склонностями. В декабре 1919 года, запрашивая у Г.Е. Зиновьева корректуру своего материала для проверки и требуя жестких мер к лицам, задержавшим набор, Ленин в сердцах пишет: «…Без этого советская сволочь ничего не сделает!»{266} Известно и его письмо Берзину в Швейцарию, где он советует «русским дуракам раздать работу попроще»{267}. И вообще, Председатель Совнаркома приходит в феврале 1922 года к выводу: «По-моему, надо не только проповедовать: «учись у немцев, паршивая российская коммунистическая обломовщина!» – но и брать в учителя немцев. Иначе одни слова…»{268}

Подобные репризы, – а их можно привести немалое количество, – свидетельство не только ленинского отчаяния перед монстром нового, большевистского бюрократизма, но и презрительно-оскорбительного отношения ко всему отечественному, российскому.

Ленин был пленником Цели. Все было подчинено ей. Он смог за исторически короткое время сделать так много, что верится с трудом: по силам ли это одному человеку? Партия стала государством в государстве. Диктатура партии превратилась в норму. Религию заменила жесткая большевистская идеология ленинизма. Партийный абсолютизм заменил самодержавие. Насилие стало перманентным. Демократия, права человека,

свобода слова и печати превратились в «буржуазные проявления». Ценность человеческой жизни предстала бездушной статистической единицей. Коминтерновское мышление стало обязательным. Догматизм общественного сознания быстро «затвердевал».

По окончании Гражданской войны милитаризм после небольшой паузы стал набирать силу. Партийно-государственная бюрократия быстро окрепла. Снизу доверху выстроилась иерархия большевистских вождей. После спасительной оттепели нэпа экономика на долгие десятилетия встала на директивные, «плановые» рельсы. Великая иллюзия коммунизма превратилась в историческую, стратегическую цель. Партия лелеяла два главных «отряда»: армию и спецслужбы. Контроль в обществе приобрел тотальный характер. Историческая летопись была быстро вся «пересмотрена». «Социальная справедливость» выразилась в гарантированной бедности. Ликвидирована безграмотность. Возникло закрытое общество. Сделана грандиозная попытка создать новую натуру человека. Все возникающие проблемы – из-за происков внутренних и внешних врагов…

Как справедливо заметил в своем провидческом романе «1984» Дж. Оруэлл: для господствующего клана «власть стала не средством, а целью». Идеалом стала сама Система. В ней можно было критиковать все, что не затрагивало параметры системы, а они (смотрите выше) безгранично широки. В ленинской системе было полностью использовано то, что работало на большевизм: община, царистские убеждения, уважение к государственной силе, авторитаризм образа жизни, привычка к догме и склонность к анархизму.

Ленинская система оказалась поразительно живучей. Некоторые ее проявления пугали еще при Ленине отдельных его сторонников.

Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин написал Л.Д. Троцкому записку, которую тот показал Ленину. Нарком, в частности, писал: «Теперь «Управление делами» – государство в государстве. Карахана и меня отшили от хозяйства – ранее была «бессистемность», а теперь «система», т. е. каждая мелочь выходит и нисходит по 5–6 иерархическим ступеням, пишется масса бумаг, а приезжающие иностранные миссии оказываются без кроватей, и все журналисты сбежали за границу от голода, я же сбежать за границу не могу и потому дошел до крайней слабости и постепенно гасну во славу «системы».

В те годы, когда рождалось советское государство, Чичерин, одаренный, но в личном плане очень одинокий человек, был незаменим для Ленина. Их сближало и то, что оба усматривали в

Германии особую роль для России. Пожалуй, было время, когда Ленин ни с кем так часто не советовался, как с Чичериным; вождь чувствовал постоянную потребность общаться с этим больным и тучным человеком. Записка Чичерина Троцкому удивила Ленина.

Прочитав горестные излияния Чичерина, вождь пишет, в свою очередь, управляющему делами Н.П. Горбунову:

«Посылаю Вам это секретно и лично. Верните по прочтении. И черкните 2 слова: 1) Нельзя ли обеспечить Чичерина питанием получше? Получает ли из-за границы он «норму»? Как Вы установили эту норму и нельзя ли Чичерина, в виде изъятия, обеспечить этой нормой вполне, на усиленное питание?»{269}

Н.П. Горбунов тут же отвечает Ленину, что он виноват, так как «посадил» некоторых руководителей с «дипломатического-иностранного пайка на несколько уменьшенный». Принятые им меры конкретны: «Сегодня ему доставлены все продукты для обычного стола, а с завтрашнего дня будут регулярно доставляться молоко, яйца, шоколад, фрукты и прочее…»{270}

Не касаясь «заграничных норм» снабжения для руководителей, обращает на себя внимание жесткая бюрократическая хватка аппарата – каркаса ленинской системы. Чичерин, касаясь сугубо личного вопроса, пишет о жесткой иерархии власти, контроле, бумагах, которые характеризуют крепнущую «систему». Пройдет немного времени, и все станут ее пленниками, в том числе и сам ее автор. «Система», между прочим, позаботится об особом снабжении, лечении, проживании, охране многочисленного руководящего состава партии, что станет ее особой традицией. Привилегии верхушки будут столь значительны, что ЦК со временем станет оберегать всю информацию о них как тайны высшей государственной важности. До момента краха системы вся эта документация хранилась в «Особых папках». Даже простой инструктор райкома партии ежегодно получал бесплатную путевку в санаторий, пакет с дополнительным денежным содержанием, различные пайки. Система была сцементирована партийным аппаратом, а о нем следовало особо заботиться…

Ленин стоит у истоков традиции организации спецлечения партверхушки, регулярных выездов к врачам в Германию, распределения загородных особняков для членов ЦК и наркомов, распределения персональных вагонов. Но при этом, верный себе, Ленин не хотел огласки; ведь революция «делалась» под лозунгом борьбы за равенство. Когда, например, Ленин узнал в мае 1921 года, что создан еще один Дом отдыха Совнаркома, то тут же послал записку В.М. Молотову:

«Я боюсь, что это вызовет нарекания. Прошу Оргбюро

рассмотреть этот вопрос внимательно. Может быть, рациональнее было бы назвать этот дом отдыха просто по номеру: «Дом отдыха номер девять…» Иначе боюсь нареканий»{271}. В последующем аппаратчики ЦК научатся хорошо маскировать от народа свои санатории, больницы, поликлиники, ателье, столовые, магазины-распределители и т. д. Это будет элитный, закрытый мир со своей иерархией привилегий.

Ленинская Система, возникнув, не могла обходиться без чрезвычайщины, государственных кампаний и новых «революций»: в промышленности, сельском хозяйстве, культуре, социальной сфере, идеологии. Классовые догмы, выразившие социальный расизм, оправдывали любое насилие над обществом, моралью, человеком. Поэтому с самого начала своего создания Система была обречена. Но она просуществовала семь десятилетий благодаря жесткому авторитаризму, силовым методам, манипуляции общественным сознанием, директивному мышлению миллионов. В критические моменты (война) она даже продемонстрировала некую эффективность, которая, однако, не могла сокрыть растущего, непреодолимого противоречия между этой Системой и самим Человеком. Крах ленинского государственного феномена был предопределен.

Видимо, прав Плутарх, заметивший о гибели Цезаря: «То, что назначено судьбой, бывает не столько неожиданным, сколько неотвратимым»{272}.

Судьба ленинизма

Ленинизм – это огромный и сложный мир. Это методология революционного мышления и действия, которая во имя эфемерной цели оправдывает мировой пожар бунта, ликвидацию целых классов и сословий, уничтожение во имя сохранения власти миллионов людей. Родившись в лоне марксизма – одной из социальных и экономических теорий XIX века, – ленинизм реализовал на практике многие постулаты Карла Маркса, но в сугубо русифицированной форме.

Второй человек в русской революции Л.Д. Троцкий писал: «Маркс весь в «Коммунистическом манифесте», в предисловии к своей «Критике», в «Капитале»… Наоборот, Ленин весь в революционном действии. Если бы он не опубликовал в прошлом ни одной книги, он навсегда вошел бы в историю таким, каким входит теперь: вождем пролетарской революции, основателем Третьего Интернационала»{273}.

Троцкий в данном случае прав. Не ленинские многочисленные работы, написанные на злобу дня и дышащие

развязной критикой своих оппонентов, сделали вождя русской революции гигантом истории. Не утопии «Государства и революции», схоластика «Материализма и эмпириокритицизма», компиляции «Философских тетрадей» превратили Ленина в знаменитого «теоретика» и вождя русской смуты. Он смог так препарировать концепцию классовой борьбы Маркса, постулаты диктатуры пролетариата и социальной революции, что они стали реальными, действенными средствами в главном деле его жизни – захвате власти в гигантской стране.

Политический вооруженный переворот в октябре 1917 года, по своему историческому значению ставший одной из величайших революций в человеческой цивилизации, был апогеем судьбы Ленина. То, что казалось утопией, безжизненной схемой кабинетных революционеров, он смог превратить в оплот эпохальных свершений. Никто в XX веке не оставил такого глубокого шрама на лике истории, как Ленин. Ни одно социальное, политическое, экономическое учение современности не имело столь глубоких планетарных последствий, как теория и практика лидера русской революции.

Великий наш писатель Иван Алексеевич Бунин в своей знаменитой речи «Миссия русской эмиграции», произнесенной в Париже 16 февраля 1924 года, назвал Ленина «планетарным злодеем», желая обозначить масштабы содеянного лидером большевиков. Он призвал не соглашаться «на новый похабный мир с нынешней ордой»[{274}].

В XX веке мир изменился в огромной мере в результате ленинского вмешательства в естественное течение исторического потока. Одна часть человечества стала «жить по Ленину», тщетно пытаясь создать «рай» на земле, другая – в страхе и ужасе отшатнулась, отпрянула от самой возможности повторить большевистский эксперимент. Желание избежать своего «октября» инициировало политические силы многих стран к поиску приемлемых эффективных реформ, социальных изменений, концентрации усилий на экономическом росте своих систем, расширению прав и свобод граждан.

Надо сказать, что не пушки и колючая проволока, огромные армии и современный полицейский аппарат свободных, цивилизованных стран остановили своих людей перед соблазнами революций, призрачного равенства и химер большевистского «народовластия». Нет и еще раз нет. Достижение неизмеримо более высокого уровня жизни народов, гарантированное соблюдение основных прав и свобод, отсутствие политических монополий на власть сделали бесперспективными все усилия большевиков и их сторонников создать советскую

модель на всей планете. А Ленин так желал и был уверен в этом!

Выступая 13 марта 1919 года на митинге в Петрограде, Ленин нарисовал самые радужные перспективы большевистского движения на всех континентах. Он не очень заботился о точности и корректности того, что говорил. Вождь утверждал, например, что «рабочие всех стран поняли», что такое советская власть. В условиях «голода» в странах Антанты рабочие на Западе знают, что им «помочь может только рабочая власть». Поэтому, утверждал Ленин, «мы говорим, что победа обеспечена за нами полная, потому что империалисты других стран подогнулись, рабочие уже выходят из состояния угара и обмана. Советская власть уже завоевала себе победу в сознании рабочих всего мира, везде надежды возлагают только на то, что они устроят Советы; надежду видят в том, что возьмут власть в свои руки… Мы еще раз говорим себе и вам с полной уверенностью, что победа обеспечена за нами в мировом масштабе…»{275}.

Люди, пришедшие в Народный дом, где выступал Ленин, зажигались верой быстрого пришествия нового чуда. Слова Ленина прерывались «шумными аплодисментами». Казалось, еще одно усилие, еще натиск – и старый мир рухнет навсегда и везде; тогда ничто не помешает коммунистам на планете организовать справедливую, достойную, обеспеченную жизнь. Так думали те, кто поверил или хотел верить большевикам.

Ленин, не гнушаясь самой примитивной, дешевой демагогией, откликаясь на самые низменные чувства, мобилизуя созданную им партию, смог захватить сознание миллионов россиян. Он смог, как писал философ Федор Августович Степун, организовать «встречу просвещенско-рационалистической идеологии Карла Маркса с темной маетой русской народной души». В этой, как пишет Степун, «совершенно невероятной, совершенно фантастической встрече кроется все значение ленинизма, раскрывается вся глубина и все исступление страшного, вражьего подвига Ленина»{276}.

Ленин фанатично верил в схемы и догмы марксизма. Как отмечал его талантливый критик, лидер эсеровской партии Виктор Чернов, «Ленину было абсолютно отказано в творческом таланте, он был только умелым, ярким и неутомимым проводником в жизнь теорий других мыслителей, обладал настолько узким мышлением, что можно было бы говорить об ограниченности его интеллекта. Однако в этих рамках он был способен на проявление силы и оригинальности»{277}. Поставив цель, Ленин был способен мобилизовать не только свои способности, но и всех своих соратников для ее достижения.

Русский вариант, русская версия марксизма, который

справедливо называть ленинизмом, глубоко пустил корни в России в силу не только «исторических обстоятельств», «особенностей самодержавной империи», «неповторимости психологического типа русского человека», но и совершенно исключительных качеств вождя октябрьского переворота.

Возможно, главное из них заключалось в том, что он олицетворял себя со своим делом; большевизм и личная судьба Ленина синтезировались не только в его собственном сознании, но и в общественном мироощущении миллионов.

Приведу еще некоторые рассуждения Ф.А. Степуна из его замечательной книги «Мысли о России». Оригинальный русский мыслитель, в 1922 году навсегда высланный Лениным из отечества, имел возможность несколько раз слушать вождя русской революции, наблюдать его деятельность в России после трагедии Октября. Степун через долгие размышления пришел к выводу, что Лениным «все исходные точки марксизма принимаются на веру». (Десятилетия мы все, советские люди, поступали точно так же.) Далее Степун пишет, что «догматы экономического материализма он утверждает и с сектантским исступлением, и с фельдфебельским искусством».

Разве не такими были и мы? Судьбу ленинизма нельзя понять, если не увидеть в ней судьбу миллионов людей, попавших в духовный плен идеологии, обреченной на знание конечных истин… Можно было только утверждать, «защищать», изучать, реализовывать идеи ленинизма. Но… никогда в них не сомневаться. Даже «развитие», «углубление» отдельных положений ленинизма дозволялось лишь партийному съезду, на худой конец – генеральному секретарю партии.

Но мне, чтобы глубже понять судьбы ленинизма, хотелось бы еще раз вернуться к проницательным наблюдениям Ф.А. Степуна. Для Ленина, вспоминает философ (а воспоминания – это всегда созерцание былого в зеркале нынешнего времени), была свойственна «какая-то начетническая ловкость мысли, производящая временами впечатление не только ловкости мысли, но уже и ловкости рук, какого-то не вполне доброкачественного фокусничества. Со страстною хваткостью изобличает он, например, всех своих противников в оппортунизме; но когда он сам вынуждается к утверждению оппортунистических позиций, он, не задумываясь, определяет свой оппортунизм как диалектику…

Во всем, что он говорит о своих политических противниках, начиная с «Николая Кровавого» и кончая «лакеем и социал-предателем Каутским», нет ни слова правды, ни йоты той психологической меткости и портретной точности, на которые

был такой мастер Герцен. Почти все его характеристики – в конце концов никого и ничего не характеризующие грубые издевательства. Они не сливаются с характеризуемыми образами, а ложатся рядом, как на дешевых литографиях краснота губ съезжает на подбородок, а синева глаза на середину щеки…»[{278}].

Главный идеолог ленинизма своей безапелляционной верой в постулаты марксизма положил начало образованию на их основе светской религии. Превратив Россию в атеистическую страну (организованный по инициативе Ленина погром Церкви был страшным, кровавым), большевики из ленинизма – русифицированного марксизма – создали «новую религию». Ее особенность – программный характер незыблемых догматов. История, «подлинная», начиналась лишь с октября 1917 года. Все истины изложены в ленинизме. Все ответы на самые жгучие вопросы бытия находятся там же. Постепенно русло жизни было намертво сковано бетоном ленинской идеологии.

В стране быстро выросли десятки тысяч идолов-памятников «вождю международного пролетариата», множество ленинских музеев, мемориальных комплексов, заповедников. Бронзового, гипсового, бетонного, каменного, чугунного Ленина можно было увидеть повсюду: на площадях городов, в скверах райцентров, на заводских дворах, в речных портах, дворцах культуры, университетах, на вокзальных площадях. Коренастый человек, с неизменной кепкой на голове или в руке, со вздернутой рукой, зовущей куда-то в дальнюю даль, словно оккупировал страну. Он был везде, повсюду, как и его высказывания, формулы, цитаты из многотомья книг и речей.

При том, что ленинские сочинения, изданные сотнями миллионов томов, заполонили общественные библиотеки, ленинские комнаты и кабинеты начальников, по своей воле Ленина практически никто не читал. Никто… Было осуществлено издание пяти собраний сочинений Ленина. В каждом новом регулярно добавлялось 10–15 томов. Последнее, пятое, насчитывало 55 томов. Это было как волшебство, мистика… В 1991 году в Институте теории и истории социализма ЦК КПСС (бывший Институт марксизма-ленинизма) началась подготовка шестого (!) издания сочинений В.И. Ленина, предположительно в 70 томах! И это при том, что существуют еще 40 томов Ленинских сборников… Уже давно начали публиковать работы в ленинских сочинениях, принадлежащие другим авторам, но удостоенные помет, подчеркиваний, ругани вождя…

Но, слава Богу, августовские события 1991 года остановили выпуск нового, самого массового и неиссякаемого в мире собрания сочинений, как и выпуск нового десятитомного издания

слащавых «Воспоминаний о В.И. Ленине».

Кстати, это одна из немногих областей общественной жизни, где за семь десятилетий советской власти достигнуто изобилие. Изобилие не только книг. Нельзя было найти города, поселка, крупного села, где не было бы улицы, носившей имя вездесущего вождя. Были написаны тысячи книг о Ленине и его «вкладе», создании «основ», свершении «коренных переворотов». Тысячи людей обрели ученые степени и звания, описывая «гениальность» и «прозорливость» человека-бога. Ордена, медали, премии, стипендии его имени еще сильнее подчеркивали избранную исключительность вождя. Все научные форумы, партийные и иные съезды начинались с заклинаний верности «заветам Ленина»… Ленин и ленинизм стали светской религией, в которую уверовали атеисты. Догматы этой религии ядовиты, совсем не безобидны. Нетерпимость, непримиримость, ненависть ко всему «не ленинскому» десятилетиями была чертой характера миллионов людей.

В то же время о Ленине было положено знать дюжину мифов, легенд, идеологических штампов. Так, каждый школьник в стране знал, что «Ленин скрывался от ищеек Временного правительства в Разливе». Скрывался в знаменитом шалаше в одиночестве, разрабатывая планы революции. Хотя в действительности он там был вместе с Зиновьевым… Но после опалы, а затем и уничтожения Г.Е. Зиновьева соратник Ленина буквально испарился из книг, фильмов и, конечно, из священного шалаша. Как и десятки других «ленинцев», уничтоженных Сталиным, растворились в небытии и незнании.

Канонизация вождя большевиков стала не только партийной, но и государственной политикой. Ленинизм превратился, повторюсь еще раз, в светскую религию. Из текстов ленинизма, естественно, было удалено все то, что могло скомпрометировать вождя, его учение, сам «светлый облик» марксистского гения.

Но по мере наполнения духовной жизни общества ленинскими изречениями, картинами, фильмами, портретами, всевозможной символикой общественное сознание просто привыкало к этому имени, этим упоминаниям, этим догматам. Постепенно у людей рождалось не только стабильное отношение к этому существу, как к чему-то иррационально-святому, но и устойчивое равнодушие к человеку, идеологии, где не было ничего неправильного, ошибочного, спорного. Такое отношение к ленинскому наследию стало постепенно рождаться еще в 30-е годы, когда иконизация ленинского образа, распространение трудночитаемых и еще более труднопонимаемых книг земного бога стали частью образа жизни, быта, новых светских

идеологических ритуалов.

В своей статье «Советские вожди на языке острословов» Дора Штурман пишет, что люди в советское время часто выражали свое негативное отношение к действительности, большевистской политике, ее вождям в фольклорной, анекдотической форме. Было, правда, это далеко не безопасно. При Сталине такие вольности могли стоить очень дорого, даже жизни. Приведем один анекдот из упомянутой статьи Д. Штурман.

«На колхозном торжественном собрании вручают подарки за хорошую работу:

– за отличную работу в поле товарищ Иванова награждается мешком зерна (аплодисменты);

– за отличную работу на ферме товарищ Петрова награждается мешком картошки (аплодисменты);

– за отличную общественную работу товарищ Сидорова награждается собранием сочинений Ленина (смех, возглас: «Так ей, б…, и надо!»)»[279]

Мир ленинизма, пишет ученый Г.Н. Александров, похож на «огромный монастырь… Во главе монастыря – непререкаемый авторитет, подчинение которому для всех обитателей обязательно без каких-либо сомнений и обсуждений. Подчинение настоятелю монастыря отождествляется с признанием веры в религиозное учение. Непременное и достаточное условие для занятия всех управленческих должностей – приобщение к религии, т. е. к идеологии марксизма»[280].

Этот монастырь российского марксизма в форме ленинизма со временем весьма расширил свои владения, захватив в орбиту влияния почти все континенты, множество стран и миллионы людей.

Ленинизм не «диверсия» российских якобинцев, не лежалый товар политэмигрантов, вернувшихся из Европы. Ленинская концепция революционного развития одержала верх в России потому, что другие варианты не имели столь энергичного, фанатичного, одержимого политического лидера, как Ленин. Ведь даже самая верная теория без энергии воплощений не может стать плотью бытия. Ленин был сгустком такой энергии.

К 1917 году просматривалось три основных пути исторического развития России: конституционная монархия, что оказалось в конце концов невозможным, ибо самодержец упустил подходящий момент принятия этого решения; буржуазная, либеральная, конституционная демократия, не созревшая, однако, до той кондиции, что могла бы позволить повести общество; и, наконец, радикальный, диктаторский путь. При определенных условиях он мог стать «генеральским». Не

исключено, что Россия могла бы на рельсах постсамодержавной диктатуры выбраться из глубокого кризиса. Но царские генералы оказались весьма плохими специалистами в политических, гражданских делах. Они не смогли даже стать серьезными оппонентами большевизму.

Радикальный рецепт перехода России на новые, неизведанные рельсы развития перехватили большевики, сумев уловить глубокую «маету русской души», смертельно уставшей от чуждой ей войны, непонятных лозунгов кадетов, болезненной непривлекательности возвращения помещиков и иных владельцев к государственным рычагам власти.

Злой гений Ленина не в заговорщицких тайнах, а в дьявольском учете глубинных интересов самых различных групп людей. В этой сложной комбинации он просчитал все варианты, но выбрал один, фантастически редкий, тот, который смог привести его с партией к власти.

Часть россиян поверили Ленину, не подозревая, что, заканчивая войну империалистическую, он тут же развяжет трехлетнюю гражданскую. Рабочие, провозглашенные высшей социальной кастой, останутся такими же бесправными. Крестьяне еще не знали, что земля будет национализирована и их многократно оберут так, как еще никогда не грабили. Они уже после смерти Ленина превратятся в крепостных XX века. А интеллигенция… Будет раздавлена или рассеяна. Как писала Зинаида Гиппиус в январе 1918 года:

> К одежде смертной прикоснуться,
> Уста сухие приложить,
> Чтоб умереть – или проснуться,
> Но так же жить! Но так же жить![281]

Радикальные взгляды в социал-демократии были окрещены «ленинизмом» еще в начале века, однако пропущены через горнило «революционных свершений» только после октября 1917 года. Придя к власти, Ленин быстро изменился. Политический почерк его стал импульсивным, часто крайне жестким, безнравственным, отталкивающим. Ленина не терзали муки совести, когда он рекомендовал политбюро принять 4 мая 1922 года решение: «Применять к попам высшую меру наказания»[282]. Еще раньше, по инициативе Ленина, было принято постановление: «Дать сводку мятежных поповских попыток, а зачинщиков расстреливать»[283]. Это уже не просто безнравственность, а преступный образ мышления и действий.

В сформировавшемся ленинизме просматривался ряд черт,

которые сохранились (в разной мере) на долгие десятилетия существования системы, созданной по его чертежам.

Ленинский антилиберализм и антидемократизм стали в высшей степени последовательными и глубоко осознанными. Выступая 12 января 1920 года на заседании коммунистической фракции ВЦСПС, Ленин всячески пропагандировал единоначалие и высмеивал коллегиальность{284}. К слову, речь никогда не публиковалась. Все атрибуты демократии и рабочего контроля были сведены на нет. Дело дошло до того, что политбюро устанавливало, утверждало для самой массовой организации трудящихся даже мелкие, пустяковые вопросы. Например, на заседании политбюро 15 апреля 1920 года было установлено заседания Президиума ВЦСПС проводить по средам в 11 часов. А повестка дня и материалы очередного заседания должны рассылаться всем членам политбюро{285}.

Впрочем, диктат большевистского руководства не ограничивался собственными профсоюзами. Профинтерн (международная профсоюзная организация под контролем Москвы) был в том же положении. Достаточно сказать, что именно на заседании политбюро 23 февраля 1922 года генеральным секретарем Профинтерна был назначен Рудзутак…{286} Исполкому международной организации оставалось лишь проштамповать решение свыше.

Так на все общественные организации надевался строгий намордник. Несогласные с партийным диктатом тут же устранялись со своих постов. Ленин последовательно превращал диктатуру пролетариата в диктатуру партии, которую Сталин со временем превратит в диктатуру одного вождя.

Ленинизм всегда олицетворялся с революционной диалектикой. Но в действительности это был способ политического оправдания быстрой смены лозунгов, отказа от одних формул и обожествления других, переход к совершенно новым установкам, нежели те, что были провозглашены ранее. Это не диалектика, а прагматизм человека, для которого высший критерий – власть. Ленин никогда не был великим философом. Его философия политична, полемична, социальна, но предельно узка и ограничена «классовыми рамками». Прочтя Гегеля, он заменил его «Дух» на «Материю». Дальше все было делом «техники», которая свела гегелевскую диалектику к трем сакраментальным законам.

Ленин был отцом «военного коммунизма» в 1918–1920 годах. Пребывая в состоянии революционного нетерпения, он хотел форсированно построить коммунизм. По его словам, они «решили произвести непосредственный переход к коммунистическому

производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам – и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение»{287}. Не вышло: все окончилось крахом, полным развалом экономики. А ведь это было государственной политикой, у истоков которой стоял сам Ленин. Еще летом 1921 года, когда его соратники настаивали разрешить торговлю, он держался за безденежный обмен продуктов города на продукты села{288}. «Ведь свобода торговли – это возрождение мелкой буржуазии и капитализма. Это несомненно»{289}.

Прижатый обстоятельствами вызванной большевиками экономической катастрофы к стене, Ленин вынужден был согласиться на новую экономическую политику. И это мы называли блестящим примером революционной диалектики! Этак любую неудачу, преступление, провал можно оправдывать диалектикой…

Еще в апреле 1917 года Ленин утверждал, что никакого сепаратного мира с Германией быть не может, а через полгода это стало сутью внешней политики большевиков. Это не «диалектика» и не «новые обстоятельства», а манипулирование принципами, как это было и в отношении Учредительного собрания, союза с эсерами, свободы печати, отношений с союзниками России. Это придавало в значительной мере импульсивный характер политике большевиков, молившихся лишь одной «ценности» – завоеванию и сохранению власти.

В 1922 году большевики объявили политику примирения в Туркестане, гарантируя жизнь и свободу сдавшимся добровольно руководителям антиправительственных сил. Однако ленинское политбюро следом принимает 6 июня 1922 года решение, которым Средне-Азиатское бюро ЦК «не должно выпускать из рук главарей-басмачей и немедленно передать их суду Ревтрибунала, имея в виду применение высшей меры наказания»{290}. Так было и с добровольно сдавшимися белыми офицерами в Крыму, казаками на Дону, матросами в Кронштадте. Диалектика…

Ленинская «диалектика» – это не только анализ антиномий высоких социальных материй, но и беспримерная политическая жестокость. «Революционная диалектика» оправдывала коварство, беспощадность, непримиримость, если это было в интересах большевистской власти. Хотя сам Ленин, будучи апологетом жестокой философии, был трусливым человеком, что, кстати, в жизни встречается часто. Как пишет Р. Пайпс, «оборотной стороной жестокости Ленина была трусость»{291}. Доказательством тому – множество фактов. Он никогда не выезжал на фронт, не возглавлял демонстраций и шествий против

царизма, при любой опасности был готов бежать за границу. Полтора десятка лет, проведенных за рубежом, – не результат преследований, а боязнь «осложнений» на родине. Как писала Т. Алексинская, она лично видела, как Ленин летом 1906 года быстро, панически ретировался с митинга, когда прошел слух, что есть опасность облавы{292}.

Ленинизм немыслим без террора. Вождь русской революции, внешне мягкий, даже добродушный, решительно выступил против отмены смертной казни, обещанной большевиками. И хотя формально отмена была произведена в послеоктябрьские годы, в большевистских судах, как правило, была одна мера наказания – расстрел.

Троцкий вспоминал, как Ленин, узнав об отмене смертной казни, бурно негодовал:

– Вздор. Как же можно совершить революцию без расстрелов?.. Какие еще есть меры репрессии? Тюремное заключение? Кто ему придает значение во время гражданской войны, когда каждая сторона надеется победить?

Ленина утешали: мол, смертная казнь отменена только для дезертиров. Все было напрасно. Он настойчиво твердил: ошибка, недопустимая слабость, пацифистская иллюзия…

Порешили на том, что если нужно, то «лучше всего просто прибегнуть к расстрелу, когда станет ясным, что другого выхода нет». На том и остановились{293}.

Ущербность ленинизма не только в том, что он поощрял террор. Главное выражается в жестокости самой философии ленинизма.

Лидер большевиков считал возможным отправить на Северный Кавказ членам Реввоенсовета фронта И.Т. Смилге и Г.К. Орджоникидзе в феврале 1920 года такую, например, телеграмму: «Нам до зарезу нужна нефть, обдумайте манифест населению, что мы перережем всех, если сожгут нефть и нефтяные промыслы, и, наоборот, даруем жизнь всем, если Майкоп и особенно Грозный передадут в целости»{294}.

Какие слова: «перережем всех», «даруем жизнь»… Слова и слог, достойные феодала раннего средневековья. Таков стиль Ленина, который он усвоил сразу же после переворота.

В записке, также связанной с нефтью, Ленин пишет, чтобы члену Главного нефтяного комитета СМ. Тер-Габриэляну сообщили его, главы советского правительства, указание: «Можете ли Вы еще передать Теру, чтобы он все приготовил для сожжения Баку полностью, в случае нашествия, и чтобы печатно объявил это в Баку»{295}.

Человек, внутренне не готовый к массовым жестокостям

(«сожжение Баку…»), не мог бы отдавать таких указаний. Если собрать все подобные директивы вождя, получится антология бесчеловечности, равной которой едва ли можно найти. Еще раз повторюсь: террор родился не из «реалий гражданской войны» и «неповторимых обстоятельств», как любят говорить «защитники» Ленина, а из предельно жестокой философии ленинизма. Эта страшная печать античеловечности останется навсегда позорной метой на явлении, называемом ленинизмом.

Ленинизм – это проповедь тотального контроля: за производством и потреблением, школой и печатью, мыслями людей. Никому и никогда в истории не удавалось создать столь всеобъемлющий контроль за самыми разными сферами человеческой жизни. Для Ленина это было едва ли не главной чертой, сутью его мироощущения. В своей знаменитой статье, которую советские люди, в соответствии с указаниями свыше, в разных формах политической учебы настойчиво штудировали, Ленин написал: «Богатые и жулики, это – две стороны одной медали, это – два главных разряда паразитов, вскормленных капитализмом, это – главные враги социализма, этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться, при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества, беспощадно».

Как осуществлять этот контроль за «паразитами»? Ленин конкретен: «В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы… В другом – поставят их чистить сортиры. В третьем – снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за вредными людьми. В четвертом – расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве…»{296} Хорош «теоретик», додумавшийся расстреливать одного из десяти, словно рядовой каратель! А мы всю эту бесчеловечную мерзость читали без ропота…

А чтобы действовать против богатых и жуликов без промедления, по предложению Ленина 14 мая 1921 года на заседании политбюро принимают решение «О расширении прав ВЧК в отношении применения высшей меры наказания»{297}.

И раньше ленинское карательное детище не очень заботилось о соблюдении законов (которых фактически не было), руководствовалось «революционной совестью», а теперь ночной треск выстрелов в подвалах ВЧК стал еще более интенсивным. Ленин мог быть доволен: контроль за «богачами и жуликами» после этого памятного решения политбюро стал еще более действенным.

Для ленинизма свойственно утопическое видение перспектив

грядущего и одновременно прагматичный реализм в решении задач текущего момента.

В первые годы после октябрьского переворота Ленин исключительно высоко оценивал перспективы мировой революции. В январе 1919 года Ленин вместе с Троцким, Свердловым, Сталиным и Бухариным отправил приветствие в Германию группе «Спартак» и компартии Австрии. В нем говорилось: «Гибель буржуазии и победа пролетариата одинаково неизбежны. Неизбежна ваша победа, товарищи! Мы верим и знаем, что вместе с вами мы добьемся того, что на развалинах капиталистического разбоя мы построим новый мир настоящего человеческого братства и солидарности всех народов». Большевистские вожди далее выражали твердую убежденность в близкой мировой революции и образовании международной социалистической республики{298}.

В пространном манифесте II конгресса Коммунистического Интернационала, написанном Троцким по поручению Ленина и одобренном им, прямо говорилось: «Гражданская война во всем мире поставлена в порядок дня. Знаменем ее является советская власть»{299}.

Ленин, вдохновленный совершенно фантастическим результатом октября 1917 года, верил, что с такой же легкостью большевики и их союзники захватят власть в ряде стран Европы, а затем и на всей планете. В какой-то момент, в 1919-м – первой половине 1920 года, большевиков охватила эйфория от предвкушения близкой, «обеспеченной победы». Зиновьев называл сроки победы мировой революции, исчисляемые несколькими месяцами. Утопия действительно обретала вроде бы реальные черты… Революционные выступления в Китае, Индии, Персии, Венгрии, Италии, Германии создавали мираж возникновения в ближайшем будущем мирового пожара.

Ленин, прочтя вечером 23 июня 1920 года очередную сводку об успешном наступлении Красной Армии на Варшаву, шлет Сталину в Харьков шифровку: «Положение в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может, также Чехию и Румынию… Сообщите ваше подробное заключение»{300}.

Именно по энергичному настоянию Ленина решили «советизировать Польшу», чтобы дать революционный импульс Германии.

Попутно замечу: вождь с легкостью распоряжается российскими землями. В 1918 году без особых колебаний отдал

Германии 1 млн квадратных километров по преступному Брестскому миру; в письме эмиру Афганистана Аманулле-хану 27 ноября 1919 года выражает готовность к практическим действиям «для исправления русско-афганской границы, в смысле расширения афганской территории»{301}, уступил туркам «кусок» армянской территории, теперь вот готов отдать земли полякам «восточнее линии Керзона…»{302}.

Пришлось не только уступить российские территории, но и выплатить огромную контрибуцию. Однако Ленин умел любой большевистский позор превращать в триумф… Диалектика… Ленин фактически ничего не сделал для возвращения из польского плена более тридцати тысяч красноармейцев, судьба которых печальна: большинство сгинули, не оставив следов. Это давняя история, но она и сегодня требует честного ответа и разбирательства.

Ленин совершенно не испытал нравственного дискомфорта от поражения под Варшавой, наступление на которую он так торопил…

Десятки тысяч жертв принесла польская авантюра, тридцать миллионов рублей золотом контрибуции{303}, исчезнувшие бесследно тридцать тысяч плененных красноармейцев, моральное осуждение всей Европы никак не повлияли на Ленина, считавшего все это «в порядке вещей».

Выступая на IX конференции РКП(б), Ленин в заключительном слове по своему докладу, касаясь «неудачи» в Польше, обронит: «Мы на этом будем учиться наступательной войне. Будем помогать Венгрии, Италии и при этом рискнем таким образом, что с каждым удвоенным шагом будем помнить, где остановиться»{304}.

Впрочем, остановились в Польше недостойно; когда соединения и части Первой конной армии покатились назад, то метили свой путь на российской земле многочисленными еврейскими погромами. Ленину докладывали специальной шифровкой: «1-я и 6-я дивизии Первой конной армии на своем пути уничтожали еврейское население, грабя и убивая на своем пути…»{305}. Ленин отреагировал лаконично: «в архив».

Утопия рождает авантюризм. Поражения, неудачи – большевистский «реализм». Суть его – поиск новых решений, которые оставляют как бы за «скобками» огромные издержки, жертвы, лишения. Утопия в союзе с большевистским «реализмом» есть преклонение перед целью, достичь которую нужно любой ценой.

Но «фонарь ленинизма», о котором писал Троцкий, всегда высвечивал не столько реалии, сколько миражи грядущего.

Таков ленинизм. Такова его судьба. На протяжении десятилетий он опирался прежде всего на военную мощь советской империи. Вместе с тем нельзя отрицать, что ленинизм нес и несет огромную способность убеждать людей благодаря изощренной школе демагогии, постоянному перенесению ожидаемых благ в неопределенное, туманное будущее. Людям всегда свойственно верить. Особенно если мышление одномерное, догматическое, привыкшее пропагандистские мифы принимать за реалии.

Ленинизм агонизирует, но далеко не умер. И, видимо, не скоро умрет. Люмпенизированная, «пролетарская» часть населения России по-прежнему видит выход из тотального кризиса, в котором находится страна в посткоммунистическую эпоху, в новых экспроприациях, переделах, возвращении вульгарного равенства. После завышенных ожиданий, связанных с приходом к власти неопытной, незрелой, неумелой демократии, у многих возникло устойчивое разочарование в рынке, свободах, отсутствии удобных бюрократических опор в жизни. Этим пользуются опытные аппаратчики бывшей КПСС, стремясь на волне отрицания, сенсационных разоблачений и щедрых посулов вновь завладеть общественным сознанием. Опасность реставрации (хоть на какое-то время) реальна.

У России – великой, самобытной, духовно необъятной – трудно отнять ее приоритеты на страдания, нелепости, смуты.

В программе Коммунистической партии Российской Федерации, принятой 22 января 1995 года, лишь трижды стыдливо упоминается Ленин. При всей отчаянной защите человека и его учения, принесших России самые страшные беды в XX веке, звать «назад, к Ленину» сегодня уже не с руки. Всем видна полная несостоятельность этого учения, основанного на антиреформизме, антилиберализме, антидемократизме, антигуманизме, антиисторизме, антипарламентаризме. Новым лидерам коммунистов сегодня выгоднее утверждать просто бредовые вещи, вроде той, что «русская идея» есть идея глубоко социалистическая!

В программе КПРФ оправдывается ускоренная коллективизация, создавшая новое сословие крепостных XX века, не осуждаются страшные многомиллионные репрессии коммунистического режима; оказывается, к «мировой революции» призывал совсем не Ленин, а «лжекоммунисты», а среди союзников компартии ныне провозглашаются «религиозные объединения всех традиционных конфессий»! Словно и не было чудовищного погрома тысяч храмов большевистской инквизицией и призыва Ленина: «дать самое решительное и беспощадное

сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий…»{306}.

Каждый пункт этой программы ленинский, хотя, повторюсь, на него уже стыдятся прямо ссылаться; слишком черна его роль в истории России.

Правда, один раз в программе следовало бы сослаться на И.В. Сталина, «славного» продолжателя Ленина, когда в ней утверждается: «…в значительной мере оправдалось предвидение о том, что по мере созидания социализма сопротивление враждебных ему сил не только не затухает, но приобретает нередко самые ожесточенные и уродливые формы»{307}.

Сталин, как известно, эту реакционнейшую идею выразил на печально знаменитом февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года другими словами: «…чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последнее средство обреченных»{308}.

Коммунистам, в основном ветеранам войны и труда, нынешние руководители компартии, ленинские наследники, вновь предложили ленинско-сталинские догмы, реакционность которых подтверждена всей семидесятилетней историей СССР и КПСС, принесшей неисчислимые беды великому народу.

Ренессанса ленинизма не будет ни сейчас, ни в будущем. Даже укрепление политических позиций ленинцев, что не исключено, может быть только временным.

История имеет одну коренную особенность: в прошлое вернуться не дано никому. Можно попасть туда только мысленно. Но этот возврат, если взор направлять на конкретные деяния РКП – ВКП(б) – КПСС и ее лидеров, не может быть радостным. Террор, лишения, кризисы, голод, вечные нехватки, одномыслие, отсутствие прав и свобод не дают шансов нынешним реставраторам. Им нечего предложить народу, кроме очередей, карточек, нового передела, прежнего одномыслия и какого-то варианта ГУЛАГа.

Ленинизм и партии, которые его исповедуют, – призраки прошлого. Хотя те из бывших коммунистов, кто наберется мужества пойти по тропе либеральной, социальной демократии, имеют исторические шансы. Я в это верил раньше, верю и теперь.

Судьба ленинизма – грозное предупреждение грядущим поколениям. Тем более что на руинах коммунизма вновь

появились всходы не просто красные, но и с коричневым оттенком. Беспощадный радикализм ленинцев прошлого и настоящего был и останется носителем Лжи и Насилия. А на этой основе нельзя построить храм Добра и Истины, что подтверждает судьба и второго большевистского вождя – И.В. Сталина, «самого верного ленинца» XX века.

Именно этот вождь, придавив Ленина мавзолеем и монополизировав его наследие, стал на долгие годы неуязвимым.

Вождь второй: Иосиф Сталин

Сталин – государственник восточного, азиатского типа.

Н. Бердяев

Почти два десятилетия спустя после октябрьского переворота 1917 года безоговорочный лидер СССР Иосиф Виссарионович Сталин 25 ноября 1936 года выступал с докладом на чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов. Когда Сталину было предоставлено слово и он неторопливо прошел к трибуне, зал взорвался овацией. Вскочившие на ноги депутаты не жалели ладоней, и под сводами Кремля слышались надрывные крики: «Ура товарищу Сталину!», «Да здравствует товарищ Сталин! Да здравствует великий Сталин!», «Великому гению товарищу Сталину ура!», «Виват!», «Рот фронт!», «Товарищу Сталину слава!»{309}

Оглядев прямоугольник кричащих голов, Сталин посмотрел на президиум, выждал две-три минуты и наконец отработанным жестом вождя заставил замолчать зал. Как это уже сделал с великой страной.

Доклад, как и все сталинское, был разрезан на части с подзаголовками. В свою очередь разделы рассечены на неизменное: «первое», «второе», «третье»… Уже после развенчания Сталина на XX съезде в 1956 году его многочисленные поклонники в разговорах между собой по-прежнему негромко восторгались: как ясно писал! Как понятно говорил! Все разложено по полочкам!

А человек в партийном френче «раскладывал по полочкам» третий раздел доклада «Основные особенности проекта Конституции». Голос в зале звучал негромко, заставляя всех до боли в ушах вслушиваться в сталинские слова, бросаемые в звенящую тишину…

«…Пятую особенность проекта новой Конституции составляет его последовательный и до конца выдержанный демократизм…»

«…Особенность проекта новой Конституции состоит в том, что он не ограничивается фиксированием формальных прав граждан, а переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав…»

Покончив с «особенностями» его, «сталинской», конституции, вождь так же педантично разбил буржуазных критиков советского основного закона на несколько групп. И так же негромко, но

уничтожающе разделался со всеми разновидностями критиков.

«…Я должен признать, что проект новой Конституции действительно оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса, равно как сохраняет без изменения нынешнее руководящее положение Коммунистической партии СССР (бурные аплодисменты)… В СССР нет почвы для существования нескольких партий, а значит, и для свободы этих партий… В СССР может существовать лишь одна партия – партия коммунистов…»

«…Вот почему я думаю, что Конституция СССР является единственной в мире до конца демократической конституцией»{310}.

Сталин, рассуждая об «особом демократизме», который существует в СССР, конечно, не упоминал о том, что регулярно Ежов или Ягода докладывали ему о решениях Особого совещания при народном комиссаре внутренних дел. Сотни, тысячи, десятки тысяч осужденных по спискам без всякого суда. Чтобы разгрузить «центр» от этой палаческой работы, второй вождь в истории СССР в мае 1935 года разрешил распространить права Особого совещания и на создаваемые в областях, краях, республиках печально знаменитые «тройки» НКВД. Вначале эти органы могли выносить приговоры о заключении граждан в исправительно-трудовые лагеря, о ссылке, высылке «всего» до 5 лет. Затем самая «демократическая власть», в результате классового совершенствования, существенно продвинулась дальше.

Например, в преддверии своего «славного» семидесятилетия Сталин еженедельно получал вот такие доклады:

«ЦК ВКП(б)

Товарищу Сталину И.В.

Докладываю: 2 сентября Особым Совещанием при МВД рассмотрено 197 дел. Осуждено: на 25 лет – 10 человек, на 20 лет – 2 человека… К 20 годам каторжных работ – 30 человек…

С. Круглов»{311}.

Каторжные работы (да, именно «каторжные работы») были введены на основании «сталинской конституции» Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года вроде бы для «шпионов и изменников Родины», но под эту гильотину мог попасть любой подозреваемый.

Сталин иногда подчеркивал цифры в подобных документах, словно подсчитывая, сколько людей без суда расстреливаются, отправляются на советскую каторгу. Например, своим синим карандашом он отметил, что Особое совещание отправило 10 сентября 1949 года на двадцать лет каторги 52 человека, 16 сентября – 31 человека, 24 сентября – 76 человек, 22 октября – 17 человек…{312} И так бесконечно. Монстр беззакония, конечно, не

упоминаемый самой «демократической» конституцией, без сбоев работал до 1 сентября 1953 года, пока «Особые совещания», уже после смерти Сталина, не были ликвидированы.

Ленинская система, которую первый вождь спроектировал и заложил ее фундамент, строилась Сталиным и его партией. Диктатура пролетариата уже давно, до принятия «самой демократической конституции», превратилась в диктатуру одной партии, которая, в свою очередь, стала диктатурой одного вождя.

Сталин к концу своей жизни стал зловещим олицетворением не только возникшего строя, которому была посвящена вся его жизнь, но и символом образа мышления и действий. Самое парадоксальное заключается в том, что люди, страна верили всему тому, что внушалось им большевистскими властями. Люди терпели огромные лишения, переносили невиданные страдания, мирились с чудовищными жертвами во имя эфемерного будущего. Они верили в него… Во всяком случае, очень, очень многие.

Однодумство, господство одной политической силы, система обязательных идеологических мифов исподволь формировали элементарных людей. Генезис сталинизма, как материализация ленинских идей, находится не только в особенностях российской истории, специфике марксизма на отечественной почве, традициях царизма, народничества, поклонении якобинству, но и в огромной мере заключается в феномене идеологической веры. Россия всегда была страной веры. Советская Россия – тем более, но веры антихристианской. Сталин стал идеальным выразителем устремлений идеологической веры ленинской системы. К чему это привело?

Прежде всего к абсолютизации и догматизации ленинизма. Теоретическая социал-демократия еще Лениным была переосмыслена исключительно через призму классовой борьбы и диктатуры пролетариата. Сталин воспринял это в полной, максимальной мере.

Далее, российский традиционный радикализм нашел последовательных исполнителей в лице большевиков сталинского типа. Во имя «торжества» идеи считалось допустимым, оправданным приносить в жертву все: историю, культуру, жизнь множества людей.

Наконец, борьба за «чистоту» ленинского учения привела к абсолютной безальтернативности развития. Даже сам термин «социальная эволюция» воспринимался большевиками как социальная ересь. Революционные решения в направлении одного-единственного вектора, указанного Лениным, сделали сталинизм исторически обреченным. Почему?

Сталинизм, родившийся как теория и практика исполнения «ленинских заветов», с самого начала обрек себя на закостенелость догматизма.

Сталинизм, делавший ставку на симбиоз партийного и государственного аппарата, постепенно «переплавил» легионы «революционеров» в огромную армию бюрократии.

Сталинизм, делавший ставку на революционное историческое опережение естественного хода вещей, привел страну в конечном счете к реальному историческому отставанию.

Но вера, как интеллектуальное чувство, в результате тотальной демагогии, подспудного страха, давления, родившейся политической псевдокультуры превратилась в иррациональное качество миллионов людей. Они верили партии. Верили ленинизму. Верили Сталину… И он знал об этом. Широко и цинично этим пользовался, еще больше укрепляя эту веру.

…Большой театр 11 декабря 1937 года. Здесь состоялась встреча Сталина с его избирателями. Зал и все ярусы великого храма искусства переполнены. Никто тогда не знал, что каждый десятый «избиратель» на встрече сотрудник (тайный или явный) ведомства Ежова. Приведу несколько фрагментов из ткани того события, описанного большевистской печатью.

«…Появление на трибуне товарища Сталина встречается избирателями бурей оваций, которая длится в течение нескольких минут. Весь зал Большого театра стоя приветствует товарища Сталина…» Возгласы уже традиционные. Послушав вдоволь проявления идолопоклонства, Сталин переходит к умелому «массажу» сознания сидящих перед ним людей.

«…Товарищи, признаться, я не имел намерения выступать. Но наш уважаемый Никита Сергеевич (Хрущев. – *Д.В.*), можно сказать, силком притащил меня сюда, на собрание: скажи, говорит, хорошую речь…

Конечно, можно было бы сказать эдакую легкую речь обо всем и ни о чем *(легкий смех)*… Говорят, что мастера по таким речам имеются не только там, в капиталистических странах, но и у нас, в советской стране *(смех, аплодисменты)*… И все же, коль скоро я вышел на трибуну, конечно, приходится так или иначе сказать хотя бы кое-что *(шумные аплодисменты)*…»

Степень доверия к этому невысокому, с рябоватым лицом и отдающими желтизной зрачками человеку столь велика, что одно игривое его желание создать атмосферу благожелательности и преклонения перед вождем тут же встречает горячий и искренний ответный отклик у людей.

«…Меня выставили кандидатом в депутаты, и избирательная комиссия Сталинского округа советской столицы

зарегистрировала меня как кандидата в депутаты… Что же, у нас, у большевиков, не принято отказываться от ответственности. Я ее принимаю с охотой *(бурные, продолжительные аплодисменты)*. Со своей стороны я хотел бы заверить вас, товарищи, что вы можете смело положиться на товарища Сталина *(бурная, долго не смолкающая овация…)»*.

Почти половину времени, что выступал Сталин, зал сотрясали аплодисменты, овации. Люди общались с земным богом. Любимец «масс» говорил банальные большевистские вещи, но их и хотели услышать избиратели. Никто и не замечал «шероховатости» речи вождя: «выставили кандидатом», ответственность «принимаю с охотой». Перед ними стоял «великий вождь» в своей простоте, доступности, ясности. Элементарное, примитивное сознание принимало все, что говорил генсек, без малейших сомнений, на веру. Безоговорочную веру. Люди, сидящие в зале, уже стали одномерными.

«…Никогда в мире еще не бывало таких действительно свободных и действительно демократических выборов, никогда! История не знает другого такого примера *(аплодисменты)*… наши выборы являются единственными действительно свободными и действительно демократическими во всем мире *(шумные аплодисменты)»*{313}.

Менее чем за неделю до своей «исторической» речи он прочтет одно из бесчисленных донесений НКВД, на этот раз от заместителя наркома внутренних дел Фриновского о подозрениях в троцкистских взглядах председателя Калмыцкого ЦИК Хомутинникова, тоже кандидата в депутаты Верховного Совета СССР. Своим страшным карандашом наискось доклада легли сталинские строки:

«Т. Фриновскому. Если Хомутинников является кандидатом в Верховный Совет, его не стоит сейчас арестовывать (с ним можно расправиться после выборов). Если же не кандидат – арестовать через две недели. 6.12.37»{314}. Впрочем, подручный палача Фриновский скоро будет и сам расстрелян.

Вождь, держащий речь в округе, носящем его имя, прекрасно знает, что все кандидаты в депутаты назначены сверху по должностям; список будущих «слуг народа» предварительно утвержден им самим. Но нужен политический спектакль, чтобы до конца убедить людей, что «в мире еще не бывало таких действительно свободных и действительно демократических выборов. Никогда!». Выборы без абсолютно какого-либо выбора будут восприниматься оболваненными за два десятилетия людьми как действительно «самые демократические».

Вера без истины действительно становилась иррациональной.

Люди становились ее пленниками, превращались в бесформенную «массу».

Несостоявшийся священник, не проработавший в обычном смысле слова до октябрьского переворота ни одного дня в своей жизни, но поверивший Ленину и обладавший дьявольской хитростью и коварством, этот человек управлял великой страной.

Но вернемся еще раз к той, далекой уже теперь, речи Сталина в декабре страшного 1937 года. Позабавив слушателей, расположив их еще больше к себе, «доказав», что они живут «в самой демократической стране», Сталин дал им пару советов. Вот этот наказ и был главным в его выступлении.

«…Избиратели, народ должны требовать от своих депутатов, чтобы… они были такими же ясными и определенными деятелями, как Ленин *(аплодисменты),* чтобы они были такими же бесстрашными в бою и беспощадными к врагам народа, каким был Ленин *(аплодисменты),* чтобы они были свободны от всякой паники… как был свободен Ленин *(аплодисменты),* чтобы они были так же мудры и неторопливы при решении сложных вопросов, где нужна всесторонняя ориентация и всесторонний учет всех плюсов и минусов, каким был Ленин *(аплодисменты),* чтобы они были так же правдивы и честны, каким был Ленин *(аплодисменты),* чтобы они так же любили свой народ, как любил его Ленин *(аплодисменты)».*

Сталин звал избирателей, влюбленно смотревших на него, к Ленину. А точнее, к себе, Сталину. Ведь в фойе театра висел лозунг, написанный метровыми буквами: «Сталин – это Ленин сегодня». Не случайно в зале во время бесчисленных аплодисментов и оваций неоднократно раздавался хорошо поставленным голосом выкрик:

– А мы все за товарищем Сталиным![{315}]

Исторический соблазн миллионов людей, инициированный большевиками, в кратчайшие сроки осуществить вековую мечту человечества о справедливости, равенстве и братстве, привел к утрате многого из того, к чему они успели едва прикоснуться после февраля 1917 года. Такими людьми управлять было легко, что блестяще и продемонстрировал второй вождь во время своего выступления в Большом театре 11 декабря 1937 года. Народ уже давно был отчужденным от власти и свободы.

С ленинских времен началась эпоха потрясающих исторических парадоксов: огромная, искренняя тяга простых людей к новой жизни все больше сопрягалась с жесткой социальной регламентацией всего бытия; провозглашенные высокие цели – с беспощадностью средств их достижения; выискивание все новых и новых внешних и внутренних врагов – с

готовностью идти на бесконечные жертвы.

Сталин ничего нового в ленинизме не «выдумал». Он конкретизировал и материализовал своего первого учителя. Написав еще до перестройки двухтомник «Сталин», я глубоко заблуждался, как и большинство моих соотечественников, полагавших, что все наши беды от забвения Ленина. Мол, деспот Сталин «исказил Ленина». В этом все дело… Так думали мы долго.

М.С. Горбачев, коммунист-реформатор, начиная и ведя перестройку, многократно говорил: «Когда опять читаешь Ильича, а его нельзя не читать… приходишь к выводу, что ведь надо от него идти и к нему»{316}.

В начале 80-х годов я решился написать книгу о Сталине. Все отговаривали меня от этого занятия, кроме жены. Когда я обратился к секретарю ЦК КПСС М.В. Зимянину помочь получить возможность ознакомиться с архивами сталинского фонда, он, помолчав, назидательно сказал мне:

– Не под силу это одному человеку. Придет время, ЦК сам решит, какой институт писать будет. Затея твоя ненужная…

Книгу я в конце 1983 года все же закончил. Но о Ленине и Октябрьской революции написал в традиционном ключе. Но даже в таком виде она не увидела света до 1988 года.

Думаю, не все устарело в той книге, но для меня она свидетельство нашего постепенного прозрения, освобождения от большевистских химер, в плену которых мы так долго находились.

Маршал Д.Т. Язов, человек с хорошей военной биографией, прочитав книгу, сказал мне:

– Бьешь не только по Сталину, но и по системе, созданной Лениным. Согласиться с этим не могу…

Хотя в действительности тогда я еще был «ленинцем». Но освобождение в конце концов от ленинских догм считаю главным достижением собственной жизни…

То было наше общее, глубокое заблуждение, существовавшее семь десятилетий. Ведь Ленин – духовный отец Сталина. Сталинизм – разновидность, конкретизация и материализация ленинизма. Мы обманывались. Но мы этого сами хотели.

Жить проще, казалось, когда за тебя решают все: кого любить и кого ненавидеть, что читать и что говорить, что знать и о чем не ведать. Мы все повинны в чудовищном ослеплении. Но справедливости ради скажем: в общественном сознании, замусоренном ленинизмом и сталинизмом, всегда существовали крохотные оазисы свободомыслия, достоинства, исторической проницательности. Порой это выражалось самым необычным

образом. Например, в политических анекдотах, своеобразном советском явлении, оглашение которых даже в узком кругу было чрезвычайно опасным. Так, еще в 30-е годы, пишет Д. Штурман, среди интеллигенции гулял такой анекдот:

«…Октябрьская праздничная демонстрация. Пенсионер Рабинович вышел с плакатом «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». К нему тут же ринулись чекист с парторгом: «Ты что, с ума сошел? Старик, какое детство? Когда ты был ребенком, товарищ Сталин еще не родился!»

– Вот за это ему и спасибо!»[317]

Мы не должны забывать тех, кто не принял октябрьский переворот 1917 года, кто возвысил против него свой голос. Даже такой хрупкий, поэтический, как у Зинаиды Гиппиус, но оказавшийся исторически более верным, чем у многих. Спустя год после трагедии переворота она так выразила к нему свое отношение:

> Напрасно все: душа ослепла.
> Мы преданы червю и тле,
> И не осталось даже пепла
> От «Русской правды» на земле[318].

Подобный слабый протест, как выражение исторического неприятия тотальной диктатуры, не повлиял, конечно, на семидесятилетнее господство системы, основанной Лениным и построенной Сталиным, но подтвердил истину: у совести всегда есть шанс.

У Греха есть вечный союзник – Оправдание. Но можно ли его найти у строителя ГУЛАГа? В тех овациях политического ослепления, которые шли рядом с первым ленинцем? В «великих стройках коммунизма»? Атомной бомбе?

Тот, кто и сегодня приемлет подобные аргументы Оправдания, забывает о миллионных, многомиллионных жертвах, у которых отобрали жизнь.

К душе людей тоже может налипать грязь. Отмыть ее можно лишь с помощью Бога.

«Выдающийся ученик Ленина»

Духовным отцом Сталина был не Иисус Христос, а Владимир Ильич Ленин. Название этой подглавки – «Выдающийся ученик Ленина» – взято из текста, лично одобренного и отредактированного Сталиным.

В краткой биографии И.В. Сталина, вышедшей в 1939 году к шестидесятилетию «вождя народов» и изданной при жизни диктатора общим тиражом около 18 миллионов экземпляров(!), об «ученичестве» говорится вполне определенно. Причем второе издание собственной биографии кропотливо редактировал сам герой книги. Как обычно, синим карандашом…

В седьмой главе биографии на странице 93 есть фраза: «Знамя Ленина, знамя партии высоко поднял и понес дальше Сталин – выдающийся ученик Ленина, лучший сын большевистской партии, достойный преемник и великий продолжатель дела Ленина». Так вот, слова «выдающийся ученик Ленина» вписаны собственноручно Сталиным.

В этой же главе биографии «выдающийся ученик» делает четким почерком более пространную вставку: «В своем интервью немецкому писателю Людвигу, где он отмечает великую роль гениального Ленина в деле преобразования нашей родины, Сталин просто заявляет о себе: «Что касается меня, то я только ученик Ленина, и моя цель быть достойным его учеником».

Подобных «обогащений» прижизненного панегирика в тексте биографии много. В конце книги редактор собственного исторического облика существенно переделывает расхожую в то время фразу: «Сталин – это Ленин сегодня». После вмешательства «ученика» на полях страницы 240 появляется уже другое предложение: «Сталин – достойный продолжатель дела Ленина или, как говорят у нас в партии, Сталин – это Ленин сегодня»! {319}

С этой парадоксальной фразой нельзя не согласиться; ведь парадокс всегда любимый плод интеллекта. Сталин оказался не только талантливым учеником первого вождя, но и его бесспорным «продолжателем». До «перестройки» автор этой книги, как и множество его соотечественников, наивно полагал, что Сталин «исказил» Ленина, предал забвению его «заветы» и стоит вернуться к подлинному «первому вождю», как «великое дело» оживет и быстро пойдет вперед.

Деформированное общественное и индивидуальное сознание с огромным трудом освобождалось от большевистской мифологии и легенд. Спустя годы стало совершенно очевидным, что Сталин всегда был «Лениным сегодня». Он ничего принципиально нового не «выдумал», а лишь «творчески», дьявольски изобретательно применял и развивал ленинские постулаты и идеи: о диктатуре пролетариата, классовой борьбе, революционном терроре, монополизме коммунистической партии, тотальном сыске, однообразной духовной пище, уточненном «военном коммунизме», мировой революции и т. д.

Для понимания роли Сталина в советской истории важно понимать эволюцию и характер отношений этих вождей. Почему именно Сталин унаследовал ленинский скипетр вождя? Где истоки его неуязвимости во внутрипартийной борьбе за власть? Существовала ли, как об этом много писали, «великая дружба» двух вождей?

Эти люди давно погрузились в глубины вечности, но навсегда остались в истории. О них писать сегодня, в известном смысле, проще, чем, допустим, о Горбачеве. Но проникнуть в духовный космос давно ушедших в иные миры людей так же трудно, как разгадать тайны клинописей доисторического человека. Но, к счастью для исследователей, эти люди оставили многочисленные письменные следы и, к несчастью, трагическую память о последствиях их владычества. Прошлое вечно; от него нельзя «отказаться» или его изменить. Это фатальная данность. Ее нужно понять и оценить.

До октябрьского переворота 1917 года Джугашвили-Сталин был для Ульянова-Ленина лишь одним из многих большевиков, «профессиональных революционеров». В 1915 году Ленин в своем письме к Г.Е. Зиновьеву вопрошает: «Не помните ли фамилии Кобы?» «Гриша» (Зиновьев) не знает. Ленин спрашивает о том же В.А. Карпинского: «Большая просьба: узнайте (от Степко или Михи и т. д.) фамилию «Кобы» (Иосиф Дж…? Мы забыли)…»{320}

Совершенно ясно, что до октябрьских событий «трогательной дружбы» между будущими вождями не было. Хотя встречи и эпизодическая переписка существовали. В ноябре 1912 года Джугашвили приезжает к Ульяновым в Краков, рассказывает лидеру большевиков, что работает над статьей «Национальный вопрос и социал-демократия». Судя по письму, которое в начале 1913 года Ленин отправил Горькому, Джугашвили произвел на него весьма благоприятное впечатление. Там сообщалось: «Насчет национализма вполне с Вами согласен, что надо этим заняться посурьезнее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для «Просвещения» большую статью…»{321}

После возвращения Ленина в апреле 1917 года в Россию встречи его со Сталиным стали довольно частыми. А после переворота, и особенно в ходе Гражданской войны и позже, Сталин – один из самых близких соратников Ленина.

Как мне удалось установить, Лениным отправлено Сталину около 180 телеграмм, писем, записок и документов со своими резолюциями. После того как Ленин соглашается с предложением Зиновьева и Каменева, именно Сталин становится в апреле 1922 года первым генеральным секретарем ЦК РКП(б). Отныне он сосредоточит в своих руках, как признает и продиктует в «Письме

к съезду» 24 декабря 1922 года Ленин, «необъятную власть».

Почему Ленин остановился на фигуре Сталина, ничем себя не зарекомендовавшего в октябрьском перевороте, но добросовестно исполнявшего волю ЦК в ходе Гражданской войны? Ленину нужен был человек, который бы организовал работу аппарата Центрального Комитета, был послушным орудием его воли. Все как будто так и было. Но внимательный глаз уже тогда мог заметить, что Сталин не удовольствовался только ролью высокопоставленного исполнителя и не раз и не два резко возражал Ленину, вел с ним серьезные споры. После того как стало ясно, что лидер партии большевиков серьезно болен, Сталин еще больше стал проявлять свою «независимость» и «своеволие». Генсек, видимо, понимал, что после удара в мае 1922 года Ленин не в состоянии осуществлять полномасштабное руководство партией и государством.

Сталин, правда, не шел на прямые столкновения с Лениным, но неоднократно исподволь действовал и высказывал свое мнение, которое расходилось с линией первого лица. Так было в вопросе образования СССР (Сталин фактически придерживался принципа большей унитарности государства), монополии внешней торговли, национальной политики в Закавказье, в других делах. Больной Ленин пересылает через Каменева записку в политбюро о принципах устройства федеративного государства. Генсек весьма неуважительно оценивает ленинские предложения:

«…т. Ленин, по-моему, «поторопился», потребовав слияния наркоматов в федеральные наркоматы… Торопливость даст пищу «независимцам»… По параграфу 5-му поправка Ленина, по-моему, излишняя…»{322}.

Сталин обвиняет Ленина в «торопливости», но и лидер партии отвечает ему тем же. В продиктованной Лениным 30–31 декабря 1922 года статье «К вопросу о национальностях или об «автономизации» он выражает тревогу в связи с «грузинским инцидентом». В данном случае «тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина против пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль»{323}.

Думаю, дело не в «торопливости» Ленина или Сталина в решении национальных проблем, а в стремлении решать их в партийном центре, без учета реальных и конкретных интересов людей разных национальностей. Разрушив вековую, устоявшуюся административную систему (губернское деление России), большевистские лидеры безответственно экспериментируют, больше полагаясь на силу диктатуры, верхушечные решения, нежели на глубинные национальные и социальные потребности

людей.

На одном из многочисленных заседаний «партверхушки» в Кремле, где обсуждался вопрос о дальнейшем укреплении союзного государства, один из второстепенных вождей большевиков Томский прислал Сталину записку со своим стихотворением, в котором изложил понимание Союза, отдельных республик и роли ЦК.

Не может каждая самостоятельно
Ребят учить, судить, лечить,
Воюем вместе – это обязательно!
А наше право лишь руководить![324]

Сталину, видимо, очень понравилась последняя строчка, и он сохранил в своем архиве эти бесхитростные вирши человека, который в годы кровавой чистки, спасаясь от сталинской гильотины, покончит жизнь самоубийством.

Трения между Лениным и Сталиным были не только в политической сфере, но и в личной не все проходило гладко. Сталин, никогда не вращавшийся в цивилизованном обществе, в начале своей карьеры был весьма хамоватым, грубым, невыдержанным человеком. М.А. Алданов в своем очерке о наследнике Ленина пишет: «Чего именно не хватает Сталину?

Культуры. Но думаю, зачем этим людям культура? Их штамповальный мыслительный аппарат работает сам собою у всех приблизительно одинаково…»[325] В отношениях с коллегами Сталин нередко проявлял капризность, обидчивость, неуступчивость. Его неприязнь к кому-либо бывала устойчивой. Он был мстителен.

Сталин, в частности, невзлюбил Крупскую, считая, что ее работе на культурном, просветительском фронте Ленин слишком «потакает». Не случайно именно после того, как Ленин продиктовал 4 января 1923 года свое знаменитое «Добавление к письму от 24 декабря 1922 г.», о чем генсек тут же узнал, несмотря на «секретность» записки, Сталин обрушивается по телефону на Крупскую с грубой бранью: почему, дескать, она позволила больному вождю это делать? За Лениным, и больным, как теперь выясняется, следили. Содержание «Добавления», где Ленин предлагает «обдумать способ перемещения Сталина с этого места», ибо он груб, стало тут же известно «ученику». «Нужно найти такого человека, – пишет Ленин, – кто более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.»[326]. Но прямые стычки Сталина с Лениным случались и раньше.

Так, за год до ставшей теперь столь известной ссоры вождей в декабре 1922 года Сталин пишет Ленину письмо. Подоплека его такова. Крупская, как председатель Главполитпросвета, подает в политбюро записку, в которой предлагает четче разграничить обязанности возглавляемой ею организации и отдела пропаганды ЦК РКП(б).

Сталин, узнав о содержании записки Крупской, пишет Ленину нервное, раздраженное письмо: «Мы имеем дело либо с недоразумением, либо с легкомыслием…», обвиняет Надежду Константиновну в торопливости. Заключая письмо, Сталин не смягчает тона: «Сегодняшнюю записку… я понял так, что вы ставите вопрос о моем уходе из агитпропа. Вы помните, что работу в агитпропе мне навязали, я сам не стремился к ней. Из этого следует, что не должен возражать против ухода. Но если вы поставите вопрос именно теперь, в связи с очерченными выше недоразумениями, то вы поставите в неловкое положение и себя, и меня. Троцкий и другие подумают, что вы делаете это «из-за Крупской», что вы требуете «жертву»…»{327}

Сталин раздражен и предупреждает вождя, что тот может поставить себя в «неловкое положение»…

Спустя десятилетие после смерти Ленина хранитель ленинских фондов и директор Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б) В. Адоратский прислал письмо Сталину с просьбой разрешить опубликовать в сборнике его речь на чествовании Ленина в день пятидесятилетия. Как известно, в ней «ученик» говорил о умении «учителя» исправлять свои просчеты. Резолюция Сталина на письме была красноречивой: «Тов. Адоратский! Речь записана по существу правильно, хотя и нуждается в редакции. Но я бы не хотел ее печатать: неприятно говорить об ошибках Ильича. И. Ст.»{328}.

Как видим, отношения двух вождей не были безоблачными. Проживи Ленин еще несколько дееспособных лет, едва ли Сталин стал бы первой фигурой. Хотя природа самой системы от этого мало бы изменилась: своего «Сталина» она бы тут же нашла. Однако даже сравнительно короткое пребывание Сталина подле Ленина, в том числе и больного, его многому научило, многое позволило сделать. Генсек, с его немалыми способностями интриг и коварства, видел в деятельности Ленина яркий пример того, как нужно бороться за власть, учился политической целеустремленности, прагматизму и хитрости. Сталин убедился, что в критическую минуту борьбы за власть Ленин ни перед чем не остановится: широкомасштабным террором, подталкиванием собственного отечества к поражению, не испугается преступного «мира».

Ленин мог в самый короткий срок сменить политические лозунги (как это было, например, в отношении Учредительного собрания), без явных личных следов провести чудовищную акцию, которая и сегодня холодит кровь (ликвидация семейства Романовых), в нужный момент беспощадно расправиться с обузой «революционных союзников» (партией эсеров). Сталину было чему учиться у своего патрона. Надо отдать ему должное, он оказался весьма прилежным учеником.

Еще при жизни Ленина Сталин, учитывая огромный авторитет первого вождя в партии, почувствовал, что здесь кроются для него невиданные возможности. Он видел, знал, что исторические часы живого Ленина сочтены, в то же время в партии уже началась канонизация его учения, его «заветов», его стиля деятельности. Стало готовиться к изданию первое собрание сочинений Ленина; появились первые улицы его имени; немало бронепоездов и революционных отрядов начертали на своих знаменах имя «Ильича». Генсек, приезжая от больного Ленина в Москву (а он чаще других бывал в кремлевской квартире вождя и в Горках), передавал на заседаниях политбюро коллегам от него приветы, а пока вождь большевиков мог адекватно реагировать на ситуацию, и «указания».

Исподволь складывалось впечатление особой доверительности в отношениях умирающего Ленина и «чудесного грузина». Сталин смог с помощью Зиновьева и Каменева (в ту пору они были его союзниками) ослабить, сблокировать и фактически нейтрализовать роль ленинского «Письма к съезду», долго рассматривавшегося как завещание вождя.

Не все почувствовали в то время, как Сталин незаметно, но упорно тянул на себя тогу «защитника Ленина», а затем и единственного толкователя его идей. Эта тога стала непробиваемым идеологическим панцирем, сделавшим Сталина неуязвимым в жестокой внутрипартийной борьбе за власть. В решающий момент смерти Ленина Сталин, указав в телеграмме неточную дату похорон, смог задержать Троцкого на юге. По сути, именно тогда, 26 января 1924 года, на II съезде Советов Сталин сделал очень важный, возможно, решающий шаг к тому, чтобы его признали «продолжателем Ленина»

Генсек сам готовил свое выступление на этом съезде, несколько раз его переделывал, переписывал, пока не нашел неотразимую для данного момента полукатехизисную, полурелигиозную форму (вот где пригодились знания, полученные в семинарии!).

В притихшем зале звучали сталинские пассажи в форме торжественной клятвы партии умершему вождю. Но клятву

произносил Сталин…

«…Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь!..»

Семь раз прозвучало из уст невысокого, малозаметного на людях, рябого человека за трибуной слово «клянемся». Сталина никто не уполномочивал говорить от имени партии, но клятвы его звучали именно таким образом: «Хранить единство нашей партии как зеницу ока», «Хранить и укреплять диктатуру пролетариата», «Укреплять всеми силами союз рабочих и крестьян», «Укреплять и расширять союз республик», «Укрепить нашу Красную армию, наш Красный флот», «Укреплять и расширять «Коммунистический Интернационал»{329}.

Сталин, оглядывая желтыми глазами притихший зал и бросая в него свои «клянемся», закладывал идеологический ритуал почитания умершего вождя, «заветам» которого теперь должны следовать все. Ленин и ленинизм усилиями большевистской верхушки и особенно Сталина превращались в псевдорелигию, в свод революционных догматов, сознательное нарушение которых в 30-е годы уже каралось смертью.

«После кончины Ленина, – писал Р. Редлих, – Сталин остался на земле единственным средоточием абсолютной мудрости и абсолютной благости»{330} Менее чем через десяток лет именно таким и будет Сталин. Но первые кирпичи в здание умопомрачительного идолопоклонства закладывались вместе со смертью Ленина: языческий мавзолей, тысячи памятников идеологического идола, миллионы томов сочинений «святоши ада», замусоренное догматами общественное сознание. Сталин, придавив Ленина мраморным могильником, монополизировал его наследие.

Генсек настойчиво, самозабвенно трудился на этой ниве не потому, что «очень» любил Ленина. Нет. Известны его весьма малопочтительные высказывания в узком кругу о Ленине в 30-е годы. Для него это было теперь не опасно. Но только для него! Посмертный культ умершего вождя нужен был Сталину как важнейший инструмент, орудие его власти. Теперь было достаточно найти подходящую цитату из все более пухнувшего ленинского «наследия», чтобы обосновать тезис об обострении классовой борьбы, необходимости коллективизации, социальной природе «врагов народа», важности «сталинской конституции» или доказать любой другой вопрос. Система ленинских догматов, сцементированная «материалистической диалектикой», превратилась в безотказный политический инструментарий большевиков.

Еще при жизни Ленина Сталин научился у него действовать, руководствуясь лишь «революционной целесообразностью», «революционной совестью», «революционной законностью». Вот, например, одна из телеграмм, подписанная генсеком в то время.

«Ташкент. Среднеазбюро ЦЕКа Гусеву.

Старая Бухара ЦК Бухары Соколову.

Получено Ваше сообщение об аресте заговорщиков и главарей бандитских шаек тчк ЦЕКа предлагает не выпускать из рук арестованных зпт передать их суду Ревтрибунала и при наличии улик применить высшую меру наказания тчк ЦЕКа уверен что такой способ расправы является при нынешних условиях единственным средством проучить врагов бухарского народа и прочистить почву для советской государственности и революционной законности в Бухаре.

14/Vll-22 г. Секр. ЦЕКа Сталин»[{331}].

«Ученик» и «продолжатель» оказался очень способным. Но генсек понимал, что, придя к власти как «защитник» и «толкователь» ленинизма, он должен и «развивать» его. Какой же он вождь, если не теоретик?

Это представление о «вожде» стало традиционным в СССР; каждый генсек, даже очень малограмотный, считал своим долгом выпускать пухлые фолианты «своих» трудов, хотя нередко не удосуживался даже прочесть их перед публикацией. Писали их, естественно, многочисленные референты. Сталин стал «теоретиком», комментируя, разъясняя и «развивая» Ленина, большевистского «святого». Наиболее характерны в этом отношении две сталинские работы «Об основах ленинизма» и «Вопросы ленинизма».

По себе помню: будучи курсантами танкового училища, мы от корки до корки штудировали шестисотстраничную книгу речей, статей и докладов «И. Сталин. Вопросы ленинизма». Курсанты не просто читали сталинские работы, но и усиленно их конспектировали в специальные тетради. Преподаватели обращали на это особое внимание; более пространный конспект, да еще с подчеркиваниями цветными карандашами наиболее важных мыслей Сталина, гарантировал весьма высокую оценку. Мы тогда, конечно, не понимали, что внешне ясный, простой, схематичный стиль изложения «вопросов» и «основ» ленинизма скрывал глубокий примитивизм и даже интеллектуальную убогость сталинской «теории».

Это была идеологическая пища, на которой вскармливались миллионы людей: революция-контрреволюция, социализм – империализм, друг-враг, белое – черное… И хотя после смерти Сталина его книги уже не заставляли переписывать в пухлые

тетради, духовная пища мало изменилась. «Вернулись» к Ленину.

Более сложный, тяжеловесный, порой косноязычный «основатель партии и государства» был так же одномерен и однозначен. Люди впитывали не просто политические знания, им прививалась большевистская псевдокультура, нетерпимость ко всему не социалистическому, не материалистическому, не советскому. Миллионы людей искренне верили, что в СССР «самая демократическая в мире конституция», что Советский Союз «передовое во всех отношениях государство в мире», что «победа коммунизма в мировом масштабе неизбежна», что «чем выше успехи СССР, тем коварнее становятся враги народа» и т. д.

Ленинская система формировала элементарно мыслящих людей, слепо верящих в догматы ленинской псевдорелигии типа: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно», «Политика есть концентрированное выражение экономики», «Ленинизм – это марксизм эпохи империализма». Вскормленные этой пищей люди верили, что генетика и кибернетика-лженауки, войны неизбежны, капитализм обречен, что в СССР нет эксплуатации человека человеком, и т. д.

Такими воспитывали советских людей труды Ленина и его «продолжателя» Иосифа Виссарионовича Сталина.

По себе знаю, до XX съезда партии мы все считали, что Ленин и Сталин нерасторжимы в своем большевистском единстве. И это представление было правильным, как это ни странно теперь покажется. Но XX съезд разъединил их, оставив Ленина на пьедестале поклонения и свергнув с него Сталина. А надо было удалить обоих… Но так мы думаем только сейчас. И то не все.

А тогда… Н.И. Бухарин, находясь в одиночной камере тюрьмы, написал в 20-ю годовщину октябрьского переворота строки, рассчитанные на «дарование» жизни: «На долю ленинского гения выпала эпоха перехода к социализму, и он воплощал эту бурную эпоху в ее мощных движениях… Но эпоха издает себе нужных людей, и новые шаги истории выдвинули на его место Сталина, центр тяжести мысли и действий которого – следующий перевал истории, когда социализм победил под его руководством навсегда. Все основные жизнедеятельные функции синтезированы в победоносном завершении великих сталинских пятилеток, и теория объединяется с практикой во всем гигантском общественном масштабе…»{332}

Незадолго до своего ареста Бухарин побывал в Париже, выполняя задание Сталина: поиск и спасение архивов Маркса, Энгельса и некоторых других. После долгих колебаний Бухарин тайно посетил семью одного из лидеров меньшевиков Федора Ильича Дана. Его жена Лидия Осиповна Цедербаум (к тому же

сестра Ю.О. Мартова) вспоминала о встрече так. Коснулись Сталина. Бухарин, волнуясь, начал: «…Вот вы говорите, что мало его знаете, а мы-то его знаем… Он даже несчастен от того, что не может уверить всех, даже самого себя, что он больше всех… Если кто говорит лучше, он обречен, он уж не оставит его в живых, ибо этот человек вечное ему напоминание, что он не первый, не самый лучший; если кто лучше пишет – плохо его дело… Нет, нет, Федор Ильич, это маленький, злобный человек, нет, не человек, а дьявол»{333}.

Так думал и говорил один из мучеников лжеидеи – талантливый Бухарин, когда на миг освободился от личного страха – непременного психического продукта любой диктатуры и деспотии.

Было бы справедливо заметить, что у многих советских людей существовал и в те времена как бы «нижний этаж» сознания, где находил свое тайное убежище политический скептицизм как глухой внутренний протест против несвободы личности. Нередко политическая совесть уходила в подсознание и, удерживаемая там страхом, «дремала». После смерти Сталина страх стал отступать; появился целый жанр «кухонных» диспутов и анекдотов, которые при жизни диктатора были просто смертельно опасны. Как рассказывает Ю. Борев, соберутся вечером в коммунальной кухне пришедшие с работы люди, и какой-нибудь смелый остряк заводит разговор:

«А знаете, Козловский, ведая, что Сталин любит слушать его песни, обратился к нему с просьбой:

– Я никогда не был за границей. Хотел бы съездить.

– Не убежишь?

– Что вы, товарищ Сталин, да для меня родное село дороже, чем вся заграница!

– Правильно. Молодец! Вот и поезжай в родное село!»{334}

Стало возможным форму духовного протеста против режима выражать и через «внутреннюю эмиграцию». Чем больше времени проходило после смерти Сталина, тем число «внутренних эмигрантов» множилось. Основные «теоретические» труды Сталина о ленинизме невелики:

«Об основах ленинизма» – около восьми десятков страниц, «Вопросы ленинизма» и того меньше – полсотни. Но автор сумел втиснуть сюда в самой элементарной форме всего Ленина: это и исторические корни ленинизма, и классовая борьба, и диктатура пролетариата, крестьянский и национальный вопросы, стратегия и тактика в революции, теории о возможности победы социализма в одной стране, мировой социалистической революции, учение о партии и другие вопросы.

Сталину удалось в предельно сжатой и элементарной форме изложить весь «ленинизм» на 120–130 страницах! Например, раздел «Главное в ленинизме» (конечно, это диктатура пролетариата. – *Д.В.*) занимает менее двух страниц! Нужно отдать должное вождю – он умел упрощать, предельно примитизировать и лаконизировать самые сложные вопросы до сухой и короткой, как выстрел, фразы. Раскладывая теорию по примитивным «полочкам» своей схемы, он это делал не только для доступности. Сталин и мыслил так же: схематично, бинарно, классово-элементарно.

Везде у Сталина «первое противоречие», «второе противоречие», «третье противоречие»; «догма первая», «догма вторая», «догма третья» (речь идет об «оппортунистах» II Интернационала); вся «теория пролетарской революции» умещается в «положение первое», «положение второе», «положение третье»; учение о партии укладывается в несколько особенностей: «партия, как передовой отряд рабочего класса», «партия, как организованный отряд», «партия, как высшая форма классовой организации», «партия, как орудие диктатуры пролетариата», «партия, как единство воли» и т. д.

Популяризатор и толкователь ленинизма смог все богатство социальных и политических отношений, духовной жизни, экономических реальностей загнать в прокрустово ложе псевдорелигиозной методологии.

Конечно, Сталин смакует ленинскую идею-определение: «диктатура пролетариата есть неограниченное законом и опирающееся на насилие господство пролетариата над буржуазией…», видя в нем ключ к построению социалистического общества. Но при этом генсек придерживается ленинской утопической идеи о том, что диктатура пролетариата «способна подготовить отмирание государственности» при коммунизме. Для Сталина крестьянство является (он ссылается на ленинизм) только «резервом пролетариата», а национальный вопрос – это всего лишь часть «вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата».

Примечательны размышления Сталина о стратегии и тактике партии в классовой борьбе. Вдумайтесь: до февраля 1917 года «основной удар – изоляция либерально-монархической буржуазии»; с марта 1917-го до октября 1917 года «направление основного удара – изоляция мелкобуржуазной демократии (меньшевики, эсеры)»; а после октября «основной удар – изоляция мелкобуржуазной демократии, изоляция партий II Интернационала»…

Таким образом, большевики, стремясь к власти, направляли

основные усилия не против крупной буржуазии, а против либеральных, демократических сил, главных приверженцев свободы в России.

Конечно, Сталин, как и его учитель, против реформ. «Революционер приемлет реформу для того, – пишет генсек, – чтобы использовать ее как зацепку для сочетания легальной работы с работой нелегальной, чтобы использовать ее как прикрытие для усиления нелегальной работы…»

Красноречие первого ленинца не нуждается в комментариях. Готовясь к беседе с Пальмиро Тольятти, он записал в своем блокноте: «Реформизм – забвение конечной цели и основного средства для достижения конечной цели, т. е. диктатуры пролетариата»{335}. Радикализм мышления не мог смириться даже с мыслью о реформаторстве.

Сталин с ленинской определенностью формулирует постулат о том, что «партия есть орудие диктатуры пролетариата». Этим «орудием» Сталин пользовался виртуозно. Когда в конце 20-х годов участились побеги советских граждан за рубеж, а многие работники совучреждений, опасаясь репрессий, стали отказываться возвратиться в СССР, Сталин от имени политбюро предложил ЦИКу принять постановление, в котором говорилось: «Лица, отказавшиеся вернуться в Союз ССР, объявляются вне закона. Объявление вне закона влечет за собой: а) конфискацию всего имущества осужденного; б) расстрел осужденного через 24 часа после удостоверения его личности… Настоящий закон имеет обратную силу». Указания Сталина выполнялись быстро; 21 ноября 1927 года ЦИК СССР принял соответствующее постановление почти дословно.

По этому закону не расстреливали, а тайно убивали за рубежом лиц, которых считали опасными для режима. Часто это были хорошо инсценированные самоубийства, автокатастрофы, загадочные исчезновения… Такова судьба белых генералов Кутепова, Миллера, Дутова, Врангеля и многих других русских патриотов. Сколько было таких? Никто теперь этого точно установить не может.

Сталин сам демонстрировал, что такое «партия, как орудие диктатуры пролетариата». Именно генсеку принадлежит идея, «развивающая» ленинизм, о «приводах» и «рычагах» в системе диктатуры пролетариата. Сталин поясняет: это профсоюзы, советы, кооперация, союз молодежи. Конечно, в этом комплексе и партия основной элемент диктатуры. Так «ученик» Ленина и его «великий продолжатель» делал ленинизм более точно «доходчивым», понятным и эффективным. Все мы становились винтиками гигантской и беспощадной машины, превращая

великую страну в «архипелаг ГУЛАГ», сами же и заселяя его жуткие острова. И то, что замолчавшему почти на семь десятилетий российскому народу удалось в условиях, когда все эти «вопросы» и «основы» ленинизма действовали как политические и нравственные директивы диктатуры, сохранить достоинство и волю к освобождению, заслуживает глубокого уважения.

Сталин редко допускал вольности в своих «трудах». Одна из них содержится в разделе «Стиль в работе» главного сочинения генсека. «Ученик и продолжатель», составляя советский катехизис, неожиданно утверждает, что «особый тип ленинца-работника» характеризуется двумя особенностями: «русский революционный размах и американская деловитость».

Автор политической и элементарной ленинианы пишет, что «американская деловитость – это та неукротимая сила, которая не знает и не признает преград, которая размывает своей деловитой настойчивостью все и всякие препятствия, которая не может не довести до конца раз начатое дело, если это даже небольшое дело, и без которой немыслима серьезная строительная работа»{336}.

Если бы эти слова кто-либо из советских людей произнес в пору охоты за космополитическими ведьмами, думаю, он бы горько пожалел об этом. Но «продолжатель» писал «гениальный труд» еще в середине 20-х годов, а то одиннадцатое издание (!), из которого мы делали это извлечение, вышло в 1945 году. Союзнические симпатии к американцам еще не исчезли, и их деловитость была как бы к месту.

Конечно, развитие ленинизма Сталиным не ограничилось этими двумя работами. Ученик Ленина где только мог ссылался на учителя и «обогащал» его теорию, порой этот вклад был зловещим. Выступая в 1937 году на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) с докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», Сталин сделал теоретический вывод, который на «практике» стоил жизни миллионам людей. В седьмом пункте «Наших задач» доклада второй вождь заявил: «…чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последнее средство обреченных…»

Далее докладчик говорил об опасности этих «отчаянных вылазок» и необходимости ужесточения борьбы с врагами народа.

«Этих господ придется громить и корчевать беспощадно…» – требовал главный ленинец. «Так учит нас история. Так учит нас ленинизм»{337}, – заключил Сталин.

В своей статье «Сталин – это Ленин сегодня» один из его долгих соратников в политбюро А.И. Микоян писал: «Товарищ Сталин, как ортодоксальный ученик Ленина, не только доказал, что он всеми своими мыслями и действиями стоит на почве творческого марксизма, но он обогатил и поднял на небывалую высоту теоретическую науку марксизма-ленинизма»{338}. Стоит согласиться с тем, что Сталин – «ортодоксальный ученик Ленина» во всех отношениях, в том числе и в отношении демагогических способностей. Здесь ленинцам нет равных. Впрочем, об этом можно судить, коснувшись лишь одного забытого эпизода из жизни Сталина.

В сентябре 1927 года в Москву приехала американская рабочая делегация. Ее хорошо встретили, обласкали, придали большое значение, рассчитывая, что через такие делегации можно будет оказать коминтерновское влияние на рабочее движение в США. Об американцах писали «Правда», «Известия», сообщало советское радио.

Девятого сентября делегацию в Кремле принял сам генеральный секретарь. Сталин в беседе все нажимал, в частности, почему в США нет «специальной (читай ленинской. – *Д.В.*) массовой рабочей партии?», надеясь на перенесение большевизма на североамериканскую землю. Во время встречи, длившейся более четырех часов, шестеро американцев задали вопросы, на которые Сталин не смог бы дать удовлетворительного ответа, не замени он их классической ленинской демагогией.

На вопрос, контролирует ли компартия советское правительство, Сталин тут же ответил, что у нас нет «финансовых тузов», «денежных мешков» и их контроль «над правительством немыслим». Но партия у нас руководит правительством. А руководство это удается потому, что партия пользуется у нас доверием большинства рабочих и трудящихся вообще и она имеет право руководить органами правительства от имени этого большинства.

Сталин говорит так, как будто в СССР состоялись всеобщие выборы в верховный орган страны и ВКП(б) одержала победу над другими партиями.

Американцы сразу же замечают глубокую некорректность ответа Сталина: «Откуда вы знаете, что массы сочувствуют коммунизму?»

Генсек проявляет дьявольскую изобретательность и добрых

полчаса говорит, что во время октябрьского переворота 1917 года (да, Сталин так и говорил, «переворота»), Гражданской войны, в нынешний мирный период коммунисты одержали победу и возглавляют все руководящие органы в государстве. Разве случайно партия большевиков оказалась победительницей? В профсоюзах, комсомоле руководят коммунисты. Разве это случайно? Разве случайно на конференциях, собраниях так велико влияние коммунистической партии? «Вот откуда мне известно, что широкие массы рабочих и крестьян сочувствуют коммунистической партии».

Сталин, конечно, не мог прямо сказать американцам, что при неограниченной диктатуре большевиков не имеет никакого значения, «сочувствуют или не сочувствуют» рабочие и крестьяне СССР коммунистической партии. Разумеется, генсек не стал говорить, например, о «не сочувствии» кронштадтских матросов, восставших против монополии одной партии в стране. Тысячи расстрелянных и тысячи сосланных, не согласных с «линией партии», в лагеря – весьма красноречивое свидетельство отношения людей к коммунистам в советской России. Сталин мог бы добавить, что он сам был одним из инициаторов решений политбюро о создании специальных лагерей для «расселения кронштадтских бандитских матросов» в Ухте и под Холмогорами{339}.

Подчеркнув, что в капиталистических странах стремление к прибыли является двигателем производства, американцы спросили: «А каков стимул в СССР?» Сталин не моргнув глазом ответил: «Сознание того, что рабочие работают не на капиталиста, а на свое собственное государство». Ответ вызвал невольные улыбки у Брафи, Дугласа, Бребнера, других членов делегации. Вот так, систематически повышая «сознательность», компартия эксплуатировала миллионы рабочих.

Весьма щекотливым для Сталина оказался вопрос: посылает ли ВКП(б) деньги в Америку для поддержки американской компартии и ее газеты «Дейли уоркер»? Генсек был определенен: «Я должен заявить, что я не знаю ни одного случая, когда бы представители американской компартии обращались за помощью к компартии СССР. Вы можете считать это странным, но это факт, говорящий о слишком большой щепетильности американских коммунистов»{340}.

Он словно забыл, что политбюро начиная с 1919 года отправляло крупные суммы в золотых рублях (а затем в долларах) в Америку через конкретных лиц: Котлярова-209 000 руб., Хавкина-500 000 руб., Андерсона – 1 011 000 руб., Джона Рида-1 008 000 руб. (инициалы в документы не указаны. – *Д.В.*). И

это только в 1919–1920 годах[341]. И так продолжалось до 1991 года… Впрочем, с момента создания Коминтерна такие же денежные инъекции осуществлялись в десятки других стран для инициирования революционного движения и создания компартий. Слишком хотелось тогда мировой революции… А позже – хотя бы мощного комдвижения… И так, повторю, до 1991 года…

В таком же духе Сталин, не будучи «щепетильным», как американские коммунисты, ответил еще почти на десяток других вопросов; демагогически-лживо, как обычно умели делать большевики. Оказалось, что служить ленинской утопии можно только с помощью лжи и насилия. Насилия и лжи. Причем эти два главных «инструмента» тоталитаризма использовались одновременно, вместе, комплексно.

Выступая с отчетным докладом на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 года, Сталин продемонстрировал, как большевикам удалось создать тесный союз лжи и насилия.

«…В 1937 году были приговорены к расстрелу Тухачевский, Якир, Уборевич и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Выборы дали советской власти 98,6 процента всех участников голосования. В начале 1938 года были приговорены к расстрелу Розенгольц, Рыков, Бухарин и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховные Советы союзных республик. Выборы дали советской власти 99,4 процента всех участников голосования…»

Этим в высшей степени чудовищным примером Сталин «доказывает», что «очищение советских организаций от шпионов, убийц, вредителей» ведет к укреплению советского государства…[342] А в действительности это свидетельствует, что без лжи и насилия ленинская система существовать не может. Выборы без выбора в условиях кровавой вакханалии расправ создали перманентную обстановку липкого, устойчивого страха, при которой почти стопроцентное «голосование» было естественным результатом.

Тотальный террор Сталин не «выдумал». Он знал, что Ленин не колеблясь прибегал к нему после октябрьского переворота. Ведь линия первого вождя – «превратить государство в учреждение для принуждения творить волю народа. Мы хотим организовать насилие во имя интересов трудящихся»[343]. Свои демагогические слова Ленин говорил так, словно народ, «трудящиеся» уполномочили его это делать на всероссийском референдуме, всеобщих выборах… Сталин не забыл, что Ленин, выступая на заседании Президиума Петроградского Совета и представителей продовольственных организаций 14 (27) января

1918 года, был жестоко лаконичен: «…пока мы не применим террора – расстрел на месте, – к спекулянтам, ничего не выйдет… С грабителями надо также поступать решительно – расстреливать на месте». В резолюции заседания вновь: «расстрел», «расстрел»[344]. Сталину было у кого учиться. Караться должны были многие: «неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления»[345]. Ленин действовал в соответствии со своей установкой: «диктатура означает – примите это раз и навсегда к сведению… неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть»[346]. Разумеется, той же установкой руководствовался и Сталин.

Сталин был, как он написал при редактировании собственной биографии, «выдающимся учеником Ленина» и его великим продолжателем[347]. В этом не приходится сомневаться, если в словах «великий» и «выдающийся» видеть только масштабы его деяний. Точнее, злодеяний.

Самое страшное, что идеи и поступки «учителя» и «ученика» были духом и плотью государственной политики великой страны, методологией мышления и действий миллионов людей, были формой чудовищного отчуждения от свободы. Выступая 17 ноября 1935 года на первом Всесоюзном совещании рабочих и работниц-стахановцев, Сталин и не скрывал своей издевки над высшей духовной ценностью – свободой. «Очень трудно, товарищи, жить одной лишь свободой *(одобрительные возгласы, аплодисменты)*. Чтобы можно было жить хорошо и весело, необходимо, чтобы блага политической свободы дополнялись благами материальными…»[348] Для Сталина свобода не высшая ответственность человека перед собой и обществом, а всего лишь красивая фраза, антураж «революционности», косметика диктатуры.

Партия, по словам Сталина, являвшаяся «орудием пролетарской диктатуры»[349], под неумолимым напором глубинных общечеловеческих факторов была вынуждена уже после смерти диктатора внести уточнение в соотношение первого вождя и его продолжателя. Но сделано это было с целью пожертвовать учеником и сохранить учителя. В докладе 25 февраля 1956 года на закрытом заседании XX съезда КПСС Н.С. Хрущев беспощадно развенчал «ученика», сведя все его прегрешения к «культу личности». А «учитель» еще больше воссиял, будучи между тем личностной первоосновой всех бед великого народа в XX веке.

С тех пор более трех десятилетий всеми генсеками продолжалась сизифова работа по «восстановлению ленинских

принципов»{350}, по возвращению «назад, к Ленину». Но «учитель» и «ученик» стоили друг друга. Именно они были последовательными проводниками самой жесткой ортодоксальной линии большевизма, при которой обожествлялись высшая цель и вождь, к ней ведущий. Партия же была орудием, а человек лишь механическим средством социального движения.

Благодаря Ленину человечество воочию убедилось, что коммунизм – великая Утопия. Это путь в Никуда. Но теперь без этой утопии нельзя представить XX век. Тем более что Система, созданная «учеником» и «учителем», оказалась бесчеловечной и нереформируемой.

Сталин обладал таким же большевизмом души, как и его «учитель». Он стал наиболее ярким выразителем ленинских догм в действии.

Сталинская система

Человек, личность, индивид – по отношению к ним ленинизм (в том числе и в форме сталинизма) проявил себя в высшей степени бесчеловечно. Это не просто ахиллесова пята большевизма, но и одна из важнейших его сущностных черт.

Сталин, как «Ленин сегодня», подобно «отцу-основателю» большевизма, мыслил категориями классов и масс, не снисходя до отдельного «простого» человека, опускаясь в своем революционном прагматизме лишь до понятия «кадры». Хотя общих рассуждений о «рядовом коммунисте», «рабочем», «бедняке-крестьянине» в ленинизме (сталинизме) предостаточно. Приглядевшись, видишь, все это – строительный материал для созданного в сознании вождей эфемерного храма коммунизма.

Весь путь Ленина и Сталина, большевистской партии вымощен костями многих миллионов людей, ввергнутых их революционной волей и практикой из войны империалистической в войну гражданскую. Затем в грандиозные по масштабам кампании индустриализации и коллективизации, для чего пришлось вновь развязать кровавую войну против собственного народа. Счет шел на тысячи и миллионы. Отдельный человек (кроме руководителей, деятелей культуры, военачальников, «врагов народа») Сталина интересовал лишь как объект для демагогии, пропаганды, демонстрации своего «человеколюбия».

Выступая 4 мая 1935 года в Кремле на выпуске слушателей военных академий, Сталин завел речь о том, что «у нас не научились еще ценить людей, ценить работников, ценить кадры». Он вспомнил случай во время своей сибирской ссылки. В половодье крестьяне ушли ловить лес, унесенный разбушевавшейся рекой.

«…К вечеру вернулись они в деревню, но без одного товарища. На вопрос о том, где же тридцатый, они равнодушно ответили, что «тридцатый остался там… утонул, стало быть». И тут же один из них начал торопиться куда-то, заявив, что «надо бы пойти кобылу напоить».

На мой упрек, что они скотину жалеют больше, чем людей, один из них ответил при общем одобрении остальных: «Что ж нам жалеть их, людей-то? Людей мы завсегда сделать можем. А вот кобылу… попробуй-ка сделать кобылу…»{351}

Пример, приведенный Сталиным, дал ему повод заявить: «… Из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решительным капиталом являются люди»{352}. Сталин вроде бы забыл, что только-только закончилось безумие

коллективизации, изломавшее судьбу 9,5 миллиона человек. Более трети от этого числа были расстреляны, замучены, сгинули на этапе, умерли в стылой Сибири и на бескрайнем Севере. «Ценный капитал» при «руководящем» участии Сталина закапывался в безвестные и бесчисленные могилы…

Сталин считал миллионами. Отдельный человек был для него, для большевиков лишь бездушной статистической единицей. Еще 28 марта 1924 года для «срочного» и безотлагательного рассмотрения судеб этих «единиц», из коих складывался «самый ценный капитал», были созданы Особые совещания при ОГПУ в составе трех человек.

Сталин, занимаясь «массой», «классами», конечно, не видел «ценности» в таких людях, как Мартемьян Никитич Рютин. Большевик, называвший себя «интеллигентным пролетарием». А этот ленинец, наивно боровшийся за «чистоту» идеалов большевизма, усматривал в диктатуре Сталина смертельную угрозу «пролетарским принципам». Сталин несколько раз имел возможность видеть и критиковать этого секретаря Краснопресненского райкома партии, который проявлял, по словам генсека, «примиренчество» к «врагам партии». Начались проработки, аресты, лагеря, закончившиеся 10 января 1937 года заседанием военной коллегии Верховного суда СССР, приговорившей Рютина к высшей мере наказания. В тот же день человек, пожелавший иметь свое мнение о партии, ее политике и верховном руководителе ВКП(б), был расстрелян{353}. Сталинский серп не занимался только одиноким стеблем. В бессчетной массе несчастных погибли жена Рютина и два его сына.

Даже «самый ценный капитал», заклейменный тавром «врагов народа», подлежал безжалостному уничтожению. Так было до последних дней жизни Сталина.

Сталинская система – это гигантский лагерь, где «личностью» имела право быть лишь одна персона – верховный вождь.

Такую систему еще накануне Второй мировой войны некоторые проницательные писатели и ученые стали называть тоталитарной, имея в виду всеобъемлющий контроль власти над всеми сферами человеческого бытия[7]. В конце 30-х годов и значительно позже появились книги, словно копирующие, зеркально отражающие жизнь советской России и фашистской Германии. Это работы Евгения Замятина, Артура Кестлера, Олдоса Хаксли и особенно Джорджа Оруэлла.

Глубоко мыслящие люди напряженно и тревожно всматривались в страну-казарму, страну-концлагерь. Это не просто было вначале увидеть. За кумачом революционных праздников и факельных шествий, всевластия секретарей и

фюреров, лозунгов о «мировой революции» и «мировом господстве» просматривалось нечто зловещее – милитаризованные государственные машины, где могла себя чувствовать относительно спокойно только одна личность.

Сталин в СССР формировал систему, в фундаменте которой находились: безгрешная, универсальная, «единственно истинная» идеология; партия – огосударствленный орден с легионами бюрократов; единственный и всесильный вождь, почти земное божество; огромная военная машина; тотальный политический сыск с его «карательными органами». В этом обществе было все… кроме свободы человека, личности. Аморфную, обезличенную толпу облачили в единое идеологическое одеяние, духовную униформу, сделав ее послушным орудием достижения утопических целей. Самое страшное: многие, очень многие верили в эти идеалы.

Сталин не скрывал, что для него «компартия как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского…»{354}. Только такой орден способен стать политической базой большевистских преобразований. С помощью, по выражению Сталина, «приводов» и «рычагов» (профсоюзы, Советы депутатов, кооперация всех видов, союз молодежи) партия охватывает своим влиянием «массы». Благодаря этому, признается генсек, «ни один важный политический или организационный вопрос не решается у нас нашими советскими и другими массовыми организациями без руководящих указаний партии»{355}. В этих условиях личность низводится до роли «винтика», простого исполнителя высшей диктаторской воли.

Правда, эта воля исполняется с помощью гигантского партийного аппарата, местных секретарей, которых Сталин любил именовать на военный лад. Выступая с погромным докладом на пленуме ЦК ВКП(б) в марте 1937 года о путях ликвидации врагов партии, генсек заявил:

«В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется 3–4 тысячи высших руководителей. Это, я бы сказал, генералитет нашей партии.

Далее идут 30–40 тысяч средних руководителей. Это наше партийное офицерство.

Дальше идут около 100–150 тысяч низшего командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство»{356}.

Стремление надеть на руководителей, страну, бюрократию военную униформу весьма распространенный признак тоталитарных систем.

Тоталитаризм оказался удобной политической формой

широкой технической модернизации страны ценой полного подавления личности и превращения людей в послушную, молчащую массу. Естественно, что в этом контексте либерализм, классический парламентаризм, реформизм, свободный рынок были не просто преданы анафеме, но и физически уничтожены.

Благодаря созданной по чертежам Ленина политической системе стало возможным осуществление сверхиндустриализации, тотальной коллективизации сельского хозяйства, перманентной милитаризации, отупляющей до абсурда идеологизации общества. В результате сформировался элементарный (в политическом плане) человек, способный без размышлений исполнять «центральную» волю. По мысли Сталина, массово закрепленной затем на практике, пропаганда и агитация готовят и обосновывают лозунги, которые затем становятся «прямой директивой»{357}.

Это оказалось для советского государства очень удобной формой управления: партийная директива определяла все: когда начинать сев, кого считать «врагами народа», как развертывать в области стахановское движение, какие сведения сообщать по поводу «ликбеза» и т. д. Директива (команда) – действие (исполнение). Сталин видел в этом алгоритме огромную силу ВКП(б). «Кадры партии, – говорил генсек, – это командный состав партии, а так как наша партия стоит у власти, они являются также командным составом руководящих государственных органов»{358}. Прямолинейно и совершенно откровенно.

Постепенно складывался тотально-бюрократический механизм реализации «высшей воли». В самом низу – исполнитель, по выражению Сталина, «винтик». Вверху – вождь. Между основанием пирамиды и ее вершиной – «приводные ремни». Эти «ремни» двигаются в «густой» партийной, большевистской среде. На каждом этаже пирамиды, в каждом ее секторе – недремлющее око всесильных чекистов, осуществляющих тотальный контроль: за благонадежностью «винтиков», преданностью идее и вождю руководителей отдельных «приводных ремней», наличием или отсутствием «вражеской работы». Не только государственные органы превращались в инструменты насилия, но и производственные, сельскохозяйственные объединения. Выступая 11 января 1933 года на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) с речью «О работе в деревне», Сталин заявил: «С точки зрения ленинизма, колхозы, как и Советы, взятые как форма организации, есть оружие и только оружие»{359}.

С тех пор «оружие» на селе всегда было. Но хлеба и с «оружием» всегда не хватало…

Конечно, кроме «абсолютно верной» Идеи Коммунизма, которой молятся все, часто на обыденном уровне, сводя ее к тому, что «там можно будет досыта есть», в Системе есть План. Он, этот План, одобряется вождем и становится законом для всех: наркомов, членов политбюро, директоров, бригадиров, стахановцев, «зэков». Главный План – это пятилетний. Даже если он не будет выполнен, во всех газетах, по радио, на собраниях скажут, что пятилетка «перевыполнена». Так, например, в январе 1933 года Сталин, подводя итоги первой пятилетки, вопреки реальным данным заявил, что она «выполнена в течение четырех лет и трех месяцев».

План – это все. Плановость экономики и вообще всей социалистической жизни считалась «главным преимуществом» системы. Вождь имел, тем не менее, право в самые «дерзновенные планы» вносить исторические коррективы. Выступая 10 марта 1939 года на XVIII съезде ВКП(б) с отчетным докладом, Сталин заявил: «Мы перегнали главные капиталистические страны в смысле техники производства (!? – *Д.В.*) и темпов развития промышленности. Это очень хорошо. Но этого мало. Нужно перегнать их также в экономическом отношении (т. е. по производству продукции на душу населения). Мы это можем сделать, и мы это должны сделать… у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе…» Для этого требуется, продолжал речь Сталин перед завороженным и притихшим залом: «…неукротимое желание идти вперед и готовность пойти на жертвы…»{360}.

Еще не закончилась «большая чистка», унесшая миллионы жизней, а вождь говорит о новых «жертвах». Никакие объективные экономические законы абсолютно не учитываются. Все решает «высшая воля», определяющая «генеральную линию» партии. Экономика, политика, хозяйственная жизнь подчиняются Цели. Она, цель, сформулирована в идеологии и благодаря популяризаторству Сталина приняла характер массовой идеи. Все становятся ее пленниками.

В обиходе торжественных собраний, рапортов о достижениях, популярной литературы – это прославление коммунизма, большевистской партии, «товарища Сталина», рабочего класса, выражение твердой уверенности в «окончательном торжестве дела Ленина-Сталина». Элементарная, предельно примитивная идейная пища, главной частью которой был пресловутый «Краткий курс» (история ВКП(б), широкая система духовной обработки (политическая учеба всего населения), повседневное «классовое воспитание» формировали так называемого «нового

человека». Наиболее характерными чертами его являлись вера в большевистские мифы, черно-белое отражение многострунной и многоцветной действительности, следование многим классовым «табу», агрессивная воинственность при столкновениях не только с явно враждебными феноменами, но и с просто непонятными, готовность к «разъяснениям», «указаниям» из Центра. Рациональный слой индивидуального сознания обеднен и «законсервирован» множеством пропагандистских штампов. Не случайно идеологической промывке мозгов Сталин придавал огромное значение, если не сказать больше. Он всегда лично «курировал» эту сферу партийной деятельности.

Выступая на XVIII съезде ВКП(б), генсек заявил, что «…если бы мы сумели подготовить идеологически наши кадры… то имели бы все основания считать девять десятых всех наших вопросов уже разрешенными»{361}. Системе нужны были послушные, бездумные исполнители, слепо верящие в большевистские установки. Сталин и его партия чрезвычайно преуспели в этом направлении. Поэтому можно еще раз сказать: сталинский режим в качестве главной цели своей деятельности видел не человека, а его превращение в «атом» класса и «массы». Весь партийный и репрессивный механизм решали главную задачу в тотальном контроле этого процесса. Угроза репрессий, состояние постоянного страха превращали народ в молчащий, притихший. Широко распространялась защитная мимикрия, рождались массовая подозрительность и нетерпимость к тем, кто «назначался» на роль очередного врага: троцкисты или бухаринцы, шпионы или вредители, космополиты или «отравители».

Вместе с тем душевное затмение не было полным. Как говорил А.И. Солженицын, сидя в лагере, он с близкими друзьями был уверен в конечном крахе большевизма. По свидетельству архивов, в высшие органы нередко приходили анонимные письма с выражением неприятия и осуждения большевистского курса. Не случайно после окончания Второй мировой войны почти миллион советских граждан сделали все, чтобы избежать участи возвращения на родную землю. Конечно, были среди них и такие, которые боялись наказаний за свои деяния, но, вероятно, большинство оставшихся на Западе – те, кто уже не верил в сталинский «рай» и искал свободу. Даже ценой утраты родины.

Мне, в частности, удалось документально установить, что еще в 1952 году только в Европе находилось 452 тысячи бывших советских граждан, которые не просто страшились возврата в свое отечество, но и решительно отвергали его порядки. Естественно, что духовный сталинизм, тоталитарное мышление в меньшей

степени охватили сознание миллионов «жителей» ГУЛАГа.

Сталинская система, положив в основу своего функционирования выполнение воли партийной диктатуры ВКП(б), предстала как некая тотальная псевдокультура, сделавшая судьбу конкретной личности эфемерной, а власть государства подавляющей. Вместе с тем эта псевдокультура давно (и сегодня тоже!) паразитирует на христианской идее социальной справедливости, популистской идее защиты бедных, «пролетариата»: обращается к трактатам утопистов прошлого, внушая, что «золотой век» – это грядущий коммунизм. При всей эклектичности ленинизма и сталинизма как его конкретной временной разновидности они выделили из марксизма то, что там не являлось главным, – идею диктаторской власти. Эта псевдокультура не является ни европейской, ни азиатской, а представляет собой нечто особенное, уродливо-неповторимое, со своей идеологией, политикой, «ценностями».

Из семи десятилетий существования этой системы лишь первая половина (с 1917 по 1953 год) была в известном смысле классически тоталитарной. Основная «заслуга» в достраивании и «совершенствовании» ленинского тоталитарного здания принадлежит Сталину.

При всей чудовищной антигуманности, закрытости сталинского общества оно таило в себе и некую «привлекательную загадочность», на которую «клевали» не только Г. Уэллс, но и множество простых людей на Западе. Пропаганда о «государстве рабочих и крестьян» в России, осуществляемая зависимыми от ВКП(б) компартиями, поддерживала среди отдельных слоев и социальных групп капиталистических государств определенное доверие к большевистской власти. Можно даже сказать, что в «сталинские годы» СССР, Москва, режим излучали некий «бордово-темный свет», который одновременно пугал и притягивал. Такие мастера пера, как Анри Барбюс, своими книгами распространяли лживый миф о гении и на Западе. Барбюс писал о Сталине, что «кто бы вы ни были, лучшее в вашей судьбе находится в руках человека, который бодрствует за всех и работает, человека с головою ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата»{362}.

«Акварель» А. Барбюса насколько красочна, настолько и ложна. Сталин никогда не был таким.

Для повышения респектабельности режима, по инициативе Сталина, в 1935 году началась подготовка новой Конституции СССР. Страна пока жила по конституции, принятой в год смерти Ленина в 1924 году. Естественно, эту волю второго вождя освятили специальным постановлением VII съезда Советов 6

февраля 1935 года. Сталин обосновывал необходимость нового конституционного процесса целым рядом объективных обстоятельств: созданием новой индустриальной базы государства, разгромом кулачества, победой колхозного строя, завершением ликвидации частной собственности и т. д.{363}.

Думаю, что Сталин не сказал на съезде двух очень важных вещей.

Во-первых. Диктатор почувствовал свою огромную силу. Но он хотел и международной популярности. Его встречи и долгие беседы с западными писателями Роменом Ролланом, Эмилем Людвигом и Гербертом Уэллсом преследовали цель создать привлекательный образ вождя СССР для Запада. Собеседники это сразу поняли. Людвиг тут же сказал генсеку: «В течение более 20 лет я изучаю жизнь и деятельность выдающихся исторических личностей…»{364} А знаменитый фантаст Уэллс в самом начале беседы заявил, что он недавно «имел продолжительную беседу с президентом Рузвельтом… Теперь я приехал к Вам, чтобы расспросить Вас, что Вы делаете для того, чтобы изменить мир…»{365}. Сталин, как и всякий диктатор, настойчиво искал международной личной популярности.

Но он хотел, чтобы и создаваемая им система тоже была привлекательной, манящей, «вдохновляющей пролетариат». Конституция, его конституция, по мысли вождя, могла помочь решению этой, как теперь знаем, невыполнимой задачи.

Под бурные, просто исступленные аплодисменты делегатов VIII Всесоюзного съезда Советов Сталин заявил в своем обычном тавтологическом ключе, говоря о конституции: «Это будет документ, свидетельствующий о том, что то, о чем мечтали и продолжают мечтать миллионы честных людей в капиталистических странах, уже осуществлено в СССР. Это будет документ, свидетельствующий о том, что то, что осуществлено в СССР, вполне может быть осуществлено и в других странах…»{366} И мы знаем, что 5 декабря 1936 года сталинская конституция были «принята».

Во-вторых. Заботясь о «демократической» респектабельности своей системы, личной привлекательности как вождя гигантского «государства рабочих и крестьян», Сталин исподволь, параллельно с подготовкой конституции готовил в стране гигантскую кровавую чистку.

Многие люди до сих пор не могут понять: зачем она была нужна ему? Власть его стала незыблемой. Вся явная оппозиция была разгромлена. Общество притихло, со страхом и восторгом (!) глядя на портреты низкорослого вождя (к слову, все советские семь вождей низкорослы; лишь Брежнев и Горбачев «дотягивают»

до среднего роста), который создал «самое» сильное государство, «самую» сильную армию, «самую» передовую науку и культуру и сейчас готовит жизнь, в которой всем будет «радостно и весело». Почему Сталин решил устроить всесоюзную кровавую баню? Как он решился на нее?

Нужно знать Сталина: всю жизнь, когда после смерти Ленина стал реально влиять на историю, он «пришпоривал» ее. Он торопил время. Его маниакальной идеей было «обогнать» всех. «Пробежать» 100 лет за 10 лет… Так заявил лидер партии в феврале 1931 года. «Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Сталин жил идеей исторического опережения естественного хода событий. Но люди меняются медленно. А кроме того, сколько еще в стране живет выходцев из российской буржуазии, бывших офицеров, едва ли разоружившихся членов различных партий, движений, группировок, скрытых вредителей и шпионов… Тем более, ведь он доказал, что налицо «обострение классовой борьбы»[{367}]. Система должна пройти генеральную чистку. От этого она станет крепче, однороднее и сможет ускорить «переход ко второй фазе коммунизма».

Поэтому появление «единственной в мире до конца демократической конституции»[{368}] и «расчистка» для ее действия социального поля – вещи тесно взаимосвязанные. Сталинская конституция была предтечей большого террора. Действительность «подгонялась» под нее. На все времена.

Сталинская система была такой, что выполнение основных ее экономических, социальных и политических задач в области индустриализации, милитаризации, коллективизации, ликвидации кулачества, идеологизации общества были невозможны без перманентных чисток, террора, постоянной войны против собственного народа. У нас обычно «большой террор» ассоциируется только с 37-38-м годами. Это не так.

Весь период владычествования И.В. Сталина в советском государстве был кровавым. Но эпицентром террора были 30-е годы целиком. Инициировал бесконечные «дела» сам Сталин; он хотел расчисткой, «санитарной» обработкой обеспечить большее «морально-политическое единство общества» и его однородность. Молчащий народ (правда, громко скандировавший дикие лозунги, когда ему приказывали) привел к появлению и «выкорчевыванию» бесчисленных враждебных групп.

…В 1932–1933 годах ОГПУ начало дело о так называемом «союзе марксистов-ленинцев» во главе с М.Н. Рютиным, В.Н. Каюровым, А.Н. Слепковым. Марксисты «романтичного» толка полагали, что возвращение к Ленину позволит преодолеть кризис в партии и убрать с поста ее генерального секретаря И.В.

Сталина. Аресты, внесудебные расправы, тюрьмы, лагеря. Мартемьян Никитич Рютин, не в пример многим, проявил исключительное мужество. В последнем письме в ЦИК СССР Рютин писал, что «не страшится смерти», даже будучи в руках аппарата НКВД полностью «беззащитным, бесправным, связанным по рукам и ногам, наглухо закупоренным от внешнего мира». Духовное сопротивление мученика было прервано расстрелом 10 января 1937 года вместе с единомышленниками.

Сталин, узнав о «закрытии дела», бросил:

– Давно надо было прикончить…

…С начала 20-х годов (еще при Ленине), а затем «раскрученные» Сталиным велись дела о так называемом «национал-уклонизме». Грузинский, татарский, белорусский, казахский, башкирский, украинский, «бухарский» и иные «национализмы» были постоянно на эшафоте сталинской системы. Даже понимая, что сам по себе национализм – сфера, где много негативного, категорически нельзя согласиться со сталинскими методами. На протяжении многих лет Сталин и его чекистские опричники отстреливали «националистов», часто единственной виной которых было стремление сохранить национальную культуру и национальное самосознание своих народов. Были сметены в небытие М.Х. Султан-Галиев, Б. Мдивани, М. Окуджава, С. Чихладзе, Г. Элиава, СВ. Косиор, М.М. Хатаевич, А. Икрамов, Ф. Ходжаев, У. Ашуров, Н. Максум, А. Рахимбаев, Е.Я. Чаренц, А.Г Ханджян и многие, многие другие.

«Националисты» были уничтожены, ибо подозревались в отсутствии лояльности к сталинскому национальному курсу. Ведь диктатор хотел ускорения, опережения текущих темпов истории и в национальной сфере, форсируя реализацию сумасшедшей, дикой идеи о «слиянии наций». Система выравнивала, нивелировала, однообразила людей. Но на национальном поле сделать это оказалось особенно трудным.

…Карательные органы открывали промышленные, аграрные, идейные «дела». Не хватало военного. В летние дни 1937 года возникло и такое. Сталин не просто вдохновлял «дело», но и лично руководил его ходом. Вначале диктатор, как это он делал не раз, играя с жертвой, вызвал к себе в Кремль Маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского после доноса К.Е. Ворошилова. Принял Тухачевского 13 мая 1937 года в 17.05, беседовал сорок пять минут в присутствии Молотова, Ежова, Ворошилова, Реденса, Кагановича. Тухачевский вышел от вождя бледным как мел и молча удалился. А 22 мая лично Сталин распорядился немедленно его арестовать вместе со многими другими военачальниками.

Меньше чем через неделю самого молодого маршала сломили, и он «сознался» в «шпионаже», встрече в Лондоне с сыном Троцкого, продаже себя фашистам и т. д. Для расправы создали специальное судебное присутствие Верховного суда. Система уже набила себе руку на абсолютно незаконных делах. Сталин лично несколько раз инструктировал А.Я. Вышинского, В.В. Ульриха и других палачей. Суд состоялся 11 июня 1937 года. В ходе процесса, до вынесения приговора, В.В. Ульрих в 16 часов был вызван к Сталину{369}. Беседа была короткой: «во всем сознался, как и другие». Сталин одобрил приговор. В 23 часа 35 минут В.В. Ульрих объявил приговор. Естественно, всех к расстрелу. Уже через неделю после расстрела Тухачевского и всех его семи «подельцев» были арестованы 21 командир корпуса, 37 командиров дивизий, 29 командиров бригад, многие десятки командиров полков и комиссаров. Военный «заговор» оказался широкомасштабным.

Процесс был командой: в армии и на флоте в течение двух лет, что документально подтверждено (см. Протоколы Верховного суда СССР, дела Военной коллегии), репрессировали свыше сорока тысяч командиров и политработников. Из состава Военного Совета при наркоме обороны, состоящего из 85 человек, избежали репрессий лишь девять военачальников… А 68 членов Совета были расстреляны.

Сталин хотел с помощью этой чистки освободиться от всех сомнительных, «неустойчивых», «запятнанных» связями с «врагами народа». Обезглавив армию перед лицом угрозы большой европейской войны, вождь был намерен довериться новой генерации командиров. Новой волне выдвиженцев, не знающих былых оппозиций и былых вождей, не имеющих военного, боевого опыта. Государственная гильотина не должна была бездействовать.

…Было и «кремлевское дело», и дело группы «рабочей оппозиции», дело «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» и много-много других «дел». Война, поставившая на карту само существование системы, приостановила сталинскую машину террора. Хотя уже осенью 1941 года жертвами сталинской методологии стали советские немцы, сосланные в Сибирь и Казахстан. Репрессии при Сталине не прекращались никогда. Как только исход войны стал ясен, началось выселение других народов, заподозренных сталинскими органами в неверности.

Есть серьезные основания полагать, что незадолго до смерти Сталин намеревался осуществить новую крупномасштабную чистку. Он больше, чем кто-либо, понимал, что два главных

механизма его власти – Ложь и Насилие – не должны замирать ни на минуту. Иначе последствия могли быть для него печальными: ослабнет хватка липкого страха, и у людей постепенно может начаться прозрение… Это было недопустимо.

…По личной инициативе Сталина в мае-июне 1952 года Военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела «дело» Еврейского антифашистского комитета. Как всегда, обвинение было стандартно – шпионаж. Сразу же была «забыта» большая работа комитета в годы войны по мобилизации мирового общественного мнения, финансовых средств на борьбу с фашизмом.

Суд, конечно, состоялся без участия представителей государственного обвинения и защиты. Еще до суда Сталин «обговорил» на «своем» политбюро это очередное «дело». Решили: расстрелять всех, кроме академика Лины Соломоновны Штерн. Остальные несчастные: С.А. Лозовский, И.С. Фефер, И.С. Юзефович, Б.А. Шимелиович, Л.М. Квитко, П.Д. Маркиш, Д.Р. Бергельсон, Д.Н. Гофштейн, В.Л. Зускин, Л.Я. Тальми, И.С. Ватенберг, Э.И. Теумин, И.С. Ватенберг-Островская – были осуждены и расстреляны. В связи с этим делом была арестована и получила пять лет лагерей в Сибири и жена Молотова – П. Жемчужина за «связи с членами антифашистского комитета». Молотов постыдно промолчал, не заступившись за жену, которая, находясь на отдыхе в Сочи, писала мужу: «Береги как самого себя нашего дорогого Иосифа Виссарионовича…».

Как и возникшее вскоре «дело врачей», позорный процесс над Еврейским антифашистским комитетом не только начинал новую сталинскую волну террора, но и подогревал традиционный антисемитизм большевистских властей. Естественно, после «главного дела» начались аресты граждан еврейской национальности различных профессий; последовали новые расстрелы, приговоры о направлении в скорбный архипелаг ГУЛАГ на 15, 20, 25 лет…

Тоталитарная система, возникнув после октябрьского переворота на волне беззаконий, террора, демагогии, не могла позволить себе остановиться. Ведь «50-100 лет надо было пробежать за 10 лет…». Гонка за эфемерным идеалом укрепляла абсолютную власть партийного ордена и его вождя, поставив за скобки здравого смысла элементарную мораль и судьбу конкретного человека. Тотальный контроль за состоянием умов людей диктовал и тотальные действия по поддержанию идейного однообразия в общественном и индивидуальном сознании. А сегодня, когда партийные архивы ВКП(б) – КПСС стали доступны, выясняется, что полного «однообразия» мышления довольно часто

не было.

…Сталинская конституция, венчавшая «юридическое» оформление системы, была, разумеется, триумфально принята. А между тем секретно-политический отдел Главного управления государственной безопасности НКВД доносил в политбюро высказывания людей по этому поводу.

Вот несколько выдержек из отчета по Ивановской области:

Колхозник Логинов Я.С. «Что нам дает ваша конституция? Что там написано Сталиным, так оно и будет, а не по-нашему… ведь жить-то становится совершенно нечем… Есть самим нечего, а тут все отдавай государству».

На ткацкой фабрике им. М. Горького созвали собрание по обсуждению проекта конституции. «Чтобы удержать рабочих, заперли двери. Подмастер Скурихин с группой рабочих, обманув сторожа, с криком отворили двери, и человек 40 ушли с собрания… Кто не успел уйти, спал до конца собрания».

Член правления колхоза деревни Карики на собрании заявил: «Конституцией нас не оденете, а вот частную торговлю ликвидировали и товаров не стало…»{370}

Подобных высказываний – сотни. И это только те, что попали в донесения секретно-политических отделов ОГПУ, созданных в марте 1931 года. Разумеется, реакция начальства была однообразной:

«Усилить борьбу с враждебными элементами».

Само бытие советской общности в этих условиях стирало грани между ложью и истиной, насилием и властью. Псевдокультура меняла все: христианские представления о добре и зле, несправедливости и счастье, прекрасном и безобразном. Может быть, мы до сих пор плохо поняли изнутри шизофрению ленинско-сталинской системы? Может быть, например, социалистический реализм это и есть просто ленинский «авангард»? А жуткие убийства миллионов невинных людей – ритуалы тайного идеологического смысла?

Но нет. Мистика здесь только кажущаяся. Власть идеи – это не идея власти. Власть политических уголовников особенно наглядно видна, если в руки берешь стенограммы материалов пленумов ЦК ВКП(б) тех сумасшедших лет.

Известно, что в декабре 1936 года проходил пленум ЦК, обсуждавший вопрос о троцкистских и правых антисоветских организациях{371}, а в марте 1937 года «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников»{372}.

Ознакомление с докладами, выступлениями, репликами, диалогами создает жуткую картину иррационального мира, где то

и дело слышатся слова: «сволочи», «гады», «уничтожить физически», «шпионаж», «диверсии», «громить и корчевать», «оголтелая банда»…

Словно не руководители великого государства собрались на свое совещание, а сборище вурдалаков, упырей, уголовных преступников, коим абсолютно неведомы достижения цивилизации, элементарные нормы человеческих отношений, даже ими же провозглашенные принципы и идеалы в «самой демократической конституции».

Подобные сборища сталинских соратников (правда, большинство из них вождь во имя своих химер отдал позже на заклание службам НКВД) лучше всего характеризуют власть, существующую во имя уродливой идеи, а не человека.

Сталинская система, между тем, продолжала излучать свой зловещий «бордово-темный свет»…

Жезл генералиссимуса

До нападения гитлеровской Германии на Советский Союз оставалось полтора месяца…

В германском рейхстаге 4 мая 1941 года с большой речью выступил фюрер нации. Речь Гитлера многократно прерывалась аплодисментами. За трибуной был бесспорный победитель. Он вновь торжествующе рассказал, как были сокрушены Польша, Франция, оккупированы Норвегия, Бельгия, Голландия, рассказал о победоносной кампании немецких войск в Греции, политике Берлина на Балканах и в отношении своих союзников. Как всегда, острие его угроз было направлено против «еврейского капитализма», «английских и американских поджигателей войны», непосредственно против У. Черчилля.

О СССР прямо – ни слова… Гитлер, готовясь к этой важной речи, мог вспомнить, «как ему удалось в августе 1939 года, решительно вмешавшись в переговоры Советов и так называемых «западных демократий», быстро «уломать» Сталина, подписавшего почти тут же не только пакт о ненападении, но и через месяц «Договор о дружбе и границе между СССР и Германией». Гитлер добился от Сталина всего, чего хотел, фактически он получил невоюющего союзника против Запада.

Тогда, 20 августа 1939 года, Гитлер продиктовал шесть пунктов жесткой, даже ультимативной телеграммы Сталину. Послание заканчивалось: «Я считаю, что в случае намерения обоих государств вступить друг с другом в новые отношения, целесообразно не терять времени. Поэтому я еще раз предлагаю Вам принять моего министра иностранных дел во вторник, 22

августа, а самое позднее в среду, 23 августа…»[373] Гитлеровский ультиматум.

Почему два диктатора так быстро договорились? С Англией и Францией за долгие месяцы никак не могли согласовать даже исходных позиций, а здесь за 2–3 дня все решили…

Сегодня нам ясно, что молниеносные договоренности двух диктаторов стали возможны в силу родства их тоталитарных душ. Оба вожди, оба «имели мировые планы, оба ненавидели демократию и любили сверхвооружения, и тот и другой ловко орудовали тоталитарными инструментами – ложью и насилием. Правда, вождь из Москвы был расист социальный, а из Берлина – этнический.

Уже поздно вечером 23 августа взволнованный Риббентроп звонил Гитлеру прямо из кабинета Молотова о том, что «все свершилось…». А свершилась договоренность о «разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе», о фактическом соглашении поделить независимую Польшу. Германия, отказавшись затем от «куска» Литвы, в январе 1941 года получила письменное доказательство Москвы о готовности СССР выплатить Берлину компенсацию в размере 31 миллиона 500 тысяч золотых германских марок. Циничный торг и полюбовное соглашение коммунистического вождя и фашистского фюрера подготовили роковое развитие событий в Европе и мире.

А сейчас, в своей речи 4 мая 1941 года, Гитлер ни словом не упомянул о фактическом не воюющем «союзнике» Сталине, с коим его связывал договор о «дружбе». Впрочем, нет. Глухая угроза в адрес восточного друга прозвучала: «Немецкие вооруженные силы постоянно будут вмешиваться тогда и там, когда и где это будет необходимо». Тем более что «для немецкого солдата, – заявил Гитлер, – нет ничего невозможного!»[374].

На другой день, 5 мая 1941 года, Сталин должен был выступить в Кремле на выпуске слушателей военных академий. Буквально за полчаса до начала банкета вождю доложили секретную телеграмму из Берлина с кратким изложением речи Гитлера. Как мы увидим, Сталин на встрече с «академиками» дал на нее ответ. Правда, речь советского лидера не публиковалась.

Почему Германия побеждает? – вопрошал Сталин, выступая в Кремле. Он отметил хорошую организацию и боевую технику немцев, глубокомысленно намекнул на наличие у нее «союзников». Однако в результате побед в германской армии (здесь он «отвечал вчерашней речи Гитлера») «появилось хвастовство, самодовольство, зазнайство. Военная мысль не идет вперед, военная техника отстает от нашей…».

Было на банкете много тостов, здравиц. Три тоста произнес и

сам Сталин. Когда разгоряченный спиртным генерал-танкист предложил выпить «за мирную сталинскую внешнюю политику», Сталин не спеша поднялся и остановил выступавшего:

– Разрешите внести поправку.

Медленно подбирая слова, жестикулируя здоровой рукой, лидер гигантской страны заявил: «…Мирная политика дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону до тех пор, пока не перевооружили нашу армию… А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны, – теперь надо перейти от обороны к наступлению. Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия – армия наступательная»[{375}].

Естественно, «бурные аплодисменты» офицеров были ответом вождю.

Кое-кто, прочитав эти строки, скажет: «Вот видите, Суворов – автор книги «Ледокол» – был прав. Сталин готовился к нападению на Германию». Как я уже неоднократно и письменно, и устно публично говорил: в том, что Сталин, большевики всегда, подчеркну-всегда, готовились только к наступательной войне, нет и не было никакого секрета. Данная позиция, исходя из ленинской установки на мировую революцию, опирается на коминтерновское мышление, стремящееся всю планету сделать красной. Сталин готовился к войне с Германией. Это несомненно. Возможно, он и хотел упредить Гитлера. Тоже возможно. Когда? Сроки, однако, не определялись. Нет ни одного известного документа, где бы об этом говорилось. Если бы были директивы о начале нападения СССР на Германию 6 июля 1941 года, как утверждает Суворов, это, в конечном счете, было бы невозможно скрыть. Многомиллионная Красная Армия имела бы в округах, армиях, в других высоких штабах соответствующие директивы в «Особых пакетах». Генштаб, все военные ведомства вели бы между собой секретную переписку, следы которой непременно бы остались. А история, как и математика, – наука точная. Версии еще не доказательства. Возможно, они и есть, но нам пока неизвестны.

Нарком обороны Тимошенко и начальник Генштаба Жуков 14 мая 1941 года отправляют директивы «особой важности» командующим войсками Западного, Прибалтийского, Киевского военных округов. Главная задача определена так: «К 20 мая 1941

года лично Вам с начальником штаба и начальником оперативного отдела штаба округа разработать детальный план *обороны* (курсив мой. – *Д.В.*) государственной границы…». Нигде ни слова о готовности удара по немецким войскам, никаких данных о превентивном нападении СССР на Германию. А совершить широкомасштабное нападение на немецкого «друга» без детальной оперативно-документальной проработки, создания соответствующих группировок, иных многочисленных мероприятий – невозможно. Вербально, устно, бросить в бой можно лишь подразделение, часть, а не многомиллионную армию. Если Сталин и готовился напасть на Гитлера первым, что, конечно, нельзя исключать, то собирался сделать это позднее. Сроки? Повторю, они нам неизвестны. Пока это тайна истории, если действительно такие сроки и были определены.

Версия Суворова о намерении напасть на Германию 6 июля 1941 года не подтверждается пока никакими известными ныне документами и планами. Есть ли они вообще? Ни опровергнуть, ни подтвердить этого не могу. Нужны документы. Словно опасаясь обвинений, которые в будущем могут возникнуть в отношении его истинных намерений, Сталин счел необходимым заявить, выступая по радио 3 июля 1941 года: «…наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла встать на путь вероломства»{376}. Диктатор к тому моменту был не готов «брать на себя инициативу…». А когда смог бы? Возможно, в 1942, 1943 годах. Никто теперь этого не узнает.

Даже Гитлер в своем откровенном письме Муссолини 21 июня 1941 года не упоминает, не говорит о «превентивности» своего нападения. «Сотрудничество с Советским Союзом, – пишет фюрер, – сильно тяготило меня. Ибо это казалось мне разрывом со всем моим прошлым, моим мировоззрением и моими прежними обязательствами…»

В этой истории, связанной с истоками, началом войны, главную роль сыграл Гитлер. Сталин был подыгрывающей стороной. На все времена, навечно в исторической летописи сказано: ранним утром 22 июня 1941 года войска германского вермахта и его союзников совершили, вопреки пакту, нападение на Советский Союз. Этот факт не опровергнуть никакими версиями, фактически оправдывающими Гитлера.

Какой она была, эта война, теперь все знают. Но осуществи Сталин заранее хотя бы ряд необходимых мер, о которых его просили генералы, разведчики, предупреждал Уинстон Черчилль{377}, кровавая война была бы совершенно иной: более короткой и менее жертвенной. Даже если бы за неделю до

нападения вермахта войска СССР были приведены в состояние полной боевой готовности, заняли заранее намеченные районы и позиции для обороны, удар гитлеровской машины был бы в решающей степени амортизирован. Может, и попятились бы советские войска на 100–150 километров в глубь своей территории, но никогда бы оккупантам не бывать ни в окрестностях Москвы и тем более на Волге. Сталинские просчеты носят столь огромный, катастрофический, поражающий воображение характер, что им невозможно найти историческую аналогию подобного масштаба. На донесении Зорге, который 15 июня 1941 года сообщал о точной дате нападения – 22 июня, Сталин начертал: «немецкая дезинформация». Следующее донесение от начальника первого управления НКГБ (Народный комиссариат государственной безопасности) Фитина, последовавшее 16 июня 1941 года – «Подготовка вооруженного выступления против СССР полностью закончена, и удар можно ожидать в любое время»{378} – вождь оценил следующей резолюцией: «Т-щу Меркулову. Может, послать вам «источник» из штаба Герм, авиации к яб-ной матери. Это не «источник», а дезинформатор. И. Ст.»{379}.

Можно с полным основанием сказать, что, находясь в плену культивируемой им самим шпиономании, Сталин оказался не в состоянии оценить разнообразную информацию, которая обильно поступала ему накануне войны в Кремль. Глубокая переоценка своих интеллектуальных возможностей, подогреваемая апологетикой его имени, полностью исключила возможность свободного коллективного обсуждения стратегических проблем. Генетический исток этого вождистского порока кроется в ущербности самой большевистской Системы.

Сталин уверовал в то, что его оценки и желания совпадают с объективными потребностями партии и страны, в которых он хозяйничал как неограниченный монарх. Все последующие первые лица советского государства, хотя и не в столь абсолютистской форме, но также несли личину непогрешимости и пользовались огромной властью. Без этого скрепа ленинская система не могла бы функционировать.

Столь трудная, вымученная, жертвенная победа советского народа в войне объясняется не столько мощью и вероломством Германии, сколько крупными просчетами военно-политического руководства СССР. Автор книги уже упомянул выше некоторые роковые дипломатические ошибки Сталина, как и его крайне искаженную оценку точнейшей информации, поступавшей в Кремль от советской разведки.

Но не менее тяжелыми по последствиям оказались

ошибочные выводы о направлении главного удара германской военной машины в случае войны. Разработчики плана обороны СССР, среди которых выделялись Б.М. Шапошников и А.М. Василевский, исходили из необходимости быть готовыми отразить нападение агрессора как на Западе, так и на Востоке. Генеральный штаб полагал, памятуя, что во всех выигранных кампаниях Гитлер шел по прямой линии к столицам поверженных стран, что нужно ждать основной удар вермахта на минско-смоленском направлении. Так оно впоследствии и получилось. Но Сталин при обсуждении «Соображений об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил на Западе и Востоке на 1940–1941 годы» высказал сомнение в реальности предположений Генштаба. По его мнению, следовало ждать главного удара на юго-западе.

Аргументы вождя были из арсенала Гражданской войны: «уголь Донбасса», «хлеб Украины», прямой «путь к нефти» и т. д. Военные, давно отученные возражать и спорить, сразу же согласились с доводами Сталина. Решили серьезно усилить Юго-Западное направление и перебросить туда еще 25 дивизий с Западного.

Первый стратегический эшелон, согласно «Соображениям», предусматривалось построить по глубине равномерно: войска прикрытия – 57 дивизий, вторая линия – 52 и резерв – 62 дивизии. В последующем это позволило гитлеровским соединениям легко прорывать слабую диафрагму фронта, ибо в узловых пунктах не было высокой концентрации войск, и наносить поражение советским объединениям по частям…

Позже Сталин все эти просчеты свалит на военных. Катастрофическое начало войны требовало «козлов отпущения». Очень многих. Десятки генералов были арестованы. Символом судьбы этих людей стала трагедия 44-летнего генерала армии Павлова Дмитрия Григорьевича, Героя Советского Союза, в свое время обласканного и высоко вознесенного вождем. Как писал спустя десять лет после окончания войны генерал-полковник Сандалов: «Поражение войск наших западных округов произошло вследствие более слабого технического оснащения и более слабой подготовки войск и штабов Красной Армии по сравнению с армией гитлеровской Германии…»{380} Старый генерал еще не решился сказать свое слово в адрес московских руководителей.

В своем последнем слове на молниеносном суде 22 июля 1941 года (ровно через месяц после начала войны) бывший командующий Западным фронтом Д.Г. Павлов скажет: «…Мы в данное время сидим на скамье подсудимых не потому, что совершили преступления в период военных действий, а потому,

что недостаточно готовились в мирное время к этой войне». Генерал вел себя с достоинством, решительно отвергнув стандартное обвинение в злом умысле и предательстве. Его настойчиво вынуждали признать, что он, Павлов, участвовал в «военном заговоре» с целью «преднамеренно открыть фронт» противнику. Следователи Павловский и Комаров все же «добились», что Павлов 7 июля «признал» наличие в своих поступках «вражеской деятельности», но на суде генерал решительно отмежевался от этих своих «выбитых» показаний. Через несколько часов после «суда» разжалованный Павлов, как и другие его «подельцы» генералы В.Е. Климовских, А.Т. Григорьев и А.А. Коробков, будет расстрелян.

Такой же трагической оказалась судьба Маршала Советского Союза Г.И. Кулика, еще одного выдвиженца Сталина, малограмотного военного, которого вождь знал еще со времен Гражданской войны.

Уже в первые месяцы войны Кулик разочаровал Сталина, по сути, не выполнив должным образом ни одного приказа и распоряжения Верховного Главнокомандующего.

Роковой для Кулика оказалась его поездка по приказанию Сталина в Керчь с задачей удержать этот крымский город. 11 ноября 1941 года маршал прибыл в осажденную Керчь. Оборонявшиеся там 271, 276-я и 156-я стрелковые дивизии имели, собственно, лишь «номера» соединений, ибо личного состава в них было по 200–300 человек. Естественно, что деморализованные, почти не управляемые остатки советской группировки войск не смогли противостоять 42-му армейскому немецкому корпусу{381}. Маршал с его весьма посредственными данными полководца бессилен. 15 ноября Керчь пала.

По указанию Сталина Специальное присутствие Верховного суда СССР 16 февраля 1942 года лишило Кулика звания маршала и всех наград. Ему грозил, как и Павлову, расстрел. Но в последний момент Сталин, что совсем не похоже на него, проявил «снисхождение». В его рабочем дневнике того времени сохранилась запись: «Сегодня. Вопрос о Кулике в Сибирь?»{382}

Но и Сибири маршал избежал – стал генерал-майором и пребывал на второстепенных должностях. Завершая после войны свою службу в Приволжском военном округе, как-то в частной беседе с опальным генерал-полковником В.Н. Гордовым, у которого он был заместителем, «оплакал» раз-другой горечь своей судьбы. Этого оказалось достаточно, чтобы они оба в компании с третьим генералом Ф.Т. Рыбальченко, начальником штаба округа, были арестованы и 24 августа 1950 года расстреляны{383}.

Благодаря «карательным органам», которые не

бездействовали ни минуты, каждый военнослужащий на фронте подвергался смертельной опасности со стороны не только врага, но и недремлющего ока «особых отделов». Об атмосфере того времени, особенно в первый период войны, красноречиво свидетельствует донесение Сталину командующего 43-й армией генерал-майора К.Д. Голубева. В документе есть строки: «Армия перестала бежать и около 20 суток бьет морду противнику… Пришлось в гуще боя человек 30 расстрелять, кого надо – обласкать… Просьба: перестать применять ко мне, как к командующему, политику кнута, как это имело место в первые пять дней. На второй день по приезде меня обещали расстрелять, на третий день отдать под суд, на четвертый день грозили расстрелять перед строем армии»{384}.

Если мерить сталинскими мерками, вождь сам в числе первых попадал в категорию дрогнувших, растерявшихся. В книге «Сталин» я утверждал, что вождь в конце июня под влиянием катастрофических неудач на фронте впал в прострацию и несколько дней не появлялся в Кремле. Меня оспаривали, не соглашались, утверждали, что Сталин ни на один час не выпускал государственных рычагов управления. Сейчас я документально могу подтвердить выдвинутую мной версию, которая в результате проведенного анализа превращается в научно доказанный факт.

Дело обстояло следующим образом. Приехав к обеду 28 июня 1941 года в Кремль, Сталин до 00.50 29-го принял 21 человека. Подавляющее большинство из них военные. Тимошенко, Жуков, Голиков, пробывшие у диктатора в кабинете с 21.30 до 23.10 (Голиков, начальник Главного разведывательного управления, был отпущен на полчаса раньше). Они ему доложили (а авиационные начальники Жигарев и Супрун затем подтвердили), что немецкие танки уже замечены восточнее Минска… Пораженный Сталин не хотел этому верить:

– Как у Минска? Вы что-то путаете…

Трагическая информация подтвердилась. Сталин по инерции принял еще члена политбюро А. Микояна и наркома госбезопасности СССР В. Меркулова и отпустил их около часу ночи. Уехав к себе на дачу, в Кунцево, Сталин до 1 июля в Кремле не появлялся{385}. Когда к нему утром 1 июля приехали Молотов, Берия, Маленков, Каганович, Микоян, он попятился от них со следами испуга на лице. Вождь решил, что его приехали арестовать. Но у них был ряд конкретных предложений по организации отпора агрессору. Сталин постепенно пришел в себя, и состояние психологического шока его покинуло. В эти дни он сам подпадал под действие своих «карательных органов». Первое лицо в государстве пребывало в прострации и не руководило

страной, находящейся в отчаянном положении, в течение трех дней.

Война, как апогей человеческого насилия, жестока сама по себе. Сталин делал ее еще более жестокой. Это было чертой его «полководческого» стиля. Благодаря своим беспрецедентным просчетам в политической и военной областях ему удалось справиться с ситуацией не только за счет невиданной самоотверженности советских людей, но и массового террора военных властей в отношении тех, кто дрогнул, кто смалодушничал, проявил временную растерянность. А это происходило чаще всего из-за утраты управления войсками. На разных уровнях. Сталинские приказы № 270 и 227 были актами беспредельно жестокого отчаяния, но с помощью которых в конце концов удалось стабилизировать обстановку на фронте и в прифронтовой полосе.

В Главное политуправление Красной Армии ежедневно шли донесения с фронтов и из армий об исполнении приказа № 227, продиктованного, лично отредактированного и подписанного Сталиным 28 июля 1942 года. В соответствии с приказом на фронтах стали быстро формироваться штрафные батальоны, куда направлялись за «проявление паникерства» старшие и средние командиры, а также штрафные роты для рядовых бойцов и младших командиров. После выхода из окружения офицеры направлялись в Люберецкий, Подольский, Рязанский, Калачский, Котлубанский, Сталинградский, Белокалитвенский, Георгиевский, Угольный, Хонларский, другие спецлагеря. Численность стрелковых батальонов, которые формировались из офицеров, вышедших из окружения, составляла по 929 человек{386}.

Сталин нервно требует докладов об исполнении его приказа, который был назван на фронте «ни шагу назад», грубо разносит командующих, приказывает беспощадно расправляться с «паникерами», активнее использовать заградотряды. Когда командующих звали к аппаратам связи с Москвой, те шли к ним с тяжелым сердцем, заранее зная о зловещей тональности очередных указаний и требований Верховного. Никто не был уверен, что вызов закончится благополучно для «собеседника» Сталина. Телеграфные ленты переговоров фиксируют часто одни и те же вопросы: почему не выполняется приказ № 227? Что делаете для этого лично вы?

В каждом политуправлении фронта, политотделе армии ежедневно готовят донесения в Москву. Вот лишь одно из них, отправленное со Сталинградского фронта.

«С 1 по 10 августа армейскими заградотрядами задержано 2099 чел., в том числе бежавших с поля боя 378 чел., вышедших

из окружения – 713, членовредителей – 94, отставших от частей – 914 человек.

Из задержанных направлено в штрафные роты – 517, в спецлагеря – 111, пересыльные пункты – 82, арестовано – 104, расстреляно перед строем трусов, паникеров и членовредителей – 83 человека… Гуревич»[387].

За это же время заградотрядами одного Сталинградского фронта расстреляно 140 человек. А всего в 1941–1942 годах (страшно сказать!) военными трибуналами фронтов и армий было приговорено к расстрелу «за паникерство, трусость и самовольное оставление поля боя» 157 593 человека…[388] Вдумайтесь: почти 158 тысяч человек! Шестнадцать полнокровных дивизий… Когда я говорю об этом, меня сталинисты называют «очернителем»… Выходит, надо делать вид, что этих людей никогда не существовало! Вина большинства этих «паникеров» – в утрате управления, крупных просчетах высшего руководства. А сколько было расстреляно без суда?

Сталин собственноручно направлял внимание фронтовых «органов» на командиров, требующих, по его мнению, такого «внимания». В одном из своих блокнотов, который он вел в дни Сталинградской эпопеи, Верховный Главнокомандующий записал: «Сомнительные: Скульский, Пинчук, Гермуни, Матвейшин, Камынин, Кочетков»…[389] …Сегодня можно точно сказать, повторюсь еще раз, что большинство несчастных, попавших под расстрел, оказались в ситуации, положении беспорядочного отступления из-за утраты командованием различных уровней оперативного управления. Так Сталин «исправлял» свои бесчисленные роковые ошибки.

Так же беспощадно подавлялись случаи трусости, малодушия в тылу. Например, осенью, особенно в октябре 1941 года, в Москве было немало людей, которые, теряя веру во власть, дрогнули, пытались самовольно оставить предприятия, бежать из столицы. Военная комендатура, в частности, докладывала, что в октябре и ноябре в Москве арестовано, преимущественно военнослужащих и военнообязанных *(Д.В.),* 6678 человек; направлено в маршевые роты – 32 599; расстреляно по приговорам военных трибуналов – 357; расстреляно на месте – 15 человек (так в документе)[390].

Хотим мы этого или не хотим, но в трагические месяцы начала войны беспощадная страшная воля Сталина смогла заставить многих людей «упереться», призвать все свое личное мужество на помощь, одолеть свое малодушие под страхом смертельной кары. Сталинский приказ, по сути, выразил идею Троцкого, заявившего в 1918 году при создании заградотрядов:

«Они дают возможность умереть с почетом впереди или с позором в тылу». В минувшей войне, повторюсь, военные репрессии по отношению к собственным военнослужащим явились террористическим способом компенсации Сталиным своих крупных и непростительных стратегических ошибок в политической и военной областях.

Как только удалось остановить врага, а затем и перейти в контрнаступление, у заградотрядов работы резко поубавилось. Стал действовать древний, как сами войны, закон: успех на поле брани окрыляет, поднимает и укрепляет духовные силы сражающихся войск. Это лучший способ сохранения нравственных сил на высоком уровне. Именно на это и рассчитывал Сталин. Он не только призвал на помощь тени великих предков, славные традиции россиян, милостиво взглянул на религию, стал щедро одаривать отличившихся наградами, но шел и на другие неординарные шаги. Например, по инициативе Сталина Государственный Комитет Обороны 12 ноября 1942 года приказом № 2507с принял решение выдавать по 100 граммов водки на человека в частях и на кораблях, непосредственно ведущих боевые действия, и по 50 граммов – полковым и дивизионным резервам… Диктатор понимал, что настроение человека на фронте далеко не последнее дело.

Заботился и о партверхушке. Когда Ленинград бился, почти конвульсируя, в смертельной блокаде, вышло несколько особо секретных распоряжений из Москвы, исполненных Ждановым, «О спецснабжении продтоварами руководящих партийных и советских работников» несчастного и героического города{391}.

Комментировать здесь нечего.

Система, созданная Лениным и достроенная Сталиным, была такой, что от решения человека, находящегося на самой вершине пирамиды власти, зависело очень и очень многое. Сталин, ставший Маршалом Советского Союза, а после войны, в июне 1945 года, и генералиссимусом, не был в полном смысле полководцем. Он являлся исторически крупным политическим деятелем, призванным заниматься военными вопросами. Война многому научила Сталина. Ее уроки были ужасно кровавы; методом проб и ошибок он постепенно, на третий-четвертый год войны, постиг немало такого, чего никогда не знал, особенно в области подготовки и проведения крупных стратегических операций группами фронтов. Стратегическое зрение вождя было «дальтоническим»; он хорошо видел политические аспекты принимаемых решений и значительно хуже – военные. Мог долго не понимать, не принимать оригинальной идеи, как это было с замыслом знаменитой Сталинградской операции на окружение

армии Паулюса. Жукову и Василевскому пришлось трижды докладывать Верховному Главнокомандующему, чтобы тот «рассмотрел» оригинальную, очень смелую идею перейти в контрнаступление в самый критический момент, когда новое, тяжелое поражение, казалось, было неизбежной реальностью.

Верховный Главнокомандующий, будучи умным и хитрым человеком, уже вскоре после начала войны выработал выгодную для него манеру поведения как полководца. Без докладов военачальников он редко принимал и оглашал свои решения. Выслушав предложения, чаще всего соглашался с ними, правда, при этом обязательно добавляя «кое-какие» мысли о «более эффективном применении авиации и артиллерии». Если одобренное Сталиным решение успешно выполнялось, то, естественно, он был «отцом» успеха. В случае провала, поражения, неудачи по исполнению замысла, одобренного Верховным Главнокомандующим, вождь обязательно находил виновных, уличал исполнителей в плохом использовании артиллерии и авиации, безволии фронтового или армейского руководства. Таким образом, в случае успеха или неуспеха его реноме, образ полководца не страдали…

Сталина как полководца учила война и «учили» выдающиеся военачальники, находившиеся с ним рядом все эти годы: Б.М. Шапошников, Г.К. Жуков, А.М. Василевский, А.И. Антонов. Правда, нередко Верховный мог загореться какой-либо идеей, которая затем оказывалась ложной, непродуманной, необоснованной.

Сталин был очень вдохновлен успешным контрнаступлением под Москвой в конце 1941 года. Когда докладывали об освобождении новых населенных пунктов в самом сердце России, военное окружение в Ставке впервые за полгода могло поймать у него на лице хмурую улыбку.

На совещании, которое состоялось в Ставке в начале января 1942 года, обсуждались стратегические задачи на текущий год. Выслушали военачальников. Все сходились на том, что вдохновляющую «запевку» под Москвой нужно поддержать, развить. Предлагалось провести ряд последовательных операций, с тем чтобы окончательно вырвать у захватчиков стратегическую инициативу. На основании обсуждения в узком кругу, в присутствии Василевского, Молотова, Маленкова, еще ряда лиц, подготовили «Директивное письмо». Оно было в духе прошедшего накануне совещания. Зачитали еще раз вслух весь текст. Все замолчали и выжидающе смотрели на Сталина. Он должен был, как высший судья, одобрить или не одобрить. Сталин, как обычно, мягко прохаживался по ковру кабинета, размышляя.

Наступила напряженная тишина. Вдруг Сталин остановился и, указывая потухшей трубкой на текст директивной бумаги, сказал:

«Пишите: «Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом полной разгром гитлеровских войск в 1942 году»{392}.

Нескладная, неуклюжая, длинная фраза, где слово «резервы» повторялось три раза, перевернула все согласованные ранее планы. Во-первых, Сталину перечить никто не смел. Во-вторых, разве мог кто-нибудь возразить против исключительно привлекательной цели обеспечить «полный разгром» агрессора в 1942 году?

Абсолютная нереальность сталинского замысла заложила грядущие тяжелейшие весенние и летние поражения Красной Армии. После сталинских новых указаний, по сути, решили без оперативной паузы после наступления под Москвой перейти к общему наступлению на широком фронте от Черного моря до Ладожского озера. С 7 января по 30 апреля несколько фронтов в соответствии с указаниями Сталина пытались осуществить ряд наступательных операций с решительными целями.

Как отмечается в исследовании А.А. Волкова, «все 12 фронтовых наступательных операций, проведенных в период общего наступления на трех стратегических направлениях, остались незавершенными»{393}. Достаточно назвать такие незавершенные, а попросту неудачные операции, как Курско-Обоянскую (Юго-Западный фронт), Любаньскую (Ленинградский и Волховский фронты), Орловско-Болховскую (Брянский фронт), Сычевско-Вяземскую (Калининский фронт), Демянскую (Северо-Западный фронт), Волховскую (Западный и Брянский фронты), Крымскую (Крымский фронт и Черноморский флот) и некоторые другие, не достигшие поставленных целей. А они, эти оперативные цели, были впечатляющими: прорыв блокады Ленинграда, овладение Крымом, освобождение городов Курска, Старой Руссы, Орла, Харькова, Ржева и многих, многих других. Не удалось осуществить и главного плана – разгромить основные силы группы армий «Центр» и другие оперативные объединения.

В итоге малоуспешных операций все фронты (с 7 января по 30 апреля 1942 года) понесли крупные потери (убитыми, ранеными и пропавшими без вести). Впрочем, судите сами. Без учета потерь в ВВС, ВМФ, в войсках НКВД фронты отдали на алтарь двенадцати незавершенных операций 2 миллиона 352 тысячи человек…{394} Об этом никогда не принято было писать.

Конкретно фронты потеряли: Карельский – 58 733 человека, Ленинградский – 132 440, Волховский – 233 388, Северо-Западный – 188 761, Калининский – 327 060, Западный – 524 910, Брянский – 202 500, Юго-Западный – 162 982, Южный – 179 930, Кавказский (Крымский) – 352 000 человек…{395}

Вы помните заявление Сталина, что к весне «у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов…»? Как оказалось в действительности?

Немецкие войска понесли потери более чем в четыре раза меньшие, чем советские фронты. Воевать еще по-настоящему тогда не умели… А главное – руководили войсками плохо.

В основе стратегии лежала сталинская Цель. Какие средства потребуются для этого, сколь масштабными станут человеческие потери, было для Сталина делом второстепенным. Эту мысль вполне подтверждает его вставка в одну из шифротелеграмм 1942 года в Сталинград. «Верховное Главнокомандование обязывает как генерал-полковника Еременко, так и генерал-лейтенанта Гордова, – продиктовал Сталин, – не щадить сил и не останавливаться ни перед какими жертвами». Это было незыблемое кредо кремлевского маршала: «не останавливаться ни перед какими жертвами»{396}. Цель – прежде всего, а средства (жертвы) – вещь производная, второстепенная. Так воспитывал Сталин и своих военачальников: он не разносил их за крупные потери, необоснованные жертвы, но не прощал оперативных оплошностей и неисполненных приказов.

Здесь нужно сделать одно отступление. Еще до начала знаменитого наступления под Сталинградом в ноябре 1942 года советская внешняя разведка, которая всегда была традиционно сильной и вездесущей, донесла Берии сведения чрезвычайной важности. Впрочем, человек в пенсне, с немигающими, как у ящера, глазами, так об этом доложил Сталину:

«6 октября 1942 г.

Сов. секретно

Тов. Сталину

В капиталистических странах началось изучение вопроса использования атомной энергии для военных целей».

Далее говорилось об уровне этих работ в Англии и США, о людях, возглавляющих абсолютно секретные проекты.

Берия предлагал по совету советских ученых-физиков: «Проработать вопрос о создании научно-совещательного органа при Государственном Комитете обороны из авторитетных лиц для координирования, изучения и направления всех работ по вопросам атомной энергии. Необходимо ознакомить через органы НКВД видных специалистов с целью оценки и «соответствующего

использования этих материалов». Берия, в частности, по рекомендации ученых предложил привлечь академиков Скобельцына, Капицу, профессора Слуцкого и некоторых других. Но «некоторые другие», как М.П. Бронштейн, А.А. Витт, уже погибли в лагерях, а академики И.В. Обремов, Л.Д. Ландау, В.А. Фок и другие еще тянули свою горькую ношу в ГУЛАГе.

Сталин, которому популярно рассказали о возможностях оружия, основанного на использовании «урановой энергии», загорелся.

– Нельзя ли все ускорить для использования в войне с фашистами?

Записка И.В. Курчатова в ГКО, составленная на основе анализа группы ведущих физиков, остудила головы в Кремле. В ней говорилось:

«1. В исследовании проблемы урана советская наука значительно отстала от науки Англии и Америки…

2. Имеющиеся в распоряжении материалы недостаточны для того, чтобы считать возможным практическое осуществление или неосуществление задачи производства урановых бомб. За рубежом определенные выводы сделаны (…)

5. Возможность введения в войну такого страшного оружия, как урановая бомба, не исключена. Но представляется необходимым широко развернуть работу по проблеме урана».

Курчатов предлагает привлечь к работе большую группу крупных физиков: Иоффе А.Ф., Капицу П.Л., Семенова Н.Н., Алиханова А.И., Харитона Ю.Б., Зельдовича Я.Б., Александрова А.П. и других специалистов.

Сталин отдает распоряжение активизировать работу разведки в этом направлении. Вскоре работы приняли государственный размах. Сталин спросил однажды: «Узнайте, сколько стоит одна такая бомба?» Через день ему доложили запиской Фитина (НКВД), что по английской оценке – 236 000 фунтов стерлингов. Сталин промолчал. Для него цифры трат и жертв никогда ничего не значили.

Шла жестокая война. Немцы были у Волги, но ученые и разведчики «озадачили» вождя, на которого произвели громадное впечатление возможности освобожденной атомной энергии в военных целях. Вождь кивнул: делать! И быстрее.

Так решались многие судьбоносные вопросы: воля вождя превыше всего. Создали специальную лабораторию по атомному ядру и поставили задачу: в 1944–1945 годах накопить 100 тонн урана. Получить в 1945 году урана-235 в количестве 200–300 кг, накопить «тяжелой» воды 2–3 тонны. Начинали с малого… Но вернемся к его «провидчеству» и стратегическому планированию.

Сталинская импровизация с постановкой задач на 1942 год, не подкрепленная тщательными оперативными расчетами и глубоким стратегическим видением панорамы войны, не только не привела к «полному разгрому» немецких войск, но и поставила советские войска в тяжелейшее, критическое положение летом и осенью этого года. Что, впрочем, не помешало после великой победы над фашизмом, добытой советским народом в 1945 году ценой огромных жертв и самопожертвования, объявить Сталина «величайшим полководцем всех времен».

Теоретический официоз ВКП(б) журнал «Большевик» в статье «Великий вождь и учитель коммунистической партии и советского народа» писал в декабре 1949 года: «С невиданной в истории мощью сталинский военный гений проявился во время Великой Отечественной войны. О таланте полководца судят по значению выигранных им сражений, по масштабу и характеру тех задач, которые ему пришлось решать, по объему трудностей, которые пришлось преодолеть, по умению находить и использовать все возможности, чтобы организовать победу. Во всех этих отношениях товарищ Сталин – полководец Советского государства – не имеет себе равных в истории»{397}.

Сталин вроде бы «доказал», что и без уничтоженного им в конце 30-х годов Военного Совета при народном комиссаре обороны СССР, куда входил цвет советского командования, он обошелся… Но «Большевик» стыдливо умолчал, что военный гений во все времена в первую очередь проявлялся не только в значимости достигнутых целей, но и в цене затраченных на это средств, и прежде всего – человеческих жертв. Для ленинцев это никогда не имело решающего значения. Люди для Системы, построенной Лениным и Сталиным, никогда не были высшей ценностью, что бы фарисейски ни говорили эти вожди о «кадрах», «пролетариате», «российских революционерах»…

Война, народ, тяжелейшие обстоятельства выдвинули на полях сражений за свободу и независимость новую плеяду офицерства вместо тех 44 тысяч командиров и военачальников, репрессированных большевистской карательной машиной в предвоенные годы. Но кто скажет, скольких дополнительных жертв стоило это выдвижение? Генералиссимус, упомянувший 9 мая 1945 года в своем Обращении к народу «алтарь отечества»{398}, позаботился, чтобы недостатка в жертвах там не было.

Более половины из 26 миллионов 452 тысяч соотечественников, погибших в войне, – это мирное, гражданское население: женщины, старики, дети. Сталин, система не только ответственны за катастрофическое начало войны, провал многих

крупных операций, стремление достичь цели, «не считаясь с жертвами», но и виновны в сдаче врагу огромных территорий страны, на которых проживало около 80 миллионов человек, что и предопределило многомиллионную гибель самой беззащитной части населения. Об этом в нашей литературе, историографии почти не принято говорить. Но, возможно, это самая страшная, горестная, печальная часть цены нашей Победы. Достаточно упомянуть лишь один, не главный «роковой» момент. На протяжении десятилетия жители западных областей СССР обязательно указывали в различных анкетах: был ли человек «на оккупированной территории». Как будто он повинен в этом! Ну а для «органов» сия графа была важной: классовая, политическая бдительность превыше всего…

Тайные диалоги

Незадолго до полуночи в кабинет В.М. Молотова вошел И.В. Сталин. Вместе с ним был и К.Е. Ворошилов. За окном стоял стылый февраль 1938 года. Трое поговорили, не рассаживаясь в кресла. Точнее, больше говорил Сталин. Молотов и Ворошилов слушали, иногда вставляя свои реплики в неторопливую речь вождя.

Бесшумно возник помощник хозяина кабинета и доложил, что «китайца привезли». Речь шла о специальном представителе Чан Кайши, приехавшем в Москву. Вошедший в кабинет Сунь Фо был среднего роста, с проницательными глазами, улыбчив. Поздоровались. Сталин, как всегда, осведомился через переводчика, хорошо ли добрались до Москвы, как здоровье Чан Кайши, готов ли гость для беседы.

Расселись с одного края длинного стола для совещаний, какие стояли в кабинетах всех высоких советских руководителей.

Было 12 часов ночи. Обычно в это время или на час раньше кремлевские вожди назначали приемы «гостей»: заслушивали наркомов; руководителей, которых они вызывали для отчета; совещались между собою по важным вопросам. Ночь своим покровом словно должна была подчеркнуть важность и таинственность встреч, бесед, переговоров.

После короткого ритуального начала Сталин прямо спросил: какие вопросы волнуют Чан Кайши? Чем они, большевистские руководители в Москве, могут быть полезны Бэйпину?

Сунь Фо после очередных традиционных витиеватых приветствий Сталину и его соратникам заявил, что привез специальное послание лидера дружественного Китая. Переводчик начал длинное чтение текста, которое было им уже заранее

изложено на русском языке.

Чан Кайши просил у Сталина советников, оружия, много оружия, но главное, чтобы СССР… объявил войну Японии. Это выгодно, по его мнению, не только Китаю, но и СССР…

Сталин перебил переводчика и сразу же заявил:

– Объявлять Японии войну нам нецелесообразно. Прежде всего по политическим соображениям. Сейчас, – он сделал ударение на данном слове, – это делать не следует.

Переводчик переводил. Сунь Фо быстро выстраивал в своем блокноте иероглифы.

Что же касается оружия, продолжал Сталин, то надо смотреть на дело капитальнее. Дадим что можем. Но вам надо построить 1–2 авиазавода, 1–2 завода для артиллерийского вооружения. Окажем помощь.

Беседа в том же духе длилась долго. Китаец просил – Сталин отвечал. Иногда поддакивали Молотов и Ворошилов и «подкрепляли» Сталина доводами, аргументами, цифрами. Было уже три часа ночи, когда Молотов, обращаясь к участникам переговоров, заявил:

– Есть предложение поужинать у меня дома. Жена уже давно ждет…

Конечно, «вождями» все было расписано заранее. В том числе и почти «утренний» ужин. Дружно поднялись и отправились к Молотову. Вскоре туда приехали вызванные А.И. Микоян, Н.И. Ежов. Ночная пирушка длилась до 5.15 утра. Все изрядно захмелели, выпив по дюжине рюмок «за товарища Сталина», «вождя китайского народа Чан Кайши», «дружбу двух великих государств». Кровавый пигмей Ежов, слывший наверху пьяницей, быстро опьянел и что-то бормотал про «важность укрепления карательных органов». Сталин и Ворошилов очень высоко отзывались о Чан Кайши как о полководце, хотя, нажимали собеседники, в борьбе с Китайской Красной Армией было принесено много напрасных жертв…

Переводчик, самый трезвый из компании, еще успел зафиксировать прощальный тост Сталина:

– История любит шутить. Она иногда выбирает дурака, как палку, которая подгоняет исторический прогресс. Японская военщина представляет дурака. Япония не завоюет Китай. Я пью за сильный Китай, который будет включать в себя и Синьцзян, и Внешнюю Монголию!{399}

Вновь дружно выпили.

После «ужина» вожди разъехались отсыпаться. Когда же Сталин вновь встретился с Сунь Фо через три месяца, 23 мая 1938 года, он уже был готов дать Чан Кайши многомиллионный заем в

долларах под оружие, военное производство.

Так большевистские вожди теперь предпочитали вести свою международную политику; не через Коминтерн, международные конгрессы или Лигу Наций, а путем тайных переговоров, закрытых сделок, взятия взаимных обязательств со странами, которые, по мысли кремлевских руководителей, могли быть полезными в их глобальных планах.

Мы коснулись китайского сюжета не случайно. Именно в китайских вопросах Сталин считал себя особо большим специалистом. Достаточно напомнить его известные и весьма претенциозные речи в ИККИ (Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала) 30 ноября 1926 года «О перспективах революции в Китае» и 24 мая 1927 года о «Революции в Китае и задачах Коминтерна». В 30-40-е годы Сталину все время приходилось маневрировать между Гоминьданом и компартией, максимально используя «китайский вопрос» для «разгрома» (любимое сталинское выражение) своих оппонентов в лице то Троцкого, то Зиновьева и Каменева, то Бухарина. Правда, десятилетие спустя после упомянутой беседы «Правда» напишет: «Проникая взором гениального стратега», Сталин укажет, «что реакционные гоминьдановские круги давно пошли на сделку с кровными врагами китайского народа-американскими и английскими империалистами». Чан Кайши теперь уже в контрреволюционном лагере…{400}

От прямой атаки на цитадель империализма с целью зажечь там пожар мировой революции большевики перешли к стратегии длительной осады крепости, не отказываясь от идеи советизации всей планеты. Сталин уверен, что «мировая революция будет развиваться путем революционного отпадения ряда новых стран от системы империалистических государств…». В этих условиях СССР превращается «в базу дальнейшего развертывания мировой революции, в рычаг дальнейшего разложения империализма»{401}.

Этой установке, сформулированной Сталиным в декабре 1924 года, он остался верен до конца своей жизни.

Хотя, когда американский издатель Р. Говард задал 1 марта 1936 года вопрос:

– Оставил ли Советский Союз свои планы и намерения произвести мировую революцию? – вождь ответил:

– Таких планов и намерений у нас никогда не было{402}.

Заявлено это было без тени смущения…

Такими были практически все большевистские руководители; ложь являлась их союзницей.

В первые два десятилетия наследник Ленина пытался максимально использовать для разжигания мирового пожара

Коминтерн, почти с самого начала превратившийся в подсобный инструмент кремлевских вождей и служб НКВД. Сопротивление «братских партий» этой незавидной роли было слабым и недолгим. Те, кто пытался протестовать против сталинского диктата в Коминтерне, поначалу бесцеремонно удалялись из структур международной организации, а в 30-е годы просто физически уничтожались.

Так, в декабре 1928 года сторонники Бухарина в руководстве ИККИ Ж. Эмбер-Дро и Серра (А. Таска) пытались протестовать против методов сталинского влияния в Коминтерне. В результате они подверглись решительному остракизму и были быстро удалены из ИКП. Таска позже, уехав из СССР, написал в Секретариат итальянской компартии: «Сталин – это знаменосец контрреволюции… Для него важны не принципы, но монополия на власть»[{403}].

В разгар активизации борьбы с фашизмом, в чем немалую роль сыграли решения VII конгресса Коминтерна, Сталин развернул кровавый поход не только против собственного народа, но и функционеров давно притихшего Коммунистического Интернационала. НКВД хозяйничал в кадрах Исполкома Коминтерна, как в каком-нибудь провинциальном обкоме ВКП(б). В 1936–1937 годах волна арестов затронула все структуры Коминтерна[{404}].

В октябре 1937 года Г. Димитров, генеральный секретарь Исполкома Коминтерна, и секретарь ИККИ Д. Мануильский обратились в ЦК ВКП(б) за помощью: исполком парализован из-за того, что «органами Наркомвнудела выявлен ряд врагов народа и вскрыта разветвленная шпионская организация в аппарате Коминтерна»[{405}]. Нужны кадры…

Окончательно порвав с европейской социал-демократией, которую Сталин называл «социал-фашизмом», обескровив Коминтерн, вождь большевиков сделал ставку на сугубо тоталитарные методы влияния в международных и коммунистических делах. Тайные сговоры, усиление агентурной сети НКВД в стране и за рубежом, инициирование нужных процессов в государствах, где есть антиимпериалистические настроения, стали методами «революционных» действий Сталина. Особенно после того, как по его инициативе в июне 1943 года был распущен Коминтерн, которому Ленин отводил когда-то роль главного факельщика мировой революции.

Конечно, Сталин и его службы внешне весьма «цивилизовались», и в 30-е годы не могло уже появляться таких официальных документов, какой, например, родился в 20-е годы в результате работы Особой комиссии в одном из советских

дипломатических представительств в Прибалтике.

В докладе этой комиссии, в частности, говорилось: «Дипломатическая миссия, как военная крепость, должна быть внешне обставлена и внутренне организована так, чтобы ни один ненадежный, подозрительный или чужой человек не мог находиться постоянно внутри ее помещения, а посторонние лица могли иметь туда доступ только на определенных условиях, гарантирующих миссию от шпионства извне и предательства изнутри… В каждом постоянном участнике работ миссии необходимо предполагать возможного предателя, а в каждом «госте» – возможного шпиона…»

Далее комиссия делала обобщения такого рода: «Советский дипломат и всякий честный советский работник за границей – это непримиримый и беспощадный враг всех официальных властей и всех частных лиц из числа собственников земли и средств производства. Враг даже в том случае, когда он подписывает какой-либо договор или заключает сделку, безусловно, выгодную другой стороне в данный момент. Здесь более чем где-либо рука, подписывающая договор или сделку, конвульсивно сжимается в ожидании момента, когда можно будет схватить «другую сторону» за горло и душить, душить насмерть, как урода, как «извращение законов природы и всякой правды»{406}.

Сталин, возможно, думал почти так же до конца своей жизни, но вряд ли бы одобрил публичное появление такого документа. Его дипломатия, международная деятельность внешне была даже респектабельной, но по сути такой же, как и у составителей этого поразительного по цинизму и классовой озлобленности документа.

Сталин особое значение придавал тайной дипломатии, прежде всего со странами, партиями, организациями, близкими ему по духу и целям. Думаю, он никогда не вспоминал «революционного романтизма» большевиков, спекулировавших в 1917 году на борьбе с «тайной дипломатией» царизма и Временного правительства, разоблачении «секретных договоров» и соглашений. Как давно все это было!

Теперь Сталин – абсолютный диктатор. Он не только принимает главные решения по внутренним и внешним вопросам, но и страшно любит лично сам «ткать» полотна договоров, соглашений, сделок. Обычно его участие – эффективная форма «руководства» братскими партиями, давления на них, осуществления своих замыслов.

Диктатор выработал целый ритуал закрытых, часто тайных бесед. С просьбами о личных встречах к нему обращались многие: от Мао Цзэдуна до Тито, от Ким Ир Сена до Долорес Ибаррури.

Второй вождь обычно давал согласие. Делегации или лидеры приезжали, прилетали, и здесь они нередко ждали назначения дня желанных встреч. Ждали по нескольку дней, а то и недель. Через это прошли Мао Цзэдун, Ким Ир Сен, Чойбалсан, Тито, Долорес Ибаррури, Вильгельм Пик, Морис Торез, Энвер Ходжа, другие национальные лидеры. Гость как бы «вызревал» для встречи с вождем, чтобы ощутить всю историческую значимость предстоящей беседы. Приглашенные в Москву лидеры жили на цековских дачах, «общались» с охраной, сотрудниками спецслужб, работниками аппарата ЦК ВКП(б) и ждали, ждали… Вдруг за несколько часов до встречи гостю сообщали: «Вас сегодня примет товарищ Сталин». Обычно назначалось позднее время: 11 часов вечера, полночь, а иногда и за полночь. Люди шли к земному богу, и все было необычно, таинственно, загадочно, даже время, назначенное для долгожданных бесед.

Сталин умел обвораживать собеседников своей «простотой», хлебосольством, щедростью и обычно добивался всего, чего хотел. Как писал в своей книге «Со Сталиным» албанский «вождь» Энвер Ходжа, первая его встреча с советским вождем оказалась неожиданно скорой. В Москву Ходжа прилетел на специальном советском самолете 14 июля 1947 года, а уже в полночь 16 июля Сталин принял албанцев. Ходжу поразило все: и просторы кабинета генералиссимуса, и мягкая обходительность Сталина, и безапелляционность его суждений, и тосты, которые провозглашал советский лидер, как и полуночный просмотр в специальном зале киножурналов и фильма «Трактористы». В ходе демонстрации картины вождь сам комментировал ее содержание. Энвер оказался наблюдательным человеком и запомнил не только содержание тостов Сталина и марку вина, которое он пил, но и живой интерес советского диктатора к особенностям «албанского языка и истории».{407}

В процессе таких бесед Сталин фактически давал инструктивные указания. В данном случае: как бороться с внутренней реакцией и создавать МТС, как использовать в Албании советских специалистов. Посоветовал также укреплять морское побережье. Особый восторг у албанского коммунистического вождя вызвало решение Сталина «предоставить просимое вооружение Тиране бесплатно»{408}.

К слову, Сталин всегда что-нибудь давал своим вассалам – не только личные подарки: золотые сабли, автомобили, вазы, а чаще оружие, порой деньги, специалистов, оборудование заводов, фабрик. В обмен тоже что-нибудь «брал», обычно – независимость. Беседы с иностранными гостями происходили почти по одной и той же схеме. Иногда помощники Сталина

заранее требовали вопросы, которые прибывшая сторона была намерена поставить перед властителем. Чаще всего вместе с генсеком на встречах присутствовали Молотов, изредка Маленков, кто-то из военных.

У нас нет возможности рассказать даже о малой части сталинских встреч, обычно – тайных. Правда, иногда в газетах появлялось две-три строки о прошедшей беседе, из которых нельзя было даже узнать, когда она в действительности состоялась, не говоря уже о том, что на ней обсуждалось.

К некоторым партиям и их лидерам Сталин проявлял особое пристрастие, позитивное или негативное. Он был всегда подчеркнуто внимателен, например, к Эрколи (Тольятти) и его партии. Так же подчеркнуто, но отрицательно (особенно в 20-30-е годы) относился к полякам.

Возможно, на отношение Сталина к полякам серьезно повлияло поражение Красной Армии в 1920 году под Варшавой. В числе высоких военачальников и комиссаров, битых в российско-польской войне 1920 года, оказался и член Военного совета фронта И.В. Джугашвили (Сталин).

Многие мелкие детали, штрихи повседневья генсека свидетельствуют о его устойчивой недоброжелательности к полякам, их компартии и в то же время невольном к ним уважении за стойкость и мужество. Вот одно такое свидетельство. После Гражданской войны советская Россия пыталась выйти из международной изоляции и вела сложные дипломатические маневры в отношениях с западными соседями.

На заседании политбюро 18 октября 1923 года Сталин пишет записку одному из присутствующих (видимо, Чичерину). «…Я думаю, что лучше отказаться от зондировки поляков и приняться за зондировку латышей. Латышей можно запугать, припереть к стене и пр. С поляками этого не сделать. Поляков надо изолировать, с ними придется биться. Ни черта мы у них не выведаем, только раскроем свои карты. Коппа задержать. Поляков изолировать. Латышей купить (и запугать). Румынию купить. А с поляками подождать»[{409}].

Записка красноречиво показывает не только предельный цинизм генсека, но и невольное уважение Польши. Рана, нанесенная самолюбию Сталина в 1920 году, постоянно кровоточила. Именно генсек уже в начале 30-х годов инициировал жестокое преследование польских деятелей в Коминтерне.

Секретарь ИККИ М. Москвин (подлинная фамилия Трилиссер, один из видных деятелей НКВД) поддержал версию, сфабрикованную Ежовым, о «полной засоренности компартии

Польши шпионами и диверсантами». Димитров на основе этих данных пришел к выводу, что в Коминтерне существует «разветвленная шпионская организация»{410}. Когда под давлением Сталина Исполком Коминтерна принял в декабре 1937 года позорное решение о роспуске компартии Польши, лидер ВКП(б) на проекте резолюции ИККИ выразился весьма красноречиво: «С роспуском опоздали на два года. Распустить нужно, но опубликовать в печати, по-моему, не следует»{411}. Так что в «послужном списке» Сталина мрачные страницы в польских делах связаны не только с массовым расстрелом офицеров в Катыни…

Когда-то Сталин свои беседы с делегациями компартий старался делать прилюдными, требовал публиковать о них отчеты, рассчитывая на пропагандистский эффект. Например, 5 ноября 1927 года генсек принял у себя в кабинете представителей делегаций датской, французской, немецкой, английской, китайской, бельгийской, чехословацкой и некоторых других компартий. «Диалоги» тогда еще не были тайными. Но какими? Судите сами.

Вопрос: Почему в Советском Союзе не терпят социал-демократическую партию?

Сталин: Ее не терпят потому же, почему не терпят контрреволюционеров. Это партия открытой контрреволюции…

Вопрос: Почему нет свободы печати в СССР?

Сталин: Нет свободы печати только для буржуазии…

Вопрос: Кому принадлежит власть в СССР?

Сталин: Наша власть есть власть одного класса, власть пролетариата.

Вопрос: Почему не выпускают из тюрем меньшевиков?

Сталин: Речь идет об активных меньшевиках.

Вопрос: Как Вы думаете осуществить коллективизацию в крестьянском вопросе?

Сталин: Постепенно; мерами экономического, финансового и культурно-просветительного порядка…{412}

Сталин почти шесть (!) часов подряд демагогически отвечал на вопросы коммунистов из-за рубежа. Удивительно не то, что он так лживо отвечал. Поразительно то, что его хотели слушать, хотели быть обманутыми… Но он лгал весьма часто, ибо никто не мог так искусно пользоваться оружием Лжи, как он. На последнем своем, XIX съезде партии, за четыре с половиной месяца до смерти, Сталин заявил: «Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать… Теперь от либерализма не осталось и следа. Нет больше так называемой «свободы личности», – права личности признаются теперь только за теми, у которых есть

капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом…»{413}

О «правах личности» говорил человек, прекрасно знающий, что в его тюрьмах, лагерях, ссылке сейчас (именно сейчас, когда он говорил) томится 4,5 миллиона человек, абсолютное большинство которых не совершали никаких преступлений… Так что демагогические ответы коминтерновцам, выступления на съездах были неизбежной данью той лживой идее, планетарно распространенной Лениным.

Когда же Сталин встречался в самом узком кругу, он не тратил время на такую примитивную ложь, как на XIX съезде партии. Он наставлял. Учил. Инструктировал: как действовать, как лгать и снова действовать. Тотальное отчуждение личности, класса, массы от свободы, истины, исторической ответственности во время господства Сталина достигло апогея. Но он не считал свои задачи выполненными, пока весь мир не жил по его «Краткому курсу». Беседы с зарубежными коммунистическими лидерами, по большей части тайные, после войны для Сталина явились важной частью его личного влияния на распространение марксизма-ленинизма-сталинизма в мире.

Сталин несколько раз говорил членам политбюро, когда речь заходила о коммунистическом движении:

– В мире капитала есть лишь две по-настоящему сильные партии: это итальянская и французская. В известном смысле (массовости) – китайская.

Не случайно, что отношения с ними были для Сталина особыми.

…30 ноября 1947 года в Рим совпослу пошла шифрованная телеграмма – для передачи в ЦК ИКП.

«Тов. Тольятти.

На днях по просьбе Ненни состоялась встреча в Москве. Ненни информировал о положении в Италии и поставил вопросы, на которые получил ответы.

Сообщаем для сведения о содержании беседы. О единстве с коммунистами. Оно будет укрепляться. На выборах обе партии выступят единым блоком и с единым списком. Но Ненни считает преждевременным создание единой рабочей партии в Италии, так как это может оттолкнуть средние слои, а они традиционно следуют за социалистами…

Коммунисты и социалисты упустили время после ухода оккупационных войск. Больше виноваты коммунисты, не хотели создавать греческой ситуации. Мы поможем партии Ненни, в соответствии с его просьбой, бумагой по дешевой цене…

В случае взятия власти в Италии левым блоком СССР может

обеспечить Италию хлебом. С углем сложнее. Может помочь Польша.

Исполнение телеграфьте.

Филиппов»[414].

Сталин всерьез рассматривал возможность прихода коммунистов к власти (а социалисты для него были те же меньшевики – временные попутчики). Сталин укоряет Тольятти вроде бы от имени Ненни в упущенном шансе прихода к власти после вывода из Италии оккупационных сил.

В случае победы коммунистов Сталин обещает обеспечить Италию хлебом. А его страна голодает, получая по карточкам нищенские «пайки»…

Сталин любил Тольятти, если, конечно, диктатор мог вообще кого-нибудь «любить». Не случайно, что 14 октября 1952 года в своей коротенькой речи на XIX съезде партии «вождь народов» счел необходимым упомянуть имя лидера итальянских коммунистов. «Когда товарищ Торез или товарищ Тольятти заявляют, что их народы не будут воевать против народов Советского Союза (здесь речь Сталина прерывается «бурными аплодисментами»), то это есть поддержка, прежде всего – поддержка рабочих и крестьян Франции и Италии…»[415] Эти две партии и этих двух лидеров Сталин упомянул в своей последней публичной речи. В его бумагах множество материалов о делах коммунистов данных стран, велика переписка, которая велась через советские посольства и советские спецслужбы.

Через две недели после телеграммы Тольятти, 14 декабря 1947 года, Сталин принимает в ночной Москве одного из членов руководства итальянской компартии Секкья. Кремлевский диктатор в беседе с итальянцем рекомендует иметь в стране свою разведку, с помощью которой «проникать в штабы и органы противника». Надо иметь в виду, наставляет генералиссимус, что в «партии всегда есть шпионы…». Предлагает ЦК ИКП «иметь собственную охрану, такую маленькую гвардию из испытанных людей…».

Сталин инструктирует соратника Тольятти, словно речь идет о подготовке государственного переворота, подобно большевистскому в октябре 1917 года. Кремлевский хозяин подробно интересуется здоровьем П. Тольятти, состоянием его сердца. Философски, но банально изрекает:

– Сердце – это мотор. Его надо смазывать, о нем надо заботиться. Разве может самолет летать без мотора?

Посчитав, что этой сентенции о здоровье Тольятти мало, приводит еще одну: «Ленин говорил, что для того, чтобы подготовить хорошего работника, требуется 10–15 лет, а потерять

его можно в 1 час. Разве можно обращаться так с человеческим материалом?»{416}

Естественно, для Сталина даже лидер – это «материал», хотя и человеческий. Но была и изюминка тайной беседы. Без видимой связи Сталин вдруг заявил:

– Можем дать вам 600 тысяч долларов. Пусть Секкья сам их и увезет…

Секкья немного растерян, рад, благодарит и размышляет вслух: «Как же их доставить в Италию?»

Сталин говорит, что это всего 2 мешка по 40–50 килограммов…

Секкья предлагает переправить деньги для ЦК ИКП через советское посольство. Выражает пожелание, чтобы купюры были не мелкие, а достоинством по 100 долларов. Итальянец продолжает благодарить за очередную помощь. Сталин бесцеремонно прерывает:

– Не стоит меня благодарить. Это наш рабочий класс вам помогает…{417} Рабочий класс и не предполагал, что советский вождь, подкармливая, дарит послушным партиям не партийные, а народные деньги мешками. И делал это диктатор весьма часто.

Так, 5 августа 1948 года состоялась обычная ночная встреча Сталина с руководством Испанской компартии: Долорес Ибаррури, Франсиско Антоном и Сантьяго Каррильо. Подле Сталина сидели В.М. Молотов и быстро поднимавшийся по карьерной лестнице М.А. Суслов.

Когда испанцы, рассказывая о положении на своей родине, стали жаловаться на материальные трудности, Сталин перебил:

– Мы можем помочь. Сколько и в какой валюте?

Долорес Ибаррури: лучше в американских долларах.

– Достаточно ли будет пока 600 тысяч американских долларов? – спросил Сталин.

Руководители испанской компартии стали, естественно, дружно благодарить «товарища Сталина». Сумму они просят привезти в Чехословакию, где хранятся их деньги{418}.

Конечно, речь шла не только о привычной денежной инъекции очередной «братской партии». Сталин долго и назидательно поучал испанцев, как объединить все антифашистские силы, как «проникать везде». Рекомендовал организовать «партизанское движение против режима…». Возможно, диктатор вспомнил, что в январе 1937 года он так же рекомендовал в своем письме главе республиканского правительства в Испании Ларго Кабальеро «создавать из крестьян партизанские отряды в тылу фашистской армии»{419}. Тогда не помогло. Может, успех будет сейчас?

Ночные гости старательно помечали «мудрые указания» московского диктатора в своих блокнотах. Сталин же и в ядерный век не хотел отказаться от коминтерновского мышления, правда, трансформируя его. Он был не готов к прямому столкновению с миром капитала, но пытался там, где это было можно, создать для него максимальные трудности, потрясения, организовать партизанские выступления. Не случайно в самом конце своей жизни он назовет свою партию «ударной бригадой», глядя на которую, учась у нее, возникли такие же бригады «от Китая и Кореи до Чехословакии и Венгрии»{420}. А он хотел, чтобы эти бригады возникли по всему миру. Было бы вернее, если бы назвал их не «ударными», а «красными бригадами», возникшими на Западе не без влияния ленинско-сталинской идеологии.

Партизанская борьба после окончания Второй мировой войны стала «пунктиком» Сталина. Он советовал ее разворачивать многим партиям, особенно в странах, где существовали определенные настроения недовольства правящими режимами.

Показательны в этом отношении беседы Сталина с индийскими коммунистами А.К. Голиям, Ш.А. Данте, Рао. Отвечая на заранее переданные письменные вопросы лидеров индийских коммунистов о партизанской борьбе, Сталин решительно советовал шире применять эту форму «революционных действий». Московский лидер выразил отношение и к террору. «Коммунисты, – заявил индусам Сталин, – должны быть за террористические действия масс, но против террористических действий отдельных революционных лиц, «действующих вне массового движения»{421}.

Уж Сталин-то знал толк в терроре. Когда 13 июня 1907 года в 10.30 утра в Тифлисе взлетел на воздух фаэтон, везущий деньги в банк, и началась оглушительная стрельба со всех сторон по конвою, за кулисами большевистской экспроприации стоял рябой Джугашвили. Правда, те 350 тысяч рублей, что захватили боевики большевиков, Ленин и ЦК использовать не смогли. Купюры были не «стандартные», по 500 рублей. Более двух десятков убитых и раненых казаков охраны на совести организатора террористического акта с целью захвата денег…

Когда 2 марта 1951 года руководители Индийской компартии вновь встретились ночью в сталинском кабинете, рассуждения о терроре и партизанской борьбе были продолжены. Сталину поддакивали его «соратники»

Молотов, Маленков, Суслов. Хотя стенограмма называется «записью беседы товарища Сталина с тт. Рао, Данге, Гош и Пуннайя», в действительности это был длинный монолог человека, посчитавшего себя победителем на все времена,

безгрешным оракулом и всевидящим мудрецом.

Все сидели за длинным столом и дружно поворачивали головы за медленно расхаживавшим по огромному кабинету Сталину с традиционной трубкой в руке: «Террор индивидуальный не решит вопроса… Партизанскую войну можно начинать везде, где этого хочет народ… Вам не надо мудрить, отбирайте землю у помещиков, а если отберете у кого-то лишнее – это потом разберетесь. У русских говорят: лес рубят – щепки летят… У вас можно создать хороший режим… Важно уметь отказаться от личных интересов…»{422}

Как все до боли знакомо! Если представить на минуту, что сталинские «ударные бригады» путем «массового террора», партизанской борьбы, демагогии пришли бы к власти во многих странах мира, сколь более разнообразным этнически и географически стал бы большевистский ГУЛАГ!

Ночные диалоги-монологи… О некоторых из них спустя день-другой могли написать в «Правде». Две-три строки. Как, например, 18 июля 1952 года «О приеме товарищем Сталиным П. Ненни, вице-председателя Всемирного Совета Мира». О многих не сообщалось вообще ничего.

Это была стопроцентная тайная коммунистическая дипломатия, которую вел один вождь, а ему помогали его послушные «соратники», дипломатические советские «крепости» в большинстве столиц мира, активная, везде проникающая разведывательная сеть. Сталин наслаждался своей мудростью, щедростью, всезнанием, всесилием.

Пресыщение властью рождает еще большее желание испытать ее наркотическое воздействие. Победа в страшной войне убедила диктатора в его «исторической правоте», правильности его социальной методологии, основанной на насилии, обмане, планируемом пришествии эфемерного лучезарного грядущего.

Тайные беседы Сталина преследовали цель ускорить создание новых красных анклавов на политической карте мира… Чтобы это гарантированно произошло, предметом особой его заботы стал социалистический «лагерь». Правда, сразу после войны этот огромный лагерь называли «народно-демократическими странами».

К Сталину ездили, как в Мекку, не только руководители коммунистических и рабочих партий капиталистических стран, но и лидеры государств, которые благодаря СССР пошли по новому, «социалистическому пути». Впрочем, у них другого выбора и не было, ибо те, кто оказался в сфере «плотного» влияния Москвы, очень быстро почувствовали металлическую хватку Сталина. Клемент Готвальд, Георге Георгиу-Деж, Гомулка,

Димитров, Ракоши, Вильгельм Пик, Энвер Ходжа, Тито, Ким Ир Сен, Чойбалсан и сам Мао Цзэдун совершали паломничество в Москву.

Сталин, решившийся после войны на одну-единственную зарубежную поездку в июле 1945 года в Потсдам (впрочем, за все послереволюционное время это был второй случай, когда он покидал СССР. Во время войны Сталин вылетал еще в Тегеран), считал, что ехать должны к нему, «вождю народов», а не он куда-то.

…Сталин во время работы над бесчисленными бумагами, которые несли ему помощники, временами оставлял их и подходил к окну своего кабинета в Кремле или кунцевской дачи. Отодвинув тяжелую штору, он мог неподвижно стоять, вперив свой взор в никуда. Возможно, не стаи ворон, летавшие с криком над Кремлем, белизна берез в Кунцеве или россыпь звезд ночного неба над столицей занимали мысли диктатора. Он не мог не вспоминать, кем он был до фантастически легкой, нелепой победы в октябре 1917 года. Полубродяга, полуарестант, полуссыльный, не проработавший до переворота, когда ему было уже 37 лет, ни одного дня (!), стал волею невероятных обстоятельств «вождем народов», лидером сотен миллионов людей… Нормального, обычного человека не могла бы не потрясти сама по себе эта сказочная метаморфоза. Но Сталин давно уже не считал себя «обычным» человеком.

Диктатор много думал о Югославии, большой стране, дававшей широкий выход к Средиземному морю, резко повышавшей шансы повстанческого движения под руководством компартии в Греции, генерировавшей заманчивую идею образования на Балканах большой социалистической федерации. В стратегических послевоенных планах Сталина в Европе Югославия занимала почти такое же место, как и Германия. Если Балканы поднимут красный стяг, считай, что почти пол-Европы без «мировой революции» пойдет в кильватере за СССР. Нужно поговорить с Тито. Он сам давно ждет этой встречи.

Сталин уже знал этого человека, жизнь которого с молодости оказалась тесно переплетенной с судьбой советской России. Во время войны в сентябре 1944-го и в апреле 1945 года Сталин встречался с бесспорным лидером югославских коммунистов, возложившим на себя, как и московский вождь, полководческий чин маршала.

Тито с большой делегацией прилетел в Москву 27 мая 1946 года. Здесь он пробудет две недели, обласканный сталинским гостеприимством. Никто еще не знает, что после этой, третьей встречи они никогда больше не пожмут друг другу руки. Это

будет последняя их встреча, после которой через два года смертельная вражда навсегда отодвинет генералиссимуса СССР от маршала Югославии. Ничто в те теплые майские дни 1946 года не предвещало такой драматургии.

Вопреки традиции Сталин принял в Кремле Тито без «паузы» в тот же день. В обычные 23 часа в кабинет Сталина вместе с Тито вошли А. Ранкович, К. Попович, Нешкович, Кидрич, В. Попович. Сталин же пригласил с собой лишь В.М. Молотова и посла СССР в Белграде А.И. Лаврентьева. Обе стороны словно соревновались в выражении любезностей, дружелюбия, взаимных похвал. Атмосфера встречи отражала действительно сердечные отношения двух славянских государств и их народов, существовавшие в ту пору.

Обсудили вопросы налаживания экономических связей между двумя странами, расширения военного сотрудничества и югославско-албанские отношения. Сталин, по обыкновению, был щедр, когда чувствовал, что деньги, станки, хлеб, пушки косвенно будут укреплять СССР. Кремлевский диктатор настаивал на идее создания смешанных экономических обществ, а Тито соглашался с ней. Маршал Югославии, решивший содержать постоянную армию численностью около 400 тысяч человек, уже получил в конце войны и после нее вооружения и боевую технику, достаточные для укомплектования 32 дивизий{423}. Сталин фактически согласился со всеми просьбами югославов в отношении создания у них военной промышленности, новых военных поставок из СССР.

Зашел разговор о включении в Федеративную Югославию Болгарии и Албании. Тито выразил согласие принять Албанию в Федерацию, но с Болгарией, заметил Тито, «ничего не выйдет». На что Сталин бросил жесткую реплику: «Это нужно сделать»{424}. «Вождь народов» настаивал: «На первых порах можно ограничиться пактом о дружбе и взаимной помощи, а по существу делать нужно больше».

Диктатор чувствовал, что может приобрести мощного сателлита, который организует советизирование Балкан. Он не мог и подумать, что так ошибется в Тито…

Сравнительно быстро на переговорах были улажены основные дела, и Сталин предложил участвующим во встрече поехать к нему на дачу в Кунцево, как он выразился, «закусить»{425}. Братская компания расселась в черные лимузины и через двадцать минут была уже на знаменитой сталинской даче. «Закусывали» несколько часов. Тито вручил присутствующим советским руководителям дорогие подарки (платиновые и золотые часы, кольца с бриллиантами и т. д.), привезенные для

дочери Сталина, жены и дочери Молотова, жен Микояна, Жданова, Берии, Булганина, Вышинского, Деканозова, а кроме того, ордена для вручения группе советских военачальников, из которых Г.К. Жуков был уже вычеркнут по настоянию советской стороны{426}. В Кунцево на ужин приехали также Берия, Жданов, Булганин.

К. Попович, начальник генерального штаба югославской армии, с самого начала пристально, с любопытством наблюдавший за Сталиным, много лет спустя напишет: «Я всматривался в Сталина. Он был человеком низкого роста, значительно меньшего, чем это кажется на фотографиях и портретах. У него были необычно узкие, опущенные, как бы деформированные плечи, так что руки он держал на некотором расстоянии от туловища. При улыбке обнажал пожелтевшие редкие зубы. Мне бросилось в глаза, что у Сталина были достаточно жидкие и тонкие волосы, ходил он мягкой походкой». На ужине гости сами накладывали себе пищу из серебряной посуды; там были главным образом грузинские блюда.

Высокая пирушка, в центре которой, естественно, находился Сталин, не обошлась без песен, плясок, объятий, множества тостов. Сталин был в ударе; диктатор говорил не умолкая. Советовал выращивать в Югославии эвкалипты и расспрашивал о Энвере Ходже, выпытывал Ранковича, кто кого быстрее завербует – он Берию или Берия его?

Хозяин дачи сам подбирал патефонные пластинки с русскими романсами, грузинскими песнями, подпевал, притопывая ногами… На вопрос Тито отвечал, что о «новом интернационале» не может быть и речи, а вот создать какой-то координирующий, информационный орган компартиям следовало бы. Между тостами в конце концов решили, что не следует форсировать вопрос о вхождении Албании в Югославскую Федерацию, ибо это «может осложнить международное положение Югославии и Албании»{427}.

Когда в марте 1948 года состоялась вторая встреча Сталина с Энвером Ходжей, то вся она уже прошла под знаком антититовской борьбы. Правда, выпили с тем гостем многовато; накануне встречи у албанского руководителя, страстно обличавшего «клику Тито», родился сын. «От радости, – вспоминал Ходжа, – мы выпили немного больше»{428}.

«Выпили немного больше», и ночью 28 мая на встрече с Тито Сталин был необычайно оживлен.

Где-то под утро Сталин, к словам которого все прислушивались, вдруг начал характеризовать руководителей многих компартий, с которыми он встречался. Словно школьный

учитель, хозяин стал говорить о Пальмиро Тольятти, Морисе Торезе, Хосе Диасе, Долорес Ибаррури, Вильгельме Пике, Клементе Готвальде, Георгии Димитрове, Жаке Дюкло, Гарри Поллите и некоторых других. Вспоминал эти имена добродушно-покровительственно, дружелюбно, отмечая, однако, у большинства из них существенный недостаток: слишком мягки, не могут «собрать людей в кулак». Например, говоря о французском руководителе Торезе, заметил: «Даже собака, которая не кусается, когда хочет кого-то испугать, показывает зубы. Торез не умеет и этого…»{429}

После таких описаний руководителей коммунистических «бригад» Сталин, обращаясь к Тито, улыбаясь, громко сказал: «Береги себя… ибо я не буду долго жить… физические законы… а ты останешься для Европы…»{430}

До отъезда Тито 10 июня 1946 года Сталин еще несколько раз встречался с ним, обговаривая главным образом балканские дела (однажды с участием и Г. Димитрова, приехавшего на похороны декоративного главы советского государства М.И. Калинина), как и вопросы учреждения Коминформа (Коммунистическое информационное бюро).

Никто не мог и подумать, что в течение второй половины 1947-го и первой половины 1948 года отношения между двумя лидерами и партиями дойдут до накаленной вражды. До резолюции Коминформа «О положении в коммунистической партии Югославии» на Белград посыпались очередями обвинения в «торопливости» федеративного строительства, «странном намерении ввести югославскую дивизию в Албанию», в «умалении» советского опыта, о троцкизме руководителей СКЮ, «самовольстве» и «перерождении» и т. д. Когда в конце июня 1948 года в старом королевском дворце Бухареста собралось совещание Информбюро, стало ясно, чем оно закончится. Жданов еще до заседания безапелляционно заявил: «Мы располагаем данными, что Тито иностранный шпион»{431}.

Амбициозность Сталина, привыкшего, чтобы его не только любили, но и боялись, привела к разрыву. Надуманные, в основном, обвинения Москвы как снежный ком скрыли глубинные основы близости двух славянских государств, скрепленные совместной борьбой против фашизма.

«Тайная вечеря» майской ночью с ее сердечностью и весельем теперь казалась зловещим знаком коварства Тито и его соратников.

Сталин после разрыва некоторое время решил выждать. Об этом свидетельствует его телеграмма Готвальду и в копии Тольятти.

«Я получил сообщение Силина о беседе с вами по югославскому вопросу. У меня сложилось впечатление, что вы рассчитываете на поражение Тито и его группы на съезде СКЮ. Вы предлагаете опубликовать компрометирующие материалы на югославских руководителей… Мы, москвичи, не рассчитывали и не рассчитываем на такое скорое поражение группы Тито. Съезд подобран тщательно… Тито на съезде соберет большинство.

Мы добились изоляции СКЮ. В дальнейшем пойдет постепенное отпадение марксистских групп от Тито. Для этого нужно время и умение выжидать. У вас, видимо, не хватает на это терпения… Победа марксизма-ленинизма в Югославии через некоторое время не может подлежать никакому сомнению…

С ком. приветом И. Сталин»{432}.

Не хватило «терпения» и Сталину. Он со злым удивлением вскоре увидел, что Тито «устоял», что он, «вождь народов», далеко не всемогущ…

То было первое после войны поражение Сталина, когда он услышал в ответ на свои домогательства твердое «нет». Поражение, тем более очевидное, что Сталин, не проявив «терпения», отдал команду Берии: «Убрать Тито». Готовилось сразу несколько операций по ликвидации маршала Югославии, в том числе и с участием советского агента-террориста Григулевича. Этот агент, принимавший еще участие в «ликвидации» Троцкого, выдвинулся на дипломатическом поприще в одной из латиноамериканских стран и стал ее послом в Ватикане и по совместительству – в Белграде. В результате Григулевич получил эпизодический доступ к Тито. Среди ряда вариантов покушения остановились на главном: посол вручает Тито коробку с бриллиантовым перстнем. Попытка вынуть его заставит сработать механизм с быстродействующим смертоносным газом. В Москве посчитали, что перстень Тито «померит» после ухода гостя…

Но внезапно умирает Сталин. Операцию отменили, и Тито остался жив.

Гигантская страна строила поражающие воображение гидроэлектростанции, новые заводы и фабрики, начинала тянуть за Полярным кругом тысячекилометровые железнодорожные линии, пыталась изменить климат созданием гигантских лесополос. Задумывались грандиозные планы наступления на пески, рылись новые каналы, строились высотные дворцы. Послевоенный сталинский этап развития страны академик Г.М. Кржижановский видел расцвеченным «великолепными красками». По его мнению, «эти светлые годы навсегда останутся в истории человечества, а имена гениев пролетарской революции, зодчих

коммунизма – Ленина и Сталина – будут, как звезды, сверкать перед восхищенными глазами будущих поколений»{433}. Конечно, не мог академик написать, что почти все сооружения, расцвеченные «великолепными красками», потребовали новых миллионов людей в тюремных бушлатах. Помню, когда нас, группу офицеров-экскурсантов, привезли на гигантскую Куйбышевскую ГЭС, я везде видел только заключенных и стрелков охраны с винтовками, автоматами. Когда мы проходили мимо бетономешалки, где несколько зэков копались около агрегата, один из них, с впалыми щеками и тонкими руками, вполголоса с сарказмом бросил людям в погонах:

– Расскажите, как мы работаем на великих стройках коммунизма.

Но великому «зодчему коммунизма» приходилось заниматься не только «великими стройками» (где трудились миллионы заключенных), но и вести сложные дипломатические игры. Сталин до конца своих дней убежденно верил, что капитализм в конечном счете потерпит глобальное поражение и вся планета станет «красной». Такие диалоги, закрытые встречи, большая игра продолжались по многим направлениям. Кроме англо-американского; там все ясно. Они, американцы, англичане, уважают лишь силу, и мы тоже. Читая текст речи Уинстона Черчилля в Вестминстерском колледже в Фултоне 5 марта 1946 года, Сталин мог поймать себя на мысли, что он согласен с оратором: «…Русские больше всего восхищаются силой, и нет ничего такого, к чему бы они питали меньше уважения, чем военная власть». Сталин подчеркнул слова Черчилля в его речи: «Никто не знает, что Советская Россия и ее коммунистическая международная организация намереваются сделать в ближайшем будущем, или каковы границы, если таковые существуют, их экспансионистских тенденций…».

Сталин-то знал, что этих границ не существует. Ему, его движению, его партиям нужен был весь мир. Даже «борьба за мир», о которой он так много говорил, маскируя свои глобальные цели, имела для него конкретную цель: при определенном стечении обстоятельств «это будет уже не современное движение за мир, а движение за свержение капитализма…»{434}.

Какие уж тут границы экспансии…

Исходя из глобальных целей, Сталин продолжал пристально наблюдать за тем, как развивались события в Китае. Москва долго делала ставку на Гоминьдан, на Чан Кайши. Затем Сталин хотел добиться сотрудничества Чан Кайши и Мао Цзэдуна, Гоминьдана и компартии Китая. Московскому лидеру в конце концов было не так важно, какое правительство сядет в Пекине; главное, чтобы

оно являлось антиимпериалистическим, дружественным Москве. Как все большие политики, Сталин был циничным прагматиком. Он нуждался в Китае как стратегическом союзнике. Кто будет его возглавлять – дело второстепенное, тем более сама личность Мао Цзэдуна его давно настораживала.

Сталин помнит содержание своей шифрованной телеграммы в Пекин Чан Кайши в декабре 1941 года, после нападения Японии на США.

«…Я очень прошу Вас не настаивать на том, чтобы СССР немедля объявил войну Японии. Конечно, Советскому Союзу придется воевать с Японией, так как Япония безусловно нарушит пакт о нейтралитете (! – *Д.В.*), и к этому надо быть готовым. Но подготовка требует времени, а также того, чтобы мы предварительно разделались с Германией. Поэтому еще раз прошу Вас не настаивать на том, чтобы СССР немедля объявил войну Японии…»{435}

Еще в 1946 году Сталин делал ставку на Чан Кайши. В беседе в начале января 1946 года с Цзян Цинго Сталин заявил, что «советское правительство отозвало своих представителей из Яньани (местонахождение «ставки» Мао Цзэдуна), так как оно было не согласно с действиями китайских коммунистов. Советское правительство признает правительство Чан Кайши как законное правительство Китая. В стране не должно быть двух правительств и двух армий…»{436}.

Цзян Цинго спрашивает: не поднимется ли Япония после поражения? Сталин успокоил: «Советский Союз будет добиваться того, чтобы лишить Японию возможности возродиться как агрессивной державе. Для этого нужно лишить Японию военных кадров путем пленения 500–600 тысяч офицеров и ареста около 12 тысяч японского генералитета».

Цзян Цинго на прощание сказал, что Чан Кайши и Мао Цзэдун не доверяют друг другу. Но Сталин примирительно говорит: «Сосуществование Гоминьдана с Компартией возможно на долгие годы…»{437} Насколько он ошибся! А теперь вот приходится принимать Мао в Москве, как победителя…

Поездка в Москву планировалась раньше, но болезнь, неотложные дела у Мао мешали ее осуществить. Получая шифровки из Особого района Китая, Сталин подолгу читал переведенные на русский сообщения от Мао. Дивился китайским масштабам: «…Мы под Сюйчжоу покончили с 35 полными дивизиями армии Гоминьдана». Теперь количество войск у Гоминьдана будет уменьшено до 170 дивизий… «В операции по окружению Ду Юй-Мина участвует 1 млн 200 тыс. человек…» Взгляд Сталина, возможно, задержался на заключительных

строчках телеграммы Мао: «Прошу Вас доложить настоящую телеграмму товарищу главному хозяину и ЦК ВКП(б)»[438]. Даже Мао не знал, что кроме «главного хозяина» докладывать было некому…

По просьбе, поступившей из Особого района Китая, Сталин распорядился выслать самолет за женой китайского вождя Цзян Цин и его дочерью Ли Ла, пожелавших пройти медицинское обследование в Москве.

И вот ночная встреча с самим Мао у Сталина в кабинете 16 декабря 1949 года. Молотов, Маленков, Булганин, Вышинский вместе с «хозяином» поднялись навстречу китайскому лидеру. Минут двадцать говорили на «общие темы», обменивались любезностями, присматривались друг к другу. Мао начал необычно: «Китай нуждается в мирной передышке продолжительностью в 3–5 лет… ЦК КПК поручил мне выяснить у Вас, каким образом и насколько обеспечен международный мир?»

Сталин успокоил, что непосредственной угрозы для Китая в настоящее время не существует: «Япония еще не встала на ноги… Америка, хотя и кричит о войне, ее боится… в Европе запуганы войной… с Китаем некому воевать. Разве Ким Ир Сен, – засмеялся Сталин, – пойдет на Китай?»

Говорили о договоре дружбы, союзе и взаимопомощи между Китаем и СССР, о Порт-Артуре, о большом кредите для Пекина, о помощи СССР в создании Китаем морского флота, военной промышленности, связи. Сталин щедро обещал широкую помощь.

Затем Мао завел разговор о том, что они, китайцы, видят трудности в занятии острова Формозы Народно-освободительной армией. Нельзя ли использовать «советских летчиков-волонтеров или секретные воинские части для ускорения захвата Формозы»?

Сталин старается уклониться от этой щекотливой просьбы: можем дать «повод американцам для вмешательства». Но, как всегда, его дьявольски изощренный ум находит неожиданный выход: «Можно было бы отобрать роту десантников, забросить на Формозу и через них организовать восстание на острове…»[439]

Сталин неожиданно предложил Мао издать его работы на русском языке. Мао сразу же согласился, попросив редактировать его труды опытных специалистов-марксистов. В апреле 1950 года в Пекин был направлен известный в цековских верхах обществовед Юдин. Кремлевский «хозяин» кое-что читал из того, что переводили ему на русский. Он помнил, например, статью Мао: «Сталин – друг китайского народа», написанную лидером коммунистов к шестидесятилетию советского вождя.

В тексте перевода панегирика есть подчеркнутые синим карандашом советского диктатора строки: «Чествовать Сталина –

это значит стоять за него, за его дело, за победу социализма, за тот путь, который он указывает человечеству… Ведь сейчас огромное большинство человечества живет в муках, и только путь, указываемый Сталиным, только помощь Сталина может избавить человечество от бедствий»{440}. Мао не остался в долгу. Позже в Москву поступило официальное предложение ЦК КПК об издании «сочинений товарища Сталина на китайском языке»{441}. Кремлевский вождь, конечно, согласился.

Долгие ночные беседы (часто за обильным столом), которые имел Сталин с этим весьма необычным человеком, ставили перед советским лидером трудноразрешимую проблему: как до конца понять человека совсем другой цивилизации, другой культуры, другого типа мышления? Философские диалоги, заводимые китайцами, были туманны, необычны, загадочны. Сталина занимали склонность Мао к афоризмам и ссылки на древние философские авторитеты как систему аргументов. Кремлевский хозяин не хотел взглянуть на себя; все его речи и доклады – тоже обильное цитирование, но… лишь одного человека. Речь Мао, которую пытались донести до вождя переводчики Федоренко и Ши Чжэ, художественно, образно была витиеватой, но и более богатой, чем у «хозяина». Мао ссылался на «четверокнижие» Конфуция, упоминал «Северные песни на южный лад» Лу Миня, опирался на поэта Танской эпохи Хань Юя, цитировал стихи «Белый снег солнечной весной…».

Сталин хотел понять потайной смысл аллегорий исторических экскурсов вельможного китайца, уже вжившегося в роль «великого вождя». На кремлевского диктатора произвела большое впечатление старинная китайская притча, рассказанная однажды ему в беседе Мао Цзэдуном.

…На Севере Китая жил старик по имени Юй-гун («глупый дед»). Дорогу от его дома на юг преграждали две большие горы. Юй-гун решил вместе с сыновьями срыть эти горы мотыгами. Увидев это, другой старик, Чжи-соу («мудрый старец»), рассмеялся и сказал: «Где же вам срыть такие горы? Глупостями занимаетесь…» Юй-гун ответил: «Я умру – останутся дети, дети умрут – останутся внуки, и так поколения будут сменять друг друга бесконечной чередой. Горы высоки, но выше уже стать не могут: сколько сроем, настолько они и уменьшатся. Почему же нам не под силу их срыть?» Юй-гун продолжал рыть горы… Это растрогало бога, и он унес эти горы…

Сталин помолчал и негромко прокомментировал: «Диалектика». А Мао заключил: сейчас две большие горы давят на Китай: феодализм и империализм{442}.

Мао находился в Москве до середины февраля, и у Сталина

было несколько встреч с китайским лидером. Конкретизация достигнутых соглашений между Сталиным и Мао осуществлялась с помощью Чжоу Эньлая, не раз приезжавшего в Москву. Например, в августе 1952 года Сталин и Чжоу сошлись на том, что СССР будет помогать строить в Китае 151 крупное предприятие…

В разговорах с Мао и Чжоу, как и с другими зарубежными визитерами, Сталин полно раскрывался в своем большевистском цинизме.

Так, 3 сентября 1952 года он сказал Чжоу Эньлаю: «Хорошо, если бы в Бирме было прокитайское правительство. В бирманском правительстве немало жуликов, изображающих из себя каких-то деятелей…»

Узнав, что китайцы подавили восстание в Тибете, советский собеседник посоветовал: «Надо туда строить дорогу. Без дороги трудно поддерживать в Тибете должный порядок. Тибетские ламы продаются кому угодно – и американцам, и англичанам, и индусам, всем, кто больше заплатит…»{443} Когда Мао в беседе со Сталиным 22 января 1950 года засомневался, что их договоренность «задевает решения Ялтинской конференции…», Сталин ответил: «Верно, задевает, ну и черт с ним! Раз мы стали на позицию изменения договоров, значит, нужно идти до конца…»{444}

Одно отступление. После визитов Чжоу Эньлая в Москву стороны, естественно, устраивали приемы. Так вот, китайский премьер 14 февраля 1950 года и 18 сентября 1952 года приглашал генералиссимуса Сталина в гостиницу «Метрополь» на прием «вместе с супругой»{445}. «Протокольщики» разъясняли китайцам: Сталин – вдовец. Но посланцы из Пекина не могли понять, как такой «великий вождь» не имеет жены…

Второй советский вождь, будучи государственником до мозга костей, был готов нарушать любые соглашения и договоренности, если это служило интересам его политики и укрепляло позиции СССР. Когда в апреле 1952 года он вел свои традиционные ночные переговоры с В. Пиком, В. Ульбрихтом, 0. Гротеволем, однажды зашел разговор, «нужно ли предпринимать какие-либо шаги по созданию армии ГДР»? Советский победитель Германии перебил:

– Не шаги, а армию надо создавать. Что такое «шаги»?

Наставляя немецких лидеров, в основном просивших хлеба, руды, чугуна, листового железа, меди, свинца, хлопка, кредитов, Сталин выделял «главное»: надо строить колхозы, хорошую полицию, проводить публичные процессы над диверсантами с Запада…

В заключение беседы Пик благодарит Сталина за направление в Берлин оркестра на юбилей Бетховена… Сталин, поднимаясь из-за стола и улыбаясь, замечает, что музыка хорошо, «но армию иметь интереснее»{446}. Естественно, интереснее, ведь Сталин любил и уважал только силу.

Внешнеполитическое мышление Сталина, о чем говорят и его ночные диалоги, было основано на коминтерновских стереотипах и российской великодержавности.

Коминтерновская заданность была у Сталина всегда. Свое последнее крупное публичное выступление 14 октября 1952 года на XIX съезде партии Сталин посвятил, по сути, мировой революции, но той, что должна произойти в новой форме. Да, мировой революции! Хотя этого слова в речи нет. В своей последней крупной работе «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталин выдвинул тезис, что борьба за мир может вылиться в борьбу «за социализм», «за свержение капитализма»{447}. Для диктатора борьба за мир, говорил он на XIX съезде, есть борьба за «освобождение». Вот почему вполне понятен последний возглас в его речи:

– Долой поджигателей войны!{448}

Как это перекликается с его выводом, сделанным годом раньше: «Чтобы устранить неизбежность войн, нужно уничтожить империализм!»{449}. Борьба с «поджигателями войны» – борьба за социализм. Такова эволюция коминтерновского мышления Сталина. Его тайные диалоги, стремление укреплять все новые и новые «ударные бригады» есть не что иное, как модернизация ленинской концепции мировой революции.

Что касается российской, а точнее советской, великодержавности, Сталин был не намерен останавливаться на территориальных приобретениях 1939 года. Та же балканская федерация, которой он поначалу бредил, должна была со временем слиться с СССР. К слову, противник Тито в советско-югославском конфликте (пока не покаялся в конце 1950 года) С. Жуйович на пленуме ЦК СКЮ в апреле 1948 года заявил: «Я считаю, что наша цель состоит в том, чтобы наша страна вошла в состав СССР»{450}.

Об этих планах Сталин публично не распространялся, но по ряду косвенных признаков они у него реально существовали. Впрочем, не могли не существовать. Помните, в приветствии Ленина Венгерской советской республике вождь провозглашал: «…недалеко то время, когда во всем мире победит коммунизм… Да здравствует международная коммунистическая республика!»{451} Но ведь Сталин вскоре после этого заявит, что «базой», основой этой республики будет СССР…

«Хозяин» уважал только силу, размеры, вес. Его возмущало, например, что Доминиканская Республика имеет в ООН такой же голос, как и Индия{452}. Вождю было невдомек, что высшее проявление демократии, о которой он любил распинаться, это забота о правах не только большинства, но и меньшинства. Сталин, будучи самым могущественным властелином в середине XX столетия, порой хотел внутри страны играть роль Ивана Грозного, в делах внешних-Александра I, в социалистическом «лагере» – «Ленина сегодня». Ночные диалоги не только оттеняют грани второго вождя СССР, но и высвечивают вектор внешней политики великого государства в те годы.

Сталин хотел «делать историю». Но она своенравна; в конце концов, только сама история выбирает собственное русло.

«Бумаги» Сталина

Человек, обладающий историческим воображением, способен в своем сознании реставрировать давно ушедшие миры. Можно представить сцену исторического бытия, на которой тени давно исчезнувших персонажей продолжают играть роли давно законченных спектаклей. Мир прошлого вечен в своей мистичности. Он способен волновать человека так же, как уникальные кадры старой кинохроники, просматривая которые, не забываешь, что основная, абсолютно большая часть человеческой жизни не нашла своего отражения ни на кинопленке, ни на дагеротипах навсегда ушедшего былого.

А воображение по-прежнему высвечивает мыслью призрачную сцену, на которую мы, как спиритуалисты, вызвали сейчас усатого генералиссимуса с узкими, низко опущенными плечами в золоте погон… Мы смотрим, словно в бинокль, но с обратной стороны, на уменьшенные временем фигуры давно сыгранного трагического спектакля российской истории.

Однако наше воображение не просто мистика. Оно опирается на необъятный материальный мир, где прошедшие по земле люди оставляют множество следов, нередко вечных. Есть люди, которые быстро проваливаются в пропасть истории, и через два-три поколения о них не может вспомнить никто и ничего. В этом горечь человеческой необратимости. Попробуйте, например, вспомнить имя, отчество ваших прабабушки, прадедушки… Большинство, к сожалению, этого не смогут сделать.

Но не количеством людей, которые сохранили память об ушедших, определяется нравственное величие человека, а деяниями, которые помогли подняться новой доброй человеческой поросли, хотя бы одной спасенной душой.

И наоборот, можно остаться в памяти миллионов на века, но не заслужить тепла доброй памяти. И вновь все зависит от деяний, свершений этой личности. Как сказали бы в старину: от богатства или отсутствия «добродетелей и благомыслия».

Следы Джугашвили-Сталина, оставленные им на тверди Отечества, несмываемы. Это не только тысячи домов «сталинской архитектуры», каналы, новые дороги, множество домен, шахт и заводов, созданных, к слову, в основном подневольным трудом миллионов безвестных заключенных его ГУЛАГа. Это не только атомные и водородные бомбы. Цепкие пальцы высохшей руки «вождя народов» держали в повиновении почти треть мира. Пожалуй, в истории ни один диктатор не обладал такой чудовищной властью.

Следы советского диктатора кровавы. За три десятилетия своего владычества государство, созданное Лениным и «отлаженное» Сталиным, лишило жизни миллионы соотечественников. Только с 1929 года (начало коллективизации в СССР) до своей кончины в 1953 году под его «гениальным руководством» было репрессировано 21,5 миллиона советских людей. Никто и никогда в истории, кроме Сталина, не развязывал столь долгой и страшной войны против собственного народа. Кровь этих следов не будет смыта никогда.

В огромной мере о деяниях второго вождя мы знаем не только по рассказам, преданиям, свидетельствам лиц, отдавших лучшие годы сталинским лагерям, и трагедиям близких, но и по огромному числу его «бумаг», где он оставил свои письменные следы, сохранившиеся в партийных архивах.

Но, конечно, существовали «бумаги», тексты, которые были просто обязаны читать и изучать миллионы людей. Это тринадцать томов примитивных, простеньких, схематичных «трудов» Сталина. Наряду с его докладами, статьями, в «чертовой дюжине» томов множество различных ответов на письма, реплик, личных и общественных посланий политического характера. Таких, например, как это.

В ответ на многочисленные поздравления в связи с 50-летием Сталина «великий ленинец» через газету отвечает: «Ваши поздравления и приветствия отношу на счет великой партии рабочего класса, родившей и воспитавшей меня по образу своему и подобию». Духовное полуобразование, судя по этой строке, было весьма глубоким. Последняя фраза этого послания тоже весьма примечательна: «Можете не сомневаться, товарищи, что я готов и впредь отдать делу рабочего класса, делу пролетарской революции и мирового коммунизма все свои силы, все свои способности и, если понадобится, всю свою кровь, каплю за каплей»{453}.

Сталинская кровавая аллегория в свете его последующих деяний сегодня звучит особо зловеще.

Было подготовлено еще два тома, которыми, кстати, не планировалось завершить издание, но смерть вождя помешала их выходу.

Эти два тома, никогда не увидевшие свет в СССР, – любопытны. Макет 14-го тома охватывает период с 1934 по 1940 год. Он был подготовлен к печати еще в 1946 году, но Сталин по одному ему известному соображению не разрешил его «пока» публиковать. Может быть, его напугала репрессивная тематика тома? Одно выступление тирана на мартовском пленуме ЦК 1937 года приводит в дрожь…{454}

Том 15-й, почти полностью посвященный Великой Отечественной войне и международным вопросам, охватывает период с июля 1941 года (обращение Сталина к народу) по март 1953 года. Привлекает внимание интервью (было задано всего два вопроса, а точнее, их никто не задавал). Сталин продиктовал и вопросы, и ответы, и их опубликовали в «Правде» 6 октября 1951 года.

Кремлевский диктатор касается советских испытаний атомных бомб различных калибров, которые будут проводиться и впредь по плану обороны нашей страны от нападения англо-американского блока.

Чтение интересное; погружаешься совсем в другую эпоху, на полвека назад{455}. Есть основание считать, что Сталин готовился переиздать все свое собрание сочинений, и тогда, после исторической корректуры, недостающие тома, видимо, увидели бы свет.

Было опубликовано множество сборников и отдельных работ вождя: «О проекте Конституции Союза ССР», «О Великой Отечественной войне Советского Союза», «Марксизм и вопросы языкознания», «Экономические проблемы социализма в СССР», речи на пленумах ЦК, партийных съездах. В начале восхождения Сталина к вершине власти были изданы сборники «На путях к октябрю», «Марксизм и национально-колониальный вопрос», «Об оппозиции», «О Ленине», «Статьи и речи об Украине», «Крестьянский вопрос», «О комсомоле» и другие.

Настольными книгами (во всяком случае, этого добивались) у многих граждан были «Краткий курс истории ВКП(б)» и краткая биография самого вождя. Помню, за успехи в учебе мне в 1943 году вручили биографию Сталина…

В биографии Сталина есть строки: в «Кратком курсе истории ВКП(б)» «дано в предельно ясной и сжатой форме гениальное изложение основ диалектического и исторического материализма», что является подлинной вершиной марксистско-ленинской философской мысли»{456}. В библии большевиков, творение которой приписывают Сталину, множество выводов, ошибочность которых была давно убедительно показана еще Каутским, Бернштейном, Плехановым. Сталин, например, пишет: «Переход от капитализма к социализму и освобождение рабочего класса от капиталистического гнета могут быть осуществлены не путем медленных изменений, не путем реформ, а только лишь путем качественного изменения капиталистического строя, путем революции. Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо быть революционером, а не реформистом»{457}.

Теоретические «бумаги» Сталина полны несуразностей,

саморазоблачений, вульгаризмов. Они буквально в каждой работе «гениального» теоретика.

Сталину очень нравится его партия с военной дисциплиной, исполнительностью, беспрекословным послушанием. По сути, ВКП(б) – прообраз того общества, которое создавали Ленин и его ученики. Выступая с докладом в начале марта 1937 года на пленуме ЦК ВКП(б), Сталин называет высший, средний и низший состав партийного руководства, соответственно: генералитет, офицерство, унтер-офицерство{458}. Как это «созвучно» с намерениями Сталина добиться новых успехов «на фронте освобождения человечества»{459}.

Сталин слыл знатоком национального вопроса, написал в этой области немало статей. Не мог обойти, конечно, и вопроса «ассимиляции» евреев и их положения в России. «Знаток» проблемы пишет в 1913 году, что «вопрос о национальной автономии для русских евреев принимает несколько курьезный характер; предлагают автономию для нации, будущность которой отрицается, существование которой еще нужно доказать!».

Не ограничиваясь рассуждениями о «национальной автономии» евреев, будущий «вождь народов» рассматривает ее через «культурную» призму. Культурно-национальная автономия, ее учреждения, пишет Джугашвили, «становится еще вредней, когда ее навязывают «нации», существование и будущность которой подлежит сомнению»{460}.

Сталин убежден, что еврейская нация едва ли может существовать и иметь будущее! Подобное писал «теоретик» национального вопроса большевиков! Придет время, когда он обогатит эту «теорию» высылкой целых народов, всяческим поощрением едва прикрытого антисемитизма, утверждениями, что в мире существуют «агрессивные» и «неагрессивные» нации. Да и с антисемитами он готов бороться «собственными» средствами. Когда в январе 1931 года «Еврейское телеграфное агентство» запросило Сталина о его отношении к этому вопросу, он ответил языком, который трудно с чьим-либо спутать: «Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью»{461}. Правда, карались так очень многие. Но антисемиты ли?

Генералиссимус, одержавший победу вместе с союзниками во Второй мировой войне, понеся при этом за счет своих преступных просчетов неоправданно огромное количество жертв, конечно же, знал, что в конце концов у войн нет будущего. Повторяя, однако, ветхий марксистский тезис о неизбежности войн при капитализме, Сталин догматически предрекает, что «капиталистическая Англия» и «капиталистическая Франция»

будут вынуждены «вырваться из объятий США и пойти на конфликт с ними». А посему это подтверждает, считает «гениальный» теоретик, старый марксистский постулат о том, «что неизбежность войн между капиталистическими странами остается в силе»[462].

Мы, люди того, «сталинского» поколения, чье сознание было схвачено обручем примитивного догматизма, в свое время не могли видеть потрясающего убожества и примитивизма этих, с позволения сказать, «теоретических» выкладок. Но вся горечь этого «обогащения марксизма-ленинизма» заключается в том, что оно служило обоснованием конкретной большевистской политики.

Теоретические «бумаги» Сталина под стать всему его иному письменному творчеству: запискам, пометкам в рабочих тетрадях, резолюциям, редакторской правке государственных и партийных текстов, диктовкам своим секретарям.

Сталинское письменное наследие огромно; многие тысячи деловых бумаг сохранили следы его работы с ними. По сути, это одна из важнейших объективных составляющих, с помощью которой можно дать характеристику второго вождя ленинской Системы. Правда, при этом следует учитывать, что и при жизни Сталина, и особенно после его смерти, личный фонд вождя подвергался неоднократной чистке. Диктатор нередко, рассмотрев представленные материалы, приказывал их уничтожить, предварительно отдав устные распоряжения Поскребышеву. А иногда и письменные. Такие случаи нечасто, но отмечены.

«Особая папка».

«Т. Давыдову.

Прошу непринятые документы уничтожить.

И.С.»[463].

Многое исчезло после кончины Сталина. Когда был арестован Берия, Н.С. Хрущев распорядился «арестовать» его личный архив, где находилось множество документов, направленных Сталиным в НКВД. Комиссия, созданная по этому случаю, сочла за «благо», не рассматривая, сжечь по акту, не читая, 11 мешков документов (!), по всей видимости, уникальных… Члены высшей партийной коллегии боялись, что в этих бумагах есть компрометирующие их материалы. Многие сталинские распоряжения и резолюции, адресованные Л.П. Берии, попавшие в костер комиссии, навсегда останутся тайной истории. Беседуя в апреле 1988 года с А.Н. Шелепиным, бывшим шефом КГБ, я выяснил, что очень большая чистка сталинского архива была проведена генералом армии И.А. Серовым по личному распоряжению Н.С. Хрущева. Свои указания

Серову первый секретарь отдавал в моем присутствии, сказал Шелепин.

– Нужно просмотреть все бумаги с «расстрельными» списками, на которых стоят подписи не только Сталина… Выявите и доложите их мне.

Хрущев явно хотел обезопасить лично себя от прямой ответственности за репрессии конца 30-х годов. Ведь, как известно, к решению этих страшных дел были причастны почти все высшие руководители партии и страны. Через два-три месяца, сказал Шелепин, Серов передал Хрущеву несколько пухлых папок с документами.

– Где же они сейчас?

– Думаю, что теперь их просто не существует, – спокойно ответил Шелепин.

Несмотря на эти «чистки» архивов, следы сталинской деятельности впечатляющи и позволяют не только более рельефно представить силуэт второго вождя, но и глубже оценить достроенную им после Ленина систему.

Заметим в связи с «архивным акцентом» темы вот что: Сталина всегда интересовали архивы. Он нередко запрашивал у НКВД уникальные документы, рукописи, письменные свидетельства. Вскоре после нападения Германии на СССР Сталин распорядился вывезти важнейшие архивные фонды ЦК ВКП(б), других хранилищ в количестве 5 миллионов дел в Чкалов (Оренбург) и Саратов, выделив для этого 200 вагонов{464}.

После окончания войны ему доложили, что в Праге хранится огромный «Русский зарубежный архив», где сосредоточены документы таких деятелей, как Деникин, Петлюра, Алексеев, Савинков, Чернов, Милюков, Брусилов и многих, многих других. В начале января 1946 года НКВД доставил в Москву 9 вагонов бесценных документов. «Разбор и использование» их были поручены Главному архивному управлению того же НКВД{465}. Множество материалов после этого «разбора» исчезли бесследно.

Но мы отвлеклись…

На заседаниях «позднего» сталинского политбюро его члены вели себя по-разному. В.М. Молотов был сосредоточен, лишь изредка что-то помечал в блокноте. К.Е. Ворошилов сидел безучастно, встряхиваясь лишь в минуты, когда выступал или говорил Сталин. Л.П. Берия, редко вмешиваясь в обсуждение, отвечая только на вопросы лидера, нет-нет зачем-то поднимал к себе на колени портфель, стоявший у его ног, начинал искать какие-то бумаги. Г.М. Маленков был весь внимание, всегда в готовности дать нужную справку или разъяснение. Н.А. Вознесенский, Н.А. Булганин, А.А. Жданов активно вели себя

лишь в случаях, когда обсуждались их вопросы. Практически всегда молчал, пока не умер в июне 1946 года, Калинин. Почти такими же незаметными были и А.А. Андреев с Н.А. Шверником. А вот Л.М. Каганович, Н.С. Хрущев, А.И. Микоян нередко «встревали» в обсуждение по любому вопросу.

Сталин сидел во главе длинного стола, не выпуская из руки карандаша. Резолюции, пометки на документах он обычно делал своим синим карандашом. На письменном столе всегда стояла стопочка остро отточенных карандашей, главным образом этого же цвета. Когда же диктатор начинал писать длинный текст, то пользовался ручкой.

В специальных сталинских блокнотах «К заседанию бюро» (хотя это могло быть любое иное совещание) всегда множество записей, пометок, фамилий, цифр, часто для непосвященного совсем непонятных. Вот некоторые записи Сталина в его блокнотах, сделанные в 30-40-е годы (обычно он не метил датой свои записи).

«На совещании ПП ОГПУ 3 мая 1933 г.

1) Кто может арестовывать?

2) Как быть с бывшими белыми военными в наших хозорганах?

3) Тюрьмы разгрузить…

4) Как быть с разными группами арестованных?»

На этом же совещании рассматривался вопрос о высланных и «дополнительном выселении» кулаков на Север и в Сибирь. Сталинской рукой записано:

«Укр.	– 145 тыс.	Закавказье	– 23 тыс.
Сев. К.	– 71 тыс.	Горьковская обл.	– 29 тыс.
Моск. обл.	– 58 тыс.	Крым	– 5 тыс.
Ленингр. обл.	– 44 тыс.	Башк.	– 1 тыс.
Зап. обл.	– 23 тыс.	Тат. респ.	– 12 тыс.
Урал	– 50 тыс.	Ив.-Возн.	–21 тыс...
ЦЧО	– 34 тыс.		

{466}

Едва заметным движением руки диктатора рождались цифры, перечеркивавшие жизнь бессчетного количества людей.

Карательная, репрессивная тема в рабочих записях Сталина встречается часто, ибо на протяжении всего его владычества над огромной страной проблема террора никогда не уходила в тень.

…Обсуждается (вероятно, в середине 30-х годов) закон о прекращении рабочей миграции. Сталинским карандашом: «Сегодня же сговориться:

1) В законе об ушедших с завода рабочих и о лишении их квартир, вытекающем из факта их ухода с завода. Соединить с законом о лишении таких рабочих соответствующих карточек…

2) Разгрузка Москвы и Ленинграда и паспортная система»{467}.

Теперь-то мы давно уже знаем, что инициатором драконовских антирабочих законов был сам Сталин, именно он додумался сделать прописку в городах инструментом контроля спецслужб, по его предложению у крестьян отобрали паспорта, окончательно превратив их в бесправное сословие крепостных. А начиналось все прозаически. С записей синим карандашом в специальном блокноте «К заседанию бюро…».

А вот записи, вероятно, тоже середины 30-х годов во время одного из заседаний политбюро (как правило, свои мысли Сталин, будучи последовательным схематиком, всегда «нумеровал»: на заседаниях, в докладах, статьях).

«1) Часть поляков (агентов Пилсудского) арестовали. А как другие поляки?

2) Каковы результаты привлечения «Коммунара» прокурором?

3) Мы более всего отстали в области морской авиации. Надо немедля расшить это дело…

6) 0 вредительстве в артиллерийском производстве и др. поднять шум.

7) Разрешить вопросы Горького»{468}.

Вопросы карательных органов, поисков «врагов народа», заботы об избранных деятелях культуры, как и первостепенное внимание военному производству, можно найти в любом из сталинских блокнотов.

Сталин любил встречаться, беседовать с директорами военных заводов, изобретателями, конструкторами боевой техники. По памяти знал практически номера всех оборонных заводов, главных создателей образцов новой техники и вооружения. Вот вождь беседует с авиаконструктором Поликарповым. В блокноте помечено:

«1) Турбокомпрессор

2) Винты – плохо

1) Воздушный радиатор самые важные вопросы

2) Двухскоростные нагнетатели.

3) Турбокомпрессоры.

4) Центральный поддув».

Далее пометки о моторах (в США и у нас), на кого «надавить», как сократить сроки выхода «изделия», «повысить ответственность» и т. д.{469}

Рассматривая рабочие записи, «бумаги» Сталина, порой

можно подумать, что он шеф спецслужб, другой раз – что перед вами записи наркома авиационной промышленности или мецената. Уникальная, единственная в своем роде «должность» великого «вождя народов» выражала не столько личностное обожествление диктатора, сколько закономерную в ленинском государстве, абсолютно бесконтрольную концентрацию полноты всей власти в одних руках. Ни один российский император не обладал столь безграничными возможностями распоряжаться своими ресурсами, подданными, их волей и мыслью.

Иногда в сталинских блокнотах можно обнаружить нечто вроде личных «откровений» перед самим собою:

«Хорошо почаще устраивать драчки:
становишься вдруг (после драчки)
респектабельным, черт побери»{470}.

Можно найти в блокнотах и «теоретические заметки», мысли, которые вождь, вероятно, намеревался использовать. Вот такие, например:

«Реформизм – забвение конечной цели и основного средства для достижения конечной цели – т. е. диктатуры пролетариата». Здесь же строка: «Компромиссы, т. е. оппортунизм, – область «тактики». Даже двух этих фраз достаточно, чтобы судить об ущербном мироощущении вождя.

Почти все выдающиеся люди что-то оставляют потомкам, запечатленное в текстах. Марк Аврелий, император-философ, например, писал для себя «Размышления». Для себя… Может быть, поэтому они и сегодня волнуют нас, а не только потому, что в «Размышлениях» вечные темы о жизни и смерти людей, их добродетелях и порочности, призрачности славы. Энергия мысли, обращенная к себе и не рассчитанная на суд других, оказалась вечной.

Сталинские же пометки тусклы и сумрачны.

Сталин, вопреки расхожему мнению, был очень плохим стилистом и редактором. Его примитивные фразы очень тавтологичны. Вы заметили, в фразе о реформизме два раза слово «цель». В рукописных материалах я встречал многие предложения, в которых одно и то же слово повторялось три-пять раз! В «трудах» трясущиеся редакторы со страхом освобождали текст от этого мусора.

Диктатор в своих бумагах нередко размышляет о вопросах политики, руководства, стратегии. Видно, что Сталин возвращался к этим заметкам (есть подчеркивания карандашом другого цвета). В одном из блокнотов фрагмент «Стратегическое руководство».

«1) Не терять курс.

2) Не терять темп.

3) Верно определять момент перехода от одного тактического плана к другому.

4) Разумно маневрировать»[471].

Видно, что, делая многочисленные записи в своих блокнотах «К заседанию бюро», Сталин просто размышляет, раздумывает с карандашом в руке:

– Провести конкурс на хорошую пьесу.

– Наградить Вишневского, Дзигана и др.

– О учебнике по истории ВКП(б).

– Поговорить о историках (Ярославский).

– Послать человек 50–60 (пока что) офицеров-артиллеристов во Францию (а Савченко? Тухачевский?).

– Канал Волга-Москва (Ежов, Берман, Жук)…[472].

Планы-размышления, указания-распоряжения. По ним можно довольно точно проследить грядущие события в стране, перемены в ее жизни, новые большевистские «почины». При этом в своих блокнотах Сталин почти никогда не записывал то, что говорили его коллеги. Он не упоминает их, как будто это просто тени, антураж его страшной власти. Даже если можно найти фразу: «Вопрос Ворошилова», то напрасно искать идею, мысль, которая заинтересовала вождя в выступлении наркома обороны. Просто идет речь о ходе поставок танков «Т-60», «БТ», «Т-34», «КВ» в войска, других оперативно-технических деталях. Вождя мало интересовало, что говорили члены партийного синклита. Он давно уже заметил: все, кроме, может, Молотова, просто старались угадать его мысли, замыслы, решения. Они ему были нужны, чтобы дать им тут же поручения во исполнение родившегося у него решения. А потом, Сталин привык думать и решать в обстановке, когда дюжина голов мелких вождей ловила каждое его слово, быстро поддакивала, со всем соглашалась.

В нужных случаях он давал своим соратникам конкретные указания (некоторые из них сохранились в письменном виде, как прямые директивы). Так сохранились записи В.М. Молотова, озаглавленные им: «Некоторые директивы к Берлинской поездке», датированные 9 ноября 1940 года. Цинизм сталинских указаний поразительный. Сталин наставляет своего наркома выяснить цели и намерения «Пакта 3-х» (Германии, Италии и Японии) и возможность присоединения к нему СССР. Сталинские установки о «сфере интересов» СССР поражают своей коминтерновской заданностью (хотя кремлевские вожди почти готовы вступить в антикоминтерновский пакт?!). Аппетиты Сталина впечатляют, и он готов договориться обо всем с Гитлером[473].

Все эти соображения геополитического порядка, естественно,

ни с кем, кроме Молотова, не обсуждались.

Только война, поставив Сталина на край бездны поражения, заставила вождя внимательно выслушивать Шапошникова, Жукова, Василевского, Антонова и обычно соглашаться с ними.

«Бумаги» Сталина, думаю, интересный предмет для изучения не только историков, но и психологов. Сидя на заседаниях политбюро, крупных совещаниях, редких в конце его жизни съездах, Сталин… много рисовал в своих блокнотах. Возможно, «рисовал» – сказано слишком сильно. На многих страницах его рукописей, записных книжек можно встретить комбинации звезд и треугольников, связанных причудливыми овалами. Словно это упражнения художника-модерниста.

Попадаются и бесформенные фигуры фантастических животных с угловатыми очертаниями. Несколько раз в сталинских блокнотах встречал животных, похожих на волков, закрашенных красным карандашом, какие-то дьявольские нагромождения того, что можно назвать одним словом «нечто».

Видимо, рождавшиеся на бумаге овалы, звезды, фигуры, отдаленно напоминавшие доисторических зверей, помогали диктатору на чем-то сосредоточиться, а возможно, просто вызвать ускользающее воображение. Я не знаю, как бы Кандинский или Шемякин оценили художественное творчество Сталина, но для меня ясно, что его интеллект хотя и был одномерным, но безусловно сильным и волевым. Мысль диктатора, как свидетельствуют его «бумаги», искала выхода в цифровых выкладках, неких политических обобщениях, графическом, образном самовыражении.

Кремлевского вождя всегда интересовала проблема государственных денег, государственного золота, государственных ценностей. Еще при Ленине политбюро полностью установило свой контроль за добычей, хранением и расходованием золота и иных ценностей. Как только Сталину доложили о неких нарушениях на аффинажном заводе[8], он тут же пишет записку:

«Запросить Ежова или зама.

1) Дело «аффинажа» (Лендеман).

2) При аффинажном заводе поставить комиссара, без подписи которого не ставить пробу и не выпускать золота»{474}.

В записях Сталина содержится много упоминаний о необходимости роста золотого запаса для поддержки коммунистического движения. После 40-го года Сталин сам лично определял, какой партии сколько выделить на «революционную деятельность». Но с образованием стран «народной демократии» он не преминул и их обложить данью на

эти же цели. Порой делал это весьма прямолинейно.

В письме к Мао Цзэдуну в феврале 1953 года (одно из последних при жизни Сталина в Пекин) утверждалось: «Работа западноевропейских компартий, вроде французской, итальянской, английской, слишком усложнилась. Эти компартии требуют гораздо большей помощи, чем до сих пор… Компартия Советского Союза решила увеличить свой взнос в фонд и считает необходимым внести вместо 800 тысяч долларов в год 1 млн 300 тыс.

Если КПК внесет на 1953 год 1 млн 100 тыс. долларов, то можно будет удовлетворить потребности указанных партий. Ждем ответа». Мао тут же дал согласие: «Передадим Панюшкину наличными»[475]. Он еще не знает, что через десятилетие-два суммы этого «фонда» возрастут в десятки раз…

По документам видно, что Сталин ежегодно предельно внимательно изучал доклад Министерства финансов СССР о росте золотого запаса страны. Убедившись, что это министерство слабо влияет на рост добычи драгоценных металлов, он передал в ноябре 1946 года всю золото-платиновую промышленность в ведение МВД, и дело сразу пошло в гору[476]. Дармовая рабочая сила, в любом количестве, в самых недоступных местах, в нечеловеческих условиях, добывала золото. Ведь сколько его требовалось для военных целей!

Сталина могло бы утешить, что год его смерти совпал с наивысшим за всю советскую историю показателем общего объема драгоценных металлов в Государственном хранилище Министерства государственной безопасности. В 1953 году этот запас был таким: золота – 2049,8 т, серебра – 3261,0 т, платины – 29,9 т, платиноидов – 52,4 т.

Уже через год после кончины диктатора объем драгоценных металлов начал неудержимо снижаться. А как только в начале 60-х годов стали закупать зерно на золото, запасы его начали катастрофически таять. «Золотой сюжет» помогает понять безжалостный механизм функционирования системы при Сталине; при миллионах голодающих золотой запас продолжал неуклонно расти…

Донесения, которые направлял Берия Сталину и в политбюро о голоде в стране, там не читали. В одном из них, где говорилось о сотнях тысячах голодающих в Татарской АССР, Хабаровском крае, Амурской области, Еврейской автономной области, самый щадящий воображение пример сводился вот к чему. Максимова Наташа, 12 лет, доведенная до отчаяния голодом, украла у соседей что-то из продуктов. Жители ее жестоко избили, связанную водили по деревне, привязали камень на шею и хотели

утопить в реке. Но затем привязали к телеге и долго держали на дожде, заперев в конце концов в холодный погреб…{477}

А золотой запас тем временем увеличивался…

Или вот еще один доклад в ЦК ВКП(б) в канун семидесятилетия Сталина 23 сентября 1949 года.

«12 августа в поле совхоза имени Сунь Ятсена Михайловского района Приморского края были обнаружены трупы убитых троих детей работницы совхоза Дмитриенко: Михаила 11 лет, Павла 9 лет и Елены 8 лет.

Убийство совершила мать, Дмитриенко Л.А., 1917 года рождения. Она показала, что совершила убийство на почве крайне тяжелых материальных условий, в которых оказалась после осуждения в 1946 году согласно Закону от 7 августа 1932 года[9] ее мужа Дмитриенко Д.Д., 1912 г. рождения, и особенно после того, как ее уволили из школы, где она работала учительницей, и выселили из квартиры. С апреля работала в колхозе…»{478}

А золотой запас у Сталина все равно продолжал расти…

Переписка Сталина… Хотя в архивах существовали такие файлы, но в полном смысле «переписки» во внутренних делах не было. Существовала практика бесчисленных докладов различных ведомств, записок членов политбюро, министров, деятелей культуры, старых большевиков. Сталин с ними не переписывался. Просмотрев материалы, которые ему ежедневно представлял Поскребышев, лишь на некоторых оставлял письменные резолюции. Чаще бросал Поскребышеву указания, распоряжения по тому или иному документу: «Согласен», «Пусть еще раз доложат», «Зачем занимаются чепухой?», «Обсудим на политбюро», «Опоздали с докладом на несколько месяцев» и т. д. Помощник торопливо записывал сталинские решения, с тем чтобы передать их исполнителям.

В полном смысле переписка велась лишь с Чан Кайши, Мао Цзэдуном, Ким Ир Сеном, Чойбалсаном, Тольятти, Торезом, Димитровым, В. Пиком, Гомулкой, Тито и некоторыми другими деятелями зарубежных стран. Наиболее интересна, конечно, переписка Сталина и лидера китайских коммунистов. Здесь мы видим столкновения и контакты двух стилей мышления, двух методологий народно-партизанского и державно-империалистического подходов.

…В мае 1951 года Мао Цзэдун направляет указание в Корею главнокомандующему китайских и северокорейских войск Пэн Дэхуаю (и в копии Сталину). В нем говорится: «…В настоящее время на передовой линии мы имеем 8 корпусов. Если каждый корпус уничтожит по 1 батальону, то всего противник потеряет

восемь регулярных батальонов. Этим самым противнику будет нанесен сильный удар. Если каждый корпус уничтожит по 2 батальона, то это уже 16 батальонов.

…Ставить задачу в каждой операции уничтожать по одному батальону. В ходе 3–4 операций будет уничтожаться по 4 батальона регулярных войск, что приведет к понижению духа и поколеблет самоуверенность противника…»

Сталин, думаю, с большим скепсисом прочел эту «арифметическую стратегию» и ответил, но… столь же довольно примитивно и поверхностно. «Мне кажется, этот план рискованный. Один-два раза можно. Но этот план англо-американцы легко разгадают… Вы имеете дело не с войсками Чан Кайши…»{479}

В своей переписке Сталин любил рекомендовать, советовать, что выглядело порой как указания. Тому же Мао Цзэдуну в начале 1952 года шлет депешу, чтобы положить конец зависимости от империалистов в таком стратегическом сырье, как каучук: «Вам следует осуществить насаждение в Китае каучуковых деревьев, обеспечив по крайней мере 200 тысяч тонн натурального каучука в год. Остров Хайнань – база для каучука… Техникой поможем»{480}.

«Советы» Сталина безапелляционны, требовательны, почти категоричны. Так Сталин разговаривал с самым своим могущественным союзником… Диктатор умел «поставить» себя, чувствуя за своей спиной огромную военную, экономическую мощь, политические возможности, самую разветвленную в мире сеть спецслужб. Не случайно очень многие зарубежные деятели обращались к Сталину подобострастно, просительно. Испанец, глава правительства Хуан Негрин свои письма Сталину подписывал «Ваш преданный слуга и друг»{481}. «Дорогим вождем и дорогим учителем» величал Сталина Ким Ир Сен{482}. Даже Чан Кайши опускался до подобострастия в конце своего послания: «Надеюсь удостоиться получения от Вас наставлений, являющихся крайне желательными…»{483}.

Пожалуй, в полной мере перепиской можно назвать обмен посланиями Сталина с президентами США и премьер-министрами Великобритании. Сталин смог быстро «забыть» эпитеты, которыми он награждал, особенно в узком кругу, лидеров капиталистического мира. Попав в критическое положение из-за собственных просчетов, Сталин уже 18 июля 1941 года просит Черчилля «создать фронт против Гитлера на Западе»{484}. Верный себе, он рекомендует англичанам организовать «повстанческие действия против немцев». Большинство писем Сталина в годы войны – просьбы, а то и требования создания второго фронта,

отправки в СССР самолетов, танков, алюминия, бензина, хлеба, автомобилей и даже… иприта (после того как появились сведения о возможности применения Германией отравляющих веществ).

В посланиях Сталина лидерам западных союзников есть любопытные признания, откровения, необычные утверждения. В сентябре 1941 года Сталин, допуская возможность того, что Советский Союз может «потерпеть поражение», предлагает Англии «высадить в СССР 25–30 своих дивизий в Архангельске или перевести их через Иран» для участия в боевых действиях на советско-германском фронте{485}. Естественно, в последующем об этой просьбе советская сторона никогда не упоминала.

Когда 30 декабря 1941 года «Правда» опубликовала статью «Петеновские методы на Филиппинах», Черчилль тут же обратил внимание Сталина на этот антисоюзнический выпад коминтерновского толка. Сталин, привыкший всю жизнь пользоваться ложью как надежным оружием большевиков, ответил: «Статья в «Правде», на которую Вы ссылаетесь, отнюдь не имеет официального характера…»{486} Абсолютный официоз сталинского режима, и это прекрасно знал Сталин, не имел права даже на минимум своевольства… Сам Сталин лично редактировал, правил многие статьи «Правды»; я мог бы привести десятки таких примеров. Например, в мае 1950 года Сталин фактически переписал статью «Правды» по поводу инцидента с американским военным самолетом «Б-29» подле Либавы. Даже заголовок, предложенный «Правдой», – «Вопрос ясен», Сталин изменил на «Нравы Госдепартамента»{487}. Так что неуклюжая увертка Сталина по поводу неофициального характера статьи не могла ввести Черчилля в заблуждение.

Но вернемся еще к переписке лидеров союзников. Сталин отвечает не на каждое письмо Черчилля и Рузвельта, ссылаясь на объективные обстоятельства, главным образом загруженность делами как Верховного Главнокомандующего. В начале 1942 года Сталин пытается убедить Черчилля, что «1942 год будет решающим в повороте событий на фронте»{488}. В июле и августе 1942 года Сталин, попавший в критическое положение на южном участке советско-германского фронта, фактически переходит к атакующим требованиям к союзникам: нужен, безотлагательно нужен второй фронт! Черчилль хладнокровно парирует: «Ни Великобритания, ни Соединенные Штаты не нарушили никакого обещания». Если споры будут продолжаться, предупреждает премьер, то «Британское Правительство было бы вынуждено раскрыть народу убийственный аргумент, которым, по его мнению, оно располагает…»{489}.

Временно Сталин «отстает» от союзников с требованиями

форсировать открытие второго фронта, особенно после сталинградского триумфа советских войск. В своих посланиях Сталин позволяет себе то, чего не мог допустить ранее ни один советский военный историк: «В сталинградской операции мы имеем успехи, между прочим, потому, что нам помогают снегопад и туманы, которые мешают немецкой авиации развернуть свои силы»[490].

Союзники неоднократно предлагают Сталину вылететь для встречи на высшем уровне за пределами СССР: в Северной Африке или хотя бы на Кавказе, в Астрахани. Вождь упорен: «Время теперь такое горячее, что даже на один день мне нельзя отлучиться…»[491]

Весной 1943 года на Западе началась пропагандистская война, в которой особую активность проявили Берлин и польское правительство Сикорского. Речь шла об уничтожении войсками НКВД поляков в Катыни.

Сталин, Черчилль и Рузвельт обменялись целым букетом посланий. Советский лидер негодовал: «Враждебная Советскому Союзу клеветническая кампания, начатая немецкими фашистами по поводу ими же убитых польских офицеров в районе Смоленска, на оккупированной германскими войсками территории, была сразу же подхвачена правительством г. Сикорского и всячески разжигается польской официальной печатью… Это подлая клевета на СССР…»[492]

В этих фразах, повторяемых многократно Сталиным и в других посланиях, видна теперь абсолютная лживость советского лидера. Но поражает безапелляционность суждений человека, который прекрасно знает, что польские офицеры были действительно поголовно расстреляны – и именно по его приказу. Чудовищная ложь ошеломляет и спустя многие годы. Сталин ведь отлично помнил, что 5 марта 1940 года на заседании политбюро ЦК ВКП(б), протокол № 13 (П13/144), решили: дела 14 700 польских офицеров, чиновников, помещиков и др., а также 1100 поляков, находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии, рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания – расстрела. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения… Реализацию чудовищно преступного решения возложили на палачей НКВД Меркулова, Кобулова, Баштакова[493].

Гнев Сталина по поводу «антисоветской кампании поляков» столь неподделен, что приходится лишь поражаться артистическим способностям диктатора.

Верховный Главнокомандующий очень заботится о своем образе выдающегося полководца. Побывав летом 1943 года в

расположении фронта на западном направлении, он не преминул тут же сообщить об этом лидерам союзников. Президенту Рузвельту он передал: «Только теперь, по возвращении с фронта, я могу ответить Вам на Ваше последнее послание… Приходится чаще лично бывать на различных участках фронта и подчинять интересам фронта все остальное… При таких обстоятельствах Вам будет вполне понятно, что в данный момент я не могу отправиться в далекое путешествие… и выполнить свое обещание (ранее Сталин согласился встретиться с Рузвельтом в районе Берингова пролива)…»{494}

Не мог же Сталин сказать Рузвельту, что он смертельно боялся полетов на самолете! Его единственное воздушное путешествие в Тегеран потребовало от Верховного Главнокомандующего мобилизации всех его душевных сил… Сталин не забыл, что, когда в марте 1925 года на Северном Кавказе разбились лично ему знакомые люди: Мясников, Могилевский, Атарбегов, он высказал предположение, что катастрофа «подстроена по мотивам мести двум чекистам за расстрелы, а Мясникову – как армянину»… Сталин внес предложение «строжайше запретить ответработникам полеты»{495}.

Сталин при сильной воле совсем не обладал высоким личным мужеством. Он всю жизнь смертельно боялся покушений, был подозрителен, принимал чрезвычайные меры безопасности. Например, в пригородах Потсдама на знаменитой конференции его охраняло семь полков НКВД и 1500 оперативных работников…{496} Когда Сталину доложили в конце войны, что 5 сентября 1944 года в Смоленской области приземлился немецкий самолет с диверсантами, он не придал этому никакого значения. Но после того как выяснилось, что П.И. Таврину (в форме советского майора, со звездой Героя Советского Союза) и его жене Л.И. Шило было поручено совершить на него покушение, это его очень заинтересовало. Диверсанты «раскололись» сразу и охотно приняли участие в «радиоигре» с Берлином. Сразу после окончания войны с Германией Сталин вспомнил о диверсантах, посаженных к тому времени в лагерь, и приказал расстрелять. Пожалуй, это было наиболее конкретное намерение (даже не попытка) покушения на вождя. Но до конца жизни Сталин испытывал страх перед абстрактной возможностью покушения на свою бесценную жизнь.

Выезжая на отдых, Сталин знал: его охраняют в пути, на побережье Черного моря, вокруг его виллы многие-многие тысячи людей. Но этого мало. Когда осенью 1945 года Сталин собрался в Сочи, ему доложили: «Антисоветский элемент, состоящий на

оперативном учете, взят в активную разработку… Аресты проводятся своим чередом»[497]. Драгоценная жизнь превыше всего… Как буднично: «Своим чередом…»

Это был сугубо кабинетный руководитель, часто принимавший судьбоносные решения на основании многочисленных бумаг, документальной кинохроники, личных докладов предельно ограниченного числа лиц. Часто задумываюсь: а как бы вел себя кремлевский руководитель в телевизионную «эпоху»?

Просматривая переписку руководителей великих держав в годы войны, воочию убеждаешься, сколь стремительно ухудшались отношения к концу войны и особенно после ее окончания. Союзники словно поняли, каким странным был их союз: США, вышедшие самым сильным государством из мировой схватки, и СССР, «разогревший» свои посткоминтерновские амбиции, имели очень разные интересы. «Союзники-враги» со все большим недоверием взирали друг на друга. Даже простая просьба покойного Рузвельта написать для Капитолия картину с изображением Сталина, Черчилля, его самого была отвергнута московским лидером. И на просьбу Трумэна выделить некоторое время для позирования американскому художнику Дугласу Шандору, чтобы запечатлеть тройку победителей в великой войне, Сталин отреагировал отказом: «…К сожалению, мне было бы затруднительно ввиду многих обязанностей выделить время для г-на Шандора. Разумеется, я готов послать ему свой портрет, если Вы найдете это подходящим для данного случая…»[498]

Сталин мог вспомнить, что на последнем, тринадцатом, заключительном заседании глав правительств в Потсдаме, закончившемся в половине первого ночи 2 августа 1945 года, при обсуждении поправок к итоговым документам о репарациях и границах он был вынужден не раз говорить собеседникам неприятные слова: «это недоразумение», «не понимаю, в чем тут дело», «мы с этим не можем согласиться», «никак не могу согласиться с таким толкованием», «это совершенно неправильно». Но, так или иначе, конференция закончилась, и Сталин ее назвал «пожалуй, удачной».

Когда Трумэн, председательствовавший на заседании, сказал: «Объявляю Берлинскую конференцию закрытой. До следующей встречи, которая, надеюсь, будет скоро», – Сталин негромко бросил:

– Дай бог[499].

Генералиссимус чувствовал, знал, что те глубинные противоречия, антагонизмы между СССР и союзниками, загнанные внутрь войной, скоро с особой остротой проявятся

вновь. Может, об этом размышлял он, подолгу сидя в соломенном кресле на балконе особняка, где жил во время конференции. Я бывал в этом двухэтажном, средних размеров доме, в 5–7 минутах езды от Потсдама. Чахлые сосны в парке. Перед глазами, перед балконом – красивое озеро. О чем думал Сталин, находясь две недели в окружении «немецкого духа»? О бренности жизни? О том, что он смог вновь «взнуздать» историю и стать планетарно знаменитым? О предстоящей войне с Японией?

Никто сейчас этого не скажет. Он написал очередные главы истории своей жизни. Сколько их будет еще – знало только Провидение.

Двухтомная переписка трех крупнейших лидеров середины XX века, которые были вынуждены протянуть друг другу руки в минуту грозной опасности для своих стран, является блестящей характеристикой столь разных людей. Сталин, проявивший способность к сотрудничеству и компромиссам, многочисленным просьбам, постепенно изменил тон, когда убедился, что победа в его руках. Геополитические притязания, классовые привязанности, коммунистическая идеология лишь на время отступили на второй план. Кое-кто из проницательных людей утверждал, что война Сталина изменила. Не уверен. Думаю, что война, начало которой было им проиграно из-за его грубейших просчетов, в конце концов убедила Сталина в собственной «исторической правоте». Не последовало никакой внутренней «оттепели» или послаблений в стране. По-прежнему его любимыми инструментами власти внутри страны и «коминтерновских» планов вне ее были спецслужбы, НКВД, вооруженные силы. Послевоенные «бумаги» Сталина убедительно это подтверждают.

Почти ежедневно ему на стол ложились толстые папки документов из ведомств, подотчетных Берии. Сталин все внимательно прочитывал и обычно аккуратно ставил в верхнем левом углу пометки: «И. Ст.» или просто «И».

Вот Круглов, министр внутренних дел, докладывает, что вся Западная Украина объята движением националистов. Только за март 1946 года, сообщает министр, «ликвидировано 8360 бандитов (убито, пленено, явилось с повинной)». Следуют победные реляции о борьбе с националистическим подпольем в Литовской, Латвийской, Эстонской советских республиках и даже в Белоруссии (за март «ликвидировано более 100 человек. Погибло около 30 советских военнослужащих»).

Как бы для себя Сталин подчеркивает цифры о «выселенных с территории Литвы, Латвии и Эстонии кулаков с семьями, бандитов, националистов и др.

Из Литовской ССР – 31 917 чел.
Из Латвийской ССР – 42 149 чел.
Из Эстонской ССР – 20 713 чел.»{500}.

Война окончена, война продолжается…

Сталин передает распоряжения Поскребышеву: выделить дополнительно войска для быстрейшего «прекращения бандитизма». Генералиссимусу-победителю недосуг думать о причинах этой герильи[10], почему страна вынуждена содержать сотни тысяч внутренних войск…

Через год, в марте 1947 года, только в исправительно-трудовых лагерях и колониях, не считая тюрем, содержалось 2 млн 188 тыс. 355 заключенных. Круглов сообщает, что создано дополнительно 27 новых лагерей{501}. О многих сотнях тысяч ссыльных в другом докладе. А, вот он. К концу 40-х годов из тех, кто выжил в Сибири, на Урале, в Казахстане, других местах, бедствовали 2 572 829 «выселенцев и спецпереселенцев» (немцы, чеченцы, ингуши, крымские татары, греки, армяне, турки, курды…). Для охраны создано 3063 комендатуры. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года все эти люди сосланы навечно{502}.

О сосланных народах Сталин не любит вспоминать. Это по его инициативе приняли нормативный акт: за побег с мест ссылки 20 лет каторги. Генералиссимус решителен. Он не забыл, когда в декабре 1934 года по его настоянию внесли изменение в Уголовно-процессуальный кодекс. Изменение, согласно которому следствие полагалось вести не более 10 дней, а дела слушать без участия обвинения и защиты. Сталин сам дописал: «Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать». И хотя Постановление ЦИК СССР подписали М. Калинин и А. Енукидзе, все знали, генсек сделал еще одну добавку в документ: «Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора». Когда столь тщательно отредактированный документ принесли на визирование Сталину, он своим неизменным карандашом отчетливо написал в верхнем левом углу: «За опубликование. И. Ст.». Немного ниже поставил свою подпись и Молотов. 4 декабря 1934 года по воле Сталина Постановление было опубликовано в центральных газетах. В домах огромной страны, великого народа надолго, на десятилетия, поселился страх – липкий, унизительный, цепкий, устойчивый, подсознательный…

Вот что такое одна фраза вождя из его бумаг.

А спецлагерей, судя по его «переписке», между тем не хватало. По предложению НКВД 5 марта 1950 года Сталин

согласился увеличить их емкость со 180 до 250 тысяч[503]. Мало кто знал, что из этих лагерей (срок в них не меньше двадцати лет), по замыслу «созидателей», не должен был возвращаться никто. Сталин и после войны продолжал «селекцию»; все выжившие должны были фанатично любить режим, большевистские идеи и, конечно, его, «великого победителя».

Лагерников и ссыльных постоянно в стране более 5 миллионов. Целое государство, целая подневольная страна, точно названная А.И. Солженицыным «Архипелаг ГУЛАГ».

Взгляд Сталина задержался на строке доклада, подписанного С. Кругловым: «Обеспеченность жилой площадью заключенного в лагере в среднем 1,8 кв. метра». Как в могиле…

Бумаги, бумаги… Некоторые он просто перекладывает из стопки в стопку. На некоторых его взгляд задерживается. Как вот на этом донесении о том, что разговор двух западных послов 30 июня 1952 года был зафиксирован техническим устройством. И не только их. Расшифровка и перевод здесь же. О чем говорили итальянский посол в Москве ди Стефано, французский поверенный в делах Брюкваль, посол Канады Биж, посол Бельгии Уотерс, Сталина интересовало мало. Типичный дипломатический обмен сплетнями. Много документов об «успехах МВД» в коммунистическом строительстве. А заявки на дармовую силу все растут. Вот министр внутренних дел Круглов сообщает, что во втором квартале текущего года необходимо «дополнительно выделить Дальстрою – 50 тысяч, БАМу – 60 тысяч, спецстройкам – 50 тысяч, лесным лагерям – 50 тысяч, Воркуте-Ухте-Норильску – 40 тысяч и на покрытие убыли – 100 тысяч человек»[504]. «Убыль» за квартал – 100 тысяч человек, сгинувших на бесчисленных островах и островках зловещего ГУЛАГа.

Все решалось по таким вот заявкам. «Товарищу Берии Л.П. Для развертывания строительства прошу организовать еще лагерь на 5 тыс. человек, выделить 30 000 метров брезента для пошива палаток и 50 тонн колючей проволоки.

22 марта 1947 г.

Задемидко»[505].

Пожалуй, ни одно ведомство так быстро не строит дома, шахты, заводы, дороги, как Министерство внутренних дел. Вон, высотный дом на Котельнической набережной, сдан в 1951 году, точно в срок, установленный Постановлением Совета Министров СССР, при этом столько сэкономили! Сметная стоимость строительства дома 162,9 млн рублей, а уложились в 154 миллиона![506]

Вот они, преимущества социализма! Нужны лишь зэки (недостатка в них никогда не было и не будет), брезент для

палаток и колючая проволока для «зоны»… Сталин мог думать, что им найдена идеальная социальная структура, в которой даже те, кто «перевоспитывается», и тем более «враги» активно участвуют в созидании «нового общества».

Бесчисленные записки, доклады, стенограммы, справки, приговоры, таблицы, донесения разведки, материалы подслушивания, даже редкие письма родных. Но нет, вот «человеческая записка», правда, неизвестно кому адресованная:

«Обязательно посмотри в театре НКПС (Народного комиссариата путей сообщения. – *Д.В.*) «Рельсы гудят». Я с Ворошиловым смотрел вчера. Великолепнейшая штука!»{507}

Записка свидетельствует, что ее писал нормальный человек, в чем серьезно начинаешь сомневаться, просмотрев тысячи других документов из сталинских «бумаг». Человеконенавистническая идеология (ведь люди для Сталина это только рабочий класс), извращенная психика (помешанность на насилии), тщательно культивируемая ложь создают впечатление, что ты действительно побывал в потустороннем мире, где тени вампиров, упырей, диктаторов, тиранов, палачей по-прежнему играют свои давно сыгранные роли в мистическом, навсегда ушедшем мире.

Воображение позволяет почувствовать эфемерность сегодняшнего бытия. Вечно только прошлое.

Корейский тупик

Сталин потерпел в конце своей жизни политическое поражение от Тито. Но еще в одном случае он довольствовался лишь «ничьей» в партии, где, безусловно, рассчитывал на победу. Хотя в моральном плане это тоже было безоговорочным поражением.

Речь идет о корейской войне 1950–1953 годов. Она завершилась уже после его смерти Паньмыньчжонским соглашением летом 1953 года. «Цена» войны, родившейся в умах нескольких политиков, чудовищна; погибло более миллиона человек с обеих сторон. Этому никогда не будет оправдания. Спустя годы, вероятно, первым в России, я рассказал в «Огоньке» документальную подоплеку начала этой жестокой войны.

Считал и считаю, что корейская трагедия, где Сталин сыграл заглавную роль, имеет два позитивных урока. Первый: агрессия не была вознаграждена исполнением замысла. Второй – опыт Паньмыньчжоня имеет непреходящее общечеловеческое значение. Чтобы пояснить свою мысль, сделаю одно отступление.

Долго думая о потрясающей воображение драме и трагедии Карабаха (а разве только там нужен этот опыт!), я пришел к

выводу, что именно здесь урок Паньмыньчжоня мог бы пригодиться в полной мере. Дело в том, что в ситуациях, когда невозможно быстро найти решение, полностью устраивающее обе стороны, нужно идти, как в Паньмыньчжоне, на бессрочные переговоры. Это как бы консервирует конфликт, который ждет своего разрешения в течение долгих лет, пока существенно (но постепенно!) не изменятся общая среда, условия, умонастроения там, где находятся корни конфликта. Самые худые переговоры лучше «хорошей» войны. Бессрочные переговоры дают исторические шансы обеим сторонам «созреть» для решения, которое невозможно найти под аккомпанемент артиллерийской канонады. Помню, что еще в конце 1993 года я передал свои обоснованные предложения по этому поводу президенту Ельцину Б.Н. и в российский МИД.

Читатель, надеюсь, простит это отступление; ведь история нас учит всегда. Но мы редко пользуемся ее выстраданным опытом.

Корейская война, казалось бы, эпизод в бурной биографии второго вождя в СССР. Иосиф Джугашвили (Сталин) за свою жизнь видел многое и ответственен, как, наверное, никто в XX столетии, за длинную, бесконечную серию страшных экспериментов, начатых его учителем Ульяновым-Лениным. «Раскрестьянивание» села, изведение интеллигенции, разрушение Церкви, уничтожение российской социал-демократии, бессмысленные войны и «военные походы» (Финляндия, Польша), преступные просчеты накануне и в самом ходе Великой Отечественной войны, «совершенствование» чудовищно-уникального в мире явления, такого, как ГУЛАГ, множество беспощадных и лживых в самой основе политических процессов, преступления против мысли и совести…

Продолжать можно бесконечно. Никакие державно-государственные устремления не могут оправдать этого горестного реестра большевистских деяний. Судьбе было угодно, чтобы этот длинный перечень «свершений», связанных с именем Сталина, был завершен международной авантюрой крупного масштаба на Корейском полуострове. Формально московский диктатор не потерпел в ней унизительного поражения. Но не одержал и победы, которая, казалось, вначале уже была у него в руках.

Война в Корее как был венчает «коминтерновскую карьеру» Сталина. Ведь его речь на XIX съезде партии (последнее крупное публичное выступление в этой земной жизни) показала: он по-прежнему находится во власти идеи мировой революции (но в иных формах), идеи прихода к власти всех коммунистических и

рабочих партий. Война в Корее исторически показала ущербную роль коммунистического диктатора. Думаю, что именно эта авантюра в конечном счете высветила во всей полноте кровавый профиль Сталина. Уроки авантюры были, однако, не учтены его наследниками. Берлинский и Карибский спазмы, интервенция в Венгрию, Чехословакию, подготовка такой же позорной акции в отношении Польши, многолетняя грязная война в Афганистане лишь рельефнее высвечивают безнадежно устаревшую классовую методологию мышления и действий «старых» и «новых» большевиков.

При этом я совсем не хочу сказать о «безгрешности» иного мира, который давно себя называет «свободным». Да, он всегда был неизмеримо более свободным, чем тот, который начали строить Ленин и Сталин. Но для идеализации его нет оснований. Этот мир тоже поклонялся силе, часто был инициатором многих драм и трагедий на земле, любил подкреплять свою дипломатию походами авианосцев. Земляне еще пока далеки (хотя и движутся медленно в этом направлении) от «планетарного сознания», основывающегося на общечеловеческих интересах и вечных нетленных ценностях.

В этом разделе очерка о «втором» вожде автор хотел бы раскрыть хронику возникновения войны в Корее и ее наиболее драматические моменты, в эпицентре которых был кремлевский диктатор.

Приезжая к полудню в Кремль, Сталин не спеша просматривал обильную почту: донесения Берии, послов, республиканских партийных руководителей, сообщения международных агентств, рапорты с мест. После войны его внимание было приковано не только к Западу, но и к Востоку, где поддерживаемый советским государством Мао Цзэдун одерживал одну за другой победы над Гоминьданом. Стареющий вождь был вполне доволен и своими ставленниками в Монголии и Северной Корее. Ким Ир Сен, привезенный в 1945 году в Корею советскими войсками из СССР, усердно опекаемый советскими советниками, заметно вырос в политическом отношении, набирался опыта государственного руководителя коммунистического типа. И в очередном письме вождь из Пхеньяна докладывал об успехах «социалистического строительства» в стране и просил, чтобы Сталин принял его, Ким Ир Сена, в Москве.

Когда Поскребышев зашел забрать высокую стопку бумаг, Сталин бросил своему верному «оруженосцу»:

– Пусть Берия доложит сегодня вечером, как идет подготовка к испытаниям атомного устройства…

Поскребышев быстро пометил у себя что-то в блокноте. И уже

повернувшись, услышал в спину еще фразу:

– Передайте Вышинскому – нужно ответить в Пхеньян: я согласен на приезд Ким Ир Сена. Надо ближе посмотреть на него… Сроки согласуем…

Через полтора месяца после этого указания встреча состоялась. На календаре значилось: 5 марта 1949 года. Никто еще в мире не знает, что ровно через четыре года, в 9 часов 50 минут 5 марта 1953 года, Сталина не станет.

А сейчас встреча произошла в восемь часов вечера в Кремле.

Дипломаты А.Я. Вышинский и Т.Ф. Штыков завели в приемную сталинского кабинета в Кремле корейскую делегацию. Вместе с Ким Ир Сеном были министр иностранных дел Пак Хен Ен, другие высокопоставленные корейские функционеры. Корейцы робко и с благоговением осматривали обитые дубом стены приемной всесильного вождя, поглядывали на лысого Поскребышева за конторкой, еще двух молчаливых, среднего возраста людей в одинаковых темно-серых костюмах, сидевших в углу на стульях.

Вышинский, бывший тогда министром иностранных дел, читателям хорошо знаком. Он стал важным лицом постыдных политических судебных спектаклей в конце 30-х годов. О Терентии Фомиче Штыкове, советском после в Пхеньяне, читатель знает много меньше, если вообще что-либо знает. Крестьянин из деревни Любко с Витебщины стал в 30-е годы комиссаром, быстро выдвинулся. Во времена беспощадной сталинской мясорубки стремительно взлетел на пост второго секретаря Ленинградского обкома партии. В бесславной советско-финляндской войне одновременно был членом военного совета 7-й армии. В Отечественной войне являлся последовательно членом военного совета Ленинградского, Волховского, Карельского фронтов. Во время войны с Японией возглавлял политическую работу 1-го Дальневосточного фронта. Одному из немногих политработников, Сталин пожаловал ему воинское звание генерал-полковника. После войны в 1946–1947 годах Т.Ф. Штыков возглавлял советскую делегацию в советско-американской совместной комиссии по Корее. Возможно, именно поэтому Сталин в 1948 году санкционировал назначение генерал-полковника Штыкова послом в Пхеньян, а фактически сделал первым советником Ким Ир Сена.

После довольно долгого получасового ожидания в приемной Сталин наконец принял делегацию[11]. Выйдя из-за письменного стола, советский вождь своей неторопливой походкой подошел к взволнованным встречей корейцам, по очереди пожал им руки, жестом пригласил занять места за длинным столом. Беседа

длилась один час пятьдесят минут. Собственно, говорили только Сталин и Ким Ир Сен. Несколько раз лишь Штыков и Пак Хен Ен подавали голос, чтобы дать необходимые справки.

После протокольных любезностей о дороге и самочувствии Сталин, сразу приступив к делу, спросил, какая помощь нужна Корейской Народно-Демократической Республике.

Ким Ир Сен: Мы утвердили двухлетний план восстановления и развития народного хозяйства. Нам нужны машины, оборудование и запасные части для промышленности, связи и транспорта, а также других отраслей народного хозяйства. Нужны советские специалисты для проектирования новых заводов и фабрик, проведения геологоразведочных работ…

Сталин: Всю эту помощь окажем, дадим и специалистов.

Ким Ир Сен: Экспорт из Кореи не покрывает импорта, и страна нуждается в кредите от советского правительства.

Сталин: В каких размерах требуется кредит?

Ким Ир Сен: В пределах от 40 до 50 миллионов американских долларов.

Сталин: Дадим кредит в сумме 200 миллионов рублей, то есть 40 миллионов долларов…

В таком ключе шла беседа: Ким Ир Сен вежливо просит, а Сталин, как правило, говорит: «дадим», «сделаем», «пошлем специалистов», «примем на учебу». Лишь иногда произносит: «подумаем», когда, например, Ким Ир Сен просит построить железнодорожную ветку протяженностью 58 километров от Краскино (СССР) до Аоди (КНДР). Затем корейский лидер переходит к военным вопросам.

Ким Ир Сен: На юге Кореи еще находятся американские войска, усиливаются происки против Северной Кореи, которая имеет сухопутную армию, но морская оборона отсутствует. Нужна помощь Советского Союза.

Сталин: Сколько американских войск в Южной Корее?

Ким Ир Сен: Около 20 тысяч человек.

Штыков уточняет: Примерно 15–20 тысяч человек.

Сталин: Имеется ли на юге национальная корейская армия?

Ким Ир Сен: Имеется, численностью около 60 тысяч человек.

Сталин (шутя): И вы боитесь их?

Ким Ир Сен: Нет, не боимся, но хотели бы иметь морские боевые единицы.

Сталин: Какая армия сильнее – северная или южная?

Пак Хен Ен: Северная армия сильнее.

Сталин: Во всех военных вопросах окажем помощь. Корее нужно иметь военные самолеты.

Затем Сталин спрашивает, проникают ли они в южнокорейскую армию, имеют ли там своих людей?

Пак Хен Ен: Наши люди проникают туда, но пока себя там не проявляют.

Сталин: Правильно, что не проявляют. Сейчас проявлять себя и не нужно. Но южане тоже, видимо, засылают на север своих людей, и нужна осторожность и бдительность.

После этого собеседники договорились о характере военной помощи, подготовке корейских офицеров в Советском Союзе, о развитии экономических отношений и по другим вопросам{508}. Речь пока прямо не идет о военном объединении двух частей Кореи. Но Сталин, по донесениям Штыкова, знает: в Пхеньяне уже живут этой идеей… Надо все взвесить, отвечает вождь.

Сталин поддержал военную тему, поднятую Ким Ир Сеном, лишь до определенного рубежа, присматриваясь к собеседнику, оценивая перспективы дальнейшего развития Севера и событий на полуострове.

В течение всего 1949 года продолжались интенсивные поставки вооружения и боевой техники, боеприпасов, другого военного снаряжения в Северную Корею. Сталину докладывали об объеме и темпах поставок, вождь ставил свою закорючку «И» (которую можно расценить как «Иосиф» или «ознакомился», «согласен»). Северокорейцы прощупывали прочность позиций южан: нарушали разделительную линию, проводили «разведку боем». После одной из таких вылазок Штыкову из Москвы 27 октября 1949 года пришла грозная шифровка от Сталина: «Вам было запрещено без разрешения центра рекомендовать правительству Северной Кореи проводить активные действия против южных корейцев… Вы не донесли о подготовке крупных наступательных действий 2-й полицейской бригады и фактически допустили участие в этих действиях наших военных советников… Обязываем дать объяснение…»{509}.

Пожалуй, ключевой документ появился на свет 19 января 1950 года. Написал его Т.Ф. Штыков в Пхеньяне. Вот его содержание.

«Особая. Вне очереди.

…Вечером 17 января министр иностранных дел Пак Хен Ен устроил прием в честь отъезда корейского посла в Пекин. Во время него Ким Ир Сен сказал мне следующее: «Теперь, когда освобождение Китая завершается, на очереди стоит вопрос освобождения Кореи на юге страны… Партизаны не решат дела… Я не сплю ночами, думая, как решить вопрос объединения всей страны». Затем, говорится в телеграмме, Ким Ир Сен заявил, что, когда он был в Москве, товарищ Сталин ему сказал о том, что

наступать на юг не надо; в случае же наступления армии Ли Сын Мана на север страны можно переходить в контрнаступление на юг Кореи. Но так как Ли Сын Ман до сих пор не начинает наступление, а значит, освобождение народа южной части страны и ее объединение затягивается… Ему, Ким Ир Сену, нужно побывать у Сталина и спросить разрешения на наступление для освобождения Южной Кореи. Ким Ир Сен говорил о том, что сам он начать наступление не может потому, что он коммунист, человек дисциплинированный и указания товарища Сталина для него являются законом. Мао обещал помощь, и он, Ким Ир Сен, с ним тоже встретится.

Ким Ир Сен настаивал на личном докладе Сталину о разрешении наступать на Юг с Севера…

Ким Ир Сен был в состоянии некоторого опьянения и вел разговор в возбужденном состоянии.

Штыков»[{510}].

Сталин раздумывал над сообщением больше недели. Мао был еще в Москве, лечился, отдыхал. Сталин встретился с ним. Стенограмма этой встречи, видимо, не велась. Два вождя были осторожны. Скорее всего, судя по дальнейшим их шагам, они решили окончательно ответить Ким Ир Сену после новой встречи и изучения вопроса военными специалистами…

Сталин, все взвесив, в конце концов собственноручно написал в Пхеньян шифрованную телеграмму для Ким Ир Сена:

«Штыкову, особая.

Сообщение от 19 января 1950 года получил. Такое большое дело нуждается в подготовке. Дело надо организовать так, чтобы не было большого риска. Готов принять…

Мы хотели бы ежегодно получать 25 тысяч тонн свинца. Готовы оказать техническую помощь.

30.01.50. И.Сталин»[{511}].

В Пхеньяне телеграмму расценили как фактическое согласие на операцию с условием достижения гарантированного успеха. Через два-три дня после встречи с Ким Ир Сеном Штыков 4 февраля вновь шлет через министра иностранных дел А.Я. Вышинского Сталину сообщение, в котором передает просьбы корейского лидера решить вопрос ускорения выплат по займу, а также получить новый кредит из СССР для закупок вооружения. Ким Ир Сен испрашивает разрешения довести количество пехотных дивизий до десяти, для чего нужно сформировать еще три соединения[{512}].

После еще одной консультации с Пекином Сталин 9 февраля разрешает начать подготовку широкомасштабной операции на Корейском полуострове, одобрив, таким образом, намерение

Пхеньяна военным путем «объединить» родину. Эта дата фактически является официальным началом подготовки КНДР к наступательной войне с целью насильственного воссоединения двух государств. Активизируются поставки из СССР в Северную Корею танков, артиллерии, стрелкового вооружения, боеприпасов, медикаментов, нефти. Одновременно Сталин, как явствует из его переписки, хотел бы получить оттуда свинец, серебро, золото. Ким Ир Сен с готовностью сообщает, что «КНДР поставит в 1950 году в Советский Союз моноцитового концентрата – 15 000 тонн серебра – 40 тонн»{513}.

Дается согласие и на поставку значительного количества золота, взамен же запрашиваются крупные партии техники и оружия из СССР. Сталин благодарит за готовность к поставкам стратегического сырья и материалов и обещает полностью выполнить заявки Ким Ир Сена в военной области.

А тем временем подготовка к боевым действиям шла полным ходом: в КНДР поступали военная техника, снаряжение, оружие. В штабе корейской армии с участием советских советников велась в глубокой тайне разработка плана широкомасштабной наступательной операции. Шло ускоренное формирование нескольких новых корейских соединений. Мир еще не знает, что скоро он станет свидетелем одной из самых кровопролитных локальных войн XX века.

По всем имеющимся данным, в начале апреля 1950 года Ким Ир Сен еще раз, теперь тайно, посетил Москву, где имел встречу со Сталиным. Стенограммы беседы и другие документы обнаружить не удалось. Однако еще 30 января, за два месяца до апрельской встречи, Сталин дал согласие на приезд Ким Ир Сена. Об этом есть документальное свидетельство. Затем в ряде последующих (после встречи в апреле) шифровок есть ссылки на договоренности, достигнутые во время личных бесед «в начале 1950 года»{514}.

Когда подготовка была в разгаре, Сталин решил еще раз посоветоваться с Пекином. Будучи чрезвычайно осторожным политиком, он все свои особые депеши шлет, подписываясь, как и в годы войны, вымышленными именами. Так, в переписке с Мао Цзэдуном, с Тольятти и некоторыми другим лицами Сталин стал «Филипповым». В мае 1950 года 14 числа Сталин продиктовал Поскребышеву:

«Особая. Для Мао Цзе Дуна.

Тов. Мао Цзе Дун!

В беседе с корейскими товарищами Филиппов и его друзья высказали мнение, что в силу изменившейся международной обстановки они согласны с предложением корейцев приступить к

объединению. При этом было оговорено, что вопрос должен быть решен окончательно китайскими и корейскими товарищами совместно, а в случае несогласия китайских товарищей решение вопроса должно быть отложено до нового обсуждения. Подробности беседы могут рассказать Вам корейские товарищи… Филиппов»[515].

Типично сталинский стиль: в телеграмме, подписанной «Филипповым», говорится, что «в беседе с корейскими товарищами Филиппов…». Сталин осторожен; по сути, уже несколько раз давший согласие на военное «объединение» Кореи, он все время оставляет «запасной предохранитель», который бы мог, в случае особых обстоятельств, задержать или даже отменить одобренную операцию.

В Пекине быстро согласились со Сталиным. Подготовка к операции стала вестись форсированно, и уже 30 мая Штыков докладывал в Москву, что «Ким Ир Сен сообщил, что начальник генерального штаба закончил разработку принципиального оперативного решения (вместе с советским советником Васильевым) на наступление. Он, Ким Ир Сен, его одобрил. Организационная подготовка заканчивается к 1 июня. Из 10 дивизий 7 готовы для наступательных действий. В июле начнутся дожди. Мне генералы Васильев и Постников доложили, что тогда потребуется больше времени на сосредоточение. Генштаб предлагает начать в конце июня». Штыков сообщал, что для маскировки северокорейцы намерены «от имени Отечественного фронта предложить южанам мирное объединение страны».

Мое мнение. (Сталин, читая, подчеркнул эти два слова.) «Поскольку Ким Ир Сен настроен начать операцию в конце июня, а к этому времени подготовку войск можно закончить, следовательно, можно согласиться с этим сроком. Корейцы просят бензин и медикаменты. Прошу срочных указаний»[516].

Сталин собственноручно написал на телеграмме: «Инстанция одобряет Ваши предложения. Получение медикаментов и нефти будет ускорено». Подумав, советский лидер, все еще «маскируясь», поставил подпись: «Громыко». Отчеркнув жирной чертой текст, внизу приписал для исполнителей:

«Сообщено т. Громыко для передачи т. Штыкову»[517].

В этом государстве для поддержания режима чрезвычайной секретности вожди могли подписываться не только вымышленными фамилиями, но и именами своих подчиненных. К слову, А.А. Громыко работал тогда первым заместителем Вышинского.

Сталин очень не хотел, чтобы американцы уличили его в прямом участии в подготовке войны, хотя это сделать было не

просто. Буквально накануне начала боевых действий совпосол в Пхеньяне шлет еще одну депешу непосредственно вождю.

«Вне очереди. Особая.

Тов. Сталину.

Ким Ир Сен просил передать: для наступления и десанта нужны корабли. Два корабля прибыли, но экипажи не успели подготовить. Просит десять советских советников использовать на кораблях. Считаю, просьбу удовлетворить надо.

20 июня 1950 г. Штыков»{518}.

Ответ пришел быстро: «Ваше предложение отклоняется. Это дает повод для вмешательства. Громыко. 22-VI-50». Сталин лично дирижировал разворачивающимися событиями. Кроме полученных телеграмм из Пхеньяна, ему несколько раз докладывал о ходе подготовки к «объединению» начальник Генерального штаба Советской Армии.

Радио Пхеньяна на рассвете 25 июня передало давно подготовленное сообщение: «Сегодня рано утром войска марионеточного правительства Южной Кореи начали внезапное наступление на территорию Северной Кореи по всей линии 38-й параллели. Противник вторгся на глубину от одного до двух километров…»

Сталинский сценарий соблюдался строго. Помните его «хитрые» указания Ким Ир Сену: «Наступать на юг не надо; но в случае наступления армии Ли Сын Мана на север страны, тогда можно переходить в контрнаступление на юг Кореи…»

Однако Совет Безопасности, собравшийся на свое 473-е заседание 25 июня 1950 года, безошибочно констатировал «вооруженное нападение на Корейскую Республику войск Северной Кореи».

С началом боевых действий, когда северокорейцы вторглись в Южную Корею, Ким Ир Сен вновь попросил направить советских советников непосредственно в части, ведущие бои на передовой. Штыков в разговоре с корейским вождем пообещал, что уговорит Москву согласиться. Но тут же последовал жесткий окрик из Кремля. Стиль – сталинский.

«*Пхеньян, Совпосол.*

Как видно, Вы ведете себя неправильно, так как пообещали корейцам дать советников, а нас не спросили. Вам нужно помнить, что Вы являетесь представителем СССР, а не Кореи.

Пусть наши советники пойдут в штаб фронта и в армейские группы в гражданской форме в качестве корреспондентов «Правды» в требуемом количестве. Вы будете лично отвечать перед советским правительством за то, чтобы они не попали в плен.

Фын Си»[519].

Впервые Сталин в шифрованном сообщении подписывается загадочным китайским именем Фын Си. Но, как показывает опыт истории, истину нельзя обречь на пожизненное заключение. Рано или поздно тайное становится очевидным, общедоступным. Так и теперь, прочтя эту книгу, читатели могут добавить к длинному списку сталинских псевдонимов восточное Фын Си. А начал Сталин «маскироваться» еще во время советско-финской войны. Тогда, на заседании Военного совета, он сам предложил, чтобы в бумагах его именовали «Старостин», Ворошилова – «Волошин», Мехлиса – «Мехов» и т. д.[520].

Уже после того, когда северокорейцы в первые же дни войны взяли Сеул и казалось, что общий успех рядом, одно усилие – и обещание Ким Ир Сена сбудется, Сталин не разрешил генералу Васильеву переехать в захваченный город, чтобы помогать военному руководству управлять войсками из непосредственной близости фронту. Фын Си очень не хотел, чтобы США, ООН, мировое общественное мнение уличили его в прямом участии. Хотя уже тогда ни у кого не оставалось сомнений в степени и характере причастности Москвы к этой войне. Для Сталина же было важно поддержать версию не только об «оборонительном» характере войны для Северной Кореи, но и о чисто «техническом» участии в ней Советского Союза. Во всяком случае, его соотечественники из СССР были в этом уверены долгие десятилетия.

В «Советской военной энциклопедии» говорится: корейская война 1950–1953 годов «развязана южнокорейской военщиной и правящими кругами США с целью ликвидировать Корейскую Народно-Демократическую Республику и превратить Корею в плацдарм для нападения на КНР и СССР.

План нападения был разработан американской военной миссией и южнокорейским военным командованием в мае 1949 года… К началу лета 1950 года марионеточному режиму во главе с Ли Сын Маном удалось с помощью США подготовить более чем 100-тысячную армию, вооруженную американским оружием и боевой техникой»[521]. Как «готовился марионеточный режим» Ли Сын Мана, автор книги знает меньше, но ему доподлинно известно о том, как готовился режим Пхеньяна, и о решающей роли Москвы в инициировании войны на Корейском полуострове.

По официальной советской и северокорейской версии, «25 июня южнокорейские войска перешли в наступление. Им удалось потеснить охранные отряды и вторгнуться на 1–2 км на территорию КНДР. Ее правительство немедленно отдало распоряжение отбросить противника и разгромить его основные

силы»{522}. Может быть, потому, что южнокорейцы готовились к «агрессии», они уже через три дня после начала войны сдали свою столицу Сеул?

Сталинская ложь долгие десятилетия монопольно господствовала в советской историографии. Лишь спустя десятилетия стало возможным сказать правду об истоках и характере тех событий.

Победоносно начав войну, Ким Ир Сен был окрылен. В «освобожденных» районах создавались «народные комитеты». Победа, казалось, находилась совсем рядом… Советники настаивали на быстром развитии успеха, мобилизации всех сил для достижения полной военной победы. Ведь Сталину обещали гарантированную победу… А для этого, правда, требовалась все новая и новая помощь со стороны СССР. Тридцатого июня Штыков шлет новую телеграмму:

«Совершенно секретно. Весьма срочно. Товарищу Сталину.

Ким Ир Сен обратился с просьбой поставить для КНДР в июле месяце следующее количество боеприпасов, средств связи и другого имущества:

1. Боеприпасы:	
Винтовочных патронов в обойме	–15 млн
Патроны к пистолету «ТТ»	– 21,5 млн
Патроны к револьверу «Наган»	– 43 тыс.
Винтовочных патронов с легкой пулей без обоймы	–15,2 млн
Винтов. патронов, с тяжелой пулей	–15,5 млн
Снарядов к зенитной пушке	– 38 тыс.
К 45-мм противотанковой пушке	–100 тыс.
Снарядов к 76-мм полевой пушке	– 48 тыс.
Снарядов к 76-мм пушке «ЗИС»	–100 тыс.
Снарядов к «СУ-76»	– 23 тыс. штук
Снарядов к 88-мм миномету	– 200 тыс.
Снарядов к 85-мм зенитн. пушке	– 8 тыс.
Снарядов к 85-мм танк. пушке	– 68 тыс.
Мин 120-мм	– 41 тыс.
Снарядов к 122-мм гаубице	– 31 тыс.
К 122-мм пушке снарядов	– 5,7 тыс.
Гранат ручных	– 400 тыс. ...»

И так на трех страницах. Средства связи, запасные части к самолетам, горючее, смазочные материалы, снаряжение… В конце лаконичное: «Просьбу Ким Ир Сена поддерживаю. Прошу Ваших указаний о поставке хотя бы 50 % указанного количества до 10 июля 1950 года.

Штыков»{523}.

В углу телеграммы-списка сталинское размашистое синим карандашом: «Удовлетворить». Единодержец обычно ни с кем не

советовался. Он знал возможности страны. Что-что, а военный потенциал ее был велик. Только после Великой Отечественной войны сколько вооружений и боевой техники осталось… Многие его решения сугубо единоличны и безапелляционны. Ведь он был земным богом… Правда, Сталин в этой войне пытался поделить ее тяготы с Китаем. Так, по его настоянию, Китайской Народной Республике была передана боевая техника для двух авиационных дивизий, с тем чтобы прикрыть транспортные коммуникации в Корею{524}.

Война, как известно, не раз резко качнулась, словно кровавый маятник, то в одну, то в другую сторону. В первом периоде войны, до середины сентября, северокорейские войска, воспользовавшись внезапностью, добились больших оперативных успехов. Кроме Сеула в их руках оказались города Чхунчхон, Каннын, Пхснтхэк, Оксон, Инчхон, Вонджу, Чхунджу, Самчхон и многие другие. Казалось, исход войны предрешен. Сталин уже поздравлял Ким Ир Сена. Рукой вождя написана шифровка в его типичном стиле:

«Совершенно секретно. Пхеньян. Совпосол.

Передайте Ким Ир Сену на словах нижеследующее. Если он потребует в письменном виде, передайте ему в письменном виде, но без моей подписи.

ЦК ВКП(б) приветствует товарища Ким Ир Сена и его друзей за великую освободительную борьбу корейского народа, которую ведет т. Ким Ир Сен с блестящим успехом. ЦК ВКП(б) не сомневается в том, что в скором времени интервенты будут изгнаны из Кореи с позором…

28 августа 1950 г.

Фын Си»{525}.

Ответ Ким Ир Сена был весьма скорым:

«Дорогому товарищу Сталину И.В.

Мы глубоко тронуты Вашим вниманием. Приносим Вам, дорогому нашему учителю, благодарность за теплое участие и совет… Преисполнены решимостью завоевать окончательную победу в борьбе против американских интервентов, стремящихся вновь закабалить Корею…

Желаем Вам многих лет жизни и здоровья.

Преданный Вам – Ким Ир Сен.

(По поручению Политсовета ЦК Трудовой партии Кореи.)

31 августа 1950 года»{526}.

Но скоро Сталину пришлось «засомневаться», вопреки высказанной им в телеграмме Ким Ир Сену уверенности. 16 сентября «южные» вместе с американцами нанесли мощный контрудар. Операция включала в себя высадку в районе Инчхона крупного, в составе 10-го армейского корпуса США, морского

десанта. Одновременно началось наступление и с Пусанского плацдарма. Южные корейцы и американцы стремительно двинулись на север. Войска Ким Ир Сена понесли тяжелое поражение, потеряв огромное число убитыми и плененными, большую часть артиллерии, танков. Авиация американцев господствовала в воздухе, уничтожая на земле в стане противника все, что передвигалось, что подавало признаки жизни. От радужных надежд на быструю победу не осталось и следа. Стало ясно с грозной очевидностью, что без непосредственной, прямой помощи китайских или советских войск Северу не устоять. Все повисло на волоске.

Спустя четыре дня Сталин, ознакомившись с докладом военных у себя в кабинете, осознал серьезность ситуации, но не уловил ее угрожающего характера. Он сообщил в Пекин свое решение: «Ликвидация создавшейся опасности может быть решена немедленным выводом в район Сеула значительных сил с основного фронта и созданием в районе Сеула, севернее и восточнее его, крепкого фронта…»{527}

Но положение было не просто угрожающим, а катастрофическим, а сталинское указание совершенно нереальным. «Полководец» вновь переоценил себя.

Первого октября министр иностранных дел КНДР Пак Хен Ен вручил Штыкову для передачи Сталину срочное послание Ким Ир Сена. В пространном письме, которое помогали сочинять советские советники, северокорейский лидер обрисовал эволюцию борьбы на фронте. «Противник, терпя поражение за поражением, был загнан на небольшую территорию самой южной оконечности Южной Кореи, и мы имели большой шанс на победу в последних решающих сражениях… Но США, мобилизовав почти все сухопутные, морские и воздушные силы, находящиеся на Тихом океане, 16 сентября 1950 года осуществили десантную операцию в районе Инчхона. Овладев Инчхоном, противник ведет уличные бои в городе Сеуле… Вражеская авиация, не встречая никакого сопротивления с нашей стороны, полностью хозяйничает в воздухе… Некоторая часть наших войск окружена противником…

Дорогой товарищ Сталин! Если противник будет форсировать наступательные операции на Северную Корею, то мы не в состоянии будем собственными силами приостановить противника. Поэтому, дорогой Иосиф Виссарионович, мы не можем не просить от Вас особой помощи. Иными словами, в момент перехода вражеских войск через 38-ю параллель нам очень необходима непосредственная военная помощь со стороны Советского Союза.

Если по каким-либо причинам это невозможно, то окажите нам помощь по созданию международных добровольных частей в Китае и в других странах народной демократии для оказания военной помощи нашей борьбе.

С уважением ЦК Трудовой партии Кореи, Ким Ир Сен, Пак Хен Ен.

29 сентября 1950 года»{528}.

Сталин находился на отдыхе на одной из своих многочисленных дач на побережье Черного моря. Ему доложили паническую телеграмму Ким Ир Сена в два часа ночи 1 октября 1950 года. Уже через час Сталин подписал свое «Филиппов» под шифровкой следующего содержания:

«Пекин, Совпосол. Для немедленной передачи Мао Цзе Дуну или Чжоу Энь Лаю.

Я нахожусь далеко от Москвы в отпуску и несколько оторван от событий в Корее. Однако по поступившим сегодня мне сведениям из Москвы я вижу, что положение у корейских товарищей становится отчаянным…

Следовало бы немедленно двинуть к 38-й параллели хотя бы 5–6 дивизий. Китайские дивизии могли бы фигурировать как добровольные…»{529}

В телеграммах Матвееву и Штыкову в Пхеньян, отправленных днем, Сталин грозно выговаривает о «крупных ошибках» в управлении войсками. Вождь, рассматривавший море сквозь стройные силуэты кипарисов на своей даче, дает целую страницу советов, как действовать арьергардам, где использовать танки и при всем этом не допустить, «чтобы хотя бы один военный советник попал в плен».

Маятник войны резко качнулся на север. Теперь на весы политического престижа были поставлены не только амбиции Ким Ир Сена как «полководца-освободителя», но и Сталина вместе с Мао Цзэдуном, благословивших корейского вождя на эту войну. Советский диктатор в энергичных выражениях составил еще одно письмо Мао Цзэдуну, где, в частности, есть строки, от которых и сегодня веет смертельным холодком. По существу, рассматривается возможность и вероятность третьей мировой войны. Сталин пишет в Пекин:

«…США из-за престижа могут втянуться в большую войну; будет, следовательно, втянут в войну Китай, а вместе с тем втянется в войну и СССР, который связан с Китаем пактом о взаимопомощи. Следует ли этого бояться? По-моему, не следует, так как мы вместе будем сильнее, чем США и Англия, а другие капиталистические европейские государства без Германии, которая не может сейчас оказать США какой-либо помощи, не

представляют серьезной военной силы. Если война неизбежна, то пусть она будет теперь, а не через несколько лет, когда японский милитаризм будет восстановлен, как союзник США…»{530}

Становится страшно, когда осознаешь, что третья мировая война стала почти реальностью во время противостояния блоков в Корее (ситуация, граничащая с таким же риском мировой ядерной войны, повторилась и во время Карибского кризиса). И эту войну могли «организовать» те, кто по-прежнему мыслил по-коминтерновски, – коммунистические вожди. Известно, что в самый критический момент для американских войск в Вашингтоне действительно рассматривался вариант дальнейшего ведения войны с использованием ядерного оружия. Об этом писала американская печать.

Мао ответил весьма быстро: «Очень рад, что в Вашем ответе говорится о совместной борьбе Китая и СССР против американцев… Безусловно, если воевать, то воевать нужно теперь… Целесообразно направить не пять-шесть дивизий, а по крайней мере девять…»{531}

Однако после получения этой депеши поступило новое сообщение, что в Пекине все еще обсуждают не только детали, но и саму возможность китайского военного вмешательства. Сталин серьезно забеспокоился, тем более что из Пекина пришла очередная телеграмма. Там выражали опасение в связи с возможностью «открытого столкновения с США». Мао Цзэдун допускал, что даже «если Северная Корея потерпит поражение, она изменит форму борьбы на партизанскую войну». Сообщал, что высылает к Сталину для обсуждения ситуации Чжоу Энь Лая и маршала Линь Бяо{532}.

А тем временем в Пекине продолжали просчитывать все «за» и «против» прямого использования своих войск. Сталин с тревогой ждал вестей от Мао Цзэдуна. Китайцы могли спасти положение. Диктатор для себя решил: свои войска он бросит на чашу весов лишь в самый последний момент, в самом крайнем случае. Хотя уже принял решение «проработать» вопрос об использовании советской авиации с китайских аэродромов. Наконец пришла долгожданная телеграмма. Мао Цзэдун дал согласие на прямую военную поддержку северокорейцев и сообщил об этом советскому лидеру. Сталин быстро продиктовал:

«Пхеньян. Штыкову для товарища Ким Ир Сена.

Только что получил телеграмму от Мао Цзе Дуна, где он сообщает, что ЦК КПК вновь обсудил положение и решил все же оказать военную помощь корейским товарищам, несмотря на недостаточное вооружение китайских войск. Жду подробных сообщений от Мао Цзе Дуна…

13 октября 1950 г. Фын Си»[533].

На следующий день наступила полная определенность, и Фын Си еще раз передал в Пхеньян:

«Передать Ким Ир Сену следующее. После колебаний и ряда временных решений китайские товарищи наконец приняли окончательное решение об оказании Корее помощи войсками. Я рад, что принято наконец окончательное и благоприятное для Кореи решение… Конкретные вопросы, связанные с выступлением китайских войск, придется Вам решать совместно с китайскими товарищами. Необходимая техника для китайских войск будет поставлена из СССР.

Желаю Вам успехов.

Фын Си»[534].

Бесконечными колоннами китайские войска двинулись к границе с Кореей и дальше на фронт. Из Пекина сообщили, что в первом эшелоне движется 12 дивизий (скоро будут в Корее). Второй эшелон, тоже 12 дивизий, готовится в Китае. Есть войска и третьего эшелона. Всего союзники Сталина могут задействовать 9 армий (до 30 дивизий).

В телеграмме Чжоу Эньлай попросил 10 тысяч тонн автобензина. Сталин тут же приказал ответить: «Будет поставлено 17 тысяч тонн горючего…»

Я думаю, Сталин вздохнул с облегчением. Легкой войны не получилось. Для него стало ясно: победы не будет ни для кого. Но поражения он избежал. Главная ноша войны ляжет теперь на китайцев, которым он будет всячески помогать авиационным прикрытием, оружием, техникой, горючим, боеприпасами, но не людьми… Нет, в нем говорила не жалость к ним, а то, что американцы могут его «уличить» в прямом участии в войне. Несмотря на выраженную готовность к большой войне, Сталин сомневался… Атомные бомбы только начали производить. А как их доставлять за океан? Американцы на тот момент имели в этом компоненте решающее преимущество. Диктатор, все чаще испытывая в конце жизни приступы противной слабости и головокружений, устал воевать…

Когда 25 октября 1950 года китайцы начали мощное широкое контрнаступление по всему фронту, Сталин понял, что, по крайней мере, почетная «ничья» в войне обеспечена. Наступление огромных масс китайских войск, которые в социалистической печати назывались «добровольцами», было долгим, трудным, вымученным. Господству в воздухе «добровольцы» противопоставили траншейную и галерейную борьбу, когда целые роты, батальоны и полки так зарывались в землю, что ни бомбы, ни напалм не достигали в полной мере того результата, что в

начале войны. Был освобожден Пхеньян, еще раз взяты Сеул, Инчхон, Вокджу и другие города. Маятник войны пошел в другую, южную сторону. Однако затем последовали удары южных и диафрагма фронта почти застыла, напрягаясь и колеблясь все у той же 38-й параллели…

Сталин, многому научившийся в Великой Отечественной войне, понимал, что даже огромное численное превосходство «китайских добровольцев» без надежного прикрытая с воздуха не гарантирует успеха. После некоторых размышлений и бесед с военными 14 ноября 1950 года он отдал распоряжение сформировать специальный корпус для прикрытия китайцев и северокорейцев. Номер этому соединению дали: 64-й истребительно-авиационный корпус. Состав его был необычным: две истребительно-авиационные дивизии, две зенитно-артиллерийские и одна авиационно-техническая.

Состав корпуса постоянно обновлялся; дивизии участвовали в боевых действиях 8-10 месяцев, некоторые, с небольшим перерывом, до года. Всего за время войны в Корее получили боевую практику 15 советских авиационных и несколько зенитно-артиллерийских дивизий.

Оперативное расположение корпуса было довольно выгодным – аэродромы Северного Китая. Истребительная авиация корпуса, по получении сигналов о появлении американских бомбардировщиков и штурмовиков над Северной Кореей, наносила по ним неожиданные и стремительные удары. Нередко американцы преследовали советские истребители, израсходовавшие запас топлива, и над китайской территорией. К тому же советские летчики имели ряд существенных ограничений: даже близко не приближаться к линии фронта и тем более оказываться на «той» его стороне, не летать над морем. Действовал строжайший приказ Сталина: ни один советник или летчик не должен попасть в плен. Повторюсь, не забота о людях двигала Сталиным, а желание не дать американцам веских аргументов прямого участия советских войск в этой войне. Опознавательные знаки на самолетах «МиГ-156» были китайские, форма летчиков китайской или корейской. Даже носили значки с изображением Мао… Так или иначе, но не известно ни одного случая попадания советского военнослужащего в плен к американцам. Несколько экземпляров американских боевых машин, которые удалось приземлить целыми, были отправлены в СССР для изучения в авиационных конструкторских бюро.

В составе корпуса в основном были летчики, прошедшие школу Великой Отечественной войны, и эффективность боевых действий истребительной авиации была очень высокой. Командир

полка полковник Е.Г. Пепеляев сбил 19 американских самолетов, крупные личные боевые счета имели также капитан Н.Г. Докашенко, подполковник Г.И. Пулов, майор А.С. Бойцов, капитан М.И. Михин, майор А.П. Сморчков и другие летчики-истребители, ставшие Героями Советского Союза. Достаточно сказать, что с конца 1950 года и до завершения активной фазы войны корпус сбил 1309 американских самолетов, из которых около 18 процентов приходится на зенитные части. За то же время соединения корпуса потеряли 319 боевых машин.

В корпусе (в зависимости от количества частей, входивших в него в разное время) насчитывалось 10–15 тысяч человек. Все верили, что воюют с «агрессором». Воевали они мастерски, однако Сталин поначалу вообще не хотел награждать людей. Он боялся огласки и в собственной стране. Лишь позже разрешил награждать отличившихся боевыми наградами, и тысячи человек были отмечены орденами и медалями.

С ноября 1950-го и до окончания войны в июле 1953 года 64-м корпусом последовательно командовали генералы И.В. Белов, Г.А. Лобов, СВ. Слюсарев.

После осенней неудачи 1950 года Сталин не ограничился выдвижением к границам Кореи своего авиационно-истребительного корпуса. По согласованию с Мао Цзэдуном и Ким Ир Сеном общее командование сухопутными войсками было передано китайцам («корейцы не выполняют приказы», отметил Сталин в шифровке). Московский вождь сместил советского генерала Васильева с поста военного советника. Несколько корейских генералов также лишились своих постов, а некоторые после поражения в октябре 1950 года попали под суд. Видна рука Сталина; в минувшей войне он привык «тасовать» командный состав, когда лишь одна военная неудача могла навсегда перечеркнуть карьеру того или иного военачальника.

До середины 1951 года, пока не установилось неустойчивое равновесие на фронте, Сталин лично «вел» контроль за исполнением его директив в корейской войне. Его обмен телеграммами с Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем, Ким Ир Сеном весьма внушителен. Интересная деталь: обсуждая с союзниками по войне оперативные и технические вопросы, Сталин не забывает решать попутно и некоторые свои «дела».

Так, в октябре 1950 года, когда в Корее все висело на волоске, он напоминает Чжоу Эньлаю о его обещании передать ему, Сталину, в Москву 10 миллионов американских долларов, как он пишет, «для поддержки левых организаций в Европе и Америке»[{535}]. Видимо, даже у Сталина, способного частенько направлять «преданным собеседникам» по 600 тысяч долларов,

специальный фонд «поддержки» требовал постоянного пополнения.

В другой телеграмме Мао Цзэдуну, где Сталин сообщал о дополнительной поставке китайцам бензина, он попросил у них 50 тысяч тонн натурального каучука. Как каучук, американские доллары от китайцев, так и золото, серебро и монацитовый концентрат из Северной Кореи Сталин, конечно, получил. Идеи идеями, а «табачок врозь».

Сталин постепенно утратил интерес к корейской войне, поняв, что это битва без победителей. Общей победы не будет для какой-либо из сторон. Правда, он еще несколько раз советовал Ким Ир Сену «использовать авиацию и артиллерию массированно», «беспощадными и немедленными мерами сломить голову реакции и обеспечить порядок в своем тылу», «иметь в месте расположения правительства сильный и надежный военный кулак»{536}, но действовал уже как бы по инерции. Он дал указание Вышинскому не противиться мирным предложениям, однако и не форсировать их. «Американцы сейчас мира хотят больше, чем мы».

Встречаясь 19 декабря 1952 года в Москве с Чжоу Эньлаем, Сталин обсуждает с китайским премьером пути сохранения позиций Китая и Северной Кореи в войне, формы обмена военнопленными. Сталин и здесь остался верен себе, напомнив китайскому руководителю, что «американцы постараются часть военнопленных завербовать, чтобы использовать их для шпионажа… Так было и с нашими военнопленными в прошлой войне, а теперь мы каждый день ловим по нескольку человек военнопленных, которых американцы перебрасывают на нашу сторону…»{537}. Сталин подтвердил свою готовность предоставить Китаю вооружение для 60 китайских пехотных дивизий. Ведя переговоры о мире в Корее, Сталин не исключал и продолжения военного конфликта. В заключение беседы он подарил членам китайской делегации новые советские автомашины «ЗИМ», выражая свое высокое уважение к лидерам из Пекина… Ведь именно они в критический момент сыграли такую важную роль.

Встречаясь с Чжоу Эньлаем месяцем раньше, 20 августа 1952 года, в Москве, Сталин спросил собеседника: как быть с корейской войной? Идти на мир или продолжать ее? Чжоу Эньлай сказал, Мао полагает, что «продолжение войны выгодно нам». Китай готов к тому, что война будет продолжаться еще 2–3 года…

Сталин, глядя на собеседника, всегда подтянутого, собранного, согласился: «Война портит кровь американцам». Подумав, добавил: «Северокорейцы ничего не проиграли, кроме

жертв в этой войне (?! В этой фразе весь Сталин)… нужны выдержка и терпение. Надо корейцам разъяснить, что это дело большое (надо полагать, советский диктатор думал: пусть продолжают приносить жертвы во имя «большого дела»). Для Кореи мы ничего не пожалеем». И Сталин, действительно, не жалел своих ресурсов для тех, кто продолжал жертвовать жизнями сотен тысяч людей, чтобы «попортить кровь американцам». В телеграмме, отправленной в апреле 1952 года Ким Ир Сену, говорится: «Мне стало известно, что корейский народ нуждается в хлебе. У нас есть в Сибири 50 тысяч тонн готовой пшеничной муки. Мы можем послать эту муку в подарок корейскому народу…»

Ким Ир Сен рассыпается в любезностях за щедрый подарок Сталина и желает «многих лет жизни и здоровья на счастье человечества»[{538}].

Но вернемся к беседе Сталина и Чжоу Эньлая.

Диалог любопытен и дальше.

«Чжоу: Если американцы не хотят мира, то мы должны быть готовы продолжить войну хотя бы год…

Сталин: Правильно. Америка не способна вести большую войну.

Вся их сила – в налетах, атомной бомбе… Американцы – купцы. Немцы в 20 дней завоевали Францию: США уже два года не могут справиться с маленькой Кореей. Какая же это сила? Атомной бомбой войну не выиграть…»

Не отсюда ли и у Мао отношение к ядерной угрозе, как к «бумажному тигру»?

Собеседники выяснили, что у Ли Сын Мана всего 116 тысяч военнопленных, в том числе 20 тысяч китайцев. Переговаривающиеся стороны не очень озаботились этим, и Сталин лишь спросил: сколько американцев в плену?

Чжоу заглянул в бумажку и прояснил ситуацию: примерно 3–4 тысячи. Вместе с ооновцами.

Война продолжалась, а лидеры уже смотрели в будущее. Военное будущее. Когда Чжоу сказал, что Китай после войны намерен иметь 102 дивизии, а всю армию в 3 млн 200 тысяч человек, то Сталин поморщился:

– Но это минимум. Вы хотите иметь 150 авиаполков. Это мало. Надо 200 авиаполков…[{539}]

Таким был Сталин «в деле». На первом плане – глобальные интересы системы, державы, «лагеря». На десятом – какие-то там «жертвы», лишения, потери. Даже ради того, что «война портит кровь американцам», ее можно продолжать… Сталин словно забыл, как всего несколько лет назад писал в телеграмме

президенту Ф. Рузвельту (7 апреля 1945 года), выражая свои глубокие союзнические чувства: «Я никогда не сомневался в Вашей честности и надежности, так же как и в честности и в надежности г-на Черчилля»{540}. Похожие теплые слова выражал и президенту Трумэну, как, впрочем, и он Сталину…

Кстати, о Трумэне. Сталин помнит не только его послевоенные любезности, но и жесткость.

После разгрома Японии 16 августа 1945 года Сталин направил президенту Трумэну телеграмму, в которой предложил «включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо… Это последнее предложение имеет особое значение для русского общественного мнения. Русское общественное мнение было бы серьезно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории. Я бы очень хотел, чтобы изложенные выше мои скромные пожелания не встретили возражений».

Через два дня Сталин получил ответ от Трумэна с жестким отказом без каких-либо объяснений. Одновременно американский президент сообщал, что «правительство США желает располагать правами на авиационные базы для наземных и морских самолетов на одном из Курильских островов, предпочтительно в центральной группе…».

Сталин умел постоять за державу. Ответ его был не просто жестким, но и морализаторским. «…Должен сказать, что я и мои коллеги не ожидали от Вас такого ответа…» Далее Сталин, касаясь Курил, прочитал «мораль»: «Требования такого рода обычно предъявляются либо побежденному государству, либо такому союзному государству, которое само не в состоянии защитить ту или иную часть своей территории… Я не думаю, чтобы Советский Союз можно было причислить к разряду таких государств… Ни я, ни мои коллеги не понимаем, ввиду каких обстоятельств могло возникнуть подобное требование к Советскому Союзу»{541}.

Атомные закулисные «аргументы» не помогли Трумэну. Свое достоинство Сталин сохранил. А советский десант на Хоккайдо (частью уже посаженный на корабли) пришлось отменить… Но вернемся к войне в Корее.

Сколь эфемерны слова, обещания, декларации, если интересы глубоко различны. Для Сталина, чуть не ставшего в молодости священником, никогда не существовало ничего святого. Даже Ленин, коммунистическая доктрина были для него лишь средством, безотказным средством укрепления великодержавности советского гегемонизма и личного

всевластия. Война в Корее лишь дополнительно высветила Сталина с некоторых новых сторон: его умения использовать зависимых от него союзников, умения идти на риск большой войны, не сжигая одновременно за собой всех «мостов», «умения» политический цинизм превращать в государственные принципы. Достигнув апогея власти, Сталин в корейской войне тем не менее обозначил свое грядущее историческое поражение.

Сталину осталось жить совсем немного. Он никогда не узнает, что одобренная им война в Корее завершится 27 июня 1953 года в Паньмыньчжоне соглашением о прекращении огня. Бесплодная, страшная затея решить проблему силой оружия стоила многих, многих сотен тысяч жизней, многих миллиардов рублей и долларов, тысяч разрушенных деревень и городов, промышленных предприятий.

Муки совести никогда не грызли кремлевского диктатора… Он давно поверил в свое право вершить судьбы миллионов людей. Корейская война была лишь последним страшным военным эпизодом в его политической биографии.

Сталинизм умер?

Незадолго до своей смерти Сталин поинтересовался, как идет дело с переводом на русский язык докладов, речей, статей Мао Цзэдуна, предназначенных для очередного тома избранных произведений китайского лидера. На другой день В.Н. Малин, заменивший отстраненного по настоянию Берии Поскребышева, положил на стол вождю несколько переводов статей Мао. Сталин нехотя полистал труды восточного вождя и отодвинул в сторону. Лишь две фразы удостоились его письменного внимания, помеченные сталинским отчеркиванием на полях: «Перед китайским народом лежат два пути: путь света и путь мрака. Существуют и две судьбы Китая – светлая и мрачная»{542}.

Мысль державного китайца была созвучна устойчивому умонастроению Сталина. Он давно и безоговорочно уверовал в светлую коммунистическую судьбу СССР, в то, что исторический импульс, заданный им стране, будет долгим, неиссякаемым. У него, судя по всем его записям, пометкам, резолюциям последних лет, не возникало никаких сомнении, что дело его жизни вечно.

Вероятно, Сталин полагал, что он подвел общество вплотную к рубежу, за которым советские люди вступят уже на «окраины» лучезарного мира коммунизма. Не случайно его последняя теоретическая работа, известная как «Экономические проблемы социализма в СССР» и состоящая из замечаний к теоретической дискуссии 1951 года, вельможной критики А.И. Ноткина, Л.Д. Ярошенко, А.В. Саниной, В.Г. Венжера, посвящена в действительности тому, что будет «потом». Сталин, видимо, был уверен: после выполнения трех выдвинутых им условий подготовки перехода к коммунизму состоится наконец то, во имя чего загублены жизни многих миллионов людей. Абсолютный диктатор не хотел, чтобы при жизни учреждался орден его имени (а таковой уже был подготовлен), полагая «нескромным» реальный вариант ленинизма называть «сталинизмом», считая «преждевременным» создание центрального музея Сталина, ибо все это должно появиться при коммунизме, к которому советский народ подвел он, Сталин.

Достаточно прочесть лишь одну его фразу, чтобы понять и почувствовать, что ждало советских людей, если бы сталинизм сохранился «на века». По Сталину, «переход от социализма к коммунизму и коммунистический принцип распределения по потребностям исключают всякий товарный обмен, следовательно, и превращение продуктов в товары, а вместе с тем и превращение их в стоимость»{543}.

Большая казарма, огромная коммуна, одномерное распределительное общество, где было бы невозможно рассмотреть личность в однотонной гигантской толпе, называемой «массой». Сталин верил в пришествие этого земного «рая». Верили и мы с разной степенью убежденности. В то время я был курсантом танкового училища. Вспоминая то далекое уже время, знаю, мы искренне верили в коммунизм как в «будущую реальность», в социальную неизбежность, как в нечто всеобщее и радостное. Но на житейском уровне мы связывали коммунизм прежде всего с обильностью, сытостью, достатком, живя в более чем скромной, точнее, просто бедной обстановке тех лет.

Коммунизм и коммунист – состояние и качество особое, с которыми традиционная цивилизация никогда не может быть в гармонии. Не случайно, что 22 ноября 1941 года Черчилль, размышляя в одном из своих посланий Сталину, рассуждая о «послевоенной организации мира», как бы напоминает: совместная борьба против гитлеризма не меняет того факта, что «Россия является коммунистическим государством и что Британия и США не являются такими государствами и не намерены ими быть…»{544}.

Это, и именно это, привело к концу войны к заметному охлаждению между союзниками. Коалиция для обеих сторон была строго по расчету. Живучесть сталинской системы в огромной степени зависела от степени изоляции советских людей от западных ценностей, демократических институтов свободного мира, от того, насколько коммунистическая пропаганда способна разрушить его привлекательность. Уже в ходе войны, особенно в конце ее, эта тенденция проявилась с особой силой.

15 ноября 1944 года Сталин в Кремле принимал делегацию Варшавы во главе с М. Спыхальским. Во время обильного застолья Сталин особенно нажимал на то, что «Советский Союз, мы, ленинские люди, всегда отличались честностью и искренностью своей политики». Свою мысль Сталин подвел к тому, что и хотел сказать:

– Вот, был тут у меня Черчилль. Он считает, что, если союзник неопытен, его можно надуть. Я же считаю, что этого делать нельзя{545}.

И это говорилось в тот момент, когда переписка Сталина и Черчилля была особо интенсивной; оба лидера старались перещеголять друг друга в любезности выражений и превосходстве эпитетов. И, конечно, Черчилль никогда не мог говорить кремлевскому диктатору о желательности «надуть» неопытного противника.

Когда же началось половодье сердечных, спонтанных встреч

советских солдат с американцами и англичанами, о чем сообщали командующие фронтами, Сталин тут же продиктовал директиву:

«…Старшему войсковому начальнику, на участке которого произошла встреча, в первую очередь связаться со старшим начальником американских или английских войск и установить совместно с ним разграничительную линию, согласно указаний Ставки. Никаких сведений о планах и боевых задачах наших войск никому не сообщать. Инициативу в организации дружеских встреч на себя не брать…»{546}.

Сталин боялся «тлетворного влияния Запада». Крепость его системы напрямую зависела от «стерильности» ленинско-сталинских идей, незамутненной веры в его, Сталина, непогрешимость, абсолютную истинность пути, по которому он вел великий народ.

Именно этим можно объяснить, а не только стремлением «отфильтровать» предателей и шпионов, появление вскоре после триумфальных майских дней директивы, подписанной Верховным Главнокомандующим. Она такова:

«Командующим войсками 1, 2-го Белорусских, 1, 2, 3, 4-го Украинских фронтов. Тов. Берия, тов. Меркулову, тов. Абакумову, тов. Голикову, тов. Хрулеву, тов. Голубеву.

Военным советам фронтов сформировать в тыловых районах лагери для размещения бывших военнопленных и репатриируемых советских граждан на 10 000 человек каждый. Всего сформировать: во 2-м Белорусском фронте 15 лагерей, в 1 – м Белорусском фронте – 30, в 1 – м Украинском

фронте – 30, в 4-м Украинском фронте – 5, во 2-м Украинском фронте – 10, в 3-м Украинском фронте – 10 лагерей…

Проверку возложить: бывших военнослужащих Красной Армии на органы контрразведки «Смерш», гражданских лиц на комиссии НКВД, НКГБ, «Смерш»…

Сталин»{547}.

Сталинизм (хотя тогда так не говорили) нуждался в охране, сбережении, изоляции от «тлетворных влияний». Эти новые 100 «профилактических» лагерей, как страшные фильтры, «отсеивали» десятки тысяч людей, которые из лагерей гитлеровских прямиком попадали в лагеря сталинские. Из 1 миллиона 950 тысяч человек, прошедших проверку, около 900 тысяч угодили в сталинские лагеря и так называемые «рабочие батальоны» НКВД, разбросанные по бесчисленным стройкам ГУЛАГа. Так, в частности, обеспечивалась живучесть ленинско-сталинской ментальности…

Вскоре после победоносного окончания войны Сталин уже как бы стеснялся былой боевой близости с лидерами союзных стран. Постепенно они для него стали вновь олицетворять то, чем были всегда, – непримиримых классовых врагов. Нет, он пока еще не называет их, как позже, на XIX съезде партии: «главными врагами освободительных движений», «буржуазия продает независимость наций за доллары», это «поджигатели войны»{548}. Это он сделает потом. А сейчас он, победитель, которому история в минувшей войне подтвердила его «правоту», все больше дистанцируется от бывших союзников.

Второй вождь после войны исподволь «консервировал» созданную Лениным и им систему. Пока, возможно, только он понимал, что ее историческая устойчивость зависит от сохранения неизменными всех большевистских постулатов власти; монополии одной партии, особой избранности одного класса, «истинности» только одной идеологии, абсолютной непримиримости ко всему не коммунистическому, фанатичному следованию миллионов людей «заветам Ленина» и его, Сталина, «указаниям». Думаю, что тогда в нашей стране только он до конца понимал основные условия исторического сохранения его детища.

В конце своей жизни, последние два-три года, Сталин утратил былую активность. Нет, он по-прежнему уделял немало времени корейской войне, борьбе с Тито, встречам с коммунистическими лидерами, редким заседаниям политбюро (Президиума ЦК), изучению докладов о ходе «великих строек коммунизма», принимал военных и ученых по ядерной программе страны, по-прежнему ездил в Большой театр… Но энергия, силы его покидали. Годы борьбы за власть, за утверждение своего взгляда на ленинскую систему, тяжелейшая война, возраст брали свое. Ведь им с Лениным создана система, где первое лицо должно ежедневно лично принимать множество решений.

Сталину в глубине души, видимо, льстило, что вот он согласился со строительством каскада ГЭС на Волге, и они создаются; он поставил подпись под решением о сооружении железной дороги от Северного Урала до Енисея, и десятки тысяч заключенных своими костьми мостят этот путь. Стоило ему сказать, написать, показать пальцем – в движение приходили миллионы людей.

Абсолютная власть. Пусть решения облекались в постановления ЦК и правительства, во всем этом скрывалась его неукротимая воля. Вот главная пружина системы – воля вождя. Но сил становилось все меньше. Даже для своей пятнадцатиминутной речи 14 октября 1952 года на последнем

для Сталина XIX съезде партии у него едва хватило сил. А ведь раньше он без устали произносил многочасовые доклады на съездах, конференциях, совещаниях.

Стало нередким (чего раньше не происходило), когда Сталин не ехал в Кремль, а рассматривал важные бумаги на даче, в Кунцеве. Близкое окружение, вызванное туда, иногда заставало Сталина неподвижно сидящим в кресле, лицом к окну. Кто знает, где были теперь его мысли. Так могло продолжаться час, полтора… Конец года, иногда более трех месяцев, Сталин проводил на юге. Иногда появлялся, выходя из своего особняка, медленно бродил по аллее парка, но чаще сидел на веранде лицом к осеннему морю.

Давно замечено, что огонь лесного костра, бесконечная глубина неба и дыхание безбрежного моря располагают к долгим философским размышлениям. О чем мог думать человек, бывший в начале политической карьеры малозаметным ссыльным, почти бродягой, не имевшим ни денег, ни профессии, ни семьи, а ставший самым страшным диктатором XX века (а может, не только этого столетия), умело манипулировавшим сознанием сотен миллионов людей, поверивших в реальную достижимость социальной справедливости на Земле.

Анализ бумаг Сталина, некоторых воспоминаний людей, имевших с ним определенные контакты, его последние редкие выступления и «теоретические работы», деловая переписка дают основание полагать, что в космосе сознания вождя некоторые идеи возникали достаточно часто.

Как и у большинства старых людей, мысль Сталина чаще обычного возвращалась к детству, матери, Грузии. На целом ряде писем, адресованных вождю политическими заключенными-грузинами, он писал: «Берия. Разобраться. Если пишут правду – освободить. И. Ст.». Мог вспомнить, что еще в начале 20-х годов, когда по инициативе Ленина начался сатанинский поход против Церкви, Сталин два-три раза, вспоминая себя бывшим семинаристом, слегка амортизировал страшные удары.

«ЦК КП Грузии Ломинадзе.

Высшая мера наказания в отношении Амвросия (экзарха[12] Грузии) нецелесообразна из-за соображений международного характера. Ограничиться 10 годами заключения и широкой кампанией в печати о его контрреволюционной деятельности.

14 марта 1924 г.

Секр. ЦК Сталин»{549}.

Почти в то же время его запросили из Тифлиса, как поступить с меньшевиком Девдориани (предполагался арест). Сталин решил иначе.

«…Я не сомневаюсь, что Девдориани и его группа являются самыми вредными элементами меньшевизма в России, особенно теперь, в условиях нэпа. Мой совет, использовать Девдориани на короткий срок для разложения меньшевиков-рабочих, если таковые еще остались в Грузии. А потом выкинуть его за границу. Обязательно выкинуть»{550}.

Нет, конечно, державная рука не щадила и родную Грузию; его, сталинский серп походил там страшно. Однако когда после войны в Москву направлялись списки работниц с чайных плантаций Грузии, Сталин, когда его запрашивали о награждении тружениц, всегда говорил – «дать».

Обрусевший грузин в конце своей жизни неожиданно разыскал нескольких своих кавказских друзей детства и выслал им деньги…

Кольцо судьбы всегда замыкается. Мысль, давно оторвавшаяся от памятных мест своего рождения, помимо воли возвращается туда снова и снова.

Также по ряду косвенных признаков (появление на письменном столе после его семидесятилетия небольшой фотографии жены Н.С. Аллилуевой; приближение к себе дочери Светланы – летом 1951 года проводит с ней часть отпуска в Боржоми; попытка, правда, по инерции и без успеха, спасти сына Василия от алкоголизма и др.) можно сказать, что Сталин все чаще, в основном мысленно, возвращался к своей заброшенной семье, которую он принес в жертву своему делу. Удалось установить, что один раз диктатор, которого никто и никогда не мог обвинить в сентиментальности, пересмотрел почти полтора десятка писем и записок своей жены, отправленных ему Надеждой Сергеевной на юг. Может быть, его заинтересовали образные впечатления Надежды: «Москва выглядит лучше, но местами похожа на женщину, запудривающую свои недостатки, особенно во время дождя, когда краска стекает полосами…»{551} А может быть, как политика до мозга костей, заинтересовало другое письмо: «…Со следующей почтой, если еще не вернешься к тому времени, пошлю книгу Дмитриевского «О Сталине и Ленине» (этого невозвращенца), сейчас не могу послать, т. к. Двинский не достал еще, а я вычитала в белой прессе о ней, где пишут, что это интереснейший материал о тебе. Любопытно?»{552}

Семья, особенно «запущенная», заброшенная во время политической жизни, возможно, возникала в стареющем больном мозгу как скорбный укор, как необратимость отшумевшего и безвозвратного.

Как свидетельствуют воспоминания Н.С. Хрущева, ряда других политиков, Сталин на закате жизни не мог не задуматься:

что ждет «его дело» после смерти лидера? Во время ночных застолий он не раз вопрошал: что будете делать без меня? И горько резюмировал:

– Вас раздавят как котят…

Сталин не видел своего преемника. Нового вождя. По ряду косвенных пометок в записях Сталина совершенно ясно, что он искал для своей личности аналогии в истории. Судя по тому, что диктатор читал и помечал своим карандашом в книгах, его симпатии были отданы Ивану IV, названному в народе Грозным. Второму вождю большевиков импонировало, что Иван Грозный был умным, властным деспотом. Его необузданная жестокость в понимании Сталина выглядела как государственная доблесть, а завоевание Грозным Казанского ханства, выход к Балтийскому морю, создание опричнины лишь усиливали в глазах большевистского тирана притягательность русского царя из далекого XVI века.

Как и Грозный, Сталин не оставил достойного наследника. От семи царских жен у Ивана был лишь слабоумный Федор да малолетний Дмитрий от Марии Нагой. Вырождение «царского корня» угнетало Грозного. Мучило отсутствие явного наследника и Сталина, хотя если бы таковой и был, то едва ли бы он уцелел. Но большевистский абсолютизм предполагал иметь во главе системы марксистского вождя.

Сталин не сомневался, об этом я могу судить с большой степенью уверенности, в том, что его «дело» будет жить всегда. Его сентенции о «котятах» выражали больше всего личную неудовлетворенность выродившимся окружением, которое он превратил в поддакивателей, исполнителей, льстецов. Но что касается классовых, идеологических целей, Сталин верил: они достижимы. Ему уже представлялось неизбежным автоматическое исполнение всех его пророчеств.

Долгое время Сталин отдавал явное предпочтение Молотову; встречался с ним чаще, чем с кем-либо; нередко принимал самые ответственные решения, посоветовавшись только с этим человеком (достаточно вспомнить печально знаменитые советско-германские соглашения 1939 года); именно Вячеслав Михайлович, пожалуй, один из всего политбюро мог возразить вождю, высказать свою точку зрения. Но ко времени XIX съезда партии Сталин резко охладел к Молотову, а на пленуме после съезда подверг его (как и Микояна) резкой, но маловразумительной критике. Как писал Хрущев, он был уверен, «что, если бы Сталин прожил значительно дольше, жизнь Молотова и Микояна закончилась бы трагически»{553}.

Сталин явно благоволил к Жданову, но его отталкивало

злоупотребление способного сталинца спиртным. Смерть Жданова, однако, достаточно загадочна. Хрущева диктатор вряд ли воспринимал всерьез; для него он был «мужик-руководитель», прямой, исполнительный, но едва ли пригодный на первые роли. К Берии в последние годы своей жизни Сталин относился явно настороженно, и не исключено, что готовил момент и ситуацию, чтобы списать на этого штатного палача системы все «кадровые» издержки послевоенного сталинского проявления. Берия лучше других представлял физическое состояние Сталина и исподволь готовился к неизбежному концу вождя.

К Ворошилову, Кагановичу он давно остыл; они ему просто надоели. Микоян, Шверник, Булганин, Первухин и другие вожди «второй линии» никогда не рассматривались Сталиным как руководители первого плана. Оставался Маленков, сообразительный, исполнительный, угодливый деятель, совершивший карьеру в аппарате Центрального Комитета. После устранения Поскребышева Маленков фактически вел все личные дела генералиссимуса, «сортировал», «фильтровал» бумаги, которые тому адресовались. Однако Сталин не раз во время ночных застолий упрекал Маленкова в «бесхребетности» и непростительной «мягкости». Диктатор не мог видеть в этом женоподобном, рыхлом человеке своего преемника.

Чувствуя приближение смерти, а это было, видимо, именно так, он оставлял после себя вакуум. Для большевистской же системы всегда огромное испытание – смена первого вождя. В конце 1952 года и в начале последнего года своей жизни Сталин несколько раз впадал в обморочное состояние, два раза падал прямо в кабинете. Кровяное давление подскакивало к критическим отметкам. Однако Сталин, бросив курить, полностью не отказался от любимого вина, нет-нет да и ходил в русскую парную, что едва ли было желательно в его состоянии.

Хрущев вспоминал, что временами у Сталина «наступало умственное затмение или случались провалы в памяти… Помню, как однажды он начал что-то говорить Булганину, но не мог вспомнить его фамилию. Сталин посмотрел на него пристально и сказал:

– Послушайте, как ваша фамилия?

– Булганин.

– Ну да, Булганин. Я и хотел так сказать»{554}. Сталин стал еще более подозрительным, не раз вслух говорил, что подозревает Молотова, Микояна, Ворошилова в том, что они «агенты империалистических государств».

Сталин деградировал. Повторялась картина того, что произошло с Лениным. И если бы удар, настигший диктатора на

даче, был полегче, не исключено, что мы бы пережили еще один сценарий, подобный «Горкам», только теперь это было бы «Кунцево». Уязвимость тоталитарной системы, несмотря на видимость монолита, заключается, в частности, в сверхцентрализации власти в руках одного человека. Эта концентрация рычагов управления в руках одной личности делает систему глубоко уязвимой.

Но диктаторы тоже смертны… Проходит, увы, не только молодость, проходит и старость.

После Второй мировой войны Сталин уделял особое внимание своему здоровью. Мы уже отмечали, что возраст и напряжение многих лет политической борьбы, а затем и страшной войны подточили силы диктатора. Сталин рассчитывал на кавказское долголетие: на его родине мужчины часто живут по 90-100 и более лет. Вождь в узком кругу не раз говорил, что Кавказ всегда наполняет его новыми силами. Ежегодно в августе он уезжал на Кавказское побережье Черного моря и подолгу там отдыхал. А в 1950–1952 годах Сталин находился на личном специальном курорте по 3–4 месяца ежегодно. Однако, возвращаясь с Кавказа, Сталин вскоре жаловался Берии и Молотову на головокружения, тошноту, плохое самочувствие. Его ближайшее окружение видело, как я писал выше, что он падал в кабинете. Об этих случаях как-то разузнали в международных дипломатических кругах. В январе 1948 года в Стокгольме и Лондоне сообщили о слухах по поводу возможной кончины советского диктатора. Но Сталин показался в Большом театре на любимом балете, и слухи тут же затихли.

Однако вождь гигантской страны не был бессмертным. В этой части очерка, опираясь на политические и медицинские документы, многие из которых никогда не были опубликованы, я расскажу, как Сталин уходил в иной мир, откуда никто, кроме Иисуса Христа, не вернулся.

Политический деятель умирает трижды. Сталин своей смертью подтвердил это правило. Исторически – он не умрет никогда и останется в памяти человеческой как самый страшный диктатор XX века. Политически – он тоже не умер и еще агонизирует. В России и сегодня есть его верные сторонники и почитатели. И не только среди ветеранов и коммунистов. Лишь физически Сталин однозначно умер. Более сорока лет тому назад, 5 марта 1953 года.

…1 марта 1953 года ближайшие люди из его окружения разъехались со сталинской дачи в четыре часа утра. Был, по обычаю, ночной ужин. Пили, говорили и опять пили. Сталин теперь пил мало: только немного грузинского вина. Однако

Хрущев утверждает, что «Сталин был довольно пьян…»[{555}]. Сталин вначале был в приподнятом настроении, затем пришел в раздражение; выговорил почти каждому из собеседников, особенно Молотову и Берии. Он был недоволен всем: если бы не ГУЛАГ, то промышленность, лесное хозяйство, горное дело, дороги, электростанции – никто бы не выполнили планов… Чем занимаются члены Президиума? (Так тогда именовалось всесильное политбюро. – *Д.В.*) В руководстве кое-кто считает, жестко говорил Сталин, что можно жить старыми заслугами… Ошибаются. Да, ошибаются!

За столом, уставленным многочисленными блюдами, наступила гробовая тишина. Сталин никогда не бросал угроз на ветер. От них холодело под сердцем.

Не смогли сохранить в лагере Югославию, раздраженно продолжал вождь, упустили момент, а с ним и победу в Корее, в стране вновь появились явные признаки крупномасштабного вредительства… «Дело врачей» тому явное подтверждение. Почему должен обо всем думать только он?

Берия, Маленков, Булганин несколько раз пытались в паузах монолога успокоить вождя: «Примем меры…», «Ваши указания, товарищ Сталин, будут выполнены…», «Положение обязательно поправим…».

Диктатор обвел присутствующих медленным тяжелым взглядом, с усилием поднялся, бросил салфетку на стол и, сухо кивнув всем, ушел к себе. Соратники тихо поднялись и тоже молча вышли. Везде, как обычно, стояла охрана, оберегая земного бога. Разъезжались еще в темноте. Маленков, что бывало часто, сел в машину к Берии; они жили на дачах рядом.

Весь следующий день Сталин никого не беспокоил: не вызывал, не звонил, не требовал почту, даже не обедал. Сначала это не вызывало особого беспокойства: Сталин часто ложился глубокой ночью и отдыхал до 11–12 часов дня. Но после полудня у обслуги появилась большая тревога. Однако без вызова никто не смел входить к вождю; так повелевала инструкция Берии. Но вот к вечеру в кабинете у вождя зажегся свет, затем в столовой. Охрана вздохнула с облегчением, правда, опять никакого звонка…

Что происходило в это время в апартаментах Сталина? Ведь смертельный удар с ним произошел где-то в районе 20–21 часа еще 1 марта, когда, плохо себя почувствовав, вождь прошел в столовую выпить минеральной воды. Никто и никогда не ответит на эти вопросы. Мир человека – огромный, необъятный, загадочный космос. Уходит человек, исчезает навсегда и этот неповторимый, уникальный мир… Но о его мире, ушедшем

навсегда, мы знаем больше, чем о других. Он материализовался в гигантских стройках, подневольном сословии крестьян, в атомной бомбе, гигантском ГУЛАГе, могучей крепости-государстве, полутора десятках его ясно-примитивных томов сочинений, десятках тысяч памятников. Но и это окажется не вечным…

О чем думал Сталин накануне рокового удара? Кто знает? Может быть, его обуревали мысли о своем одиночестве? Бренности этого мира? Достигнув фантастической власти, покорив сотни миллионов людей, став обладателем невиданной мощи, он оказался абсолютно одиноким на своей холодной вершине. Вокруг суетится множество лакействующих людей, но ему не с кем спорить, некому что-то доказывать, не перед кем оправдываться… Леденящая пустота… С ним всегда неразлучны только его мысли, все чаще зовущие в прошлое…

В тот последний долгий вечер со своими соратниками он почему-то заговорил о Коминтерне. Сколько выбросили золота, ценностей на создание компартий, а мировой пожар революции зажечь не удалось. Хотели вызвать революцию не только в Европе, но и в Азии: в Персии, Индии, Китае. Вспомнил, как на заседании политбюро 27 июля 1922 года решили, что даже Япония переживает предреволюционный период. Решили усилить агитационную работу в Азии путем создания радиостанции около Владивостока. Почему-то вспомнилось еще одно заседание политбюро 3 мая 1923 года, когда уже Ленин безнадежно болел. Выработали инструкцию Иоффе на переговорах с Японией: не возражать против продажи Сахалина за миллиард долларов. Девять десятых наличными. Но, как оказалось, сделка не состоялась. Сталин мог вспомнить, что вопрос о Северном Сахалине вновь поднял японский министр иностранных дел Мацуока 12 апреля 1941 года.

Во время их двухчасовой беседы, когда, как явствует из сталинского архива, оба остались довольны друг другом, Мацуока вдруг предложил продать северную часть Сахалина. Сталин немедленно среагировал:

– Ведь вы нас тогда «закупорите и задушите»… Зачем вам нужен холодный Сахалин?

– Для спокойствия, – ответил Мацуока.

…Сталин ушел с ужина и весь следующий день не появлялся. Тревога росла. Вождь не выходил из своих покоев. Обнаружила его лежащим на полу охрана, самовольно войдя вместе со служанкой Матреной Петровной в помещение около 11 часов вечера 1 марта. Перенесли на диван. Сталин был без сознания и хрипел. Но приехавший Берия, которого с трудом разыскали, шипел на прислугу:

– Не видите, товарищ Сталин крепко спит! Марш все отсюда и не нарушайте сон Иосифа Виссарионовича…

Лишь рано утром 2 марта протрезвевший Берия приехал вместе с членами Президиума и с целой группой врачей. Растерянные соратники находились в соседней комнате, где лежал Сталин. Лишь Берия ходил из угла в угол комнаты. Все молчали. После суетливого осмотра перепуганные профессора доложили партийному анклаву: «Медицинское заключение о состоянии здоровья тов. И.В. Сталина.

Консилиум в составе начальника ЛСУК (Лечебно-санитарное управление Кремля. – *Д.В.*) тов. Куперина И.И., профессоров Лукомского П.Е., Глазунова И.С, Ткачева Р.А. и доц. Иванова-Незнамова В.И. 2-го марта в 7 час. утра освидетельствовали состояние здоровья тов. И.В. Сталина.

При осмотре в 7 час. утра – больной лежит на диване на спине, голова повернута влево, глаза закрыты, умеренная гиперемия лица, было непроизвольное мочеиспускание (одежда промочена мочой). При попытке врача прощупать пульс на левой лучевой артерии проявилось двигательное беспокойство в левой руке и левой ноге. Дыхание не расстроено. Пульс 78 в 1 минуту с редкими выпадениями. Тоны сердца глуховаты. Кровяное давление 190/110. В легких спереди хрипов нет. В области правого локтевого сустава следы ушиба (экскориация и небольшая припухлость).

Больной в бессознательном состоянии. Правая носогубная складка опущена. При поднимании век глазные яблоки уходят то влево, то вправо. Зрачки средней ширины, реакция на свет снижена. Движения в правых конечностях отсутствуют, в левых временами двигательное беспокойство.

Диагноз: гипертоническая болезнь, общий атеросклероз с преимущественным поражением сосудов головного мозга, правосторонняя гемиплегия вследствие кровоизлияния в бассейне средней левой мозговой артерии; атеросклеротический кардиосклероз, нефросклероз.

Состояние больного крайне тяжелое.

Назначения: абсолютный покой, оставить больного на диване, пиявки за уши (поставлено 8 шт.); холод на голову, гипертоническая микроклизма (1 стакан 10 %-ного раствора сернокислой магнезии). Снять зубные протезы. От питания сегодня воздержаться.

Установить круглосуточное дежурство невропатолога, терапевта и медсестры. Осторожное введение с чайной ложечки жидкости при отсутствии поперхивания»{556}.

Подготовив диагноз и отпечатав его, руководитель группы

врачей И.И. Куперин подошел к Берии и Маленкову, которые все время о чем-то шепотом переговаривались.

Здесь же, в соседней комнате, в 12 часов дня провело заседание бюро Президиума ЦК КПСС. Председательствовал Г.М. Маленков. За столом молча, подавленные сидели члены бюро Президиума Л.П. Берия, Н.А. Булганин, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.Г. Первухин, М.З. Сабуров, Н.С. Хрущев, а также члены Президиума А.И. Микоян, В.М. Молотов, Н.М. Шверник, М.Ф. Шкирятов. Докладывал начальник Лечебно-санитарного управления Кремля И.И. Куперин, в стороне с бумагами сидел профессор Р.А. Ткачев.

Куперин страшно волновался; впервые докладывать такому составу… Он не забыл, что два месяца назад Сталин подписал распоряжение министру здравоохранения СССР Е.И. Смирнову «Об устранении серьезных недостатков в работе лечебно-санитарного управления Кремля», связанное с «делом врачей». Ждали новых арестов.

Выслушав доклад «Заключение врачебного консилиума об имевшем место 2 марта у товарища Сталина И.В. кровоизлиянии в мозг и тяжелом состоянии в связи с этим его здоровья», соратники молчали. Для всех исход был почти ясен с самого начала. Но, разумеется, об этом никто не сказал ни слова. Но и говорить о надеждах, перспективе, выздоровлении не решались. Могли не так понять. Лишь Берия зловеще произнес, обращаясь к Куперину: «Вы отвечаете за жизнь товарища Сталина, вы это понимаете? Вы должны сделать все возможное и невозможное, чтобы спасти товарища Сталина».

Куперин, и без того бледный, стал совсем белым…

Маленков зачитал заготовленный текст проекта постановления, который гласил:

«1. Одобрить меры по лечению товарища Сталина, принятые и намеченные к проведению врачебным консилиумом в составе начальника Лечсанупра Кремля т. Куперина И.И., проф. Лукомского П.Е., проф. Глазунова И.С, проф. Ткачева Р.А. и доцента Иванова-Незнамова В.И. (см. медицинское заключение консилиума).

2. Установить постоянное дежурство у товарища Сталина членов бюро президиума ЦК.

3. Назначить следующее заседание бюро президиума сегодня в 8 часов вечера, на котором заслушать сообщение врачебного консилиума»{557}.

Приняли, как все принимали раньше, «единогласно». По существу, «лечили» не врачи, а Президиум ЦК, как когда-то Ленина; «одобряли» приглашение одних врачей, отводили

других… Страшные гримасы системы. Никому не казалось чудовищно нелепым, что все назначения врачей должны быть утверждены высшим партийным органом. То была уродливая пирамида власти, достигшая вершины своего абсурда.

Вечером провели еще одно заседание бюро Президиума ЦК КПСС. Куперин доложил:

«Заключение: Состояние больного по сравнению с состоянием в 7 час. утра стало еще более тяжелым: больной по-прежнему находится в бессознательном состоянии, появилось нарушение ритма дыхания, пульс стал более частым, аритмия выражена резче, кровяное давление по сравнению с 7 час. утра стало несколько выше (210/120).

Назначения: Строгий постельный режим, повторно поставить на область сосцевидных отростков 6–8 пиявок. Свеча с эйфиллином (0,3) после клизмы из 200,0 мл 10 %-ного раствора сернокислой магнезии. Ввести внутримышечно 5,0 мл 25 %-ного раствора сернокислой магнезии. Поить с чайной ложечки сладким чаем при условии отсутствия поперхивания. Периодически холод над головой (отменить)».

Высший орган, вновь обменявшись мнениями, одобрил меры «по лечению товарища Сталина, принятые врачебным консилиумом», добавив, однако, еще новый пункт:

«Привлечь дополнительно к лечению товарища Сталина следующие медицинские силы: действительных членов Академии медицинских наук Мясникова А.Л., Тареева Е.М., Коновалова Н.В. и зав. кафедрой Второго Московского медицинского института Филимонова И.Н., введя их в состав врачебного консилиума»{558}.

Начиная со 2 марта, с 7 часов утра, дежурные врачи стали вести краткую хронологию истории течения болезни. Она пространна – десятки страниц. Показания и результаты наблюдений записывались через каждые двадцать-тридцать минут. Мы не можем привести весь этот перечень физических признаков, когда душа навсегда покидает тело, когда старая христианская истина «суета сует» становится особенно очевидной. Агония была долгой, страшной, но бессознательной. Правда, Хрущев утверждает, что был момент, когда Сталин всех узнал и даже пожал некоторым руки…{559} Врачебные записи этого не подтверждают. Мы приведем лишь несколько из множества зафиксированных в медицинском дневнике штрихов, физиологически характеризующих великое таинство – смерть человека.

Ведь, по сути, смерть – это часть, заключительная часть человеческой жизни, многогранной и безмерной. Для простого смертного жизнь – это детский смех и солнечные пятна на лице

матери, шепот дождевых капель за окном и груз усталости на плечах, это ожидания и надежды, подвижничество и борьба с подлостью. Для такого смертного, как Сталин, жизнь – это бесконечная гонка, борьба, стремление к власти, ее сохранению, укреплению, расширению… Власть в обществе – явление необходимое и неизбежное, но греховная по своей сути. И тем более греховная, чем менее она общественная.

Лучше других большевистских бонз знавший Священное Писание, обращался ли Сталин в минуты просветления к Богу или только хотел выжить, чтобы еще припасть к наркотическому источнику власти?.. Этого теперь уже никто и никогда не скажет.

Смерть пришла к человеку. Не к просто обычному человеку, а к самому крупному диктатору XX века.

Записи из дневника врачей.

2 марта 1953 г.

12.35. «Бессознательное состояние. Дыхание глубокое, ровное, 28 в 1 мин. Пульс 80 в 1 мин., удовлетворительного наполнения и напряжения…»

13.50. «Состояние тяжелое, бессознательное. Пульс 80 ударов в 1 мин., удовлетворительного наполнения и напряжения… Тоны сердца приглушены. Артериальное давление 210/120 мм. Заметно участились подергивания левой ноги».

Над Сталиным склонилась в халатах, словно стая белых чаек, целая группа седовласых профессоров, судорожно пытающихся продлить агонию. Никто из них не мог сказать вслух, что положение диктатора безнадежно.

Уставшие от ожидания и неизвестности соратники Сталина сидят в креслах неподалеку от больного, в соседних комнатах. Иногда встают, тихо переговариваются, выходят позвонить. Кто-то распорядился принести бутерброды. Берия (один) уезжал часа на два-три в Кремль. Приехал возбужденный. Врачи по-прежнему непрерывно тихо совещаются, ставят пиявки, делают уколы, пытаются поить сладким чаем с ложечки, делают клизму, свечи с эйфиллином, подают холод над головой. Все фамилии врачей этнически «безупречны»: Третьяков, Куперин, Ткачев, Глазунов, Иванов, Тареев, Филимонов, Мясников, Коновалов… Ни одного еврея. Ведь «дело врачей» еще не отменено. А в журнале истории болезни появляются все новые записи.

16 час. «Состояние больного по сравнению с состоянием в 7 часов утра стало еще более тяжелым; больной по-прежнему находится в бессознательном состоянии, появилось нарушение ритма дыхания, пульс стал более частым, аритмия выражена резче…»

У членов Президиума первый шок прошел; все думали, но никто не произносил вслух одного-единственного вопроса: «Кто?»

Кто возглавит партию и страну? Кто? Все боятся даже представить, что кабинет Сталина займет этот плотный человек со зловещим блеском пенсне. Берия страшней всех. А он уже не мог скрыть радостного возбуждения. Как писала Светлана Аллилуева, у смертного одра «…один человек вел себя почти неприлично – это был Берия. Он был возбужден до крайности, лицо его, и без того отвратительное, то и дело искажалось от распиравших его страстей. А страсти его были – честолюбие, жестокость, хитрость, власть, власть…»[{560}].

В ночь на 3 марта состоялся новый консилиум. Врачи вновь доложили бюро Президиума ЦК КПСС о ходе лечения. Привыкшие к ночным бдениям, еще не потерявшие силы, соратники вновь утверждают заключение врачей:

«Консилиум подтверждает диагноз больного и считает состояние его крайне тяжелым. Проводимые лечебные мероприятия консилиум считает правильными. На ближайшее время считать целесообразными следующие мероприятия:

1. Слегка приподнять голову и верхнюю часть туловища, положив небольшую подушку.

2. На ближайшие сутки ограничить питание введением через рот глюкозы с лимонным соком.

3. Грелки к ногам, преимущественно левой, температурой до 39–40 градусов на 1–2 часа.

4. Пенициллин 3 раза в сутки по 300 тыс. единиц на растворе новокаина» и еще целых пять пунктов…

Не все понимают, что власть времени – власть абсолютная. Его время кончилось. Земные боги тоже смертны… Мало кто знает, что Берия, возможно, ускорил кончину диктатора. Дело в том, что Сталин, находясь в сибирской ссылке, привык к русской парной бане. До начала 50-х годов он не изменял этой привычке: раз в неделю ходить париться. Здесь, на даче, ему срубили из сибирских сосен хорошую баньку. Но когда давление стало подскакивать до опасной черты, академик Виноградов уговорил Сталина не ходить в баню. Почти два года Сталин воздерживался. Но за две недели до удара Берия сказал, что врачам надо поменьше верить: столько среди них вредителей… Сталин вновь сходил несколько раз в парную. Вначале почувствовал облегчение, а затем…

3 марта 1953 года

Великая страна притихла. Работали заводы, шли поезда, читались лекции в университетах, летали самолеты. А «органы»

НКВД докладывали о настроениях людей. Ощущение обрушившегося горя было неподдельным. Люди, как было принято считать, «любили» Сталина. Но никто не знал, любил ли он их… Все как бы стихло. Лишь радио без конца передавало бодрые сводки успехов в народном хозяйстве.

В 10 час. 15 мин. 3 марта консилиум в том же составе, как накануне, докладывает бюро Президиума: «Состояние остается крайне тяжелым… Зрачки узкие, вяло реагируют на свет. При дыхании правая щека отдувается. В правой руке и ноге движения отсутствуют… Временами двигательное беспокойство в левых конечностях…»

Несколько раз в зале появлялся сын Сталина Василий, выкрикивавший пьяным голосом одну и ту же фразу:

– Сволочи, загубили отца.

Хрущев подходит, обнимает нетрезвого генерала за плечи, уводит в соседнюю комнату. Постепенно однообразные выкрики замолкают.

Дочь Светлана окаменело и печально смотрела на профиль отца, то и дело скрываемый халатами снующих вокруг больного врачей. Отец уже давно не видел ее, отгороженный от нее бесконечными государственными делами. В последний раз Сталин встречался с дочерью 21 декабря 1952 года, когда она приходила к нему поздравить с семидесятитрехлетием. С тех пор повидать дочь ему было некогда…

4 марта 1953 года

Последние годы Сталин, собирая соратников в кабинете, ругая их за какие-нибудь просчеты, часто говорил:

– Что вы будете делать без меня? Вы же сами ничего не можете решить и сделать…

Все молчали. Никто и представить не мог, что когда-нибудь Сталина не будет. Почти за три десятилетия все привыкли, что низенький невзрачный человечек с неизменной трубкой и с усами решает все. Их задача была лишь вовремя и качественно все исполнять…

Сталин после войны особо заботился о здоровье. Правда, он не доверял своим врачам, пришлось их посадить в тюрьму, а больше полагался на настои трав, которые готовил его верный оруженосец-помощник Поскребышев, фельдшер по профессии (пока и того не удалил). Много отдыхал. Иногда по нескольку дней не приезжал в Кремль; бумаги возили ему на дачу. Он устал от людей, пресытился властью и могуществом. Мог часами смотреть из окна дачи на верхушки берез, где кружилась стая ворон. Думал. Больше о прошлом. Часто вспоминал о жене

Надежде. Лишь иногда ночной концерт на даче или балет в Большом театре поднимали его настроение.

А врачи фиксировали безжалостную эволюцию болезни Сталина:

23.00. «Дыхательных пауз было относительно немного, и они устранялись механическим раздражением грудной клетки, в этот период кислород не применялся. С 2.30 снова участились паузы, в связи с чем был применен кислород (2 подушки). После вдыхания кислорода цианоз уменьшился. В целом положение больного стало критическим».

Как и в предыдущие дни, на даче всю ночь в окнах горели огни. В ночь на 5 марта вновь заседало бюро Президиума ЦК КПСС. Они по-прежнему «руководили» лечением. Правда, держатели власти чувствовали приближение развязки. Не выспавшиеся, осовевшие члены высшей партийной коллегии опять «единогласно» приняли постановление, предложенное Маленковым и Берией:

«О совместном заседании Пленума ЦК КПСС,

Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР

1. Созвать 5 марта в 8 часов вечера совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР.

2. Принять и внести на рассмотрение совместного заседания Пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР следующее решение:

В связи с тяжелой болезнью товарища Сталина, которая влечет за собой более или менее длительное неучастие его в руководящей деятельности, считать на время отсутствия товарища Сталина важнейшей задачей партии и правительства обеспечение бесперебойного и правильного руководства всей жизнью страны, что, в свою очередь, требует величайшей сплоченности руководства, недопущения какого-либо разброда и паники…

Поручить тт. Маленкову Г.М., Берия Л.П., Хрущеву Н.С. принять меры к тому, чтобы документы и бумаги товарища Сталина, как действующие, так и архивные, были приведены в должный порядок»[{561}].

Члены Президиума, вероятно, думали, что Сталин умрет до этого срока. Столь безрадостным был доклад врачей. Но Сталин был жив. Душа медленно и с трудом покидала это грешное, нескладное тело.

5 марта 1953 года

Врачи обреченно, но методично, скорее по инерции пытаются что-то сделать. Хотя надежд уже абсолютно нет. Камфора, кофеин, строфантин… Уже несколько раз пришлось прибегать к механическим раздражениям грудной клетки: все чаще наблюдается выпадение дыхания…

3.35. «Через каждые 2–3 минуты наступает пауза продолжительностью 4–5 секунд. Двигательное беспокойство в левой ноге и в пальцах левой руки в течение 1–2 минут, потом исчезло. Дыхание – 27 в минуту, пульс – 108 в минуту. Дан через подушку кислород. Дыхание несколько улучшилось».

Берия вновь уехал в Кремль. Теперь у него была возможность спокойно проверить личные сейфы Сталина. «Приводить их в должный порядок». Без Хрущева и Маленкова. У государственного палача могло быть подозрение о существовании завещания Сталина; он как-то однажды дал понять, что надо бы «для будущего кое-что написать…». А при охлаждении «старика» к нему он не мог ждать от последней воли вождя ничего хорошего… Да и вообще: у Сталина была старая толстая тетрадь в темном переплете, в которую он порой что-то записывал… Может, и о нем? Я писал в книге о Сталине, что диктатор, видимо, подумывал составить завещание соратникам. Возможно, и составил. Но если оно и было, то, скорее всего, мы о нем никогда не узнаем. Берия побывал в личном сейфе Сталина раньше других.

11.30. «Внезапно наступили позывы на рвоту. Состояние больного сразу ухудшилось. Наступило резкое побледнение лица и верхнего отдела туловища. Дыхание стало весьма поверхностным, с длительными паузами. Пульс частый, слабого наполнения. Наблюдалось легкое движение головы, 2–3 тикообразных подергивания в левой половине лица и судорожные толчки в левой ноге…»

Куперин, постучавшись, зашел в комнату, где сидели члены Президиума. Тихо сказал: «Положение угрожающее…»

Все молчали. Лишь Берия, приехавший из Кремля, вновь громко заявил:

– Принимайте все меры к спасению товарища Сталина!

В Москву шли тысячи писем и телеграмм с горячими пожеланиями «скорейшего выздоровления товарища Сталина». Люди надеялись на выздоровление вождя. В полдень вновь консилиум. Результаты докладывают окончательно измученным и измятым членам Президиума, которые по одному-по два выходят в соседние комнаты и засыпают тут же в самых нелепых позах, в креслах… Все как бы в полусне и бреду; не знаю, как держатся врачи…

12.00. «Расстройства дыхания усилились и были особенно резко выражены во вторую половину ночи и утром 5 марта. В начале девятого у больного появилась кровавая рвота, не обильная, которая закончилась тяжелым коллапсом, из которого больного с трудом удалось вывести…»

12.15. «Дыхание поверхностное, 31 в 1 мин… Пульс 120 в 1 мин. Значительная потливость. Кожные покровы бледны, губы и кисти рук цианотичны… Временами дрожание головы…»

В стороне Маленков и Берия, иногда к ним присоединяется Хрущев, что-то негромко обсуждают, дают поручения, звонят по

телефону. Речь идет о предстоящем совместном заседании Президиума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР. Нужно позаботиться о власти… Идет ее дележ. Но Сталин еще жив…

Вечером все уехали в Кремль. У постели умирающего Сталина оставили Булганина. Умчавшиеся на черных лимузинах заседать полагали, что смерть вождя – дело нескольких минут. В 20 час. 40 мин. началось заседание ЦК, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР. Почему открытие задержали на 40 минут? Берия, Маленков и Хрущев все время ждали звонка от Булганина о кончине Сталина. Но звонка все не было…

21.30. «Резкая потливость. Больной влажный. Пульс нитевидный. Цианоз усилился. Число дыханий 48 в 1 минуту. Тоны сердца глухие. Кислород (1 подушка). Дыхание поверхностное».

21.40. «Карбоген (4,6 % CO) 30 секунд, потом кислород. Цианоз остается. Пульс едва прощупывается. Больной влажный. Дыхание учащенное, поверхностное. Повторен карбоген (6 % CO) и кислород. Сделаны инъекции камфоры и адреналина. Искусственное дыхание».

Врачи непрерывно делают искусственное дыхание. Тщетно. Приходит момент, когда каждый человек перешагивает невидимую тонкую линию, делящую земное бытие от «того» мира. Никто, даже диктаторы, не могут перешагнуть обратно…

21.50. «Товарищ И.В. Сталин скончался».

Прав был Плутарх, оставивший для людей вечную строку: «Последний предел для всех людей – смерть»{562}.

Врачи один за другим выпрямлялись, вытирая пот. На искусственное дыхание сердце Сталина больше не отзывалось. Конец. Долгое молчание. Таинство смерти прошло на глазах, и тем не менее никто его не увидел. Потому что таинство божественно для всех: грешных и негрешных, диктаторов и подданных.

Все члены Президиума, уже приехавшие из Кремля, поднялись наверх, по одному стали подходить к смертному одру. Берия первый наклонился и поцеловал еще почти теплого вождя. За ним остальные соратники.

Томительное ожидание неизбежного конца у соратников сразу прошло. Многие испытывали одновременно печаль и облегчение. И глубокий страх. Перед неизвестным будущим. Отдав дань вождю, все быстро засуетились и вновь умчались в Кремль… Все уже думали не столько о Сталине, а о завтрашнем дне. Некому было даже мысленно сказать слова Марка Аврелия:

«Да живи ты хоть три тысячи лет, хоть тридцать тысяч, только помни, что человек никакой другой жизни не теряет, кроме той, которой жив; и не живет он лишь той, которую теряет!»

Упав на колени на полу у еще не остывшего тела вождя, по-бабьи, в голос ревела экономка Сталина Валентина Васильевна Истомина, стояли, сморкаясь от слез, люди из прислуги, охранники. Их тоже ждала неизвестность.

Здесь самое время сделать одно важное замечание. На закончившемся за один час десять минут совместном заседании высших органов власти страны соратники Сталина, не дождавшись сигнала о смерти Сталина, еще живого, лишили его поста Председателя Совета Министров СССР и назначили Г.М. Маленкова. Сталин был еще жив, а его отправили, умирающего, в отставку… Не дождались кончины. Резко сократили состав Президиума ЦК, увеличенный Сталиным до 25 человек. Оставили одиннадцать. Правда, Сталина сохранили в Президиуме как его члена (ведь не умер же еще…). Решили, чтобы Хрущев «сосредоточился на работе в Центральном Комитете КПСС». Объединили МГБ СССР и МВД СССР в одно министерство. Естественно, возглавил его Л.П. Берия. В 17 пунктах Постановления совместного совещания определили все главные властные должности.

Власть превыше всего… Даже такой всесильный диктатор, как Сталин, как оказалось, не мог рассчитывать на достойное к нему отношение после кончины. Соратники отправили его в отставку, когда он еще дышал{563}.

А в Кремле тем временем, через час после смерти вождя, было принято новое постановление.

«Образовать Комиссию по организации похорон Председателя Совета Министров Союза Советских Социалистических Республик и Секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза генералиссимуса Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА в составе тт. Хрущева Н.С. (Председатель), Кагановича Л.М., Шверника Н.М., Василевского А.М., Пегова Н.М., Артемьева П.А., Яснова М.А.».

На Старой площади большая бригада работников отдела пропаганды ЦК сидела над текстом «Обращения» ко всем трудящимся. Слались закрытые депеши на места. «Органы» повышали бдительность; враг может воспользоваться моментом для своих темных дел. Еще затемно 6 марта состоялось заседание Комиссии по организации похорон. Хрущев, вытирая лысину, читал:

«Комиссия считает целесообразным вскрытие и долговременное бальзамирование тела товарища СТАЛИНА

произвести в специальной лаборатории Мавзолея В.И. Ленина». Все постановление было расписано по тринадцати пунктам. Охрану возложили, конечно, на МГБ СССР (Гоглидзе); оформление Колонного зала – на Беспалова, Рындина, Герасимова, Волкова; снятие маски – на скульптора Манизера. Похоронить решили в форме генералиссимуса. Военным – войсковой и почетный караул…{564}

Однако два решения комиссии были принципиальными и потребовали вновь созыва Президиума ЦК 6 марта в первой половине дня: «Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Совет Министров Союза ССР постановляют: «Поместить саркофаг с телом И.В. Сталина в мавзолее на Красной площади, рядом с саркофагом В.И. Ленина».

«Утвердить прилагаемый проект постановления Центрального Комитета КПСС и Совета Министров Союза ССР «О сооружении Пантеона памятника вечной славы великих людей Советской страны». Уже после похорон президиум ЦК уточнит: «Пантеон соорудить в Москве, в 3,5 км южнее нового здания МГУ (на землях Воронцовского витаминного института)»{565}. Правда, и это постановление потом корректировали, перед тем как объявить конкурс на создание проекта, который никогда не будет реализован.

Комиссия ломала голову, как еще увековечить память вождя. Сталин очень хотел (об этом он осторожно говорил в день своего семидесятилетия в 1949 году), чтобы после его смерти был учрежден орден Сталина. Из девяти эскизов, подготовленных мастерами-художниками Н.Н. Москалевым, А.И. Кузнецовым, И.И. Дубасовым, он сам выбрал один: похожий на орден Ленина, только силуэт человека с усами. Но никто теперь в комиссии даже не вспомнил о пожелании вождя. Хотя выбранный Сталиным эскиз ордена давно ждал своего воплощения. Такова участь вождей: льстивая суета при жизни диктатора и забота царедворцев только о себе после смерти «бессмертного». Все думали о себе и неясном грядущем. Для каждого.

В течение семи часов 6 марта проходило патологоанатомическое исследование тела. Проводили его все высшие светила медицинской науки СССР. Девять человек, и все с русскими фамилиями. Но это уже по инерции. Еще никто не знает, что «дело врачей» вместе со смертью Сталина тоже умрет. Несчастные профессора скоро будут выпущены на свободу. Однако целых одиннадцать страниц Акта медицинского заключения уже никого не интересовали. Для народа эту бумагу написали попроще и покороче: на страницу с четвертью.

Гигантская страна погрузилась в траур. Он был

неподдельным. Рабочие были в печали в силу своей традиционной «пролетарской сознательности», крестьяне – в силу крепостной зависимости, интеллигенция – в результате своей выморочности, военные – памятуя о дорогих (во всех смыслах) победах… Не печалились лишь миллионы жителей ГУЛАГа – у них сразу же вспыхнула искра надежды на амнистию. Политические заключенные почему-то особенно надеялись на амнистию. И напрасно. Пока никто не хотел выпускать «врагов народа» на свободу. А жители ГУЛАГа ждали… Вскоре в некоторых лагерях вспыхнули бунты.

Уже много позже после похорон государственный советник юстиции Р. Руденко доложит Маленкову: «В Речном (особом) лагере, где содержатся особые государственные преступники, возникли массовые беспорядки, заключенные отказались выходить на работу. Оказывают активное сопротивление администрации лагеря. 1 августа группа заключенных в количестве 500 человек пыталась прорваться в зону лагеря. Требовали пересмотра дел и амнистии после смерти Сталина. Было применено оружие. Убито 42 и ранено 138 заключенных…» Действия властей были решительными, сталинскими. В архипелаге ГУЛАГ восстановили «спокойствие».

Руденко в записке напоминает об основных параметрах Особых лагерей: полный запрет свиданий с родственниками; разрешается писать в год лишь два письма и только родным; одежда с обязательными номерами на спине; бараки с камерной планировкой; работы только физически тяжелые по 10 часов в день; все лагеря в сложных климатических условиях; зачетов за хорошую работу не положено; после отбытия срока пожизненная ссылка… Выжить здесь было невозможно.

На бумаге резолюция: «Доложено. В архив». Верхушка продолжала мыслить по-сталински. Время свободы для несчастных еще не пришло.

В стране объявили траур сразу на четыре дня. Предусмотрели и артиллерийский салют в 12 часов дня 9 марта, не забыли и о том, что нужно на пять минут в этот же час остановить работу всех предприятий, учреждений и транспорта, как и дать трехминутные гудки… То было данью греховному величию диктатора.

Сталинские похороны были пышными и… смертельными. Диктатор не хотел уходить (даже в мавзолей) без обрамления ритуала десятками жертв любви к нему. На центральной трибуне мавзолея рядом со сталинскими соратниками стояли Чжоу Эньлай, Б. Берут, К. Готвальд, В. Ульбрихт, 0. Гротеволь, В. Червенков, Г. Георгиу-Деж, П. Гроза, М. Ракоши, П. Тольятти, Ж.

Дюкло, П. Ненни, Пак Ден Ай, Кекконен, Завадский, Цеденбал… Международные руководители помельче стояли на крыльях мавзолея.

Состав Президиума сократился после смерти вождя сразу более чем вдвое; сталинские выдвиженцы на XIX съезде, вроде Д.И. Чеснокова, П.Ф. Юдина, П.К. Пономаренко и других, мелькнули на политическом небосклоне и исчезли. Сталинской гвардии они были ни к чему. Даже Л.И. Брежнев не удержался, но его звезда еще взойдет. Через десятилетие.

На траурном митинге солировала четверка: Хрущев, Маленков, Берия и Молотов. Все клялись в верности «делу Сталина». Еще никто не знал, что мужиковатый Хрущев через три года подложит самую крупную свинью сталинизму. Только тогда, после XX съезда партии, страна начнет медленно оттаивать от ледяного холода русского марксизма. Начнется медленное, с долгими паузами освобождение от сталинизма.

Держава увековечивала имя Сталина. Появились в перенасыщенной этими названиями стране новые улицы, поселки и колхозы имени умершего вождя. Как и в послушном социалистическом зарубежье. Например, уже 7 марта Варшава решила, что город Катовице будет городом Сталиногрудом, а Дворец науки и культуры в Варшаве станет носить имя Иосифа Сталина. Конечно, перед ним будет воздвигнут и памятник Сталину… Возможно, за известную «любовь» Сталина к полякам. О Катыни, правда, еще не было известно. Однако в свое время, когда Сталин принимал в Кремле 3 декабря 1941 года польскую делегацию во главе с Председателем Совета Министров Польской Республики Владиславом Сикорским, вопрос о польских офицерах всплыл. Сикорский сказал, что у него есть список на 4 тысячи польских офицеров, которые находятся в лагерях…

«Сталин: Это невозможно, они сбежали.

Анперс: Куда же они могли сбежать?

Сталин: Ну, в Маньчжурию…»[566].

Сталин играл с поляками, словно кот с мышью… Или просто издевался. Уверен, он не мог простить своего поражения на польском фронте в 1920 году, когда десятки тысяч российских солдат бесследно сгинули в польских лагерях… Но это отступление.

Не многие теперь уже знают, что после похорон Президиум ЦК решит «организовать на подмосковной даче, где жил и работал вождь, музей И.В. Сталина». Даже директора назначили, штаты утвердили, большие деньги отпустили. Но слава Богу, скоро одумались, а то ведь уже одному вождю, его предшественнику, создали сотни музеев, заповедников и

памятных мест… По количеству литературы классиков марксизма-ленинизма-сталинизма и памятникам им страна, безусловно, давно добилась коммунистического изобилия.

Никто еще не знает, что для советской России скоро наступит эпоха постсталинизма с оттепелью и заморозками. В монолитной системе, скованной оковами догматизма и тоталитаризма, постепенно станут ощутимы едва слышные стуки миллионов людей, томящихся в неволе. Хрущев одним из первых расслышит их. Заторможенное будущее наступало. Но до свободы еще будет так далеко… Даже сегодня, сорок с лишним лет спустя после смерти Сталина, многие не освободились от его образа мышления и действия. Я получаю ежедневно, как писатель, историк, депутат, десятки писем. Это хороший социологический барометр. Судя по письмам, и сегодня 10–15 процентов россиян видят в Сталине и сталинизме больше хорошего, чем страшного. Сталинизм еще не умер и потому опасен.

Зачем я так детально, даже с некоторыми натуралистическими подробностями, рассказал о кончине советского диктатора?

Дело в том, что в самой смерти и окружавшей ее обстановке видна вся глубокая ущербность тоталитарной системы. Сталин умер только физически. Не думаю, конечно, что его «дело» может быть реанимировано. Но в некоторой другой форме, более респектабельной внешне, – это не исключено. Национализм, «большой» или «маленький», неофашизм, не говоря уже о расправившем плечи коммунизме, уже заявили о себе в России. Все эти корявые уродцы опасны и родственны сталинизму.

Недавно метроном Истории отсчитал 115 лет со дня рождения Сталина. И что вы думаете, в нескольких городах России состоялись митинги и шествия в честь его памяти. Люди не хотят знать, что вожди типа Ленина и Сталина «заморозили» на долгие десятилетия социальное, экономическое, политическое и духовное развитие России. Атомная бомба не синоним прогресса, хотя и говорит о мощи национального научного, интеллектуального потенциала. В России сегодня впервые после XX съезда стали появляться книги, «реабилитирующие» Сталина и, более того, воспевающие этого беспощадного вурдалака, уничтожившего многие миллионы своих соотечественников, сделавшего физическое и духовное насилие нормой жизни, превратившего человека в «винтик» страшной машины. Чего стоит, например, апологетическая книга старого большевистского «теоретика» и бывшего главного редактора «Коммуниста» Р. Косолапова, воспевающая кровавого тирана! Слово этого автора – эхо из стылого мрака 1937 года… Другой,

подобный Косолапову, автор, некий А. Голенков, в книжонке «Иосиф Виссарионович Сталин», вышедшей в конце 1994 года (!), пытается «доказывать», что коллективизация являлась благом, массовых репрессий, по сути, не было, как не было и «секретных протоколов» к пакту Молотова-Риббентропа, преступления в Катыни и многого-многого другого. Люди с сознанием, стянутым обручем примитивного догматизма, пытаются уверить в том, что черное всегда было белым. Таким, как Голенков, и сегодня снится, как он пишет, что:

> В кровавой пене раздирая рот,
> Иду в атаку, как и ты когда-то, с криком:
> «За Родину, за Сталина, вперед!»{567}

Есть и сейчас люди, готовые пойти «в кровавой пене раздирая рот» за Сталина вперед…

Сталинизм, к сожалению, еще жив. Нужно не забывать об этом. Со дня смерти Сталина в СССР существует две неявно выраженные тенденции: реформаторская и ортодоксальная. Пока мы находимся в состоянии, когда говорить, что ортодоксальная потерпела полное поражение, еще рано. Реформаторы, как всегда в истории, неумелы и нерасторопны.

Со смертью Сталина окончилась целая «угрюмая» эпоха в истории СССР.

Повторюсь: каждый человек рано или поздно перешагивает через невидимую тонкую черту, отделяющую бытие от небытия. Возврата оттуда нет. Никому. Даже земным богам, каким был Сталин.

Песочные часы Истории не знают пауз. После непродолжительного безвременья сталинец Хрущев нанесет своему былому кумиру страшный посмертный удар.

«Вождь» третий: Никита Хрущев

На разрыхленную почву должны пасть семена новой мысли и новой жизни.

Н. Бердяев

После ухода с политической сцены двух мрачных гигантов большевизма, Ленина и Сталина, сразу стала видна историческая «низкорослость» оставшихся «соратников». Сталин не диктовал, как вождь октябрьского переворота, своего «Завещания», но оставил после себя могучую и загадочную империю. Суетившиеся вокруг умирающего диктатора пигмеи унаследовали гигантскую державу, которой они должны были управлять. Но, по большевистской традиции, должен быть обязательно первый вождь, а его не было…

Диктаторы не любят заранее назначать своих преемников, ибо им кажется, что они будут жить вечно. Отсутствие демократического механизма передачи власти всегда ведет к глухой, скрытой борьбе оставшейся без вождя верхушки. Так было и после смерти Сталина, хотя самым распространенным словом на заседании сталинского Президиума, решавшим вопросы похорон, было «единство», «монолитность ленинского руководства», «верность делу Ленина-Сталина». С особой подозрительностью «единомышленники» приглядывались к связке Маленков-Берия. Не случайно после ареста Берии Маленков особенно беспокоился по поводу изъятия личных документов Берии, хранившихся в нескольких сейфовых шкафах. Там, как теперь стало ясно, находилось много записок, докладных Г.М. Маленкова Берии, которые могли серьезно скомпрометировать одного из претендентов на высшие посты в партии и государстве.

При отсутствии очевидного «первого» вождя и традиционно безмолвствующем народе сталинские наследники, однако, понимали, что сохранить прежний ленинский курс и безграничный контроль над огромной страной можно только на основе дальнейшего повышения престижа и роли партии. Она и без того стала уже давно государственным образованием, но последние два десятилетия магическим средством тотального управления в стране было имя вождя; его «гениальные указания», «мудрые решения», «великое предвидение». Диктатора не стало. Было ясно, что равноценной ему фигуры нет. Все понимали, что так называемое «коллективное руководство» в немалой степени

фикция. Кто станет у руля партии, тот и будет очередным вождем.

Однако избрать генерального секретаря (должность, которую после 1934 года никто не упоминал, но и не упразднял) даже не пытались.

Освободившись от свинцового пресса Сталина, его наследники не спешили создавать нового вождя. И хотя Хрущева сделали Председателем Комиссии по организации похорон Сталина (у большевиков это всегда очень много значило!), прямо вручить ему власть над партией, а значит, и страной еще не решились. Поручили просто «сосредоточиться на работе в ЦК».

Его внешнее добродушие, мужицкая простота, открытое лицо с курносым носом и оттопыренными ушами, неподдельные веселость и энергия никак не вязались с обликом возможного очередного диктатора. Члены политбюро (Президиума) так долго находились в объятиях трудно скрываемого постыдного страха, что им по-человечески хотелось иметь на «партийном деле» более податливого и покладистого соратника.

С марта по сентябрь 1953 года Никита Сергеевич Хрущев был просто одним из секретарей ЦК, «сосредоточенным» на работе в аппарате. После ареста Берии, в котором главную скрипку сыграл Хрущев, седьмого сентября этого же года его сделали «Первым секретарем ЦК КПСС». «Бериевское дело» сразу же подняло его над его товарищами по Президиуму. Именно здесь находится исток его грядущих бесстрашных шагов. К «Генеральному» секретарю возвращаться пока не решились. Этот уникальный должностной титул вручат спустя годы Брежневу. Хрущеву, когда он взошел на партийный трон, исполнилось пятьдесят девять лет. Он был таким же ленинцем и сталинцем, как и остальные его коллеги по Президиуму ЦК (политбюро). Если отнести к первому поколению большевиков, потянувшихся за Лениным после II съезда РСДРП в начале века, то Хрущев явился представителем второй генерации, берущей свое начало после октябрьского переворота. Это руководители, которые вышли на партийную сцену в 20-х – начале 30-х годов.

Хрущев шел по ступеням лестницы партийной карьеры, с которой убирались большевики, пытавшиеся возражать высшему руководству или лишь заподозренные в этих попытках. Занимая посты (на них в разное время были М.Н. Рютин, Н.А. Угланов, СВ. Косиор, другие расстрелянные руководители), Хрущев полагал, что это обычная «революционная практика», и не испытывал от нее никаких моральных «неудобств». Он был одним из тех «везунчиков», которые сделали стремительную карьеру благодаря жестокостям сталинской диктатуры и ее террору. Так обстояло

дело не только в партийной сфере, но и в промышленной, дипломатической, военной. Шла кровавая селекция на посты центральных и местных вождей.

Повторюсь: Хрущев принадлежал ко второму, послереволюционному поколению большевистских руководителей. В основном это были малограмотные люди; их пропускали через краткосрочные рабочие факультеты, например, Донецкого индустриального института в городе Сталино. Затем Хрущев, правда, учился какое-то время в Промакадемии имени Сталина в Москве. Но это мало прибавило ему образования. Он не мог грамотно написать даже резолюцию на документе. Как рассказывал мне Д.Т. Шепилов, Хрущев был способен наложить резолюцию: «Азнакомица»…

К этой большевистской волне можно было бы отнести многих вождей, в основном среднего, регионального звена: Угланова Н.А., Кагановича Л.М., Чубаря В.Я., Евдокимова Г.Е., Бакаева И.П., Ходжаева Ф.У., Шаранговича В.Ф., Смородина П.И., Гринько Т.Ф., Агранова Я.С., Икрамова А.И., Енукидзе А.С., Хрущева Н.С., других ленинцев. К концу 30-х годов руководителей из второй волны большевизма можно было пересчитать по пальцам: молох сталинского террора унес почти всех в небытие. Но Никите Сергеевичу Хрущеву ни разу не грозила опасность попасть в эту мясорубку. Он был из тех, кого даже самым неистовым чекистам было трудно в чем-либо заподозрить. Хрущев олицетворял собой тип руководителя-«мужика», человека, особенно тесно связанного с народной толщей. Это обстоятельство всегда способствовало созданию атмосферы повышенного доверия к нему со стороны простых людей.

Прежде всего это был типичный руководитель сталинской формации: малообразованный («ходил в школу две зимы»), напористый, исполнительный, не сомневающийся в верности партийных директив. «Карающий меч» пролетарской диктатуры миновал Хрущева и потому, что он был одним из самых рьяных исполнителей сталинской воли.

С 1934 года Н.С. Хрущев – член Центрального Комитета ВКП(б), каковым он и оставался до своего снятия со всех постов в 1964 году. Тридцать лет, по сути, находился, как тогда любили выражаться, в «штабе ленинской партии». С 1938 года кандидат в члены политбюро ЦК, а в следующем году стал его полноправным членом. Был непродолжительное время Председателем Совета Министров Украины и с 1958 года по 1964-й – Председателем Совета Министров СССР. Как водилось в стране, первое лицо в компартии становилось и Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР. На этом посту Хрущев был

утвержден в апреле 1957 года. Я перечислил не все высокие должности, которые довелось исполнять третьему «вождю» партии. Став первым секретарем ЦК КПСС, Хрущев сосредоточил в своих руках, как и его предшественники, огромную власть.

Будущий мятежник, восставший и осудивший «великий террор», в свою бытность в 1935–1938 годах первым секретарем Московского городского комитета партии и с 1938 года – первым секретарем ЦК Компартии Украины внес свой горестный вклад в бесовство сталинской инквизиции. Впрочем, сошлемся на ряд малоизвестных документов.

Выступая с докладом на совещании партийного актива 22 августа 1936 года в Москве, Хрущев сумбурно бросал яростные слова в наэлектризованный зал:

«…Товарищ Сталин, его острый ленинский глаз, как во всем строительстве, всегда метко указывал пути нашей партии, указывал уголки, откуда могут выползти гады (в это время шел процесс над Зиновьевым, Каменевым и другими «врагами народа». – *Д. В.*). Надо расстрелять не только этих мерзавцев, но и Троцкий тоже подлежит расстрелу…»

При этих словах зал разражается, как следует из стенограммы, «бурными, продолжительными аплодисментами». Переждав, когда волна выражения ненависти несколько спадет, докладчик продолжал нагнетать истерию, все более конкретизируя свои призывы:

«…На одной московской фабрике («Дукат») работал бакаевский змееныш, под своей фамилией (сын подсудимого И.П. Бакаева. – *Д.В.*). А парторганизация не знает даже таких одиозных фамилий… Раз фамилия Бакаев, то должны осмотреть его под лупой… Где же бдительность?.. Надо уметь организовывать работу, уметь брать человека на прицел, изучить его быстро и довести дело до конца…»{568}

Работая в Москве, Хрущев отличался не только на политическом поприще. Он возглавил работу по «реконструкции Москвы». Но понимал реконструкцию странно, по-большевистски. Вот фрагмент его выступления на пленуме партийной организации Кировского района Москвы 5 ноября 1936 года.

«Кто три месяца не был на Садовом кольце, советую посмотреть, не узнаете… Мы рубим ночью (бульвары. – *Д.В.*), чтобы не заметно было. Будем рубить и зимой, тогда не видно будет – гнилое дерево или зеленое (смех). А вот когда все сделаем, то придут люди и скажут: какая стала улица хорошая…

Мы сняли Триумфальную арку. Без арки улица стала замечательной…

Мы сломали Сухареву башню и Китайгородскую стену, хотя

архитекторы говорили: историческая ценность…

На будущий год мы тоже топоры точим и нашу работу продолжим…»{569}

Рвение Хрущева было замечено и оценено по достоинству. Его посылают на Украину, в Киев. Там большевистский руководитель в полной мере использует свой московский опыт. Выступая в качестве первого секретаря Компартии Украины на ее XIV съезде 13 июня 1938 года, Хрущев заявил: «…У нас на Украине состав политбюро ЦК КП(б)У почти весь, за исключением единиц, оказался вражеским. Приезжал Ежов, и начался настоящий разгром. Я думаю, что сейчас мы врагов доконаем на Украине…»{570}

Подобные большевистские спичи произносили все самые правоверные сталинисты. Но самое главное: и Хрущев, и вся партийная верхушка, и бесчисленный партийный аппарат в стране верили – так нужно. Были убеждены, что без «разгрома» врагов «светлой жизни» не увидим. Хрущев в терроре был усердным исполнителем воли Сталина. Поэтому и уцелел. Хотя вся его добродушно-комическая фигура тоже никак не располагала видеть в нем польского «шпиона» или троцкистского «террориста».

У Хрущева была сталинская «школа» уметь верить в большевистские максимы, ненавидеть всех тех, кто был назван «врагом», не жалеть сил для исполнения партийных директив. Элементарное, но жесткое политическое мышление, идеологический примитивизм, помноженные на природную мужицкую хватку, неистощимую энергию и безоглядный оптимизм, обеспечили Хрущеву прочное место (насколько это было возможно в сталинское время) в обойме высших большевистских руководителей. Он там оказался не случайно. Благодаря своим качествам Хрущев был способен выжить в этой беспощадной системе как один из крупных региональных, а затем и союзных лидеров. Третий «вождь» выдержал жесткий селекционный отбор и постепенно аккумулировал в своем сознании, на обыденном уровне, понимание дьявольски жестокой системы, которая держала всех не только в духовном плену.

Партия, радикально изменившая свой состав в результате предвоенных чисток и огромных потерь в годы Великой Отечественной войны, тем не менее возглавлялась руководителями старой «ленинско-сталинской» школы. В составе Президиума ЦК после смерти Сталина остались в основном проверенные: Булганин, Берия, Ворошилов, Каганович, Маленков, Микоян, Молотов, Хрущев да двое сталинских выдвиженцев – Первухин и Сабуров. Было ясно, что в этой десятке по крайней

мере трое, Берия, Маленков и Хрущев, претендуют на безоговорочную первую роль. Уже поэтому можно было предсказать грядущую жестокую схватку (возможно, не единственную) за лидерство. Как заявил уже полтора десятилетия спустя один из соратников Хрущева А.Н. Шелепин: «После Сталина пришел Хрущев. Тоже вождь. И психология вождя осталась». У него было много воли, чтобы стать первым.

Здесь и проявил себя в полном большевистском блеске Хрущев. Он, как и другие, понимал, что у Берии, которого боялись все, были главные козыри в виде всесильного Министерства внутренних дел. Можно было ожидать самого худшего. И Хрущев начал смело действовать.

Уверен, выступив против Берии, Хрущев вначале попытался просто спасти себя и других членов Президиума. Ни одного намека протеста против сталинской системы в словах и действиях Хрущева до кончины вождя найти невозможно. Но политическая, дворцовая борьба имеет свою логику. Начиная борьбу с Берией, он был совсем не тем Хрущевым, который навсегда вошел в историю как первый советский лидер, бросивший вызов Сталину. Но, вероятно, его «заговор» против Берии и стал той начальной политической платформой, опираясь на которую он смог со временем нанести первый, но самый страшный удар по сталинскому тоталитаризму.

Хрущев, бывший обычным птенцом сталинского гнезда, раньше других стал понимать, сколь мрачным и зловещим оно являлось.

Схватка с монстром

Сталина внесли в мавзолей Ленина. Гроб только что умершего диктатора был поднят чуть выше ленинских мощей, отчего Сталин казался крупнее и значительнее вождя октябрьского переворота. Заклинания в «верности великому продолжателю дела Ленина» прозвучали. Их эхо еще разносилось по огромной стране. Оставшиеся в Кремле соратники понимали, что главными устоями системы остаются партия, большевистская идеологическая доктрина и гигантский репрессивный аппарат.

«Первого» вождя не было. Ленинская система не могла без него существовать. Все понимали, что вождь обязательно будет. Но кто? Председатель Совета Министров Г.М. Маленков при нивелировке иерархии в Президиуме ЦК стал все больше выделяться в Совете Министров, подчеркивая особую роль некоторых своих первых заместителей, и в первую очередь – Молотова и Берии. На первых порах все шло к тому, что

очередным, третьим вождем станет именно он, Маленков. Но у послушного исполнителя роли Сталина не оказалось качеств лидера. Как справедливо написал о нем Р.А. Медведев, Маленков оказался «человеком без биографии, деятелем особых отделов и тайных кабинетов. Он не имел ни своего лица, ни собственного стиля»{571}. Такой человек не мог удержаться на самой вершине пирамиды власти; Сталин сформировал его, независимо от своих намерений, как лидера второго плана. То, что еще недавно Маленков был явным фаворитом Сталина, теперь ему уже не помогало, а скорее мешало. Своей биографией и партийным обликом Маленков чем-то напоминает К.У. Черненко: и тот и другой были прежде всего высшими чиновниками в партии.

Оставшихся после смерти тирана соратников пока не беспокоило, что в ГУЛАГе по-прежнему находилось более четырех миллионов человек, что целые народы были сосланы, а «карательные органы» продолжают неотступно следить за каждым человеком. Как и раньше, работало зловещее Особое совещание при НКВД СССР, которое за время своего существования осудило 442 531 человека на смертную казнь и длительные сроки заключения. В большинстве случаев эти решения принимались не индивидуально, а целыми списками{572}.

Вожди из Президиума беспокоились о себе: о сохранении собственного высокого положения, возможностях дальнейшего продолжения карьеры, своей безопасности. Однако возникала тревога о том, чтобы Берия, самый могущественный из сталинских наследников, не стал первым лицом в партии и государстве. В книге очерков о Н.С. Хрущеве Ф. Бурлацкий пишет о рассказе Никиты Сергеевича: «Стоим мы возле мертвого тела (Сталина), почти не разговариваем, каждый о своем думает. Потом стали разъезжаться. В машину садились по двое. Первыми уехали Маленков с Берией, потом Молотов с Кагановичем. Тут Микоян и говорит мне: «Берия в Москву поехал власть брать». А я ему: «Пока эта сволочь сидит, никто из нас не может чувствовать себя спокойно». И крепко мне тогда запало в сознание, что надо первым делом Берию убрать…»{573}

О дальнейшем написано множеством авторов красочно и пространно, с бесчисленным количеством деталей. Все, однако, сходятся на том, что Никита Сергеевич сыграл в этот момент решающую роль. Хрущев проявил недюжинное мужество и взял на себя инициативу организации сговора членов Президиума против Берии. Всеми лидерами двигали прежде всего страх и чувство самосохранения. Даже мысли никто не подал, что Берия был наиболее характерным и зловещим воплощением террористической Системы, олицетворял собой самые

омерзительные черты сталинизма.

Все видели в Берии прежде всего личную угрозу, даже наиболее близкий к нему Маленков. Конфиденциальные встречи Хрущева с Маленковым, Ворошиловым, Кагановичем, Микояном, Булганиным, другими членами Президиума ЦК показали: все согласны с идеей устранения Берии, но страшила сама мысль: а вдруг сорвется? Думаю, холодный пот и предательская слабость не раз повергали «сталинцев» во власть самого элементарного страха. Однако даже Маленков, наиболее близкий к Берии человек, смертельно боялся своего «друга» и согласился принять участие в заговоре.

А Хрущев между тем действовал. Маленков, другие члены партийного синклита приняли конкретный план обезвреживания сталинского штатного палача. Прибегли, как часто бывает в подобных случаях, к помощи генералитета: Жукова, Москаленко, Батицкого, Зуба, Юферова, других, общим количеством немногим более десяти человек. Хрущев в последующем с особым удовольствием и многократно, в самой разной обстановке рассказывал об акте ареста Берии. Причем каждый раз в повествовании появлялись новые детали, нюансы, подчеркивающие особую роль Хрущева.

В его достаточно интересных диктовках, изданных на Западе после снятия первого секретаря, таких, как устные мемуары «Хрущев вспоминает», а затем вышедших в издательстве «Прогресс», есть такие строки. Было созвано заседание Президиума Совета Министров с приглашением всех членов Президиума ЦК КПСС. «Как только Маленков открыл заседание, он сказал:

– Давайте обсудим партийные дела. Есть вопросы, которые требуют нашего немедленного решения.

Слово было предоставлено Хрущеву, который предложил обсудить «дело Берии», сидевшего рядом с докладчиком. Берия вздрогнул, схватил Хрущева за руку, посмотрел удивленно и сказал:

– В чем дело, Никита? Что это ты бормочешь?

– А ты послушай и скоро узнаешь.

Хрущев произнес короткую сумбурную речь, которая изобиловала как нелепыми утверждениями о том, что Берия был мусаватистским шпионом, сотрудничал с английской разведкой, так и констатацией реальных фактов: вмешивался в партийные дела разных советских республик, стремился подорвать единство советского народа, заигрывал с Тито, считал нецелесообразным строить социализм в ГДР и другими подобными аргументами. Но главный вывод был абсурдным: Берия «никакой не коммунист».

Когда все высказались солидарно с Хрущевым, Маленков, не ставя на голосование постановление, нажал кнопку за председательским пультом. В зал заседаний вошли генералы во главе с Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым.

Растерявшийся Маленков едва выдавил из себя:

– Как Председатель Совета Министров СССР я прошу вас взять Берию под стражу до расследования предъявленных ему обвинений.

– Руки вверх! – скомандовал маршал побледневшему министру внутренних дел»[574].

До вечера Берию держали в одной из комнат Кремля, а вечером вывезли на столичный военный объект, но в конце концов разместили его в командном подземном бункере, что размещался во дворе штаба Московского военного округа. До сих пор в подземелье сохранилась комната, где на протяжении полугода содержался сталинский монстр. Обитатели Кремля так боялись даже арестованного Берии, что не сразу дали «отбой» поднятым по тревоге подмосковным дивизиям.

Берия, едва придя в себя, стал барабанить кулаками в дверь. Через несколько минут начальник караула в чине аж целого полковника в сопровождении нескольких офицеров с оружием приоткрыли дверь в последнее обиталище Берии.

– В чем дело, почему шум?

– Требую немедленной встречи с Маленковым или хотя бы бумаги и чернил.

Через несколько минут, после разрешения из Кремля, стопка бумаги и карандаши были в камере Берии. До начала следствия потрясенный узник писал, писал… Маленкову, Хрущеву, Булганину, как и всем членам Президиума вместе. Вот одно не публиковавшееся до 1994 года письмо узника, судьба которого была предрешена еще в момент ареста.

«ЦК КПСС, товарищу Маленкову. Дорогой Георгий.

Я был уверен, что из той большой критики на Президиуме я сделаю все необходимые для себя выводы и буду полезен в коллективе. Но ЦК решил иначе, считаю, что ЦК поступил правильно. Считаю необходимым сказать, что всегда был беспредельно предан партии Ленина-Сталина, своей родине, был всегда активен в работе… Старался подбирать кадры по деловым качествам… Это же относится к Специальному Комитету, Первому и Второму главным управлениям, занимающимся атомными делами и управляемыми снарядами…

Прошу товарищей Маленкова Георгия, Молотова Вячеслава, Ворошилова Клементия, Хрущева Никиту, Кагановича Лазаря, Булганина Николая, Микояна Анастаса и других – пусть

простят…

Дорогие товарищи, желаю всем Вам больших успехов за дело Ленина-Сталина…

Георгий, прошу, если сочтете возможным, семью (жена и старуха-мать) и сына Сергея, которого ты знаешь, не оставить без внимания.

28. VI-1953. Лаврентий Берия»[575].

Берия писал членам Президиума ежедневно две недели, пока Хрущев не распорядился отобрать у подследственного всю бумагу. Лаврентий замолчал…

Суд над Берией решили все же провести, хотя у большинства членов высшего руководства было одно жгучее желание: быстрее физически покончить с человеком с капризным выражением лица, в пенсне, с опущенными уголками тонких губ. Даже теперь, когда он был в кутузке, его бывшие соратники продолжали бояться его. Немигающие, как у ящера, глаза палача, не лишенного сталинских организаторских «способностей» (хозяин ГУЛАГа, работавшего на страну, куратор программы по производству ядерного оружия, главный инициатор уничтожения тысяч польских офицеров, архитектор Особых лагерей и творец международного и внутрисоюзного терроризма, и т. д. и т. п.), до сих пор гипнотизировали его бывших соратников.

Были предложения расправиться с Берией так, как практиковали в 1937–1939 годах: поручить дело «тройке» и решить все дело в течение получаса. Но многие почувствовали, что таким образом возможен прямой возврат к большому террору, который и спустя полтора десятка лет у многих леденил в жилах кровь. Хрущев запротестовал. По его предложению Президиум ЦК 29 июня 1953 года принял специальное постановление, которое гласило:

«Об организации следствия по делу о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии:

1. Ведение следствия по делу Берии поручить Генеральному прокурору СССР.

2. Обязать т. Руденко в суточный срок подобрать соответствующий следственный аппарат, доложив о его персональном составе Президиуму ЦК КПСС…»[576].

Поручалось заняться не только преступлениями Берии, но и его заместителей и помощников: Б. Кобулова, А. Кобулова, Мешика, Саркисова, Гоглидзе, Шария и др.

После долгих споров победители монстра в Кремле решили провести специальный пленум ЦК, на который вынести главный на то время вопрос: «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия». На протяжении пяти

дней пленум ЦК, собравшийся всего спустя четыре месяца после смерти Сталина, стал заниматься тем, что родилось и распространилось в стране и партии еще при «вожде народов», а если точнее, то с ленинских времен. Докладчиком на пленуме определили Г.М. Маленкова. Хрущев пока был как бы в тени, но ему поручили открыть и вести заседания.

Доклад Маленкова был обстоятельным, но противоречивым. Председатель Совета Министров нажимал на то, что Берия стремился поставить МВД над партией (а это было сделано еще при Ленине), следил за деятельностью, переговорами и перепиской каждого члена Президиума. Маленков посчитал провокаторской деятельность Берии, который попытался через голову партии нормализовать отношения с Югославией. Как особый криминал рассматривалась попытка Берии организовать новую, после смерти Сталина, встречу представителей советской и югославской сторон. В то время в атмосфере тяжелых отношений двух стран уже витали стремления наиболее зрело мыслящих пойти по пути нормализации связей двух славянских государств. Однако Президиум ЦК, получив мощный заряд и направление движения по этому вопросу еще от Сталина, любой другой подход считал опасной ересью.

Так же тенденциозно было подано намерение Берии не форсировать строительства социализма в ГДР. Маленков эту позицию охарактеризовал как установку «буржуазного перерожденца». Припомнили Берии, сидевшему в подземном каземате, и взрыв водородной бомбы: «Это, мол, его единоличное решение», и что амнистия после смерти Сталина «была слишком широкой», и моральное разложение члена Президиума, которое было охарактеризовано как «преступление». Действительные и мнимые грехи сталинского палача нанизывались, как черные бусы отступника, на большевистскую удавку пресловутой классовой бдительности и нетерпимости{577}.

Затем на пленуме после доклада Маленкова с большой часовой речью выступил Хрущев. Как всегда, то и дело отрываясь от текста, говорил сумбурно, путано, но тем не менее часто вызывая аплодисменты и смех у членов пленума. Подобно всем выступавшим, Хрущев не сделал даже намека на то, что такие явления, как Берия, террор и беззаконие, – визитные карточки большевистской системы. Для всех была очевидна самая тесная связь Сталина и Берии, их взаимоответственность во всех грязных делах. Но Хрущев постарался в самом же начале отвести все подозрения от умершего четыре месяца назад вождя:

– Еще при жизни товарища Сталина мы видели, что Берия является большим интриганом. Это коварный человек, ловкий

карьерист. Он очень крепко впился своими грязными лапами в душу товарища Сталина, он умел навязывать свое мнение товарищу Сталину…

Посчитав, что этих индульгенций умершему диктатору мало, спустя несколько минут Хрущев попытался объяснить, почему Сталин «дал волю» преступным наклонностям Берии:

– Мы все уважаем товарища Сталина. Но годы свое берут. В последнее время товарищ Сталин бумаг не читал, людей не принимал, потому что здоровье у него было слабое. И это обстоятельство использовал прохвост Берия, очень ловко…{578}

Факт существования преступной террористической Системы Хрущев, по сути, свел к «слабому здоровью» Сталина, что использовал «прохвост Берия», да грязным порокам самого министра внутренних дел.

Вместе с тем именно Хрущев первым поставил вопрос о преувеличении значения Министерства внутренних дел, о фабрикации в его недрах множества «липовых» обвинений. Хрущев впервые поставил под сомнение законность так называемых «Особых совещаний» при МВД. Известно, что они были учреждены постановлением ЦИК и СНК СССР 5 ноября 1934 года при наркоме внутренних дел как внесудебные органы с большими карательными полномочиями{579}.

Хрущев с особым раздражением говорил, что вот в старое время он «впервые увидел жандарма», когда ему было 24 года. А сейчас на каждом шагу начальники МВД, большой аппарат, оперуполномоченные. «Начальник МВД получает самую высокую ставку, больше, чем секретарь райкома партии».

Попытавшись приподнять полог над тайнами спецслужб, Хрущев не смог, однако, удержаться и от традиционных большевистских заклинаний: «Надо укреплять еще больше разведывательные и контрразведывательные органы. Хороших, честных большевиков поставить на это дело».

Хрущев, как и Маленков, да и другие члены пленума не видели коренных пороков ленинского организма, его ставки на репрессии, безграничной монополии партии на власть. Главное для них: надо «хороших, честных большевиков поставить на это дело». Хрущев не замечал, что сам он и все «хорошие, честные большевики» постоянно жили во Лжи и Насилии. Это было сутью Системы. Никто из тех, кто стал задумываться над своим бытием, еще не понимали, что все они в плену монополии партократии.

Хрущев не мог удержаться и при рассмотрении полицейского дела Берии от критических выпадов по поводу сельского хозяйства. Все наши решения ничего не стоят, заявил он, если «мы будем платить четыре копейки за килограмм картофеля».

Прикинув, сколько колхозник должен платить налогов с одной коровы, докладчик воскликнул: получается, что крестьянину от коровы остается только навоз… Обличитель Берии был близок к истине.

Хрущев не был бы Хрущевым, если бы не был способен на мужицкий юмор, шутку, которые даже на этом зловеще-мрачном пленуме то и дело вызывали смех. Рассказывая, как испугался Берия, когда его брали, Хрущев прокомментировал: «наклал в штаны». Правда, в стенограмме смягчили: «Он сразу обмяк, а может быть, даже больше…» Зал такой финал задержания Берии встретил дружным смехом.

Вспоминая в своей речи, как он последний раз прощался с Берией накануне ареста, игриво заявил: «Ответил ему «горячим» пожатием; ну, думаю, подлец, последнее пожатие – завтра в 2 часа мы тебя подожмем!» И – вновь дружный смех. Ни Хрущеву, ни членам ЦК неведомо, что даже в отношениях с таким человеком, как Берия, негоже бравировать коварством. Но большевистский менталитет был совсем другим, чем у всех нормальных людей. Бдительность, непримиримость, обман врага, желательно с «добиванием», слыли высокими партийными доблестями.

Хрущев, разумеется, не упоминал, что в свое время он способствовал утверждению Берии на этом посту. Выступая перед работниками НКВД Украины 13 декабря 1938 года, Никита Сергеевич заявил: «Сейчас пришел к руководству Берия Лаврентий Павлович. Он всю жизнь работал на партийной работе… Показал себя как большевик-сталинец, который защищал партийную организацию и вообще Грузию от вражеских элементов… Сплотил Грузию в любви к советскому народу, любви к товарищу Сталину… *(бурные аплодисменты)*. Надо вам сплотиться и во главе с тов. Берия бить по врагам…»{580}

Говорили долго, подробно, с деталями. Выступали Молотов, Булганин, Сердюк, Каганович, Ворошилов, Багиров… Менталитет был у всех большевистским. Все знали, например, что самым близким к Берии был Маленков, но теперь он стал Председателем Совета Министров, и возможные его обвинения в близости к монстру автоматически отпали. Когда стал выступать секретарь ЦК Азербайджана Багиров, Маленков бросил зловещую реплику:

– Товарищ Багиров, ты был близок к Берии, но этот вопрос сейчас не обсуждается…{581}

Иногда в речах прямо проскальзывали «чекистские» ноты. Выступавший А.А. Андреев предложил:

– Из этого мерзавца надо вытянуть все жилы, чтобы была ясная картина его отношений с заграницей, кому и как он

служил…{582}

Тот же Андреев заявил, что звучавшие в зале мотивы о культе личности не имеют под собой никакой основы:

– Откуда-то появился вопрос о культе личности. Это проделки Берия… Нельзя подрывать учение товарища Сталина… Учение Сталина вечно и непоколебимо…{583}

Дружные голоса в зале подтверждали солидарность членов пленума с этим выводом:

– Правильно…

Специально готовили для выступления на пленуме бывшего помощника Сталина А.Н. Поскребышева. Но когда заготовленную речь прочитали члены Президиума, то получилось, что «верный оруженосец» вождя не только разоблачал Берию, но и выступил толкователем многих неизвестных высказываний и заявлений генералиссимуса. От речи Поскребышева отказались, а просто приложили его к делу «Специального судебного присутствия»{584}. Но Поскребышев, однако, выиграл: с него сняли опалу, которой он подвергся в последние месяцы жизни Сталина.

Во время допроса известного советского разведчика П.А. Судоплатова выяснилось, что в июне 1941 года он, по поручению Берии, а значит, и Сталина, вел зондаж через советского агента И. Стаменова (болгарского посла в Москве) в немецких кругах о возможности заключения Москвой «второго брестского мира»{585} с Берлином.

Сам по себе пленум не является событием какого-то эпохального значения. Президиум ЦК (верхушка) хотел опереться на мнение и поддержку партии в своей дворцовой борьбе за власть, где ей удалось освободиться от всесоюзного (по должности) палача. Говорили о многом, но никто не сказал ни слова о глубинных корнях такого явления, как сталинизм. И это естественно. Мы в ту пору все были такими. Казалось, стоит заменить «плохого» большевика на «хорошего», и «дело пойдет».

Неожиданно довольно содержательным оказалось заключительное слово Г.М. Маленкова. Нет, конечно, он не подверг критике систему, не вскрыл и генезис сталинизма, но он осудил попытки некоторых членов пленума (Андреева, Тевосяна) «защитить» Сталина. Маленков, пожалуй, впервые заявил о существующем культе личности Сталина. По словам докладчика, «ничем не оправдано то, что мы не созывали в течение 13 лет съезда партии, что годами не созывался пленум ЦК, что политбюро нормально не функционировало и было подменено «тройками», «пятерками» и т. п., работавшими по поручению т. Сталина разрозненно, по отдельным вопросам и заданиям».

Маленков в какой-то степени предвосхитил то, что скажет Хрущев почти через три года на XX съезде КПСС. «Мы не имеем права скрывать от вас, что такой уродливый культ личности, – заявил Маленков, – привел к безапелляционности единоличных решений и в последние годы (в последние ли!!! – *Д.В.*) стал наносить серьезный ущерб делу руководства партией и страной»{586}.

Постановление пленума было традиционным: необходимо «всемерно повышать революционную бдительность коммунистов и всех трудящихся».

До конца года в кабинете члена Военного совета МВО шел закрытый процесс над Берией. Маршал И.С. Конев с членами Специального судебного присутствия: Шверником Н.М., Зайдиным Е.Л., Кучавой М. (тоже мингрел, как и подсудимый), Москаленко К.С., Михайловым Н.А. и другими «доказывали» связи Берии и его помощников с буржуазными разведками с целью «ликвидации советского рабоче-крестьянского строя, реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии»{587}.

Целыми днями члены судебного присутствия дотошно выясняли интимные связи Берии с множеством женщин Москвы и других городов. В Кремль регулярно запрашивали различные документы. Например, члены Президиума ЦК КПСС скрупулезно ознакомились с протоколом допроса начальника охраны Берии полковника Саркисова Р.С., занимавшегося поставкой своему шефу десятков девочек, девушек, женщин. Ханжески ухмыляясь, члены партийного ареопага читали длинные списки изнасилованных, обесчещенных, склоненных к сожительству, в которых находили «громкие» фамилии. Например, жены известного Героя Советского Союза, популярных артисток и многих известных женщин.

Когда допрашивали Берию о его «преступных политических связях», члены Президиума, сгрудившись в одной из комнат Кремля, напряженно внимали у динамика: не упомянет ли подсудимый кого-либо в невыгодном свете… Сюда из штаба МВО провели специальную связь, которую по разрешению Хрущева или Маленкова эпизодически включали. Но Берия был хитер: на процессе он клялся верности делу, Сталину, «Никите», «Георгию», другим членам Президиума.

От «дела» Берии шли волны: иногда сильные, порой слабые. Дочь Горького Н. Пешкова молила Хрущева о судьбе Марфы Пешковой, которая в 1946 году вышла замуж за сына Берии Сергея. В семье две малолетние дочери, ожидался третий ребенок. Мать Марфы просила Хрущева, Маленкова, других

партийных бонз сообщить ей о судьбе ее близких, которых (вместе с малолетними) в духе большевистских традиций после ареста Берии тоже сразу арестовали и увезли в неизвестном направлении{588}. Хрущев великодушно распорядился освободить Пешковых. Сергею Берии сменили фамилию и сослали на восток на один из заводов.

Процесс затягивался. В декабре 1953 года Н.С. Хрущев при встрече с Коневым и Руденко коротко бросил:

– Надо кончать…

Когда читали обвинительное заключение, а затем и приговор, члены Президиума вновь сгрудились в кремлевской комнате. Берия все признавал, только молил сохранить ему жизнь. Человек, на совести которого лежали миллионы загубленных жизней, не хотел умирать.

После того как И.С. Конев зачитал заключительные строки вердикта: «Приговорить Берия Л.П., Меркулова В.Н., Деканозова В.Г., Кобулова Б.З., Гоглидзе С.А… Мешика П.Я., Владзимирского Л.Е. к высшей мере уголовного наказания – расстрелу…», главный подсудимый, как мне рассказывал маршал Москаленко К.С., упал со скамьи на пол, тихо завыл и на четвереньках пополз к столу «судебного присутствия» (тоже незаконного органа), бессвязно моля о пощаде.

Конев жестко бросил:

– Вывести…

А из Кремля наперебой уже звонили: приговор привести в исполнение немедленно…

В конце лестницы, ведущей на дно бункера, на стене заранее укрепили широкую доску, к которой должны были привязать Берию перед расстрелом.

Говорят всякое. Один генерал, пожелавший остаться неназванным, но бывший в той группе, еще в 1971 году поведал мне:

– Когда повели Берию вниз, за ним последовала целая группа генералов и офицеров. Не знаю, распоряжение было такое или у высоких охранников не выдержали нервы, но за несколько ступеней до подножия бункера раздался выстрел, а затем еще несколько. Берию били из пистолетов в спину. Мгновенно все было кончено…

На Руси, как много тому примеров, даже расстрелять с достоинством не могут: ни в Екатеринбурге, ни в чекистских подвалах, ни в бункере штаба МВО…

В письмах, которые поначалу непрерывно писал Президиуму Берия, были мольба и надежда, что там поймут: он был такой, как все в руководстве. Но должность его – кровавая. Однако писал

Берия напрасно. Он был отторгнут. Нужно было освободиться от страха и многих мерзостей системы, к которым причастны все они. Да, все. Но лучше повесить все эти преступления на штатного палача.

Длинное, сумбурное, неграмотное письмо Берии, каких в архиве ЦК сохранилось несколько, заканчивалось словами: «…я верный сын нашей Родины, верный сын партии Ленина и Сталина и верный Ваш друг и товарищ. Куда хотите, на какую угодно работу, самую маленькую пошлите, присмотритесь, я еще могу верных десять лет работать всей душой и со всей энергией… Вы убедитесь, что через 2–3 года я крепко исправлюсь и буду Вам еще полезен. Я до последнего вздоха предан нашей любимой Партии и нашему Советскому Правительству.

Лаврентий Берия.

Т-щи, прошу извинения, что пишу не совсем связано и плохо в силу своего состояния, а также из-за слабости света и отсутствия пенсне (очков)»[589].

У большевиков ленинской школы не принято было прощать. Тем более члены Президиума на примере судьбы Берии полнее увидели, заглянули в бездну беззакония, ничем не ограниченного террора, жестокости, которые исполняли «по воле партии» ее карательные органы. Удивительно только то, что с Берией не расправились сразу же после ареста.

Хрущев теперь мог вздохнуть свободно. Вместе со своими «триумфаторами»: личная угроза для них всех миновала.

Это окончательно укрепило позиции Хрущева, тем более что 7 сентября 1953 года он стал первым секретарем ЦК КПСС. А это означало, что Хрущев стал первым лицом не только партии, но и страны. Теперь было уже не модно величать «вождями», но он как раз и стал очередным, третьим «главным» большевистским «вождем».

Хрущев больше всего был обязан военным, в особенности решимости Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. По личному предложению Хрущева.

7 июля 1953 года прославленный маршал был переведен из кандидатов в члены ЦК. Попал в фавориты к победителю и генерал армии И.А. Серов, зловещая мрачная личность, получившая в свое время самые высшие награды государства за высылку народов и другие омерзительные дела. Достаточно сказать, что он лично провел 150 «заседаний» пресловутых «троек», отправивших на тот свет многие тысячи людей. Именно Серов возглавлял высылку народов с Северного Кавказа, Крыма, других мест, за что был отмечен высшей наградой страны – званием Героя Советского Союза. Правда, в декабре 1963 года,

когда вскрылись некоторые преступные действия бывшего заместителя Берии, Серов был лишен звания «героя». Стоит сказать, что именно он, по приказанию Хрущева, уничтожил почти весь личный архив Берии в июле 1954 года, где, как докладывал Серов, хранились «документы, содержавшие провокационные и клеветнические данные»{590}. Партверхушка просто заметала следы своего участия в репрессиях. А Н.С. Хрущев очень долго покровительствовал этому генералу армии – подлинному карателю, руки которого по локоть в крови невинных людей. Почти все генералы, участвовавшие в аресте и расстреле Берии, получили новые звания и повышения по службе.

Мне рассказывал К.С. Москаленко, что после «ликвидации» Берии Н.А. Булганин распорядился, по указанию Хрущева, представить «основных» генералов, участвовавших в деле, к званию Героя Советского Союза. Когда узнал об этом Батицкий и сам Москаленко, они возмутились и дружно попросили, как сказал мне собеседник, самого «Никиту» не срамить их этой наградой. Впрочем, от орденов не отказались…

Ликвидация Берии была первым, очень важным шагом, однако не решала главную задачу – десталинизации страны. В печати прекратили славословить диктатора, но чем бы ни занимались члены Президиума: сельским хозяйством, обороной, «подъемом» материального благосостояния соотечественников, доведенных до нищеты, они чувствовали жесткие объятия Системы. Свинцовый пресс Сталина и его органов по-прежнему держал страну своими беспощадными щупальцами.

Здесь Хрущеву помогло одно обстоятельство. После смерти тирана из глубины сибирских лагерей начал нарастать поток писем заключенных (сейчас уже нельзя было их просто уничтожить). Несчастные верили, что дела будут пересмотрены.

Хрущев, читая такие письма, знал, что в Особых лагерях запрещены свидания с родственниками, можно было написать лишь два письма в год, рабочий день тянулся по 10 часов в самых тяжелых физических условиях. Только сильные могли продержаться несколько лет, а сроки в эти лагеря давали до 25 лет… За малейшую провинность несчастных бросали в карцер на 20 суток. А условия там, как в июле 1947 года докладывал Абакумов Сталину, по его запросу, были такие: «в карцере, кроме привинченного к полу табурета и койки без постельных принадлежностей, другого оборудования не имеется; койка для сна предоставляется (откидывается от стены) – на 6 часов в сутки. Заключенным, содержащимся в карцере, выдается в сутки только 300 граммов хлеба и кипяток. Один раз в 3 дня – горячая пища. Курение в карцере запрещено».

Волнения прокатились по многим лагерям; люди требовали пересмотра приговоров. К тому же к 1955 году у сотен тысяч кончались сроки (у тех, кто получил сразу после войны 10 лет: «власовцы», пленные, прибалты, да и много другого несчастного люда).

Нужно было принимать какие-то решения. Кое-кто предлагал (Маленков, Молотов, Каганович, Серов) все отдать на откуп НКВД. После окончания сроков предполагалось, что недремлющая Чека просто оставит этих людей там, где те сидели…

К концу правления Сталина, как доносил министр внутренних дел С. Круглов, в лагерях и тюрьмах находилось около 4 миллионов человек, а «выселенцев» и «спецпереселенцев» 2 572 829 человек{591}. Причем эти последние 2,5 миллиона несчастных, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года, расселялись в Сибири, Казахстане «навечно»{592}. Страшное, роковое слово…

Хрущев понимал, что сам он подписаться под таким документом уже не может. Прошло то время, когда молодой секретарь под овации зала заявлял:

– Большевик тот, кто и сонный чувствует себя большевиком!

Обведя глазами зал, добавлял:

– Удар должен быть беспощадный, но удар должен быть и метким!{593} После «удара» по Берии и его камарилье Хрущев больше не мог наносить такие удары: ни «беспощадные», ни «меткие»… Это значило бы продолжать сталинскую линию террора.

История выдвигала на повестку дня своих бесчисленных событий XX съезд партии советских коммунистов. Ни об освобождении миллионов заключенных, ни о свободе советских людей пока не могло быть и речи. Просто сталинская система достигла апогея своей тоталитарности. Чтобы она выжила, нужны были перемены. А на это как раз коммунизм наименее способен.

Крым – «подарок» Хрущева

Расправившись с Берией, Хрущев вздохнул свободнее. Сегодня ясно, что Берия был не более виновен, чем вся преступная Система во главе с «ленинским ЦК». Просто по воле партии этот человек с маленькими стеклами пенсне на переносице был *штатным,* профессиональным Инквизитором большевистского строя. Его боялись все, в том числе и «соратники».

Берия знал о каждом члене Президиума так много, что мог

инспирировать против того любое «дело» в любой момент. Если бы это был не Берия, то другой «ленинец» на таком посту делал бы то же самое. «Карающий меч» был необходим Системе, но после смерти диктатора все его соратники сразу почувствовали, как они беззащитны перед главой спецслужб. Если раньше их судьба была в руках Сталина и его Палача, то после смерти вождя она зависела от воли не двух, а одного «судьи». Никто не хотел восстановления подобного положения.

Сейчас много пишут о Берии чуть ли не как о «реформаторе», предтече грядущих перемен. Некоторые шаги «Лубянского маршала», связанные с попытками после смерти Сталина несколько ограничить террор, «разгрузить», разукрупнить ГУЛАГ путем передачи ряда его структурных подразделений в народное хозяйство, наладить разрушенные отношения с Югославией, не навязывать социализма ГДР, были шагами трезвого политика.

К тому же Берия не без оснований рассчитывал, что после ухода тяжелобольного Сталина он имеет крупные шансы стать «главным» вождем. Он уже приценивался к будущему, готовился внести коррективы в функционирование Системы. Но Берия не собирался ничего кардинально менять. Он просто был готов более тщательно «отладить» Систему. В этом свете разговоры о «реформаторстве» сталинского монстра – явный перебор. Я бы мог привести множество примеров обратного свойства, когда сам Берия выступал прямым инициатором шагов, которые и сегодня поражают воображение своей крайней бесчеловечностью и жестокостью. Ведь это именно Берия в марте 1940 года внес в политбюро предложение расстрелять без суда 25 700 польских офицеров и граждан, оказавшихся в СССР после раздела Польши в 1939 году. Именно по предложению Берии учредили в 1943 году каторгу, а затем «вечные поселения», спецлагеря и многое, многое другое. «Реформатор» является главным инициатором высылки целых народов в Сибирь, Казахстан, а незадолго до смерти Сталина получил его одобрение на создание двух бюро: по терроризму внутри страны и за ее пределами. Обо всем этом нельзя забывать тем, кто сегодня готов представить Берию провозвестником, предтечей далекой еще перестройки. Это не так.

Ясно, однако, одно: Хрущев смог одолеть Берию не как проклятие Системы, ее страшный Символ, а как дамоклов меч над собой и своими единомышленниками. Никита Сергеевич не хотел понять, что Берия был орудием партийной верхушки. В преступлениях главного Инквизитора не менее повинны все те, кто абсурдно заклеймил его как «агента международного империализма», «авантюриста», «провокатора», «английского

шпиона».

Берия был повержен. На некоторое время в высшем советском руководстве установилось двоевластие: государственного и партийного начал. В персональном плане это означало руководство «дуэтом»: Маленковым и Хрущевым.

За два-три года до смерти Сталина Г.М. Маленков являлся вторым по значению человеком в партии и государстве. Никто не делал секрета из того, что Маленков был не просто фаворитом вождя, но и наиболее вероятным его преемником. Поэтому никого не удивило назначение Маленкова после смерти Сталина на пост Председателя Совета Министров СССР. К тому же Георгий Максимилианович по-прежнему председательствовал на заседаниях Президиума ЦК. Тот факт, что именно Маленков выступил первым на траурном митинге на похоронах Сталина, всеми был расценен однозначно: говорил преемник вождя. К тому же все знали, сколь тесные дружеские отношения у Маленкова были с Берией.

Поэтому победа Хрущева в устранении Берии из высшего эшелона власти резко ослабила позиции Маленкова. Уже к концу 1953 года любое крупное решение требовало согласия не только Председателя Совмина Маленкова, но и первого секретаря ЦК Хрущева. У Маленкова фактически не оказалось союзников в Президиуме ЦК. Молотов и Каганович за спиной Маленкова презрительно называли «Маланьей», явно имея в виду женообразный облик недавнего фаворита Сталина.

Хрущев, человек с большой природной смекалкой, хорошо чувствовал, что вокруг Маленкова образовался вакуум. Это было умело использовано Никитой Сергеевичем для дальнейшего усиления своих позиций. В сентябре 1953 года, как мы уже говорили, Хрущев стал первым секретарем ЦК КПСС. Теперь он не скрывает своих претензий на единоличное лидерство, тем более что делается это в рамках кампании «укрепления роли партии» во всех сферах государственной и общественной жизни.

Многие вопросы большого значения Хрущев уже решает один, заботясь лишь о том, чтобы они были соответственно оформлены. Так, например, было с передачей Крыма в состав Украинской ССР. Это иррациональное решение пришло к Хрущеву внешне внезапно. Первый секретарь, переговорив в декабре 1953 года с Маленковым и не встретив серьезного противодействия по вопросу о передаче Крымской области, тоном приказания предложил Председателю Совмина:

– Давайте не будем затягивать этого решения. На одном из ближайших заседаний Президиума ЦК обсудим вопрос…

Маленков сразу же согласился. Для него было ясно, что

Хрущев уже незаметно оттеснил его на вторые-третьи роли.

Почему у Хрущева, менее чем через год после смерти Сталина, возникло желание перекраивать административную карту страны? Чем это можно объяснить? Может быть, кто-то инспирировал эту инициативу?

Доподлинно никто сегодня не ответит на поставленные вопросы. Однако некоторые соображения можно высказать.

Всю свою «руководящую жизнь» Хрущев провел в Москве и на Украине. Работая секретарем районного, а затем и городского партийных комитетов, Хрущев физически чувствовал близость высшего руководства страны. Никакого своеволия. Точное и строгое исполнение кремлевских директив. Уехав в Киев, куда его направило политбюро в 1938 году первым секретарем ЦК Компартии Украины, Хрущев быстро заметил разницу столичного и провинциального положения. Конечно, власть Москвы здесь еще больше казалась абсолютной, самодержавной, но и собственные возможности были явно большими, нежели на вторых ролях в Москве. Еще тогда, вероятно, у него возникала мысль о Крыме, тем более Хрущев знал, что, начиная с ленинских времен, карта административного деления СССР «уточнялась» не раз. Тем более что, несмотря на национальное административное деление, страна была унитарной. Где что «отрезать», кому «прирезать» – мало кого волновало. Но ставить «вопрос» тогда он не решался.

Хрущев, вновь оказавшийся с 1949 года в Москве, жил в известном смысле еще Украиной. Хрущев любил Украину. Став в 1953 году первым секретарем ЦК КПСС, он очень часто в своих докладах, выступлениях ссылался на украинский опыт, ставил в пример достижения Украины. Там осталось у него много друзей. В своих воспоминаниях Хрущев очень тепло говорит об Украине и ее руководстве. «Я русский, – диктовал он, – и не хотел бы проявить неуважение к русскому народу, но я должен сказать, что нашими успехами в деле восстановления сельского хозяйства Украины и воссоздания промышленности республики мы обязаны именно украинскому народу»{594}.

В начале 1954 года, отметим это особо, торжественно отмечалось 300-летие воссоединения Украины с Россией. Хрущев, как удалось установить, накануне этого события не раз беседовал с Д.С. Коротченко, другими украинскими руководителями. В разговорах, в частности, обсуждался вопрос, как весомее «отметить» значимость великой даты воссоединения. То ли была прозрачная «подсказка» собеседников, то ли сам Хрущев оказался весьма «находчивым», но идея передачи Крыма первоначально возникла в узком кругу. Хрущев не видел в этом акте ущемления социального достоинства россиян, ибо СССР (несмотря на «союз»)

был сугубо унитарным государством…

Почувствовав себя в конце 1953 года фактически первым лицом не только в партии, но и в государстве, Хрущев неожиданно для всех поставил перед своими «соратниками» вопрос о Крыме. Поставил настойчиво. Никаких внятных обоснований от него не последовало, да их и не требовалось. Он решил – и все. Возможно, уже пообещал Киеву. Возражений не было.

Воля первого лица в советском государстве не нуждалась в рациональном объяснении. К тому же СССР, хотя и назывался союзным государством, был в действительности сугубо унитарной державой. Какая разница, где будет числиться та или иная область?

Хрущев любил Крым – «всесоюзную здравницу». Интересовался делами области. Однажды даже затребовал в VI секторе общего отдела ЦК материалы, связанные с Крымской конференцией 4-11 февраля 1945 года. В Ливадии тогда состоялась историческая встреча Сталина, Рузвельта и Черчилля. Политическое и историческое ее значение известно. А затребовал Хрущев материалы, видимо, вот почему.

Делегации СССР, США и Великобритании размещались в Юсуповском, Ливадийском и Воронцовском дворцах. Специально к этому случаю в районе дворцов создали мощные бомбоубежища, стянули туда несколько сот зенитных орудий, большое количество истребительной авиации. Дворцы охраняло 4 специальных полка НКВД, много других специальных частей и подразделений. Если бы фашистское руководство, узнав о конференции, попыталось нанести по этим объектам удар, то едва ли что получилось бы из этой затеи. Сталин вокруг дворцов создал «зону неуязвимости».

Так вот, после окончания конференции все эти дворцы (с обслуживающими их совхозами «Красный» и «Молодая гвардия») с согласия Сталина перешли с конца февраля 1945 года в ведение НКВД СССР, затем в 1947 году – под крыло МГБ СССР. После смерти Сталина Хрущев настоял, чтобы великолепные жемчужины Крыма, находившиеся в распоряжении могущественных спецслужб страны, были переданы в ведение Управления курортами ВЦСПС{595}. Отобрав дворцы у МВД и МГБ, Хрущев решил пойти дальше; а почему нельзя и сам Крым, «всесоюзную здравницу», отдать новому хозяину – Украине?

Как водилось в те времена, любой крупный вопрос вначале рассматривался на заседании Президиума (политбюро), а затем все остальные органы были обязаны лишь проштамповать уже решенное «наверху». Так и сейчас: на очередное заседание

Президиума ЦК был вынесен вопрос «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР». Значился он в повестке дня лишь одиннадцатым… Для высших функционеров это была обычная рутина.

Вел заседание Г.М. Маленков. Присутствовали члены и кандидаты в члены ЦК: Хрущев Н.С., Ворошилов К.Е., Булганин Н.А., Каганович Л.М., Микоян А.И., Сабуров М.З., Первухин М.Г., Шверник Н.М., Пономаренко П.К., а также секретари ЦК Суслов М.А., Поспелов П.Н., Шаталин Н.Н. Обсуждения не было. Зачитали проект постановления, состоящий из двух пунктов: «Утвердить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР»{596} (хотя Президиум еще только должен был быть в этот день созван). Признали в постановлении также необходимым провести «специальное заседание Президиума Верховного Совета СССР, на котором рассмотреть совместное представление Президиумов Верховных Советов РСФСР и УССР о передаче Крымской области…»{597}. Вопрос о передаче Крыма занял всего 15 минут. Подпись под постановлением: «Секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев». Дальше все было делом партийной «техники»…

Новый лидер партии и страны, настояв на неправедном решении, наверняка, по своему невежеству, не знал истории Крыма. Ему было неизвестно, что в процессе создания Русского централизованного государства Москва долгие десятилетия вела жестокую борьбу с Крымским ханством. Для этого осколка Золотой Орды военный грабеж стал одним из основных занятий и постоянным источником военной угрозы для юга России.

В ходе русско-турецких войн (а Крымское ханство находилось в вассальной зависимости от Османской империи) 1771–1791 годов Крым, Таврия и территория между Бугом и Днестром были отвоеваны Россией.

В эти же годы были созданы русский Черноморский флот, основаны русские города-порты Севастополь, Одесса, Херсон, Николаев. Для России Севастополь, Крым явились символами могущества и славы. Победы Черноморского флота у островов Фидониси (ныне – Змеиный) и Тендра (Тендровская коса), близ Керченского пролива и у мыса Калиакрия, в Афонском и Синопском морских сражениях стали выражением национальной гордости россиян. Имена прославленных флотоводцев Ф.Ф. Ушакова, Д.Н. Сенявина, М.П. Лазарева, П.С. Нахимова стали гордостью русской нации. Откуда все это было знать малограмотному Хрущеву? Да, конечно, он не мог даже во сне предположить, что Украина когда-нибудь станет суверенным государством и воспользуется его царским подарком… Хотя,

впрочем, цари не делали таких подарков. Это большевики положили начало традиции пренебрежения российскими территориями (вспомните согласие Ленина на передачу едва ли не половины европейской России уже почти поверженной Германии…).

Я не думаю, что Хрущев при возникновении сумасбродной идеи о передаче Крыма имел какой-то тайный умысел. Он не мог знать, что СССР когда-нибудь распадется и его бездумное решение создаст столько проблем в отношениях между Россией и Украиной. Обладая мужицкой смекалкой и немалым мужеством, Хрущев, как и большинство вождей СССР, был малообразованным человеком, что часто, очень часто способствовало созданию конфликтных ситуаций (в отношениях с Китаем, во время Суэцкого и Карибского кризисов, во многих внутриполитических вопросах). Невежество, как повивальная бабка авантюризма, субъективизма, легковесности, не раз ставило Хрущева в положение бесславно проигравшего и опростоволосившегося. В историческом ключе именно таким выглядит и его решение по Крыму.

После заседания Президиума ЦК 25 января 1954 года события развивались форсированно. Состоялись заседания соответствующих президиумов республик, правительства РСФСР, в которых они дружно, по команде сверху, постановляли: «Учитывая территориальное тяготение Крымской области к Украинской ССР…», принимая во внимание «общность экономики и тесные хозяйственные и культурные связи», передать Крымскую область в состав УССР. Подписи послушных и бездумных исполнителей А. Пузанова (Председатель Совета Министров РСФСР), М. Тарасова (Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР), Д. Коротченко (Председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР), других функционеров лишь свидетельствуют о глубокой ущербности Системы{598}.

Никакой глубокой мотивации передачи области другой республике не было. Никто даже не подумал, что скажут по этому поводу жители Крыма, большинство которых русские. Для большевистских руководителей СССР был сугубо унитарным государством и любые манипуляции с территориями внутри Союза считались обычным, нормальным делом. В результате коммунистического владычества собственно Российская Федерация «укрепила» своими территориями целый ряд других республик. И все на основании кабинетных решений кремлевских вождей.

Уже 19 февраля 1954 года в Кремле состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР. Состав был неполным; не

все приехали. Из 15 зампредов присутствовало лишь 9 человек; из 15 членов прибыли 12. Председательствовал К.Е. Ворошилов. В качестве члена Президиума Верховного Совета СССР присутствовал и Н.С. Хрущев, наблюдая за спектаклем, который разыгрывался по сценарию, составленному М.А. Сусловым и Н.М. Пеговым. Тексты выступлений были подготовлены в отделе пропаганды ЦК и вручены заранее намеченным ораторам: М.П. Тарасову, Д.С. Коротченко, Н.М. Швернику, Ш. Рашидову, О.В. Куусинену, К.Е. Ворошилову.

Хрущев слушал казенные речи, думая уже о другом: его теснили новые идеи о реорганизации управления промышленностью…

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР Тарасов в своем выступлении напирал на то, что Крым является «как бы естественным продолжением южных степей Украины», а посему передача Крымской области в «состав Украинской республики отвечает интересам укрепления дружбы народов великого Советского Союза…». Не знаю, что чувствуют люди, читая чужие тексты, с чужими мыслями; мне в своей жизни не приходилось таковых озвучивать.

Председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР Коротченко выражал «сердечную благодарность великому русскому народу за исключительно замечательный акт братской помощи (?!), о котором идет речь на сегодняшнем заседании…».

Однако два оратора, помимо своей воли (ведь речи писали другие люди), сказали нечто близкое к истине. Николай Михайлович Шверник заявил, что «такая передача крупнейшей области, богатой сырьевыми ресурсами, с развитой крупной промышленностью, ценными природными лечебными факторами может быть осуществлена только в условиях нашей социалистической страны…». Что верно, то верно. Такое дикое свершение можно представить лишь в «социалистической стране». Куусинен развил эту тему. «Только в нашей стране возможно, – заявил он, – чтобы такой великий народ, как русский народ, без всяких колебаний великодушно передал другому братскому народу одну из ценных областей. Только в нашей стране возможно, когда такие важнейшие вопросы, как территориальное перемещение отдельных областей в состав той или иной республики, разрешаются без всяких затруднений…»{599}

Спектакль шел без сбоев. Сумасбродной идее Хрущева ораторы пытались придать окраску некоей разумности, социалистического интернационализма, респектабельности, государственной мудрости. Так происходило становление

очередного главного лидера СССР. Одолев Берию, проигнорировав национальное достоинство россиян, Хрущев уже через год после смерти Сталина уверовал в свое всесилие, реально почувствовал, сколь абсолютна власть первого лица в государстве, созданном Лениным.

Заключал прения Председатель Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилов: «…Только в условиях Союза Советских Социалистических Республик возможно подобное справедливое решение всех территориальных вопросов… (как будто существовал этот «территориальный вопрос». – *Д.В.*). И в далеком и недалеком прошлом враги неоднократно пытались отнять у России Крымский полуостров, использовать его для грабежа и разорения русских и украинских земель, создать там военную базу для нападения на Россию и Украину…» Ворошилов дал понять, что этот акт «дарения» полуострова очень важен, «когда советские люди торжественно отмечают замечательную историческую дату 300-летия воссоединения России с Украиной»{600}.

Пожалуй, позорная эпопея, связанная с разбазариванием исторически собранных земель России, для Хрущева была актом собственного самоутверждения. Именно он спустя некоторое время намерился передать Японии два острова Курильской гряды. Но в Токио на тот шаг не захотели отреагировать дистанцированием от США, как хотела того Москва, и Хрущев «передумал».

Когда через неделю после этого заседания был обнародован указ Президиума Верховного Совета СССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР, население и в России, и на Украине встретило его спокойно и даже равнодушно. Советские люди уже привыкли, когда вожди в Кремле в узком кругу решают все, что захотят. Безмолвный народ огромной великой страны уже свыкся с тем, что им манипулировали, решали его судьбы, никогда не спрашивая, хотят ли этого миллионы граждан.

Хрущев, взяв на вооружение сталинские методы, действовал бесцеремонно решительно, больше всего полагаясь на свою политическую волю. Можно даже сказать, что устранение Берии и передача Крыма Украине явились для Хрущева не только проверкой его способности оттеснить Маленкова с вершины холма власти, но и экзаменом на всесоюзного лидера большевистской школы. Хрущев так же, как и Сталин, и все последующие генсеки, прежде всего взял на вооружение Ленина, повторяя к месту и не к месту: «Нужно вспомнить, как учил Ленин», «При Ленине было так», «Ленинские нормы партийной

жизни следует возродить…» и другие подобные заклинания. При том, что сам Хрущев, как и многие другие большевистские бонзы, Ленина знал чрезвычайно слабо… Хотя в кабинете каждого вождя всегда стояло Полное собрание сочинений В.И. Ленина, к которым никогда не прикасались их руки.

Ленинское идолопоклонство является общей чертой всех генсеков. Без него они не смогли бы удержаться на кремлевском холме. Хрущев, заменив Сталина как лидера гигантской страны, продолжал действовать, используя пока сталинские методы. В 1953 и 1954 годах Хрущев, расправившись с Берией и «подарив» Крым, еще не знает, что через два года именно он поведет яростные атаки на самого Сталина…

Атака на «культ личности»

Да, «культ личности», как критическая цель, несет в себе немало ложного, поверхностного, несущностного. Критика культа не затронула глубинных основ ленинской Системы.

Но при всем этом в советской семидесятилетней истории трудно назвать политический феномен, который по своей значимости для будущего великого народа, да и не только его одного, сыграл бы такую же потрясающе важную историческую роль. Мужественная атака Хрущева на один из элементов большевизма имела далеко идущие последствия.

Весь жар своей души, несогласие с политикой террора Сталина, стремление восстановить попранную справедливость Хрущев сконцентрировал на бескомпромиссной борьбе с обожествленной ролью одного человека. Первый секретарь искренне верил, что стоит «искоренить» культ личности, восстановить в полном объеме «ленинские принципы» внутрипартийной жизни, «исправить» нарушения «революционной законности», как тут же страна воспрянет и быстро пойдет по рельсам «советского социалистического демократизма».

Смелые, но наивные, судьбоносные, но поверхностные мечтания!

Хрущев, расправившись с Берией, укрепил свои позиции рядом смелых шагов внутри страны (подъем целины на востоке, проведение после сентябрьского пленума ЦК (1953 г.) некоторых довольно эффективных мер в сельском хозяйстве, начало процесса реабилитации сотен тысяч людей), заметно упрочил собственную роль как истинно первого лидера.

Во внешней политике первый секретарь без колебаний пошел на помощь Насеру, сделав союзниками СССР сразу несколько

арабских государств. Это нашло понимание и поддержку в стране.

Поднявшись на вершину власти в гигантской стране, Хрущев, однако, чувствовал, что тень Сталина все время была с ним рядом. Действовала (хотя и не так свирепо, как раньше, а с оглядкой) «карательная система», созданная «вождем народов», запретной была правда о множестве политических процессов, прокатившихся по стране накануне и после войны, на многих вопросах внутренней и внешней политики СССР лежало сталинское табу. Хрущев многое знал о прошлом (он был его активным участником). Теперь оно его страшило. Он, именно он, должен был или сказать обо всем минувшем правду, или оставить все без изменения, как сложилось за треть века существования большевистского государства.

Приближалось время очередного, XX съезда партии. На пленуме ЦК решили его провести в феврале 1956 года. Рассматривая на заседании Президиума рабочие вопросы подготовки к первому после смерти Сталина всесоюзному форуму коммунистов, Хрущев предложил создать ряд рабочих комиссий по его подготовке. Возражений не последовало. Но когда первый секретарь заявил, что было бы правильным «образовать и комиссию по расследованию деятельности Сталина», его бывшие близкие соратники Молотов, Каганович, Ворошилов стали бурно возражать. Особенно активен был Молотов:

– Расследовать деятельность Сталина – это ревизовать итоги всего огромного пути КПСС! Кому это выгодно? Что это даст? Зачем ворошить прошлое?

Ему вторил Каганович:

– Сталин олицетворяет множество побед советского народа. Рассмотрение возможных ошибок продолжателя Ленина поставит под сомнение правильность всего нашего курса. Да нам просто скажут: а где вы были? Кто дал вам право судить мертвого?

Схватка была бурной. Хрущев ее погасил обещанием, что будут в самом секретном порядке рассмотрены лишь «нарушения социалистической законности», в которых основная доля вины лежит на Берии. Пусть комиссия поработает, мы рассмотрим ее выводы, а затем уж решим, что с ними делать… На том 31 декабря 1955 года и порешили.

Состав комиссии определен был самый узкий: секретарь ЦК КПСС академик П.Н. Поспелов, секретарь ЦК КПСС А.Б. Аристов, председатель ВЦСПС Н.М. Шверник, работник Комитета партийного контроля при Центральном Комитете П.Т Комаров. Возглавил работу комиссии Поспелов. Ему было не привыкать писать о вождях. Он немало знал о Сталине. В 1951 году тиражом почти семь (!) миллионов экземпляров вышло второе издание

«Краткой биографии» вождя, над которой вместе с Александровым Г.Ф., Митиным М.Б. и некоторыми другими трудился в поте лица и сам Поспелов.

В биографической книге, отредактированной лично Сталиным и состоящей почти наполовину из его цитат, есть вместе с тем и фрагменты, сочиненные Поспеловым и его коллегами. Такой, например: «Работа товарища Сталина исключительно многогранна; его энергия поистине изумительна. Круг вопросов, занимающих внимание Сталина, необъятен: сложнейшие вопросы теории марксизма-ленинизма – и школьные учебники для детей; проблемы внешней политики Советского Союза – и повседневная забота о благоустройстве пролетарской столицы; создание Великого северного морского пути – и осушение болот Колхиды; проблемы развития советской литературы и искусства – и редактирование устава колхозной жизни и, наконец, решение сложнейших вопросов теории и практики военного искусства»{601}. Здесь же бесчисленные эпитеты о сталинской «чуткости к людям», о его приверженности «неприкосновенности личности, неприкосновенности жилища и тайны переписки», о способности вождя «учиться у масс», как и многие другие, живописали моральный облик гениального продолжателя Ленина. Так что опыт жизнеописания сталинских деяний у Поспелова был.

Хрущев лично пригласил к себе членов комиссии по расследованию массовых репрессий вместе с министром внутренних дел С.Н. Кругловым (вскоре снятым с этого поста) и распорядился поднять «дела» расстрелянных партийных деятелей П.П. Постышева, Р.И. Эйхе, М.Л. Рухимовича, В.И. Межлаука, Я.Э. Рудзутака, П.И. Смородина, Б.П. Позерна, СВ. Косиора, В.Я. Чубаря, А.В. Косарева, Г.Н. Каминского и многих других, чтобы можно было предметно создать панораму сталинских беззаконий и произвола.

Комиссия сидела, как говорится, день и ночь. Листая папки «расстрельных» дел, Поспелов вместе с членами комиссии одновременно выискивал соответствующие ленинские цитаты, осуждающие культ личности и нарушения «социалистической законности». План доклада, предложенный академиком Поспеловым, был откровенно примитивным, но понятным: все сводилось к мудрости, скромности, гуманизму Ленина и его норм деятельности и нарушению этих постулатов Сталиным. В докладе утверждалось, что все, абсолютно все, что делал Ленин, было истинно марксистским. «… Владимир Ильич требовал жестокой расправы с врагами революции и рабочего класса и, когда возникала необходимость, пользовался этими мерами со всей

беспощадностью… Но Ленин пользовался такими мерами против действительно классовых врагов, а не против тех, которые ошибаются…»{602} Кто был «действительно классовым врагом», а кто нет, Поспелов с соавторами не рискнул определить. Весь пафос готовящегося доклада сводился к тому, что сама система, которая была создана Лениным, не имеет никакого отношения к беззакониям и бесчисленным репрессиям. Все они – результат «культа личности Сталина», дело рук вождя и его приспешников – Ежова, Берии. Даже создание самого культа – итог усилия прежде всего Сталина.

Эта бесхитростная и предельно примитивная схема была полностью одобрена Хрущевым. Но когда проект подготовленного доклада доложили на Президиуме, там вновь возникли яростные споры.

Не понравилось многое.

Например, оппоненты не хотели признать тезис о том, что «Сталин ввел понятие «враг народа». (Они были правы, этот термин впервые в «большевистской практике» использовал Ленин, в свою очередь заимствовав его у французских революционеров.) «Этот термин сразу освобождал, – говорилось в докладе, – от необходимости всяких доказательств идейной неправоты человека или людей, с которыми ты ведешь полемику: он давал возможность всякого, кто в чем-то несогласен со Сталиным, кто был только заподозрен во враждебных намерениях, всякого, кто был просто оклеветан, подвергнуть самым жестоким репрессиям, с нарушением всяких норм революционной законности»{603}.

Поспелов и его помощники допустили здесь, естественно, грубую ошибку: «нормы революционной законности» и означали в действительности полный большевистский произвол. Оппоненты яростно спорили по фактам ареста, расправ над конкретными людьми: Постышевым, Эйхе, Рухимовичем, Рудзутаком, Смородиным, Позерном, Косиором, Чубарем, Косаревым и другими. Все объяснялось просто: сотоварищи Хрущева по Президиуму ЦК сами участвовали в этих расправах и теперь боялись огласки и ответственности. Тем более что в проекте доклада приводились документы, адресованные Сталиным Кагановичу, Молотову и другим своим соратникам. Например, 25 сентября 1936 года Сталин, отдыхавший в Сочи, телеграфировал членам политбюро (Хрущев тогда еще не входил в его состав. – *Д.В.*): «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года…»

Вспомнили, что 10 января 1939 года политбюро одобрило текст и Сталин его подписал, который был разослан секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел. В шифротелеграмме ЦК ВКП(б) разъяснялось, что применение физического насилия по отношению к арестованным, разрешенное с 1937 года, полностью сохраняет силу и теперь. «Метод физического воздействия, – говорилось в директиве, – является правильным и должен обязательно применяться и впредь в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

– Мы все поддерживали такие решения. Что мы скажем теперь? – горячился Каганович.

Или говорили, что политбюро несколько раз принимало решения о так называемых «антисоветских элементах», согласно которым устанавливалось новое, дополнительное количество лиц, подлежащих репрессированию «по первой категории». Например, 31 января 1938 года политбюро утвердило такую очередную разнарядку по 22 областям СССР; в соответствии с ней было «дополнительно» расстреляно еще 48 тысяч человек… Все члены политбюро, естественно, проголосовали «за»{604}.

Лишь благодаря поддержке Сабурова, Первухина, Булганина, Кириченко Хрущеву удалось добиться решения продолжать работу над докладом. Но как с ним поступить? Ясности не было. Каганович предлагал обсудить его на XXI съезде, Молотов – постепенно «исправить» ошибки прошлого без их обнародования. Так или иначе, по распоряжению Хрущева Поспелов продолжил работу над докладом, которому предстоит сыграть историческую роль.

Наконец, 14 февраля 1956 года в Большом Кремлевском дворце открылся XX съезд КПСС. Он проходил как обычно: доклад, одобрение «ленинского курса», аплодисменты, шумные вставания, идеологические заклинания, призывы крепить «единство партии и народа» и т. д. Все, как всегда, было «расписано» до мелочей. Съезд катился благополучно к своему концу, а ясности, что делать с докладом Поспелова, не было. Удалось установить, что Хрущев буквально жил этим докладом и был готов любой ценой довести его до делегатов съезда. Уже в ходе работы съезда он не раз вечерами приглашал к себе Поспелова и диктовал ему свои замечания и мысли в доклад, которые у него появлялись при чтении подготовленных материалов.

Вот, например, что продиктовал Хрущев Поспелову в ночь на 19 февраля 1956 года. Я приведу лишь отдельные фрагменты, ибо хрущевские диктовки пространны и некоторые из них в

отредактированном виде вошли в доклад, давно и широко известный общественности.

Поспелов сидел перед первым секретарем, который, листая свой съездовский блокнот, диктовал:

«…Врагов народа было не обязательно уничтожать, можно было держать в тюрьмах, ссылках…»

«…Привести пример с Каменевым и Зиновьевым; они предали революцию, а Ленин их не расстрелял…»

«…Как получить признания? Только одним путем – бить, истязать, лишить сознания, лишить рассудка, лишить человеческого достоинства путем физического насилия и вымогательства…»

«…Смирнов лечил Сталина… и такие люди были арестованы… Он сказал: Смирнову надеть кандалы, такому-то надеть кандалы, так и будет…»

«…По Мингрельскому делу. Грузинское руководство обвинялось, что цветущая Грузия хочет войти в состав нищего турецкого государства, голодного, ободранного, неграмотного (дать цифры)…»

«…Члены политбюро смотрели на Сталина разными глазами в разные периоды времени. В первое время сознательно возвеличивали Сталина, потому что Сталин действительно был велик и способен. Он был одним из сильнейших марксистов, и его логика, сила и воля оказывали положительную роль для партии. А потом… Появилось после расправ не только идейное, но и физическое подчинение этому человеку…»{605}

Внимательный читатель заметит, что кое-что из диктовок Хрущева вошло в текст доклада почти полностью, некоторые идеи – частично, иные не нашли своего отражения вообще. Хрущев диктовал много, и глубоко обвинительный стиль доклада в огромной мере сформирован самим первым секретарем, который лично хорошо знал о репрессиях не понаслышке, поскольку принимал в них активное участие, как и Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов…

Выше мы привели хрущевский фрагмент с Зиновьевым и Каменевым, которых Ленин «не расстрелял». А вот что говорил сам Хрущев по их адресу 22 августа 1936 года на собрании партактива: «Сидят главари-бандиты Зиновьев, Каменев, Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян и другие их сообщники-фашисты, но физически отсутствует один из организаторов террористических актов… Расстрелять не только этих мерзавцев, но и Троцкий тоже подлежит расстрелу. *(Бурные аплодисменты.)*»{606}.

Немногим менее чем через два года Хрущев действует так же:

жестко, беспощадно, «по-чекистски» и на Украине. Там он заявил: «Враги Якир, Попов, Шелехая, Хатаевич, Вечер, Донченко, Балицкий, Косиор… Позже Любченко и Поройко. Но собственно на Украине мы только начинаем расчистку… Разгромим и добьем»{607}.

Конечно, Хрущеву было непросто восстать против тирании Сталина. Непросто прежде всего потому, что он, как и все его соратники, к концу тридцатых годов славил диктатора так, как никогда и никого в России не превозносили. Если взять крохотную, всего два десятка страниц, брошюрку Н.С. Хрущева с его тремя речами на собраниях избирателей Москвы, то в ней первый секретарь Московского городского комитета партии пятьдесят четыре раза (!) говорит о Сталине как о «гении», «великом вожде» и «великом творце». Хрущев призывал в своих примитивных речах не только к «большей ненависти к нашим врагам», но и к большей любви к «нашему вождю, великому Сталину»{608}.

Третьему «вождю» нельзя было этого забыть, но он смог мужественно переступить через «наваждение» молодых лет, всеобщее духовное затмение и большевистскую экзальтацию. У Хрущева хватило сил отринуть бесовство террористической методологии. Однако его нынешние соратники не хотели простить этого первому секретарю, постоянно напоминали ему, что он, как все, повязан старыми грехами.

Так что многие фамилии, которые прозвучат на XX съезде как обвинение Сталину, уже произносились Хрущевым, осуществлявшим с Ежовым, а затем и с Берией «настоящий разгром и расчистку». На этом и хотели сыграть старые члены политбюро.

Особенно упорствовали Молотов и Каганович:

– А что ты о себе скажешь, Никита? Ведь мы все в этом замешаны… И что тебя заставляет говорить о прошлых делах? Надо не спеша поправлять ошибки, а не смаковать их…

Так реагировали по-прежнему «коренные» члены Президиума, у которых (как и у Хрущева) рыльце, мягко говоря, было в сильном «пушку»… Но Хрущев оставался непреклонным:

– Думаю, что нас правильно поймут и партия, и народ. Молчать больше нельзя.

Наконец Хрущев в ходе горячих споров с членами Президиума заявил: «Некоторые из нас много не знали, поскольку мы работали в условиях, когда человеку говорили ровно столько, сколько ему положено знать… Кое-кто знал, что происходило, а кое-кто даже имел непосредственное отношение к событиям, о которых идет речь. И хотя степень ответственности каждого из

нас различна, я готов, как Член Центрального Комитета со времени XVII съезда партии (Хрущев вновь подчеркивает, по сути, что в 34-38-м годах он не был членом политбюро. – *Д.В.*) нести свою долю ответственности перед партией даже в том случае, если партия сочтет необходимым привлечь к ответу всех, кто был в руководстве страной при Сталине…»{609}

Это, кажется, надломило оппонентов. Но они всячески хотели смягчить постановку и рассмотрение страшного для них вопроса.

Наконец уже в конце съезда, во время перерыва, Хрущев заявил соратникам: «Давайте спросим съезд, всех 1436 делегатов, хотят ли они заслушать доклад «О культе личности и его последствиях»? Я скажу, кто в Президиуме «за», а кто «против». Пусть делегаты решают. Как проголосуем, так и будет…»

В комнате наступила напряженная тишина… Так Хрущев сделал победный шаг к трибуне съезда. Теперь уже ничто не могло удержать его семенящей походки к цели: великой и… в чем-то ложной. Ложной в том, что сталинизм не был разоблачен, его генезис, сущность, эволюция. Но и удар по «культу личности» оказался страшным.

На утреннем заседании 25 февраля 1956 года Хрущев произнесет сенсационный доклад «О культе личности и его последствиях». Более четырех часов делегаты, затаив дыхание, будут слушать поражающие воображение разоблачения. На закрытом заседании не было ни зарубежных гостей, ни журналистов. Сам ход этого исторического заседания не стенографировался. Как вспоминал Хрущев, «делегаты слушали затаив дыхание. В огромном зале стояла такая тишина, что можно было слышать, как муха пролетит. Трудно представить себе, насколько сильно были поражены люди, узнав о зверствах, чинившихся по отношению к членам партии… Многие из них впервые услышали о трагедии, охватившей партию, трагедии, проистекавшей из болезни Ленина, относительно которой нас предупреждал Ленин в своем «Завещании»…»{610}.

По предложению Н.А. Булганина было решено прений по докладу не открывать.

Хрущев делал все для того, чтобы возвысить Ленина, партию, большевистский строй, «массы». Цитаты основоположника КПСС сыпались как из рога изобилия: о коллективности руководства, которое было при Ленине; и о том, как Сталин «обидел» Крупскую; как не учли предостережения вождя в отношении генсека и что из этого получилось. Все беды проистекли из того, что «грубость» Сталина постепенно вылилась в «массовый террор против кадров партии»{611}.

Я не собираюсь пересказывать или комментировать доклад

Хрущева, который, впрочем, до 1989 года, когда о нем давно уже знал весь мир, продолжал оставаться сугубо секретным документом, хранящимся в глубинах архивных тайников КПСС. Хрущев в своих «Воспоминаниях» очень немного уделил внимания XX съезду, хотя и подчеркнул огромное его значение. Резюме третьего «вождя» относительно исторической сути съезда просто обескураживает: основное значение съезда заключается в том, продиктовал Хрущев, «что он положил начало процессу очищения партии от сталинизма и восстановления в партии тех ленинских норм жизни, за которые боролись лучшие сыны Отечества»{612}.

Парадоксальность вывода очевидна. Бороться против одной разновидности ереси, чтобы восстановить основную ее, ленинскую, форму… В этом весь Хрущев. Ни он, ни другие его соратники, ни тем более мы, рядовые коммунисты, не понимали тогда, что сталинизм родился из ленинизма, который в своей основе исповедовал неограниченное классовое насилие.

Впрочем, я приведу один неизвестный широкому читателю пример, наглядно характеризовавший, как Хрущев хотел «восстановления ленинских норм».

В своих воспоминаниях Хрущев упоминает, что «во время XX съезда партии умер первый секретарь ЦК ПОРП Болеслав Берут. После его смерти в Польше были крупные беспорядки…»{613}. Продолжались эти «беспорядки» долго. Дело кончилось тем, что Хрущев в сентябре 1956 года вместе с Молотовым, Микояном, Булганиным, маршалом Коневым, вопреки протестам поляков, вылетели в Варшаву. Без приглашения. Польские товарищи считали приезд несвоевременным, отговаривали Хрущева.

Сразу же в Варшаве начались резкие переговоры. Хрущев обвинял польское руководство – Охаба, Гомулку, Циранкевича в том, что они поворачиваются к СССР спиной и тяготеют к Западу, отторгают маршала Рокоссовского, допускают антисоветские выступления в печати, не хотят иметь советских советников в польской армии. Поляки дружно защищались, обвиняя Москву в просталинских методах поддержания отношений. Споры достигли высокого накала.

В момент беседы «кто-то из польских товарищей передал Гомулке записку. Гомулка, побледнев, обращаясь к Хрущеву, говорит: мне сообщили, что ваши части, находящиеся в западном районе Польши, движутся сейчас с танками на Варшаву. Я прошу остановить это движение и возвратить их на место их дислокации…

Мы переглянулись с Хрущевым (диктовка А.И. Микояна 28 мая 1960 г.). Хрущев сказал: хорошо, и было дано указание

маршалу Коневу приостановить движение наших войск, вернуть их в места дислокации…»{614}. Здесь тоже весь Хрущев; поехав «нормализовать» отношения с польскими союзниками, желая положить конец «беспорядкам», он на всякий случай прибег к военной демонстрации. Первый секретарь никогда не был способен понять (как и большинство нас, советских коммунистов), что от сталинизма нельзя отказаться, не отказавшись от ленинизма. Именно поэтому цель, избранная Хрущевым на XX съезде, оказалась не основной мишенью. Не один диктатор повинен в самых страшных преступлениях XX века, а прежде всего Система, идеология, основанная на ленинских постулатах. Сталин и партия были «рулевыми» этой системы. Но тогда этого никто понять не мог. Без удара по Сталину, в конце концов, не пришло бы исторически и прозрение в отношении Ленина.

Хрущев и умрет в неведении: он никогда не смог бы согласиться с тем, что, защищая Ленина, он «сохраняет» и Сталина…

Даже в самом докладе Хрущев то и дело вынимал из папки «индульгенции» Сталину, подчеркивая его заслуги перед партией и народом. Однако честно рассказать этому самому народу о злоупотреблениях Сталина Хрущев не решился. В заключительной части своего доклада он заявил: «Мы должны со всей серьезностью отнестись к вопросу о культе личности. Этот вопрос мы не можем вынести за пределы партии, а тем более в печать. Именно поэтому мы докладываем его на закрытом заседании съезда. Надо знать меру, не питать врагов, не обнажать перед ними наших язв»{615}. Правда, через некоторое время гриф доклада «Строго секретно» был снят и заменен более «либеральным» – «Не для печати». Брошюру с текстом доклада разослали в партийные комитеты для ознакомления. Еще раньше он стал известен на Западе, произведя эффект огромной сенсации. А в компартиях, особенно европейских, началось глубокое брожение, приведшее к пересмотру многими из них фундаментальных положений марксистско-ленинской идеологии.

Мужественный Хрущев боялся огласки, наивно надеясь, что истину по-прежнему можно держать в бессрочном заключении. Тайны, «партийные» секреты для ленинизма вещь органическая, естественная. А третий «вождь» был «правоверным» ленинцем. Ведь свой разоблачительный доклад, направленный против «Сталина-Ленина сегодня», он закончил словами: «Да здравствует победоносное знамя нашей партии – ленинизм!» Естественно, после этих слов были «бурные, продолжительные аплодисменты, перешедшие в овацию…».

Люди еще не в состоянии были оценить того, что сделали благодаря Хрущеву крупный, эпохальный шаг к свободе, которая не может быть привилегией. Но советские люди никогда не обладали свободой, поэтому не могли в полной мере ощутить ее значимость. Им все равно нужен был кумир: вроде бы отказавшись от Сталина, они еще более уверовали в Ленина, который закабалил их после октябрьского переворота и принес все беды России в XX веке.

Сталинизм получил пробоину, но держался на плаву, ибо ленинизм казался непотопляемым…

Импульсивный реформатор

Шел второй день работы XXII съезда партии 18 октября 1961 года. Это был третий (и последний) из съездов в жизни Никиты Сергеевича Хрущева, на которых он в силу своего положения (первый секретарь ЦК КПСС!) играл главную роль. После многочасового, утомительного чтения отчета Центрального Комитета в первый день съезда лидер партии сделал еще один такой же пространный доклад: «О программе Коммунистической партии Советского Союза».

Хрущев, водя пальцем по тексту (чтобы не сбиться), перешел к очередному разделу: «Коммунизм – великая цель партии и народа». Как опытный оратор (а он сам не раз заявлял об этом), Никита Сергеевич на «ударных местах» делал паузы и выразительно смотрел в зал, безотказно вызывая аплодисменты. В конце раздела докладчик произнес: «Чаша коммунизма – это чаша изобилия, она всегда должна быть полна до краев. Каждый должен вносить в нее свой вклад, и каждый из нее черпать… Мы руководствуемся строго научными расчетами. А расчеты показывают, что за 20 лет мы построим в основном коммунистическое общество…»{616} Хрущев снова выразительно посмотрел в зал, и вновь раздались аплодисменты, но не «бурные», как записано в стенограмме, а лишь «продолжительные». Даже делегаты, а в основном это были коммунистические ортодоксы, с большим сомнением отнеслись к «строгим научным расчетам» Хрущева. Как вспоминал В.Н. Новиков, председатель Госплана СССР, эти «расчеты» готовил любимчик Хрущева министр А.Ф. Засядько и его заместитель Н.А. Тихонов{617}. По этим «расчетам» в ближайшее десятилетие (1961–1970 гг.) «СССР превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма США»; а в итоге второго десятилетия (1971–1980 гг.) «в СССР будет в основном построено коммунистическое общество».

Первый секретарь доложил программу партии, в которой дотошно было описано, что такое коммунизм, почему исчезнут классы, эксплуатация и каким образом люди будут иметь равное положение в обществе. Вновь, в духе традиционной ленинской утопии, было заявлено, что «историческое развитие неизбежно ведет к отмиранию государства». Программа заканчивалась на патетической ноте: «Партия торжественно провозглашает – нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»{618}.

Насильственное «осчастливливание» великого народа

продолжалось…

Великая утопия – но утопия! – во времена правления Хрущева несколько очищенная от сталинских уродливых напластований, стала для народов СССР более привлекательной. Но тем не менее большинство людей относилось к этой утопии как к необходимому антуражу, даже мифу, не имеющему отношения к реальной жизни.

После XX съезда партии, на котором первый секретарь нанес сенсационный удар по Сталину, Хрущев почувствовал себя еще увереннее.

Хотя он понимал, что оппозиционеров его курсу было предостаточно, подспудно, подсознательно чувствовал, что историческая правота на его стороне. Особенно эта уверенность окрепла, когда он в ожесточенной схватке на пленуме в июне 1957 года смог избавиться и устранить своих основных соперников: Маленкова, Кагановича, Молотова. Это придало Хрущеву новые силы в проведении многочисленных реформ в застывшей стране. Государство и общество, закостеневшие в бюрократии и догматизме, оказались слабо подготовленными к этому каскаду реформ: жизненно важных и надуманных, смелых и авантюрных.

Жизнь была сорвана с привычных якорей.

Десятилетие правления Хрущева гигантской страной продемонстрировало имевшиеся в этом человеке потенции: новатора, ниспровергателя, экспериментатора, волюнтариста, преобразователя. Хрущев как бы проснулся. Инициативы и начинания первого секретаря в течение десяти лет следовали одна за другой. Простое их перечисление поражает воображение: везде у истоков всех этих починов стоял невысокий, коренастый человек с энергичными, порывистыми движениями. Хрущев был подобен фонтану идей, действий, поступков, инициатив. У него был поистине «вулканический характер». Интересно его характеризует А.М. Александров-Агентов, проведший значительную часть своей жизни подле послевоенных «вождей» в ЦК. «Хрущев, – вспоминал Александров-Агентов, – властный, вспыльчивый, необузданный, грубый, в том числе и в отношении своих ближайших коллег, самоуверенный и падкий на лесть. Одновременно – порывистый, нетерпеливый, увлекающийся, одержимый духом новаторства, но без серьезной концепции…»{619}

У человека с таким характером оказалось много точек приложения своей энергии в стране, которая начала «оттаивать».

Хрущев вынужден прежде всего обратиться к сельскому хозяйству. В 1949–1953 годах урожайность была катастрофически

низкой – где-то около 8 центнеров с гектара (в 1914 году – 7 центнеров). Я приведу любопытные данные из «Особой папки» (вопросы урожайности и наличия хлеба были строжайшим государственным секретом) о заготовках и расходе зерна госресурсов в 1940–1953 годах в миллионах тонн.

Годы	Заготовки	Расход	Госрезерв на 1 июля
1940	36,4 млн т	35,1 млн т	4,1 млн т
1941	24,3	23,0	5,4
1942	12,5	11,0	7,0
1943	12,3	14,9	5,6
1944	21,6	16,2	2,8
1945	20,0	22,0	8,2
1946	17,5	18,9	6,1
1947	27,5	21,7	4,7
1948	30,2	23,9	10,5
1949	32,1	28,0	13,9
1950	32,3	30,5	16,0
1951	33,6	32,9	16,3
1952	34,7	34,0	17,3
1953	31,1	37,3	17,8

Нетрудно видеть, что все эти годы (во время войны – понятно) заготовки были очень низкими{620}. Однако госрезерв, независимо от урожая и потребления после войны, создавался на достаточно высоком уровне. Чтобы выжить, люди воровали с полей хлеб: зерно, колоски. В июне 1946 года было принято постановление ЦК ВКП(б) и Совмина о строжайшей ответственности за «расхищение хлеба». Министр внутренних дел С. Круглов регулярно докладывал Сталину о ходе выполнения этого постановления. Например, в декабре 1946 года было «привлечено к уголовной ответственности за хищение хлеба 13 559 человек, в январе 1947 года – 9928…»{621}. Голод в стране не пугал Сталина, и он не мог «опуститься» до закупок хлеба у империалистов!

Хрущев взялся за главное звено: сельское хозяйство. На сентябрьском пленуме ЦК (1953 г.) был намечен ряд мер по подъему села. Первый секретарь заставил «обратить внимание» на важнейшие экономические категории: прибыль, себестоимость, рентабельность. По настоянию Хрущева в феврале 1958 года осуществлены некоторые меры по повышению продуктивности сельского хозяйства.

Когда по приглашению Д. Эйзенхауэра – президента США – состоялся визит Хрущева в Америку, первый секретарь добился, чтобы в программе посещения было уделено специальное время

для его ознакомления с сельским хозяйством. Хрущев загорелся посетить штат Айова – «кукурузную жемчужину» Америки. Его свозили туда. Приехав в хозяйство крупного фермера Р. Гарста, Хрущев с большим интересом знакомился с производством кукурузы. Как писал А.А. Громыко, Хрущев «осматривал поля, задавал хозяину много вопросов, стараясь понять, как и на чем тот делает большие деньги на земле, которая не так уж и отличается по плодородию от ряда районов нашей страны». Позже, в кругу делегации, делясь впечатлениями от посещения фермерского хозяйства, Хрущев заявил:

– Многое на ферме Гарста мне интересно. Но у меня нет ясного представления о том, как опыт Гарста перенести в наши советские условия?{622}

Это и неудивительно. Принципиально отличные социально-экономические системы создавали совершенно разные условия для производства и сбыта. Колхозная система сводила до минимума личный интерес, и механически «перенять опыт» было невозможно.

Побывав в США, Хрущев тем не менее уверовал в то, что, сделав упор на кукурузу, можно резко поднять продуктивность животноводства. Его борьба за внедрение кукурузы в стране в ряде случаев носила анекдотический характер. В соответствии с партийными директивами ее часто сеяли там, где не могло быть никакого положительного результата.

Принятыми мерами Хрущеву удалось, однако, добиться увеличения объемов заготовляемого зерна, но… сразу же резко возросло и потребление. Хлеба хронически не хватало. Резко сократились запасы в госрезерве. Наконец Хрущев решился закупать в крупных размерах зерно за границей. Эта вынужденная мера, как свидетельство полного банкротства советского сельского хозяйства, стала долгой традицией и существует уже более тридцати лет.

Приведем еще одну таблицу заготовок и расхода зерна в 1953–1964 годах (в миллионах тонн). Эти данные публикуются (как и выше приведенная схема) впервые.

Годы	Заготовки	Расход	Госрезерв на 1 июля
1954	34,6 млн т	42,5	13,1
1955	36,9	40,3	6,3
1956	54,1	48,7	3,8
1957	34,5	42,9	9,5
1958	56,6	49,1	3,7
1959	46,6	49,6	11,8
I960	46,7	50,0	10,2
1961	52,1	54,2	7,5
1962	56,6	56,6	6,3
1963	44,8	51,2	6,3
1964	68,3	58,2	7,0

Как видим, объем заготовок по сравнению со сталинским временем заметно увеличился, но и резко возросло потребление. Сократились государственные резервы{623}. Начиная с 60-х годов начались регулярные закупки зерна за рубежом. Золотой запас страны стал стремительно таять. Страна его «проедала».

«Кукурузная кампания», силовыми методами насаждаемая там, где она и не могла давать урожай, не выручила Хрущева. А ведь на это ушло несколько лет! Но неугомонный реформатор находит другое решение проблемы подъема животноводства. Он провел решение, согласно которому у колхозников скупили практически весь личный крупный рогатый скот. Хрущев надеялся, что если он будет находиться в общественном хозяйстве, в крупных животноводческих комплексах, то это даст резкий прирост продукции. Скупить-то скот скупили, но пришла зима, и выяснилось: нет кормов, нет помещений, начался массовый падеж скота. Кто-то подсказал советскому лидеру: несколько миллионов лошадей пожирают такие дефицитные корма. Извели бóльшую часть лошадей… Стали по пустякам гонять мощные трактора…

Так же рухнула затея с агрогородами. Пустели села. Стали укрупнять колхозы в огромные хозяйства, но сразу же потерялся в этих сельских конурбациях[13] человек, стало еще больше обезличенных хозяйств.

Бесконечные постановления, решения, совещания, перетряски кадров не дали заметных позитивных результатов. Тогда еще не могли понять, что сама ленинская социально-экономическая система имеет очень ограниченный резерв своего реформирования. Росло недовольство людей, рождались бесконечные анекдоты про «Никиту». Своими смелыми шагами на XX съезде он позволил людям чаще получать глоток свободы, но этого было мало. Хрущев даже не пытался что-то кардинально изменить в Системе, самой основе экономической жизни страны.

Он и не мог этого сделать, пока держался за «ленинские заветы».

Хрущев все неудачи относил за счет плохих кадров, частных просчетов, наследия сталинского прошлого. Отчасти это было так. Он по-прежнему мыслил, как и Сталин, категориями «догнать и обогнать». В отчетном докладе на XXII съезде партии первый секретарь провозгласил: «В последние годы наша страна, по-прежнему значительно превосходя США по темпам, стала обгонять их и по абсолютному приросту производства многих важнейших видов продукции… Выполнение семилетнего плана выведет нашу Родину на такой рубеж, когда потребуется уже немного времени для того, чтобы перегнать Соединенные Штаты в экономическом отношении. Решив основную задачу, Советский Союз одержит в мирном соревновании с Соединенными Штатами Америки всемирно-историческую победу»{624}.

Идеологизированная оценка состояния экономики и перспектив ее развития у Хрущева была такой же, как у Сталина. Те же стремления к «победе» над империализмом.

Свои кампании в сельском хозяйстве Н.С. Хрущев сопровождал крайне сомнительными административными реформами. В феврале 1957 года было принято решение по ликвидации отраслевых министерств и созданию в каждой республике, крае, области территориальных советов народного хозяйства (совнархозов). Для управления этими новыми структурами понадобилось создание Высшего Совета Народного Хозяйства СССР.

Через четыре года, в 1962 году, Хрущев пришел к выводу, что новая структура народного хозяйства требует реформ и в партийной сфере. Он предложил Президиуму ЦК разделить обкомы и крайкомы на промышленные и сельскохозяйственные. Сказано – сделано. Однако недовольство чиновников, партийных функционеров накапливалось и росло. Как вспоминал Владимир Николаевич Новиков, заместитель Председателя Совмина с 1960 по 1962 год: «Подавляющее большинство министров и их центральные аппараты не приветствовали этой реорганизации. Против нее было также большинство руководителей заводов. Я же, как и ряд других работников министерств, считал тогда, что будет утрачено квалифицированное управление заводами, под угрозой окажется технический прогресс. Особенно рьяно возражали против передачи заводов в совнархозы министры оборонных отраслей промышленности»{625}.

Но Хрущев уже уверовал в свою большевистскую непогрешимость, принимая крупные решения ни с кем не советуясь. К тому же особо приближенные к первому секретарю

люди почувствовали слабость Хрущева к лести и подхалимству. Тот же В.Н. Новиков утверждает: с 1960 года «начал действовать новый культ личности Никиты Сергеевича. К сожалению, яблоко не смогло далеко откатиться от яблони»{626}. Культа, возможно, еще и не было, но организованное славословие третьего «вождя» уже существовало.

Лозунг Хрущева, провозглашенный им весной 1957 года: «Догнать и перегнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла, молока на душу населения», оказался, естественно, авантюрным, тем более что эту задачу планировалось решить уже к 1970 году… Хрущев и его советники ошибочно решили, что за счет резкого сокращения индивидуального животноводства и усиления общественного можно достичь желаемого. В свете этой установки, закрепленной июньским пленумом ЦК КПСС (1957 г.), начались конкретные действия. Так, в частности, 20 августа 1958 года бюро ЦК КПСС по РСФСР приняло постановление «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках».

Реализация этого дикого, совершенно абсурдного постановления имела тяжелые последствия. Резко ухудшилось снабжение людей продуктами животноводства, стало нарастать недовольство граждан. Чтобы как-то справиться с ситуацией, ЦК КПСС совместно с Советом Министров СССР принимают 31 мая 1962 года постановление о повышении цен на мясо, мясные продукты и масло. Вместо «догнать и перегнать» коммунистические власти вынуждены этим постановлением фактически расписаться в своей несостоятельности. Глухое недовольство населения приняло более активные формы. Как свидетельствуют донесения КГБ, в Москве, Киеве, Магнитогорске, Иванове, Челябинске, Тамбове, Донецке, Ленинграде, Владимире, Загорске, Тбилиси, Фрунзе, Нижнем Тагиле, других городах стали раздаваться призывы к забастовкам в знак протеста против повышения цен. Невиданное дело в советских условиях! На улицах появились рукописные листовки и плакаты, тайком развешанные неизвестными лицами. Но самой внушительной демонстрацией протеста против внутренней политики правительства явились кровавые события в городе Новочеркасске.

1-3 июня 1962 года на электровозном заводе Новочеркасска начались стихийные волнения рабочих, которые прекратили работу и выдвинули лозунг: «Мяса, молока, повышения зарплаты». Собравшиеся перед заводоуправлением выдвигали только экономические требования. Три дня рабочие бастовали, требуя повышения заработной платы, улучшения условий труда и

быта. Толпа бастующих, собиравшихся на заводском дворе, достигала четырех-пяти тысяч. Местные партийные власти, естественно, вызвали войска, танки. Но рабочих электровозного завода поддержали на других предприятиях города.

Председатель КГБ СССР В.Е. Семичастный доложил в ЦК: «В 9 часов 50 мин. все волынщики (около 5000 человек) покинули территорию заводов и двинулись в сторону гор. Новочеркасска, просочившись через первый танковый заслон. Впереди основной колонны они несут портрет В.И. Ленина и живые цветы»{627}. В донесениях спецслужб появились утверждения о хулиганствующих, преступных элементах, распространяющих «провокационные» лозунги: «мяса, молока, повышения зарплаты».

По указанию Н.С. Хрущева в Новочеркасск срочно прилетел один из влиятельных членов Президиума ЦК Ф.Р. Козлов, который обратился по радио к жителям города: «Вчера в Москве в своей речи[14] которая передавалась по радио, Н.С. Хрущев с большой убедительностью, с присущей ему прямотой объяснил, почему партия и правительство приняли решение о повышении цен на мясо и мясные продукты»{628}. Далее, естественно, говорилось о необходимости получения средств для вложения в промышленность, жилищное строительство, оборону. Нельзя «забывать о том, что империалисты снова грозят советскому народу войной…».

Около горкома партии начались стычки с милицией. Толпа «срывала портреты» (надо думать, членов Президиума (политбюро). Митинг проходил под красным знаменем и портретом Ленина, что было расценено КГБ как «провокация». По митингующим рабочим войсками был открыт огонь на поражение… Пролилась кровь. Было убито 23 человека, десятки ранены; все рабочие и учащиеся. «Захоронение трупов, – докладывал Н.С. Хрущеву В.Е. Семичастный, – произведено на пяти кладбищах области. Органами госбезопасности… проводятся мероприятия по выявлению наиболее активных участников беспорядков и аресту их. Всего арестовано 49 человек…»{629}

Этого показалось мало. По инициативе КГБ в течение недели в Новочеркасске прошел «открытый судебный процесс», на котором поочередно присутствовало около пяти тысяч представителей разных заводов. Семеро «преступников» были приговорены к расстрелу, остальные получили по 10–15 лет лишения свободы.

Как информировал заместитель председателя КГБ П.И. Ивашутин, приговор нашел «одобрение трудящихся». Приводились наиболее характерные высказывания рабочих

(указаны конкретные фамилии) после оглашения приговора: «Собакам собачья смерть!», «Хорошо дали гадам, чтобы другим неповадно было», «Приговор вынесен правильный, таких и надо расстреливать»{630}.

Этому донесению вторил доклад заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС В.И. Степакова: «Судебный процесс сыграл большую воспитательную и профилактическую роль… В зале суда неоднократно раздавались аплодисменты, когда речь шла о применении к преступникам самых суровых мер наказания…»{631}

Это был сталинский аккомпанемент хрущевским реформам. Люди после XX съезда партии почувствовали некоторые послабления; стали чаще говорить, что думают, проявлять свободомыслие. Ну а стихийную забастовку утопили в крови. Хрущев не смог понять, что полусвобода обманчива, эфемерна. Не только третий «вождь» был еще в плену ленинских догм, но и забастовавшие рабочие несли портрет Ленина. Хрущев разоблачил наиболее одиозного лидера ленинской системы, совершенно не тронув самого большевистского монолита.

Разумеется, страна долгие три десятилетия ничего не знала о новочеркасской трагедии. Как и о многих других «нежелательных» событиях. Вроде крупной радиоактивной катастрофы под Челябинском, гибели линейного корабля «Новороссийск», катастрофы на Байконуре…

29 октября 1955 года Хрущеву доложили, что в Севастопольской бухте в результате непонятного взрыва затонул линейный корабль «Новороссийск». Почти трехчасовая ночная борьба не дала результата, и полученный по репарациям из Италии в 1949 году линкор «Джулио Чезаре», переименованный в «Новороссийск», пошел ко дну. В бухте главной базы Черноморского флота… Погибло 603 моряка.

Хрущев был в гневе, выговорил немало обидных слов министру обороны и приказал «разобраться». Разобрались. Главнокомандующий Военно-Морским Флотом Адмирал Флота Советского Союза Николай Герасимович Кузнецов, к слову, находившийся во время катастрофы на лечении, был понижен в воинском звании до вице-адмирала (второй раз в своей жизни), «полетели» с должностей и другие адмиралы{632}.

Это была большевистская практика: за промахи, просчеты, чрезвычайные происшествия наказывали снизу доверху. Все обращения опального адмирала к Хрущеву, а затем, после его смерти, жены, В.Н. Кузнецовой, и известных военачальников к «очередным» генсекам – Брежневу, Андропову, Черненко – встречали холод непонимания. Лишь М.С. Горбачев

способствовал тому, чтобы в конце концов справедливость в отношении известного флотоводца Н.Г. Кузнецова восторжествовала.

Хрущев, как известно, был увлечен ракетостроением. Готовилось испытание новой ракеты, созданной в ОКБ М. Янгеля. Выявились перед пуском неполадки. Но Москва знала о предстоящем пуске. Торопила. Прямо на заправленной ракете «устранили» неполадки. Вечером 24 октября 1960 года, перед пуском, произошла катастрофа. Ракета взорвалась на земле, объяв пламенем сотни людей на площадке. Сгорел в адском огне главный маршал артиллерии Неделин Митрофан Иванович, главнокомандующий ракетными войсками стратегического назначения, и с ним несколько крупных конструкторов ракетной техники.

Через день в газетах сообщили, что маршал М.И. Неделин погиб в авиационной катастрофе.

Большевистская традиция заменять правду ложью стала органической, неотъемлемой частью ленинской системы.

Хрущев при всей его неординарности, смелости, склонности к новаторству, переменам был тем не менее сыном своего времени. Десятилетия сталинской эпохи не могли пройти бесследно. Никита Сергеевич крепко усвоил замашки высшего руководителя тоталитарного типа: безапелляционность, категоричность, самоуправство, показуха, если нужно, жестокость. Верно понимая, что экономика нуждается в глубоком реформировании, он, однако, пытался менять лишь форму управления и хозяйствования, мало затрагивая ее сущностные параметры. Так же, как и раньше, процветал директивный стиль управления, абсолютизация указаний «Первого», доминирование парторганов, произвол в кадровой политике. Стоило кому-либо в чем-нибудь не угодить Хрущеву, следовало перемещение руководителя на низшую должность. Так, например, он поступил с секретарем Тульского обкома О.А. Чукановым, секретарем ЦК А.Б. Аристовым, заместителем председателя Госплана Н.И. Смирновым, другими лицами. Хрущев считал себя вправе единолично решать кадровые вопросы.

Хрущев верно уловил приход времени реформ. Но попытался их осуществить старыми бюрократическими, административными методами.

Первый секретарь и Председатель Совмина очень много выступал: на съездах, пленумах, совещаниях, собраниях различных активов, научных конференциях, коллегиях, заседаниях всевозможных советов и т. д. Он не знал меры. Готов был говорить и учить по любому поводу: важности внедрения

кукурузы и перспективам развития космоса, архитектуре и ракетным темам, об изобразительном творчестве и актуальных международных вопросах. И везде считал себя вправе менторствовать, поучать, утверждать. Например, во время посещения ООН в 1960 году менее чем за месяц успел наговорить там более чем на 300 страниц текста!

У Хрущева сложилась манера: делать частые отступления от подготовленного референтами материала и украшать свою речь народным фольклором. Тут была и знаменитая «кузькина мать» и кое-что похлеще. У Хрущева было правило: перебивать ораторов, бросать им реплики, задавать по ходу выступлений самые различные вопросы. На форумах от него можно было ждать всякого.

Но импульсивным Хрущев был и раньше. Сохранилась, например, стенограмма совещания по улучшению руководства сельским хозяйством, проведенного Московским комитетом партии в 1950 году.

Доклад сделал секретарь МК С.С. Морсин. Но желающих выступить в прениях оказалось лишь два человека. Тогда Хрущев жестко заявил:

– Записывайтесь. Если не будете записываться, мы будем назначать ораторов. Мы не дадим отмолчаться. Если нужно будет неделю сидеть, будем сидеть, но кого надо – выслушаем…

Слово взял директор одной из МТС Золотов, озабоченный наличием в районе огромного количества навоза, зараженного бруцеллезом.

– Сейчас, в момент паводка, – говорил директор, – навоз может нести заразу до самого Каспийского моря…

Хрущев тут же среагировал:

– Это, товарищ директор, не главное. Если имеется опасность заразу разносить, давайте это вынесем за скобки обсуждения. А то зацепились за бруцеллезный навоз и будем сидеть на куче навоза…

Золотов тактично возразил Хрущеву, что было по тем временем неслыханной дерзостью. На директора посыпался град вопросов, обидных реплик. Наконец на какой-то мелочи Хрущев «ущучил» оратора. Это обрадовало первого секретаря МК, и он торжествующе подвел черту полемике:

– Пришел тут чепуху рассказывать о бруцеллезе, о навозной куче. Давайте отчет. Вы думаете речь держать? Речь и мы можем говорить. Мы ораторы натренированные…

Что правда, то правда. Хрущев как оратор был неистощим. Все газеты почти ежедневно были заполнены его речами, пресс-конференциями, докладами. Их уже мало читали. Но первый

секретарь видел в такой своей активности высокую возможность влиять на «массы», на реформы, которые он пытался осуществить. Не случайно его недруги подсчитали и использовали этот факт при снятии Хрущева с высокого поста – в течение года периодическая печать публикует более тысячи фотографий лидера партии…

Одной из приоритетных областей, находившихся в поле зрения Н.С. Хрущева, были Вооруженные Силы, их оснащение ракетно-ядерным оружием. Первый секретарь лично принимал генеральных конструкторов оружия, крупнейших ученых, организаторов производства оружия, руководителей военного производства. Правительство не жалело денег на эксперименты, на испытания, на космическую программу. В военных сферах Хрущев мог гордиться: успехи были налицо. Это дало ему основание заявить 17 октября 1961 года на XXII съезде:

– Поскольку я уже отвлекся от текста, то хочу сказать, что очень успешно идут у нас испытания и нового ядерного оружия. Скоро мы завершим эти испытания. Очевидно, в конце октября. В заключение, вероятно, взорвем водородную бомбу в 50 миллионов тонн тротила. *(Аплодисменты.)* Мы говорили, что имеем бомбу в 100 миллионов тонн тротила. И это верно. Но взрывать такую бомбу мы не будем потому, что если взорвем ее даже в самых отдаленных местах, то и тогда можем окна у себя повыбить. *(Бурные аплодисменты.)*»{633}

От этих слов, вызвавших «бурные аплодисменты» зала, веет смертельным холодом. Реформатор, как и все мы тогда, не понимал, что не на пути чудовищной гонки вооружений сможем обрести безопасность. Правда, Хрущев тут же оговорился, выразив надежду, что никогда такие бомбы не придется взрывать над какой-либо страной.

С особой гордостью Хрущев доложил съезду, что «перевооружение Советской Армии ракетно-ядерной техникой полностью завершено. Наши Вооруженные Силы располагают теперь таким могучим оружием, которое позволит сокрушить любого агрессора…»{634}.

Конечно, докладчик на съезде ничего не говорил (даже «отвлекаясь») о цене такого прорыва в ракетно-ядерной области. Все это в конечном счете достигалось ценой крайне низкого уровня жизни советских людей. Никогда не говорилось об авариях на радиохимических заводах Министерства среднего машиностроения (занимавшихся разработкой и производством ядерного оружия). Хрущев, например, не доложил делегатам, что 29 сентября 1957 года на комбинате № 817 произошел мощный взрыв подземного бака-хранилища (объем 250 куб. м)

радиоактивных растворов, получаемых при производстве оружейного плутония. Перегрев радиоактивных растворов произошел, по заключению комиссии, из-за грубого нарушения режима охлаждения баков.

В результате взрыва загрязненной оказалась значительная часть территории строительства нового радиохимического завода на комбинате, жилые строения военно-строительных частей и крупный лагерь заключенных. В зону загрязнения радиоактивными продуктами попали деревни Челябинской области Бердяники, Сатлыково, Голикаево, Кирпичики, Юго-Конево, Богоряк и некоторые другие. В докладе министра среднего машиностроения Е.П. Славского Президиуму ЦК КПСС отмечается: «Все заводы комбината после взрыва работу не прекращали».

Хрущев и члены Президиума ознакомились с запиской о чрезвычайном происшествии от 19 октября 1957 года (через двадцать дней после взрыва!) и поручили принять необходимые меры Совмину. В свою очередь правительство страны обсудило этот вопрос лишь 12 ноября (!), спустя почти полтора месяца после тяжелейшей аварии. Принято решение переселить жителей лишь четырех населенных пунктов в новый район до 1 марта 1958 года! А пока можно было медленно умирать. Это было зловещим колоколом будущего Чернобыля, который не позволили услышать.

Директора, главные инженеры получили выговоры… А Президиум ЦК, правительство были озабочены лишь тем, как скрыть случившееся. Не случайно, что вся документация: протокол № 118 заседания Президиума ЦК от 19 октября 1957 года, постановление СМ СССР от 12 ноября 1957 года № 1282/587, другие материалы упрятаны в «Особые папки» и дела с грифом «Совершенно секретно»{635}.

Система продолжала функционировать по сталинским нормам. Для нее жизнь отдельного человека по-прежнему была не более чем статистической единицей. Хрущев, мужественно восставший против всевластия диктатора, не изменил коренным образом своих взглядов на ценность отдельных личностей, их прав и свобод. Он так никогда полностью и не освободится от сталинского тоталитарного клейма. Главное – результат, итог, достижение конкретной политической, технической цели, а человек всегда на втором плане.

Этой методологией мышления можно объяснить и согласие Хрущева на предложение маршала Г.К. Жукова о проведении «натурных» учений с реальным применением атомной бомбы на Тоцком полигоне Оренбургской области. Опытное учение

состоялось 14 сентября 1954 года в районе, достаточно густонаселенном. Подготовка велась на протяжении более чем полугода. Решили испытать, как перенесут взрыв животные, помещенные в танки, блиндажи, окопы, расположенные на различных расстояниях от эпицентра взрыва; насколько надежны инженерные сооружения (в том числе «кусок» метрополитена, специально построенный в районе взрыва); какова будет степень зараженности местности, людей, которые через один час после удара пройдут в бронированных машинах через пораженный район.

Через несколько дней после атомного эксперимента Г.К. Жуков докладывал Хрущеву об итогах учения, которые были оценены очень высоко. За неделю до учений Хрущев стал, к чему он стремился, первым секретарем. Это было ему подарком в памятном сентябре 1954 года.

Не знаю, видели ли руководители учения горящих птиц в небе, но это, как рассказывали мне очевидцы, картина жуткая. Возможно, такие комплексные испытания и были нужны. Но додуматься проводить их чуть ли не в центре России?!

Ядерный заряд взорвался на высоте 350 метров над землей. Мне довелось побывать на Тоцком полигоне некоторое время спустя. Вид оплавленной, вспученной и сдвинутой с места земли, сомкнувшихся траншей и размочаленных остатков мощных деревьев производил впечатление апокалиптического действа враждебных инопланетян…

По существу, и внутренний движитель космических исследований был военным. Не случайно большинство космонавтов – офицеры и запуск космических кораблей – занятие военных.

Хрущев уделял огромное внимание космосу и космонавтам, своим любимцам. У него на даче бывали Королев, Глушко, другие конструкторы. Хрущев любил этих людей, которые вывели СССР в космические дали и сделали страну ведущей в этой области. На космос не жалели денег, тем более что там работал цвет инженерной, технической интеллигенции и достижения в космосе давали не только большую военную отдачу, но и огромный пропагандистский эффект.

Слово «спутник» стало в 50-е годы таким же популярным, как в 80-е «перестройка». Хрущев напряженно ждал первого полета человека в космос: волновался, нервничал, без конца звонил конструкторам, организаторам этого исторического полета.

В начале апреля 1961 года Хрущев находился в Пицунде. Сохранилась его диктовка от 11 апреля, которую он сделал для передачи членам Президиума. «Завтра, как говорится, если все

будет благополучно, то в 09 часов 07 минут будет запущен космический корабль с человеком. Полет его вокруг Земли займет полтора часа, и он должен приземлиться. Мы хотели бы, чтобы все было благополучно. Послезавтра его доставят в Москву. Намечался полет на тринадцатое число, но поддались суеверию. Встретим на Внуковском аэродроме со всей парадностью… Это эпохальное событие…»

После этого Хрущев продиктовал основные идеи обращения ЦК к народу. Здесь весьма знаменательна фраза, произнесенная Хрущевым: «Эти достижения являются не только достижением нашего народа, но и всего человечества»{636}. Очень глубокое и верное замечание, свидетельствующее, что, хотя Хрущев часто выглядел простачком, иногда даже разыгрывал из себя «обычного мужика», он обладал глубоким природным умом и был способен во многих случаях понять «философию эпохи».

12 апреля Королев позвонил Хрущеву и кричал в телефонную трубку осипшим от усталости и волнения голосом:

– Парашют раскрылся, идет на приземление. Корабль в порядке!

Речь шла о приземлении Гагарина. А. Аджубей, зять Хрущева, вспоминал, что Хрущев все время переспрашивал:

– Жив, подает сигналы? Жив? Жив?

Никто тогда не мог сказать точно, чем кончится полет. Наконец Хрущев услышал:

– Жив!{637}

У народа навсегда остался в памяти тот космический триумф, хотя на протяжении почти двух десятилетий – «времени Брежнева» – нас всех уверяли, что именно он, Леонид Ильич, главный организатор незабываемых достижений.

Прием в Кремле состоялся 14 апреля. Что говорят первые лица в партии и государстве, теперь скрупулезно фиксировалось. Архивные листы сообщают, что в конце приема подвыпивший Хрущев в который раз провозгласил тост:

«…Вот так Юрка! Пусть знают все, кто точит когти против нас. Пусть знают, что Юрка был в космосе, все видел, все знает… *(Аплодисменты.)* И, если надо еще полететь, если ему нужно подкрепление, может другого товарища взять, чтобы лучше рассмотреть… За Юру, за которого мы уже пили, я еще предлагаю тост!

Предлагаю выпить за товарища Юру Гагарина, за всех ученых, инженеров, рабочих, колхозников, за весь наш народ и за вас, дорогие гости – послы стран, которые аккредитованы при нашем правительстве. За ваше здоровье!»{638}

Совсем не случайно, что жизнь Н.С. Хрущева так богата

неповторимыми, уникальными событиями. Полувырвавшись из плена догматических представлений, распахнув шире окно в окружающий мир, поломав многие партийные стереотипы, он пережил (а вместе с ним и великий народ) множество волнующих и незабываемых событий. Некоторые из них радовали людей, другие заставляли вполголоса говорить: и когда кончится эта болтовня?! То о кукурузе, то о совнархозах, то о целине…

Печать неповторимой хрущевской личности лежит на множестве событий: Берлинском, Суэцком и Карибском кризисах, целом веере экономических реформ в стране, примирении с Тито и ссоре с Мао, неожиданной опале самого прославленного советского полководца Г.К. Жукова, создании бесчисленного множества хрущевских пятиэтажек, давших кров миллионам людей. Событий, связанных с человеком, с явным «переигрыванием», сделавшим целую политику на сбитом шпионском самолете «У-2», обещавшим привести советский народ к началу 80-х годов в землю обетованную – коммунистический рай… Может быть, поэтому он решительно поддерживает все общественное: колхозный скот, профсоюзные пансионаты, пункты проката автомобилей, агрогорода и всячески борется с частной личной собственностью, не без основания усматривая в ней непреодолимую преграду на «столбовой дороге человечества».

Импульсивный реформатор одновременно «добивал» культ личности. За день до закрытия XXII съезда, 30 октября 1961 года по инициативе Хрущева партийный форум принимает постановление: «Признать нецелесообразным дальнейшее сохранение в мавзолее саркофага с гробом И.В. Сталина, т. к. серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в мавзолее В.И. Ленина»{639}.

И в то же время пытается спрятать в пропасти истории некоторые наиболее страшные злодеяния Сталина и Системы.

Председатель Комитета государственной безопасности А. Н. Шелепин доложил 3 марта 1959 года Хрущеву предложение о том, что следует уничтожить «учетные дела и другие материалы на расстрелянных в 1940 году 21 857 польских офицеров, жандармов, полицейских, осадников и др.».

«Для советских органов все эти дела, – пишет Шелепин, – не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности… Наоборот, какая-либо непредвиденная случайность сможет привести к расконспирации проведенной операции со всеми нежелательными для нашего государства последствиями.

Тем более что в отношении расстрелянных в Катынском лесу существует официальная версия о расстреле поляков немецко-фашистскими захватчиками»{640}.

Вместо того чтобы сделать достоянием советской и мировой общественности факты страшных злодеяний Сталина и Системы в отношении, в частности, поляков, Хрущев соглашается с дальнейшим их сокрытием… Вплоть до 1992 года высшие руководители от Сталина до Горбачева врали, изворачивались в вопросе, который многими проницательными исследователями был давно доказан: массовые убийства в Катыни – дело рук сталинской верхушки.

Печать этой противоречивой личности лежит на всем, к чему он прикасался, чем занимался, нередко повергая людей в состояние недоумения и непонимания.

10 июля 1956 года Хрущев встретился с делегацией итальянской компартии: Джанкарло Пайетой, Челесте Негарвиле и Джакомо Пеллегрини. Беседа, а скорее, монолог Хрущева продолжался с 10.30 до 17.00… Шесть с половиной часов.

Хрущев, естественно, немало говорил о решениях XX съезда КПСС, но касался и множества других вопросов.

Вдруг, без видимой связи, первый секретарь перешел к проблеме антисемитизма. «Из наших тюрем, – сказал Хрущев, – было освобождено и направлено в Польшу много польских коммунистов-евреев… Эти люди ведут себя в Польше отвратительно и усиленно продвигают своих людей в руководящие органы партии и государства». Ведут они себя, подчеркнул Хрущев, – «нахально».

Высокий советский собеседник не скрыл, что когда стали избирать вместо умершего Б. Берута первого секретаря ПОРП (а Хрущев присутствовал на пленуме в Варшаве), то склонялись к кандидатуре Замбровского. Хрущев, однако, прямо заявил, что «хотя т. Замбровский хороший и способный товарищ, однако в интересах Польши надо выдвинуть поляка…». Мол, иначе на «основные руководящие посты будут назначены евреи».

Итальянцы, слушая Хрущева, подавленно молчали. Коснулся первый секретарь и вопроса выборов в СССР: почему у нас не выдвигаются на одно место несколько кандидатур. «Мы придерживаемся мнения, – заявил Хрущев, – что и впредь следует выдвигать одного кандидата». У нас нет других партий, а «создавать их – значит пойти на уступки буржуазии»{641}.

Стереотипы сталинского мышления по-прежнему держали в своих тисках третьего «вождя» КПСС и СССР.

Таков был Хрущев: смелый и непоследовательный, импульсивный и непредсказуемый, готовый взяться за изменения,

реформы в любой области. Не устоял он и перед соблазном «воспитать» творческую интеллигенцию. В 1957 году состоялась первая встреча Хрущева с деятелями культуры, затем было еще две. Вероятно, это хорошо, когда первое лицо в государстве общается с «производителями» духовных ценностей. Но встречи Хрущева в своей основе демонстрировали его неудачу не просто из-за собственной невысокой культуры, а прежде всего и потому, что он, как и Сталин, уверовал: партийный лидер может быть судьей и прокурором в оценке любых явлений и процессов, и в том числе творчества мастеров искусств и литературы. Все его речи перед писателями и артистами были до предела политизированными и идеологизированными. Вот несколько фраз из его тезисов, сохранившихся на отдельных листочках «проекта» выступления Хрущева 8 марта 1963 года:

– Классовые враги в сталинское время были; они применяли саботаж, вредительство, тайные убийства, террористические акты и мятежи. Бухарин, Рыков, Томский, если бы победили, то это привело бы к реставрации капитализма.

– Эренбург пишет о революции и всей советской действительности как наблюдатель.

– В Будапеште клуб «Петефи» выступал за сосуществование идеологий, а закончилось все мятежом. Москва не Будапешт, здесь не будет такого начала, а следовательно, и такого конца.

– Абстракционизм и формализм есть одна из форм буржуазной идеологии…{642}

Хрущев выступал в творческой сфере фактически защитником неосталинизма. Попытки одернуть людей с их свободомыслием сурово отомстили ему: он лишился поддержки значительной части интеллигенции.

Импульсивный реформатор терял поддержку не только у интеллигенции. На него ополчились прежде всего сами партийные функционеры и государственные бюрократы. Слово «Хрущев» тут же вызывало жаркие споры; никто не относился к нему равнодушно. Правда, к концу своей государственной и партийной деятельности Хрущев сильно растерял популярность. Его страсть к переменам, новому, экспериментам все чаще наталкивалась на стену глухого неприятия и недовольства.

Но человеческое бытие таково, что окончательную оценку жизненного пути деятелей такого масштаба дает только История. А ее вердикт не подлежит обжалованию…

Революционная дипломатия

Хрущев привнес нечто новое и в советскую дипломатию.

Ленин не успел, став Председателем Совета Народных Комиссаров, побывать за рубежом, где он долгие годы прожил как эмигрант. Сталин во время Второй мировой войны дважды покинул Москву, чтобы в Тегеране и Потсдаме встретиться с лидерами западного мира. Предшественники Хрущева были «домоседами».

Первый секретарь партии быстро поразил дипломатический и журналистский мир своими экстравагантными, эксцентричными пропагандистскими выходками во время своих многочисленных визитов в зарубежные столицы. Например, Запад был поражен, когда Хрущев осенью 1960 года отправился на XV сессию Генеральной Ассамблеи в Нью-Йорк на теплоходе «Балтика», совершив многодневное путешествие. К тому же на американском берегу Хрущев пробыл почти месяц: с 19 сентября по 13 октября 1960 года, выступив около десяти раз на Ассамблее ООН…

Дипломатия Хрущева была сугубо большевистской, воинственно-агрессивной, хотя первый секретарь все свои нападки на «империалистическую политику» вел с позиций сохранения мира.

Вот характерные эпизоды.

Приехав в Париж в 1960 году на встречу глав правительств СССР, США, Англии и Франции, Хрущев, войдя в зал заседаний, уклонился, чтобы не пожать руку американскому президенту Эйзенхауэру. После открытия встречи слово взял Хрущев. В своей книге «Памятное» А.А. Громыко вспоминал, что Никита Сергеевич произнес лишь одну фразу:

– Совещание может начать свою работу в том случае, если президент Эйзенхауэр принесет свои извинения Советскому Союзу за провокацию Пауэрса (сбитого 1 мая советскими ракетчиками около Свердловска).

Эйзенхауэр, как пишет Громыко, еле слышным голосом, скорее для себя, чем для других, заявил:

– Подобных извинений я приносить не намерен, так как ни в чем не виноват{643}.

После минуты молчания главы правительств покинули зал. Встреча не состоялась. Затем Хрущев давал заключительную пресс-конференцию. Сделав традиционное заявление, Хрущев передал бумажки Громыко и в ответ на недружественное гудение и выкрики значительной части журналистов разразился длинной, совершенно неожиданной тирадой. Приведу ее, хотя она и весьма пространна, но в советской печати дана лишь в изложении.

«…Господа, я прошу извинить меня, но хочу сразу ответить той группе, которая здесь «укает». Меня информировали, что канцлер Аденауэр прислал своих агентов, недобитых нами под

Сталинградом, которые шли в Советский Союз с «уканием». А мы так им «укнули», что сразу на три метра в землю вогнали. Так что вы «укайте», да оглядывайтесь. Мы вас били под Сталинградом, на Украине, в Белоруссии – и добили. Если же остатки будут «укать» против нас и будут опять готовить нападение, то мы так «укнем», что…

…Эти люди без перевода понимают русский язык. Это гитлеровские грабители, которые были на территории Советского Союза, но которым удалось унести ноги недобитыми…

Я являюсь представителем великого советского народа; народа, который совершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию под руководством Ленина; народа, который с успехом строит коммунистическое общество, идет вперед, к коммунизму.

Если вы на меня «укаете», этим вы мне только бодрость придаете в моей классовой борьбе…

Я, господа, не скрою от вас своего удовольствия – люблю драться с врагами рабочего класса. Приятно мне слушать, как беснуются лакеи империализма, но ничего сделать не могут…»{644}

В этой тираде – весь «международный» Хрущев: воинственный, невежественный, непримиримый, агрессивный.

Это «выступление» Хрущева перед журналистами сопровождалось веселым оживлением, аплодисментами, смехом, выкриками самого разного содержания: одобрительными и враждебными. Хрущев «накалил» зал и перешел к ответам на вопросы. Ответы его были выдержаны в том же вульгарно-пропагандистском тоне: «Мы протерли глаза империалистам», «Моя мать, если кот слижет сметану, брала кота за уши и трепала, потом носом тыкала… Нельзя ли американских империалистов взять и потрепать за уши?», «Президент Эйзенхауэр предложил, чтобы мы друг к другу обращались «май фрэнд»… Но что-то от этого «друга» запах совсем не тот, воровской…», «Рабочий класс у вас, конечно, за социализм, но он подавлен и находится в угнетении…», «Американцы (самолет Пауэрса) заглянули в чужой огород, рыло сунули империалисты, мы им в рыло и двинули…», «К 1965 году ни один рабочий, ни один служащий в Советском Союзе не будет платить налогов…»{645}.

Хрущев был остроумен, но эти остроты были слишком плоскими, вульгарными. В результате его «красноречия» сформировался определенный имидж третьего «вождя».

…Первый секретарь 4 июля 1961 года был на приеме в посольстве США. Его, конечно, окружили иностранные

корреспонденты. Начался разговор о ракетной технике. Американский корреспондент Шапиро сказал, что его секретное оружие – авторучка. Н.С. Хрущев в ответ сказал:

– У меня секретное оружие – язык.

Кто-то из иностранцев заметил, что главное оружие – голова, мозги. Хрущев оживился и рассказал, что во время его недавнего пребывания в Алма-Ате ему преподнесли за обедом, как и полагается почетному гостю, баранью голову. Гость, по традиции, раздает кусочки другим.

– Я, – сказал Хрущев, – отрезал ухо и глаз и отдал их руководителям Казахстана. Затем объявил:

– Есть мозги! Кому мозги?

Все молчали, а академик Лаврентьев не растерялся и ответил: «Дайте мне мозги».

– Академику действительно нужны мозги, – заметил Хрущев. – А я работаю Председателем Совета Министров, я и без мозгов проживу.

Шапиро вновь спросил, почему им не разрешают посещать некоторые объекты.

Хрущев, улыбаясь, громко сказал:

– Вероятно потому что вы клеветник, клеветник, агент капитала![646] Комментировать это красноречие трудно. Дело даже не в плоских, примитивных вульгаризмах ответов Хрущева, а в том крайне упрощенном, элементарном понимании им окружающей социальной действительности, слепой вере в «преимущества» строя, который он представлял. Своей грубой прямотой, агрессивной пропагандистской риторикой, моральным цинизмом Хрущев, по сути, помогал лидерам западных стран мобилизовывать дополнительные силы на борьбу с СССР. Его заявления: «Мы вас закопаем», что дело «ликвидации капиталистической системы вопрос времени» наводили ужас на обывателей, давали убийственные козыри антисоветской пропаганде. Когда Хрущев, находясь в Америке, заявил, что в СССР производство ракет поставлено на поток и что они сходят с конвейера, «как колбасы», это ошеломило среднего американца. Пожалуй, никто так не подыграл тезисам о «советской военной угрозе», как сам Хрущев. Феномен «ракетных колбас», к слову говоря, помог Кеннеди победить Никсона на президентских выборах. Кеннеди всячески обыгрывал идею «отставания США от СССР в ракетостроении». Хрущев дал аргументы для этих утверждений, далеко не соответствовавших истине.

Во внешней политике первый секретарь придерживался весьма простых, «коминтерновских» принципов. Всемерная поддержка «лагеря социализма» и всех тех стран, которые могут

пойти по этому пути. В отношении развивающихся стран – стремление помочь им занять антиимпериалистическую позицию с постепенным осознанием социалистической перспективы. Этот принцип, его реализация обошелся СССР с хрущевских времен в десятки миллиардов долларов без видимого, заметного успеха. И наконец, отношения с капиталистическими странами исходили из возможности утвердить мирное сосуществование как норму международной жизни. Но для Кремля, как это было зафиксировано в программных документах, мирное сосуществование было не чем иным, как специфической «формой классовой борьбы», тактическим приемом с целью выиграть время. Ведь до самой перестройки ЦК партии в своих тезисах твердило о «неизбежной победе социализма во всемирном масштабе».

Хрущев в своих выступлениях перед западными журналистами часто развивал эту идею. Например, 18 мая 1960 года он заявил в Париже: «Наше дело верное, дорога наша проложена правильно. Курс мы держим на строительство коммунизма и будем шествовать под своим марксистско-ленинским знаменем, а вы тоже пойдете за нами, но уже в хвосте. Мы вас за это упрекать не будем, а станем помогать и делиться опытом социалистического строительства…»{647}

Эти ленинские установки внешней политики, революционные по существу, разделялись не только Хрущевым, но и почти всеми последующими генсеками. Хрущев во время своего знаменитого плавания на «Балтике» в Нью-Йорк прихватил с собой лидеров трех социалистических стран: Яноша Кадара, Георге Георгиу-Дежа и Тодора Живкова. В плавании оттачивалась идея, которая прозвучала из уст советского лидера на Генеральной Ассамблее. Первый секретарь и Председатель Совета Министров СССР требовал в речи, чтобы ООН отразила в своей структуре трехполюсность мира. Фактически Хрущев предлагал ревизовать Устав ООН и избрать трех генеральных секретарей вместо одного от каждой группы стран: социалистической, капиталистической и развивающегося мира.

Еще 14 сентября, за пять дней до швартовки в нью-йоркском порту, Хрущев диктовал в своей каюте дополнительные идеи речи, которая прозвучит с трибуны ООН 23 сентября 1960 года. Здесь, в каюте, внимали своему патрону соратники: Н.В. Подгорный, К.Т. Мазуров, А.А. Громыко. Хрущев, отказавшийся от ходьбы при качке турбоэлектрохода, усевшись в кресло, отрывисто бросал помощнику:

– Надо сказать о недопустимости навязывания воли большинства меньшинству.

Резче отметить односторонность действий аппарата ООН.

Генеральный секретарь господин Хаммаршельдт заправляет колонизаторской политикой ООН.

Стоит подумать, чтобы ООН перевести (штаб-квартиру) в Швейцарию, Австралию или СССР.

В ответ на ноту США «надо действовать наоборот: они на нас злом, а мы добром. В зубы дал и сказать извините, я этого не хотел сделать, но войдите в мое положение, я был вынужден это сделать, потому что вы зубы подставили…»{648}

Дальше диктовка Хрущева была посвящена его любимой и нелепой теме в ООН: «тройке», то есть требованию ввести, избрать трех генеральных секретарей в этой универсальной международной организации. Нетрудно представить, что реализация этого предложения просто парализовала бы всемирную организацию.

Изредка реплики подавал Громыко; Мазуров и Подгорный слушали молча. Как известно, первоначальный вариант речи, который подготовили в Москве и взяли с собой в морское путешествие, претерпел очень крупные изменения благодаря личным диктовкам Хрущева. Вообще этот человек, став на старости лет главным лидером в СССР, продемонстрировал поразительную работоспособность и приверженность к переменам, без которых он, кажется, обходиться уже не мог. Он увлекался всем: гидропоникой, кукурузой, ракетами, космосом, сокращением армии, «воспитанием» интеллигенции, созданием совнархозов, целиной, массовым строительством пятиэтажек, бесконечной критикой Сталина, административными кадровыми перетрясками и многим, многим другим.

Поэтому естественно, что речь, подготовленная к выступлению в ООН, к ужасу Громыко, каждый день в ходе плавания претерпевала все новые и новые изменения. Но нельзя было быть уверенным, что двухчасовая с «хвостиком» речь не будет прямо на трибуне всемирной организации существенно перекроена. Почти так все и было. Накануне своего выступления, прослушав речь американского президента на пленарном заседании, Хрущев еще больше усилил ту часть своей речи, которая касалась полета американского шпионского самолета «У-2». Касаясь решения США помочь голодающим, Хрущев ехидно заявил: «…Мы бы это только приветствовали, потому что столько богатств награблено Соединенными Штатами Америки в странах, которые сейчас голодают, что было бы справедливо хотя бы немножко из награбленного вернуть тем, кому эти богатства по праву принадлежат. Но сумма в 100 миллионов долларов – очень маленькая. Если эту сумму разделить поровну на всех

голодающих, то и на завтрак одному голодающему не хватит в день. Получается шуму много, а дело выеденного яйца не стоит…»{649}

Таков был этот человек: импульсивный реформатор, увлекающийся пионер, ортодоксальный большевик, малограмотный пророк и одномерный дипломат.

Хрущев вел «революционную дипломатию». Она прежде всего выражалась в его смелых решениях, не всегда продуманных и просчитанных, но существенно влиявших на международные отношения. Так, Хрущев настоял на необходимости нормализации отношений с Югославией и сам первым поехал в Белград. Как вспоминал Никита Сергеевич, визит ему запомнился тем, что югославы встречали советскую делегацию сдержанно, настороженно. Народ, вышедший на улицы, «не то что был настроен враждебно, но и нельзя было сказать, что они были настроены дружественно. В основном они выкрикивали: «Да здравствует Тито! Тито! Тито!»{650}

В следующей поездке в Югославию в сентябре 1956 года обстановка была уже более теплой. Во время конфиденциальной встречи, записанной помощником Хрущева, Тито откровенно говорил, что американцы недовольны сближением Белграда с Москвой, что нужно делать все, чтобы оторвать Грецию от западных империалистических держав, что в своем новом издании речей он, Тито, опустил все старые антисоветские высказывания… Тут же югославский лидер, как бы в компенсацию за свои идеологические уступки, попросил у Хрущева 250 тысяч тонн пшеницы…

Хрущев был доволен. Казалось, ему удалось заставить еретика осознать свои грехи и вернуться в лоно московской ортодоксии. Первый секретарь к концу беседы уже поучал югослава:

– Вам надо идти в ногу со всей ротой… Подумайте хорошенько.

Хрущев посетовал, что в СФРЮ продолжают судить югославских офицеров, возвращающихся на родину из СССР после вынужденного и многолетнего там пребывания. Тито с готовностью пообещал:

– Больше судить не будем…{651}

Как бы ни оценивали конкретные шаги Хрущева в югославском конфликте, нельзя не признать, что именно ему принадлежит главная роль в нормализации отношений между двумя славянскими странами.

Хрущев в международных делах часто брался за те вопросы, которые казались неразрешимыми, и пытался осуществить в

«дохлых» делах какие-то сдвиги. В этом смысле заслуживают быть отмеченными его попытки урегулировать территориальный спор СССР с Японией. Встречаясь 16 октября 1956 года с министром земледелия и лесоводства Японии Итиро Коно, Хрущев в ходе затяжной беседы дал японцу надежду на изменение традиционной позиции СССР.

В тот же октябрьский день на Президиуме ЦК КПСС первый секретарь неожиданно для всех заявил: «СССР должен согласиться на передачу Японии островов Хабомаи и Сикотан (так в оригинале обозначен о. Шикотан. – *Д.В.*) с тем, однако, что факт передачи этих островов будет произведен после заключения мирного договора между СССР и Японией и после того, как Японии будут возвращены острова Окинава и другие принадлежащие Японии острова, находящиеся под контролем США». Сделав паузу, Хрущев, вопросительно глядя на членов Президиума, добавил: «Может быть, СССР согласится передать Японии острова Хабомаи и Сикотан после заключения мирного договора между СССР и Японией, не дожидаясь освобождения острова Окинава»{652}.

Здесь Хрущев просчитался. Оказалось, значительно проще передать большой полуостров из состава одной республики другой, нежели решить проблему далеких мелких островов. Члены Президиума, особенно Громыко, уперлись, предлагая увязать решение по островам с другими вопросами, еще более сложными и неразрешимыми. Хрущев махнул рукой…

Такими же смелыми можно назвать действия Хрущева на Ближнем Востоке. Советский лидер, присмотревшись к фигуре египетского лидера Гамаля Абдель Насера, решительно оказал ему всестороннюю поддержку.

Это было прорывом в регион, где ранее влияние СССР было минимальным. Именно политика таких националистических деятелей, как Насер, дала возможность кремлевским теоретикам говорить о странах «социалистической ориентации», некапиталистическом пути развития и т. д.

Несмотря на немалые сомнения значительной части Президиума ЦК, Хрущев в 1955 году немедленно отозвался на просьбу египтян дать разнообразное, в том числе наступательное, оружие.

Позиция Хрущева сыграла решающую роль во время Суэцкого кризиса в 1956 году. Только благодаря поддержке СССР Египет смог оправиться после тяжелого поражения от Израиля. Тысячи советских советников и специалистов фактически заново создавали египетские вооруженные силы. Мне довелось в то время бывать в Египте, и я знаю, как много они сделали для

восстановления разгромленной армии.

Крупной была поддержка Египта и в экономической области: достаточно вспомнить строительство Асуанской плотины, помощь в реализации других крупных проектов.

Советскому Союзу все это обошлось во много миллиардов долларов. Но таков был Хрущев; он проявлял активность везде, где мог надеяться на упрочение позиций СССР и ослабление влияния тех, кого он обещал «закопать». То была «революционная дипломатия» советского лидера. Однако она не всегда давала ожидаемые результаты.

Например, когда готовился доклад к пленуму ЦК (14 октября 1964 г.), то стали «инвентаризировать» все прегрешения Хрущева. Напечатали их на целых 70 страницах. Там были, например, такие факты.

В Гвинее СССР построил аэродром, консервный и лесопильный заводы, электростанцию, радиостанцию, холодильник, госпиталь, гостиницу, политехнический институт, ведутся геологоразведочные и изыскательские работы. Поставлено огромное количество машин и оборудования. А «друг» Хрущева Секу Туре попросил нас из Гвинеи, и все наши огромные затраты пошли впустую. Даже аэродромом, который мы построили в Конакри, нам не разрешили пользоваться при полетах на Кубу.

Так же много претензий Хрущеву партийные функционеры выдвинули и в отношении помощи Египту, Ираку, Индонезии, Индии, Эфиопии и другим странам. За десять «хрущевских» лет, как скрупулезно подсчитали в ЦК, СССР построил в разных странах около шести тысяч предприятий (!!) на многие миллиарды рублей. В реестре просчетов Хрущева говорилось: разве нужно было строить стадион в Джакарте на 100 тысяч зрителей, гостиницу в Рангуне, исследовательский атомный центр в Гане, спортивный комплекс в Мали, гостиницу в Гвинее и т. д. Но все это скажут Хрущеву при его снятии…

После XX съезда Хрущев стал уделять международным вопросам, пожалуй, большее внимание, чем делам внутренним. Это, кстати, ему припомнили соратники, когда снимали с высших постов. Например, готовя материал на пленум по отстранению Хрущева от власти, дотошные партийные чиновники в ЦК подсчитали, что в 1964 году к октябрю он находился в поездках 150 дней… Так когда же он, мол, работает? Первый секретарь несколько раз встречался с Мао Цзэдуном, имел беседы с де Голлем, премьером Великобритании Макмилланом, президентом Эйзенхауэром, Гамалем Абдель Насером, многими другими высокими руководителями.

Энергия, с какой Хрущев вел дела, была удивительной. Во все он пытался вникнуть сам; везде отдавал свои распоряжения, часто поверхностные, непродуманные, непросчитанные. И это при том, что в поездках, встречах его окружало большое количество советников и экспертов. Хрущев не умел слушать долго, перебивал, обрывал докладчиков и часто выносил вердикт, совершенно не сообразный с обстановкой. Советники могли только огорченно разводить руками (не при Хрущеве, разумеется).

Когда советский лидер направился в мае 1960 года в Париж на встречу в верхах – Хрущева, де Голля, Г. Макмиллана и Д. Эйзенхауэра, с ним поехал 21 советник (Ильичев, Добрынин, Трояновский, Молочков, Земсков, Александров-Агентов и другие известные дипломаты), 5 человек из КГБ, 8 переводчиков, 5 шифровальщиков, 10 стенографисток, 4 связиста, 4 шофера, 28 телохранителей, несколько финансистов, врачей и т. д.{653}. Но Хрущев приехал в Париж с готовым решением и не собирался обсуждать какие-либо вопросы с советниками! Он привык от них получать только тексты речей, которые безжалостно корректировал в ходе самих выступлений. Это был лидер, который все хотел делать и решать сам, без чьих-либо подсказок и советов. Такой образ мыслей и действий, безусловно, выказывал в нем сильную личность. Но здесь таилась и огромная опасность некомпетентности и крупных просчетов.

Хрущев мог по многу раз встречаться с представителями отдельной страны, пытаясь добиться какого-то конкретного решения. Так, например, чувствуя, сколь велика значимость для Японии проблемы «северных территорий», Хрущев решил пойти навстречу Токио, если там сделают откровенно антиамериканские шаги. Подобная ставка была заранее обречена на провал, тем не менее Хрущев с поразительным упрямством цеплялся за свой бесплодный замысел.

– Премьер СССР встречается 10 марта 1962 года с послом Японии в Москве Х. Ямадой.

– Беседует с депутатом японского парламента Тоцукосукэ Такасаки 25 апреля 1962 года.

– Ведет долгие разговоры с министром земледелия и лесоводства Японии Итиро Коно 7 мая 1962 года.

– В июле 1964 года принимает делегацию социалистической партии Японии.

– Принимает 15 сентября 1964 года парламентскую делегацию Японии.

– Беседует 3 октября 1964 года с главой правительственной делегации Японии Фудзиямой…{654}

Я не перечислил все встречи Хрущева с японскими политиками в эти два с половиной года. Однако Хрущев настойчиво добивался не столько улучшения, налаживания экономических отношений со Страной восходящего солнца, сколько бесплодно пытался убедить собеседников в «бесперспективности» и опасности военно-политического союза Японии и США. Хрущев искренне верил, что революционная риторика может достигать цели в международных делах.

Годы «секретарства» Хрущева вмещают в себя и неудачную дипломатию по отношению к Китаю, серьезное ухудшение отношений с этой великой страной. Дело в том, что Хрущев еще до сталинских времен привык смотреть на Москву не только как на политический центр мирового коммунистического движения, но и как на своеобразный управляющий орган по координации международных усилий социалистических стран. С коминтерновских времен Хрущев, дитя своего времени, привык свысока взирать на своих «младших братьев». На Китай в том числе.

Хрущев встречался с Мао Цзэдуном несколько раз. И каждая последующая встреча проходила более напряженно. Китай после смерти Сталина уже не хотел безоговорочного признания главенствующей роли СССР в социалистическом лагере. В Пекине весьма холодно встретили решения XX съезда КПСС. Казавшийся монолитным союз двух гигантских держав оказался плохо «склеенным». Каждая из сторон имела свои национальные интересы, плохо сочетавшиеся с интересами союзника.

Когда Хрущев прибыл 29 сентября 1954 года в Пекин на празднование пятилетия Китайской Народной Республики, то казалось, что ничто не омрачит великой дружбы. Еще в своей речи на аэродроме он поздравил «китайский народ с принятием социалистической конституции и избранием великого сына и вождя китайского народа товарища Мао Цзэдуна Председателем Госсовета Китайской Народной Республики». Хрущев заявил, что «миролюбивые народы всех стран видят в нерушимой дружбе двух великих держав – Советского Союза и Китайской Народной Республики – могучий оплот мира, великую и непреоборимую силу, оказывающую все возрастающее влияние на решение всех международных проблем…»{655}.

Хрущев при встрече с Мао льстил ему, называя «великим вождем», превозносил его мудрость и волю. Он еще не знает, что менее чем через полтора десятилетия напишет о китайском лидере нечто иное: «Политика – это игра, и Мао Цзэдун всегда играл в нее с азиатским коварством, следуя своим правилам лести, предательства, беспощадной мстительности и лжи. Он

обманывал нас многие годы, прежде чем мы поняли эти трюки»{656}. Правда, причину ссоры с Китаем Хрущев усматривает… в советском после Юдине. Первый секретарь диктовал в своих воспоминаниях: «…я могу с достаточным основанием заявить, что мы… рассорились бы с любой другой страной, в которую был бы назначен послом Юдин. Его послали в Югославию, и мы поссорились с Тито. Юдин поехал в Китай, и мы поссорились с Мао. Это не случайное совпадение»{657}.

Думаю, нет нужды доказывать, что умозаключение Хрущева ошибочно. Причины разрыва были, конечно, глубже. Об одной из них мы говорили: Мао не мог после смерти Сталина довольствоваться положением вассала. Были и другие причины, производные. В частности, XX съезд КПСС, развенчавший культ личности, своими решениями почти прямо задевал КПК, КНР, где возвеличивание Мао достигло почти сталинского размаха. Мао Цзэдун не мог пойти на акцию, аналогичную той, которую провел Хрущев на партийном съезде. Это означало бы для Мао самоубийство. Китайских руководителей больно задело вначале замораживание, а затем и отказ от сотрудничества военно-технического характера в ядерной области. Хотя китайский лидер и называл атомную бомбу «бумажным тигром», он хотел обладать ею. Хрущев не раз публично достаточно прозрачно намекал на эти вопросы.

Так, в октябре 1964 года, за десяток дней до своего свержения с поста первого секретаря ЦК и Председателя Совмина, находясь в отпуске (вместе с Микояном), он принял японского политического деятеля Фудзияму. Зашла речь о Китае, и здесь неожиданно Хрущев приподнял занавес над тайной ухудшения советско-китайских отношений.

«Ядерный взрыв, – сказал Хрущев, – китайцы могут произвести. В момент наших близких, братских отношений китайские ученые были допущены к очень многим нашим секретным работам, они видели, как мы делаем… Мы дали им оборудование для производства атомного горючего…»

Здесь бросил реплику участвовавший в беседе Микоян: «Мы китайцам заводы смонтировали и другую помощь оказали».

Хрущев продолжал: «Так что они очень много получили от нас и многое знают, как делать»{658}.

Действительно, СССР помог Китаю в создании военной промышленности, в том числе и в подготовке специалистов-ядерщиков. И хотя после 1958 года эта помощь прекратилась, задел был солидный.

По приглашению Мао в конце июля 1958 года Хрущев тайно (так пожелали китайцы) улетел в Пекин. Затем, правда,

опубликовав коммюнике, собеседники обнародовали сам факт этой встречи в правительственных залах Хуайжэньтан и Цинчжэндянь. Первая встреча, 31 июля, была многочасовой. Она состоялась в узком кругу: кроме Мао и Хрущева были лишь Б.Н. Пономарев и Дэн Сяопин. Беседу записывали Н. Федоренко и А. Филев. Обсуждались, главным образом, военные вопросы. Мы не имеем возможности воспроизвести беседу из-за ее объема, но некоторые детали, фрагменты приведем.

Долго говорили о строительстве современного флота (китайцы, со слов Юдина, считали, что им предлагают строить совместный флот, с чем они не соглашались). Хрущев заявил, что СССР будет делать акцент на строительство атомного подводного флота, торпедные катера и самолеты-ракетоносцы. А Китай представил бы советскому флоту, в случае нужды, свои порты на обширном побережье.

На это Мао ответил: «В случае войны Советский Союз может использовать любую часть Китая, русские моряки могут действовать в любом порту Китая».

В ходе беседы не раз затрагивали тему Сталина.

«Мао Цзэдун: Критика ошибок Сталина правильна. Мы не согласны только с отсутствием четкой границы критики. Мы считаем, что у Сталина из 10 пальцев было 3 гнилых.

Хрущев: Думаю, больше.

Мао Цзэдун: Неправильно. В его жизни основное – заслуги.

Хрущев: Сталин был и останется Сталиным. А мы критиковали накипь, коросту, которая образовалась, особенно в старости. Но другое дело, когда его критикует Тито. Через 20 лет школьники будут искать в словарях, кто такой Тито, а имя Сталина будут знать все…

Мао Цзэдун: Когда я приезжал в Москву, он не хотел заключать с нами договор о дружбе и не хотел ликвидировать прежний договор с Гоминьданом. Помню, Федоренко и Ковалев передавали его совет поездить по стране, посмотреть. Но я им сказал, что у меня только три задачи: есть, спать, испражняться. Я не за тем ехал в Москву, чтобы только поздравить Сталина с днем рождения. Поэтому я и сказал: не хотите заключать договор о дружбе, не надо. Буду выполнять свои три задачи…»

Собеседники долго обсуждали, сколько в случае войны понадобится ракет, чтобы уничтожить ту или иную страну. «Сейчас, – заявил Хрущев, – когда мы имеем межконтинентальную ракету, мы держим за горло и Америку». Долго говорили о радиолокационных станциях, которые СССР хотел бы иметь в Китае, о специалистах. Хрущев полагал, что советники и специалисты Китаю не нужны; пусть Пекин шлет

учиться молодых китайцев в СССР. Мао не соглашался. Как мы знаем, Москва вскоре отозвала всех своих людей (а их были тысячи) из Китая. Но о ядерных делах речь не вели, за исключением многозначительного замечания советского лидера (во время следующей беседы), что «мы продолжаем совершенствовать атомные и водородные бомбы».

Отношения уже тогда, несмотря на внешние заверения в дружбе, были натянутыми. Мао, например, заявил, что «относительно следующей встречи у нас может возникнуть противоречие. Вы днем работаете, а я днем сплю…»{659}. Но встречи еще состоялись во время этого приезда.

Хрущев еще раз встречался с Мао Цзэдуном 2 октября 1959 года. Советского лидера сопровождали М.А. Суслов и А.А. Громыко. С китайской стороны было все высшее руководство: Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Линь Бяо, Пын Чжень, Чень И, Ван Цзясянь.

Встреча прошла напряженно, вся во взаимных обвинениях. Хотя вопрос шел о Тайване, китайско-индийском конфликте, отношениях с США, военнопленных американцах, других проблемах, чувствовалось: стороны непримиримы. И истоки непримиримости не в тех вопросах, которые обсуждали разгоряченные собеседники.

Хрущев высмеял китайскую версию конфликта с Индией. «Мы рассматриваем так, – заявил он, – больше на пять километров или меньше на пять – это не важно. Я беру пример с Ленина, который отдал Турции Карс, Ардаган и Арарат. И до настоящего времени у нас в Закавказье среди части людей имеется определенное недовольство этими мероприятиями Ленина. Но я считаю его действия правильными».

Хрущев обвинил китайских руководителей в том, что они дали возможность уйти за границу далай-ламе. «Лучше бы, – заявил советский лидер, – если бы он был в гробу». В целом, подытожил вопрос Хрущев: «События в Тибете – ваша вина».

Китайцы взорвались, обвинили Хрущева в приспособленчестве перед Америкой. Мао заявил: «Вы нам приклеили два ярлыка – конфликт с Индией произошел по нашей вине; уход далай-ламы также является нашей ошибкой. Мы же вам приклеили один ярлык – приспособленцы. Принимайте».

Хрущев зло отреагировал: «Мы принимаем. Мы занимаем принципиальную коммунистическую позицию».

К концу беседы обстановка еще более накалилась. «Вы хотите нас подчинить себе, – бросил Хрущев, – но у вас это не выйдет». Маршал Чень И вмешался и заявил: «Я возмущен вашим заявлением о том, что «ухудшение отношений произошло по

нашей вине». Хрущев: «Я тоже возмущен вашим заявлением о том, что мы приспособленцы. Мы должны поддерживать Неру, помочь ему удержаться у власти».

Перед самым концом бесплодной встречи, полной взаимных упреков и обвинений, «схватились» Хрущев и Чень И.

«Хрущев: Я указал вам лишь на отдельные ваши промахи и не бросал вам принципиальных политических обвинений, а вы выдвинули именно принципиальное политическое обвинение. И если вы считаете нас приспособленцами, товарищ Чень И, то не подавайте мне руку, я ее не приму.

Чень И: Я также. Должен сказать, что я не боюсь вашего гнева.

Хрущев: Не надо на нас плевать с маршальской высоты. Не хватит плевков. Нас не заплюешь. Хорошо же складывается положение: с одной стороны, говорите о формуле: «Лагерь во главе с Советским Союзом», а с другой – не даете мне сказать и слова…»{660}

На такой ноте закончилась его последняя встреча с китайскими руководителями. Возвращаясь в Москву, Хрущев, задумчиво глядя в иллюминатор самолета, бросил:

– Со «старой калошей» договориться трудно. Он не может простить за Сталина…

Хрущев в Пекине не проявил гибкости, такта, мудрости, и его «революционная дипломатия» столкнулась с такой же. Два «великих друга» – СССР и Китай – хотели проводить самостоятельную, независимую политику. Позже Хрущев продиктует, что «Мао – националист и (по крайней мере, так было в те времена, когда я знал его) жаждет установить свое господство над всем миром». А между тем Хрущев, который вошел в советскую историю как реформатор, заявил на Президиуме ЦК: «Лозунги о китайских реформах звучат очень заманчиво. Вы заблуждаетесь, если думаете, что семена подобных идей не найдут подходящей почвы в нашей стране»{661}.

На всей внешнеполитической деятельности Хрущева лежит печать большевистского радикализма, хотя нет никаких сомнений в том, что он искренне хотел мира и по-своему добивался его. Это не мешало первому секретарю идти на авантюры, демонстрацию силы, прямые вмешательства в дела суверенных государств.

В беседе с заместителем генерального секретаря Итальянской компартии Луиджи Лонго 22 января 1957 года он задал сам себе риторический вопрос и тут же ответил на него:

– Правильно ли мы действовали в Венгрии? Думаем, что действовали абсолютно правильно… Что касается советского народа, то подавление контрреволюции в Венгрии было

встречено им, особенно в Советской Армии, с всеобщим облегчением…{662}

Хрущев считал себя вправе определять: что нужно другому народу, а что не нужно, и в соответствии с этим принимать любые решения. И интервенция в Венгрию, союзную СССР страну, не была исключением. Иногда Хрущев считал, что было достаточно поиграть мускулами или стукнуть военным кулаком по столу.

Я уже рассказывал, как в октябре 1956 года Хрущев, недовольный «поведением» польских руководителей, без приглашения прилетел в Варшаву. И одновременно поднял по тревоге войска Северной группы советских войск, дислоцированных в Польше{663}.

Дипломатия с угрозой применения излюбленного аргумента советских вождей – танков.

Таков был Хрущев. Он удивительным образом сочетал в себе искреннее стремление к реформам, антитоталитарным переменам и одновременно сохранял сталинский, радикальный почерк в ведении международных дел. Он искренне верил в возможность мирного сосуществования двух систем, но при этом всячески одобрял партийный тезис, что это сосуществование лишь специфическая форма классовой борьбы, особая революционная тактика. Именно Хрущев явился инициатором одностороннего крупного сокращения советских вооруженных сил и в то же время верил, что его филиппики вроде «ракетных колбас» и обещаний «мы вас закопаем!» могут сделать политических оппонентов более сговорчивыми.

Хрущев никогда не говорил о «мировой пролетарской революции», но верил, что победа социализма в планетарном масштабе возможна и без войны.

В «вожде» причудливо соединились самые разнородные начала: до конца своих дней он подсознательно оставался сталинистом, хотя вполне сознательно нанес этой страшной разновидности тоталитаризма разящий удар.

В «революционной дипломатии» Хрущева этот парадокс постоянно давал о себе знать. Иногда третий «вождь» выдвигал идеи, которые ставили в тупик и собственных дипломатов, и тех, с кем он так самозабвенно боролся.

В 1955 году в Женеве прошло совещание глав правительств СССР, США, Франции и Англии. В советской делегации вместе с Хрущевым были Н.А. Булганин, В.М. Молотов, Г.К. Жуков. Советская делегация повергла всех в шок, заявив о желании СССР вступить в НАТО. Растерянность натовцев была полная. Довольный Хрущев повторял в своем кругу:

– Как мы их ущучили! Онемели, сказать ничего не могут…

Но дипломатия Хрущева несла в себе и элементы авантюризма, которые подвигали мир к той опасной черте, за которой была ядерная война. Таким был Карибский кризис. Человечество имело возможность заглянуть на дно ядерной бездны и в страхе от нее отшатнуться.

Операция «Анадырь»

Реформатор был носителем коминтерновского мышления. Как все большевики. Настоящие большевики. Хрущев был убежден, что социализм неизбежно одержит верх над капитализмом. И хотя он говорил при этом, что это случится в условиях мирного соревнования двух систем, ему на Западе совершенно не верили. Тому были веские основания. Там не забыли его печально знаменитого изречения:

– Мы вас закопаем!

Он мог, обещая «закапывание» капитализма, тут же говорить о необходимости разоружения, однако, на всякий случай, припугивая «загнивающий империализм» картинкой, как на одном советском заводе ракеты сходят с конвейера, словно «колбасы»…

Хрущев был сыном своего времени, большевиком коминтерновской школы. Когда 4 июня 1961 года в Вене советский лидер давал в советском посольстве завтрак в честь президента США, произошел внешне незаметный, но характерный эпизод. В ответной речи за столом Кеннеди, в частности, произнес: «Вчера вечером, отвечая на мой вопрос, вы сказали, что, когда вам было 44 года (возраст американского гостя. – *Д.В.*), Вы были секретарем Московского комитета партии, а также занимались вопросами планирования. Надеюсь, что, когда мне будет 67 лет (столько было тогда Хрущеву. – *Д.В.*), я буду руководить организацией демократической партии в городе Бостоне и возглавлять местный плановый комитет…»

Хрущев перебивает многозначительной репликой:

– Может быть, руководителем планового комитета всего мира?

Кеннеди невозмутимо парирует:

– Нет, с меня будет достаточно моего родного города{664}.

Когда Хрущев приплыл на «Балтике» в 1960 году в Америку для участия в работе Организации Объединенных Наций, все были поражены: советский лидер не спешил домой. Это было идеологическое посещение. Советский лидер разоблачал, обличал, обвинял империализм США и его «приспешников» с трибуны ООН, в интервью, на пресс-конференциях, встречах с бизнесменами и общественными деятелями. Он гордился своей работой: «Вот я им врезал!» Но результат был обратный: несмотря на миролюбивую риторику, он укреплял недоверие к СССР и его политике. Ведь Хрущев то и дело убежденно провозглашал, что империализм обречен, а коммунизму принадлежит будущее.

Через два года американцы имели возможность воочию убедиться, что их опасения были не напрасными. В Вашингтоне, где тоже недвусмысленно претендовали на глобальную гегемонию (но без мировой революции, а главным образом с помощью доллара и демонстрации силы), скоро убедились, что и после смерти Сталина внешнеполитический курс СССР кардинально не изменился. Хрущев не скрывал намерений похоронить империализм. Он все делал для того, чтобы установить тесный союз с развивающимися странами, вырвавшимися из оков колониализма. Хрущев, например, предложил радикально изменить руководящие органы ООН, исходя из реального наличия на планете капиталистических, социалистических и развивающихся стран. Советский лидер требовал сосредоточить функции этой универсальной мировой организации в руках триумвирата. Утопическая идея была, конечно, отвергнута.

В то время когда особенно рельефно проявилось противоборство двух лагерей, нельзя было ждать, что мировое сообщество отдаст приоритет общечеловеческой идее. К этому исторически не были готовы ни в Вашингтоне, ни в Москве, ни в других столицах. Да и как эта идея могла появиться, если Хрущев регулярно заявлял: «Ликвидация капиталистической системы – это коренной вопрос развития общества». Но ставка в «ликвидации» была сделана на распространение идей марксизма-ленинизма по всему свету, инициирование рабочего и коммунистического движения, завоевание на свою сторону освободившихся от колониализма стран. Все эти шаги – на фоне заметного роста экономической и ядерной мощи СССР.

После довольно неожиданной для Москвы революции (в 1959 году) на Кубе она стала объектом пристального внимания советских руководителей. Тридцатидвухлетний Фидель Кастро явно нравился московским лидерам своим антиамериканизмом, тем более что США с самого начала допустили стратегическую ошибку: вместо попыток осуществить свое влияние на молодой режим они сразу же заняли враждебную позицию по отношению к Гаване, а затем, объявив экономическую блокаду Кубы, толкнули ее в объятия Советского Союза.

Высадка десанта противников режима Кастро на Плайя-Хирон, осуществленная с помощью США, ускорила этот процесс. Уже на другой день после нападения, 18 апреля 1961 года, состоялось заседание Президиума ЦК КПСС, где по предложению первого секретаря партии были разработаны меры разносторонней помощи Кубе{665}. Хрущев все чаще стал посматривать на далекий остров, как на непотопляемый

авианосец, потенциально тяготеющий к социалистическому лагерю. Помощь Кубе была усилена.

Приехавший в августе 1961 года в Москву Блас Рока, один из близких соратников Фиделя Кастро, привез для советских руководителей важное письмо. Никита Сергеевич, читая перевод послания, отметил для себя несколько существенных моментов. В Гаване готовы провозгласить социалистический характер кубинской революции, приступить к созданию марксистской партии и просить Советский Союз выразить солидарность «в отношении Кубы против нападок и угрозы военного нападения Соединенных Штатов на нашу страну». Хрущев особо подчеркнул и стремление кубинцев обсудить «пути координации нашего производства сахара с потребностями социалистического лагеря»{666}.

Но чем больше проявляла Куба свое стремление к сближению с СССР, тем воинственнее становились Соединенные Штаты. Советская разведка докладывала Кремлю о реальности военной интервенции на мятежный остров. Возможно, что эти донесения ускоряли вызревание у первого секретаря необычно смелой, но крайне авантюрной идеи.

Громыко в своей книге пишет, что, когда в 1962 году он летел вместе с Хрущевым из Софии в Москву, первый секретарь неожиданно заговорил о далеком острове.

– Ситуация, сложившаяся сейчас вокруг Кубы, является опасной. Для обороны ее как независимого государства необходимо разместить там некоторое количество наших ядерных ракет…

Громыко, помолчав, ответил:

– Должен откровенно сказать, что завоз на Кубу наших ядерных ракет вызовет в Соединенных Штатах политический взрыв.

Министр иностранных дел вспоминал, что «Хрущев свои мысли высказывал мне, а затем на заседании Президиума без признаков какого-то колебания»{667}.

Лидеры государств, особенно тоталитарных, наиболее часто встречаются с руководителями двух ведомств: обороны и безопасности. В апреле 1962 года во время очередного доклада первому секретарю министра обороны Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского о готовящихся испытаниях новой ракетной системы Хрущев перебил военачальника и без видимой прямой связи неожиданно задал вопрос:

– Родион Яковлевич, а что, если запустить в штаны американцев нашего ежа?

Малиновский, не закончивший объяснения особенностей

развития самого крупного в СССР ракетного полигона, замолчал и вопросительно посмотрел на Хрущева.

Первый секретарь, как о давно назревшем, прямо сказал, что думает вот о чем: нельзя ли поставить наши ракетные системы на Кубе? Мы пока сильно отстаем, как доносит разведка, почти в пятнадцать раз, от США по боеголовкам. Это отставание мы не можем ликвидировать и за десять лет. В то же время ракеты у порога США резко меняют ситуацию и в огромной степени компенсируют наше временное отставание. Что думает по этому поводу маршал?

Малиновский после недолгой паузы ответил, что они с начальником Генштаба Маршалом Советского Союза Захаровым уже раза два обговаривали между собой этот вопрос. Но… это должно быть не военное, а политическое решение…

Хрущев, не желая дальше развивать тему, коротко резюмировал: обсудите еще раз эту возможность в самом узком кругу и через месяц доложите ваши соображения на заседании Президиума ЦК.

24 мая 1962 года состоялось памятное заседание Президиума ЦК. Протокола не велось. Сохранилась всего одна страница записи, которую поручили сделать генерал-полковнику СП. Иванову, начальнику Главного оперативного управления Генштаба, секретарю Совета Обороны.

В записях значится: «Вопрос о помощи Кубе обсуждался на Президиуме ЦК КПСС. С сообщением выступил Н.С. Хрущев. Выступили тт. Козлов, Брежнев, Косыгин, Микоян, Воронов, Полянский, все остальные члены Президиума и выступавшие поддержали и одобрили решение.

Решение: 1. Мероприятие «Анадырь» одобрить целиком и единогласно. (По получении согласия Ф. Кастро.)

2. Направить комиссию к Фиделю Кастро для переговоров».

Было признано стратегически целесообразным не только оказать прямую военную помощь Кубе, но и создать мощный плацдарм у дверей Соединенных Штатов, откуда в случае конфликта почти вся территория США находилась бы в зоне достижимости советских ядерных ракет.

Ну а как на эту идею отреагирует Фидель? Хрущев тут же предложил, а члены Президиума занесли это в решение, чтобы в ближайшие дни в Гавану отправились член Президиума Ш.Р. Рашидов, маршал С.С. Бирюзов и еще несколько лиц из Министерства обороны для проведения конфиденциальных переговоров с кубинским руководителем. На следующий день «Комиссия» (именно так именуется она в документе) в 11 часов дня была у Хрущева. В той же записке, которую вел СП. Иванов

накануне, приписано: «У Н.С. Хрущева присутствовали Малиновский, Громыко, Андропов, Трояновский, Рашидов, Алексеев, Бирюзов, получившие инструктивные указания…».

В конце мая Рашидов, Бирюзов и будущий посол на Кубе А.И. Алексеев после первой встречи с Фиделем и его братом Раулем на другой день обговорили этот вопрос еще раз. Теперь дополнительно с кубинской стороны присутствовали Эрнесто Че Гевара, Освальдо Дортикос и Рамиро Вальдес. Вторая встреча была короткой; кубинские руководители выразили готовность принять на Кубе советские ракеты…

После возвращения делегации в Москву 10 июня результаты переговоров были доложены на заседании Президиума. Хрущев не хотел брать ответственность только на себя; он сознательно «повязывал» общим решением всех высших партийных функционеров. Возражений на этих заседаниях, естественно, не было. Ведь с ленинских времен повелось, что мнение первого лица – это мнение всех. Тот же СП. Иванов на том же самом листочке приписал: «10.6.62 г. Состоялось заседание Президиума. Присутствовали члены Президиума ЦК КПСС… После заслушивания о результатах поездки тов. Рашидова и Бирюзова состоялось обсуждение существа вопроса, после чего Малиновский Р.Я. зачитал записку, все проголосовали «за». Список присутствовавших на 1-й странице. Генерал-полковник Иванов»{668}.

Нужно пояснить. После доклада Рашидова министр обороны зачитал записку: «Председателю Совета Обороны товарищу Хрущеву Н.С. (особой важности. Экз. единственный). В соответствии с Вашими указаниями Министерство обороны предлагает: на о. Куба разместить Группу советских войск, состоящую из всех видов Вооруженных Сил, под единым руководством штаба группы во главе с Главнокомандующим советскими войсками на о. Куба…» За основу брались ракетные войска (дивизия в составе пяти ракетных полков), определялись сроки, доставка, финансирование и даже форма одежды. Записка состояла из семи страниц. На первой и поставили свои подписи члены Президиума, начиная с Хрущева. А подписана записка Малиновским и Захаровым с визой А.А. Епишева (начальника Главного политического управления){669}.

Было решено, таким образом, создать на Кубе Группу советских войск (как в Германии, Польше, Венгрии), взяв за основу ракетные войска. Не случайно штаб группы формировался на базе управления 43-й ракетной армии. Хрущев требовал, чтобы операция по переброске крупной советской группировки за океан проходила в абсолютной тайне. Он почти ежедневно

интересовался ходом ее подготовки.

Генштабисты не случайно предложили Президиуму именовать операцию полярным словом «Анадырь». То было элементом оперативной маскировки: кто должен был что-то знать, был убежден, войска пойдут для крупных учений на север, за Полярный круг. Не случайно на некоторые корабли демонстративно грузили… лыжи, полушубки.

Уже 26 мая Малиновский утвердил список генералов и офицеров, которые привлекались для подготовки операции. Чуть больше десяти человек имели право знать о предстоящем походе в полном объеме. Даже Главнокомандующий войсками ПВО маршал авиации В.А. Судец, Главнокомандующий ВМС адмирал флота С.Г. Горшков, Главнокомандующий ВВС Главный маршал ВВС К.А. Вершинин, министр морского флота В.Г. Бакаев и другие не имели права быть посвященными полностью в общий стратегический замысел высшего политического и военного руководства.

Хрущев был возбужден, он чувствовал себя порой, как в 1942–1943 годах, когда был членом военных советов ряда фронтов во время Сталинградской и Курской битв. Там он, однако, был исполнителем воли Сталина и командующего фронтом, а здесь сам генерировал идеи, волю, решимость для этого огромного авантюрного предприятия. Малиновский два-три раза в неделю приезжал к первому секретарю для доклада. Операция потребовала огромных средств и большого напряжения сил. По согласованию с Хрущевым 4 июня приняли решение отправить на Кубу передовую рекогносцировочную группу в составе 161 человека (костяк будущего штаба). В последний момент вместо Павла Борисовича Данкевича, по предложению Хрущева, командующим Группой был назначен генерал армии Исса Александрович Плиев, которого Председатель Совета Обороны хорошо знал. Кстати, он был командующим войсками Северо-Кавказского военного округа во время печальных событий в Новочеркасске.

В инструкции рекогносцировочной группе предписывалось проводить работу в «строжайшей тайне». Группа «доставляется на место самолетами, как специалисты сельского хозяйства СССР, под видом инженеров и техников по ирригации и мелиорации».

Все генеральные (первые) секретари по неписаному положению были Верховными Главнокомандующими страны. В операции «Анадырь» Хрущев не формально, а на самом деле почувствовал себя в этом качестве. Он не только вникал в основные вопросы беспрецедентной для СССР океанской переброски войск, но и интересовался ее деталями.

После доклада Р.Я. Малиновского Хрущев утвердил войсковой состав группы: 51-я ракетная дивизия (в составе пяти полков с установками «Р-14» и «Р-12»), 10-я и 11-я зенитно-ракетные дивизии, истребительный авиационный полк, два полка крылатых ракет, вертолетный полк, четыре мотострелковых полка, береговой ракетный полк, минно-торпедный полк, тыловые и иные подразделения. К слову, одним из мотострелковых полков командовал полковник Д.Т. Язов, будущий Маршал Советского Союза.

Предполагалось также отправить на Кубу эскадру подводных лодок и эскадру надводных кораблей, но в ходе операции по переброске войск решение было изменено. Всего планировалось разместить на далеком острове более 50 тысяч советских военнослужащих.

В середине июля началась отправка войск на Кубу одновременно из многих портов Советского Союза: Феодосии, Николаева, Севастополя, Поти, Балтийска, Кронштадта, Лиепаи… На палубу грузились трактора, сельскохозяйственные машины. Задействовано в операции было более 80 судов гражданского морского флота. Капитаны кораблей в документах видели: доставить грузы и людей в Африку, Латинскую Америку… По достижении определенного пункта в океане они в присутствии специально выделенных людей вскрывали особые пакеты, где указывался действительный порт назначения на Кубе. Проливы проходили только ночью; личный состав почти все время находился в душных трюмах. Лишь ночью на короткое время разрешалось по очереди выходить на палубу, чтобы вдохнуть морской воздух полной грудью и взглянуть на звезды – глаза Вселенной…

Ядерные заряды для всех типов ракет предусмотрено было перевезти на судах «Индигирка», «Лена», «Александровск». Оперативно-стратегических ракет «Р-12» и «Р-14» и головных частей к ним доставить в количестве 60 комплексов. До блокады на Кубу прибыло 42 комплекса.

Где бы ни находился Хрущев, он интересовался ходом перебазирования на остров огромной армады. Так, будучи в Ташкенте, Никита Сергеевич 5 октября в 17.20 московского времени позвонил по ВЧ генерал-полковнику СП. Иванову:

– Как идет перевозка?

– «Индигирка» прибыла 4 октября. Облетов нет. Подлежит отправке еще 22. На переходе 20 (кораблей. – *Д.В.*). Транспорт «Александровск» загружен и готов к отправке. Просим разрешения на отправку.

– Транспорт «Александровск» отправить. Где находится

«Лена» и «Ил-28»?

– На переходе.

– Все ясно. Благодарю. Желаю успеха.

В отсутствие Хрущева в Москве его замещал Ф.Р. Козлов. На его имя (для передачи Верховному Главнокомандующему) Малиновский дополнительно к состоявшемуся накануне разговору сообщил 5 октября 1962 года:

«В соответствии с планом мероприятий «Анадырь», утвержденным Президиумом ЦК КПСС, подготовлена к отправке вторая партия спецбоеприпасов.

Спецбоеприпасы в количестве 68 единиц, из них: 24 боевые части к ракете «Р-14» и 44 боевые части к ракете ФКР погружены на транспорт «Александровск» в порту Североморска.

На транспорт «Александровск» для самообороны установлены три автоматические 37-мм пушки с 1200 выстрелами на каждую. Открывать огонь приказано по решению капитана транспорта только при явной попытке захвата транспорта или его потопления…»{670}

В инструкции, одобренной Хрущевым, говорилось, что для самозащиты кораблей устанавливать по две 23-мм спаренные зенитные установки. Предусматривалось также, что «при явной угрозе захвата нашего корабля капитан и начальник воинского эшелона должны принять меры к организованной высадке за борт личного состава на всех имеющихся спасательных средствах и затопить корабль…»{671}. С ядерным оружием.

Эпицентр внимания высшего советского руководства переместился на Кубу. У разведки тоже, еще задолго до операции «Анадырь». 23 июня 1961 года, когда еще даже не рассматривался вопрос об установке ракет на Кубе, резидент ГРУ сообщил из-за океана: против Фиделя Кастро и его брата подготовлена террористическая акция «Кондор». Ее исполнители: кубинцы Нельсон Гутьерес и Марселино Балида, а также пуэрториканец по кличке Негрете. Ориентировочно операцию «Кондор» намечено осуществить 26 июня… При этом учитывается, что, поскольку Ф. Кастро носит защитный жилет, выстрел будет произведен в голову…{672}

Хрущев счел необходимым огласить донесение на очередном заседании Президиума ЦК 24 июня 1961 года. Решили срочно проинформировать через советского посла Фиделя Кастро о грозящей ему опасности{673}.

Но вернемся к действиям Хрущева в операции «Анадырь». Маршал Малиновский при докладах советскому лидеру сообщал ему не только вопросы подготовки и выдвижения войск, но и их оперативно-стратегические задачи. Так, командующему И.А.

Плиеву было сообщено, что «задачей Группы советских войск на о. Куба является не допустить высадки противника на территорию Кубы ни с моря, ни с воздуха. Превратить о. Куба в неприступную крепость…

Ракетным войскам, составляющим основу обороны Советского Союза и о. Куба, быть в готовности по сигналу из Москвы нанести ракетно-ядерные удары по важнейшим объектам Соединенных Штатов…

Ракетным подводным лодкам быть в готовности по сигналу из Москвы нанести ракетно-ядерные удары по важнейшим береговым объектам США…». А маршал Захаров предлагал дать возможность Плиеву применять тактическое ядерное оружие и без разрешения Москвы. Но Малиновский воспротивился и такие права Плиеву не дал.

Хрущев был согласен с постановкой задач «готовности нанести ядерные удары по США». Понимал ли он, что это опаснейший шаг к ядерной войне? На что он надеялся? Ведь у США было ядерных средств в 15–17 раз больше, чем у СССР…

Но не будем судить этих людей сегодняшними мерками. Советской Россией с 1917 года руководили вожди, которые мыслили коминтерновскими категориями: «неизбежность гибели капитализма», «закономерность победы социализма на всей планете», «историческая правота коммунизма»… Хрущев искренне верил, что в СССР самый демократический строй, что стоит политбюро принять решение и записать его в Программе партии, как можно будет «обогнать» Америку и в точно установленный срок «построить коммунизм». Даже когда советский лидер вносил предложения о разоружении, они были абсолютно утопичны. Чего стоит его проект Договора о всеобщем и полном разоружении, который он внес на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН! Хрущев предлагал уничтожить все ядерные арсеналы, другие смертоносные средства в течение четырех лет! Похоже, когда готовился этот проект, его даже отдаленно не просчитывали, руководствуясь лишь идеологическими соображениями. По существу, заранее предвидели отказ Запада, после чего пропагандистской машине СССР оставалось лишь в очередной раз «разоблачить агрессивные империалистические круги».

Как, впрочем, и подготовка операции «Анадырь» не сопровождалась моделированием возможных ответов США и глобальных последствий конфликта.

Хрущев, сокрушив культ личности, но не сталинизм, мыслил почти так же, как и его большевистские предшественники-гиганты. Он был более мелок в историческом масштабе, но

унаследовал от них главное: фанатичную веру в конечное торжество коммунизма. Эта вера подталкивала его не раз на авантюры разных масштабов. Операция «Анадырь» была во внешнеполитическом плане самой крупной в годы его «правления».

А между тем события продолжали разворачиваться. Вот письменный доклад начальника Генерального штаба первому секретарю. В верхнем левом углу документа роспись Хрущева и дата: 25 сентября 1962 года. Резолюции он писал очень редко, предпочитая отдавать распоряжения устно, или расписывался на «клапанке» с готовым отпечатанным текстом проекта его решения. Я думаю, происходило это от понимания Хрущевым своей дремучей малограмотности. Я видел некоторые его личные пометки: в них бесчисленное количество грамматических ошибок.

Захаров докладывал, что «мероприятия «Анадырь» проводятся по утвержденному плану. По состоянию на 25 сентября 1962 года отправлено 114 кораблей (некоторые повторно), прибыло на о. Куба 94 корабля и осталось отправить 35 кораблей. План по перевозке войск уплотнен – погрузка завершается до 20 октября, а прибытие на Кубу заканчивается к 3–5 ноября с.г.

В связи с тем, что посылка надводных кораблей флота с тылами в настоящее время привлекла бы внимание всего мира и послужила бы не в пользу Советского Союза, представляется необходимым надводные корабли на о. Куба пока не посылать».

Далее говорилось, что тем не менее 69-я бригада торпедных подводных лодок будет отправлена с 88 торпедами на борту, в том числе с 4 атомными боеголовками. Для сопровождения транспорта «Александровск» выделяется атомная торпедная подводная лодка. На наиболее ответственных участках перехода, из соображений скрытности, лодка будет следовать непосредственно под транспортом… Однако поход «подводных лодок, надводных кораблей и вспомогательных судов Северного, Балтийского и Черноморского флотов был отменен 25 сентября 1962 года». На документе Совета Обороны об отмене есть подпись Н.С. Хрущева{674}.

Первый секретарь не настаивал на посылке армады военных кораблей на Кубу. Он еще не забыл самую крупную послевоенную катастрофу в Военно-Морском Флоте 29 октября 1955 года, когда в Севастопольской бухте загадочно взорвался и затонул линкор «Новороссийск». Погибло более 600 моряков… Утопить гигантский корабль в бухте, на стоянке… Хрущев с тех пор с каким-то внутренним недоверием относился к крупным надводным судам, предпочитая нажимать на строительство подводного флота и ракет.

Большая часть войск советской группировки была уже на Кубе, когда разведывательный самолет США «У-2», осуществив фотографирование западных и центральных районов острова, дал сенсационную информацию. После дешифровки снимков специалисты пришли к выводу: на острове устанавливаются советские ракеты среднего радиуса действия. Последовал немедленный доклад президенту Кеннеди. Совет национальной безопасности на протяжении нескольких дней оценивал новую информацию, пытаясь выработать эффективные ответные меры. До 22 октября в Москве не знали, что тайный план Хрущева раскрыт. К этому времени 42 ракеты и боеголовки к ним были уже на острове. Выступление американского президента 22 октября по радио и телевидению повергло американцев в шок:

«…в течение прошлой недели бесспорные доказательства установили тот факт, что в настоящее время на этом плененном острове подготавливается целый ряд стартовых площадок для наступательного ракетного оружия…»

Американцы впервые почувствовали смертельный холодок в душе. Отделенные от всех в мире великими океанами и окруженные дружественными, слабыми соседями, в США до этого не понимали по-настоящему, что такое ядерная опасность. Люди стали скупать бомбоубежища, глубокие подвалы, сухие продукты, консервы. Пресса подливала масла в огонь, указывая, до каких городов могут долететь советские ракеты. Обстановка истерии могла подтолкнуть американских руководителей на решительные действия.

С 24 октября по решению Кеннеди вводилась блокада острова, названная смягчающе «карантином». В тот же день Москва ответила заявлением, в котором предупреждала Вашингтон, что если США развяжут ядерную войну, то СССР «нанесет самый мощный ответный удар». Хрущев отверг обвинения Кеннеди и обвинил США в подготовке к развязыванию опасной авантюры. Советские дипломаты в Вашингтоне по-прежнему всех уверяли, что никакого наступательного оружия на Кубе нет… Началась борьба нервов.

В Пентагоне всерьез рассматривали возможность воздушного удара по советским ядерным объектам. Думаю, если бы он был нанесен, не исключено, что Москва, не зная всех деталей превентивной бомбардировки, могла дать добро на ответные действия. Вероятно, процентов двадцать-двадцать пять советских ракет после американского удара могло уцелеть, и в первом (и вероятно, последнем) пуске на города США обрушилось бы 10–12 ядерных устройств. Половина из них-мегатонной мощности! Так могла начаться самая страшная война на планете Земля,

последствия которой могли быть самыми ужасными.

Первые лица двух мощнейших государств были готовы к самым страшным действиям. Хрущев несколько дней не покидал своего кабинета. Вооруженные силы двух лагерей были приведены в полную боевую готовность. Непоправимое могло произойти в любую минуту. У Кеннеди хватило выдержки, и в 1 час 25 минут 25 октября 1962 года в совпосольство в Вашингтоне было доставлено его послание Хрущеву, которое тут же было передано в Москву. В нем, в частности, говорилось:

«Уважаемый г-н Председатель.

Я получил Ваше письмо от 24 октября и очень сожалею, что Вы все еще, кажется, не понимаете, что именно руководило нами в этом деле… (введение блокады Кубы. – *Д.В.*). Наше правительство получило совершенно ясные заверения от Вашего правительства и его представителей – как публичные, так и по неофициальным каналам, – что никакого наступательного оружия на Кубу не посылалось. Если Вы еще раз посмотрите заявление, опубликованное ТАСС в сентябре, Вы увидите, сколь ясно было дано это заверение… Все эти публичные заверения были ложными, и Ваши военные приступили недавно к созданию комплекса ракетных баз на Кубе…

Я надеюсь, что Ваше правительство предпримет необходимые действия, позволяющие восстановить существовавшее ранее положение.

Искренне Ваш

Джон Ф. Кеннеди»{675}.

Едва получив послание, Хрущев созвал заседание Президиума ЦК КПСС. За столом сидели Брежнев, Воронов, Кириленко, Козлов, Косыгин, Куусинен, Микоян, Подгорный, Полянский, Суслов, Шверник, Гришин, другие партийные руководители. Стояла тишина. Все смотрели на Хрущева. Тот внешне был совершенно спокоен. Вначале зачитал срочное сообщение советской разведки из Вашингтона, согласно которому «президент якобы принял решение о вторжении на Кубу сегодня или завтра ночью»{676}.

Все продолжали молчать. Хрущев огласил послание американского президента, обвел длинный стол глазами, спросил:

– Что будем делать?

Решили ответить жестко, не уступать американскому нажиму. Через несколько часов ответ Хрущева был готов (в Москве уже шли первые часы 26 октября). Письмо было составлено на восьми страницах! Были учтены все диктовки самого Хрущева. Первый секретарь продолжал наивно идеологически «воспитывать»

американского президента. Некоторые утверждения ответного письма Хрущева просто поражают.

Я приведу несколько фрагментов этого любопытного документа, сочиненного, в основном, под диктовку Хрущева в момент, когда мир был буквально в полушаге от ядерного катаклизма. Впрочем, судите сами о содержании послания.

«Уважаемый господин Президент.

Получил Ваше письмо от 25 октября. Из Вашего письма я почувствовал, что у Вас есть некоторое понимание сложившейся ситуации и сознание ответственности. Это я ценю».

А вот другой любопытный фрагмент письма. «Думаю, Вы правильно поймете меня, если Вы действительно заботитесь о благе мира. Мир нужен всем: и капиталистам, если они не потеряли рассудка, и тем более коммунистам, людям, которые умеют ценить не только собственную жизнь, но больше всего – жизнь народов. Мы, коммунисты, вообще против всяких войн между государствами и отстаиваем дело мира с тех пор, как появились на свет…»

Это о политическом, идеологическом аспекте конфликта. Комментарии здесь не нужны. А вот о военном. «…Ваши доводы относительно наступательного оружия на Кубе не имеют под собой никакой почвы… Вы, господин Президент, военный человек и должны понимать – разве можно наступать, имея на своей территории пусть даже и огромное количество ракет разного радиуса действия и разной мощности… Наступать этими ракетами, даже ядерными ракетами мощностью в 100 мегатонн, нельзя, потому что наступать могут только люди, войска… Неужели Вы серьезно думаете, что Куба может наступать на Соединенные Штаты и даже мы вместе с Кубой можем наступать на вас с территории Кубы? Неужели Вы действительно так думаете? Как же так? Мы не понимаем этого».

Невежественность, дремучая некомпетентность утверждений Хрущева потрясают. Но почему ни один член Президиума при утверждении письма, ни один маршал или генерал не сказали первому секретарю, что в письме – явная глупость, так можно только выставить себя на полное посмешище. Но традиция большевизма продолжалась: первому лицу не возражали. Утверждать, что ядерные ракеты не наступательное оружие… Как же мыслил Хрущев?

Чего стоят утверждения типа: «Этого не может быть». У Хрущева выглядит так: «Мы – нормальные люди… Следовательно, как же мы можем допустить неправильные действия, которые Вы нам приписываете?!»

Или дальше в письме:

«Заверяю Вас, что эти суда, идущие сейчас на Кубу, везут самые невинные мирные грузы…»

В конце письма Хрущев, отвергая шаги американского президента как агрессивные, диктует фразу, от которой и сегодня становится не по себе: «Если Вы это сделали в качестве первого шага к развязыванию войны, ну что ж, видимо, ничего другого у нас не остается, как принять этот Ваш вызов…»

Но раньше этой фразы была и другая, ключевая, спасительная: если США заявят о том, что не вторгнутся своими войсками на Кубу, то «тогда отпадет и необходимость в пребывании на Кубе наших военных специалистов»{677}.

По дипломатическим каналам Хрущев сообщил, что мы вывезем ракеты с Кубы, а вы дайте обещание, что не нападете на остров. Спасительная формула была найдена, что позволило позже Хрущеву свое унизительное отступление изобразить как безоговорочную победу. Но по большому счету то была победа разума, победа для всех.

А между тем события продолжали «закручиваться». После отправки письма, продиктованного Хрущевым, Малиновский получил из Гаваны от Павлова (так подписывался для маскировки И.А. Плиев) шифровку, согласно которой можно было ожидать удара авиационных стратегических соединений «в ночь с 26 на 27 октября или с рассветом 27-го». Плиев докладывал: «Принято решение в случае ударов по нашим объектам со стороны американской авиации применить все имеющиеся средства ПВО». Министр обороны, который подписывал телеграммы как «Директор», начертал на телеграмме: «Послать тов. Хрущеву Н.С. Решение Павлова предлагаю утвердить. 21.10.62». Сообщение тут же доложили Председателю Совета Обороны. Хрущев размашисто написал: «Утверждаю. 27.10.1962».

А через несколько часов у Хрущева на столе лежало еще одно донесение Малиновского: 27 октября в 18.20 московского времени был сбит американский разведывательный самолет «У-2». «Этот самолет был сбит двумя зенитными ракетами 507 зенрап (зенитное ракетно-артиллерийское прикрытие) на высоте 21 000 м».

В США были близки к истерии. Генералы требовали немедленного удара по советским ракетным установкам. Эта суббота могла стать роковой для всего мира. Если бы Кеннеди изменила выдержка и удар был бы нанесен, уцелевшие ядерные ракеты (импульсивному Хрущеву тогда было бы трудно удержаться от ответного шага) могли до основания потрясти Америку. То была бы самая страшная земная катастрофа в истории человеческой цивилизации.

Дальнейшее известно. Кеннеди через своего брата Роберта связался с совпослом Добрыниным, которому передал: если СССР выведет свои ракеты с Кубы, то нападения на нее не будет.

Всю ночь на 28 октября члены Президиума провели в кабинете Хрущева. Первый секретарь, уже решивший про себя отступить, зачитывал одну за другой телеграммы разведки, по которым выходило, что промедление с принятием решения – это война, ибо американцы обязательно нанесут удар. Вновь все засели за коллективное написание письма. Прямо здесь, в кабинете. Получалось плохо, ибо советские руководители (начиная с секретаря райкома партии) никогда сами не писали докладов и речей, а умели лишь налагать начальственные резолюции.

Страна спала, совершенно не ведая, что коммунистические руководители сначала подвели ее к последней роковой черте, а сейчас лихорадочно пытаются оттащить державу от страшного обрыва.

Шифровать текст было уже некогда. Письмо американскому президенту начали передавать по радио открытым текстом, когда последняя страница еще редактировалась за длинным столом Хрущева…

В эфир летели нескладные длинные фразы: «…Чтобы скорее завершить ликвидацию опасного конфликта для дела мира, чтобы дать уверенность всем народам, жаждущим мира, чтобы успокоить народ Америки, который, как я уверен, так же хочет мира, как этого хотят народы Советского Союза, Советское правительство в дополнение к уже ранее данным указаниям о прекращении дальнейших работ на строительных площадках для размещения оружия отдало новое распоряжение о демонтаже вооружения, которое Вы называете наступательным, упаковке его и возвращении его в Советский Союз…»

Длинное, беспомощное пропагандистское послание, в котором, например, были и такие слова-заклинания: «Наш народ наслаждается плодами своего мирного труда. Он достиг огромных успехов после Октябрьской революции, создал величайшие материальные, духовные и культурные ценности…»{678}.

Когда судьбу мира и войны решали минуты, идеологическая риторика все равно была обязательна. Это необходимый атрибут большевизма – светской религии.

Кремль отступил, забыв, однако, даже поставить об этом в известность Фиделя Кастро… Спустя годы Никита Сергеевич продиктует: «Как бы там ни было, мы добились большой победы, заполучив у Кеннеди обещание, что ни Соединенные Штаты, ни

их союзники не будут пытаться вторгнуться на Кубу»[679].

Дальше последовало: гнев Кастро, обсуждение деталей вывода войск, демонтаж и разрушение стартовых площадок на Кубе, унизительная инспекция кораблей, вывозивших ракеты в СССР. На стол начальника Главного оперативного управления Генштаба СП. Иванова ложились тогда одна за другой телеграммы, которые уже никто и не думал показывать Хрущеву…

Вот, например, что докладывал в Москву капитан теплохода «Волголес» Сепелев И.Ф.:

«В 08.00 9 ноября с.г. шедший в кильватере американский эсминец № 878 подошел к левому борту на расстояние 30 метров, лег параллельным курсом и предложил снять брезенты с ракеты на левом борту носовой палубы. Брезенты сняли полностью по их просьбе, после чего эсминец попросил снять частично брезенты с пяти ракет на кормовой палубе. В 08.25 эсминец перешел на правый борт, посмотрел частично раскрытые головные части ракет правого борта кормовой палубы, затем попросил раскрыть брезент полностью с ракеты правого борта новой палубы, что и было сделано с нашей стороны. Марки ракет на герметических чехлах были предварительно заклеены на ракетах носовой палубы, стабилизаторы этих ракет прикрывались людьми во время визуального осмотра и фотографирования с эсминца. Над судном все это время летал на бреющем полете американский самолет LR 143176. В 09.25 визуальный осмотр был окончен, на эсминце подняли флажный сигнал «Благодарю Вас», и через рупор было передано на русском языке: «Желаю счастливого возвращения на Родину». После этого эсминец лег в кильватер и сопровождал нас до поворота от берегов Кубы…

Экипаж теплохода «Волголес» как в период кульминации кубинского кризиса, так и на протяжении всего рейса был мобилизован на выполнение рейсовых заданий, сохранение судна и поддержание чести советского моряка…»[680].

У Хрущева и Кеннеди хватило здравого смысла договориться и избежать самого худшего. Две недели октября 1962 года навсегда вошли в историю человечества как одна из кульминаций противоборства двух разных миров. Но, может быть, этот кризис и ускорил осознание хрупкости жизни в ядерный век и приоритета общечеловеческих ценностей над идеологическими мифами?

Однако когда в октябре 1964 года снимали с поста Хрущева, то при подготовке доклада на пленум его соратники договорились включить следующие по содержанию тезисы. «В одной из речей тов. Хрущев заявил, что если США тронут Кубу, то мы нанесем по ним удар. Он настоял на том, чтобы на Кубу были

направлены наши ракеты. Это вызвало глубочайший кризис, привело мир на грань ядерной войны; это страшно перепугало и самого организатора столь опасной затеи. Не имея другого выхода, мы вынуждены были принять все требования и условия, продиктованные США, вплоть до позорного осмотра американцами наших кораблей…»

Когда принималось решение отправить ракеты на Кубу, подписи, в знак согласия, поставили все члены Президиума. Все были «за». Когда нужно было испить чашу позора в связи с этим авантюрным решением, соратники Хрущева через два года пытались задним числом заставить сделать это одного своего бывшего лидера.

После Карибского кризиса вокруг Хрущева начало зреть глухое недовольство: среди соратников по Президиуму, военных руководителей, ортодоксальных коммунистов. В десятках анекдотов, начавших ходить по стране, Хрущева высмеивали за невежество, убогие «пятиэтажки», кукурузу, попытки «обогнать» Америку, за три звезды Героя Социалистического Труда (в 1964 году он станет еще и Героем Советского Союза), гидропонику и многое, многое другое. Говорили и о том, как он «драпанул» с Кубы… Когда лидера боятся или ругают, критикуют или спорят с ним – это нормальное, обычное состояние человека, находящегося на вершине пирамиды власти. Но когда над ним смеются и потешаются – значит, время лидера сочтено.

После мрачных гигантов, носивших выдуманные фамилии Ленина и Сталина, Хрущев в конце концов оказался для общества как бы легковесным, недостаточно ортодоксальным руководителем. Реформатора не смогли понять, а многие не захотели простить разоблачения «культа личности».

Хотя после кубинской авантюры Хрущев еще целых два года пытался ускорить и усилить обороты мотора реформ, двигатель не «тянул». Хрущев понимал, что перемены в обществе необходимы, нужны, но пытался их осуществлять старыми большевистскими методами. Этот методологический разлад виделся его соратниками как драматический отход от марксизма-ленинизма. Карибский кризис, выход из которого Хрущев оценивал как свою победу, еще больше подорвал позиции первого секретаря среди номенклатуры. Реформатор сам создал условия, когда вожди державы могут не свергаться, а сниматься.

Хрущев оказался совершенно одинок, хотя и обитал в огромной толпе «ленинцев».

Поражение реформатора

Все главные лидеры СССР, кроме Хрущева и Горбачева, оставались на своих постах, пока смерть не похищала у них жизнь. Беспомощный, почти впавший в младенчество Ленин, полуразрушенный Сталин, как манекен в своей безжизненности Брежнев, прикованный на месяцы к искусственной почке Андропов, потерявший способность членораздельно говорить Черненко – все они до последнего вздоха оставались вождями гигантской страны. Никто из них не покинул холм власти по «доброй воле».

Хрущев стал первым исключением. Его в результате партийного заговора отстранили от высшего поста, принудили подать в отставку, но не сослали в ссылку, не расстреляли, не бросили в тюрьму. И во всем этом, в частности, заслуга человека, публично осудившего с трибуны XX съезда такие методы. По отношению к Хрущеву его соратники действовали в 1964 году весьма коварно, но при этом соблюли хотя бы внешние признаки демократического приличия.

Сместили Хрущева в октябре 64-го. Но первая попытка отстранения реформатора была предпринята еще в 1957 году. Старые сталинцы в Президиуме с тревогой и злостью смотрели, как «разворачивается» Хрущев. Прежде всего они не могли ему простить атаки на культ личности. Все они были выдвиженцами сталинской системы, все были причастны (в той или иной мере) к кровавым чисткам, все привыкли к полицейско-бюрократическому режиму.

Летом 1957 года Молотов, Маленков, Каганович (как несколько лет назад Хрущев при подготовке заговора против Берии) провели тайные встречи с членами Президиума, на которых обсуждался вопрос об отстранении от власти Хрущева. «Троицу» поддержали Ворошилов, Булганин, Первухин и Сабуров. С кандидатами в члены Президиума Брежневым, Жуковым, Мухитдиновым, Шверником и Фурцевой секретные разговоры не велись; они не обладали на заседаниях правом решающего голоса. Когда 18 июня 1957 года в Кремле началось очередное, плановое заседание Президиума, Молотов, а затем Маленков, нарушив ход обсуждения текущих рутинных дел, неожиданно поставили вопрос об отстранении Хрущева с поста первого секретаря. Его обвинили в игнорировании Президиума ЦК, экономической безграмотности, склонности к импульсивным, непродуманным действиям.

Разгорелась жаркая, даже ожесточенная полемика, переходящая во взаимные обвинения и оскорбления. Хрущева поддержали Кириченко, Микоян, Суслов и кандидаты в члены Президиума. Но их голоса, напомню еще раз, были лишь

совещательными. В конце концов Молотову удалось поставить вопрос на голосование. Семью голосами против четырех прошло предложение Молотова и Маленкова о смещении Хрущева с поста первого секретаря.

Однако лидер заявил:

– Я не подчиняюсь этому решению. Меня избрал пленум ЦК, и только он может меня отстранить. Давайте созовем пленум…

Молотов пытался парировать аргументы Хрущева:

– Нас тоже избрал пленум, и мы вправе от его имени принимать решения об изменениях в руководстве.

Заседание Президиума продолжалось и 19 июня. Теперь Молотов предложил упразднить саму должность первого секретаря. Ведь в марте-августе 1953 года не было ни генерального, ни первого секретаря. Споры на заседаниях Президиума продолжались еще и 20, и 21 июня… Никакой стенограммы заседаний Президиума не велось…

А тем временем очень близкий к Хрущеву человек – А.И. Серов, председатель КГБ, личность не менее мрачная, чем Берия, первый секретарь Ленинградского обкома Ф.Р. Козлов, еще ряд лиц из состава ЦК, находящихся в Москве, оповестили членов ЦК на периферии. Съехались быстро. Булганин, который вел заседания Президиума, по поручению Молотова и Маленкова встретился с группой членов ЦК, которую привел в Кремль Серов. Булганин пытался убедить партийных функционеров, что «вопрос решен, и незачем возобновлять волынку».

Однако Жуков, Серов, представляющие основную часть реальной власти, многозначительно потребовали: пусть вопрос о руководителе партии решит не Президиум, а заседание пленума ЦК.

Заговорщикам ничего не оставалось, как согласиться с «силовыми» доводами. 22 июня в полдень в Кремле открылось заседание внеочередного пленума ЦК. Он был необычным по продолжительности – шел целую неделю, с 22 по 27 июня. На бурных заседаниях из присутствовавших 121 члена ЦК, 94 кандидатов в члены и 51 члена Ревизионной Комиссии выступило 60 (!) человек, а записалось для обсуждения более двухсот (в том числе приглашенные). Практически все выступающие оказали поддержку Хрущеву, понимая, что решение молотовской группировки означает поворот назад, реставрацию старых порядков, возвращение полицейских времен.

Пленум открылся острой пикировкой Хрущева и Молотова о регламенте работы пленума. Наконец «слово для сообщения» получил М.А. Суслов. В своем бессвязном «сообщении» Суслов, ставший одним из главных ревнителей чистоты марксизма-

ленинизма, сразу же задал нужную тональность пленуму. Всячески акцентируя внимание партийных функционеров на антипартийных грехах Молотова, Кагановича, Маленкова, Суслов в выгодном свете говорил о Хрущеве, который проводит «огромную, напряженную, инициативную работу на посту Первого секретаря ЦК»[681].

Пленум потребовал объяснений от Молотова, Маленкова, Кагановича, других «фракционеров». Странное впечатление оставляют эти «заслушивания». Заседания походили на восточный базар: выступающему не давали говорить, все галдели, лезли с репликами, забрасывали с разных сторон вопросами и тут же давали убийственные оценки лидерам «антипартийной группы». Например, выступление Маленкова, судя по стенограмме, перебивали вопросами и выкриками 117 раз, Кагановича – 112, Молотова – 244 раза… Только Молотов остался верен своей консервативной, просталинской позиции, остальные медленно сдавались, отступали, каялись, признавались в грехах фракционности.

Особенно трудно оппозиционерам было отвечать на вопросы типа тех, которые поставил в своем выступлении Маршал Советского Союза Г.К. Жуков:

– С 27 февраля 1937 года по 12 ноября 1938 года НКВД получил от Сталина, Молотова, Кагановича санкцию на осуждение Военной коллегией, Верховным судом к высшей мере наказания – расстрелу – 38 679 человек.

– Сталин и Молотов в один день, 12 ноября 1938 года, санкционировали к расстрелу 3167 человек.

– 21 ноября 1938 года НКВД получил санкцию Сталина и Молотова на расстрел 229 человек, в том числе членов и кандидатов ЦК – 23, членов КПК – 22, секретарей обкомов – 12, наркомов – 21, работников наркоматов – 136, военных работников – 15…[682]

Почему Молотов умалчивает обо всем этом?

При обсуждении вопроса о репрессиях Хрущев больше молчал, зная свою неблаговидную роль в этих чистках, иногда, правда, делал колкие замечания. На одно из них Маленков зло бросил:

– Ты у нас чист совершенно, товарищ Хрущев!

Все время, пока шли заслушивания фракционеров, из зала слышались выкрики: «Ужас!», «Палачи!», «Неправда!», «Напрасно сваливаете на покойника (Сталина)», «Не прикидывайтесь!», «Какое наглое выступление!», «Это возмутительно!», «Позор!» и другие подобные возгласы и реплики.

Обвиняемые в антипартийном сговоре с трудом сдерживали

свои симпатии к Сталину и сталинизму, тем временам, когда они могли вершить судьбы миллионов людей, не отвечая за последствия. Правда, иногда в выступлениях антихрущевцев проскальзывали ноты, которые характеризовали их более точно, чем вынужденные признания и раскаяния.

Например, Л.М. Каганович в конце своего выступления заявил: «В октябре 1955 года, за 4 месяца до съезда партии (XX. – *Д.В.*), Хрущев внес предложение о Сталине. Сам Хрущев за 5 месяцев до съезда выступал и говорил о Ленине и Сталине, как о великих наших руководителях, которые обеспечили нам победу. Всего за 5 месяцев до съезда! Мы говорили об учении Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, мы говорили, что Сталин – великий продолжатель дела Ленина. Потом вдруг поставили вопрос о Сталине. Не все легко могут воспринять. Одни воспринимают по-одному, другие – по-другому. Я воспринял с большой болью. Я любил Сталина, и было за что любить – это великий марксист»{683}.

Хрущев на всю эту тираду только и смог негромко выдавить:

– Это неправильное заявление.

Думаю, в словах Кагановича и скрыт основной смысл внутрипартийного конфликта. Не целина или перестройка управления промышленностью, непрерывные организационные реорганизации или выдвижение лозунгов типа «догнать и перегнать Америку» были главными причинами ожесточенной схватки на вершине партийной иерархии. Нет, не главное; это все производное. Глубинный источник конфликта – в противоборстве нового, реформаторского курса Хрущева с линией на реставрацию, хотя бы частичную, старых сталинских порядков. В этом все дело.

Долгий пленум закончился осуждением сталинских ортодоксов, что нашло свое выражение в удалении Молотова, Маленкова и Кагановича из состава Президиума ЦК, как и «примкнувшего» к ним Шепилова. В награду за поддержку пять кандидатов в высший орган стали его полноправными членами, новые имена появились и в кандидатском «корпусе»: Косыгин, Кириленко, Мазуров. Формально все догматики-оппозиционеры остались в партии, получили новые, провинциальные должности. Но ненадолго: Хрущев никому ничего не забыл и не простил. Постепенно все оппозиционеры перейдут на положение пенсионеров. Реформатор обладал одной неприятной чертой, унаследованной от сталинского времени: не прощать противников.

В.Н. Новиков в своих воспоминаниях приводил такой эпизод. Хрущев отправлялся в Париж. Первый секретарь и провожавшие

его члены Президиума зашли в правительственный зал на Внуковском аэродроме. Хрущев кратко изложил соратникам, что он думает говорить при встречах с руководством Франции. Казалось, новый стиль – партийный лидер советуется с соратниками. Закончив изложение своих тезисов, Хрущев, уверенный в поддержке, спросил, обращаясь к присутствующим:

– Ну как?

Все стали одобрять, поддакивать, хвалить тезисы. А секретарь ЦК А.Б. Аристов, «подперев рукой щеку», как бы в раздумье сказал:

– Надо бы еще подумать, может быть, сказать им что-то поинтереснее?

Хрущев надулся, покраснел и, обращаясь к Аристову, зло заметил:

– А что, что, что?

Аристов растерялся, ответить ничего не смог, только пробормотал: «Может быть, может быть…»

Вернувшись из Франции, Хрущев, спускаясь по трапу, отыскал глазами секретаря ЦК и крикнул:

– Ну как, Аристов, умно я там себя вел?

Все хором отвечали: «Конечно, Никита Сергеевич, все отлично». От души приветствовал возвращение Председателя Совмина и Аверкий Борисович Аристов. Однако через месяц он был освобожден от должности и позднее направлен послом в Польшу{684}.

И это не единичный случай. Советские высшие руководители не любили как неудачных советчиков, так и тех, кто пытался перечить вождю.

Количество недовольных Хрущевым в его окружении становилось все больше. Брежнев, Подгорный, Игнатов, Суслов, Устинов, Семичастный, Шелепин, другие высокие руководители не очень скрывали своего недовольства первым лицом. Обстановка созрела как бы сама собой; ряд крупных неудач в народном хозяйстве ускорили развязку.

Виноватым, конечно, считали пионера реформ, не очень понимая, что только на пути преобразований возможен переход бюрократического, тоталитарного общества к обществу цивилизованному. Никто тогда абсолютно не ставил под сомнение сам «социалистический путь» развития. Вероятно, и Хрущев не понимал, что коммунистический монолит практически не поддается реформам. Только переход ленинизированного общества хотя бы на социал-демократические рельсы давал какие-то шансы стране и народу. Но никто не может выйти из своего времени. Хрущев – тоже. Он и так сделал почти

невозможное: будучи «воспитанником» сталинской школы, смог заметно измениться сам и кардинальным образом трансформировать общество.

После него, как ни симпатизировал Брежнев многим аспектам сталинизма, он не мог уже решиться на его реставрацию. Преграды на этом пути, поставленные Хрущевым, были труднопреодолимыми. В этом историческая, непреходящая заслуга не очень удачливого реформатора.

Впрочем, в России вполне удачливых реформаторов фактически и не было никогда…

В начале октября 1964 года Хрущев уехал на пару недель в Пицунду. Там он не ограничивался рамками традиционного отдыха высших партийных функционеров, а продолжал свою обычную работу: принимал руководителей, заслушивал министров, беседовал с иностранными гостями, внимательно следил за групповым полетом трех советских космонавтов. Первый секретарь был всегда полон энергии и новых планов. С ним был и Микоян, пожалуй, наиболее близкий человек к Хрущеву в составе Президиума. Как пишет зять первого секретаря А. Аджубей, Хрущев «знал, что один руководящий товарищ, разъезжая по областям, прямо заявляет: надо снимать Хрущева.

Улетая в Пицунду, первый секретарь сказал провожавшему его Подгорному:

– Вызовите Игнатова, что он там болтает? Что это за интриги? Когда вернусь, надо будет все это выяснить.

С тем и уехал.

Не такой была его натура, чтобы принять всерьез странные вояжи и разговоры Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР Н.Г. Игнатова и тем более думать о том, что ведет их Игнатов не по своей инициативе»{685}.

И вновь возник партийный заговор. Тоталитарная система больше способствует их появлению, чем демократическая. Хрущев в Пицунде, а у Брежнева в кабинете члены Президиума ЦК обговорили все детали. Прежде всего договорились действовать строго согласованно, без всяких там «особых мнений».

Брежнева еле уговорили позвонить Хрущеву в Пицунду и пригласить на заседание Президиума ЦК. Мол, есть вопросы, которые без него не решить. Будущий генсек несколько раз брал трубку телефона и клал ее обратно на аппарат. Его подбадривали. Решимости не хватало; Брежнев понимал, что становится во главе заговора, хоть и не военного, но весьма неблаговидного. Как все повернется?

Хрущев выслушал сначала Суслова, а затем и подрагивавшую тираду Брежнева и лишь бросил:

– Что вы там торопитесь? Приеду – разберемся. – Помолчав, однако, добавил: – Ладно, я подумаю.

Назавтра, 13 октября, Хрущев был рано утром уже в Москве. На аэродроме непривычно пустынно: его встречал только В.Е. Семичастный – председатель КГБ, и начальник управления охраны Чекалов.

– А где остальные?

– Никита Сергеевич, – отвечает Семичастный, – они в Кремле…

Хрущеву сразу стало все ясно: начата новая атака Президиума на своего первого секретаря. Он еще не знал, что накануне его прилета, 12 октября, в Кремле состоялось заседание высшей партийной коллегии. Присутствовали члены и кандидаты Президиума: Л.И. Брежнев, Г.И. Воронов, А.П. Кириленко, А.Н. Косыгин, Н.В. Подгорный, Д.С. Полянский, М.А. Суслов, Н.М. Шверник, В.В. Гришин, Л.Н. Ефремов, а также секретари ЦК: Ю.В. Андропов, П.Н. Демичев, Л.Ф. Ильичев, В.И. Поляков, Б.Н. Пономарев, А.П. Рудаков, В.Н. Титов, А.Н. Шелепин. Вел заседание завтрашний триумфатор Брежнев.

Решение было коротким, на полторы страницы: обсудить на заседании Президиума некоторые вопросы нового пятилетнего плана с участием Н.С. Хрущева. Поручить Брежневу, Косыгину, Суслову и Подгорному переговорить с Хрущевым и передать ему в Пицунду решение. Постановили также собрать пленум ЦК, а также отозвать с мест записку Н.С. Хрущева от 18 июля 1964 года с «путаными установками «О руководстве сельским хозяйством в связи с переходом на путь интенсификации»{686}. В записке предлагались еще более громоздкие органы управления сельским хозяйством.

…Прямо с аэродрома Хрущев приехал на заседание Президиума ЦК. К вчерашнему составу присоединились Микоян, В.П. Мжаванадзе – первый секретарь ЦК Компартии Грузии, Ш.Р. Рашидов – первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, П.Е. Шелест – первый секретарь ЦК Компартии Украины.

…Протокола заседания Президиума ЦК 13 октября 1964 года не велось. Как и условились партийные заговорщики заранее, выступили все до одного члены Президиума. Нажимали на игнорирование Хрущевым коллективного руководства, самоуправство, непредсказуемость, многочисленные ошибки. К слову, многое в обвинениях соответствовало действительности. В каждом выступлении, согласно уговору, обязательно предлагалось отстранение первого секретаря. Лишь Микоян выступил в защиту Хрущева, но остался в полном одиночестве. Микоян предложил освободить Хрущева от поста первого

секретаря, оставив его главой правительства. Все сразу стали протестовать (ведь уговор накануне был другим!).

Первый секретарь поначалу всех перебивал, пытался остановить нежелательный ход обсуждения, но ледяная стена неприятия его как первого лица поразила Хрущева. Он вначале еще надеялся, что, как и в 1957 году, ему удастся справиться с ситуацией. Хрущев пробовал протестовать, возражать, переходить в контратаки, но его голос глох в ледяном безмолвии отрицания сидевших соратников, которые на этот раз отвернулись от него фактически единодушно. Все было предрешено.

То была еще одна драма Хрущева. На этом заседании он не давал согласия добровольно оставить пост. Заседание так и окончилось ничем. Хрущев молча сел в машину и уехал на дачу. Наутро заседание было продолжено. Председатель КГБ Семичастный предусмотрительно сменил всю охрану Хрущева на новую, отдал необходимые распоряжения своим службам: никакие команды, приказы, указания Хрущева не исполнять без решения Президиума. Еще оставаясь формально первым секретарем, Хрущев лишился всех реальных рычагов власти. Первый секретарь был изолирован и сломлен. Его предали те, кто больше всего юлил перед ним: Брежнев, Суслов, Подгорный, а затем и все остальные.

Утром, приехав на заседание Президиума, Хрущев сразу же подписал заранее подготовленный аппаратом ЦК текст заявления с просьбой освободить от должности «по состоянию здоровья». В заявлении говорилось:

«В связи с преклонным возрастом и учитывая состояние моего здоровья, прошу ЦК КПСС удовлетворить мою просьбу об освобождении меня от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.

Обещаю Центральному Комитету КПСС посвятить остаток своей жизни и сил работе на благо партии, советского народа, на благо построения коммунизма.

Хрущев»[{687}].

Все инициаторы кремлевских перемен вздохнули с облегчением; удалось решить вопрос без кардинальных мер и эксцессов. Брежнев, Суслов и другие заговорщики не могли скрыть своего радостного возбуждения. Свершилось!

Единогласно (Хрущев не голосовал) приняли еще одно постановление, где уже прямо говорилось, что первый секретарь «стал выходить из-под контроля ЦК, перестал считаться с мнением членов Президиума». Записали: «При сложившихся отрицательных личных качествах как работника, преклонном

возрасте и ухудшении здоровья т. Хрущев не способен исправить допущенные им ошибки и непартийные методы в работе», а посему – «удовлетворить просьбу т. Хрущева об освобождении его от обязанностей первого секретаря, члена Президиума ЦК и Председателя Совета Министров СССР»{688}.

Хрущев сидел, не поднимая лица, обхватив голову руками. Затем он молча вышел и так же молча спустился к машине. Его никто не провожал. Партийная карьера реформатора неожиданно для него завершилась. После этих октябрьских дней 1964 года наступят почти два десятилетия полного замалчивания и забвения его имени. Он как бы когда-то и был, но как бы совсем и не было его…

Дальше все было проще. На следующий день, 14 октября 1964 года, открылся пленум ЦК КПСС. В своем вступительном слове Л.И. Брежнев заявил: «…обстановка в Президиуме ЦК сложилась ненормальная, и повинен в этом прежде всего т. Хрущев, вставший на путь нарушения ленинских принципов коллективного руководства жизнью партии и страны, выпячивающий культ своей личности…»{689}.

Основной доклад делал, конечно, М.А. Суслов – штатный «инквизитор» ЦК. Главный аллилуйщик, интриган и ортодокс стал постепенно в ЦК человеком, которого побаивались все, даже генеральные секретари. Доклад Суслова был разносным. Нет нужды пересказывать его, ведь дело было сделано, Хрущев уже сидел у себя на даче. Однако я приведу лишь несколько фраз из доклада Суслова.

«…Хрущев систематически занимался интриганством, стремился всячески поссорить членов Президиума друг с другом *(голоса: «Позор!»)*. Но интриганством безнаказанно нельзя долго заниматься. И в конце концов все члены Президиума убедились в том, что т. Хрущев ведет недостойную игру…»

«…В течение года т. Хрущев с упрямством, достойным сожаления, стремился ликвидировать Тимирязевскую академию на том лишь основании, что ее ученые в своем большинстве не разделяли взглядов т. Хрущева по ряду вопросов системы земледелия *(голоса: «Позор!»)».* Добавим лишь истины ради, что Хрущев не ставил вопроса о ликвидации академии, а предложил рассмотреть вопрос о переводе ее из Москвы в какую-нибудь сельскохозяйственную область…

Суслов не преминул проехаться по зятю Хрущева – талантливому журналисту А.И. Аджубею, заявив, что «Президиуму пришлось принимать меры, чтобы обезвредить развязную и безответственную болтовню этого гастролера…». Заявление Суслова о том, что Аджубей освобожден от работы

редактора газеты «Известия», зал встретил аплодисментами…{690}

Чувство идеологической стадности давно стало присуще не только простым людям, но и партийной элите, с готовностью поддерживавшей любые лозунги и установки своих вождей. Десятилетия духовной монополии не могли пройти бесследно; каждый старый вождь (кроме Ленина) предавался прямому или косвенному остракизму. Новый – возвеличиванию.

Когда на пленуме единогласно (только так было всегда на этих форумах!) избрали первым секретарем ЦК Л.И. Брежнева, зал привычно дружно вскочил и устроил новому вождю долгую овацию.

А Хрущев тем временем ходил из угла в угол казенной дачи, которую раньше занимал Молотов. В 1965 году, после отставки, Хрущева переселили в Петрово-Дальнее, что возле реки Истра. Возможно, он жалел, что не прислушался к информации, которая поступила к нему от Галюкова Василия Ивановича – бывшего начальника охраны члена Президиума ЦК КПСС Н.Г. Игнатова. Галюков сообщал, что против первого секретаря зреет заговор, во главе которого стоят Подгорный, Суслов, Брежнев, Шелепин, Семичастный, сам Игнатов.

Размышления прервал А.И. Микоян, приехавший с пленума и сообщивший новости о кадровых перестановках. Затем Микоян добавил:

– Меня просили передать тебе следующее. Нынешняя дача и городская квартира сохраняются за тобой пожизненно.

Новый первый секретарь собственноручно написал, какие «блага» положены Хрущеву. Брежнев не написал, но знал, что отныне за каждым шагом Хрущева будут следить спецслужбы и регулярно докладывать: выходил с дачи, был в поселке, ездил в Москву (что было редко), кто приезжал к нему.

В свое время Брежнев, когда стал фаворитом у Хрущева, в расчете на то, что соглядатаи в ЦК доложат об этом первому секретарю, демонстративно писал в настольном календаре:

«Ура, приземлился Н.С. – Победа и радость».

«28-го (год 1959) встречал Никиту Сергеевича – радостная и приятная встреча… Ужин на Ленинских горах…»

«Звонил Н.С. Обедали вместе{691}. С Хрущевым ездили в Завидово».

Таких записей вплоть до 1964 года немало. Брежнев, вероятно, хотел, чтобы и неофициальные сведения о нем были самыми благоприятными…

Хрущев хмуро выслушал Микояна и бросил: «Я готов жить там, где мне укажут…»{692}

Опальный руководитель тяжело переживал свое фиаско;

подолгу сидел в кресле на лужайке, тихо прогуливался по дорожкам дачи. Но его беспокойная натура искала работы. Он стал выращивать помидоры, попробовал заниматься гидропоникой, иногда выезжал в Москву: в театр, на выставки. Власти внимательно следили за опальным лидером. Когда к нему однажды приехал Е.А. Евтушенко, а затем М. Шатров, потом и Роман Кармен – об этом тут же становилось известно в КГБ и Брежневу. Хрущев начал много читать и, надо думать, на старости лет открыл для себя удивительный, прекрасный мир Толстого, Лескова, Тургенева.

Как вспоминала жена Хрущева Нина Петровна, спустя несколько лет после отставки Хрущев вдруг решил начать писать воспоминания. Сам факт этого решения, как заявил Хрущев в ноябре 1970 года, можно датировать 1968 годом. Думаю, одной из причин этого решения явилось его знакомство с многочисленными мемуарами военачальников, политических деятелей, работников культуры. Это был мемуарный «сезон». Ведь при Сталине фактически никто не смел «предаваться» воспоминаниям. А здесь после XX съезда шлюзы человеческой памяти были открыты. Правда, отдел пропаганды ЦК строго следил за содержанием мемуаров. Вскоре после ухода Хрущева с политической сцены о сталинских репрессиях, например, практически уже нельзя было писать. Нельзя было уже критиковать Сталина и многое другое. Сколько Хрущев ни листал мемуары людей, которых он хорошо лично знал (маршалов, министров, ученых), там не было ни слова о нем… Почти ни слова. По воле идеологической цензуры он как бы растворился для истории, исчез для современников, скрылся навсегда от мира за забором своей дачи. Как у Оруэлла: он вроде был, но вроде бы и не было его никогда… Это умолчание больно ранило Хрущева.

Однажды за завтраком он заявил, что будет писать воспоминания. «Писать» в действительности в силу своей малограмотности он не мог. Ему привычнее было, что он и делал, будучи у власти, диктовать. Достали портативный магнитофон. Хрущев обычно говорил вполголоса не дома, а во дворе дачи или на кухне. Вначале Нина Петровна обрабатывала записи, а затем решил помочь отцу его сын Сергей. Он брал записи и уносил знакомой машинистке.

Как и следовало ожидать, о диктовках Хрущева скоро стало известно политбюро. Политический сыск в СССР был непревзойденным! По указанию Брежнева бывшего первого секретаря вызвал к себе А.П. Кириленко, весьма влиятельный тогда член высшего руководства. Разговор получился тяжелым, но Хрущев отказался прекратить свои диктовки. «Разве я не имею

права писать свои воспоминания?» – бросил он Кириленко. Тому нечего было сказать… Тогда еще раз обсудили вопрос о Хрущеве на высшей партийной коллегии – в политбюро.

В мартовском протоколе политбюро № 158 имеется запись: «Поручить тт. Капитонову И.В. и Андропову Ю.В. принять Хрущева Н.С. и переговорить с ним в соответствии с обменом мнениями на заседании Политбюро»{693}.

Беседа состоялась. Андропов 25 марта 1970 года доложил в ЦК о ее содержании специальной запиской. Шеф КГБ писал, что в «воспоминаниях подробно излагаются сведения, составляющие исключительную партийную и государственную тайну… даже частичная утечка упомянутых сведений может причинить нашей стране серьезный ущерб… Для печатания и обработки магнитофонных пленок использует своего сына Сергея Хрущева. Место обработки пленок нам не известно и, судя по всему, тщательно скрывается Н.С. Хрущевым и его сыном… Настораживают встречи Сергея Хрущева с иностранцами».

Далее констатируется, что предупреждение Хрущеву, сделанное в ЦК, «не оказало нужного воздействия». Андропов предлагает: «Установить оперативный негласный контроль за Н.С. Хрущевым и его сыном Сергеем Хрущевым для получения более точных данных по затронутому вопросу и предупреждения нежелательных последствий»{694}.

Хрущев тяжело пережил беседу. Через некоторое время она привела к инфаркту. Но политбюро не успокоилось. По указанию Суслова 10 ноября 1970 года Хрущев был вызван на заседание Комитета партийного контроля.

Стенографическая запись беседы с Хрущевым в комитете обширна и подробна. Из-за объема я не имею возможности привести ее всю. Председатель комитета А.Я. Пельше сразу же в лоб предъявил пенсионеру обвинение: в Америке в ближайшее время выйдет книга «Хрущев вспоминает». Как это произошло? Понимает ли Хрущев, что он несет всю полноту ответственности за это?

Бывший первый секретарь был растерян. Он действительно не знал, как его записи попали на Запад. Он не мог думать на Сергея, но, возможно, так именно и было. Впрочем, был и литературный обработчик, машинистка… Хрущев заявил:

– Никогда никому никаких воспоминаний не передавал и никогда бы этого не позволил. А то, что я диктовал, я считаю это правом каждого гражданина и члена партии. Я отлично помню, что диктовал. Не все можно опубликовать в данное время.

Хрущева долго «допекали», грозили, запугивали последствиями, говорили об ущербе для СССР, который нанес

мемуарист. Наконец Никита Сергеевич взорвался:

– Пожалуйста, арестуйте, расстреляйте. Мне жизнь надоела. Когда меня спрашивают, говорю, что я недоволен, что я живу. Сегодня радио сообщило о смерти де Голля. Я завидую ему. Я был честным человеком, преданным. Как только родилась партия, я все время был на партийной работе.

Разговор был долгий, сумбурный, тяжелый. В ходе его Хрущев назвал покойного Игнатова «дурачком», требовал для себя «смертной казни», возмущался, что ставят памятники «врагам народа»: Постышеву, Блюхеру, Косиору, заявлял, что «не американцы начали войну в Корее, а Ким Ир Сен…».

Но после эмоциональных тирад Хрущев возвращался к прежнему тезису: «все, что я диктовал, является истиной. Никаких выдумок, никаких усилений нет, наоборот, есть смягчения. Я рассчитывал, что мне предложат написать. Опубликовали же воспоминания Жукова… Я читать не могу то, что написано Жуковым о Сталине. Жуков честный человек, военный, но сумасброд…» Далее Хрущев все пытался сказать, что маршал неправильно описал гибель генерала армии Ватутина.

Хрущева перебивали, путали, забрасывали вопросами, без конца угрожали особой ответственностью.

В конце концов члены комитета составили заявление и вынудили, чтобы его подписал Хрущев. Текст его таков.

«Как видно из сообщений печати Соединенных Штатов Америки и некоторых других капиталистических стран, в настоящее время готовятся к публикации так называемые мемуары или воспоминания Н.С. Хрущева. Это – фабрикация, и я возмущен ею. Никаких мемуаров или материалов мемуарного характера я никогда никому не передавал – ни «Тайму», ни другим заграничным издательствам. Не передавал таких материалов я и советским издательствам. Поэтому я заявляю, что все это является фальшивкой. В такой лжи уже неоднократно уличалась продажная буржуазная печать».

Расстроенный пенсионер размашисто и неразборчиво поставил подпись: «Н. Хрущев. 10/XI-1970 г.»{695}.

От Пельше Хрущев вышел, держась за сердце. «Беседа» также завершилась инфарктом. Хрущев больше не диктовал. Когда ему становилось лучше, он находил в треске волн передачи «Голоса Америки» и слушал, слушал… Книга его вышла. Но как туда, на Запад, она попала, Хрущев так и не смог никогда понять.

Сама по себе книга, содержащая около полутысячи страниц, подверглась сильной правке различных лиц: машинистки, литературного обработчика, многочисленных редакторов, стремившихся, естественно, придать ей вполне определенную

политическую направленность. Слабость текста связана прежде всего с отсутствием документов. В то время человек, бывший первым лицом в партии и государстве, не мог держать дома даже «безобидных» государственных и личных документов. Названия глав, видимо, сделаны не Хрущевым, пояснения и комментарии – тоже. И тем не менее книга «Хрущев вспоминает» – очень интересное историческое свидетельство человека, пережившего много бурь и потрясений, видевшего и трагедии, и триумфы. В книге виден облик Хрущева: смелого и импульсивного политика, ортодоксального марксиста и еретика… При всех литературных слабостях воспоминаний (особенно вызванных внешними вторжениями в диктовки) книга Хрущева заняла свое заметное место в литературе о навсегда ушедшем суровом и сложном времени.

Будь документы под рукой, Хрущев наверняка использовал бы свою переписку фронтовых и послевоенных лет со Сталиным. Например, представляет интерес донесение Хрущева «О танковом сражении 12 июля 1943 года в районе Прохоровки, Курской области». Член Военного совета фронта больше «нажимает» в донесении на потери немцев и трофеи{696}.

Известно, что в докладе на XX съезде партии и в своих мемуарах Хрущев обвинил Сталина в харьковской катастрофе в мае 1942 года. Но он, видимо, запамятовал, что еще 17 мая 1942 года докладывал Верховному Главнокомандующему о том, что «наступление на Харьков успешно продолжается», захвачены огромные трофеи, освобождено свыше 300 населенных пунктов, уничтожено до 400 танков, сбито 147 самолетов…{697}

Хрущев в донесении не ставит вопрос о приостановке наступления, в котором погибло и попало в плен около 240 тысяч советских солдат и офицеров… Эти донесения в «Воспоминания» не попали… Их у Хрущева просто не было.

Хрущев уделил всего несколько строк гибели своего сына от первого брака, летчика, старшего лейтенанта Леонида.

Командир полка майор Голубов в своем донесении о бое 11 марта 1943 года писал, что старший лейтенант храбро вел воздушный бой, но полагал, что «сбитым он не может быть, так как снаряды рвались далеко в хвосте, а летчик перетянул ручку и сорвался в штопор»{698}. Память о сыне Хрущев перенес на его дочь Юлию, к которой относился всегда с большой нежностью.

Интересно донесение Хрущева 21 ноября 1943 года о «Положении в городе Киеве», недавно до этого освобожденном от немецких оккупантов. Хрущев впервые докладывает в Москву о массовых расстрелах захватчиками советских людей в Бабьем Яру. Донесение Хрущев подписывает уже опять как «Секретарь ЦК

КП(б)У»[699]. Обстоятельна просьба Хрущева, направленная Сталину 16 февраля 1946 года, об оставлении гарнизонов советских войск в Западной Украине для «окончательного завершения разгрома оуновского подполья и бандгрупп»[700].

Конечно, в своих мемуарах Хрущев не вспоминал факты такого, например, характера. Первый секретарь Компартии Украины обращается 17 января 1948 года к Сталину с докладом, в котором жалуется, что многие колхозники «не желают приобщаться к общественно-полезному труду», занимаются воровством, самогоноварением, работают только на своем подсобном хозяйстве. Хрущев сообщает, что «в 1946 году на Украине не выработали ни одного трудодня 86 676 колхозников». Секретарь ЦК КП(б)У приводит в письме даже фамилии злостных уклонистов от колхозной (дармовой. – *Д.В.*) работы: Иваницкого И., Гривко С, Диденко В., других «нерадивых».

Партийный лидер предлагает Сталину радикальное решение: «Издать закон, предоставляющий право общим собранием выносить приговоры о выселении за пределы республики наиболее опасных антиобщественных и преступных элементов»[701]. Опять выселять…

Но Сталин, то ли посчитав, что и так сосланы миллионы людей, целые народы, то ли возложив «воспитание трудолюбия» у колхозников на партийные и карательные органы, предложения Хрущева не одобрил.

Цензорское рвение политбюро ускорило кончину Хрущева. После всего случившегося «пенсионер союзного значения» как-то сник, забросил фотографию, которой на пенсии увлекался, оставил помидоры, меньше стал читать. Он мог сидеть часами на солнышке в кресле, предаваясь невеселым воспоминаниям. Ведь воспоминания, возможно, единственное сокровище, которое отнять у человека никто не в силах. Даже политбюро или КГБ…

Хрущев никогда не читал Шекспира, иначе он мог бы прошептать:

> …баловень побед,
> В бою последнем терпит пораженье,
> И всех его заслуг потерян след.
> Его удел опала и забвенье[702].

Казалось, забвение украло прошлое и саму жизнь Хрущева. Но это казалось только тем, кто требовал старательно замалчивать первого советского реформатора.

Хрущеву было о чем вспоминать. Пир памяти то уносил его в далекие 20-е годы, то возвращал в роковой октябрь 1964 года. А

может быть, вспоминал полуанекдотические случаи из своей жизни, которые зло припомнили ему «соратники»?

Однажды первый секретарь (в 1963 году) заявил: «Знаете, НИИ по птице надо вообще разогнать. Там столько развелось бездельников, паразитов, которые живут при курице и петухе… Мы своим ученым создаем условия, а они живут, как паразиты… Сколько институтов… Повторяю, их надо разогнать…»{703}

А может быть, вспоминал о своих скандальных встречах с мастерами искусств? О том, как заявил 8 марта 1963 года писателям и художникам: «Абстракционизм, формализм – есть одна из форм буржуазной идеологии», и о том, как отреагировал однажды на картину, подаренную ему в Америке: «Мазня, полоски разного цвета». Желая показать, каким должно быть советское искусство, он зачитал услужливо написанные партийными спичрайтерами строки: «Партия и Ленин – близнецы и братья…»{704}

Как давно все это было! Вспоминая, человек не только прокручивает «черно-белые» кадры своего бытия, но и возвращается к себе. А это очень трудно: мысленно отринуть обиды, посмотреть на себя как бы со стороны. Кто может это сделать, испытывает духовное успокоение, без которого из земного бытия уходить тяжело.

Хрущев видел, что его преемники фактически отказались от реформ, постепенно повернув страну в безмятежье испытанных бюрократических форм управления государством. Проходила медленная реставрация прошлого, но без его кровавых крайностей.

Хрущев таял в безвестье. За годы, что он ушел с кремлевского холма, никогда никто из высшего руководства не обратился к нему за советом. Вызывали только в связи с его злосчастными мемуарами.

У стариков время бежит быстро. Сердце не отпускало. В сентябре 1971 года Хрущев решил навестить свою дочь и зятя, весьма незаурядных, талантливых людей. Там ему стало плохо. Вернувшись в свое Петрово-Дальнее, он не задержался на даче. Родные увезли его в Центральную Кремлевскую больницу, где на следующий день, 11 сентября 1971 года, Хрущев тихо скончался. Бывает, умирает человек, как гаснет свеча, – тихо и печально. Так угас и «верный ленинец», мятежник и реформатор одновременно – Никита Сергеевич Хрущев.

Наконец его имя после семилетнего перерыва попало в печать. «Правда» 13 сентября 1971 года поместила скупое, процеженное на Старой площади, сообщение: «Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР с прискорбием сообщают,

что 11 сентября 1971 года после тяжелой продолжительной болезни на 78-м году жизни скончался бывший Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР, персональный пенсионер Никита Сергеевич Хрущев». И все. Его соратникам не дано было понять, что драматическая жизнь Хрущева – это слепок с нашей судьбы, нашей трагической истории. А ей нельзя мстить и нельзя смеяться над ней.

Всех нас, рано или поздно, поглотит песок времени. Пережить свое время дано немногим. Хрущев Никита Сергеевич – один из таких. Он совершил моральный подвиг: сделал отчаянную попытку порвать с политическим мраком, где долгие годы он был «своим» человеком. Хрущев фактически начал освобождать нас не просто от «культа личности», а от монополии диктатуры. Если он сам до конца понял это, то имел все основания, даже побежденный «соратниками», испытать великий восторг в своей душе.

Своим природным, не книжным, умом Хрущев понимал, что нельзя с опозданием вступать в грядущее. Оно часто гораздо ближе, чем некоторые думают.

«Вождь» четвертый: Леонид Брежнев

Советское государство стало таким же, как всякое деспотическое государство, оно действует теми же средствами, ложью и насилием.

Н. Бердяев

Советские люди, слушая утром 16 октября 1964 года радио, неожиданно узнали, что новый высший руководитель партии, а значит, и государства – Леонид Ильич Брежнев.

За сорок лет граждане великой страны уже привыкли к тому, что их никто никогда не спрашивает, кто будет очередным «вождем». За семь десятилетий существования советского государства ни один из высших руководителей страны не избирался народом. Большевики, захватив власть в октябре 1917 года, просто передавали ее из рук в руки своим вождям. Правда, в случае с Брежневым, как знает читатель, пришлось прибегнуть к партийно-государственному заговору, чтобы сместить Хрущева.

Но, будучи по натуре нерешительным, даже добрым, мягким человеком, Брежнев, несмотря на предложения «разнести» Хрущева после снятия на местных пленумах в печати, не согласился. Новый первый секретарь особо ценил спокойствие, безмятежность, бесконфликтность. Для него участие в снятии Хрущева, пожалуй, было высшим политическим «подвигом» в биографии. Когда в начале октября заговорщики пронюхали, что Хрущев догадывается об их замысле, Брежнев, как пишет Ю.В. Аксютин, впал в прострацию. Наконец, собравшись с силами, он позвонил своему другу Н.Г. Егорычеву с просьбой быстрее прийти к нему. Когда тот приехал, бледный Брежнев драматическим шепотом заявил:

– Коля, все пропало. Хрущеву все известно в подробностях.

– Ну и что? Что тут незаконного? Подготовка к пленуму ЦК не противоречит Уставу.

– Ты его плохо знаешь, он нас всех расстреляет!

– Но ничего непартийного в нашем поведении нет. Сейчас другие, не сталинские, времена…{705}

Поэтому, когда все свершилось без ожидавшейся ожесточенной схватки и Хрущев неожиданно для всех не захотел бороться, Брежнев, ставший первым секретарем, долго не мог прийти в себя: звонил первым лицам в «братские страны», благодарил соратников, устроил царский ужин для близких

друзей. Убедившись, что Хрущев на даче ведет себя тихо, лично отреагировал на просьбы бывшего «первого», набросав на листке:

«1. Пенсия 5000 (500 р. по новому курсу).

2. Кремлевская столовая.

3. Поликлиника 4-го Гл. упр.

4. Дача – на Петрово-Дальней (Истра).

5. Квартиру в городе подобрать.

6. Машину легковую (устно сказал помощникам: «не новую»)».

Узнав, что у Хрущева есть некоторые просьбы по быту, отреагировал лишь на одну: опальный пенсионер хотел, чтобы ему по-прежнему выделяли дотацию в столовую на лечебное питание в сумме 100 рублей, «положил» ему лишь 70…{706}

Несмотря на мелкие уколы со стороны Брежнева, судьба бывшего первого секретаря уже не была безысходной, как случалось раньше: арест, тюрьма, ссылка. Хрущев пожинал благие плоды, взращенные на советской земле благодаря его личной смелости и политическому мужеству на XX съезде партии.

Никто еще не знал, что приход Брежнева на первые роли в партии и государстве будет означать победу антиреформаторской линии, консервативных и, в какой-то степени, реставраторских тенденций. Это выразилось прежде всего в отношении Брежнева к Сталину и сталинизму. Новый лидер понимал, что прямого, откровенного возврата к диктаторскому режиму быть уже не может, да он и не был политически способен на это. Но «что-то» сохранить из уцененного историей или как-то «вернуть» нечто из сталинизма Брежнев был не против.

Весьма характерны его записи как делегата на XX съезде партии. Слушая Хрущева, Брежнев дал тогда в своем блокноте такую оценку новому курсу. «Доклад не сбалансирован, – писал Леонид Ильич, как обычно не пользуясь знаками препинания[15], – это неверное определение и неправильный подход доклад показывает к чему каким последствиям приводит культ личности – и поэтому взяты материалы показывающие как складывался культ личности и его вред, а ведь все положительное о Сталине проповедывалось и рассказывалось…»{707}

В витиеватых и полуграмотных фразах видно, тем не менее, не просто стремление к «сбалансированности» положительного и отрицательного в деятельности Сталина, а явные симпатии молодого тогда еще Брежнева к старому порядку вещей.

Но на каком-то этапе потребовалось высказаться по отношению к Сталину более определенно. За несколько дней до 90-летия И.В. Сталина Брежнев, превратившийся к тому времени из первого в генерального секретаря, собрал 17 декабря 1969 года

в большой перерыв сессии Верховного Совета заседание политбюро. Обсуждался один вопрос: публиковать ли в «Правде» подготовленную к этой дате статью.

Расклад сил в политбюро получился весьма любопытным. Из 22 членов ПБ, кандидатов и секретарей ЦК только Подгорный и Кириленко неожиданно выступили против публикации «юбилейной» статьи о Сталине. Неожиданно потому, что оба никогда не отличались ни демократичностью взглядов, ни новаторским мышлением. Их беспокоило другое. Подгорный тревожился, что если публиковать статью о Сталине, то «надо писать, кто погиб и сколько погибло от его рук… Поэтому кроме вреда ничего эта статья не принесет». Кириленко же заявил, что «нет такой партии в Европе, которая будет аплодировать подобного рода статье». Все остальные были за опубликование статьи. Причем многие – весьма категорически.

Суслов утверждал, что «такую статью ждут в стране вообще». Мазуров даже предложил «поставить бюст на могиле Сталина». И поставят. Конечно, Шелепин, Андропов, Соломенцев, Капитонов, Кунаев, Щербицкий были решительно настроены: «Дать статью». Даже поднимался вопрос о переименовании Волгограда снова в Сталинград, о том, что у Сталина были «положительные стороны, – никто об этом, очевидно, не спорит» и что разве можно «игнорировать строительство социализма под руководством Сталина»?

Пришла очередь Брежневу подводить итоги обсуждения вопроса. Верный своей жизненной методологии, генеральный секретарь постарался все рассмотреть под его излюбленным углом зрения: будет ли способствовать статья сохранению спокойствия в стране или не будет?

«Что касается публикации статьи, – причмокивая, рассуждал Брежнев, – то я скажу вам откровенно, что я вначале занимал отрицательную позицию… При этом исходил из того, что у нас сейчас все спокойно, все успокоились, вопросов нет в том плане, как они в свое время взбудоражили людей… Но вот, побеседовав с секретарями обкомов партии, продумав дополнительно и послушав ваши выступления, я думаю, что все-таки действительно больше пользы в том будет, если мы опубликуем статью. Ведь никто не оспаривает и не оспаривал никогда его революционных заслуг… В спокойном тоне дать статью…»{708}

Так начался процесс прекращения десталинизации. На полную реабилитацию Сталина Брежнев и его единоверцы так никогда и не решились, но сам по себе факт правительственного решения об установлении бюста второго вождя на его могиле говорит о многом. Темы культа личности, репрессий, беззаконий

сталинского режима были законсервированы партийным табу. По сути, этот «знак» был началом отсчета поворота страны от реформистской «эры» Хрущева к консервативной «эпохе» Брежнева. По сути, эта «эпоха» охватывает время правления не только Брежнева, но и Андропова, и Черненко. Короткая десятилетняя, бесшабашная, спонтанная, даже взбалмошная реформистская удаль Хрущева будет заменена на глубоко консервативную линию его ниспровергателей.

Консерватизм Брежнева и его единоверцев выразится в стремлении сохранить многие большевистские традиции и нравы, поддержать ортодоксальные «классовые» взгляды, согласиться с минимумом перемен в обществе. «Деятельность Брежнева, – отмечал известный американский историк Стивен Коэн, – формировала и укрепляла консервативные тенденции в советской политической жизни. Так, например, он обеспечил практически пожизненные синекуры высокопоставленным советским вельможам и чиновникам средней руки («стабильность кадров»), что существенно «состарило» не только высшее политическое руководство, но и всю элиту в целом»{709}.

Конечно, если бы Брежнев и его соратники говорили о том, что история и ее освещение в конечном счете не зависят от решений политбюро, то все было бы понятно. Но всех интересовало и волновало одно: как формально не отступить от постановления ЦК о «культе личности» и одновременно громко сказать о «революционных заслугах» их кумира. Однако традиционная осторожность, «сбалансированность» Брежнева не позволили переступить невидимой грани, недвусмысленно выразив в то же время поклонение наследников перед зловещей фигурой покойного диктатора.

Среди «семи портретов» советских вождей силуэт Брежнева выделяется своей однозначностью. Это сугубо одномерный человек с психологией партийного бюрократа средней руки, тщеславен, осторожен, консервативен. Он боится крутых поворотов, страшится реформ, но способен неизменно гнуть «генеральную линию» партии туда, куда требует высшая партверхушка.

Его трудно назвать «простой» марионеткой партийного синклита, но это был чрезвычайно удобный для высшего коммунистического эшелона человек. Он олицетворял и выражал консервативные тенденции советского общества.

Профиль Брежнева весьма рельефен и потому, что он, наверное, как никто другой (за исключением Ленина), оставил множество рабочих, личных записей. Эти заметки, короткие записи Брежнев начал вести с 1944 года. Блокноты, общие

тетради, записные книжки, настольные календари, просто отдельные листы бумаги испещрены полуграмотными фразами, отдельными малопонятными выражениями и просто словесными знаками. Последние полтора десятка лет эти рабочие записи носят уже более систематический характер, но содержание их также в основном малозначительно: величина собственного веса, сколько времени плавал в бассейне, кому звонил, что подавали на обед, какую награду или титул получил, медицинские процедуры, какими оказались трофеи на охоте…

Личные дела Брежнева тщательно подчищены (я об этом еще скажу), но резолюции на партийных и государственных бумагах определенны, конкретны (не так, как, допустим, у М.С. Горбачева). Как ни парадоксально это звучит, но Брежнев был весьма цельным, однозначным человеком при всей своей интеллектуальной посредственности. Он смог устроить всех. Хотя известно, что тот, кто «нравится» всем, в конечном счете не понравится никому.

Листая страницы его партийного дела, встречаешься со многими любопытными, а порой и несуразными моментами биографии этого человека. Расскажу об одном.

Где-то в конце семидесятых годов, после моего служебного текущего разговора с генералом армии А.А. Епишевым у него в кабинете, тот неожиданно поднялся, открыл сейф и вынул оттуда толстую папку с надписью «Личное дело генерал-лейтенанта Брежнева». Именно у начальника Главпура хранились личные военные документы генсека (той поры, когда Брежнев служил в армии). Молча пролистав папку, Алексей Алексеевич, не произнося ни слова (тогда подслушивали всех руководителей и везде), указал пальцем на строчку анкеты, где было написано чернилами: «русский». Убедившись, что я прочел, генерал армии нашел другую страницу дела, где тем же почерком было означено: «украинец». Вопросительно взглянув на меня, Епишев задал мне риторический вопрос:

– Так кто же он?

Естественно, я был не в состоянии ответить.

Но вот сейчас, листая «партийное дело» генерального секретаря Л.И. Брежнева, я обратил внимание на «листок по учету кадров», где будущий лидер партии еще в годы войны собственноручно написал: национальность – «украинец», социальное положение – «служащий».

В аттестационном листе на присвоение воинского звания «генерал-майор» записано – «украинец». В аттестации, подписанной генералами Ватутиным и Крайнюковым, – «украинец»… В десятках других документов тоже «украинец». В

паспорте, выданном 11 июня 1947 года № 637803-IV ЯЛ в Запорожье, тоже значится «украинец»{710}.

Но как только Брежнев вошел в высшие органы КПСС, он тут же стал «русским». После приезда в Москву в его анкетах, биографиях – везде «русский».

Как и в случае с происхождением Ленина, на это не следовало бы совершенно обращать внимания; СССР, а ранее Россия, был гигантским этническим котлом, где происходило смешение десятков национальностей. Но стоило человеку вступить на самую высшую ступень власти, его национальная принадлежность загадочным образом приводилась к единому политическому знаменателю. Только Сталину это было сделать невозможно. Что чувствовал Брежнев, превращаясь из русского в украинца и снова в русского? Или, скорее всего, просто не придал этому никакого значения? Может, лидеры КПСС раньше других стали гражданами «красной планеты» Земля и национальность для них действительно не играла никакой роли?

Хотя, отдадим должное, и Хрущев, и Брежнев не скрывали, что для них Украина значила нечто большее, чем место, где они трудились и стали теми, кем стали. Брежнева всегда тянуло на Украину, даже когда он обосновался в Москве. В этом отношении характерно его письмо Г.М. Маленкову, помеченное 3 мая 1953 года. В письме говорилось:

«В связи с упразднением Главного политуправления ВМС, я обращаюсь к Вам, Георгий Максимилианович, с большой просьбой… Почти 30 лет своей трудовой деятельности я связан с работой в народном хозяйстве. С 1936 года на советской и партийной работе. Люблю эту работу, она для меня вторая жизнь… Теперь, когда возраст приближается к 50 годам, а здоровье нарушено двумя серьезными заболеваниями (инфаркт миокарда и эндотернит[16] ног), мне трудно менять характер работы или приобретать новую специальность.

Прошу Вас, Георгий Максимилианович, направить меня на работу в парторганизацию Украины. Если я допускал в работе какие-либо недостатки или ошибки, прошу их мне простить»{711}.

Маленков в углу написал: «Хрущев ознакомился».

На Украину Брежнева не послали, а сделали заместителем начальника Главпура. Но у Хрущева, видимо, запала мысль: этот человек с густыми бровями будет более полезен не на военной, а на партийной работе. Именно Хрущев даст старт Брежневу в большую политику.

Но Брежнев никогда публично не скажет, что своему выдвижению в феврале 1954 года на должность второго секретаря ЦК Компартии Казахстана обязан Н.С. Хрущеву. Как и то, что

именно по его рекомендации через год будет «избран» там первым секретарем, а потом в 1956 году вновь вернется в Москву, чтобы стать кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, ближайшим «соратником» первого секретаря Н.С. Хрущева.

Не скажет и потому, что Брежнев явился одной из ключевых фигур смещения Хрущева, чтобы недавнему триумфатору подъема целины в Казахстане стать первым лицом в партии и государстве. Именно Брежнев прервет реформистскую тенденцию, родившуюся на XX съезде КПСС; именно четвертый «вождь» постепенно, но неумолимо переведет рельсы социального движения с курса позитивных перемен на путь возрождения и консервации многих старых большевистских порядков. Во времена Брежнева с новой силой будут везде говорить о «классовом подходе», «непримиримости к империализму», «неизбежности торжества коммунизма». Вновь вздохнут полной грудью армия, КГБ, военно-промышленный комплекс. Снова начнется активная охота за инакомыслящими. Консервативное начало одержит верх во всех важнейших областях бытия.

Неисповедимы пути не только Господни, но и простых смертных. Все семь вождей КПСС и СССР, которые тоже были таковыми, не являются исключением. Брежнев, на словах так активно поддерживавший реформизм Хрущева, оказался его полным антиподом-консерватором.

Оглашая на партийных съездах тезисы о грядущем коммунизме, Брежнев был в плену ностальгических чувств по большевистскому прошлому.

Путь наверх

Судьбе было угодно, чтобы мне довелось некоторое время работать в кабинете, где в течение 1953–1954 годов пребывал в должности заместителя начальника Главного политического управления СА и ВМФ генерал-лейтенант Л.И. Брежнев. С тех давних пор в Главпуре продолжал трудиться подполковник Сергей Мезенцев, бывший адъютант Брежнева в его главпуровские годы. Подполковник негромко рассказывал (ведь в это время Брежнев вознесся так высоко…), что его прежний начальник очень тяготился работой в военно-политическом аппарате. Когда Брежневу приносили утром деловую почту, он морщился и, когда человек из канцелярии уходил, ворчал:

– Опять эти ЧП, учения, собрания и портянки… Надоело…

В командировки по воинским частям и кораблям ездить не любил, отчего с начальником Главпура А.С. Желтовым сложились натянутые отношения.

Как мне рассказывал уже в восьмидесятые годы Алексей Сергеевич Желтов, в аттестации на Брежнева, которую запросили в ЦК из Главпура в те далекие уже годы, он отметил ряд недостатков у своего подчиненного, и в том числе безынициативность и слабое напряжение в работе. В последующем этот документ, конечно, исчез из личного дела генерального секретаря, но Брежнев не забыл обиды: попытки несколько раз представить Желтова к званию генерала армии безнадежно тонули в цековских коридорах.

Брежнев, часто вспоминал Мезенцев, звонил по «вертушке» в ЦК старым друзьям, интересовался обстановкой, просил замолвить слово «наверху» по переводу его на «настоящую работу». И дождался, «дозвонился»!

До 1938 года молодой Брежнев был, по сути, работником «перекати-поле». Сколько он сменил мест жительства и работы! Создавалось впечатление, что этот человек все время что-то искал, перебирал, определялся. Долго не мог найти себя, пока не «сел» на партийную работу Давайте наберемся терпения и прочтем скупые строки, занесенные дотошными кадровиками в дело будущего генсека. Некоторые его перемещения смахивают на ребус.

– В 1921 году – рабочий маслобойного завода в Курске.

– В 1923 году – ученик слесаря, г. Каменск.

– В 1927 году – окончил Курский землеустроительный техникум.

– В 1926 году – находится в Орше, на практике.

– В 1927–1928 годах – переезжает в Свердловск и работает заместителем окружного земельного уполномоченного.

– В 1929–1930 годах – заместитель председателя Бисерского РИКА Свердловской области.

– В 1930 году – заместитель заведующего окружного землеуправления в Свердловске.

– В 1930–1931 годах – студент Института сельхозмашин им. Калинина в Москве.

– В 1931–1932 годах – председатель профкома Института имени Арсеничева в г. Днепродзержинске.

– В 1932–1933 годах – секретарь парткома Института им. Арсеничева в г. Днепродзержинске.

– В 1933–1935 годах – директор металлургического техникума.

– В 1935 году – окончил Каменский металлургический институт (заочно).

– В 1935 году – начальник смены силового цеха завода им. Дзержинского.

– В 1935 году – курсант танковой школы в Чите.

– В 1935 году – политрук танковой роты 14-го мех. корпуса ДВК.

– В 1936–1937 годах – директор металлургического техникума в г. Днепродзержинске.

– В 1937–1938 годах – заместитель председателя горсовета.

В 1938 году – заведующий торготделом Днепропетровского обкома КП(б)У…{712}

Наконец Брежнев добрался до «настоящей» партийной работы, которая, как он напишет в свое время, его «вторая жизнь».

Заводская, сельская, учебная, военная, профсоюзная, советская сферы деятельности… Кажется, все перепробовал молодой коммунист Леонид Брежнев, пока в итоге его не заметил первый секретарь Днепродзержинского горкома партии К.С. Грушевой. Заметил в то время, когда кадровое движение было стремительным, непредсказуемым, тревожным. В стране шла гигантская кровавая чистка. Миллионы людей строили стены гигантского ГУЛАГа и сами же заполняли его горестные бараки.

Такова трагическая диалектика того страшного времени: одних навсегда уносило сталинским ветром в сибирские лагеря, других, как из революционной катапульты, вскидывало в высшие руководящие кресла. Среди этих «счастливчиков» оказался и Леонид Ильич Брежнев. Вообще он всегда был «везунчиком»: в обкомовские апартаменты попал благодаря знакомству с Грушевым; удачно прошел в 1934 году партийную проверку, ни разу не был не только арестован, но и не попадал под подозрение; без единого ранения прошел Отечественную войну; был замечен самим Сталиным и в 1952 году вошел в состав Президиума ЦК КПСС. И хотя после смерти вождя сразу же вылетел оттуда, но не затерялся, не исчез в безликой массе партийных функционеров. Жизнь благоволила этому статному, красивому, чернобровому мужчине не в последнюю очередь и из-за его благожелательного характера: покладистого, компромиссного, незлобивого, общительного.

Еще накануне войны он попал в республиканскую номенклатуру, войдя по рекомендации того же К.С. Грушевого в Днепропетровский обком партии в качестве секретаря по пропаганде, а затем и секретаря, ведающего оборонной промышленностью. Казалось, началась типичная партийная карьера, которая могла привести, «если повезет, в ЦК Компартии Украины, в самом Киеве». О Москве тогда Брежнев и не мечтал. Но все планы спутала война.

О боевом пути бригадного комиссара, затем полковника и генерал-майора так много написано! Он начал свою фронтовую

службу в качестве заместителя начальника политуправления Южного фронта. Ни об одной армии, а их на фронте были десятки, не сказано так много и подробно, как о 18-й армии, где Брежнев с 1943 года был начальником политотдела. Об участии Леонида Ильича в войне сказал и он сам в своей «знаменитой» 48-страничной брошюрке «Малая земля», которую, конечно, все называли «книгой». Все знали, что Брежнев неспособен начертать даже грамотной резолюции, а тут – «книга»…

Она, эта «книга», начинается фразой: «Дневников на войне я не вел»{713}. Но откуда было знать об этом хорошему писателю Аркадию Яковлевичу Сахнину, которому работники аппарата ЦК Черненко, Замятин и Игнатенко поручили писать «Малую землю». Как раз в конце войны Брежнев кое-что записывал, что может походить на дневники. Например, в записной книжке Л. Брежнева, озаглавленной «1944 год», имеется много дневниковых помет типа: «Заместителя начальника 2-й воздушной дивизии следует привлечь к партийной ответственности за мародерство и исключить из партии. Срок – 1 декабря». Брежнев армию знал плохо: были не «воздушные», а авиационные дивизии, и возглавляли не «начальники», а командиры.

Или: «беседовал с т. Мехлис – разрешил забрать коммунистов из заградотрядов…»{714}

Известно, что Брежнев очень не любил не только писать, но и читать. Как вспоминал А.А. Громыко: «Помню, однажды, находясь на отдыхе в санатории под Москвой, я рекомендовал ему книгу о жизни Леонардо да Винчи, даже принес ее. Он обещал прочесть. Но недели через две вернул, сказав:

– Книгу я не прочел. Да и вообще – отвык читать»{715}.

Обычно записки в политбюро, докладные, шифровки из-за рубежа, подготовленные ему проекты речей читали вслух другие люди. Брежнев полулежал в кресле и внимал. Иногда дремал. Очень часто эти, как он выражался, «бумаги» читала ему весьма образованная женщина, сотрудница его аппарата Г.А. Дорошина.

Сам он соизволял регулярно об этом записывать в своих рабочих записях, которые последние полтора десятилетия вел довольно регулярно: по пять-семь строк в день цветным фломастером, крупными буквами, обычно без единого знака препинания. Так вот, в последние годы жизни в порядке исключения он иногда читал лишь «собственные» воспоминания. Например, 9 ноября 1981 года в своих «дневниках» Брежнев записал: «Прочел воспоминания». По-моему, это было перед самым выходом «Воспоминаний» в свет.

Мы отвлеклись, начав рассказывать о «боевом пути» полковника Л.И. Брежнева. Большую часть войны Брежнев прошел

в должности начальника политотдела 18-й армии. Особых отличий не имел. Правда, в «Малой земле» приводится эпизод, когда Брежнев лично лег к пулемету и вел огонь по атакующим фашистам. Писатель Сахнин, как бы читая то, что думал тогда начальник политотдела, живописал: «Только одна мысль владела всем существом: остановить»[716]. Но очевидцев этого солдатского подвига Брежнева так и не нашлось…

Начальник политотдела армии благополучно дошел с войсками до конца войны, став генерал-майором и заработав четыре ордена. После окончания Великой Отечественной Брежнев был назначен начальником политуправления 4-го Украинского фронта, который вскоре преобразовали в Прикарпатский военный округ.

Предметом особой гордости генерал-майора явилось его участие в памятном Параде Победы на Красной площади 24 июня 1945 года в составе сводного полка 4-го Украинского фронта. Впрочем, этим и следовало гордиться. Будучи уже генсеком, Брежнев был избран делегатом на партийную конференцию Московского военного округа. В анкете на вопрос: военное образование? – Брежнев с гордостью написал – «фронтовое».

Всю послевоенную жизнь у Брежнева любимые воспоминания были о войне. И он здесь не одинок. Я давно заметил, что участники войны самой красной строкой своей биографии считают фронтовые годы. Надо отдать ему должное: Брежнев не забывал своих фронтовых товарищей. Многим из боевых друзей помогал, встречался с участниками боев под Новороссийском, вообще теме Великой Отечественной войны всегда уделял приоритетное внимание.

Примерно до начала восьмидесятых годов у власти, особенно на верхних ее этажах, находились участники минувшей войны. Оценивая их личное участие в страшной схватке, стоит сказать, что почти никто из руководства не задался вопросом: почему СССР потерял в войне в несколько раз больше, чем агрессор? Сталин, Хрущев, Горбачев последовательно называли цифры безвозвратных потерь советского народа в войне: 8, 20, 27 миллионов человек. Все генсеки, как и Брежнев, дружно говорили, что Великая Победа пришла «благодаря огромным преимуществам социалистического государственного и общественного строя, благодаря руководящей роли КПСС…». А может быть, и даже наверняка, все эти колоссальные потери и стали возможны вследствие господства тоталитарного строя и монополии одной партии на власть? Разве не ясно, что только мощь духа народа, его стоицизм, беспримерный героизм сделали Победу реальностью?

Но ни Брежнев, ни его предшественники и наследники на генсековском посту не хотели и не могли сказать народу исторической правды.

После войны Брежнев стремительно пошел вверх: уже в августе 1946 года он выдвигается на должность первого секретаря Запорожского обкома КП(б) Украины, а в ноябре 1947 года становится первым секретарем Днепропетровского обкома партии. Хотя считалось, что секретарей «избирали», в действительности их «предлагали» вышестоящие партийные органы, и пленумы дружно, обычно «единогласно», поддерживали волю верхов. В обоих случаях инициатива «избрания» Брежнева первым лицом одной, а затем и другой области исходила от Н.С. Хрущева, а конкретно на заседаниях «озвучивал» эту волю секретарь ЦК КП(б)У Л.Г. Мельников.

В то время страна титаническими усилиями освобождалась от последствий войны. Дело это было страшно трудное, ибо вскоре после Победы резко обозначилось острейшее противостояние двух миров: коммунистического и буржуазного. Армия оставалась огромной. Приходилось рассчитывать только на себя. Патриотические чувства народа не заглохли и после войны. Путем диктаторских методов, жестких директив центра, постоянного контроля спецслужб люди делали, казалось бы, невозможное. Брежнев был одним из партийных функционеров среднего звена, главной задачей которых было полное, безусловное исполнение директив Кремля.

Воспоминания очевидцев того времени позволяют сделать вывод: Брежнев, что встречалось тогда не часто, «брал» не жесткостью, бесцеремонным администрированием и угрозами, а доброжелательностью и терпимостью. Сам первый секретарь не особенно вмешивался в дела своих подчиненных, больше полагаясь на выработанную у аппарата привычку к исполнительности. При всем том, что мы знаем и говорим о «позднем» Брежневе – ленивом, тщеславном, недалеком вельможе, – «ранний» Леонид Ильич, по крайней мере, выделялся среди других искренней доброжелательностью к людям.

В июле 1950 года Брежнева неожиданно вызвали в Москву. На Старой площади ему объявили, что секретарь ЦК ВКП(б) Н.С. Хрущев рекомендует его первым секретарем ЦК КП(б) Молдавии. Конечно, по экономическому потенциалу Молдавская ССР раза в три-четыре уступала Днепропетровской области. Но в партийной и государственной иерархии первый руководитель республики котировался значительно выше обкомовского поста. Брежнев, не раздумывая, согласился, особенно после того, когда узнал, что «товарищу Сталину известно предложение товарища Хрущева и

он поддерживает его».

Маленков, а затем и Хрущев, напутствуя Брежнева в дорогу, особо наставляли: быстрее завершить в Молдавии коллективизацию и покончить с влиянием буржуазной Румынии. Брежнев согласно кивал головой, что-то помечал в блокноте и уже мыслями был на Днестре, прикидывая, кого из своих сотрудников прихватить из Днепропетровска.

К слову сказать, это была широко распространенная, негласная практика, когда перемещаемые с места на место «вожди» регионального масштаба брали с собой особо полюбившихся работников. У Брежнева это просматривается особо рельефно. Передвигаясь по партийной иерархической лестнице, Леонид Ильич «тащил» за собой наиболее преданных ему людей.

Работая в Главпуре, мне удалось выписать из личного дела Брежнева один характерный документ, составленный в 1942 году инспектором ПУ РККА полковым комиссаром Верхорубовым после проверки работы политуправления Южного фронта. Там говорится: Брежнев «черновой работы чурается. Военные знания т. Брежнева весьма слабые. Многие вопросы решает, как хозяйственник, а не как политработник. К людям относится не одинаково ровно, склонен иметь любимчиков». (К слову, позже эта нелестная характеристика из личного дела Брежнева, хранившегося в ЦК, тоже исчезла.) Но я хотел обратить внимание читателей на меткое наблюдение Верхорубова: «Склонен иметь любимчиков…»

В последующем многие из его «любимчиков», хороших знакомых в числе как «начальников», так и подчиненных, перебрались не без помощи Брежнева в Москву, где заняли весьма влиятельные посты. К ним следует отнести К.С. Грушевого, С.К. Цвигуна, Г.К. Цинева, А.П. Кириленко, И.И. Бодюла, П.Е. Шелеста, К.У. Черненко, П.К. Пономаренко, Н.А. Щелокова, СП. Трапезникова и многих других.

Брежнев на первых порах активно занялся в Молдавии как сельским хозяйством, так и промышленностью, не забывая и про идеологию. Выступая осенью 1950 года на совещании секретарей райкомов, Брежнев, памятуя про указания Маленкова в ЦК, особенно напирал: «Дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление колхозов требует еще более решительной борьбы с остатками кулачества и буржуазных националистов путем улучшения работы наших органов (имеется в виду НКВД. – *Д.В.*). Надо еще сильнее возбудить ненависть трудящихся против злейших врагов народа – кулачества и буржуазных националистов»{717}.

В то время для Брежнева, как и для всех советских людей, был один авторитет – Сталин. Выступая в Кишиневе на совещании женотделов в декабре 1950 года, первый секретарь республиканской партийной организации, как заклинание, утверждает: «Укрупнение колхозов рекомендует товарищ Сталин. Колхозники знают, что, раз товарищ Сталин рекомендует, значит, это дело важное и полезное»{718}. Как все просто и ясно для партийного лидера республики! Впрочем, так было везде, а не только в Молдавии: тоталитаризм не в состоянии обходиться без догматизма и поклонения вождям.

Делая доклад на III съезде Компартии Молдавии, Брежнев уделил особое внимание идеологическим делам в республике. Желая высмеять начетничество некоторых работников, докладчик привел пример, когда «редактора районной газеты Новака попросили разъяснить значение гениального ленинского труда «Что делать?». Вот что ответил слушателям Новак, продолжал Брежнев: «Ленин прочитал книгу Чернышевского «Что делать?» и написал свою книгу «Что делать?». Но это не та книга Чернышевского «Что делать?», а другая, ленинская, книга «Что делать?». Ее значение заключается в том, что она основная, организационная, руководящая. Другие работы Ленина тоже руководящие, но эта особенно руководящая»{719}.

Однако рекомендации Брежнева, какой должна быть настоящая работа, мало отличаются по уровню от рассуждений незадачливого «товарища Новака». Первый секретарь республики внушает: «Товарищ Сталин говорит: вот кусок дерева, снимаем с него кору, потом делаем доску, сделали еще тоньше, потом покрыли лаком. Сколько прошло операций! А тем более с живым человеком, чтобы человек руководил и не совершал ошибок, нужно положить очень много труда. Тем более в нашей работе»{720}.

Таковым являлся уровень воспитания, который, однако, формировал исполнительных людей, догматически и механически мыслящих категориями «руководящих» трудов не только «основоположников марксизма-ленинизма», но и местных, региональных лидеров сталинской закалки. Таким был и Брежнев, как и тысячи ему подобных.

Крупной вехой в жизни Брежнева и его движении наверх стал XIX съезд партии, который вопреки уставу не собирался целых 13 лет. Это был последний съезд в жизни Сталина. Накануне главного форума коммунистов первого секретаря молдавской парторганизации предупредили, что он будет выступать на съезде. Почти за месяц до его открытия, 5 октября 1952 года, Брежнев представил в Москву проект своего

выступления, над которым долго сидел отдел пропаганды в Кишиневе. На Старой площади отредактировали и «довернули» выступление Брежнева.

На четвертый день работы съезда Брежневу предоставили слово. Речь кишиневского руководителя была под стать другим выступлениям: славословия в адрес вождя, рассказ о достижениях, снова панегирики Сталину… Но вождь, похоже, заметил Брежнева, ибо на организационном пленуме ЦК сам Сталин, предлагая состав Президиума ЦК (так стало называться политбюро), неожиданно для Леонида Ильича назвал фамилию Брежнева, как человека, которого он рекомендует секретарем Центрального Комитета и кандидатом в члены Президиума… Брежнев был потрясен! Самое большее, на что он мог рассчитывать, – войти в состав ЦК КПСС… А здесь – прямо в «штаб ленинско-сталинской партии».

Однако через пять месяцев после съезда умирает Сталин. Его старые соратники тут же «сократили» более чем наполовину состав Президиума, предложенный Сталиным. Брежнев еще не успел осмотреться, оглядеться, прижиться в Москве, ни разу не побывал на личной беседе у вождя и… такое нежелательное развитие событий. Но я уже говорил, что Брежнев был «везунчиком».

Полтора года он вновь номинально отдал военной партполитработе, постоянно, но осторожно напоминая о себе Старой площади. Он хотел, и не скрывал этого, вернуться на партийную работу в одну из республиканских организаций. Побыв первым секретарем обкома, первым секретарем в Молдавии, Брежнев почувствовал, сколь абсолютна власть этих людей со всевозможными благами и привилегиями. Главное, работая на высоком посту в провинции, не «прохлопать» очередное указание Москвы и «дать» план хлебозаготовок и всего другого, что предписывалось, а еще лучше и сверх плана.

Со временем, когда Брежнев обосновался в столице на самом высшем посту, он продолжал старую сталинскую традицию «выколачивания» плана. В рабочих записях генсека много, например, таких помет: «12 августа 1973 г. говорил по телефону с Бондаренко из Ростова. Он назвал 270 миллионов пудов. После разговора со мной обещал дотянуть до 300 миллионов… Поговорил с Машеровым. Он назвал 60 миллионов. Даст 70 миллионов пудов…»{721}

Если дашь план, вовремя откликнешься на новую инициативу, удачно отрапортуешь Москве по соцсоревнованию, то жизнь «первого» в области или республике не сравнишь и с губернаторской. Царские наместники не могли даже мечтать о

такой абсолютной власти, которой обладали первые секретари коммунистической партии.

А Брежнев пока ждал. Генерал-полковник А.С. Желтов, хотя явно и недолюбливал своего ленивого заместителя, не решался принять к нему строгие меры. Как-никак был секретарем ЦК КПСС… А вдруг его опять позовут? Так и вышло. Позвали.

В январе 1954 года Брежнева вызвали в ЦК. И вновь сначала побывал у Маленкова, а затем у Хрущева. Предложили послать в Казахстан вторым секретарем ЦК Компартии республики. «Вам поручается возглавить государственное дело по дальнейшему подъему целины», – заявил Хрущев. Брежнев без колебаний согласился, хотя его согласия и не спрашивали. Тем более «первым» туда посылался П.К. Пономаренко, которого Брежнев хорошо знал.

В Алма-Ате по приезде новых назначенцев закипела работа по масштабному поднятию целинных земель. К этому времени состоялся пленум ЦК КПСС, принявший постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Президиум ЦК рассчитывал в результате сверхусилий страны в течение двух лет поднять и освоить 10–15 миллионов гектаров целинных просторов и таким образом решить зерновую проблему в стране. В своей брошюрке «Целина» (впрочем, писал ее способный журналист Александр Мурзин) Брежнев сообщает, что «предстояло распахать площадь, превышающую размеры всей Англии»{722}. И несмотря на то, что личное «курирование» целинной операции возложил на себя Хрущев, у Брежнева в его книжке не нашлось доброго слова о своем патроне. Хотя именно Хрущев в марте 1955 года, отправив Пономаренко послом в Польшу, предложил Брежнева на пост первого секретаря Казахстана.

Вообще в карьере Брежнева решающую роль сыграл Хрущев. Фактически все многочисленные выдвижения Брежнева, с послевоенного периода и до 1960 года, когда фаворит Хрущева стал Председателем Президиума Верховного Совета СССР, инициировались Никитой Сергеевичем. Хотя по отношению к Брежневу первый секретарь порой бывал весьма крут (как и к другим). Хрущев, последовательно выдвигая своего протеже, безусловно, был уверен в его лояльности. Тем более что Брежнев не засиделся в Казахстане: пробыв там всего два года, он вернулся в Москву. И вновь по рекомендации Хрущева Брежнев получает повышение: в феврале 1956 года становится кандидатом в члены Президиума Центрального Комитета партии и секретарем ЦК. Теперь Брежнев со Старой площади, цитадели и

«штаба» КПСС, не уедет никуда до самых своих похорон.

Еще в те годы многие политики и хозяйственники, встречавшиеся с Брежневым, удивлялись: как человек столь посредственных способностей, ограниченного кругозора поднялся так высоко? Действительно, статный, красивый, радушный и благожелательный, Брежнев был малообразованным человеком. В своих рабочих записях, резолюциях, пометах он делал множество ошибок (обесзкуражить, Бон (вместо Бонн), хокей, Ново Сибирск, Веньгрия, Дюсендорф, Чаушестку, Шерванадзе, Кисенджер и т. д. и т. п.). Мне несколько раз приходилось присутствовать при выступлениях Брежнева. В начале семидесятых годов он выступал в большом зале Главпура перед военачальниками. Как только отрывался от текста, мы слышали речь малограмотного человека, но довольно живую и житейскую.

В его многочисленных записях трудно найти какие-то глубокие идеи, обобщения, новации. Везде уровень того пропагандиста Новака из Кишинева, пример с которым приводил когда-то сам Брежнев.

И все же, почему Брежнев рос, делал карьеру, поднимался все выше и выше?

Дело в том, что в политике, которая редко бывает моральной, чистой, одна из форм компромисса – согласиться с выдвижением явной посредственности, чьи слабости пытаются использовать противостоящие или оппонирующие друг другу силы.

Политически бесцветный человек может оказаться нужным сразу многим: в одном случае как переходная, временная фигура (так думали вначале и о Брежневе), как форма межличностного согласия, как фигура, которую используют в качестве марионетки. К слову сказать, в конце своей жизни Брежнев, которого славили на каждом официальном углу и одновременно рассказывали о нем бесчисленные анекдоты почти на каждой кухне, превратился именно в марионетку. Такие влиятельные члены политбюро, как М.А. Суслов, Ю.В. Андропов, Д.Ф. Устинов, К.У. Черненко, В.В. Гришин, Н.А. Тихонов, А.А. Громыко, «крутили» Брежневым как хотели. Слабость характера, физическая немощь, интеллектуальная серость делали Брежнева весьма удобным предметом – символом всесоюзного руководителя, решения которого, однако, готовились другими.

Чем выше поднимался Брежнев на Олимп власти, тем заметнее она выскальзывала из его рук. Но выпасть не могла, ибо ею фактически распоряжались его ближайшие соратники: Андропов и Черненко.

Тоталитарная система может функционировать и без персонального диктатора.

От стабильности к стагнации

Всегда есть немало людей, которых природа весьма экономно наделила интеллектуальными способностями. Лидер КПСС был одним из таковых. Думаю, что Брежнев это и сам понимал, ибо в СССР давно сложилась система, когда партийный аппарат (а он всегда был огромным, опытным и влиятельным) часто предрешает те или иные вопросы, берет на себя многие функции высших руководителей.

При обсуждении или рассмотрении любого вопроса к генеральному секретарю поступают уже «проработанные» на уровне отделов ЦК документы, с готовыми проектами решений, резолюций, различными справками, аналитическими выводами, текстами речей, даже самых кратких выступлений. Партийные чиновники всегда играли в СССР огромную роль, ибо выработка конкретного решения, как правило, начиналась по инициативе отдела, сектора ЦК. Инициативы со стороны, снизу, всегда встречались подозрительно и принимались к «производству» лишь после тщательной аппаратной «экспертизы».

Фактически после Сталина все генсеки (первые секретари) были добровольными пленниками всесильного аппарата. Никто из них, даже Горбачев, не смог вырваться из цепких бюрократических объятий партийного механизма. В годы брежневского руководства роль аппарата начала приближаться к своему апогею, достигнув его в тот год, когда у руля КПСС и государства стал самый обыкновенный, стопроцентный партийный чиновник К.У. Черненко.

Всесилие аппарата делало генсеков марионетками партийной машины. В результате страна все время вступала в будущее с большим историческим запаздыванием.

При рассмотрении вопросов на политбюро завершающий акт был продуман до деталей: роли расписаны и «сценарий» хорошо отработан. Мне самому не раз приходилось готовить выступления на политбюро министрам обороны Гречко, Устинову, Соколову, являвшимся членами высшей партийной коллегии. Странно представить, но часто члены политбюро фактически зачитывали друг другу 2–3 листа текста, подготовленного инструкторами, референтами, помощниками. Все стремились «попасть» в одну точку, даже генеральный секретарь. Как правило, принципиального отклонения от известного уже всем проекта решения не было. Даже генсек, не всегда согласный с отдельными положениями предстоящего решения, как правило, поддерживал общую линию.

Обсуждая 27 декабря 1973 года вопрос о том, как работали в

истекшем году политбюро и секретариат, Брежнев заявил: «Я, например, подписываю некоторые решения, хотя с ними не согласен. Правда, таких решений было очень немного. Так я делаю потому, что большинство членов политбюро проголосовало «за»{723}.

На съездах, пленумах ЦК, крайкомов, обкомов все придерживались «общей линии» ЦК. Критика и особое мнение звучали только по частным или хозяйственным вопросам. Для брежневского правления было особенно характерно спокойно-убаюкивающее рассмотрение партийных и государственных проблем. Брежнев и его соратники старались не делать «резких движений», не нарушать плавного течения партийной и общественной жизни. Это происходило в значительной мере потому, что многие вопросы решались лишь словесно, декларативно, формально.

Престарелые члены брежневского политбюро особо ценили стабильность, неизменность, однозначность курса и принимаемых решений. На том же заседании политбюро, на которое я выше ссылался, Брежнев, как достижение огромного значения, отметил: «Мы, товарищи, с вами работаем в согласии, в духе ленинских заветов… У нас в партии полное единство, нет никаких оппозиционных группировок и нам с вами легче решать все вопросы…» Генеральный секретарь, правда, посетовал, что «дружный коллектив политбюро ведет огромную работу. Мы нередко, конечно, устаем, перегружаем себя, но все это, товарищи, ради общего блага нашей страны, все это ради служения нашей великой ленинской партии, нашему народу. Иногда приходится отбрасывать усталость, чтобы решить тот или иной вопрос…»{724}

В своих выступлениях Брежнев нередко подчеркивал, что обстановка в стране стабильна, спокойна, благоприятна. На заседания секретариата ЦК Брежнев ходил очень редко, ограничивая свое руководство высшей коллегией – политбюро. Но вот 20 ноября 1972 года он председательствовал на секретариате. Открывая заседание, генсек заявил: «В общем и целом я рад, что у нас все идет нормально, каждый работает на своем посту много и плодотворно, в общем и целом все задачи решаются своевременно и правильно, решаются как оперативные вопросы, так и проблемные»{725}.

Убаюкивающая безмятежность, боязнь радикальных реформ или каких-то существенных перемен были характерны для времени брежневского правления. То было полным торжеством самых глубоких консервативных начал. После хрущевской реформистской оттепели наступила долгая брежневская

консервативная зима.

Бесспорно, стабильность – важное позитивное явление как в экономическом, социальном, так и в международном плане. Но важен уровень и качество состояния, на котором существует эта стабильность; характер и показатели прогресса в различных областях жизни. А они, эти показатели, были очень далеки от того, чтобы предаваться благодушию.

Вместе с тем, надо сказать, что для стабильности в обществе и руководстве были определенные объективные и субъективные предпосылки. Прежде всего, после свержения Хрущева возникло состояние некоего «исторического центризма». Путь хрущевских реформ был отвергнут вместе с его вдохновителем. Хотя формально о реформах еще говорили. Например, почти через год после устранения Хрущева первый секретарь, выступая 29 сентября 1965 года на пленуме ЦК, утверждал: «Чтобы в полной мере использовать все возможности социалистического способа производства, предлагается усилить экономический метод управления хозяйством…» Заговорили о материальной заинтересованности, повышении производительности труда, хозрасчете. Но именно только заговорили… Управляли по-прежнему директивами и постановлениями ЦК.

Несмотря на откровенные симпатии многих членов политбюро к сталинизму, возвращение к нему оказалось невозможным. XX съезд партии (великая заслуга Н.С. Хрущева) исторически развенчал сталинские методы, и большая часть общества навсегда духовно отторгла ужасы большевистской диктатуры. Поэтому, возможно, даже против воли советских руководителей незаметно сложился некий «новый» путь: между реформизмом Хрущева и диктатурой Сталина.

Этот исторический центризм пытался сохранить инерцию движения, ничего кардинально не меняя и не реформируя. И хоть о реформах нет-нет да и говорили, они, эти реформы, были в основном словесными. Так же изредка слегка осуждали пресловутый культ личности, не опускаясь до выяснения генезиса и причин возникновения сталинской формы «социализма».

Если взять период от чехословацких событий 1968 года (в начале «правления» Брежнева) до вторжения в Афганистан в 1979 году (на излете карьеры генсека), то это было самое спокойное десятилетие в советской истории. И хотя впоследствии этот исторический отрезок пути, на котором «топтался» СССР, назвали временем «застоя», нельзя отрицать значения стабильности этих лет, так редко посещавшей Россию в ее истории. Вопрос в ином: какой исторической ценой была обеспечена эта относительная стабильность.

Другое обстоятельство, отразившееся на состоянии стабильности советского общества, это достижение СССР военно-стратегического паритета с США. Долгая погоня за американцами в области накопления ядерных зарядов и создания ракетных носителей к ним ознаменовалась в семидесятые годы достижением зыбкого военного равновесия. Но это стоило СССР столь высокой милитаризации экономики, что грозило ей деградацией, дальнейшим ухудшением социального положения населения страны. Участие в гонке вооружений исторически «подрезало жилы» директивной экономике. Это означало приближение в грядущем глубокого, всестороннего кризиса системы.

Одновременно противостоящие стороны все больше приходили к пониманию того, что попытка разрешения непримиримых противоречий ядерным способом равносильна уничтожению всего живого на планете. Все сильнее в СССР, как и в США, утверждалась мысль: мало разрядки политической, нужна и военная разрядка. И стоит сказать, что годы брежневского руководства дали в какой-то период определенные положительные результаты в сфере международных отношений.

Программа мира, одобренная XXIV съездом КПСС, носила не только пропагандистский характер. Достаточно сказать, что в июне 1973 года Брежнев и Никсон подписали в Вашингтоне документ исторического значения о предотвращении ядерной войны между СССР и США. Возможно, это обстоятельство не в последнюю очередь позволило Брежневу, выступая по американскому телевидению, заявить 24 июня 1973 года: «Мы гордимся тем, что создали новое общество – самое стабильное и уверенно развивающееся общество…»{726}

Следует отметить, что в деле достижения военно-стратегического паритета с США значителен и личный вклад лидера КПСС. Еще в годы пика популярности Хрущева Брежнев по заданию политбюро основную часть своего времени уделял работе с военно-промышленным комплексом. В рабочих записях Брежнева, например, за 1958 год, весьма бессистемных и трудно читаемых, то и дело значится: «Решить вопрос о создании новых КБ», «О ракетах Челомея (крылатые ракеты)», «Задания Устинова», «Туполев переговорил с Челомеем», «О строительстве новых лодок», «О самолетах-мишенях». В дневниковых записях сотни фамилий оборонщиков, с кем он говорил, кого вызывал, кому давал поручения. Здесь встречаются фамилии многих известных деятелей ВПК: Устинова, Ломако, Славского, Задемидко, Забалуева, Янгеля, других. В дневнике многочисленные пометы о телефонных разговорах Брежнева с

директорами 166, 897, 379, 174, 47, 24-го, других «номерных» заводов.

Все эти записи вперемежку с другими: «Звонил Н.С. В 1 час обедали вместе», «Уехал в 4 часа на охоту с Юрой», и т. д.{727}.

По существу, стабильность общества обеспечивалась тем, что гигантский корабль системы долго использовал социальную инерцию хрущевского периода, подпитывая энергию едва заметного движения вперед все новыми и новыми кампаниями, директивами, партийными постановлениями «исторических пленумов».

Так, выступая 27 ноября 1978 года на пленуме ЦК КПСС, Брежнев, с трудом выговаривая слово «социализм», подчеркнул некоторые положения, характерные для лет его правления. «Позади три года десятой пятилетки, – заявил оратор. – Это были хорошие годы. Многое удалось сделать. Многое изменилось к лучшему». А далее, как всегда, осторожно, приглаженно, глухо говорил, что «ряд материальных балансов составлен с напряжением. Сохраняется дефицитность некоторых видов ресурсов… Медленно улучшается положение в капитальном строительстве… Непростое положение сложилось на транспорте, особенно железнодорожном… Потери зерна, картофеля, овощей и фруктов остаются весьма значительными…». И в этом же духе почти обо всех сферах народного хозяйства. Причины? Вновь общая глухая констатация: «Центральные хозяйственные органы, министерства и ведомства медленно осуществляют перевод всей экономики на рельсы интенсивного развития. Они не сумели добиться нужного улучшения качественных показателей работы, ускорения научно-технического прогресса»{728}.

Для трезвомыслящих людей давно уже было ясно: страна вступила в полосу исторического штиля: паруса обвисли, ибо уже ни один ветер для коммунистического корабля не был попутным. Партийное правление в центре и на местах характеризовалось внешней «директивной» активностью и внутренней пассивностью. В обществе нарастала социальная апатия. Процветала коррупция на всех уровнях: чем выше – тем больше. Стала обычной практика приписок, обмана, парадной, показушной информации. Окружение генсека представляло типичный «двор» с многочисленными фаворитами, интригами, кознями. Брежнев, будучи по характеру довольно мягким человеком, на все смотрел сквозь пальцы, даже на неблаговидные проделки своих родственников. Знакомые и близкие генсека стали оказывать большое влияние на аппаратную ситуацию. Набрали силу его выдвиженцы К.У. Черненко, Н.А. Тихонов, К.С. Грушевой, Г.К. Цинев, С.К. Цвигун, СП. Трапезников, Г.Э. Цуканов, другие

приближенные стареющего и разваливающегося лидера. Черта, замеченная в начале войны работником тогдашнего Глав-ПУРККА (Главное Политическое управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии) Верхорубовым о том, что Брежнев «склонен иметь любимчиков», приняла гротескные формы.

Все очевиднее становилось, что Брежнев во внутренней политике не обладает ни политической волей, ни широкими экономическими взглядами, ни ясным видением реальных перспектив. Вследствие застоя в центральных структурах, происходила заметная «феодализация» местных партийных комитетов в республиках, краях и областях. Первый секретарь, допустим, обкома партии обладал в области почти неограниченной властью, что развращало людей, укрепляло атмосферу социального пессимизма, ханжества, духовного дуализма. Люди, как Тартюф из пьесы Мольера, говорили одно, думали и делали другое.

Впрочем, духовный, нравственный дуализм существовал в обществе уже давно. Даже сам Брежнев не был свободен от его проявлений. Просматривая в архиве генсека записные книжки, блокноты, настольные календари Брежнева, я не раз натыкался на странные записи, меченные 1959, 1960 годами, в которых он подобострастно отзывается о Хрущеве.

– 28-го встречали Никиту Сергеевича, радостная и приятная встреча. Народ не давал проехать. Хороший митинг в Лужниках и вечер – ужин на Ленинских горах.

– Выступление Н.С. было очень хорошим…

Хотя уже давно Брежнев, как выяснилось позднее, относился к Хрущеву весьма недоброжелательно.

Думаю, что Брежнев делал эти записи в настольных календарях в расчете, что его лояльность к первому секретарю непременно станет тому известной. Ведь сегодня уже точно установлено, что подслушивание телефонных разговоров членов политбюро, копание в их личных бумагах было обычным, «нормальным» делом вплоть до 1990 года…

По свидетельству более поздних записей и выступлений на политбюро Брежнева, он совсем не питал любви к своему предшественнику. Но такова была ханжеская партийная мораль.

Возможно, возрастающее недовольство социальным и экономическим штилем, крайне низким качеством жизни подвигли одного советского гражданина к редкой форме политического протеста в СССР – террористическому акту против генсека.

В январе 1969 года Москва встречала космонавтов, вернувшихся с орбиты. В кавалькаде машин, направлявшейся в

Кремль, были не только космонавты, но и генеральный секретарь. У Боровицких ворот Кремля младший лейтенант Виктор Иванович Ильин, добывший милицейскую форму у своего родственника, открыл огонь из пистолета по головной машине. Но Брежнев находился в другом автомобиле. Погиб водитель лимузина; космонавты и Брежнев не пострадали.

Ильина решили не судить – невыгодно; политический резонанс может быть нежелательным. Через два месяца у Ильина определили хроническое душевное заболевание в форме шизофрении. До этого случая считался совершенно здоровым… Террорист провел в Казани в специальной психиатрической лечебнице 18 лет и затем еще два года в Ленинграде. Через 20 лет принудительного лечения в 1990 году выписан из больницы, как излечившийся…

Естественно, 9-е Главное управление КГБ, занимавшееся охраной членов политбюро, утроило свою бдительность, хотя Брежнев не страдал, как Сталин, манией преследования и комплексом опасности. Похоже, что сам он не придал этому инциденту серьезного значения.

В обстановке усилившейся бюрократизации, продажности, господства двойных моральных стандартов наиболее последовательно поддерживали Брежнева военные, особенно Маршал Советского Союза Д.Ф. Устинов. Мне много раз довелось бывать на заседаниях коллегии Министерства обороны, которые вел Устинов. Почти всегда маршал начинал заседание с панегириков в адрес генерального секретаря:

– Я только что разговаривал с нашим дорогим и любимым Леонидом Ильичом. Он передает вам всем привет и желает больших успехов…

И так практически всегда. Складывалось впечатление, что и Устинов говорил это в расчете, что его хвалебные тирады дойдут и неофициально до генерального секретаря.

Лесть, подхалимство, протекционизм были нормами тогдашней жизни. И хотя сегодня многие пороки прошлого, особенно коррупция чиновников, достигли позорных высот, истоки разложения коренятся в самой тоталитарной системе и ее наследии. Отсутствие демократических традиций, цивилизованного опыта управления, слабость гражданского общества, игнорирование прав человека не могли исчезнуть безболезненно и быстро. Грешно, конечно, все валить на прошлые пороки, но учиться не повторять их сегодня следовало бы более настойчиво и последовательно. Таким образом, «самое спокойное и стабильное» общество несло в себе явные тенденции стагнации и разложения тоталитарного государства. Не Горбачев

«придумал» перестройку, а истоки неизбежных и неясных еще перемен рождались в самой ткани социалистического общества. «Эпоха» Брежнева, по сути, создала «плацдарм» для грядущих социальных и политических потрясений в СССР, приведших, к несчастью, к его распаду.

В годы брежневского руководства страна исчерпала возможности, которыми обладала директивная экономика; стали карикатурными методы бюрократического управления с позиций «Слава КПСС!», подверглись глубокой эрозии коммунистические «ценности». Общество вплотную приблизилось к пределу «социалистических возможностей».

Стагнация, выразившаяся в застое и загнивании социально-экономических и политических основ функционирования «развитого социализма», проявилась в целом ряде тенденций.

Прежде всего, вынужденный отказ от старых репрессивных методов управления обществом показал, что партийная верхушка не располагает другими эффективными механизмами влияния на экономический рост, социальную обеспеченность, духовное развитие. Но огромный аппарат принуждения сохранялся. Хотя он не мог быть в полной мере применен так, как в 30-40-50-е годы, сама угроза его использования существовала всегда. Однако в экономике это уже больше не «срабатывало». Темпы роста во многих областях промышленности становились нулевыми. Все больше хирело сельское хозяйство. Политбюро регулярно занималось выделением все новых и новых десятков и сотен тонн золота на закупку продовольствия на Западе для гигантской страны. В СССР все большее количество предметов потребления становилось дефицитным, что подстегивало коррупцию и экономическую преступность.

Гигантская страна «забуксовала». А брежневское политбюро как бы не хотело замечать этого. Характерны, например, такие моменты из жизни политбюро. Ежегодно в декабре или январе наступающего года члены политбюро подводили итоги своей собственной организационной работы. Состоялось такое рассмотрение дел и 3 января 1980 года. Брежнев предоставил, как обычно, слово своему фавориту К.У. Черненко. Страна, медленно двигавшаяся к эфемерной цели, как бы споткнулась и остановилась в своем экономическом развитии, а любимец Брежнева бойко сыпал на заседании бюрократическими цифрами:

«…За год состоялось 47 заседаний политбюро, на которых было рассмотрено около 450 вопросов, принято свыше 4 тысяч постановлений. Рассмотрены:

Оргпартвопросы – 14

Вопросы идеологии – 46

Военно-оборонные вопросы – 227

Вопросы промышленности, транспорта, капитального строительства – 159

Вопросы внешней политики и внешней торговли – 1845

Вопросы планирования народного хозяйства – 11

Кадровые вопросы – 330

Вопросы о правительственных наградах – 927»{729}

И далее в том же духе…

Никакого беспокойства и тревоги. Идет война в Афганистане. Сорвана разрядка. Топчутся на месте сельское хозяйство и промышленность. На местах усиливается власть партийных князьков. А члены политбюро демонстрируют поразительное благодушие.

Черненко в ходе доклада особо подчеркнул, что «пленумы ЦК в минувшем году проходили в обстановке полного единодушия». Тут же последовали реплики:

Андропов: Это совершенно правильный вывод. Пленумы действительно проходили в обстановке полного единодушия.

Пельше: И решения принимались так же единодушно.

Когда Черненко доложил, что кроме заседаний политбюро проведено и 51 заседание секретариата ЦК, где было принято 1327 постановлений, вновь послышались возгласы:

Суслов. Андропов: Как политбюро, так и секретариат проходят в обстановке полного единодушия…{730}

Для брежневского политбюро важнее темпов экономического роста было соблюдение ленинской традиции: «Сохранение полного единодушия». Летаргия брежневского руководства продолжалась. Партийные руководители страны оказались не в состоянии ответить на вызовы времени, когда ленинская система, основанная на принуждениях, насилии, идеологических директивах, полностью исчерпала себя.

Стагнация была особо обусловлена непомерными усилиями государства в военной области. Как событие исторического значения было расценено достижение стратегического паритета между СССР и США. Но меньше говорили о том, что американский экономический потенциал был фактически в два раза мощнее советского и Америка совсем не прилагала сверхусилий. В Вашингтоне верно оценивали ситуацию: чтобы поразить противника на дуэли, не обязательно дуэлянту иметь дюжину пистолетов, а достаточно одного абсолютно надежного. Белый дом, Пентагон измотали СССР гонкой вооружений, в которую так явно и бездумно включились советские руководители. Они вроде бы добились своей стратегической цели: паритет Советским Союзом был достигнут, но ценой,

которая, наряду с другими причинами предопределила будущий крах СССР.

Когда в 1980 году А.Д. Сахаров в своем открытом письме Л.И. Брежневу написал: «В СССР усиливается разорительная сверхмилитаризация страны (особенно губительная в условиях экономических трудностей), не осуществляются жизненно важные реформы в хозяйственно-экономических и социальных областях…»{731}, генеральный секретарь не стал читать текста. Он поручил его передать Андропову: пусть полицейское, сыскное ведомство разбирается с отступником, который уже находился в своей горьковской ссылке. Брежнев, как и его политбюро, были совершенно глухи к трезвым предупреждениям.

Занимаясь на протяжении ряда лет, до того как стать первым лицом в партии и государстве, оборонными вопросами, Брежнев незаметно для себя идентифицировал положение в военно-промышленном комплексе страны с общим состоянием экономики государства. Генсек считал (это следует из его записей и выступлений на политбюро), что ВПК – «зеркало народного хозяйства». А то, что «оборонка» поглощала львиную долю ресурсов в ущерб народному хозяйству, это до высшего руководителя доходило плохо. ВПК при Брежневе достиг своего апогея. Результатом стало быстрое углубление экономического кризиса, стагнирование всей экономики, что привело в конечном счете к драматическим переменам в стране после 1985 года, когда Брежнева уже не было в живых.

Стабильность все быстрее приобретала черты классической стагнации и в результате глубокого игнорирования гуманитарных, человеческих проблем. Общественность Запада, да и государственные структуры капиталистических стран сделали главным объектом своих массированных атак на коммунистическую систему права человека. СССР «ответить» на это было фактически нечем. Со времен Ленина права и свободы личности считались «буржуазными» атрибутами, областью империалистических диверсий и спекуляций.

При общей стагнации общества и системы в брежневские времена резко «прибавил» военно-промышленный комплекс (были достигнуты и выдающиеся научно-технические достижения), усилились виды Вооруженных Сил. Но особенно окреп Комитет государственной безопасности. Он не только держал под своим контролем духовную, политическую жизнь страны, но и активно проводил политику КПСС за рубежом. Чем он только там не занимался! Вот лишь одна иллюстрация.

Летом 1969 года в Иерусалиме вспыхнула от поджога мусульманская мечеть Аль-Акса. Это вызвало гневную реакцию не

только в мусульманском мире, но в том числе и в Дели. Андропов пишет в ЦК:

«Резидентура КГБ в Индии располагает возможностями организовать в этой связи демонстрацию протеста перед зданием посольства США в Индии, в которой примет участие до 20 тысяч мусульман. Расходы на проведение демонстрации составят 5 тысяч индийских рупий (какая дешевка! – *Д.В.*) и будут покрыты за счет средств, выделенных ЦК КПСС на проведение спецмероприятий в Индии в 1969–1971 годах.

Просим рассмотреть»[{732}].

Брежнев пишет: «Согласиться». По сути, политбюро есть высший орган не только партии, но и Комитета госбезопасности…

Однако именно в годы брежневского руководства в стране окрепло общественное движение, названное «диссидентством». Интеллектуальный, нравственный протест против полицейской слежки, инакомыслия, свободы выражать свои взгляды был духовным симптомом углубляющегося загнивания и стагнации коммунистической системы. А. Синявский, Ю. Даниэль, В. Буковский, М. Ростропович, А. Солженицын, П. Григоренко, десятки других духовно отважных людей, представителей советского интеллектуального слоя, своими выступлениями, мыслью, протестами высветили органическую ущербность ленинской системы. Ущербность гуманитарную, правовую, общественную. Людей сажали в тюрьмы, психиатрические больницы, высылали за рубеж. Все эти мерзкие виды преступлений против человечности культивировались в «стране Ленина».

Великий народ, носитель неповторимой культуры, был вынужден на протяжении десятилетий молчать. Время «оттепели» после XX съезда оказалось коротким. ЦК, по старой ленинской традиции, был органом, санкционирующим и регулирующим деятельность спецслужб по борьбе с инакомыслием. КГБ регулярно направлял в «штаб» ленинской партии свои предложения и реляции. Наподобие вот такой. Андропов 15 ноября 1976 года подписывает в ЦК КПСС записку «О враждебной деятельности так называемой «группы содействия выполнению хельсинкских соглашений в СССР». В документе говорится, что эта «организация» стремится с помощью Запада создать видимость «внутренней оппозиции» в Советском Союзе. В докладной явно видны провокационные, антисемитские ноты. Андропов подписывает состав, список членов хельсинкской «группы» с указанием их национальности: «Гинзбург А.И., 1936 года рождения, еврей; Григоренко П.Г., 1907 года рождения,

украинец; профессиональный уголовник Марченко А.Т., 1938 года рождения, еврей; Щаранский А.Д., 1948 года рождения, еврей; Слепак В.С., 1927 года рождения, еврей; жена Сахарова Боннер Е.Г., 1922 года рождения, еврейка; Бернштан М.С., 1949 года рождения, еврей; Ланда М.Н., 1918 года рождения, еврейка; Алексеева Л.М., 1927 года рождения, русская; Корчак А.А., 1922 года рождения, украинец…»{733}

Авторы сочинения создают соответствующее антисемитское впечатление у высшего руководства страны и партии. Там, в свою очередь, не только одобряются меры КГБ «по компрометации и пресечению враждебной деятельности участников группы», но и рассылаются инструкции в партийные комитеты, совпослам. Например, политбюро 19 мая 1977 года направляет «Указания совпослам в связи с шумихой на Западе по вопросам о правах человека». В подписанных Брежневым «указаниях» почти на 20 страницах требуется разъяснять, что «враждебная СССР кампания под фальшивой вывеской защиты прав человека» преследует цель «отвлечь внимание народных масс капиталистических стран от тех серьезных трудностей, которые переживает буржуазное общество».

Отмечайте, предписывается в «указаниях», что революция, осуществленная в России 60 лет назад, затем и была осуществлена, чтобы «на деле обеспечить подлинные права и свободы личности», что только в СССР в «наиболее полном объеме и с наибольшей последовательностью осуществляются права и свободы человека»{734}.

С помощью подобных пропагандистских «указаний» пытались закамуфлировать отсутствие подлинной демократии в СССР, что на определенном историческом этапе стимулировало застой, стагнацию, эрозию тех некоторых завоеваний, которые стали возможны после XX съезда партии.

Совести как универсальной доминанте духа здесь не нашлось места.

Чехословакия, Афганистан

Долгое, практически двадцатилетнее правление Брежнева, внешне почти безмятежно-застойное, но глубоко консервативное, дважды прерывалось бурными международными событиями. В начале его властвования и на самом закате жизненного пути генсека. Речь идет о подавлении демократических ростков «пражской весны» в Чехословакии и начале вооруженного вмешательства в дела соседнего Афганистана.

Почти в это же время, в августе 1980 года, политбюро принимает меры по подготовке «оказания военной помощи» Польше. Размеренная и однообразная жизнь великой страны была прервана резкими военными движениями гиганта. Брежнев, по своему положению первый человек в государстве, во всех этих случаях оказывался в эпицентре событий. Но это совсем не значило, что он был инициатором и генератором имперских и милитаристских акций. Генеральный секретарь с готовностью исполнял волю наиболее воинственной части политбюро и всесильного КГБ. Внешне генсек был безраздельным вождем могучей империи, но по своей внутренней сути больше подходил на роль главной марионетки тоталитарной системы. Однако отведенную ему роль лидера исполнял настойчиво и последовательно.

Как известно, в 1967 году в Чехословакии под влиянием ряда внутренних и внешних факторов стала заметно меняться общественная атмосфера. Люди громко заговорили о последствиях сталинизма для ЧССР, для всего своего будущего. В печати, на телевидении активно выдвигались идеи о необходимости демократизации общества, о развитии подлинного политического плюрализма, формировании равноправных отношений с СССР. На первый план выдвинулись коммунистические лидеры, провозглашавшие необходимость демократических реформ в стране и партии. Это были А. Дубчек, 0. Черник, И. Смрковский, Ч. Цисарж, 0. Шик, З. Млынарж и другие деятели. Эти люди еще не знали, что коммунистическая система трудно, если вообще это возможно, реформируема. Думаю, что через два десятилетия лидер КПСС М.С. Горбачев имел возможность в этом убедиться. Коммунистическая система не приемлет демократизации общества, это для нее гибельно. К несчастью чехословацких реформаторов, «пражская весна» пришлась к тому же на время усиления консервативных, неосталинистских тенденций в СССР. Уход Хрущева означал не просто смену одного советского лидера другим, а серьезную

коррекцию официального курса в сторону коммунистической ортодоксии.

Надо сказать, что, как всегда, руководство СССР и КПСС судило о происходящих событиях в стране и за рубежом главным образом на основании докладов и анализа органов КГБ. Из Праги через Лубянку на Старую площадь в Москве шли непрерывные донесения об «активизации ревизионистских сил» в КПЧ, «контрреволюционных тенденциях» в деятельности Дубчека, Черника, Пеликана, Смрковского и других лидеров чехословацкого обновления, «утрате контроля КПЧ» над средствами массовой информации, «вмешательстве США и НАТО» в дела страны и другие подобные сообщения. В большинстве случаев органы спецслужб СССР так квалифицировали необычный для них процесс либерализации и демократизации в Чехословакии, обращение людей к общечеловеческим ценностям, и прежде всего к свободе, осуждению репрессий прошлого. «Чекистские очки» со времен Ленина заменяли лидерам КПСС необходимость нормального анализа событий, требовали «коминтерновского мышления» в оценке любых политических и идеологических событий.

Как пишет один из лидеров «пражской весны» Зденек Млынарж, «Дубчек не помышлял о разрыве с Москвой». Его слишком многое связывало с ней: не только то, что он провел в СССР детство и молодость, но и то, что он искренне верил в идеалы социализма, но хотел их освободить от коросты сталинщины. Он наивно верил, что коммунизм можно сделать демократическим. Личные честность и порядочность обеспечили Дубчеку в Чехословакии огромный авторитет. «В период «пражской весны», – писал Млынарж, – народ видел в Дубчеке символ великих идеалов демократического социализма»{735}.

А Москва, с ее ортодоксальным руководством, усматривала в популярном чехословацком лидере оппортуниста, ревизиониста, «вынашивающего» некие «темные» контрреволюционные планы.

Когда в январе 1968 года А. Дубчек стал первым секретарем ЦК КПЧ, советское руководство решило использовать испытанный прием: новый лидер попал под пресс непрерывного давления со стороны не только московских вождей, но и их сателлитов.

В дневниковых, рабочих записях Брежнева много раз встречаются пометы: «Позвонил Кадару – пусть он еще поговорит с Дубчеком»; «Живков обещал надавить на пражских руководителей»; «Гомулка и Ульбрихт встревожены развитием событий в Чехословакии и будут оказывать на Дубчека и его друзей соответствующее влияние».

Нормальная, понятная, естественная тяга людей к свободе,

независимости, демократическим формам жизни воспринималась в Кремле как «контрреволюция», «оппортунизм», «измена марксизму», «попытка перехода в лагерь капитализма». Известные программные документы, такие, как «Программа действий КПЧ», манифест «Две тысячи слов», излагавшие идеи демократизации социализма в Чехословакии, были расценены в Москве как контрреволюционные платформы. В каждом шаге Праги, любом заявлении Дубчека или Смрковского советским руководителям виделся очередной акт «предательства» дела социализма и марксизма. Порой реакция Брежнева, Суслова, Шелеста, других вождей КПСС была просто истеричной.

Конечно, в действиях реформаторов было немало и такого, что позволяло им еще больше «понравиться» интеллигенции ЧССР, общественному мнению на Западе. Но и Дубчек, и Черник, и Шик не «отказывались» от социализма. Они просто не могли игнорировать возмущение студенчества, интеллигенции, простых людей вновь открывшимися фактами репрессий прошлого, в которых пострадали такие известные в Чехословакии люди, как Р. Сланский, В. Клементик, Э. Гольдштюккер, М. Швермова, Й. Смрковский и другие.

Большая часть первой половины 1968 года в работе политбюро ЦК КПСС была окрашена в чехословацкие цвета. Не проходило месяца, чтобы не состоялись все новые и новые встречи советских руководителей с чехословацкими. Брежнев по решению политбюро то и дело звонил в Прагу. Даже находясь в любимом Завидове[17] 14 февраля 1968 года Брежнев после удачного отстрела нескольких кабанов позвонил Дубчеку по спецсвязи прямо из своего автомобиля.

Не ограничиваясь личным давлением, советские лидеры переносили «чехословацкий вопрос» то на заседание Политического консультативного комитета Варшавского Договора, то на Совещание руководителей восточноевропейских социалистических стран, то на двусторонние встречи политбюро ЦК КПСС с Президиумом ЦК КПЧ, как это было в конце июля 1968 года в пограничном пункте в Чиерна-над-Тиссой.

В июне, с одобрения Брежнева, решили провести учения войск в рамках Организации Варшавского Договора. Привлекли 16 тысяч человек, в том числе несколько советских частей из Венгрии и Польши. То была репетиция использования военной силы для подавления нежных ростков «пражской весны». Судя по заметкам Брежнева в его блокнотах, проработка возможности военного решения «чехословацкой проблемы» началась еще с апреля 1968 года. В одной из своих записей в апреле 1968 года (дата не указана) Брежнев называет военную подготовку к

подавлению пражских реформаторов «операцией «Опухоль». Здесь же пишет о необходимости поездки министра обороны Союза ССР маршала А.А. Гречко в Прагу, о его, Брежнева, предстоящем очередном разговоре с Дубчеком, а затем и о новой встрече с чехословацкими руководителями.

Знакомство с протоколами политбюро за 1968 год рождает впечатление, что ничем другим, кроме как «пражским ревизионизмом», оно практически не занималось Впрочем, судите сами о хронике эскалации.

– Черненко вел рабочую запись заседания политбюро 15 марта 1968 года по Чехословакии. Брежнев: «Надежды на Дубчека не оправдываются». Андропов констатирует: «Положение серьезное. Напоминает венгерские события».

– Вновь 21 марта 1968 года политбюро мысленно в Праге. Брежнев говорил о ходе подготовки совещания в ГДР по вопросу о Чехословакии.

– Через три дня, 25 марта, обсудили на политбюро результаты совещания в Дрездене. Брежнев резюмировал: «В ЧССР идет разложение социализма. Там говорят о необходимости свободы от СССР». (Сказано точно. – *Д.В.*)

– После советских праздников, 6 мая 1968 года, обсуждали на политбюро итоги встречи Брежнева с Дубчеком. «Партия обезглавлена»-так оценил генсек ревизионизм чехословацкого руководителя.

– Через десять дней, 16 мая 1968 года, вновь заседает политбюро: среди 24 вопросов, значащихся в повестке дня, два о Чехословакии.

– Заседание политбюро 23 мая 1968 года. Доклад маршала Гречко о его поездке в Прагу. После мрачного разговора по докладу министра обороны Брежнев констатирует: «И армию разложили. А либерализация и демократизация – это по сути контрреволюция». (Вдумайтесь, «контрреволюция»).

– Состоялось заседание политбюро 27 мая 1968 года. Докладывал на заседании А.Н. Косыгин о своей поездке в Прагу и встречах с чехословацкими руководителями. Бросается в глаза вопрос Брежнева, но не Косыгину, а министру обороны: «Как идет подготовка к учениям?» На что А.А. Гречко ответил: «Уже сорок ответственных работников в Праге. Готовимся».

– Политбюро заседало 6 июля 1968 года. Обсуждался вопрос: положение в Чехословакии. Брежнев зачитывал шифровки КГБ. Обсуждали дежурные шаги по оказанию давления на руководство КПЧ.

– Вновь 13 июня 1968 года политбюро заседает по вопросу «О Чехословакии». Брежнев рассказывает о своей беседе с Я.

Кадаром, который на днях будет принимать высокую делегацию из Праги.

– Следующее «чехословацкое» заседание политбюро состоялось 2 июля 1968 года. Брежнев докладывает: Дубчек и Черник окончательно скатились к ревизионизму. Советуются: выводить ли из Чехословакии союзные войска, которые там находились на учениях? Гречко предлагает: создать сильную группировку на границе и держать ее в полной готовности…

– Назавтра, 3 июля, вновь созывается политбюро. Обсуждают «контрреволюционную сущность 2000 слов». Брежнев информирует соратников о своей телефонной беседе с Кадаром. Отдаются распоряжения об использовании армейских подвижных радиостанций в вещании на ЧССР.

– Далее активность политбюро в «чехословацком вопросе» еще более нарастает. Коммунистический синклит заседает 9 июля, 19 июля, 22 июля, 26 и 27 июля, 16 августа, 17 августа, 21 августа. Вопрос один: положение в Чехословакии и перечень необходимых шагов по «пресечению контрреволюции». Вербально, устно (без записей) идет регулярное обсуждение хода подготовки к массированному военному вторжению в дружественную страну. Уточняются детали. Но странное дело: ни разу не обсуждают вопрос: а что будут делать войска союзников, войдя в Чехословакию? Разве танки могут заставить людей мыслить по-иному?

Именно в этот период у ряда членов политбюро возникла идея: если уж речь фактически идет о подготовке «вооруженной интернациональной помощи», то нужно сделать так, чтобы у СССР и КПСС ее «попросили». С идеей согласились, и через пару дней надежные люди в Праге уже знали об этом.

Где-то в середине июля по каналам КГБ из Праги пришло тайное письмо от кандидата в члены Президиума ЦК КПЧ Антонина Капека на имя Л.И. Брежнева. В нем он, в частности, писал: «В ЦК КПЧ группа из руководящего состава партии в лице Смрковского, Кригеля, Шпачека, Шимона, Цисаржа, Славика овладела всеми средствами массовой информации» и ведет антисоветскую и антисоциалистическую работу. В конце письма А. Капек прямо пишет: «Я обращаюсь к Вам, товарищ Брежнев, с призывом и просьбой оказать братскую помощь нашей партии и всему нашему народу в деле отпора тем силам, которые создают серьезную опасность самим судьбам социализма в Чехословацкой Социалистической Республике». Подпись Антонина Капека не помечена датой написания послания.

Брежнев зачитал письмо членам политбюро. Признали его важным, но недостаточным. Через несколько дней по тем же

каналам на имя Брежнева поступило еще одно письмо, подписанное уже теперь пятью высокими чехословацкими руководителями. Оно было более определенным и обязывающим.

Генсек вновь пригласил членов политбюро к себе в кабинет. Надев очки, прочел призыв чехословацких руководителей, перемежая чтение своими бесхитростными комментариями: «Доигрались, а нам теперь расхлебывать… Хреновы марксисты…» Вот две-три выдержки из этого драматического послания, которое до 1992 года хранилось в «Особой папке» шестого сектора общего отдела ЦК КПСС.

Речь в письме шла о возникновении в ЧССР возможности «контрреволюционного переворота». «В такой тяжелой обстановке обращаемся к вам, советские коммунисты, руководящие представители КПСС и СССР, с просьбой оказать нам действенную поддержку и помощь *всеми средствами* (курсив мой. – *Д.В.*), которые у вас имеются. Только с вашей помощью можно вырвать ЧССР из грозящей опасности контрреволюции.

Мы сознаем, что для КПСС и СССР этот последний шаг для защиты социализма в ЧССР был бы нелегким…

В связи со сложностью и опасностью развития обстановки в нашей стране, просим вас о максимальной засекреченности этого нашего заявления, по этой причине пишем его прямо лично для Вас на русском языке»[{736}].

– Вот это уже стоящий документ, – довольно заметил генсек, закончив чтение.

Теперь видимость «законности» вооруженного вторжения в дружественную страну можно будет обеспечить, прикрывшись фиговым листком «просьбы руководителей братской партии и государства».

Гречко почти каждый день встречается с Брежневым. Было решено после ввода войск интернировать все руководство ЧССР и привезти его в Москву.

– Здесь заговорят по-другому. Не поймут, мы им продиктуем, – нервно заключил генеральный секретарь.

– Армия парализует контрреволюцию, обезопасит от «ухода» Чехословакии на Запад, – осторожно отвечал Гречко. – Но главную роль должны сыграть политики. Опасно выглядеть оккупантами. Нас они должны «позвать». И сами же творцы контрреволюции будут выправлять в последующем создавшееся положение, – подсказывал маршал.

Брежнев, по своему обыкновению, соглашался. Время «Ч» приближалось. По команде Суслова в советской печати и на телевидении началась подлинная истерия: что не СССР угрожал Чехословакии, а эта небольшая страна представляла смертельную

угрозу гиганту. Впрочем, в определенном смысле так и было. Монолит в виде «социалистического содружества», распавшийся менее чем через четверть века, мог глубоко «треснуть» и раньше…

С военной точки зрения Москва провела операцию слаженно и молниеносно. Десанты, танковые колонны, контроль над мостами, узлами связи, аэродромами… Все в духе советской наступательной военной теории. Впрочем, никто советским войскам не оказывал сопротивления. Лишь тысячные толпы чехословаков вдоль дорог провожали негодующими взглядами и возмущенными возгласами бронированные колонны своих «союзников». Президент Людвик Свобода, понимая бессмысленность вооруженного сопротивления, призвал свой народ проявить мудрость и выдержку.

Советские парни (такие же жертвы коммунистического режима, как и жители оккупированной ими страны), остановив свои танки и бронетранспортеры на площадях городов, не знали, что делать дальше… Никто не оказывал сопротивления… «Контрреволюционеры» были без оружия… У них были только плакаты и слова негодования… Не видно было и западных «инструкторов»…

Как вспоминал один из инициаторов «пражской весны» Зденек Млынарж, «где-то после 4 часов утра 21 августа к зданию ЦК КПЧ подъехала черная «Волга» из советского посольства, и вскоре после этого здание окружили бронемашины и танки. Из них выпрыгнули солдаты в бордовых беретах и полосатых тельняшках, с автоматами в руках. Здание было окружено…

Двери кабинета Дубчека раскрылись, ворвались около восьми автоматчиков, окружили нас и нацелили автоматы на наши затылки. Вслед за ними вошли два офицера. Один из них был полковником… Кто-то, по-моему Дубчек, что-то сказал, и полковник заорал:

– Не разговаривать! Тихо! По-чешски не говорить!»{737}

Москва действовала по своему плану. Брежнев несколько суток не уходил из своего кабинета, забываясь тяжелым сном на три-четыре часа в сутки в комнате отдыха. Вопреки донесениям и прогнозам КГБ «массы» чехословаков не поддержали вторжения советских войск.

Впрочем, КГБ обычно всегда переоценивал уровень просоветских настроений, вес и эффективность своего влияния. Так было в Зимбабве, Афганистане, Эфиопии, Ливии, Чили, других странах. Десяток-другой продавшихся спецслужбам людей выдавались за представителей всего народа…

За Дубчеком стояла вся страна…

Уже ранним утром, как сказано выше, 21 августа здание ЦК

КПЧ было в кольце советских десантников. В кабинеты строптивых первого секретаря и некоторых членов Президиума ЦК КПЧ ворвались советские офицеры и через некоторое время предложили следовать за ними. На возмущенные и недоуменные вопросы задержанных следовали однотипные холодные ответы:

– Это делается в интересах вашей безопасности…

В крытых машинах чехословацкое руководство было доставлено на аэродром, где его бесцеремонно впихнули в советские транспортные самолеты. Дубчек, Шпачек, Цисарж, Кригель, Черник, Смрковский и еще несколько человек стали пленниками своего могущественного «союзника». Негодование охранников особенно откровенно выражалось по отношению к первому секретарю. В их глазах он был не реформатор, а предатель.

Когда Дубчека (которого Брежнев при личных встречах раньше покровительственно, фамильярно называл Сашей) затащили в самолет, кто-то сзади его сильно толкнул прикладом автомата. Дубчек упал и расшиб себе голову.

А в Праге советские части оказались в полной изоляции. «Квислинговцев»[18] оказалось довольно мало, и они боялись подать голос. Брежнев был крайне встревожен. По московскому сценарию «здоровые силы» должны были тут же сместить всех контрреволюционеров в руководстве партии, сформировать новое правительство, осудить «преступления» ревизионистов и начать быстрое «возвращение» к ленинско-сталинскому социализму. Но никакой мало-мальски значимой поддержки оккупантам не было оказано. Небольшие чешский и словацкий народы проявили большое национальное достоинство и историческое мужество перед лицом грубой силы.

На Старой площади в Москве в здании ЦК КПСС в конце августа все ночи напролет тускло светились зашторенные окна. Руководство партии и страны растерялось. Прилетел президент Свобода и стал требовать освобождения Дубчека и его товарищей. В противном случае ему, старому генералу, не остается выбора. В знак протеста «он может только покончить с собой».

Брежнев, уважавший Свободу за его славное военное прошлое, сидя рядом с чехословацким президентом на диване в своем кабинете, постоянно повторял:

– Успокойтесь, Людвиг Иванович. Все уладится… Уладится… Дубчеку и Чернику нужно для этого лишь осудить контрреволюцию…

Генсек едва ли понимал нелепость своих слов о «контрреволюции». Наконец, после бесчисленных совещаний в Москве и Праге, в КГБ и ЦК решили начать переговоры

«делегаций КПСС и КПЧ». Между двумя политбюро. Переговоры между оккупантами и их пленниками.

Дубчек и его товарищи, пережившие настоящий шок от вторжения, интернирования, грубого обращения, были вынуждены согласиться. Ничего другого не оставалось. К этому же их призвал и Л. Свобода. Выбора у них не было. Решили составить Соглашение, в котором попытались найти компромиссные решения. В архиве политбюро ЦК КПСС сохранился текст переговоров двух «братских делегаций», прошедших 26 августа 1968 года. Это четыре десятка страниц «плотной» печати. Я не имею возможности воспроизвести этот протокол, но отдельные фрагменты изложу на двух-трех страницах.

В напряженной тишине за длинным столом уселись Брежнев, Косыгин, Подгорный, Суслов, Кириленко, Громыко, Пономарев, еще несколько советских руководителей. По другую сторону были Дубчек, Свобода, Черник, Смрковский, Млынарж, Шимон… Начались тяжелые переговоры, в которых солировали два лидера партий: Брежнев и Дубчек. Правда, вначале вместо Дубчека говорил Черник, ибо лидер чехословацких коммунистов после глубокого нервного потрясения чувствовал себя очень плохо.

Вот некоторые фрагменты «дискуссии».

«Черник:…Наша страна сейчас оказалась в таком положении, в каком она не была после войны… Мы расцениваем обстановку в стране как критическую, чреватую большим кровопролитием… Союзные войска дружественных стран вошли на территорию Чехословакии без нашего ведома. Президиум не обращался с просьбой о такой помощи… Решающее значение имеют действия правительств социалистических стран, связанные с пребыванием и отводом союзных войск с территории Чехословакии…

Дубчек: Ввод войск был сильным ударом по мыслям и идеям нашей партии… Мы считаем ошибкой, преждевременным актом ввод войск в Чехословакию, который принес и принесет большой ущерб не только нашей партии, но и всему коммунистическому движению… Вступление пяти союзнических армий создает рычаг напряженности внутри партии, внутри страны и вне ее… Ввод войск затронул душу чехословацкого народа, и сам я не знаю, как из этого сложного положения выйдем…

Брежнев:…То, что произнес здесь т. Черник, и особенно то, что сказал т. Дубчек, отбрасывает нас далеко, далеко назад… Мы ведь и не думали о вводе войск, когда приглашали вас на Совещание в Дрездене. (Неправда. Уже тогда шла подготовка к интервенции. – *Д.В.*) Помните, мы вам тогда сказали: если вам трудновато будет материально, то наша партия и наш народ так

настроены, что мы можем оказать помощь чехословацким братьям даже в ущерб себе. У нас 13,5 миллиона коммунистов и 240 миллионов граждан, мы можем по 100 граммов хлеба урезать, сколько-то мяса сократить, у нас никто не заметит даже этого… Вы сказали, что у вас нет контрреволюции, но есть антисоциалистические элементы. А разве это мед? Антисоциалистические элементы для рабочего класса – это сахар?

Стиль вашей работы совершенно невозможный. Такой стиль только способствует тому, чтобы антисоциалистические, контрреволюционные силы развернулись, ободрились… В Дрездене мы вам вовсе не советовали сажать кого-либо в тюрьму. Но мы подчеркивали, что освобождать неподходящих людей от занимаемых постов – это право Центрального Комитета вашей партии… О Пеликане. Он руководит телевидением, позорит с его помощью КПЧ. Зачем же этот человек сидит на таком посту?

…Потом мы приехали в Софию. Там мы, каждый по очереди, говорили с тобой лично. Помнишь, я сидел на диванчике и говорю: «Саша (именно Саша, а не Александр Степанович), осмотрись, что происходит, что делается за твоей спиной? Нам непонятно, почему средства пропаганды до сих пор не в ваших руках. Если я лгу, назови меня при всех лгуном…

Дубчек: Нет, именно так, как Вы говорите…

Брежнев: Я хочу еще сказать о твоей, Александр Степанович, личной беззаботности. Твой стиль работы основан на личном авторитете. А это очень неправильно… Помнишь, был случай, когда я тебе написал письмо, в личном плане, от руки. Оно должно быть у тебя цело[19].

Дубчек: Цело.

Брежнев: Я, товарищи, хочу сказать всем вам, здесь сидящим: каждый из вас, кто мирился с развитием контрреволюции в вашей стране, кто ничего не предпринимал вплоть до ввода войск, несет личную ответственность… Кто же за происшедшее должен отвечать – мы, что ли? Или вы все-таки наберетесь мужества и скажете, что вы совершили ошибку. Это тягчайшая политическая ошибка – мириться с контрреволюционной пропагандой…

Если бы мы не ввели войска, то Чехословакия пошла бы по пути капиталистического развития…

Сегодня вы выступили еще хуже, чем раньше, потому что вину за происшедшее вы хотите переложить полностью на нас…»{738}

Пожалуй, достаточно.

Брежнев, говоривший в общей сложности около полутора часов, обвинил целиком в сложившейся ситуации только

чехословаков. Он фактически подчеркнул, что Москва имеет право и судить, и миловать. Что они, в ЦК КПСС, принимая решение о вводе своих войск в суверенную страну, имели на это все «законные» основания, а руководители ЧССР должны нести ответственность за случившееся. По существу, Брежнев отстаивал право КПСС выносить «приговоры» своим младшим «братьям».

Зденек Млынарж, присутствовавший на переговорах, вспоминал, что атмосфера за столом была накаленной. «Брежнев был искренне возмущен тем, что Дубчек не оправдал его доверия, не согласовывал с Кремлем каждый свой шаг. «Я тебе верил, я тебя защищал перед другими, – упрекал он Дубчека. – Я говорил, что наш Саша все-таки хороший товарищ. А ты нас всех так подвел!»

Во время подобных пассажей голос Брежнева дрожал от жалости к себе; он говорил, заикаясь, со слезами в голосе. Он выглядел обиженным племенным вождем, который считает само собой разумеющимся и единственно правильным, что его положение главы племени покоится на безоговорочном подчинении и послушании, что только его мнение и только его воля – последняя инстанция…»

Были во время переговоров истерики, крики, ссылки чехословаков на «мировое общественное мнение». Брежнев отмел просто: «Война из-за вас не начнется. Выступят товарищи Тито и Чаушеску, выступит товарищ Берлингуэр. Ну и что? Вы рассчитываете на коммунистическое движение Западной Европы, но оно уже пятьдесят лет никого не волнует!» (Красноречивое признание генсека…)

После многочасовых переговоров, давления, угроз чехословацкая делегация согласилась подписать протокол, означавший конец демократическим реформам в Чехословакии.

«К полуночи все было готово, настал момент подписания. Неожиданно распахнулись двери и в зал ворвалось с десяток фотографов и операторов. Тут же, как по приказу, все члены советского политбюро встали и, наклоняясь через стол, пытались обнять сидевших напротив членов чехословацкой делегации. Это напоминало театр абсурда…»{739}

Московская трактовка роли КПСС и характера «независимости» ее союзников получила на Западе название «доктрины Брежнева». Но Брежнев не был автором этой концепции. Он был ее рупором. А доктрина эта ленинская, сталинская, коминтерновская, которую Брежнев реализовал в конкретных условиях мятежного поведения одного из своих сателлитов.

Характерно, что политбюро ЦК КПСС постаралось примером

санкций против Чехословакии предупредить остальных своих союзников: их суверенитет-дело вторичное по сравнению с «интернациональным долгом».

Так, в выступлении Брежнева на V съезде Польской объединенной рабочей партии в Варшаве 12 ноября 1968 года прозвучало: «Хорошо известно, что Советский Союз немало сделал для реального укрепления суверенитета, самостоятельности социалистических стран… Но известно, товарищи, что существуют и общие закономерности социалистического строительства, отступление от которых могло бы повести к отступлению от социализма, как такового… И когда возникает угроза делу социализма в этой стране, угроза безопасности социалистического содружества в целом – это уже становится не только проблемой народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всех социалистических стран»{740}.

В «своей» Конституции, которой Брежнев очень гордился и говорил, что она будет жить долгие десятилетия (принята в октябре 1977 г.), он согласился не только с печально знаменитой «шестой» статьей о КПСС, как «руководящей и направляющей силой советского общества», но и с фарисейством статьи двадцать девятой. Там записано: «Отношения СССР с другими государствами строятся на основе соблюдения принципов суверенного равенства; взаимного отказа от применения силы или угрозы силой; нерушимости границ; территориальной целостности государств; мирного урегулирования споров; невмешательства во внутренние дела; уважения прав человека и основных свобод; равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой…»{741}

Такова суть не «доктрины Брежнева», а доктрины КПСС. В действительности она выражает глубокую преемственность ленинских и сталинских взглядов на характер отношений между КПСС и ее союзниками в коммунистическом братстве.

Советские лидеры были спецами по завязыванию узлов международных проблем (Польша, ГДР, Венгрия, Чехословакия, Китай, Афганистан…), но не умели их развязывать. Так произошло во время правления Брежнева и с Афганистаном, южным соседом СССР, с которым у него существовал самый «старый» советский договор 1921 года о дружбе и сотрудничестве. Начало брежневской «эры» совпало с активным участием лидера в замораживании «пражской весны», а ее завершение – с началом афганской авантюры. Это весьма символично, ибо, несмотря на убаюкивающий штиль советского бытия в течение целого десятилетия, его руководители никогда не были обременены статьей двадцать девятой последней Конституции СССР:

«взаимного отказа от применения силы или угрозы силой».

Я несколько раз бывал в Афганистане до ввода туда наших войск и в первые годы их нахождения там, пока не был снят со своего поста заместителя начальника Главного политуправления. Кабульская «революция» 27 апреля 1978 года была типичным дворцовым переворотом. Одна эскадрилья самолетов, один танковый батальон и несколько сот сторонников Народно-демократической партии Афганистана, возглавляемой Нур Мухаммедом Тараки, захватили бывший королевский дворец. Президент Афганистана, ранее являвшийся принцем династии, Мухаммед Дауд был убит.

Многие авторы книг, воспоминаний пишут, что это событие было неожиданным как для Москвы, так и для Вашингтона. Не совсем так. Для Белого дома, возможно. Но советская внешняя разведка, традиционно сильная, знала о готовящемся заговоре, информировала свое руководство, Старую площадь, но активного «участия», кроме как «рекомендациями», в перевороте не принимала. Дело ограничивалось устными советами, благо с ленинских времен (помните «Марксизм и восстание»?) недостатка в этом опыте у советских специалистов не было. Давались еще заверения, что в случае удачного исхода «мероприятия» поддержка и признание советской стороной будут обеспечены. И это при том, что и с Даудом, и с его предшественниками поддерживались самые дружеские, даже сердечные, отношения!

Менее чем через два месяца, 17 июня 1979 года, Брежнев встречался с американским президентом Дж. Картером для подписания договора об ограничении стратегических вооружений. После официальных церемоний и переговоров, оставшись в компании своих переводчиков, Брежнев услышал откровенное пожелание Картера: США не намерены допускать военного вмешательства в дела Ирана и Афганистана, где происходят сложные внутренние события. Белый дом рассчитывает, что так же поступит и СССР.

Но Брежнев не был готов к этой беседе; на переговорах обычно он оглашал многочисленные тексты, подготовленные МИДом и своими помощниками. Поэтому генсек маловразумительно заявил в том смысле, что в Москве надеются: США не будут способствовать нападкам на новый режим в Кабуле. Брежнев как будто бы не знал, что еще 30 апреля лидер афганской «революции» Тараки заявил, что его целью является «построение социализма в Афганистане…», хотя одновременно выразил намерение вступить в движение неприсоединения.

В апреле 1979 года мне довелось в составе делегации, отправленной КПСС, побывать в Кабуле, ряде других городов

Афганистана, встречаться с Тараки и Амином. Тараки произвел на меня впечатление идеологического мечтателя, видевшего свою утопическую цель, но совсем не знающего, как ее достичь. Наоборот, Амин, ставший вначале министром иностранных дел, хорошо разбирался в средствах «революции», но не придавал особого значения утопической цели. То был типичный азиатский правитель деспотического толка: хитрый, коварный, скрытный, быстро создавший энергичную группу своих близких сторонников. Для него единственной высшей ценностью была власть.

Нур Мухаммед Тараки, глядя куда-то поверх наших голов, негромко говорил: «Афганистан станет социалистической страной. Но будет это не скоро. У нас почти нет образованных людей. Вся надежда на армию… – Помолчав, продолжил: – В армии среди офицеров много наших врагов и предателей, а солдаты пойдут за НДПА (Народно-демократическая партия Афганистана. – *Д.В.*). Но нам нечем им платить. Они полуголодные… СССР будем просить помочь. Передайте Брежневу, вы получили еще одного надежного союзника…»

Первый раз мы встречались с Тараки 7 апреля 1979 года. Тогда же познакомились с молодыми офицерами, большинство которых учились в СССР: Ватанжаром – министром обороны, Якубом – начальником Генштаба, Экбалем – начальником Главпура, другими триумфаторами «революции»: Голь Акой, Абдул Кадыром, Гулям Сахи… Большинство из этой «социалистической поросли» скоро сгинет в междоусобных схватках, сгорит в пламени долгой гражданской войны. Худенький застенчивый Экбаль, выпускник филологического факультета МГУ, все время молчал и улыбался. Скоро он, после прихода Амина к власти, вместе с молоденькой женой и ребенком исчезнет навсегда…

Глядя на этих «романтиков» революции, с тревогой думал: отечество надевает на себя новые вериги без каких-либо шансов достойно выпутаться из этой авантюры.

Я с изумлением слушал, как эти люди после официальных переговоров говорили генералу армии А.А Епишеву: мы в состоянии поднять восстание белуджей в Пакистане и получить выход к теплому морю. А значит, этот выход будете иметь и вы… Только помогите нам…

Епишев молча выслушал, не реагируя на прожекты новых афганских руководителей, твердо заметив в конце:

– Вы не о том говорите… Для вас сейчас главное – укрепить власть…

А власть оказалась слабой. Очень слабой. Уже летом между

Тараки и Амином вспыхнули разногласия. Для «стабилизации» обстановки и бесед с руководителями ДРА политбюро 29 июня 1979 года решило направить в Кабул секретаря ЦК КПСС Б.Н. Пономарева. Этому предшествовала записка Брежневу (формально в ЦК), подписанная членами и кандидатами политбюро А.А. Громыко, Ю.В. Андроповым, Д.Ф. Устиновым, Б.Н. Пономаревым. Их предложения по «стабилизации обстановки» в ДРА сводились к призывам «усилить борьбу с контрреволюцией и укрепление народной власти». Предлагалось увеличить количество советских военных, «специальных» и партийных советников в стране. Влиятельные высшие партийные сановники предлагали направить на аэродром «Баграм» парашютно-десантный батальон, замаскированный под авиатехнических специалистов, спецотряд КГБ в составе 125–150 человек, спецотряд ГРУ Генерального штаба – около 500 человек{742}.

В сентябре Н.М. Тараки побывал в Москве, рассказал Брежневу об опасности режиму со стороны Хафизуллы Амина, попросил направить советские войска в Афганистан. «Без них мы не защитим афганской революции». Брежнев с Андроповым дали понять Тараки, что «берут Амина на себя», но рекомендовали попробовать «нормализовать», во имя интересов революции, отношения в руководстве.

Но пока КГБ «разобралось» с Амином, это решил сделать сам Тараки. Брежневу вскоре доложили, как развивались события в Кабуле. Тараки пригласил второе лицо в государстве, каковым стал Амин, к себе в резиденцию на беседу. Но верные Хафизулле люди сообщили, что там засада… Тогда советский посол А.М. Пузанов, находившийся у Тараки, заверил Амина, что ему ничего не угрожает. Знал ли совпосол о засаде, остается лишь догадываться. О дальнейшем развитии событий рассказывал министр иностранных дел Афганистана Шах Вали в беседе с А.А. Громыко 27 сентября 1979 года в Нью-Йорке. «…Когда Амин прибыл в резиденцию Тараки и стал вместе с членом ЦК партии Таруном, адъютантом и охраной подниматься по ступеням во дворец, адъютант Тараки выстрелил в шедшего первым Таруна и убил его на месте. Другие сообщники Тараки открыли стрельбу, тяжело ранили адъютанта Амина, но в самого Амина не попали… Позже стало известно, что на крышах зданий находились сторонники Тараки, которые вели оттуда стрельбу по группе Амина, и тот уцелел лишь случайно.

А. Громыко: Вы считаете, что это было преднамеренно организовано тогда, когда там находился советский посол, ничего не зная об этом?

Шах Вали: Дело обстояло таким образом, что, когда

советский посол заверил Амина в том, что ему ничего не угрожает, Амин приехал, но вместе со своей охраной»{743}.

Весь сентябрь шла борьба между Тараки и Амином, завершившаяся сначала попыткой убийства последнего, а затем официальным отстранением лидера афганской революции от власти и его арестом.

Амин стал генеральным секретарем НДПА, Председателем Революционного совета, премьер-министром и министром обороны… Уж он не промахнулся… Об арестованном Тараки 9 октября 1979 года кабульское радио мельком сообщило, что бывший генсек НДПА и его жена скоропостижно скончались… В действительности же Тараки был задушен подручными Амина на тюремной койке.

Брежнев был шокирован, возмущен, потрясен. Он ведь совсем недавно, три недели назад, с почестями принимал Тараки в Москве, у себя в кабинете, обещал ему всяческую поддержку (пока кроме помощи войсками), а здесь такое вероломство! Посол в Кабуле А. Пузанов, генерал армии И.Г. Павловский сообщили в Москву об очередном акте афганской трагедии: лидеры так называемой «апрельской революции» начали пожирать друг друга.

Амин слал в Москву телеграмму за телеграммой, просил Брежнева принять его: он все объяснит. Тараки, писал новый афганский лидер, сам стал инициатором междоусобицы. «Я прошу Вас принять меня», – в отчаянии телеграфировал Амин. Подозревая, что его телеграммы не доходят до Кремля, он передал конфиденциальное письмо кремлевским руководителям через советского советника генерала В.П. Заплатина. В послании Амин уверял в своей полной лояльности Москве и вновь просил Брежнева принять его.

Но песня его была спета. В Кремле уже решили покончить с ним и поставить во главе «революции» новую марионетку – Б. Кармаля.

Донесения, особенно доклады советских спецслужб из Афганистана, рекомендовали высшему руководству ввести в эту горную страну наши войска…

Я знаю, что генералы КГБ, подтолкнувшие Брежнева и Андропова на это роковое решение, получили в начале 1980 года высокие ордена, новые воинские звания. А пока готовилось физическое устранение Х. Амина. Воспользовались поводом, который советской стороне предоставил сам Хафизулла.

На заседании политбюро 6 декабря 1979 года (протокол № 176) приняли решение: согласиться с предложением Ю.В. Андропова и Н.В. Огаркова (начальник Генштаба) о направлении

«для охраны резиденции Амина» специального отряда ГРУ ГШ «общей численностью около 500 человек в униформе, не раскрывающей его принадлежность к Вооруженным Силам… В связи с тем, что вопросы о направлении отряда в Кабул согласованы с афганской стороной, полагаем возможным перебросить его самолетами военно-транспортной авиации в первой декаде с.г. Тов. Устинов Д.Ф. согласен»[744].

Решение ввести войска в Афганистан созрело где-то в конце ноября 1979 года. У его истоков стояли Брежнев, Суслов, Андропов, Устинов, Громыко. Но формальное решение было принято 12 декабря[745]. Свои подписи «за» поставили Брежнев, Андропов, Устинов, Черненко, Суслов, Гришин, Кириленко, Пельше, Громыко, Тихонов, Пономарев, Щербицкий. Даты некоторых подписей стоят разные: 25, 26 декабря, хотя политбюро состоялось 12 числа. Войска пересекли границу 27 декабря, вызвав шок во всем мире. А накануне «батальон» (спецотряд ГРУ ГШ, направленный «охранять Амина») штурмом взял дворец афганского лидера. Я через несколько дней после захвата дворца побывал в этом здании, возвышающемся на высоком холме на окраине Кабула. Выбитые окна, прошитые снарядами стены, множество гильз под ногами, задымленные своды. Амин, вся его семья, все, кто был во дворце – охрана, приближенные, слуги, – были убиты. Сам Амин, славший шифровку за шифровкой в Москву и умолявший верить только ему, метался во время штурма по дворцу, пытаясь связаться с советским посольством. Однако был убит у бара, полуголый, в одних трусах. На дорогом паркете, словно намазанное бурой краской, виднелось большое пятно засохшей и затоптанной ногами солдат крови неудачливого диктатора, не угодившего своим хозяевам в Москве.

Штурм был коротким и яростным. Все было сделано с точки зрения военно-технической в высшей степени профессионально. Появились новые герои, раздавались боевые ордена. Но спустя годы видишь, что реальный героизм и мужество советских людей эксплуатировались для неправого дела. Ведь в протоколе нового заседания политбюро, состоявшегося уже 27 декабря 1979 года, утверждалось, что «в результате актов внешней агрессии, нарастающего вмешательства извне во внутренние афганские дела, возникла угроза для завоеваний апрельской революции…». Очередной «интернациональный долг», прикрывающий грубое, силовое вмешательство в дела суверенной страны. Мы стали прямыми участниками чужой гражданской войны, в которой к 15 февраля 1989 года погибли 13 826 человек и 49 985 ранены.

А я оказался в Кабуле для укомплектования и налаживания

работы агитотрядов подразделений спецпропаганды. В те годы я был начальником этой службы, которую американцы называли «службой психологической войны». Агитотряды, сопровождаемые обычно усиленным взводом, а то и ротой, колесили, особенно в первые годы после вторжения, по провинциям Афганистана. Я был в одном рейде. Мужчины в кишлаках сразу же убегали в горы. По машинам стреляли. Звукоустановки часами убеждали мусульман поддержать апрельскую революцию, объясняли, зачем сюда пришли «шурави» (советские). Иногда выходили к бронетранспортерам десяток-другой стариков, дети. Настороженно брали у солдат кулечки с мукой, чай, сахар, конфеты, игрушки и уходили молча в свои бедные жилища.

Диалога обычно не происходило. Мы были в их глазах, как и англичане здесь в XIX веке, завоевателями. Постепенно враждебность и пустота вокруг советских войск в Афганистане нарастали… Уже тогда многие офицеры были убеждены в глубокой бесплодности нашей миссии. Полковник Ю.И. Шершнев, работавший в моем ведомстве, открыто говорил об ущербности советского военного вмешательства. Он даже написал об этом записку в ЦК. Мне с трудом удалось защитить его от неизбежных неприятностей.

В январе 1980 года, через месяц после вторжения, политбюро направило в Кабул шефа КГБ Ю.В. Андропова для бесед с новыми афганскими руководителями. По возвращении в Москву, 7 февраля, высокий посланец доложил партийной коллегии. В целом Андропов считал устранение Амина правильным, после чего «положение в стране улучшилось». Поддержавший все положения Андропова Устинов легковесно заявил, что наш «ограниченный контингент до окончательной стабилизации в Афганистане пробудет год, а то и полтора…». Брежнев, подводя итоги обсуждения, предложил «увеличить численность войск в Афганистане…»{746}. Хотя еще в начале января первоначальную численность войск уже увеличили на 50 тысяч человек{747}.

Лидеры страны прямым курсом шли к политическому поражению.

Брежнев, однако, до конца своей жизни, будучи уже совершенно больным, не раскаивался в содеянном. Его близкое окружение, особенно Андропов, Устинов, Черненко, не часто беспокоило генсека афганскими делами. Даже они еще не поняли, что история их головами и руками устроила в Афганистане коварную ловушку для СССР. Именно Афганистан, в сочетании с другими политическими, социальными и экономическими факторами, также явился причиной глубочайшего кризиса системы, который она не смогла

преодолеть. Одно из страшных последствий этого кризиса – распад Союза.

Высшие бонзы в политбюро до 1985 года верили, что в Афганистане можно стабилизировать обстановку. Считали: вот только уладим с расколом НДПА на крылья «хальк» и «парчам», активизируем военные операции, создадим в провинциях органы власти, верные Кабулу, и «дело» будет решено. Помню, как в одном приказе маршала Устинова 40-й армии ставилась задача: к XXVI съезду КПСС добиться полной нормализации ситуации в Афганистане…

Если бы все решалось партийными директивами, то СССР давно бы находился в земном раю.

К слову, на этом съезде Брежнев 23 февраля 1981 года огласил, с трудом выговаривая слова и фразы, причины и цели ввода советских войск в соседнюю страну. Уже тогда это звучало в высшей мере фальшиво, как дешевая пропаганда. «Империализм развязал настоящую необъявленную войну против афганской революции, – заявил генеральный секретарь. – Это создало прямую угрозу и безопасности нашей южной границы. Такое положение вынудило нас оказать военную помощь, о которой просила дружественная страна… Что касается советского воинского контингента, то мы будем готовы его вывести по согласованию с афганским правительством. Для этого должна быть полностью прекращена засылка в Афганистан контрреволюционных банд… Нужны надежные гарантии, что новой интервенции не будет…»{748}

Разговоры об «угрозе южным границам», «контрреволюционных бандах», чьей-то «интервенции» против Афганистана на Западе расценивались в мире как смехотворные и не заслуживающие никакого внимания.

На Старой площади в ЦК думали, как перед лицом почти всеобщего международного осуждения сохранить лицо, выглядеть если не респектабельно, то хотя бы терпимо в глазах мирового общественного мнения. Для этого эпизодически руководителям средств массовой информации, в армию, партийные комитеты шли вот такие трактовки вопросов, связанных с изменениями в афганском руководстве и вводом советских войск в Афганистан.

Предписывалось утверждать, что афганское руководство «многократно, минимум 14 раз, обращалось к нам с просьбами о вводе советских войск в Афганистан». Кармаль, требовалось говорить, вернулся в страну нелегально во второй половине октября 1979 года, вскоре после убийства Амином Тараки. Кармаль возглавил деятельность подпольных организаций против Амина. «В ночь с 27 на 28 декабря 1979 года произошло

выступление подпольщиков, членов НДПА, в результате чего режим Амина был свергнут. (Спецотряд ГРУ ГШ и не подозревал, что он так блистательно играет на афганской сцене роль «подпольщиков».) А 28 декабря Кармаль, успевший уже стать и генеральным секретарем ЦК НДПА, Председателем Ревсовета, премьер-министром ДРА, попросил у СССР военной помощи. Тот факт, что устранение Амина произошло в процессе начавшегося ввода в Афганистан советских воинских контингентов, «это только совпадение по времени и причинной связи здесь нет. К устранению Амина и его приспешников советские воинские части не причастны…»[{749}].

В «трактовке» этой – ни одного слова правды. Но отделы пропаганды и международной информации ЦК КПСС были большими мастерами одурачивания миллионов людей. Советские граждане верили этому бреду. По словам Шекспира: опять «приманка лжи поймала карпа правды».

Брежнев, перед тем как покинуть этот земной грешный мир, благословил с группой своих ближайших соратников одну из самых крупных авантюр последней трети XX века. Это не было случайностью. Чего только не говорили и не писали о внутренней подоплеке неожиданной интервенции: «Ловушка империализма США», забвение чужого «опыта» во Вьетнаме, угроза южным границам, испытательный полигон для советской армии и т. д. Однако истинный ответ содержится, как это ни парадоксально, в «трактовках» политбюро. С самого начала по воле ЦК КПСС возникла версия: «Советские войска в Афганистане выполняют интернациональный долг».

Вот истинная причина вмешательства! Она все оправдывает! Так же как Ленин изобрел категорию «профессиональных революционеров» для облагораживания деятельности бланкистских заговорщиков, так и КПСС позднее придумала термин «интернациональный долг», позволяющий оправдывать грубое вмешательство в дела других стран. Коминтерновское мышление Брежнева и его соратников, идеологическая приверженность марксистской доктрине «осчастливливания» народов помимо их воли – вот где лежат подлинные причины роковых решений брежневского руководства в конце 1979 года.

Не все знают, что за два года до своей смерти Брежнев и его престарелые единомышленники едва не ввергли СССР в еще одну, вероятно, более страшную авантюру – рассматривалась возможность вторжения в Польшу.

«Солидарность» вздыбила Польшу против коммунистического режима. Власть шаталась. Если бы не советские войска на Западе в Германии и сам СССР на Востоке, взявшие Польшу в клещи,

думаю, что режим рухнул бы без применения насилия. В тот август 1980 года ЦК направил Маршала Советского Союза В.Г. Куликова в Варшаву с задачей не выпустить ситуацию из-под контроля. Меня, тогда еще двухзвездного генерала, дали «в придачу» маршалу. Роль нашей группы свелась, однако, к систематическому «разъяснению» польскому руководству «советов» и «рекомендаций» ЦК КПСС. Руководители в Москве не хотели посылать и оставлять свои тексты в Варшаве, поручая доводить их содержание до Ярузельского и других лидеров ПНР вербально. Один-два раза в неделю лидер Польши Войцех Ярузельский приезжал в замок «Хеленув» под Варшавой, где Куликов, получив очередные инструкции из Москвы, вел трудные разговоры с умным поляком. По сторонам от маршала сидели генерал В. Аношкин и я. Ярузельский обычно слушал советские нотации один. Инструкции были однообразными: рекомендовалось взять под жесткий контроль средства массовой информации, дискредитировать активистов оппозиции, осуществлять разные политические маневры. Уже тогда речь велась о более «жесткой реакции властей социалистической Польши» на действия солидаристов.

Маршал Ярузельский с печальным лицом слушал очередной набор московских советов и в конце, как правило, заявлял: польская власть держит ситуацию под контролем. Поймите: прямое вмешательство СССР в наш кризис приведет к катастрофе. Ярузельский был между наковальней польских проблем и занесенным тяжелым военным молотом СССР. Думаю, роль Ярузельского еще должным образом не оценена: он сделал почти невозможное – смог убедить советских руководителей отказаться от «ввода» советских войск в Польшу. Хотя тогда прямо об интервенции ему не говорили. Осторожно, исподволь способствовал тому и маршал В.Г. Куликов, как я тогда понял, внутренний противник еще одной авантюры. А ведь советские войска в Чехословакии, ГДР, приграничных округах СССР уже готовились к «операции» (хотя и в большом секрете). Были разработаны соответствующие оперативные планы.

В глубокой тревоге и смятении я спросил Виктора Георгиевича, оставшись с ним один на один:

– Неужели будет совершена еще одна роковая ошибка?

Куликов внимательно посмотрел на меня и негромко заметил:

– Надо, чтобы этой «ошибки» не случилось, – и дипломатично перевел разговор на более безопасную тему.

Едва ли Ярузельский тогда все знал, но догадывался, что Москву не остановил Афганистан; возможна еще более страшная

война, теперь европейская. Он как будто чувствовал, что теряющий из-за болезни контроль над собой Брежнев поручил Черненко с группой членов политбюро предусмотреть необходимые меры по отношению к Польше – «на всякий случай».

«Меры» были предусмотрены: 28 августа 1980 года кремлевские ястребы М.А. Суслов, А.А. Громыко, Ю.В. Андропов, Д.Ф. Устинов и К.У. Черненко передали Брежневу документ всего на одной странице. Там говорилось:

«Обстановка в ПНР продолжает оставаться напряженной. Забастовочное движение приобретает общегосударственный масштаб». Далее в документе испрашивалось разрешение «на случай оказания военной помощи ПНР» привести с 18.00 29 августа в полную боевую готовность три танковые дивизии (ПрибВО – 1, БВО – 2) и одну мотострелковую дивизию (ПрикВО). Предусматривалось в общей сложности призвать из запаса 100 тысяч военнообязанных и 15 тысяч машин из народного хозяйства.

«При дальнейшем обострении обстановки в Польше, – говорилось ниже в записке, – потребуется доукомплектовать также дивизии постоянной готовности Прибалтийского, Белорусского, Прикарпатского военных округов до штатов военного времени, а при выступлении на стороне контрреволюционных сил основных сил Войска Польского увеличить группировку наших войск еще на пять – семь дивизий…»{750}

Два-три года спустя пришлось по этому поводу доверительно разговаривать с начальником Генштаба маршалом Н.В. Огарковым, он был очень встревожен. «Еще одна война, теперь на Западе, могла бы стать непосильным бременем для страны». Может быть, он вспомнил так называемое «чудо на Висле» в 1920 году? Маршал намекнул, что имел разговоры с некоторыми членами политбюро, осторожно отговаривал от самой возможности рассмотрения такого решения «польской проблемы».

Так или иначе Брежнев после ознакомления с этой зловещей бумагой прочамкал:

– Повременим пока…

То ли он не понял существа грядущего страшного дела или не хотел брать еще одну «обузу» на себя и на страну, ясно только одно: здесь генсек проявил спасительную сдержанность. Можно считать, что вопрос о новом вторжении висел тогда на волоске.

Таков большевистский режим, созданный Лениным: от воли вождя, даже больного, зависит порой больше, чем от целого народа…

Почти двадцатилетнее «правление» Брежнева, таким образом,

обрамлено в начале и его конце зловещими военными кампаниями, все более расшатывавшими стагнирующий Союз. Вот она, цена большевистского тоталитаризма.

Но в данном случае Брежнев, в силу своего болезненного, старческого маразма, все больше превращался в марионетку системы, освящая своей подписью подготовленные партийным аппаратом решения. Природа весьма экономно наделила генсека интеллектом. Однако он был лидером великой страны.

Таков парадокс власти: порой она долго жалует слабых, но удобных для режима людей.

Маршал, «Герой», лауреат…

Ни в одной стране мира о своих руководителях не рассказывали столько анекдотов, как в СССР. Если о Ленине и Сталине стали делиться народным юмором только после смерти «чудесного грузина», как охарактеризовал его однажды Ленин, то об остальных генсеках и лидерах много рассказывали при их жизни.

Советский политический анекдот, в центре которого обычно находится партийный вождь, совершенно уникальное творение народа. Только так он мог выразить свое отношение к собственным лидерам, в немалой степени фигурам не только зловещим, но часто и комическим в своей личной ничтожности, мелкотравчатости, ограниченности. Дело даже не в малограмотности Хрущева, тщеславии Брежнева, никчемности Черненко, а в специфическом отношении советских людей к системе, в которой они жили. Не имея возможности открыто сказать все, что они думают о «самом справедливом ленинском строе», коммунистической идеологии, всесилии спецслужб, простые граждане в укромных местах «упражнялись» в высмеивании своих лидеров, которые, несмотря на абсолютную закрытость их личной жизни, давали множество поводов для этих насмешек. Особенно преуспел в этом Леонид Ильич Брежнев. Думаю, если бы собиратели этого фольклора суммировали все, что было сказано о генсеке с сарказмом, насмешкой, издевкой, юмором, то получился бы не один том. Особенно высмеивали Брежнева за совершенно невероятное, гипертрофированное тщеславие.

«Правительство запрашивает соответствующий комитет:

– Где находится эпицентр последнего землетрясения?

– Под вешалкой, откуда свалился парадный китель Брежнева…»

Впрочем, анекдоты о Брежневе не надо было «выдумывать».

Как вспоминал бывший управляющий делами Совмина Михаил Сергеевич Смиртюков, «автором» многих анекдотов о Брежневе был сам… Брежнев. Он выкинет какой-нибудь «фортель», кто-то из окружения «вождя» расскажет знакомым, те еще кому-то – и пошел гулять анекдот{751}.

К концу жизни генсек не мог публично произнести и нескольких фраз, если они не были запечатлены для него на бумажке. Одряхлевший руководитель стал буквальным заложником текстов, которые ему готовили многочисленные помощники. Народное творчество сразу же отразило это в своих анекдотах:

«Брежнев встречает в аэропорту Маргарет Тэтчер и читает по бумажке:

– Дорогая и многоуважаемая госпожа Индира Ганди!

– Леонид Ильич, – шепчет ему помощник, – это Маргарет Тэтчер…

– Дорогая и многоуважаемая госпожа Индира Ганди! – вновь, шамкая, читает генсек, поправляя очки на собственном носу.

Помощник в отчаянии и пытается поправить Брежнева…

– Я и сам знаю, что это Маргарет Тэтчер, но ведь здесь написано: Индира Ганди?!!»

Порой острословы используют образ Брежнева, чтобы высмеять всю дряхлую камарилью, не способную ориентироваться в элементарных вопросах{752}.

Тщеславие – не редкое качество, но обычно люди, которые им поражены, умеют хотя бы как-то маскировать его, камуфлировать или скрывать. Брежнев был не в состоянии этого сделать.

Известно, например, что Брежнев закончил войну генерал-майором, не снискав слишком много наград за свою весьма обычную деятельность на фронте. Но, став генсеком, он, по существовавшему тогда неписаному положению, превратился сразу и в Верховного Главнокомандующего советскими Вооруженными Силами. И уже где-то в 1975 году, как мне рассказывал А.А. Епишев, неоднократно в разговорах с военными стал проводить мысль:

«– Люди мне пишут, настаивают: раз я являюсь Верховным Главнокомандующим, то должно быть приведено в соответствие с этой должностью и мое звание… Не может же генерал-лейтенант (это звание было присвоено ему после войны. – *Д.В.*) быть Верховным… Не знаю, что и делать… Напор общественного мнения, особенно со стороны военных, очень силен…»

И уже в мае 1976 года Министерство обороны организует представление в ЦК КПСС о присвоении генеральному секретарю ЦК КПСС, Верховному Главнокомандующему звания Маршала

Советского Союза. Естественно, Брежнев тут же им становится… Но маршальский мундир «требует» орденов. И они посыпались как из сказочной корзины. Брежнев не чувствовал и не понимал всей комичности своего положения.

К маршальскому мундиру одна за другой прикреплялись Звезды Героя Советского Союза – высшей награды страны. В 1966, 1976, 1978, 1981 годах он был «удостоен» звания Героя Советского Союза и еще раньше, при Хрущеве, стал Героем Социалистического Труда. Звездопад орденов на старческую грудь больного генсека продолжался до последних дней жизни.

А делалось это так. Вот, к примеру, в начале декабря 1966 года Суслов, беседуя с Подгорным у себя в кабинете, говорит:

«– Через неделю шестидесятилетие Леонида Ильича. Я предлагаю ему присвоить звание Героя Советского Союза. Генсеку будет приятно…

– Не возражаю. Надо обзвонить членов ПБ».

Тут же диктуется постановление ЦК КПСС: «В связи с исполняющимся 19 декабря с.г. 60-летием со дня рождения Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Брежнева Л.И.:

1. Присвоить тов. Брежневу Л.И. звание Героя Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»…»{753}

Партия сама (!) награждает высшей государственной наградой человека, даже не спрашивая орган, который по Конституции имеет право это делать… Президиуму Верховного Совета СССР остается лишь «оформить» решение, принятое на Старой площади.

Были предложения учредить «наивысшее звание» Героя коммунистического труда и первым его присвоить, как писал в Москву киевлянин Давидюк СМ., Леониду Ильичу Брежневу…{754} Но у членов политбюро хватило на этот раз благоразумия не доложить «народное предложение» генсеку. Если бы сообщили, быть бы у нас и «Героям коммунистического труда» во главе с четвертым «вождем».

Лидеры социалистических стран соревновались, награждая высшими орденами Брежнева, который после инсульта 1976 года заметно утратил и без того весьма скромные умственные способности. Думаю, что все первые советские руководители от Ленина до Горбачева имели меньше государственных наград, чем один Леонид Ильич…

Как пишет известный историк-портретист Р.А Медведев, «в кампанию по восхвалению Брежнева включались нередко и иностранные деятели, особенно из числа тех, что имели деловые и иные отношения с СССР; всем было видно, как советские органы

массовой информации всячески стремились к облагораживанию и лакировке образа Брежнева. И поэтому ни Вилли Брандт, ни Генри Киссинджер, которые были первыми западными политиками, установившими тесный контакт с советским лидером, будучи опытными дипломатами, не хотели идти против течения. После своих встреч с Брежневым они отзывались о нем на разных пресс-конференциях с большой похвалой. Иначе писали они о нем же позднее в своих мемуарах, отойдя от непосредственного участия в большой политике»{755}.

Самое интересное заключается в том, что Брежнев искренне верил, что все бесчисленные награды, которыми он фактически награждал сам себя, заслужены им честно и справедливо. Со временем генсек сам глубоко, искренне поверил в свою особую историческую роль на войне, свое «маршальство», кавалерство ордена Победы. Даже к маршалу Жукову, прославленному герою войны, его памяти стал относиться с некоей ревностью. Подхалимское окружение настойчиво внушало Брежневу, что его дела, решения, участие в различных событиях имело и имеет чуть ли не судьбоносный характер. Это именно они настояли, чтобы в первых шести изданиях «Воспоминаний и размышлений» Жукова были вставлены насквозь фальшивые фразы о том, что Георгий Константинович, оказавшись в 18-й армии, которой командовал генерал К.Н. Леселидзе, захотел якобы «посоветоваться с начальником политотдела объединения Л.И. Брежневым», но этого сделать не удалось, поскольку герой «Малой земли» находился на плацдарме…

Книги, художественные фотоальбомы, бесчисленные телепередачи, славословия подхалимов создавали общественную атмосферу поклонения перед слабым и больным человеком, который наверху устраивал всех. Брежнев не обошелся, конечно, и без скульпторов и художников. В его рабочих записях за апрель-май 1976 года, например, указывается, что персону генсека лепит талантливый скульптор Сонин, а живописуют импозантную фигуру «вождя» такие известные художники, как Глазунов, Мальцев, Налбандян, другие мастера{756}. К слову, в запасниках многих студий и по сей день хранится множество портретов и скульптур советских вождей, навсегда вышедших в исторический тираж…

Если бы Леонид Ильич любил читать, то мог бы встретить у Джонатана Свифта строки: «Тщеславие, скорее, есть признак своего ничтожества, нежели величия». Но, увы, читать, как мы знаем, он не любил…

Если бы был книгочеем, то, возможно, знал бы и такую интересную историческую деталь.

После разгрома Наполеона Сенат решил преподнести Александру I особый титул: «Благословенный», в знак «особых заслуг по спасению отечества». Император вежливо выслушал решение Сената, но твердо отказался, сказав при этом:

– Когда мы с Богом, то и Бог с нами…{757}

Выпячивание собственной бесцветной личности, страсть к наградам, всякого рода побрякушкам стали носить просто болезненный, параноидальный характер. Брежнев радовался как ребенок, когда ему вручали статуэтку «Золотого Меркурия», Ленинскую премию мира, «Золотую медаль мира» имени Ф. Жолио-Кюри, афганский орден «Солнце Свободы», высшую награду в области общественных наук – Золотую медаль имени Карла Маркса, Ленинскую премию в области литературы, новый партийный билет № 00000002 (первый, конечно, предназначался мысленно покойному Ленину), комсомольский билет № 1 или просто первый значок «50 лет пребывания в КПСС»…

Тщеславие обрело гротескные формы. Вся страна, едва пряча саркастическую усмешку, почти открыто потешалась над своим незадачливым руководителем. Соратники генсека (не все, правда) при бесчисленных награждениях изображали вежливые улыбки и отводили в сторону от объективов телекамер свои взгляды. Даже им было стыдно.

Не случайно Горбачев, едва заняв пост генсека, на одном из «своих» заседаний политбюро заявил, опираясь на письмо одного коммуниста, дескать, «народ считает, что 19 «Золотых Звезд» Л.И. Брежнева и третья «Золотая Звезда» К.У. Черненко не только подмочили их собственный авторитет, но и рикошетом ударили по членам политбюро ЦК КПСС. Люди не без основания сетуют: «А куда же смотрит Политбюро в подобных случаях? Неужели его члены считают, что генеральных секретарей, да и их самих, можно награждать как угодно и сколько угодно?»{758}

Горбачев, выступив против славословия, возвеличивания «первых» вождей, снискал этим на первых порах немалый авторитет. Он, однако, не сказал ни тогда, ни позже, что дело совсем не в орденских «звездах», а в том особом монопольном, бесконтрольном положении, которое занимают лидеры партии в системе, основанной на «ленинских» принципах. О крупных деятелях эпохи обычно судят по свершениям, величине перемен, их мемуарам, воспоминаниям современников, литературному и эпистолярному наследию. Но следует сделать одну существенную поправку к жизни советских лидеров. Кроме Ленина и в определенной мере Сталина, последующие вожди практически ничего сами не писали. Я ознакомился в архивах с огромным количеством документов, которые как будто принадлежали

Хрущеву, Брежневу, другим вождям. «Как будто» говорю потому, что все эти люди были «чтецами» готовых докладов, речей, записок, выступлений, сами практически ничего не писали, за исключением однообразных резолюций и каких-то неуклюжих помет в блокнотах, настольных календарях, записных книжках.

В этом смысле творчество «лауреата» высшей советской литературной премии – «уникально». Его многочисленные и пухлые сборники речей и статей отражают уровень бюрократического мастерства партийного аппарата и «генеральную линию» КПСС. Личностные параметры в тех речах обнаружить невозможно. К тому же Брежнев, очень любивший выступать, появляться на телевидении и крупных форумах, обладал к концу жизни редким косноязычием, связанным не в последнюю очередь со стоматологическими операциями. Жаль по-человечески Брежнева в его мучениях. Но физические недостатки не могут служить помехой, если у человека ясный, сильный, аналитический ум. Классический пример – американский президент Рузвельт, выдающийся государственный деятель XX века.

Другое дело с Леонидом Ильичом Брежневым. Заметная интеллектуальная деградация генсека к концу жизни усугублялась публичной немощью и косноязычием. Ни сам Брежнев, ни его соратники не смогли вовремя определить время его ухода с политической сцены…

Вот одна записка Брежнева по «стоматологическому» поводу в Бонн советскому послу В.М. Фалину.

«Валентин Михайлович – прошу передать врачам что я жду их с надеждой на успех дела – мне очень трудно передать ощущение во всех деталях от того, что я испытываю от ношения оставленной модели, хотя я все время пользуюсь ею. В целом хотелось бы, чтобы она была легче – особое неудобство я испытываю в местах соединения модели с моим мостом – выпирание моих крайних зубов создает неприятное ощущение для языка. О всем этом мы говорили в Москве и поэтому я не хотел бы вносить новых замечаний. С уважением Л. Брежнев.

22. X-74».

Здесь же приложена еще одна записка.

«Валентин Михайлович! Завтра 23 октября поездом через МИД спецкурьером на Ваше имя будет отправлены два груза в одном два ружья, которые прошу вручить врачам – содержание второго (кабан) посылаю лично Вам.

Л. Брежнев»{759}.

Зубы, челюсть, мост – все ясно. Весь советский народ давно знал, что для Брежнева его спичрайтеры старались избегать

некоторых слов – он не был в состоянии их произнести. Но что совпосол Фалин должен был делать с охотничьим трофеем Брежнева в Бонне? Генсек отстреливал только крупных кабанов…

Но мы отвлеклись. Несколько брошюр, именуемых «книгами» Леонида Ильича («Возрождение», «Целина», «Малая земля»), были, конечно, написаны другими людьми. Брежнев с трудом смог лишь их одолеть, читая эти брошюры.

Умственный багаж Брежнева в литературе был на уровне малограмотного человека. «Читал» ли генсек остальные «свои» труды, можно только догадываться.

Впрочем, литературные работы Леонида Ильича освящались «коллективной волей» политбюро. Так, например, в конце заседания политбюро 13 апреля 1978 года, где присутствовали 14 членов, кандидатов в члены и секретарей, Брежнев сам поднял вопрос о своих «воспоминаниях». В протоколе со специфической рубрикой «За повесткой дня» Леонид Ильич обратился за поддержкой к соратникам продолжить публикацию своих «воспоминаний». Брежнев заявил, что «при встречах с руководящими работниками, военными и другими товарищами ему «говорили, что это очень полезное дело для воспитания народа…». Если не будет возражений у членов ПБ, я бы мог вместе с небольшой группой товарищей продолжить эти воспоминания…».

Как и следовало ожидать, члены политбюро едва ли не хором поддержали «самоотверженную» литературную деятельность своего генсека…{760} И тут же известные журналисты, не обделенные талантом, А. Аграновский, А. Сахнин, А. Мурзин, другие литераторы, возглавляемые помощниками генсека, были привлечены к делу и приступили к работе. Ведь Брежнев заявил, что его «воспоминания – очень полезное дело для воспитания народа»… Интеллектуальная проституция давно стала нормой внутренней жизни КПСС. Любой секретарь райкома партии считал нормальным, когда для него пишут не только доклады, но и статьи в газеты, а некоторым и диссертации.

«Книги» Брежнева выходили огромными тиражами, прекрасно оформлялись. Писали их, как мы знаем, хорошие профессионалы. Но эта «литература» не волновала людей… В работах, по сути, нет ничего брежневского: глубоко личного, неизвестного, сугубо откровенного, покаянного. Ничего сверхдраматического, парадоксального, необычного. Как бы ни живописались события войны, послевоенного восстановления, подъема целины, в «книгах» не видна личность. Посредственность, даже увешанную множеством орденов и увенчанную бесчисленными титулами и высокими званиями,

нельзя превратить в гения, даже в незаурядную личность. «Книгам» Брежнева суждена «грибная», короткая жизнь. Сегодня они – лишь как штрих, специфическая черта «брежневской эпохи».

Отмечая редкое тщеславие Брежнева, следует заметить, что оно не мешало ему быть очень сентиментальным, слезливым, по-своему очень добрым человеком, чем не раз пользовались его многочисленные прилипалы и подхалимское окружение. Можно даже сказать, что он любил людей, умел с ними общаться (пока не был болен), не раз помогал не только знакомым, но и тем, кто затронул его душу рассказом, жалобой, обращением. Нередко при просмотре фильма, концерта у генсека тут же рождалось желание немедленно наградить ведущего артиста орденом, присвоить ему какое-либо почетное звание или еще чем-либо отметить. Так обычно и делали. Помощник Горбачева А.С. Черняев приводит в своей книге поистине анекдотический эпизод. «Леонид Ильич очень любил смотреть многосерийку «Семнадцать мгновений весны», – пишет автор. – Смотрел раз двадцать. Однажды, когда в финале фильма Штирлицу сообщают, что ему присвоено звание Героя Советского Союза, Брежнев повернулся к окружающим и спросил:

– А вручили уже? Я бы хотел это сделать сам.

Рябенко (начальник охраны) стал хвалить актера Тихонова. Другие подхватили. Брежнев прервал их:

– Так за чем же дело стало…

И через несколько дней лично вручил Звезду Героя Советского Союза и орден Ленина… артисту Тихонову в полной уверенности, что это и есть Штирлиц…»{761}

Вот такой «непосредственный» был у нас с вами руководитель…

Брежнев воспринимался в быту как «добрый», коммунистический «царь»… Если бы еще он не имел на своем счету Чехословакию, Афганистан…

Как и подобает «доброму царю», Брежнев любил делать окружавшим его людям приятное: подарки, просто оказывать какое-то вельможное внимание. У Брежнева было очень много личных друзей, которых он не забывал, одаривал, продвигал по служебной лестнице{762}. К.У. Черненко, К.С. Грушевой, С.К. Цвигун, Н.А. Щелоков, Г.К. Цинев, И.И. Бодюл, Г.Э. Цуканов, СП. Трапезников, М.Х. Калашников, многие другие давние знакомые быстро заняли значительные посты в партии, государстве, армии, «органах». Генсек не забывал поздравить каждого из многочисленных приятелей: позвонить по телефону, прислать роскошную открытку, именной подарок. Так, например, генерал-полковник Грушевой, член Военного совета Московского военного

округа, после своего дня рождения пришел в Главное политуправление СА и ВМФ показывать знакомым военнослужащим теплые слова приветственного текста от Брежнева и красивые золотые наручные часы.

Даже критиковал Брежнев по-своему. Как писал весьма пристрастно его зять Ю.М. Чурбанов, это была критика «брежневская». «Леонид Ильич, – вспоминал родственник, – как никто другой умел так журить людей, что они на него никогда не обижались»{763}.

Брежнев, таким образом, цементировал свой «дворцовый» фундамент личной власти не с помощью страха, как, допустим, Сталин, а используя приятельский, доброжелательный характер отношений. Генсек любил долгие и обильные застолья, большую охоту, людную рыбалку, быструю езду на роскошных автомобилях, которые он коллекционировал.

Во времена Хрущева будущий генсек и остальные члены политбюро трудились на Старой площади по 10–12 часов, часто направлялись в командировки, корпели по многу времени на бесчисленных всесоюзных и партийных совещаниях, возглавляли многочисленные комиссии.

Теперь генсек устроил для себя совсем другой режим работы, особенно когда в середине семидесятых годов у него резко ухудшилось здоровье. Последние пять-шесть лет этот больной, маразматический человек работал номинально. Приезжал на два-три часа в кабинет, по нескольку дней в неделю находился в Завидове, знаменитом охотничьем хозяйстве недалеко от Москвы. Аппарат ЦК вершил все дела, лишь иногда заручаясь подписью Брежнева на какой-либо важной бумаге. Впрочем, генсек старался облегчить жизнь и своим соратникам.

Вскоре после прихода к власти, по его настоянию, политбюро принимает 28 июля 1966 года решение, согласно которому члены высшей партийной коллегии стали иметь по два с половиной месяца отпуска в год. При этом они «начинали работу в 9 часов утра и оканчивали в 17 часов с обязательным перерывом на обед»{764}. Когда Брежнев стал уже на глазах всей страны, да и мира «разваливаться», политбюро приняло еще ряд дополнительных мер по охране драгоценного здоровья генсека. Его везде сопровождала реанимационная машина с медицинским персоналом; в местах его работы были оборудованы соответствующие оздоровительные кабинеты, и фактически с 1978 года только летний отпуск генсека был доведен до двух с половиной месяцев{765}.

О болезнях Брежнева знала вся страна, да и весь мир, но ЦК, его политбюро всячески пытались скрыть то, что было очевидным.

Выступая 18 марта 1975 года в Будапеште перед руководителями восточноевропейских компартий, Брежнев долго рассказывал им, как он «переутомлен», но совсем не «болен». На самом деле он уже был серьезно болен. В завершение этой темы сказал:

– Я очень просил бы товарищей иметь в виду, что, хотя я действительно некоторое время был нездоров, мы у себя твердо условились не говорить об этом публично Мне нужно некоторое время и соответствующий режим, чтобы снять утомляемость. Ничего другого у меня нет. Я признателен товарищам за заботу о моем здоровье и хочу, пользуясь этим случаем, заявить вам, что я боец и буду им до конца{766}.

Политбюро, министры здравоохранения Петровский, затем Чазов, начальники 4-го Главного управления, по сути, проводили необычный эксперимент: как долго может изображать работу смертельно больной и старый человек. У меня сохранилось одно личное наблюдение, касающееся последних октябрьских дней 1982 года. Тогда за две недели до смерти Брежнева я видел его живым в последний раз. Пишу по памяти, было это 28 или 29 октября 1982 года.

…Проходило традиционное годичное совещание высшего командного состава Советской Армии и Военно-Морского Флота. На другой день его работы нам объявили, что завтра оно пройдет в Кремле, в Свердловском зале.

В 10 часов утра, когда маршалы и высший генералитет, среди которого находился и автор этих строк, заняли свои места, в зал из-за кулис ввели Брежнева. Рядом с ним шел маршал Д.Ф. Устинов – министр обороны, с другой стороны – крупный молодец со стаканом чая. Одной рукой он держал чай, а другой – более крепко – поддерживал за локоть генсека. Так его неспешно довели до трибуны в зале.

Уже не помню, что на протяжении 15–18 минут нечленораздельно говорил Брежнев, водя пальцем по бумажке с крупно отпечатанным текстом. Его глаза перескакивали через отдельные строчки, и генералитет слышал сплошную абракадабру… Почти никто не вслушивался в бессмысленность текста, всех, думаю, заботило одно: выстоит ли? Не рухнет ли генсек прямо здесь, в зале? Зачем этот жалкий спектакль, который организовал подобострастный Устинов? Всем было жаль Брежнева и стыдно за великую страну.

Когда Брежнева таким же порядком молодец увел за кулисы, зал облегченно вздохнул…

Беспомощный лидер великой, могучей страны…

Брежнев очень интересовался, что говорят и пишут о нем. Естественно, если была такая потребность у вождя, были и люди,

которые ее щедро удовлетворяли. Брежнев, органически не любивший читать не только серьезную литературу, официальные документы, но и «собственные» произведения, нередко проводил час-другой за прослушиванием откликов о его выступлениях, «книгах», поездках, встречах, инициативах… Разумеется, это слащавое чтиво еще больше усиливало в Брежневе искреннюю уверенность в своем величии, незаменимости, мудрости.

Этот лидер, над которым полуоткрыто потешался его народ, с серьезным видом мог подолгу заниматься рассмотрением и обсуждением вопросов: какие сувениры подарить приезжающему главе государства, его жене, сопровождающим лицам. В записях генсека множество пометок и цифровых выкладок о стоимости бриллиантов, оренбургских платков, янтарных наборов и т. д. По сути, генсек давно уже превратился в главного придворного церемониймейстера, декоративного «вождя», решения которого рождаются не в его голове, а за спиной – в опытном, отдрессированном аппарате, где действительно было немало умных работников. Например, стоит назвать одного из них – А.М. Александров-Агентов, всесторонне развитый, высокообразованный человек, дипломат, спичрайтер, помощник. Но усилия даже таких людей не могли скрыть убогости мышления генсека, его примитивных рассуждений, которые порой удавалось локализовать (при встречах с иностранцами) опытным переводчикам.

Брежнев любил делать подарки (за государственный счет), любил и сам получать. За рубежом ему дарили шикарные машины, в стране – роскошные ружья, сабли, вазы, отделанные бриллиантами, золотые часы с дорогими камнями и т. д. Когда к семидесятилетию генсека из Якутии привезли в Москву великолепную вазу из кости с серебром, отделанную бриллиантами, многочисленными красными розами из дорогих металлов и редких камней, Брежнев несколько раз обошел вокруг замечательного произведения искусства, всячески выражая свое искреннее восхищение творением рук человеческих…

Даже бюст самого Брежнева, отлитый из чистого золота, преподнесли генсеку в одной из республик к его 70-летию…

Но эти же люди, осыпавшие полувыжившего, полураспавшегося Брежнева изысканными ценностями, сами отобрали у его семьи в 1988–1989 годах дареное. Его жена Виктория Петровна совсем не протестовала и молча вернула многочисленные знаки холуйского внимания к «вождю». Думаю, упрека заслуживает не только сам генсек, почти впавший в детство, что касается наград и «призов за власть», но и целая когорта высоких партийных сановников, ломавших голову: чем

бы еще завтра удивить Брежнева? Он им был нужен такой – слабый, податливый, слезливый. За этим всем стоит не только гримаса большевистского вождизма, но и человеческая драма больного человека.

Все советские лидеры (точнее, шестеро из них) умерли в собственных постелях. Никто добровольно не отказался от своего поста, даже когда он был не в состоянии его «блюсти». Правда, Брежнев раз-другой в узком окружении заводил разговор о том, что стал «стар», мол, «пора и на отдых». Но эти сентенции были не чем иным, как откровенным желанием в очередной раз услышать дружные панегирики о своей «незаменимости» и о том, что «народ этого не поймет».

Люди смертны. Это только у природы не существует ни юности, ни старости, ни кончины.

Рабочие записи генсека

Старые письма, пожелтевшие манускрипты, ветхие фотографии, выцветшие дневники – Страна Прошлого… Вернуться туда можно только мысленно. Часто не имеет значения, кому принадлежат раритеты: карликам или гигантам мышления, «любимчикам» истории или ее изгоям… Все это свидетельства навсегда отгоревшего и ушедшего времени.

Мы о своем советском прошлом, в котором было много и героического, и трагического, и преступного, судили обычно по октябрьскому перевороту, нэпу, коллективизации, индустриализации, большому террору, Великой Отечественной войне, «великим стройкам коммунизма», ГУЛАГу, космосу, венгерским, чехословацким, польским, афганским событиям, перестройке и по многому, многому другому. И это верно. Но иногда неизвестные документы, личные записи человека могут придать неповторимый колорит тем десятилетиям, которые унесены рекой времени в бесконечную невозвратность. Особенно если это записи государственного человека или тем более первого лица страны.

Брежнев, при своей низкой общей культуре и грамотности, оставил немало рабочих записей: с заседаний съездов и пленумов, в настольных календарях, записных книжках, дневниковых пометах ежедневного характера, бесчисленных резолюциях. Они по-своему интересны, ибо рельефно высвечивают не просто облик человека, стоявшего на самой вершине пирамиды власти, но и приоткрывают полог над тайнами (мелкими и крупными) управления великой страной. Подобные записи – своеобразная, фрагментарная анатомия всего того, что навсегда ушло, что никогда не вернуть или, точнее, можно «вернуть» только мысленно. Поэтому в этом разделе очерка о Л.И. Брежневе я хотел бы коснуться его текущих рабочих, служебных, дневниковых записей как политработника, члена высшего руководства, генерального секретаря гигантской партии. При всей личностной, субъективной, скажем даже, метафизической содержательности записей они также составляют едва уловимую ткань нашей с вами истории…

Не думаю, что свои записи Брежнев вел из тщеславных побуждений, тем более что в них немало такого, что едва ли могло поднять генсека над историческим плоскогорьем бытия. Полагаю, то была обычная для многих партийных руководителей привычка сначала записывать «указания» своих начальников, чтобы их исполнять, затем, через годы, уже записывать, чтобы

самим давать указания, а потом просто, став генсеком, фиксировать мгновения собственной «великой» жизни. Многое предназначалось и для будущего, для «потомков».

«Черненко К.У.

Наверное, это письмо вместе с запиской Голикова В.А. следует поместить в личный архив – у меня была и сейчас продолжается переписка с народом – трудно все сохранить.

Л. Брежнев. 13/VI-76»{767}.

Но задолго до этого, когда еще не было «переписки с народом», полковник Л.И. Брежнев вел рабочие заметки, начиная с конца войны, а точнее, с 1944 года.

«Зам. начальника 2 воздушной дивизии – к партответственности за мародерство исключить из партии. Срок – 1 день».

«С тов. Мехлис: о заградотрядах – забрать коммунистов…»{768}

Довольно полуграмотные (с военной точки зрения) записи свидетельствуют об обычной фронтовой практике непрофессионального офицера среднего уровня. Но Брежнев все эти записи сохранял, возил с собой, пока они не «осели» в архиве генсека.

Очень много записей в различных блокнотах, в которые будущий генсек заносил установки и указания Н.С. Хрущева на различных совещаниях, заседаниях (об откорме скота, когда его сдавать, об использовании естественных откормочных угодий и т. д.). Вообще до снятия Хрущева с поста первого секретаря Брежнев уделял ему повышенное внимание и фиксировал в своих записях: когда «провожал Никиту Сергеевича», где он «отдыхает», что Никита Сергеевич «передавал по телефону», какой материал «подготовить к его приезду» и т. д.

Выполняя распоряжения Хрущева, член Президиума ЦК Брежнев часто выезжал «на места», проводил «линию» первого секретаря. Так, в конце октября 1957 года он вылетел в Группу советских войск в Германии для выступления с докладом на заседании партийного актива по факту снятия маршала Г.К. Жукова с поста министра. В рабочих пометах Брежнева к докладу, в частности, говорится:

«…Факты свидетельствуют о тенденции т. Жукова к неограниченной власти. Недавно т. Жуков предлагал заменить председателя Комитета государственной безопасности и министра внутренних дел военными работниками. Чем продиктовано это предложение? Не тем ли, чтобы возглавить руководящие посты в этих органах своими людьми, кадрами по признаку личной преданности? Не является ли это стремлением

установить свой контроль над КГБ и МВД?»{769}

Так Брежнев по указанию Хрущева развенчивал великого полководца, которого побаивались в разное время и Сталин, и Хрущев, и сам Брежнев…

В записях «хрущевского периода» преобладают военно-промышленные темы: беседы с конструкторами, заслушивание отчетов об испытаниях военной техники, звонки директорам оборонных заводов. Брежнев, будучи фаворитом Хрущева, тогда очень много работал. Правда, в это же время множество «охотничьих» записей типа:

«Говорил с Н.С. о охоте».

«Уехал в 4 часа на охоту с Юрой».

«Убил трех кабанов в Завидово».

«Завидово-лось…»

При всей занятости Брежнев очень часто отдавался охотничьей страсти, хотя никогда не был аристократом. Странное увлечение… Уничтожение живых существ как способ морального удовлетворения каких-то нездоровых инстинктов далекой старины. В свое время я видел в усадьбе Тито в Белграде специальный охотничий «домик» с его многочисленными трофеями: сотни рогов и шкур убитых им животных… Охота не как способ существования, а как удовлетворение кровавой прихоти… Может, это у советской аристократии осталось от Романовых? Николай II, подводя итоги первому году своего царствования, написал: «Всего убито мной на охоте 3 зубра, 28 оленей, 3 козы, 8 кабанов, 3 лисицы = 45»{770}. А что изменилось, что произошло в империи за этот год? Дневники не дают ответа.

Со временем охота для Брежнева превратилась в самое главное духовное отдохновение. За два-три года до кончины его ослабевшие руки уже плохо держали оружие (в коллекции генсека было около ста великолепных, дорогих ружей). Несколько раз, стреляя по животным в Завидове, он разбивал себе брови, переносицу, нос; руки были не в состоянии удержать «отдачу». Об этой части жизни Брежнева весьма интересно написал бывший начальник его охраны генерал Владимир Тимофеевич Медведев. Теперь «охота» под занавес жизни была другой: он руководил, командовал, а стреляли по оленям и кабанам его охранники. Последний раз он «охотился», пишет Медведев, «за сутки до смерти»{771}. Брежнев так любил охоту, что главному егерю в Завидове присвоил генерала и за короткий срок наградил его вновь учрежденным орденом «За службу Родине» всех трех степеней! Первого в Вооруженных Силах: не подводника, ракетчика или летчика, а профессионального охотника… Правда, в Главном управлении кадров Министерства обороны, понимая

такую нелепицу, оформили документы генералу-егерю за номером десять. Перепали награды и помощникам егеря…

Брежнев любил отправлять свои богатые охотничьи трофеи друзьям, знакомым, «полезным» людям. Я уже писал выше, как он осчастливил сов. посла в Бонне Фалина целым кабаном, а в другой раз Леонид Ильич выслал самолетом «доктору Якобу из Бона» (так в тексте) и «доктору Озинга из Дюсендорфа» (так в тексте Брежнева) свою добычу из Завидова…{772}

Интересная деталь. С середины 1964 года записи исчезают… Брежнев работает, выступает, фиксирует на отдельных листках указания и распоряжения Н.С. Хрущева, но о чем-либо остальном ни слова. В это время, как мы знаем, исподволь велась работа по подготовке к смещению первого секретаря, и Брежнев был предельно осторожен: почти не писал о встречах с «соратниками», не упоминал об охоте, о звонках и т. д. Формировался внутрипартийный заговор.

Лишь после того как удалось «свалить» Хрущева, во второй половине октября 1964 года, вновь появляются обильные записи в рабочих тетрадях, блокнотах, специальных книжках для заметок, выдаваемых членам политбюро.

«О докладе тов. Полянскому» (подчеркнуто){773}.

«О докладе тов. Суслова на пленуме (разослать)».

«Посоветоваться о сыне Берия (в Дарнице квартира)».

«О Председателе Совета обороны» (по положению им всегда был генсек. – *Д.В.*).

«Активы на местах (о снятии Хрущева. – *Д.В.*) прошли под аплодисменты…»

«Спрашивают: почему выступал на съезде ОН с двумя докладами».

«Звонил Игнатов: мол не поговорить ли на очередном пленуме, мол не все кончено и т. д. Я не разделяю этой точки зрения»{774}.

Последнее замечание Брежнева очень важно. Сегодня известно, что кое-кто в руководстве осенью 1964 года не хотел ограничиться снятием одного Хрущева. По старой привычке предлагали убрать из обоймы руководителей и самых близких к бывшему первому секретарю людей. Такие, как Игнатов, фактически советовали провести небольшую партийную «чистку» в руководстве – в центре и на местах.

Брежнев, при всей ортодоксальности своего партийного «характера», не хотел этого делать. И прежде всего потому, что формально все они были «сторонниками» Хрущева, все его славословили и превозносили, а сам Брежнев был явным фаворитом… По предложению Суслова высшие руководители

ограничились на пленумах общими фразами о вреде «волюнтаризма и субъективизма» и сделали все для того, чтобы вычеркнуть, убрать из народной памяти Хрущева… Не получилось. Хотя почти два десятилетия на имя Хрущева было наложено табу. Старая площадь хотела, чтобы люди, по сути, жили по древнеримскому закону «Об осуждении памяти», когда усопший император (если он чем-либо не нравился новому) предавался официальному забвению. Почти за два десятилетия Брежнев не счел нужным (ни разу!) встретиться с Хрущевым, позвонить ему, о чем-то с ним посоветоваться… Даже в мемуарах у авторов нередко вымарывали фамилию бывшего «вождя» партии и страны.

Но память живет по своим объективным законам и не зависит от директив политбюро или указаний генсека. О большинстве из тех, кто «свергал» в октябре 1964 года Хрущева, сегодня многие (если не большинство) живущие в России люди (особенно молодые) не знают вообще ничего. Никто им не давал указаний их «забыть». Нет. Ил истории постепенно и навсегда поглощает их имена. А взбалмошный Хрущев останется навечно на исторической поверхности…

На первых порах, когда Брежнев пришел к руководству, некоторые люди из его ближайшего окружения толкали нового лидера на пересмотр решений XX и XXII съездов партии, решительно осудивших культ личности. Особенно старались в этом такие сталинисты, как СП. Трапезников (ставший заведующим отделом науки и позже академиком при всей его глубокой примитивности) и один из помощников, В.А. Голиков. В бумагах Брежнева есть решения XX съезда с подчеркиваниями (правда, не ясно чьими), есть проект его выступления в Тбилиси (забракованный) со сталинистским «душком». Сталинские взгляды разделяли тогда и К.У. Черненко и Н.А. Тихонов – очень близкие к четвертому «вождю» люди.

Об этой скрытой борьбе в ближайшем окружении Брежнева хорошо рассказывает академик Г.А. Арбатов в своем очерке «Из недавнего прошлого». Эти люди, пишет Арбатов, «вместе с наиболее консервативными членами Президиума и Секретариата ЦК КПСС все же смогли быстро сбить какое-то подобие общей идейно-политической платформы. Во внутренних делах добивались отмены решений XX и XXII съездов КПСС, полной реабилитации Сталина…»{775}

Новый лидер симпатизировал Сталину, но боялся вновь поднять его на пьедестал. Колебался Брежнев, однако, больше потому, что радикальный пересмотр взглядов на роль Сталина в советской истории вновь вызовет брожение умов, протесты,

борение страстей. А он очень не хотел этого.

Брежнев колебался. В конце концов все закончилось «компромиссом». Сталина перестали критиковать в печати и, наоборот, нет-нет да и упоминали его в плане былых заслуг. Но решиться на пересмотр исторических решений XX съезда «духа» не хватило. На «дворе» было уже другое время. Брежнев, как глубоко консервативный человек, сочувствуя в душе Сталину, понимал, что открытая реабилитация тирана вызовет огромную антисоветскую волну в зарубежье, не пройдет бесследно и в СССР Новый лидер, будучи исключительно слабым «теоретиком», счел за благо занять некую «промежуточную» позицию, полуосуждающую сталинизм и полуреабилитирующую его.

До 1968 года Брежнев вел свои рабочие записи спонтанно, нерегулярно, часто без указаний даты, месяца и года. Похоже, лишь для собственной памяти. Вот как, например, велись эти бессистемные рабочие записи в 1968 году в отдельной общей тетради. Стиль и пунктуация генсека не изменены.

«О создании Академии литературы и искусства…»

«Кто мне готовит речь в Чехословакию?»

«О наградах. Дать Гречко орден Ленина, Ворошилову и Буденному – героев. Епишеву – Ленина, Тимошенко, Еременко, Баграмяну и Москаленко – ордена октябрьской революции. Всем маршалам дать по служебной «чайке».

«О законодательстве – высылать за пределы страны» «О Хрущеве – его «мемуары».

«О допуске всякой швали к военным архивам и их использованию в неблаговидных целях – ужесточить…»{776}

Император Николай II в своих «безразмерных» дневниках, числом в 50 тетрадей, охватывающих 36 лет, не пропустил ни одного дня!{777} Это был, в общем-то, мягкий, слабый, неглупый, совестливый человек, но… император! Но и он не писал о «швали», которую нельзя допускать к архивам, о контроле над мемуарами, которые пишут его сановники, о «совершенствовании» законодательства, позволяющего более просто выдворять своих вольнодумных подданных за околицу отечества.

Власти и бескультурья у советских генсеков было значительно больше, чем у российских царей.

Записи за 1973–1974 годы в тетради с красной корочкой. Теперь почти до самой смерти генсек, хотя далеко и не ежедневно, будет оставлять для истории свои пометы. Обычно толстым пером авторучки или фломастером.

«1 сентября. Разговор с тов. Андроповым Ю.В. Случай в Мавзолее. (Видимо, одно из нескольких случившихся покушений

на мертвого Ленина посетителями пантеона. – *Д.В.*)».

«8 сентября. О Сахарове – принимать или нет. Еще раз посоветуюсь в ЦК. О помощи Индии – дать 200–250 т.».

«11 сентября. Еще раз поговорить с Алексеем Николаевичем о приеме Сахарова. Нам следует продумать вопрос более глубокого и крупного сотрудничества с ФРГ – в пику Франции».

«8 октября. Переговоры с Танака и сопровождающими его лицами. Говорит о «мирном договоре» и островах. Мол, народ об этом говорит!!!»

«21 октября. В случае гражданской войны в Чили – помогать (всем и оружием). Не порвать ли самим дип. отношения с этим фашистским режимом вместе с соц. странами это нас объединило бы»{778}. (Написание текста сохранено, как у автора дневниковых записей. – *Д.В.*)

Когда Брежнева готовили к переговорам, то на стол ему ложилось много всяких «разговорников»: справок, готовых возможных вопросов и ответов. Иногда генсек здесь же, на широких полях бумаги, делал свои вставки. Во время приезда Г. Киссинджера на одном из материалов к беседе Леонид Ильич размашисто начертал: «Ближний восток – то же сложный вопрос – где наши взгляды не эдентичны – это однако не означает, что мы не стоим с Вами на позициях мира»{779}.

Хотя взгляды Брежнева, естественно, были «не эдентичны» размышлениям Киссинджера, он вел мидовскую линию настойчиво, однако прямолинейно и негибко. Но генсек стал в конце концов понимать убийственную диалектику последней четверти XX века: кто запустит ракеты первым – погибнет вторым. Вот и весь выбор… Ирония истории парадоксальна: можно превратить противника в пепел и не стать победителем.

Политическое мышление Брежнева было схематичным, черно-белым: хорошо-плохо. Об этом, например, свидетельствуют его пометы, сделанные на Международном совещании представителей коммунистических и рабочих партий 10–23 ноября 1960 года. Фамилии деятелей зарубежных компартий почти все искажены (Брежнев даже своих соратников, людей, которых хорошо знал, часто именовал неправильно: Шерванадзе вместо Шеварднадзе, Катушов вместо Катушев и др.). Многие он просто слышал впервые.

«Т. Виольди (Аргентина) хвалил Хрущева
т. Живков (о заслугах Хрущева)
т. Нури (Ирак) выступление хорошее
т. Ланоян (Кипр) хорошо
т. Сауэ (Ливан) выст. хорошо
т. Венцен (Швейцария) хорошее выст:

т. (Уругвай) хорошо
т. (Дания) хорошо
т.(Мексика) удовлетв.
Бразилия (Прес) ничего, но скучновато
Гомулка говорил прекрасно более 2-х часов
Марокко (разделал китайцев и особенно Ходжу…)»{780}.

Реакция, школьные оценки, отношение к выступлениям «братьев по делу» схожи с записями какого-нибудь провинциального коммуниста в годы Гражданской войны, попавшего на конгресс Коминтерна.

Время Брежнева – это время активной борьбы КПСС, советского государства с диссидентами, правозащитниками, борцами за свободу личности. Большинство советских людей, и автор настоящей книги в том числе, в немалой степени верили лживой официальной пропаганде в адрес правдолюбцев, особенно Сахарова и Солженицына.

Брежнев часто слушал доклады Андропова о деятельности КГБ в этой области и делал это с видимым удовольствием. Генеральный секретарь регулярно читал доклады Комитета государственной безопасности (как правило, с грифом «Особой важности») и, водя пальцем по строкам текста, узнавал, что «пресечены попытки сколотить антисоветские группы – такие, как: «рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях», «группа содействия выполнению хельсинкских соглашений», «комитет в защиту прав верующих», «религиозно-философский семинар», «свободные профсоюзы» и т. д. «Установлено 1512 авторов и распространителей анонимных антисоветских и клеветнических материалов» В конце доклада, как обычно, говорилось, что «Руководство, Коллегия, Партком КГБ СССР от имени всех работников органов и войск КГБ заверяют ленинский Центральный Комитет КПСС, Политбюро ЦК, лично товарища Л.И. Брежнева, что чекисты и впредь будут непоколебимо верны делу партии, великому делу коммунизма…»{781}.

В брежневские годы получило широкое распространение проявление инакомыслия, вольнодумства, духовного протеста. Сам генсек, уже мало интересовавшийся государственными делами, тем не менее всегда с большим интересом и одобрением следил за деятельностью Андропова и его мрачного ведомства. Он лично одобрил высылку за границу Солженицына, Чалидзе, Максимова, Красина, Литвинова, Есенина-Вольпина и других диссидентов. После ряда публикаций в Париже, о которых ему доложили, раскрывавших наличие в СССР политических заключенных, Брежнев запросил у КГБ справку о количестве таких

лиц. Председатель комитета 29 декабря 1975 года ответил обстоятельной запиской. Из нее следовало, что «за антисоветскую агитацию и пропаганду» (ст. 190/1 УК РСФСР) с 1967 по 1975 год осуждено 1583 человека. В предшествующие годы (1958–1966) в тюрьмах и лагерях за эти «преступления» сидело 3448 человек… {782} Здесь же, в записке Андропова, «антисоветская агитация и пропаганда» квалифицируются как «особо опасные государственные преступления»{783}. Для режима независимость политических суждений представляла по-прежнему особую опасность. Как покажут события конца восьмидесятых годов, именно правда, свободная информация окажутся тем оружием, которому ленинская система противостоять была не в состоянии.

Сквозь бетон консервации системы пробивались ростки свободомыслия, которые тут же топтали сапоги спецслужб. Но они пробивались…

К актам, связанным с обменом Буковского на Л. Корвалана, изгнанием нобелевского лауреата А.И. Солженицына из собственного отечества, ссылке А.Д. Сахарова в Горький и многим подобным делам Брежнев имел непосредственное отношение, и это порой находило отражение в его рабочих записях.

Когда Ю.В. Андропов и Р.А. Руденко доложили 26 декабря 1979 года свои предложения в политбюро в отношении академика-мученика Сахарова, Брежнев, еще до обсуждения вопроса на политбюро, выразил с ними согласие. А председатель КГБ и Генеральный прокурор СССР сочинили бумагу, в которой доносили, что Сахаров «в 1972–1979 годах 80 раз посетил капиталистические посольства в Москве», имел более «600 встреч с другими иностранцами», провел «более 150 так называемых пресс конференций», а по его материалам западные радиостанции подготовили и выпустили в эфир «около 1200 антисоветских передач». Боясь «предания суду» Сахарова из-за «политических издержек», на политбюро 3 января 1980 года решили лишить академика всех высоких званий и в «качестве превентивной меры административно выселить его из Москвы в один из районов страны, закрытый для посещения иностранцами»{784}.

При всей бытовой доброте и сентиментальности Брежнев был идеологически жестким человеком по отношению к инакомыслию, той «швали» (выражение генсека), которая думает не так, как он и его соратники. Время застоя и стагнации было временем особенно распространенной «охоты за ведьмами». И Брежнев, почти профессиональный охотник за дичью, внес свой большой вклад в это далеко не богоугодное дело.

Мы долго потешались над императором Николаем II, читая (правда, это удавалось не всем) его дневники. Например,

российский император 5 апреля 1907 года записал:

«Целый день шел дождь, но было тепло. В 10 $^{1}/_{2}$ поехали в экзерциргауз[20] на смотр морскому корпусу. Смотрел поочередно учение каждой роты, затем общий церемониальный марш. Остался очень доволен общим видом гардемаринов и кадет. Были на их обеде во дворце. После нашего завтрака они прошли мимо нас на пути к станции. Гулял и колол лед. Читал до 8 ч. Обедал Чагин (деж.) Играл с ним на биллиарде».

«Был на смотре, колол лед, читал, играл на биллиарде…»{785}

А 5 апреля спустя семь десятилетий партийный самодержец записал в своем партийном дневнике:

«Говорил с т. Черненко. Косыгин в 5 уехал встречать Пальме. Затем передал через приемную т. Косыгина для А.Н. что принять Пальме вообще не смогу. Мих. Евстафьевич прислал синюю рубашку с пуговочками до низу, но не шерстяная…»{786}

Главное отличие, конечно, не в рубашке, к тому же «не шерстяной», а в том, что Брежнев «не читал». Почти никогда. Нельзя встретить у него упоминания о какой-то прочитанной серьезной книге, монографии, сочинениях. Брежнев не читал. Ни 5 апреля, ни годом раньше, ни годом позже, ни накануне своей кончины. Не так, как Николай II. Почти каждую свою запись в дневнике император отмечал фразой: «читал», «читали вместе», «много читал», «удалось много почитать». Даже в последние недели перед своей трагической гибелью читал «Историю императора Павла I» Н. Шильдера, поглощал том за томом сочинения Салтыкова-Щедрина…

Чтобы читатель полнее представил интеллектуальный уровень партийного руководителя гигантского государства, его четвертого советского «вождя», лидера великого народа, я просто приведу несколько страниц из рабочих дневников Брежнева за 1976–1977 спокойные годы. Оставляю орфографию и пунктуацию точно такими, какими они были у автора рабочих записей.

«10 мая 1976 г. Вручение большой маршальской звезды. Говорил с тов. Копенкиным А.Н. – он сказал голос офицера, слышал, голос генерала слышал – а теперь рад, что слышу голос маршала».

«16 мая 1976 г. Никуда не ездил – никому не звонил мне тоже самое – утром стригся брился и мыл голову. Днем немного погулял – потом смотрел как ЦСК проиграл Спартаку (молодцы играли хорошо)».

«30 мая. Был в Завидово с т. Черненко К.У. Убил 8 штук».

«26 июня, суббота. Разговаривал с тт. Черненко К.У. Русаковым – о Польше. Примерка и прием костюмов. Был вечером у Музы Владимировны и Валентины Александровны».

«25 июля. Воскресенье. Утро как обычно никого не найдешь Завтрак – бритье – плавание. Сегодня заснул на качающемся снаряде на берегу. Сегодня Т. Николаевна – продолжила чистку зубов – а Муза посмотрела протез. Говорил с т. Черненко К.У. – он пока нездоров все что можно делается».

«31 июля. Суббота. Заплыв – 1 час бассейн 30 м. Бритье – забили в косточки с Подгорным. Подарки Гусаку Г.Н. – вручены в 11 ч. утра. Андропов о Косыгине. Подгорный играл в домино затем я ему рассказал о Косыгине».

«7 августа. 19 день отпуска. Плавал в море 1.30 – массаж бассейн 30 минут. Вымыл голову – детским мылом…»

«17 августа – вторник 29 день отпуска. Спросить когда Косыгин перевернулся на лодке. Чазов Е.И. – в сознании хорошо разговаривал спокойно реагировал что ему придется до средины октября лечиться. 17 августа улетели в Москву Галя и Юрий Михайлович. Суслов М.А. сегодня вылетает в Сочи».

«21 августа. Вылетел с Н.В. Подгорным в Астрахань. Вечером был на охоте (вечерка) Убили 34 гуся».

«23 августа – понедельник. Утро – разделка белуги – осетра изготовление икры. Отлет в Симферополь – он не принял посадили на морском военном аэродроме Саки. Встретили Блатов и Виктория. Приехали в дом к обеду ел борщ…»

Или вот еще несколько фрагментов из записей безмятежного 1977 года.

«10 марта – четверг. Вышел на работу – был до 2-х ч. 10 мин. в ЦК. Утром был Чазов ортопед. Принимал и наговорился с Черненко. Заходил к Кириленко – «доложился» что вышел на работу».

«14 марта. День рождения Галочки. Переговорил с Городовиковым просьбы я просил его рассказать т. Черненко К.У. что ему нужно так как он наговорил мне уйму просьбы мне трудно было понять – он хочет завтра приехать в Москву походить по Министерствам. Прием тов. Пономарева и Черненко по вопросу Конституции».

«18 марта. Зарядка. Затем говорил с Черненко затем с тт. Громыко А.А. Андроповым Устиновым – читали материалы связанные с приездом Венца (Вэнса. – *Д.В.*). Звонил Павлову Г.С. по стоимости (да) 28.880. Читал всякие материалы с Галей Дорошиной. Поехал в цирк».

«13 апреля – среда. Утро – обычные мероприятия домашние. Брали кровь из вены. С 11 часов пере говор с Даудом. Вопрос о встрече один на один отпал. Отдыхал – здорово – (обед). Работа с Дорошиной».

«22 апреля, пятница 86.400 (Брежнев стал фиксировать свой

вес. – *Д.В.*). В 5 часов заседание поев, дню его рождения (надо думать, что В.И. Ленина. – *Д.В.*). Переговорился с Гришиным Громыко – Черненко Дорошина»

«23–24 апреля выходные дни».

«3 мая, вторник. Беседа с Рябенко. Разговор о телеф со Сторожевым… извести, вопрос. Разговор с Черненко К.У по повестке дня ПБ. Портные – костюм серенький сдал и тужурку кож. Прогулочную взял. Позвонил Ю.В. Андропов – приехал мы с ним беседовали. Работал с Дорошиной».

«16 июня, четверг 86–00.10 часов утра-сессия Верховного Совета. Избрание тов. Брежнева председателем президиума Верховного совета (много поздравлений)».

«2 августа. 85-800 голый. Завтрак. – Бритье – плавал. Гулял на пирсе. Забили козла 1:1 Обед. Дорошина – Блатов. Сообщить Чаушестку – прием у меня в 6 часов».

«27 октября – четверг провел ПБюро в том числе о Рашидове. 2-ды Героя в связи с успехами в работе (хлопок) и шестидесятилетием. Принимал Кириленко – он в комиссии по рассмотрению анонимки на Бодюла критикуют его за комплексы – он защитил докторскую и т. д. Креминала нет… М.А. Суслов о академии наук Александров А.П. просит вице-президентом Логинова Ан. Алек.».

«21 ноября, понедельник. Утром был у Н.В. Лопаткина полурежим. Принимал тов. Лигачева Егор Кузьмича-Томск о улучшении матер, положения детей. Принимал Д.Ф. Устинова. Вопросы 60-тия Армии. Москаленко – дать 2-ю звезду героя. Епишев дать звание героя Карагланову – звание героя соцтруда и другие присвоения и награждения».

Пожалуй, довольно. Комментировать эти записи, в которых, повторюсь еще раз, я оставил все особенности «литературного» стиля генсека, для которого характерно почти полное игнорирование знаков препинания и рассмотрения (упоминания) каких-то значимых государственных вопросов, не хочется. Скажем, что свои рабочие записи Брежнев прекратил вести лишь незадолго до своей смерти. Последние год-полтора дневники генсека содержат почти исключительно динамику его собственного веса, плавание в бассейне, массаж, наслаждение хоккеем по телевизору и – что прибавилось – обязательное упоминание личного участия в многочисленных похоронах своих соратников{787}.

Ришелье однажды заметил, что он может судить о человеке по пяти самостоятельно написанным строкам. Думаю, француз изрек истину.

Поразительно унылые и бесцветные записи человека, который

стоял (правда, в значительной степени формально, особенно в последние годы) у руля гигантской, великой и мощной в военном отношении страны с огромным, мировым потенциалом культуры.

Но я давно пришел к выводу, что примитивное, тупое, прямолинейное – часто имеет большую силу. Возможно, у коммунизма, не обладающего ни добром, ни благородством, ни достоинством, сила – есть главная ценность? Для такой силы, на каком-то промежуточном участке пути, ведущем к гибели Системы, лидер, подобный Брежневу, и подходил больше всего?

Брежнев не пишет о подготовке Конституции, принятии новых законов, экономике страны, опасном противостоянии двух супердержав, ядерной гонке, культуре, прочитанных книгах… Однако считает нужным записать, сколько ему финотдел ЦК выдал командировочных для визита в Брюссель (2338 франка, плюс жене и сыну), сколько стоит купленный им набор золотых и бриллиантовых украшений, какую сумму передал помощнику Цуканову для вклада на счет генсека в сберегательной кассе, и другие подобные бытовые вещи.

Брежнев, вероятно, был бы обычным, возможно, неплохим директором завода, руководителем одной из многочисленных советских контор, хозяйственником средней руки. Но судьба вознесла его на самую вершину и сохраняла его там почти два десятилетия. По продолжительности работы на высшем посту из всех советских руководителей Брежнев уступает только Сталину. Высшая номенклатура сочла весьма удобной и податливой для себя эту, по большому счету, повторюсь, Главную Марионетку Системы. Ленин был уважаем своими соратниками, но, даже смертельно больной, сам уйти с поста не хотел, а соратникам нужен был как символ. Сталин монополизировал наследие Ленина и стал неуязвимым диктатором, о смещении которого не могло быть даже речи. Хрущев же, в этом его великая историческая заслуга, создал атмосферу, когда вместо монолита, основанного на страхе, стала возникать переходная от кровавого тоталитаризма модель, более гибкая, но теперь уже «только» авторитарная. И сам Хрущев стал ее жертвой.

Брежнев же оказался ставленником номенклатуры, которая боялась нового, но не могла уже повернуть руль и в прошлое. Брежнев устраивал всех.

Но давно известно, что такой человек в конечном счете не устроит никого. Ни своих «соратников», ни своих «подданных», ни своих союзников. Он, как и любой другой руководитель, «устраивал» только бесстрастную Историю, которая в своей ледяной холодности не имеет рационального смысла. Она течет из ниоткуда в никуда. Возможную целесообразность создают

Провидение и сами люди, а История, словно неиссякающий поток, то скачет по горным отвесам скал бытия, то плавно течет по бескрайней равнине миллионов человеческих судеб.

Настоящая цивилизованная страна всегда должна иметь великие духовные замыслы. При Брежневе они исчезли. Нет, о коммунизме по инерции продолжали говорить. Но в него уже никто не верил. А без великой идеи, с помощью которой можно поднять нацию, ни один ветер для нее не будет попутным. Духовная эрозия дополнила экономическую стагнацию.

Брежнев являлся одним из семи первых руководителей СССР. Все они были разными и… одинаковыми. То были основные Жрецы большевистской Системы, построенной ее главным Архитектором – Лениным.

Провозвестник крушения Системы

2 ноября 1977 года в Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное заседание ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященное шестидесятилетию Октября. Брежнев еще за неделю-другую предупредил своих постоянных речеписцев: «доклад не более 50 минут»… Генеральный секретарь теперь даже косноязычным образом не мог зачитывать длинных текстов.

Доклад, подготовленный бригадой опытных спичрайтеров и неоднократно обсуждавшийся в политбюро, был весь устремлен в будущее, соответственно и назывался: «Великий Октябрь и прогресс человечества». Заявив в начале доклада под дружные организованные аплодисменты фразу, что настоящая эпоха – это «эпоха перехода к социализму и коммунизму», генсек, волею сочинителей, занялся пророчеством: по этому пути «суждено пойти всему человечеству»{788}.

Брежнев полностью сохранил коминтерновские взгляды на будущее коммунизма. И на «своих» первых XXIII и XXIV съездах партии генсек выражал уверенность в конечном торжестве ленинского дела. На XXIV съезде КПСС Брежнев заявил, что мировая система социализма – это «прообраз будущего мирового сообщества свободных народов». Под бурные продолжительные аплодисменты делегатов съезда было заявлено: «Полное торжество дела социализма во всем мире неизбежно!»{789}

Предрекая гибель капитализма на планете и всемирное «торжество коммунизма», Брежнев как бы забыл, что без предаваемого анафеме империализма СССР теперь просто жить не может. За два месяца до «пророческого» доклада в Кремле, 30 августа 1977 года, Брежнев одобрил доклад (с грифом «Особой

важности» – «Особая папка»), подписанный главными хозяйственниками и финансистами страны: Косыгиным, Тихоновым, Байбаковым, Нуриевым, Гарбузовым, Алхимовым, Кузьминым, Ивановым. Если бы Брежнев в Кремле зачитал хотя бы страницу из заключения этих людей, то его доклад на торжественном заседании сразу бы превратился в историческую пыль. Но большевики с ленинских времен были большие мастера вести двойную «бухгалтерию»: одну для себя, другую для «широких трудящихся масс». А. Косыгин и его сотоварищи писали в ЦК, Брежневу:

«…ЦК КПСС и Совет Министров СССР 18 июня 1977 года (год шестидесятилетия октябрьского переворота. – *Д.В.*) уже приняли решение о закупке за границей с поставкой в СССР в 1977/78 году 11,5 млн. тонн зерна…» Но оказалось, пишут Брежневу люди, которым надо кормить население не речами, а хлебом, что «уже сейчас возникла настоятельная необходимость закупить за границей на свободно конвертируемую валюту дополнительно 10 млн. тонн зерна (пшеницы, кукурузы, ячменя) с поставкой в СССР в 1978 году. Дополнительная закупка зерна позволит, хотя и не в полной мере, удовлетворить потребности народного хозяйства…».

Уже привыкшие проедать национальные сокровища люди учитывают многие факторы: и то, что в Южном полушарии будет, возможно, неурожай, и то, что друзья – Польша, Чехословакия, ГДР, как и Китай, собираются покупать зерно у капиталистов. Поэтому мысль работает не столько в направлении, как добиться повышения урожайности собственных полей, а как бы загодя запастись за сотни, тысячи тонн отечественного золота заокеанским хлебушком{790}.

Может быть, это имел в виду Брежнев, провозглашая в докладе, что «ориентацией не только на текущие нужды, но и на будущее отличается, в частности, наша аграрная политика. Мы добиваемся коренного решения продовольственной проблемы, удовлетворения растущих потребностей страны…»{791}.

Провозглашая трескучие фразы, дряхлеющий лидер не мог знать, как и вся страна, что он является провозвестником надвигающихся фундаментальных перемен. Чем больше Брежнев говорил об «успехах социализма», решающем «влиянии на развитие цивилизации социалистического содружества», тем очевиднее было приближение тотального кризиса Системы.

Конечно, стагнация общества углубилась не только из-за некомпетентности генерального секретаря. Система, долгое время бывшая крепким монолитом, стала давать трещины, пока едва заметные. У нее уже не оставалось внутренних резервов для

«успешного» функционирования. Она исчерпала себя. Я бы даже сказал, что Брежнев стал выражением вторичного тоталитаризма. Первичный, полный, завершенный, «классический», существовал, когда во главе партии большевиков и СССР стояли Ленин, а затем Сталин. Первичность – это не только выражение генетической «первородности» идей, материализовавшихся в реальной действительности, но и наиболее близкое приближение возникшей модели к исходным теоретическим «матрицам».

Вторичный тоталитаризм уже искажен атаками первого советского реформатора Хрущева. Изменился под влиянием нового планетарного общественно-политического климата, в котором все большее место стали занимать общечеловеческие атрибуты: открытость, сотрудничество. Даже коммунизм, одна из самых консервативных идеологий и систем, был не в состоянии игнорировать новые эволюционные планетарные тенденции. Вырождающийся вторичный тоталитаризм стал выражением все углубляющегося кризиса ленинской системы.

В период после Чехословакии и до афганской авантюры в стране внешне царила безмятежная умиротворенность. Многие аномалии стали нормой: люди плохо работали, но получали жалкие премии и «тринадцатые» зарплаты; члены делегаций, ученые, спортсмены и артисты все чаще не возвращались из-за рубежа; региональные секретари парткомов КПСС все более превращались в удельных князей; военно-промышленный комплекс требовал все больше и больше для поддержания «паритета» с США; люди привыкли говорить одно, а думать другое. Брежнев провозглашал, что «будущее принадлежит коммунизму», а в это время его соратники и сотрудники отправляли в США, Канаду, Аргентину, другие страны российское золото за хлеб, мясо, продукты…

Подобно проклятию, висела над коммунистическим руководством страны проблема, которую за семь десятилетий не удалось решить: как накормить и одеть народ великой страны. Не смогла КПСС сделать этого и во время правления Брежнева.

Утопию, в конечном счете, нельзя материализовать, в нее можно только верить.

Четвертый «вождь» созвал четыре «своих» партийных съезда: XXIII, XXIV, XXV, XXVI. На всех них, после красочного описания исторических достижений социализма, глухо, вскользь говорилось о хронических нехватках. На XXIII съезде КПСС: «… производство некоторых товаров отстает от запросов населения. Не везде в торговой сети имеется широкий ассортимент мясных продуктов… Рынок еще не получает достаточного количества необходимых товаров»{792}. На XXIV съезде Брежнев коротко

говорил об остродефицитных товарах[793]; на следующем, XXV партийном форуме вновь признал, что в достижении сдвигов в количестве и качестве товаров и услуг – «справиться не удалось»[794]. Выступая на своем последнем XXVI съезде партии, Брежнев, с огромным трудом зачитывая доклад, опять повторил то, что говорил раньше: «…из года в год не выполняются планы выпуска многих товаров народного потребления, особенно тканей, трикотажа, кожаной обуви, мебели, телевизоров. Нет должных сдвигов в качестве…»[795]

Говорится и о причинах: неурожай, плохое планирование, нерадивость кадров, «субъективизм» прежних руководителей… Ну и, конечно, «агрессивные действия империалистов США вынудили нас в последние годы отвлечь дополнительно значительные средства на укрепление оборонной мощи страны»[796]. Принципиальная неспособность Системы решить важнейший вопрос объяснялась набором дежурных аргументов. Но были области производства, где достижения всегда были впечатляющими. Так, в «1969–1970 годы тираж произведений Ленина и книг о Ленине и ленинизме превысил 76 миллионов экземпляров…»[797].

За два месяца до своей смерти Брежнев, вернувшись из Крыма, где отдыхал, председательствовал на очередном заседании политбюро, что в последние годы он делал все реже из-за своей немощи. В аппарате (а там было немало умных людей) уже давно чувствовали, что государственная телега почти не движется; со всех сторон поступают все новые и новые сигналы, свидетельствующие о тотальном кризисе. Помощники еще пытались вложить в уста шамкающего генсека хоть какие-то критические и конструктивные мысли.

Брежнев, не отрывая своего взора от текста, «рассказывал» о своих традиционных встречах в Крыму с руководителями «братских партий» социалистических стран.

«…Неприятно, но факт, что у ряда наших министерств стала хронической болезнью недопоставка товаров по контрактам с социалистическими странами…» Попив из стакана чаю, Брежнев продолжал: «Не могу не сказать, что заметно растет неудовлетворенность друзей работой СЭВ. Ее испытываем и мы… Корень проблемы в том, что время переросло формы, сложившиеся более 30 лет назад при рождении этой организации… Наши союзники стремятся лучше сочетать директивные формы управления хозяйством с использованием экономических рычагов и стимулов, отказываются от чрезмерной централизации руководства…»

Верные слова, которые непривычно слышать из уст генсека.

Но сколько их было, этих слов! А главное, слова всегда одни, а дела… прежние.

«Хозяйство у нас гигантское, – продолжал читать бумаги Брежнев. – Взять любое министерство – это почти целая армия. Управленческий аппарат разросся. А вот просчетов и разного рода неувязок чересчур много…» Как решить эти проблемы? Генсек садится на верного большевистского конька: «Едва ли не ключевая проблема для нас сегодня – это укрепление дисциплины. И государственной, и трудовой… Укреплением дисциплины надо заниматься повсеместно и не по-компанейски. Может быть, следует подготовить специальное решение по этому вопросу…»{798}

Вроде бы в начале речи проскользнули намеки на трезвый анализ положения, но… только проскользнули…

Пожалуй, глубже других представлял надвигающийся тотальный кризис советского общества глава спецслужб СССР, член политбюро Ю.В. Андропов. В архивах ЦК сохранился («Особая папка») ряд его записок Брежневу, в которых он осторожно предупреждал генерального секретаря партии о грядущих трудных временах для державы. Брежнев регулярно расписывался на этих записках, и они шли в особые конверты специального хранения, которые мог вскрывать только генеральный секретарь… Трудно найти хоть какие-то следы конкретной реакции Брежнева на эти записки, которые его соратник начал вести где-то с 1975 года. Возможно, генсек после них специально встречался с Андроповым, которого весьма уважал?

Однако шеф КГБ, предупреждая Брежнева о растущих опасностях для системы, ничего не предлагал ему, кроме дополнительных жестких административных и организационных мер… Контакты с Андроповым были у Брежнева весьма частыми. Впрочем, судите сами.

Ю.В. Андропов, один из наиболее проницательных, умных руководителей КПСС, в силу своей должности поддерживал наиболее доверительные отношения с Брежневым. Пожалуй, ближе к генсеку был только К.У. Черненко, типичный царедворец, ловко угадывавший все желания патрона.

Брежнев нередко записывал в своих рабочих дневниках: «Звонил Андропову», «Принимал Андропова», «Подарил свою книгу Андропову» и т. д. Иногда встречаются в этой хронике и весьма загадочные записи, как эта, например, от 19 декабря 1981 года:

«Получил желтенькие по 28 включительно».

А 25 января 1982 года уже почти указывает о том, кто вручал

«желтенькие»:

«Получил от Ю.В. желтенькие»[{799}].

Трудно судить о существе «желтеньких». «Командировочные»? Но почему из КГБ, а не из управления делами или общего отдела ЦК? Валюта? Но почему тогда не «зелененькие»? Когда речь идет о зарплате, например, то Брежнев просто пишет (как, в частности, 14 января 1982 г.): «Передал Цуканову на книжку». «Презренный» металл, старые монеты или еще что-то в этом роде? Сейчас установить это трудно. Очевидно лишь одно, что за инициалами «Ю.В.» скрывается председатель КГБ. Или был какой-то другой «Ю.В.»?

Во всяком случае, я не хотел затрагивать эту тему, но после своего «писательского» анализа различных документов пришел к выводу, что «Ю.В.» – Юрий Владимирович Андропов, который почему-то незадолго до смерти генсека несколько раз передавал Брежневу «желтенькие», а тот бесхитростно помечал об этом факте в своих рабочих записях. Я же хотел вышеупомянутым лишь констатировать весьма высокую степень взаимного доверия этих людей.

Так вот, еще 8 января 1976 года Андропов пишет сугубо личную записку генсеку аж на 18 страницах! Целый трактат с оценками, выводами и предложениями. Начинается «записка» так:

«Дорогой Леонид Ильич!

Настоящий документ, подготовленный мною лично, предназначается только для Вас. Если Вы найдете в нем что-либо полезное для дела, буду очень рад, если нет – то прошу считать, что такового в природе не было».

Но, несмотря на интригующее начало, Андропов далее ведет речь о рутинных вопросах усиления роли партии как главного рычага всех накопившихся проблем в стране. Председатель КГБ полагает, что в настоящих условиях нужно активнее взять на вооружение проверенные ленинские принципы: большевистскую партийность, строгую организованность и железную дисциплину. Для Андропова партия – это наивысшая форма организации. Юрий Владимирович пространно рассуждает: как заставить активно работать «всех до единого пятнадцать миллионов человек» членов партии, каким образом исключить членство в КПСС как «трамплин для возвышения по служебной лестнице». Андропов ратует за прекращение «безответственной болтовни, критиканства, распущенности». Шеф КГБ видит опасность в том, что в работе западноевропейских компартий и сейчас чувствуется «социал-демократический душок, против которого так страстно и яростно боролся В.И. Ленин».

Андропов в записке несколько раз поминает недобрым

словом покойного Хрущева. Мол, «недоброй памяти статьи В. Овечкина в «Правде», в которых критиковался секретарь сельского обкома, оторванный от действительности, мыслящий общими категориями… целиком отражали взгляды самого Н.С. Хрущева». Андропов фактически осуждает подход Хрущева в выдвижении профессиональных специалистов-аграриев и промышленников на партийную работу. По мысли автора записки, нужен «политический руководитель». Андропов осуждает так называемое «деловое» руководство, «деловых» людей. Такой руководитель, развивает свою мысль шеф КГБ, «всякий разговор начинает с чирканья цифирьев на бумаге. И возникает вопрос: чем же такой руководитель отличается, например, от американского менеджера, для которого дело – это прежде всего расчеты, деньги, а люди – вопрос второстепенный. В наших условиях такие «деловые люди» – это деляги…». Андропов предлагает передвигать секретарей обкомов через несколько лет их работы из одной области в другую, чтобы избежать «застоя» в работе{800}.

Размышления шефа КГБ ориентируют консервативного Брежнева на еще большую ортодоксию и большевизм мышления. Такие люди, как Андропов, чувствовали углубление кризиса системы, но видели его преодоление на старых ленинских путях, которые явно обветшали и были просто уценены историей.

Пожалуй, довольно. К концу «правления» Брежнева некоторые из его соратников осязаемо чувствовали: нужны перемены. Но даже Андропов, наиболее мыслящий в брежневском окружении человек, «спасение» видел в реанимации (в «разумных пределах») старого большевистского опыта управления страной. Не случайно во фрагментарно приведенной выше записке Андропова он не скрывает своей тоски по старому названию партии – «большевистская». Именно большевизм, по Андропову, это непримиримая борьба с «политическим оппортунизмом, примиренчеством, соглашательством, рыхлостью, расплывчатостью…». Не случайно, что как раз Андропов унаследовал консервативную политику Брежнева. Стивен Коэн назвал ее «косной политикой сохранения статус-кво…»{801}.

Неумолимое приближение системы к тотальному кризису, который пока удавалось локализовать с помощью систематического проматывания и распродажи страной колоссальных объемов газа, нефти, золота, других природных богатств, не могло продолжаться бесконечно. Требовались ответственные, подлинно исторические решения на кардинальные перемены. Руководство КПСС абсолютно не было к ним готово. Возможности ленинской системы, основанные на

диктатуре, насилии, администрировании, партийных директивах, манипулировании общественным сознанием, социалистическом соревновании, единовластии одной партии, однодумстве, подходили к концу. Большевистская страна была на «излете».

Не исключено, что это являлось выражением исторической неизбежности. И «нужно было», чтобы в период затухания, ослабления «революционных возможностей» во главе ленинской системы встал такой «вождь», как Брежнев. И он, и Черненко кажутся нам случайными, нелепыми, необязательными. Но система требовала тогда именно таких. Может быть, современные «жрецы» это чувствовали тоньше, подсказывая выдвижение подобных людей?

Каждой эпохе нужны лидеры, достойные ее.

Спасти систему можно было только продуманными, эволюционными, последовательными переменами кардинального реформистского порядка. Так мы думаем сейчас, но это проще, чем находить верные решения в годы углубления кризиса. Тем более что эти решения могла принимать лишь небольшая кучка на вершине номенклатурного холма по имени КПСС. Но там принимать эти решения было абсолютно некому…

Члены политбюро, видя, как страна держится на плаву лишь за счет «проедания» золота, газа, нефти, руды, другого сырья и промышленных товаров, молчали. Все молчали. Помнили о судьбе Шелепина и Егорычева, которые, позволив в свое время легкую критику «неприкасаемых», сразу же оказались вне властной обоймы. В рабочих записях высшей партийной коллегии ни слова (!) критики в адрес генсека, его бездеятельности и недееспособности. Каждый беспокоился о благополучии собственном, но не о благе государства и народа. В этой связи приведу размышления В.И. Болдина, ответственного работника ЦК. Они здесь достаточно объективны. «… Да, были слабости у Брежнева, да, было чему удивляться и что ненавидеть. Но почему все молчали, ликуя, поклоняясь генсеку? Где те руководители, которые обязаны были сказать правду о состоянии дел и престарелому лидеру, и членам ЦК, и народу? Не камарилья ли трусов, обладавшая властью в центре и на местах, довела нашу страну «до ручки» и не они ли должны нести главную ответственность за то, что произошло с великой державой? Только когда не стало Брежнева, каждый, чтобы показать, вот какой он был смелый и оставался таким всегда, начал поносить своего кумира. Какую же надо было иметь беспринципность, нищету духа, чтобы молчать и таить от людей правду?»{802}

Болдин здесь, конечно, прав. Но это не «вина» старцев, сидевших в политбюро, а органический порок всей системы. Во

главе пирамиды власти всегда был первый вождь, и он стоял вне критики.

Вождей развенчивали лишь после смерти (кроме первого, который мертвый оказался самым «нужным» из всех семи лидеров компартии). Не отошел от этой традиции даже Горбачев, представитель реформаторской линии в КПСС.

В своей почти часовой обличительной речи после выступления Б.Н. Ельцина 21 октября 1987 года на пленуме последний генсек «ущипнул» мертвого Брежнева. «Я вкусил с Андреем Андреевичем Громыко, с Владимиром Васильевичем Щербицким, с Михаилом Сергеевичем Соломенцевым сложившийся стиль на последних этапах работы Леонида Ильича Брежнева. Знаю все, товарищи. Это была беда нашей партии…»{803}

«Знал все», а о «беде» сказал спустя столько времени. Это было стилем руководства на самом верху, где требовались угодничество, а не мужество, готовность соглашаться с первым лицом, а не перечить ему. Система власти с ленинско-сталинских времен отрегулировала механизм вождизма до автоматизма.

По сути, больной Брежнев с середины семидесятых годов не занимался активно ни партийной, ни государственной деятельностью. Но по-прежнему хотел едва ли не ежедневно появляться на телевизионных экранах. Поэтому медленное разрушение генсека могла наблюдать вся страна, весь мир. Как образно писали В. Соловьев и Е. Клепикова, Брежневу, когда он приехал в Вену, «стоило огромных усилий любое движение, все равно какое: слушать Моцартово «Похищение из сераля», спуститься по лестнице или поднять тяжелый том договора SALT 2»{804}.

А ведь он искренне верил, что очень нужен стране благодаря своему опыту, хватке, мудрости. Он не понимал, что видимо главной чертой мудрости является способность чувствовать время. В этом чувстве – честное понимание прошлого, отсутствие абсолютизации роли настоящего, обладание зернами пророчеств грядущего. Такой человек способен видеть себя не эпицентром бытия, а может беспристрастно и критически взглянуть на дела свои как бы со стороны.

Брежнев не был способен на такое. Шаркающая походка, нечленораздельная речь, «деревянные» жесты, полная неспособность во что-либо вникнуть стали не только предметом выражения народной жалости к «вождю», но и причиной появления бесчисленного количества анекдотов и насмешек, о чем я писал в начале очерка. По сути, Брежнев стал символом, провозвестником заката Системы. Траектория ленинского

революционного «взлета» вступила в фазу резкого снижения и последующего падения.

Ленин в 1917 году начал эту траекторию с государственного переворота в октябре, ликвидации демократического парламента – Учредительного Собрания, уничтожения свободы печати и слова, внедрения в жизнь бесчисленных реквизиций, изъятий, конфискаций, подавления крестьянского мятежа в Тамбове и рабочего, солдатского, крестьянского – в Кронштадте, как и сотни других. Он развязал руки действию сил, которые уже сам не контролировал. Самое удивительное, что эта нежизнеспособная антигуманная система выжила и стала исключительно мощной и монолитной. Благодаря насилию, страху, организации, дисциплине, догматизму и бюрократизму. Но все эти составляющие движения ленинской системы постепенно исчерпали себя. Траектория «ленинских заветов» неуклонно снижалась. После Брежнева еще будут три генсека. Лишь последний из них попытается сделать что-то реальное. Но настоящим олицетворением грядущего краха ленинской системы, помимо его ослабевшего желания, станет Леонид Ильич Брежнев.

Жаль только, в высшей степени жаль, что крушение Системы привело и к распаду СССР – родины почти трехсот миллионов людей. Но и здесь ленинизм и Ленин приложили свою «руку». В 1920 году большевизм заложил основы распада созданием вместо губерний национальных образований, что было замедленной взрывчаткой огромной исторической силы. А довершил, фантастически ускорил тот распад августовский заговор 1991 года, когда коммунистическая номенклатура попыталась вернуть силой свое всевластие… Брежнев никогда об этом не узнает, но два десятилетия его невразумительного правления пришлись как раз на крутую нисходящую ветвь траектории большевистского падения.

…В Москве давно заметили, что за кавалькадой длинных черных автомобилей, сопровождавших все более редкие поездки генсека с дачи в Москву, следовал большой реанимационный лимузин. ЦК фактически приставил к генсеку медицинскую «охрану», оберегая от неожиданного похищения его жизни смертью. Там, где он жил, работал, отдыхал, – везде было организовано самое высококвалифицированное дежурство.

В 1982-м, в год своей смерти, Брежнев еще смог совершить несколько поездок по стране, в том числе в марте в Ташкент, едва не закончившуюся для него трагически. Дело в том, что во время посещения авиационного завода, где его встречали (а попросту глазели) толпы людей, во время прохода Леонида Ильича под стапелем тот рухнул под тяжестью сидевших на нем рабочих.

Окружение успело смягчить падение балки, но ключица у генсека все же была сломана. Брежнев пережил шок. Его слабые сосуды и сердце все с большим трудом поддерживали едва тлевшую в больном организме жизнь.

Он еще смог в день традиционных октябрьских торжеств, 7 ноября 1982 года, подняться на мавзолей Ленина и простоять там весь военный парад и демонстрацию. Брежнев и его престарелые соратники в теплых башмаках, шерстяном белье, почти одинаковых норковых шапках вяло помахивали руками, обтянутыми меховыми перчатками, проходящим «ликующим массам»… Никто и никогда после не отметил, что в тот день на трибуне стояло четыре генсека: настоящий, еще живой, – Брежнев и три будущих и последних – Андропов, Черненко, Горбачев…

О здоровье Брежнева и других советских руководителей написал целую книгу начальник 4-го Главного управления, затем министр здравоохранения СССР Е.И. Чазов. Конечно, в годы перестройки. О недугах Брежнева знала вся страна; он был в своем маразме на виду.

При встречах с зарубежными государственными деятелями Брежнев мог неожиданно перебить гостя и сказать что-то невпопад. Когда не понимал существа диалога, недовольно выговаривал переводчику: почему плохо переводишь? Деловые разговоры, просьбы, вопросы соратников часто прерывал дежурным: передайте Черненко…

Последние годы жизни у Брежнева стало «пунктиком» – заботиться о собственном стабильном весе. Свой очередной день генсек начинал со взвешивания, тщательно фиксируя динамику веса. Незначительное его увеличение нервировало Брежнева, который почему-то увидел в стабильности веса панацею сохранения здоровья.

Кремлевский руководитель любил много гулять, плавать в бассейне, а во время отдыха – и в море, но быстро разрушавшийся организм уже не могли спасти эти благодатные процедуры.

У генсека пропал сон, и он увлекся снотворными, во все возрастающих количествах. Они стали для него своеобразным наркотиком, без них он не мог теперь заснуть. А кто-то из членов политбюро однажды посоветовал, как пишет ВТ. Медведев, запивать лекарство «Зубровкой»… Начальник охраны вспоминает, что «Зубровка» стала для Брежнева наркотиком. Хотя пил он понемножку, но на дряхлый организм это действовало угнетающе{805}. А ведь у него уже были инфаркты, инсульт, другие болезни. Приставленная к Брежневу медсестра, к которой он питал особую симпатию, еще больше усилила таблеточное «снабжение». К тому же генсек, вынужденный бросить курить, не

мог обходиться без табачного дыма… Тот же генерал Медведев повествует в своей книге, как он и его сотрудники по просьбе Брежнева «обкуривали» больного лидера, иногда среди ночи прямо в его постели…

После ташкентского события генсек разрушался на глазах. Правда, как я уже упоминал, у него хватило сил «отстоять» на мавзолее 7 ноября военный парад, демонстрацию, побывать на приеме, но все текущие дела он фактически передал К.У. Черненко, будучи совершенно не в состоянии их осмыслить, решить, как-то распорядиться.

День накануне кончины прошел у генсека как обычно. Он приехал из Завидова после «охоты», на которой стреляли, по его указанию, охранники. Сам он уже не мог. После ужина отправился спать, хотя делал это, по привычке, после просмотра информационной программы «Время». Утром около девяти часов охранники В. Медведев и В. Собаченков пошли будить генерального секретаря, но застали его мертвым в собственной постели.

В конце концов человеческая жизнь к своему исходу похожа на пепел на ветру. Маленькая искра от вечного костра, гаснущая, уносимая в бесконечное небытие.

Искусственное дыхание, реанимационная бригада, советы приехавшего академика Е.И. Чазова… Все напрасно. Первым из членов политбюро, узнав о смерти, прибыл, конечно, Ю.В. Андропов. Медведев пишет, что после его рассказа Андропову, как все было, тот оставался совершенно спокойным и «не задавал лишних или неприятных для нас вопросов»{806}. Все «соратники» давно предвидели скорый конец четвертого «вождя».

Четвертый «вождь» РКП-ВКП(б) – КПСС Леонид Ильич Брежнев отошел в иной мир. Огромная страна к этому моменту почти остановилась в своем движении. Стагнация охватила все области жизни, а не только экономику. В принципе добрый, даже добродушный человек, захваченный партийными ветрами, очутился на самой вершине, где он оказался способным лишь быть главным инструментом всесильного аппарата. Его правление – классическое выражение консерватизма мышления и консерватизма действия. Брежнев хотел добиться многого, при этом фактически ничего не меняя. Это создавало видимость спокойствия, взвешенности, умеренности партийного руководства. Но в действительности страна полностью деградировала. В личностном плане это проявилось в маразме высшего руководителя.

На своем последнем в этой земной жизни XXVI съезде КПСС, при его закрытии 3 марта 1981 года, Брежнев начал свою речь

словами: «Товарищи! Только что закончился первый пленум избранного съездом нового состава Центрального Комитета нашей партии. Разрешите доложить о его итогах. На первом пленуме ЦК, – шамкал с трудом стоящий за трибуной смертельно больной человек, – прошедшем в атмосфере исключительного единства и сплоченности, единогласно избраны руководящие органы нашей партии. Пленум единогласно избрал Генеральным секретарем ЦК КПСС товарища Брежнева Л.И.»{807}.

Конечно, все вскочили и последовали «бурные аплодисменты». Брежнев не испытывал никакой неловкости от того, что, будучи совершенно немощным человеком и сохранив за собой высший пост в КПСС и СССР, сам же доложил об этом делегатам съезда. Произошла полная девальвация элементарных нравственных ценностей. У генсека и тех, кто сидел в зале съезда. Генеральный секретарь своим физическим и духовным состоянием являл символ распада, крушения, эрозии системы.

И вот через полтора года после этого съезда Брежнева не стало. Многие в душе встретили его кончину с облегчением. Старцы в политбюро – с тревогой. У них сразу же возник вопрос: кто? Некоторые, услышав эту весть, испытали слабые проявления надежды. Может быть, наконец что-то будет меняться к лучшему?

Начался долгий, долгий траур страны. Создавалось впечатление, что хоронят не вождя ленинского государства и ленинской армии, а дело основателя этой Системы. Все причины для искреннего горя имели лишь руководители военно-промышленного комплекса. Это было любимое детище генсека, и он немало сделал вместе с Д.Ф Устиновым для роста объема военных мышц СССР. Но на этом страна и надорвалась.

В день смерти созвали внеочередное заседание политбюро, по привычке произнесли девальвированные слова: человек «величайшего авторитета», «очаровательная простота», «исключительный талант», «выдающийся руководитель»… Генсек умер утром 10-го, но по старой большевистской традиции решили немного «потемнить»: сообщить народу лишь 11 ноября в 11 часов. А траур объявили на 12, 13, 14 и 15 ноября. В день похорон отменили занятия в школах, произвели орудийные залпы, пятиминутные гудки и т. д.{808}.

Брежнев ушел из жизни, когда уже невооруженным взглядом была видна не просто стагнация, а гниение общества. Поэтому эпитафией брежневскому правлению могли бы быть его собственные слова, сказанные им 18 марта 1975 года в Будапеште на встрече с руководителями компартий Восточной Европы:

«Трудностей, да и грехов у нас, наверное, много»{809}.

Еще по инерции о Брежневе поговорили неделю-другую и…

он как-то незаметно исчез из жизни людей: без горестей и печали. Правда, политбюро успело 18 ноября 1982 года, через неделю после кончины генсека, специально обсудить вопрос «Об увековечении памяти Л.И. Брежнева».

…На руках у членов высшей коллегии проект постановления по этому вопросу. Первым, естественно, откликается новый генсек:

Андропов: У меня вызывает сомнение переименование города Запорожье в город Брежнев. Почему? Во-первых, потому что хотелось назвать городом Брежнев город, находящийся в РСФСР. Во-вторых, Запорожье, если его рассматривать с исторической точки зрения, не особенно подходит. Он связан с Запорожской Сечью, с казацкими волнениями и т. д. Может быть, нам лучше назвать городом Брежнев город Набережные Челны…

Мне кажется, не следует называть космодром именем Леонида Ильича. Все же не следует связывать имя Леонида Ильича с ракетами, а космодром – это ракеты. Мне представляется, что лучше было бы назвать именем Леонида Ильича Звездный городок в Щелковском районе Московской области.

Тихонов: Я поддерживаю предложения, высказанные т. Андроповым, и вместе с тем считаю, что было бы правильным назвать именем Леонида Ильича, например, Нурекскую ГРЭС… Может быть, следует также присвоить имя Брежнева шахте «Распадская» Кемеровской области.

Андропов: На шахте «Распадская» недавно была большая авария, погибло много людей. Может быть, не следует эту шахту включать сюда.

Тихонов: Я не возражаю. Можно было бы присвоить имя Леонида Ильича ледоколу «Арктика»…

Андропов: Я – за.

Тихонов: Можно было бы присвоить имя Леонида Ильича Оскольскому металлургическому заводу… Что касается наименования площадей, то сюда следовала бы добавить также город Киев.

Устинов: Можно также присвоить имя Брежнева морскому пассажирскому судну, а речному – пока воздержаться…{810}

Решили принять постановление, но к вопросу об увековечении памяти Брежнева вернуться, дабы украсить его именем еще несколько «объектов».

Но возвращаться не пришлось. И те улицы, площади, корабли, заводы, города, осчастливленные именем очередного, четвертого «вождя», вскоре стряхнут с себя плоды обычных кабинетных решений. Брежнев останется в памяти людей

пространства, именуемого когда-то СССР, как слабый, посредственный человек, который почему-то исполнял обязанности главы государства, Верховного Главнокомандующего, лидера единственной партии. К нему не сохранится чувств уважения или злобы, преклонения или непримиримости.

Образ Брежнева – это не только провозвестник крушения Системы, но и символ заката большевистской власти, к которой люди, в своей основе, давно стали равнодушны. Страха такая власть теперь уже не вызывала. Уважения – тоже. Закончился самый «спокойный» период советской истории. Страна стояла на пороге драматических перемен.

Просто пришло время во весь голос заявить: многие люди и даже сама партия безразличны к идеям, которые навязаны им в качестве духовной пищи. Уверен, Брежнев сам почти ничего не знал из так называемой «сокровищницы марксистско-ленинской идеологии». Но был, по положению, ее высшим Жрецом.

Если Ленин, Сталин и в какой-то мере Хрущев были способны «оживлять» мертвящую идеологию коммунизма, то Брежневу это оказалось уже не под силу. Впрочем, и никому другому.

История смертью Брежнева поставила вопросительный знак: что и кто дальше? Но время Горбачева еще не пришло. Мимолетные наследники Брежнева – Андропов и Черненко – продолжили консервативную линию четвертого «вождя».

Социальная и историческая инерция большевизма оказалась очень сильной. Удовлетворительного выхода из тотального кризиса не было видно. Страна давно уже находилась в глубоком тупике.

«Вождь» пятый: Юрий Андропов

В русском коммунистическом царстве совершенно отрицается свобода совести и мысли.

Н. Бердяев

После смерти Брежнева страна находилась в таком положении, когда в общественном сознании нарастали ожидания перемен.

Однако соратники умершего «вождя» думали сейчас о другом. Особенно те, кто рассчитывал занять опустевшее кресло генсека. Это прежде всего Андропов и Черненко. Но у Андропова было преимущество: его поддерживала армия в лице члена политбюро, министра обороны маршала Д.Ф. Устинова, к тому же друга Юрия Владимировича, и, конечно, на его стороне был всесильный КГБ. Андропов стал председателем Комиссии по организации похорон Брежнева. А это, по большевистской традиции, очень многое значило. Очень… Плюс ко всему он к этому времени исполнял функции могущественного Суслова, скончавшегося в начале 1982 года.

Страна еще не была официально оповещена о смерти Брежнева (хотя уже весь мир знал об этом), когда во второй половине дня 10 ноября 1982 года состоялось заседание политбюро. Присутствовал 21 человек – члены, кандидаты в члены ПБ, секретари ЦК. За председательский стол сел Ю.В. Андропов. Вся процедура фактической передачи высшей власти новому «вождю» заняла менее часа. Как всегда, народ к этому процессу не имел никакого отношения. Хотя в Конституции было лживо записано, что СССР – «это общество подлинной демократии»{811}.

Андропов сохранял полное спокойствие. Он знал, что партийный (и государственный) руль уже находился в его руках. После предложения «почтить память дорогого Леонида Ильича вставанием» председатель комиссии, сев за стол, зачитал краткий текст своего выступления. Он весьма любопытен.

«…Все люди доброй воли с глубокой горечью узнали о кончине Леонида Ильича. Мы, его близкие друзья, работавшие вместе в Политбюро ЦК, видели, каким величайшим обаянием обладал Л.И. Брежнев, какая огромная сила сплачивала нас в Политбюро, каким величайшим авторитетом, любовью и уважением пользовался среди всех коммунистов, советского

народа, народов всего мира. Он очаровывал всех нас своей простотой, своей проницательностью, своим исключительным талантом руководителя великой партии и страны. Это был поистине выдающийся руководитель, замечательный друг, советчик, товарищ…»

Юрий Владимирович, конечно, лукавил. Все, что он говорил, было данью неписаным правилам формального партийного этикета. Никто другой так хорошо не знал того, что авторитет генсека в последние годы его жизни упал до самого низкого уровня. Фактически он давно отошел от практических дел. Сил у него хватало лишь для того, чтобы съездить в Завидово… Впавший в маразм и плохо соображавший Брежнев давно стал постоянным объектом кухонных разговоров миллионов советских людей и многочисленных анекдотов. По решению Андропова специальное подразделение в Комитете государственной безопасности уже долгое время постоянно следило за состоянием общественного сознания, тенденциями и аномалиями его перемен. В том числе и в связи с «авторитетом» лидеров. Неусыпное око чекистов знало все о каждом шаге и слове членов политбюро, подслушивало их разговоры.

…В начале 1992 года я купил путевку на десять дней в Барвиху, бывший лечебный «заповедник» ЦК. Там мне запомнился рассказ пожилой работницы из старой обслуги «неприкасаемых».

«…Когда я выполняла какие-либо мелкие дела в огромных номерах членов политбюро (для них был построен специальный великолепный корпус) и имела с ними контакт или беседовала, – негромко рассказывала женщина, – то обязана была обо всем этом доложить «комитетчику», который занимал какой-то символический пост в санатории. Его интересовало буквально все: что говорил, о ком говорил, как отзывался о других руководителях…» И так было везде. Содержание, быт, устройство членов коллегии, даже их мысли, вся внутренняя жизнь находились в ведении всесильного комитета.

Андропов, произнося на заседании политбюро подготовленные помощниками льстивые слова в адрес умершего, хорошо знал: Брежнев утрачивал престиж в силу не только своей болезни и природной посредственности, но и его, Андропова, «помощи». Будущий генсек глубже, чем кто-либо, видел пропасть кризиса, к которой приближалась страна.

Будучи председателем КГБ, а затем заняв место Суслова в ЦК, Юрий Владимирович приложил немало усилий, чтобы скомпрометировать (благо они давали для этого множество оснований) родственников Брежнева и своего бывшего заместителя С.К. Цвигуна, выдвиженца Леонида Ильича, очень

близкого к генсеку члена политбюро А.П. Кириленко, фаворита «вождя» министра внутренних дел Н.А. Щелокова и даже дочь «самого» – Галину… Это именно КГБ рекомендует для поднятия «авторитета» Брежнева больше и желательно крупным планом показывать генсека на телевидении. Ежедневная «демонстрация» на экране беспомощного и плохо соображающего «вождя» партии и страны еще сильнее подрывала позиции Брежнева, который неумолимо угасал на глазах всей страны, да и мира. Андропов помнит, что в регулярных обзорах зарубежной прессы (только для него!) о высшем советском руководстве в последние месяцы жизни генсека иностранные авторы занимались в основном гаданием: кто займет кресло первого человека в партии? Как долго еще протянет генсек? А о Брежневе там писали чаще со слов диссидентов, откровенно зубоскальски и унизительно. Вот так, например.

«Брежневу доверительно докладывает Черненко:

– Генсек очень болен, и в народе говорят, что в его машине, чтобы успокоить людей, возят не Леонида Ильича, а чучело…

Брежнев прерывает фаворита и с обидой говорит:

– Какая ерунда! Это неправда! Я жив и вместо чучела в машине езжу сам!»{812}

Сейчас, когда идет заседание политбюро, спустя всего десять часов после кончины Брежнева, Андропов знает, что после закулисных переговоров и бесед один на один ему удалось отодвинуть на второй план главного конкурента-любимца умершего генсека К.У. Черненко.

Андропов тонко учел, что фаворитов в истории не любили никогда и никто. Кроме самих владык. Подчеркнутое внимание и любовь Брежнева к своему преданному чиновнику и партийному слуге Черненко воспринимались в душе «соратниками» в политбюро очень болезненно. Все видели, что Черненко – больной царедворец и, кроме усердия, льстивости и преданности к патрону, ничем особенным не обладает… Но главное, в выдвижении нового «вождя» Андропов заручился поддержкой маршала Д.Ф. Устинова. Теперь в треугольнике Партия – КГБ – Армия два элемента реальной силы были полностью на его стороне. Для верности Устинов после «консультаций» с Юрием Владимировичем переговорил с Черненко и предложил именно ему, возможному кандидату в кресло генсека, самому (!) предложить на пост генерального секретаря ЦК… Андропова. Это был мудрый аппаратный ход, и Черненко, выслушав Устинова, понял, что проиграл, и согласился, хотя Н.А. Тихонов готовился выдвинуть его, Константина Устиновича. Черненко понимал, что обращение Устинова к нему было согласовано среди основных

влиятельных членов политбюро. Отказаться выполнить просьбу маршала значило проиграть окончательно… Памятное заседание по келейной передаче власти продолжалось. Андропов размеренно и очень спокойно читал текст своего выступления: «Курс, выработанный нашей партией на ее последних съездах, это ленинский курс. Именно по этому пути Политбюро во главе с Леонидом Ильичом вело нашу партию и весь советский народ прямой дорогой к коммунизму.

Конечно, наши враги (старый чекист не мог этого не сказать) будут делать все, чтобы нарушить единство и нашу веру в будущее, поколебать наши ряды и стойкость. Они будут делать выводы из факта кончины Леонида Ильича…»

Последние фразы были откровенно предупреждающими. Конечно, слова адресовались прежде всего «коварному империализму», но и в определенной мере тем, кто попытается «нарушить единство». Разве можно это делать в момент, когда советский народ и партия идут «прямой дорогой к коммунизму»? Черненко оставалось в этой ситуации лишь предлагать Андропова…

А без пяти минут генсек невозмутимо продолжал свою короткую речь: «Никто из нас не может заменить Леонида Ильича Брежнева на посту Генерального секретаря ЦК КПСС. Мы можем успешно решать вопросы, которые решает партия, только коллективно… Сегодня на повестке дня Политбюро стоит вопрос о Генеральном секретаре ЦК КПСС. Какие будут предложения, прошу товарищей высказаться».

«Высказался» лишь один К.У. Черненко, сделав особый упор на том, что «Леонид Ильич придавал огромное значение коллективности руководства». Нельзя руководить партией и страной, «не придерживаясь этого основополагающего принципа». Черненко ничего не оставалось, как прибегнуть к традиционным большевистским заклинаниям о ленинском «единстве» и «коллективности» руководства.

«Я вношу предложение, – продолжал самый приближенный в последние годы к Брежневу человек, – избрать Генеральным секретарем ЦК тов. Андропова Ю.В. и поручить одному из нас выступить с соответствующей рекомендацией на пленуме ЦК…»

Все члены партийного синклита дружно загалдели, закивали головами: «Правильно», «Верно», «Мы согласны»…

Маршал Д.Ф. Устинов поставил последнюю точку в обсуждении: «Я считаю, что надо поручить Константину Устиновичу Черненко выступить на Пленуме с соответствующей рекомендацией об избрании тов. Андропова Ю.В. Генеральным секретарем ЦК КПСС».

Все вновь дружно заговорили: «Правильно, поддерживаем».

Андропов, «забыв», что он предлагал «товарищам» (а не только одному товарищу) «высказаться», поспешил «закруглить» вопрос и поблагодарить соратников за «высокое доверие»{813}.

Все было заранее предрешено. Но ни Андропов, никто другой в руководстве еще не знали, что предстоящие почти три года будут безвременьем и страна будет лишь прощаться с очередным генсеком, пока в его кабинет не «сядет» относительно молодой Михаил Сергеевич Горбачев. Система агонизировала вместе со своими лидерами.

Владимир Соловьев и Елена Клепикова в своей книге об Андропове пишут: «…бесцветье бюрократического правления Брежнева подготовило яркую и неожиданную вспышку пришедшего ему на смену полицейского режима»{814}. Не уверен, что страна стала более «полицейской», она всегда была такой, но сам факт прихода на высший пост главного «чекиста» в стране есть выражение ее глубокого исторического кризиса.

Великая страна всегда должна иметь грандиозные замыслы и привлекательные идеалы. Достойных, реальных замыслов уже давно не было, а идеалы сильно потускнели. Но Андропов сделал отчаянную, короткую попытку вдохнуть новую жизнь в одеревеневшую политику. Вначале многим даже казалось, что попытка удастся. За плечами нового генерального секретаря стоял огромный опыт руководителя детища, выпестованного Лениным: ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ… Не все тогда понимали, что система просто исчерпала свои исторические ресурсы. Старые методология и способы решения экономических, политических, социальных, духовных проблем уже были не эффективными в новых условиях. Одномерность, догматизм, директивная заданность могли лишь на какое-то время законсервировать Систему. Страна подошла к рубежу, где требовались крупные, радикальные решения. Старый ортодокс Ю.В. Андропов был на них не способен. Даже если бы судьба оказалась к нему благосклонна и он прожил бы дольше.

Андропов решил в качестве «главного звена» преодоления тотального кризиса общества взять «ленинские идеи» о дисциплине, порядке, организованности. Для многих бюрократов, партийных руководителей, да и для нас, простых людей, этот курс казался действительно спасительным и единственно верным. Но жизнь скоро показала, что припадание к идеологическому алтарю, даже если он «ленинский», уже не могло решить реальных проблем больной Системы.

Мне дважды пришлось быть на узких совещаниях, которые вел Андропов, посвященных афганским делам. Беседы с людьми,

хорошо его знавшими, и работа с партийными архивами позволяют набросать эскиз портрета этого незаурядного человека. Однако, как я полагаю, в силу своей исключительной большевистской ортодоксальности Андропов не смог бы радикально изменить систему к лучшему. Глубокий консерватизм мышления был непреодолимой баррикадой на пути нового генсека.

Об Андропове написано мало. Стоит отметить при этом весьма неплохую книгу о пятом «вожде» СССР, подготовленную Р.А. Медведевым, а другая написана Еленой Клепиковой и Владимиром Соловьевым. Последняя книга слабо документирована, хотя и написана интересно. Андропов, как и его любимое детище – КГБ, жил как бы в сумерках закулисного мира. Было время, когда об этих людях мы почти ничего не знали…

В прошлом нет готовых ответов на многие вопросы настоящего и тем более будущего. Бюрократическую систему нельзя вылечить административными средствами. Однако Андропов думал иначе. Ведь за его плечами был огромный опыт деятельности по сохранению режима, который по исторической инерции продолжал медленно ползти в непредсказуемое грядущее.

Андропов надеялся законсервировать то, что уже не имело будущего.

Пятнадцать лет – шеф КГБ

В своих «Сонетах» У. Шекспир философски заметил, что время всегда «идет на нас войною», «грозит осадой». Руководителям из Кремля не дано было этого понять. «Движение» времени – это всегда перемены. Первый вождь «изобрел» систему, которая многого смогла добиться в областях, где насилие, принуждение, террор давали конкретные материальные результаты. Но в сферах, где эти «инструменты» бессильны, большевизм всегда терпел поражение. В борьбе с религией, например, коммунисты уничтожили многие тысячи храмов на территории СССР, расстреляли тысячи священников, но вера устояла. Время всегда «идет войною» на тех, кто исторически не прав, кто не способен на цивилизованные перемены.

Дело в том, что марксистско-ленинское учение, как утверждают сейчас некоторые коммунистические политики, есть своеобразная попытка замены христианской идеи Божьего Царства материалистической идеей земного рая. Это утопическая идея, тем более что она целиком основана на желательности

революции во имя захвата власти, установлении диктатуры одной политической силы, подчинении всего сущего и должного коммунистической цели.

Ленин, еще в начале века обращавшийся к идее свободы, к октябрю 1917 года окончательно понял: его идея «земного рая» может быть осуществима только силой, могуществом, диктаторской властью, но не свободой. Никто тогда не мог и предположить, что начался отсчет ложной, утопической «цивилизации», которая с неизбежностью идет в исторический тупик. Хотя учение исходит из «неизбежности» исторической удачи, возможности построения лучезарного и конечного по совершенству общества.

Движущей силой этого социального движения были не «преимущества социалистического строя», не «дружба народов», не «возрастание роли КПСС», а изощренное насилие, доведенное до «совершенства» в экономической, социальной, духовной сферах. Орудием, осуществлявшим это насилие, были партия и спецслужба, во времена Андропова называвшаяся Комитетом государственной безопасности.

Ленин любил ВЧК, созданную в декабре 1917 года, не потому, что ее возглавлял «железный Феликс» – Дзержинский, не потому, что там были самые надежные для него люди, не потому, что это были мастера и индивидуального, и массового террора.

Ленин глубже и полнее всех своих соратников понимал, что созданная им система *не может* существовать без систематического государственного насилия. Все лица, возглавлявшие «карающий меч революции», значили для системы неизмеримо больше, чем просто председатели, наркомы, министры. Ф.Э. Дзержинский, В.Р. Менжинский, Г.Г. Ягода, Н.И. Ежов, Л.П. Берия, В.С. Абакумов и другие «первые чекисты» олицетворяли жизнеспособность системы. Андропов это прекрасно понимал. Четверть века (официально), находясь с 1957 года на высоких должностях в аппарате ЦК и в Комитете государственной безопасности, он занимался деятельностью, очень часто внешне скрытой от прямого наблюдения людей.

Андропов был марксистом-идеалистом и глубоко верил чуть ли не в мессианскую роль КГБ, неиссякаемую жизненность ленинизма. Он, например, с полной убежденностью говорил 22 апреля 1976 года на торжественном заседании в Москве, посвященном 106-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина, глубоко лживые слова: «…Только социализм может обеспечить подлинное народовластие… Все это – огромные завоевания советского общества, огромные успехи в развитии социалистической демократии. То, что в этом плане уже сделано,

давно поставило социализм намного впереди самых демократических буржуазных государств»{815}.

Лица на таких должностях, как председатель КГБ, мало известны простым людям. Правда, в народе, среди интеллигенции нередко поговаривали, что Андропов – «либеральный чекист», знающий немного английский и немецкий языки, не чурающийся джазовой музыки и искусства авангарда. Правда, о том, что Андропов пописывал и стихи, мало кто ведал. Интеллигентного вида человек в очках, всегда в белоснежной рубашке и строгом костюме, внешне совсем не напоминал первых чекистов в кожанках и с маузерами в деревянных коробках. Добрый семьянин умел заниматься самообразованием и, хотя ему не довелось кончать «университетов», был весьма начитан и образован. Это отмечают все, кто общался с Андроповым. Как и его скромность и большую выдержку.

Андропов не дожил четырех месяцев до «среднего возраста» высших советских руководителей его времени – семидесяти лет. Он выходец из Ставрополья, где родился в 1914 году. Отец умер, когда Юрию Андропову было всего два года, а мать скончалась через полтора десятка лет после смерти мужа. После семилетки молодой Андропов два года работал помощником киномеханика при железнодорожном клубе на станции Моздок, рабочим на телеграфе, был матросом речного судна. В 1932 году поступает в Рыбинский техникум водного хозяйства. В своем заявлении принять на учебу пишет: «Прошу обеспечить меня общежитием и стипендией, так как средств к дальнейшему существованию не имею»{816}.

Работал после учебы матросом, штурвальным, помощником капитана речного судна. Отличался высокой исполнительностью и общественной активностью. В личном деле Андропова собраны даже такие малозначащие документы, как справка о том, что он «работал по распространению билетов Осоавиахима[21]. Работу выполнял хорошо». Или еще справки: об активном участии в деятельности комсомольской ячейки станции Моздок; работе в «легкой кавалерии» по ликвидации неграмотности; об участии в живой газете «Сигнал» и т. д.{817}.

После техникума поступил в Петрозаводский государственный университет, но скоро оставил его. Окончил позже Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Везде характеризовался с самой лучшей стороны. Не случайно таких молодых людей партийные комитеты замечали и выдвигали. В 1936–1944 годах последовательно занимал должности комсорга ЦК ВЛКСМ на судоверфи, секретаря, первого секретаря Ярославского обкома комсомола, первого комсомольского

секретаря в Карелии; затем наступает черед и для партийной работы – сначала в Петрозаводске, а затем в Москве. С 1951 года – инспектор в ЦК партии, правда, с перерывом в четыре года, когда Андропов использовался на дипломатическом поприще. С 1961 года и до своей кончины – член Центрального Комитета партии. До назначения в 1967 году председателем Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР почти пять лет находился на посту секретаря ЦК КПСС. Работая в ЦК, Андропов занимался делами государственной безопасности и очень хорошо знал эту закрытую сферу советского бытия.

Большое воздействие на мироощущение Андропова оказало его пребывание в Венгрии с 1954 по 1957 год в качестве советского посла. Его потрясли события венгерской революции 1956 года. Будучи ортодоксальным большевиком, Андропов в венгерских событиях прежде всего усмотрел «руку империализма».

Стихийное выступление народа против коммунистического режима было жестоко подавлено. Как вспоминал Хрущев, после заседания Президиума ЦК мы «спросили маршала Конева, командовавшего войсками Организации Варшавского Договора:

– Сколько времени потребуется, если мы поручим вам восстановить в Венгрии порядок и подавить контрреволюционные силы?

Он подумал минуту и ответил:

– Дня три, не больше.

– Тогда начинайте готовиться. Мы дадим вам знать, когда начинать».

Андропов помогал политически «готовиться» к подавлению «мятежа».

И вот Кремль скомандовал Коневу: «Навести порядок». «Конев двинул свои войска, и порядок был почти немедленно восстановлен повсюду в Венгрии», – вспоминал первый секретарь ЦК Н.С. Хрущев.{818}

Роль посла в подавлении революции была весьма значительной. Он, по сути, действовал как чекист; помог обезглавить революцию. Не без его содействия были арестованы Имре Надь и Пал Малеттер. Именно Андропов уговорил колебавшегося тогда Яноша Кадара занять ясную просоветскую линию и возглавить правительство, сформированное Москвой. Он регулярно поддерживал связь с советскими маршалами, силой подавившими выступление в Будапеште.

Он хорошо знал Имре Надя и, когда тот объявил о выходе страны из Варшавского Договора, стал торопить Москву с принятием решения о вводе войск в Венгрию. Именно Андропов

давал советы, как заполучить Надя из югославского посольства, где тот укрылся. Дали, конечно, заверения в «гарантиях» его безопасности.

События той поры наложили глубокий отпечаток на взгляды Андропова по отношению к сателлитам Москвы. Он всегда был сторонником в решающую минуту использовать самые жесткие меры против «контрреволюции». Будущий генсек гордился своим участием в «подавлении мятежа». Не знаю, как он вспоминал Имре Надя, лично ему хорошо знакомого. Ведь в ноябре 1956 года бывшего премьера обманом захватили, когда тот выходил из югославского посольства, а через полтора года расстреляли. Андропов помнит, что Имре очень любил национального поэта Шандора Петефи и они не раз говорили с венгерским руководителем о поэзии… Совпосол не мог только понять, как Надь, сотрудничавший в свое время с НКВД, мог стать «предателем»…

Глава венгерской партии Матьяш Ракоши, сметенный со своего поста восстанием, хотя формально его отстранил пленум ВСРП, писал воспоминания. С тех пор он жил в СССР. После его смерти КГБ изъял мемуары опального секретаря, боясь, что они могут попасть за рубеж. Но ортодоксальный Ракоши, как показало изучение рукописи в ЦК КПСС, писал свои заметки с просоветских позиций. Однако Андропов с большим интересом ознакомился с переводом наиболее интересных мест: ничего осуждающего в адрес советского посла там не было сказано…

В целом биография Андропова – типичная партийная карьера для удачливых советских руководителей. Попав еще в молодости в номенклатурную обойму, Андропов не затерялся на нижних и средних этажах карьеры, а добрался до самой ее вершины.

Особенностью унаследования власти явилось то, что из семи высших руководителей большевистской партии и СССР за всю его историю это был первый человек, который непосредственно из чекистского кресла пересел в самое высшее партийное. Рой Медведев даже назвал свою книгу, исходя из этого факта: «Генсек с Лубянки».

Это не было чистой случайностью. Чем ближе система подходила к краю исторической бездны, тем сильнее проходила «кагэбизация» великой страны. Но, и это принципиально важно, процесс все больше трансформировался из сферы физического террора (как при Ленине и Сталине) в область духовного, идеологического контроля за миллионами людей. Андропов, полтора десятка лет возглавлявший мощную, разветвленную «комитетскую» систему, давно пришел к выводу, что широкая «гулагизация» страны исчерпала себя, она дискредитирует КПСС

и СССР в глазах всего мира и, что самое главное, малоэффективна.

Тем более что совершенствование машины террора никак нельзя совместить с его же утверждением, что социализм в области демократии давно идет «намного впереди самых демократических буржуазных государств».

Хрущев, нанесший на XX съезде партии мощный удар по «карательным органам», заставил их руководителей искать новые формы и способы контроля и удержания в повиновении миллионов людей.

Андропов оказался тем человеком, который смог осуществить известную «либерализацию» «органов», перенеся центр тяжести усилий по изоляции неблагонадежных на контроль за состоянием индивидуального и общественного сознания. Нет, конечно, нередко людей за убеждения сажали, ссылали, выдворяли за границу. Но центр тяжести был перенесен на так называемую «профилактическую работу». Здесь он добился многого: привлек науку к изучению тенденций в умонастроениях людей, усилил влияние «органов» на партийную сферу, уделял особое внимание борьбе за «чистоту» марксизма-ленинизма. Не случайно большинство крупных публичных выступлений Андропова связаны прежде всего со сферой духа, где КГБ выступал своего рода государственным интеллектуальным надсмотрщиком.

Вот некоторые темы крупных выступлений Андропова: «Ленинизм озаряет наш путь» (Москва, 22 апреля 1964 г., доклад, посвященный очередной ленинской годовщине); «Пролетарский интернационализм – боевое знамя коммунистов» (доклад в Берлине, посвященный 100-летию I Интернационала, 26 сентября 1964 г.); «Дружба советских народов – неиссякаемый источник наших побед» (доклад в Таллине 27 декабря 1973 г.); «Ленинизм – наука и искусство революционного творчества» (доклад в Москве 22 апреля 1976 г.); «Идеологическая диверсия – отравленное оружие империализма» (выступление на совещании в КГБ СССР в феврале 1979 г.); «Ленинизм – неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс» (выступление в Москве в апреле 1982 г.) и другие, подобные этим, темы речей и докладов на самых представительных заседаниях и совещаниях. Естественно, что содержание этих выступлений, прошедшее «доводку» в отделе пропаганды ЦК, было глубоко ортодоксальным и почти совсем не несет личностного отпечатка.

Как «завещание» прозвучала теоретическая статья Андропова в «Коммунисте» № 3 за 1983 год: «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР». В ней, правда, звучат в основном старые, традиционные мотивы о

неисчерпаемости и творческом характере марксизма, развитии «социалистической демократии» и необходимости повышения общественной дисциплины, порядка и организованности.

Андропов проницательно видел, что только контроль за теоретической мыслью, а также общественным сознанием и умонастроениями людей может дать шансы сохранить стагнирующую систему. Для Андропова «строгий учет и строгое соблюдение этого принципа»{819} имеют особое значение.

Придя в 1967 году на Лубянку, в мрачное, печально знаменитое здание КГБ на площади Дзержинского, Андропов не пожалел времени для ознакомления с некоторыми нашумевшими (или, наоборот, неизвестными) делами прошлого НКВД. Ему приносили, по его требованию, архивные дела из спецхранилищ КГБ и ЦК КПСС, связанные с различными страницами деятельности его предшественников. Чего здесь только нет!

Так, Андропов просмотрел «Дело-формуляр № 8355» на Рамзая – Рихарда Зорге, которого он считал одним из лучших советских разведчиков. В условиях повальной шпиономании Главное управление государственной безопасности признало его «немецко-японским шпионом» и готовило, после отзыва из Токио, арест разведчика. На донесения Зорге исключительной важности Сталин наложил оскорбительную резолюцию, чтобы сообщения «немецкого шпиона» ему больше не докладывали.

К слову, бывший шеф ЦРУ А. Даллес в своей книге «Искусство разведки» пишет, что донесения Зорге были равны «многим дивизиям»

Сталина, но последний ничего не сделал, чтобы спасти разведчика после ареста в Токио. В деле много интересного и загадочного, например, тайна смерти в ссылке 38-летней жены Зорге – Максимовой Екатерины Александровны…

Андропов, читая, видимо, поражался, сколь неразборчивой была гильотина сталинского террора, так исторически безнадежно скомпрометировавшая все «великое дело».

Председатель КГБ был знаком с системой постоянного наблюдения и слежки за «опасными лицами» не только в СССР, но и за рубежом. Наглядный пример – «агентурная разработка» А.Ф. Керенского (Клоун), закрытая лишь в 1963 году «в связи со старческим возрастом и бесперспективностью разработки». Андропова могло лишь удивить, как при тогдашних советских «нравах» Керенскому удалось уцелеть…

Председатель КГБ не мог не знать, как «доблестные чекисты» организовали «Ленинградское дело», столь грубо сфабрикованным оно оказалось. В «деле» бросалось в глаза скрупулезное соблюдение «органами» сталинских законов.

Например, постановление ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года предписывало:

«4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайства о помиловании, не допускать.

5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора»{820}.

Кузнецову А.А., Вознесенскому Н.А., Попкову П.С. и другим «подельцам» приговор объявили 30 сентября 1950 года, а расстреляли через несколько часов в ночь на 1 октября, о чем начальник 3-го отдела 1-го сектора отдела «А» МГБ СССР подполковник Воробьев пунктуально отметил в специальных справках…

Андропов долго листал толстый том протоколов заседаний комиссии политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам во главе с М.И. Калининым (в составе Шкирятова М.Ф., Меркулова В.Н., Панкратьева М.И., а позже и Абакумова В.С., Горшенина К.П.), которая утверждала приговоры Военной коллегии Верховного суда СССР. «Согласиться с расстрелом»: Тауглиха А.Я. – троцкиста, Тонких И.В. – японского шпиона, Биньковского И.Ф. – польского шпиона, Соловьева ВТ. – польского шпиона, Лагутина А.И. – английского шпиона, Фихман С.Л. – румынского шпиона, Казятина М.Ф. – японского шпиона, Степанова А.М. – эстонского шпиона, Богинского В.Ф. – латвийского шпиона, Тимофеева И.А. – польского шпиона, Грунта Ф.Я. – английского шпиона, Метальникова Н.И. – французского шпиона… Списки бесконечны. Даже Андропова, так много знавшего о делах чекистских, не могла не приводить в дрожь тотальная шпиономания{821}.

Пухлый том, сфабрикованный следственной частью по особо важным делам в отношении Лозовского С.А., Фефера И.С, Бергмана С.Л., Шимолиовича Б.А. и еще девяти несчастных, мог интересовать председателя КГБ и по другим причинам. На Западе многие писали, в частности А. Авторханов, что у Андропова мать – еврейка. То, что в нормальном обществе никогда и никого не интересует, в СССР приобретало некий зловещий и магический смысл. Разве можно считать случайным это дело, если все обвиняемые – евреи? Сталин и МГБ СССР этой акцией намеревались усилить в стране настроения антисемитизма. Когда есть «враги», легче объяснить перманентные провалы в убогом уровне и качестве жизни советских людей. Думаю, Андропова могла заинтересовать уникальная фотография, приложенная к делу как «вещественное доказательство» вредительской деятельности обвиняемых, на которой сняты гениальный А. Эйнштейн и с ним рядом, с обеих сторон, председатель Еврейского антифашистского комитета Михоэлс и советский поэт

Исаак Фефер. Снимок сделан на вилле Эйнштейна в Принстоне…

Здесь все те же страшные справки за подписью зловещего, но «аккуратного» подполковника Воробьева (без инициалов) о том, что тринадцать «еврейских националистов» расстреляны в ночь на 12 августа 1952 года{822}.

…Множество документов из истории создания материально-технической базы коммунизма: дороги, шахты, рудники, заводы, порты, плотины, полигоны. Везде «зэки», миллионы заключенных. Решалось все просто. Вот, например, подписанное Сталиным постановление ЦК ВКП(б) «О Норильском медно-никелево-кобальтовом месторождении». Поручить «ОГПУ создание в Норильске мощного комплексного горно-металлургического комбината по добыче меди, никеля, кобальта, платины и каменного угля на базе организации специального лагеря»{823}.

Или вот закрытый Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года о создании советской каторги. Срок нахождения там не менее 15 лет… Но можно угодить и на 25 лет.

Что испытывал Андропов, знакомясь лишь с фрагментами наиболее страшной стороны советской действительности? Едва ли кто теперь об этом скажет.

Когда вершились некоторые из этих и многих других дел, Андропов был уже в среднем эшелоне власти и многое знал непосредственно. Но лишь придя в КГБ, он увидел масштабы государственного террора сталинских времен, полностью покрываемого высшими партийными органами. Вроде такого решения политбюро от 10 июня 1939 года: «Отказаться от системы условно-досрочного освобождения лагерных контингентов. Осужденный в лагерях должен отбывать установленный судом срок своего наказания полностью… К наиболее злостным дезорганизаторам лагерной жизни применять суровые меры наказания, вплоть до высшей меры…»

Надо полагать, что мрачную историю ведомства, которое Андропов возглавлял 15 лет, он знал очень хорошо. Как он относился к ней, будучи чекистским наследником? Анализ его выступлений свидетельствует, что Андропов, следуя духу решений XX съезда КПСС, осуждал «незаконные репрессии», но последовательно отстаивал «право» КГБ контролировать все общество. Именно по инициативе председателя КГБ в деятельности могущественного ведомства были существенно изменены акценты, особый упор был сделан на область общественного и индивидуального сознания.

Что касается внешней разведки и контрразведки, входящих при Андропове в состав КГБ, здесь их активность и традиции были сохранены в наибольшей мере. Хотя по-прежнему были

нередки провалы, главным образом из-за перебежчиков. Внешняя разведка, в силу ее массированности и весьма высокого профессионализма сотрудников обеспечивала советское руководство самой богатой конфиденциальной информацией, нередко осуществляла и специальные акции.

В своем первом годовом отчете о работе КГБ (за 1967 год) генеральному секретарю Л.И. Брежневу новый председатель Комитета государственной безопасности докладывал, что в течение года удалось «завербовать 218 иностранцев, из которых 64 имеют оперативные возможности для работы против США». За это же время удалось добыть шифры нескольких капиталистических стран, направить в ЦК и Министерство обороны СССР более девяти тысяч разведывательных информационных материалов, в том числе образцы иностранной техники{824}.

Это было первым крупным докладом Андропова на посту председателя объемом в 14 страниц. Последнее донесение Андропов подписал за год до смерти Брежнева, после чего он стал генсеком. Информация в этом докладе более скупа. О многом Андропов предпочитает сообщать наверху устно. Но и здесь полагает уместным доложить, что все заявки ВПК, Министерства обороны на получение технической информации – добыты{825}.

Думаю, что во время пятнадцатилетнего руководства Андроповым спецслужбами они добились в области внешней разведки наивысших результатов.

Андропов, естественно, очень многое знал. Вероятно, значительно больше, чем генеральный секретарь. Сейчас выясняется, что председателю КГБ давным-давно было известно, где находятся подлинники протоколов пакта Молотова-Риббентропа; он хорошо знал о решении советского руководства уничтожить польских офицеров и других польских граждан в Катыни; ему было ведомо, где захоронены кости Гитлера; он знал о судьбах многих бесследно исчезнувших людей, наподобие выкраденных из Франции генералов Миллера и Кутепова; подробности плана готовившегося покушения на И.Б. Тито; местонахождение останков китайского маршала Линь Бяо, пытавшегося бежать в СССР, но погибшего в авиакатастрофе в Монголии. Ему были известны точные объемы золотых запасов СССР; он представлял, каково не официальное, а реальное отношение советских людей к Брежневу; количество «стукачей» в стране; было известно, кто из западных общественных и политических деятелей «работал» на «первую страну социализма»… Андропов, в силу своей чрезвычайно богатой информированности, знал реальное положение в государстве

неизмеримо глубже и разностороннее, чем кто-либо из его соратников по политбюро.

Обладая сильным, аналитическим умом, ведя аскетичную, замкнутую жизнь, хорошо зная свои кадры, Андропов пользовался большим авторитетом у себя в ведомстве, как и в высших партийных сферах. Его побаивались, но уважали. Он редко «являлся» на публике, если не считать обязательных присутствий на заседаниях политбюро, всесоюзных съездах, конференциях, и был для многих довольно загадочной личностью.

Андропов оставил гораздо меньше архивных документов, особенно личных, чем его предшественники. Дело в том, что большая часть этих материалов под грифом «Особой важности» хранилась в архивах КГБ. Но многие свои пометы председатель вел в записных книжках, почему-то очень маленьких размеров (видимо, для того чтобы носить их в случае надобности в кармане), календарях-блокнотах, на отдельных листках бумаги. Но верный чекистской традиции, председатель КГБ в этих личных документах был чрезвычайно скуп на откровения. За исключением того, что Андропов тщательно записывал фамилии людей, которых он принимал, и время проведения бесед с ними. Перечень фамилий довольно ограничен, но в какой-то мере постоянен. Например, в календаре-блокноте на 1982 год (последний год Андропова в должности председателя КГБ) в желтоватой бархатной обложке значатся записи фамилий ближайших высших сотрудников спецслужб: Лежепекова, Крючкова, Пирожкова, Чебрикова, Цинева, Бобкова, Душина, Емохонова, Федорчука, Савинкина, с которыми он встречался особо часто. Но приезжали к нему нередко и партийные и общественные деятели: Горбачев, Гришин, Пельше, Добрынин, Фалин, Замятин, Бовин, Тяжельников, Арбатов, Брутенц; руководители средств массовой информации и культуры Лапин, Толкунов, Севрук, Шауро и другие лица. Со многими из них он работал ранее в аппарате ЦК. Прежде всего это такие незаурядные лица, как Шахназаров, Вольский, Бовин, Арбатов.

Андропов был сугубо кабинетный руководитель с аналитическим уклоном. Он редко выезжал на места, в провинцию, бывал почти исключительно только в социалистических странах, очень редко показывался на телевидении и мало встречался с прессой. Во многих смыслах он был классический чекист ленинской школы. Но вместе с тем Андропов уделял значительно больше времени и внимания аналитической работе, изучению новых тенденций в развитии общества, положению и настроениям в среде интеллигенции и деятелей культуры.

Все знавшие Андропова отмечали у него манеры немного старомодного интеллигента. Он всегда смотрел прямо в глаза и не отводил взгляд, как Черненко. Никогда не кричал, как Хрущев, не матерился, как Горбачев, не любил много говорить о себе, как Брежнев. Мне два раза довелось близко видеть Андропова на узких совещаниях по Афганистану… Негромкий голос генсека заставляет всех напряженно прислушиваться к его речи. Она лаконична и ясна. Чувствовалось, что Андропов не любит пустых словопрений и неопределенности общих решений. Как отмечал издатель «Шпигеля» Р. Аугштайн, встречавшийся в 1983 году с Андроповым, тот в качестве условия публикации интервью с ним требовал, чтобы на обложке журнала не было его фотографии. Близоруко глядя на собеседников, Андропов не спеша, но точно формулировал фразы, которые без редактирования сразу можно было печатать. Но все, что он говорил, было известным. Ничего нового и сенсационного.

Регулярно Андропов подписывал обстоятельный доклад лично генеральному секретарю ЦК КПСС с грифом «Особой важности» о текущей работе КГБ. Например, в марте 1981 года Андропов подписал сугубо конфиденциальную записку на имя Л.И. Брежнева. Работников КГБ здесь, как и в других документах, Андропов именует исключительно ленинским термином – «чекисты». В документе, который в ЦК сразу же попал после ознакомления с ним генсека в «Особую папку», содержится ряд важных положений, характеризующих основные направления работы КГБ тех лет. Фрагментарно 11-страничный документ сводился к следующим тезисам:

«Во исполнение указаний ЦК КПСС Комитет своевременно осуществил необходимые меры по надежному обеспечению государственной безопасности в период подготовки XXVI съезда КПСС».

«Достигнуты неплохие результаты на ряде важных участков разведывательной работы по добыванию информации политического, экономического, научно-технического, военного характера…»

«Исключительное значение Комитет придавал разведывательному обеспечению встреч и переговоров товарища Л.И. Брежнева с лидерами Франции, ФРГ, Индии и других зарубежных стран».

«Систематически добывались данные о враждебных замыслах и антисоветской деятельности спецслужб США и других иностранных государств, зарубежных центров идеологических диверсий».

«Комитетом подготовлено и направлено в Инстанцию,

министерства и ведомства свыше 8 тысяч информационных материалов, в том числе более 500 аналитических записок. Около 6 тысяч материалов направлено в ЦК КПСС и Совет Министров СССР».

«Удалось решить ряд крупных задач по линии научно-технической разведки. Получены документальные материалы и образцы по важным проблемам экономики, науки, техники США, других ведущих капиталистических стран… По военно-промышленным вопросам реализовано около 14 тысяч материалов и 2 тысячи типов образцов».

«Продолжалось укрепление позиций нелегальной разведки. В 1980 году Комитетом выполнено большое количество специальных заданий и поручений Политбюро и Секретариата ЦК КПСС».

«Сорвано 96 вербовочных подходов спецслужб и попыток склонения к измене Родине советских граждан… Не удалось предотвратить невозвращение в СССР 20 туристов и участников делегаций, 15 моряков загранплавания и рыбаков».

«Нанесен ощутимый удар по структуре руководства и нелегальной печатной базе баптистов-раскольников… Вскрыты и ликвидированы созданные церковниками и сектантами 6 нелегальных типографий, 19 печатных точек, более 30 перевалочных баз…»

«Установлено 1512 авторов и распространителей анонимных антисоветских и клеветнических документов…»

Я уже утомил читателя только перечнем вопросов и проблем, которыми занимался в те годы КГБ. В документе говорится о том, что «профилактировано 15 557 советских граждан» (т. е. люди «возвращены» на путь «истинный»), сколько арестовано (433) за враждебные действия, как проводилось «пропагандистское обеспечение чекистских мероприятий» и многое, многое другое{826}.

Андропов не пишет, в силу особой секретности, что именно КГБ осуществляет передачу по своим каналам крупных сумм в иностранной валюте «братским партиям». Созданный ЦК КПСС «Международный фонд помощи левым рабочим организациям» дополнял помощь, которую Москва оказывала своим единоверцам. В 1971 году КПСС передала в фонд 14 миллионов долларов, в 1972-м – 14 миллионов, в 1973-м – 15 миллионов, в 1974-м – 15 миллионов, в 1975-м – 15 миллионов, в 1976-м – 15 миллионов, в 1977 году-15 миллионов… И так почти до конца разрядки. В постановлениях ЦК обычно записывалось: «Поручить правлению Госбанка СССР (т. Свешникову М.Н.) выдать т. Пономареву Б.Н. 14 000 000 долларов на специальные цели»{827}.

Кроме того, все компартии Варшавского Договора (кроме румынской) вносили в среднем по полмиллиона. Больше всех «перепадало» из «фонда» итальянской, французской, компартии США, некоторым другим. После такого решения ведомство Андропова организовывало передачу денежных сумм во многие столицы мира «братским компартиям». Те руководители компартий, что существовали (обычно на бумаге) в своих странах нелегально, жили обычно в Москве на полном «пансионе» ЦК КПСС. Всем этим занимался не только международный отдел ЦК, возглавляемый Б.Н. Пономаревым, но и могущественный КГБ во главе с его председателем Андроповым.

Андропову принадлежит инициатива проведения регулярных совещаний ответственных работников спецслужб социалистических стран по вопросам борьбы с идеологическими диверсиями империализма. Такие совещания прошли в разные годы в Москве, Гаване, Будапеште, Софии, других столицах{828}. Это была одна из форм не просто координации и «обмена опытом», но и управления деятельностью «братских органов».

Читатель может увидеть, что традиционные направления «чекистской работы» неизменно сохранялись. Но теперь в деятельности КГБ большое место (и в этом немалая роль Ю.В. Андропова) занимают политические, идеологические, военно-технические, «профилактические» вопросы. По сути, Комитет государственной безопасности при очевидном отказе от массовых репрессивных мер, что было обычным в сталинскую «эпоху», тем не менее все больше и больше превращался в государство в государстве. Фактически его, Комитет, в полной мере не мог контролировать даже ЦК КПСС, ибо, кроме генерального секретаря, заведующего административным отделом и двух-трех членов политбюро, никто не имел права «совать свой нос» в чекистские дела. Благодаря Андропову КГБ резко усилил деятельность внешней разведки и контрразведки, обратив при этом особое внимание на добывание информации военно-технического характера. Во внутриполитической деятельности приоритетной сферой деятельности КГБ стала борьба с так называемым «диссидентством», а точнее, с инакомыслием. Именно Андропов одобрил многочисленные суды над правдолюбцами и борцами за права человека: Григоренко, Горбаневской, Амальриком, Гинзбургом, Буковским, Щаранским, Гамсахурдиа, Черновилом и другими. Он, председатель, не забывал «венгерских уроков». Там начиналось, напоминал Андропов, с «послаблений смутьянам».

…В день Конституции 5 декабря группа борцов за права человека, среди которых были Сахаров, Семенова и Янкелевич

(дочь и зять Е. Боннер), супруги Григоренко, Буковская, Алексеева, Салова, Шатуновская, Гастев, Генкин, Старчик, Панда, Якир и другие, всего около 50 человек, собрались в Москве у памятника Пушкину с целью выразить молчаливый протест в связи с нарушениями в СССР прав человека. В 18 часов правозащитники сняли головные уборы и минутой молчания почтили память жертв репрессий большевистского режима.

Уже на следующее утро доклад об этом «сборище», подписанный Андроповым, лежал на столе генсека и членов политбюро…{829}

По инициативе Андропова была реанимирована старая ленинская традиция высылки инакомыслящих за рубеж. Например, в 1981 году КГБ лишил гражданства и выслал за околицу отечества 14 человек. Когда на заседании политбюро 7 января 1974 года обсуждался вопрос «О Солженицыне», то Андропов заявил:

«…Я, товарищи, с 1965 года ставлю вопрос о Солженицыне. Сейчас он в своей враждебной деятельности поднялся на новый этап… Он выступает против Ленина, против Октябрьской революции, против социалистического строя. Его сочинение «Архипелаг ГУЛАГ» не является художественным произведением, а является политическим документом. Это опасно. У нас в стране находятся десятки тысяч власовцев, оуновцев и других враждебных элементов… Поэтому надо предпринять все меры, о которых я писал в ЦК, то есть выдворить его из страны…»{830}

Все выступающие, естественно, поддержали предложение председателя КГБ. «Правда», другие газеты начали пропагандистскую подготовку к этой «акции». А мы, точнее большинство замороченных советских людей, верили этой лжи в отношении и Солженицына, и Сахарова, и других правдоборцев.

Андропов тверд в отношении этих людей. Он никогда не узнает, что безграничная власть его ведомства (и всей системы!) окажется бессильной перед неодолимой тягой людей к свободе, человеческому достоинству, правам личности.

У Андропова была потрясающая работоспособность Председатель КГБ много, очень много читал, интересовался деталями и сутью самых разных «чекистских» дел Так, например, когда готовилась операция по обмену Л. Корвалана – лидера чилийских коммунистов на советского диссидента В. Буковского в 1972 году, Андропов лично держал под контролем этот размен. Готовясь к XXII летним Олимпийским играм в Москве в 1980 году, Андропов засыпал ЦК докладами-предостережениями о «готовящихся идеологических диверсиях», о «возможных терактах», «исключительной активности западных спецслужб» в

связи с подготовкой к Олимпиаде.

Андропов умел видеть и знать все. Думаю, Ленин смог бы назвать председателя КГБ «лучшим продолжателем традиций Дзержинского». Этот человек смог превратить КГБ в настоящее закрытое государство в государстве.

Мы напомнили некоторые «эпизоды» из биографии пятого по счету «вождя» КПСС и СССР, когда он был главой на Лубянке. Это был, как его некоторые называли на Западе, да и у нас, «либеральный чекист». Нельзя отрицать, что его отличали от своих предшественников широта мышления, аналитические способности, личная скромность, незаурядный ум. И тем не менее это был до мозга костей Чекист ленинской школы. Он быстрее других приспосабливался к новому времени, глубже других осознавал приближение кризиса, видел главную угрозу строю не только в стагнации экономики, но и в росте мятежности духа все большего количества людей.

По своему душевному складу, профессии, убежденности Андропов тем не менее не мог предложить ничего спасительного ни обществу, ни партии, такого, что выходило бы за ортодоксальные рамки ленинской доктрины. Он был глубоко ортодоксальный Чекист. И такой человек на очень короткий исторический миг стал лидером гигантской, великой страны. Даже если бы он прожил дольше, с этими методами и мировоззрением Андропов ничего кардинально и позитивно изменить не мог. Крушение большевистской, чекистской системы нельзя было предотвратить административными способами. А на принципиальные, глубинные реформы Андропов не был способен.

Новому генсеку не суждено было начать Реформацию в СССР. Чекистское, полицейское видение мира – эфемерный базис для радикальных перемен к лучшему.

Пятнадцать месяцев – лидер КПСС

Андропов стал генеральным секретарем ЦК КПСС в 68 лет. Первая половина «руководящей» жизни прошла в партийных органах, а вторая – в «органах» чекистских. По неписаной большевистской традиции Андропов заверил соратников по политбюро, что движение по «ленинскому» пути будет неизменно продолжено. Но, с другой стороны, он должен был обязательно заявить о себе каким-то новым делом, новой концепцией, новыми подходами. Как мы помним, Сталин сконцентрировал свое внимание на монопольном владении наследием Ленина, что сделало его неуязвимым. Хрущев выбрал акцент на сельском хозяйстве и постепенном укреплении своих антисталинских

позиций. Брежнев акцентировал внимание партии на возрождении «ленинских норм» партийной жизни, преодолении «субъективизма и волюнтаризма» в деле сохранения стабильности.

Каждый очередной «вождь», клянясь в верности ленинизму, в чем-то дезавуировал (больше или меньше) предшественника. Часто не говоря об этом прямо, очередной генсек строил свою политику, свое поведение, «линию», исходя из собственных корректировок относительно действий предшественника. Он должен был обязательно что-то сделать новое, оригинальное, заметное, что даст надежду людям. Тем более что основная масса советских людей устала от брежневской «стабильности» и очень хотела увидеть в новом вожде подлинного защитника ее интересов. Вроде бы все знали, кто такой Андропов – главный «кагэбэшник» страны, но одновременно для большинства граждан он абсолютно не был известен по своей сути. Тот факт, что в каждом клубе, ленинской комнате, дворце культуры был его портрет в окружении престарелых соратников, еще ничего не говорил людям. Андропов обязан был «заявить» о себе.

Новый генсек начал с реорганизации работы политбюро, перераспределения функциональных обязанностей между его членами. Через неделю после восшествия на «престол» новый генсек поставил на заседании партийного синклита один вопрос: «Некоторые вопросы организации работы политбюро и секретариата ЦК КПСС».

Лидер партии начал с себя, заявив: «Я считал бы необходимым, чтобы Андропов занимался вопросами: организация работы политбюро, оборона страны, основные вопросы внутренней и внешней политики КПСС и внешней торговли, расстановка основных руководящих кадров партии и государства»{831}.

Сосредоточив в своих руках практически все основные направления партийной и государственной политики, Андропов намеревался мобилизовать все имеющиеся ресурсы и возможности государства для предотвращения надвигавшегося на страну обвального кризиса. Он более чем кто-либо в руководстве понимал, что продолжающаяся стагнация может привести лишь к краху всей системы.

Возвращаясь к заседанию политбюро 18 ноября 1982 года, через неделю после смерти Брежнева, укажу, что Андропов недвусмысленно выделил «второе» лицо. Им, естественно, оказался К.У. Черненко. Генсек не решился сразу его «задвинуть». Черненко имел сторонников, и к тому же это было бы слишком явной антибрежневской демонстрацией. Но на Черненко новый

генеральный секретарь возложил, прямо скажем, совершенно непосильную ношу. То ли это был способ со временем избавиться от фаворита Брежнева, то ли Андропов не видел в политбюро других лиц, способных объять необъятное. Генеральный секретарь заявил:

«…В связи с изменившимся положением, тов. Черненко К.У… по моему мнению, должен заниматься вопросами, которыми занимался я, плюс вопросы КГБ, МВД и вообще весь административный отдел, отдел парторганов, общий отдел и отдел писем. Надо сосредоточить внимание тов. Черненко К.У. на вопросах идеологической работы ЦК: отделы пропаганды, культуры, науки и высших учебных заведений. Ему же поручить вопросы секретариата ЦК…»{832} По сути, это основные (после взятых на себя Андроповым обязанностей) направления деятельности ЦК…

Два человека в партийной коллегии сосредоточили в своих руках главные рычаги влияния на самые различные области жизни партии и страны.

Два самых больных человека в руководстве разделили между собой львиную долю обязанностей, избежав, тем не менее, непосредственного руководства экономикой.

Став генеральным секретарем, Андропов вначале до глубокой ночи просиживал в своем новом кабинете, приглашал для беседы многих людей, часто общался с Черненко, запрашивал бесчисленные справки и личные дела на разных руководителей. Сегодня ясно: Андропов искал путь к выздоровлению общества, пытался нащупать некие чудодейственные методы и подходы, которые позволили бы активнее «заработать» загнившую Систему, вернуть уверенность людям, дать новое дыхание партии и начать решительное «восхождение» к коммунистическим высотам.

Что это сизифов труд, Андропов не хотел и думать. У него не было выбора. Нужно было подавить кризис, пока он не разразился. Андропов был неотъемлемой частью партийного механизма, созданного Лениным и Сталиным. У него и мыслей не появлялось о необходимости масштабных и радикальных реформ в стране, пересмотре неких кардинальных установок марксизма-ленинизма и мобилизации естественных, общечеловеческих возможностей многонационального народа для подлинной демократизации общества. Классовые догмы цепко держали бывшего председателя КГБ в рамках ленинской методологии мышления и действий.

Андропов после ноябрьского пленума, избравшего его генеральным секретарем ЦК КПСС, провел серию рабочих совещаний, заседаний в Центральном Комитете, где педалировал

одну идею: оздоровление общества и государства возможно лишь на основе всемерного укрепления дисциплины. Особенно характерны в этом смысле были совещания в ЦК 7 и 22 декабря 1982 года и 18 января 1983 года.

Мысль и идея Андропова совсем не является новой. Начиная с ленинских времен, партия только и делала, что регулярно принимала постановления об ужесточении требований к гражданам СССР за их работу, поведение, благонадежность. Людей в сталинские времена сажали в тюрьму за прогул, запрещали человеку по своему желанию переходить на другое место службы, определяли минимум выработанных трудодней в колхозе, устанавливали над гражданами неусыпный идеологический контроль. Хотя позже эта полицейская хватка несколько ослабла, партийные органы всегда делали особую ставку на возможность «закручивания гаек», ужесточение контроля над каждым советским гражданином, «наведение порядка» на производстве и в быту. Андропов хотел прибегнуть к мобилизации духовных, нравственных и физических сил людей в реализации программ, выдвигаемых «штабом ленинской партии».

А за реакцией простых людей на постановления ЦК КПСС следили миллионы (да, миллионы!) завербованных секретных агентов из числа рабочих, крестьян, военнослужащих, интеллигенции, священнослужителей, деятелей культуры, чиновников. Вся страна на протяжении десятилетий была опутана частой сетью осведомителей, «наблюдателей», секретных сотрудников, названных в народе «стукачами» или «сексотами». Купленные за небольшие, но регулярные суммы денег, эти люди, всегда остерегаясь разоблачения, регулярно информировали «органы» обо всех подозрительных, «сомнительных», тем более антисоветских высказываниях и действиях. Эпизодически политбюро рассматривало этот вопрос: например, 20 декабря 1960 года № 3313-«Ш» («Особая папка»). Рассматривались эти вопросы и позже, хотя во времена андроповского руководства количество «нештатных сотрудников» заметно сократилось.

Еще в 1960 году стали создавать «группы нештатных сотрудников», которые, как докладывал председатель Комитета госбезопасности А.Н. Шелепин, «участвуют в наблюдении на общественных началах…»{833}. Тотальная слежка сохранялась до конца восьмидесятых годов, представляя собой изощренное нарушение прав человека.

Приступая к «наведению порядка», генеральный секретарь хорошо знал из донесений партийных и чекистских органов, что основная часть общества поддержит его курс. С одной стороны, общественный, государственный, демократический порядок

всегда является важным атрибутом здоровья нации, а с другой – советские люди за долгие десятилетия привыкли к жесткой регламентации всей своей жизни. Эта бюрократическая, административная запрограммированность постепенно формировала людей малоинициативных, непредприимчивых, послушных, готовых по команде поддержать любое новое «начинание» властей.

Андропов в силу своей одномерности и ортодоксальности (а может, и время для крутых перемен еще не приспело) не мог придумать ничего лучшего, кроме как попытаться вновь оседлать конька большевистской дисциплины. Очень характерно в этом смысле его выступление на совещании секретарей ЦК КПСС 18 января 1983 года. В его кабинете собрались М.С. Горбачев, В.И. Долгих, Б.Н. Пономарев, М.В. Зимянин, И.В. Капитонов, К.В. Русаков, Н.И. Рыжков, А.Я. Пельше, М.С. Соломенцев.

Все привычно достали служебные блокноты, удобнее устроились за длинным столом в готовности внимать «ценным указаниям» своего лидера.

Андропов, близоруко щурясь, держа в своих руках рукописные листочки, методично бил в одну точку. «…На первый план сейчас выдвигаются вопросы об укреплении трудовой и производственной дисциплины, вопросы о методах и стиле нашей работы… Москвичи, как известно, уже выступили с инициативой об укреплении трудовой и производственной дисциплины, о наведении должного порядка на производстве и в городе в целом. Эта инициатива была одобрена Центральным Комитетом КПСС…»{834}

В получасовой речи Андропов с методической настойчивостью повторял слова «необходимо укреплять производственную и трудовую дисциплину», чем поставил в затруднительное положение участников совещания, прилежно конспектировавших выступление генсека. В «прокладках» между «новым» термином-панацеей, естественно, звучали слова «дисциплина должна быть сознательной», а посему надо развертывать «все виды и формы массово-политической работы», мобилизовать на это дело «печать, партийные, советские, профсоюзные организации».

Речь-заклинание, речь-программа была не просто реакцией на стагнацию экономики и общества, но и, по мысли автора, должна была привести к изменению стиля работы ЦК. Андропов вновь повторял дежурные в КПСС положения о необходимости «конкретной информации», сосредоточивать внимание на «самых главных вопросах», меньше проводить совещаний, усилить «организаторскую работу с людьми» и т. д. и т. п. Такие

банальные слова звучали в аппарате ЦК с ленинских времен. За внешней целесообразностью, рациональностью, деловитостью скрывалась неспособность высшего руководства понять глубинные причины перманентного экономического кризиса системы.

Главный чекист, ставший главой партии и государства, иногда в своей речи формулировал весьма колоритные предложения, которые помимо воли автора демонстрировали бесплодность очередного начинания.

На реплику Пельше о том, что аппарат ЦК «занимается иногда вопросами, которые должны решаться в министерствах и ведомствах», Андропов тут же среагировал:

– Наша задача отсортировать вопросы менее значимые от более значимых, и пусть эти мелкие вопросы решают в министерствах и ведомствах…

Суперправительство, каковым с давних пор было политбюро, этой репликой подтверждало: управление народным хозяйством, обществом и впредь будет директивным, командным, административным. Правительство пусть решает «мелкие вопросы», а основные, крупные – ЦК… Все дружно поддакивали: «правильно», «верно», «согласны».

В коротких выступлениях секретари ЦК поддержали «линию Андропова» на необходимость «всемерного укрепления производственной и трудовой дисциплины». Выступил и М.С. Горбачев. Он полностью поддержал генсека, подчеркнув, что к числу коренных, главных вопросов, конечно, относятся вопросы «укрепления трудовой и производственной дисциплины». Говорил о «повышении роли рабочего коллектива», «бригадном подряде», «усилении проверки исполнения» и других подобных дежурных вещах. Михаил Сергеевич, однако, отметил одну мысль, которая в то время витала в умах людей: Андропов «породил очень хорошие надежды на перемены». После совещания в ЦК в каждой парторганизации принялись обсуждать «меры по укреплению» всех мыслимых дисциплин: служебной, технологической, воинской… Казалось, Андропов нашел волшебное лекарство для выздоровления общества. Люди устали от серой и беспросветной жизни, и даже слабый лучик, намек на изменения к лучшему воспринимался у людей с надеждой. Они хотели верить, что улучшение жизни возможно.

Через пару недель после этого совещания Андропов неожиданно приехал на московский станкостроительный завод имени Орджоникидзе. Он сразу же прошел в цеха, хозяйским глазом оглядел производство, беседовал с рабочими, инженерами. Генсек не обещал «быстрой» хорошей жизни, но все

время подчеркивал: укрепим порядок, дисциплину, будем производить больше и лучшего качества. А от этого выиграем все…

Рабочие молча слушали бледнолицего, высокого человека, который говорил с ними, как их бригадир: о дисциплине, порядке, прогулах… С любопытством разглядывая нового «вождя», слушатели довольно безучастно воспринимали старые «откровения». Их интересовали заработки, жилье, транспорт, отсутствие нового оборудования, заботило убогое снабжение, бесконечные очереди. Но Андропов говорил и говорил о «дисциплине», «порядке».

У генерального секретаря еще хватило сил не только начать борьбу с широко укоренившимися расхлябанностью, разболтанностью, неисполнительностью, но и нанести несколько ощутимых ударов по местным, региональным князьям: секретарям республик и обкомов, министерствам, высокопоставленному чиновничеству, где процветала коррупция, кумовство, казнокрадство. В суды пошли сотни дел на людей, которых криминальная личная материальная выгода интересовала больше, чем «производственная и трудовая дисциплина». Даже «сознательная». Успели и расстрелять несколько человек за «хищения в особо крупных размерах», среди которых наибольший резонанс получило «дело» директора Елисеевского гастронома Ю.К. Соколова. Общество притихло. Многие одобряли эти решительные шаги, словно «соскучившись» по старым «добрым временам».

Андропов требовал «призвать к порядку» не только рядовых граждан, но и сам показал пример, как он будет поступать с вельможами в министерском ранге. Первой крупной жертвой «нового» курса стал министр внутренних дел Н.А. Щелоков, давний фаворит Брежнева. Придя к высшей власти, Андропов уже через месяц с небольшим сместил Щелокова с поста министра и дал указание начать против того судебное расследование. Не дожидаясь суда, Щелоков предпочел покончить с собой.

Трудно сказать, как много сделал бы Андропов на пути ужесточения режима. Может быть, на какое-то время ему удалось бы законсервировать систему, но ясно одно, что вылечить ее этими привычными большевистскими методами он уже не смог бы. Чекистский рыцарь, сам лично морально безупречный, со своим аскетизмом и скромностью, явно в методологии поиска рецептов выхода из кризиса больше оглядывался на прошлое, чем смотрел в будущее. Однако у советских людей, особенно старшего поколения, Андропов вызвал, повторюсь, и надежду, и уважение. Смотрите, говорили старые коммунисты, не

остановился перед снятием одного из самых могучих министров, ордена себе не вешает, взялся всерьез за взяточников и бездельников…

С мест идет множество донесений: «Народ хорошо воспринял курс на наведение порядка и укрепление дисциплины». Впрочем, Андропов, бегло просматривая шифрованные телеграммы, и не ожидал другого. Всегда любое решение или установка ЦК на местах безусловно одобрялись. Так было всегда. Так было «положено».

Генсек жил идеей «дисциплинирования» огромного народа, видя в этом едва ли не единственный шанс преодолеть тяжелую стагнацию. Он даже внешнеполитическими делами занимался меньше, чем его предшественник. То там, то здесь освобождались коррумпированные местные «князьки», проводились собрания областных и республиканских активов, ехали инспектора ЦК в неблагополучные точки. Андропов, пока болезнь еще не свалила его, демонстрировал завидную целеустремленность. Проводя очередные заседания политбюро, многочисленные совещания, генеральный секретарь концентрировал внимание соратников на идее, выдвинутой им после «коронации».

Лидер партии и государства часто практиковал приглашение к себе в кабинет группы высших руководителей и слушал их о положении дел, о реализации «установок ноябрьского пленума». Так, 1 июля 1983 года Андропов пригласил Горбачева М.С., Романова Г.В., Черненко К.У., Долгих В.И. и Рыжкова Н.И. Речь опять была о «наведении в стране порядка». Но незаметно разговор перешел на широкий спектр проблем: «заваленность» членов политбюро бумагами, низкое качество отечественных автомобилей, плохая продажа газа за рубежом и т. д.

Генсек настойчиво повернул беседу к главной теме: как идет реализация решений ноябрьского пленума ЦК (о той же дисциплине. – *Д.В.*). Тогда Долгих заявил, что «мы разослали проект постановления по трудовой дисциплине в политбюро. Получился хороший документ». На что Андропов недовольно бросил:

– Но людей, шатающихся без дела, все еще много; имеются прогульщики…{835}

Прошло более полугода после того, как была взята линия на «укрепление дисциплины и порядка», а в политбюро все еще только готовили проект постановления для руководства партийных организаций… Все чувствовали (но никто не обмолвился и словом!), что глубокий «природный» недуг системы едва ли удастся вылечить отлавливанием бездельничающих молодых людей или высылкой тунеядцев из столицы. Разговоров

о «дисциплине» и «порядке» было предостаточно, но они, естественно, не смогли сколь-нибудь заметно повлиять в целом на экономическую ситуацию в государстве.

Сегодня усилия Андропова вылечить Систему административными мерами кажутся такими же обреченными на неудачу, как труд Сизифа. Правда, возникает мысль: может быть, Сизиф и мог вкатить наконец камень на гору, а мы просто не знали зачем? Зачем продлевать агонию Системы, которая не имела будущего? Андропов верил в миражи.

Но мираж – это иллюзия цели.

Едва ли кто тогда в стране осознавал исторический парадокс: при безраздельной власти КПСС и ее генерального секретаря они были полностью бессильны изменить экономическую ситуацию к лучшему. Неограниченная власть в руках, а изменить уже что-то серьезное в экономике к лучшему не могут. Личный интерес и объективные экономические законы не могли заменить ни соцсоревнование, ни грозные директивы ЦК, ни административные санкции к «нерадивым». Система буксовала.

Национальный резервуар энтузиазма «сознательности», подвижничества, на чем долгие годы спекулировали большевики, иссяк. И никакие «исторические решения» партийных пленумов, ухищрения бесчисленных контролеров и администрации предприятий не могли одолеть социальную апатию, равнодушие, безразличие миллионов людей. Все больше становилось граждан, которые чувствовали, что для народа приближаются рубежи, которые больше не одолеть традиционными большевистскими способами. Особенно хорошо это видели люди, бежавшие из СССР или изгнанные из него. Они писали, что Андропову не удастся спасти агонизирующую систему. Так, используя псевдоним Ильи Лукина, «обычный» советский гражданин писал в западном журнале: «Новый генсек верил только в административную власть; он принялся доводить до блеска сталинскую систему устрашения и «порядка». Экономической программы у Андропова не было никакой. В парикмахерских, банях, магазинах устраивают облавы и у задержанных требуют ответа: почему они днем находятся здесь, а не на рабочем месте? В это время юристы поговаривали о введении усиленных мер ответственности за прогул или опоздание на работу…»{836}

Андропову могли помочь, кроме партийных директив, осложнения в международной обстановке, «происки» агрессивных империалистических сил. В какой-то мере для этой цели попытались использовать факт уничтожения 1 сентября 1983 года советским истребителем южнокорейского лайнера с 269 пассажирами на борту. «Боинг» оказался над советской

территорией (случайно или преднамеренно, до сих пор никто не в состоянии на это ответить) и был сбит.

Политбюро сделало все для того, чтобы этот печальный инцидент был использован для цементирования трещин Системы в связи с «империалистической угрозой», укрепления «социалистического содружества» перед лицом милитаристских сил США. Но именно этот случай подчеркнул прямолинейность, негибкость советской внешней политики и стал как бы печальным символом заката карьеры Андропова еще до его скорой кончины.

Генсек и политбюро

Все предшественники Андропова, заступая на высший пост, были моложе него. Сталин стал «осваивать» пост генсека в 42 года, Хрущев – в 59 лет, Брежнев – в 57. У Андропова, хотя он и был моложе большинства своих «соратников», возраст приближался к критическому семидесятилетнему рубежу. Времени выжидать, присматриваться у него уже не оставалось. Вновь обращаясь к Шекспиру, скажем, что время на него очень давно «уже шло войною…».

Но не только времени не оказалось в запасе для нового генсека. Не было и возможных удовлетворительных ходов. Говоря языком шахматистов, Андропов сразу же оказался в историческом цугцванге; можно было имитировать «исторические решения», демонстрировать пропагандистские «преимущества социализма», заклинать себя и миллионы «неисчерпаемостью ленинского наследия», но в корне ничего уже нельзя было изменить. Без кардинальной Реформации. Но убежденный консерватор Андропов не мог решиться на реформы, которые поставят под угрозу «социалистические завоевания». Ведь нельзя же представить, чтобы Андропов пошел на введение свободной рыночной экономики в СССР, на отказ от идеологических постулатов ленинизма, официальное поощрение либерализма, инакомыслия, диссидентства! Это было исключено. Андропов был хотя и умный человек, но скованный наглухо ортодоксальностью своих убеждений, «правилами» партийной игры, требованиями Системы.

Совсем незадолго до партийной коронации Андропов говорил: «На Западе многим во что бы то ни стало хочется, чтобы в СССР существовала пусть искусственная, но организованная оппозиция. Советские люди никогда этого не допустят и сумеют оградить себя от ренегатов и их западных защитников…»

Система была на излете своей траектории, начавшейся от страшного ленинского импульса. Даже приход Андропова, вчерашнего главы «тайной полиции», к высшей власти означал глубочайший кризис ленинского «дела». У системы остались лишь большевистские аргументы: ракеты, танки, интеллектуальный контроль, директивы партии, спецслужбы. Но контраргументов у истории было больше: экономическая несостоятельность СССР, тотальная несвобода, мертвящая все живое бюрократия и догматизм, отсутствие приемлемых «советских» способов и методов выхода из кризиса.

Андропов, став 12 ноября 1982 года генсеком, 16 июня 1983

года присовокупил к партийному посту и должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР. К тому же Юрий Владимирович «по привычке» сохранил полный непосредственный контроль и над органами госбезопасности. Архивные материалы подтверждают, что среди посетителей генсека в его кабинете едва ли не самыми частыми гостями были его заместители и крупные работники по чекистской службе.

Андропов сконцентрировал в своих руках еще большую власть, чем, допустим, Хрущев или Брежнев. Но… изменить ситуацию существенно к лучшему уже не мог. Повторюсь: дело не в скоротечности правления Андропова, а в отсутствии хоть каких-то удовлетворительных способов поднять страну на «ленинских рельсах».

Колеса человеческой судьбы вращаются Провидением. Андропову нужно было делать выбор: или катиться по колее, отполированной Брежневым, или идти на крутую ломку Системы. Новый генсек хотел многое повернуть к лучшему, но серьезно ничего не меняя. Пожалуй, после Ленина и Сталина это был самый ортодоксальный советский руководитель.

В отличие от Брежнева Андропов много размышлял о путях повышения эффективности партийного влияния на экономические и социальные вопросы. За счет улучшения качества этого влияния. Он как будто попытался уменьшить объем непосредственного партийного руководства хозяйственной деятельностью страны. Выступая перед секретарями ЦК 7 декабря 1982 года, генсек сделал примечательное заявление: «… Важно обращать внимание на то обстоятельство, что не происходит ли срастания ответственных работников аппарата ЦК с министром и другими работниками? К сожалению, наши работники, в том числе и зав. отделами, иногда не замечают этого недостатка. Если ЦК своевременно не примет соответствующих мер против этого нетерпимого явления, то огонь перекинется на ЦК КПСС в целом…»{837}

Андропова, как видим, беспокоит не столько ущербность директивного правления, сколько возможное отождествление очередных социально-экономических неудач с деятельностью ЦК. Тогда «огонь перекинется на ЦК КПСС в целом». Конечно, легче руководить, не отвечая за последствия, но это невозможно. Несмотря на некоторые попытки как-то изменить положение вещей, политбюро работало в прежнем режиме универсального суперправительства. Впрочем, советское общество и государство только так могло «управляться». Вот несколько иллюстраций.

Через неделю после того, как Андропов возглавил партию, состоявшееся 18 ноября 1982 года политбюро рассмотрело 13

вопросов, а голосованием поименно, до заседания, приняло 78 постановлений! Наряду с политическими вопросами (к итогам бесед с делегациями, прибывшими на похороны Брежнева, о предстоящем совещании ПКК Варшавского Договора, о поздравлении турецкого президента Эврена, о диссиденте Щаранском, проекте постановления политбюро об избрании Андропова членом Президиума Верховного Совета СССР) рассматривались и экономико-технические: о бюджете на 1983 год, о производстве ядерных материалов и боеприпасов на XI пятилетку, о производстве сеноуборочных машин на заводе им. Ухтомского и многие, многие другие. И так было всегда: до Андропова, при нем и после него. От крупнейших вопросов эпохи до решения наградить медалями отличившихся свинарок – все было в ведении всесильного политбюро, точнее, политического суперправительства.

Понятно, что политбюро ни по составу, ни по времени, ни в профессиональном отношении не могло качественно рассмотреть эти проблемы. Политбюро штамповало проекты решений, подготовленные аппаратом, после чего они приобретали силу высшего закона… Помощники, референты, советники, инспектора, инструктора, заведующие секторами и отделами, их заместители, привлекавшие, правда, и экспертов, предрешали вектор, содержание и характер решений политбюро. Андропов видел, что это ненормально: если бы политбюро смогло рассматривать по тысяче вопросов на каждом своем заседании, еще тысячи остались бы нетронутыми… Ловушка сверхцентрализации, когда один орган, к тому же слабо компетентный во многих вопросах, решает вся и все, спеленала бюрократическими путами Систему, сделала ее малоподвижной, неэффективной, косной.

С ленинских времен большевики стали предписывать притихшему народу: что делать, кого поддерживать, как жить, кого уважать, а кого ненавидеть. Ленинское политбюро со своих истоков создавало уникальную модель партийного «суперправительства». Во времена Андропова, так же как шесть десятилетий назад, члены политбюро принимали решения не только по вопросу, подобному тому, вводить или не вводить войска в Венгрию, Чехословакию, Афганистан, но и такие, которые могли решаться чиновниками самого низкого уровня. Например, политбюро при участии Андропова утвердило «нормы кормления штатных животных органов МВД СССР»{838}. Политбюро освящало своими решениями и другие «эпохальные вопросы»: «о техническом обслуживании легковых автомобилей; о поршнях танковых дизелей; о согласии с награждением

министра иностранным орденом»[839] и т. д.

«Ленинское политбюро» со времен Ленина заседало по четвергам. В приемной толпились люди, вызванные на его заседание по тому или иному вопросу. Конвейер работал безостановочно: решения принимались одно за другим. Дискуссии возникали редко. Наиболее важные вопросы в протокол заседания не заносились, а адресовались в категорию высшей секретности – «Особая папка». Обсуждения возникали обычно при рассмотрении не экономических, социальных проблем, а вопросов политических и тех, которые обозначались в протоколе как «за повесткой дня».

В «Особую папку» попадали, например, вопросы, обсуждавшиеся при участии Андропова:

– Об ограничении допуска представителей армии Румынии к новым образцам вооружений.

– О доставке специмущества в Никарагуа[840].

– О контрразведывательном обеспечении МВД СССР, его органов и внутренних войск (фактически Андропов ввел контроль со стороны КГБ за ведомством Щелокова. – *Д.В.*)[841].

– О лицах, представляющих особую опасность для государства в условиях военного времени[842].

– О бюджете КПСС на 1983 год[843].

– О реализации золота…[844]

Иногда в протоколе стояла лишь лаконичная запись: «Вопрос КГБ», «Вопрос МО», «Вопрос международного отдела ЦК»… Решения сразу же попадали в категорию «Особой папки». Это вопросы деятельности советской разведки и контрразведки, разработки и испытания нового оружия, финансирования компартий зарубежных стран, материального обеспечения членов политбюро и т. д.

Нельзя не заметить, что на политбюро стали еще чаще, чем раньше, рассматриваться вопросы спецслужб. «Кагэбизация» общества при Андропове не могла ослабеть. Она возросла. Едва заняв кабинет вождя, Андропов уже 10 декабря 1982 года соглашается с обсуждением на «самом верху» вопроса «О привлечении советских граждан еврейской национальности к активному участию в контрсионистской пропаганде». В пояснительной записке говорилось, что «известные люди еврейской национальности воздерживаются, за редким исключением, от публичной оценки сионизма». Естественно, решили создать соответствующую «группу» под эгидой того же КГБ…[845]

Ведомство, которому Юрий Владимирович отдал свои лучшие годы, постоянно нагружало политбюро своими

вопросами:

– О дополнении перечня главнейших сведений, составляющих государственную тайну{846}.

– О мерах по усилению радиозащиты от антисоветского радиовещания{847}.

– О поставке специмущества (главным образом оружия. – *Д.В.*) в некоторые компартии, зарубежные организации…{848} – и другими подобными вопросами.

Андропов, как и раньше, будучи председателем КГБ, не отринул от себя и некоторые весьма щекотливые сферы деятельности. Не секрет, что советские спецслужбы поддерживали глубоко законспирированные связи с известными в мире террористическими организациями. Некоторые из них получали оружие из СССР; немало этих людей проходило в СССР идеологическую и специальную подготовку; были случаи, когда отдельные боевики находили убежище в стране, «строящей коммунизм».

«Суперправительство» пыталось контролировать буквально все. Его одобрению (или неодобрению) подлежали самые невероятные, на первый взгляд, вопросы. Дело в том, что это было, повторюсь, политическое «суперправительство». Оно налагало свое политическое клеймо на любое решение, любой разговор или намерение.

Поговорил Ю.В. Андропов с В. Ярузельским 13 апреля 1983 года по телефону. Соответственно политбюро в своем постановлении отмечает: «Одобрить беседу Генерального секретаря Т. Андропова с Первым секретарем ЦК ПОРП В. Ярузельским…»{849} Вроде бы беседа – это диалог, явление по крайней мере, двустороннее, но политбюро привычно «одобряет» разговор двух лидеров «целиком».

Приглашения генсеком своих коллег из социалистических стран отдохнуть в СССР также подлежали непременному утверждению политбюро. Андропов продолжил давнюю цэковскую традицию и в 1983 году пригласил в СССР руководителей «братских партий» Э. Хонеккера, Ле Зуана, Ф. Кастро, К. Фомвихана, Ю. Цеденбала, В. Ярузельского, Н. Чаушеску, Г. Гусака и, конечно, своего старого доброго знакомого Яноша Кадара. В личном письме Андропов писал:

«Уважаемый товарищ Кадар!

От имени моих товарищей по Политбюро и от себя лично рад пригласить Вас с Марией Тимофеевной провести в этом году в Советском Союз свой отпуск или часть его в удобное для Вас время.

Если Вы сможете воспользоваться нашим приглашением, Вам

будет предоставлена возможность отдохнуть в любом районе страны, посетить при желании интересующие Вас республики и города…

С товарищеским приветом

26 мая 1983 г.

Ю. Андропов»{850}.

С тех памятных событий в Венгрии в октябре-ноябре 1956 года Андропов сохранил самые теплые чувства к Кадару. Часто звонил ему, неоднократно встречался. Даже подарки Яношу и его жене подбирал лично сам, когда они приезжали в Москву, чего он никогда не делал, встречая других гостей. Охотничье дорогое тульское ружье штучного изготовления, оренбургские платки, другие дары Андропов осмотрел, не полагаясь на помощников{851}. Для него Я. Кадар, Венгрия, те далекие теперь уже события представляли собой нечто очень важное, переломное, рубежное. С тех пор Андропов стал чрезвычайно, до болезненности, чувствительным к любым проявлениям «контрреволюции», «буржуазного национализма», «империалистическим диверсиям». Та вспышка народного, национального гнева против несвободы, большевизма не только напугала Андропова, но и выработала у него некую обостренную реакцию на все «антисоциалистическое».

Кадар был другом и живой памятью о тех сумасшедших днях.

Политическое суперправительство работало и при новом генсеке, как раньше…

Андроповские установки на «наведение порядка», «укрепление дисциплины» были с одобрением встречены большинством советских людей, но дали весьма скромные, если не сказать больше, результаты. Общество и система были больны. Их нельзя было вылечить регулярным заводом будильника или насаждением где только можно дополнительной армии контролеров. Даже если Андропов и понимал это, то не предпринял никаких шагов кардинального характера ни в экономике, ни в политической сфере. Его деятельность была сконцентрирована на снятии с постов щелоковых, медуновых, других коррумпированных высокопоставленных чиновников партии и государства. Но Андропов исторически «промахнулся».

Старое заблуждение большевиков, начиная с Ленина: мол, достаточно ввести в органы управления больше рабочих и крестьян, проверенных, честных людей, «настоящих» большевиков – и дело «пойдет». Сталин для этого в немалой мере устроил столь грандиозную «чистку», что и сегодня о ней нельзя вспоминать без содрогания.

Нет совершенных общественно-политических систем. В

любой есть нарушения закона, факты коррупции, бюрократии. Человеческий опыт показывает, что более или менее успешная борьба с этими вековыми пороками человеческого общежития лежит не столько в области жестокости закона, сколько в обеспечении свобод и прав граждан, широкой гласности, общественной подотчетности, минимуме секретности, создании нормальных условий жизни людей. Взяв на вооружение старую большевистскую методологию, Андропов заранее обрекал себя на поражение, которому способствовала и его тяжелая болезнь.

Радикальные меры, сторонниками которых всегда были большевики, дают результат лишь в экстремальных ситуациях войны, революций, крутых общественных ломок. Но в этих случаях они столь обильно омыты кровью, что говорить позитивно об этой методологии просто нельзя. Андропов, конечно, не хотел возвращаться к прошлому горькому опыту. Но его административные меры без изменения базисных опор не могли и не дали ожидаемого результата.

Тем не менее у Андропова, лично честного человека, достало мужества пойти на обострение отношений с рядом союзных министров и региональных руководителей, многие из которых лишились своих постов. Больной генсек в ряде случаев покушался даже на то, что в глазах «партийной общественности» выглядело просто кощунством.

Известно, например, что, начиная со столетия рождения Ленина, в стране начался новый бум создания бесчисленных памятников «бессмертному» вождю. Теперь уже считалось правилом партийного тона иметь монумент вождя не только в республиканских и областных центрах, но и в каждом районном городе, на заводе, в университете, воинской части. Создавались целые архитектурные композиции, а «генераторы идей» все вносили новые и новые проекты об «увековечении вождя».

Однажды Андропов сказал в узком кругу: нужно приостановить увлечение внешней монументальной стороной, которое нас разоряет…

По его инициативе в апреле 1983 года (когда приближалась очередная годовщина ленинского рождения и, естественно, повысилась активность разных «монументалистов») политбюро приняло весьма примечательное постановление. Оно именовалось нейтрально: «О устранении излишеств в расходовании государственных и общественных средств на строительство мемориальных сооружений». В документе прямо говорилось: «Запретить в 1983–1985 годах строительство новых и продолжение строительства начатых мемориальных музеев, монументов, обелисков, памятников, за исключением бронзовых

бюстов лиц по указам Президиума Верховного Совета СССР, а также недорогих памятников погибшим в Отечественной войне»{852}.

По сути, Андропов приостановил идеологическое безумие – создание все новых и новых тысяч идолов в стране, которой именно Ленин нанес самый глубокий исторический, до сих пор не заживающий, шрам…

Однако стоило Андропову залечь в госпиталь и состояние его здоровья начало быстро ухудшаться, ленинцы проигнорировали апрельское постановление политбюро 1983 года. По предложению Гришина, поддержанному Черненко, Тихоновым, Горбачевым, Громыко, Романовым, другими членами политбюро, в начале декабря 1983 года приняли постановление «О сооружении памятника Ленину на Октябрьской площади в Москве»{853}, хотя в столице уже было несколько десятков монументов первому вождю. Строить и возводить памятники оказалось значительно легче, чем обеспечить людей элементарным снабжением. Ведь уже давно колоритной приметой Москвы (тем более других городов) стали бесконечные очереди в магазинах практически за всем, без чего не мог обходиться человек.

Андропов, не будучи экономистом и хозяйственником, осторожно подходил к вопросам каких-либо реформ в промышленности и сельском хозяйстве. Так, он не согласился с подготовленным постановлением ЦК о расширении прав предприятий. «Нужно вначале проверить на нескольких заводах, фабриках», – заявил генсек. Политбюро, естественно, согласилось с проведением первоначально экономического эксперимента по расширению самостоятельности и ответственности предприятий{854}. Но в то же время Андропов быстро согласился с предложением экономистов в ЦК о развитии бригадной формы организации труда{855}. Генеральный секретарь видел низкую эффективность советской экономики, понимал, что нужно включить в производственный процесс личный интерес людей, однако продолжал действовать крайне осторожно. Возможно, генсек сознавал, что социалистическая экономика, основанная на жестких идеологических посылках неприятия частной собственности и свободного рынка, едва ли способна кардинально реформироваться. Андропов предпочитал поиск частичных улучшений и нововведений с одновременным «наведением порядка» на производстве.

Так же осторожен был Андропов и в политической сфере. Становилось все труднее игнорировать критику, раздающуюся даже со стороны «друзей», о крайней недемократичности

выборов. Аргумент о том, что у нас лишь «одна партия», которая выражает интересы всего народа, а посему в бюллетене лишь один кандидат, проходил уже не так гладко. Неожиданно для членов политбюро в октябре 1983 года больной Андропов направил записку, в которой предложил рассмотреть возможность расширения некоторых «демократических процедур» на предстоящих выборах в Верховный Совет СССР. Но это «расширение», по мысли автора записки, было очень осторожным и ограниченным. Фактически генсек посоветовал «не замыкаться на должностном принципе при выдвижении кандидатов». Долгие годы существовала такая уродливая практика. Депутатами были члены политбюро и секретари ЦК, министры, секретари республиканских и областных комитетов партии, директора крупных комбинатов, фабрик, командующие военными округами, секретари союзов писателей, композиторов, художников и т. д. Верховный Совет для антуража разбавляли некоторым количеством рабочих, колхозников, врачей, учителей и т. д. Все расписывалось заранее, до «выборов», до мелочей. По сути, Верховный Совет СССР задолго до «выборов» формировался на Старой площади в комплексе зданий ЦК.

Андропов предложил выдвигать не только по сложившемуся партийному трафарету, но и замечать «интересных», «заметных» людей, «проводников линии партии в народе». Предложил, чтобы в высшем органе власти (сугубо формальном) были представлены и народы-изгои: немцы, крымские татары, ингуши и т. д.{856}.

Конечно, эти «нововведения» не затрагивали основ постыдной системы «выборов», но означали, что руководство начало размышлять, как придать большую респектабельность советским институтам власти.

Таким был Андропов: осторожным, осмотрительным, я бы даже сказал, «бдительным» во всех экономических, социальных, политических и идеологических вопросах. Некоторые его шаги, направленные на «улучшение» различных сфер жизни общества, были фактически бюрократической имитацией движения и поиска. Ортодоксальность мышления не позволяла главе партии и государства решиться на кардинальное реформирование системы. Этого генсек просто не мог допустить. Он не уставал повторять, что «будущее за социализмом»{857}.

Где Андропов не колебался, так это в своей родной сфере. Практически любые предложения Комитета государственной безопасности встречали у Андропова полную поддержку. Так, находясь уже в больнице, в ноябре 1983 года согласился с обсуждением на политбюро вопроса «О мерах по разоблачению подрывной деятельности зарубежных центров украинских

националистов». Постановление высшей партийной коллегии определило, например, целую программу борьбы с так называемым «Антибольшевистским блоком народов» Я. Стецко, рекомендовало «вносить в среду националистов раздоры»{858}. Полицейские, «шпионские», контрразведывательные вопросы по-прежнему были одной из любимых услад «ленинского политбюро». Оно могло, например, по представлению Громыко и Чебрикова подробно и долго обсуждать, как ужесточить выдачу виз американским гражданам, решающим поехать в СССР; как больше «прищучивать» дипломатов США за нарушение правил движения и парковки; каким образом снижать значение протокольных мероприятий, проводимых американским посольством в Москве{859}.

Все эти, казалось бы, частные детали деятельности «суперправительства» тем не менее ярко показывают догматическую ограниченность высшего руководства СССР классовыми рамками и стереотипами.

Андропов не упускал случая использовать идеологическое оружие против своего главного противника – «империализма США». Порой это было неуклюже, прямолинейно, примитивно. Но иногда удавалось осуществить «акцию» даже с долей интеллектуального изящества.

В начале 1983 года Андропов, просматривая, как обычно, почту: шифротелеграммы, обзоры прессы, доклады с мест и из-за рубежа, на одной из бумаг сделал знаменательную пометку: «О предстоящем, грядущем 2000 годе стоит подумать уже сейчас». Помощники, референты, отдел пропаганды, науки ухватились за идею. При умелом использовании общечеловеческого звучания она могла дать немалые идеологические дивиденды. Над документом работали долго и тщательно. Наконец, в октябре 1983 года политбюро обсудило необычный вопрос: «Об инициативе советского государства в связи с предстоящим вступлением человечества в третье тысячелетие». Образовали даже специальную Комиссию во главе с К.У Черненко, куда вошли М.С. Горбачев, ГА. Алиев, другие члены политбюро. Решили выступить с инициативой в ООН о принятии подготовленного в Москве проекта декларации «Мир, прогресс и процветание человечества» (программа международного сообщества наций на 1985–2000 годы).

В постановлении не скупились на возвышенные слова: «Декларация» может стать «манифестом XXI века», на основе которого возможно усилить борьбу с угрозой ядерной войны, экологическими опасностями, нищетой, голодом, болезнями…

Рассчитывали, что социалистическая страна, что символично,

способна предвосхитить надвигающееся грядущее, указать народам «траекторию» движения в будущее. Естественно, в завуалированной форме делался намек на «прогрессивные тенденции», которые несут в себе страны, избавившиеся от эксплуатации человека человеком.

Конечно, этот амбициозный проект не мог быть принят мировым сообществом и реализован. Кто стал бы слушать «наставления» государства, ведущего грязную войну в Афганистане, поддерживающего международные террористические организации, использующего психлечебницы для усмирения инакомыслящих, не способного честно признать все детали гибели южнокорейского лайнера над Японским морем?

…Один мудрец построил две церкви.

– Зачем тебе понадобились две церкви рядом? – спросили мудреца.

– Затем, чтобы в одну церковь ходить, а в другую – не ходить…

Политбюро не допускало двух «церквей». У него был лишь один храм – ленинский. И оно не отказалось от мысли, что за порогом XXI века человечество будет ходить только в храм коммунистический. Хотя для многих уже было ясно, что надежды эти – эфемерны.

Символ «эры» Андропова

Каждый исторический отрезок пути движения в будущее имеет свои символы.

Люди любят изучать историю по времени правления царей, императоров, президентов, вождей. Советская «дистанция» мечена знаками семи коммунистических «вождей». В каком-то смысле это были для людей, «подданных», локальные «эпохи», «эры». Каждая из них откладывалась в памяти несколькими (иногда многими или, наоборот, немногими) характерными свершениями, вехами, изломами человеческих судеб. А иногда просто очень памятными событиями. Ленин для советских людей всегда был «вождем Октября», «основателем первого в мире социалистического государства», инициатором отчаянной попытки зажечь пожар «мировой революции». В сталинском реестре самые рельефные шрамы – чудовищная коллективизация, большой террор, Великая Отечественная война и атомная бомба. Хрущев памятен людям своим сенсационным, потрясающим XX съездом, «кукурузой», совнархозами. И так – каждый советский вождь чем-то памятен: тем, что во время его правления

произошло нечто, играющее символическую, мистическую роль.

Было такое событие и в короткий для истории отрезок в 15 месяцев, когда штурвал гигантского государственного судна оказался в руках Андропова. О нем мы и скажем дальше в этом разделе.

Если во внутриполитической сфере в качестве стратегического средства преодоления кризиса Системы Андропов избрал «наведение порядка», дисциплины (во всех ее ипостасях), то во внешнеполитической области такого «универсального» метода найти не удавалось. На «первом» человеке страны, как свинцовые гроздья, висело множество внешнеполитических проблем. Каждый день, когда Андропов мог появляться в Кремле, на его столе лежали шифротелеграммы и доклады о тупиковой ситуации в Афганистане, сохраняющейся напряженности в Польше, глубокой неопределенности грядущих отношений с Китаем, Японией, об опасно тлеющем конфликте на Ближнем Востоке, в Эфиопии, на Юге Африки… Не «складывались» дела с Западной Европой. Но, конечно, как всегда, приоритетными были отношения с Соединенными Штатами. Здесь шло изнурительное перетягивание ракетно-ядерного «каната». Еще к концу правления Брежнева СССР достиг, ценою колоссального напряжения и эрозии экономики, ядерного паритета с США. Эта гонка, в которую безоглядно включились советские лидеры, подорвала «жилы» коммунистической Системе. Больной руководитель больной великой страны между тем не только принимал все новые вызовы США и НАТО, но и сам провоцировал их на опасные действия.

Генсеки КПСС в СССР имели значительно большую власть, чем президент США и его коллеги на Западе. Американский президент, например, ограничен сроками пребывания в Белом доме волею конституции, конгресса, прессом общественного мнения; генсеки же в СССР – фактически «абсолютные» вожди – могли находиться у власти неограниченное время, обычно до самой своей кончины. К тому же однопартийный Верховный Совет послушно штамповал, «утверждая», любые решения, которые были приняты в политбюро. Я сам много лет был депутатом Верховного Совета России и помню, что некоторые сессии (а они созывались обычно два-три раза в год) проходили за несколько часов! Послушно и «единодушно» сотни людей поднимали руки, порой даже не уяснив, за что они голосуют…

В силу сложившейся российской и советской традиции первое лицо (со своим аппаратом) всегда играло в СССР особую роль. В записной книжке Андропова короткие пометы, отражающие колоссальную власть человека, облеченного невообразимо

огромными полномочиями: «Позвонить Ярузельскому («Солидарность», Валенса)»; «Першинги» – СС-20 – хватит торговаться»; «Провести совещание по Афганистану»; «Поставки Сирии»; «Громыко – предложения по Китаю»; «ответ Рейгану»; «Женева – без просвета»; «Пригласить на отдых Я. Кадара, руководителей других соц. стран» и т. д.

Эти проблемы Андропов решал, будучи смертельно больным. Надо отдать ему должное: генсек с искусственной почкой обладал ясным умом и сильной государственной волей. Он знал, чего хотел, но не всегда представлял, как эффективнее добиться желанной цели.

Андропов уделял немалое внимание работе постоянных комиссий, создаваемых при политбюро. Достаточно часто заседали такие комиссии по Китаю, Польше, Афганистану. До избрания генсеком Андропов лично руководил работой двух первых комиссий. В августе 1983 года, когда Юрий Владимирович еще сам вел заседания политбюро, по его предложению была создана еще одна комиссия – по Ближнему Востоку. Андропов сразу же посоветовал Устинову, Громыко, другим членам этой комиссии: продолжая оказывать эффективную военную помощь Сирии, другим дружественным арабским режимам, «не допустить нашего непосредственного ввязывания» в застарелый конфликт в этом регионе{860}.

Проявляя здесь известную осторожность, Андропов тем не менее стоял жестко на конфронтационных позициях против США и Израиля, еще не допуская даже мысли, что наилучшей позицией было бы налаживание нормальных отношений как с арабскими странами, так и с еврейским государством. До этого, к сожалению, дело при Андропове не дошло, и многомиллиардная советская помощь, в основном безвозмездная, продолжала поступать в Сирию, Ирак, Ливию, Южный Йемен, Организацию освобождения Палестины, на Кубу, в Северную Корею. Тысячи новейших танков, бронетранспортеров, сотни боевых самолетов, зенитных ракет, артиллерийских систем, другой современной техники, поставленной из СССР, делали эти страны одними из самых милитаризованных в мире. Никогда ни одно государство в прошлом не имело такого количества советников, говорящих на русском языке, как, например, Сирия… Мне не раз довелось побывать в этой дружественной СССР стране. В почти двух десятках гарнизонов – большое количество советских советников и специалистов. Огромная для небольшой по размерам страны армия. Это главная сила противостояния Израилю в арабском мире. Все живут в состоянии полувойны, полумира. Советский Союз никому здесь не нужен со своей идеологией, но его танки,

самолеты, специалисты – в большой цене…

Еще большая концентрация вооруженных сил была у крошечного Израиля, который, чтобы выжить, не мог позволить себе ни одного военного поражения… Достаточно посмотреть только на неприступные Голанские высоты. Возможно, я оказался одним из немногих, кто несколько раз видел их в начале восьмидесятых с сирийской стороны, а затем, уже в 1992 году, поехав на исторический конгресс в Бер-Шева, – и с израильской. Печальный символ непримиримого военного противостояния.

Живя на одной планете тысячи лет, земляне и здесь, и во множестве других мест не могут договориться и прийти к взаимному согласию. Для большевистского мировоззрения это неиссякаемый источник веры в универсальность Силы как инструмента решения тупиковых проблем.

Андропов, не ослабляя мощной советской военной хватки в этом регионе, тем не менее всячески старался избежать нового военного спазма войны.

Личное большое внимание Андропов уделял отношениям СССР с Китаем. После трагических событий на затерянном острове Даманский Советский Союз резко увеличил количество своих войск в Забайкалье и в Сибири, разместил несколько соединений, при согласии Улан-Батора, в Монголии. Две величайшие азиатские державы, имеющие самую длинную совместную границу в мире, обладающие ядерным оружием, настороженно и подозрительно вглядывались друг в друга. Москва не в состоянии была отделаться от комплекса: Соединенные Штаты могли больше всего выиграть от противоборства в Азии двух гигантов.

Андропов сам лично несколько раз инструктировал высокопоставленных лиц, участвующих в вялотекущих советско-китайских переговорах, проходящих то в Москве, то в Пекине. Генеральный секретарь понимал, что страна не в состоянии вынести бремя фантастической по объему ракетно-ядерной, а затем и космической гонки с США, бесконечной войны в Афганистане, брожения в социалистических странах Восточной Европы, где располагались основные сухопутные военные силы СССР, плюс к этому – военное противостояние с миллиардным Китаем… Андропов на заседании комиссии политбюро по Китаю предлагал изыскивать возможности и пути нормализации отношений с великим соседом. Но усилия советской стороны почти не давали положительных результатов, слишком глубокими оказались противоречия. Все предложения Москвы, тщательно продуманные на Старой площади в ЦК (заключение соглашения о ненападении, укреплении военного доверия путем

ряда мер), наталкивались на неизменные китайские «три препятствия». Пекин невозмутимо выдвигал три «предварительных условия». Но как СССР мог уйти из Афганистана, как мог «заставить» Вьетнам освободить Кампучию, как могла Москва вывести свои войска из Монголии? В Кремле были к этому не готовы.

Завязнув в сетях, самими же расставленных, втянувшись в глобальное противоборство с США и НАТО, взвалив на плечи бесчисленные обязательства перед своими «друзьями» во всем мире, Советский Союз все больше подрывал и без того неэффективную экономику. Пока удавалось сохранять систему на рельсах милитаризации, Союз добивался фактически одного: его боялись. Во всем мире. Андропов понимал, что это главные «козыри» его государства, чередующиеся циклы «стужи» холодной войны и «оттепели» разрядки, в отношениях между двумя «лагерями» означали взаимный страх друг перед другом и неспособность перешагнуть через устойчивые предубеждения. Соединенным Штатам мешала их «привычка» обязательно быть мировым лидером, а Советскому Союзу – верность классовым, ленинским постулатам.

Как только Андропов стал генсеком, Издательство политической литературы поспешило выпустить в 1983 году его «Избранные речи и статьи». В пухлом фолианте, который, как и другие подобные «труды» советских лидеров, не был полностью распродан, есть доклад «Ленинизм – наука и искусство революционного творчества». Пожалуй, центральное место материала выражает фраза: «Наша политика – политика классовая по своим принципам и по своим целям»{861}. Классовый подход изначально обрекал СССР на конфронтацию, противостояние, борьбу до последней возможности, до полного изнурения. Тогда нам еще было неведомо, что классовой истины нет. Есть классовая ложь, а истина всегда общечеловечна. Возможно, именно в классовых постулатах лежат глубинные корни грядущей исторической неудачи Системы.

Мы все время (как и наши политические оппоненты) хотели добиться односторонних преимуществ. Развернув в европейской части ракеты средней дальности СС-20, СССР «навис» своей мощью над всей Западной Европой. Десятки миллиардов ушли на достижение этого временного «преимущества». Было ясно: американцы дадут «ответ» быстро. И они «ответили» размещением в Европе своих «Першингов-2» и крылатых ракет. Москва делала все возможное, чтобы не допустить этого. Сам Андропов в 1983 году едва ли не большую часть времени своего мимолетного правления посвятил ракетной проблеме. Были

сделаны широкомасштабные попытки «мобилизовать» мировое общественное мнение против ядерных планов США, сконцентрировать на этом усилия западноевропейских рабочих и коммунистических партий. По инициативе Андропова созвали «внеочередное» совещание секретарей ЦК братских партий по международным вопросам, где обсуждалась лишь одна «ракетная» тема{862}. Но все тщетно… Напротив советского ракетного «забора» в Восточной Европе вырос «забор» из американских ракет в западной части континента. Американские ракеты были способны за 5–7 минут достигать жизненно важных центров в европейской части СССР, которому, в свою очередь, потребовалось бы 30 минут, чтобы доставить ядерные заряды в Соединенные Штаты… Близорукая политика советских стратегов фактически своими руками поднесла американский нож к собственному горлу. Плюс к этому – дополнительное разорение экономики. Но в СССР высшие руководители никогда не несут ответственности. Ни за роковые просчеты в 1939–1941 годах, ни за многолетний террор, ни за интервенцию в Венгрию и Чехословакию, ни за ввязывание в гражданскую войну в Афганистане. Так и с ракетами СС-20…

Андропов дал несколько интервью советской и зарубежной прессе, пытаясь доказать, что переговоры по ракетам средней дальности блокируют именно США.

Когда Э. Берлингуэр прислал в октябре 1983 года конфиденциальное письмо Андропову с предложением сделать шаг в направлении одностороннего сокращения ракет средней дальности и тем самым предотвратить появление в Европе американских ракет, генсек ответил: «Но где гарантия, что это удержит американцев от размещения ракет в Европе? Таких гарантий нет»{863}.

Андропов не захотел обсуждать возможность даже частной уступки. В своем заявлении 25 ноября 1983 года Андропов, в связи с прибытием ракетных комплексов США в европейские государства, сообщил, что СССР принимает «ответные меры». Опасность прямой военной конфронтации резко возросла.

За короткий срок своего правления Андропову не удалось вернуть страну даже к брежневскому куцему «детанту»[22]. Классовое мышление диктовало: борьба за паритет, ни в чем не уступать, при возможности добиваться преимущества.

Когда советская делегация собралась в октябре 1983 года ехать на подготовительную встречу в Хельсинки по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружения в Европе, политбюро, с благословения Андропова, дало директиву поддержать идею о взаимном неприменении силы, но «не

соглашаться на раскрытие военной деятельности государств»[{864}]. Как когда-то нас смертельно пугала идея «открытого неба», предложенная Д. Эйзенхауэром, так потом долгие годы, вроде бы и соглашаясь на осуществление определенных мер доверия, мы не хотели идти на эффективный взаимный контроль.

А страна между тем все больше экономически обескровливалась. Из каждого рубля государственного бюджета (разумеется, официально не опубликованного) на военные нужды шло около 70 копеек! Ставка на силу, а не на мудрость, на геополитические интересы, а не на общечеловеческие ценности привела и мир, и соперничающие страны к самому краю ядерной пропасти. Андропов, человек с определенным поэтическим воображением, вероятно, мог представить апокалипсическую картину: багровое зловещее небо и горящих там, в ядерном пламени птиц…

Последний раз в своей жизни Андропов вел заседание политбюро 1 сентября 1983 года. Как всегда, рассматривалось множество вопросов: о созыве в ноябре очередного пленума ЦК и сессии Верховного Совета, о производстве самоходных колесных шасси и цветных телевизоров новых моделей, о мерах по обеспечению роста производительности труда, социально-демографическом обследовании населения, о торговле между СССР и Египтом, помощи Афганистану, о докладчике на торжественном заседании, посвященном 66-й годовщине Октябрьской революции, и многие другие вопросы…[{865}]

Накануне заседания к Андропову подошел Устинов и сказал:

– Самолет сбит. Оказался не американским, а южнокорейским и притом – гражданским… Все выясним и доложим подробнее.

– Хорошо. Но мне докладывали, что над Камчаткой был самолет-разведчик… Я сегодня после заседания политбюро улетаю в Крым… Нужно отдохнуть и подлечиться. А с самолетом – разберитесь.

Инциденту с южнокорейским «Боингом» Андропов не придал вначале особого значения. Сколько мы сбили американских самолетов-нарушителей и на Востоке, и на Балтике, над Баренцевым морем, и в Армении, даже под Свердловском… Десятки. Немало и наших воздушных кораблей бесследно исчезло в самых разных широтах Мирового океана. Только сейчас специальная президентская Комиссия, которую я возглавляю, пытается установить места вечного успокоения советских экипажей и их число. Многое уже знаем. О своих исчезнувших самолетах мы никогда раньше публично ничего не говорили и не писали. Старое большевистское правило: чем меньше народ

знает, тем легче им управлять.

Никто в Кремле вначале и представить не мог, какая огромная волна всеобщего мирового возмущения и осуждения СССР поднялась за сутки в мире! Сбит гражданский воздушный корабль с 269 пассажирами!

Самолет по причинам, до сих пор до конца неизвестным, оказался над Камчаткой и Сахалином. Все мировые агентства, средства массовой информации множества стран в деталях беспрерывно сообщали о трагедии, разыгравшейся в ночь на 1 сентября 1983 года над Японским морем.

Автор не будет здесь повествовать о драматических событиях той памятной ночи. Так много уже было об этом сказано и написано. Правда, до настоящего времени нет ясности: случайно или преднамеренно южнокорейский «Боинг» оказался в воздушном пространстве СССР? Возможно, это вечная тайна истории. А она, история, есть Библия вечности… Ведь никогда доподлинно мы не узнаем, что пережили пассажиры авиалайнера в свои последние на этом свете минуты…

Нас интересует реакция на трагедию Андропова и его коллег по всесильному политбюро. Еще рано утром генсеку, находившемуся в загородном доме, доложили: над южной частью Сахалина сбит американский военный самолет. Подробности пока не сообщались. Андропов знал, в СССР существовала установка: самолету-нарушителю путем зрительных и радиосигналов предлагалось совершить посадку на советской территории. В случае отказа выполнить требование, пункт управления ПВО мог отдать команду на уничтожение самолета, сразу же превращающегося в цель. Например, когда американский самолет «С-130» с 13 членами экипажа на борту вторгся 8 сентября 1958 года в воздушное пространство над Арменией, советские силы ПВО действовали именно по такой схеме. Летчики-истребители после предупредительных сигналов нанесли ракетный удар по летящему гиганту, который тут же рухнул и на протяжении нескольких часов горел. В баках было более 60 тонн горючего. Лишь пять обгоревших трупов летчиков передали американской стороне. Хотя вначале факт сбития самолета вообще не признавался: «авария».

Впрочем, традиция эта давняя. Хрущев, беседуя 2 октября 1959 года с Мао Цзэдуном, заявил: «Мы сбили не один американский самолет и всегда говорим, что они сами разбиваются…»

Трудно оправдывать американские службы, засылавшие самолеты-шпионы в советское воздушное пространство. Но абсолютная закрытость нашего общества, упорный отказ от

взаимного контроля, страх перед неизвестными планами кремлевских руководителей подвигали ЦРУ, другие органы США на действия, идущие вразрез с международными нормами права. Андропов, многолетний шеф КГБ, знал это лучше других.

На первые запросы США и Японии по поводу исчезнувшего «Боинга» из Москвы отвечали: им ничего не известно о судьбе самолета. Затем, когда стало очевидно для всех, что самолет сбит, пытались придерживаться хрущевской методологии – «упал сам». Но все радиопереговоры советских летчиков-истребителей с командными пунктами ПВО имелись в распоряжении электронной разведки США. Неуклюжие попытки Москвы «затуманить» дело никого не могли ввести в заблуждение. На простой вопрос: как можно было спутать большой гражданский лайнер, один из самых известных в мире типов самолетов, с военным летательным аппаратом, в Москве не могли дать удовлетворительного ответа.

Андропов пока наблюдал за развитием событий из Крыма.

Из всех посольств шли тревожные депеши: везде демарши, протесты, пикеты, демонстрации, возмущение. Даже «друзья» крайне смущены и не в состоянии амортизировать ситуацию.

Андропову доложили подробности происшествия по линии Министерства обороны, КГБ, МИДа. Генсек прежде всего переговорил с Черненко: обсудите вопрос на политбюро, отработайте «линию»: не уступать, не занимать оборонительную позицию. Продумайте нашу реакцию на возможные санкции против нас.

Черненко, оставшийся «на хозяйстве» за генсека, с готовностью поддакивал, полностью соглашался. Положив трубку, тут же распорядился сообщить членам политбюро: завтра, 2 сентября, внеочередное заседание. Затем Черненко посоветовался с Устиновым, Чебриковым, Громыко: какие неотложные меры следует принять в связи с «указаниями» генерального секретаря?

Когда 2 сентября члены политбюро Черненко К.У., Горбачев М.С., Гришин В.В., Громыко А.А., Романов Г.В., Тихонов Н.А., Устинов Д.Ф., Воротников В.И., Демичев П.Н., Долгих В.И., Кузнецов В.В., Соломенцев М.С., Зимянин М.В., Капитонов И.В., Рыжков Н.И., а также приглашенные председатель КГБ Чебриков, начальник Генерального штаба Огарков и зам. министра иностранных дел Корниенко собрались утром в зале заседаний, «Правда» уже обнародовала первое сообщение об инциденте.

«В ночь с 31 августа на 1 сентября с.г. самолет неустановленной принадлежности вошел в воздушное пространство СССР над полуостровом Камчатка, а затем вторично

нарушил воздушное пространство над островом Сахалин… Поднятые навстречу самолету-нарушителю истребители ПВО пытались оказать помощь в выводе его на ближайший аэродром. Однако самолет-нарушитель на подаваемые сигналы и предупреждения советских истребителей не реагировал и продолжал полет в сторону Японского моря»{866}. Ничего не говорилось о сбитии самолета и числе жертв. Сообщение было в высшей степени туманным и неопределенным. Приведу фрагменты обсуждения на политбюро вопроса. «О нарушении южнокорейским самолетом воздушного пространства СССР 31 августа 1983 года». Члены политбюро, рассаживаясь в зале по своим местам, знали уже, как все было. Самолет «Боинг-747» был сбит двумя ракетами летчика Осиповича. Тот оказался не в состоянии отличить пассажирский самолет от военного разведчика{867}.

Председательствующий Черненко во вступительном слове заявил: «Вчера меры, связанные с инцидентом с южнокорейским самолетом, в оперативном порядке уже обсуждались членами Политбюро… Более подробный материал вы получили, и Юрий Владимирович высказал пожелание посоветоваться по этому сложному вопросу на заседании политбюро… Надо обсудить нашу позицию в той дикой вакханалии, которую затеяла американская пропаганда».

Все до одного члены высшего партийного ареопага (таково было неписаное правило: по острым вопросам следовало демонстрировать «единодушие») высказались. О чем говорили единомышленники Андропова?

Ознакомление с выступлениями членов политбюро позволяет оценить не только этих людей, но и их почти единодушное пренебрежение судьбами 269 погибших. Ведь теперь было абсолютно ясно: сбит гражданский самолет, в котором находились женщины, дети, старики, словом, мирные люди. Если бы прозвучал ясный мотив сожаления о случившемся, одновременно со строгой и честной констатацией трагедии, мировая реакция была бы другой. Но… этого тогда просто не могло быть. И не было.

«Громыко: По поводу инцидента с южнокорейским самолетом немедленно выступил Рейган. Его речь носила, как и раньше, грубый антисоветский характер и содержала призыв «сплотить все международное сообщество» против Советского Союза… Пока Совет Безопасности не созван, но, конечно, он соберется и там будут обсуждаться самые враждебные нам резолюции. Ясно, что нам придется воспользоваться здесь правом вето… Нам надо определиться и прежде всего твердо сказать, что

мы действовали законно, сказать о том, что выстрелы были произведены…»

«Устинов: Могу заверить политбюро, что наши летчики действовали в полном соответствии с требованиями военного долга и все, что изложено в представленной записке, истинная правда. Наши действия были абсолютно правильными, поскольку южнокорейский самолет американского производства углубился на нашу территорию до 500 километров. Отличить этот самолет по контурам от разведывательного чрезвычайно трудно. У советских военных летчиков есть запрет стрелять по пассажирским самолетам. Но в данной ситуации их действия были вполне оправданны…»

Ни слова сожаления. Ни слова горечи в связи с погибшими людьми… Никаких «трассирующих снарядов», которыми якобы, по словам Устинова, предупреждался «Боинг», на истребителях не было…

«Устинов: Вопрос состоит в том, как лучше сообщить о наших выстрелах».

Другими словами: как оправдаться и переложить вину целиком на другую сторону.

«Громыко: Отрицать то, что наш самолет стрелял, нельзя.

Чебриков:…американцы признают, что самолет был обстрелян на нашей, советской территории, а затем упал в океан в наших водах. Фактически это произошло в нейтральных водах. У нас сейчас там действуют корабли и один самолет… Нами подобран ряд вещей. Глубина моря там около 80-100 метров.

Громыко: Значит, «черный ящик» из самолета они поднять могут, и мы тоже.

Тихонов: Ясно, что рано или поздно они полезут за останками самолета.

Долгих: А если полезут, то получат данные о том, что самолет сбит.

Горбачев: Зафиксировали ли они боевой выстрел?

Чебриков: Нет, не зафиксировали. Но я еще раз хочу подчеркнуть, что наши действия были совершенно законными…

Тихонов: Если мы поступили правильно, законно, то надо прямо сказать о том, что мы сбили этот самолет.

Громыко: Мы должны сказать, что выстрелы были произведены. Это надо сказать прямо, чтобы не позволить противнику бросать нам обвинения в обмане.

Гришин: Прежде всего я хочу подчеркнуть, что нам надо прямо заявить, что самолет сбит… одновременно необходимо жестко выступать против всякого рода антисоветских провокаций.

Горбачев: Прежде всего хочу сказать о том, что я уверен, что

наши действия были правомерными… Нам надо четко показать в наших заявлениях, что это было грубое нарушение международных конвенций. Отмалчиваться сейчас нельзя, надо занимать наступательную позицию. Подтверждая существующую уже версию, надо ее развить…»

Печально, но и Горбачев говорит о «версии», хотя уже все доподлинно известно. Он тоже, как и все, озабочен лишь одним: как выпутаться из этой неприглядной истории, как переложить ответственность на другую сторону. И ни слова сожаления о сотнях погибших…

«Романов: Я поддерживаю все, что было здесь сказано…

Огарков: Вполне возможно, что это преднамеренная провокация… Министерство обороны располагает сейчас всеми записями переговоров, которые шли в воздухе в тот день. Они свидетельствуют, что мы можем вполне придерживаться версии, сообщенной в нашей печати».

Умный маршал, но говорит тоже о «версии». Он знал действительную картину происшедшего лучше, чем кто-либо в этом зале.

«Зимянин:…прежде всего надо дать отпор бесшабашному заявлению Рейгана. Оно носило грубый, разнузданный характер».

Погибли люди, о которых на политбюро пока никто не вспомнил. Отрабатывается удобная, «наступательная» «версия» и как дать «отпор» заклятому врагу.

«Долгих: Я поддерживаю мнение о том, что нам нужна наступательная линия в решении этого вопроса.

Корниенко: У нас вполне достаточно материалов, чтобы высказать мнение о том, что это сознательная провокация со стороны ЦРУ… Но нам нельзя уходить от того, что выстрелы были произведены. Ведь империалистическая пропаганда сейчас может пойти даже на то, чтобы передать по радио записи переговоров наших летчиков».

Казалось бы, если мы «правы», нужно позаботиться самим, чтобы все было обнародовано. Но появление «записей переговоров» летчиков рассматривается как диверсия.

«Соломенцев: Следует занимать наступательную позицию, хотя, возможно, мы могли бы сказать и о том, что сочувствуем семьям погибших в результате этой преднамеренной провокации».

Это был первый выступающий, который с оговорками, но все же вспомнил о погибших, о «возможности» сочувствия. Для большевиков и их наследников жизнь человеческая всегда была не больше, чем статистическая величина.

«Кузнецов: Поддерживаю внесенные здесь предложения. Мне

тоже кажется, что это хорошо запланированная антисоветская акция…

Воротников: Я хотел бы поддержать все, о чем сказали здесь товарищи…

Капитонов: Нет сомнений, что действия наших летчиков были правильными. Сейчас, отражая нападки империалистической пропаганды, нам надо действовать твердо и осмотрительно. Выстрелы, конечно, надо признать, но подчеркнуть, что вины в этом нет никакой».

Логика у всех членов политбюро более чем странная. Если все было «правильно», то зачем выдумывать версию? Если все произошло в соответствии с международными конвенциями, то почему погибли люди?

Почти как у Дж. Оруэлла: у таких людей наблюдается «антимышление».

«Громыко:…доверительно проинформировать руководителей братских социалистических стран и некоторых других государств. Что касается американцев, то им надо дать официальный твердый ответ… Целесообразно в Заявлении ТАСС сказать также о том, что мы сожалеем о имеющихся жертвах».

Наконец и глава внешнеполитического ведомства вспомнил о людях…

«Черненко: Отрадно, что мы придерживаемся единого мнения, единой позиции. Нам надо наступать, а не обороняться… О результатах нашего сегодняшнего обсуждения я немедленно доложу Юрию Владимировичу Андропову»{868}.

Решение было принято, естественно, в духе прошедшего обсуждения.

Черненко трясущимися руками перебирал бумажки и, спотыкаясь почти на каждом слове, произносил: «Юрий Владимирович по телефону мне говорил – не отступать, реагировать решительно…»

Текст, подготовленный заранее и озвученный человеком, которому накануне было предписано: «На время отпуска Генерального секретаря ЦК КПСС т. Андропова Ю.В. возложить председательствование на заседаниях политбюро на т. Черненко К.У., поручив ему также рассмотрение материалов и подготовку вопросов к заседанию политбюро и секретариата ЦК…»{869}

Задыхающийся от астмы Черненко, невзрачный человечек, вознесенный Брежневым столь высоко, в полной мере использует эти несколько месяцев фактического «заместительства» генерального. А пока он читал жесткие слова, где не было и намека на сожаление о гибели множества людей.

«1. Одобрить меры, принятые в связи с нарушением

южнокорейским самолетом воздушного пространства СССР 31 августа. Исходить из того, что это нарушение представляет собой преднамеренную провокацию империалистических сил… способных отвлечь от мирных инициатив СССР.

2. Поручить отделам ЦК обеспечить наступательную линию в нашей пропаганде…»{870}

Члены андроповского политбюро действовали в духе сталинского принципа: уметь превратить поражение в победу, а победу – в триумф.

Не вышло.

Печать, радио, телевидение СССР продолжали излагать «версию», отработанную 2 сентября на политбюро. США, Европу, Японию, Южную Корею захлестнула волна негодования: почему «Советы» вновь лгут, почему прямо не признают факта уничтожения гражданского авиалайнера? Несоциалистический мир не мог понять, как можно отрицать очевидное, бесспорное, почему ни Андропов, ни Громыко, ни кто-либо другой из высшего руководства не выразят соболезнования семьям погибших корейцев, американцев, японцев?

Лишь в специальном Заявлении советского правительства 7 сентября, через неделю после случившегося, было признано, что самолет сбит как нарушитель границы, залетевший в воздушное пространство СССР с разведывательными целями.

Андропов позвонил из Крыма и порекомендовал отменить поездку Громыко в Нью-Йорк и Гавану, чтобы, как он выразился, «не нарваться на провокации».

Мы весьма подробно остановились на инциденте, ибо он высветил очень рельефно умонастроения высшего партийного синклита. Сам Андропов молчал по этому случаю больше месяца. Когда же он коснулся коллизии с южнокорейским самолетом, его оценка случившегося была еще более жесткой, чем его «соратников». Конечно, по команде из Москвы «черный ящик» с «Боинга» был найден и поднят. Решили об этом факте не сообщать ни мировой общественности, ни Сеулу. Хотя и после этого еще пару недель десяток советских судов «перепахивал» море в этом районе, создавая видимость бесплодности поисков.

Принятая «версия» требовала: все, что возможно скрыть, – засекретить. Засекретили. До 1992 года, когда демократические власти все открыли. Ложь – универсальное оружие. Так было всегда. Так продолжалось и при Андропове.

Трагическая гибель южнокорейского «Боинга» стала печальным символом «правления» Андропова. Большие надежды и ожидания, не сбываясь, рождают такие же большие разочарования. Становилось все более очевидным: на старых

большевистских рельсах страна не дождется ни экономического процветания, ни сближения политики с общечеловеческой нравственностью, ни высокого духовного озарения.

Рухнувший в холодные воды Японского моря южнокорейский «Боинг» стал символом краха попыток излечить выработавшую свой ресурс систему большевистскими методами. А они, эти методы, основаны на классовой жесткости, конфронтационной логике и старом культивировании лжи.

Пятнадцать месяцев пребывания Андропова на высшем посту в коммунистической партии и советском государстве не богаты на памятные события во внешнеполитической сфере. Разворачивались ракеты СС-20, а затем и «Першинги-2», еще ожесточенней и бесчеловечней стала война в Афганистане, тлел конфликт на Ближнем Востоке, притихла, но не «сломалась» Польша, не поддавался Китай на «мирные инициативы» СССР, не прекращалась ледяная риторика с Вашингтоном, странами НАТО. Казалось, холодные ветры вновь вот-вот будут безраздельно хозяйничать на всех континентах.

Трагическая гибель южнокорейского «Боинга-747» весьма символична. Она продемонстрировала бесплодность глобальной конфронтации, неуклюжесть и идеологическую заданность советской внешней политики, крайнюю непривлекательность мышления категориями «побед» или «поражений».

Андропов, возможно, один из самых умных советских руководителей за все семь десятилетий существования СССР, не смог в критический момент перешагнуть через барьер большевистской ортодоксальности. Человечество (и в этом вина лидеров противостоящих лагерей) продолжало начертанный Провидением путь где-то в очень опасной близости от ядерной пропасти. Андропов не смог (или не захотел?) приложить усилия к прокладке более безопасного маршрута. Руководители великой страны продолжали находиться в плену классового, коминтерновского мышления.

В большевистском руководстве никогда не сомневались в своей исторической правоте. Ибо верили в полное «совершенство» своей веры.

Руководство из больницы

У каждого человека наступает момент, когда он должен переступить невидимую черту, отделяющую земное бытие от «того света». Перешагнуть эту тонкую роковую линию можно только в одном направлении. Возврата обратно нет никому. Только Иисус Христос обрел бессмертие, не перешагнув, а

разорвав эту нить…

В библейском изречении «суета сует» очень точно схвачена философская сторона эфемерности, призрачности земного бытия. Жизнь подобна поездке в поезде дальнего следования. Где-то садишься (рождаясь) в экспресс, где-то обязательно сойдешь с поезда (уходя в мир иной). У одних путь короче, у других – длиннее. Но все мы временные пассажиры поезда земного бытия.

Андропов стал генсеком, будучи глубоко больным. Это все в политбюро знали. По настоянию Черненко (такого же больного человека) 24 марта 1983 года на очередном заседании партийного синклита специально обсудили вопрос «О режиме работы членов политбюро, кандидатов в члены политбюро и секретарей ЦК». Докладчиком стал тот же Черненко: «Наше прежнее решение ограничить время работы с 9 до 17 часов, а товарищам, имеющим возраст свыше 65 лет, предоставлять более продолжительный отпуск и один день в неделю для работы в домашних условиях». Но, заявил Черненко, решения эти не выполняются.

Андропов поддержал Черненко: «Можно по-всякому смотреть на возрастной состав политбюро. Здесь концентрация политического опыта нашей партии, и поэтому поспешная, непродуманная замена людей не всегда может быть на пользу дела… При перенапряженном режиме мы можем потерять гораздо больше, чем приобрести… Надо установить день каждому члену политбюро, чтобы он мог работать в домашних условиях. В выходные дни надо отдыхать».

Обсуждали актуальный вопрос для стариков в политбюро активно. Пельше раньше всех заявил: «Главное, чтобы ты сам, Юрий Владимирович, точно этот режим соблюдал, берег себя и следил за собой»{871}. Договорились о том, что члены политбюро будут меньше задействованы на «вечерних мероприятиях» (приемы и пр.), встречах с послами, делегациями, – только в рабочие дни, что нужно усилить медицинский контроль и т. д.

Старики хотели усилить особую заботу о самих себе.

Андропов, став 6 июня 1983 года Председателем Президиума Верховного Совета СССР, сконцентрировал в своих руках огромную власть в стране. Но менее чем через три месяца после избрания, 1 сентября, он в последний раз проведет заседание политбюро, еще не зная, что быть на вершине власти ему останется менее полугода.

Вся короткая деятельность Андропова в качестве лидера СССР и КПСС самым трагическим образом осложнилась быстро прогрессирующей болезнью.

Из пятнадцати месяцев, которые отвела судьба пятому

«вождю», половину этого срока Андропов провел в клинике, на лечении, отдыхе, в надежде, что ему удастся вернуть былую огромную трудоспособность и энергию, хоть частично избавиться от недугов.

Находясь в феврале в зимнем отпуске (члены политбюро имели летний и зимний отпуска), Андропов почувствовал резкое ухудшение общего состояния. Почки, которые беспокоили его всю жизнь, практически отказали. После обширных и углубленных консультаций с советскими и зарубежными врачами прибегли к гемодиализу – подключению индивидуального аппарата «искусственная почка» Если учесть, что и предыдущие два десятилетия Андропов часто болел, мучаясь от целого «букета» недугов, нетрудно представить его моральное состояние в связи с новым осложнением. В «личном деле» генсека сохранились медицинские заключения о его болезнях, и в частности «Информация 4-го Главного управления при Минздраве СССР о состоянии здоровья Ю.В. Андропова». Там говорится, что в 1965 и 1966 годах перенес «мелкоочаговые» инфаркты миокарда; страдает хроническим заболеванием надпочечников. В справке фиксируется, что эпизодически Андропов переносил приступы гипертонической болезни, пневмонии, страдал хроническим колитом, артритом; не покидали больного мерцательная аритмия, опоясывающий лишай и другие болезни{872}.

Приходится лишь удивляться, как при таком плохом состоянии здоровья Андропов много и настойчиво работал. Человек недюжинной воли и самообладания, он, конечно, понимал, что с его возрастом и здоровьем ему долго не продержаться. Как пишет Р.А. Медведев, «Юрий Владимирович надеялся прожить еще 6–7 лет, но он не мог не считаться с опасностью покинуть этот мир гораздо раньше»{873}.

Уже летом 1983 года состояние Андропова вызывало серьезную тревогу. Генсеку стало трудно передвигаться. На теле появились болезненные язвы, усилились проявления общей слабости. Как свидетельствует бывший начальник 4-го Главного управления и министр здравоохранения СССР Е.И. Чазов, в это время в Москву пригласили известного американского специалиста профессора А. Рубина. После тщательного обследования зарубежный специалист подтвердил правильность избранной советскими врачами стратегии лечения, смог ободрить и успокоить своими заключениями генсека{874}. Сын Андропова Игорь Юрьевич вспоминал, что, несмотря на тяжесть болезни, отец не представлял, что на высшем посту в партии и государстве «судьбой ему отведены только год и три месяца. Да и врачи не рисовали перед ним безысходной картины»{875}.

Андропов, нерегулярно приезжая в свой кабинет в Кремле, с трудом преодолевал несколько ступеней до лифта. Его крайне смущала помощь охранников, сопровождающих лиц; Андропов очень не хотел, чтобы о его усиливающейся немощи узнали люди. Даже тогда, когда Андропова избрали в Кремле Председателем Президиума Верховного Совета, он не спустился к трибуне, чтобы произнести краткую традиционную речь. Больной генсек не был уверен, что физические силы его не подведут на глазах всей страны… Поднявшись за столом президиума, генсек поблагодарил за избрание и выразил подобающие моменту мысли и соображения.

В руководстве не возникало сомнения, дееспособен ли Брежнев, рано впавший в старческий маразм; теперь вот смертельно больной Андропов; а позже и Черненко; могут ли эти люди руководить страной? Хотя после смерти Сталина стало не принято именовать высших руководителей партии и страны «вождями», подобострастное отношение к ним, по сути, мало изменилось с ленинских времен. Даже в единственном за советскую историю заговоре против Хрущева у инициаторов до последнего момента дрожали колени… Освящение высшего руководителя было давней традицией большевизма. Считалось, что здоровье как бы «прилагается» к высокой должности.

Поэтому не случайно, заметив признаки прогрессирующей немощи у генерального секретаря, его соратники, особенно из КГБ, постарались максимально облегчить жизнь своего лидера. Председатель КГБ направляет записку в политбюро.

«В период проведения партийно-политических мероприятий на Красной площади выход из Кремля к мавзолею В.И. Ленина осуществляется по лестнице в Сенатской башне. Разница в уровнях тротуара в Кремле и у мавзолея В.И. Ленина более 3,5 м.

Считали бы целесообразным вместо существующей лестницы смонтировать в Сенатской башне эскалатор.

Просим рассмотреть.

11 мая 1983 г. Председатель КГБ В. Чебриков»[876]. Конечно, рассмотрели. Решением политбюро от 28 июля 1983 года было предусмотрено «устройство эскалатора в мавзолее В.И. Ленина»[877]. Тем более немощным был не один Андропов (не воспользовавшийся, к слову, этим «ленинским» подъемником ни разу), а фактически чуть ли не все политбюро. Семидесятилетние старцы герантократической коллегии, некоторые из которых были старше самой большевистской «революции», олицетворяли дряхление самой политической системы.

1 сентября 1983 года, проведя заседание политбюро, продолжавшееся около трех часов, Андропов ушел в отпуск.

Спецрейс самолета доставил его не в Кисловодск, где он чаще всего отдыхал в прежние годы, а в Симферополь, откуда генсек отправился в один из многочисленных особняков для высшего руководства на берегу Черного моря. Туда фактически перевезли не только «отпускной» кабинет генсека, но и все медицинское оборудование, специалистов. Почти ежедневно Андропов разговаривал по телефону с Черненко, которому поручили ведение дел первого лица, иногда с Устиновым и Громыко. Хотя и в меньшем объеме, но больному лидеру регулярно доставлялись наиболее важные служебные документы. Андропов, казалось, смог найти оптимальный режим, позволяющий «совмещать» огромную, почти абсолютную власть и сдерживать смертельную притаившуюся болезнь.

Генеральный секретарь, покончив в первой половине дня с мучительными процедурами по лечению почек, поговорив по телефону с Москвой, любил посидеть на тенистой веранде с видом на море.

Философами, писателями, поэтами давно замечено, что пиршество мысли бывает особенно роскошным, когда человек созерцает колдовство лесного костра, или долго смотрит на бездонье голубого неба, либо обнимает взором бескрайнюю гладь морских просторов. Духовный мир человека так же безбрежен, как и космос. Но для свободного полета мысли всегда чужды суетность повседневья, тщета будничных дел, болезненное самокопание в собственных болях. Андропов, не имея высшего образования, тем не менее был человеком сильного, масштабного интеллекта. Нередко после созерцательных «сеансов» на веранде он давал поручения своим помощникам подготовить ту или иную аналитическую записку в политбюро, найти или подобрать для него какие-то статистические данные или просто подобрать литературу политологического и социологического характера по интересовавшему его вопросу.

Самое надежное и последнее прибежище человека – его сознание. Мы никогда не узнаем, о чем подолгу думал Андропов, лежа на больничной койке под капельницей, во время коротких прогулок в парке или созерцательного общения с ласковым синим морем, которое почему-то люди называют Черным.

Размышления – это созерцание себя в зеркале времени.

Может быть, больной генсек размышлял о том, что намеченные планы оздоровления общества ему не суждено осуществить; слишком долго страна, ведомая Брежневым, находилась в дрейфе. Может, жалел, что «днепропетровская мафия» его предшественника очень медленно ликвидируется? Или сетовал на болезнь, которая не позволила ему

воспользоваться ни одним приглашением совершить государственные визиты в другие страны? Хрущев и Брежнев так любили это делать… Нельзя не признать, что поездки первого лица страны представляют собой важный инструмент реализации всей внутренней и внешней политики.

Пока Андропов был председателем КГБ, он редко встречался с государственными деятелями других государств (не социалистических); некоторые свои поездки (в Китай, Афганистан, Польшу) совершал почти тайно. Теперь же он – высшее лицо такой могущественной страны – принимает самых высоких деятелей многих стран… Американцы упорно зондируют, нужна его встреча с президентом Рейганом. Но болезнь приковала Андропова не только к больничной койке, но и резко сократила все его жизненное пространство.

Андропов мог вспоминать свою декабрьскую (в 1982 году) встречу с Чаушеску, человеком, который никогда не смотрел в глаза собеседнику. Генсек, умело скрывая свою неприязнь к румынскому руководителю, шантажирующему Кремль выходом его страны из Варшавского Договора, поставил вопрос прямо:

– Что вы выиграете, если выйдете из оборонительного союза?

– Ничего не потеряем… – тут же ответил Чаушеску по-русски, не дожидаясь перевода{878}.

Может быть, Андропов вспомнил беседу с советским сателлитом президентом Мозамбика Саморой Машелом, как и Брежнев, увенчавшим самого себя маршальскими погонами. Все эти страны, именуемые государствами «социалистической ориентации», тяжким грузом придавливали и без того косную советскую экономику. Это ненормально. Но что делать с такими «союзниками», Андропов тоже не знал.

Андропов не мог не думать и об афганской драме. Он стоял у ее истоков. Только теперь он, вероятно, осознавал катастрофические масштабы того давнего решения политбюро, где тон задавали Суслов, Устинов, Брежнев, Громыко и он сам, председатель КГБ Андропов. Он успел уже понять, что этот шаг – роковая ошибка, историческая ловушка для великой страны.

А ведь Андропов не только бывал там и встречался в Кабуле и Москве почти со всеми новыми руководителями Афганистана, но и был в курсе, как готовился обычный дворцовый переворот, названный потом «апрельской революцией». С его участием отрабатывалась и операция по ликвидации Амина, ставшего подозрительным для Кремля.

В блокнотах Андропова широко представлена афганская тема: о «выброске Вакиля и приеме его на конспквартире», о «связном – генерале Гуль-Ага», об «охране» дворца Амина, о

подготовке акции, которая предшествовала вводу наших войск.

Я хорошо знал и Вакиля, и Гуль-Ага, упоминаемых в личных записях Андропова, и Гулябзоя, и многих, многих других. Решение политбюро было роковой попыткой бросить коммунистические семена на мусульманской почве. Как мог Андропов согласиться с советами своих сотрудников в Кабуле? Неудача была запрограммирована. Думаю, что такой умный человек, как Андропов, не мог не возвращаться мыслью к драме старого, глубоко ошибочного решения, истоки которого родились в его ведомстве. Изменить прошлое нельзя. Можно только туда вернуться, и то мысленно.

Мог вспомнить генсек, предаваясь размышлениям, и встречу с невысоким, сухоньким, но живым человеком – королем Иордании Хусейном… Странно, почти в это время мы готовили встречу в июне 1983 года всех лидеров европейских социалистических стран, а тут приходится вести беседу с монархом… Марксист-ленинец мог видеть в этом некий исторический атавизм, хотя и знал, что на Западе есть наследники и российского престола. Однажды в разговоре с А.А. Епишевым Андропов назвал нынешних инициаторов и приверженцев монархической идеи «политической опереттой».

Одной из последних международных встреч, которую провел Андропов, была его беседа в начале июля 1983 года с канцлером ФРГ Колем и министром иностранных дел этой страны Геншером. Генсеку было трудно вставать, подходить к гостям, здороваться с вошедшими к нему людьми, но он умел силой воли стискивать боль. «Ракетный» разговор не дал, естественно, результата, хотя западные немцы произвели на Андропова впечатление своей солидностью и вежливой прямотой. Канцлер прозондировал (не без ведома Вашингтона) о намерениях встречи советского и американского лидеров. Там, мол, было бы сподручнее обсуждать проблему «евроракет». Андропов спокойно, как о деле решенном, сказал:

– В парадно-маскировочном представлении мы участвовать не будем. Если у США нет желания позитивно отвечать на наши инициативы, зачем встречаться?

Здесь же Андропов твердо сказал: Запад не должен сомневаться: появление «першингов» в Европе означает, что мы тут же примем ответные меры{879}.

То был разговор глухонемых. Впрочем, Андропов принял приглашение Коля приехать в Бонн. То ли это было просто дипломатической вежливостью, то ли Андропов действительно надеялся на улучшение своего здоровья? После немцев Андропов встречался с еще очень ограниченным числом лиц из зарубежья, и

в частности, с генеральным секретарем социалистической партии НДРЙ А.Н. Мухаммедом. Когда же он получил в это время (в октябре 1983 г.) письмо от Э. Берлингуэра с просьбой принять его в Москве, генсек продиктовал ответ: «Он готов встретиться с Берлингуэром. Однако в ближайшее время это не представляется возможным. К этому вопросу можно вернуться позднее»[880]. Генсек не мог, да и не хотел встречаться с идеологами еврокоммунизма. Он к ним относился почти так же, как Ленин к европейской социал-демократии. Андропов их влияния на общественное сознание рабочего класса на Западе опасался не меньше, чем буржуазного.

Болея, Андропов был так же непреклонен по отношению «идеологических вылазок» классовых недругов. Ведь именно он сильно идеологизировал в семидесятые годы КГБ, создав в его структуре специальное управление по борьбе с диверсиями в сфере духа. Когда ему доложили письмо премьер-министра Канады П. Трюдо по поводу снисхождения к диссиденту Щаранскому, осужденному на 13 лет лагерей, Андропов сказал:

– Ответьте канадцу так, жестко – нам нет необходимости доказывать свою гуманность, господин премьер-министр. Она заключена в самой природе нашего общества[881].

Думаю, эти слова могли бы быть эпиграфом к книге о политической биографии Андропова, искренне верившего в «демократизм» советской политической системы.

Даже лежа в Кунцеве, генеральный секретарь требовал, чтобы ему докладывали самые важные текущие документы, на которых он делал пометы, писал резолюции, ставил задачи аппарату. Например, находясь в отпуске по болезни в феврале 1983 года, Андропов одобрил проект постановления, принятый затем на политбюро, «О сооружении на Поклонной горе памятника Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»[882]. Затем несколько раз интересовался: когда проведут конкурс на лучший монумент перед зданием музея на Поклонной горе? Сам знаю, был членом жюри, сколько проводилось этих конкурсов! Но мысль большинства авторов памятника не шла дальше солдата или женщины с мечом… Мне думалось и раньше, и теперь считаю, что ничего нельзя было придумать лучше светлого храма как символа великой веры людей России в свою свободу, независимость и процветание Родины.

Андропов, уже находясь на стационарном лечении в Кунцевской больнице ЦК, незадолго до своей смерти поддержал предложение председателя КГБ Чебрикова о закрытии мавзолея Ленина для проведения очередных работ по бальзамированию тела вождя[883]. Его нисколько не смущало, что со сталинских

времен наблюдение и контроль над большевистскими идеологическими мощами по-прежнему осуществляют спецслужбы.

Андропов был инициатором «активизации работы с иностранными корреспондентами, находящимися в СССР». Сейчас, говорил генсек, по имеющимся данным, в Москве находится 341 иностранный корреспондент. Мы можем и должны влиять на формирование информации, которую они передают в свои страны{884}. Сразу же определил, кто может возглавить работу: Громыко, Чебриков, Замятин.

Иногда решения принимал довольно неожиданно. Так, например, Русская Православная Церковь, разгромленная Лениным и почти добитая Сталиным, давно ставила вопрос о возвращении ряда храмов, превращенных большевиками в склады, клубы, музеи, гаражи. Однажды Андропов, между прочим, сказал: снова получил письмо от иерархов Православной Церкви. Думаю, надо вернуть им Даниловский храм. Реплики лидера всегда расценивались у большевиков как «указания» генерального секретаря. Вскоре состоялось решение политбюро о «передаче (не возвращении! – *Д.В.*) Даниловского монастыря в пользование Московской патриархии»{885}.

Подобными шагами генсек поддерживал среди советской интеллигенции, зарубежных журналистов репутацию «просвещенного консерватора» или «либерального чекиста». Но никто об Андропове не говорил как о реформаторе. В ряде своих выступлений и действий генеральный секретарь дал ясно понять: он за «продуманное совершенствование» системы управления народным хозяйством, экономикой, однако не видит никакой необходимости в политических реформах. Ибо сегодня в основных чертах развитого социализма, говорил Андропов, «мир узнает ленинские мечты, воплощаемые в живую действительность»{886}. В ленинской политике, по мысли генсека, ничего не нужно менять, ее можно только совершенствовать. Но это – глубоко разрушительная мысль.

Здесь генезис грядущего поражения. Ведь еще Фридрих Ницше заметил: боязнь перемен – «та узкая дверь, через которую всего охотнее заблуждение пробирается к истине»{887}.

Незадолго до отлета Андропова из Крыма состояние его резко ухудшилось. Как полагает академик Е. Чазов, лечивший на протяжении ряда лет главных руководителей страны, начиная с Брежнева, причиной того стала небольшая прогулка в парке. Легко одетый больной, устав, присел отдохнуть на гранитной скамейке в тени деревьев и не заметил переохлаждения организма. Скоро Андропов почувствовал сильный озноб. «Когда

рано утром вместе с нашим известным хирургом В.Д. Федоровым мы осмотрели Андропова, то увидели распространяющуюся флегмону, которая требовала оперативного вмешательства… Операция прошла успешно, но силы организма были настолько подорваны, что послеоперационная рана не заживала… Состояние постепенно ухудшалось, нарастала слабость, он опять перестал ходить, но рана так и не заживала… Андропов начал понимать, что ему не выйти из этого состояния…»{888}

Академик Чазов, видимо, прав: генсек «начал понимать, что ему не выйти из этого состояния». Но Андропов не написал ничего в политбюро, чтобы его освободили от колоссального груза ответственности. Не в большевистских это было традициях. Андропов в сложившемся положении, когда уже не мог ездить в Кремль, бывать на заседаниях высшего партийного синклита, стал использовать своеобразную форму руководства. Он подсказывал идеи своим помощникам, референтам, а те готовили аналитические записки для политбюро. Особенно много делали его помощники А.А. Александров, В.В. Шарапов.

Эти послания, подписанные Андроповым, обязательно обсуждались на политбюро, по ним принимались постановления, которые включались в планы работы ЦК. Некоторые записки переадресовывались всей партии.

Создавалось впечатление, что генсек на посту, работает, руководит гигантским государственным и партийным кораблем. Да и сами члены политбюро не очень много знали о реальном состоянии своего лидера. Регулярно у Андропова бывали только Устинов, Чебриков, иногда Черненко и Громыко. Даже «наверху» создавали впечатление, что «генсек поправляется», на очередном пленуме «сам будет делать доклад», а на торжественном заседании, посвященном очередной годовщине Октябрьской революции, «обязательно будет».

А тем временем из Кунцевской клиники, где больному генсеку оборудовали целый отсек для лечения и работы, шли записки Андропова. Он и раньше, будучи председателем КГБ, нередко собственноручно писал Брежневу аналитические письма, которые затем перепечатывались и передавались лично генеральному секретарю. Например, 8 января 1976 года Андропов написал «дорогому Леониду Ильичу» записку на 18 страницах. Брежнев расписался на документе и сразу же «законсервировал» ее в «Особую папку». Теперь Андропов отправлял из больницы записки своим «соратникам» по политбюро. В августе 1983 года, когда он еще появлялся в Кремле, члены высшего партийного синклита обсуждали его жесткую записку о «евроракетах», необходимость инициирования более активного аитиракетного

движения в Европе. По его рекомендации был принят специальный календарный план работы по противодействию американским военным планам{889}.

Через несколько дней в политбюро поступает новая записка, теперь уже о ракетной ситуации на Востоке. Андропов предлагает попытаться привлечь к антиракетному делу и Китай. На этой основе, полагает автор записки, можно оздоровить советско-китайские отношения{890}. И вновь составляется «календарный план» мер и шагов по инициированию антиамериканских, антимилитаристских действий.

Едва обосновавшись в Крыму после прилета туда в сентябре, Андропов одобряет подготовленную помощниками записку для политбюро о долговременной программе мелиорации земель{891}. Генсек, весьма дилетантски, поверхностно знавший тонкости промышленного и сельскохозяйственного производства (столько лет занимался только «чекистской» деятельностью), доверяет помощникам, экспертам, готовящим для него предложения по различным специальным вопросам.

Почти в это же время он подписывает очередную записку о положении на Ближнем Востоке и нашей более осмотрительной политике в этом регионе{892}. Речь идет не о попытках нормализации ситуации в этом взрывоопасном районе, а о стремлении избежать прямого участия в возможном военном конфликте. Мысль Андропова от глобальных проблем ракетного противостояния с Соединенными Штатами возвращается к домашним, хозяйственным проблемам, затем вновь к вопросам международным, но уже локального значения.

Я упоминал раньше о записке Андропова от 12 октября 1983 года об осторожных попытках кое-что изменить (далеко не существенное) в предстоящих выборах (без выбора!) в высшие государственные органы власти страны. При обсуждении записки особенно активными были Черненко и Горбачев. Черненко, председательствующий на заседании, как настоящий высокопоставленный чиновник, увидел, пожалуй, главное лишь в том, что в течение года с жалобами в приемной ЦК КПСС побывало 15 тысяч человек, а в Президиуме Верховного Совета – более 20 тысяч. Значит, на местах плохо работают… Предложил образовать еще одну комиссию (председателем Комиссии законодательных предположений Верховного Совета был назначен Горбачев) для проработки предложений Андропова. Все, как всегда, загонялось в обычное прокрустово ложе бюрократических схем и привычек.

Горбачев поддержал мнение, высказанное в записке генсека, о необходимости корректировки «должностного принципа» при

выдвижении кандидатов в депутаты, принятии неотложных мер по активизации работы Советов{893}.

При чтении документов складывалось впечатление, что «соратники» Андропова «добросовестно, целиком и полностью» одобряли его предложения, но благовидно спускали их вниз по знакомой до боли бюрократической лестнице (новые планы, новые комиссии, новые заседания, новые заклинания о необходимости «углубления», «улучшения», «совершенствования» работы и т. д.).

Подошли главные традиционные торжества в стране: очередная годовщина ленинской революции. Иностранные корреспонденты вечером 6 ноября и утром 7 ноября передавали в свои столицы: несмотря на недавние объяснения Леонида Замятина из ЦК о «легком простудном заболевании Андропова», он отсутствовал на всех важнейших ритуальных церемониях коммунистической системы. И они не ошибались: положение генсека, несмотря на все принимаемые лечебные меры, консультации, особые препараты, привлечение новых и новых специалистов, не улучшалось. Однако сразу же после октябрьских торжеств в политбюро поступила новая бумага от генсека «О проведении эксперимента по расширению самостоятельности и ответственности предприятий»{894}. Генсек из элитной больницы слал послание за посланием в Кремль, на Старую площадь в ЦК, пытаясь как бы последними усилиями мысли и воли нацелить закостеневшие в бюрократизме и догматизме структуры на решение актуальных проблем государства и общества.

Нельзя не отдать должное мужеству смертельно больного человека, тщетно пытающегося вызвать свежий ветер для корпуса корабля, попавшего в исторический мертвый штиль. Однако судно было столь велико и монументально, что слабые дуновения осторожных административных призывов не могли радикально изменить положение. В больничной палате лихорадочно работал мозг человека, пытавшегося из последних сил что-то поправить к лучшему в стране, ничего при этом кардинально не пересматривая… Парадоксально, но это так.

Как писали советологи В. Соловьев и Е. Клепикова: «Остается только гадать, как бы сложилась судьба России и мира, если бы Андропову было отпущено не 15 месяцев, а в два-три раза больше – по крайней мере, несколько лет на посту официального руководителя империи»{895}.

Думаю, не стоит гадать. Андропов мог только замедлить, затормозить крушение политической системы. Вдохнуть ей новую жизнь старыми способами – это означало вернуться в прошлое, чего Андропов тоже не хотел. Но он не был способен и на

радикальные реформы. Их время наступило только после его ухода с политической сцены.

Последние два месяца Андропов не поднимался. Его, беспомощного, перекладывали в случае необходимости с больничной кровати на диван, пока меняли белье. Больной физически совсем сдал, однако по-прежнему много читал. Ум оставался совершенно ясным. Жена у него тоже болела, и Юрий Владимирович просил его соединять каждый день с Т.Ф. Андроповой, даже писал ей стихи.

В конце ноября 1983 года помощники генсека вместе с МИДом и Министерством обороны подготовили один из последних крупных докладов за подписью Андропова – Заявление о последствиях размещения американских ракет в Европе и ответных мерах СССР. Записка очень жесткая и бескомпромиссная – как одно из последних свидетельств уходящей классовой эпохи с ее одномерным мышлением. А Андропов по-прежнему просил давать ему читать документы, книги, шифротелеграммы, которые он сам уже не мог держать в руках.

Человек часто умирает тихо и печально, как гаснет свеча. Так медленно и неумолимо угасал пятый (по порядку) «вождь» СССР. Его уже не трогала усилившаяся суета врачей, мелькание белых халатов, лица новых специалистов, пытавшихся остановить неумолимый процесс угасания.

Где-то там, за стенами больничной палаты, в Кремле и на Старой площади его коллеги продолжали заседать, рассматривать его «руководящие» записки, решая, назначать или награждать, штамповать бесчисленные постановления. Жизнь, однако, текла по своему руслу, все меньше завися от этих решений.

После 1 сентября 1983 года его уже больше никогда не было на заседаниях «ленинской» коллегии: ни 6, ни 13, ни 15, ни 20 или 27 октября; не появился он там и 3,10,17, 24 ноября; почти привычно совещались старцы без генсека 1, 8, 22, 26 декабря. Андропов на этом синклите больше никогда не появится.

Так в жизни бывает: самые «незаменимые», «нужные», «великие» и не очень, самые титулованные уходят в песок «того света», как все смертные. Кончина своей неизбежностью и необратимостью равняет всех.

Андропов не мог самостоятельно передвигаться и неумолимо приближался к невидимой и роковой черте, отделяющей земное бытие от небытия. Однако у внимательных людей, каковыми являются писатели, журналисты, дипломаты, могло сложиться впечатление, что Андропов по-прежнему работает в своем кабинете.

В определенном смысле он действительно работал. Думал.

Как это ни парадоксально звучит, состояние безнадежной болезни у сильных людей может создавать обстановку пиршества мысли. Есть много свидетельств, что Андропов умирал, думая. Его пометы на записках, диктовки писем, стихи жене свидетельствуют о ясности интеллектуальной деятельности генсека до конца его дней. Если бы он не был скован, как и все мы тогда, прокрустовым ложем марксистских схем, его можно было бы назвать философом. Платон говорил: «Философы должны быть правителями, а правители – философами». Замечательная мысль, которая, однако, оставляет свой след только в хрестоматиях.

Ни один советский высший руководитель не был экономистом или настоящим политиком в лучшем смысле этого слова. Все были партократами, невольно претендовавшими на универсальное знание во многих областях жизни. Андропов, возможно, больше других был склонен к философским размышлениям, но… в одном, заданном большевизмом ракурсе.

Пресса сообщила, что 9 декабря 1983 года состоялось внеочередное совещание секретарей ЦК БКП, ВСРП, КПВ, СЕПТ, КП Кубы, НРПЛ, ПОРП, КПСС и КПЧ по международным и идеологическим вопросам. Обсуждались Заявления Андропова от 28 сентября и 24 ноября о противодействии и ответных мерах в связи с размещением американских евроракет. Советские руководители сказали приехавшим «друзьям», что Андропов «несколько приболел», но активно продолжает руководить работой Центрального Комитета партии. Секретарям «братских партий» рекомендовалось (но звучала рекомендация как инструкция) усилить связи с антивоенным движением, активнее противодействовать «американским провокационным действиям». Предлагалось полнее «использовать для этого мероприятия»: Чрезвычайную сессию Всемирного Совета Мира в январе 1984 года, Международную конференцию за безъядерную Европу, Встречу европейской общественности «За безопасность и сотрудничество» в апреле 1984 года в Брюсселе, XIV конгресс Международного союза студентов в том же апреле, IV Международный конгресс движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» в июне того же года в Хельсинки и другие подобные форумы{896}.

На заседании политбюро 22 декабря, за полтора месяца до смерти генерального секретаря, был одобрен текст выступления Андропова на предстоящем пленуме ЦК партии. Выступление было направлено членам ЦК. В начале речи говорилось:

«Дорогие товарищи!

К большому сожалению, в силу временных причин мне не удается присутствовать на заседании пленума… Я много думал

над нашими планами, готовился выступать…» В речи генсека утверждается, что «начали осуществляться некоторые меры по совершенствованию нашего хозяйствования, по укреплению государственной, трудовой и плановой дисциплины… Это только начало, и нельзя потерять набранный темп, общий положительный настрой на дела».

В тексте речи много старых «программных» мотивов со ссылками на Ленина о «соревновании и самодеятельности масс», руководстве «ленинскими принципами в работе», необходимости «повышения производительности труда» и других подобных штампов{897}. Составители речей генсека не могли вырваться за рамки традиционных заклинаний. Эта непроизнесенная «автором» речь, пожалуй, наиболее ортодоксальная за время пребывания Андропова на высшем в партии и государстве посту.

Через три дня «соратники» генсека соглашаются с его предложениями по повышению партийного статуса Воротникова, Соломенцева, которых переведут на очередном пленуме из кандидатов в члены политбюро, введут в его состав председателя КГБ Чебрикова в качестве кандидата в члены, в сан секретаря ЦК возведут Лигачева{898}.

Смертельно больной Андропов ежедневно после мучительных медицинских процедур по-прежнему пробегал глазами документы. Но теперь уже не сотни страниц, как обычно, а десятки. Ракетной теме было суждено сопровождать Андропова все 15 месяцев его правления. Ему докладывали, что на 1 января 1984 года американцы развернули на территории ФРГ 9 «Першингов-2», а в Великобритании поставлены на боевое дежурство 16 крылатых ракет. Но, как и обещал генсек публично, ответ был быстрым: к 25 декабря на территории ГДР и ЧССР заняли боевые позиции две бригады ракет повышенной дальности (30 пусковых установок){899}.

Не знаю, задумывался ли Андропов над тем, что вся затея СССР с ракетами средней дальности была бессмысленной и чрезвычайно дорогостоящей. На советскую попытку добиться преимущества в Европе последовал чрезвычайно энергичный ответ американцев, вызвавший, в свою очередь, немедленный «ответ» Москвы. Спираль гонки вооружений резко взметнулась вверх. Экономика СССР, надрываясь, все больше милитаризовалась. Придет время, и все эти ракеты вывезут и уничтожат, но никто и никогда в руководстве не скажет, во сколько миллиардов рублей обошлась советскому народу их очередная бездумная «историческая акция». Конечно, она будет расценена как «победа советской внешней политики».

Андропов мог быть доволен «ответными мерами», если такое

чувство могло прийти в его состоянии; на Западе могли оценить, что советский руководитель умеет подкреплять свои слова делами…

Приехавший в середине января в больницу Черненко увидел, как болезнь до неузнаваемости изменила человека. На лице Андропова явственно лежала печать близкой кончины. Задыхающийся от эмфиземы легких, находящийся в едва ли лучшем состоянии Черненко, перебирая подрагивающими пальцами бумаги, докладывал генсеку: в Кремле введен новый комплекс для проведения пленумов ЦК. Объект имеет специальные сооружения, инженерное обеспечение, защиту, автоматическое управление… Больной старец, исполнявший по капризу исторического случая роль партийного принца, сразу же предложил за эту работу наградить орденами 300 человек, нескольким десяткам людей дать Государственные премии, а Боголюбову, заведующему общим отделом ЦК, – Ленинскую премию{900}. Безучастно слушавший Андропов едва заметным движением головы давал понять, что согласен.

…Смерть всегда приходит не вовремя. Андропов мог думать, что самая загадочная и неопределенная часть жизни человека – его будущее. Каким он останется в памяти людей? Что будут говорить о нем? Заслонит ли историкам долгая «чекистская деятельность» его короткую, отчаянную попытку прервать губительную стагнацию отечества?

…Размышления вновь прервал голос усердного чиновника, проводившего вместо него уже несколько месяцев заседания таинственного для всех политбюро… Посольствво США обратилось с просьбой разрешить спецрейс американского самолета для доставки посла Хартмана из Москвы в Стокгольм… В прошлом году американцы сорвали наш спецрейс в Нью-Йорк… Считаем, что нужно не давать Вашингтону согласия на этот пролет…{901}

Голос уплывал куда-то и вновь возвращался…

…Пришло письмо из МОТ (Международной организации труда), в котором просят объяснить, говорил Черненко, почему в СССР не существует права выхода крестьян из колхозов. Мы одобрили такой ответ, что по колхозному уставу на основании личного заявления каждый крестьянин у нас может вступить в колхоз или выйти из него… Например, в 1982 году из колхозов выбыло 450 тысяч человек и принято туда 617 тысяч…{902}

Черненко продолжал перебирать бумаги. Вам надо подписать ответы на письма Трюдо, Кастро, Цеденбала, одобрить поздравление с днем рождения Чаушеску 26 января 1984 года…{903}

Гигантская страна не чувствовала перебоев в «ленинском» руководстве. Шестеренки отлаженной бюрократической машины продолжали медленно, но безостановочно вращаться, не останавливаясь ни на минуту. В высшем партийном руководстве уже почти привыкли, что их лидер общается с ними только посланиями.

Пользуясь немощью генсека, Черненко получил одобрение Андропова на принятие постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О материальном обеспечении первых секретарей крайкомов, обкомов партии и председателей исполкомов краевых и областных Советов». Устанавливались очень высокие пенсии, сохранялось специальное медицинское обеспечение, автотранспорт, дачи и т. д.{904}.

Черненко, как главный партийный чиновник, всегда особо заботился о партократии, создании особого слоя преданнейших режиму людей. Андропов, пытавшийся в начале своей генсековской карьеры повести борьбу с элитаризмом, избранностью, теперь уже не мог противиться Черненко. Он устало прикрыл глаза в знак согласия…

Последняя в жизни Андропова записка была обсуждена членами партийного ареопага за две недели до его смерти. Генсек подводил итоги работы высшего руководства за 1983 год. Отмечая усиление «коллективности в руководстве» и улучшение «контроля за выполнением принимаемых решений», Андропов предлагал разгрузить политбюро от второстепенных вопросов, передавая их для решения в секретариат и отделы ЦК. Так же когда-то советовал Ленин освободиться от «вермишели» мелких дел… По-прежнему, сетовал генсек, не все ладно с подбором кадров…{905}

Все вроде верно, но одновременно создается впечатление, что проигрывается старая-старая заезженная партийная пластинка 20-50-х годов… Прежние рецепты, ортодоксальные решения, испытанные методы должны были, по мысли Андропова, помочь вывести страну из глубокого застоя. Генсек хотел, чтобы обойма старых способов вновь заработала через усиление требований к общественной, государственной и личной дисциплине, создание в стране атмосферы «борьбы за порядок». Несмотря на симпатии и поддержку «линии» Андропова со стороны миллионов людей, она могла дать лишь какое-то временное, частичное улучшение положения дел в стране.

Где-то в конце января приехал к Андропову Устинов – человек, к которому генсек испытывал особую близость. Министр обороны долго рассказывал об оборонных делах, а затем перешел к положению в Афганистане. Старый оборонщик, которого

политбюро сделало маршалом, все еще верил, что 40-я армия добьется стабилизации ситуации в соседней горной стране. В конце беседы Устинов показал для одобрения длинный-длинный список военнослужащих для награждения орденами. Андропов пробежал часть документа, почему-то цепляясь взглядом лишь за фамилии, рядом с которыми стояло – «посмертно», рядовой Арсентьев Виктор Анатольевич… сержант Бондаренко Виталий Владимирович… ст. лейтенант Гусев Михаил Петрович… капитан Музыка Александр Владленович…

Андропов не стал дальше читать, тем более что в конце наградного указа стояло факсимиле Андропова, а ниже подпись секретаря Президиума Верховного Совета Ментешашвили…

Уже три года необъявленная война. Цинковые гробы… Посмертно награжденные… Пережил ли раскаяние генсек за авантюру? Никто и никогда не узнает…

Почти все отведенные судьбой последние дни земной жизни Андропов, прикованный к больничной постели, работал. Хотя эта работа уже сводилась, в лучшем случае, к подписанию подготовленных документов или слабому жесту, выражающему согласие с предложениями помощников. Одно из последних писем, отправленных от имени Андропова, датированное 28 января 1984 года, адресовалось Рейгану. Составители речей и записок генсека подготовили письмо в весьма жестком духе, без выражения какой-либо надежды на улучшение отношений в ближайшем будущем после развертывания американских евроракет «…Будем откровенны, г-н Президент, – говорилось в послании, – не получается делать вид, будто ничего не произошло… Опасно возросла напряженность»{906}.

Этот документ, прежде чем одобрить, Андропову зачитали, и он согласился с его содержанием. А письмо к председателю ЦК Компартии Японии К. Миямото, скрепленное также факсимиле генсека 8 февраля 1984 года, за сутки до своей смерти, Андропов физически не мог ни услышать, ни прочитать, ни одобрить. Больной потерял сознание еще раньше. Но могучая, отлаженная, проверенная, живучая, циничная бюрократическая партийная машина не подала и виду, что генсек находится в коме. Письмо Миямото от бессознательного Андропова ушло в Токио. По существу, с «того света» на «свет этот».

Да и в день кончины генерального секретаря, последовавшей после полудня 9 февраля, политбюро привычно заседало. Обсуждали вопрос о весеннем севе, о соцсоревновании, работе Комитета партийного контроля, использовании космического пространства в мирных целях, о дополнительной помощи Афганистану, активизации советско-ливийских отношений и

другие бесчисленные вопросы{907}.

…Андропов умирает, а политбюро заседает. «Дело» превыше всего. Хотя «соратники» чувствовали, что развязка близка. Не случайно на этом заседании приняли решение об отсрочке визита Г.А. Алиева в Дамаск. Партийная коллегия уже мысленно готовилась к самой главной, первой задаче после смерти Андропова – избранию нового генсека. Поэтому в это время – никаких командировок…

Последние несколько дней до кончины Андропов не приходил в сознание. Разум уже был украден смертью, а сердце обреченно продолжало биться…

Ветер времени несет нас всех в своих струях в одном направлении. Одни задерживаются в этом потоке дольше, другие – меньше. Но все в конце концов оседают в долине небытия, где ветер уже не влечет в грядущее, ведь теперь человек погружается в вечность. Такова судьба всех: генсеки не пользуются исключениями.

В рабочих бумагах генсека сохранились наброски стихотворения, принадлежащего перу Андропова:

Мы бренны в этом мире под луной.
Жизнь только миг. Небытие – навеки.
Кружится во Вселенной шар земной,
Живут и исчезают человеки…

Таким был Юрий Владимирович Андропов, человек сильного, волевого, но одномерного интеллекта. В этом утверждении нет противоречия. Он мыслил глубоко и масштабно, но обреченно шел до конца по узкой и тесной тропе ортодоксального ленинизма.

Человек конечен в бесконечности бытия.

«Вождь» шестой: Константин Черненко

Все приходит у нас слишком поздно. И мы слишком долго находимся в переходном состоянии, в каком-то междуцарствии.

Н. Бердяев

В будущем – неясном, смутном, туманном – всегда есть вызов настоящему. Это может понять только истинный лидер, проницательный деятель, большой мыслитель.

До XX съезда КПСС советские люди смотрели на будущее из классовой бойницы: у самого горизонта лазоревая полоса обетованной коммунистической земли, а в пространстве от прицела до алеющего рая – неисчислимый сонм врагов. «Капиталистическое окружение». Двуцветный мир лишь подчеркивал наши «совершенство», «истинность», «историческую правоту». Иллюзорное будущее давало предписания ленинско-сталинскому настоящему. Мир был прост и понятен, как серп и молот на красном стяге. Будущее казалось не вызовом, а только целью. Высокой. Конечной. Близкой. Ведь и Ленин, а затем и Хрущев называли точные сроки и даты «пришествия» земного рая.

После XX съезда появились в большевистском миросозерцании новые акценты, «уточняющие» историческую схему большевизма. «Добрый» Ленин, в свете «неожиданно» выявившихся «злодейств» Сталина, стал еще более гениальным, абсолютно безгрешным провидцем. Разумеется, утверждалось, что злодейства Сталина не имели никакого отношения к системе, строю, ленинской идеологии. На великую цель появившаяся аномалия, естественно, не повлияла. Так учили нас, так наставляли и мы. Но пришло время, и все большее число людей стали понимать, что эти большевистские «правды» есть бытие большого, универсального Зла, выражающегося в тотальной Лжи. Именно на этой основе в железобетонной, с колючей проволокой системе, построенной двумя первыми вождями, стал углубляться кризис, расширяя многочисленные трещины в монолите. Хрущев был увлечен борьбой. Не со сталинизмом, а с «культом», и эти трещины ему казались эфемерными. Брежнев их не замечал. Андропов их увидел, но не смог зацементировать. Пришедший Черненко оказался не в состоянии ни увидеть, ни понять, ни что-либо сделать. Как это ни парадоксально звучит, именно он, помимо своей воли, стал предтечей грядущих перемен. Шестой

«вождь» КПСС и СССР, совсем не оставивший заметного следа в советской истории, тем не менее стал знаком ее судьбы. С приходом Черненко даже скрытым сталинистам, ортодоксальным ленинцам, приверженцам классовых догм стало ясно – Система на излете. Если она уже не в состоянии даже избрать хоть в какой-то степени приемлемого лидера… Ниже падать уже было некуда. Смутно, не явно, многие стали ожидать грядущих перемен.

Не чувствовал этого, однако, новый генеральный секретарь. Для него не существовало вызова из будущего. Потому что Черненко был весь, целиком, из прошлого. Вся его былая энергия, прилежность, скромные знания и ограниченное воображение ушли, были потрачены на бесподобную чиновничью карьеру. Когда он наконец взобрался, взгромоздился, вопреки всякой логике и возможностям, на самую высокую, самую главную вершину власти, у него уже совсем не осталось сил. Ни физических, ни духовных. Черненко действительно стал мрачным знаком судьбы Системы, утратившей будущее.

Черненко продвигался, порою почти полз к следующей ступени иерархической лестницы ленинской партии, находясь в услужении у пятого «вождя». Когда ему шел семьдесят третий год, он наконец, обессиленный, сел в кресло генерального секретаря партии – высшую должность в советском государстве. Черненко оказался самым старым из всех советских лидеров, когда-либо получавших этот пост. Больной старец, скрытный и осторожный, с посредственным умом, торопливой и невнятной речью, получил жезл высшего коммунистического правителя. Таковой оказалась инерция протекционистского длинного толчка, который сообщил ему Брежнев, начиная еще с «молдавских времен».

Заключительный акт «оформления» в генсеки прошел так же, как у Андропова, как произойдет и у последнего «вождя» – Горбачева.

Черненко был готов и намеревался сесть в это кресло сразу после смерти Брежнева. Однако негласный, но очевидный альянс чекистов и военных помешал ему это сделать. Сейчас другая ситуация: для Устинова Черненко уже более подходящая кандидатура, чем Романов или Гришин. Шеф КГБ Чебриков еще слишком маловлиятелен, чтобы заключать с ним такой же союз, как с Андроповым. Поэтому главного «силового» препятствия перед Черненко в этот момент не оказалось.

Другое важное преимущество: со второго сентября 1983 года Черненко вел заседания политбюро, замещая умирающего Андропова. А это очень много значило. Около полугода Черненко держал рычаги высшей власти непосредственно в своих руках. Все уже как бы привыкли, что именно этот невзрачный, сутулый,

седой человечек, задыхаясь, открывал очередное заседание высшей партийной коллегии, определяя накануне, что обсуждать, а что отложить, что отдать в отделы без рассмотрения, предрешая при этом высшие кадровые назначения, как и принятие тех или иных постановлений. По партийной традиции потенциально первому лицу после умершего вождя обычно поручается возглавлять комиссию по похоронам. Черненко знал, что ему сейчас, после смерти Андропова, помешать некому. Большинство стариков – за него.

В 11 часов 10 февраля 1984 года в зале заседаний политбюро в Кремле собрался партийный синклит. Накануне прошли, как обычно в таких случаях, неофициальные встречи некоторых членов политбюро, и главная среди них – Черненко с Тихоновым. Ведь они были друзьями…

За длинным столом заседаний двадцать человек: члены политбюро, кандидаты в члены, секретари ЦК. Черненко, поднимаясь из-за председательского места во главе стола, произносит только две фразы:

– Товарищи, вчера мы собрались с вами и рассмотрели основные организационные меры, связанные с похоронами Ю.В. Андропова. Сейчас нам нужно решить еще один вопрос, который мы не решили вчера.

После этих слов Черненко демонстративно переходит к середине общего стола, на свое обычное место, пока он не замещал генсека. Хотя председательствующий знал, что все предрешено, он предпочел поиграть в «демократию». Дальше все пошло по традиционному сценарию, который едва ли кто составлял, но который держали в голове все: решающая роль принадлежит первому выступающему, тому, кто предложит кандидатуру. Председательствующий знает, кому дать выступить первым… А затем вступает в силу «закон единства», нужно только поддерживать, стараясь найти новые эпитеты предложенной кандидатуре. Любой, кто предложит другое лицо, – «раскольник».

Все девятнадцать «неприкасаемых» молча смотрят на Черненко.

«Черненко: Сегодня у нас один вопрос – это вопрос о Генеральном секретаре ЦК КПСС. Какие будут предложения? Прошу товарищей высказаться».

Председатель Совета Министров уже поднял руку…

«Тихонов: Товарищи, все мы переживаем горестные минуты. Юрий Владимирович не так долго выполнял обязанности Генерального секретаря. Но все мы знаем, какую большую творческую работу он провел… Наша партия располагает большим количеством хорошо подготовленных кадров. Я считаю,

что в Политбюро ЦК у нас также имеются достойные товарищи. Поэтому я вношу предложение рекомендовать очередному Пленуму ЦК КПСС избрать Генеральным секретарем ЦК т. Черненко Константина Устиновича. Я думаю, что все мы *едины* (курсив наш. – *Д.В.*) в том, что действительно Константин Устинович Черненко достойная кандидатура на пост Генерального секретаря ЦК КПСС… Тов. Черненко К.У. уже давно занимается вопросами работы Политбюро и Секретариата ЦК. Он помогал Юрию Владимировичу Андропову, замещал его во время болезни и отпуска…

Громыко: Я поддерживаю предложение, высказанное Н.А Тихоновым, о том, чтобы рекомендовать Пленуму ЦК избрать Генеральным секретарем тов. Черненко Константина Устиновича… Мы должны смотреть дальше, имея в виду, что перед Центральным Комитетом партии, всеми нашими организациями стоят очень большие задачи».

«…Смотреть дальше…», а предлагается больной старец, который с трудом добирается до председательского стола.

«Устинов:…Черненко был как бы вторым лицом в ЦК в отсутствие Леонида Ильича, а в последнее время – в отсутствие Юрия Владимировича Андропова Он проводил заседания Политбюро, Секретариата и приобрел очень большой опыт в этом деле…»

(Вот, оказывается, что важно для руководства великой страной – обладать опытом проведения заседаний…)

«Гришин:…У нас в партии существует преемственность в передаче руководящих постов, и это очень хорошо. Константин Устинович работал вместе с Л.И. Брежневым, заменял его неоднократно, в последнее время он работал вместе с Юрием Владимировичем Андроповым и также заменял его…

Горбачев: Обстановка требует того, чтобы наша партия и прежде всего ее руководящие органы – Политбюро, Секретариат – были сплочены как никогда… Заседания Политбюро и Секретариата, которые он (Черненко. – *Д.В.*) ведет в последнее время, проходят в духе единства, в духе учета мнений всех товарищей… Единодушие, с которым мы сегодня говорим о кандидатуре Генерального секретаря, называя все однозначно кандидатуру Константина Устиновича, свидетельствует о том, что у нас в Политбюро действительно существует в этом отношении полное единство…»

Горбачев в своем выступлении особо подчеркивал необходимость «сохранения принципа преемственности», возможно, понимая, что старец протянет недолго и следующим вождем будет именно он… Но, разумеется, так думает автор

книги.

Выступили почти все. Не «успели» лишь лица из «второго эшелона»: И.В. Капитонов, К.В. Русаков и Н.И. Рыжков. После выступления В.М. Чебрикова – шефа КГБ, в котором он, в частности, отметил «исключительные заслуги Черненко в деле укрепления органов Комитета государственной безопасности», за длинным столом раздались голоса: «все ясно», «кандидатура одна», «давайте примем решение».

Заключил «дискуссию», проведенную в духе мертвящего ленинского «единства», сам Черненко:

«– Товарищи, все высказались (не все. – *Д.В.*) и наметили кандидатуру на пост Генерального секретаря, продемонстрировали единодушное мнение о том, чтобы рекомендовать мою кандидатуру на этот пост…»

Дальше, как всегда, следовали благодарности и заверения в том, что новый генсек будет исходить из необходимости «коллективности руководства» и «единства»{908}.

Читая этот протокол, меченный датой 10 февраля 1984 года, поражаешься одному. Большинство членов политбюро хорошо знали, не могли не знать, что человек, которого они собрались рекомендовать на высший пост, глубоко посредственная личность, малообразованная, без широкого государственного мышления, очень скудно наделенная природой интеллектуальными способностями. Кроме прилежности партийного чиновника, исключительной услужливости перед генсеками, бумажной педантичности, хорошего знания всех бюрократических пружин и правил, Черненко не обладал более ничем, что необходимо лидеру ленинской партии и государства.

Полное отсутствие демократических традиций в руководстве, пресс большевистских стереотипов, вроде пресловутого «единства», отсутствие гласности, монополизм власти одной политической силы предопределяли одномерность мышления и решений.

Выступая на траурном митинге во время похорон Андропова, Черненко с большим трудом смог зачитать небольшую надгробную речь.

Слушатели с трудом улавливали смысл произносимого: оратор «проглатывал» слова, неоднократно кашлял, останавливался, вытирал платком губы и лоб. С трудом новый генсек смог едва-едва приподнять руку, прощаясь со своим предшественником у могилы.

К мавзолею он поднялся с помощью недавно сооруженного специального подъемника в Сенатской башне Кремля, а спускался вниз при поддержке двух охранников… Как сообщали на Западе,

Дэвид Оуэн, лидер британской социал-демократии, будучи врачом, профессионально определил: у Черненко – эмфизема легких. Как увидим дальше, он не ошибся.

Избрание Черненко, по рекомендации политбюро, на пленуме ЦК, открывшемся в Свердловском зале Кремля в 11 часов 13 февраля 1984 года, было еще одним выражением эрозии и заката ленинской системы.

Будущий помощник Горбачева А.С. Черняев, присутствовавший на этом пленуме, весьма колоритно передал его атмосферу.

«…Свердловский зал был уже почти полон… Провинциальная элита уже вся здесь. И все как обычно: целовались взасос, громко, через ряды приветствовали друг друга, делились «новостями» о снеге, о видах на урожай, словом, шел «партийный толк» между своими, чувствующими себя хозяевами жизни. В этой разноголосице я не услышал ни разу имени Андропова или разговора о его смерти…

Где-то без двадцати одиннадцать зал смолк. Началось ожидание. С каждой минутой напряжение росло, атмосфера будто наполнялась электричеством… Напряжение достигло кульминации. Все взоры в сторону левой двери за сценой, где выход в президиум: кто первый?!

Ровно в 11 в проеме двери показалась голова Черненко. За ним Тихонов, Громыко, Устинов, Горбачев и др.

Зал отреагировал молчанием…»{909}

А вот что писал позже помощник нескольких генсеков, в том числе и Черненко, А.М. Александров-Агентов:

«…я не раз задавал себе вопрос: как же все-таки получилось, что на высшем руководящем посту огромного государства оказался этот слабый и физически, и во многих других отношениях человек, не имевший для этого ни достаточной эрудиции, ни опыта настоящей государственной работы, ни знания экономики? Ведь не могли же этого не видеть избравшие его коллеги, да и сам Константин Устинович, если уж на то пошло?»{910}

Действительно, почему? Как могло это произойти? Среди целого ряда глубинных причин исторического и социального порядка назову и такую: большевизм за семь десятилетий коренным образом изменил людей и их руководителей. Разрыв между политикой и моралью оказался столь глубоким, что никто из «соратников» Константина Устиновича не испытывал ни тогда, ни позже угрызений, мук совести. Удобные объяснения типа: «Иначе нельзя было. Традиции. Партийные нормы. Единство…» – кажутся наивными или фальшивыми.

Долгие годы правления ленинцев деформировали мораль в соответствии с главным критерием первого вождя: нравственно все то, что служит делу коммунизма. В данном случае никто (никто!) не оказался способным проявить мужество. Ни сам Черненко, ни его коллеги, которые позже (все без исключения) стали говорить о его никчемности.

Великий Гегель в своей «Философии религии» написал: «Мужество выше скорбного терпения, ибо мужество, пусть оно окажется побежденным, предвидит эту возможность…»{911} Все мы были лишены тогда этого интеллектуального мужества, предпочитая говорить об аномалиях, ущербности Системы вполголоса. Предпочитали «скорбное терпение»…

Это не было парадоксом: никто не хотел видеть канцеляриста лидером партии и страны. Но никто (!) не возразил, не возмутился, не предложил публично иного решения. И не мог предложить. Ибо система, созданная Лениным и «усовершенствованная» Сталиным, продолжала работать. Невидимые шестеренки политического механизма продолжали вращаться с тупой неумолимостью.

Черненко – не случайность. Это закономерный плод бюрократического всевластия и вырождения большевизма.

Черненко не был в состоянии повести страну и партию в будущее. Его «пришествие» стало знаком углубления общего кризиса общества, признаком полного отсутствия у партии позитивных программ, симптомом неизбежности грядущих потрясений. Не будучи авгуром, можно было сказать: черная птица грядущей беды для коммунизма появилась над Кремлем.

Новый генсек ничего не разрушал и не созидал. Он не имел ни явных врагов, ни больших политических друзей. Черненко не позвал страну поднимать новую «целину» или демонтировать систему тотальной слежки. Генсек был классическим бюрократом с посредственным мышлением.

Но посредственности опасны именно тем, что они политически неуязвимы. Перед своими «соратниками». Но не перед историей.

Печать безвременья

Из всех «главных» лидеров СССР за всю ее историю Черненко К.У. меньше всех находился на высшем пике власти, всего 13 месяцев. Это были месяцы тусклого безвременья. Обществом овладело чувство апатии, политического равнодушия, какого-то смутного ожидания, а порой и нескрываемого интеллектуального смятения.

Внешне почти ничего не изменилось. Награждали «победителей» соцсоревнования, стояли на улицах длинные очереди около полупустых магазинов, проводились многолюдные и многочасовые собрания партийных активов; переполненные электрички из ближнего и дальнего Подмосковья везли в столицу граждан «развитого социалистического общества», надеявшихся хоть что-то купить там; милицией наглухо перекрывалось движение на улицах, когда длинные черные «членовозы» (лимузины высшего руководства) после рабочего дня отвозили «неприкасаемых» в загородные подмосковные шикарные особняки… Пульс страны бился вяло и как-то обреченно.

По-прежнему страна вела необъявленную и непонятную людям войну в Афганистане. После замученного Тараки пришел к власти его убийца Амин, которого, в свою очередь, советские спецназовцы расстреляли в его собственном дворце. К слову, с тем и другим еще до ввода советских войск мне довелось встречаться в бывшей королевской резиденции после «апрельской революции». Посадили в Кабуле послушного и говорливого Кармаля, сменили его потом еще одним ставленником КГБ – Наджибуллой… Но все эти перетасовки ничего не изменили и изменить не могли. СССР застрял в грязной войне, принимая ежедневно цинковые гробы со своими солдатами из соседней горной страны…

В «социалистическом лагере» все как бы затихло в ожидании. «Солидарность» в Польше продолжала глухо сопротивляться; у Берлинской стены не прекратили убивать смельчаков, пытавшихся ее преодолеть; «диссиденты» не только из СССР, но и из Чехословакии, Венгрии, Болгарии все громче заявляли о себе, требовали свободы и соблюдения прав человека; советские самолеты везли кубинских солдат в Анголу и Эфиопию для спасения обанкротившихся марксистских режимов. Северная Корея, все более дистанцировавшаяся от Москвы, тем не менее продолжала требовать от нее новых поставок оружия и боевой техники. Китай как бы выжидал, не отказываясь от своих «трех условий». Все попытки советской дипломатии улучшить прохладные отношения со «срединным государством» наталкивались на вежливые и в то же время жесткие отказы. СССР хотел «остаться» во Вьетнаме, но тот нуждался лишь в его технической помощи, а не в политических советах. В Африке и арабском мире, где возникли с помощью СССР режимы «социалистической ориентации», росли военные арсеналы. Туда ехали все новые сотни и тысячи советских военных советников. А тощая экономика этих стран неумолимо впадала в полную дистрофию…

В Вашингтоне и столицах стран НАТО все больше понимали: СССР надломился под тяжестью гонки вооружений и кризиса директивной экономики и не хотели ни в чем уступать «империи зла». Если Андропова еще пытались вытянуть из Москвы для встречи с Рейганом, Колем, некоторыми другими лидерами западного мира, то Черненко уже приглашали очень немногие. Все понимали: это совершенно временная, очень временная и переходная фигура.

В «коммунистическом и рабочем движении» тоже ничего не менялось. В штаб-квартиры марксистских партий шли из Москвы «рекомендации» – как усилить борьбу с ракетными планами США, «еврокоммунизмом», идеологическими диверсиями империализма. Все сохранилось и продолжалось в духе традиций. По-прежнему лидеры и функционеры этих партий тянулись в Москву на отдых, за инструкциями, а главное – за деньгами. В СССР в течение года приезжали не менее 2–2,5 тысячи руководителей разного уровня из «братских компартий». В международном отделе ЦК, с его почти двадцатью секторами, прикидывали, как *лучше* распределить многомиллионный валютный бюджет «для помощи братским партиям». И распределяли. Миллионы долларов, фунтов, марок, франков, как в ленинские времена. Только теперь опыта и конспирации в этом деле было больше… Везли народные деньги на Запад и Восток, конечно, представители КГБ. Не было ни одного провала в доставке.

Лидеры всегда фокусируют на себе повышенное внимание. От наблюдательных визитеров не могло укрыться, что задыхающийся новый шестой лидер с трудом общается по заготовленной помощниками бумажке, отвечает на вопросы крайне односложно и элементарно. Как писала парижская «Русская мысль» в марте 1984 года: у Черненко «самой примечательной чертой является отсутствие всякой примечательности»{912}.

Сутулый покашливающий человек с короткой шеей в отличие от Андропова фактически не пытался ничего серьезно изменять. Ему было трудно не только ходить, но и думать. Он привык работать с документами по накатанной колее решений, контроля, отчетов, директив.

Конечно, Черненко начал свою работу с заседания политбюро, которое полностью «одобрило» решения февральского пленума ЦК КПСС (где он был избран генсеком) и рекомендовало для руководства всей партии его «тронную речь».

Выступая на первом, «своем», заседании политбюро, Черненко особо педалировал на то, что «решения февральского пленума получили полную поддержку в партии, стране, братских

странах и коммунистическом движении». Черненко в своей речи добросовестно повторил андроповские сюжеты о необходимости «рассматривать на политбюро только крупные вопросы», о важности «улучшения управления сельским хозяйством и промышленностью», о налаживании «контроля исполнения», «повышения дисциплинированности людей», об уменьшении «потока бумагооборота…» и т. д.{913}.

Бюрократическая пластинка партийной власти продолжала вращаться медленно, но неотвратимо. Постановления, решения, сползающие с властного конвейера, уже жили сами по себе, а жизнь текла сама по себе… В кабинете генсека сидел человек, который бесконечно верил в силу бумаги, директивного управления, своевременно принятого решения.

На заседании политбюро, о котором мы говорили выше и которое состоялось 23 февраля 1984 года, Черненко произвел перераспределение обязанностей его членов. Себе он взял традиционные вопросы генсеков: организацию работы коллегии, оборону страны и безопасность, основные вопросы внутренней и внешней политики, расстановку основных кадров партии и государства, а также «повесил» на себя отдел внешнеполитической пропаганды и любимые детища – общий отдел и Управление делами ЦК (по сути, специальную личную канцелярию и общее «хозяйство» ЦК). При этом Черненко заявил, что, «разумеется, круг вопросов, которыми мне предстоит заниматься, значительно шире».

Горбачеву, ставшему «человеком номер два», он выделил работу секретариата ЦК и все сельскохозяйственные вопросы. Правда, Тихонов неожиданно заявил: «У меня есть некоторое сомнение в предложенном распределении обязанностей секретарей ЦК. Выходит, что М.С. Горбачев, руководя работой секретариата, будет одновременно вести все вопросы развития сельского хозяйства. Я ничего не имею против Михаила Сергеевича, но не получится ли здесь определенного перекоса?»

Черненко успокоил Тихонова, не без оснований видевшего в передаче Горбачеву организации работы секретариата усиление позиций самого молодого члена политбюро. Но в конце заседания генсек еще поднагрузил Горбачева, передав ему руководство комиссией по Польше{914}.

Политические взгляды Черненко были крайне консервативны. Не раз в узком кругу он весьма благожелательно отзывался о Сталине, о том времени, «когда партийная директива была законом». Но он, конечно, не мог пойти дальше Брежнева в полуреабилитации Сталина. Ни сил, ни времени, ни ума у него на это не было. Однако одно «дело» он все же «провернул».

Ближайший сподвижник Сталина, «человек № 2», В.М. Молотов был, как известно, отлучен Хрущевым от власти и прозябал на нищенскую пенсию в подмосковной Жуковке. Мне довелось видеть в архивах немало подписей Молотова под «расстрельными» списками. Сталиным давались ему конкретные поручения по кровавой чистке{915}. Как свидетельствуют люди, встречавшиеся с ним в последние годы его жизни, Молотов ни в чем не раскаивался.

К каждому очередному съезду Молотов писал письма с просьбой его реабилитировать и восстановить в партии. Регулярно получал вежливые отказы. Даже Брежнев не решился на фактическую реабилитацию этого человека. Прислал Вячеслав Михайлович Молотов письмо и Черненко. Тот, запросив бумаги из архива, с любопытством взирал на большевистские дела бывшего соратника Ленина, Сталина, Берии, Жданова, других вождей ушедшего времени. Долго листал сборник Молотова «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов».

На очередном заседании политбюро («за повесткой дня») предложил восстановить Молотова в КПСС. Возражений не последовало. Объявил сталинскому соратнику об этом сам генсек, лично. Молотов умер 8 ноября 1986 года, в возрасте 96 лет, будучи вновь членом «ленинской партии».

Может быть, у Черненко это был один из очень немногих поступков, решение по которому он принял сам…

Очень скоро новый генсек дал всем понять: никаких крупных новаций в работу высшего органа партийной и государственной власти вносить он не собирается и не будет. А если что и будет, то скорее как возврат к брежневскому безмятежному, сонному бытию. Я писал в очерке об Андропове, что тот решился однажды (исходя, конечно, в этом случае не из идеологических соображений, а из материальных) заморозить на два года строительство памятников, в том числе и Ленину. Однако уже 5 апреля 1984 года, с согласия Черненко и по настоянию многочисленных ленинских ортодоксов, ЦК КПСС и Совет Министров СССР принимают новое постановление: «Продолжить в 1984–1985 годах сооружение памятников Ленину в населенных пунктах согласно приложению». На основании этого решения были осчастливлены многие десятки городов: Красновишерск, Малая Вишера, Чудово, Ковылкино, Ханты-Мансийск, Волжский, Бийск, Сызрань, Воркута, Белебей, Мичуринск, Анапа, Дудинка, Находка, Нефтекамск, Северодвинск и многие, многие другие{916}.

Монументальное идеологическое безумие было продолжено.

Каменные, чугунные, бетонные, бронзовые идолы вождя вновь стали расти по городам и весям неоглядной державы.

А может быть, Черненко был большим ленинцем, чем все остальные его «соратники»? Если посмотреть на традиционный для члена политбюро сборник «Избранные речи и статьи», срочно переизданный в 1984 году, то действительно почти половина опубликованных статей и речей – на ленинскую тему. Несмотря на различие заголовков, все они предельно апологетичны, тусклы, однообразны. Одни названия говорят о глубоко бюрократическом мышлении Черненко: «Руководящая роль В.И. Ленина и КПСС в разработке основополагающих документов государственного строительства»; «Некоторые вопросы ленинского стиля в работе КПСС»; «XXV съезд КПСС о дальнейшем развитии ленинского стиля в партийной работе»; «За ленинский стиль в партийной работе»; «Возрастание руководящей роли КПСС в условиях развитого социализма и ленинский стиль работы»…{917}

Пожалуй, хватит. От долгого чтения такой «теории» может сделаться дурно: возрастание роли партии, ленинский стиль в работе, ленинские идеи в работе партийного и государственного аппарата – любимые темы официальных советских партийных историков. Черненко был органической частью этого «стиля», его воплощением и личностным выражением его ущербности.

Те статьи, которые высшие партийные деятели подписывали, те речи, которые они произносили, всегда готовили их помощники и референты. Но одного нельзя оспорить – эти люди, пожалуй, верили тому, что писалось и говорилось от их имени. В одной из совершенно пустых, бессодержательных статей Черненко, которую, разумеется, писали другие, например, утверждалось, что «чудовищную ложь и нелепость распространяют наши враги, пытающиеся представить социализм как общество, якобы подавляющее инициативу, права и свободы людей. Ни в одной капиталистической стране не может быть и речи о каком-либо участии трудящихся в управлении делами общества. А в советской стране народовластие лежит в самой основе политической системы социализма…»{918}.

Едва ли Черненко задумывался о том, что за всю историю советского государства ни один его высший руководитель, начиная с Ленина и кончая им самим, не избирался всем народом. Могут сказать: они же были «вождями партии». Но в СССР, где существовала монополия на власть одной политической силы – Коммунистической партии, высшая партийная власть означала и высшую государственную. С хрущевского правления эту «специфику» выражали «избранием» первого партийного лица на высший государственный пост.

Однако заведомая неправда, приведенная из статьи Черненко, лишь крохотная капля из океана лжи, на которой базируется ленинизм. Генсек даже не задумывается, что его огромная власть абсолютно нелегитимна, беззаконна, что, утверждая заведомую неправду о «социалистической демократии, как высшем типе», о «рабочем, подлинном хозяине социалистического предприятия», о том, что «марксизм-ленинизм – единственно верное учение» и другие подобные постулаты, он тем самым укреплял духовный тоталитаризм. Черненко, который всю жизнь «просидел на идеологии», не смел, не мог и не хотел даже подумать, что он, как и многие из нас, был жрецом Лжи, являющейся универсальным Злом.

Самое парадоксальное в феномене социалистического общества заключается в том, что, даже будучи честными субъективно, многие, очень многие люди становятся пленниками, жертвами ложной системы. Все мы, по крайней мере абсолютное большинство, десятилетиями верили в «исторические преимущества социализма», спасительную роль диктатуры пролетариата, в «полное отсутствие прав и свобод у трудящихся капиталистических стран», неизбежность гибели капитализма и «торжество коммунистических идеалов» на всей планете.

Мораль, в основе которой лежат только коллективные интересы, превращает личность в статистическую единицу, нечто подсобное и второстепенное. Правдой, истиной считалось то, что согласовывалось с марксистско-ленинскими постулатами, партийными решениями, классовыми интересами.

Вторгаясь в Венгрию, Чехословакию, Афганистан, мы тут же объявляли, что исполняли «интернациональный долг»; утверждая о преимуществах плановой системы хозяйства, десятилетиями закупали зерно у тех, кто не имел этих «преимуществ»; имея в архивах политбюро секретные протоколы к пакту Молотова-Риббентропа, зная истинную картину уничтожения тысяч поляков, говорили, что этих документов не существует…

Знал ли об этих особенностях марксистско-ленинской идеологии новый (но старый по возрасту) генсек? Едва ли.

Мы все выросли со смещенными понятиями, как люди идеологической веры. Интересно писал об этом польский мыслитель Лешек Колаковский в статье «Тоталитаризм и ложь». В тоталитарном обществе, утверждает философ, ложь исполняет особую функцию. Для людей «спускают сверху версии, которые, конечно, могут быть отменены на следующий же день. Нет никакого надежного критерия правды, кроме того, что объявляется правдой в каждый данный момент. Так ложь и на самом деле становится правдой, или, по крайней мере, исчезает

различие между правдой и ложью в обычном смысле этих слов. Это великий триумф социализма в сфере познания: поскольку ему удастся упразднить самое понятие правды, его нельзя уже обвинить во лжи»{919}.

Когда в 1955 году началась реабилитация осужденных, руководство страны, страшась последствий – в обществе могут узнать, как много было расстреляно людей, – решило поступить так. КГБ совместно с прокуратурой издали Указания для лагерей (№ 108сс): лица, расстрелянные по решению внесудебных органов, должны фигурировать в сообщениях родственникам как умершие. Дату смерти в этом случае указывать в пределах 10 лет с момента ареста, а причины смерти указывать вымышленные…

Это лишь один пример из бесчисленных в тоталитарном обществе, когда ложь официально выдавалась за правду.

Почему я все это говорю в очерке о К.У. Черненко? Неужели он больше других способствовал «триумфам» Лжи? Разве ложь не использовалась раньше?

Конечно, использовалась. Конечно, сознанием людей манипулировали. Конечно, ложь очень часто выдавалась за правду. Однако я утверждаю, что к моменту короткого правления Черненко кризис общества достиг той фазы, когда ложью уже нельзя было залатать прорехи в экономике, образе и уровне жизни, реальных правах человека. Мифы, на которых покоились многие ленинские постулаты, начали рушиться. Люди устали от лжи, обещаний светлого будущего то в этой, то в следующей, то в более дальней пятилетке. Если в Андропове увидели человека, который хотя бы попытался что-то сделать, то с Черненко даже не связывали никаких надежд. Многие понимали, что наступила полоса тусклого безвременья; в обществе стали расти апатия, пассивность, неверие, разочарование в том, чему верили долгие годы.

Черненко в иные дни поручал помощникам связать его по телефону с одним секретарем ЦК республики, затем – с другим, а потом с несколькими обкомами по очереди. Перед ним лежали заготовленные вопросы:

«1. Как идет выполнение решений последнего пленума ЦК?

2. Как посевная? По плану все идет?

3. У вас серьезное отставание со сдачей мяса. Что думаете делать?»

Плохо представляя реальную картину в экономике, генсек пытался вначале «подстегнуть» партийные комитеты, высказать какие-то общие советы и пожелания. Но в ответ секретари не только подобострастно докладывали о положении дел в области, крае, республике, но и просили технику, деньги, ускорения

решений по тому или иному местному вопросу. Черненко в этом случае стремился быстрее завершить разговор, советуя «написать в соответствующий отдел ЦК». После двух-трех попыток телефонного «хождения» на «места» генсек больше не стал усложнять себе жизнь.

Как писал после крушения КПСС бывший главный редактор «Правды», до конца своих дней оставшийся правоверным коммунистом, «Черненко начисто был отрешен от земных дел», ибо плохо знал «экономику, не говоря уже о науке, технике, культуре»{920}.

«Отрешенность» Черненко от этих дел объясняется и тем, что, говоря словами Герцена, он был сильно «охлажден летами». Больному семидесятилетнему старцу впору было заниматься внуками и писать чиновничьи мемуары, а не руководить великим государством.

Следуя шаблонным правилам, Черненко не раз напоминал секретарям ЦК о необходимости «награждения трудящихся» в связи с какими-либо датами, завершением строительства объекта, итогами года. Впрочем, на «местах» уже привыкли и в условиях длительной стагнации находить новые и новые «успехи в социалистическом строительстве». Политбюро этим усилиям, естественно, помогало. Так, 1 марта 1984 года Черненко сам рассмотрел и поддержал на политбюро постановление «О распределении орденов и медалей для награждения работников земледелия по итогам работы за 1983 год». Решили: выделить РСФСР – 8500 «знаков», Украинской ССР – 3500, Белорусской — 1150{921}. И так всем «сестрам по серьгам».

Черненко унаследовал от Брежнева личную страсть к наградам, почестям, успев за короткое время стать трижды Героем Социалистического Труда. Проживи генсек дольше, кто-нибудь обязательно предложил бы увенчать его Золотой звездой Героя за «пограничные дела» (когда-то Черненко служил на границе).

Казенщина и бюрократизм пропитали все, в том числе и нравственное воздаяние за образцовый труд. Ордена «распределяли». А генсеки их получали в зависимости от желания.

Черненко в своих нечастых выступлениях, речах на заседаниях политбюро еще по инерции изредка упоминал Андропова, но совсем уже «игнорировал» память Брежнева, которому в решающей мере обязан своим стремительным выдвижением. Покойный генсек любил угодничество, лесть, прилежание. Всеми этими качествами в полной мере обладал Черненко. Став заведующим общим отделом, Константин

Устинович фактически превратился в начальника личной канцелярии Брежнева. Смог постепенно завоевать безграничное доверие генсека, был запросто вхож в его семью, выполнял многие домашние поручения близких Леонида Ильича. И добился-таки своего! После XXV съезда партии, в «безупречной» технической организации которого была большая заслуга Черненко, Брежнев на пленуме после съезда в марте 1976 года предложил избрать усердного организатора партийного форума секретарем ЦК КПСС и удостоить его звания Героя Социалистического Труда. Предложение, естественно, принимается. Черненко вошел наконец в обойму самых высокопоставленных людей партии и страны. Свершилось! Его давняя мечта и тайное желание реализовались!

Канцелярист ЦК стал одним из его руководителей. А без Брежнева это было бы невозможно. Судите сами. Вся партийная карьера – всегда на вторых ролях. Не участвовал в войне, проработав все эти годы в тылу, проучившись в школе парторганизаторов. Не имел серьезного образования: диплом Кишиневского пединститута достался ему легко – ведь он был партийным, идеологическим начальником не только для этого вуза в Молдавии… Никогда не был инициатором крупных партийных начинаний. Его в народе, пока не стал генсеком, мало кто знал.

И тем не менее, несмотря на эти «минусы» в биографии, Черненко буквально врывается в святая святых ЦК, становится секретарем, откуда рукой подать до политбюро… Пожалуй, за всю советскую историю нельзя найти столь яркого примера, когда к высшей власти приходили бы люди, главным «достоинством» которых была близость к высшему вождю. Великая страна, великий народ в результате более чем полувекового эксперимента коммунистов оказались полностью отстраненными от права непосредственно избирать своих руководителей. Захваченная большевиками власть в октябре 1917 года стала монополией одной политической силы. Но высших руководителей партии, которые автоматически становились и хозяевами государства, избирал из своей среды самый узкий клан большевистских функционеров. После смерти очередного старца-генсека миллионам советских людей ничего не оставалось, как лишь ждать сообщения по радио и в газетах, кто будет следующим «выдающимся ленинцем». Каждый новый «вождь» обрекался на прижизненную славу, почитание, обладание всеми мыслимыми добродетелями.

Вырождение Системы стало находить свое выражение не только в углубляющемся кризисе экономики, архаизме

политического строя, циничном контроле над духовной сферой, но и в приходе на самые высшие посты людей, с которыми общество абсолютно не могло связывать каких-либо надежд. Главой партии и государства, Верховным Главнокомандующим едва ли не самых мощных вооруженных сил в мире стал усердный чиновник с тусклым интеллектом, биографией канцеляриста и полным отсутствием серьезных планов, как выводить страну из кризиса. То было безвременье. Люди с самого прихода этого человека к высшему кормилу власти стали вполголоса спрашивать друг друга: как долго продлится это время «торжественных похорон»? Нет, не только лидеров, земля им пухом, а похорон великой страны и великого народа…

На всех главных документах Центрального Комитета и его политбюро стояла подпись генерального секретаря, скрепленная красной печатью ЦК. Черненко едва ли знал, что то было историческое клише безвременья…

Чиновник партии

Став генсеком, Черненко через несколько дней подписал документ, направленный в партийные комитеты и политорганы. В этой директиве говорилось, какие документы следует принимать в ЦК: четко указывалась ширина полей бумаги, максимальное количество строк на листе и не более пяти страниц по объему… Было это где-то в марте 1984 года. Тогда меня еще не изгнали из Политуправления. Помню, офицеры молча читали цэковскую инструкцию, так же молча расписывались об «ознакомлении» и молча уходили.

Все понимали: где-то там, на самом верху, удобно уселся столоначальник, истый чиновник в душе, канцелярист по призванию, по хватке. Перед страной море проблем, а здесь – какой ширины должны быть поля очередной партийной бумажки.

Но это была не редкая ласточка. Как пишет один из главных лиц «мозгового бункера» Горбачева Г.Х. Шахназаров, «при Черненко было принято постановление, согласно которому в аппарате ЦК могли работать только коммунисты, избиравшиеся раньше секретарями партийных комитетов районных, городских и выше… Формирование аппарата целиком ставилось на бюрократическо-элитарную основу, доступ в него получали одни чиновники»{922}. Инженерам, дипломатам, финансистам, другим специалистам доступ в «штаб своей партии» был плотно закрыт канцелярской методологией Черненко. Заняв пост генсека, он остался в душе рутинным чиновником партии, все знавшим о том, как рождаются директивы, где хранятся партийные печати и

факсимиле членов политбюро, как одним документом можно изменить кадровую ситуацию, что в первую очередь доложить шефу, а что во вторую.

Кто мог знать, что сибирский паренек, родившийся 11 сентября 1911 года в простой крестьянской семье в деревне Большая Тесь Новоселовского района Красноярского края, станет на короткое, очень короткое время первым человеком в России.

До призыва в армию на военную службу Черненко окончил трехлетнюю школу крестьянской молодежи, где впервые узнал о содержании речи Ленина на III съезде РКСМ, составе политбюро ВКП(б), сути классовой борьбы с кулаками и диктатуре пролетариата, неизбежности мировой пролетарской революции, Коммунистическом Интернационале молодежи и еще кое о чем. Элементарная начальная грамотность плюс «политическая сознательность» комсомольского пропагандиста были замечены. Он стал заведующим отделом пропаганды и агитации Новоселовского райкома комсомола. В 1929–1930 годах Константин Черненко трудился в райкоме комсомола, обретая опыт идеологической работы в массах.

Затем – два годы службы в пограничных войсках, где Черненко вступил в ВКП(б) и был избран секретарем парторганизации 49-го погранотряда, дислоцированного в Талды-Курганской области.

Вероятно, эта малозаметная строка так бы и осталась никому не известной, закончи Черненко свой трудовой путь в должности начальника канцелярии секретариата Президиума Верховного Совета СССР. Но он, как оказалось, вопреки всякой логике стал первым лицом в партии и государстве. В биографии в этом случае должны быть героические страницы, если и не связанные напрямую с войной, то хотя бы с армией. Сталин, Хрущев, Брежнев в войне нашли свою славу. Один стал, как известно, единственным за советское время генералиссимусом, а второй и третий – двухзвездными генералами. А после войны Брежнев «сподобился» и маршальского звания, когда стал генсеком. Даже Андропов, не бывавший на фронте, как выяснилось в результате тщательных поисков, «формировал в Карелии партизанские отряды»…

Ничего невозможного в партийных биографиях советских вождей не может быть. И у Черненко в биографии нашлись «героические строки». В Казахстане (именно там служил в погранвойсках Черненко), как писал литератор Н. Фетисов, состоялось «боевое крещение» будущего генсека. Писатель приступил к подготовке книги о службе молодого воина на заставах Хоргос и Нарынкол – «Шесть героических суток».

Фетисов все пытался уточнить детали о конкретном участии Черненко в ликвидации банды Бекмуратова, о бое в ущелье Чебортал, жизни погранотряда. Даже письмо об этом писал генсеку, вопрошая Константина Устиновича: «Интересным развлечением пограничников заставы Нарынкол было любоваться игрой любимцев пограничников – козла, собаки и кота. Помните ли это?»{923}

Нам неизвестно, ответил ли Черненко писателю о «козле» и других животных на заставе. Думаю, что если бы шестой лидер СССР побыл в своей должности не 13 месяцев, а раза в три-четыре больше, то вполне могла бы появиться книга, что-нибудь наподобие «Малой земли» Брежнева, а сам Черненко стал бы Героем Советского Союза. Впрочем, «Песня пограничников» все же успела родиться и была посвящена «ветерану Краснознаменного Панфиловского отряда товарищу Черненко Константину Устиновичу». Правда, я не помню, чтобы ее исполняли на телевидении или по радио. Возможно, причина заключается лишь в крайне примитивном качестве вирш. Вот один из четырех куплетов:

> Сгущались тучи над границею, чернея…
> Бандитам путь в страну Пемуров преградил.
> В бой вел нас Константин Устинович Черненко.
> Парторг всегда был в жарком деле впереди{924}.

Тут, ясное дело, только на сюжете со «страной Пемуров» трудно высечь героическую искру. Зато после долгих поисков нашлись более серьезные эпизоды из жизни генсека.

Кто-то из дотошных исследователей жизни генсека (таких у каждого «вождя» было немало) раскопал фронтовую газету «В бой за Родину» за 29 сентября 1942 года. Там была обнаружена заметка в два десятка строк за подписью красноармейца И. Казакова. Информация небольшая, поэтому я приведу ее полностью.

«В связи с 25-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции на наш фронт приехала делегация трудящихся Красноярского края. Делегацию возглавляет секретарь Красноярского крайкома ВКП(б) по агитации и пропаганде тов. К.У. Черненко.

Рабочие, колхозники, интеллигенция Красноярского края прислали письмо воинам нашего фронта, в котором рассказывается о героической работе в тылу – на заводах, в колхозах, совхозах. Делегация привезла нашим фронтовикам 59 вагонов различных подарков. В числе подарков – мясные и

кондитерские изделия, масло, табак, мед, водка, теплые вещи и т. д.

В ближайшие дни делегаты выезжают в части»{925}.

Об этом примечательном факте из биографии Черненко много сообщали разные газеты спустя сорок лет после события, но книгу написать не успели. Как и о том, что в 1943, 1944, 1945 годах, до окончания войны, Константин Устинович учился в Москве в высшей школе парторганизаторов. На фронт он не просился. Деятельность этого тридцатилетнего человека в годы войны была оценена лишь медалью «За доблестный труд», первой пока наградой. Они посыплются на него позже, когда он будет немощным старцем.

Чтобы закончить былинные сюжеты героического прославления генерального секретаря, напомню о еще одной попытке создать легенду. Вскоре после того как состоялась коронация генсека, в ЦК поступил из Красноярского края (родина Черненко) пакет с рукописью пьесы «Человеком ставится, человеком славится». Главный герой сценария, конечно, Константин Устинович, проявивший свои необыкновенные качества руководителя еще в Сибири{926}. Пьесу, как и песню, не успели или не сочли приличным (из-за качества) сделать продукцией массового искусства. Фамилии авторов этих произведений, по понятным причинам, не привожу. Пьеса примерно такого же уровня, что и песня о Черненко… Но людей на этот труд благословили партийные комитеты.

Затем три года Черненко трудился в Пензе секретарем по идеологии, а с 1948 года до 1956-го, целых восемь лет, Черненко заведовал отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Молдавии. Это были для него решающие годы. Здесь республиканский идеолог летом 1950 года познакомился с Л.И. Брежневым, новым первым секретарем ЦК КП(б) республики. Друг другу они понравились. Даже очень. Взаимная симпатия оказалась долгой и устойчивой – до конца жизни.

С помощью Брежнева Черненко совершил выдающуюся, уникальную партийную карьеру, начав с основания иерархической пирамиды до самой ее головокружительной вершины.

Главные, основные годы, когда Черненко сформировался как почти идеальный партийный чиновник, приходятся на работу в Центральном Комитете. Всего пробыл Черненко в этом «штабе», как любили в докладах говорить члены политбюро и секретари ЦК, целую четверть века. Из них почти 18 лет заведующим общим отделом Центрального Комитета; с 1976 года – секретарь ЦК, затем кандидат в члены политбюро и член политбюро, то есть

Константин Устинович четыре года являлся полноправным членом высшей партийной коллегии.

Именно при Черненко роль общего отдела в аппарате ЦК стала особенно заметной, влиятельной, элитной. Среди более чем двадцати отделов ЦК общий отдел всегда исполнял роль главной канцелярии партии, был создателем, хранителем и толкователем ее документов и тайн. Состоял отдел из шести секторов общей численностью около 150 человек. Если другие сектора, а их, повторю, было всего в ЦК более 200, имели конкретные, содержательные наименования (например, сектор Украины и Молдавии, сектор газет, сектор философских наук, сектор драматических театров, сектор атомной энергетики, сектор органов госбезопасности, сектор США и Канады, сектор экономики и т. д. в составе соответствующих отделов), то в общем отделе сектора были номерные.

По старой партийной традиции этот отдел был хранителем всех главных тайн и секретов партии, совершенно закрытого архива политбюро. Впрочем, давайте полистаем запись беседы заведующего общим отделом секретаря ЦК Черненко с руководителями секторов «своего» отдела в июне 1976 года.

В кабинете Черненко – ведущие работники отдела Боголюбов К.М. (человек, который в 1982 году сменит шефа на этом посту), Аветисян СП., Антипов А.И., Егоров М.А., Ермолаева К.Г. и еще около десятка человек. Держа перед собой бумажки (Черненко практически никогда без подготовленного текста не выступал, хотя и проработал добрую половину своей жизни пропагандистом), заведующий своей невнятной скороговоркой, делая к месту и не к месту паузы, поглядывая на листочки, говорил: «…следует ввести или освежить в памяти уже существующие порядки, которые в последнее время почему-то стали запросто нарушаться… А в наших делах, в делах общих отделов – это недопустимое явление…» Далее Черненко сославшись на Брежнева, произнес нечто очень важное, раскрывающее глубинную суть работы общего отдела.

«…Мы никогда не должны забывать о том, что общие отделы (а значит, и работники общих отделов) являются преемниками *особых отделов и особых секторов партийных комитетов* (курсив наш. – *Д.В.*). Помня это, надо иметь в виду, что изменилось только название отделов, но существо особых задач и особых приемов в работе не изменилось. Наоборот, эти особые черты подхода к решению вопросов в работе общих отделов стали более обязательными, более масштабными и более сложными»{927}.

Общий отдел (читай «особый») контролировал всю информацию, поступающую и исходящую из ЦК, скрупулезно

следил с помощью «особых приемов», как выразился Черненко, за использованием документов, работой над ними, чтобы с основного пульта управления, по словам зав. отделом, «всеми материалами в любое время мы могли давать справки секретарям ЦК, членам политбюро и товарищам, кому полагается выдавать эти справки»{928}.

Подразделение Черненко в ЦК, по сути, контролировало всю документальную сторону управленческой деятельности «штаба», зорко стерегло чекистскую стерильность материалов в смысле их поступления только тому, «кому положено». Впрочем, Черненко на этом же совещании, о котором мы говорили выше, заявил: «… одно из важнейших требований, отличающих общие отделы, состоит в конспиративности работы… Я уже говорил, что конспиративность можно обеспечить только тем, что мы будем не расширять, а сужать число людей, работающих с тем или иным секретным документом… добиваться 100-процентного исключения всевозможных лазеек, способствующих утечке информации…»{929}

Как чиновник самого высшего разряда, Черненко долго наставляет подчиненных о необходимости особой бдительности в сохранении «печатей и факсимиле секретарей ЦК». Заведующий общим отделом и будущий генсек не только дает «методологические» установки по конспирации, секретности, бдительности, но и формулирует конкретные правила. Например, «печати и факсимиле должны храниться в отдельных сейфах. Сейфы должны иметь два замка. Ключи от этих замков должны находиться у разных лиц…». На многих страницах указаний Черненко следуют советы, как хранить «особо важные документы», с «чьего разрешения должны вскрываться пакеты», как сберегать «ролики после микрофильмирования», каким образом вести «строгий учет всех копировальных и иных аппаратов…»{930}. Перед нами типичный чиновник секретного отдела.

С трудом верится, что скоро этот дотошный чиновник станет первым лицом в партии и государстве.

Но, конечно, главные его указания, как и подобает руководителю общего (особого) отдела, касаются конкретных политических вопросов. «Я обращаюсь к товарищам, – продолжает инструктировать будущий генсек, – еще раз по вопросу голосования. Никто и никогда без особых на то указаний не должен давать справки о том, кто и как голосовал…[23] Голосование и другие документы, к которым имеют отношение секретари ЦК КПСС, члены политбюро, кандидаты в члены политбюро, являются абсолютной тайной…»{931}

Черненко в своем бюрократическом инструктаже способен подниматься до патетических обобщений: «…мы с вами представляем прежде всего аппарат Политбюро и Секретариата ЦК… А это само по себе означает, что мы, работники общих отделов, являемся самыми близкими, самыми доверительными к ним людьми…»{932}

Разумеется, стенограмма этого инструктажа зафиксирована с грифом «совершенно секретно», а все ведущие работники были обязаны поставить свою подпись на специальном листе в подтверждение того, что они ознакомлены с «указаниями секретаря Центрального Комитета».

Черненко лелеял большевистские традиции сверхсекретности и закрытости «штаба» партии, и не только его. Он не забыл, что когда в 1956 году его затребовал из Кишинева в ЦК Брежнев, то после назначения ему предложили подписать типовое «Обязательство», какое были должны скрепить своим автографом все сотрудники ЦК. В «Обязательстве» указывалось:

«Я, нижеподписавшийся Черненко Константин Устинович, состоя на работе в аппарате ЦК КПСС или будучи уволенным, настоящим обязуюсь хранить в строжайшем секрете все сведения и данные о работе, ни под каким видом их не разглашать и ни с кем не делиться ими.

Мне известно, что за нарушение данного мной обязательства я несу ответственность по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 года.

Так же обязуюсь сообщать Управлению делами ЦК ВКП(б) обо всех изменениях в сведениях, указанных в моей последней анкете, и в частности о родственниках и знакомых, связанных с иностранцами или выехавших за границу.

8 сентября 1956 г.

К. Черненко»{933}.

Подобные большевистские традиции людьми типа Черненко сохранялись и «обогащались…». Неукоснительно. Общий отдел стал не только главным хранителем документальной ауры партии, но и превратился, в силу особо близких отношений заведующего с генсеком, в его личную канцелярию. При поддержке Брежнева в аппаратах и других партийных комитетах роль общих отделов резко возросла. Это признал и сам генсек, выступая 19 мая 1976 года на V Всесоюзном совещании заведующих общими отделами партии. Брежнев, при общем радостном оживлении и последовавших аплодисментах зала, заявил: «…раньше были не отделы, а сектора, по 2–3 человека. А теперь – отделы, да какие! Вот как выросли! Это очень хорошо!»{934}.

Рост бюрократического аппарата, хранившего тайные (и не очень) бумаги, печати, ключи, руководство партии оценивало как показатель прогресса, развития, совершенствования! Внутренняя жизнь ЦК всегда была особой тайной. Как, впрочем, и других партийных «штабов». Помельче. Сотни тысяч людей: секретари, заведующие, заместители заведующих, руководители секторов, инспектора, инструктора, бесчисленное число работников партийных здравниц, партийных больниц, поликлиник, столовых, пошивочных мастерских, библиотек, архивов, музеев, автобаз, гостевых домов… составляли своеобразную касту в обществе, которая, хотя бы немного, хотя бы в частностях (а иногда и весьма существенных), имела свои привилегии. Черненко был идеальным выразителем интересов партийного чиновничества, партийной бюрократии, не раз ставившим и решавшим вопросы улучшения денежного, медицинского, квартирного обеспечения многочисленных работников аппарата.

Когда генсеку осталось жить менее двух месяцев, он поручает помощникам подготовить записку в политбюро «О создании базы для организованного отдыха партийных работников в центре и на местах»{935}. Будущему генсеку оказалось мало повышения значимости общего отдела в центре, он добился усиления веса таких отделов в регионах. По его инициативе стали регулярно проходить региональные совещания работников «бумажного» ведомства. Так, в июле 1978 года, добавив к своему секретарскому титулу еще более почетный – кандидат в члены политбюро, – Черненко провел совещание у себя на родине, в Красноярске. Съехались в красивый город на Енисее работники общих отделов Сибири и Дальнего Востока из 21 края и области. Черненко, лично сюда пожаловавший, в докладе сказал (он очень любил итоговые цифры), что на всех зональных совещаниях работников общих отделов в партии «выступило 330 человек»{936}. Это звучало так же значимо, как если бы Сибирь получила в 1978 году на миллион тонн стали или зерна больше…

Бюрократическое мышление, бюрократические категории, бюрократические критерии властвовали в общественном сознании. Но если бы такие общесоюзные и зональные совещания проводили только общие отделы! Их проводили также отделы: организационно-партийной работы, пропаганды, науки, культуры, тяжелой промышленности и энергетики, машиностроения, сельскохозяйственного машиностроения, сельского хозяйства и пищевой промышленности, химической промышленности, оборонной промышленности и все другие многочисленные отделы ЦК. Гигантская бюрократическая машина, освященная ленинскими лозунгами и решениями Центрального Комитета,

медленно, но неуклонно двигала своими бумажными шестернями, изрыгая все новые планы, новые обращения, пространные резолюции, высокие указания, ценный «обобщенный опыт», обязательные «критические замечания», бесчисленные доклады, отчеты, сведения об оргвыводах…

Бюрократизация системы, сцементированной догматизмом, выдавалась за подлинный демократизм, совершенствование всего механизма управления. Но, конечно, «высшей ленинской школой руководства и управления строительством коммунизма, – писал К.У. Черненко (точнее, его референты и помощники), – являются съезды КПСС, пленумы ЦК партии, деятельность Секретариата и Политбюро ЦК КПСС»{937}.

Люди, выросшие в этой среде, каждодневно сталкиваясь с фактами социального дуализма – одно на словах, другое на практике, одно в лозунгах, другое в действительности, – привыкали к этому стилю мышления, образу жизни и бюрократическим канонам.

Черненко работал много и самозабвенно. Он любил канцелярию, все ее порядки, шелест «особых» бумаг и мерцание компьютеров. Обладая скромными интеллектуальными возможностями, он их компенсировал прилежанием и верноподданническим усердием. Почти все время, иногда и в воскресенье, проводил на работе, в отделе. Его семья – жена Анна Дмитриевна, дочери Елена и Вера, сын Владимир – не часто видела отца дома, в быту довольно ровного и спокойного человека.

Жизнь человека многострунна. Это детский смех и солнечные пятна на лице матери, увлечения и разочарования, друзья и недруги, открытия и тупики. Жизнь – это сотворение, пульсация мысли, ожидание и надежды. Мы часто, особенно в молодости, думаем, что она, жизнь, – бесконечна, бездонна, беспредельна. Но и в старости она прелестна своей успокоенностью, склонностью к пиршеству воспоминаний и философствованию. Меня всегда занимала мысль: неужели старцы типа Брежнева находили духовное отдохновение в лести, наградах, холуйстве, вельможных наслаждениях? Мог ли что-нибудь вспомнить Черненко «для души», кроме совещаний, «Особых папок», факсимиле секретарей, тайных докладов, сенсационных шифровок? Никто и никогда этого не скажет доподлинно. Человеческий «космос» исчезает, как только его обладатель уходит в мир иной.

По своему положению Черненко очень, очень много знал… Но никогда, ни в одном своем выступлении он не отошел от напечатанной строки и не поразил слушателей каким-то потрясающим личным наблюдением, лирической сентенцией,

обращением к арсеналу мудрецов…

Нет. Это был Большой Жрец неумолимой, мощной, отлаженной, постоянно работающей бюрократической машины. Черненко стал гигантом по должности, но остался карликом духа.

Черненко был не только чиновник, но и «особист». В его кабинете находилась аппаратура, с помощью которой можно было прослушивать разговоры самых высоких сановников на Старой площади, в том числе и располагавшихся на пятом этаже основного здания ЦК. Этот этаж – обиталище основных членов политбюро: генсека, партийного инквизитора Суслова, других самых влиятельных бонз режима. Черненко знал об аппарате ЦК, заведующих отделами, секретарях ЦК, членах и кандидатах политбюро больше других. Поэтому при кадровых перестановках Брежнев советовался прежде всего с ним: его поражало знание заведующего общим отделом самых личных и даже интимных деталей жизни и быта высоких партийных руководителей.

В конце «правления» Брежнева Черненко просто отдавал распоряжения от имени генсека: организационные, идеологические, кадровые, финансовые, касающиеся аппарата ЦК. Блюститель партийных тайн усовершенствовал бюрократическую машину большевистского «штаба» до самых высоких кондиций. С его участием была осуществлена компьютеризация аппарата и налажен особый контроль за информацией, заложенной в технические системы. По инициативе Черненко и под его «общим руководством» между Кремлем, где проходили заседания политбюро, и Старой площадью, где размещался аппарат Центрального Комитета, создали подземный канал пневматической почты, доставлявшей необходимые бумаги туда-обратно за считаные мгновения. Конечно, Черненко, доложив Брежневу об этом бюрократическом шедевре, удостоился Государственной премии.

У каждого человека – свое пространство души. У Черненко оно очерчено инструкциями общего отдела ЦК…

Черненко любил бумаги. Во время многолетнего заведования общим отделом он довел почти до совершенства канцелярскую работу в ЦК, ее организацию, учет, конспирацию. Глядя на своих партийных начальников, обязательно выпускавших по пухлому тому речей и статей (которые почти никто и нигде не читал, думаю, даже «авторы»), тоже болел «творческими муками». В его фонде есть несколько вариантов названий книг (написанных, конечно, другими) – «Некоторые вопросы ленинского аппарата», «Вопросы творческого развития стиля в работе партийного и государственного аппарата», «Ленинский стиль в работе аппарата» и другие подобные изыски{938}. Читать эти материалы

невозможно, сворачивает скулы от скуки. Как писала парижская «Русская мысль», надо было иметь очень много сил, «чтобы прочитать его загаженные мертвечиной книги и статьи, исследовать его речи и его политические маневры и открыть ту эволюцию, которую незаметно для окружающих проделывал апостол партийной власти…»{939}.

Справедливости ради скажем, что «труды» его друзей и соратников, написанные также помощниками и референтами, не выделялись особо по сравнению с «творчеством» Черненко в лучшую сторону.

Усилиями Черненко, как одного из ярких выразителей бюрократической сути системы, государство и партия оказались в плену не только догм, но и бумаг. Похоже, это стал понимать и сам новый генсек. Выступая на политбюро вскоре после своего избрания, Черненко признал, что в партии и стране «растет поток переписки, *бумагооборота* (курсив мой. – *Д.В.*), который буквально захлестывает центральные органы. Разве это нормально? Несомненно, нам следует навести порядок в этом деле»{940}.

Но «порядок» и «в этом деле», и в других наводить было трудно. Директивная экономика, достаточно эффективная в чрезвычайных ситуациях войны, террора, диктатуры, уже не могла «прибавить». Страна усиленно проедала, продавая Западу, природные ресурсы. В течение 1984 года, в то время когда во главе партии и государства стоял К.У. Черненко, правительство закупило около 46 миллионов тонн зерна и зернопродуктов, около 500 тысяч тонн мяса и мясопродуктов, свыше 1 миллиона тонн масла животного и растительного и других продовольственных товаров на общую сумму 8 млрд. рублей в свободно конвертируемой валюте.

Колоссальные валютные средства были направлены на закупку проката черных металлов и стальных труб, химической продукции, промышленных товаров народного потребления. Почти 60 процентов, докладывал в политбюро Б.И. Гостев, заместитель заведующего экономическим отделом ЦК КПСС, использованных средств в свободно конвертируемой валюте ушло на импорт продовольствия, черных металлов, химическую продукцию и промтовары широкого спроса. И это при том, что у нас покупались только нефть, газ, древесина, некоторое другое сырье…

Данная справка, подготовленная думающим экономистом Б.И. Гостевым, является, по сути, приговором эффективности социалистической экономики.

А то, что приобретали за рубежом, если говорить об

оборудовании, использовалось исключительно плохо. По состоянию на 1 января 1985 года не было введено 506 закупленных комплектов оборудования, у половины которых уже истекли сроки гарантии. Большинство предприятий, созданных на базе импортного оборудования, в силу ряда внутренних причин по многу лет не могут выйти на проектную мощность. Например, на Братском лесопромышленном комплексе по производству вискозной целлюлозы в течение 10 лет не в состоянии наладить работу на импортном оборудовании.

Но руководители, зная качество отечественного, советского оборудования, добиваются новых и новых закупок импортного. Если в 1983 году в Госплан СССР поступило 725 заявок на импорт оборудования, то в 1984 году – уже 924 заявки. Большая часть доставленного оборудования подолгу, иногда годами, лежала без движения.

Однако предложения экономического отдела ЦК сводятся, в свете столь удручающей картины, к «усилению контроля за выполнением постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 декабря 1983 года, повышению ответственности кадров за обоснованность закупок за границей…»{941}.

Люди из экономического отдела в итоге, не имея возможности сказать всего о причинах углубления экономических деформаций, лишь следовали той порочной политической методологии, которая сложилась в КПСС давно.

Подобные справки о кричащем неблагополучии в промышленности, сельском хозяйстве, финансах, строительстве, других сферах жизни доходили до Черненко часто. Он их иногда бегло просматривал (генсек чрезвычайно слабо разбирался в экономических, хозяйственных, финансовых вопросах), ставил односложные резолюции: «Т. Долгих, ознакомьтесь и подготовьте предложения»; «Отдел тяж. пром. Учесть в работе»; «Романову Г.В. для принятия мер» и т. д.

Главный чиновник партии и государства считал, что его генсековской резолюции достаточно, чтобы кардинально повлиять на положение дел, изменить ситуацию, добиться улучшения состояния отрасли. Бюрократическое мышление не было способно осознать генетическую неэффективность внеэкономических механизмов системы, историческую обреченность командного управления гигантским комплексом. Но даже если бы и осознавало, оно, это мышление, было не в состоянии решить: что же делать? Что предпринять? Поэтому мысль «вождя» текла по привычному желобку – поступать так, как делали всегда. Когда услужливые помощники докладывали Черненко, допустим, предложения о повестке дня очередного

заседания политбюро, он тут же соглашался, оставляя на документе свою визу. Например, считалось необходимым обсудить «жизненно важный» вопрос: «О плане организационно-пропагандистских мероприятий по реализации решений апрельского (1984 г.) Пленума ЦК КПСС, положений и выводов, содержащихся в речи Генерального секретаря ЦК КПСС т. Черненко»{942}. Генсек, конечно, соглашался с постановкой на политбюро этого «ключевого» вопроса.

В этой бюрократической, догматической заданности выражался политический и исторический тупик. Бесперспективность такого образа мыслей и действий проявлялась в неспособности осознать ущербность тотального администрирования. Упомянутая записка Б.И. Гостева о фактической катастрофе (что значит закупать ежегодно на многие сотни тонн золота около 46 млн. тонн зерна (!) при собственном гигантском агропромышленном комплексе, который, кстати, несколько лет курировал Горбачев) не рассматривалась на заседании политбюро, а вот такой, например, вопрос, что подарить членам корейской делегации во время ее визита, – голосовался. И Черненко, и его «соратники», кстати, согласились, что Ким Ир Сену следует презентовать златоустовскую шашку с позолотой, вазу фарфоровую «Буревестник», погребец с набором советских винно-водочных изделий. Ну а О Дин У, Кан Сен Ену и другим членам делегации – ружья, часы не в золоте, а в яшме, тоже погребцы и т. д.{943} Такой вопрос, как подарки гостям ЦК, оказался важнее, чем «анатомический» анализ крушения советской экономики…

В этих вопросах, связанных с рассмотрением формальных, протокольных, часто очень мелких вопросов, генсек чувствовал себя неизмеримо более уверенно, чем при обсуждении проблем социальных, экономических, финансовых. В последних случаях он не ввязывался в обсуждение, а лишь оглашал «заготовки» помощников. Черненко оживлялся лишь во время долгих, монотонных заседаний, когда члены политбюро зачитывали подготовленные их аппаратом выступления по идеологическим вопросам. Мне, к слову, самому не раз приходилось, проходя службу в Главном политуправлении советской армии и флота, готовить такие краткие тексты для члена политбюро Д.Ф. Устинова. Я обычно в смятении думал: так кто же руководит нами?

Так вот, когда рассматривались идеологические вопросы, у Черненко возрастала активность. При обсуждении так называемых «Призывов ЦК КПСС» к какому-либо советскому празднику генсек вносил свои личные поправки, корректировки в

лозунги, которые давным-давно не затрагивали ни умы, ни сердца миллионов людей великого народа.

«Да здравствует марксизм-ленинизм, вечно живое революционное интернациональное учение! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

«Да здравствует КПСС! Непоколебимое единство партии и народа, верность заветам великого Ленина – залог всех наших побед!»

И подобные призывы-«откровения» на нескольких страницах, которые после утверждения на политбюро тиражировались сотнями газет, материализовались во множестве лозунгов, но на них никто не обращал внимания…

Генсек верил, что марксистско-ленинская идеология, как духовная униформа для всех советских людей, способна дать новое дыхание стагнирующему обществу.

Всесоюзный чиновник в тоге генерального секретаря не видел противоречия в том, что «залогом всех наших побед» мы твердо располагали, как и «вечно живым» учением, а вот фантастически огромную часть национального достояния отдавали за рубеж, лишь бы как-то прокормить народ…

Черненко не усматривал в этих антиномиях трагического парадокса, не понимал, не видел глубины приближающегося тотального кризиса. Ум чиновника был не в состоянии оценить надвигающуюся опасность.

Человека нельзя лишить того, чем он не обладает… Так же, как человек вправе думать, что не существует того, чего он не знает.

Фаворит Брежнева

Люди любят покровителей. Даже те, кто не подозревает об этом, не прочь укрыться в тени авторитета Бога, Мифа, Идеи.

Советская история унаследовала многое из жизни Российской империи: мессианство, отсутствие демократических традиций, господство самодержавного мышления, ставку на военную силу, неуважение к свободе. Но политический фаворитизм, как распространенное явление российского династического бытия, в советской действительности просматривался с трудом. Большевистские главные вожди боялись фаворитов, предпочитали быть на верхушке власти в одиночестве, удерживая своих «соратников» и соперников на почтительном расстоянии.

В качестве «фаворитов» у лидеров РСДРП-РКП(б) – ВКП(б) – КПСС были явления, политические институты, процессы, но не конкретные люди. Ленин, допустим, видел до революции своими фаворитами «профессиональных революционеров», а после октябрьского переворота – «чекистов»; Сталин, став «Лениным сегодня», сохранил свою неизбывную любовь и фаворитизм к всемогущему НКВД; Хрущев попытался сделать своими «фаворитами» реформы. Но он не знал, что в России иногда удаются революции, а реформы почти никогда. Андропов, многолетний шеф государственной безопасности, имел, естественно, склонность к «кагэбизации» всего СССР. Чека как фаворит Ленина оказалась самой живучей.

Мелькнувший на советском политическом небосклоне и почти не замеченный историей Черненко питал пристрастие, даже любовь, к могущественному «Документу» – символу бюрократической универсальности. Наконец, любимец Запада и отторгнутый в немалой мере собственным народом Горбачев видел своих фаворитов в лице «гласности» и «перестройки». Достойные фавориты. Однако он, нанесший страшный удар по коммунизму, остался фактически правоверным социалистом.

А что же Брежнев? Нет, не упомянув его выше, я не забыл этого человека, который дольше всех после Сталина управлял гигантской страной. Пожалуй, он был единственным из высших советских вождей, кто имел персонифицированного фаворита. В «классическом» выражении. Это знало все высшее руководство. При всей закрытости жизни партийного Клана ведали об этом и многие советские люди. Хорошо известно было и заграница, кто являлся фаворитом Брежнева.

Вы это тоже знаете: Константин Устинович Черненко.

Познакомились Брежнев и Черненко в июле 1950 года в

Кишиневе, где уже два года Константин Устинович работал заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК республики, а Леонид Ильич приехал, чтобы «избираться» первым секретарем, фактически советским губернатором Молдавии. Их отношения были не дружбой, а, скорее, деловыми контактами благожелательного патрона с одним из своих подобострастных подчиненных. Но у Брежнева что-то осталось в душе и памяти об этом среднего роста, сутуловатом человеке с невнятным говорком. Черненко никогда шефу не возражал, был строго пунктуален, всегда кстати приносил нужную справку, делал вовремя нужное предложение, исправно поставлял Брежневу тексты многочисленных речей, выступлений, статей «первого» для республиканской газеты. Конечно, писал их не Черненко; он никогда так и не научится складно «лепить» фразы ни устно, ни письменно.

Готовили речи для Брежнева его инструктора, а Черненко лично передавал их «первому». Услужливость и какая-то особая исполнительская «нужность» в этом заведующем отделом сохранилась в памяти у Брежнева. Тем более что, когда он уже уехал в Москву, Черненко регулярно напоминал о себе подобострастными поздравительными письмами и телеграммами по случаю праздников, дней рождения, награждения и т. д.

Когда Брежнев после непродолжительной работы в ЦК (был секретарем и кандидатом в члены сталинского Президиума), Главпуре, Казахстане вновь оказывается в 1956 году в Москве и вновь – секретарем и кандидатом в члены Президиума, он тут же вскоре использует свое влияние для перевода Черненко в Москву, чего тот страстно желал. Это было мечтой Черненко. Столица! В том же году республиканский пропагандист Черненко К.У. назначается заведующим сектором отдела пропаганды. Должность не очень крупная, если иметь в виду, что в аппарате ЦК, как я уже сказал, насчитывалось более 200 секторов. Но отсюда можно было попасть (если повезет) сразу первым секретарем обкома или крайкома, заместителем министра. Но Черненко никуда не собирался «прыгать». Рядом, хотя и на много этажей партийной иерархии выше, находился его благодетель. Черненко осторожно, ненавязчиво напоминал о себе Брежневу и здесь. Несколько раз испрашивал разрешения встретиться с Леонидом Ильичом и приходил к нему в кабинет с воспоминаниями о солнечном Кишиневе (где Брежнев, любитель «пожить», еще был относительно молод), по-прежнему исправно поздравлял густобрового секретаря ЦК. Для сентиментального Брежнева Черненко стал чем-то вроде доброго, благожелательного «земляка», близкого «однополчанина».

Поэтому, как только Брежнев в 1960 году занимает пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, он вскоре «выхлопатывает» к себе из ЦК Черненко начальником секретариата, на сугубо канцелярскую должность. По характеру работы они почти каждый день встречаются. Брежневу по-прежнему нравится пунктуальность Черненко в работе с бумагами, письмами, проектами указов. Человек в канцелярии наконец нашел себя, почувствовал свое призвание. Какой он идеолог, «теоретик» с весьма «легким», мягко говоря, образованием! На ниве пропаганды и агитации Черненко никогда не выдвинул ни одной заметной идеи, даже местной новации, не предложил хоть чуть-чуть оригинальной формы или метода идеологической работы. Этот человек, исполнительный по своему характеру, всегда был на вторых ролях. А в качестве начальника секретариата быстро проявил себя как въедливый канцелярист, любящий учет, порядок, четкую организацию в бесчисленных бумагах, письмах, жалобах. Уже в это время Черненко часто оказывает Брежневу услуги личного плана, что еще больше сближает давних «сослуживцев». Конечно, в дружбе не должно быть благодетелей. Но это, по большому счету, и было не дружбой, а взаимной, долгой привязанностью начальника и подчиненного.

Черненко, работая в секретариате Президиума Верховного Совета СССР, по долгу службы постепенно неплохо разобрался в хитросплетениях государственной машины с партийным двигателем. Ему часто приходилось иметь дело с крупными чиновниками Совета Министров, Госплана, творческих организаций, сотрудниками КГБ, МВД, Министерства обороны, руководящими функционерами из провинции. Незаметно из него вырос опытный, тертый, ловкий чиновник при высоком должностном лице. Черненко ни разу не «подставил» своего патрона, не вызвал его гнев опрометчивым поступком. Он оказался стабильно нужным своему начальнику человеком.

Брежнев очень любил лесть; Черненко на нее не скупился. К этому мы еще вернемся. Брежнев никогда не перегружал себя работой. Его начальник канцелярии то и дело напоминал шефу: вы так много трудитесь, поберегите себя. Брежнев любил «кадровые» новости не только самого верхнего уровня. Черненко постоянно был в курсе. Начальник канцелярии всегда вовремя подсказывал шефу, чтобы «не забыли» приближающегося юбилея известного, заметного человека, не обошли его высокой наградой или званием. В течение пяти лет Черненко работал начальником секретариата Президиума Верховного Совета СССР и стал «гроссмейстером» своего дела.

Кто мог бы подумать, что человек в сером костюме, с неизменной папкой с бумагами в руках появляющийся в приемных высоких руководителей, – будущий «вождь» партии и государства!

Естественно, что, когда после смещения Хрущева в октябре 1964 года Брежнев становится первым секретарем (с апреля 1966 года должность стала вновь именоваться, как в ленинские времена, генеральный секретарь), он тут же, в начале 1965 года, забирает к себе Черненко. Благо теперь для этого уже никого просить было не надо.

Чиновник поднимается на новую высокую ступень, он утверждается на политбюро заведующим общим отделом ЦК КПСС. На этом посту он пробудет почти 18 лет! – столько же, сколько Брежнев будет стоять во главе партии и государства. Даже став, по инициативе Брежнева, в 1976 году секретарем ЦК, в 1977 году кандидатом в члены политбюро, а в 1978 году членом политбюро, Черненко продолжает руководить общим отделом ЦК. Более того, «поднявшись» в феврале 1984 года, после кончины Андропова, став генеральным секретарем, Черненко оставил за собой «курирование» этого отдела! Превратившись в политического лидера одного из самых могущественных государств мира, человек в душе не мог отойти от партийной канцелярии, которую по-настоящему любил!

Почему Брежневу был необходим Черненко? В чем тайна их взаимной привязанности? Был ли «незаменимым» заведующий общим отделом?

Как мы уже писали раньше, наиболее близкие отношения связывали Брежнева с Андроповым, Устиновым и Громыко. Но все же эти отношения были продолжением партийной и государственной работы. Со временем, особенно когда на пленуме, после XXV съезда КПСС{944}, Брежнев предложил избрать Черненко секретарем ЦК, их отношения вступили в новую, более доверительную фазу. Черненко стал не только близким человеком, обслуживающим «вождя» политически и документально, но и лицом, которое постепенно начало исполнять за генсека всю черновую, рутинную работу. Это анализ большой почты, лично адресованной Брежневу; выработка предварительных решений; рассмотрение материалов и подготовка вопросов к заседаниям политбюро; предложения по высшим кадровым перестановкам в партии и стране. «Вождь», обремененный к этому времени многочисленными проблемами со здоровьем, не только тяготился, но и не имел желания ежедневно рассматривать сотню-полторы документов. Черненко, работая с высшими документами, вначале осторожно советовал, какое

принять решение по тому или иному вопросу, а позже, последние три-четыре года жизни Брежнева, нередко от его имени вершил большие дела. Черненко стал тенью «вождя», его головой и правой рукой, особенно после того, когда по предложению генсека заведующего общим отделом в течение двух лет поднимают, как на лифте, от секретаря ЦК, кандидата в члены политбюро до полноправного членства в этой высшей партийной коллегии.

Я могу точно и достоверно сказать, что ни с одним из членов политбюро или секретарей ЦК Брежнев не встречался так часто, как с Черненко. Фактически каждый день. Иногда по нескольку раз в течение суток. На этом фоне Горбачев, Гришин, Романов, Пономарев, другие «соратники» выглядели как очень редкие гости четвертого «вождя».

В рабочих записях Брежнева практически каждый день лаконичные пометы: «говорил с Черненко», «говорил с Черненко – подписал протоколы ПБ», «принимал и наговорился с Черненко», «надо рассказать Черненко», «говорил с Черненко затем с Громыко Андроповым Устиновым», «Много раз говорил с Черненко», «Собрал Мишу Витусю Викт. Петр. Рябенко по их вопросу. Сказал о этом вопросе Андропову и Черненко», «уехал в Завидово был Черненко», «беседовал с Черненко», «Был в Завидово с Черненко», «разговоры с Черненко», «принимал Черненко – сума»… (орфография и пунктуация не изменены).

Продолжать можно бесконечно. Черненко он вспоминает, упоминает в своих записях чаще, чем всех членов политбюро, вместе взятых! Для генсека этот кашляющий, задыхающийся, невнятно бормочущий человек стал просто незаменимым. Например, только Черненко мог разбираться в безграмотных записках-ребусах, сочиняемых генсеком:

«Справки по Азербайджану. К.У.

Положи в дело до после съездовского периода Л. Брежнев».

Черненко стал как бы «начальником личного штаба» и самым близким советником генерального секретаря. Многие решения, особенно текущего характера, исходили прямо от Черненко, но от имени генсека. Заведующий общим отделом приобрел необычайное влияние в ЦК: его побаивались, ему льстили; старые члены политбюро шли к нему за «советом», в душе презирая задыхающуюся старую развалину, влезшую в душу генсека.

Стало обычным, когда накануне какого-то совещания, «мероприятия» в присутствии своих соратников генсек фамильярно обращался к Черненко: «Костя!» или без него – «Скажите Константину», «Я поговорю с Костей»… Все замолкали, усматривая в этом панибратстве дальнейшее укрепление позиций

фаворита.

Вскоре после того как Черненко стал секретарем ЦК, он проводил очередное Всесоюзное совещание заведующих общими отделами. Вечером 19 мая 1976 года, в последний день работы «особых» канцеляристов, Черненко вошел в зал заседаний вместе с Брежневым. Все, естественно, вскочили и устроили долгую, бурную овацию: вождь осчастливил их своим присутствием! Все понимали, что это стало возможным только благодаря влиянию Черненко.

Ничего особого, конечно, Брежнев в своей речи сказать не мог, да и не это было целью явления генсека канцеляристам. Брежнев хотел новой наркотической дозы похвал и славословия. А Черненко фактом присутствия генерального секретаря на совещании резко повышал свой престиж (к промышленникам, аграриям, химикам генсек обычно неохотно ходит, посылает туда других членов коллегии), а также постарался продемонстрировать свою особую преданность и любовь к Брежневу. Замысел полностью удался.

Брежнев в своей короткой речи отметил, что именно общие отделы организуют анализ корреспонденции и писем граждан, поступающих в ЦК, обкомы, крайкомы. Ведь в день ЦК получает, например, 1700–1800 писем (генсек не сказал, что большинство этих посланий – горькие жалобы людей на бесквартирье, засилье местных чиновников, тяготы быта и т. д.). К слову, жалоба – специфическое российское, советское явление, закрепляющее человека согбенным перед властями, покорным в ожидании милости…

Некоторые моменты речи Брежнева заслуживают того, чтобы их воспроизвести.

«…На прошлом совещании я дал вам указания, или, вернее, советы…» Брежнев уже говорит о себе так, как все вокруг говорили о нем: «Я дал вам указания».

«…Сейчас в стране два важных события, о которых говорят: установка бюста Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда у меня на родине, а также присвоение мне звания Маршала Советского Союза…»{945} Генсек уже полностью потерял контроль за приличием, готов вещать исключительно и только о себе, зная, что эта его любимая тема будет тут же рьяно подхвачена.

Черненко поднялся из-за стола президиума и в тон Брежневу под бурные аплодисменты зала произнес:

«Я думал, Вы придете в форме маршала. Раз нет, то я покажу всем присутствующим Ваш портрет в парадной маршальской форме…»

За председательским столом появляется большой, в рост человека портрет генсека в золоте маршальских погон и блеске бесчисленных орденов. Зал взрывается новым шквалом аплодисментов, словно страна взобралась на вершину коммунизма…

Черненко продолжает: «У нас сегодня большой праздник… Мы счастливы поздравить Вас со званием маршала… После Вашей речи мы обрели второе дыхание… Мы начинаем каждый день с мыслей о Ваших указаниях и требованиях… Ваше выступление одухотворяет нас… Спасибо за мое выдвижение секретарем ЦК и присвоение звания Героя Социалистического Труда…»{946}

Новый спазм аплодисментов и вскакиваний… Брежнев получил то, что хотел: очередную дозу славословия, лести, кликушеского подобострастия. Непревзойденным мастером подачи духовного наркотика, утоляющего тщеславие генсека, и был Константин Устинович Черненко. При своих выездах «на места» он первым делом передавал местным руководителям «привет от дорогого Леонида Ильича Брежнева», подчеркивая этим свою особую близость к первому лицу в партии и государстве.

Где только можно Черненко прославлял Брежнева. Конечно, это становилось тут же известно Леониду Ильичу. Даже в скучнейшей и пустой статье о ленинском стиле работы, которую Черненко подписал, он более десятка раз упоминает своего патрона к месту и не к месту{947}. Этим как бы задавалась партийная норма обязательного славословия первого лица в публичных выступлениях. Чем больше мы говорили о своих «вождях» в превосходной степени, тем больше унижали свое достоинство. Это стало очевидным и понятным, к сожалению, лишь после ухода этих «вождей».

Генсек отвечал Черненко своей искренней любовью, щедрыми наградами, продвижением по партийной лестнице на самый верх, полным доверием в любых делах. Дело дошло до того, что когда Брежнев отсутствовал на заседаниях политбюро, то по настоянию генсека в кресле председательствующего сидел член политбюро Черненко… Именно он вел заседания. Все видели аномалию этого положения, но неписаный партийный этикет и воля «первого» лица диктовали послушное поведение каждому члену синклита.

В фонде Брежнева, в качестве служебных бумаг, сохранилось немало личных записок генсека своему фавориту.

Накануне избрания Брежнева Председателем Президиума Верховного Совета СССР Черненко в очередной раз чувствует ухудшение своего состояния. Эмфизема легких преследовала его

все последние годы жизни. Заведующий общим отделом пишет записку генсеку, что все документы на предстоящую сессию проверил. Все в порядке. Но, к сожалению, несколько дней должен по настоянию врачей провести в постели. Очень переживает, что не будет на сессии во время исторического решения – избрания Леонида Ильича на столь высокий пост…

Брежнев диктует ответ:

«Дорогой Костя!

Твою записку получил. Спасибо. Однако огорчен, что ты приболел. Хочу сказать тебе, что приболеть может каждый. Важно, особенно в данном случае, самым строжайшим образом выдержать режим, который тебе предпишут т. Чазов и лечащие врачи.

Ты пишешь, что «ничего, это пройдет через день-два, и я выйду на работу». Не обижайся, но я даже рассмеялся. Думаю, какой прыткий: температура почти 40, а он сходил, видимо, в туалет, вышел оттуда, и температура стала 36,5. Так не бывает, Костя.

Дела идут хорошо, большое спасибо. Все налажено. И поэтому я от души желаю тебе доброго здоровья, а когда поправишься, там видно будет (поедем в Завидово).

С чувством глубокого уважения

14 июня 1977 года.

Л. Брежнев»{948}.

Брежнева, конечно, «единогласно» избрали на сессии Верховного Совета Председателем Президиума. Фактически генсек стал и главой государства. Подобострастное поздравление Черненко – тут как тут. Было подготовлено заранее. Генсек отвечает любимцу. Правда, при перепечатке рукописного текста в брежневскую записку вносятся стенографисткой знаки препинания (генсек же ими не пользовался)…

«Дорогой Костя!

С большим волнением я прочел твое поздравление в связи с избранием меня на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Твои слова в этом поздравлении не могли не тронуть моего сердца, не взволновать меня. Это письмо еще раз показало, насколько крепки дружба и отношения между нами.

Заседание сессии Верховного Совета прошло хорошо, я бы сказал, великолепно. Бесконечные аплодисменты. Особенно бурно было встречено выступление Михаила Андреевича Суслова. После него я выступил с благодарностью и обещал, как солдат, оправдать доверие нашей любимой Родины и нашей великой партии, сделать все, чтобы укрепился мир на земле и развивалось доброе сотрудничество между народами. Мой ответ был принят

депутатами очень тепло.

Считай, что ты был среди нас. Остальные дела идут нормально. Ты не волнуйся. Ну, еще раз говорю: не торопись, в этом необходимости никакой нет. На ближайшее время ты все сделал.

Обнимаю тебя, крепко целую, желаю выздоровления.

16 июня 1977 года.

Л. Брежнев»{949}.

Форма обращения, содержание записок генсека красноречиво говорят о сложившемся теперь характере отношений между этими людьми, которые сам Брежнев определяет как «крепкую дружбу». Впрочем, записки свидетельствуют не только об отношениях генсека к своему фавориту, но и дополнительно раскрывают чрезвычайно тщеславную, однако ценящую человеческое тепло натуру Брежнева.

Долгое время в высших кругах никто не воспринимал Черненко всерьез: обычный партийный функционер, может, более прилежный, пунктуальный, дотошный, чем большинство ему подобных. Никто от него никогда не слышал каких-то откровений, философских рассуждений или тем более интеллектуальной ереси. Заведующий общим отделом всегда молчал; затем как член политбюро тоже отмалчивался, когда обсуждались экономические, бюджетные, технические, военные, хозяйственные вопросы. Но неизменно в числе первых поддерживал Брежнева, пока тот еще мог что-то предлагать.

Иногда говорят: Брежнев готовил себе смену в лице Черненко. Не знаю, не уверен. Думаю, генсек понимал, что и так поднял партийного чиновника на огромную высоту. Ну а почему он оставлял его за себя (точнее, предлагал в свое отсутствие вести заседания Черненко), причем всегда? Думаю, дело в том, что Брежнев был абсолютно уверен в преданности своего фаворита, полной его предсказуемости, лояльности, способности последовательно провести «брежневскую» линию. Ведь он был тенью генсека.

Что касается «наследства», то имеется ряд свидетельств, которые говорят о том, что Брежнев, во-первых, совсем не собирался оставлять свой пост даже по болезни. А во-вторых, Брежнев не скрывал, что очень ценит ум и опыт Андропова. В. Черненко любил преданность и усердие, а в Андропове мышление и политическую основательность.

Как писал в своей книге Рой Медведев, когда А. Бовин однажды был у Андропова, раздался звонок по правительственной связи. «Говорил Брежнев. «Кто сейчас ведет Политбюро?» – неожиданно спросил Леонид Ильич. «Сейчас ведет заседания

Черненко», – ответил Андропов. «Для чего же мы тебя избрали секретарем ЦК? – сказал Брежнев. – Теперь уж ты должен вести все эти заседания».

Повернувшись к Бовину, своему ученику и другу, Андропов сделал неопределенный жест, выражавший явное удовлетворение»{950}.

Просто нужно констатировать другое: Черненко, поднявшись на большую высоту и оказавшись у самого подножия высшего поста партийного трона, мог, естественно, подумать: а почему не я? Столь необычная карьера в течение нескольких лет – от канцеляриста до человека, попавшего в первую шестерку самых влиятельных партийных вождей, – не могла не внушить и самому Черненко завышенные оценки собственных возможностей.

Удивляет другое. Находясь в окружении стариков, будучи глубоко больным и таким же старым, Черненко хотел еще больше власти, страстно желал высшего поста. Не удалось сесть в кресло генсека сразу после смерти Брежнева, постарался сохранить положение «второго» лица, не оставив, однако, затаенных надежд стать «первым». Думаю, такие люди, для которых власть – это и призвание, и отдохновение, и высшая ценность, не способны понять, что есть еще «кое-что» исключительно важное, кроме иерархии должностей…

Даже когда возвышение стало реальностью, Черненко, задыхаясь, согласился, даже не пытаясь отказаться, отвести свою кандидатуру, взвесить свои физические и интеллектуальные возможности. Он думал тогда не о народе, не о стране и даже не о партии, а лишь о себе. Именно о себе.

Не всякому дано понять, что в подобной ситуации честный отказ может поднять человека значительно выше, чем самый престижный пост. Но таковы уж политики, особенно с большевистской «косточкой». Ленин, болея более двух лет, не сделал ни одного серьезного движения, чтобы уйти с поста. Сталин на XIX партийном съезде лукаво высказал такое намерение, но с единственной целью: проверить, как поведут себя члены ЦК…

Способность отказаться, честно оценить свои возможности, подумать о людях, а не только о себе, – признак как благородства, так и государственной мудрости. Ни того, ни другого у Черненко не оказалось в минуту выбора.

После смерти Брежнева с необычайно пышными похоронами о нем, тем не менее, как-то сразу замолчали. Не только в печати, на радио, телевидении, но и в узком кругу, в политбюро. Брежнев уже оказался никому не нужен, в том числе и память о нем… Никто не вспоминал об ушедшем генсеке-маршале… Не стал

исключением и Черненко, полностью обязанный своей карьерой Брежневу.

Как пишет А.М. Александров-Агентов, помощник Черненко по международным вопросам, новый генеральный, не скрывая своей неприязни к умершему Андропову, остался в душе «брежневцем». Став генсеком, вспоминал помощник, Черненко в узком кругу, касаясь порядка деятельности при Андропове, с определенным раздражением заявил нам, сотрудникам своего секретариата:

«Работать будем по-брежневски, как при Леониде Ильиче».

Но продолжать говорить, а тем более «славить» Брежнева новый генсек не мог. И здесь дело не в моральной нечистоплотности человека, – в большевистской традиции. Вождь должен быть один. Всегда. Живой – один, и мертвый тоже один. Пока были на посту Хрущев, Брежнев, Андропов, их славили, соревнуясь в выискивании превосходных эпитетов.

После смерти было просто «не положено» о них вспоминать. Для почитания служб был новый первый «вождь». А все остальные, умерев, исполняли лишь одну неблагодарную функцию – принимали на свой счет, «брали» на себя сразу выявлявшиеся «вдруг» крупные просчеты, ошибки, упущения, а то и, как у Сталина, – преступления. Это был политический «клапан» перекачки «издержек» функционирования системы на конкретного, теперь уже мертвого, человека. Большевистские вожди все были обречены на негативные воспоминания не только потому, что они были архитекторами ущербной системы. Главная причина в том, что сами большевики умели всегда любить только одного вождя, а не народ.

Любопытные свидетельства об отношениях Брежнева и Черненко содержатся в воспоминаниях ВТ. Медведева, начальника личной охраны Брежнева. Нам всем теперь известно, сколь огромное место в жизни Брежнева занимала охота. К концу жизни, кроме знаков славы, награждений, словесных триумфов, охотничьи похождения стали едва ли не основным способом душевного отдохновения «вождя».

Генсек любил приглашать в Завидово как знатных гостей, бывавших у него (Тито, Кекконен, Киссинджер, Рауль Кастро), так и своих соратников. Естественно, часто приглашался и Черненко, который охоту не любил, но отказать не мог…

«…Каждый понимал приглашение на охоту как знак близости, даже особого доверия. Болея, дряхлея, люди не могли отказаться от благорасположения Генерального, а уж открывать свою немощь и вовсе не хотели.

– Позвони Косте, завтра поедем, – говорил Брежнев и называл час выезда.

Я звонил Черненко. К телефону подходила жена:

– Владимир Тимофеевич, вы знаете, Константин Устинович очень плохо себя чувствует. Вы как-то скажите Леониду Ильичу…

Брал трубку он сам.

– Да, Володя. Чувствую себя неважно.

– Давайте я доложу, что к вам должен приехать врач и вы не сможете…

– Нет-нет…

Черненко, тяжело, неизлечимо болевший бронхиальной астмой, поднимался с постели и ехал…

На вышке сидеть холодно, сыро. Каждый раз Константин Устинович простужался и, вернувшись, укладывался в постель с температурой»{951}.

Расположение патрона для Черненко значило неизмеримо больше, чем все остальное, даже собственное здоровье.

Фаворит Брежнева. У Черненко не было абсолютно никаких шансов возглавить партию и страну. В нормальной обстановке. Но Черненко счастливо познакомился с человеком, которому довелось почти два десятилетия занимать главный кабинет страны в Кремле. Когда же Черненко, как верно писал профессор И. Земцов, в финале своей жизни и сам добрался до этого кабинета, то это был уже опустошенный, разбитый, надломленный человек. Такие не вкусят славы и уйдут с исторической сцены почти без следа{952}.

Фаворит Брежнева… О нем, как и о патроне, быстро забыли. Правда, вначале недолго рассказывали еще о них анекдоты. Вот такой, например: Брежнев умер. Но в действительности он умер уже давно, только Черненко ему не сказал об этом…

Однако и Брежнев, и Черненко – исторические персонажи нашей с вами драмы. А она, как известно, историей ставится не только в исполнении гениев и героев…

Каждый рано или поздно бывает распят на кресте собственной судьбы. Патрон и фаворит не стали исключением.

Тринадцать месяцев

Да, именно столько, тринадцать месяцев, Черненко Константин Устинович пробыл на высшем коммунистическом посту. Меньше всех из семи первых руководителей СССР за всю его историю. Он не совершил ни одного драматического поворота в политике партии и государства. Даже не пытался. По-прежнему люди ехали «за колбасой» в Москву; ни шатко ни валко работала промышленность; текли реками нефть и газ за рубежи отечества (валюту тут же проедали); везли, как и раньше, цинковые гробы

из Афганистана; продолжалась идеологическая «перебранка» с коварным империализмом; лишь монстр домашнего милитаризма «в основном» выполнял намеченные планы.

Черненко не засиживался теперь допоздна в кабинете, но количество бумаг, проходивших через его генсековский стол, было большим. Неизмеримо большим, чем у его предшественников. Черненко очень любил подержать бумагу в руках, взглянуть на подпись должностного лица, гриф секретности, исполнителей и… тут же короткой резолюцией переслать ее ближайшим исполнителям: «рассмотреть и подготовить предложения», «изучить на комиссии», «ознакомиться»… Сам решения он принимал очень редко. Очень.

Бесшумное священнодействие с высшими документами партии и государства создавало устойчивую иллюзию: стоит вот написать наискосок в углу бумаги или на услужливо приколотом листке с готовым проектом резолюции свою неброскую подпись, и дело изменится к лучшему. «Действеннее» станет «социалистическое соревнование», меньше будет пьянства, сговорчивее станут моджахеды в Афганистане. По его же старому предложению, высказанному Брежневу в начале восьмидесятых, за ходом исполнения почти священной резолюции генсека бдительно следили секретариат, общий отдел, множество опытнейших функционеров аппарата. Но… следить было почти незачем. Резолюции являлись неконкретными и малообязывающими: «рассмотреть», «изучить», «обсудить», «направить в Совмин», «подготовить к рассмотрению на Секретариате». В конечном счете все зависело от того, приняло ли политбюро решение по этому вопросу.

Сил у Черненко на более глубокое рассмотрение неиссякаемого потока бумаг, которые он любил, просто не было. А во многих делах он просто ничего не смыслил: финансы, экономика, военное дело, научно-технический прогресс, культура. Его помощник А.М. Александров-Агентов записал по этому поводу: «Будучи не в состоянии справиться со свалившейся на него на новом посту горой работы в самых различных направлениях, Черненко, подобно больному Брежневу, передоверил подготовку, а во многом и решение крупных проблем узкому кругу наиболее близких ему людей в руководстве – тем же Устинову, Громыко, Тихонову, а также Гришину»{953}.

В начале восьмидесятых уже сложилось положение, что решения, директивы министерств, правительства, Госплана мало что значили без постановления политбюро. Все старались протащить через этот высший, постоянно действующий партийный орган свои наболевшие вопросы: будь то

строительство нового причала или получение дополнительного кредита, поставка «специмущества» в Никарагуа или гастроли балета в Лондоне. Ежемесячно через политбюро проходили многие сотни вопросов, а тысячи не могли туда попасть. Колоссальное бюрократическое чудище своими бумажными челюстями медленно пережевывало бесчисленные проблемы великой страны.

Созданная Лениным система приближалась к своему историческому завершению. Обещанное картавым вождем вселенское счастье «людей труда» было столь же далеко, как и в слякотном октябре 1917 года. Бюрократия, всесильная, могущественная, не только выпестовала страну, которой боялись во всем мире, но и исподволь подтачивала ее «революционные» устои. Черненко идеально подходил для этой роли.

Очень многое в жизни партии и страны зависело оттого, какие вопросы рассматриваются на заседаниях политбюро. Не случайно окончательное решение, что включить в повестку дня, зависело именно от генерального секретаря. Конечно, Черненко помогали помощники, референты, общий отдел, секретари ЦК, некоторые наиболее близкие члены политбюро. Черненко, вынужденный много времени тратить на врачей, как-то неожиданно с особым интересом стал относиться к вопросам внешнеполитической деятельности страны, хотя раньше он наблюдал эту сферу только со стороны.

Так уж сложилось, что первого чиновника партии редко, очень редко посылали за границу. Что там делать заведующему общим (особым) отделом ЦК? Соцстраны – не в счет. Как между собой говорили советские чиновники: «Курица не птица, Монголия не заграница». Правда, Брежнев дважды брал Черненко с собой в заграничные поездки: на Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 г.) и на переговоры в Вене по вопросам разоружения (1979 г.). Черненко, конечно, там был совершенно не нужен, но поездки ему понравились. Шумная, блестящая толпа дипломатов, правительственные приемы, встречи с крупными мировыми величинами…

Осталась некая неутоленная страсть общения с послами, главами делегаций крупных стран, министрами, президентами капиталистических держав.

Став генсеком, Черненко получил сразу же несколько предложений посетить некоторые страны, в том числе и «престижные». Вашингтон, например, как и в отношении Андропова, вел зондаж о возможности встречи Черненко с американским президентом.

На зондирующее письмо Рейгана в марте 1984 года было

подготовлено ответное от имени Черненко, где говорилось, что новый советский лидер придает «большое значение нашей переписке» и своим посланием не ставит «перед собой цели заниматься упреками». В словах «пока обнадеживающих признаков улучшения отношений не видно» делался прозрачный намек на то, что без американских уступок по евроракетам и военному космосу было бы нелогично ожидать чего-то позитивного, нового{954}.

Генсек, внимательно прочитав проект ответа, подготовленный МИДом и международным отделом ЦК, как обычно, «рваными» буквами подписал: «К. Черненко», согласившись, что сейчас лучше всего заморозить советско-американские отношения в том состоянии, какие они есть. А главное – Москва хотела «насолить» Рейгану в год президентских выборов в Америке.

Некоторые предложения о своих визитах Черненко даже принял, как, например, от канцлера Коля, сказав, правда, Геншеру: «О конкретном сроке придется, видимо, подумать несколько позже с учетом всех обстоятельств и складывающейся обстановки». Но приглашавшие знали: «складывающаяся обстановка» – суть быстро ухудшающееся здоровье самого старого (при избрании) генерального секретаря ЦК КПСС.

Но Черненко «компенсировал» свою вынужденную политическую оседлость довольно бурной деятельностью по приему крупных зарубежных лидеров, известных международных общественных деятелей, послов.

В качестве лидера страны Черненко в самом начале своей генсековской карьеры встретился не с кем-нибудь, а с самой Маргарет Тэтчер. Встреча состоялась 14 февраля 1984 года в присутствии А.А. Громыко и министра иностранных дел Великобритании Дж. Хау.

Для Черненко (так же делали всегда и для Брежнева) отпечатали очень крупными буквами на нескольких листах бумаги текст его «беседы». Едва поздоровавшись и предложив сесть высокой гостье, новый генсек уткнулся в шпаргалки и задыхающейся скороговоркой зачитал «заготовку». Тэтчер холодно, но с известным любопытством смотрела на невзрачного, седого, явно больного человека, который почему-то стал первым лицом в этой гигантской и мощной стране. Переводчик едва поспевал переводить бесконечно общие фразы, которые советская дипломатия нудно повторяла уже долгие годы: «…Мы сторонники активного и серьезного политического диалога, нас не надо убеждать в его целесообразности. Но диалог должен вестись на равных, а не с «позиции силы». И он должен быть».{955}

Тэтчер, возможно, думала: а что может сказать этот человек, когда закончится текст?

А он ничего и не сказал. Перелистнул последнюю страницу и, убедившись, что текст весь зачитан, наконец посмотрел в лицо умной собеседнице. Ее и не надо было приглашать к разговору. Без всякого, разумеется, текста, выделив три группы проблем в англо-советских отношениях, «железная леди» с такой же железной логикой сформулировала некоторые направления возможной совместной деятельности по их разрешению.

Черненко молчал, вопросительно глядя на Громыко.

Наступила неловкая пауза, которую попытался заполнить Громыко в связи с готовившимся приездом его заместителя Г.М. Корниенко в Лондон.

Наконец отдышавшийся Черненко решил хоть что-то сказать и «от себя», а не от казенной бумаги: «…Наша краткая беседа может стать значимой, если дело между нами пойдет лучше». И вдруг неожиданно сказал: «Давайте дружить (выделено мной. – *Д. В.)* по всем линиям. У нас есть много резервов, контактов, возможностей для настоящих отношений дружбы между нашими народами, между правительствами…»{956} Переводчик даже поперхнулся.

Черненко говорил о «дружбе» с Тэтчер, как будто перед ним сидел Живков или Хонеккер! Лицо английского премьер-министра было бесстрастно. Тень пробежала по лицу Громыко, который заерзал в кресле, давая понять, что пора «беседу» заканчивать… Что еще может Черненко «наворочать», если он будет продолжать в том же духе?

У меня есть личное впечатление от беседы с Маргарет Тэтчер, с которой пришлось однажды в Москве встречаться в английском посольстве в 1992 году. Сидя с ней за одним столиком, я услышал немало любопытных и глубоких размышлений британского политика о нашей перестройке. В частности, она высказала некоторые критические замечания относительно того, что при создании свободного рынка в нашей стране в ряде случаев наблюдаются непоследовательность и слабая продуманность. Запомнилось ее образное выражение: «Столкнувшись с крупной проблемой, вы на нее смотрите, как на стену на пути своего движения. И чем дольше вы смотрите на препятствие, не действуя, тем оно в ваших глазах становится все выше и выше…»

Беседуя в течение часа с этой выдающейся женщиной, я еще раз убедился, что глубина и масштабность мышления человека в огромной степени зависят не только от особенностей интеллекта, но и от органического ощущения свободы как естественной данности.

Сравнивая сегодня интеллект этого блестящего политика с «замшелым», догматическим умом Черненко, вновь испытываю некую неловкость. Деградация системы выразилась и в деградации ее руководителей.

Примерно по этой схеме прошли и другие встречи Черненко: весной 1984 года – с президентом Финляндии М. Койвисто, тогда же – с министром иностранных дел Италии Андреотти, министром иностранных дел ФРГ Г.Д. Геншером, генеральным секретарем ЦК Компартии Греции Х. Флоракисом; летом – с лидерами соцстран Живковым, Кадаром, Гусаком, Родригесом, Чаушеску, Ле Зуаном, Хонеккером. Кстати, через месяц, в августе, руководитель ГДР Э. Хонеккер совершил, по его просьбе, «закрытый визит» в Москву{957}, во время которого обсуждались вопросы внутригерманских отношений и углубления двустороннего экономического сотрудничества. Разумеется, в протоколах политбюро обязательно отмечено: «Итоги беседы Генерального секретаря с таким-то одобрены».

Хотя что одобрять? Например, беседуя с министром иностранных дел ФРГ Г.Д. Геншером 22 мая 1984 года, Черненко в течение 15 минут сбивчиво читал заготовку, выслушал немецкого дипломата и сразу дал понять – пора «беседу» закруглять: «Если взять в целом Ваши переговоры с А.А. Громыко и нашу с Вами беседу, то обмен мнениями получился обстоятельным. Теперь, наверное, обеим сторонам будет полезно поразмыслить над тем, что было сказано»{958}.

Попытки Геншера «разговорить» генсека окончились, естественно, неудачей: Черненко нечего было сказать кроме того, что он пробормотал по своим бумажкам.

За свое короткое «генсекство» Черненко смог провести на удивление немало встреч с зарубежными деятелями. Ему нравилось мелькать на экранах телеприемников и в заголовках газет. Едва ли он думал, смею догадываться, об истинном значении этих «встреч». На них Черненко не поднял ни одной крупной международной проблемы, не добился прорыва ни в одной из областей, не заставил мир говорить о некоей новой «инициативе Советов». Больной и быстро стареющий человек, полностью износивший себя, как старый мундир, в чиновничьем рвении был способен лишь «озвучить» в беседах 3–4 страницы мидовского (одобренного в соответствующих отделах ЦК) текста, выслушать ответный спич и после этого, сказав две-три дежурные фразы, заглянув опять-таки в «материал для беседы», немощно пожать руку «собеседнику». Таковы были «беседы» без бесед.

При всем этом Черненко требовал, чтобы ему докладывали «отклики» о его беседах, встречах, выступлениях, решениях.

Соответствующим сотрудникам, обычно в КГБ, приходилось нередко изрядно попотеть, чтобы найти нечто позитивное в этих откликах. Выручала печать соцстран, собственная пресса. Черненко, проживший большую часть своей партийной карьеры (особенно в ЦК) как бы за кулисами, жадно читал обзоры о собственной персоне. Воспитанный на почитании высших руководителей, Черненко теперь сам откровенно ждал сладких излияний в свой адрес.

Как верно заметил один из бывших капээсэсовских руководителей В.А. Медведев, «в течение десятилетий в стране складывалась психология почитания вождей. Она так и не была искоренена в результате критики культа личности Сталина. Да, пожалуй, подобная цель и не преследовалась»{959}.

Лидер советского безвременья давал только однообразную пищу для пересудов на Западе: когда в Кремле появится следующий генсек?

Политбюро, следуя коминтерновским традициям с времен Ленина, по-прежнему пыталось укрепить своих зарубежных союзников и сторонников. По просьбе кровавого Менгисту Москва согласилась, например, развернуть в Эфиопии шесть новых военных училищ, с тем чтобы на следующий год решить «проблему Эритреи»{960}. А «кровавым» я назвал лидера из Аддис-Абебы не только потому, что сам многое знал, бывая там в составе делегаций для «оказания политической помощи», встречаясь с Менгисту. Однажды столкнулся с фактом, который еще раз заставил горько задуматься: кто же наши «союзники»? И кто мы?

На протяжении ряда недель мне однажды пришлось готовить в Москве, «натаскивать» нового политического «комиссара» эфиопской армии. Это был член Временного военно-административного совета, один из лидеров эфиопской «революции» Асрат Десту. Он много говорил о желании Менгисту Хайле Мариама построить социализм в своей бесподобно нищей стране и «утвердить там демократию». На мой вопрос:

«Почему в Аддис-Абебе, да и в других городах не прекращают греметь выстрелы расстрелов?»

Десту убежденно сказал:

«Мы поступаем, как Ленин: без красного террора социализм не построить. Слишком много врагов…»

Черненко, принимая Менгисту в конце марта 1984 года, поддержал рвение диктатора в его стремлении силой защитить «эфиопскую революцию»…

Генералы и офицеры Главпура по очереди показывали, рассказывали, читали лекции (одному!) Асрат Десту, этому

тощему, с блестящими глазами человеку, как с помощью политических средств повысить боеготовность «революционной» армии, укрепить морально-психологическую устойчивость войск. Так, впрочем, мы делали и с иными военными функционерами из других армий так называемых «развивающихся» стран. Наконец эфиоп уехал в Аддис-Абебу. Через пару недель читаю «шифровку» от наших советников из Эфиопии: во время заседания Революционного Совета прямо за столом возникла перепалка с перестрелкой. «Наш» комиссар Асрат Десту и еще несколько других офицеров были убиты на этом «заседании».

Я отвлекся. Но когда-нибудь, возможно, напишу, если судьба будет ко мне благосклонна и даст мне возможность еще пожить в этом земном мире, о том, что я видел и знал, будучи начальником управления специальной пропаганды («психологической войны»), а затем и заместителем начальника Главного политуправления Советской Армии. В составе делегаций и лично встречался с Ф. Кастро, Н.М. Тараки, Б. Кармалем, Ю. Цеденбалом, М. Каддафи, Мухаммедом, Ким Ир Сеном, М. Менгисту, Я. Кадаром, Н. Чаушеску, В. Ярузельским, М. Тласом и многими, многими другими лидерами и руководителями «социалистического и третьего мира». Тогда, именно тогда, у меня окрепло убеждение, что мы в историческом тупике. Страны, которые мы всячески пытались поставить на рельсы «социалистической ориентации», быстро становились вооруженными до зубов, но еще больше опускались в яму нищеты без каких-либо надежд из нее выбраться.

Члены политбюро ЦК КПСС, видимо, так не думали.

То и дело оказывалась безвозмездная срочная экономическая помощь Никарагуа (хлеб, нефть, оружие) на сотни миллионов долларов{961}, как и другим «революционным» странам. Черненко ставил свою подпись под подобными документами, ни разу не возразив. Такая же помощь, преимущественно «специмуществом» (так именовалось для маскировки оружие и военная техника), шла в НДРЙ, Анголу, Мозамбик, Судан, Ливан, Ливию, Сирию, Вьетнам, Лаос, Камбоджу, многие другие страны. Генеральный секретарь был просто человеком, кто регулярно ставил высшую подпись, прежде чем нефть, хлеб, оборудование, медикаменты, «специмущество» сталкивались в бездонную «черную дыру» старой коминтерновской политики.

По-прежнему в международных политических делах, комдвижении Москва пыталась дирижировать. Так, 11–12 июля 1984 года в Москве состоялось очередное совещание секретарей ЦК БКП, ВСРП, КПВ, СЕПТ, КП Кубы, НРЛП, МНРП, ПОРП, РКП, КПСС и КПЧ{962}. На совещании все обсуждали, как наставить

побольше «палок» в американские «ракетные колеса», как использовать европейские и мировые общественные форумы для «продвижения» собственных планов.

При Черненко все осталось, как было раньше: жесткая ортодоксия, что касается идеологических вопросов, укрепление социалистического содружества во главе с СССР, международного коммунистического движения, стран «социалистической ориентации» и, конечно, конфронтационный курс по отношению к США и НАТО. Шестой лидер КПСС и СССР был не в состоянии внести в советскую внешнюю политику нечто такое, что могло сохранить на ней хоть какой-то отпечаток личного «творчества», мысли, интереса.

Пожалуй, Черненко проявил не столько интерес, сколько любопытство к приезду в СССР Ким Ир Сена.

Черненко помнит, как еще зимой 1984 года северокорейский лидер заявил, что хотел бы воспользоваться давним предложением посетить Советский Союз. Москва, естественно, поддержала это желание. Отношения с КНДР, исповедующей идеи «чучхе», уже давненько стали своеобразными. Когда Черненко принесли план визита, он неожиданно затребовал у шестого сектора общего отдела материалы по корейской войне. Человек, которого, кроме партийных дел, кадровых передвижений и канцелярской бюрократии, ничего, казалось, не интересовало, с любопытством листал документы о той далекой, односторонне известной в СССР войне.

Черненко узнал, например, что Ким Ир Сен впервые поставил вопрос перед Москвой о «военном объединении» Северной и Южной Кореи 19 января 1950 года. Северокорейский вождь говорил, что «сам он начать наступление не может потому, что он коммунист, человек дисциплинированный и указания товарища Сталина для него являются законом»[{963}]. Сталин, пару недель подумав, дал согласие, запросив, между делом, за обещанное оружие, боевую технику (все было поставлено в избытке) и за советников несколько тонн золота, серебра, десятки тонн моноцитового концентрата. Черненко, бывший в годы корейской войны заведующим отделом пропаганды и агитации в Молдавии, ничего, конечно, об этом не знал. С проснувшимся любопытством генсек переворачивал листы тридцатилетней давности.

Ким Ир Сен приезжал из Пхеньяна специальным поездом. На Ярославском вокзале 23 мая 1984 года его встречали Тихонов, Громыко, Устинов. Для восточного диктатора все «приподняли»: почетный караул, обед, резиденция. В Екатерининском зале Кремля шли переговоры. Черненко привычно читал текст. Крупные буквы. Рубленые фразы. Ему сказали, что Ким будет

напирать на «милитаризацию» Южной Кореи и станет просить оружие, оружие, еще оружие. Всякое…

Черненко, прочитав свою часть «беседы», вынужден был почти час слушать «великого вождя», говорившего действительно о том, что от него ждали. Генсек еще не знает, что незадолго до своей смерти, в феврале 1985 года он подпишет приглашение сыну Ким Ир Сена – Ким Чен Иру – «любимому руководителю» – посетить Советский Союз{964}. Спецслужбы сообщили, что «сам» вождь сильно болен и хорошо бы «установить нормальные связи» с его преемником. Ким Чен Ир проигнорировал приглашение Черненко, а сам «великий вождь» прожил еще почти десять лет…

Черненко, однако, пообещал дать новое оружие: авиационное, радиотехническое, средства ПВО. Ким Ир Сен был удовлетворен обещаниями генсека.

Когда в августе 1985 года мне довелось побывать в Пхеньяне в составе делегации, возглавляемой Маршалом Советского Союза В.И. Петровым, корейцы не раз ссылались на обещания Черненко. К слову, в группе был еще один будущий маршал – генерал армии Д.Т. Язов.

Все встречи, переговоры с высшими лидерами страны вращались вокруг одной темы – вооружений. Ким Ир Сен, плотный человек небольшого роста (а на всех скульптурах, картинах – он гигант в окружении бесчисленных масс низкорослых людей), несколько раз ссылался на Черненко, Устинова, которые обещали помочь модернизировать северокорейскую армию. Говоря об опасности со стороны США и южнокорейской армии, Ким Ир Сен подчеркнул, что «если на нас нападут, то на юге поднимется мощное партизанское движение». Но нам тогда нужно перебросить туда отряды специального назначения. Постройте нам вертолетный завод: нам нужно 500 вертолетов для этой цели. Дайте новые самолеты, зенитные ракеты, радиотехнические средства…

Слушая, думал: неужели лидеров в Пхеньяне ничему не научила страшная война в 1950–1953 годах, стоившая стране многих сотен тысяч жизней? Что-то запредельное, иррациональное, мистическое слышалось в поклонении молоху военной силы… Глядя на страшную бедность корейцев, но при этом на их высокую организованность и фанатичную веру в своего вождя, думалось: здесь находится самая близкая модель казарменного коммунизма. Они по-прежнему чтят Сталина, как никого другого в СССР, счастливы (и, видимо, искренне), что у них есть свой земной бог…

А в России после Сталина земных богов больше не было. Черненко являлся лишь пародией на «вождя».

Генсек практически никуда не ездил. Ему было трудно, да он и не слыл мастером соблюдать старую большевистскую традицию «общения с народом». А вот штурвал политбюро не выпускал из рук. Лишь когда 16 июля 1984 года он ушел в отпуск, то 19 числа этого месяца за председательское место *впервые* сел М.С. Горбачев, возможно, чувствуя, что скоро обоснуется здесь надолго. Но уже в середине августа Черненко вновь у «пульта управления». Он никак не хотел надолго покидать свой пост. Возможно, боялся «хрущевского варианта».

За короткий исторический миг, что пробыл на вершине властного холма Черненко, политбюро все же коснулось нескольких серьезных вопросов. Именно коснулось. Один из них- атомная энергетика. Специалисты, приглашенные на заседание, доложили, что с 1976 года мощность АЭС в стране возросла в 4,5 раза и достигла 20 миллионов киловатт. Поражало воображение то, что в этот момент шло строительство еще более 20 атомных станций общей мощностью 85 миллионов киловатт!

Ученые и специалисты в своих докладах к заседанию политбюро привлекали внимание высших руководителей партии и страны к тому, что имеются серьезные просчеты в проектировании АЭС, особенно это касается ядерной, радиационной и пожарной безопасности. То были пророческие, серьезные сигналы, однако плохо услышанные.

Заключал обсуждение генеральный секретарь. Листы с заготовленным для него текстом тряслись в его руках. Он с трудом, путая, называл цифры, произносил незнакомые ему технические термины, задыхался, несколько раз доставал баллончик из кармана и, прикрыв его ладонью, «тникал» в рот. Участники заседания молча глядели в свои блокноты… Немного отходил и продолжал озвучивать совершенно непонятный для него текст. Больше напирал на то, что на «одной площадке, где строится АЭС, количество монтажников превышает нередко 10 тысяч человек, а за рубежом в 2–3 раза меньше».

Не поднимая головы, осуждал «штурмовщину», «слабую исполнительскую дисциплину», «отсутствие порядка» в атомной энергетике. Эти заклинания были привычными, дежурными, которые, как гладкие морские камушки, передвигаются туда-обратно во время морских приливов и отливов. О реальной безопасности АЭС Черненко, поскольку ему об этом не написали, естественно, ничего не сказал.

В постановлении, принятом политбюро, министры Величко В.М., Майорец А.И., Шкабардня М.С. «обязывались устранить серьезные недостатки в производстве оборудования, контроля, надежности, увеличении ресурсов работы техники, хранении и

регенерации ядерного топлива»{965}.

Казенное решение инициировало и казенное к нему отношение. Ядерная опасность, напомнившая вскоре о себе смертельным дыханием Чернобыля, не была прочувствована высшими руководителями ни на рациональном, ни на эмоциональном уровнях. Нафаршированная ядерными объектами страна, ее руководители далеко не адекватно реагировали на грозные вызовы, рожденные проникновением человека в тайны физического бытия.

Больной, буквально разваливающийся Черненко все еще пытался появляться на людях и даже выступать на некоторых форумах. Летом 1984 года я сам видел, как «выступает» генсек. В Большом Кремлевском дворце проходило Всеармейское совещание комсомольских работников. Мне «по положению» заместителя начальника Главного политического управления армии довелось сидеть в президиуме совещания. После докладов, отчетов молодежных армейских работников к трибуне с трудом спустился Черненко. Пятнадцатиминутную речь произнес так, что было совершенно трудно понять ее смысл. Через каждые две-три минуты замолкал, вытирал лоб, манипулировал баллончиком, доставая из кармана, направлял его в рот, задыхался…

Все сидели подавленные, низко опустив головы. Я видел почти умирающего на людях человека, «выступающего» с трибуны. После речи генсека сразу же объявили перерыв и предложили пройти в Георгиевский зал для фотографирования с генеральным секретарем. Эти 100–120 метров Черненко шел минут двадцать, поминутно останавливаясь. Со всех сторон ему что-то говорили сопровождавшие, с целью создать впечатление, будто он останавливается не из-за немощи, а для разговора, беседы. Иногда генсек мучительно улыбался, поворачивая голову то вправо, то влево, с трудом, видимо, соображая, куда его ведут, зачем все это, что ему говорят люди в военных мундирах…

В октябре 1984 года он еще раз рискнул, по-моему, в последний раз выступить с публичной речью. Здесь его подвигла на заключительное «самосожжение» сама идея Всесоюзного совещания. В Москву были вызваны представители народных контролеров, которых, как заявил сам Черненко, в стране 10 миллионов! Поистине ленинская идея всеобщего, тотального контроля достигла уродливого апогея в своей материализации. Контролировали все и всех, а страна жила все хуже и хуже, подтверждая глубокую историческую ошибочность ленинского тезиса: «Учет и контроль – вот **главная** экономическая задача»{966}.

Не в производстве, не в использовании в нем достижений

научно-технического прогресса, не во внедрении новых прогрессивныхтехнологий, а именно в контроле с ленинских времен большевики видели ключ решения всех экономических проблем. Такой подход абсурден. Но ведь и Горбачев, став генсеком, начал с «государственной приемки», то есть введения еще одного дополнительного слоя в бесчисленную и без того армию контролеров.

«Надо, – заявил Черненко на совещании, – чтобы народным контролером сознавал себя каждый – заметьте, каждый – советский человек, чтобы он мыслил и действовал сообразно этой высокой гражданской должности»{967}. Каждый – контролер…

Отбирательный, делительный, контрольный социальные рефлексы, без которых трудно представить советскую действительность, советский менталитет руководителей. Черненко в эти реалии не внес ничего нового: он просто продолжал созданное и накопленное большевиками. Возможно, идеи о «народном контроле» с особой силой выражали мироощущение генерального секретаря. Ведь эта личность была целиком вторичной. Он старался повторять, подражать, копировать, следовать во всем опыту своих предшественников. Например, ему понравился способ общения с коллегами: постановка перед ними проблем, обращение к ним с бесчисленными аналитическими записками, как это делал, в основном вынужденно, Андропов. Черненко также, особенно со второй половины своего правления, стал озадачивать «соратников» бесконечными записками, которые непрерывно готовили ему помощники, референты, отделы ЦК. Правда, по глубине, уровню анализа они заметно уступали подобным же документам его предшественника.

За подписью генсека члены партийной коллегии получили записку о необходимости награждения активных участников Великой Отечественной войны; затем еще записку о важности ускорения научно-технического прогресса и совершенствования управления экономикой. Тут же помощники подготовили от имени Черненко очередную записку о вопросах кадровой политики; потом о подготовке очередного, XXVII съезда КПСС, который генсек хотел именовать «съездом реалистов и новаторов»{968}. Были и еще записки… Целый калейдоскоп.

Их затем обсуждали на заседаниях политбюро, «целиком и полностью одобряли», поручали соответствующим отделам (часто в этих отделах они и готовились) их материальную реализацию. Вязкая рутина традиционных партийных методов создавала видимость попыток эффективного управления гигантской системой. Принимались планы, постановления, программы,

выделялись новые ассигнования, а продуктивность производства снижалась, сокращался валовой продукт, стагнация экономики была на грани перехода к тяжелому кризису.

Генеральный секретарь к девяти часам утра (если не оказывался в руках врачей) с удовольствием поднимался в лифте в свой кабинет, коротко выслушивал помощников о предстоящем расписании на день и подвигал к себе высокую стопку бумаг. Это было его любимое занятие – читать деловые, политические, разведывательные бумаги, послания, донесения, отчеты. В день он рассматривал теперь лишь по 50–60 документов.

…Вот проект ответа канцлеру Колю о его просьбе помиловать главного военного национального преступника Гесса.

Ответ в Бонн через совпосла. «Сообщите. Вопрос рассмотрен. Советская сторона по-прежнему не видит никаких оснований для освобождения Гесса»{969}.

Черненко с явным удовольствием ставит подпись на ответе Колю. Вообще, как он говорил недавно группе ветеранов, «надо не давать забывать на Западе, что мы победители…».

…А вот Громыко, Чебриков и Рекунков пишут, что Сахаров обратился за разрешением для выезда в Италию на лечение. Бдительные авторы записки напоминают: еще раньше было принято решение не разрешать, а Боннер, его жена, была там в 75, 77, 79-м годах. Грозят голодовкой? Ну и что? Кормить искусственно… Предупредить жену Сахарова, что если она не прекратит своих провокационных действий, то против нее будет возбуждено дело по статье 190[1] УК РСФСР (порочение советского строя)…{970}

Черненко, конечно, «за». Что-что, а защищать страну от «отщепенцев» он будет неуклонно.

…А вот интересное донесение. В Москву, по разрешению властей, вернулась СИ. Аллилуева вместе со своей дочерью Ольгой (Линой Петерс) 13 лет… Желает восстановить гражданство, работать, заниматься переводами. Готова выступить в печати, перед журналистами… Говорит, «после всего, что мною сделано, вряд ли стоит быть назойливой»{971}.

Черненко повертел бумагу, подумал, решил – обсудим на политбюро, как быть с блудной дочерью Сталина дальше.

…Бумаги, бумаги. Росчерк его пера – и многое можно решить. Если не в судьбе мира, страны, то в судьбах отдельных людей – это точно. Открыв следующую папочку, Черненко задумался. В американском суде одного из штатов возбужден иск против СССР на сумму 650 млн долларов владельцами облигаций займов бывшего царского правительства…{972} Целых 650 миллионов! Конечно, для нас их суд – чепуха. Но как среагировать? Пусть

юристы подумают о форме безусловного отказа.

…Опять Н.А. Щелоков. Ведь решили его, по предложению Андропова, разжаловать, исключить из партии, лишить звания Героя Социалистического Труда, орденов{973}. А он опять обращается с личным письмом. Да, конечно, он хорошо его знал, даже, пожалуй, был близок к Щелокову. Но зачем передали ему это письмо? Канцелярия недоглядела: такие неприятные вопросы решаются на более низком уровне, тем более что постановление ЦК уже есть…

А вот скучная записка Щербицкого В.В. и Ляшко А.П. о том, как поднять производство зерна на Украине…{974} Тут же предложения, как отметить 50-летие стахановского движения…{975} Записка отдела внешнеполитической информации с предложениями «по усилению разоблачения нарушений прав человека в капиталистических странах…»{976}. Еще одна записка: нужно создать научно-технический совет при мавзолее В.И. Ленина{977}. Генсек что-то помнит: ему однажды показывали в шестом секторе, когда был заведующим общим отделом, несколько папок о больших исследованиях, проводившихся раньше Институтом мозга с «серым веществом» вождя. Помнит по этим документам, что в 1925 году даже было предложение вывезти мозг Ленина в Германию для исследований. Слава Богу, что политбюро пресекло эту попытку. Тогда и была поставлена задача обосновать, материально обосновать гениальность Ленина…{978}

Поэтому создать «научно-технический совет» при мавзолее нужно. Вообще не следует жалеть ни сил, ни средств для пропаганды ленинизма, его вдохновляющего примера.

Возможно, что именно так думал генсек, ставя свои разрешающие, одобряющие, поддерживающие, запрещающие резолюции. Черненко, несмотря на старческие недуги, очень нравилось, когда к нему шли все нити управления, когда именно ему докладывалась самая главная информация, когда только он, подписав документ, решение, постановление, приводил в движение огромные материальные силы, тысячи людей, устремления многих организаций. Вершина власти!

Черненко ревниво следил, чтобы молодой, энергичный Горбачев не слишком «показывался». Старался больше загружать его рутинной работой, меньше посылать «на люди». Думаю, где-то в тайниках сознания у больного старца копилась зависть и неприязнь к Михаилу Сергеевичу, здоровому, крепкому, деятельному. Хотя и старался спрятать их поглубже. Но, как писал Жан-Жак Руссо: «Иногда удар не попадает в цель, но намеренье не может промахнуться»{979}. А оно, это «намеренье»,

было элементарным: подольше удержаться на вершине, не подпуская близко туда молодых и энергичных…

Черненко едва ли думал, что на этом властном холме он пробудет всего тринадцать месяцев… Суетился. Душевно. Беспокоился, когда несколько дней не мог поехать в Кремль или на Старую площадь. Тревожился не о «деле», туманно огромном и расплывчатом. Беспокоился о себе: а ну как соберутся и отрешат по болезни от власти… Он хотел, очень хотел быть Первым руководителем. Долго. Но не знал, что подлинными признаками величия всегда выступают неспешная мудрость и способность сохранять глубокое спокойствие в пульсирующей сумятице мира. У Черненко не было ни того, ни другого.

Он суетился. В душе. Ведь еще несколько лет назад только в канцелярском сне он мог представить, что на его партийной печати будут отлиты красными четкими буквами слова «Генеральный секретарь»…

Канун перестройки

У Киплинга есть мудрые строки, суть которых в том, что сила продолжающейся ночи уже сломлена, хотя никакой рассвет не грозит ей ранее часа, назначенного рассвету.

Если с Андроповым народ, и особенно интеллигенция, связывал какие-то надежды на благие перемены в обществе, то черненковское безвременье дышало безысходностью, духовной тоской и всеобщим равнодушием. Да, равнодушием к Черненко, КПСС, «марксизму-ленинизму», «мудрой политике ЦК». Однако наиболее проницательные люди чувствовали, «что сила продолжающейся ночи уже сломлена». Были слышны едва уловимые подземные толчки. Сила «продолжающейся ночи» сломлена самими большевиками, их политикой, догматическим однодумством, преклонением перед милитаристским молохом. Как в марте, когда еще крепок снежный наст на российских полях, но краснозобые снегири, садясь на стылые сучья берез, своими яркими манишками напоминают всем – весна близка.

Черненковское «генсекство» – год безвременья и смутных, неясных ожиданий чего-то нового, неопределенного, другого, которое притаилось где-то здесь, недалеко… Даже генерал армии А.А. Епишев, мой непосредственный начальник, ортодоксальный коммунист, но весьма умный человек, однажды летом 1984 года неожиданно сказал мне:

– Время какое-то липкое и застывшее. Не знаю что, но что-то должно произойти…

В его словах слышались тревога и смятение. Позже я узнал,

что накануне он был на приеме у генерального секретаря.

Возможно, это было выражением устойчивого разочарования генералитета, связывавшего немалые надежды с Андроповым и откровенно обескураженного приходом Черненко. Так же вероятно, что генералы чувствовали ослабление хватки после андроповских намерений «навести порядок». Если о Брежневе, Андропове в узком кругу генералы могли раньше что-то говорить, то я никогда не слышал в личных разговорах даже упоминания имени нового лидера. Все в душе понимали, что самой заметной особенностью этого человека было отсутствие у него каких-либо особенностей. Канцелярский призрак.

Как ни скучно это занятие, я внимательно перечитал все, что принадлежало перу Черненко за последние тринадцать месяцев его жизни. Конечно, надо понимать так, что «перо-то» черненковское, но водили им другие руки. Более умные. И вот что бросилось в глаза.

Некоторые из основных идей, взятых на вооружение Горбачевым в начале «перестройки», просматриваются уже у Черненко. Но только «просматриваются». Молодое окружение генерального секретаря, и прежде всего его помощники доктор философских наук В.А. Печенев, В. Прибытков, некоторые другие работники аппарата, пытались внести хоть какую-то свежую струю в монотонность ортодоксальных речей и заявлений Черненко. Вот, в частности, три будущие «горбачевские» идеи, озвученные еще шестым лидером КПСС и СССР.

На апрельском пленуме ЦК (1984 г.), который сам Черненко считал «главным» в своей генсековской биографии, провозглашалось, что нужно «лучше использовать те резервы активизации масс, которые заложены в дальнейшем совершенствовании социалистической демократии, всей политической системы общества»[{980}]. Именно идея «совершенствования социалистической демократии» была ведущей у Горбачева, с помощью которой он смог «расшевелить» партию и общество. Черненко лишь формально провозгласил эту мысль, как обычный антуражный большевистский лозунг и никогда больше не возвращался к нему. Но появление таких установок в речи генсека свидетельствует, что «нечто» уже витало в духовной атмосфере, однако Черненко не был способен почувствовать какие-то глубинные подвижки в общественном умонастроении, уставшем от догматизма и марксистской ортодоксальности.

Мы помним, как Горбачев наивно верил, что стоит обновить кадры партии и «дело пойдет». Его выстраданный пленум «О перестройке и кадровой политике партии», как и следовало

ожидать, мало что дал. Седьмой генсек тогда не понимал, что без изменения системы никакие кадровые перетряски демократического общества не создадут. Но ведь, придя на пост генсека, Черненко так же, на том же «ключевом» апрельском пленуме подхватил старый ленинский мотив о кадрах. Помните, Ленин полагал, что стоит в «руководящие кадры» выдвинуть больше рабочих и крестьян и государственная машина заработает. Черненко, произнося «программную» речь, заявил, что все «в решающей степени зависит от кадров. Кадры – действительно золотой фонд партии и государства… В работе с кадрами, как нигде, важна четкая, продуманная система. Здесь недопустимы ни частая сменяемость, ни какое бы то ни было окостенение кадрового состава»{981}. Свой кадровый тезис Черненко подтвердил очередной запиской партийному синклиту – «О некоторых вопросах современной кадровой политики»{982}. В документе есть лишь одна мысль, которая могла принадлежать самому генсеку: он рекомендовал практиковать передвижение кадров не только по вертикали, но и по горизонтали. Это «освежает, я по себе знаю…» – утверждал генсек.

Вновь дежурный лозунг, который, однако, помог через два года Горбачеву повести хотя бы словесное наступление на периферийную номенклатуру. Для Черненко борьба за «золотой фонд» была привычным заклинанием, позой, традиционным антуражем. Но в близком окружении, как это часто бывает, глубже понимали ситуацию, чем сам лидер. Черненко был способен лишь действовать в рамках привычных стереотипов, традиционных «ленинских норм» и неписаных правил функционирования партийного аппарата.

Назовем еще идею, которая на первых порах у Горбачева была ключевой, но… не новой. В своей «тронной речи» 13 февраля 1984 года Черненко, по обыкновению торопливо проглатывая слова, заявил, что начата напряженная работа, направленная на то, чтобы «придать мощное ускорение развитию народного хозяйства»{983}.

К этой идее Черненко, по настоянию своих помощников, вернулся еще только раз в июле 1984 года, когда он направил своим коллегам очередную записку о необходимости ускорения научно-технического прогресса{984}. Едва ли он придавал ей большее значение, чем просто необходимому лозунгу.

Правда, и в этом случае генсек больше не обращался к идее «мощного ускорения», которая, надо признать, на первых порах перестройки, в «горбачевское» время, захватила воображение многих людей. Склад ума советских граждан, воспитанных большевиками в течение десятилетий, был весьма восприимчив к

призывам достижения чего-то гигантского, неповторимого, необычного, пионерского, «самого-самого». Советские люди, что ни говори, были люди веры. Но веры большевистской, ленинской.

Как видим, канун перестройки, совпавший с «правлением» Черненко, это не только временное понятие. Самые первые токи, движения, ощущения, предчувствия грядущих перемен появились именно в 1984 году. Но благодаря не Черненко, а той атмосфере, где уже рождались некоторые идеи перестройки.

В декабре 1984 года в Москве проходила научно-практическая конференция «Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии». В докладе М.С. Горбачева и в приветствии К.У. Черненко педалировалась мысль о «совершенствовании» созданного. Михаил Сергеевич, следуя неписаному железному правилу, цитировал генсека: «Принципиальной основой стратегической линии партии… служат выдвинутые К.У. Черненко теоретические установки (какие? – *Д.В.*) и положения относительно достигнутого уровня социальной зрелости советского общества»{985}. Тут же Горбачев говорил, что «перед лицом глубоких перемен» партия всегда «обращается к народу». Термин «совершенствование» социализма, предполагающий «глубокие перемены», со временем будет заменен седьмым лидером на знаменитый термин «перестройка».

Разговоры (именно разговоры) о «совершенствовании», возможно, появились и потому, что убогое, бесцветное, бесперспективное, мертвящее партийное «правление» при Черненко стало особо рельефно зримым, очевидным. Фигура самого Черненко, старого человека с отечными маленькими глазами, с невнятной торопливой речью, вызывала жалость и недоумение у людей. У многих, возможно, и у самого Горбачева возникала мысль: доколе так будет? «Совершенствование» социализма действительно необходимо. Но как, когда?

Стагнация системы, грозящая перерасти в деградацию, побуждала наиболее проницательных людей к действию, выглядевшему нередко как протест, неприятие существующих реальностей в СССР. Увеличился поток (кому удавалось) уезжающих из страны, все чаще артисты, спортсмены, дипломаты, туристы просили политического убежища за рубежом. Возросло количество антисоветских листовок, антипартийных надписей, «подрывной» литературы, изымаемой на таможнях. Председатель Комитета государственной безопасности В.М. Чебриков докладывал, что выявлены еще «1325 авторов, которыми распространено 7537 анонимных документов антисоветского, националистического и политически вредного содержания, а также учинено 628 надписей». Чебриков пишет, что из

установленных КГБ 1223 авторов 89 коммунисты.

Председатель КГБ докладывает, что «на Украине, в республиках Прибалтики, Закавказья обезврежена деятельность 17 нелегальных националистических группировок. Пресечены 75 попыток националистических элементов совершить экстремистские действия, враждебная деятельность 11 лиц, спровоцировавших групповые антиобщественные акции в Тбилиси, и ряда инспираторов эмиграционных настроений среди лиц немецкой национальности. Привлечено к уголовной ответственности 13 инспираторов враждебных проявлений в Литве, Латвии и Эстонии…»{986}.

Еще задолго до кровавых событий в Алма-Ате, Сумгаите, Тбилиси, Баку, Вильнюсе в Москву стали поступать тревожные сигналы национального брожения в ряде республик Союза. Но Черненко был просто не готов к такому повороту событий. Как был не готов и ко многому другому.

Все больше людей чувствовало, что страна подошла к внешне невидимому рубежу, за которым возможны желанные перемены. Уже очень немногих могли ввести в заблуждение публикуемые (и непубликуемые) списки награжденных за «успехи» в социалистическом соревновании и социалистическом строительстве. Награждались по решению ЦК: издательство «Правда», Сочинский порт, г. Таллин, г. Архангельск, Мелеузовский химический завод, Союз писателей СССР… можно перечислять до бесконечности. Чем хуже шли дела в стране, тем щедрее на награды, чины, звания становилось партийное руководство, в том числе самим себе. Маразматические властители утрачивали элементарный контроль над своими тщеславными слабостями.

Как писал замечательный русский писатель Константин Паустовский в одной из своих ранних работ, «во времена расцвета страна рождает певцов и героев. Во времена упадка – пыль и много начальства». Сказано словно о «правлении» Черненко.

В середине сентября 1984 года после двухмесячного отпуска появился в Кремле Черненко, совсем не посвежевший от ласкового южного солнца и соленого бриза Черноморья. Свое появление он ознаменовал (конечно, по инициативе «соратников») очередным награждением себя высшим отличием страны. Политбюро решило 23 сентября объявить стране в главной информационной телепрограмме «Время», а 24-го, в день рождения генсека, – и в печати, что «за выдающиеся заслуги в партийной и государственной деятельности по разработке и осуществлению ленинской внутренней и внешней политики, развитию экономики и культуры, укреплению

обороноспособности СССР, большой личный вклад…» и т. д. наградить Черненко Константина Устиновича орденом Ленина и Золотой Звездой «Серп и Молот»{987}.

Захотелось больному лидеру получить ко дню рождения (последнему при жизни), своему семидесятитрехлетию, третье звание «Героя» – тут же получил…

Ни у кого в стране ничего, кроме недоумения и горечи, этот акт очередного «осчастливливания» вождя, «пира во время чумы», естественно, не вызвал. На почве вязкой общественной апатии, равнодушия все чаще проклевывались ростки глухого недовольства, пассивного протеста, интеллектуального смятения.

Глубокая аморальность советских лидеров выражалась в показной скромности и фактической неразборчивости в отношении собственного вознаграждения. Как писал мудрый Гегель: совесть – это «процесс внутреннего определения добра»{988}. Ни Черненко, ни его соратники не были способны к этому «определению». В феврале 1982 года политбюро одобрило присуждение Ленинских и Государственных премий за «Историю внешней политики СССР, 1917–1980 гг.» в двух томах, как и за многотомник по международным конференциям периода Второй мировой войны. В числе лауреатов, удостоенных Ленинской премии, – Константин Устинович Черненко, ничего не смысливший ни в историографии вопроса, не сделавший абсолютно никакого научного вклада в создание трудов. Но иметь Ленинское лауреатство считалось очень престижным…

Несмотря на «большой личный вклад» шестого лидера СССР во внутреннюю и внешнюю политику страны, кризисные явления в экономике, народном хозяйстве стали еще более глубокими. Вот только одна сфера, которая интегрально характеризует состояние экономики государства. В 1984 году Советским Союзом закуплено на Западе 45,5 миллиона тонн зерна и зерно-продуктов, 484 тысячи тонн мяса и мясопродуктов, свыше одного миллиона тонн масла животного и растительного, других продовольственных товаров на свободно конвертируемую валюту. Страна для этого отправила за рубеж более 300 тонн золота, огромные валютные суммы, вырученные за продажу газа, нефти, леса, другого сырья. Государство, потенциально чрезвычайно богатое, проедало природные ресурсы, будучи совершенно не в состоянии прокормить свой народ. Все усиливалась тенденция перехода предприятий на импортное оборудование, которое, однако, использовалось из рук вон плохо. Собственное станкостроение все более отставало. В 1984 году из 272 предприятий и объектов, сооружаемых на импортном оборудовании, большинство не выполнило плановых заданий. На 1 января 1985 года остались не

введенными в эксплуатацию 506 комплектов импортного оборудования. Однако поток заявок на закупку зарубежной технологии продолжал расти{989}.

Бесхозяйственность, игнорирование экономической целесообразности, затыкание бесчисленных «дыр» за счет проедания национальных ресурсов все отчетливее обозначали контуры приближающегося тотального кризиса общества. Хотя официальная статистика, манипулируя показателями, утверждала, что общий объем промышленного производства увеличился на 4,2 процента при годовом плане 3,8 процента. Производительность труда, по официозу, возросла в промышленности на 3,9 процента. Естественно, считалось, что возросли и реальные доходы на душу населения на 3,3 процента.

Благополучным показателям уже мало кто верил: сплошные «дефициты», пустые полки магазинов, скрытая спекуляция, приписки, поездки в столицу «за колбасой» превратились в явление советской жизни.

Черненко к концу 1984 года стал приезжать в Кремль или на Старую площадь не каждый день. Но если и приезжал, то был в своем кабинете максимум 2–3 часа. Он задыхался. Легочная и сердечная недостаточность усугублялись хроническим гепатитом печени. Человек умирал на глазах своих соратников. Однако в дни заседаний политбюро Черненко собирал тающие силы и приезжал на заседание: ему очень не хотелось даже временно уступать пост, столь нелепо и неожиданно ему доставшийся.

У Черненко еще хватило сил прибыть на большой прием 7 ноября 1984 года, посвященный очередной годовщине Октябрьской революции и проходивший в банкетном зале Кремлевского Дворца съездов. Блестящая толпа «высшего света» – дипломаты, министры, деятели искусства, передовики производства, генералитет слушали совершенно невнятную речь генсека. Его глаза, по-видимому, перескакивали через строчки текста, потому что в притихшем огромном зале была слышна форменная абракадабра. Стоявшая рядом со мной жена, увидев, как я изменился в лице, испуганно прошептала:

– Тебе плохо?

– Мне стыдно. За всех нас, за страну…

Появления на политбюро, которые Черненко, похоже, ставил своей целью, давались ему все труднее и труднее. Так, 3 января 1985 года он с трудом смог собраться и приехать в Кремль на заседание. Были довольно быстро рассмотрены 14 вопросов повестки дня. Все видели ужасное состояние генсека и старались ускорить принятие решений без обсуждения. Набор вопросов был обычным: об очередной сессии Верховного Совета СССР,

директивах бесед Громыко с Шульцем в Женеве, об итогах визита Горбачева в Англию (одобрили), согласились со снижением розничных цен на автомобили «Запорожец» и «Нива» (впервые в советской истории наметилось затоваривание этими машинами) и, наконец, рассмотрели записку общего отдела «Об итогах работы политбюро в 1984 году»{990}.

Еще месяц назад Черненко поручил своему бывшему заместителю К.М. Боголюбову «подытожить» год его «генсекства». Старый канцелярист потрудился на славу. На 28 страницах была написана хвалебная ода правлению старца. В документе 27 раз упоминается генеральный секретарь, фактически на каждой странице «указания», «выступления», «выводы», «записки», «беседы», «речи» товарища Черненко… Панегирик-некролог умирающему лидеру получился впечатляющий. Как того и желал больной. Обсуждение итогов работы политбюро за 1984 год сегодня выглядит символичным: на заседании, где присутствовал шестой лидер КПСС и СССР, подвели итоги его правления… Как полагалось, итоги в основном канцелярские, бумажные. В душе генсек до конца жизни остался заведующим общим (как он подчеркивал, «особым») отделом. Судите сами.

Итоги работы выражаются такими «впечатляющими» цифрами: в 1984 году состоялось 48 заседаний политбюро и 42 – секретариата ЦК. Принято 3760 постановлений политбюро, из них – 529 на заседаниях и 3231 – голосованием заочно. Секретариат ЦК принял 5452 постановления, в том числе на заседаниях – 980, голосованием заочно – 4472. Работали Комиссии по проекту Программы партии, топливно-энергетическому комплексу, Продовольственной программе, реформе общеобразовательной школы, по Польше, Китаю, Афганистану, внешнеполитической пропаганде, товарам народного потребления и другие. В «Итогах» дается высокая оценка «миролюбивой советской внешней политике» и результатам бесед товарища Черненко с руководителями братских социалистических государств, развивающихся и капиталистических стран. Политбюро продолжало укрепление руководящего состава партийных органов и утвердило 28 новых первых секретарей обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, назначило 12 новых союзных министров…

В ЦК поступило за год 255 тысяч экземпляров всякого рода служебной корреспонденции. Количество писем, полученных в Центральном Комитете, достигло более 600 тысяч. Только генеральному секретарю и другим членам высшего руководства доложено более 9 тысяч писем…{991}

Огромный отчет с массой цифровых выкладок, перемежаемых

славословиями в адрес генерального секретаря… Однако в записке практически отсутствует глубокий анализ роли политбюро в преодолении кризисных явлений в обществе, слабой общественной активности населения, продолжающейся бюрократизации государственных структур, последствий подмены партийными комитетами советских органов власти и других вопросов.

Записка общего отдела, подготовленная по указанию Черненко, еще раз подтвердила, что шестой лидер оказался полностью неспособным на внесение в жизнь хотя бы некоторых реальных реформаторских идей. С другой стороны, историческая пауза безвременья лишь усилила ожидание необходимости кардинальных перемен в обществе. В той ленинской системе, где людям уровня Черненко становится возможным возглавлять партию и государство, эти перемены могли быть начаты только сверху. Оставалось ждать, придет ли на смену профессиональному партийному чиновнику человек, который услышит призыв своей судьбы в инициировании выстраданных перемен. Когда начнется долгожданная Реформация?

Страна чувствовала безвременье. Общественное умонастроение было таково, что все ждали крупных перемен. Но в такой стране, как СССР, они могли начаться только со сменой первого лица. Все смутно понимали, что общество подошло к тому незримому рубежу, когда должен начаться перелом, изменения, крупные перемены. Это как перед наступлением весны в средней полосе России. Март. Может заметелить, пойти обильный снег. Но все знают, что это ненадолго: на часы, максимум на сутки-двое до нового веселого натиска весны…

Весьма колоритно передал атмосферу перед уходом Черненко наблюдательный работник ЦК А.С. Черняев, ставший вскоре помощником М.С. Горбачева. – «…О Черненко. Из дневника. Москва полна анекдотами и смехом, а западная печать жуткими карикатурами и статейками по поводу его болезни. И все обсуждают, кто потом: Горбачев, Гришин, Громыко, Романов… Ходит даже «вариант» (от русских всего можно ожидать), что Черненко уже мертв. Поэтому и остановили матч Карпов-Каспаров в Колонном зале Дома союзов, чтобы освободить место «для прощания с телом». Обильно цитируют Громыко, Зимянина, других с восхвалением выдающихся заслуг, вклада и качеств Генерального секретаря, которые, отмечает «Express», будут забыты раньше, чем выгорят свечи у гроба. Видимо, поэтому дважды показали Черненко по ТВ: при голосовании якобы на избирательном участке и при вручении ему удостоверения депутата Верховного Совета РСФСР. В последнем случае он даже

пытался что-то говорить. Зрелище убийственное и постыдное»[992].

Проницательные люди давно поняли, что они скоро могут стать свидетелями обрыва консервативной традиции, возродившейся с приходом Брежнева на Олимп власти. Один из признаков этого акта заключался в том, что власть, ее официальная идеология уже почти не говорили о «достижениях» сегодняшнего дня, а просто прославляли режим и настойчиво переносили ожидаемые блага и свершения в неопределенное, туманное будущее.

В начале 1985 года в Софии должно было состояться заседание Политического консультативного комитета Организации Варшавского Договора. На заседании политбюро, состоявшемся 9 января 1985 года, Черненко предоставил Чазову слово. Тот без обиняков заявил: «Константин Устинович не сможет возглавить делегацию СССР. Выезд генерального секретаря куда-либо нежелателен и, более того, просто невозможен…»

Решили: сообщить в Софию, что «Константин Устинович в настоящее время нездоров» и выехать на ПКК не может[993].

Затихли и соцстраны, выжидая, чем закончится очередная агония очередного советского вождя.

Двадцатилетняя зима консерватизма и «стабильности», похоже, приближалась к концу. Все чувствовали близкий приход оттепели, провозвестника долгожданной весны. В такие моменты люди особенно рельефно видят губительный, зияющий разрыв между провозглашаемыми режимом постулатами и реальной действительностью. А это означает все большее осознание неизбежности грядущих перемен. Но какими они будут – ответить никто не мог.

Черненко, посетивший в последний раз свой «генсековский» кабинет 7 февраля 1985 года, вскоре прочно и до конца своих дней перебазировался в лечебный корпус для самых высоких сановников страны.

Мобилизовав всю свою волю, Черненко приехал в Кремль. В последний раз. Словно чувствовал, что, как только он не сможет этого делать, и власть, и жизнь выскользнут из его ослабевших рук.

Оглядев длинный стол, где уже сидели его соратники, генеральный секретарь, собравшись с силами, зачитал свою последнюю крохотную речь.

– Этот отрезок времени прошел у нас по-боевому… Я на некоторое время как-то вышел из боевого строя, но старался внимательно читать все документы и по наиболее важным

вопросам принимать решения. Скажу прямо, что прошедший период времени выявил необходимость еще раз посмотреть наши боевые ряды, выявить, на что способен каждый товарищ. Думаю, что нам следует продолжать в таком же духе нашу работу, не выдумывая каких-то новых форм…

Закашлявшись, Черненко не стал читать продолжение, а, собравшись с силами, поздравил Г.В. Романова с днем рождения… Приступили после этого к обсуждению двух записок генсека: о координации работы с братскими странами и о кадровой работе. Проекты постановлений уже были готовы. Черненко оставалось набраться сил выслушать хвалебные слова о «своевременности и глубокой аналитичности записок»[994].

Закончив заседание и едва поднявшись, Черненко с трудом, держась за спинку кресла, чуть слышно произнес:

– Желаю всем товарищам больших успехов…

Шестой «вождь» фактически прощался со своими соратниками. Было 7 февраля 1985 года.

Многое в жизни не столь ужасно, сколь неотвратимо.

Судьбе было угодно обрушить на разваливающегося человека все мыслимые болезни: к легочной и сердечной недостаточности прибавилась пневмония, когда он лечился в Кисловодске; цирроз печени, усилились дистрофические изменения в других органах и тканях. Целый сонм врачей, возглавляемых академиком Чазовым, пытался продлить агонию шестого лидера СССР.

Один из кремлевских старцев, А.А. Громыко, вскоре напишет: «За три дня до кончины, почувствовав себя плохо, он (Черненко) позвонил мне:

– Андрей Андреевич, чувствую себя плохо… Вот и думаю, не следует ли мне самому подать в отставку? Советуюсь с тобой…

Замолчал, ожидая ответа. Мой ответ был кратким, но определенным:

– Не будет ли это форсированием событий, не отвечающим объективному положению? Ведь, сколько я знаю, врачи не настроены так пессимистично.

– Значит, не спешить?

– Да, спешить не надо, – ответил я.

Мне показалось, что он определенно доволен моей реакций.

– Что же, из этого и буду исходить…

На этой фразе мы и закончили телефонный разговор»[995].

Но Черненко торопила смерть.

Генсек уже почти ничего не соображал, а от его имени нет-нет да и поступали в политбюро «бумаги»[996].

Его факсимиле и печать по-прежнему скрепляют протоколы политбюро, которые он уже никогда не прочитает. Генсек как бы

присутствует в Кремле, хотя его душа вот-вот отлетит от бренного тела. Энергичный Горбачев уверенно хозяйничает за председательским пультом: решают строить новые метрополитены в Челябинске, Омске, Красноярске; принимают постановление об увеличении выпуска обуви; намечают меры, направленные на сохранение палестинского движения сопротивления от раскола («важный фактор против израильской агрессии»); решают, как «распорядиться» принимаемым отработанным ядерным топливом (в частности, из Австрии и ряда других стран)…{997}

За три-четыре дня до кончины Черненко его посетили М.С. Горбачев и Е.К. Лигачев. Рассказывая затем 7 марта своим коллегам об этом посещении, Горбачев сообщил: проговорили около часа. Черненко якобы сказал, что надо сохранить достигнутое в промышленности, уберечь поголовье скота. Черненко согласился с предлагаемой датой очередного съезда – 3 декабря 1985 года. Будучи буквально на смертном одре, утвердил замену Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР Яснова (отправить его на пенсию), решили вопросы в отношении Бодюла, Непорожнего…

Горбачев в заключение буднично заметил: «Надоело ему в больнице… Передавал привет».

Незаменимость вождя у большевиков приняла гротескные формы. Брежнев, Андропов, Черненко, уже прощаясь с жизнью и будучи не в состоянии делать что-то рациональное, должны были решать кадровые перестановки, определять даты форумов, уточнять повестки дня каких-то совещаний.

Даже великое таинство, смерть, наследники Ленина не хотели принимать во внимание. Земная суета до последних минут, до последнего вздоха… А вокруг умирающего генсека все еще суетились, пытаясь представить «дееспособность» власти. Вся страна запомнила, как еще один старец, Гришин, не отказавшийся, скорее всего, от самых честолюбивых надежд, вытащил полумертвого, едва стоявшего на ногах Черненко из койки к избирательной урне, принесенной к нему в больничную палату. Призрак дрожащей рукой едва-едва смог поднять и опустить бюллетень…

Что мог думать Черненко в последние минуты бытия, пока его не покинуло сознание и смерть не похитила и эту жизнь?

В истории было разное.

Когда в 1793 году голову Людовика XVI, короля Франции, положили на плаху и она через минуту скатилась в корзину гильотины, Луи Капет, подняв окровавленную голову, вдруг спросил палача:

– Нет ли вестей о Лаперузе? (Уже пять лет как экспедиция Лаперуза исчезла бесследно…)

Наверняка Константин Устинович в свои последние минуты думал не о Продовольственной или Энергетической программе… Но это вечная тайна истории.

Когда генсек находился уже почти в коме, последним документом, скрепленным помощниками его факсимиле, был ответ в Токио на письмо Миямото вечером 9 марта 1985 года{998}. Фактически это был ответ с «того света». Ведь получил Миямото письмо несколько дней спустя.

Игра исторического случая или особый мистический знак: последнее письмо уже потерявшего сознание Андропова с его факсимиле (сам уже подписать был не в состоянии) ушло 8 февраля 1984 года в Токио руководителю компартии Миямото… У Черненко последнее в этой земной жизни письмо было тоже адресовано Миямото… Переступая невидимую черту, отделяющую земное бытие от небытия, пятый и шестой «вожди» последние импульсы угасающей жизни направили на Восток, одному и тому же человеку…

В полдень 10 марта 1985 года шестой лидер КПСС и СССР потерял сознание, а в 19 часов 20 минуту него остановилось сердце. Смерть, которую все давно предвидели, никого, кроме близких, не взволновала и не огорчила. Старцы из политбюро уходили один за другим. Анна Дмитриевна, жена генсека, и трое его детей скорбели о муже и отце. Они не могли не понимать, что неожиданная карьера резко сократила земную жизнь человека, призвание которого было совсем в другом.

Умер в январе 1982 года «серый кардинал» ЦК Суслов, в декабре 1984 года – Устинов. Черненко, ставший высшим руководителем страны в наиболее преклонном возрасте за всю историю СССР, не оставил после себя ничего памятного, кроме образа нелепого, случайного, исчерпавшего себя человека. Но нет, он не был случайным: такова была «воля» деградирующей Системы. Смерть отобрала у шестого «вождя» жизнь, которая уже едва ли могла пригодиться власти, той, что всю жизнь укреплял Черненко. Возможно, это было наиболее достойным завершением необычной карьеры Большого Чиновника? Может быть, прав Н.А. Бердяев, сказавший однажды: «Смерть есть знак, указующий на существование высшего смысла жизни»{999}.

Люди устали от высоких похорон. За три года страна «простилась» с тремя генеральными секретарями. С Черненко действовали «сноровисто» и быстро. События развивались даже стремительно. Менее чем через сутки после смерти Черненко страна уже имела следующего, седьмого «вождя» КПСС (а вскоре,

естественно, он стал и первым лицом государства).

Ничего не оставил после себя Черненко: ни сенсационных рабочих записей, ни каких-то личных заметок или воспоминаний, ни завещания. Когда вызвали мастера, чтобы вскрыть личный цифровой сейф, то после небольшой возни с кодами была распахнута стальная дверца. Последовала немая сцена. Все были поражены: кроме тонюсенькой папочки с документами весь сейф был забит пачками с деньгами…{1000} В ящиках письменного стола генсека тоже были деньги, деньги. Откуда они и зачем вождю такие огромные суммы? О происхождении их можно только догадываться и предполагать. Да и не хотелось бы развивать эту тему, зная, что Черненко, будучи генсеком и ранее заведующим общим отделом, мог контролировать бюджет ЦК и его расходы.

На другой день утром политбюро уже заседало; не приехал пока лишь из Киева Щербицкий. Горбачев дал в начале заседания слово академику Чазову. Это невольно выглядело так: смотрите, мол, друзья, хватит, козыряя «преемственностью», утверждать геронтократию. Страна, вместо того чтобы скорбеть, смеется… После медицинского сообщения Горбачев добавил лишь несколько фраз: «Болезнь у него действительно была тяжелая. Мы сами это видели. Врачи, конечно, старались помочь больному, но болезнь была настолько тяжелой, что терапевтические меры, предпринимавшиеся врачами, не привели к положительному результату. Очень тяжело сознавать, что среди нас нет Константина Устиновича…»

Тут же Горбачев перешел к главному вопросу: «О Генеральном секретаре ЦК КПСС…»{1001} Ни сам Горбачев, ни его сотоварищи не хотели откладывать дела «оформления» передачи власти новому лицу. Все уже знали – кому.

Предложив Горбачеву возглавить Комиссию по похоронам, члены политбюро тем самым, по традиции, предрешили: очередным лидером партии и страны будет самый молодой член партийной коллегии.

Горбачев, как само собой разумеющееся: «Похороним Черненко на Красной площади». Там, возле мраморного могильника Ленина, уже лежат три генеральных секретаря. Черненко оказался четвертым и, вероятно, последним «вождем». Хрущеву не нашлось места. Историческая площадь столицы великого народа была превращена большевиками в кладбище…

В книге А.С. Грачева «Кремлевская хроника» хорошо сказано: «…не только империи, но и социальные системы, подобно динозаврам, вымирают, если не успевают адаптироваться к переменам, происходящим на земном шаре»{1002}. Похороны

Черненко-симптом скорых похорон и Системы, которой он так преданно, по-чиновничьи, служил. По предложению В.М. Чебрикова, председателя Комитета государственной безопасности, могилу Черненко решили разместить рядом с «красным конником», СМ. Буденным.

Соратники спешили перевернуть страницу, связанную с Черненко. У всех в душе, по себе помню, были смутные ожидания и даже какой-то страх. Да, страх: неужели какой-нибудь Гришин вновь поведет страну в никуда? Все устали от безвременья. Ведь история – это не просто годы, связанные цепью событий. История – это Библия Вечности, которую пишут сами люди. Они уже оставили на скрижалях советской истории имена шести руководителей, шести «вождей», которые столько обещали…

Кто будет седьмым? Мы, читая эту книгу, это уже давно знаем. Тогда же для нас эта недолгая неведомость была мучительной. Что было за кулисами событий? Люди тревожились: будут ли наконец перемены к лучшему? Будут ли?

Естественные, но наивные вечные ожидания.

Дело в том, что прошлое не менее совершенно (для своего времени), чем будет XXI век для своего столетия…

Будущее, только мы этого не знаем, всегда дает предписания нашему настоящему.

«Вождь» седьмой: Михаил Горбачев

Ничто в истории не осуществляется по прямой линии, мирным нарастанием, без раздвоения и жертв, без зла, сопровождающего добро, без тени света.

Н. Бердяев

Все беды России в том, что она никак не может вступить в прочный альянс со Свободой. Горбачев, седьмой «вождь», попытался это сделать.

О Горбачеве писать трудно. По нескольким причинам.

Прежде всего – он наш современник; его воля и мысль вплетены в повседневье, он часть нас самих, сегодняшних. Писать о нем – это писать о его современниках, о самих себе. Горбачев среди нас и часто своими сегодняшними выступлениями и заявлениями входит в противоречие с тем, что делал в свой «звездный час». Ведь он считает, что «его время» еще не прошло.

Во-вторых, о нем так много написано! Только Ленин из всех советских лидеров (и то лишь в СССР) не уступает Горбачеву по количеству написанного о нем. Даже Сталин, крупнейший тиран XX века, удостоился меньшего издательского интереса. Что касается зарубежных публикаций, здесь седьмой советский «вождь» – абсолютный чемпион. Работая в библиотеке американского конгресса, я обнаружил более двухсот пятидесяти (!) достаточно крупных работ (книг) о Горбачеве. Правда, большинство публикаций поверхностны, с «грибной», короткой жизнью.

В-третьих, Горбачев, как и Ленин, «рубежный» лидер. Ленин получил то, к чему стремился: власть. Горбачев получил то, чего совершенно не хотел: крах социалистической системы. Но и первый лидер, и седьмой «вождь» своими судьбами рельефно очерчивают начало и конец тоталитарной системы.

Особняком стоят книги, написанные о Горбачеве его ближайшими помощниками. Большинство принадлежат перу тех, кто остался верен бывшему генсеку до конца. Среди них я бы отметил прежде всего книгу Г.К. Шахназарова «Цена свободы», весьма глубокую, спокойную, аналитическую работу. Любопытны и интересны книги А.С. Черняева, А.С. Грачева, А.М. Александрова-Агентова, В.А. Медведева. Любопытна книга ВТ. Медведева, генерала-охранника первого и последнего президента

СССР, посвященная в основном закулисной жизни хозяев Кремля. Особняком стоит в этой обойме книга помощника Горбачева В. Болдина, вышедшая в Америке, а недавно и в России. Она является резким диссонансом всему, что написано о Горбачеве «верными» помощниками. Похоже, рукой автора водила глубокая, до неприличия, неприязнь к генсеку. Из-под пера Болдина вышел портрет Горбачева как человека самовлюбленного, эгоцентричного, подозрительного ко всем, падкого на лесть заграницы.

Помощник генсека В.И. Болдин, попросту изменивший Горбачеву в августе 1991 года, изливший на «хозяина» много темных чернил в своей книге, почему-то особо ополчился на его жену. С большим критицизмом относясь к «кухонным» наветам, похожим на сплетни, замечу, однако, одно место из книги Болдина, которое звучит как серьезное обвинение Горбачеву.

«…Раиса Максимовна, – пишет автор книги «Крушение пьедестала», – на протяжении многих лет правила не только домашним хозяйством, но и всем балом перестройки. Она участвовала в формировании политики, где это, разумеется, было возможно, и в расстановке кадров. Но главное, она формировала характер генсека-президента, помогала ему искать путь в бурном море политических течений в надежде привести государственный корабль к намеченным целям. И это можно оценивать по-разному, и как желание разделить ответственность, и как вмешательство в компетенцию президента, может, с его согласия, но ограничивающее его свободу действий и власти»{1003}.

Конечно, как помощник генсека, Болдин действительно много знал о положении в правящей верхушке, но не сыграл ли и с ним злую шутку советский менталитет, когда мы о женах вождей, по сути, никогда ничего не знали. А здесь активная общественная, политическая деятельность жены лидера так бросалась в глаза каждому… Впрочем, очень многие люди в деятельности Раисы Максимовны на всесоюзном и международном поприще расценили с помощью телевидения как явный «перебор» и выраженные элементы тщеславия. Ведь и Хрущева Нина Петровна занималась богоугодными делами, и Ельцина Наина Иосифовна тоже ими занята, но это никому резко не бросалось и не бросается в глаза.

Некоторые штрихи к силуэту Горбачева не политика, а человека добавляют размышления его жены Раисы Максимовны в книге «Я надеюсь». Ближайшее окружение последнего генсека, таким образом, «описало» Горбачева «со всех сторон».

Конечно, не имеют ни исторической, ни научной ценности такие грязные книжонки о Горбачеве, как опус Б. Олейника

«Князь тьмы» или Л. Великодного «Энциклопедия горбачевизма». Каждому свое.

Горбачев после Ленина самый заметный деятель в истории России XX века, с чьим именем связываются столь кардинальные и необратимые перемены. Его главная историческая заслуга заключается в том, что он почувствовал глубинную необходимость перемен и решился, став первым лицом в партии и государстве, инициировать их.

Нет, у Горбачева не было никакого «плана», что бы сегодня ни писали его биографы, никакой «стратегии», кроме официальной ленинской «линии» ЦК, решений съезда, программных установок КПСС. И это естественно. Никто не мог на его месте открыто приступить к демонтажу коммунистической системы. И он не хотел и не собирался этого делать. Но кто-то должен был его начать! И это невольно сделал Горбачев – лидер переходного периода, исповедовавший начатые перемены как процесс «совершенствования», «улучшения», «ускорения», наконец, «перестройки» коммунистической системы.

Горбачев никогда, даже после августа 1991 года, не ставил вопроса о ликвидации советской социалистической системы: он хотел лишь ее «улучшения». Но как можно «улучшить» тоталитарное общество? Как можно «улучшить» монополию одной политической силы? Как можно вдохнуть новую жизнь в директивную экономику, полностью исчерпавшую себя? На эти вопросы нет удовлетворительного ответа. Не было их и у седьмого «вождя».

Седьмой «вождь» хотел «все» перестроить, не затрагивая при этом социалистического фундамента с господством государственной собственности, с «авангардной» ролью КПСС в обществе, ведущей ролью рабочего класса, сохранением коммунистических идеалов как цели движения. Нетрудно увидеть, что задача эта в принципе невыполнима. Все «перестроить» и сохранить основы, заложенные Лениным, невозможно. Коммунистическая система нереформируема. Она или есть, или ее нет. Этого не мог или не хотел понять (ведь он генсек КПСС!) Горбачев.

Спустя десятилетие после начала «перестройки», когда и сам термин уже почти предан забвению, а коммунисты – проклятию, все рельефнее предстает крупная историческая роль Горбачева в судьбах России, да и всего мира.

Конечно, для оценки огромной роли Горбачева в российской истории (и не только в ней) не имеет весомого значения то, что он говорит сегодня. И то, что эти заявления часто совсем не согласуются с прошлыми, времен его «правления». Хотя, конечно,

это печально; в историческом Горбачеве сегодня слышны мотивы обиды, политического раздражения и вновь-жажда власти. Он не может понять, что нельзя «в одну и ту же реку войти дважды». Горбачев останется в истории зачинателем одной из самых великих в XX веке Реформаций, но его время ушло…

Прежде всего, Горбачев стал пионером либеральных перемен, начатых, правда, без кардинальных замыслов и ясных целей, в рамках желания полного сохранения марксистско-ленинских основ в обществе и государстве. Горбачев начал процесс назревших демократических перемен, которые, однако, все больше и больше выходили из-под его контроля. Его имя навсегда стало символом самых драматических реформ в XX веке.

Далее. Конечным внутренним результатом «перестройки», помимо воли и желания инициатора, стало тотальное крушение коммунистической системы. Но при этом не Горбачев ее разрушил. Нет. Он своими действиями не мешал ее саморазрушению, самораспаду. События, начало которым положил последний генеральный секретарь, стали развиваться по своим внутренним объективным законам, полностью игнорируя директивное мышление их инициаторов на Старой площади.

Наконец, внешним результатом реформистских деяний Горбачева стало существенное изменение характера международных отношений. Отодвинулась далеко вглубь угроза глобального ядерного конфликта и самоуничтожения человечества. Стали реальными многие планетарные категории, позволившие людям осознать, что есть некие общие великие ценности, достигнуть и сохранить которые можно только сообща. Пожалуй, никто не сделал в XX веке так много, как Горбачев, для устранения глобальной военной угрозы для человеческой цивилизации.

Разумеется, полную оценку исторической роли Горбачева человечество сможет сделать только где-то за порогом XXI века, когда годы «перестройки» отодвинутся от сегодняшней суеты в глубину истории. Однако уже сейчас можно сказать, что «правление» Горбачева не только стало источником эпохальных перемен позитивного характера, но и явилось катализатором резкого обострения многих противоречий и конфликтов, наложивших мрачную печать на их конкретные проявления. Об этом мы скажем в своем очерке о седьмом «вожде».

Горбачев был и еще долго останется в сознании своих соотечественников трагической фигурой, которую одни будут боготворить, а другие ненавидеть, одни видеть в нем великого реформатора, а другие – коварного разрушителя. В этом очерке автор книги, опираясь на документы КПСС, свидетельства

очевидцев, личное восприятие человека, с которым я знаком, попытается написать еще один портрет генсека к тысяче уже имеющихся. Повторю: в отличие от абсолютного большинства из них это – строго документированный «силуэт» в большевистской галерее вождей, отражающий один из самых драматических этапов истории великого народа.

Когда я писал и завершил эту книгу портретов большевистских вождей, стало известно, что в Германии вышли мемуары Горбачева. Я незнаком с содержанием книги, хотя знаю некоторых людей, которые помогали ему ее готовить. Однако, прочитав фактически все им ранее произнесенное (а это десятки томов, если собрать вместе!), а также написанное с помощью сонма помощников, я заранее знаю, что он сказал в книге воспоминаний. Не думаю, что годы безвластия могли кардинально изменить Горбачева. Исторически самая уязвимая черта этого выдающегося человека – он быстро забывает свои главные промахи и ошибки или умышленно говорит об этом глухо и скупо. Другие «виновны», по его мнению, значительно больше.

Что ж, эта слабость присуща почти всем политическим деятелям. Здесь Горбачев не является исключением. Когда философ Юм начинал писать свою краткую автобиографию, он заметил: «Очень трудно долго говорить о себе без тщеславия». А Горбачев говорит о себе уже долго…

В будущем, думаю, профиль этого политического деятеля, совсем неприметного большую часть его жизни в масштабах даже КПСС и страны, можно будет высветить более рельефно. Наиболее точный политический портрет пишется тогда, когда есть значительная по времени историческая ретроспектива. Ее пока нет. Однако уже сегодня, мне кажется, можно было бы провести одну историческую параллель. Такие параллели иногда позволяют схватить нечто существенное, непреходящее. Эту «параллель», впрочем, еще раньше заметили и на Западе.

В российской истории есть крупный государственный деятель, судьба которого во многом схожа с судьбой Горбачева. Это император России Александр II.

У Александра II был весьма консервативный, даже реакционный предшественник, его отец Николай I. Так же можно расценить и предтечу Горбачева Черненко, хотя это слишком мимолетная фигура, более сравнимая с тенью Брежнева.

И Александр II, и Горбачев – явные либералы для своего времени. И тот и другой начали далеко идущие реформы: если император, вопреки воле многих своих сановников, освободил российских крестьян, то генсек дал духовную свободу всему

обществу.

Александр II был воспитан поэтом Жуковским, мудрым политиком Сперанским, историком К.И. Арсеньевым. Он впитал в себя все лучшее из европейской культуры, как и непреложные самодержавные правила дома Романовых. Горбачев – воспитанник большевистского «дома», где главная роль принадлежала не выдающимся мыслителям и даже не юристам Московского университета, где он учился, а его партийным начальникам в Ставрополье: В. Мураховскому, Ф. Кулакову, Л. Ефремову. Однако, несмотря на традиционность (для каждого) воспитательного воздействия, и тот и другой где-то подсознательно лелеяли идеи назревших перемен.

Когда Александр II в 1855 году вступил на престол, мятежный Герцен, разбудивший «колокол» российской совести, обратился из Лондона к 35-летнему императору: «…Государь, дайте свободу русскому слову. Уму нашему тесно, мысль наша отравляет нашу грудь от недостатка простора, она стонет в цензурных колодках. Дайте нам вольную речь… Нам есть что сказать миру и своим. Дайте землю крестьянам – она и так им принадлежит»{1004}.

Роль Герцена в СССР спустя более чем столетие исполняли великие А. Солженицын и А. Сахаров. Горбачев давно слышал их голос, но совсем не внимал ему. Став генсеком, он почувствовал, однако, что без «вольной речи» даже частичное улучшение марксистской системы неосуществимо. Ну а в отношении крестьян он, Горбачев, был советским «профессором». Даже через два с лишним года после начала перестройки убежденно утверждал, что «коллективизация означала коренное изменение всего уклада жизни основной массы населения страны на социалистических основах»{1005}. Император Александр II освободил крестьян от крепостничества, а большевики через семь десятилетий после этого вновь возродили сословие, теперь советских, крепостных. Горбачев оценил этот факт в 1987 году как создание «социалистических основ»…

Александр II имел постоянно глухую оппозицию со стороны как помещиков, государственной бюрократии, так и революционных радикалов. Его не достал выстрел Каракозова, но бомба, брошенная у Екатерининского канала в коляску возвращавшегося из Михайловского дворца к себе императора, поразила царя – реформатора и освободителя.

Горбачев, к счастью, избежал этой участи, но его «низложили» те, кого он возвышал: янаевы, баклановы, болдины. Хотя именно Горбачев открыл шлюзы свободы. И если Александр II был цельной натурой, то Горбачев все время

маневрировал, пытаясь сохранить добрые отношения как с партийным ортодоксом Е.К. Лигачевым, так и с вольнодумцем А.Н. Яковлевым.

Возможно, историческая параллель между двумя крупными деятелями российской истории выглядит не совсем корректно. Однако полезно, желая осмыслить настоящее и пытаясь приподнять полог над туманным грядущим, поискать аналогии в прошлом.

Александр II, осуществив самую крупную реформу России в XIX веке, получил в результате смятенное дворянство и нищее, но «свободное» крестьянство. И те и другие считали себя обманутыми. Горбачев, открыв спасительные клапаны свободы и гласности, в конечном счете тоже не снискал благодарных аплодисментов своих соотечественников.

Такова судьба всех крупных реформаторов: Александра II, Сперанского, Столыпина… Ведь революции «удаются» чаще, чем реформы…

Последний ленинец

В советской истории никогда еще так быстро не «рождались» генеральные секретари. Черненко скончался 10 марта в 19 часов 20 минут. Не прошло и суток, а в 18 часов 11 марта, за два дня до похорон шестого «вождя», на внеочередном пленуме ЦК КПСС был избран с огромной поспешностью новый генсек. Этому предшествовало заседание политбюро ЦК, открывшееся в 14 часов 11 марта.

Горбачев уже несколько месяцев фактически полностью исполнял обязанности генсека, готовил и рассматривал вопросы, поступающие в политбюро; определял, что нужно обсудить на высшей коллегии, а что «спустить» на секретариат и в отделы. Все нити управления партией и государством уже были у него в руках. Он, вероятно, не хотел, чтобы какой-нибудь новый «Черненко» в лице Гришина или Романова вклинился между ним и высшим постом[24]. Этого же не хотели Громыко, Алиев, Соломенцев, Чебриков. Щербицкий был еще в США. Если говорить по большому счету – этого не хотел никто. И особенно те, кем управляли Кремль и Старая площадь. Весь вечер 10 марта в Кремле и на Старой площади шли узкие «консультации». Определенные шансы имел сравнительно молодой, но бездарный Романов, как и опытный, но из племени стариков, Гришин. Однако еще до заседания политбюро пленуму стало ясно, что абсолютное большинство однозначно склоняется выдвинуть самого молодого члена партийного синклита – Михаила

Сергеевича Горбачева.

Особенно активную «предварительную» работу в этом отношении провел А.А. Громыко, весьма консервативный, но умный политик. «Главный» дипломат страны чувствовал, что динамизм «партийной линии» может придать только новый, молодой, «без комплексов» человек.

Допускаю вполне, что было даже оговорено: Громыко получит на заседании политбюро слово первым. Это моя версия. От этого может зависеть все последующее. Едва ли кто решится после первого предложения нарушить «единство» и выдвинуть вторую кандидатуру.

Откроет и будет вести, как и все другие заседания в феврале и марте, Горбачев. Есть вещи, как то: беседы, разговоры, которые проходят между двумя политиками, без свидетелей, и их трудно точно воспроизвести, документально доказать или опровергнуть. Но, полагаю, Горбачев мог справедливо считать, что он был уже раз обойден, когда старик Н.А. Тихонов предложил на пост генсека другого старика и своего друга – К.У. Черненко. С точки зрения истории и реальных возможностей Горбачев в феврале 1984 года имел неизмеримо больше позитивных оснований претендовать на пост генсека, чем кто-либо другой. Поэтому, в соответствии с неписаными правилами коммунистического партийного соперничества, Горбачев вполне мог иметь предварительную встречу с Громыко. Я убежден, хотя и не могу подтвердить документально, что такая встреча была.

Раиса Максимовна, супруга Горбачева, в своей книге «Я надеюсь» вспоминает, что в день смерти Черненко Михаил Сергеевич приехал за город, на дачу, очень поздно. Вышли на улицу; по-мартовски было еще студено. Помолчав, супруг сказал: «Завтра – пленум. Может стать вопрос о том, чтобы я возглавил партию». «Для меня такой разговор был неожиданностью, – пишет Раиса Максимовна. – В какой-то степени – потрясением»{1006}. Едва ли Горбачев стал бы делать предположения, если бы для этого не было весомых оснований в виде предварительных «бесед».

Дальнейший ход заседания политбюро подтверждает мою гипотезу. После сообщения и ухода Чазова, доложившего обстоятельства болезни и смерти Черненко, Горбачев заявил: «Нам необходимо прежде всего решить вопрос о Генеральном секретаре ЦК КПСС. Прошу товарищей высказаться по этому вопросу».

Кремлевские тайны власти не только загадочны, но порой и весьма прозрачны. Еще не остыло тело лежащего в морге незадачливого Черненко, а его коллеги спешат определить

преемника. Словно пытаясь быстрее исправить свою ошибку годичной давности. Как только Громыко произнес первые две-три фразы своей явно подготовленной речи, всем стало ясно, кто будет седьмым «вождем» КПСС, а значит, и СССР.

«Громыко:…Скажу прямо. Когда думаешь о кандидатуре на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, то, конечно, думаешь о Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Это был бы, на мой взгляд, абсолютно правильный выбор…»

Далее Громыко сформулировал три положения, которые, по его мнению, характеризуют Горбачева. Коротко – это энергия, партийность, опыт.

Затем первый оратор заявил: «Когда заглядываешь в будущее, а я не скрою, что многим из нас уже трудно туда заглядывать, мы должны ясно ощущать перспективу. А она состоит в том, что мы не имеем права допустить никакого нарушения нашего единства. Мы не имеем права дать миру заметить хоть какую-либо щель в наших отношениях…»{1007}

Последние фразы прозвучали предупреждающе: кто решится не согласиться с его предложением (только ли его?), тот рискует получить ярлык «раскольника» единства. Таковых в политбюро просто не могло быть: давно бы уже устранили…

Громыко, видимо, по старости, уже забыл, что 10 февраля 1984 года, когда он поддержал Н.А. Тихонова с его предложением избрать Черненко, то тоже говорил о необходимости «заглядывать в будущее», только чуть-чуть другими словами: «Мы должны смотреть дальше…»{1008}

Дело было сделано. Выступившие после Громыко Тихонов, Гришин, Соломенцев, Кунаев, Алиев, Романов, Воротников, Пономарев, Чебриков, Долгих, Кузнецов, Шеварднадзе, Демичев, Зимянин, Капитонов, Лигачев, Рыжков, Русаков – все поддержали Громыко. Оставалось искать эпитеты, которые не смог использовать Громыко. И искали. И находили. Судите сами. Приведу лишь по одной-две фразы из выступлений коллег Горбачева. Это будет коллективным портретом нового генсека…

Тихонов: «…Это первый из секретарей, который хорошо разбирается в экономике» (?!! Первый? – *Д.В.*). Знаменательное невольное признание.

Гришин: «Мы предрешили этот вопрос, договорившись вчера утвердить Михаила Сергеевича председателем комиссии по похоронам».

Соломенцев: «Михаила Сергеевича отличают неукротимая энергия, стремление активно вмешиваться в события».

Кунаев: «Как бы здесь ни развернулось обсуждение, коммунисты Казахстана будут голосовать за Михаила Сергеевича

Горбачева». (Интересное и редкое заявление: Алма-Ата «устала» от старцев.)

Алиев: «Михаил Сергеевич – прост, скромен, доступен».

Романов: «В своей работе Михаил Сергеевич очень требователен». (Как раз «не очень». Но Романов, кстати, вскоре будет удален по настоянию Горбачева из политбюро.)

Воротников: «Мне пришлось встретиться сегодня с большим числом представителей областных партийных организаций России, и все товарищи высказываются за то, чтобы избрать т. Горбачева».

Пономарев: «За последние три года мы потеряли трех генеральных секретарей… Но сила нашей партии в том, что мы идем вперед, что мы сплочены, что никакие потери не могут поколебать единства…»

Чебриков: «…Чекисты поручили мне назвать кандидатуру тов. Горбачева М.С. на пост Генерального секретаря… А голос чекистов… это и голос народа». (Вот так – выразители интересов народа и их голоса – чекисты…)

Долгих: «У него за плечами не только большой опыт, но и будущее».

Кузнецов: «Он очень доступен, умеет быстро вникать в существо вопросов».

Шеварднадзе: «Выдвижения Горбачева – такого решения ждет сегодня вся наша страна и вся наша партия». (Шеварднадзе прав: все так и было.)

Демичев: «Уверен, что мы делаем сегодня совершенно правильный выбор… у него есть чувство нового».

Зимянин: «Он отличается тем, что постоянно пополняет свои знания».

Капитонов: «У него острый, аналитический ум».

Лигачев: «У него в запасе еще очень много интеллектуальных и физических сил». (Что верно, то верно.)

Рыжков: «Мы видим, как на наших глазах он растет как политический деятель…»

Русаков: «Это человек с большой буквы»[1009].

Думаю, коллеги Горбачева, сами того не подозревая, написали обстоятельный портрет кандидата в генсеки. Но использовались, естественно, лишь яркие, светлые цвета фломастеров. Темные отсутствовали. Правда, с одним уточнением: в правила политической игры не входило упоминать здесь негативные черты характера, интеллекта, воли и чувств человека. А они, как и у каждого, были. Некоторые из них мы назовем в нашем очерке. Возможно, эти негативные черты сохранились и сейчас, хотя увидеть их теперь значительно

труднее: частное лицо их реже демонстрирует. Политический портрет, написанный коллективным «художником», имя которому – члены политбюро, получился сусальным. Хотя и без нимба.

Горбачев сидел на председательском месте и, думаю, переживал самые сложные чувства в душе. Ведь через час, максимум два – он лидер, вождь, глава самой мощной коммунистической партии в мире и фактически первое лицо одного из двух самых могучих государств планеты. Не часто приходится при жизни выслушивать подобные панегирики: что он – само совершенство!

Одна «маленькая» деталь: из девятнадцати выступающих только один (!) вскользь упомянул, вспомнил о Черненко… Как будто того никогда и не было. А ведь прошло менее суток со дня его кончины…

Любая власть порочна. Но большевистская – особенно. Даже ради формальных приличий ни у кого не нашлось теплого слова для несчастного больного старца, довольно неожиданно и нелепо оказавшегося (по их же воле!) на высшем посту.

Горбачев сидел, склонив голову, и что-то набрасывал себе в блокноте. Елей, фимиам текли не останавливаясь. Все славили его, когда он был еще только на пороге превращения в седьмого «вождя».

Выступил каждый. Нужно было заключать и сразу же идти в зал заседаний пленума, где собирались со всей страны члены ЦК… Зал уже гудел в нетерпении и ожидании: что «принесут» вожди?

Горбачев волновался, о чем откровенно сказал в своем выступлении на политбюро: «…я воспринимаю все ваши слова с чувством огромного волнения и переживания».

Без пяти минут генсек в своей речи несколько раз повторял одно и то же слово – «потенциал». В «нашей партии заключен огромный творческий потенциал»; в «коллективной работе – потенциал»; «коллективистский потенциал должен работать еще активнее» и т. д.

Речь Михаила Сергеевича на политбюро была довольно бессвязной, сумбурной, хотя главные атрибуты заклинания в подобных случаях присутствовали: о единстве, коллективности руководства, готовности «оправдать доверие» и т. д. Однако там была одна мысль, которая является стержневой для понимания многих последующих шагов Горбачева. Он заявил: «Нам не нужно менять политику. Она верная, правильная, подлинно ленинская политика. Нам надо набирать темпы, двигаться вперед, выявлять недостатки и преодолевать их, ясно видеть наше светлое будущее»{1010}.

В начале руководящего пути мы видим установку на достижение «светлого будущего» с помощью ленинской верной политики. В этом отношении Горбачев был таким же, как все мы. Помню, когда к 1984 году я закончил двухтомник о Сталине, то все там написал так, как, видимо, сделал бы и сейчас. За исключением сюжетов о Ленине и октябрьском перевороте. Создателя советского государства мы все считали богом, не понимая, что именно он был духовным отцом Сталина и сталинизма, предтечей всех бед России в XX веке. Критическое отношение к Ленину пришло у нас позже всего. У меня, например, «ленинская крепость» пала в душе последней.

Не знаю, пала ли она сегодня у Михаила Сергеевича, но еще в 1991 году он верил Ленину. Возможно, его стремление соединить, синтезировать либеральные реформы с Лениным и предопределило те неудачи, которых не мог избежать последний генеральный секретарь.

Ленинцем его, как и многих из нас, сделала сама жизнь. Но генсека особенно: с самой молодости он находился в тесных «объятиях» родной партии. Именно она и сделала Горбачева первым лицом в государстве, главным, но и, видимо, последним «руководящим» ленинцем.

Детство, юность, молодость Горбачева прошли в Ставрополье, на его родине – в станице Привольной. Как рассказывал сам Михаил Сергеевич, «родители мои, и родители моих родителей – крестьяне…

Отец Сергей Андреевич и мать Мария Пантелеевна тоже трудились на земле – сначала в своем крестьянском хозяйстве, затем в ТОЗе позже в колхозе и МТС»{1011}.

Учился будущий генсек в школе всегда хорошо, как и в Московском университете, куда поступил в 1950 году. Во время учебы в школе, в летние каникулы, помогал отцу в поле, работал помощником комбайнера. Восемнадцатилетним получил, как тогда говорили, за «доблестный труд», орден Трудового Красного Знамени. Вероятно, это одна из лучших страниц жизни молодого Михаила Горбачева. И в школе, и в университете был замечен в прилежании, «политической сознательности», которая тогда ценилась превыше всего. Это и выдвинуло его в плеяду школьных и студенческих комсомольских вожаков. Горбачев всегда был «правильным» комсомольцем, а затем и образцовым членом партии, в которую он вступил очень рано, в 18 лет.

Возможно, на формирование мировоззрения сельского паренька оказала влияние сложная история родного края. Рассказы деда, отца о «расказачивании», которое прошло здесь в годы Гражданской войны, о коллективизации, проведенной под

зловещий аккомпанемент массовых репрессий, немецко-фашистская оккупация, которую пережил одиннадцатилетний Миша, как и депортация северокавказских народов сталинским режимом, наложили свой глубокий отпечаток на мироощущение юноши. Может быть, знание всех классовых драм и трагедий Северного Кавказа и Ставрополья способствовало, под влиянием школы и комсомола, «идейной прочности» понятливого паренька. И дед, и отец были колхозными активистами, что не могло не отразиться на коммунистической цельности юного Горбачева.

Горбачев любит рассказывать о своей семье. Однажды на заседании политбюро, когда обсуждался его доклад на торжественном заседании, посвященном 70-летию Октября, он вспоминал: «Я спрашивал свою бабушку Василису Лукьяновну:

– Как там, бабушка, колхозы создавали? – Она очень любила меня, потому что единственный внук. Она говорит:

– Люди так говорили: вот черт-те гопило, что он там затеял?

Я говорю:

– У нас с колхозами как шло?

– Да как, – говорит, – всю ночь твой дед гарнизует, гарнизует (организует. – *Д.В.*), а наутро все разбиглись.

Вот какая борьба шла. Через все семьи. Это великая была борьба, гигантская»{1012}.

Прошлое лепило настоящего, нынешнего Горбачева.

Вернувшись из Москвы с дипломом, полученным на юридическом факультете университета, Горбачев делает важный выбор: он решает идти не по тропе полученной профессии, а отдает себя комсомольской работе, этому важному и необходимому предполью партийной карьеры. С ним теперь была уже спутница жизни – Раиса, на которой он женился осенью пятьдесят третьего. Жена защитила кандидатскую диссертацию о жизни колхозного крестьянства, стала доцентом, преподавала марксистскую философию более 20 лет. В Ставрополе у молодой четы родилась дочь Ирина. Время идет, и вот уже в семье дочери, муж которой хирург, родились две девочки, внучки Горбачевых, Ксения и Анастасия.

Партийная карьера молодого 24-летнего Горбачева была прямой и ровной, без зигзагов: заведующий отделом в горкоме комсомола, первый секретарь горкома ВЛКСМ, заведующий отделом теперь уже крайкома комсомола, а потом еще выше – второй секретарь крайкома, а в 1960 году уже первый молодежный секретарь края. Пройдены, и быстро, все ступени начальной лестницы. По обыкновению отсюда нужно было переходить уже на партийную работу. В крайкоме партии так и думали. В 1962 году Горбачев становится заведующим отделом

краевого комитета партии. В тридцать лет это очень неплохой разбег в партийной карьере. У него сложились хорошие отношения с первым секретарем крайкома Кулаковым, а когда тот пошел на повышение в Москву, в ЦК, такие же добрые связи установились и с новым «первым» – краевым руководителем Ефремовым. Молодой Горбачев, и это сохранилось на всю жизнь, умел не «ссориться», превращать сослуживцев в друзей. Был всегда очень доверчив, что сыграет с ним, когда Горбачев окажется на самой вершине, злую шутку.

Люди постарше знают, что первый секретарь обкома, крайкома партии это человек с огромной властью и влиянием в регионе. Царский губернатор не мог даже близко с ним сравниться: секретарь посматривал только на Москву и Кремль. Главным толкователем партийного устава и законов страны был всегда «первый». Здесь, на месте, в провинции, в его руках все: кадры, суд, военкомат, хозяйственные и советские органы.

Ко множеству льгот, которые уже были у «первых» лиц обкомов, крайкомов республик, в 1987 году ввели еще одну. Они могли теперь при выходе на пенсию получать квартиры в Москве, осуществлять их бесплатный ремонт и т. д.{1013}. Только после активного наступления молодой демократии на привилегии партократов в 1990 году эта льгота была упразднена.

Горбачев активен в исполнении партийных директив, его ценит Ефремов. И вот важная ступень – в 1966 году он первый секретарь горкома партии в Ставрополе, а уже через два года – второй секретарь краевого комитета партии. По сути, это «кандидатская» должность в обойму самых престижных и высоких в стране. Как только Ефремова вновь вызывают для работы в Москву, он, не колеблясь, рекомендует вместо себя Горбачева.

Это был весьма ответственный момент в карьере молодого руководителя. Дело в том, что Москва очень часто на должности первых и вторых секретарей в регионы отправляла людей из своего огромного «питомника» – аппарата ЦК. Нередки были случаи, когда просто инструктор отдела, чаще инспектор, зав. сектором или заместитель заведующего отделом направлялись в край, область на должность первого секретаря. Такова была кадровая линия Центрального Комитета.

Во-первых, на местах оказывались люди, прошедшие аппаратную, идеологическую «школу» ЦК. Это очень ценилось. А во-вторых, само чиновничество партийного аппарата постоянно нуждалось в приливе свежей крови, притоке новых людей. Довольно часто ЦК практиковал переброску людей по «горизонтали»: из одной области в другую. «Местных» выдвигали на роль «первых» лиц редко.

Но у Горбачева были важные козыри. Прежде всего – безупречная биография, блестящая «анкета». Будучи секретарем горкома, он заочно закончил еще и второй вуз – сельскохозяйственный институт. Благо в такой должности это было несложно: трудно представить в советской системе, чтобы у «первого лица» в краевом городе какой-нибудь доцент мог дотошно принимать экзамены или зачеты… Во всяком случае, Москва (а решать о «первом лице» в крае должно только политбюро) видела дополнительный серьезный козырь: два диплома о высшем образовании. Ну и, наконец, очень пригодились рекомендации Кулакова и Ефремова. Горбачева «рекомендуют» (что означало согласие на открытое избрание) на пост первого секретаря Ставропольского крайкома партии. Это уже очень высокая номенклатура в партийной иерархии.

Первый секретарь – всегда «депутатская» должность. На очередных выборах (благо они были «без выбора») это лицо почти автоматически становится депутатом Верховного Совета СССР, на очередном съезде партии часто избирается в Центральный Комитет КПСС…

Молодой Горбачев, фактически не работая ни одного дня по дипломной специальности, становится профессиональным партийным работником (продолжение ленинской линии «профессиональных революционеров»). Когда новый руководитель занял кабинет «первого», ему было только 35 лет! Хорошая позиция для дальнейшей карьеры! Важно только, чтобы заметили в Москве. Для этого нужно прилежно выполнять все государственные планы (огромный сельскохозяйственный край, дающий стране очень много зерна), ну и при случае поближе лично познакомиться со старцами из политбюро. А это вполне возможно: на минеральные воды в Кисловодск частенько приезжают лечиться больные партийные патриархи. Кстати, именно здесь Горбачев ближе познакомился и с Сусловым, и с Косыгиным, и с Андроповым.

Это пространное биографическое отступление автор сделал для того, чтобы показать: Горбачев имел прочную платформу, чтобы стать правоверным ленинцем. Блестящая коммунистическая карьера не только «воспитывала», но и обязывала его быть ленинцем.

Я прочитал весь огромный объем того, что написано и сказано Горбачевым. Чтение довольно скучное, ибо все это официальные материалы, подготовленные многими людьми. Но есть в них и личностные моменты, позволяющие судить о человеке. Думаю, Горбачев не был фанатиком Ленина и его идей. Заметил, что кое-когда у него даже проскальзывали критические,

хотя и косвенные, мотивы в отношении Ленина. Тем не менее Горбачев в Ленина верил всегда. По сути, его «перестройка» явилась призывом «вернуться к подлинному Ленину», которого «исказила» сталинская диктатура. Возможно, здесь и кроются причины многих неудач горбачевской Реформации.

По себе знаю, что такое Ленин. Я в него тоже очень долго верил. Но уже после 1985 года, той освежительной струи, ворвавшейся в нашу жизнь вместе с Горбачевым, началась в душе неумолимая, необратимая эрозия ленинизма и самого облика «основателя». Не только множество новых ленинских документов, десятилетиями скрываемых в партийных архивах, настраивали сознание на критический лад, но прежде всего сам крах большевистского эксперимента. Когда пришло осознание того, что в Ленине и ленинизме заложены истоки многих бед России в XX веке, то это состояние было сродни духовному очищению. Осталась лишь непреходящая горечь: столько лет и стольких людей большевистская система держала в догматических объятиях ленинизма. Только тогда я понял, почему Ленина не могли принять Мартов, Дан, Плеханов, Аксельрод. Ленин, по сути, был врагом социал-демократии, которая и сейчас имеет исторические шансы. Он был и остался навсегда большевиком. Как и его последователи.

У Горбачева, перечитывая его речи (правда, очень похожие одна на другую), я не заметил переоценки ленинского наследия. В Ленине генсек видел главные аргументы своей исторической правоты. По-моему, подчеркну еще раз, именно здесь лежит генезис, источник незавершенности, ограниченности, даже известной двусмысленности всего огромного дела, начатого после 1985 года великим реформатором XX века.

Возможно, Горбачев и не мог поступать иначе, особенно на первых порах. Через месяц с небольшим на «своем» первом пленуме 23 апреля 1985 года, когда рассматривался вопрос о созыве очередного, XXVII съезда КПСС, Горбачев с самого начала в докладе сделал основную методологическую и мировоззренческую запевку:

«…Вся жизнь, весь ход истории убедительно подтверждают великую правоту ленинского учения. Оно было и остается для нас руководством к действию, источником вдохновения, верным компасом в определении стратегии и тактики движения вперед…»{1014}

А.А. Громыко в своих воспоминаниях (в которых, пожалуй, автор больше умолчал о том, что знал, чем сказал), апологетически оценивая Горбачева, проводит параллель между «апрельскими тезисами» Ленина и «апрельскими» установками

Горбачева на пленуме{1015}.

«Апрельские мотивы» у Горбачева, в частности, выразились и в том, что он начал свой доклад на пленуме с клятв в верности ленинскому курсу и закончил ленинской цитатой о необходимости выработки «правильной и точной тактики и стратегии рабочего класса»{1016}. Но именно здесь крылись все самые опасные рифы курса генсека-реформатора. Ленинская главная ставка на рабочий класс (разве это не социальный расизм?), монополию одной партии (разве это не глубинный антидемократизм?), директивную экономику (разве это не отрицание тысячелетнего опыта человечества?), вера в правоту только одной идеологии (разве это не светская «религия»?) и многое, многое другое постоянно сыпали песок в подшипники горбачевского локомотива перестройки.

Спустя почти три года после начала нового, перестроечного курса Горбачев о Ленине и ленинизме думал все так же апологетически. Очень характерно в этом отношении обсуждение на политбюро 15 октября 1987 года проекта доклада на торжественном заседании, посвященном 70-летию Октября. Почти четыре часа члены ареопага рассматривали текст предстоящего выступления генсека.

Весьма характерна пространная реплика, «вставленная» генсеком в ход обсуждения и касавшаяся фактически оценки роли Ленина в судьбе России.

Отвечая на замечания Б.Н. Ельцина по докладу, Горбачев длинно и долго говорил, но соль его выступления следующая.

«…Одну проблему я хочу снять сразу. Я считаю это своим личным достижением в этом докладе… Октябрь вобрал в себя все прогрессивное, что было в нашей истории (более ошибочное заключение трудно представить! – *Д.В.*)… Здесь проявилась гениальность Ленина и то, что его соратники стоят на порядок ниже него. В этом кругу можно сказать: ведь до приезда Ленина в Петроград – и Сталин, и все те другие, кто был в России, уже подготовились к тому, что, как хорошо теперь – будет легальная оппозиция. И они будут в оппозиции…

А Ленин появился и с ходу сказал: «Да здравствует социалистическая революция!» Потому что он разглядел особый характер Февраля… Именно Ленин увидел возможность перерастания Февраля в Октябрь… Эта прозорливость – это то, что отличает гений от нас с вами»{1017}.

Что верно, то верно: только Ленин увидел возможность подобрать власть, валявшуюся в октябре 1917 года на мостовых Петрограда. Но все дело в том, что была использована именно та возможность для России, которая оказалась трагической, роковой,

зловещей. Октябрьский переворот большевиков стал возможен благодаря редчайшему стечению обстоятельств, которые действительно разглядел Ленин. Именно отсюда начались все беды России в XX веке…

И еще упомянем один фрагмент из многочисленных реплик, «вставок», которые делал Горбачев при обсуждении доклада к 70-летию прихода большевиков к власти: «Октябрь и перестройка: революция продолжается». Перебив в ходе обсуждения В.В. Щербицкого, что он обычно делал в беседах, обсуждениях, генсек еще раз дал оценку Ленину, теперь уже в перестройке.

«…Вы знаете, мне очень хотелось связать историю и современность. Мы хотели не просто искусственно это сделать, а действительно перекинуть мост от Ленина, связать ленинские идеи, ленинские подходы к событиям тех лет с делами сегодняшних наших дней. Ведь та диалектика, с которой решал вопросы Ленин, – это ключ и к решению нынешних задач…»{1018}

Вот так: ленинская диалектика и подходы – «ключ к решению нынешних задач». Хотя уже тогда было ясно, что ленинская методология классового подхода, директивного управления, господства одной партии, признание только общественной собственности, вера в коминтерновские ценности показали свою историческую несостоятельность. Но Горбачев не просто по «инерции» преклонялся перед Лениным, он верил в жизнеспособность его методологии.

Горбачев оказался единственным из всех генеральных секретарей КПСС, который совершил паломничество в большевистскую Мекку-село Шушенское, где Ленин в конце прошлого века находился в ссылке. «Мемориал произвел на меня сильное впечатление», – рассказывал Михаил Сергеевич о своей поездке в одно из исторических ленинских мест{1019}.

Когда уже безумие установки множества новых памятников, строительства музеев, чем характеризовалась подготовка к 100-летию первого вождя, постепенно прошло, Горбачев поддержал идею Управления делами ЦК КПСС о создании квартиры-музея В.И. Ленина в Женеве. Для этого нужно было купить дом 3 по улице Плантапоре{1020}. Брежневская традиция «массированного» увековечения вождя была поддержана и продолжена Горбачевым. При Горбачеве активизировалась работа по подготовке нового, 70-томного шестого (!) издания сочинений Ленина. Первое было – 20 томов (26 книг). Каждое последующее возрастало на десяток томов… Неисчерпаемый кладезь. Сколько здесь «ключей»…

Конечно, почти все мы были тогда «проленинскими». Но суть в том, что у Горбачева в вопросе об отношении к Ленину, несмотря на исторический крах его «подходов» и одномерность

его «ключей», практически никакой эволюции не просматривается вплоть до 1991 года – момента быстрого крушения КПСС.

Партия устами Горбачева повторяла ошибку Хрущева на XX съезде, который, по сути, утверждал: вот разоблачим, «спихнем» Сталина с пьедестала, вернемся к Ленину, и все пойдет «как надо». Немногие тогда понимали: дело не в Сталине, а в системе, идеологии, ленинской архитектуре в целом.

Так теперь и именно Горбачев, критикуя застойные явления (кстати, к кризису общества и привела народ и государство ленинская КПСС), полагает, что «диалектика Ленина» – это «ключ к решению нынешних задач». Еще раз скажу, что данный глубоко ошибочный тезис, который Горбачев, КПСС, политбюро, по сути, до конца существования системы хотели реализовать на практике, предопределил неудачу многих перестроечных планов генсека.

Все генсеки КПСС по своему положению были авгурами, жрецами, которые в Древнем Риме толковали волю богов по полету и крикам птиц. Села птица на дворец – знак… Издал клекот орел – знак… Кружится ворон над жертвенником – знак. Так и генсеки-авгуры были главными толкователями Ленина. Хотя Горбачев, еще раз подчеркну, не являлся слепым фанатиком ленинизма, он искренне восхищался Лениным, при том, что советские люди уже давно почувствовали в своей душе, по крайней мере, равнодушие к этому человеку. Тогда, правда, никто из нас и предположить не мог, что Ленин, как та зловещая птица, принес России самые большие беды, от которых не можем избавиться и сейчас.

Когда из Академии общественных наук при ЦК КПСС в 1988 году Горбачеву пришло разгромное письмо о пьесе М. Шатрова «Дальше… дальше… дальше!», генсек придал ему немалое значение. Авторы «анализа» пьесы категорически не согласны с идеей трактовки «случайности» Октября, как недовольны и «ущербным» обликом Ленина. Горбачев предлагает ученым академии активнее включиться через прессу для защиты большевистского вождя. А сам во время встречи с руководителями средств массовой информации, идеологических учреждений и творческих союзов 8 января 1988 года заявил: «Драматург посадил на одну скамью 23 человека (в том числе четырех белогвардейских генералов) – Керенского, Ленина, Бухарина, Троцкого, Зиновьева и Сталина, и между ними идет то, что я не назвал бы дискуссией. Это, скорее, на какую-то склоку похоже. При этом рецензент пишет, что перед судом истории все равны. И оказывается, Ленин тоже судится, он кается перед судом Истории. За что кается?»{1021}

Горбачев даже не допускает мысли, что Ленину есть в чем «каяться». А грехов у него больше, чем у любого из семи «вождей». Земной бог, по Горбачеву, совершенен, и даже его преступления должны считаться благодеяниями… И слово «склока» – одно из любимых у «раннего» Ленина.

В 120-ю годовщину рождения Ленина Горбачев делает доклад «Слово о Ленине», в котором утверждает, что отвернуться от Ленина – это значит «подрубать корень общества и государства, опустошая умы и сердца поколений»{1022}.

Преступный Брестский мир, когда Ленин отдал половину европейской части России лишь для того, чтобы сохранить свою власть, Горбачев, например, считает гениальным примером ленинской политики «крутых поворотов». В чем «крутой поворот»? Непобежденная Россия благодаря Ленину признала себя побежденной! Полурухнувшей Германии Ленин дал шанс продержаться еще несколько месяцев… А бездарно отданные пространства европейской России вернули благодаря не Ленину, а усилиями союзников, которых вождь Октября цинично предал в 1917 году…

Горбачев был и остался в плену ленинских догм, его якобинства и антинародной политики. Михаил Геллер, весьма проницательный парижский историк, в этой приверженности «седьмого генсека» к Ленину и ленинизму видит путь, который объективно вел к гибели советскую систему{1023}. Трудно с этим не согласиться.

Исторически парадоксально, но это так: правоверный и, вероятно, последний «ленинец» (если говорить о главных вождях России) прямым путем вел страну к «деленинизации».

Для последнего генсека, по нашему мнению, не имел большого значения ленинский катехизис (руководители СССР традиционно плохо знали ленинские «труды»), но суть взглядов советского «основателя» была ему близка по духу, по убеждениям. Здесь Горбачев почти не эволюционировал. Когда генсека КПСС и президента СССР демократы вызволили из форосского заточения, Горбачев на первой же встрече с журналистами заявил: он верит по-прежнему в идеалы социализма и готов совершенствовать и дальше коммунистическую партию: Горбачев даже про себя не мог повторить ставший крылатым девиз: «Карфаген должен быть разрушен». Генсек (пока еще – генсек…) хотел перестроить коммунистический «Карфаген», хотя все уже видели: это занятие бесплодное, пока «город» зиждется на ленинской платформе.

Феномен перестройки

Мы уже упоминали раньше, как Раиса Максимовна узнала от мужа 10 марта, в день смерти К.У. Черненко, о том, что ему, Михаилу Сергеевичу, может быть, придется «возглавить партию». На этой же прогулке, как вспоминает Раиса Максимовна, супруг размышлял вслух: «Столько лет работал на Ставрополье. Седьмой год работы здесь, в Москве. А реализовать что-либо крупное, масштабное, назревшее – невозможно. Как будто стена. А жизнь требует, и давно. Нет, – услышала я, – так дальше жить нельзя».

Так я впервые услыхала эти слова. Сегодня их повторили миллионы людей, вокруг них возникли целые легенды. В ту ночь, пожалуй, и начался новый этап, круто изменивший и нашу, и мою жизнь»{1024}.

Звучит довольно провидчески, даже с элементом мистицизма. Хочу сказать, однако, что в народе уже давно говорили о том, «что так жить нельзя». Более того, диссидентское движение, выразившее в годы стагнации совесть великого народа, Солженицын, Сахаров, десятки и сотни мужественных людей всеми своими деяниями, словом, протестами, книгами заявляли: «По-человечески при коммунистическом режиме жить нельзя». Об этом я говорю к тому, что Горбачев не был мессией. Как умный человек он не мог не чувствовать общественных умонастроений, выражавшихся сутью: «Так жить нельзя». Протест родился не у Горбачева, а в народе, и родился давно.

Но особенностью этих слов было то, что произнес их человек, который завтра, 11 марта 1985 года, станет лидером, вождем этого государства, получив фантастически огромную власть. При всем нравственном величии большинства диссидентов, узников совести, они не обладали никакой властью… Кроме моральной. А Горбачев получал эту власть, и формула «Так жить нельзя» обретала смысл реальной надежды.

Добавлю, что даже в кругу, к которому принадлежал Горбачев, были люди, которые задумывались над тем, как жить дальше. Ведь так жить нельзя…

Наблюдения приводят к выводу: тоталитарная система столь стабильно консервативна, что заметные перемены принципиального характера в ней может осуществить (или начать их) лишь первое лицо. Или группа лиц из «руководящих кругов». Примеры рядом: Хрущев, вопреки многим, смог нанести благодаря своему мужеству страшный удар по личной диктатуре тирана-вождя, правившего страной три десятилетия. И наоборот, Брежнев, обладавший не меньшей властью, смог «погасить»,

приостановить, замедлить процесс десталинизации.

Горбачев, беседуя с супругой 10 марта 1985 года, прав в том, что до того он действительно ничего крупного, масштабного в своей жизни не сделал. Более того, став «первым» лицом в Ставропольском крае, кроме как своей должностью, ничем и не запомнился. Мне довелось быть гостем и делегатом нескольких съездов КПСС, но я не помню ни одного выступления Горбачева на них, в памяти не осталось, были ли заметные крупные газетные публикации краевого секретаря, какие-то инициативы, которыми пытались обычно как-то выделиться многие местные «вожди» (Федирко, Медунов, Бондаренко, Ларионов, другие). Горбачев в Ставрополье был просто незаметен и для страны, и для партии. Незаметен!

Оказавшись с 1978 года в Москве, Горбачев возглавляет в ЦК область сельскохозяйственного производства, а затем и претенциозную «Продовольственную программу СССР». Как и следовало ожидать, она блистательно провалилась. Директивами таких проблем не решить. Судьбе было угодно почти во все годы, пока Горбачев работал секретарем ЦК по сельскому хозяйству и до начала «генсекства», фиксировать едва ли не самые низкие послевоенные урожаи зерна в СССР. В эти годы, как, впрочем, и раньше, и после 1985 года, страна закупала в огромных количествах зерно за рубежом. Не думаю, что Горбачев внес нечто принципиально новое в аграрную политику КПСС. То, что сделал Сталин вместе с ВКП(б) в 1929–1933 годах, до сих пор «расхлебать» не может никто[25].

…В конце 1979 года готовился очередной пленум ЦК. Естественно, там должны были быть отражены и вопросы состояния и развития народного хозяйства. Доклад Брежнева (проект) разослали членам политбюро для высказывания возможных замечаний и пожеланий. У М.С. Горбачева они оказались традиционными (как у всех других членов политбюро): «…Со свойственной Леониду Ильичу глубиной, масштабностью и конкретностью в выступлении рассматривается широкий круг актуальных проблем экономического и социального прогресса страны. С ленинской принципиальностью поставлены вопросы стиля и методов работы партийных кадров и государственного аппарата, развития их инициативы и повышения ответственности за порученное дело». Так писали все, так должен был писать и Горбачев. А пожелания, связанные с сельским хозяйством, свелись… к предложению «увязать» эти вопросы с «решениями июльского (1978 г.) пленума ЦК КПСС»{1025}.

Ни Горбачев, никто другой были не в состоянии вывести сельское хозяйство из того глубочайшего кризиса, в который его

завели большевики еще десятилетия назад. А если и предпринимались попытки, то они были заранее обречены на провал.

В январе 1989 года политбюро ЦК собралось, чтобы обсудить вопросы подготовки к пленуму по аграрной политике.

Генсек, как специалист по этому вопросу, говорил много. «Мы подошли к решающему этапу по подготовке и формированию позиций и решений, с которыми должны выйти на пленум. Перестройка на селе упирается в кадры (создается впечатление, что коммунистические руководители все 70 лет настойчиво решали «кадровые проблемы», но так и не смогли с ними справиться. Дело-то «упирается» не в кадры. – *Д.В.*). Оклад первого секретаря сельского райкома на уровне оклада управляющего отделением совхоза… Кто же пойдет в райком?»{1026}

Если бы так много зависело от окладов партийных чиновников, то мы давно бы уже не покупали десятками миллионов тонн зерно, а продавали бы его всему миру…

Горбачев был обречен заниматься вопросами, которые в полной мере в этой системе не способен был решить никто. Он добросовестно подписывал бумаги, письма, рекомендации, но они ничего не могли изменить. Вроде его записки в политбюро 9 февраля 1982 года «О подготовке техники к весенним полевым работам 1982 года»{1027}. Чиновничья бумага, констатирующая, например, что из 128 тысяч тракторов типа К-700 – 34 тысячи не отремонтированы. Это больше похоже на некую страховку: ведь я предупреждал, бил тревогу…

Трудно за что-то зацепиться мыслью, чтобы припомнить личностное выражение Горбачева как руководителя-новатора. Как и в Ставрополье, он был незаметен. Точнее, выделялся среди других членов политбюро своей относительной молодостью. Но скажем честно: такова была система. Выделяться, кроме как генсеку, не позволено было никому… Абсолютно никому.

Став генеральным секретарем, Горбачев поначалу вел себя так, как поступали предыдущие генсеки, которых он лично знал и работал под их руководством: Брежнев, Андропов, Черненко. Однако, если присмотреться пристальнее, вел себя «так», но и не совсем так.

Уже через два дня после похорон Черненко, 15 марта 1985 года, Горбачев приглашает к себе в кабинет на совещание секретарей ЦК Романова Г.В., Долгих В.И., Пономарева Б.Н., Зимянина М.В., Лигачева Е.К., Русакова К.В., Рыжкова Н.И., а также зав. общим отделом Боголюбова К.М. и управляющего делами ЦК Кручину Н.Е.

Горбачев проинформировал секретарей о встречах, которые были у него в траурные дни с руководителями зарубежных делегаций, приехавших на похороны. В конце совещания (мы еще его коснемся) Горбачев неожиданно заговорил о том новом, что он хотел бы ввести, относительно своей роли как генерального секретаря. Приведу несколько фрагментов из стенограммы, которую вел Боголюбов.

«…Возник вопрос, – сказал Горбачев, – стоит ли разрабатывать план мероприятий в связи с разъяснением моего выступления на мартовском пленуме ЦК. Я думаю, что такие планы мероприятий и сейчас, и в будущем вообще разрабатывать не нужно. Выступление опубликовано, до партийных организаций оно дошло, и сами товарищи на местах знают, что нужно в связи с этим делать…»

Все переглянулись. Раньше любое выступление генсека на пленуме ЦК – событие. Комитеты партии «вокруг» него «накручивали» самые разные «мероприятия» по «разъяснению», «пропаганде», «реализации указаний» и т. д.

Но Горбачев пошел дальше. «…Мне сегодня звонил Виктор Васильевич Гришин. Он сказал, что в Москве намечается провести партийный актив в связи с реализацией решений прошедшего пленума ЦК, указаний и выводов Генерального секретаря. Мне кажется, что «указания и выводы Генерального секретаря» упоминать в повестках дня наших пленумов не следует…»

Все это было внове. Участники совещания строчили в своих блокнотах, конспектируя необычные «указания» нового генсека… Но и это было не все.

«…Сегодня также мне позвонил Зия Нуриевич Нуриев. Он едет в Эстонскую ССР вручать республике переходящее Красное знамя и просит разрешения передать участникам торжественного заседания мой привет. Я ему сказал, что такой привет передавать не надо и вообще… с этим пора кончать…»{1028}

Слышать все это было непривычно. Ведь то, от чего Горбачев добровольно отказывался, было традиционной, ритуальной частью повышения роли генсека, его особого положения на вершине иерархической лестницы КПСС. Но Горбачев понимал, что эти достаточно мелкие, но со значением вопросы тут же будут замечены на всех уровнях партии как добрый знак возможных перемен.

Чтение стенограммы, на которую я ссылался выше, вместе с тем наглядно свидетельствует, как много еще тогда было в Горбачеве партийного провинциализма и просто невысокой культуры. Некоторые его выражения, фразы, утверждения весьма плоски. Речь идет об оценках Горбачевым своих зарубежных

собеседников, с которыми он встречался 12–14 марта.

Не буду голословным, приведу лишь отдельные фразы, которыми он информировал секретарей о своих беседах.

– Когда дело дошло до Чаушеску, то он стал вилять… Пришлось ему достаточно решительно ответить, что мы все едины в вопросе подписания протокола о продлении Варшавского Договора… Чаушеску проглотил эти слова и промолчал.

– Президент Франции Миттеран выглядел больным, ему трудно было говорить… Мы прямо ему заявили, что Советский Союз и Франция стояли у истоков разрядки… и необходимость в таком сотрудничестве еще больше возрастает.

– Очень рвался к нам на беседу канцлер ФРГ Коль… Его беспокоит сложившееся положение, когда ФРГ активно обходят и Англия, и Франция, и Италия… стремясь налаживать сотрудничество с Советским Союзом. Нам пришлось в прямой форме высказать Колю…

– Трудным был разговор с премьер-министром Японии Я. Накасонэ. Он начал беседу с территориальных претензий к Советскому Союзу. Мы самым решительным образом отвели эти домогательства и показали, куда постепенно дрейфует японское руководство…

– Самой продолжительной (почти два часа) была наша беседа с вице-президентом США Бушем и государственным секретарем Шульцем. Общее впечатление, которое произвела на нас американская делегация, скажу прямо, довольно среднее. Не очень это серьезная команда… Когда я затрагивал вопросы, которые выходили за рамки текста, имевшегося у Буша, он терялся…

– О беседе с президентом Пакистана Зия уль-Хаком. Это изворотливый политик… Пришлось в прямой форме сказать Зия уль-Хаку, что поскольку мы соседние государства, то следует и вести себя по-соседски… Мы указали президенту Пакистана… Я прямо сказал Зия уль-Хаку… В целом мы довольно серьезно нажали на Зия-уль-Хака, и выходил он с беседы явно расстроенным…{1029}

Пожалуй, довольно. Генсек как бы красуется перед секретарями ЦК, какой он «решительный» и «прямой», «указывает» президентам, хотя содержание его бесед (есть стенограммы) в основном носило довольно общий, часто протокольный характер. Но меня всегда удивляла способность Горбачева на хлесткие, часто непечатные выражения. Об этом мне рассказывали люди, близко знавшие генсека. Впрочем, его помощник А.С. Черняев прямо пишет об этом в своей книге. Обсуждая мою записку, вспоминает Черняев, Горбачев «сильно

при этом ругался матом»{1030}.

Впрочем, уничижительные оценки своих партнеров, соперников (заочные, разумеется) долго были стилем Горбачева. Так «выходили» из нового генсека глубокий провинциализм и партийная безапелляционность. Вот, например, как генсек оценивал американского президента после Рейкьявика.

«…В лице Рейгана нам пришлось вести борьбу в Рейкьявике не только с классовым противником, но и с таким его представителем, который характеризуется чрезвычайным примитивизмом, пещерным обликом и интеллектуальной немощью…»{1031}

Даже историку писать такое неловко, а ведь это говорил коллегам Горбачев о своем недавнем собеседнике… Партнере по переговорам. Все это, повторимся, от общего недостатка культуры, провинциализма, избытка «партийности» и ленинской непримиримости в оценке «классовых врагов». Со временем Горбачев со многими из этих «сорняков» справится. Но… не совсем.

И все же это частности. Горбачев замахнулся на нечто большее: он решил попытаться «вылечить» ленинскую систему. В его арсенале постепенно и последовательно появились три термина, которые стали фирменным знаком «правления» седьмого генсека: ускорение, гласность, перестройка.

Горбачев, став 11 марта 1985 года генсеком, ничего конкретно «не замышлял», хотя и полагал, что «как жили раньше, так дальше жить нельзя». Идеи «что-то» улучшить, изменить, от чего-то освободиться приходили к Горбачеву постепенно, хотя и довольно быстро. Многие горбачевские выражения становились крылатыми, близкими людям. Это как на Эльбрусе: можно сбросить с вершины снежок и вызвать обвал.

Горбачев почти каждый день удивлял своих коллег. Ну, прежде всего, он стал часто встречаться с очень многими людьми: министрами, послами, писателями, секретарями обкомов, редакторами газет и журналов. Возможно, что кое-кто думал: «оботрется», «дыхание перехватило от высоты нового поста», «хочет таким образом быстрее утвердить себя», знаем мы этих «народников». Но Горбачев не унимался и продолжал удивлять своим «необычным» поведением членов политбюро и секретарей ЦК.

Менее чем через месяц на политбюро, 4 апреля 1985 года, обсуждалось: «О повестке дня и порядке проведения апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС», который договорились провести 23 апреля. Горбачев для себя, видимо, решил, что сделает этот пленум исходным, рубежным, переломным, хотя вроде

выносимый на него вопрос был сугубо внутрипартийный, даже технический: «О созыве очередного XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением». Быстро, что нужно, решили, благо, как всегда, аппарат все подготовил заранее. Члены коллегии уже задвигали креслами, стали складывать свои бумажки в папки, как вдруг Горбачев остановил их:

– Прошу задержаться товарищей на несколько минут. Мне хотелось бы поделиться мнениями с членами политбюро вот по какому вопросу. Неожиданно большой резонанс в стране получила высказанная на мартовском пленуме ЦК мысль о необходимости последовательной борьбы с парадностью, чванством, славословием и подхалимством…

Горбачев, не выжидая, решил нанести осторожный, но точный удар по предыдущим генсекам, благо их было за что осуждать. Здесь новый генсек ничего не выдумал: все лидеры (кроме Сталина) в значительной мере упрочивали свое положение критикой и разоблачениями своих предшественников. Действовали так, словно внимали мыслям русского поэта А.Н. Майкова: «Чем ночь темней, тем ярче звезды». И не опасно, и традиционно-привычно. Но Горбачев осторожен. Но похвально настойчив. Он решил этот удар нанести зачтением письма старого коммуниста В.А. Завьялова из Ленинграда.

Члены политбюро настороженно подняли головы. Генсек около десяти минут зачитывал большое письмо в ЦК КПСС. Приведу лишь некоторые его фрагменты.

«…В свое время Сталин дал добро на славословие. Я имею в виду избрание почетных президиумов, написание приветственных писем в ЦК по случаю каких-либо событий или дней рождений важных персон, хвалебные речи в адрес Генерального секретаря, сочинение рапортов на его имя о трудовых подвигах и т. п… Парадность не способствует делу…

Исторический опыт учит, что за парадной шумихой руководители теряют ориентировку и чувство меры. Народ считает, что 19 «Золотых Звезд» Л.И. Брежнева и третья «Золотая Звезда» К.У. Черненко не только подмочили их собственный авторитет, но и рикошетом ударили по членам Политбюро… Неужели его члены считают, что Генеральных секретарей, да и их самих, можно награждать как угодно и сколько угодно?»{1032}

Горбачев еще долго читал справедливые сентенции старого коммуниста, возмущавшегося кастовостью, неприкасаемостью высшего руководства. Отложив письмо в сторону, генсек наконец сказал: давайте укреплять авторитет партии, но не будем перегибать с «авторитетом вождей». Помолчав, добавил в том смысле, что везде нужна мера.

Все поняли, что Горбачев отмежевался и от Черненко, и от Брежнева, хотя сам еще недавно привычно вел свою «партию» в общем хоре славословия первого «вождя». Менее четырех месяцев назад, 10 декабря 1984 года, в своем докладе о совершенствовании развитого социализма Горбачев начал с панегирика своему беспомощному шефу: «В приветствии Генерального секретаря ЦК КПСС Константина Устиновича Черненко участникам конференции высказаны глубокие и принципиальные положения по узловым проблемам совершенствования развитого социализма, сформулированы главные задачи идеологического фронта, вытекающие из решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, с учетом текущего момента и широкой исторической перспективы. Мы должны неукоснительно руководствоваться этими положениями и выводами»{1033}.

Однако сегодня Горбачев не хотел связывать себя с прошлым, компрометирующим и ЦК, и его самого. В нем жила и искала выход идея перемен, идея очищения, идея улучшения социализма. Именно социализма!

Решения по письму ленинградца принимать не стали, но генсек устно подытожил: можно сохранить традицию написания приветственных писем в адрес ЦК по торжественным случаям (только без упоминания генерального секретаря) и почетный президиум в составе политбюро стоило бы по-прежнему избирать… Но в целом надо придерживаться «ленинской скромности, не допускать ни перехлестов, ни любого рода восхвалений»{1034}.

Шаг за шагом, часто не очень заметным, Горбачев пытался настойчиво освободиться сам от рутинных и постыдных партийных вериг. Хотел освободить и других. Генсек все больше задумывался о крупном, радикальном, кардинальном, которое необходимо осуществить, чтобы изменить жизнь к лучшему. Не знаю, понимал ли он тогда, что система, которая оказалась в его руках, функционировала более или менее эффективно только в условиях чрезвычайных – войны, общенационального кризиса, революций. В обычных же – на каждом шагу выказывала свою косность, ущербность, даже несостоятельность. Как изменить эту систему, сделать ее более эффективной, гибкой, привлекательной? При этом, естественно, он не ищет демократической альтернативы всевластию КПСС (Горбачев об этом говорит почти все годы перестройки). Ни в коем случае. Его помощники Александров, Черняев, Фролов, Шахназаров вооружали в то время генсека обзорами, справками, книгами, переводами из западных газет и журналов не только с

материалами о нем, но и с размышлениями, как могут развиваться дальше события в СССР под эгидой нового руководителя. Большинство в 1985 году сходились на мысли, что «железобетонная система» способна только на косметический ремонт. Горбачев, мол, подходит для этой цели. Не более.

Известный еретик Милован Джилас писал: «Тот факт, что на высшую партийную должность Горбачева выдвинул Громыко, столп консерватизма и советского экспансионизма, может в каком-то смысле свидетельствовать о том, что Горбачев – человек, который скорее будет идти протоптанными дорогами, чем бросаться на поиски новых, неизведанных путей… Существующие в Советском Союзе условия еще не позволяют руководителю действовать смело и самостоятельно…

Горбачев не является настолько решительной и творческой личностью, чтобы предпринять радикальные изменения»{1035}.

Горбачев думал совсем иначе, чем Джилас. Он желал и стремился к крупным переменам. История теперь это точно знает. Я полагаю, последний генеральный секретарь ЦК КПСС понимал, что СССР приблизился к историческому перекрестку, от которого веером расходятся три пути: радикальных реформ, либерального развития и консервативной реставрации. Судя по речам и действиям, Горбачев однозначно отбрасывал консервативный выбор. Три предшествующих ему генсека, по сути, шли этой дорогой и привели страну к глубокому кризису.

Радикальные реформы – это разрушение «социалистических основ»: обращение к частной собственности, свободному рынку, политическому плюрализму, ликвидация монополии одной идеологии.

Думаю, Горбачев страшился даже анализировать такой вариант. На пленуме ЦК (23 апреля 1985 г.), который вся печать КПСС дружно, по инерции стала называть историческим, в действительности ничего принципиально и исторически нового не было сказано. Все те же унылые, привычные разговоры «о ленинской традиции», «преимуществах нового строя», «углублении социалистической демократии», «социалистическом образе жизни», об «успехах дела социализма и коммунизма, которые зависят от партии…»{1036}.

Лозунг ускорениие – действительно был относительно новым. Но этот пропагандистский призыв является малосодержательным. Что значит добиться «социально-экономического прогресса» без кардинальных изменений в общественных и политических структурах? Это все тот же старый экстенсивный путь развития, увеличение темпов, подстегиваемых «дисциплиной», «соревнованием», «правильным партийным руководством».

Старый бег к «количеству» не смог кардинально что-либо изменить. Сталин называл это понятнее: «Пятилетку в четыре года».

Наконец, есть еще один путь перемен: либеральное развитие. Думаю, что Горбачев и раньше, да, по всей видимости, и теперь является сторонником этой политической и социально-экономической методологии. Здесь, если внимательно прочесть «позднего» генсека, уживаются план и рынок, государственные и частные предприятия, централизация и децентрализация. По сути, путь либерализации системы – это попытка создать модель, которая бы включала в себя, скажем упрощенно так: лучшие социалистические и капиталистические элементы. Согласится или не согласится со мной уважаемый Михаил Сергеевич, но его шаги, особенно на «первом»… втором этапах (ох, сколько он их намечал!) свидетельствовали о намерениях сохранить социалистическую экономику, которая по своему принципу была бы смешанной. Исторический опыт показывает (Югославия, Китай), что такая модель способна давать некоторые временные позитивные результаты, но порождает много новых сложных проблем, которые не могут быть успешно решены. Конечно, более понятна и, видимо, перспективнее – социально-демократическая модель развития, о которой в последние годы тоже говорил Михаил Сергеевич.

Сегодня многие, в том числе и я, порой и в этой книге, критикуют Горбачева за отсутствие эффективной «стратегии» перестройки. А кто предложил в те годы другой, более рациональный путь? Кто в партийном руководстве выдвинул, сформулировал более эффективную стратегию перестройки? Кто предложил иную методологию мышления и действий? Пожалуй, никто. За порогом XXI века нам еще яснее и рельефнее будут видны «ошибки» Горбачева. Но он-то не имел столько времени для их осмысления! Реформатор не созерцал, а действовал! Генсек часто должен был действовать немедленно, в этот день и даже минуту. Лучший способ избежать облыжных обвинений – уметь мысленно ставить себя на место человека, которого критикуешь, да еще и «погрузиться» в «то» время. Нельзя забывать, что ему, возможно, как «первому» лицу в партии и государстве, изменять себя было еще труднее, чем нам, грешным. Как Горбачев однажды заявил своим коллегам: «Идет огромная перестройка, перестройка нас самих. Мы – не боги…»{1037} Хотя, по правде, раньше всегда генсек в СССР был земным богом…

Слов нет, Горбачев имел просчеты. И крупные. Особенно в национальном вопросе. Но я не знаю ни одного политика в истории, который обходился бы без них. Обратитесь к Ленину –

мы все считали гением. А теперь доподлинно выясняется, что именно «основатель» заложил генетические корни всех наших главных исторических неудач в XX веке…

Горбачев действовал «по ситуации». Ему не у кого было учиться. Наиболее рельефная его слабость – нерешительность, половинчатость предпринимаемых шагов. Многим позитивным усилиям как бы подрезались «жилы», и им так и не суждено было завершиться. Двойственность Горбачева не только от избранной либеральной, смешанной линии движения, но и от мучительного процесса освобождения от цепких стереотипов, которыми нас всех «наградила» большевистская ментальность. Без этого трудно понять феномен перестройки – процесса попыток внесения качественных изменений в социалистическую систему.

Все дело в том, что эти изменения люди пытались осуществить, еще являясь носителями многих старых стереотипов. Вот один пример: переоценка Сталина.

В октябре 1987 года при обсуждении на политбюро проекта доклада на торжественном заседании, посвященном 70-летию Октября, зашла речь о Сталине. Все были за то, чтобы дать ему критическую оценку, но с разными оговорками. Высказал свое мнение и Горбачев:

«…Доклад не получался, пока не родилась мысль выделить 20-е и 30-е годы после Ленина, тогда выявилась *большая, огромная заслуга* (курсив наш. – *Д.В.*) Сталина… Тогда Сталин и нашел свое место. А ведь это был решающий этап: решался вопрос, куда пойдет страна»{1038}.

Трудно поверить, что так говорил Горбачев спустя более чем три десятилетия после XX съезда… «Заслуга» в дальнейшем «бетонировании» системы, в которой не оставалось места человеку, но был гигантский резервуар для «массы».

Или вот еще фрагмент из его выступления на политбюро 4 апреля 1985 года: «…не секрет, когда Хрущев довел критику действий Сталина до невероятных размеров, это принесло только ущерб, после которого мы до сих пор в какой-то мере не можем собрать черепки»{1039}.

В своем докладе о 70-летии Октября, произнесенном 2 ноября 1987 года в Кремлевском Дворце съездов, Горбачев трижды упомянул Сталина и получил в ответ бурные аплодисменты, когда произнес: «В достижении победы сыграли свою роль огромная политическая воля, целеустремленность и настойчивость, умение организовать и дисциплинировать людей, проявленные в годы войны И.В. Сталиным…»{1040}

Человек, по вине которого накануне войны были разгромлены военные кадры, заключен позорный договор о

«дружбе» с Гитлером, не позволивший привести в нужный момент войска в боевую готовность, оказывается, явился чуть ли не спасителем Отечества. А как забыть те 26,5 миллиона жертв в войне, большая часть которых рождена прямыми преступлениями и просчетами Сталина?

У Горбачева в сознании долго оставалось какое-то двойственное отношение к Сталину: изверг, но ведь «защитил» социализм.

Когда встал вопрос о разрешении СИ. Аллилуевой вновь покинуть страну, после ее импульсивного возвращения, решили, что неплохо бы с ней побеседовать. Может, дочь Сталина передумает. Но Горбачев отказался встречаться с Аллилуевой:

– Если встречаться мне, то потребуется оценивать Сталина, Сталинград и т. д. Я сам из такой семьи. Дяде подорвали здоровье.

Пять детей у матери из беднейшей семьи. Я медаль получил за сочинение «Сталин – наша слава боевая, Сталин – нашей юности полет!».

Может, поэтому целесообразнее встречу поручить тов. Соломенцеву М.С.?{1041}

Сталинская мифология уходила из сознания Горбачева с большим трудом.

Так менялся Горбачев: в некоторых вопросах весьма медленно и почти всегда – противоречиво. Если ему было так трудно изменить себя, то можно представить, как сложно было изменить общество.

Вы не забыли о моем упоминании, как бурно рукоплескал зал, когда Горбачев произнес имя кровавого диктатора? Мы все тогда по капле выдавливали из себя рабов. Кстати, моя двухтомная книга о Сталине, написанная к 1984 году, до 1988 года не могла увидеть света… Не было соответствующих указаний и разрешений…

А то, что в брошюре с докладом Горбачева значится, что после его хвалебных слов в адрес Сталина были «продолжительные аплодисменты», не верьте. Я был на этом заседании. Даже редакторам стенограммы заседания было стыдно, и опустили на ступень ниже они шумную, бурную овацию зала. Мы были роботами… Тогда я еще раз подумал, как трудно мне будет опубликовать свою книгу о Сталине…

По сути, процесс перестройки под руководством КПСС – это попытка трансформировать косную, догматичную, бюрократическую, директивную систему в направлении некоего либерализма. Но по замыслу ее архитектора слом коммунистических устоев совсем не предполагался. Поэтому

столь ограниченны ее результаты, которые послужили, однако, важнейшими предпосылками для последующих демократических преобразований и перемен. Горбачев, видимо, не мог сделать больше, чем он сделал. Как и никто другой. Главное в его свершениях – расширение каналов поступления в общественное сознание различной истинной информации, что повышает возможность людей обсуждать и контролировать многие процессы, ранее бывшие закрытыми. Гласность…

Когда-то М.М. Сперанский, ближайший советник Александра I, и сам император выдвигали идею расширения гласности судопроизводства и государственной воли. Горбачев начал этот процесс, развитие которого затем уже не зависело от его решений. Фактически гласность взорвала изнутри систему, основанную на классовой лжи. Это – главное. Возможно, самое главное в подвиге Горбачева. Да, подвиге!

Генсек не сидел на теоретической вершине, обдумывая сущность, формы и методы перестройки. Жизнь ежеминутно, каждодневно диктовала ему свои условия. Он должен был отвечать на эти вызовы. Игнорировать их он не мог. Тем более что с самого начала у него появилась оппозиция. Вначале незаметная, просто настороженная, затем более сильная и очевидная. Уже в феврале 1986 года Горбачев вынужден констатировать: «Уже и после апрельского пленума (1985 г.) пошел новый клан людей, которые занимаются словоблудием, вместо того чтобы дело двигать… Опять появляются приспособленцы…»{1042} Горбачев недоволен, что многие руководители начавшиеся перемены поддерживают лишь на словах.

Что решает высшая партийная коллегия после прихода Горбачева в кабинет генсека? Те же вопросы, что и при Брежневе, Андропове, Черненко. Почти те же…

Вот лишь несколько из множества вопросов, по которым под руководством генсека приняты «соответствующие решения» на политбюро:

– О праздничной демонстрации 1 мая 1985 г. (4 апреля 1985 г.).

– О подготовке и ходе весеннего сева (11 апреля 1985 г.).

– О техническом перевооружении Горьковского автозавода (6 мая 1985 г.).

– Об усилении требовательности в расходовании хлеба (6 мая 1985 г).

– Об обеспечении сандинистской армии (Никарагуа) обмундированием, питанием и оружием (6 мая 1985 г.).

– Об итогах совещания секретарей ЦК братских партий членов СЭВ (23 мая 1985 г.).

– О розничных ценах на фруктовые соки и хлебопекарные дрожжи (1 августа 1985 г.).

– О плане экономического и социального развития СССР на 1986 год и на XII пятилетку (29 августа 1985 г.)…

«Суперправительство» по-прежнему рассматривает сотни, многие сотни вопросов.

Например, в 1985 году, когда «короновался» Горбачев, политбюро приняло 4112 постановлений, что по сравнению с предыдущим годом больше на 9,3 процента! Количество совместных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР увеличилось с 228 в 1984 году до 241 в году 1985-м… Плюс к этому 5512 постановлений, которые принял секретариат ЦК КПСС…{1043}

Где тут думать о «стратегии» перестройки? Если политбюро не может себя «перестроить», то как же изменить страну? Разве не ясно, что уж если и заниматься севом, косилками, хлебом, дрожжами, соками, транспортом, столовыми и т. д. и т. п., то это должно делать, по крайней мере, правительство? А в последующем, по мере децентрализации – другие органы, другие структуры, другие организации, государственные и частные.

На заседании политбюро в июне 1986 года долго обсуждают, кого избрать в состав нового руководства Союза писателей на их предстоящем съезде. Точнее, кого поддержать и как это сделать? Рассматривают кандидатуры Бондарева, Залыгина, Распутина.

«Горбачев: Конечно, избрание Маркова было бы лучшим вариантом. А как расценивается кандидатура т. Бондарева?

Громыко: Это крупный писатель.

Соломенцев: Он придерживается правильной линии.

Горбачев: Если т. Марков не пройдет, то можно пойти на Залыгина. Но он в годах, силенки маловато. Наверное, все-таки крен нужно держать на т. Бондарева».

Затем генсек спрашивает: «Филипп Денисович, какое Ваше мнение?»

«Бобков (зам. председателя Комитета госбезопасности СССР): Если распространятся сведения об ориентации на т. Бондарева, то его могут не избрать, так что этот факт преждевременно огласке не предавать.

Горбачев: Давайте договоримся в первую очередь ориентироваться на то, чтобы т. Марков был избран председателем, а т. Бондарев секретарем. Нужно использовать для этого возможности нашего влияния…»{1044}

На этом же заседании обсуждали, нужно ли решение политбюро по разрешению операции по пересадке сердца… Хватило ума решение не принимать, а вдруг операция пройдет

неудачно.

Вот таким было политбюро через год после начала перестройки. Таким (почти) оно останется и до 1990 года…

Все, конечно, не случайно. Политбюро без власти над всем и всеми – уже не политбюро. Именно этот главный вопрос, который вроде бы и должна затронуть горбачевская перестройка, никто рассматривать и не собирался.

Новый генсек справедливо хочет развязать инициативу масс, понимая, что верхушечные реформы дадут косметические результаты. Но люди, отученные за семь десятилетий от самостоятельности, предприимчивости, не знают, как, кроме обличений рутинных порядков или поддержки решений верхов, проявить себя. Фундамент, каркас здания – ленинский; основные элементы никто пока и не думает менять. Все большему количеству людей становится ясно, что коммунистическая система не реформируема. Она или есть, или ее нет. Но столь радикальные выводы, призывы, заявления вольнодумцев тут же получают отпор. Как заявил генеральный секретарь в своей красноречивой статье «Социалистическая идея и революционная перестройка», появившейся в конце 1989 года: те, кто считает, «что прошлый путь якобы полностью опрокинул выбор Октября, предлагают капитализацию общества». Мы этот путь, заявляет Горбачев, «отвергаем»{1045}.

Что же тогда понимает под перестройкой ее главный архитектор? Он отвечает: «Перестройка – это решительное преодоление застойных процессов и слом механизма торможения, создание надежного и эффективного механизма ускорения социально-экономического развития общества, придание ему большего динамизма»{1046}.

Все эти «механизмы» торможения и ускорения ни в философском, ни в практическом отношениях не отвечают на главный вопрос: какова цель перестройки? Думаю, Горбачев это чувствовал и формулирует в разное время все новые и новые дефиниции. Вот еще одна из них: «Перестройка – это целостный революционный процесс, осуществляемый демократическими методами, народом и для народа, по отношению к которому партия выступает как политический авангард»{1047}.

Цель вроде бы теперь и обозначена – «для народа». Но что для него? Просто «революционный процесс»? Это уже было. Революцией все сыты по горло. О народе и революции так много наговорили и Ленин, и Сталин, что сразу возникают подозрения: опять чрезвычайщина? Ведь революция – это всегда экстремальность.

Партия, политбюро и ее генеральный секретарь не хотят

сказать очевидного: перестройка тогда станет подлинной, когда она будет нацелена на переход тоталитарного, бюрократического общества к обществу цивилизованному, демократическому. Без социализма. Но и без капитализма. Другими словами, создание качественно нового политического, экономического, социального и духовного образования в стране. Некий продукт конвергенции, которую мы так долго отрицали. Но к этому КПСС не готова. Это для нее – самоубийство. Большевики никогда не пойдут в Каноссу – на покаяние[26]. Их цель – «продолжать» дело Октября. Ведь Горбачев сказал: «Перестройка продолжает дело революции»{1048}. Естественно, что революции не февральской 1917 года, а октябрьской…

Горбачеву, стронувшему с места камень, который безуспешно пытался вкатить на гору Сизиф, было страшно трудно. Вдохнувшие первый глоток свободы люди уже не могли молчать. Язвы, которые десятилетиями камуфлировались, сразу же обнажились. Старая система стала трещать по всем швам, но ясности, что же должно возникать на ее месте, не было.

Сама атмосфера, климат перестройки оказались чрезвычайно конфликтными. Страна полыхала многотысячными митингами. ЦК выпускает постановления, подобные тому, что родилось 8 сентября 1989 года, где констатируется: исчезли из свободной продажи мыло, стиральные порошки, школьные тетради, лезвия для бритья, зубная паста, электрические утюги, чайники, обувь и т. д. и т. п.{1049} Следом идет постановление о «Серьезных недостатках в обеспечении лекарственными средствами населения»{1050}. Ну и, конечно, очередное постановление ЦК «О повышении ответственности руководителей-коммунистов за обеспечение населения продовольствием»{1051}. Страна сплошных дефицитов, очередей, черного рынка. Только Москва кое-как снабжается, но сюда за товарами едут сотни тысяч людей…

Большевики всегда гордились отсутствием в стране безработицы, забывая, что при крепостном строе ее тоже не было… Но в республиках Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа 10,4 процента трудоспособного населения «не занято в общественном хозяйстве»{1052}. Аппарат ЦК завален письмами. И преимущественно-жалобами. В 1989 году-485 214 писем. У советских людей осталась одна отдушина – жаловаться, просить заступничества у ЦК… Уже в 1990 году не единичны случаи самороспуска партийных организаций вузов, учреждений. Из партии выходят тысячи людей, выражая тем самым протест против единовластия партии и методов ее руководства. Идеологический иммунитет членов КПСС быстро падает, идет девальвация «основополагающих ценностей» марксизма-

ленинизма.

Брожение в стране нарастает. Уже трудно публично защищать Ленина, ленинизм, «классовую линию». Маятник перестройки все заметнее идет вправо. Ни политбюро, ни Горбачев не знают, как замедлить этот ход. Еще никто не знает, что через 5–6 лет этот маятник «постперестройки» так же неумолимо двинется влево. Это не внове. После социальных «приливов» в истории всегда следуют «отливы». После 1991 года завышенные ожидания, дезинтеграция великой страны, социальное расслоение, рост преступности, неумение воспользоваться свободой начнут быстро пополнять резервуар народного недовольства. В воздухе появятся флюиды большевистского термидора. Но все это еще только будет в эпоху «после Горбачева».

А пока вождь перестройки борется, отчаянно борется в желании создать социалистическое общество с демократическим, человеческим лицом…

Вопреки провозглашенным целям, горбачевские реформы ускорили процесс саморазрушения тоталитарной системы. К достижениям перестройки – огромным, историческим! – естественно, следует отнести фактическое устранение угрозы мировой ядерной войны. Это еще не оценено в полной мере и сейчас. А достижение историческое, эпохальное.

Феномен перестройки, который не был до конца понят ее творцами (и исполнителями) во всей исторической глубине, явился промежуточным, но важным условием выхода страны на рельсы, ведущие в демократическое, цивилизованное, процветающее общество.

А пока… пока Горбачев ежедневно решал многие десятки дел, пытаясь запустить главный мотор перестройки – «демократизацию общества». Но, как говорил генсек, при решающей роли его «авангардной силы» – КПСС. Эта «добавка» сразу же обессиливала двигатель, который на таких условиях никак не хотел «запускаться»…

Парадокс Горбачева

Выше я рассказывал, как Горбачев 4 апреля 1985 года на заседании политбюро, используя письма коммунистов, повел атаки на нескромность бывших руководителей: лесть, славословие, угодничество, процветавшие в высшей партийной среде. Генсек понимал, что не только получит самую широкую поддержку коммунистов, но и окажется теперь в эпицентре самого пристального внимания всех: и почитателей, и

недоброжелателей, и руководителей, и людей из «масс».

Да, Горбачев не стал вешать на свою грудь ордена, воспротивился, чтобы в повестках дня собраний ссылались на его «указания», запретил коллегам передавать на местах дежурные «приветы» от него. Помню по себе, что это было сразу замечено всеми. И одобрено тоже всеми.

Но вот наступает осень первого «горбачевского», 1985 года. Захожу в Дом политической книги и вижу на стенде, на самом видном месте, книгу Горбачева…

Не устоял новый генсек от тщеславного соблазна и, как и его предшественники, сразу же стал «писателем». Черненко, например, на очень короткий срок очутившись в кресле генсека, тут же переиздал свои нудные «Избранные речи и статьи», даже успел их напечатать в Германской Демократической Республике… На другие страны времени не хватило.

Печатались все члены политбюро. Толстые кирпичи казенных фолиантов с речами и докладами лежали во множестве магазинов без всякого движения. Я не знаю ни одного человека, кто когда-нибудь купил хоть одну книгу «неприкасаемого». Горбачев об этом тоже, наверное, знал. Председатель Госкомиздата М.Ф. Ненашев докладывал в ЦК, что 166 наименований книг и брошюр Л.И. Брежнева количеством в несколько миллионов мертвым грузом осели в магазинах. Лежат без спроса в огромном количестве книги Андропова, Гришина, Кулакова, Пельше, Пономарева, Романова, Суслова, Тихонова, Устинова, Черненко… «В книготорговой сети, – говорится в докладной, – находится также свыше 700 тысяч портретов Брежнева, 130 тысяч – Андропова, 170 тысяч – Черненко…» Реализованы только книги по коллективной разнарядке в общественные библиотеки.

Горбачев наложил резолюцию на докладной Ненашева: «Ознакомиться только членам ПБ (вкруговую). 06.08.86»{1053}. Фраза звучит как трезвое предостережение: смотрите, читатель полностью игнорирует бюрократическое, секретарское творчество. Но, оценивая вполне справедливо унылое и безликое «творчество» своих коллег, Горбачев по отношению к себе воспользовался другим нравственным «аршином». Не устоял новый генсек перед услужливыми доброхотами… Мол, к съезду нужно…

Уже в 1985 году с необыкновенной скоростью была подготовлена и выпущена в декабре книга «М.С. Горбачев. Избранные речи и статьи». Прекрасная бумага, 420 страниц «секретарского» текста. Поскольку Горбачев и раньше, в Ставрополе, и будучи семь лет в Москве почти не печатался в центральной прессе, в «избранное» подмели все, даже то, что не

заслуживает политического внимания, тем более прошедшее через газеты. Читая оглавление «труда», складывается впечатление, что это «банкетная» книга: «выступление в Варшаве на приеме 26 апреля 1985 г., выступление на приеме в Кремле 9 мая 1985 г., речь на обеде в честь Р. Ганди 21 мая 1985 г., речь на завтраке в честь В. Брандта 27 мая 1985 г., речь на обеде в честь Б. Кракси 29 мая 1985 г., речь на обеде в честь Г. Гусака 31 мая 1985 г., речь на обеде в честь Ле Зуана 28 июня 1985 г., речь на обеде в честь Ж. Батмунха 29 августа 1985 г., речь на обеде в Елисейском дворце 2 октября 1985 г., речь на обеде в Большом Кремлевском дворце в честь М. Каддафи 12 октября 1985 г…»{1054}.

Осуждая на словах привилегии, славословие, тщеславие, Горбачев не удержался и невольно стал «увековечивать» себя. Потом тома реформатора пойдут один за другим. Успело выйти несколько фолиантов, большая часть текста которых довольно малоинтересна и для современников, и для истории, как и все подобные книги, ибо в них нет личностного момента – писали их помощники и референты. Хотя справедливости ради следует сказать, что идеи о перестройке, бескровной «революции», новом мышлении важны для понимания процесса, начатого Горбачевым.

Скажу еще вот о чем. Возможно, это неизвестно читателям, кроме архивистов. В шестом секторе общего отдела ЦК вскоре после того, как Горбачев был избран генсеком, стали тщательно перепечатывать, систематизировать, переплетать все, что говорит Горбачев: речи, указания, распоряжения, статьи, подготовленные от его имени, доклады, записки. В красивых сафьяновых переплетах, с золотым тиснением целых 39 томов… Да, в два с лишним раза больше, чем у Сталина. Хотя все это «собрание сочинений» не издано (и возможно, и не предназначалось для этого), не покидает ощущение, что при жизни закладывался литературный памятник. В двух экземплярах. Пока.

Еще раз повторю, что я долго был горячим поклонником Горбачева, да и сейчас весьма высоко оцениваю его роль в истории, но никак не мог понять: зачем генсеку спешка со своим «увековечением»? Ни один генсек с такой скоростью не избирался и не издавался. Почти все сказанное в 1985-м в том же году вышло отдельной книгой! А как же его установка о том, что «необходимо строго придерживаться… ленинской скромности, не допускать ни перехлестов, ни любого рода восхвалений»?{1055}

Человек слаб. Соблазны бывают столь обворожительны, пленительны, сладкоголосы, что устоять перед ними нелегко. Даже такой выдающейся личности, как Горбачев. Но в этой слабости кроется парадокс Горбачева: это человек большого ума,

но слабого характера. Без уяснения данного личностного парадокса трудно понять эту историческую личность. Личностный парадокс вторичен. Но он виден и в сущностном парадоксе.

Такое бывало уже в истории у королей и полководцев, у президентов и министров. Специфика подобной «конструкции» связи интеллекта и воли часто находит свое выражение в смелых планах и слабой их реализации; ясном понимании необратимости процесса и желании еще «подождать», авось, все уладится; принятии важных решений и их обесценивании, амортизации половинчатыми, запаздывающими практическими шагами.

Все это имеет относительную роль в основном парадоксе Горбачева: начав перестройку под лозунгом «обновления» социализма, он пришел спустя шесть лет к самой его ликвидации. Помимо своей воли и желания. Это сущностный парадокс Горбачева. Он не учел, что «преимущества» советской системы в ее «железобетонности», рутинности, косности, консервативности. Как только опоры начали рушиться в результате гласности, относительной демократизации общества, – социалистическая система стала рассыпаться.

Горбачев понимал, не мог не понимать, что социализм в СССР обречен, но ему не хватило характера, воли согласиться с этим естественным выбором истории. За год до полного крушения, в августе 1990 года, держа в Одесском военном округе речь перед военными, он вновь заявлял: смысл реформы «остается незыблемым: реализовать социалистическую идею»{1056}.

По сути, перестройка явилась не стратегией улучшения, обновления социализма, а, как справедливо писал Михаил Геллер, попыткой «оттянуть как можно дальше гибель советской системы»{1057}. Этот исторический парадокс – ортодоксальный коммунист объективно, помимо его намерений, выступает могильщиком ленинской системы – находит и личностное выражение.

Интеллект, чувства, воля Горбачева наложили неизгладимый отпечаток на процесс мучительных перемен, названных им перестройкой. Раньше, касаясь облика «вождей», мы тут же поспешно корректировали их значение «решающей ролью народных масс». Не хочу возвращаться к мудрым размышлениям Плеханова о роли народных масс и личностей в истории. Всеми понято, что важны и «массы», и «вожди». Но каждые в своем «срезе», своей функциональной исторической заданности, в свое время. «Массы» свершают то, что предписывают, указуют им «вожди» или избранные демократическим путем их представители. Чем более бюрократична, тоталитарна система,

тем роль первого лица судьбоноснее. И наоборот. Горбачев был седьмым лидером в государстве, созданном Лениным, где никогда не существовало подлинных демократических институтов, где люди не знали по-настоящему, что такое права человека, где свобода не была главной духовной ценностью. Последний генсек оказался лидером великого народа в самом начале его мучительного переходного пути к новому историческому состоянию.

Анализируя (и порой критикуя) деятельность Горбачева, его достижения и просчеты, замыслы и свершения, мы не должны забывать, лидером какого общества он был. Как должны также представлять, что Горбачев не был ни земным богом, ни мессией, ни пророком… Горбачев многое задумал, но значительно меньше осуществил; часто результаты поражали воображение своим диссонансом первоначальным замыслам. И это не только от стихийной игры обстоятельств и факторов, но и от известной дисгармонии между умом и характером, интеллектом и волей лидера.

Каждое утро Горбачев рассматривал массу документов. Как до него все другие генсеки. Важные и не очень, срочные и рутинные, сенсационные и, очевидно, формальные. Генеральный секретарь чувствовал, смею думать, глубокий внутренний дискомфорт, например, когда у него в руках оказывались бумаги из Кабула, как и доклады из Министерства обороны и КГБ. В горной стране шла кровавая гражданская война, в которой СССР поддерживал одну сторону. Конца ей не было видно, так же как не видно, въезжая, выхода из тоннеля Саланг, многокилометрового подземного прохода, «проткнувшего» одноименный хребет в Афганистане. Доклады Громыко, Соколова, Чебрикова, несмотря на обязательные дозы казенного оптимизма, были малоутешительными. СССР находился в хитрой ловушке, из которой можно было освободиться, лишь прямо и изначально признав ошибкой всю «интернациональную миссию» в этой стране и выведя войска из Афганистана.

Вот в руках Горбачева (есть его виза) очередной проект Указа Верховного Совета СССР о награждении военнослужащих 40-й армии «За мужество и героизм при выполнении интернационального долга». Это действительно герои, которых заставили умирать за неправое дело. Почему-то глаза задерживаются в бесконечном списке прежде всего у тех фамилий, рядом с которыми стоит скорбное – «посмертно».

Орденом Ленина

капитана Белицкого Леонида Николаевича

лейтенанта Нафикова Хамита Мугиновича

капитана Никулина Сергея Петровича
майора Смирнова Анатолия Леонидовича…
Орденом Красного Знамени
капитана Анисимова Сергея Владимировича
капитана Бабко Валерия Владимировича
капитана Галицкого Михаила Ивановича
мл. сержанта Гомелюка Анатолия Константиновича
подполковника Гусева Владимира Владимировича
рядового Ивашутина Валерия Альфредовича
мл. сержанта Журавлева Валерия Анатольевича
лейтенанта Земцова Александра Николаевича
лейтенанта Кожанова Мурата Узановича…{1058}

Список кажется бесконечным, как и сама война. Во имя чего? Зачем? Она уже тянется дольше, чем Великая Отечественная… Что делать? Во имя чего погибли эти люди? Как выпутаться из этой кровавой паутины? Горбачев, как мы теперь знаем, уже давно задумывался над этим вопросом. Для него было ясно: нужно быстрее вывести советские войска из Афганистана. Горбачев не участвовал в принятии рокового решения 25 декабря 1979 года о вводе войск в Афганистан – слишком незначителен был тогда его политический вес. Но почти тут же, 27 декабря, Горбачева ознакомили с выпиской из протокола политбюро № 177. Его не спросили, вводить ли советские войска в независимую и суверенную страну, но тут же «проинформировали», навязав роспись об ознакомлении с этим решением, означавшую фактически одобрение.

Известно, что Горбачев уже в 1986 году говорил о необходимости быстрее «развязать афганский узел». Говорил, а дело тянулось еще почти четыре года… Обладая огромной властью, он не решался пойти против консерваторов, Министерства обороны, КГБ…

Такова парадоксальная методология последнего генсека: приходя к верному решению, часто являясь в этом деле пионером, он не спешил реализовать задуманное и выношенное. Колебался, раздумывал, взвешивал, откладывал. Еще долго Горбачев с членами своего «партийного штаба» пытался что-то выиграть из безнадежно проигранной авантюры.

В год прихода Горбачева страна бросила в топку грязной войны около 3 миллиардов рублей. В 1986 году около 4 миллиардов, а в 1987 году – более 5,5 миллиарда. (В старых ценах.) В сутки эта грязная война обходилась СССР: в 1984 году-4,3 миллиона рублей, в 1985-м – 7,2 миллиона, в 1986-м – 10,0 миллионов, в 1987 году – 14,7 миллиона рублей…{1059} С декабря 1979-го по февраль 1989 года по горным дорогам

Афганистана прошли 546 255 советских офицеров и солдат, из них 13 826 человек сложили там свои головы…{1060}

Фактически Горбачев уже к началу 1986 года для себя однозначно решил: войска надо выводить. Это мужественное, верное решение. Но без конца поручал «изучить вопрос», «доложить предложения», «подготовить условия для вывода», а между тем гибли люди, уходили миллиарды рублей, бессмысленно сжигаясь в топке войны, где не могло быть военной победы. Даже в ноябре 1987 года, когда прошло почти три года перестройки, Горбачев, в очередной раз встречаясь с просоветским лидером Афганистана Наджибуллой, говорил о многом, но лишь косвенно и мало о выводе войск. Ведь принципиальное решение уже было принято, и в Министерстве обороны СССР разрабатывался конкретный план вывода советских войск из Афганистана. А Горбачев в течение почти часа говорил о том, как действовал Ленин в кризисной ситуации, о «гибкости ленинской национальной политики», о предстоящих выборах президента Афганистана, о созыве Лоя Джирги в Кабуле… Советы генсека были немудрёными: «…вы провели хорошую партийную конференцию. Теперь перед вами стоит задача – настойчиво осуществлять принятые решения, идти вперед. Что касается тех в НДПА, кто не верит в национальное примирение, то этим маловерам надо давать хорошую пенсию или отправлять за границу». Уже посреди беседы Горбачев заторопился: «Вообще, т. Наджиб, сейчас начинается исключительно важный и ответственный этап. К сожалению, у нас нет возможности подробно обсудить все стоящие проблемы, т. к. у меня намечена встреча с тов. Яношем Кадаром…»{1061}

Когда Горбачев в апреле 1988 года полетел в Ташкент и встретился еще раз с Наджибуллой, политбюро уже 1 апреля утвердило план вывода советских войск из Афганистана, которых к этому времени там насчитывалось 109 тысяч человек, 513 самолетов и вертолетов, около 30 тысяч единиц боевой техники и автомобилей. Здесь наконец Горбачев был тверд: «Войска будут выведены к 15 февраля 1989 года. Начнем вывод 15 мая». Решение, которое созрело у Горбачева вскоре после того, как он стал генсеком, начало осуществляться лишь через… три года. Потребуется еще почти год, чтобы уйти из Афганистана.

Уже перед началом вывода советских войск в мае 1988 года Горбачев фактически защищал безнадежно ошибочную акцию политбюро в декабре 1979 года. Решая практические вопросы операции на заседании высшей партийной коллегии, Горбачев 18 апреля 1988 года заявил, что в специальном письме партии по этому вопросу «мы должны сказать, что наши люди не зря

отдавали свои жизни…»[1062].

Не зря… А тогда за что же отдавали? На этот вопрос не смог ответить Горбачев. На него уже ответила история.

Горбачеву явно не хватило здесь характера. Это человек, у которого воля, к сожалению, значительно слабее интеллекта. Иногда он долго ищет компромисс там, где таковой уже невозможен. Все знали, что Горбачев почти до «августовского» (1991 г.) путча до конца пытался сохранить одинаково добрые отношения и с консерватором Лигачевым, и с реформатором Яковлевым. Но это все равно что дружить одновременно с писателями Баклановым и Бондаревым и разделять взгляды обоих. Правда, когда вопрос обострялся до предела, у Горбачева хватало твердости «отрезать», выдать категорическое «да» или «нет». Вот один пример.

В марте 1989 года, когда советские войска уже были выведены из Афганистана, вдруг Шеварднадзе, поддавшись на уговоры Наджибуллы, поставил вопрос о необходимости поддержать шатающийся режим в Кабуле. Вопрос стоял о нанесении с территории СССР бомбовых авиационных ударов по скоплениям моджахедов около Джелалабада. Военные в лице маршала Язова вяло, нехотя, но поддержали министра иностранных дел. И вот тут Горбачев яростно взорвался: «Никакого другого ответа Наджибулле, кроме абсолютного отказа от этих бомбо-штурмовых ударов!» – и тут же приказал направить соответствующую телеграмму в Кабул[1063].

Думаю, что подлинные причины и последствия этой войны еще подлежат глубокому анализу. Шеварднадзе после своей поездки в Кабул сказал: «Уходя из Афганистана, мы вынуждены признать, что оставляем эту страну в буквальном смысле слова в плачевном состоянии: разрушенные города, кишлаки, голодающая столица, почти полностью парализованная экономика… Сотни тысяч людей погибли…»

Горбачев: «Важно, чтобы этот режим и все его кадры не были сметены дотла… Нам нельзя предстать перед миром в одних трусиках или даже без них… Пораженческая позиция недопустима…»[1064]

Но, что бы ни говорил президент, перед миром мы предстали как страна, потерпевшая крупное политическое поражение, и было не важно – в «трусиках или даже без них»…

Еще одной гранью парадоксальной жизненной методологии Горбачева является его увлеченность какой-то одной идеей, которая вдруг покажется ему панацеей, «ключом» к решению «очередной» важной задачи. Но он не просто увлекался сам, мог увлечь и других, обладая большим талантом убеждения людей,

внушения им новой «мессианской идеи». Спустя год-два он мог больше никогда о ней и не вспомнить. Это, конечно, не только от характера личности, а больше от традиционного большевистского понимания роли руководителя в обществе.

Начали «ускорение» социально-экономического развития в обществе, тут же выяснилось, что количественные показатели производства (как у Сталина – «темпы») тут же приходят в непримиримое противоречие с качеством. Кто-то из очередных инициаторов и советчиков, имена которых обычно остаются неизвестными, порекомендовал генсеку резко ужесточить контроль за качеством продукции, «пропустить» ее через «государственный прием».

Идея страшно понравилась Горбачеву. Я однажды присутствовал на крупном совещании в ЦК, когда генеральный секретарь очень горячо и долго убеждал зал, что если решим с проблемой качества, то сделаем наконец «крупный рывок» вперед. А качество нельзя улучшить без усиления роли и количества «надсмотрщиков». Способ нашли, конечно, старый: вводили еще один огромный, многотысячный слой «независимых» государственных контролеров. Опять контролеров…

Приняли закон. С 1 января 1987 года на значительной части предприятий была введена так называемая «госприемка». В течение года более 15 процентов продукции не выдержало элементарного экзамена на качество. Но сразу усилилось недовольство директоров заводов и фабрик, «загудели» рабочие. Они трудились ведь так, как работала вся система. Иначе не могли. Через два года «золотой ключ» к качеству был потихоньку «потерян». Горбачев больше публично не вспоминал об этой панацее.

Затем пришла очередь увлечения идеей перестройки государственных предприятий, имея в виду, как говорил Михаил Сергеевич, «сочетание планового начала и полного хозрасчета, самостоятельности и ответственности»{1065}. Горбачев полагал, что Закон о государственном предприятии откроет шлюзы для «использования непосредственной демократии». Но генсек не учел, что, сохраняя старую социалистическую базу, все верхушечные колебания надстроечных конструкций мало что изменят. «Самостоятельность» предприятий тут же была обуздана уже не планом, а государственным заказом… Бюрократия сразу же взяла реванш.

Горбачев, однако, уже был увлечен новой «демократической» идеей: выборность руководителей. Назрела «необходимость перемен, демократизации процесса формирования руководящих кадров предприятий на основе применения выборных

начал»{1066}. По стране прокатилась волна смены многих директоров, управляющих, заведующих под влиянием резолюций и решений общих собраний и «советов трудовых коллективов». На освободившиеся места приходили их заместители, люди той же закваски и школы.

Прошло немного времени, и появились новые идеи, похожие на прежние, что естественно.

Возникла «спасительная» идея о необходимости совмещения должности первого секретаря (обкома, райкома) с постом председателя Совета народных депутатов соответствующего региона. Своеобразный гибрид партийной и государственной власти, но, естественно, под полной эгидой КПСС.

Мне довелось быть делегатом памятной XIX партийной конференции в июне 1988 года. В большом и по-своему интересном докладе Горбачева немало места было отведено обоснованию идеи: первый секретарь партийного комитета КПСС – он же председатель Совета народных депутатов. Здесь генсек также высказал убежденность о необходимости возвращения к «ленинским» съездам Советов, некоторые другие мысли о реформе политической системы в СССР. Многие его рассуждения выглядели убедительно и здраво.

А в отношении «синтеза» партийного и государственного постов Горбачев был непреклонен. Он видел в этом легализацию, придание «законности» всевластию КПСС. На XIX партконференции он с такой страстью и самозабвенно отстаивал (и отстоял!) эту порочную идею, которая, по сути, лишь продлевала агонизирующую власть партии, сохраняла на какое-то время ее политическую монополию. Сам генсек очень долго, дольше, чем кто-либо другой, стоял на позиции, что «КПСС – правящая партия»{1067}, а посему никак не соглашался на отмену 6-й статьи брежневской конституции, где о КПСС говорится как о «ядре» политической системы СССР. Считал это требование «преждевременным» и «поспешным».

Можно долго перечислять «странности» в позиции генсека. Это не только отставание его действий от решений или абсолютизация тех или иных административных мер, но и прежде всего вера в то, что только КПСС, только партия коммунистов способна осуществить эти перемены. Как это ни странно звучит на первый взгляд, здесь во многом Горбачев прав. Дело в том, что в стране была только одна мощная, формально «общественная», а фактически огосударствленная сила – КПСС. У нее был накоплен огромный организационный опыт и сохранялось большое влияние на миллионы людей. Игнорировать КПСС было невозможно. Но нельзя было ее и укреплять! Только постепенный демонтаж

коммунистической партии, поддержка новых демократических формирований, утверждение политического плюрализма могли создать условия перехода в более цивилизованное состояние общества.

Говоря об этих «увлечениях» Горбачева, нельзя в них видеть только бездумное экспериментирование. Он был вынужден, обязан искать новые конкретные рычаги инициирования назревших перемен, возможность управлять ими. Многое здесь оказалось ошибочным, поверхностно традиционным. Эти неудачи административного реформирования высшего руководства постепенно аккумулировали недовольство рядовых коммунистов, вызывали разочарование людей в лозунгах перестройки. Начался выход коммунистов из партии, явление абсолютно новое для КПСС. Если в 1988 году сдали свои партийные билеты 18 тысяч человек, то в 1989 году уже 136,6 тысячи. Причем больше половины вышедших из партии были рабочие{1068}.

Таким образом, личностный парадокс Горбачева заложен, конечно, не только в антиномии его интеллекта и характера, но и кое в чем другом. Вероятно, более важном. Коммунист Горбачев своими неэффективными попытками укрепить систему в действительности способствовал тем самым ее саморазрушению. Первый коммунист – могильщик коммунистического монолита! Вопреки его воле. Это действительно исторический парадокс, отражающий, однако, сложнейшую диалектику глубинных перемен в СССР. Причем эти перемены выражались не в «ускорении» социально-экономического развития, не в «повышении авангардной роли» КПСС, не в усилении «хозяйственной самостоятельности» предприятий. По истечении трех-четырех лет перестройки стало ясно, что никакого радикального перелома в экономике не наступило и фактическое состояние брежневской стагнации продолжилось и углубилось. СССР стал страной сплошных «дефицитов». Но шли очень глубокие перемены в общественных умонастроениях, в постепенном распаде мифов о КПСС, о «преимуществах социалистического строя», «демократизме» советской системы и т. д.

Духовный демонтаж с помощью потрясающего феномена гласности, действительно великого средства перемен, начался раньше, чем демонтаж материальный и организационный. Для проницательных людей скоро стало ясно, что «ускорение» – это реставрация большевистского призыва «пятилетку в четыре года», которая легализует низкое качество производства и совершенно не способствует утверждению деятельности в соответствии с объективными экономическими законами.

Горбачев не поставил под сомнение большевистский метод перенесения «земного рая» все дальше и дальше вглубь, к линии горизонта. Как писал известный западный экономист А. Каценелинбойген, принимаемые советской властью экономические меры не просто плохи, а они «попросту неадекватны кризисному состоянию экономики. Достаточно вспомнить жилищную проблему. Если еще недавно было обещано предоставить каждой советской семье квартиру к 1980 году, то теперь это обещание отнесено на 2000 год{1069}. А сколько других посулов в качестве вечного социального пряника использовалось коммунистическими властями? Горбачев не захотел ломать этот принцип. Если «ленинские идеалы социализма станут достоянием народа», заявлял он, то мы достигнем желаемых целей{1070}. Обещания сохранились, только стали более туманными и неопределенными.

По существу, уже к началу 90-х годов стало совершенно очевидно, что экономическая часть реформ Горбачева оказалась полностью несостоятельной. Однако, думаю, и никто другой на его месте не добился бы иного результата. Нужно было не «ремонтировать» старую машину, а создавать новую. Но это ясно всем только теперь, Горбачев не был ни пророком, ни мессией. Он был либеральным коммунистическим руководителем, который медленно, мучительно, как и вся страна, изменялся.

Демократизация производства, удовлетворение огромного потребительского спроса, решение проблем качества оказались принципиально невозможными на платформе старых большевистских экономических отношений. Система, созданная Лениным, еще раз продемонстрировала, что она не подвержена радикальным демократическим реформам. Коммунистическая система или есть, или ее нет. Коммунизма с демократическим лицом, свободным рынком и политическим плюрализмом не существует. По сути, к концу горбачевского пятилетия система могла бы выразить, словами Ф.М. Достоевского, «административный восторг» по поводу своей живучести, устойчивости, сопротивляемости.

Парадокс Горбачева, говоря иначе, заключался в том, что он верил в возможность изменить то, что изменить было нельзя. Требовалась не перестройка, а по большому счету – «новостройка». Но реальный процесс в стране был другим.

Пленум ЦК КПСС 27–28 января 1987 года, обсудив доклад Горбачева «О перестройке кадровой политики партии», сформулировал в своем постановлении: «Конечная цель перестройки – обновление всех сторон жизни нашего общества, придание социализму самых современных форм общественной

организации, наиболее полное раскрытие творческого потенциала социалистического строя»{1071}. Но этим «совершенствованием», «улучшением», «обновлением» социализма занимались долгие десятилетия все вожди и до Горбачева с одинаковым «успехом». Последний генсек отличается от них в самую лучшую сторону тем, что пытался сделать все возможное, чтобы социализм обрел человеческий облик. Задача благородная, но едва ли посильная кому-либо.

На этом пути он сделал главное – утвердил гласность как процесс ликвидации Лжи. Дело в том, что ленинская система, независимо от желания ее функционеров, вся построена на лжи, неправде, сокрытии, контроле за информацией, управлении состоянием общественного и индивидуального сознания. Как только правда о власти, многих мифах большевистской истории, «революционных переломах» советского пути (индустриализация, коллективизация, «большая чистка» и т. д.) стала быстро поступать в общественное сознание, то сразу затрещали устои строя, укреплявшиеся столько десятилетий. Правда и истина оказались оружием, против которого ленинская система была бессильна.

Горбачев, став генсеком, с самого начала повел фронтальное наступление на изъяны, пороки, язвы советского образа жизни. И в своем стремлении получил большую общественную поддержку. Его первый удар пришелся на пьянство и алкоголизм.

Это действительно давняя и острая проблема российского, а затем и советского общества. Партийные комитеты, поддерживавшие Горбачева, помогли собрать ошеломительные данные. В 1984 году, например, на улицах городов и сел страны было подобрано (именно так в справке – «подобрано») 9,3 миллиона пьяных. В 1984 году на душу населения потреблялось «чистого алкоголя» 8,3 литра. Это кроме самогона и других домашних алкогольных напитков. При этом в некоторых регионах употребление спиртного стало носить характер национального бедствия. На Камчатке потреблялось на душу населения 14 литров, а на Сахалине – почти 17 литров! Прогулы, преступность, деградация личности стали столь массовым явлением, что закрывать глаза на эти язвы стало уже невозможно.

4 апреля 1985 года состоялось заседание политбюро, на котором были обсуждены «Меры по преодолению пьянства и алкоголизма». Председатель комиссии по этому вопросу М.С. Соломенцев доложил «разработанные предложения». В основном – меры запретительного характера: повышение цен на винно-водочную продукцию и сокращение ее производства, усиление штрафных санкций, лишение граждан премий, путевок в дома

отдыха, задержка с получением квартир и т. д. Додумались даже до такой меры, как запрет продажи спиртного людям моложе 21 года. Как всегда, создали и новую «общественную организацию» – Всесоюзное общество «Трезвость», с введением многих тысяч штатных работников…

Первый заместитель министра финансов СССР В.В. Деменцев, поддерживая общую тональность обсуждения на политбюро, осторожно заметил, что сокращение производства и продажи спиртного одновременно крупно сократит доходы государственного бюджета в 1984 году на 4 миллиарда рублей, в 1987-м – на 7,5, в 1988-м – на 11, в 1989-м – на 14 и в 1990 году – на 15–16 миллиардов рублей. Чем компенсировать доходы в государственный бюджет, как? Бюджет будет разбалансирован…

Генсек резко прервал заместителя министра: «В том, что вы сказали, ничего нового нет. Каждому из нас известно, что имеющиеся на руках деньги покрывать нечем. Но вы не предлагаете ничего другого, как спаивать народ. Так что докладывайте свои соображения короче, вы не в Минфине, а на заседании политбюро…»{1072}

Горбачев, утверждая себя в новой должности, демонстративно тверд, тем более «страна требует» – остановите пьянство.

Но уже через короткое время после принятия постановления стало ясно: запреты малодейственны. В городах выстроились колоссальные очереди за спиртным, сразу же появилась спекуляция водкой, широко развернулось самогоноварение. Огромное количество сахара (сотни тысяч тонн) стало проходить через аппараты самодельного изготовления водки. Сахар исчез из магазинов. Пришлось вводить на него карточки… Как во время войны.

Через три года Горбачев сдался. Новое «постановление» (октябрь 1988 г.) говорило уже о «перегибах», чрезмерном «администрировании», непозволительных «методах запрета» без учета общественного мнения и т. д.

Легковесная кавалерийская атака на пьянство не дала, естественно, положительного нравственного результата, серьезно усложнив со временем экономическую, социальную, да и психологическую ситуацию в стране.

Горбачев менялся вместе с обществом. Трудно, противоречиво, но эволюция была заметной. Особенно это можно проследить в сфере, которая традиционно в советском обществе всегда была на самом заднем плане. Речь – о правах человека.

Летом 1985 года Чебриков, Федорчук и Рекунков в преддверии XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в

Москве обратились к Горбачеву за разрешением на время международного праздника применить «превентивные меры» по отношению к неблагонадежным в политическом отношении лицам. КГБ и МВД предлагали 25 антисоветски настроенных граждан столицы «на период проведения фестиваля подвергнуть аресту в административном порядке».

Генсек, похоже, не задумываясь, наложил предельно лаконичную резолюцию: «За. Горбачев. 24. VI-85 г.»{1073}.

Не знаю, знал ли о том Горбачев, но во время правления второго вождя методология сохранения «нравственного здоровья» советского общества была такой же. Только масштабы и методы более внушительные. Например, в феврале 1940 года Берия подобным образом предлагал «очистить» столицу (к слову, с ним в Кремле согласились).

«1. Арестовать и решением Особого совещания НКВД заключить в исправительно-трудовые лагеря сроком до 8 лет нелегально проживающих в Москве и области 5–7 тысяч человек уголовно-преступного элемента.

2. Решением Военной коллегии Верховного суда СССР расстрелять 300 человек профессиональных бандитов и грабителей, имеющих неоднократные судимости…

Народный комиссар внутренних дел

Л. Берия»{1074}.

Конечно, с размахом второго вождя трудно сравняться. Но здесь, в 1985 году, приемы те же: без суда за «антисоветские настроения подвергнуть аресту».

Горбачев, как и все мы, был рожден ленинской системой, и «выскребать» большевизм из своей души и ему, и нам придется долго.

Генеральные секретари всегда опекали спецслужбы, органы безопасности и верили прежде всего им. В мае 1986 года в Москве состоялось Всесоюзное совещание руководящего состава КГБ. Генсек принял в нем участие, благословив «органы» на «эффективную» защиту государственной безопасности. Сохранилась фотография Горбачева в президиуме совещания в окружении главных жрецов всемогущего КГБ. Подпись на обороте В. Чебрикова: «Дорогому Михаилу Сергеевичу. На добрую память от верных и преданных Вам чекистов. 27–28 мая 1986 г.».

Любовь – не знаю, но верность и преданность у всех генсеков и чекистов была взаимной.

Через год, когда Горбачев получил очередную регулярную записку от того же Чебрикова «О подрывных устремлениях противника в среду советской творческой интеллигенции», генсек был уже более сдержан и осмотрителен. В записке перечислялись

фамилии многих известных советских писателей, которых настойчиво «обрабатывают» империалистические разведки. Чебриков сообщает, что «Рыбаков, Светов, Солоухин, Окуджава, Искандер, Можаев, Рощин, Корнилов и другие находятся под пристальным вниманием спецслужб противника». Вновь упоминаются Солженицын, Копелев, Максимов, Аксенов как «вражеские элементы». Генсек реагирует вроде нейтрально: «Разослать членам политбюро ЦК КПСС, кандидатам в члены политбюро и секретарям ЦК КПСС. Тт. Лигачеву Е.К. и Яковлеву А.Н. переговорить со мной. Горбачев. 16 июля 1986 г.»{1075}.

Сегодня известно, что уже тогда Горбачев не хотел полностью соглашаться с предложениями КГБ, а был намерен добиваться более гибкой работы с творческой интеллигенцией, чтобы влиять на нее в «нужном направлении». Вскоре Горбачев принимает смелое, важное решение: позвонить Сахарову в Горький и предложить тому вернуться к научной работе.

Хотя до возвращения Сахарова из ссылки, в чем решающая роль принадлежит Горбачеву, в августе 1985 года он со своими соратниками обсуждал вопрос: как поступить с просьбой Сахарова о разрешении на выезд его жены Боннер за границу для лечения.

Как тут ополчились мужчины из политбюро против свободолюбивой дамы!

Чебриков заявил, что «Боннер влияет на Сахарова на все 100 процентов» и вообще все «поведение Сахарова складывается под влиянием Боннер». Горбачев в этом месте бросает реплику:

– Вот что такое сионизм.

А Н.И. Рыжков оказался терпимее:

– Я за то, чтобы отпустить Боннер за границу. Это гуманный шаг. Если она там останется, то, конечно, будет шум. Но и у нас появится возможность влияния на Сахарова{1076}.

Горбачев, однако, скоро смог понять, что, освободив Сахарова из ссылки, режим выиграет неизмеримо больше, нежели если будет продолжать удерживать его в городе, закрытом для иностранцев.

На Западе, где стало известно о высоком звонке правдолюбцу, рейтинг Горбачева просто подпрыгнул вверх: «Такая доброта, щедрость души, гуманизм нового советского лидера». Все как-то сразу забыли, а почему он был сослан, на основании какого закона? Почему Горбачев не извинился перед Сахаровым за произвол властей? Как может генеральный секретарь возвращать одним своим звонком человека из ссылки?

Как-то все это осталось в стороне. А по большому счету царственный звонок, подтвердивший начало перелома отношения к диссидентам, одновременно подтвердил глубинное беззаконие

системы. Однако именно с этого времени имидж Горбачева в глазах западной общественности стал быстро меняться. Не хватало только нимба.

После звонка было «продолжение». Президиум Верховного Совета СССР принимает указ о прекращении ссылки и помиловании его жены Боннер Е.Г. В ЦК, к генсеку приглашают президента Академии наук СССР Г. Марчука, инструктируют его и посылают к Сахарову в Горький. В своем докладе после поездки в ЦК, подписанном 22 декабря 1986 года, Марчук, в частности, писал: «Существенным моментом в беседе была идея, которую поручил мне развить на встрече с Сахаровым Горбачев М.С., что он поверил в искренность письма Сахарова. Реакция на это оказалась самой сильной. Сахаров в течение длительного времени молчал, пытался что-то сказать, но не смог».

Я уже отмечал выше, что Горбачев умел убеждать людей. Сахаров, обложенный КГБ со всех сторон, с трудом мог допустить, что первый коммунист страны был способен поверить его честному письму. Сама эта возможность его поразила.

Марчук далее пишет: «Мое впечатление от двухчасовой беседы с Сахаровым следующее. Сахаров находится в состоянии шока и полной растерянности от телефонного разговора с Горбачевым М.С. Он явно не ожидал такого оборота дела и еще долго будет переосмысливать изменившуюся ситуацию. Понимая, что его письму к Горбачеву поверили, он оказался в новом и очень ответственном положении. Он начинает понимать, что ему предстоит в Москве борьба прежде всего со своей женой и антисоциальным (?! – *Д.В.)* окружением, и он просто устал от всего этого и хотел бы спокойной научной работы»{1077}.

История с Сахаровым свидетельствует не только о том, что Горбачев способен на обычное человеческое сострадание, может прислушаться к движениям своей души, но и о другом. Горбачев не уставая говорил о том, что «демократизм – не просто лозунг, а суть перестройки»{1078}. Он хотел, чтобы ему поверило все общество. Поверил же ему Сахаров?! В свою очередь, царственный жест в сторону опального академика, по мысли Горбачева, был способен повысить степень доверия к нему не только внутри страны, но и за рубежом. И генсек здесь не ошибся.

Летописцу проще фиксировать события и факты, пытаясь проникнуть в их суть. Горбачеву, как человеку, от которого многое зависело, приходилось с трудом, в муках освобождаться от того, что было им позже осуждено. Генсек почти до самого путча в августе 1991 года безоговорочно верил спецслужбам, в основе своей враждебно принявшим реформы, инициируемые Горбачевым. Говоря о гласности, демократии, правах человека,

генсек продолжал читать донесения КГБ, которые, по сути, дезавуировали его демократические устремления. Еще в 1988 году генсек продолжал изучать донесения В. Чебрикова, председателя КГБ, «О итогах работы органов госбезопасности по розыску авторов анонимных материалов враждебного характера». Например, 21 марта 1988 года Горбачеву доносилось, что «увеличилось на 9,4 процента лиц, участвовавших в изготовлении и распространении этих материалов. Выявлены 1312 авторов листовок, писем и подписей антисоветского характера». Скрупулезно подсчитано, сколько из числа разысканных авторов являются рабочими, служащими, студентами, пенсионерами; сколько из них «профилактировано» и сколько лиц «привлечено к уголовной ответственности…»{1079}.

За кулисами перестройки продолжалась прежняя чекистская жизнь. И Горбачев знал об этом. Не только знал, но и принимал активное участие, как генсек, в руководстве этим ведомством. По-прежнему основной костяк кадров в КГБ утверждался в ЦК. Например, политбюро дало добро направлению в «органы» в течение 1986–1990 годов многих специалистов из самых различных сфер, министерств и ведомств. Особенно большое пополнение шло за счет Министерства высшего и среднего специального образования, Министерства обороны, специализированных НИИ, КБ, военно-учебных заведений. Партия сама, непосредственно, растила кадры спецслужб.

За семь десятилетий господства большевиков страна привыкла к их фарисейству: когда говорили одно, думали другое, а делали третье. Поэтому любые демократические проявления нового лидера большей частью общества воспринимались как неожиданное откровение, государственная незаурядность, способность к мессианству. И нужно сказать, генсек во многом не обманывал ожиданий. Когда Генеральный прокурор СССР В.И. Теребилов написал записку в ЦК с предложением сократить «использование» высшей меры наказания (отказаться от применения ее к женщинам, лицам 18–20 лет и т. д.), то Горбачев решительно поддержал его. На полях записки генсек откликнулся на поставленные вопросы так:

«Мы недавно решили вопрос о расширении практики помилования осужденных с заменой смертной казни лишением свободы на 20 лет. Это было сделано правильно. В записке тов. Теребилова В.И. данный вопрос ставится шире: нужно ли нам сохранять в законодательстве много составов преступлений, за которые предусматривается смертная казнь? Обменяемся на политбюро.

Горбачев. 26. 05. 86»{1080}.

Горбачев прекрасно понимал, что главный враг перестройки – сама партия, но без нее сейчас нельзя ничего сделать, ведь именно партия и начала косметический ремонт Системы. Тем не менее генсек никак не хотел «добровольно» отказаться от 6-й статьи Конституции СССР. Она начиналась так: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза»{1081}.

Политбюро несколько раз обсуждало вопрос: как сохранить статью? Все понимали, что это не удастся, но надеялись… Ведь от власти добровольно отказаться так трудно!

Горбачев 20 ноября 1989 года заявил: «Придется сражаться за пункт 6-й Конституции… Надо придерживаться тезиса – это не пожарный вопрос, это не чрезвычайка…»{1082}

Через пару недель генсек вновь предложил путь затягивания, откладывания в долгий ящик этого кардинального вопроса. Мол, скажем на Втором съезде депутатов СССР: «Впереди съезд партии. Мы там обсудим и внесем предложение» (о 6-й статье. – *Д.В.)*. Добавив при этом: «Партия держится не на 6-й статье, а на своей реальной политике и действиях…»{1083}

Выдающийся политик отступал медленно, пытаясь зацепиться за любую мало-мальскую позицию для безнадежной обороны.

Подобные шаги и действия Горбачева говорят о том, что перед нами, возможно, один из последних коммунистических «романтиков», человек, поверивший в возможность построения социализма с человеческим лицом, возможность сохранения ленинской системы после ее «обновления». Зденек Млынарж, один из видных авторов «пражской весны», учился вместе с Горбачевым в Московском университете. В его публикациях, появившихся, уже когда на мировом небосклоне ярко засияла звезда Горбачева, встречается мысль: новый советский лидер верил в то, что социализм можно освободить от деформаций, привнесенных в него Сталиным. Социализм можно сделать гуманным…

Такова еще одна парадоксальная грань Горбачева: будучи убежденным коммунистом, ленинцем, он верил в возможность максимальной демократизации ленинской системы. Но демократизации коммунистической. Даже когда была отменена печально известная 6-я статья Конституции СССР, Горбачев делал все возможное для сохранения господствующего влияния КПСС в обществе. Состоялось несколько заседаний политбюро, совещаний в ЦК, обсуждавших, как сохранить привычную роль КПСС в изменившихся условиях. Было принято специальное

постановление «О некоторых мерах по правовому обеспечению жизнедеятельности партии». Многие общенародные объекты оформили как партийную собственность: типографии, архивы, библиотеки, санатории. Глухо упомянули и о финансировании деятельности КПСС{1084}. Думаю, именно к этой области относится загадочная проблема «денег партии», разобраться в которой оказались не в состоянии новые демократические власти. Партия без шума готовилась действовать в новых условиях. Убежден, что партии удалось найти «новую жизнь» очень крупным суммам денег здесь, в России, и за рубежом. И не напрасно. В 1995 году, например, когда демократические силы имеют считаное число изданий, которые можно пересчитать по пальцам одной руки, у коммунистических организаций в России более 100 центральных и провинциальных газет…

Так КПСС готовилась жить в «демократическом обществе».

В своей программной статье «Социалистическая идея и революционная перестройка», появившейся в конце 1989 года, Горбачев признает, что «у нас обычно негативное отношение вызывал даже сам термин «демократический социализм», отождествлявшийся с выражением реформистской, оппортунистической линии в социалистическом движении». Однако Горбачев, российский Дон-Кихот Ставропольский, упрямо утверждает, что с помощью перестройки мы создаем «не только гуманный, но и демократический социализм»{1085}.

По сути, Горбачев признает, что является выразителем реформизма и оппортунизма в социалистическом движении. Для этого заявления на пороге 1990 года уже не нужно было много мужества.

Не знаю, убедился ли сегодня Михаил Сергеевич в том, что синтез демократии и коммунизма возможен только в речах, статьях, внешне красивых теоретических концепциях. Пока эта утопическая идея не реализована нигде. Коммунизм и демократия несовместимы. Одно время на российских съездах народных депутатов в начале 90-х годов возникла фракция «Коммунисты за демократию». Но скоро она тихо умерла. Коммунизм и демократию синтезировать оказалось невозможно. Не смог воплотить эту идею в жизнь и Горбачев. Однако желающих построить, создать вечный двигатель коммунистической идеи едва ли намного уменьшилось. Правда, сегодня уже мало осталось тех, кто для достижения «лучезарной» цели, говоря словами Маяковского, готовы «загнать клячу истории»…

«Суть Горбачева как лидера, – говорится в журнале «Проблемы Восточной Европы», – формулируется достаточно

просто или, если хотите, достаточно сложно: человек, убивший коммунизм, был верующим коммунистом»[1086]. Даже на XXVIII съезде КПСС, состоявшемся летом 1990 года, в программном заявлении «К гуманному, демократическому социализму», где есть немало новых, верных положений, был тезис, который все сразу обесценивал: «КПСС является партией социалистического выбора и коммунистической перспективы»[1087]. Со старым ленинским коммунистическим хламом никак не могли расстаться. На этом съезде, к слову сказать, я был в проекте списка программной комиссии, но, когда перешли к голосованию по каждой кандидатуре, мою фамилию вычеркнуло ортодоксальное большинство.

Горбачев искренне хотел приближения демократии, но не ценой лишения ее «коммунистической перспективы».

Внешняя противоречивость и внутренняя гармония – мантия парадокса. Ею обладал Горбачев – любимец истории конца XX века.

Рок Чернобыля

Время безжалостно. Оно всегда наступает. Самые великие и неприступные цитадели рано или поздно рушатся под его безжалостным натиском. Это самый загадочный и неуязвимый феномен бытия. Диктатура времени абсолютна. Никто не в состоянии «выскочить» из своего времени и оказаться на баррикадах Парижской коммуны или побывать на жилом космическом острове во Вселенной в конце XXI века…

Время делает свое «дело». Одно из них – самораспад СССР. Пишу об этом с болью, веря, что в какой-то новой форме, возможно, конфедерации, «Союз Советских Суверенных Республик» (так на Четвертом съезде народных депутатов страны М.С. Горбачев предложил именовать СССР) продолжал бы жить. Именно в другой форме, ведь все империи в истории человечества рано или поздно распались: римская, византийская, германская, австро-венгерская, британская, российская… История показала, что существует только один удовлетворительный способ сосуществования наций и народностей в составе одного государства, который счастливо «нащупали» отцы-основатели США, – в форме штатов (административно-географического деления), а не национальных образований.

Россия была в этом же ряду: русские цари придерживались губернского устройства государства (те же штаты!), что создавало дополнительную историческую устойчивость и малоконфликтность общества. Печальный опыт Югославии, распад Чехословакии, борьба ирландских католиков с протестантами в Ольстере, баскских сепаратистов в Испании, соперничество франкоязычного и англоязычного населения Канады – перечень можно продолжать долго – лишь подтверждают чрезвычайную чувствительность национальной материи и религиозного духа.

Главный разрушитель (как и создатель) СССР – Владимир Ульянов-Ленин, который вместе со своими соратниками-соучастниками в 1920 году начал ликвидировать самую прогрессивную форму административного деления государства – губернии, образовав вместо них национальные формирования. Пока СССР был унитарным государством, такое «новшество» не играло почти никакой роли. Но как только после 1985 года начался процесс реальной демократизации общества с ее главной судьбоносной составляющей – гласностью, произошел мощный взлет, даже взрыв национального духа.

Не все понимали тогда, что, борясь против

коммунистического тоталитаризма, мы невольно боролись и против формы его существования – СССР. Система общественно-политическая и система национально-государственная были теснейшим образом связаны. Чем слабее становилась коммунистическая олигархия, тем беспомощнее, слабее выглядели и государственные скрепы СССР. Безмозглый и бездарный путч в августе 1991 года оказался последним толчком, который разрушил здание государственности. Сейчас архитекторы мятежа считают себя чуть ли не национальными «героями», не ведая (точнее, маскируясь неведением), что они оказались последними могильщиками Союза ССР.

Когда в мае 1991 года в Ново-Огареве началась работа по подготовке нового Союзного договора, было ясно, что в современных условиях это будет, скорее всего, уже не федерация, а фактически конфедерация. Возможно, то было бы историческим благом, историческим компромиссом. Мне довелось в то время, как советнику по военным вопросам, несколько раз вместе с Б.Н. Ельциным, другими его сотрудниками ездить к М.С. Горбачеву в Кремль для согласования наиболее сложных статей договора, в частности статуса бывших автономий. Татария, например, настаивала на своем праве подписать договор не как автономная, а как союзная республика. Однажды дискуссия, достаточно конструктивная, на которой кроме Горбачева и Ельцина присутствовали Хасбулатов, другие российские руководители, был там и я, – с российской стороны, и Шахназаров и Лукьянов, ряд других союзных деятелей, закончилась беседой, суть которой: надо спешить. Время в данный момент не являлось союзником долгих согласований и «утрясок». Горбачев и Ельцин (я был и на некоторых других встречах) стремились подготовить такой договор, который бы сохранил Союз, хотя уже и не в унитарной, жесткой форме. Об этом я говорю с полной определенностью, ибо сейчас есть немало критиков, которые обвиняют то Горбачева, то Ельцина, то обоих вместе в развале Союза. Это не так: оба деятеля хотели, добивались сохранения Союза, возможно, в измененной форме{1088}.

В июле 1991 года Верховный Совет СССР «поддержал в основном проект Договора о Союзе суверенных государств»… А 2 августа президент СССР М.С. Горбачев, выступая по телевидению, заявил: «Договор открыт для подписания с 20 августа нынешнего года»{1089}. Оставалось сделать один шаг до сохранения Союза. Этим была бы реализована воля народа, выраженная на референдуме 17 марта того же года, – сохранить обновленный СССР… Президенту и нужно было бы сразу же заняться подписанием готового Союзного договора. Проект договора был

согласован; непонятно, зачем откладывать его окончательное оформление? А он уехал отдыхать на юг, согласившись с датой подписания – 20 августа. То была грубая тактическая ошибка. Конечно, сейчас можно найти много оправдывающих причин…

А стратегическая ошибка заключалась в том, что, несмотря на собственные заявления: демократия – это суть перестройки, Горбачев не нашел общего языка с антикоммунистическими силами. «Я не вижу других путей, кроме демократии»{1090}, – заявил Горбачев и после путча. Однако и до драматических событий 19–21 августа выразителей отечественной демократии Горбачев держал на дистанции. Сегодня Михаил Сергеевич говорит: какие же это «демократы»?

Но мы никогда не жили и не будем жить в рафинированном, «стерильном» обществе. Какова страна, испохабленная коммунизмом, такова и демократия…

На проект договора шли атаки слева и справа. «Демократическая Россия» считала, что договор должен быть подписан сроком до одного года, в течение которого нужно провести выборы Учредительного собрания: оно-то и решит все вопросы власти и формирования нового Союза{1091}.

Не думаю, что это решение являлось лучшим. Новый Союзный договор нужно было обязательно подписывать, и как можно быстрее, а затем, видимо, уже вести дело к Учредительному собранию, исходя из «нового» СССР, как из объективной данности. А может быть, после подписания обновленного договора Учредительного собрания и вовсе не потребовалось бы.

Другая сторона, и в частности Председатель Верховного Совета СССР А.И. Лукьянов, 20 августа 1991 года, когда уже начался путч, поставил под сомнение зрелость текста договора и предложил «дополнительное обсуждение на сессии Верховного Совета СССР, а затем, видимо, и на Съезде народных депутатов страны»{1092}. Если бы путч удался, а на это рассчитывал Лукьянов, нетрудно представить, каким бы стало это «обсуждение» проекта договора.

Консервативные силы не были согласны с самой сутью документа: «Договор о Союзе суверенных государств». Слово «социалистических» в результате долгой борьбы демократических сил дипломатично «выпало», с чем вынужден был согласиться 12 июля 1991 года и Верховный Совет СССР. Речь шла о кардинальном, историческом, эпохальном: СССР мог сохраниться, но уже не как социалистическое государство. А какое? По мнению демократов, это должно было решить новое Учредительное собрание, прежнее, как известно, большевики разогнали еще в

начале 1918 года… Но демократическое, цивилизованное государство, во всяком случае.

В этом глубинная подоплека путча: руководство КПСС, КГБ, Министерства обороны, государственной бюрократии были абсолютно не готовы к новому историческому шагу. Как не были бы готовы никогда. Именно путч был последним ударом, который покончил со страной, где мы родились и выросли. От этого никуда не уйти. Как пишет А.С. Грачев, по мнению Горбачева, «два человека могли немедленно остановить путчистов, если бы того захотели: это Лукьянов и Ивашко – его заместитель в политбюро ЦК КПСС, однако не сделали этого»[{1093}].

На Пятом съезде народных депутатов СССР в своем выступлении 3 сентября 1991 года президент РСФСР Б.Н. Ельцин заявил: «Переворот сорвал подписание Союзного договора, но не смог уничтожить стремление республик построить новый Союз». Новый Союз будет как «свободное содружество суверенных государств» с единым экономическим пространством, едиными вооруженными силами, при строгих гарантиях обеспечения прав человека на территории всей страны…[{1094}] К слову, я, как сопредседатель парламентской фракции «Левый центр» и советник президента по военным вопросам (до 1993 г.), и в Верховном Совете, и где только мог защищал идею: единые вооруженные силы могут сохраниться в полной мере только в едином государстве. Как будто все с этим тогда соглашались…

После путча начался горестный самораспад СССР, в чем Украина сыграла особую роль. Одна из причин быстрой стихийной дезинтеграции СССР заключалась в том, что победа демократических сил в России вызвала глубокую тревогу в столицах других союзных республик, где влияние партийной номенклатуры было еще слишком сильным. Начался печальный парад обретения «независимости» республик. Разрыв экономических, духовных, семейных связей, раскол общей многовековой истории. Трагедия огромного масштаба…

Самое худшее, чего боялся Горбачев, свершилось. Союз рассыпался, самораспался.

Бессмысленно искать виновников. Почти все мы, желая порвать со старой регламентированной большевиками жизнью, помимо своей воли, вместе с коммунистической системой ослабили и государственное образование – Союз, который не устоял. Такова горькая цена освобождения…

Путч, строго говоря, не был неожиданным. О возможности военного переворота много говорили, писали. На Съезде народных депутатов звучали прозрачные намеки на необходимость «твердой руки». При выборах президента России в

списках претендентов на посты первого и второго лица появились генералы. Ельцин, которому не нужны были дополнительные голоса (он тогда победил бы с кем угодно), пригласил на пост вице-президента полковника в надежде получить дополнительный рычаг влияния на армию. Но как окажется позднее, то будет роковой ошибкой Ельцина. Амбициозный, тщеславный полковник, весьма экономно наделенный природой интеллектуальными способностями, почувствовав вкус власти, захочет большего… Хотя в ликвидации путча он и сыграл весьма заметную роль. Тогда он был с Ельциным…

По мере обострения ситуации в СССР Горбачев, не имевший популярности среди военных, старался как-то заручиться хотя бы их лояльностью. Но так никогда глубоко и не занялся военными вопросами. Накануне нового, 1989 года он заявил в узком кругу: «…При любых поворотах нам надо армию совершенствовать. Кстати, армия нужна и с точки зрения поддержания внутренней стабильности. Это инструмент, важный во всех отношениях…» Что верно, то верно.

Армия – последний аргумент во внутренних распрях. К нему прибегали в России много раз. К нему прибегли коммунисты и в августе 1991 года. За армию борются и сегодня (националисты, социал-патриоты, неофашисты), пока еще хрупкая незрелая демократия в России не пустила глубоких здоровых корней. Уже целый легион генералов «двинул» в политику. Ничего хорошего от этого ждать нельзя.

Но почему этот раздел назван «Роком Чернобыля»? Ведь он не имеет прямого отношения к крушению СССР? И почему – «рок»?

Я уже писал раньше: не Горбачев уничтожил тоталитарную систему, нет. Но он всей своей деятельностью не мешал ее самораспаду, саморазрушению. Система была обречена. Она и без Горбачева бы распалась: через один-другой десяток лет. Стремительный прогресс передовых стран мирового сообщества лишь рельефнее подчеркивал: ленинское детище исчерпывало свои ресурсы. Оно могло конкурировать с другими передовыми странами в основном лишь в ракетно-ядерной области. Приближение самораспада системы (не СССР!) определялось множеством факторов. Назову лишь некоторые.

Безумная гонка вооружений, в которой мы, достигнув фантастической ценой стратегического паритета, окончательно «надорвались». Если более трети всех сил и ресурсов страны уходило на милитаристские нужды, это рано или поздно должно было кончиться крахом.

Стагнация экономики стала перманентным явлением, все полнее вскрывая крайне низкую ее эффективность в

постиндустриальную эпоху.

Бюрократическое окостенение общества, сопровождаемое господством догматических мифов в общественном сознании, все больше превращало личность в одномерное существо.

Унитарный характер союза до поры до времени сдерживал «пары национализма» под крышкой большевистского котла. Было ясно, что они, пары, когда-нибудь вырвутся.

Монополия одной политической силы, показавшей свою жесткую эффективность в годы войн и социальных потрясений, стала глубочайшим тормозом исторического развития страны.

Сложившаяся во имя «коллектива» и «общества» система нивелировала личность, лишив ее важнейших прав и свобод. За годы советской власти около 3 миллионов граждан СССР покинули страну (или были изгнаны), влекомые одним – свободой…

Тяжелый удар системе нанесла бессмысленная авантюра в Афганистане, куда советские руководители ввели свои войска и на протяжении десятилетия участвовали в гражданской войне на одной из сторон. Эрозия несправедливости, неоправданных жертв и бессилия победить народ все больше разъедала систему.

В стране было много событий на первый взгляд регионального характера, но которые отложили неизгладимую печать на последние годы существования СССР. Таким печальным событием явилась самая крупная в мировой истории авария на атомной электростанции в Чернобыле. Трагедия тысяч людей, пострадавших от неумелого (небрежного, преступного, неосторожного?) обращения с плодами научно-технического прогресса, стала роковым символом самораспада коммунистической системы. Это был ее исторический рок, как будто случайный, непреднамеренный, но отразивший в то же время глубокое пренебрежение властей судьбами и интересами своих сограждан.

Ядерных «сюжетов», провозвестников Чернобыля, в СССР были десятки. Но общественность о них мало что знала.

Советский Союз еще при Сталине втянулся в ядерную гонку, приняв вызов Запада. Когда 29 августа 1949 года в семь часов утра на Семипалатинском полигоне советские военные взорвали свою первую атомную бомбу, мало кто мог предположить, что к январю 1992 года страны – члены «ядерного клуба» взорвут уже 2053 атомных устройства. Причем по количеству испытаний США превзойдут всех (1093), а по мощности впереди окажется СССР. Именно советские создатели водородных устройств 30 октября 1961 года взорвут на Новой Земле бомбу в 50 мегатонн! Специально «в честь XXII съезда КПСС» было взорвано изделие

мощностью в 30 мегатонн… безумные рекорды.

Хрущев был чрезвычайно доволен и согласился на испытание еще более страшного чудовища в 100 мегатонн… Ученые, однако, отговорили Никиту Сергеевича, других политиков и военных проводить этот леденящий душу эксперимент.

Но еще раньше, 14 сентября 1954 года, под руководством маршала Г.К. Жукова на Тоцком полигоне в Оренбуржье (тогда Чкаловской области) прошло первое в истории, и, надеюсь, последнее, войсковое учение с реальным использованием ядерного оружия. В восьмидесятые годы я был депутатом Верховного Совета от Оренбургской области и не раз приезжал в с. Тоцкое. Первый раз – много раньше, когда участвовал в тех же местах в обычных учениях, где ранее была взорвана ядерная бомба. Обезображенная земля, потрескавшаяся, как старый асфальт, хранила в своей немоте чудовищный эксперимент 1954 года.

Население деревень Елшанка-2, Орловка, Ивановка, Маховка (всего 1633 семьи) выселялось из своих жилищ на 3–4 дня… Всего. А испытать действие смертоносного оружия должны были на себе 40 голов крупного скота (коровы, лошади, верблюды) и 300 овец. С самолета Ту-4 на высоте 9 тысяч метров была сброшена атомная бомба, которая взорвалась в 350 метрах над землей. Здесь уже было настроено для испытаний множество убежищ, блиндажей, окопов, домов, «заселенных» животными. Везде расставлена реальная боевая техника. Нужно было опробовать реальную бомбу, на реальных объектах, которые могут быть в реальной войне. После взрыва войска на танках и бронетранспортерах прошли через эпицентр взрыва…{1095}

Опыт сбрасывать бомбу чуть ли не в центре России, таким образом, уже появился. Лишь спустя почти сорок лет, при демократическом правительстве, сочли необходимым предусмотреть некоторые льготы пострадавшим от того зловещего памятного взрыва в оренбургской степи…

Через три года после Тоцких учений, в октябре 1957 года, в Челябинской области на комбинате № 187 по производству оружейного плутония произошел мощный взрыв, разрушивший 14-й бак – хранилище радиоактивных растворов. То был малый Чернобыль, правда, полностью скрытый тогда от народа и мира. Сильному загрязнению подверглись территории нового строящегося завода, казармы военно-строительных частей, лагерь заключенных, деревни Бердяниш, Салтыкове, Голикаево и другие. Стронций-90 покрыл своим смертоносным «покрывалом» большие пространства.

И что же? Совет Министров, с согласия ЦК, постановил «в

двухнедельный срок представить предложения о переселении до 1 марта 1958 года (!!!) жителей деревень Бердяниш, Салтыкове, Голикаево, Кирпичики. После сильнейшего радиоактивного загрязнения предлагается «спланировать» отселение населения из пораженных деревень фактически в течение пяти месяцев![1096] Авария произошла 29 сентября 1957 года, в ЦК докладывают 7 октября, а Президиум (так тогда именовалось политбюро) рассматривает вопрос лишь 19 октября! Постановление президиума в высшей степени красноречиво и лаконично:

«Ограничиться мерами, принятыми Министерством среднего машиностроения по данному вопросу»[1097]. А меры, кроме выселения «до 1 марта 1958 года» (!), сводятся к выставлению дозиметрических постов, выделению единовременного денежного пособия трудоспособным переселенцам в размере 400 рублей и по 100 рублей на каждого нетрудоспособного, постройке щитовых домиков…

Постановление игнорирует, что полоса радиоактивного заражения проходит через многие населенные пункты: Юго-Конево, Багоряк, Камышлов и другие места. Отсутствие какой-либо гласности лишило население возможности узнать о размерах реальной опасности для людей, хотя заражено было, по явно заниженным данным, только сразу после взрыва свыше 20 тысяч квадратных километров.

Ядерный век в условиях отсутствия «ядерной» культуры. Большевики ведь давно приучили страну к тому, что жизнь человеческая – всего лишь статистическая единица.

В конце октября 1978 года министр судостроительной промышленности М.В. Егоров сообщает в ЦК: «Докладываю: 20 октября 1978 года в 23 часа 52 минуты в 18 милях северо-западнее о. Колгуев затонула на глубине 45 метров баржа с радиоактивными отходами с ремонтируемых атомных подводных лодок… Для выяснения несанкционированного затопления баржи создается специальная комиссия…»[1098]

«Санкционированно» топили, вероятно, в другом месте или хоронили на Новой Земле. Все знали об этом в секторе среднего машиностроения отдела оборонной промышленности ЦК. Там занимались «атомными делами». В стране ее руководители привыкли, что можно бросить атомную бомбу на поля России, окропить тысячи квадратных километров смертоносными радиоактивными выбросами военного комбината, затопить судно с отходами ядерного горючего в районе рыбных промыслов… Народ безмолвствовал, не зная реальной картины преступлений большевистского режима. А если бы и знал, то сделать ничего бы не смог. Но когда случилось новое, очередное «ядерное»

происшествие, время уже существенно изменилось. Шел 1986 год. Перестройка. При всем желании скрыть масштабы крупнейшей ядерной катастрофы в мирной энергетике XX века не представилось возможным. Хотя попытки, причем и настойчивые, были.

Спустя год после занятия высшего поста в стране Горбачеву пришлось вынести серьезнейшее испытание. Возможно, что именно тогда он окончательно понял, что гласность, провозглашенная им, вещь обоюдоострая и любые попытки ее истолковать по-своему, по-старому, жестоко мстят. Чернобыльская катастрофа (как и продолжающееся участие в афганской войне) серьезно усугубила экономические и политические стороны кризиса страны и положение ее лидера-реформатора.

Так случилось, что 25–27 апреля 1986 года Министерство обороны проводило учебные сборы высшего командного и политического состава армии во Львове, на окружном полигоне. Все там шло, как обычно: доклад министра обороны, начальника Главного политуправления, выступления, показательные занятия, заслушивания…

В перерыве совещания 26 апреля я с группой генералов услышал от начальника Генштаба, что в Чернобыле, 130 километров севернее Киева, на атомной станции – авария. Сказано это было довольно спокойно. Никто не придал особого значения услышанному. Мало ли аварий происходило в нашей стране! Больших и маленьких! Никто не думал, что авария катастрофична. Однако министр обороны маршал Соколов улетел раньше намеченного в Москву. Через сутки, 27 апреля, улетали несколькими военными самолетами и другие участники совещания. Когда пролетали севернее Киева, вышел из пилотской кабины командир корабля и, наклонившись к иллюминатору, показал вниз и немного в сторону:

– Вон там – Чернобыль…

Мало кто думал, что это слово уже облетело весь мир и скоро станет символом ядерной беды.

В полдень 26 апреля первый заместитель министра энергетики СССР А.Н. Макухин прислал «Срочное донесение» на Старую площадь в ЦК КПСС. Бумаге, даже с таким грифом, не придали особого значения. Из общего отдела она пошла в сектор атомной энергетики, затем в секретариат и лишь во второй половине дня была доложена генеральному секретарю.

В донесении сообщалось:

«26.04.86 в 1 час 21 мин. при выводе энергоблока № 4 Чернобыльской АЭС в плановый ремонт после остановки реактора

произошел взрыв в верхней части реакторного отделения».

Говорилось о разрушениях и пожаре. «В 3 часа 30 мин. возгорание было ликвидировано. Силами персонала АЭС принимаются меры по расхолаживанию активной зоны реактора.

По мнению 3-го Главного управления при Минздраве СССР, принятие специальных мер, в том числе эвакуация населения из города, не требуется…»{1099}

Уже вечером 26 апреля весь мир говорил о крупнейшей ядерной катастрофе в СССР. Москва молчала.

В течение всего дня 27 апреля средства массовой информации Востока и Запада сообщали о радиоактивных облаках, движущихся на запад, север, юг. От Кремля требовали разъяснений. Москва молчала.

Наконец 28 апреля в 11 часов дня, как обычно, собралось политбюро. СССР – такая страна, где ни одно крупное решение не могло быть принято без его одобрения, будь то гастроли Большого театра или крупные маневры, строительство моста или информация об аварии на атомной электростанции.

Кандидат в члены политбюро В.И. Долгих сбивчиво доложил о ситуации на станции: «Произошел взрыв… Уровень радиации в районе реактора-1000 рентген… Население эвакуируется, из 25 тысяч в городе находится еще 5 тысяч… С вертолетов начали сыпать в кратер красную глину и свинец…»

Обсуждение неспециалистов, каковыми, естественно, являлись члены партийного ареопага, было дилетантским. Почти все говорят о свинце, мешках с песком, температуре в реакторе. Наконец генсек спрашивает:

«– Как поступить с информацией?

Долгих: Надо закончить локализацию очага радиации.

Горбачев: Надо быстрее дать сообщение, тянуть нельзя…

Лигачев: Информацию о случившемся не надо откладывать…

Яковлев: Чем скорее мы сообщим об этом, тем будет лучше…»{1100}

Идут часы, закончилось заседание политбюро, а Москва все еще молчит…

Лишь поздно вечером 28 апреля по радио и ТВ проходит безобидное сообщение об аварии и принимаемых мерах.

Но весь мир гудит. Везде делают замеры воздуха на радиоактивность.

Западные журналисты обрывают телефоны советских официальных органов. По обыкновению, они, естественно, молчат. В дело включаются послы многих стран. Горбачеву докладывают: событие в Чернобыле захватило умы сотен миллионов людей. Это больше, чем гибель южнокорейского

«Боинга»… Тогда была истерия возмущения, а сейчас волна огромной тревоги… Горбачев вызывает физиков-академиков, министра обороны, ядерных энергетиков, кагэбэшников: нужен комплексный подход к проблеме. Он понял – случай совсем не рядовой; это грозное предостережение научно-технического прогресса человечеству, планете, всей цивилизации. По-иному теперь предстает и тень угрозы ядерной войны.

Назавтра, утром 29 апреля 1986 года, Горбачев снова созывает внеочередное заседание политбюро. Генсек идет на него, теперь вооружившись советами специалистов. Открывая заседание, генсек кидает реплику:

«Может быть, мы менее строго реагируем, чем государства вокруг нас?»

Не приходится сомневаться, что да, менее остро. Бросив в жертвенник Гражданской войны 13 миллионов россиян, в кровавое чистилище большого террора 21,5 миллиона, оставив на полях сражений и пепелищах войны 26,5 миллиона человек, опутав страну сетью ГУЛАГа с миллионами смертей в них, обезглавив десятки тысяч церквей, большевики могли гордиться: они изменили мироощущение оставшихся людей. Жертвенный социализм приучил людей молча, сжав зубы, терпеть голод, трудовые мобилизации, ссылки целых народов, мириться с атомными учениями на сельской равнине…

Весь мир был в огромной тревоге. Москва была сдержанна и почти спокойна.

Вновь докладывает на политбюро Долгих: «Свечение кратера уменьшилось… Заброс мешков с вертолетов продолжается. Работают здесь 360 человек плюс 160 добровольцев. Но есть факты отказа от этой работы…»

Горбачев выступает с конкретным рабочим предложением, которое ему подготовили помощники: «Надо создать Оперативную группу Политбюро (Рыжков – председатель, Лигачев, Воротников, Чебриков, Долгих, Соколов, Власов)».

Но генсека не меньше аварии тревожит вопрос:

«Как работать с населением и международной общественностью?»

Помолчав, говорит:

«Чем честнее мы будем вести себя, тем лучше. Кое-где имеются панические настроения. Надо проинформировать: станция была поставлена на плановый ремонт, чтобы не падала тень на наше оборудование…»

И вновь: как информировать общественность? Лишь А.Н. Яковлев и Г.А. Алиев определенны: надо дать полную информацию зарубежным журналистам и своему народу.

«Громыко: Надо дать братским странам больше информации, а «определенную» информацию дать Вашингтону и Лондону. Разъяснить ситуацию совпослам.

Лигачев: Возможно, не следует делать пресс-конференцию?

Горбачев: Наверное, целесообразно сделать одну информацию о ходе работ по ликвидации аварии»[1101].

В конце концов на заседании политбюро утвердили сообщение «От Совета Министров СССР» величиной в 19 строк. Сообщение было спокойным. Словно речь шла об обычном пожаре на каком-нибудь складе: «…авария произошла в одном из помещений 4-го энергоблока и привела к разрушению части строительных конструкций здания реактора, его повреждению и некоторой утечке радиоактивных веществ. Три остальных энергоблока остановлены, исправны и находятся в эксплуатационном резерве. При аварии погибли два человека.

Приняты первоочередные меры по ликвидации аварии. В настоящее время радиационная обстановка на электростанции и прилегающей местности стабилизирована, пострадавшим оказывается необходимая медицинская помощь…» В тексте сообщения в социалистические и иные страны добавлялось: «Уровень загрязненности несколько превышает допустимые нормы, однако не в такой степени, чтобы требовалось принятие специальных мер для защиты населения»[1102].

Теперь регулярно заседает Оперативная группа политбюро. Всех беспокоит вопрос: а как обстоит дело на остальных 18 станциях страны? Запад предлагает техническую, специальную и медицинскую помощь. В Москве к этому относятся очень сдержанно.

Уже почти сорок тысяч военнослужащих вокруг Чернобыля. Сооружаются дамбы. Под реактор пробивается тоннель… решено строить могильник для четвертого блока. Горбачев замечает по этому поводу: «Мы первыми построили АЭС и первыми создали могильник для АЭС…»[1103]

Но один вопрос по-прежнему мучает политбюро. Его вновь выразил генсек 5 мая: «Как быть с внешним миром?» И тут же отвечает: «Спокойно и взвешенно давать информацию, но без самоуверенности».

Чернобыль стал не только символом огромной беды советского народа, но и школой для генсека. Проверкой на готовность справиться с критической ситуацией и истинную гласность. Если вначале Горбачев пытался делать многое сам: отдавал личные распоряжения, вызывал людей, пытался непосредственно влиять на события, в которых, естественно, дилетантски разбирался, то вскоре он изменил стиль управления.

Создание Оперативной группы политбюро во главе с Н.И. Рыжковым, обладавшим большими полномочиями, освободило лидера от непосредственной ноши тяжелого несчастья.

Тем более что в глазах народа он все равно будет выглядеть главным виновником и главным спасителем. Вон Николай Иванович Рыжков спустя две недели после катастрофы на очередном заседании Оперативной группы начинает свою речь многозначительно:

«Главное заключается в том, что ликвидацией аварии занимаются непосредственно политбюро ЦК и Генеральный секретарь М.С. Горбачев, которые постоянно держит в руках этот вопрос»{1104}.

Главное – организовать дело и тверже спрашивать с подчиненных, которые должны «крутиться», искать практические решения, выполнять волю высшего партийного органа и его генсека. Пусть даже они будут растеряны, встревожены, обескуражены. Руководителю надо сохранять спокойствие в этой сумятице мирских тревог. Михаил Сергеевич на заседании 5 мая подарил своим коллегам фразу, которая, сохранись КПСС, могла быть занесена в книгу афоризмов великих: «Паника – роскошь подчиненных, а не политбюро и правительства»{1105}.

Думаю, что вскоре после аварии генсек понял, сколь колоссальной силой является мировое общественное мнение. Горбачев долго старался выработать позицию: что сказать и что не сказать? Как сохранить реноме страны и свое собственное при дозировании информации? Хотя на первом же заседании политбюро он заявил: «Надо быстрее дать сообщение, тянуть нельзя»{1106}, в последующем генсек неоднократно пытался «управлять» содержанием и объемом информации. Так 5 мая 1986 года он дает «методологическое» указание: «Более расширенную информацию давать на Украине по местным каналам. По союзным каналам – давать фактологическую (?!) информацию. Может быть, расширить рамки информации на внешний мир. Противник задает нам вопросы, которые позволили бы оценить нас в целом, а одновременно – облить грязью»{1107}. Все же для него внешний мир – «противник», который, конечно, хочет «облить нас грязью».

Почти в это же время председатель Комиссии политбюро по Чернобылю Рыжков и председатель КГБ Чебриков направляют Горбачеву записку, в которой предлагают «не менять характера информации об аварии на Чернобыльской АЭС (особенно для правительств США, Англии, Канады и других капиталистических стран)»{1108}. Горбачев расписался на этом документе, видимо, соглашаясь с предложением. Впрочем, в своей книге о «новом

мышлении» он напишет в специальной главе «Урок Чернобыля»: о трагедии «сказана вся правда… Думать, что мы можем ограничиться полумерами и ловчить, – недопустимо… Трусливая позиция – недостойная политика»{1109}.

Все мы долгие годы жили, поделив мир на друзей и врагов. Автор этой книги не был исключением. В примере с Горбачевым, личностью выдающейся, он лишь видит, как глубоко в классовые дебри ненависти и непримиримости завели страну Ленин и его последователи. Активные попытки «капиталистического» мира помочь нам в общечеловеческой беде рассматривались с подозрением. Даже «вопросы», по мнению генсека, которые задаются советскому руководству, – не случайны, а затем, чтобы «облить грязью»… Большевики, начиная с Ленина, любили тайны. Может быть, Горбачев, став первым лицом великой страны, просто был согласен с французским кардиналом Ришелье: «Умение скрывать – наука королей…»

В июле 1986 года председатель совета директоров компании «Оксидентал петролеум» А. Хаммер и профессор Калифорнийского университета Р. Гейл предложили провести в Лос-Анджелесе международную конференцию по рассмотрению последствий аварии на Чернобыльской АЭС и их преодолению. Естественно, Москва получила приглашение. И что же? Министр здравоохранения СССР СП. Буренков и один из руководителей отдела науки ЦК В.А. Григорьев предложили политбюро отказаться от участия в конференции, посвященной в первую очередь советской беде…{1110}

Повторю, мы долго были подозрительными ко всему «не нашему», как и Горбачев. Уже спустя месяц после аварии Горбачев поделился со своими коллегами: «Трудящиеся пишут, что в Чернобыле была диверсия. Но это едва ли. Взрыв произошел в реакторе»{1111}. Если бы взрыв был наружным… Ведь в реактор «залезть» нельзя, фактически подытожил генсек. Но сомнения были и у него.

Чернобыль многое высветил в системе, которую Горбачев хотел перестроить. Косность, неповоротливость, ожидание распоряжений сверху, отсутствие точного расчета, неподготовленность к экстремальным ситуациям. Никаких превентивных мер на случай аварии не предусматривалось. Индивидуальных средств защиты в нужный момент не оказалось. «Гражданская оборона», внушительная по масштабам, выявила недостаточную подготовленность к экстремальным ситуациям. Как и следовало ожидать, семьи начальства эвакуировались первыми. Вновь просчеты руководителей пришлось латать героизмом простых людей, таких, как майор Л. Телятников,

лейтенанты В. Правик, В. Кибенок, погибшие от смертельных доз радиации.

Многие отделы ЦК больше беспокоили другие дела, чем чернобыльская трагедия. Например, почти в это же время Северо-Осетинский обком ВЛКСМ потерял инструкцию ЦК КПСС «Основные правила поведения советских граждан, выезжающих в социалистические страны». Несколько отделов ЦК занимались расследованием этого «дела», докладывали в политбюро…{1112}

Иронию судьбы непросто разглядеть сразу, в упор. Нужна историческая дистанция.

Первое время аварию в Чернобыле многие восприняли достаточно легковесно, поверхностно. Например, председатель Госагропрома СССР В. Мураховский (старый друг Горбачева по Ставрополью, одно время даже был его «начальником») 8 мая 1986 года подает в политбюро записку «О состоянии и возможных мерах по устранению последствий в сельском хозяйстве на следе аварийного выброса Чернобыльской АЭС». В тот же день ее рассматривают в Кремле. Главный аграрий страны, в частности, пишет:

«…Опыт ликвидации последствий радиоактивного загрязнения на восточно-уральском радиоактивном следе, экспериментальные данные научно-исследовательских учреждений и мероприятия, проводимые в настоящее время в зоне выброса Чернобыльской АЭС, показывают, что потери сельскохозяйственной продукции можно свести к минимуму. При соответствующей переработке всю продукцию можно использовать на пищевые цели или на корм животным.

В настоящее время в связи с высоким содержанием радиоактивного йода практически все молоко в Гомельской области, а также в пяти районах Киевской, трех – Черниговской и двух районах Житомирской области нельзя потреблять в свежем виде. Поэтому молоко перерабатывается на масло или сыр…

При забое крупного рогатого скота и свиней установлено, что обмыв животных, а также удаление лимфатических узлов приводят к получению пригодного для употребления мяса…»{1113}

Спустя десятилетие после трагического дня 26 апреля 1986 года я с ужасом вижу, что в каждой десятой, может, цифра немного больше, семье моих знакомых поселилась зловещая опухоль страшного недуга. В моей семье тоже. У меня. Экологическое бескультурье страны было усугублено решениями наших руководителей типа Мураховского («обмыв животных…») и его коллег по политбюро. Почему-то, читая эти страшные в политическом цинизме и невежестве документы, сознание

тревожат строки давно сгинувшей в эмиграции поэтессы Ирины Кнорринг:

И все покорнее и тише
Мы в мире таем, словно дым,
О непришедшем, о небывшем
Уже все реже говорим…{1114}

Возможно, в те драматические дни Горбачев разглядел, что большинство ведомств огромного государства – громоздких, объемных, «солидных» – оказались совсем неподготовленными к неожиданным испытаниям. Министерство здравоохранения, Гражданская оборона, Министерство энергетики и электрификации, местные власти – не знали, что делать. Ждали распоряжений из Москвы. Не все оказались готовы реализовать практические рекомендации ученых.

Служба оповещения около гигантского ядерного объекта фактически отсутствовала. Заместитель председателя союзного правительства Щербина на заседании политбюро рассказывал: «26 апреля в Чернобыле до вечера играли свадьбы…»{1115} Только армия оказалась на высоте, да потом еще строители уникального могильника.

Может быть, Чернобыль был толчком, приблизившим Горбачева к «новому мышлению»? Хотя уже до этого генсек проявлял глубокий реализм по отношению к ядерной проблеме. Например, не многие знают, что в апреле 1985 года Горбачев потребовал довести до сведения руководства КНДР, что новый строящийся ядерный реактор (как и исследовательский, построенный ранее с помощью СССР) должен быть непременно поставлен под контроль МАГАТЭ{1116}. По поручению генсека через советское посольство в Пхеньяне Ким Ир Сену было сделано на этот счет заявление.

В июле того же года советское руководство предупредило власти Триполи, что оно не может согласиться, чтобы в созданном СССР атомном исследовательском центре в Ливии работали над созданием установки по производству тяжелой воды. Это курс на обладание ядерным оружием, с чем Москва никогда согласиться не может{1117}. Указание Горбачева идентично: нужно твердо предложить ливийскому руководству поставить свои исследования под контроль МАГАТЭ.

Ядерная, точнее антиядерная, сторона созревающего «нового мышления» Горбачева всегда была ясной и определенной. Генсек понимал, что без кардинальных сдвигов в области ядерной безопасности «перестройка» ничего существенного в

международной сфере предложить не сможет.

Не все заметили, что еще в 1986 году Горбачев разрушил один старый марксистский постулат, основанный на формуле Клаузевица: война есть способ продолжения политики. На нем фактически держалось все «марксистско-ленинское учение о войне и армии». Горбачев, не привлекая внимания к своей «ревизионистской», но, безусловно, прогрессивной точке зрения, заявил: «Глобальная ядерная война уже не может быть продолжением разумной политики, ибо она несет конец всякой жизни, а поэтому и всякой политики»{1118}.

Вывод для ленинца, бесспорно, новаторский и глубоко верный.

Горбачев в 1985 году «получил» в правление могучее государство, которое не уступало по военной мощи никому. Но эта мощь была создана ценой «изъятия» гражданских свобод в стране, ценой господства милитаристской, директивной экономики, ценой отсутствия каких-либо реальных демократических перспектив развития. В начале своего исторического эксперимента по приданию тоталитарной системе «человеческого лица» и вообще прогрессивного облика генсека ждал неожиданный «технический» удар – крупнейшая авария на одной из атомных станций СССР. Удар был вроде технический, технологический, организационный, но он высветил множество слабостей великой страны, которую в мире неизмеримо больше боялись, чем любили. После афганской авантюры, которую Горбачев, осуждая, тянул еще четыре года, Чернобыль был очередным, теперь уже ядерным, «звонком» системе.

Их, таких «звонков», на тернистом пути реформирования оказалось немало: неудача с попытками хозяйственного оживления путем «ускорения», стремление удушить демократические «ереси» в самой партии, провалившаяся ставка спасти перестройку кадровыми перетрясками и многие, многие другие неудачи Горбачева. В том числе запоздалое реагирование на бурный взлет волны национального самосознания в республиках Союза.

Побывав в феврале 1987 года в Прибалтике, Горбачев приехал оттуда окрыленный: «Там я себя ощущал как дома в нашей огромной, своей для всех стране». Он не почувствовал могучие токи национализма, разбуженного гласностью – возможно, самым большим своим историческим достижением.

Чернобыль был первым техническим ударом по системе, которую Горбачев вознамерился перестроить, но обязательно сохранить.

Путч в августе 1991 года был ударом последним, уже

политическим, покончившим, помимо воли ее организаторов, не только с большевистской системой, но и с формой ее бытия – СССР, который можно было сохранить, как я уже писал раньше, как конфедерацию. Впрочем, исторические возможности этого преобразования еще не утрачены.

Зловещее свечение кратера четвертого энергоблока, поглотившего в своем зеве тысячи тонн песка, свинца, красной глины, бора, сброшенных военными летчиками с вертолетов, еще в начале перестройки позволило заметить глубокие трещины в монолите государственной системы. Пожалуй, никто тогда не придал этому должного значения. Тем более не увидел мистического, рокового знака. Не пришло еще время прозрения…

А может быть, прав бессмертный Гомер, утверждая, что боги затем посылают людям бедствия, чтобы их могли затем воспеть грядущие поколения?

Любимец Запада

Когда после августовского путча 1991 года Горбачев встретился с Бушем, тот настойчиво интересовался, когда будут судить мятежников. Президент СССР, как вспоминал его пресс-секретарь Андрей Грачев, отделался шуткой, кивая в сторону Скоукрофта (помощника американского президента по национальной безопасности):

– Вы тоже приглядывайте за своими генералами…

Буш с готовностью подхватил:

– Если бы Скоукрофт захотел мою должность, я бы ему ее с удовольствием отдал.

– А я свою – нет.

Так неожиданно серьезно отреагировал Горбачев.

– Особенно в такой трудный момент. Страна созрела для радикальных перемен и даже требует их{1119}, – заключил генсек.

Горбачев верен себе: каждый момент или «этап» (любимая временная мера генсека) для него решающий, поворотный, радикальный.

К концу своего «правления» Горбачев подошел с печальным и парадоксальным итогом: насколько восторженно его почитали на Западе, настолько же эмоционально предавали остракизму дома, на родине. Но зарубежный мир, между тем, его просто боготворил. «Горбачев», «Горби» в начале девяностых годов были едва ли не самыми популярными словами в западном мире. Ему слали тысячи писем и восторженных телеграмм, приглашали в гости, публиковали множество статей и книг о чрезвычайно популярном российском лидере.

Когда я в Библиотеке конгресса США захотел узнать, как много вышло публикаций и что конкретно написано о Горбачеве, то был поражен. Компьютер распечатывал одно название публикаций за другим. Авторы со всего мира: Грошнер, Гурков, М. Геллер, Сазев, Раймонд Жан-Бернар, Стефан Вит, В. Егоров, Рамакришна, Авторханов, Роберт Миллер, Варделебен, Франкечини, Фешман, М. Грох и сотни других писателей и журналистов, вознамерившихся рассказать людям о необычном советском руководителе. Удивление, восхищение, преклонение, недоумение, смятение не часто, правда, соседствуют с глубоким анализом феномена Горбачева. Складывалось впечатление, что авторы спешили сказать о Горбачеве как можно громче и первыми, не особенно заботясь о наличии документов, архивных материалов, достоверных свидетельств из его непосредственного окружения. На меня произвели хорошее впечатление книги М. Геллера, Г.Х. Шахназарова, А.С. Черняева, – очень разные по тональности; весьма интересна «Горбачевская энциклопедия», изданная в Лос-Анджелесе…

Трудно припомнить, чтобы при жизни политика появилось такое множество книг о нем. Ничего не скажешь: чем-то этот человек серьезно «зацепил» многих за сознание, чем-то оказался очень загадочен и интересен для множества людей планеты. Это был бурный всплеск редкой исторической популярности, нараставшей до 1991 года, по мере того как коммунистическая система становилась все слабее. Для всех он стал символом ухода с политической сцены большевистского монстра. Огромное количество людей, являющихся в XX веке пленниками телевидения, увидели на экране нормального, симпатичного человека, который, хотя и был правоверным коммунистом, совсем не походил на шестерых своих предшественников – вождей СССР. Люди почувствовали, что со словами Горбачева (а говорил он страшно много – и у себя в стране, и в зарубежных столицах) у них незаметно стал исчезать страх перед государством, которого практически всегда боялись в мире.

Дело не только в том, что малоэффективный процесс ограничения ядерных вооружений сменился первыми обнадеживающими шагами реального разоружения: люди как-то сразу поверили этому часто улыбающемуся, рано облысевшему человеку. Он быстро стал личностью-мифом: в нем видели столько добродетелей, многими из которых он никогда и не обладал. Тем более свой путь седьмой «вождь» начинал почти как все генсеки до него: клятвами в верности Ленину, единству коммунистических рядов и едва скрываемыми анафемами «классовому врагу».

Помощник М.С. Горбачева по международным вопросам А.С. Черняев пишет в своей книге: «Он – умный, честный, совестливый и страстный человек, умудренный вместе с тем искусством аппаратных правил игры «внизу и вверху», хотел все улучшить, все усовершенствовать, покончить с абсурдом и безобразиями… У него были некоторые идеи, как надо «лучше» жить. Но тогда они не выходили за рамки существующего общества. Отсюда и вскоре появившийся (и долго продержавшийся в его устах) термин «обновление». Потребовались годы мучительной борьбы, чтобы понять, что это общество невозможно обновить. Оно обречено и подлежит полной замене»{1120}.

Первые два года в западных столицах среди тамошней журналистской братии, да и в кругу серьезных советологов относились к седьмому «вождю» с подозрением: чем же он отличается от Брежнева и Андропова? Не является ли внешнее впечатление обманчивым?

Многоопытный Милован Джилас так и озаглавил свою статью: «Горбачев – предостережение». Он писал: «Скорее всего, Горбачев окажется временной фигурой. На самом деле он больше преемник Андропова, чем пассивного и неподвижного Черненко… Осложнения и трудности, вызванные постиндустриальными изменениями, вынудят Горбачева уделять больше внимания внешней политике. Тем не менее это не заставит его поступиться интересами советской империи или отменить верховное положение партийной бюрократии»{1121}.

Другие с издевкой подметили необыкновенную способность генсека долго говорить. Американский корреспондент Б. Шрагин сообщал из Москвы с XXVII съезда КПСС: «Генеральный секретарь говорил пять с половиной часов… Михаил Горбачев, каждый это признает, превзошел покойного Леонида Ильича выносливостью. Советскому народу было дано почувствовать и убедиться, что впредь им будут править энергично, по-молодому»{1122}.

Пока Горбачев не стал «любимцем Запада», он действовал почти так, как его предшественники. Но все же только «почти». Для последних лет правления Брежнева, Андропова, Черненко были характерны застылость, омертвение в кадровой пирамиде власти. Едва придя в главный кабинет партии, Горбачев стал понемногу, но не останавливаясь, подбирать команду «под себя». Он видел, что в международной политике страны трудно ожидать позитивных перемен, пока внешнеполитическое ведомство возглавляет опытный, но чрезвычайно консервативный дипломат старой сталинской школы А.А. Громыко. Однако Горбачев был ему обязан: ведь именно Громыко предложил на политбюро избрать его генеральным секретарем… Отправить на пенсию

старика – будет обида, но и держать в МИДе нельзя. Что такое Министерство иностранных дел, Громыко пояснил Горбачеву на заседании политбюро, когда решалась судьба Э.А. Шеварднадзе.

– Ленин говорил, что МИД – это отдел ЦК{1123}.

Но седьмой «вождь» был опытным аппаратным тактиком.

На заседании политбюро 29 июня 1985 года он предложил «выдвинуть» Громыко Председателем Президиума Верховного Совета СССР. В условиях всевластия партии и безвластия Советов должность столь же высокая, сколь и декоративная. Громыко, приближавшийся к своему восьмидесятилетию, с радостью принял этот подарок. Заседание продолжалось.

Горбачев: «Теперь встает вопрос: кого выдвинуть министром иностранных дел. Нам не найти второго Громыко с его опытом, знанием проблем внешней политики. Но ведь и сам Андрей Андреевич когда-то начинал свой путь в дипломатии не с таким опытом и знаниями, какие имеет сейчас. На Тегеранской конференции он, конечно, был не таким, как ныне…

Квалифицированных дипломатов у нас много. Опытный работник Корниенко. Послабее Мальцев. Как на партийной, так и на дипломатической работе был Червоненко. В поле зрения – Добрынин. И все-таки мысли у нас пошли в другом направлении. На пост министра нужна крупная фигура, человек из нашего с вами состава…»{1124}

Из «нашего» состава… Многозначительное заявление.

Горбачев предложил в качестве министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе. Конечно, как было всегда принято, с генсеком согласились, хоть и без явного воодушевления. То была горбачевская запевка, его заявка на возможные крупные перемены во внешней политике государства.

Андропов и Черненко, в силу их болезненного состояния, сделались затворниками поневоле. В то же время мировая политика без контактов на высшем уровне теперь не делается. С согласия политбюро Горбачев встретился с американским президентом Рейганом в Женеве. Это было знакомство, прощупывание друг друга, зондирование намерений каждой из сторон. Горбачев очень тщательно готовился к этому разговору лицом к лицу.

Многое для Горбачева было внове: огромная масса журналистов, тщательный дипломатический протокол, ощупывающие каждый сантиметр его фигуры телекамеры. Генсеку наивно казалось, что двухдневные переговоры прошли с его заметным «перевесом». Не случайно в ориентировочной шифротелеграмме Кастро, Ле Зуану, К. Фомвихану, Ж. Батмунху, Ким Ир Сену записали слова Горбачева: «Беседа с Рейганом –

настоящая схватка. Потом Риган – ближайший помощник Рейгана – говорил, что с президентом еще никто не разговаривал так прямо и с таким нажимом… В Женеве мы не собирались дать возможность Рейгану отделаться фотографированием, до чего он большой охотник…»{1125}

Из Женевы Горбачев сразу же прилетел в Прагу, где 21 ноября 1985 года встретился с первыми лицами стран – участниц Варшавского Договора. Он чувствовал себя в «своем» соцлагерном кругу почти как победитель и рассказывал о встрече в тональности выше приведенного отрывка из шифрограммы ЦК. Это и понятно: человек на первой роли в советском государстве так далеко отстоит по своему положению от вторых-десятых лиц, что невольно может закружиться голова. К тому же, как писал М. Джилас, у всех «западных лидеров в возрасте Горбачева уже была сложившаяся репутация»{1126}. Горбачеву, с его крайне неприметной провинциальной прошлой биографией удачливого партработника краевого масштаба, еще только предстояло завоевать международную репутацию. И он добился этого.

Когда Горбачев вернулся в Москву и доложил своим коллегам на политбюро итоги встречи с Рейганом в Женеве, те, как водится, единодушно одобрили его деятельность, записав в постановлении: «Проявленные Горбачевым принципиальность и гибкость в проведении нашей линии обеспечили в целом выгодные для Советского Союза, для дела мира политические и пропагандистские результаты… проявленная нами готовность к разумным компромиссам поставила нынешнюю американскую администрацию в оборонительную позицию, нанесла серьезный удар по идеологии и политике «крестового похода»…»{1127}

Опять «удар», опять «наступление» и «оборона».

Громыко уже в МИДе не было, но язык дипломатических, политических решений остался прежним: «враги», «противники», «наступление», «оборона», «удары», «контрудары».

Еще за год до выхода книги, где Горбачев обосновывал свое понимание «нового мышления» для нашей страны и для всего мира, было принято «совершенно секретное» постановление ЦК КПСС «О мерах по усилению нашего противодействия американской политике «неоглобализма». Главными «мерами» по противодействию, как и следовало ожидать, признавались «осуществление планов социально-экономического развития страны», как и «поддержание на должном уровне ее военной мощи»{1128}.

Через год будет внесено предложение мировому сообществу «положить в основу международной политики общечеловеческие морально-этические нормы…»{1129}. Эволюция

внешнеполитических взглядов, если судить по документам и заявлениям, шла довольно быстро.

Так начинал Горбачев на международной арене. Но проницательные обозреватели, западные политологи не могли не заметить того, что выгодно отличало нового советского лидера от его предшественников: непринужденность, свободное владение речью, уже заметные, пока, правда, слабо, акценты на общечеловеческих ценностях. Но всех по-прежнему настораживало: Горбачев без конца говорил о Ленине и социализме.

Горбачев понимал, что по сравнению со многими политиками Запада у него неизмеримо больше времени реализовать свои планы. «Встречаясь с Рейганом, Миттераном, Тэтчер, Ганди, Горбачев сознает, что их срок ограничен, они зависят от закона и избирателей, а он останется, было бы здоровье… Генсек видит свою задачу не в ликвидации нечеловеческого режима, а в его усовершенствовании…»{1130}

Но даже при этом органическом пороке, который был присущ почти всем советским людям, Горбачев положительно нравился собеседникам своей внешней открытостью, доброжелательностью, умением убеждать и идти на компромиссы. Правда, некоторые, кто близко знал генсека, ставили под сомнение эти благородные штрихи портрета Горбачева. В частности, А.М. Александров-Агентов, работавший помощником у четырех (!) генсеков, вспоминал, говоря о Горбачеве, «что внешняя открытость и благожелательная приветливость – это, скорее, привычная маска, за которой нет действительно теплого и доброго отношения к людям. Внутри – всегда холодный расчет»{1131}.

Запад присматривался к новому советскому лидеру. Замечали все: как говорит Горбачев, как одевается, как отвечает на вопросы корреспондентов, как держится перед камерами. «Присматриваться», наблюдать за новым генсеком было просто: он, не в пример Андропову и Черненко, любил встречаться с европейскими, азиатскими, африканскими государственными и общественными деятелями, послами и журналистами. Все заметили: Горбачев мало слушал и много говорил. Конечно, о «перестройке» и о «новом этапе», «процессе перемен», «обновлении социализма» и «новом мышлении», о том, как он думает «вернуться к Ленину», о своих «мучительных раздумьях». Все эти слова и выражения дали основание издать в Лос-Анджелесе целый энциклопедический словарь лексики Горбачева. На Западе увидели (хотел того Горбачев или нет), что его деятельность «размораживает», растормаживает, расслабляет коммунистическую систему, делает ее более доступной для

либеральных идей. Многие с удивлением обнаружили, что человек, который часто клянется в верности Ленину, фактически приступил к разрушению ленинизма! Это было невероятно, необычно, неправдоподобно. Аналитики в многочисленных институтах и центрах искали генезис, причины такого парадокса. Некоторые, не желая верить очевидному, вопрошали: а не сталкиваемся ли мы здесь с новыми коварными позициями Кремля, пытающегося втащить троянского коня в свободный мир?

Крупные издания постепенно стали говорить о Горбачеве устойчиво уважительно, почтительно, а потом и восторженно. Не знаю, но мне представляется, что генсек не устоял перед лестью, славословием, обильными похвалами из-за рубежа. Провинциальный деятель (и в Москве до генсекства он был таковым), ничем и никогда не проявивший себя, кроме как усердием, исполнительностью и… незаметностью, вдруг оказался в эпицентре мирового внимания. Не только союзного, но именно мирового! Далеко не всякий, согласитесь, мог бы устоять в подобной ситуации от искушения искренне поверить в свою исключительность и мессианство. Не будем судить его за это строго.

Иногда и сам Горбачев, поначалу не освободившийся от провинциализма мышления, «подбрасывал» (одно из его любимых словечек) идейки о своей особой роли. Так, 21 ноября 1985 года в Праге, повторяю, выступая перед главами стран – участниц Варшавского Договора и рассказывая о прошедшей встрече с Р. Рейганом, генсек заявил: «Риган – ближайший помощник Рейгана – говорил, что с президентом (американским. – *Д.В.)* еще никто не разговаривал так прямо и с таким нажимом»{1132}.

А вот он, Горбачев, именно так разговаривал, «нажимая» на самого американского президента!

В феврале 1986 года после заседания политбюро Горбачев задержал своих коллег и сказал: «Хотел бы познакомить товарищей с одной *важной* (курсив мой. – *Д.В.)* информацией, которая поступила недавно. 12 февраля этого года руководитель аппарата Белого дома Риган (опять Риган! – *Д.В.)* провел конфиденциальную беседу с руководителями газеты «Вашингтон пост» по вопросу о политике США в отношении Советского Союза. Он сказал, что они считали, что самым опасным советским руководителем последних лет был Андропов. Но новый советский лидер Горбачев является еще более опасным…»{1133}

Если бы эта «важная» информация была просто разослана секретариатом политбюро членам партийной коллегии, все было бы нормально и буднично, – Горбачев сам решил сообщить, как потенциальный противник высоко его оценивает… как боится его.

В случаях, когда речь шла о новом имидже генсека, ему нередко изменяло чувство меры и такта по отношению к самому себе.

Когда вышла книга за подписью М.С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», бросилось в глаза следующее. Книга в основном, бесспорно, позитивная, хотя и весьма банальная. Идеи, включенные Горбачевым в «новое мышление», выражающие его общечеловеческий аспект, давным-давно выдвигались выдающимися европейскими мыслителями Швейцером, Расселом, Сахаровым и многими другими «думающими людьми» XX века. Каждый имеет право на их интерпретацию, обогащение или несогласие с ними. Горбачев и его помощники написали полезную книгу, которая затем через АПН и другие советские средства пропаганды широко распространялась по всему свету.

Но, беря ее в руки, сразу же «спотыкаешься»: «новое мышление… для всего мира». Не утвердив у себя вместо большевистского – нормального, человеческого мышления, тут же «рекомендуем», предлагаем его «всему миру». А суть такого мышления, по Горбачеву, проста: «Ядерная война не может быть средством достижения политических, экономических, идеологических, каких бы то ни было целей»[{1134}]. Но ведь эта идея пронизывает все основные декларации, постановления и документы Организации Объединенных Наций!

Претензии книги на планетарность и универсализм отдают четко коминтерновским, болышевистско-мессианским. Да, бесспорно, Горбачев верил в то, что писал. Но до него об этом говорило множество людей, не называя это «новым мышлением». В книге генсек бесспорный пионер лишь в вопросе о перестройке, сугубо внутреннем, советском, горбачевском общественно-политическом явлении. Что же касается «нового мышления», о котором так много было наговорено, написано, то оно соседствовало за кадром с традиционными конфронтационными, милитаристскими мотивами. Говорю голословно? Думаю, что нет.

После прилета Горбачева из Рейкьявика, после памятной встречи с американским президентом Рейганом генсек подробно, в деталях рассказывал членам политбюро о диалоге, состоявшемся на острове гейзеров. Оценки, данные американскому президенту, звучат просто неприлично.

Горбачев на заседании говорил не как миротворец, а как большевистский боец, стойкий идеолог, политический победитель.

«…После Рейкьявика мы набрали больше очков в свою пользу, чем после Женевы… Но новая ситуация требует и новых подходов в нашей военной доктрине, в строительстве

Вооруженных Сил, их дислокации и т. д., в оборонной промышленности. Нужно тщательно обдумать, что следует сделать, если не будет ракет среднего радиуса действия, какие нужно развивать другие вооружения, если не будет стратегического наступательного оружия и т. д. Необходимо дать соответствующие поручения о разработке этих вопросов. Оборонная промышленность должна быть подтянута к военной доктрине. Нельзя допускать проникновения пацифизма в Вооруженные Силы и военную промышленность. Важно иметь все необходимое для того, чтобы обеспечить неотвратимость нашего ответного удара. В связи с этим нам не надо трогать ассигнований, выделенных на оборону…

Встреча в Рейкьявике показала, что в лице представителей американской администрации мы имеем людей без совести, без морали…» О президенте США сказал просто, по-ленински: «В лице Рейгана нам пришлось вести борьбу в Рейкьявике не только с классовым противником, но и с таким его представителем, который характеризуется чрезвычайным примитивизмом, пещерным обликом и интеллектуальной немощью»{1135}.

Слова генсека-ленинца. Думаю, он никогда бы не мог этого произнести после 1990 года. Мир, который он исколесил вдоль и поперек, скоро научит его говорить дипломатическим языком.

Комментировать не хочется.

Почти в это же время стала создаваться книга Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира»… В одном из разделов этого бестселлера «За честную и открытую внешнюю политику» говорится: «Провозглашая свою приверженность к честной и открытой политике, мы имеем в виду честность, порядочность, искренность и следуем этим принципам практически. Сами по себе эти принципы не новы – они унаследованы нами от Ленина. Новое в том, что мы стараемся освободить их от двусмысленностей, которые столь распространены в современном мире»{1136}.

Ленин и «новое мышление»! У него, у Ленина, оно было на сто процентов коминтерновским. Напрасно Горбачев призвал первого вождя в свои союзники, ведь седьмой «вождь», к счастью, совсем не был коминтерновцем, особенно к концу своего «правления».

Горбачев прав – «двусмысленности распространены». И все мы, советские люди, как и автор этой книги, были пленниками ленинского мышления. Не «нового», а именно ленинского: классового, непримиримого, скрытого, подозрительного. Когда Горбачев готовил свою книгу о новом мышлении для «всего мира», едва ли и он был свободен от ленинского мышления…

Скорее всего, Горбачев в эти годы сам находился в процессе внутренней борьбы, переосмысления, переоценки того, что было нашей сутью. А в этом состоянии, как говорил древнегреческий мыслитель Демосфен, можно обмануть самого себя. Но труднее – всех остальных.

Горбачев был не в состоянии, да он поначалу и не пытался, остановить поток оружия, военной техники, различного военного снаряжения во Вьетнам, Сирию, Южный Йемен, Эфиопию, Ливию, Анголу, Сомали, Алжир, другие страны. Это, видимо, еще не имело отношения к «новому мышлению». Так, например, после переговоров с никарагуанской делегацией политбюро, несмотря на то что эта крохотная страна была уже нам должна 1,1 миллиарда долларов, решает: «Обеспечить безвозмездно 70 тысяч военнослужащих сандинистской армии обмундированием, питанием, медикаментами».

«Новое мышление» родится позже. Нетрудно представить, какого труда стоило Горбачеву освободиться от традиционного коминтерновского мышления, присущего абсолютно всем первым вождям до него. Он и сам вначале мало верил в возможность кардинальных изменений советско-американских отношений. Обсуждая со своими соратниками осенью 1986 года, как отреагировать на выдворение из США 55 советских дипломатов, Горбачев заметил:

– В общем, подтверждаются слова, сказанные мною президенту США в Рейкьявике, о том, что, очевидно, нормализация советско-американских отношений – дело будущих поколений{1137}.

Международной популярности Горбачева очень способствовали его, прямо скажем, невиданно многочисленные встречи с главами стран и правительств, крупными общественными деятелями, лидерами коммунистических, социал-демократических, консервативных и либеральных партий, творческой интеллигенцией множества государств Европы, Америки, Азии, Африки. Беседы вел Горбачев мастерски, демонстрируя дружелюбие, внимание, участие. Во время встреч много говорил. Он был как сладкоголосая сирена, вещающая об «очередном этапе» превращения СССР в цивилизованное, современное государство, твердо занявшее свое почетное место в партере мирового театра. Его напряженно слушали, записывали, восхищались. Горбачев научился очаровывать людей. Не советских, а приезжающих к нему со всего света. От него слышали то, что хотели услышать: СССР будет впредь приоритетно привержен демократии, миру, правам человека.

Конечно, глубинные причины стремительного роста

популярности Горбачева заключались в том, что с его участием, под его руководством, по его чертежам огромное, могучее и угрюмое государство начало заметно меняться. Ослабла хватка Москвы в Восточной Европе. Немцы получили возможность приступить к объединению своей родины. Начался процесс уничтожения целого класса смертоносных ракет. В Москве – подумать только! – можно было купить в киоске «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Тайм», «Монд», «Фигаро», «Шпигель»… Непостижимо!

Непроницаемый полог тайн медленно поднимался над гигантской страной ГУЛАГа, военных комбинатов, огромных плотин гидроэлектростанций, подпиравших рукотворные моря, затопившие миллионы гектаров плодородных земель, над десятками тысяч памятников коренастому человеку, взмахом руки зовущему миллионы людей в никуда… Возвращение Сахарова из ссылки, разрешение диссидентам посещать родину, сенсационные статьи о Сталине, документы о причинах трагедий 1941 года, судьбах Мандельштама, Бабеля, Кольцова как бы смывали багрово-красную пелену с глаз, с общественного сознания великого народа. Это делал не сам Горбачев. Но он открыл исторические шлюзы гласности, которые теперь, если бы и захотел, закрыть бы уже не смог… Он ускорил эрозию системы, и люди смогли полнее осознать свою индивидуальность и неповторимость.

Да, великое очищение сознания, равное которому трудно отыскать в истории, было, вероятно, главным в деятельности Горбачева. И это справедливо оценил весь мир. При всем том, что все, конечно, знали и видели, что его неуклюжие попытки расшевелить директивную экономику, колхозы обречены на провал. Они были придавлены прессом не только внешне облагороженного «военного коммунизма», но и целой империей военно-промышленного комплекса.

По моим, возможно, неполным подсчетам, в кабинете Горбачева и специальных помещениях для приемов с апреля 1985-го по декабрь 1991 года побывало около 500 (!) глав государств, правительств, партий, общественных деятелей, делегаций… Это не было механическим конвейером переговоров, протокольных встреч, согласований и обсуждений. Генсек КПСС, ставший затем и президентом СССР, от имени страны (реже партии) вел плодотворный диалог со всем миром. Диалог получился. Исторический Горбачев смог убедить многих в искренности своих намерений. Ему удалось как-то незаметно отодвинуть в сторону решения XXVII, XXVIII съездов КПСС, которые, конечно, объявили в СССР «историческими».

Претенциозная, но безжизненная, откровенно пропагандистская программа создания «всеобъемлющей системы международной безопасности», выдвинутая Горбачевым 25 февраля 1986 года{1138}, была быстро забыта. Преследуя идеологические цели, мы принимали множество подобных программ, деклараций и планов. Но все они были нереальными. Нас боялись. Смертельно боялись. И совершенно не верили.

Наконец спустя почти семь десятилетий со дня прихода к власти большевиков поверили коммунисту Горбачеву. И тот стал любимцем Запада. Думаю, что едва ли кто из политиков в XX веке смог так захватить воображение землян на несколько лет… Он чувствовал эту популярность. И хотя, возможно, Горбачев напишет, что был равнодушен к той славе, которая неожиданно пришла к нему, я не могу в это поверить. Не исключено, что многие последующие шаги в немалой степени диктовались императивом: а как будет реагировать на них мировое общественное мнение, старая Европа, лидеры многих стран, которых он уже знал лично.

Пик популярности Горбачева пришелся на 1989–1990 годы. А самой высшей точкой этого пика стало его выступление в Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. То был невиданный триумф Горбачева. Мне довелось несколько лет спустя побывать в зале Генеральной Ассамблеи. Один из ответственных сотрудников Секретариата, показывая «достопримечательности» ООН, говорил, что хотя он и давно работает здесь, однако не помнит такого колоссального успеха современного лидера, как у Горбачева. После речи советского руководителя, который опять говорил о «новом мышлении», многих других проблемах многоцветного, многострунного, многомерного, но взаимозависимого мира, переполненный зал взорвался невиданной, как выразился ооновский сотрудник, «искренней овацией». То был апогей мирового признания Горбачева как лидера планетарной величины.

Где-то далеко позади остались в тот момент (как забытый старый плащ) и его долгий провинциализм, и большевистская ортодоксальность, и метафизическая ограниченность коммунистического партийца. Горбачев встал тогда вровень с крупнейшими политиками, прошедшими по нашей земле в XX веке: Черчиллем, де Голлем, Рузвельтом, Хрущевым, Аденауэром, Чан Кайши, И. Ганди.

Присуждение Нобелевской премии Горбачеву явилось как бы благодарным признанием мировым общественным мнением заслуг этой личности, стремящейся ввести СССР в цивилизованный мир, предварительно изменив к лучшему

гигантскую страну. Думаю, что генсек, испытав естественную радость от этого сообщения, был подавлен дружной негативной реакцией «неблагодарных» соотечественников.

За что? Страна в развале – а ему премия… Одни разговоры – и такое признание? Конечно, они поощряют нашего вождя – мол, в «правильном» разрушающем направлении действуешь… Примерно такие обывательские реплики доводилось слышать в те дни.

А за рубежом… премия как бы закрепила всемирное признание масштабных заслуг Горбачева в его отчаянной, лишь частично увенчавшейся успехом попытке изменить к лучшему самую обширную страну планеты. То был зарубежный апогей его славы.

Помощник Горбачева А.С. Черняев проницательно замечает, что «надо иметь в виду и то, какое воздействие на него самого произвел всемирный отклик на его речь, – начиная с атмосферы в самом зале Генассамблеи…»{1139}. Трудно сохранить моральное равновесие после такого планетарного признания. Но, увы, даже оно не гарантирует человеку безгрешности и безошибочности.

Автор книги «Шесть лет с Горбачевым» справедливо пишет, что этот огромный капитал общечеловеческого признания надо было быстрее использовать для решительного освобождения как от многих старых большевистских догм, так и от политической зашоренности в отношении «соцлагеря», разоружения, Афганистана и т. д. Не получилось.

Таков был Горбачев: получив всемирное признание как лидер планетарного масштаба, он остался в своей стране малоуважаемым вождем исторически обанкротившейся партии. У него не хватило ни решимости, ни ума сбросить с себя еще до путча тогу генерального секретаря, которая по-прежнему связывала его с потерпевшим сокрушительное поражение ленинизмом. В этом глубокая ущербность Горбачева: поднявшись на общечеловеческие высоты, он потащил за собой и классовый хлам коммунистической идеологии. Он остался «генсеком». Но те, кто пребывает еще в этой партии, не в состоянии понять, что классовой истины нет. Есть классовая ложь. Истина – явление общечеловеческое.

В этом глубокая драма Горбачева-политика. Генсек соединил в себе мировую масштабность человеческого таланта и долгую амбразурную узость коммунистических привязанностей. Даже тогда, когда неверные и коварные соратники изолировали его как «преступника», он не отрешился от этого дуализма.

Горбачев, получив всемирное признание как политик новой волны конца XX века, тем не менее как будто всегда помнил и

следовал фразе, произнесенной им однажды при обсуждении проекта своего доклада на XXVII съезде партии: «Вы знаете, когда опять читаешь Ильича, а его нельзя не читать, когда готовишь такой документ, приходишь к выводу, что ведь надо от него идти и к нему…»{1140}

Так и оказалось. Он смог уйти от Ленина к великим общечеловеческим ценностям непреходящего значения. Достиг и понял их суть. Но… еще не раз возвращался к классовой каменоломне ленинизма, с тем чтобы затем вновь и вновь проделывать этот парадоксальный путь… туда и обратно. От общечеловеческой истины к классовой лжи.

Или он видел и знал то, что неведомо было другим?

Горбачева помнят везде. Но уже не везде любят. История часто бывает неблагодарной.

Горбачев и Ельцин

История развивается по ей одной и Богу ведомым законам. Мог ли Горбачев подумать, что вскоре после своей «коронации» на пост генерального секретаря коммунистической партии он сам, без чьей-либо подсказки, сделает шаг, последствия которого будут крупными и неоднозначными для него и отечества? А шаг этот – приглашение Бориса Николаевича Ельцина, первого секретаря Свердловского обкома КПСС, на работу в Центральный Комитет партии.

Как я уже отмечал раньше, Горбачев, заняв кабинет генсека, сразу же начал осторожную «чистку» аппарата ЦК, а затем и политбюро. Он был уверен, что интеллектуально малоподвижные люди в ЦК и геронтократы в политбюро способны погасить любое благое начинание. Оздоровление или, как генсек очень долго говорил, «обновление» партии, общества возможно только с новыми людьми. Люди типа К.М. Боголюбова, косного аппаратчика, преемника Черненко на посту заведующего общим отделом ЦК, должны были уйти «на пенсию». Хотя, будем откровенны, Горбачев «чистил» ЦК и по причине традиционной большевистской бдительности. Так, в январе 1986 года политбюро специально обсудило вопрос «о мерах по упорядочению контактов советских должностных лиц с иностранными гражданами». Казалось, что при обсуждении кагэбэшной записки в зале витал дух Андропова… Перед принятием постановления Горбачев в заключение весьма красноречиво резюмировал: «У нас в этом вопросе много вольницы, нарушаются элементарные правила таких контактов. Люди не докладывают о своих контактах, не информируют о содержании бесед… Нам пришлось даже убрать из ЦК двух работников, которые допускали такого рода нарушения. Это серьезные вещи. Болтунов нам надо буквально вышибать из аппарата ЦК и внешнеполитических ведомств. У нас есть данные, что противник проявляет интерес к таким лицам…»{1141}

Но, конечно, главным мотивом «обновления» самого ЦК было желание укрепить его энергичными, знающими, прогрессивно мыслящими людьми.

Горбачеву было известно, например, что в Свердловской области, одной из самых промышленных в Союзе, первый руководитель – бывший инженер-строитель, обладатель динамичного темперамента и неуемной энергии.

По поручению генсека в начале апреля 1985 года секретарь ЦК В.И. Долгих, позвонив Б.Н. Ельцину в Свердловск, предложил

тому переехать в Москву на работу в ЦК КПСС в качестве заведующего отделом строительства.

Что представлял собой этот отдел? Более сотни партийных специалистов-чиновников, сгруппированных в десятке секторов: строительство тяжелой индустрии, монтажа, промышленного, транспортного, сельского строительства, проектные, исследовательские, архитектурные дела, строительные материалы и многое другое.

Ельцин не раздумывал: он сразу же вежливо отказался. Может быть, должность показалась ему не масштабной. Но, скорее всего, по другой причине. Его стихия – это прямые контакты с людьми, встречи на предприятиях, строительных площадках, в рабочих общежитиях. Его сила проявляется не в кабинете, а среди людей труда на заводах, фабриках…

Ельцин в известном смысле «народник». В свою бытность в Свердловске он всегда с предубеждением относился к аппаратной, чиновничьей работе. Это можно проследить и на всей последующей карьере. Все его успехи, популярность, взлеты связаны с прямым, непосредственным общением с массами людей, которых он умеет поднимать, зажигать и вдохновлять.

И, наоборот, основные его горечи, неудачи, поражения – прямой результат работы с аппаратом, чиновничеством, с действиями неистребимой бюрократии. Наконец, Ельцин любил Урал и не хотел ехать в Москву.

Назавтра, после Долгих, ему позвонил уже Е.К. Лигачев, тоже провинциал, перебравшийся в Москву из Новосибирской области, который быстро нашел свою «нишу» в высшем руководстве партии. Его влияние в политбюро было довольно весомым. Когда Горбачев отправился в июле 1985 года в первый отпуск в качестве генсека, то по его предложению председательствовал в этой высшей коллегии Егор Кузьмич Лигачев{1142}.

В разговоре с Ельциным Лигачев был напорист. «Твой отказ не поймут в политбюро. Думаешь, я рвался в Москву? Давай, не мудри, соглашайся. Я сегодня иду к генсеку. Раздумывать нечего. Надо».

Ельцин нехотя согласился: партийная дисциплина. И уже 11 апреля 1985 года на очередном заседании политбюро свердловский секретарь был утвержден заведующим отделом строительства ЦК КПСС{1143}. При обсуждении кандидатуры в поддержку Ельцина выступили Тихонов, Алиев, Воротников. Горбачев покровительственно заключил: «Надеемся на тебя. Участок не простой. Справишься».

Судьба – это синтез провидения, неведомого рока и воли человека.

Апрель 1985 года. Горбачев, только что ставший генсеком, ведет отсчет своим реформам именно с апреля 1985 года. В апреле и Ельцин, прибыв в Москву в новом для себя качестве, оказался совсем рядом с Горбачевым. Судьбы этих двух людей, чье влияние на историю России конца XX века было наиболее глубоким, мистическим образом пересеклись. Если бы генсек знал, что его выбор, павший на свердловского секретаря в апреле 1985 года, будет для него в известном смысле роковым, то, думаю, многое могло сложиться совсем по-другому. Пути истории, как и Божьи, неисповедимы. Закономерное идет в обнимку со случайным. Судьба человека, да и будущее страны – тот таинственный знак, неведомый иероглиф, который люди не в состоянии разгадать, пока сама колесница истории не минует невидимый рубикон и не расшифрует загадочные письмена грядущего, ставшего настоящим.

Глубокий провинциал, Ельцин, как и его семья, тяжело привыкал к Москве. Особенно трудно было адаптироваться к работе в огромном аппарате Центрального Комитета, в котором сложились неписаные нормы, правила поведения и этикета. В мою бытность заместителем начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота я довольно часто бывал в Центральном Комитете, иногда приглашался на заседания секретариата ЦК и несколько раз на заседания политбюро. В общем, имею представление о ЦК. Меня, например, поражало чинопочитание в высшем аппарате партии, какая-то иерархическая закомплексованность. Больше, чем в армии. Хотя все друг друга именовали по имени-отчеству и внешне относились к собеседнику вполне демократично, внутреннюю императивность власти, жесткую субординацию я чувствовал сильнее, чем на военной службе. Аппаратчики это знали. Какой-нибудь невзрачный инструктор отдела, стелившийся ниц перед своим заведующим сектором, мог разговаривать с вызванным перед назначением в ЦК командармом или комдивом столь начальственно-безапелляционно, что казалось, этот мелкий чиновник – наместник не только генсека… Ленинский орден, именуемый партией, отшлифовал до совершенства свой «главный штаб», как часто любили называть ЦК ортодоксальные большевики.

Впрочем, Ельцин недолго пробыл в ранге заведующего отделом. Буквально через два месяца его произвели уже в секретари ЦК – на должность просто заоблачную, таинственно-могущественную для простого человека. Новый секретарь стал уже непосредственно вхож в самый высший эшелон партийной власти. Теперь достаточно частыми были и прямые личные

контакты генерального секретаря Горбачева и просто секретаря Ельцина.

Они почти ровесники. Оба из провинции. Правда, генсек более гибок и хитер, чем прямолинейный и простоватый Ельцин. Сказывается опыт нескольких лет, проведенных на Старой площади в Москве. Желая «обновить партию», Горбачеву нужно было быстрее «отправить на пенсию» людей типа Романова, Громыко, Гришина. Для этого требовалась замена. И она скоро пришла в лице Яковлева, Разумовского, Бакланова, Манаенкова, Фролова, Фалина, Зайкова, Медведева, других людей горбачевской волны.

Горбачеву откровенно надоел, например, В.В. Гришин, очень опытный, «тихий» аппаратчик, живое олицетворение брежневских времен. Секретарю Московского горкома партии намекнули, и догадливый Гришин, понимающий, что его время с приходом Горбачева безнадежно ушло, тут же пишет заявление об отставке. Но кое-что пытается выторговать взамен для пенсионной старости.

На очередном заседании политбюро в декабре 1985 года Горбачев выносит первым вопросом повестки дня – «О т. Ельцине Б.Н.».

Как всегда, на заседаниях больше всех говорит сам генсек. Больше, чем все остальные его коллеги, вместе взятые. Сообщив, что В.В. Гришин отправляется на пенсию и назначается в группу советников при Президиуме Верховного Совета СССР, Горбачев продолжает:

«…Теперь о кандидатуре на пост первого секретаря МГК КПСС. Речь идет о столичной партийной организации. Поэтому целесообразно рекомендовать на этот пост человека из ЦК КПСС, с опытом работы в крупной партийной организации, знающего вопросы экономики, науки и культуры. Есть предложение рекомендовать т. Ельцина Б.Н.».

Раздались обычные возгласы согласия Воротникова, Соломенцева, Громыко, других членов политбюро. Генсеку, по традиции, никогда не перечили. Но говорить продолжал лишь один Горбачев:

«…В таком случае будем, т. Ельцин, рекомендовать вас первым секретарем МГК КПСС. Пока он будет оставаться секретарем ЦК КПСС. Этот вопрос решим позднее. Пленум МГК можно было бы провести завтра в 11 часов…»

Редкий случай, когда Горбачев обращался на «вы». Обычно в своем кругу на заседаниях политбюро, секретариата, с людьми, которых вызывают в ЦК, он общается с помощью начальственно-фамильярного «ты». При этом прекрасно знал, что таким же

«тыканьем» ему ответить никто не мог. Это – от культуры с детства. Точнее, ее недостатка. Так же как и нецензурщина, часто встречавшаяся у Горбачева в «рабочих условиях»: он-то знал, что в его присутствии никто и никогда ругаться не смел… Небольшой нюанс «большевистской культуры». В то же время могу твердо утверждать, что никогда и никто не слышал подобного от Ельцина, двух вузов, как Горбачев, не кончавшего, а довольствовавшегося лишь одним, строительным.

Заседание политбюро продолжалось.

Как всегда, благодарил за «доброе отношение» к нему своих, теперь уже бывших, коллег Гришин, заверял, что «оправдает доверие», Ельцин. Правда, Борис Николаевич был крайне немногословен: вся его речь в стенограмме уместилась в шесть строк. Новое назначение расценил как «сверхответственную задачу»[{1144}].

Для Ельцина начался новый этап жизни, который приведет его к прямому конфликту с КПСС, политбюро и Горбачевым. Но пока Ельцин почти ортодоксален. «Еретиком» его сделает время духовных перемен, которые в обществе уже было нельзя остановить.

До сих пор москвичи постарше помнят, как Ельцин, придя в московский горком партии, рьяно взялся наводить в столице «порядок». В течение двух-трех месяцев половина первых секретарей райкомов партии была смещена со своих постов. Полетели многие чины с высоких торговых должностей, коммунальных и иных служб, стал наводиться относительный порядок с распределением жилья, ремонтом школ, дорог, использованием тех ассигнований, которые отпускались Москве на социальную сферу. Люди были поражены, встречая Ельцина в городском автобусе, на овощном рынке, в очереди за колбасой, в кинотеатре. Руководитель столичной парторганизации хотел все увидеть и узнать сам из прямого общения с людьми, их бедами и надеждами. На встречи Ельцина с различными категориями партийных работников, особенно с лекторами, было невозможно попасть. Он умудрялся отвечать на сотни записок, принимать в кабинете множество людей, заниматься одновременно огромным количеством дел гигантского многомиллионного города.

Народ был взбудоражен перестройкой, жил ею. Но Ельцин глубже других понимал, что людей может успокоить только успех. А его пока не было…

Постепенно у москвичей одной из любимых тем разговора стал Ельцин – новый первый секретарь горкома партии. Рассказывали просто невероятные вещи, подчас мифологизированные: в 8 часов он уже на работе, в 24 часа он

еще в горкоме партии. С удовольствием передавали друг другу, что на предприятиях, где бывал Ельцин, тут же по его распоряжению закрывали специальные столовые для начальства, ликвидировали закрытые распределители, восстанавливали справедливую очередь на жилье. Мой многолетний в прошлом секретарь Валентина Георгиевна Родина, немолодая уже женщина, придя на работу, возбужденно поведала мне, что вчера в их гастрономе неожиданно оказался Ельцин и, увидев пустые витрины, ушел на «половину» директора магазина. Через десяток минут рабочие продмага стали на тележке привозить со склада для общей продажи немыслимые доселе вещи: красную рыбу, икру, копченую колбасу…

– А директора тут же сняли, – раскрасневшись, торжествующе заключила Валентина Георгиевна.

«Добрый царь», о котором всегда мечтали россияне…

По инициативе Ельцина в столице стали шире практиковать колхозную торговлю сельхозпродуктами прямо с «колес», начали пресекать спекуляцию дефицитными товарами, улучшилось положение с городским транспортом…

Коммунистический Дон-Кихот, но теперь уже свердловский, переброшенный Горбачевым в Москву, с высоты своего громадного роста хотел оглядеть многомиллионную столицу, всем помочь, всех поддержать, всех избавить от множества недугов. Люди поопытнее чувствовали, что надорвется человек, не сможет очистить Москву от застаревшей бюрократии, коррупции, головотяпства. Да и не дадут это сделать. Сломает голову… Ведь все это – часть ленинской системы. Но в общественном сознании стал все рельефнее формироваться желанный образ нового, «перестроечного» руководителя, не похожего на остальных. Симпатии к Ельцину у простых людей росли. Но и неприязнь, враждебность, даже злоба партийной номенклатуры сопровождали простодушные экзерсисы[27] первого секретаря горкома партии Москвы.

Сведения о «народническом опыте» дошли, конечно, и до Старой площади. Там с удивлением узнали, что Ельцин отказался от роскошной дачи, а выбрал поменьше, неизмеримо более скромную: не захотел воспользоваться при вылете на юг отдельным самолетом, остался в той же квартире, достаточно обычной, которую получил по приезде в Москву. Это настораживало Горбачева и его коллег. Но «народничество» не являлось поводом для конфликта: ведь начата «перестройка»! Вполголоса слышалось: «популист», «дешевого авторитета захотелось».

Генсек не счел нужным вмешиваться: для этого он и направил

Ельцина в московскую партийную организацию, чтобы «почистить» Москву, «оздоровить обстановку», чреватую скандалами, разоблачениями, конфликтами.

Как писали американские журналисты российского происхождения Владимир Соловьев и Елена Клепикова в своей весьма неплохой книге «Борис Ельцин», новый секретарь в московском горкоме партии нужен был Горбачеву в качестве «метлы». И Ельцин взялся за дело очень рьяно. «До поры до времени эти два человека были позарез нужны друг другу: Горбачев Ельцину как щит, а Ельцин Горбачеву как меч… А временным союз оказался потому, что был тактическим»{1145}.

Горбачев недооценил Ельцина, рассчитывал, что тот всегда будет просто послушным исполнителем. Более того, генсек был уверен, что Ельцин пойдет строго по той колее «перестройки», которую указывает и будет указывать он, Горбачев. Но для свердловского выдвиженца, натуры очень цельной, перестройка представлялась не косметическим ремонтом старого большевистского здания, а существенной модернизацией, возможно, «новостройкой». Правда, в первые годы перестройки Ельцин, как и все мы, не подвергал сомнению социалистическую идею, ленинизм, роль коммунистической партии. Только после конфликта в конце 1987 года с Горбачевым и всей партийной верхушкой Ельцин почувствовал тесноту, страшную узость кольчуги партийной ортодоксии для любых подлинно демократических новаций. Интеллектуальное окружение, которое к этому времени начало складываться и группироваться около Ельцина, ускорило созревание «бунтарских» взглядов.

Ельцин полнее, чем кто-либо, находясь в самом «штабе» коммунистической партии, почувствовал, что она не способна на коренное самореформирование. Лучшее, на что может пойти это ленинское детище, – внешняя либерализация и освобождение лишь от некоторых одиозных догм и постулатов.

Мне много раз приходилось встречаться и подолгу беседовать вдвоем с Борисом Николаевичем Ельциным. После того как меня изгнали из Главпура, а затем из Института военной истории, я ушел к Ельцину и задолго до августа 1991 года стал его советником. Впервые мы встретились за два года до этого. Мне кажется, что я хорошо понял и изучил философию души этого незаурядного человека. Может быть, успею написать об этом отдельно. Я не боюсь выглядеть тенденциозным и субъективным, но в длинном ряду советских руководителей в XX веке это одна из мужественных и честных фигур. Сознаемся, что многие из нас давно поняли несоответствие провозглашаемых высоких идеалов мрачной практике ленинизма. Но были лишь немногие (и то,

главным образом, вырвавшиеся за рубеж), кто восставал против врожденных пороков ленинизма. Ельцин стал, пожалуй, единственным из членов всех составов политбюро, начиная с ленинских времен, кто возвысил свой голос открыто… Единственный!

Правда, было это далеко не сразу. Но Ельцин уже через год своего секретарства в столице почувствовал глухую ревность Горбачева к его растущей популярности. Ему показалось, что перестройка во многом декоративна, поверхностна и не задевает глубинных основ строя. Ельцин испытывает глубокое внутреннее неудовлетворение от общего состояния перестроечного процесса, хотя Горбачев чуть ли не ежемесячно говорит о новых его «этапах».

В сентябре 1987 года, за два месяца до семидесятилетия Октябрьской революции, Ельцин после долгих размышлений направляет личное письмо генсеку в Пицунду, где тот в это время отдыхает.

Московский секретарь пишет о своем ощущении, что он «лишний», «неудобный» в политбюро: его прямота и стиль работы плохо вписываются в работу этого высшего органа. В конце письма Ельцин твердо заявляет:

«Прошу освободить меня от должности первого секретаря МГК КПСС и обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС. Прошу считать это официальным заявлением». Фельдъегерская связь работала как хорошие часы. В тот же день в почте Горбачева на юге было это письмо.

Но ответа – ни письменного, ни телефонного – с юга не последовало. Приехав, Горбачев через неделю позвонил Ельцину и сказал:

– Поговорим о твоем письме позже.

И вновь ни звука. До пленума в октябре…

Приближается семидесятилетие Октября. На очередном заседании политбюро, состоявшемся 15 октября 1987 года, его члены около четырех часов обсуждали проект доклада на торжествах. Идет долгий, детальный разговор. Судя по стенограмме, вновь больше всех говорит сам генеральный секретарь. Чем и сегодня поражает обсуждение доклада, так это фактической реабилитацией Сталина, а значит, и сталинизма. Горбачев даже заявил, что в 20-30-е годы Сталин защитил «ленинскую концепцию революции» и в этом «огромная заслуга Сталина». Так говорить о диктаторе, репрессировавшем 21,5 миллиона своих соотечественников?! Ведь XX съезд состоялся более 20 лет назад. По крайней мере, о «большом терроре» знали многое…

И второе: глубокая настороженность членов политбюро ко всему стихийно-демократическому, новаторскому, вышедшему не из кабинетов ЦК, к тому, что может хоть как-то «зацепить» традиционные постулаты ленинизма. Достаточно прочесть стенограмму этого заседания (она очень красноречива), чтобы почувствовать: перестройка для партии была способом выживания, некоей модернизации и «осовременивания». В этом заложено глубокое противоречие: чего хотела и чего ждала от перестройки партийная номенклатура (особенно высшая) и что надеялся получить народ, по крайней мере его «думающая» часть. Сохранить, «обновить» партию и систему – с одной стороны, и, с другой – заложить основы нового общества, без большевиков (даже современных). Обсуждение проекта доклада на политбюро показало, что это противоречие было реальным, что в конце концов привело к краху КПСС.

Ельцин выступал седьмым. Говорил достаточно традиционно, хотя едва ли забыл, что месяц назад направил письмо Горбачеву с просьбой о своей отставке. Но никакого ответа так и не получил. Впрочем, молчаливый ответ Горбачева Ельцину на этом заседании прозвучал. И тот это понял.

Ельцин предложил в докладе говорить не только о Ленине, но и о его ближайших соратниках.

Горбачев его привычно перебил и разразился длиннейшей тирадой, которая, сегодня для меня это ясно, касалась не только доклада, но и письма об отставке Ельцина:

«Горбачев:…Когда речь идет о личных моментах на уровне большой политики и когда это касается больших политиков, то часто эти личные амбиции, претензии, неумение трудиться в коллективе и так далее, и так далее, способны трансформироваться и в политическую позицию человека. Так что тут, понимаете, очень все непросто, диалектика тончайшая…»{1146}

Слова Горбачева, использующего тему обсуждения доклада и мотивы включения в него текста о соратниках вождя, адресуются эзоповым языком непосредственно к Ельцину. Думаю, Борис Николаевич все это понял и, когда наконец генсек замолчал, обострил свое дальнейшее выступление: «… Очень важна тема развивающейся в стране перестройки, очень важны вопросы о сроках, времени, на которое рассчитана начатая перестройка. Здесь люди ждут очень четких формулировок. Вообще выписывается у нас с вами все-таки, что перестройка – это где-то 15–20 лет, то есть долговременная политика. А ближайшие неотложные задачи мы должны решить буквально за 2–3–5 лет. Об этом надо сказать».

«Горбачев: Вопрос о сроках заслуживает того, чтобы его обдумать…»{1147}

В небольшое выступление Ельцина Горбачев счел нужным бесцеремонно вмешаться шесть (!) раз. В общей сложности эти «внедрения» заняли столько же времени, сколько и само выступление Ельцина.

Вопрос о неудовлетворенности ходом перестройки Ельцин выразил в форме критики отсутствия ее временных параметров, что «дезориентирует людей», лишает их методологических ориентиров.

Выступление Ельцина имело свое продолжение. Через неделю, 21 октября 1987 года, состоялся очередной пленум ЦК. Обсуждали проект того же доклада к семидесятилетию Октября. Все «катилось» как обычно. Поддерживали политбюро, генерального секретаря, говорили попутно о местных проблемах. Горбачев всем умело дирижировал. За два с половиной года «генсекства» он уже вжился в роль «вождя». Вдруг поднял руку Ельцин. Все это видели. Не дать слова было нельзя.

Борис Николаевич как-то неуверенно вышел на трибуну, не очень складно говорил. Наступила тишина. В глазах большинства членов ЦК он уже прослыл «народником», «охотником за дешевой популярностью», «партизаном», которого с удовольствием цитирует западная пресса. Зал затих в ожидании.

В его слабо скроенной и плохо продуманной речи тем не менее совершенно определенно прозвучали два момента, которые были необычными для такого форума. Высоко возвышаясь над трибуной, Ельцин, волнуясь, говорил: «…То, что было сказано на съезде в отношении перестройки за два-три года, – два года прошло или почти проходит, сейчас снова указывается на то, что опять два-три года, – это очень дезориентирует людей, дезориентирует партию, дезориентирует все массы, поскольку мы, зная настроения людей, сейчас чувствуем волнообразный характер отношения к перестройке…»

Зал затих еще больше. По тем временам это была уже критика партийного курса… Говорилось вроде о сроках, но в действительности – о низкой результативности перестройки, недовольстве людей в связи с ее непродуманным ведением.

В истории партии было немало поражений, продолжал Ельцин, «благодаря тому, что была власть партийная отдана в одни-единственные руки, благодаря тому, что он, один человек, был огражден абсолютно от всякой критики».

«Меня, например, – продолжал нескладно говорить взволнованный Ельцин, – очень тревожит, что у нас нет еще в составе Политбюро такой обстановки, в последнее время

обозначился определенный рост, я бы сказал, славословия от некоторых членов Политбюро, от некоторых постоянных членов Политбюро в адрес Генерального секретаря…»

В зале стояла уже звенящая тишина. Трудно вспомнить, когда в адрес здравствующего генсека раздавалась бы прямая критика. Неслыханно! Горбачев удивленно и несколько иронично смотрел на Ельцина.

Ельцин разволновался еще больше. Заранее подготовленного текста в руках не было…

«…Видимо, у меня не получается в работе в составе Политбюро. По разным причинам. Видимо, и опыт, и другое, может быть, и отсутствие некоторой поддержки со стороны, особенно товарища Лигачева, я бы подчеркнул, привели меня к мысли, что я перед вами должен поставить вопрос об освобождении меня от должности, обязанностей кандидата в члены Политбюро. Соответствующее заявление я передал, а как будет в отношении первого секретаря городского комитета партии, это будет решать уже, видимо, пленум городского комитета партии…»{1148}

Ельцин еще мгновение постоял за трибуной, словно желая что-то добавить, но затем тяжелой походкой пошел на свое место в зале. С минуту стояла тишина, но уже предгрозовая. Нарушил ее генеральный секретарь:

«Что-то тут у нас получается новое. Может быть, речь идет об отделении московской парторганизации? Или товарищ Ельцин решил на пленуме поставить вопрос о своем выходе из состава Политбюро, а первым секретарем МГК КПСС решил остаться? Получается вроде желания побороться с ЦК. Я так понимаю, хотя, может, и обостряю»{1149}.

Опытный аппаратчик, Горбачев уже знает, что сейчас, после его «репризы», все начнут топтать еретика. Когда это было, чтобы на пленуме критиковали генерального секретаря? Ведь Ельцин к тому же выразил сомнение в перестройке. Маловер и амбициозный человек…

Генсека тут же поддержал лес рук и затем выступлений. Лигачев, Рыжков, Воротников, Чебриков, Шеварднадзе, Громыко и многие другие… Ельцина действительно топтали: «клевета», «демагогия», «бездоказательность», «капитулянтство», «капризы», «примитивизм»… Горбачев добивал Ельцина:

– Ты что, настолько политически безграмотен, что мы ликбез этот должны тебе организовывать здесь? (Как всегда – «ты»…)

Генсек назвал сумбурную, но мужественную речь Ельцина «выходкой», которая отодвинула обсуждение на пленуме главного доклада… «Лично я рассматриваю как неуважение к

Генеральному секретарю… Ведь вот что он сказал: за эти два года реально народ ничего не получил…»

Выступили 27 членов ЦК! Однако кроме ГА. Арбатова, который осторожно пытался защитить Ельцина, все его осудили. Мало кто мог тогда предвидеть: с этого дня начнется моральное, а затем и политическое восхождение Ельцина.

С этого дня начнется политическая борьба двух лидеров, которая будет продолжаться четыре года! Пока путч в августе 1991 года не сорвет подписание нового Союзного договора и не подтолкнет СССР к трагическому распаду. Группа авторов Российского Независимого института социальных и национальных проблем подготовила специальную книгу документов: «Горбачев-Ельцин: 1500 дней политического противостояния».

Это было драматическое соперничество двух крупных лидеров переходного периода от тоталитарного к демократическому обществу. Первый, Горбачев, солировал в начальное пятилетие перестройки, второй – в последующие пять лет. Горбачев явно недооценил Ельцина, который быстрее, чем генсек-президент, освобождался от догматических пут коммунистических стереотипов и четче нащупал пути демократизации общества. Вместе с тем Горбачев смог серьезно повлиять на международный климат. Его вклад в ослабление угрозы ядерной войны огромен. А внутри СССР именно Горбачев, не без советов мудрого А.Н. Яковлева, открыл шлюзы гласности, в результате чего не бомбы, не террор, не директивы всесильного ЦК ликвидировали ленинский тоталитаризм, а правда, истина о самих себе и окружающем мире. Может быть, это самый потрясающий пример из мировой истории, когда истина смогла сделать то, что было не по силам фантастически мощным материальным системам.

В этом противостоянии оба допустили немало ошибок, повлиявших на будущее страны. Нам, летописцам, сегодня легко говорить о них, этих ошибках, а два лидера, в силу разного понимания сути перестройки и демократизации, должны были часто принимать крупные решения, не имея в своих взаимоотношениях «общего знаменателя». Лишь в конце противостояния, когда в результате скачкообразного роста, даже просто взрыва, национализма и сепаратизма в республиках неумолимо нависла угроза распада Союза, президент СССР и президент РСФСР попытались теснее скоординировать свои усилия. Но было уже поздно. Я сам являлся свидетелем попыток того и другого форсировать подготовку к подписанию нового Союзного договора, конфедеративного по своей сущности.

Казалось, сделать это все же удастся. Но промедление Горбачева со сроками подписания дало время непримиримой верхушке из ЦК, путчистам, подтолкнуть шатающееся здание Союза…

С октября 1987 года перед мысленным взором пробегают бесчисленные кадры драматических событий, которые и составляют нашу многострадальную историю. Уже историю…

Многое потом будет: смелые выступления, зовущие фактически к бунту против КПСС, демонстративный выход из партии, знаменитая речь с танка у Белого дома, унижение Ельциным Горбачева, опять заговорившего о социализме на заседании Верховного Совета после Фороса, попытка спасти Союз путем придания ему конфедеративных черт… Но в общенационального лидера Ельцин стал превращаться именно после его сумбурного, нескладного выступления на пленуме ЦК 21 октября 1987 года. Отныне Горбачев будет олицетворять перестройку, которая, как говорили в народе, пока ему «ничего не дала» (но мы теперь знаем – дала!), а на Ельцина возложат роль правдолюбца, обличителя, борца за простых людей, за «настоящую» перестройку.

После освобождения Ельцина от горкомовских обязанностей Рыжков, обсудив с Горбачевым, сделал официальное предложение в ЦК КПСС:

«Вносится предложение об установлении дополнительной должности первого заместителя председателя Госстроя СССР и об утверждении т. Ельцина Б.Н. первым заместителем председателя Госстроя СССР – министром СССР». Здесь же пометка: «Проголосовано с членами политбюро. Горбачев»{1150}.

У Ельцина возникла пауза, где ему предстояло осмыслить, что и как делать дальше.

Психологически многое можно было объяснить: через два-три года «обновления» бесспорный позитивный результат был достигнут лишь в одной области – гласности. Но это огромное достижение! Историческая значимость этого феномена бесспорна и велика. По сути, это духовный информационный рычаг грядущих кардинальных перемен, открывающий пути к подлинной свободе. Но народ, сформированный за семь десятилетий, еще не был способен в полной мере оценить судьбоносное значение свободы, понимание того, что свободный человек, свободное общество могут сделать все, что необходимо для достойной жизни. Свободу как высшее благо многие люди не в состоянии были оценить. Ее ведь у них никогда не было…

Беда Горбачева и его политбюро заключалась в том, что они спонтанно выдвигали задачи: одну, другую, третью, пытаясь решить проблемы, не являющиеся ключевыми.

Пленум по кадрам в январе 1987 года, тоже названный «историческим»; создание государственной приемки; неуклюжая борьба с пьянством; поверхностные эксперименты с повышением хозяйственной самостоятельности; пленум по «радикальной» экономической реформе в июне 1987 года, абсолютно не затронувшей глубинных основ материальной жизни общества. «Перестройка» управления, несмотря на все косметические новшества, например, с самоуправлением, сохраняла суть директивного руководства всем народнохозяйственным комплексом. Закон о государственном предприятии, который до принятия по большевистской старинке «всенародно» обсуждался, по сути, ничего не изменил в «социалистическом» подходе к экономике и правам собственности. А Горбачев на весь мир заявил, что «июньский пленум ЦК КПСС, его решения, по сути дела, завершают построение современной модели экономики социализма…»{1151}.

В истории всегда рискованно претендовать на что-либо «завершенное». Новая «модель» социалистической экономики оказалась, естественно, чуть отретушированной копией давно уже существовавшей в СССР. Ни у Горбачева, ни у других членов политбюро не возникло и мысли обратиться к многовековому людскому опыту свободного рынка в его цивилизованном исполнении.

Все разговоры Горбачева о «демократизации планирования», «гласности планирования», новой «роли госзаказов», «стимулирующих факторах социалистического рынка», «новом понимании централизма»{1152} были не чем иным, как попыткой «обновить», «улучшить» и сохранить обанкротившуюся ленинскую систему. Думаю, Горбачев искренне верил тогда в то, что говорил. Но все это являлось продолжением глубокого ленинского заблуждения.

Конечно, рассуждая сегодня об этих вещах, мы не находимся в положении Горбачева тех лет, когда «перестройка» уже начала «захлебываться». Ему нужно было принимать решения, действовать, а не анализировать ситуацию, как делаем это спустя годы. История не ставила перед ним восклицательных знаков, в основном они были вопросительными…

Оказалось, что Горбачеву легче рассуждать о «новом мышлении для всего мира», сохраняя сугубо старое мышление для мира социалистического. В этом все дело.

Горбачев пытался реформировать систему, которая полностью выработала свой исторический ресурс. Он лукавит, когда утверждает (многократно), что мог бы «поцарствовать», ничего не меняя, еще десяток лет. Но, дескать, не захотел

«царствовать».

Смею утверждать: не смог бы. Импульсы перемен (правда, административных) начались еще с Хрущева и продолжились у Андропова. К моменту «коронации» седьмого «вождя» система уже находилась в таком состоянии, когда нужно было обязательно что-то предпринимать. Возвращаться к Сталину – невозможно, да и сам Горбачев совершенно не был способен к этому. Перемены назрели, они бы произошли, приди к власти Горбачев или кто-то другой. Страна находилась у той черты, когда стоять у обрыва было уже нельзя: требовалось или отступать в прошлое, или строить новый мост в будущее. Горбачев и попытался это сделать. Честь ему и хвала за это. А разговоры, что он мог бы «царствовать», ничего не меняя, являются попыткой приписать себе роль мессии, роль человека, способного направлять русло потока истории по своему желанию… Видимо, плохо читал Горбачев Г.В. Плеханова…

Нужна была «новостройка», а не «перестройка». Но Горбачев до самого августа 1991 года этого не понял. Хотя его помощник А.С. Черняев, судя по его дневниковым записям, давно об этом задумывался. Но в том не вина Горбачева. Настоящему коммунисту трудно, просто невозможно, писал генсек, «изменить общественную систему, обратиться к методам и формам, характерным для другого социального строя»{1153}. Так думал не только он, но и миллионы других коммунистов. Но ведь Горбачев – лидер, «вождь». К нему исторические требования иные…

Горбачев не мог, да, вероятно, ему и не позволили бы радикально менять общественную систему. «Перестройка» сама незаметно вползла в фазу «застоя», когда провозглашение лозунгов о новой «революции», новых «этапах», о том, что «больше социализма – это больше демократии», уже ничего само по себе не могло изменить без создания новых основ.

Генсек занервничал. Порой его действия стали импульсивны, слишком эмоциональны. Нить реформ ускользала из рук, а положение в стране ухудшалось теперь не только в экономической, но и в политической и национальной сферах. В этих условиях критика его действий чрезвычайно раздражала генсека. Он никак не мог смириться с тем, что Ельцин, которого он «вытащил» из Свердловска, вывел на общесоюзную арену, не только проявляет своеволие, но и пользуется быстро растущей популярностью у людей.

Горбачев любил себя больше, чем следовало. Не надо протестовать. Об этом он не может знать. Это видно лишь со стороны. Провинциализм еще продолжал сидеть в его душе.

Ельцин иррационально раздражал Горбачева. Как писали В.

Соловьев и Е. Клепикова, «между Горбачевым и Ельциным возникло соперничество, которое в одинаковой мере можно назвать личным и политическим. Произошло это уже на спаде начатой Горбачевым революции, когда вызванные к жизни им же самим события вышли из-под его контроля. В этот самый момент у Горбачева, психически вполне здорового человека, и появился идефикс: что бы ни случилось, он во всем винил Ельцина. Тот стал для него бельмом на глазу. Скоро дойдет до того, что Горбачев любой разговор будет сводить на Ельцина. Все в нем Горбачева раздражало – и его критика, даже если она и не была лично против него, Горбачева, и его популярность, растущая прямо пропорционально падению популярности Горбачева, выходило как бы, что Ельцин оттягивал народную любовь на себя…»{1154}.

Отношения между Горбачевым и Ельциным еще более обострились после XIX партийной конференции КПСС, состоявшейся в июне 1988 года. Вначале все шло как всегда. По инерции делегаты вновь вставали, когда в президиуме показался Горбачев, когда дали ему слово. Говорил он об уже примелькавшихся вещах: политической реформе, повышении роли Советов, слабой реализации Продовольственной программы, о том, почему не все довольны перестройкой, вновь вспоминал Ленина…

Делегации, в которую я входил, были отведены места на балконе Дворца съездов. Надо же было так случиться, что немного впереди меня сидел и Б.Н. Ельцин в составе, кажется, карельской делегации. Он сразу же, еще не дослушав до конца доклада генсека, послал в президиум записку с просьбой дать слово. Время шло, шли дни конференции, на трибуну выходили все новые и новые ораторы (делегатов всколыхнули выступления Абалкина, Бондарева, Бакланова, некоторых других), а Ельцину слова так и не давали. В перерыве он сказал:

– Хотят заткнуть мне рот…

Конференция катилась к концу, а «мятежник» так и не мог выступить. Тогда он резко поднялся и пошел к выходу, а через несколько минут все его увидели в зале, где он прошел и сел в первом ряду. Было ясно, он хочет выйти на трибуну. Горбачев, поняв это, поднялся и вышел. Подбежали люди в одинаковых серых костюмах и пригласили Ельцина тоже выйти. Шла «обработка» строптивого. Но через одного выступающего все же дали слово и Ельцину. Речь его была вновь довольно сумбурной, но откровенно критической по отношению к политбюро, генсеку, ходу перестройки. Примерно треть зала встретила и проводила Ельцина тепло, остальные – настороженно и даже враждебно.

Лигачев и еще ряд делегатов свои выступления в дальнейшем посвятили в основном «антиельцинской» теме.

В зале гигантского дворца после выступления Ельцина явно поселился дух конфронтации: старой партократии и новых, демократических веяний. Межа, которая пролегла между Горбачевым и Ельциным, стала еще шире и глубже…

К сожалению, в образовавшемся радикально-демократическом крыле (и в партии, и в обществе) Горбачев вольно или невольно видел не оппонентов, а врагов. Старая большевистская методология мышления слишком сильно засорила всем нам головы. Генеральный секретарь не мог быть исключением, даже, скорее, по положению, наоборот.

В 1989–1991 годах на заседаниях политбюро тема оппозиции – «оппортунистов», «радикалов», «антикоммунистов», «региональщиков» – слишком часто встречается в ткани обсуждения любых вопросов. Впрочем, чем ближе к «развязке» перестройки, тем больше говорят и меньше делают.

Многочасовые заседания партийной коллегии, где, как всегда, больше других выступает Михаил Сергеевич, свидетельствуют о растерянности высшего руководства, у которого нити управления страной медленно, но неуклонно ускользали из рук. Горбачев то и дело подбадривал: нужны конкретные дела, каждый на своем участке должен продвигать наш курс, нашу политику. И иногда говорил еще определеннее: «Надо не поддаваться и не паниковать»[{1155}].

Похоже, что одну из причин нараставших трудностей Горбачев, к сожалению, видел в активности политической оппозиции, которую он, порой не очень уважительно, с оттенком пренебрежения, называл «демократами». Ругая на заседании политбюро межрегиональную группу демократически настроенных народных депутатов, где был и великий Сахаров, генсек говорил: «Мы смотрим на это, словно интеллигенты сопливые, хотя и видим, что перед нами перерожденцы и перевертыши, а не можем их поставить на место. Нет, это просто недопустимо!»

Большевистские «вожди» во времена смут видят в интеллигенции дрожжи смятения. Горбачев, как и Ленин, ищет для интеллигенции эпитеты. У Ленина – «г-но», у Горбачева – «сопливая». Интересно, себя Михаил Сергеевич относил к интеллигенции?

«…Я вам прямо скажу: 80 процентов участников региональной группы – нормальные люди. Есть там группа политических авантюристов, несостоявшихся «вождей», так сказать… Вот этим надо нанести идейное поражение… Есть там и

отпетые люди, вроде вот этих «вождей»…»{1156}

Говоря о демократии как стержне перестройки, Горбачев, к сожалению, не хотел признавать ее носителей и выразителей. По его инициативе на заседании политбюро 22 марта 1990 года приняли специальное постановление: «Считать целесообразным… придерживаться линии на идейное и организационное размежевание со сторонниками «Демократической платформы»…»{1157} «Демократы» в партии оказались лишними.

Иногда неприязнь Горбачева к Ельцину принимала весьма неприличные формы. Но слова из песни не выкинешь…

Идет очередное длинное-длинное заседание политбюро. На дворе весна, 3 мая 1990 года. Как проводить XXVIII съезд КПСС, Российскую партконференцию, очередной Съезд народных депутатов СССР… Съезды, съезды… Перестройка все больше захлебывается: улучшать и обновлять советский социализм стало практически невозможно. Пять лет перестройки это подтвердили. Но, оказывается, этому есть и персональные «виновники».

«Горбачев:…Почему подхватил Ельцин вопрос образования РКП? Все подхватывает, чтобы играть… Использовать для того, чтобы пробраться к власти в России. И через Россию взорвать и КПСС, и страну… Это не цели социализма, обновления социализма. Все это только демагогическая маскировка. Им нужна власть. Это абсолютно всеядная публика. Они готовы потом проглотить и себя (?! – *Д.В.),* сомкнуться с самыми «твердыми марксистами и даже диктаторами»… Важно лишь добраться до власти. Но это опасная публика… Она при определенных условиях может загубить всю перестройку, похоронить все надежды на облагораживание (??! – *Д.В.),* обновление нашего общества»{1158}.

Сумбурная от негодования речь Горбачева об «опасной и всеядной публике», оппозиции от «демократов» сводится в конечном счете к тому, что именно она может «загубить перестройку» и помешает «облагораживанию» общества. Демократическая оппозиция для генсека враждебна… Через пять лет, в августе 1994 года, в интервью Марку Дейчу он уже будет говорить другое, что «режиму Ельцина», мол, «недостает» демократической альтернативы… которая бы вступила в политический процесс, с тем чтобы оппонировать этому режиму»{1159}.

На этом же заседании при обсуждении совсем другого вопроса вновь стали говорить о Ельцине. Вдруг у одного из членов политбюро возникла идея: вызвать на теледебаты российского лидера и скомпрометировать его. Начали говорить чуть ли не хором: «Выделить хорошего журналиста. Задать

вопросы по Литве, по Курильским островам, о спиде». Кто-то вставил: «Ельцин пырнул себя ножницами…» В этом же духе разговор о Ельцине продолжался.

«Горбачев: Слывет за нашего человека. Полведра выпил – это такая сила!»

Кто-то в горбачевском тоне «подбросил» еще идею: мол, больной Ельцин человек…

«Горбачев: Да, я уверен… Мы все время из моральных соображений исходим, а там никакой морали нет…»

В конце «обсуждения» генсек подытожил, что все это – банда авантюристов, просто подонков политических…{1160}

Такая вот мораль. Теперь ясно, откуда появлялись разные недостойные легенды о Ельцине, с тех еще перестроечных пор…

Личная неприязнь, глухое, а затем и открытое неприятие не только как политического оппонента, но и просто как человека.

Но в чем же была суть их конфликта?

Помощник Горбачева А.С. Черняев, написавший о своем шефе интересную, несмотря на ее определенную апологетичность, книгу, высказывает проницательное суждение: генсек и президент совершил роковую ошибку в главном. «Вопреки тому, что сам неоднократно провозглашал: задача перестройки – высвободить естественную логику развития общества, а не навязывать ему очередную схему, – он взял на себя роль главного конструктора, а в придачу еще и прораба в строительстве «нового» общества. Но это стало объективно невозможно…»{1161}

Горбачев не был готов, не мог и не хотел «перестройки», которая бы привела к смене старого, большевистского, тоталитарного (даже «улучшенного») строя новым – цивилизованным и демократическим. Но не социалистическим. Это – главное.

А Ельцин, вначале подспудно, иногда невнятно, непоследовательно, но постепенно все определеннее выступал именно за **смену** строя. Два лидера, которые после осени 1987 года взглянули на перестройку разными глазами. Горбачев по-прежнему «обновленческо»-социалистическими, а Ельцин фактически «прокапиталистическими». Партийный изгой, удаленный (правда, по собственному «заявлению») из политбюро и горкома партии столицы, Ельцин не стеснялся в публичной критике президента СССР, цеплявшегося и за пост генсека. Правда, 25 апреля 1991 года Горбачев хотел сам уйти с поста генерального секретаря, но ему «не позволили».

Как правило, критика Горбачева, сводившаяся к трафаретным тезисам оппозиции о «нерешительности» перестройки, диктате центра, отсутствии «стратегии перемен», выводила из себя

генсека. Например, когда Ельцин выступил 16 октября 1990 года в Верховном Совете РСФСР и заявил, что Россия не допустит старого командования собой центром, Горбачев тут же «завелся»:

«…Ельцин рвется в президентское кресло… в такой момент. Да, он просто не в себе. Науськивает на меня свое окружение… Им надо дать хорошо по морде…»{1162}

Где только мог, Горбачев подставлял Ельцину «подножку». Во время зарубежных поездок высшие должностные лица ряда стран «полупринимали» российского руководителя. Вот один пример. В начале 1991 года китайской и российской сторонами неоднократно, но не официально обсуждался возможный визит Ельцина в Пекин. Горбачев, естественно, не желал этого. Министр иностранных дел СССР А.А. Бессмертных, зная об этом, внес следующее предложение. Порекомендовать «китайским товарищам пригласить Б.Н. Ельцина по линии правительств трех китайских провинций (Северо-Восточный Китай), которые непосредственно граничат с Советским Союзом и имеют широкие связи и сотрудничество с РСФСР. Если после поездки в эти три провинции Б.Н. Ельцина захочет принять кто-то из китайских руководителей в Пекине, это их дело. Но это уже не будет визит в Китай.

Прошу рассмотреть».

Генсек, он же президент, наложил резолюцию: «Согласен с предложением. М. Горбачев»{1163}.

Как писал позже Ельцин: «Всем известно, что Горбачев был и остается приверженцем социализма с человеческим лицом. В теории это выглядит красиво. А на практике, бывший генеральный секретарь настолько боялся болезненной ломки, резкого поворота, был человеком настолько уверенным в нашей советской системе, пронизанным ею до мозга костей, что поначалу сами понятия «рынок», «частная собственность» приводили его в ужас…

Самой природой созданный для дипломатии, компромиссов, мягкой и сложной кадровой игры, Горбачев рыл себе яму, окружая себя «типичными представителями» нашей советской государственной машины… Горбачев подталкивал свою команду к резкой смене курса, в то время как собственная политическая судьба вела Михаила Сергеевича к диалогу с левыми силами, к политическому компромиссу с демократами»{1164}.

Для Ельцина разрыв с коммунистическим прошлым был очень непростым. Только легковесно думающие люди полагают, что «еретиком» он стал на волне популизма и личной конфронтации с Горбачевым. Я никогда не забуду, как на последнем съезде, взяв слово, он заявил с трибуны о своем

выходе из КПСС.

Выступление было кратким, но шокирующим зал. «В связи с избранием меня Председателем Верховного Совета РСФСР и огромной ответственностью перед народом и Россией, – заявил Ельцин, – с учетом перехода общества на многопартийность, я не смогу выполнять только решения КПСС… Поэтому я в соответствии со своими обязательствами, данными в предвыборный период, заявлю о своем выходе из КПСС…»{1165}

Он прошел недалеко от места, где я сидел в зале, и я видел, каким серым стало его лицо…

Сначала наступила тишина, а затем послышался все нарастающий гул осуждения и враждебности. А Ельцин тем временем тяжелым шагом, ни на кого не глядя, выходил из зала…

Через несколько дней при моей встрече, когда речь зашла о съезде, он вдруг сказал:

– Заявив о своем выходе из партии, я словно что-то оторвал в своей груди… Всю ночь не мог уснуть…

Освобождение от многолетних духовных пут для Ельцина не было легким. В известном смысле это драма всей прожитой жизни, крутой, неведомый поворот.

Интеллектуальная бессонница – это всегда символ тревоги человеческого разума.

Постепенно отношения Горбачева и Ельцина накалились до такой степени, что генсек не мог спокойно говорить о Ельцине. Почти с каждым крупным зарубежным деятелем заводил при встрече разговор о нем, не стесняясь порой в выражениях. За Ельциным пристально следили: каждый шаг его фиксировался спецслужбами. Любой телефонный разговор российского лидера прослушивался. После августовского путча в кабинете у Болдина, начальника аппарата Горбачева, следователи прокуратуры нашли в двух сейфах горы папок с текстами разговоров Ельцина. «Меня, – вспоминает Ельцин в своей книге, – в течение нескольких лет записывали – утром, днем, вечером, ночью, в любое время суток…»{1166} Здесь «перестройка» не предусматривалась.

Но в 1991 году, с самого его начала, сложились объективные предпосылки сближения Горбачева и Ельцина, а точнее, тех сил, интересы которых они выражали. Если бы это произошло, возможно, сегодняшняя история была бы в значительной мере другой. Их объективно толкала навстречу друг другу растущая опасность распада СССР. Ново-огаревский процесс, начавшийся 24 мая 1991 года и имевший целью заключение нового договора о Союзе Суверенных Государств, мог иметь судьбоносное значение для будущего. Ельцин пошел навстречу новому союзу. Еще 4 мая

1991 года он заявил, что встреча высших руководителей десяти республик и президента Горбачева – «большое событие», ибо достигнуто принципиальное согласие заключить новый «Союз суверенных государств, добровольно объединяющихся между собой»{1167}. Союз сохранится – а это главное, заявил Ельцин.

Должен здесь сказать, что я, как депутат российского парламента, исходя из своих небольших возможностей, все, что мог, делал для сближения Горбачева и Ельцина, видя в этом исторический шанс не только продолжения кардинальных перемен в стране, но и сохранения Союза, страны, где я родился вместе с миллионами своих соотечественников. Два моих выступления – на Съезде народных депутатов РСФСР в Кремле и в Верховном Совете республики – ставили вопрос о глубокой необходимости того, чтобы Горбачев и Ельцин протянули друг другу руки политического согласия во имя будущего России. Им совсем не обязательно «любить» друг друга. Но конструктивно взаимодействовать, сотрудничать – совершенно необходимо. Более того, не имея возможности весной 1991 года встретиться с Горбачевым (мне дважды ответили, что он очень занят), я вместе с СВ. Степашиным (мы с ним были сопредседателями парламентской фракции «Левый центр») и тогда еще генерал-полковником К.И. Кобецом, членом нашей фракции, поехали к председателю КГБ В.А. Крючкову, чтобы передать через него наши пожелания Горбачеву. Шеф КГБ встречался с Горбачевым очень часто. Он принял нас весьма дружелюбно, даже предлагал коньяк во время беседы, процитировал какое-то мое выступление или фрагмент из статьи…

По согласованию со Степашиным и Кобецом мной было сказано, что в нынешней чрезвычайно сложной и взрывоопасной политической обстановке было бы исключительно важно осуществить шаги, которые бы смягчили противостояние республик и центра, Ельцина и Горбачева. Нужен компромисс во имя будущего, конструктивное взаимодействие, даже какое-то джентльменское соглашение. Можно было бы сделать так, заявил я, чтобы Горбачев приехал на заседание Верховного Совета РСФСР с «мировой», то есть выступил бы с примирительной речью, несущей практические позитивные начала политической стабильности и сохранения Союза. Конфронтация не принесет лавров ни тому, ни другому лидеру. Мы сказали Крючкову, что нас никто не уполномочивал на данные предложения (что было в действительности так): просто это наша парламентская (в рамках фракции) инициатива и гражданский долг.

Если нам удастся ликвидировать противостояние двух самых популярных и авторитетных лидеров СССР и России, то процесс

реформ обретет новое дыхание, заключил я свои размышления вслух.

Крючков, как мне показалось, достаточно энергично поддержал идею, сказав, что фактически ежедневно видит Горбачева и постарается убедить его пройти свою часть пути к «мировой».

Мы уехали с надеждой. Но, как теперь знаем, никаких серьезных шагов со стороны Горбачева, как «старшего» в этом несостоявшемся тандеме, предпринято не было… А может быть, наши слова ему просто не передали?

Набравшему силу Ельцину угрожали. Думаю, не спонтанно и не просто «бытовые» его ненавистники.

Помню, как-то вечером в Белом доме проходило заседание Высшего Консультативного Совета (ставшего потом президентским). Ельцин вел заседание, после которого он должен был улететь обычным рейсовым самолетом в Якутию. В ходе заседания Борис Николаевич передал мне две телеграммы. Суть обеих была одна: «Если полетите сегодня в Якутск, то самолет будет взорван в воздухе. Подумайте…»

После заседания я подошел к Ельцину и сказал:

– Может быть, действительно перенести поездку в Якутию? С этим шутить нельзя…

– Это «они» меня испытывают, проверяют, – ответил Борис Николаевич. – Может быть, надеются, что я дрогну.

В ночь он вылетел в Якутск. Можно только догадываться, какие чувства испытывал в полете российский лидер.

Ельцин вспоминал, что ситуация переговоров в Ново-Огареве, одной из резиденций президента СССР, «диктовала (и позволяла) нам с Горбачевым оставаться в процессе переговоров нормальными людьми. Отбросить личное. Слишком высока была цена каждого слова…

После переговоров мы переходили обычно в другой зал, – писал Ельцин, – где нас ждал дружеский ужин, любимый горбачевский коньяк – «Юбилейный». Выходили мы после ужина, подогретые и волнующей обстановкой встречи, и ужином»{1168}.

Дело шло к созданию не «социалистического» союза, а фактически крупной конфедерации с единым экономическим пространством, единой армией, общими границами, единой валютой… Горбачев и Ельцин видели в этом, возможно, реальный шанс сохранить то, что раньше именовалось «СССР».

«И тем не менее, – вспоминал Ельцин, – назвать простыми наши отношения с Горбачевым в тот момент было никак нельзя. Сделав шаг навстречу России в ново-огаревском процессе, Горбачев по-прежнему изо всех сил пытался не допустить моего

избрания Президентом России»[1169].

Президентами стали оба. Михаил Сергеевич Горбачев предпочел путь полегче и покороче. Он не захотел попытаться получить всенародную поддержку на выборах. То ли опасался за их исход, то ли ему не терпелось стать первым (и последним, увы) в истории СССР президентом страны. На очередном заседании Съезда народных депутатов 27 марта 1990 года было объявлено, что состоявшееся вечером, накануне, голосование депутатов дало такие результаты: из 2486 голосовавших 1834 отдали свои голоса Горбачеву. Генсек сиял, едва скрывая свое волнение. Он словно забыл, что стал высшим лицом в государстве не благодаря всенародному волеизъявлению.

Ну а Ельцин, думаю, поступил мудрее: он обратился к народу и 12 июня 1991 года на первых в истории всенародных выборах первого лица в государстве стал президентом, уверенно победив в первом туре всех своих оппонентов. Всенародная искренняя поддержка на выборах еще выше подняла популярность российского лидера. Горбачев сдержанно, но достойно поздравил первого президента России и пожелал «сотрудничества и согласия в обновленном многонациональном государстве, чему и должно служить заключение нового Союзного договора».

2 августа 1991 года Горбачев, находясь в Форосе, новом крымском дворце, отстроенном специально для президента СССР, выступил по всесоюзному телевидению с заявлением, что новый Союзный договор открыт для подписания с 20 августа этого года… Но почему 20-го? Почему не раньше? Зачем сидел Горбачев в злополучном Форосе? Зачем оттягивал то, что можно было сделать раньше?

А 19-го, за день до объявленной даты, как знает теперь весь мир, произошла попытка государственного переворота, окончательно подтолкнувшего СССР к печальному распаду. Об этих трех драматических днях, означавших «смену эпох», как я выразился в своем интервью по радио в госпитале[1170], создана уже целая литература…

Попытки Варенникова и других гэкачепистов обвинить то Горбачева, то Ельцина в «развале СССР» исторически несостоятельны. Это ГКЧП не дал свершиться подготовленному акту – подписанию Договора о Союзе Суверенных Государств. Не дал! Ведь 20 августа должно было состояться очень важное: рождение нового, обновленного Союза. А гэкачеписты сорвали этот акт. Горбачев решился-таки наконец отказаться от социалистической химеры, но, увы, было уже поздно. Консервативная, точнее, реакционная часть окружения Горбачева, ЦК КПСС, не могла расстаться с идеей «реального социализма».

Горбачев своей нерешительностью к предательскому окружению президента создал определенные предпосылки авантюристического, бутафорского путча. Но его, этого заговора, хватило для разрушения Союза старого и недопущения образования Союза нового…

Горбачев, пережив с семьей в Форосе огромное психологическое потрясение, двадцатого утром (но почему не девятнадцатого?!) подпишет «Заявление», где первый пункт гласил: «Принятое на себя Г.И. Янаевым исполнение обязанностей Президента под предлогом моей болезни и невозможности исполнять свои обязанности есть обман народа и, таким образом, не может быть квалифицировано иначе, как государственный переворот»{1171}.

Путч провалился по многим причинам. Главная – народ не захотел возвращаться в прошлое. Но заговор был сорван и потому, что призывы, подобные тем, которые адресовал, например, в штаб ГКЧП генерал Варенников, там не смогли реализовать:

«…Мы все убедительно просим немедленно принять меры по ликвидации группы авантюриста Ельцина Б.Н.»{1172}. Не выполнено было и намерение гэкачепистов об «уничтожении 18 августа ночью самолета в воздухе, на котором следовала в Москву делегация Российского правительства во главе с Ельциным из Казахстана…»{1173}.

Судьбе было угодно в тот драматический момент сохранить Ельцина. А он, в свою очередь, сохранил Горбачева. Возможно, и для того, чтобы оба в своих воспоминаниях позже писали друг о друге колкости и сообщали обидные подробности… Союз этих людей, к сожалению, не состоялся. А все могло быть тогда по-иному, «по-ладному».

В действительности, думаю, где-то за порогом XXI века, в его неведомой нами сегодня глубине, историки скажут не только о противостоянии двух политиков мировой величины. Видимо, антиномия их взаимоотношений будет поглощена главным: Горбачев и Ельцин – есть личностное олицетворение драматической Реформации в гигантской стране.

Первый начал свою утопическую попытку «обновления» социализма, невольно для себя открыв шлюзы естественному историческому потоку, который так мучительно трудно смывает развалины ленинизма.

Второму, который впервые в многовековой российской истории стал всенародно избранным лидером, пришлось заняться не столько разрушением, сколько созиданием цивилизованного демократического общества на обломках и среди хаоса,

оставшихся после большевистского эксперимента. Задача эта оказалась не менее трудной, чем ликвидация коммунистической системы.

История и время воздадут должное обоим. Прошлое чаще упрекает, а будущее обычно оправдывает…

Исторический Горбачев

Наша жизнь в Истории – мгновение. Мы все живем быстротекущим настоящим, с горечью и любопытством оглядываясь во мглу прошлого, безуспешно пытаясь приподнять полог грядущего.

Сегодня Горбачев – наш современник. За всю советскую историю он, после Ленина, вызвал самые кардинальные и необратимые перемены в нашем отечестве. Сегодня многие, как и в середине восьмидесятых, видят в нем Избавителя, не меньше и тех, кто расценивает его лишь как Разрушителя, но множится число и равнодушных к этому выдающемуся историческому деятелю.

Горбачеву, чувствую, горько уходить с освещенной мировой политической сцены за кулисы. Это можно и нужно понять. Он еще живет «перестройкой», живет борьбой и тревогами, на что-то надеется. По крайней мере, если не на понимание современников, то на благодарность грядущих соотечественников. Одно можно сказать с полной определенностью: время его навсегда ушло. Даже если он попытается сыграть какую-то конкретную государственную роль. Но голос Горбачева будет долго слышен. Первый, к сожалению, последний президент СССР, хотя и не избирался народом, вошел в нетленную книгу мировой истории так же, как Лютер, Кромвель, Бисмарк, Керенский. Да, Керенский, выдающийся российский демократ, не оцененный и по сей день на родине. И сейчас не все понимают, что в известном смысле Горбачев помог, возможно, против своего желания, направить Россию по февральскому, прерванному, пути 1917 года. Как и Керенский, Горбачев ушел как будто побежденным. Именно «как будто». История лаврами победителей увенчивает своих лауреатов обычно много лет спустя. Ленин, которого так чтит Горбачев, казался победителем на все времена, но в его октябрьском триумфе Милюков, Мартов, Плеханов, Керенский и другие проницательные россияне увидели смутные очертания неизбежного исторического поражения. Сегодня мы знаем, что именно они оказались правы.

Горбачев как историческая личность не заслуживает обвинений и не нуждается в оправданиях. Он начал, не

полностью осознавая, возвращение России к общечеловеческому пути. Но важно и ему (если он хочет, чтобы его силуэт на экране Истории не стал более расплывчатым) никого не обвинять и не оправдывать. Политический деятель такого масштаба не должен быть ни прокурором, ни адвокатом. Горбачев находится сегодня на великолепном пиршестве спокойных размышлений. Убежден, что, когда собственная жизнь дает богатую пищу для таких раздумий, это прекрасное, возвышенное состояние души. Горбачев имеет на это право. Ему не нужно сейчас кого-то перехитрить, «перекричать», убедить, обозначить партии еще один «решающий этап»…

Правда, такие люди всегда стоят перед большим соблазном лишний раз посмотреться в холодное зеркало Истории. Но истинный облик это зеркало отразит не сейчас, а много, много лет спустя.

Я не встречал нигде упоминаний о том, любит ли Горбачев поэзию. Но ему стоит полистать мятежного В.Ф. Ходасевича, умершего эмигрантом в Париже еще до начала Второй мировой войны. У него есть строки:

А под конец узнай, как чудно
Все вдруг по-новому понять,
Как упоительно и трудно
Привыкши к слову – замолчать.

Ибо теперь о Горбачеве будет «говорить» не сам он, а История.

Каким был Горбачев как руководитель, совместивший два высших поста в СССР: Генерального секретаря и Президента? Все написанное мной выше, надеюсь, помогает это понять, но тем не менее хотелось бы сделать еще несколько мазков на портрете седьмого «вождя».

Горбачев, проживший большую часть своей жизни незаметным провинциальным руководителем, оставался таким же и в составе политбюро. Лишь когда смертельно больной Черненко смог с помощью властвующих стариков в партийном синклите получить на несколько месяцев бразды правления, здесь многие сразу же посмотрели в сторону Горбачева. Было бы постыдным выдвигать следующего очередного старца после ожидавшейся всеми кончины Черненко. Почувствовал это, думаю, и сам Горбачев. Но он не форсировал события. Его козырем была относительная молодость: он мог быть уверен, что его время обязательно придет. А пока он просто ждал.

Поэтому странными выглядят утверждения тех, кто считает,

что идеи «утробного процесса перестройки» были высказаны Горбачевым еще в докладе 10 декабря 1984 года на конференции «Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС». В книге бывшего члена политбюро и близкого соратника генсека В.А. Медведева утверждается, что доклад Горбачева – это «основной предперестроечный документ». Доклад, мол, «отличался явной новизной». В нем якобы «давалась реалистичная и максимально критичная для того периода оценка развития страны и в обобщенном политическом виде сформулирована задача ускорения социально-экономического ее развития…». Медведев утверждает, что «на общественность… конференция произвела большое и глубокое впечатление… Горбачев заявил о себе как о крупном политическом лидере, глубоко разбирающемся и в экономике, и в политической жизни, и в международных отношениях…»{1174}.

Мне довелось быть на этой конференции. И я был внимательным слушателем. Действительно, на Горбачева все смотрели с повышенным интересом, как на наиболее потенциально возможного преемника умирающего Черненко. Что же касается самого доклада, то с полной уверенностью скажу, что он был традиционно «цэковским», каких было прочитано множество и при Брежневе, и при Андропове. И дело не в цитировании пока еще живого генсека… Это было обязательным ритуалом.

Дело в том, что почти все идеи доклада являлись сугубо пропагандистскими, традиционно ленинскими, «заношенными». В докладе весь классический набор большевизма: «преимущества социализма» в виде «планового характера нашей экономики, приоритета социальных целей экономического развития», рассуждения о «рабочем классе, как ведущей силе общества, вплоть до полного преодоления классовых различий». Здесь и затертые мысли о «демократическом централизме», о том, как «организовать соревнование», о важности сохранения «социалистических принципов распределения», многостраничные сентенции, что «капитализм не имеет исторической перспективы», что нужна «большевистская неуспокоенность» и т. д. и т. п.{1175}.

Горбачев говорил то, что говорили тогда все мы, находясь в плену химер утопии. Ничего «утробного», «предперестроечного» в деятельности Горбачева не было накануне. Даже придя на высший пост и крупно сформулировав (впервые 8 апреля 1986 года в Тольятти) основные идеи перестройки, он продолжал придерживаться стиля и методов, складывавшихся

десятилетиями. Ему тоже нужно было время, чтобы измениться. Начать меняться.

Став генсеком, он не довольствуется традиционными сферами курирования, а значительно расширяет область своего прямого влияния, дополнительно взяв на себя отделы ЦК: общий (как и Черненко), административный (армия, КГБ, МВД), по работе с заграничными кадрами и выездом за границу, Управление делами и т. д.{1176}.

Когда его звезда взошла уже высоко, Горбачев продолжал наставлять членов политбюро: «Важно подчеркивать, что перестройка носит социалистический характер и не имеет ничего общего с буржуазной либерализацией»{1177}. По сути, вся «революционность», о чем любил говорить Горбачев, не выходила за пределы существующего строя, который следовало лишь либерализовать, но, естественно, в социалистическом, а не буржуазном духе.

Как и любой руководитель, Горбачев порой высказывал довольно странные идеи. Например, почему-то долго считал, что Запад «боится перестройки». После своего триумфального выступления в ООН делился накануне нового, 1989 года с членами политбюро: в США, мол, говорят, что «судьба нынешнего руководства (советского. – *Д.В.)* на волоске… Если уж прямо говорить, толкуют, что Горбачев доживает свои дни. По самым оптимистическим прогнозам, мне дают год-полтора. Так, Владимир Александрович? (Обращается к председателю КГБ.)

Крючков: Говорят по-разному…

Горбачев: Раз пытаются такие прогнозы делать, значит, они боятся нашей перестройки…»{1178}.

Горбачев, много говоря о демократизации общества (и делая в этом отношении очень много), тем не менее проявлял особую слабость к спецслужбам. Пожалуй, председатель КГБ бывал у Горбачева (или разговаривал с ним по правительственной связи) чаще, чем кто-либо из других членов политбюро. Горбачев не пресек политический сыск, подслушивание телефонных разговоров, даже у всех членов политбюро (!), другие акции социалистического бесправия. Очень полагался на доклады, сообщения, информацию спецслужб, которые в известном смысле влияли, а иногда по-своему и «управляли» генеральным секретарем.

В ноябре 1988 года Горбачев поставил после заседания политбюро вопрос о новом обществе «Мемориал». Дело в том, что с началом перестройки, как естественная реакция на прошлые беззакония НКВД-ВКП(б), в стране стали создаваться общественные организации, ставящие своей целью восстановить

историческую справедливость, определить число и имена безвинно репрессированных, назвать в полный голос виновников беззаконий. Советчики от спецслужб, естественно, рекомендовали генсеку потихоньку «погасить» это движение, свести его к сугубо местным, региональным, не политическим организациям.

Горбачев достаточно откровенно выразил свое отношение к такой форме десталинизации страны. «Этот «Мемориал», – заявил генсек, – рвется, видите, сильно. Последние его попытки свидетельствуют о попытке стать больше чем обществом…»

В ходе обсуждения он выступил еще несколько раз: «Мне хотелось бы увязать два вопроса: о захоронениях и «Мемориале», чтобы как-то его обесточить (какое точное слово нашел генсек! – *Д.В.),* чтобы придать ему действительно региональный характер, чтобы парторганы на местах все это дело взяли в свои руки… Видно, тут не в «Мемориале» дело. Это опять «крыша» для другого»{1179}.

На другой день, еще раз продумав ситуацию с «Мемориалом», Горбачев вернулся к вопросу. «Надо принять политическое решение, где дать политическую оценку процесса, решений, которые приняты «тройками», вне судебного разбирательства. Признать их как незаконные. И все, товарищи… Если так решим, то отобьем все эти «мемориалы»…»{1180}

Но «отбивали» не «мемориалы», а стремление людей восстановить историческую память и справедливость по отношению к жертвам большевистских репрессий. К этому времени удалось установить дополнительно 119 мест тайных захоронений жертв сталинских репрессий, где находились останки сотен тысяч людей. Предстояло уточнить имена погибших, соорудить памятники, выяснить судьбу их родственников. А в ЦК хотели «отбить» благороднейшее стремление людей вернуть память народу о своих безвинно погибших сыновьях и дочерях.

Вообще, генсек-президент любил заниматься делами «кагэбэшными». Главе государства это, видимо, действительно необходимо, ну а лидер коммунистической партии делал это всегда. Не важно, сколь значителен этот вопрос: о предложении директора Всемирного еврейского конгресса И. Зингера о «доверительном канале связи с премьер-министром Израиля Ш. Пересом» или о создании в СССР региональных специальных боевых подразделений КГБ (группа «А»); о доставке из Москвы валюты руководителям зарубежных компартий или о том, как перекрыть клапаны постоянного бегства из страны «развитого социализма» (с 1981 по 1985 год стали «невозвращенцами» 149 граждан только из советских загранучреждений).

В условиях «демократического централизма» первое лицо государства и партии сосредоточивал поступающие к нему важнейшие сведения, в том числе разведывательного и контрразведывательного характера. При Горбачеве часть самой важной информации по-прежнему оседала в «Особых папках», вскрывать которые можно было лишь с разрешения самого генерального секретаря.

Одно время на Западе существовали серьезные подозрения в том, что перестройка инспирирована советскими спецслужбами для спасения советской системы, идущей к неумолимому краху. Например, в статье «Тень КГБ в ореоле Горбачева» утверждается, что «можно пытаться истолковать перестройку как программу, в принципе, вдохновленную КГБ; ее духовные вожди – люди, которые были связаны с КГБ или находились в близких отношениях с Андроповым»{1181}.

Возможно, Горбачев с интересом, но и с негодованием прочел донесение о том, что был разоблачен агент ЦРУ Д.Ф. Поляков, дослужившийся в 1974 году в ГРУ до чина советского генерал-майора и нанесший СССР ущерб не меньший, чем «знаменитый» полковник 0. Пеньковский. Как могли 17 лет держать американского «шпиона» в советской разведке и не разоблачить его?

Горбачев весьма часто читал аналитические обзоры о реакции «капиталистического мира» на разрядку и на его личную роль в этом процессе.

Может быть, изучая подобную информацию, поставляемую генсеку спецслужбами, Горбачев и уверовал, что «они боятся нашей перестройки, а посему с помощью своих радиопередач на нашу страну хотят все взорвать…»{1182}.

Все это, разумеется, преувеличения. Перестройка никак не инспирирована, и Запад ее в основном приветствовал. Ведь это не просто давало СССР шанс цивилизовать отношения со всем миром, но и позволяло реально ослабить ядерную угрозу человечеству, в чем, бесспорно, заслуга Горбачева.

Горбачев как руководитель редко принимал самостоятельные крупные решения без одобрения политбюро. Он не хотел брать на себя единоличную ответственность, а «раскладывал» ее на всех. В связи с этим, в частности, «активность» политбюро не снизилась, к чему стремился еще Андропов и пытался осуществить Горбачев. Например, в конце 1985 года генсеку доложили, что политбюро по-прежнему принимает в среднем 4 тысячи постановлений в год (!), рассматривает 300 тысяч поступающих документов и 40 тысяч шифрованных телеграмм. Плюс к этому 600–700 тысяч писем советских граждан в ЦК, преимущественно с жалобами{1183}.

Писать высокому начальству в надежде на помощь стало чертой «простого» советского человека.

При всей огромной личной роли и влиянии, повторяю, Горбачев все серьезные вопросы «пропускал» через политбюро. Например, однажды, прилетев из Праги в правительственный аэропорт «Внуково-2», где его, как всегда, встречал партийный синклит в полном составе, Горбачев тут же, в павильоне воздушного вокзала, провел заседание политбюро, где доложил о своей поездке в Женеву и встрече с Рейганом{1184}.

Горбачев широко практиковал обсуждение вопросов «за повесткой дня», многие из которых не протоколировались. Это была форма особо доверительного рассмотрения некоторых дел, предлагаемых генеральным секретарем для обсуждения.

Что же рассматривалось «за повесткой» или, как иногда говорили, «после повестки»? Самые разные вопросы. Иногда просто организационно-протокольные, порой слишком мелкие, чтобы ими «засорять» стенограммы партийной коллегии, случалось, наоборот, очень важные.

Вот, 19 февраля 1988 года, Горбачев задержал всех после заседания, чтобы вручить руководителю украинской республиканской партийной организации, члену политбюро В.В. Щербицкому орден Ленина. Горбачева не смущало, что партия, сама раздавая награды, полностью узурпировала государственные функции. Щербицкий, конечно, «горячо благодарил», предрекал успех перестройке «в широком масштабе и в солидном темпе». Примечательна одна фраза в его благодарственном слове: «Моментов, особенно беспокоящих в идеологическом плане, в республике пока что нет, я думаю, мы их не допустим»{1185}.

Так же, «после повестки», Горбачев предложил рассмотреть в апреле 1988 года вопрос: как относиться к религии в условиях перестройки. Говорил, по обыкновению, только генеральный секретарь.

«…Политбюро признало в принципе целесообразной мою встречу с Пименом и Синодом. Такой встречи, говорят, давно не было. Во время войны, в 43-м году, что-то подобное принималось.

Правда, Леонид Ильич (Брежнев. – *Д.В.)* во время протокольных мероприятий, на которых присутствовали и представители духовенства, в их сторону поднимал руку, а потом об этом говорил: «Хороший разговор был…»

Церковники будут ставить вопрос об открытии духовной семинарии в Тернопольской области (вспоминаю, что в свое время я приложил руку к закрытию духовной семинарии в Ставропольском крае)…

Расшаркиваться перед религией, заигрывать с ней не надо.

Но надо обращаться с ней, как с реальностью… Не надо извинительную какую-то позицию занимать…»{1186}

Хорошо еще, что генсек не сделал традиционного акцента на «наступательной позиции» по отношению к религии. Уж он-то знал, как Ленин и его подручные учинили чудовищный погром Церкви на Руси. Были разрушены, разграблены и осквернены десятки тысяч храмов. Атеистическая чума привела к почти полному вымиранию не только Православной Церкви. Даже после некоторого ее оживления, к 1953 году в СССР осталось лишь 12 499 духовных служителей{1187}.

Конечно, какая уж тут «извинительная позиция»… Тем более некоторый опыт по подрезанию жил Церкви генсек, как сообщил он на политбюро, имел.

Рассматривали «после повестки» и другие вопросы, часто бесцеремонно вторгаясь в права человека.

«…Пришло сообщение о смерти Маленкова, – говорит генсек. – Нужно ли публиковать официальное сообщение?» Тут члены политбюро стали припоминать, где рука Маленкова усилила или инициировала репрессии. То, что решили «не публиковать», – внутреннее дело партии: умер один из бывших ее руководителей.

Но определять, где похоронить человека, хотя на Новокунцевском кладбище уже нашла вечное успокоение жена Маленкова, полностью смахивает на старые времена сталинщины. Правда, в этом случае все же «разрешили» похоронить соратника Сталина рядом с женой{1188}.

«За повестку» дня пробивалось множество и других вопросов. В марте 1986 года Горбачев сказал членам политбюро: «Поступила тревожная телеграмма из Адена. Там хотят расстрелять 50 человек. Думаю, что нам нужно сделать обращение, указав, что главное сейчас там – это сплочение».

Но А.И. Мухаммед, лидер просоветской Йеменской социалистической партии, все же «расстрелял» почти все свое политбюро, предварительно покинув зал заседаний. Его спецслужба ворвалась в помещение и «убрала» неугодных прямо за столом. Однако армия не поддержала Мухаммеда, который бежал в Северный Йемен, а затем в Эфиопию. Но в Адене несколько дней шла страшная бойня сторонников и противников бывшего партийного вождя. Через некоторое время в Южный Йемен был отправлен с миссией «умиротворения» главком сухопутных войск генерал армии Ивановский, с которым довелось полететь и мне. Следы междоусобицы «социалистов» были страшными. Почти треть офицеров, погибших в кровавой схватке за власть, были выпускниками советских академий и училищ. И

опять при встречах с новым высшим руководством НДРЙ, генеральным секретарем ИСП Аль Бейдом, генералами звучал старый мотив: «просим помощи». Экономической, технической, советниками, приемом в советские вузы.

Тот вопрос был «за повесткой дня», а требовал от Горбачева новых решений о новой помощи…

Порой «после повестки» рассматривали вопросы, которые спустя годы, как исторический фонарь, высвечивают процесс медленного освобождения людей (и особенно советских руководителей) от догматов большевизма, ленинских предрассудков, классовых постулатов.

После одного из июньских заседаний политбюро в 1989 году генсек попросил остаться его членов. Приведу фрагменты обсуждения.

«Горбачев: Теперь вопрос о публикации произведений Солженицына.

Медведев: «Архипелаг ГУЛАГ» – это 13 печатных листов… Читать его трудно и нудно…

Рыжков:…Начиная с времен Ленина. Это будет бомба…

Горбачев:…Прохлопали, когда во время его работы над «Иваном Денисовичем» допустили его до архивов…

Чебриков: Нет, в архивы его не пускали.

Медведев: Он получил около трехсот воспоминаний разных лиц…

Горбачев: Дело не в Сталине, а в утверждении, что он верный ученик Ленина. Продолжил его дело. Причем это он делает со ссылками на телефонограммы, письма Ленина.

Лигачев: Как же мы можем разрешить такое писать о Ленине?

Горбачев: Итак, перед нами «Архипелаг ГУЛАГ». Думаю, нашим безоговорочным другом и перестройщиком он вряд ли когда-нибудь будет.

Шахназаров: Надо пойти на публикацию.

Горбачев: Владимир Александрович (Крючков), дай почитать его тем товарищам, кто не читал…

Шеварднадзе: Я за то, чтобы публиковать.

Горбачев: Получается, что у Ленина – чем хуже, тем лучше. Пусть страдают народы, гибнут в окопах… для человека только стремление к власти… Намек на связь с Арманд… Презрение к русскому народу…

Яковлев: Надо публиковать. Все за опубликование: Союз писателей, журналы…

Горбачев: Тогда что же, только мы с вами остаемся? Придется и мне это прочитать…»{1189}

Вот такими мы были. Генсек, не читая произведения, тем не менее серьезно настроен против него и последним соглашается на публикацию…

Автор данной книги тоже грешен. Дважды в своих старых работах занимал позицию осуждения Солженицына, основанную лишь на вере в «правоту ЦК». Уже много раз выражал свое покаяние, понимая, что все мы, от генсека до рядового коммуниста, были жертвами большевистской непримиримости к любому явлению, которое противоречило советской религии ленинизма.

Горбачев как руководитель унаследовал, да и не мог не унаследовать стиль и методы управления своих предшественников. Но нужно отдать должное, что именно по его инициативе общество теперь хоть как-то информировалось: люди узнали, чем занимается Центральный Комитет партии: было возобновлено издание старого информационного журнала «Известия ЦК КПСС»; вошли в практику выступления членов партийной коллегии перед общественностью, журналистами. Стиль генсека, а затем и президента стал более открытым и демократичным, хотя «купюры», умолчания, односторонняя трактовка тех или иных событий до самого августа 1991 года широко практиковались.

Нужно сказать, что Горбачев, являясь человеком не столько «воли», сколько «ума», мог в отдельных ситуациях проявлять и твердость. Но лишь тогда, когда генсек был абсолютно уверен в самой широкой поддержке общественности.

Когда отчаянно смелый Руст из ФРГ посадил свой самолетик у Московского Кремля, предварительно облетев его дважды, Горбачев был потрясен. Он, и это возвышает руководителя, воспринял общенациональный позор как свой личный.

Заседание политбюро проходило бурно. Говорили все. Военные, а были приглашены министр обороны (кандидат в члены политбюро), некоторые его заместители, выслушали в свой адрес много такого, словно они проиграли войну.

Генсек был ядовит, зло насмешлив. Вот фрагмент из стенограммы.

«Горбачев: Это длилось в течение двух с половиной часов, во время которых самолет-нарушитель находился в зоне 6-й армии. *(Обращаясь к генералу армии Лушеву.)* Вам об этом доложили?

Лушев: Нет. Я об этом узнал после посадки самолета в Москве.

Горбачев: Узнали от ГАИ?»

После двухчасового эмоционального обсуждения Горбачев подвел итог: «…Произошло событие, которое по своим

политическим последствиям превосходит все, что было в прошлом… Речь идет об утере веры народа в нашу армию, в то, ради чего он пошел на многие жертвы. И это надолго. Нанесен также удар по политическому руководству страны, его авторитету» (думаю, это особенно бесило Горбачева: как теперь ему «показываться» за рубежом?).

Горбачев объявил перерыв.

После тридцатиминутного совещания в узком кругу генсек сразу же огласил пункты решения политбюро:

1. Принять заявление т. Соколова об уходе на пенсию.

2. Утвердить министром обороны т. Язова.

3. Тов. Колдунова с поста главнокомандующего войсками ПВО освободить.

Члены политбюро хором: «согласны»{1190}.

Горбачев мог быть твердым. В данном случае он хорошо знал: его решительность получит всенародную поддержку.

Вместе с тем в других ситуациях, как, например, после трагедии в Тбилиси 8 апреля 1989 года, кровавой ночи в Вильнюсе с 12 на 13 января 1991 года, роль Горбачева оказалась для истории «невнятной», какой-то «закамуфлированной», двусмысленной. Да, он делал миротворческие заявления, например, 10 января, обратившись к Верховному Совету Литовской ССР с требованием незамедлительно восстановить в республике в полном объеме действие Конституции СССР и Конституции Литовской ССР, отменить ранее принятые «антиконституционные акты». Но гибель 14 человек в Вильнюсе до предела накалила обстановку. Горбачев, говоря о случившемся, «признался», что о кровавой ночи «узнал лишь утром», после происшедшего…

Удивительным образом в драматических и трагических случаях президент оказывается в стороне, находясь в «неведении». Думаю, это не от одного «характера», но и от «ума».

Руководство партией и страной седьмой «вождь» осуществлял не только через ЦК и правительство, но и, как назвал свою книгу его близкий соратник В.А. Медведев, с помощью «команды Горбачева». Это его помощники, советники, референты, единомышленники и функционеры более высокого уровня из политбюро.

Заметную роль в окружении генсека и президента играли А.Н. Яковлев, справедливо названный за рубежом «интеллектуальным мозгом» перестройки, помощники И.Т. Фролов, Г.Х. Шахназаров, А.С. Черняев, В.И. Болдин, как и ряд других известных стране людей. В целом «команда» Горбачева, к которой можно причислить и ГА. Арбатова, Е.М. Примакова, О.Т.

Боголюбова, Т.И. Заславскую, С.Ф. Ахромеева, С.А. Ситаряна, А.Е. Бовина, А.М. Александрова, А.И. Лукьянова и некоторых других, активно помогала генсеку и президенту. Почти со всеми я был лично знаком и должен сказать: интеллектуальный уровень помощников и советников Горбачева являлся весьма высоким. Поэтому прав был генсек, заявив однажды на заседании политбюро (сославшись при этом на общественное мнение Запада), что «в советском руководстве у Горбачева создана команда, которой в Советском Союзе еще не было»{1191}.

Правда, сразу же возникает один (а может, и не один…) коварный вопрос: если команда была столь профессиональна, сильна, хорошо «сколочена», то почему Горбачев не смог добиться поставленных им главных целей? Почему некоторые из его команды бесцеремонно предали лидера? На эти вопросы лучше всего мог бы ответить сам Горбачев…

Работа «команды» была напряженной, о чем активно и дружно писали очень близкие люди из его окружения: В.А. Медведев, Г.Х. Шахназаров, А.С. Черняев, А.С. Грачев, В.И. Болдин. В их книгах о Горбачеве много говорится о «команде», ее деятельности, но весьма мало о причинах горбачевских неудач. Похоже, по их мнению, почти все неудачи находятся где-то за пределами досягаемости генсека и президента. Конечно, все эти авторы ругают Ельцина-«разрушителя», и никому из членов «команды», кроме Болдина и Лукьянова (ну эти-то просто предали «хозяина»), не удалось избежать откровенной апологии Горбачева.

Помощь седьмому «вождю» от советников была разной. Я обратил внимание на активность Г.А. Арбатова, который написал Горбачеву множество обстоятельных записок. Впрочем, он немало писал и более «ранним» генсекам. Содержание писем весьма конструктивно. От простых советов (вроде: делайте ваши выступления короткими, прерывайте всех, кто начнет вас хвалить; знайте, Лигачев – угроза реальная) до буквально установок: ваш главный приоритет на внешней арене – укрепление социалистического содружества (пока оно еще было. – *Д.В.);* не мешкая, уберите тактическое ядерное оружие из Закавказья; после XXVIII съезда откажитесь от поста генсека и т. д.

Что касается последнего совета. Горбачев сделал довольно вялую попытку в апреле 1991 года освободиться от поста генсека. Возможно, этот демарш был предпринят в уверенности, что его обязательно отклонят.

Конечно, при сильном желании Горбачев мог бы оставить пост партийного «вождя», что освободило бы реформатора от многих организационных и идеологических пут. Но сыграл ли в

этой слабой попытке какую-нибудь роль совет Г.А. Арбатова, может знать только сам бывший последний генсек.

Многие советы Арбатова были действительно дельные, но, сопоставив их с практическими делами Горбачева, я увидел: они, как правило, так и остались советами.

Работал генсек напряженно, хотя в субботу и воскресенье обычно старался быть на даче. «Редкие часы отдыха, – рассказывал Горбачев, – стараюсь использовать в полной мере. Мои интересы самые разнообразные: чтение художественной литературы, театр, музыка, кино. Любимый вид отдыха – ходьба по лесным тропам…»{1192}

Рабочие дни, как правило, весьма насыщенны. Наугад откроем «Дневник дежурных секретарей» за 1990 год.

«28 февраля, среда (1990 год)

9.30 работал в ЦК. Принял Болдина.

с 10.30 до 11.50 работал в кабинете с А.Н. Яковлевым, Г.Х. Шахназаровым, стенографисткой Волиной Н.Г.

в 12.00 принял первого секретаря Магнитогорского ГК КПСС Рябкова В.М.

с 15.15 до 16.00 состоялся телефонный разговор с президентом США Дж. Бушем.

с 16.05 до 16.50 принимал министра из Марокко вместе с В.А. Крючковым.

В 17.30 принял Чазова.

В течение дня принял А.Н. Яковлева, Ю.Д. Маслюкова, В.И. Болдина, А.П. Лущикова, Е.Х. Масалиева.

Поговорил по телефону с Э.А. Шеварднадзе, Е.М. Примаковым, Е.М. Махкамовым (Душанбе).

В 21.10 – уехал на дачу».

Обычный день генсека и президента. Без внешнего драматизма. Хотя дела в государстве шли все хуже и в воздухе витала «идея», что без «железной руки» положение не исправить. Но для Горбачева сама мысль – «спасать» демократию с помощью насилия – была невыносима. Думаю, что когда историки где-нибудь в середине XXI века будут в спокойной обстановке просматривать пожелтевшие листы документов «горбачевских лет», то эту способность и курс – идти к демократии без насилия – поставят на первое место. Правда, кто-то из особо дотошных, перебирая клавиатуру электронной исторической памяти, заметит: а как быть тогда с Тбилиси, Баку, Вильнюсом? Почему в зародыше не был погашен очаг многолетней войны в Карабахе?

Трудно сказать, что сегодня думает М.С. Горбачев о тех событиях. Например, об использовании войск в Алма-Ате, Баку для «наведения порядка» он говорит как о вынужденном акте. Что

касается трагедий в Тбилиси и Вильнюсе, то здесь он, вроде бы, «был не в курсе». Это, мол, инициатива КГБ и Министерства обороны.

Читая 9 апреля 1989 года шифровку из Тбилиси, направленную в ЦК секретарем Компартии Грузии Д.И. Патиашвили, Горбачев мог убедиться: переход тоталитарной страны к свободе и демократии оказался неизмеримо сложнее, чем можно было представить. Патиашвили сообщал:

«…Лидеры так называемого «национально-освободительного движения» начали оглашать планы захвата МВД республики и Закавказского военного округа… Участников митинга около 8 тысяч человек… По мере оттеснения первых рядов митингующих при яростном сопротивлении экстремистов, применявших палки и камни, толпа стала неуправляемой… В результате образовавшейся давки погибло 16 человек (13 молодых женщин и 3 мужчины), более 100 получили ранения… В настоящее время площадь у Дома правительства освобождена от митингующих и взята войсками под охрану. Принимаются необходимые меры по задержанию и аресту зачинщиков беспорядков…»{1193}

Горбачев мог убедиться, что перестройка упустила межнациональные проблемы, где применение силы малоэффективно и опасно для всего дела демократизации. Старая «дружба народов» в условиях унитарного фактически государства быстро показала в атмосфере перестройки свою недостаточность. Реформатор учел это с большим запозданием. В будущем, XXI веке многое станет яснее в наших делах, чем представляется сегодня. А главное, надеюсь, аналитики не будут превращать историю в политику… Ведь можем же мы сегодня спокойно говорить о Пунических войнах[28] Карле Птицелове, Иване Грозном и Иване Болотникове… Время способно отсекать страсти от истины, а борение воль заменять и превращать в бесстрастный алгоритм исторической информации.

Мы – современники Горбачева. Более того, я лично знаком с этой исторической личностью. И мне сегодня не просто, накладывая один штрих за другим на портрет седьмого «вождя» советской истории, говорить не только о бесспорных его «добродетелях», но и о явных (и скрытых) ошибках, а может быть, и «пороках».

Жанр портрета требует высветить Горбачева и с чисто человеческой, нравственной стороны.

Все мы – дети своего времени. За семь десятилетий сформировался особый тип человека: верующий не в Бога, а в земного вождя; непримиримый и подозрительный, пытающийся

не конструктивными делами своими изменить ситуацию, а поисками виновных; часто разучившийся истово работать; утративший былую российскую предприимчивость; готовый вновь все отбирать и делить, завидующий богатому, но по-прежнему сохранивший высокую умственную потенцию и патриотизм. Человек этого типа справедливо верит, что крушение СССР вовсе не было обязательным, однако часто при этом следствие принимает за причины крушения великого государства.

Думаю, пройдет не меньше 10–15 лет, пока он, российский человек, вернет лучшие качества своих дооктябрьских предшественников. Но это обязательно произойдет, ибо ум, доброта, радушие и благородство россиянина остались. Придет время, и этот человек будет изумляться, как мог он позволить захватить на 70 лет власть вначале кучке авантюристов, а затем бездушной касте; как он победил фашизм при таких столь преступных ошибках руководства; как мог создать по всей стране 70 тысяч памятников октябрьскому идолу; как разрешил сформировать новое поколение крепостных; как смог принять диктатуру, бюрократию и догматизм за признаки «светлого будущего»…

Историкам, мыслителям XXI века хватит работы, реставрируя в сознании навсегда ушедшее прошлое.

Горбачев, как и все мы, был частью этого «коллективного портрета». Бесспорно, в своей жизни он смог проявить выдающиеся качества: масштабность и отвагу мышления, тактическую изворотливость, умение убеждать людей, искать спасительные шансы в самых проигрышных ситуациях. Думаю, что Горбачев не раз в ходе перестройки, особенно в ее первой половине, смог испытать восторг в своей душе: состояние, отражающее гармонию цели и свершений.

В конце же своего короткого, но тяжелейшего перестроечного пути он не раз вроде порывался уйти с высшего партийного поста. Когда в декабре 1989 года в Москве открылся один из многочисленных при Горбачеве пленумов ЦК, то обсуждали текущие вопросы: о Втором съезде народных депутатов СССР и другие связанные с ним проблемы. Выступавших было много. Но Горбачева больше всего задела речь первого секретаря Кемеровского обкома КПСС А.Т. Мельникова. Оратор выступил с рельефно ортодоксальных позиций в защиту Ленина, он ратовал за введение в политбюро и ЦК, по ленинской методологии, коммунистов-рабочих. Критиковал Б.Н. Ельцина, Ю.Н. Афанасьева, Т.Х. Гдляна, Н.В. Иванова «за провокационные выступления». Рикошетом досталось и генеральному секретарю. Горбачев не выдержал и своим взволнованным южнорусским

говорком предложил переизбрать политбюро и избрать нового генерального секретаря{1194}.

Обидевшегося генсека успокоили и вопрос об отставке рассматривать не стали.

Еще раз Михаил Сергеевич поставил вопрос о своем уходе с поста генсека 25 апреля 1991 года на заседании политбюро. Вел его заместитель генсека В.А. Ивашко. «Распухнувшее» после съезда политбюро (более 20 человек!) фактически не стало обсуждать заявление об отставке, а вынесло решение:

«Исходя из высших интересов страны, народа, партии снять с рассмотрения выдвинутое Михаилом Сергеевичем Горбачевым предложение о его отставке с поста Генерального секретаря ЦК КПСС»{1195}.

Горбачеву не удалось вовремя спрыгнуть с палубы полузатопленного партийного корабля, а пришлось испить всю горькую чашу распада и разрушения ленинского монолита. Кто бы мог подумать еще 5-10 лет назад, что такое вообще возможно! Корабль действительно был «полузатоплен». На состоявшихся в марте 1990 года выборах (первых свободных) в высший орган государственной власти РСФСР почти половину первых и вторых секретарей обкомов и крайкомов КПСС не избрали! Это было невиданно! Но именно факт выборов свидетельствовал о стремительном падении веса и влияния компартии в обществе.

О нравственном здоровье человека говорит, прежде всего, его семья. Мать, Мария Пантелеевна, и ее умерший муж всегда испытывали глубокие чувства любви к детям. О жене, Раисе Максимовне, знает весь мир. Не комментируя то многое и разное, что говорилось у нас о супруге Горбачева, можно не сомневаться во взаимных глубоких чувствах. А это – главное для прочного морального здоровья семьи, всех ее членов. Дочь Горбачевых Ирина и ее муж Анатолий, внучки Ксения и Анастасия – квартет «детей» семейства, долгое время находившегося подле эпицентра общественного внимания. Это непросто.

В этом свете весьма неудобно читать «откровения» бывшего помощника Горбачева В.И. Болдина в его книге с претенциозным названием «Десять лет, которые потрясли мир». Есть что-то непристойное и неприятное, когда человек, бывший рядом с Горбачевым и молчавший целое десятилетие, вдруг столь озлобленно и подробно говорит о семейной жизни генсека и президента. Даже если что-то и правда из того, о чем поведал людям Болдин, это неприятно читать, ибо написаны слова ненавистью. Еще Гёте однажды заметил, что ненависть «всегда пристрастна». Но горько вдвойне, если эти чувства вызваны политическими пристрастиями.

Замечу, что я не был лично знаком с В.И. Болдиным и лишь один раз с ним встречался. Но этот мимолетный контакт оставил осадок недоумения.

В 1988 году меня за «еретические высказывания» сняли с должности заместителя начальника Главпура и отправили руководить Институтом военной истории. К этому времени состоялось решение политбюро о подготовке и издании 10-томного труда о Великой Отечественной войне. Мне и пришлось этим непосредственно заниматься. Вскоре выяснилось, что документы всех архивов (ЦК, Министерства обороны, других ведомств) для нас совершенно недоступны. Стучался везде. Не помогло. Написал личное письмо на имя Горбачева. Неожиданно недели через две после этого я был вызван в ЦК В.И. Болдиным. Выслушал. Сухо обещал (к слову, так ни одного документа из цэковского архива институт тогда и не получил). Но назавтра утром после встречи с Болдиным в ЦК меня вызвал к себе начальник Главпура и устроил разнос: «Как вы смели без моего ведома обращаться к генсеку? Какое своевольство!» и т. д. Я понял, что Болдин, пообещав (и не выполнив) откликнуться на просьбу историков, тут же после беседы со мной позвонил начальнику Главпура…

Деталь мелкая, но характерная.

За исключением Болдина и Лукьянова, все помощники и советники дают Горбачеву очень позитивную, часто восторженную, нравственную характеристику. Особенно высоко оценивает Горбачева А.С. Черняев, весьма наблюдательный, но довольно безапелляционный автор. Его эпитеты очень выразительны, когда он описывает Горбачева: «необычайное мужество и самообладание», «интеллектуальная энергия», «уникальный характер его подвига», «человек цельный, физически и душевно на редкость здоровый», «феноменально целеустремленный и поэтому эгоцентричный», «доступен для понимания всякого в жизни», «снисходителен к людям», «обостренное чувство долга» и т. д.

Продолжать перечислять эпитеты можно было бы долго. Добавлю лишь утверждение Черняева: Горбачев «один сдвинул глыбу» перестройки{1196}.

Со многими оценками помощника генсека можно согласиться, сделав, однако, некоторую поправку через «коэффициент апологетичности», отражающий преданность человека своему патрону.

А вот как описывает Горбачева его друг со студенческих лет А.И. Лукьянов. «Феномен авторитета» Горбачева, считает Лукьянов, понятен. Политика уступок и компромиссов,

приведшая к «разрушению содружества Варшавского Договора», очень устраивала Запад. Что касается личностных черт, то его бывший друг отметил: «Пагубное стремление решить все, даже принципиальные вопросы, путем компромисса, импровизации и шараханья под воздействием обстановки и собственных советников стало каким-то проклятием, висевшим над этим человеком… Беспечная вера, что все «как-нибудь образуется», и постоянное отставание от событий. Уверенность, что каждое президентское слово должно действовать само собой, и неумение выслушивать мнение других. Удивительное нежелание защищать кого-либо из своей «команды» и стремление быстро избавляться от того, кто, сделав свое дело, перестает быть ему нужным»{1197}.

Бывший личный друг Горбачева Анатолий Иванович в оценке бывшего генсека и президента категоричен. На вопрос, какова роль Горбачева в истории России, отвечает однозначно:

– Это роль Герострата… Горбачев предал свою партию…{1198}

Каждый волен иметь свое суждение. Но думаю, что оценка «друга» совершенно ошибочна. И это подтвердит история.

Перекликаются со сказанным А.И. Лукьяновым замечания А.М. Александрова-Агентова, который был поначалу помощником Горбачева. Затем, по решению генсека, его заменил Черняев.

Александров рассказывал: «…внешняя открытость и благожелательная справедливость – это, скорее, привычная маска, за которой – холодный расчет… К сожалению, Горбачеву присущ очень серьезный для большого руководителя недостаток: он совершенно не умеет слушать, вернее, слышать своего собеседника, а целиком увлечен тем, что говорит сам. От Горбачева я ушел на пенсию потому, что он не имел потребности советоваться…»{1199}

Как видим, самые близкие люди из окружения Горбачева дают ему диаметрально противоположные нравственные оценки. Что же следует из этого? Может быть, истина, как часто это бывает, лежит посередине? Думаю, что нет.

Дело в том, что моральное «зрение» в том и другом случае искажено конкретной политической позицией человека, оценивавшего Горбачева. Вопрос этот сложен. Политика и мораль, если обратиться к истории, редко были союзниками. Нравственности чаще приходилось играть роль бесправной служанки.

Ознакомившись с тысячами документов, огромной литературой о Горбачеве, размышлениями людей, близко знавших этого исторического деятеля, могу сделать убедительный вывод: Горбачев – незаурядная личность, носитель многих высоких качеств. Черняев в своих панегириках не очень далеко

ушел от истины. Но все дело в том, что в каждом конкретном случае конфликта, драмы, выбора моральное качество политика, крупного государственного деятеля может заметно трансформироваться или даже деформироваться. Политика, к сожалению, чаще диктует свои императивы морали, а не наоборот. И Ленин, все генсеки, не исключая седьмого «вождя», были насквозь «политическими» личностями.

Приведу один характерный, хотя и пространный, эпизод из жизни Горбачева, где ему пришлось делать выбор между конкретными политическими предубеждениями и моральной порядочностью.

Многие годы советско-польские отношения омрачали невыясненные до конца факты, обстоятельства войны 1920 года, роспуск Компартии Польши в 1938 году, события 1939 года, связанные с заключением между СССР и Германией ряда секретных соглашений, дело о расстрелянных в Катыни польских офицерах, подробности Варшавского восстания 1944 года и т. д.

У советского руководства никогда не хватало мужества честно разобраться во всех этих вопросах. Например, в записке В.А. Медведева (секретаря ЦК КПСС, отвечавшего за отношения с социалистическими странами) на имя Горбачева М.С. 13 марта 1987 года и в приложенном к ней «материале» предлагалось: в отношении войны 1920 года опубликовать «две-три статьи о целях буржуазно-помещичьей Польши в этой войне, позиций отдельных политических, государственных и военных деятелей Советской России». О роспуске Компартии Польши – приходится признать факт (куда деваться!), но сказать, что «в конце 50-х годов репрессированные польские коммунисты были реабилитированы, многие из них посмертно». Что касается «воссоединения с СССР Западной Украины и Западной Белоруссии», о существовании «некоего секретного протокола к советско-германскому договору 1939 года», то предлагается указать в справке – «оснований для пересмотра нашей позиции нет». Другими словами – подлинных этих протоколов никто не видел…{1200} И все в том же консервативном духе. В своей записке «Об оценке советско-германских договоров 1939 года» Горбачев утверждал: «Пакт о ненападении СССР-Германия 23 августа, если твердо стоять на реалистических позициях, был неизбежен»{1201}. Увы, глубокий анализ, проведенный учеными и общественностью, показал, что этот шаг был роковой ошибкой.

Эти документы с грифом «совершенно секретно» Горбачев разослал всем членам политбюро. По сути, заняли «круговую оборону». Но поляки были настойчивы. Они вновь обращаются с просьбой совместно разобраться в этом запутанном историческом

узле советско-польских отношений – «секретные протоколы».

На заседании политбюро 5 мая 1988 года пятым вопросом повестки дня значится: «Об ответе польской стороне по поводу секретных советско-германских документов 1939 года, касающихся Польши». Обсуждали. В.А. Медведев выступил с предложением постепенного решения этого вопроса (по сути, оставить в «долгом ящике истории». – *Д.В.)*. ГЛ. Смирнов, директор Института марксизма-ленинизма, признал, что убедительных контраргументов мы не имеем. Примерно так же выступали и остальные участники обсуждения.

Но я подробнее остановлюсь на двух.

«Громыко А.А.: Оригиналы, уверен, были. И не признавать это – большой риск (сослался на Хрущева и Молотова, которые говорили ему об этом). В историческом плане – лучше правду сказать. Но правда должна состоять в том, что у нас есть копии, а оригиналов нет. Оригиналы могли быть уничтожены при Сталине или без Сталина».

Бросил реплику председатель КГБ.

«Чебриков В.М.: Вопрос о публикациях решать преждевременно…

Горбачев М.С.: Вношу предложение: я считаю, что позицию политбюро может вырабатывать, когда в его распоряжении будут официальные документы. Я убежден в этом… Я предложил бы ограничиться обменом мнениями… Продолжим работу в архивах по выявлению тех документов. Если в нашем распоряжении окажутся документы, может быть, вернемся к этому вопросу.

Члены политбюро: Правильно.

Горбачев М.С.: Я думаю, что и копии надо держать там, где им положено находиться…»[1202]

Заметьте, обсуждение проходило 5 мая 1988 года.

А теперь сделаем небольшое отступление. В декабре 1991 года я был утвержден председателем Комиссии Верховного Совета России по передаче архивов КПСС и КГБ для широкого пользования (открытие архивов). Мы работали почти два года, и около 78 миллионов рассекреченных дел стали доступны исследователям. Где-то в конце 1992 года я и члены комиссии – профессора Пихоя Р.Г. и Коротков А.В. – по поручению президента России вскрывали по акту так называемые «Особые папки», означавшие высшую степень секретности. Раньше их можно было вскрывать только по разрешению генерального секретаря.

Многое мы увидели… Но вот очередная «папка». Массивный, как и все остальные, конверт запечатан несколькими сургучными печатями. Вскрываем.

В описи значится: «Документы, относящиеся к советско-германским переговорам в период 1939–1941 годов». Ниже: «Подлинные тексты советско-германских секретных соглашений, заключенных в период 1939–1941 годов». Оригиналы. На русском и немецком языках. Шесть протоколов, заявление советского и германского правительств от 28 сентября 1939 года, обмен письмами между Молотовым и Риббентропом и две карты Польши с подписями Сталина и Риббентропа…

Но я должен сказать о другом. Заведующим сектором Мошковым на чистом листе бумаги (в «Особой папке») написано:

«Доложил т. Болдину В.И. Им дано указание держать пока под рукой в секторе… 10 июля 1987 г.

Л. Мошков»{1203}

А это значит, что Горбачев задолго до политбюро 5 мая 1988 года ознакомился с подлинниками этих драматических документов… Болдин мог затребовать документ из «Особой папки» только по распоряжению и разрешению генерального секретаря… Разумеется, не для удовлетворения собственного любопытства, а для доклада генсеку.

То же и о страшных документах Катыни, раскрывающих трагическую судьбу многих тысяч польских офицеров. В.И. Болдин вскрывал «папку» (что можно делать, напомним еще раз, только по распоряжению генерального секретаря) 18 апреля 1989 года и, естественно, ознакомил Горбачева…{1204} К слову сказать, 15 апреля 1981 года документы читал и Ю.В. Андропов. Но он-то по своей должности умел хранить тайны…

Так как же относиться к утверждению Горбачева 5 мая 1988 года: «Если в нашем распоряжении окажутся документы, может быть, вернемся к этому вопросу»?

Документы в руках у Горбачева почти наверняка были. Но он, во имя политики (нечестной, большевистской, тайной), пожертвовал моралью. И в каком-то смысле своей исторической репутацией. Уже после того как седьмой «вождь» прочел секретные протоколы, он заявит, что в их «распоряжении» нет этих документов. Горбачев в это же время скажет в своей книге: «Я сторонник политики открытой, политики реальных дел. У нее не должно быть двойного дна…»{1205}

Писать обо всем этом мне неприятно. Но, берясь за очерк о Горбачеве, к которому и сейчас испытываю немалые искренние симпатии, я не мог пользоваться приемом, который Михаил Сергеевич охарактеризовал как «двойное дно».

Деятель, сознательно жертвующий моралью во имя каких-то сомнительных (да даже не сомнительных!) политических интересов, подвергает серьезной опасности свое реноме для

истории. 5 марта 1989 года при поддакивании его соратников: «Правильно!» – это могло сойти. Не уверен, что через пятьдесят лет, в 2039 году, к этому факту так же снисходительно отнесутся историки, писатели, биографы Горбачева.

В то же время осталась «за кадром» судьба десятков тысяч российских солдат, попавших в плен во время советско-польской войны 1920 года. Из почти 100 тысяч плененных поляками военнослужащих более половины погибли в лагерях от бесчеловечного обращения и голода, а судьба около 30 тысяч неизвестна и по сей день{1206}. Но никогда советские руководители не добивались серьезного рассмотрения вопроса о судьбах огромного количества исчезнувших советских военнопленных.

Горбачев любил всем публично напоминать, что он открыт, искренен и порядочен. Даже в своем последнем, прощальном обращении к народу 25 декабря 1991 года он не удержался сказать об этом: «…Я говорю честно и прямо. Это мой моральный долг».

Выражаю немалые сомнения, что большой политик способен всегда обеспечить, независимо от его желания, приоритет морали над политикой. Политика, как правило, цинична и безжалостна, и у нее никогда не было равноправного союза с нравственностью. Жизнь и дела Горбачева, при всех его бесспорных «добродетелях», лишь подтверждают этот печальный постулат.

Генсек-реформатор был (не знаю, остался ли) идеалистом. Иначе как можно объяснить, что 23 августа 1991 года, будучи едва вызволенным из Фороса, он публично заявит, что верит в идеалы социализма и компартия после реформирования сможет бороться за эти ценности…

Для выдающегося реформатора ленинизм, коммунистическая идеология были своего рода светской, марксистской религией, в которой нет места морали. Но это и стало главным источником его драматического ухода с государственной (но не исторической!) сцены. Американская газета «Уоллстрит джорнэл» 27 декабря 1991 года справедливо писала: «Горбачев был лучшим из того, что могла предложить коммунистическая партия. Он сыграл центральную роль в замечательной главе мировой истории, но вынужден был в конце концов уйти, потому что в исторической пьесе больше не было места для человека, который хотел оставаться коммунистом»{1207}.

Нельзя отказать Горбачеву в политическом мужестве. Сколь велико было апологетичное восхваление «отца перестройки» на Западе, да и на Востоке, столь ожесточенной была и критика генсека-президента в собственной стране. Особенно к концу

незавершенных реформ. Я думаю, что для Горбачева после 1986 года постоянно существовала и угроза его физического устранения. Два выстрела Александра Шмонова, предназначавшиеся седьмому «вождю» 7 ноября 1990 года, еще раз напоминают об этом, как и заточение в Форосе. Правда, и сегодня специалисты не снимают возможности инсценировки на Красной площади, которая, по их мнению, могла позволить спецслужбам, властям (чего так хотели будущие гэкачеписты) «навести порядок» в стране.

Кто знает, может быть, со временем «покрывало Изиды» – древнеегипетской богини тайн и волшебства – будет сброшено и с этого загадочного покушения, о котором почему-то все сразу замолчали?

Вся жизнь Горбачева после апреля 1985 года поделена им на этапы («важный», «очередной», «решающий», «переломный» и т. д.). Спустя десятилетия многое уже не будет казаться «решающим» и «переломным». Это происходит, я думаю, от человеческой склонности к абсолютизации своего времени и слабого чувства исторической ретроспективы и перспективы. Горбачев жил все время настоящим. Но его цепко держало прошлое. Возможно, в чем-то и прав А.С. Черняев: «Он один сдвинул глыбу». А спустя шесть лет эта «глыба» вытолкнула Горбачева на обочину драматических перемен.

Повторюсь: у Горбачева счастливая судьба. Сейчас у бывшего седьмого «вождя» СССР великолепный «этап» философских размышлений. Они будут плодотворными для него и его почитателей, если он, конечно, научится быть оппонентом самому себе…

Пока этого нет. Ведь возвращаться к самому себе могут очень немногие. В мае 1993 года экс-президент СССР и последний генсек КПСС заявил в Париже: «Эра Горбачева только началась… Горбачев начал реформу общества, международных отношений в рамках нового мышления… Мы идем к новой цивилизации, которая не будет выбором между капитализмом и социализмом, но синтезом нашего собственного опыта»{1208}.

В этом выдающемся человеке что-то осталось навсегда «генсековское»: безапелляционность суждений и политические амбиции, ограниченная самокритичность и неистребимое желание глобальных обобщений. Возможно, это от осознания, что именно он, Горбачев, один из немногих на нашей планете оказал на мир такое влияние, которое люди будут испытывать долгие десятилетия. А его прошлые конфликты с Ельциным и сегодняшняя стена глухого отчуждения между ними в исторической ретроспективе будут выглядеть малозначащими.

Каждый из них исполнил свою роль: настоящего лидера «переломного момента». Сегодняшняя судьба Горбачева незавидна: многие героя «развенчивают», как, например, А.И. Лукьянов, немало и таких, кто не прочь подвергнуть этого человека своему пристрастному суду уже сейчас. Но чем дальше река времени будет уносить от нас события в России конца XX века, тем роль Горбачева – символа великой Реформации – будет представать перед нами все более впечатляющей. В своем драматическом выступлении по Центральному телевидению 25 декабря 1991 года, когда он слагал с себя должность президента СССР, Горбачев, обращаясь к соотечественникам, сказал о том основном, что он сделал: «Общество получило свободу, раскрепостилось политически и духовно. И это – самое главное завоевание, которое мы до конца еще не осознали, потому что еще не научились пользоваться свободой». Думаю, такой исторический итог незабываемых лет перестройки решительно перевешивает все просчеты и промахи Горбачева. Его Реформация дала главный, бесценный плод – Свободу, обладая которой общество имеет шансы добиться процветания и цивилизованности.

Когда в сентябре 1989 года мне довелось побывать в Вальми, на месте исторического сражения во Франции, и услышать звуки старинного клавесина, я подумал, что вечно только минувшее и сегодняшние перемены. От прошлого нельзя «отказаться», его нельзя изменить. Над ним нельзя смеяться или мстить ему. Это наше прошлое.

Горбачев – это почти прошлое. Но при этом не следует забывать, что ушедшее всегда сохраняет свою власть над грядущим.

Вместо заключения: История в лицах

Россия дорога и любима в самых своих чудовищных противоречиях, в загадочной своей антиномичности, в своей таинственной стихийности.

Н. Бердяев

Ленин навсегда остался аятоллой, духовным вождем СССР (не России!). Государство, которое он основал в 1922 году, просуществовало около семи десятилетий, но духовная власть первого вождя все эти годы была беспрецедентной.

Практически незаметная жизнь будущего вождя на родине и в эмиграции закончилась для Ленина багрово-красной вспышкой таких перемен, которые «перевернули» не только Россию, но и многое в человеческой цивилизации. Видя в Боге «опиум для народа», Ленин явился, однако, источником «светской религии», которая стала господствовать в умах миллионов людей. При всем том, что Ленин знал себе «цену», при земной жизни он не мог, наверное, и предположить, что будет долгие десятилетия лежать в известной всему миру мраморной усыпальнице, к которой потекут миллионы людей, чтобы ему поклониться (а многие просто из-за большевистского ритуала или любопытства). Сделав всех россиян несвободными, он тем не менее станет для них идеологическим богом. При самой буйной фантазии нельзя было и подумать, что высшие правители великой страны дойдут до спиритуализма с «духом» Ленина. В начале марта 1973 года в присутствии всех руководителей КПСС давно почившему Ленину выпишут, как живому, партийный билет № 00000001, уже веря, что дух первого вождя присутствует в них самих, во всей советской действительности.

Невиданное идолопоклонство так захватит страну, что к уже имеющимся 70 тысячам памятников и бюстов коренастому покорителю людей (в столицах, мелких городах, селах, в заводских дворах, портах, пионерских лагерях) будут продолжать воздвигать все новые и новые монументы. Такой станет светская религия ленинизма, которая, отринув христианского Бога как миф, создаст уродливую легенду о вечно «живом Ленине». И ее будут воспринимать как «новую реальность».

«Человек, отрекаясь от одного Бога, – пишет А.Н. Яковлев, – непременно творит себе кумира на земле, воздвигает нового идола. Он ищет перед кем преклониться и чему служить… Но

если небесный Бог невидим, непостижим, непознаваем, то земной идол виден, осязаем, его слушают, ему рукоплещут, и в этом огромное преимущество авторитаризма для примитивного сознания»{1209}. Человек в тоталитарном обществе хочет остаться рабом. Когда я вижу, как в середине девяностых годов пожилые мужчины и женщины несут на митингах портреты Ленина и Сталина, то чувствую: большевистское рабство им ближе, чем возможность, опираясь на свободу, пойти к цивилизованному обществу. Они не виноваты в этом: ленинизм оказался столь живучим, что его было трудно смести даже правдой.

В гениальной главе из романа «Братья Карамазовы» «Легенда о Великом Инквизиторе» Ф.М. Достоевский пишет, что у человека нет заботы тяжелее, чтобы передать кому-то Свободу, данную ему Христом. Ему с ней, свободой, мучительно трудно. К Свободе еще нужно прийти и осознать ее сердцем. Великий русский писатель-провидец, излагая свою «легенду», видел на сотню лет вперед…

История после смерти Ленина получит в стране однолинейный вектор развития: движение к коммунизму. Один из тех, кто был в начале своего пути марксистом, а затем стал его непримиримым критиком, глубокий мыслитель Карл Поппер в своей книге «Незавершенные поиски. Интеллектуальная автобиография» пришел к выводу, что «коммунизм – это вера в обещание создать лучший мир»{1210}. Лаконично и понятно. А главное, верно: «обещание».

На XXVII съезде КПСС, где была принята третья программа партии, сформулирована громоздкая, многоэтажная, в 13 строк дефиниция о сути коммунизма. Вот ее первая половина: «Коммунизм – это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающихся науки и техники, все источники богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип «от каждого по способностям – каждому по потребностям»…»{1211}

На этот раз, помня об историческом конфузе Н.С. Хрущева, не стали устанавливать точных сроков пришествия коммунистического рая на земле, когда наконец «источники общественного богатства польются полным потоком…». Молодой генсек М.С. Горбачев скромно сообщил делегатам: «Сегодня можно сказать определенно лишь то, что выполнение нынешней Программы выходит за пределы текущего столетия»{1212}.

Мне довелось быть на обоих партийных съездах, которые шли под эгидой седьмого «вождя» Михаила Сергеевича Горбачева. Он

действительно был там самой заметной фигурой. Слушая раздел отчетного доклада о новой программе партии, который делал генсек, я ловил себя на мысли, что не знаю ни одного из своих близких друзей, кто бы верил в «коммунистическую перспективу». Мы все, я, конечно, тоже, уже относились к обильной коммунистической фразеологии как к необходимому и привычному ритуалу. Не больше. Все хотели лучшей жизни. Все еще верили, что она может наступить. Ну а коммунистические мифы – это вроде неизбежных и обязательных заклинаний-молитв.

Когда докладчик, говоря о коммунизме, вновь заявил, что «наши планы» опираются «на неисчерпаемое богатство идей Владимира Ильича Ленина» и «мы сможем выполнить завет великого Ленина с энергией, единством воли подниматься выше, идти вперед», чувствовалось, что какие-то привычные иррациональные эмоции уже овладели депутатами съезда.

– Иной судьбы нам историей не дано. Но какая, товарищи, это прекрасная судьба![1213] – с пафосом заключил Горбачев.

Естественно, последовали «бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают». Самое парадоксальное заключалось в том, что, зная об эфемерности и призрачности цели, к которой звали людей, все аплодировали искренне. Во что-то нужно было верить… Хотели верить туманной надежде, чему-то далекому и ирреальному. То была какая-то партийная мистика.

Вспоминая эти события, пропущенные через свой разум и сердце, вновь и вновь убеждаюсь: мы – страна Веры. Веры в чудо. Веры в обещания. Когда у людей отобрали веру в Провидение и заменили ее верованиями в химеры и мифы, советские люди как бы превратились в призраки Шигалева, персонажа Достоевского из пророческого романа «Бесы». После «переделки», по Шигалеву, девяти десятых всех людей они готовы для первобытного рая в своем послушании одной десятой «избранных»… Главное – верить. В «шигалевщине» каждый «член общества смотрит один за другим и обязан доносить. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное – равенство!»[1214].

Ленин и ленинизм преуспели в утверждении духовной методологии большевиков, своеобразной «шигалевщины», заставив поверить в их планы, в их историческую правоту, в их деяния. Инакомыслие было почти искоренено, интеллигенция оскоплена, Церковь разграблена, и некому было громко сказать людям слова из Евангелия от Матфея: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные»[1215].

Долгие годы продолжался социальный геноцид. Планомерно уничтожались казачество и царское офицерство, дворянство, купечество и зажиточные крестьяне, духовенство и непокорная интеллигенция. Мною было подсчитано, что только с 1929 года (начало коллективизации) по 1953 год (год смерти второго вождя) в СССР было репрессировано 21,5 миллиона человек. А Гражданская война, где погибло россиян больше, чем в империалистической, и которой так страстно желал Ленин… Вождь показал, как надо ликвидировать непослушных. Ведь это по его инициативе из десяти тысяч кронштадтских матросов 8,5 тысячи были репрессированы; с его согласия опустошена Тамбовская губерния; подавлены крестьянские восстания в Поволжье, на Дону, в Западной Сибири. И по сей час «хранители» этого «наследия» фактически закрывают на это глаза, предлагая вновь вернуться в прошлое!

Длинная цепь преступлений, начатая государственным переворотом в октябре 1917 года и продолженная разгоном Учредительного собрания, убийством царской семьи и многими другими «революционными целесообразностями», чудовищно длинна. У истоков этой цепи стояли первые два вождя, персонифицируя своими именами один из главных инструментов большевиков – насилие.

Ленин в системе был светский аятолла, которому нужно было только верить, почитать и не сомневаться в гениальности его многотомья, любить бесчисленные сусальные «воспоминания соратников» и картинки, поставленные на пропагандистский конвейер. Великая реальная страна, реальный могучий народ, реальная вечная культура оказались в плену большевистских химер.

Ленин сделал главное: добыл вожделенную власть; заложил основы общества и государства, которые, верил он, являются прообразом «всемирной коммунистической республики»; оставил чертежи коммунистического будущего и указал траекторию его достижения. Наследники-вожди должны были лишь следовать его мудрым «указаниям» и «заветам». Как верующие никогда не подвергают сомнению священную мудрость Иисуса Христа и Аллаха, так и коммунистические атеисты не могли усомниться в идеях и делах коренастого большевистского «пророка». Его «заветы», если называть вещи своими именами, свелись к антихристианству, антикапитализму, антидемократизму, антиреформизму, антигуманизму.

Лишь в какой-то степени третий «вождь» – Хрущев – попытался демонтировать антиреформизм, и «вождь» седьмой – Горбачев – объективно подверг сомнению, оставаясь ленинцем,

весь набор ленинских постулатов. Простые люди, за ничтожным исключением правдоборцев, не могли и не хотели этого делать. Ленинский «социализм» многих устраивал. Всем, по крайней мере, была обеспечена гарантированная бедность. Нельзя отрицать определенного набора элементарных социальных достижений. Человеку нечего было бояться безработицы: за крайне низкую плату работа всегда гарантировалась, в чем выражалась особая форма эксплуатации государством человека. Не было «забот» с общественным выбором, за людей все решали наверху: как голосовать, кого поддерживать, что осуждать, в чем проявлять «инициативу» и многое, многое другое.

Большевизация была доведена до черты, когда люди совсем не знали, что такое свобода, и, естественно, не ценили ее. Да и сейчас мы не умеем распорядиться свободой, нередко усматривая в ней лишь возможность творения беззакония, безнравственности, бездуховности.

Как пишет в своей превосходной книге «Горькая чаша» А.Н. Яковлев: «Цена индустриализации вкупе с феодальным управлением была катастрофически высокой, потери – и людские, и материальные – огромны, безразличие к человеку – беспредельно. Разлагавшаяся система разлагала и народ, толкая его к воровству и безделью, но всячески мешая жить честным трудом. Не будем кичиться, что не было безработицы. При крепостничестве ее тоже не было»{1216}.

По-своему такая жизнь удобна для того, кто не знает аромата и ветра свободы, кто не протестует против «шигалевщины». Ленинский социализм, «полный», «окончательный», «развитой», всякий иной, «обоснованный» в недрах аппарата ЦК, внешне мог даже выглядеть привлекательно, учитывая советскую традицию умения показывать «исторические достижения». Но то, что такой социализм изначально имел две главные опоры – Ложь и Насилие, со временем всячески камуфлировалось и, конечно, всячески отрицалось.

Один из интеллектуальных помощников М.С. Горбачева Г.Х. Шахназаров в своей книге «Цена свободы» пишет, что все имели возможность убедиться – «социалистические принципы в экономике могут уживаться с самым свирепым единовластием и произволом: безупречные в нравственном отношении идеологические постулаты об освобождении труда ничуть не мешали закабалению государством десятков миллионов своих граждан. С этой точки зрения правомерно сказать, что у нас были одновременно рабовладельческая и крепостническая формы эксплуатации труда. И в то же время господствовавшей общественной собственности нельзя отказать в социалистическом

содержании»{1217}. Так пишет глубокий аналитик социализма, продолжающий верить в «коллективное мессианство» советского народа.

Семь десятилетий – семь вождей. Это совпадение – историческая случайность. Но отнюдь не случайным является постепенное и неуклонное ослабление власти вождя Системы. Власть генсеков, как власть большевизма, вообще незаметно слабела.

Первый и второй вожди обладали ничем не ограниченной диктаторской властью, хотя в наиболее зловещей форме это продемонстрировал Сталин, руководствуясь, правда, рецептами Ленина и «революционной совестью».

Хрущев – «вождь» третий, объективно пытавшийся сам ослабить роль единовластия, тем не менее остался верен идее большевистского абсолютизма, которую считал вправе материализовать лично. Достаточно вспомнить «дарение» Хрущевым Крыма, волевое изменение границ некоторых районов на Кавказе, кубинскую авантюру и другие «экстравагантные» шаги лидера. Власть первого лица уже не была диктаторской, но по-прежнему колоссально непререкаемой.

Брежнев – четвертый «вождь», пытавшийся законсервировать систему, не обладал для этого соответствующими качествами. Эрозия ленинских устоев общества и государства достигла особенно большой глубины во время его правления. При внешней неизменности огромной роли «первого» лица в партии и государстве наметился колоссальный разрыв между официальными атрибутами власти, ее публичным признанием и реальным отношением к ней. Все почувствовали ее внутреннюю слабость и ущербность. У растущего числа людей формировался дуализм мышления: одно на словах, другое на деле. Фактически многие партийные бонзы стали подспудно руководствоваться правилом мольеровского Тартюфа: кто грешит в тиши, греха не совершает.

Выглядит парадоксально, но это так: к моменту достижения военно-стратегического паритета с США, пика своего ракетно-ядерного могущества, Советский Союз в духовной своей основе начинал испытывать все большую внутреннюю неуверенность. Отсутствие у великой страны достойного ответа (его и не могло быть!) на критику Запада по поводу нарушений прав человека в СССР; ставшее хроническим бегство советских людей в свободный мир (остановить не удавалось); дефицит каких-либо конструктивных идей по выводу страны из перманентного экономического кризиса – все это демонстрировало реальное ослабление советских властей. Брежнев оказался «вождем»

государства, военная мощь которого совсем не гармонировала с реальными духовными основами властей, «не соответствовала» им. Роль общечеловеческих параметров бытия признавалась только формально. По-прежнему в оценке политических, социальных и идеологических процессов господствовал пресловутый «классовый подход».

Пятый и шестой «вожди» – Андропов и Черненко не могли ничего существенно изменить в неуклонном и необратимом процессе ослабления советской власти, коррозии роли аятоллы – светского и духовного лидера страны. Хотя Андропов, возможно, один из самых умных советских руководителей, пытался что-то изменить в роковом для режима ходе вещей, это не имело шансов на успех. Его стремление административными способами затормозить углубление кризиса системы не могло, естественно, дать желаемого результата. Дело совсем не в том, что смерть слишком рано похитила жизнь у пятого «вождя». Андропов со своим ленинским, чекистским мышлением не был способен на кардинальные перемены. Во многом, в главном, он действовал так же, как и все его предшественники. Вот небольшая фактическая иллюстрация.

В августе 1983 года Андропов встретился в Центральном Комитете с ветеранами партии, рассказывал им о своих намерениях через укрепление дисциплины добиться улучшения общей ситуации в обществе. Ветераны довольны, горячо поддерживают генсека. Дальше ход событий идет точно таким же образом, как и долгие десятилетия до Андропова. Политбюро на своем заседании 18 августа 1983 года постановляет: «Обеспечить пропаганду положений и выводов, содержащихся в выступлении товарища Андропова»[1218]. Генсек сам подписывает это решение…

Вера в директивы, «указания» вождя, всесилие партийного аппарата на самом деле во все большей мере демонстрировала слабость власти, не имеющей в своем арсенале иных средств воздействия на реальную действительность, кроме своих рутинных постановлений.

«Вожди» оставались в своих партийных кабинетах, а власть их исподволь, незаметно для внешнего наблюдения, ослабевала. Это выражалось прежде всего в «дряблой» исполнительности, формальном отношении к партийным директивам, росте государственного бюрократизма. Похоже, давнее указание Ленина по поводу «волокиты» и бюрократизма осталось так же актуальным спустя десятилетия: «…сажать за это профсоюзовскую и коммунистическую сволочь (суд, пожалуй, помягче выразится) в тюрьму беспощадно»[1219].

Когда внутренние причины «вытолкнули» Горбачева на вершину большевистской власти, она при всей внешней респектабельности и наличии мощных исполнительских рычагов сохранила все свои накопившиеся за десятилетия органические изъяны. Эти «изъяны» в определенных условиях (война, политический кризис, господство диктатуры) как раз и были выражением силы тоталитарного режима. Достаточно перечислить их, чтобы почувствовать обреченность ленинской модели: монополия на власть одной политической силы, директивная система управления, глубокий антидемократизм власти, закрытость общества, тотальный контроль, особая роль первого лица, которое никогда не избирается народом. Горбачев был лучшим лидером в этой большевистской семерке. Он сделал действительно много. Очень много. Мог бы и больше, если бы отказался от веры в возможность сохранения коммунистической системы и ее реформирования. А ведь 23 августа 1991 года, вновь встречаясь с прессой после спасения его демократами из форосского заточения, он заявил журналистам в том смысле, что, как и раньше, верит идеалам социализма и не исключает возможность совершенствования КПСС!

Начав великую Реформацию, Горбачев не смог точно определить ее цели. В этом его трагедия.

На фоне несомненного прогресса всей человеческой цивилизации, особенно европейской, существование тоталитарной коммунистической системы в СССР представлялось все большим диссонансом. При этом, разумеется, я очень далек от идеализации даже демократических режимов на Западе, не говоря уже о существующих многочисленных деспотиях в различных уголках мира.

Приход к власти М.С. Горбачева совпал с «вызреванием» глубинных причин кризиса ленинского детища, выразившегося, прежде всего, в глубоком ослаблении власти. Стоило седьмому «вождю» лишь слегка приоткрыть двери, за которыми находилась правда о многих событиях отечественной истории, истина о реальном состоянии немалого числа закрытых сфер общества, как люди почувствовали бессилие неправой силы. События в Алма-Ате, Баку, Тбилиси, Вильнюсе показали, что применение военного «кулака» для решения внутренних проблем не дает желаемого результата. Партийные заклинания съездов и пленумов КПСС были не в состоянии «ускорить» социально-экономическое развитие, не могли остановить процесс дезинтеграции советского общества и рост национализма, оказались бессильными против стремления людей кардинальным образом изменить свою жизнь.

Позитивным результатом эрозии большевистской власти и ее

первых «вождей» стало исчезновение ленинской системы, которая была аномальной в рамках «привычной» исторической эволюции.

Результатом негативным ликвидации коммунистической власти явилось исчезновение СССР как единого государства. Это образование (возможно, и не в полном составе) могло продолжать жить в виде демократической конфедерации, к чему объективно стремился последний «вождь». Впрочем, эта возможность не утрачена и сегодня.

Попытки реанимировать отжившую систему бесплодны и опасны. Даже при временном приходе к власти коммунистов, что в принципе исключать нельзя, ничего нового обществу они предложить не в состоянии. Их ленинский арсенал теперь прекрасно известен всем. Незрелой и неумелой российской демократии может не хватить лишь полутора-двух лет до момента, когда начнется экономическое оживление, а затем и бурный рост в стране. А это лучшие аргументы в пользу демократии и бесплодности коммунизма, который при всех грядущих обстоятельствах не имеет исторического будущего.

Семь вождей… Вглядываясь в лица тех, кто на протяжении семи десятилетий руководил советским государством, мы не только глубже понимаем судьбы генсеков, «стоявших над народом». История этих людей – отражение великой драмы великого народа.

Логика власти почти всегда безнравственна. Большевистской – особенно. Всякий раз с уходом очередного вождя (кроме первого: он был всем нужен для оправдания и обоснования своих поступков) каждый последующий лидер сразу же терял почтение к предшественнику. Это было прагматично: все грехи сегодняшние можно было переложить на «вчерашнего» лидера.

Стоило «сослать» Хрущева на подмосковную дачу доживать свои дни в безвестье, как тут же вслед ему полетели стрелы осуждения и негодования. Так группа старых большевиков во главе с известным членом партии Акуловым пишет Брежневу письмо, где требует сократить Хрущеву пенсию, «дать квартиру с совмещенным санузлом», лишить персональной машины и т. д. И что же? Политбюро вдвое сокращает пенсию, предоставляет менее престижную дачу и т. д. Ведь пишут же большевики, «видевшие Ленина»: «Что он (Хрущев) оставил после себя, когда был руководителем партии и государства? Да ничего!»{1220}

Большевистские руководители фактически руководствовались древнеримским законом «Осуждения памяти», когда ушедшие в мир иной императоры предавались забвению. Горбачев оказался таким же последователем: через короткое время исчезли с карт названия городов (но не сами города)

Брежнев и Черненко, названия улиц и кораблей, космического центра и шахты. «Любовь» и почитание граждан должны были фокусироваться на новом вожде. Хотя справедливости ради заметим, что только Горбачев и повел с этим решительную борьбу.

Если быть честным перед прошлым, настоящим и будущим, то следует с полной определенностью сказать: все лучшее, что было в нашей советской истории, чем мы гордимся и что из этого сохранилось и сохранится вечно, – результат деяний миллионов людей, продолжавших верить, несмотря на идеологические мифы ленинизма, в непреходящие ценности – Истину, Добро, Красоту. Во всем этом роль вождей глубоко вторична, особенно двух первых. Советский народ, которому выпала доля страдать, надеяться и снова страдать, построил и создал своим разумом, волей и трудом города, заводы, фабрики, плотины, дороги. Космос, культура, великий подвиг разгрома фашизма суть деяний великого народа.

Прошлому мстить бессмысленно. Советское прошлое не является «черной дырой» уже и потому, что в том времени прожили миллионы наших соотечественников, со своими радостями, болями и надеждами. В трагизме советской истории, полной зловещих и страшных страниц, предопределенных ленинским экспериментом, были и страницы светлые, написанные вопреки логике большевизма.

Силуэты вождей, которые «вели» советских людей к «светлому будущему», – своеобразные вехи на этом драматическом пути. Как бы мы ни относились к Ленину, Сталину, Хрущеву, Брежневу, Андропову, Черненко, Горбачеву, они наиболее зримая часть нашей истории. В своей российской действительности мы давно привыкли приковывать свои взгляды к «императорским высочествам», видя в них олицетворение давно ушедших времен.

Советские «вожди», несмотря на марксистский вывод о решающей роли народных масс в истории, не смогли «отменить» известной исторической традиции: видеть в лидерах государств символ отгоревшего, отшумевшего, памятного и забытого, унесенного в вечность рекой времени.

Великое будущее России предопределено Провидением. Верю, за порогом следующего века мы будем участниками и свидетелями российского «экономического чуда», начала нового «серебряного века» культуры, станем одной из процветающих цивилизованных стран мира. Верю, что ряд республик бывшего Союза добровольно объединятся в Демократическую Евроазиатскую Конфедерацию. Верю, что эта неизбежность

грядущего исторического взлета определена нашей трагической историей. Должны же мы чему-нибудь у нее научиться?! Мы выстрадали свое достойное грядущее и новых, достойных лидеров.

Галерея представленных портретов – это не только подлинные, документальные силуэты «вождей», прошедших по земле, но и в немалой степени наша собственная история в лицах. В них – наше прошлое, далекое и близкое. Гамлетовский конфликт между духом и бытием – вечен.

Мы не всегда осознаем, что прошлое дает духовные «предписания» настоящему и будущему.

Вожди «ушли». Их история остается с нами.

Леонид Млечин. Три президента

Борис Ельцин. Бунтарь на троне

В разгар одной из антиельцинских кампаний заборы в Москве были испещрены надписями «Беня Эльцин – предатель». Заборы разрисовывали озлобленные граждане, которые не знали, как бы еще больнее уязвить президента России, виновного, по их мнению, во всех бедах и несчастьях народа. Глядя на себя в зеркало, Борис Николаевич, должно быть, веселился: ну как можно увидеть в его облике семитские черты? Ельцин для всего мира – олицетворение русского характера. Для россиян он свой, такой же, как они, потому в период расцвета Ельцин и пользовался фантастической популярностью.

Сам Борис Николаевич Ельцин не любил говорить о себе, о своих мыслях, чувствах, эмоциях, планах и идеях. Никто, за исключением самых близких людей, не слышал его откровений. Если он вообще был способен на откровенность. Книги, написанные за него, не в счет. Другие, конечно, много чего наговорили о Ельцине, в том числе и всякой несусветной и обидной бессмыслицы. Надо отдать должное Ельцину – он вел себя достойно. Стойко переносил клевету, не отвечал ни на брань, ни на критику.

«Ему нужна вся власть»

Высокий и немногословный Ельцин с его твердым характером более всего соответствовал вошедшему в нашу плоть и кровь представлению о начальнике, хозяине, вожде, отце, даже царе, и нашему желанию прийти к лучшей жизни, которое должно совершиться по мановению чьей-то руки. Как выразился один замечательный историк, в самом глухом уголке самой религиозной страны на нашей планете не встретишь такого упования на чудо, какое существует в России, в которой атеизм многие десятилетия был одной из опор государственного мировоззрения.

Все его существо было настроено на достижение власти и на ее удержание. Летом 1989 года помощник президента СССР Георгий Шахназаров спросил Горбачева:

– А почему бы вам не удовлетворить амбиции Ельцина? Скажем, сделать его вице-президентом?

Михаил Сергеевич отрезал:

– Не годится он для этой роли, да и не пойдет. Ты его не знаешь. Ему нужна вся власть.

Ельцин принадлежал к числу людей, которые лучше всего

проявляют себя в роли полновластного хозяина. Он родился таким, такова была его генетическая структура. Вся его жизнь была подчинена этой внутренней программе. И даже когда он уходил в отставку (а он делал это дважды), то с глубоким смыслом. Не стоит забывать, что в его жизни первая отставка привела к победе и к президентству, вторая – избавила его от всех проблем, которые преследовали его все последние годы.

Ельцин нисколько не сомневался, что его роль в истории России будет оценена по достоинству. И это произойдет вне зависимости от того, как поведет себя его преемник – будет ли он с уважением относиться к ушедшему в отставку первому президенту России или же по традиции возложит на него вину за все беды и неудачи.

Хотя Ельцин понимал, что при неблагоприятном развитии событий его, конечно, могли привлечь к ответственности за то, что при нем происходило. Один из его помощников говорил мне, что в последние годы президентства Борис Николаевич, наверное, был даже готов стать жертвой. В таком случае он тем более войдет в историю. Говоря шахматным языком, это жертва ферзя ради выигрыша партии… Но, похоже, Борис Николаевич не захотел жертвовать собой, поэтому преемника тоже выбрал по собственному вкусу.

– Мне всегда говорили – и его охранники, и те из помощников, кто был к нему близок, – что он любит напористых, даже хамоватых, – рассказывал мне бывший руководитель президентской администрации Сергей Филатов. – Ему нравились люди инициативные, безусловно преданные, те, кому можно доверить свои тайны. Он стал Путиным восхищаться, потому что тот смело и твердо проводил линию в Чечне. А вот хлипких Ельцин не любил. И я заметил, он не любил совестливых глаз. Боялся их. Может быть, поэтому он не очень часто раскрывался, не хотел показать себя.

Считал ли Ельцин себя вождем, лидером? Размышлял ли о себе и о своем месте в истории?

Андрей Козырев, первый министр иностранных дел новой России:

– Никогда не слышал, чтобы он занимался каким-то самоанализом. Но у него был ярко выраженный советский вождизм. Он же секретарь обкома. Он считал, что может и должен руководить, что это естественная для него роль. Но при этом о себе не говорил! Это тоже представление о мистичности власти. Советская бюрократия была страшно замкнутая и закрытая. Мы ведь видели только портреты, и эти люди старались вести себя как портреты даже между собой. С определенного уровня человек

вел себя особым образом – мало говорил и только произносил лозунги, отдавал руководящие указания – в том числе своим детям. Почему в этих семьях было много наркоманов и пьяниц? Потому что у них не было нормального общения с родителями, в семье не было отца или деда, а был член политбюро. Внуки и дети не знали, что думает отец или дед… У Бориса Николаевича это тоже чувствовалось. Хотя в своей семье он был нормальным папой и дедушкой, я это видел…

– И все-таки он, наверное, думал о себе: «Это я построил новую Россию»? – спросил я у Георгия Сатарова, бывшего помощника президента.

– Сложно ответить. Ельцин – человек, который не признавал местоимения «я». Это особенно заметно по его выступлениям. Когда я стал участвовать в подготовке его речей, один из первых уроков, которые мы получили. О себе говорил в третьем лице: «президент». Журналисты его на этом ловили – но это не мания величия! Это совсем другое! И о своих чувствах, эмоциях он не говорил. Так что можно только строить предположения.

– Когда он разговаривал с окружающими, видно было, что Ельцин всякую минуту помнит, что он – президент?

– Да, безусловно. Это часть его игры. «Я первый президент России и поэтому должен быть именно таким».

– Сознание собственного величия переходило в обычное начальственное барство?

– В личном кругу, среди помощников, членов Президентского совета, я этого не замечал. Рассказы такого типа слышал, но это, может быть, касалось самых близких людей, которых Борис Николаевич использовал, чтобы сорвать на них напряжение, разрядиться как-то. Он мог бросить какую-то непонравившуюся бумагу, но не в лицо. Конечно, мог проявить раздражение… Но это видели только самые близкие люди.

– Грубости я никогда не видел, – вспоминает Козырев. – Барского, советского хамства тоже не встречал – ни в отношении к себе, ни к другим. Он всегда обращался на «вы» – за исключением редких случаев интимного общения вне работы. И по имени-отчеству. Он вообще не ругался матом. У нас в ряде случаев это просто общепонятный технический язык, а он этого не выносил. В работе с ним было много приятных сторон, царила более культурная, интеллигентная обстановка, чем в советские времена.

В президентском клубе, где собиралось высшее руководство страны – заниматься спортом или ужинать, Ельцин даже ввел штраф за каждое нецензурное слово. Желающие рассказать скабрезный анекдот сразу выкладывали деньги, а потом веселили

публику. Но Ельцин к этому все равно относился неодобрительно, хотя анекдоты любил.

– Звучит удивительно! Всегда считалось, что Ельцин – обкомовский человек, чуть что – кулаком по столу. Или это он не со всеми себя так вел?

– Он же артист, – объяснял мне Сатаров. – Умел играть. Он, может быть, не всегда правильно строил свою роль, но всегда играл. Он, может быть, с нами тоже играл, но то была другая игра – с теми, кого он сам выбрал, кто ему должен помогать. Он иногда любил говорить добрые слова. Например: «Георгий Александрович, я наблюдаю за вашей работой, даже знаю о ней больше, чем вы думаете, и я вами доволен». В этих словах была своя игра. Но приятная…

Ельцин тоже совершал ошибки. Он потерпел множество мелких поражений, он оставил страну в бедственном положении, но в борьбе за власть выиграл все основные битвы. В этом его отличие от Горбачева, блистательного тактика, который одерживал одну мелкую победу за другой, но проиграл главную битву и лишился власти. Ельцина никто не сумел лишить власти. Он ушел сам, когда счел это целесообразным.

Гроссмейстер политических шахмат

Противники Ельцина относились к нему уничижительно. Но как же в таком случае ничтожны его противники, которые постоянно ему проигрывали! Наверное, многим это сознавать неприятно, но он побеждал во всех выборах, в которых участвовал. Ему дважды пытались объявить импичмент. Причем оба раза депутаты – сначала Верховного Совета, потом Государственной думы – были уверены, что избавятся, наконец, от этого человека. И все равно Ельцин их обставил.

– Он хитрый, – говорит Андрей Козырев. – Он следил за всем полем. Многие ошибались, думая, что он уже потерял хватку. Впечатление создавалось такое, будто крокодил спит. И я видел, как людей это подводило. Он, возможно, специально делал вид, что спит. Хотел посмотреть: а как они себя поведут?..

Мелкий политик, как и шахматист средней руки, ставит перед собой конкретную цель, достигнув ее, переходит к следующей, словом, карабкается наверх шаг за шагом, всякий раз просчитывая всего лишь несколько ходов вперед.

Гроссмейстер, шахматист от бога, сразу представляет себе, как будет развиваться вся партия и какая позиция ему нужна, чтобы добиться успеха. Так и прирожденный политик Ельцин сначала формулировал в голове окончательную цель и лишь

потом думал о том, как к ней приблизиться, что нужно сделать сейчас, а что потом.

Занимаясь политикой всю жизнь, Ельцин, конечно же, многому научился. Но главное было заложено в нем с детства. В прежние времена он завоевывал сердца избирателей в тот момент, когда неожиданно улыбался, крепко жал кому-то руку и произносил одну, максимум две фразы. И не те, которые придумывают консультанты. Простые фразы, подсказанные Ельцину его политическим инстинктом.

– Это был беспредельно талантливый человек, – вспоминает Георгий Сатаров. – Борис Николаевич учился. У него была колоссальная память. Он любил ею блеснуть, фундаментально готовился к поездкам, и мы ему всегда организовывали общение с интеллектуалами, независимыми экспертами, чтобы он мог обогатиться. Ему это дико нравилось!

На серьезной международной встрече он мог повергнуть своего партнера на переговорах в недоумение интересными подробностями, неожиданными поворотами. Он это обожал! Поэтому ценил, когда ему предлагали оригинальные идеи, выкладывали интересную информацию. Это не было систематическим образованием, но внутренний талант позволял ему умело эксплуатировать новые идеи. Советское, конечно, в нем тоже оставалось. Прежде всего это касалось каких-то общих вещей, понимания принципов управления страной. Ему все-таки самым важным представлялось управление через кадры. Это классическое советское искусство. Новый принцип – естественное управление посредством законов – давался Ельцину тяжело…

– Он все и всех помнил, – говорит Евгений Савостьянов, бывший заместитель руководителя президентской администрации. – Ему не надо было, называя фамилию, объяснять, о ком идет речь… Ельцин все мгновенно усваивал. Приводил цифры и факты на память, не заглядывая в бумаги.

Он получал огромное количество информации, все читал и запоминал. Он человек с феноменальной памятью, это свойство многих партийных работников, можно сказать, критерий профессионального отбора. Без отличной памяти невозможно было продвинуться наверх, потому что приходилось часто менять сферу деятельности и заниматься вещами, о которых еще вчера не имел ни малейшего понятия.

Когда Ельцин принимал заведомо неудачные решения, никто не хотел верить, что это он сам придумал. Грешили на других, на тех, кто дает ему советы. Хотя его окружение никогда не позволяло себе выходить из определенных рамок. Ссылки на окружение лишь маскировали ясно выраженную президентскую

волю.

Он менялся. Расстался со многими представлениями и мифами советских времен. После того как осенью 1999 года в немецкой клинике умерла от лейкемии Раиса Максимовна Горбачева, Ельцин послал за ее телом самолет из правительственного авиаотряда. Вражда двух президентов осталась в прошлом, делить больше нечего и незачем. Возможно, Ельцин понял, что все в жизни преходяще и перед лицом смерти уже ничто не имеет значения.

Он многое в себе поборол. Он так и не захотел стать диктатором. Даже не пытался. Средства массовой информации годами буквально обливали его помоями. А он решил для себя, что свобода печати должна сохраниться, и ни один журналист его не боялся. Разносить президента было безопаснее, чем любого чиновника в стране.

Его не раз толкали в сторону чуть ли не военной конфронтации с Западом. Анатолий Чубайс, который одно время руководил президентской администрацией, рассказал журналистам о том, как шло совещание в Кремле по поводу расширения НАТО:

– Какие там варианты обсуждались! Просто волосы дыбом вставали. Пересмотр бюджета – деньги на военно-промышленный комплекс и спецслужбы, мобилизация экономики. Если не хватит, Центральному банку еще денег напечатать…

И все-таки Ельцин на это не пошел. Чувствовал, что может погубить страну.

Политологам казалось, что Ельцин постоянно ошибается, все делает не так. Но они руководствуются обычной логикой, учитывая известные им факты, анализируя ситуацию. А у него была иная логика, основанная на интуиции.

– Он производил впечатление человека, который не желал вникать в детали, – вспоминал генерал армии Андрей Николаев, бывший директор Федеральной пограничной службы. – Он хотел получить ответы на тот блок вопросов, который был ему интересен, и извлечь главное звено – то, что он считал важным… Ельцин очень опытный политик.

– Когда я обращался к нему с каким-то делом, – рассказывает Андрей Козырев, – он иногда мог ответить: «Ну что, вы сами не можете решить этот вопрос?» Это означало, что он оставляет себе свободу рук, чтобы потом, в случае неблагоприятного развития событий, иметь возможность сказать: вот я вам доверил, а вы ошиблись. Но мне важно было позвонить и доложить. Я, по крайней мере, честен: не взял на себя то, что не должен был брать. А если он хочет оставить себе свободу рук – это его право…

Ельцин быстро принимал решения. Но не спешил их обнародовать. Устраивал совещания, выслушивал противоположные мнения. Иногда казалось, что он склоняется в сторону тех, с кем в реальности не согласен. Те, кого он в действительности поддерживал, уже готовы были подать в отставку, и тут он объявлял решение, которое для многих становилось неожиданным.

– Он полагался на мнение окружающих его людей? Или как-то сразу понимал: это хорошо, а это плохо? – задал я вопрос Георгию Сатарову.

– Во-первых, он для себя решал, можно ли полагаться на то, что говорит этот человек, или нельзя. Я уверен, что он собирал информацию об окружающих его людях, да ему и стучали на всех. Во-вторых, конечно, у него были собственные представления о том, как надо решать многие проблемы.

Однажды Сатаров пришел к президенту с аналитической запиской, в которой предсказывались напряженные политические баталии:

– Борис Николаевич, вы, конечно, все знаете и без меня, но нас ждут такие вот потрясения…

Ельцин положил руку на стол:

– Давайте поспорим, что все будет нормально?

Сатаров заулыбался:

– Борис Николаевич, я с удовольствием поспорю и с еще большим удовольствием проиграю, но я обязан отработать и наихудший вариант.

Президент согласился:

– Это правильно, это ваша обязанность.

Но в конце концов президентская интуиция победила расчет его помощников…

– Значит, он действительно обладал интуицией, о которой некоторые говорили с восхищением?

– Он хорошо знал политическую элиту, знал людей, с которыми имел дело, и это помогало его интуиции. Вот пример – отставка Примакова с поста главы правительства. Если бы в тот момент я был помощником президента, я бы ему сказал, что ни в коем случае этого не следует делать. Нельзя трогать Примакова – будут большие потрясения. Я был в этом уверен на сто процентов. А он бы мне также протянул бы руку: давай поспорим, что все пройдет спокойно! И он оказался прав…

– В разговоре Ельцин предпочитал слушать или говорить? – спросил я у Евгения Савостьянова.

– Как правило, больше приходилось говорить самому. Он вызывал человека не для того, чтобы при нем произносить речи.

Он вызывал, чтобы выслушать подчиненного о его работе, иногда дать какие-то указания, замечания.

– Ельцину интересно было беседовать с человеком, который приходил к нему по делу? Он внимательно слушал, вникал? Смотрел в глаза собеседнику или безразлично отводил взгляд?

– Пока ты говорил, он всегда смотрел тебе в глаза. По всей вероятности, хотел понять, насколько ты сам готов к разговору, в какой степени владеешь материалом. Обычно такие встречи длились минут двадцать. За это время надо доложить, как идут дела по тем направлениям, которыми занимаешься. На каждый вопрос уходило три-четыре минуты. Нельзя растекаться мыслями по древу и философствовать. С Ельциным можно было спорить. Желательно не публично. Не следовало, скажем, на совещании обязательно стараться настоять на своей точке зрения, чтобы президент вначале сказал одно, а потом признал: вот, Иван Иванович все правильно придумал, а я ошибался…

Но спорить с ним можно было, с этим соглашаются все, кто работал с президентом. Он всегда выслушивал своих сотрудников и никогда не говорил: «Заткнитесь, замолчите!» Он любил полагаться на профессионалов. Резолюцию «Не согласен!» можно было увидеть очень редко. Как ни странно.

Симпатии и антипатии

Ельцин был надежным партнером. Если принял решение, от него не отступался. Это происходило только в том случае, если ему подсовывали какую-то ненадежную бумагу, которую потом оспаривали другие чиновники… А если его с аргументами в руках убедили в необходимости какого-то шага и он согласился, то вел себя порядочно. Помнил, что это он принял решение и разделяет ответственность за него. Даже если не подписал документ, а всего лишь сказал: «Действуйте по своему усмотрению».

Бывало другое: он знал, что решение заведомо непопулярное, и хотел, чтобы критиковали какое-то ведомство, а не его самого. Тогда разыгрывалась соответствующая игра: президент возмущался тем, что принимаются какие-то решения, о которых он ничего не знает! Таким образом он выводил себя из-под удара.

Вопрос к Андрею Николаеву, бывшему директору Федеральной пограничной службы:

– А переубедить Ельцина можно было? Или если он занял какую-то позицию, то до последнего стоял на своем? И его с места не сдвинешь?

– Вполне можно было. Он совершенно точно чувствовал,

когда человек квалифицированно докладывает, а когда пытается лапшу на уши вешать. Мгновенно мог оценить ситуацию и сказать: «Хорошо, спасибо, идите работайте». Он мог любого остановить, сказать: «Разберитесь, мы к этому вопросу еще вернемся». Как правило, в следующий раз этому человеку не скоро предоставлялась возможность докладывать президенту.

Но мстительным не был. Плохого работника мог без сожаления уволить, но поверженного не топтал. И тех, кто не подчинялся его воле, тоже не заносил в черный список.

– На людях он воплощался в личность жесткую, бескомпромиссную, на первый взгляд откровенно пренебрежительно эксплуатирующую человеческий материал, – рассказывал журналистам Геннадий Бурбулис, который когда-то был очень близок к Ельцину. – Но наедине он был совсем другим человеком: достаточно мягким, внимательно относящимся к своему собеседнику…

Эдуард Россель, многолетний губернатор Свердловской области, в семидесятые годы работал на комбинате «Тагилтяжстрой». Ельцин, тогда еще секретарь обкома, приехал в Нижний Тагил и вызвал Росселя:

– Вы, конечно, знаете, что у нас нет председателя горисполкома?

– Знаю.

– Так вот, я переговорил с секретарями райкомов партии, парткомов, рабочими, Советом директоров Нижнего Тагила. Все единогласно рекомендуют вас.

Россель не принял назначения. Ельцин был изумлен. Он всегда вертел в левой руке, на которой не хватало двух пальцев, карандаш. Услышав отказ, Ельцин от раздражения сломал карандаш и металлическим голосом произнес:

– Я ваш отказ запомню и не прощу.

Тем не менее Ельцин ценил Росселя и продвигал его по строительной части…

Профессиональный политик по определению циничен, иначе едва ли добьется успеха. А Ельцин был равнодушен к горестям и трагедиям жизни?

– Я был очень близок с ним в первую чеченскую войну, – рассказывал Андрей Козырев, – и видел: он чудовищно переживал, видя гибель гражданского населения, разрушения. Другое дело, что в нем политик и администратор всегда брали верх над личными переживаниями. Но только незнающие могут говорить, что ему все было безразлично. Никакого цинизма в нем не было. В нем была политическая рациональность.

– Но Борис Николаевич так легко расставался с самыми

близкими людьми, что создавалось ощущение, будто он вовсе не способен к обычным человеческим эмоциям.

– У него личные привязанности не довлели над политической целесообразностью, как он ее понимал. За это его можно критиковать, но политик такого плана должен ставить во главу угла дело, а не личные отношения. И я бы мог сказать: мы пять с лишним тяжелых лет были вместе, и вдруг он меня сдает… Но я понимаю, что он руководствовался только политическими интересами. Нельзя критиковать его за то, что он политические соображения ставил выше личных отношений…

Соратники, союзники и помощники были нужны Ельцину для выполнения определенной цели. Как только цель достигнута, он расставался с этими людьми. Особенно если они начинали говорить о нем что-то плохое, как это произошло с многолетним начальником его охраны генералом Александром Коржаковым.

Ельцин уволил своего помощника Льва Суханова, который прошел с ним самые трудные годы и был исключительно ему предан, и даже не нашел времени для прощальной аудиенции. Суханов вскоре умер, так и не услышав слов благодарности за верную и беспорочную службу. Расставшись с ненужными работниками, Ельцин тут же набирал себе новую команду, которая добивалась вместе с ним следующей цели.

Оглоблей по голове

Борис Николаевич Ельцин родился 1 февраля 1931 года в селе Бутка Талицкого района Свердловской области в крестьянской семье. Здесь жили его отец – Николай Игнатьевич Ельцин и мать – Клавдия Васильевна Старыгина.

Ельцин вспоминал – видимо, со слов матери, – что во время крещения хорошо угостившийся священник опустил будущего президента в купель, то есть просто в бадью, а вынуть, заговорившись, забыл. Мать выловила его чуть ли не со дна. Мальчика еле откачали. Некоторые уральцы, впрочем, сомневались потом насчет правдивости этой истории, считали ее байкой – в начале тридцатых на Урале церкви закрывали одну за другой, да и угощать священника было нечем. Однако мать Бориса Николаевича не походила на человека, который мог бы придумать такую историю.

Похоже, ангел-хранитель и в самом деле не обходил Бориса Ельцина своей заботой. Не один раз он помогал ему выпутываться из историй, которые могли закончиться самым плачевным образом.

Семью Ельциных раскулачили. Деда, церковного старосту,

лишили гражданских прав и выслали на Север, где он вскоре умер. Отец и дядя уехали из родной деревни, завербовались на строительство Казанского авиационного завода, плотничали.

Николая Игнатьевича Ельцина и его младшего брата Андриана Игнатьевича арестовали в апреле 1934 года. Обвинили их вместе с группой вчерашних крестьян в том, что они «проводили систематически антисоветскую агитацию среди рабочих, ставя своей целью разложение рабочего класса и внедрение недовольства существующим правопорядком. Используя имеющиеся трудности в питании и снабжении, пытались создать нездоровые настроения, распространяя при этом провокационные слухи о войне и скорой гибели Советской власти. Вели агитацию против займа, активно выступали против помощи австрийским рабочим – т. е. совершили деяние, предусмотренное статьей 58–10 УК».

Судебная «тройка» Государственного политического управления (так именовались тогда органы госбезопасности) Татарской АССР 23 мая 1934 года приговорила Николая Игнатьевича Ельцина к трем годам исправительно-трудовых лагерей.

Некоторые исследователи считают, что внук и сын кулака Ельцин затаил ненависть к советской власти и потому, став президентом, запретил КПСС и развалил Советский Союз. Романтические мстители встречаются только в авантюрных романах. Репрессированные родственники были и у Егора Кузьмича Лигачева, и у других видных партийных руководителей, что не мешало им до последнего отстаивать преимущества реального социализма.

Лидерское начало проявилось в Ельцине очень рано – высокий, физически крепкий, задиристый, он увлекал за собой ватагу таких же сорванцов, как и сам. И с юности в нем проявились его знаменитый упрямый характер, способность, сжав зубы, добиваться своего, несмотря на любые препятствия. Школьные годы Ельцина прошли весело. Занятиями он себя не утомлял. Ему не мешало то, что на левой руке у него не было двух пальцев – большого и указательного. Борис покалечил себя, когда мальчишкой украл на складе оружия две гранаты и решил их разобрать. Ударил молотком по гранате, и она взорвалась. Еле добрался до больницы, где ему отрезали пальцы. Еще повезло: мог и зрения лишиться и на всю жизнь остаться инвалидом. Несчастный случай не напугал и не заставил быть осторожнее.

В юности любил подраться. Однажды ему врезали оглоблей по голове. Не будь голова у Бориса Николаевича такой крепкой, история России пошла бы иным путем. Бойцовский характер у

Ельцина сохранился на всю жизнь. Оглоблей его больше не били, но доставалось ему изрядно, пожалуй, больше, чем любому политику этого поколения.

В 1949 году он поступил на строительный факультет Уральского политехнического института имени С. М. Кирова. Все институтские годы Ельцин уделял волейболу значительно больше времени, чем учебе. Распределили его после института мастером в трест «Уралтяжтрубстрой». Стройка – суровая школа жизни, воспитывавшая жесткость и привычку добиваться своего любыми средствами. Главное – план: кровь из носу, но сделай! Имеет значение только результат – победителя не судят.

Работать приходилось даже с заключенными. Побывав в такой компании, уже никого и ничего не боишься. О себе Ельцин не без удовольствия говорил: «Вообще мой стиль работы назвали жестким. И это правда». Стройка приучала и к спиртному, и к привычке объясняться исключительно матом. От горячительных напитков Ельцин не отказывался.

Аркадий Вольский работал тогда в отделе машиностроения ЦК КПСС:

– Не раз летал в Свердловск. Наблюдал Бориса Николаевича и в таком виде, и в таком. Иногда после полета в Свердловск надо было три дня отгулов брать. Как навалится: «Ты что, не хочешь за Брежнева выпить? Ты что, за партию не хочешь?»

Свердловская область соревновалась с Днепропетровской. Первый секретарь Днепропетровского обкома Евгений Качаловский, вернувшись домой, с восхищением рассказывал:

– Борис Николаевич мог вечером выпить литр. Утром все в разобранном виде, еле языком ворочают, а он в шесть утра уже на стройке. Уральская натура.

Его приметил и взял на партийную работу первый секретарь Свердловского обкома Яков Рябов. Он же и учил Ельцина азам аппаратной науки:

– Я всегда объяснял: тех, кто не выполняет моих заданий, я могу раз предупредить, второй раз. А третьего предупреждения уже не будет. Я так говорю: или ты должен уходить, или я. Но я-то не уйду, меня может освободить только вышестоящий орган. Так лучше я тебя уберу, не стану ждать, пока насчет меня примут решение.

Это дивный принцип: умри сначала ты, а потом я! Так и делались карьеры. Вверх шли по головам менее ловких и умелых. Ничему иному партийная жизнь и не могла научить Ельцина. Стоило ли потом удивляться и возмущаться, что, став первым секретарем в Москве, он ломал судьбы своих партийных подчиненных, не способных обеспечить ему успех? Он рвался

вверх, и рядом с ним выживали только те, кто мог ему помочь подняться еще на одну ступеньку. И всю свою профессиональную жизнь он без сожаления расставался с теми, кто стал ему не нужен.

Ельцин сменил Рябова на посту первого секретаря Свердловского обкома, стал членом ЦК КПСС. Приезжая в Москву, он стучался в самые высокие кабинеты, и его всегда принимали. Первые секретари обкомов – одна из главных опор режима. От них зависел даже генеральный секретарь, потому старался с ними ладить.

Будущую жену Ельцин встретил в институте. Анастасия Иосифовна Гирина на год моложе Бориса Николаевича. Дома ее всегда звали Наей, в школе Наиной. В шестидесятые годы она даже официально поменяла имя и получила новый паспорт на имя Наины. Студенческий роман перерос в крепкое чувство. Наина Ельцина прошла рядом с мужем весь его трудный путь. Он, наверное, по-своему всегда ее любил, но был слишком занят карьерой. Борис Николаевич бывал грубоват, мог прикрикнуть. Сам признавался:

– Я человек жестковатый, не отрицаю. Наине со мной трудновато.

Александр Шохин, вице-премьер в правительстве России, описывал характерную сцену. Кто-то из приближенных наполняет Ельцину рюмку. Жена пытается его остановить:

– Борь, ну не пей!

– Цыц, женщина!

Приносят борщ. Ельцин берет солонку. Наина Иосифовна предостерегает:

– Борь, ты попробуй сначала. Борщ соленый.

Не обращая внимания на ее слова, начинает трясти солонку…

Наина Иосифовна – волевая сильная женщина. Иначе бы она не смогла жить с человеком такого трудного характера. Наина Иосифовна была ему преданна. Никогда не жаловалась и не рассказывала о семейных проблемах.

В 1956 году Наина и Борис поженились, через год родилась Елена, еще через три года – Татьяна. Ельцин хотел сына, но вырастил двух девочек. Отсутствие наследника в семье со временем сделает более обостренным поиск наследника политического…

Бунт, расправа и ножницы

Михаил Сергеевич Горбачев позже старательно уверял, что перевод Ельцина в Москву в 1985 году совершился не по его

инициативе: «Лично я знал его мало, а то, что знал, настораживало». Эти слова кажутся странными. Если бы генерального секретаря Горбачева, затеявшего перестройку, что-то настораживало, Ельцина бы в аппарат ЦК не взяли. Горбачев был человеком малопьющим, Лигачев пьяниц на дух не выносил. Если бы им сказали, что Ельцин изрядно закладывает за воротник, он бы не только в Москву не попал, но и в Свердловске не усидел. Но Ельцин был одним из тех, кого Горбачев сразу призвал под свои знамена в Москву. Буквально через десять дней после избрания Михаил Сергеевич приискал Ельцину место в аппарате ЦК.

Бориса Николаевича приметил еще Юрий Андропов в бытность его генеральным секретарем. Может быть, с подачи свердловских чекистов, может, какие-то другие причины заставили его обратить внимание на свердловчанина. Андропов принял решение его выдвинуть. Михаил Сергеевич это сделал. Поначалу ему Ельцин точно нравился. Горбачев сделал его хозяином Москвы.

Москва должна была стать витриной перестройки – и как можно скорее. Горбачев резонно предполагал, что моторный Ельцин, человек со стороны, способен быстро добиться успеха, стать примером для всей страны, продемонстрировать колеблющимся реальные результаты перестройки.

Борис Николаевич не сомневался, что справится с задачей. Принялся за новое дело со всей свойственной ему энергией. Исходил из того, что ключ к решению всех проблем – это кадры. Надо решительно убирать неумелых и разленившихся чиновников, ставить вместо них новых и дельных работников.

На пленуме горкома Ельцин произнес невиданную по тем временам речь – о бюрократизме и показухе, о том, что московская парторганизация оказалась вне зоны критики. Впервые за десятилетия первый секретарь горкома говорил о провалах и о бедственном положении столицы. Назвал причины – старое мышление руководителей и оторванность партийного аппарата от жизни. Его речь напечатала «Московская правда». За скучной городской газетой утром выстроились очереди. Читали, не веря своим глазам.

Вся Москва обсуждала Ельцина, которого еще никто не знал. С этого момента и началась его слава. Как странно: Ельцин никогда не умел говорить так складно и легко, как Горбачев. И речи Михаилу Сергеевичу писали лучшие в стране мастера. Но по прошествии лет никто не вспомнит ни одной речи генерального секретаря, поразившей людей. А выступления Ельцина всякий раз производили неизгладимое впечатление.

Борис Николаевич выступал напористо и смело, а Горбачеву оставалось следить за реакцией общества и либо поддерживать смельчака, либо журить за излишнюю прыть. В таком тандеме они могли бы продержаться долго. Однако скоро выяснилось, что Ельцин не намерен играть роль «горбачевского авангарда» и намерен добиваться собственного места на политическом небосклоне. Одновременно выявился его стиль как политического деятеля: резкие неожиданные шаги, нежелание идти на компромисс, готовность рисковать, ставить все на карту, чтобы не ограничиваться отдельными выигрышами, а «снять весь банк».

Ельцин ездил на метро и в троллейбусе, чтобы увидеть, как в час пик чувствуют себя горожане. Появлялся в магазинах и строго спрашивал у продавцов и директоров, куда делись выделенные им продукты. Он совсем не походил на других партийных чиновников и сразу стал очень популярен. Москвичи почувствовали его искреннее желание улучшить их жизнь. Хотя было и другое – он хотел отличиться, доказать, что способен изменить жизнь в городе.

Ельцин сменил двадцать три из тридцати трех первых секретарей райкомов. Приезжая на бюро горкома, ни один первый секретарь не знал, кем вернется назад. Сначала это производило колоссальное впечатление на москвичей, которые видели, что сметается целая генерация партийных чиновников, не вызывавших у людей никаких чувств, кроме презрения. Потом острота впечатлений притупилась. Прежние чиновники исчезали. Появлялись новые, но точно такие же. На Ельцина в ЦК пачками шли жалобы от обиженных чиновников. Его поведение искренне возмущало партийных коллег. Они считали, что московский хозяин подрывает основы власти. И в ЦК им были недовольны: где обещанные перемены?

А он сам не понимал, что делать: секретари менялись, а жизнь оставалась прежней.

Эти годы оказались разрушительными для здоровья Бориса Николаевича.

«Ельцин стал срываться, – писал тогдашний начальник Четвертого главного управления при Министерстве здравоохранения СССР академик Евгений Чазов, – у него нарушился сон (по его словам, он спал всего три-четыре часа в сутки), и в конце концов попал в больницу. Эмоциональный, раздраженный, с частыми вегетативными и гипертоническими кризами, он произвел на меня тогда тяжкое впечатление. Но, самое главное, он стал злоупотреблять успокаивающими и снотворными средствами, увлекаться алкоголем.

Рекомендации консилиума о необходимости прекратить

прием алкоголя и седативных препаратов Ельцин встретил в штыки, заявив, что он совершенно здоров и в нравоучениях не нуждается. Его жена поддержала нас, но на ее просьбы последовала еще более бурная и грубая по форме реакция. К сожалению, жизнь подтвердила наши опасения, и через десять лет этот сильный от природы человек стал тяжелым инвалидом…»

Ни сам Ельцин, ни кто-либо другой так и не сумели толком объяснить, почему он осенью 1987 года вдруг взбунтовался. Глядя из сегодняшнего дня, мы знаем, что он интуитивно поступил правильно: бунт со временем и сделал его народным любимцем и первым президентом России. Но никто, в том числе он сам, тогда и представить себе не мог такого фантастического поворота событий.

Никакой здравый расчет в тот момент не мог подвигнуть его на выступление против генерального секретаря и вообще против партийного руководства. Он рискнул всем: и карьерой, и здоровьем, и чуть ли не всей жизнью. И потерял тогда почти все! Его считали конченым человеком, который сам себя погубил.

Так что же, бунт Ельцина был ошибкой недальновидного человека, которого потом случайно подхватила волна народной симпатии и сделала своим лидером? Впоследствии люди из его окружения будут утверждать, что им действительно руководят инстинкты. При этом он сам не в состоянии объяснить, почему действует так, а не иначе…

Ельцин, несомненно, всю свою политическую жизнь руководствовался определенной логикой. В книгах, написанных за него Валентином Юмашевым, чувствуется желание как-то обосновать действия Бориса Николаевича. Но попытки перевести на простой арифметический язык хитроумные ельцинские построения не очень удачны. Во всяком случае, это какая-то совершенно иная, нестандартная логика, которая не раз приводила его к весьма неожиданным и странным решениям.

После выступления на пленуме против всевластия Егора Лигачева и секретариата ЦК Борису Николаевичу устроили выволочку. Если бы он раскаялся и покаялся, проявил готовность быть верным вассалом, Горбачев, может быть, еще и помиловал бы его. Но он уже увидел, что покорным Ельцин все равно не будет. Так зачем же ему держать под боком такого смутьяна да еще и популярного в народе? В стране может быть только один популярный политик – сам Михаил Сергеевич. Горбачев позвонил Ельцину и сказал, что его политическая карьера окончилась.

И Борис Николаевич сорвался.

Горбачев пишет, что ему немедленно доложили о

чрезвычайном происшествии: «Ельцин канцелярскими ножницами симулировал покушение на самоубийство, по-другому оценить эти его действия было невозможно. По мнению врачей, никакой опасности для жизни рана не представляла – ножницы, скользнув по ребру, оставили кровавый след… Врачи сделали все, чтобы эта малопривлекательная история не получила огласки. Появилась версия: Ельцин сидел в комнате отдыха за столом, потерял сознание, упал на стол и случайно порезался ножницами, которые держал в руке…»

Мнение академика Чазова: «Произошел нервно-эмоциональный срыв затравленного человека, который закончился тяжелой реакцией, похожей на суицид. И все же это не был суицид, как пытались представить некоторые недруги Ельцина. И тогда, и спустя годы, не упоминая имени Бориса Николаевича, мне приходилось обсуждать эту ситуацию со специалистами-психиатрами, и все они в один голос говорили, что это больше похоже на инсценировку суицида. Люди, собирающиеся покончить с жизнью, говорили они, выбирают более опасные средства… Для меня ситуация была ясна – это совершено в состоянии аффекта человеком, который в тот момент думал, что рушатся все его жизненные планы…»

Герой-чудотворец

Ельцина сделали первым заместителем председателя Госстроя. Для недавнего кандидата в члены политбюро унизительное понижение. Борис Николаевич был поражен, когда разом исчезли все те, кто еще недавно крутился вокруг него, набивался ему в друзья, счастлив был получить аудиенцию и пожать ему руку. Он оказался в вакууме.

Он знал, что в политическом мире нет настоящих человеческих отношений, идет постоянное подсиживание друг друга, беспощадная борьба за власть или за иллюзию власти. Борис Николаевич и сам, если бы дал себе труд вспомнить собственную жизнь, автоматически вычеркивал из памяти тех, кто терял власть и становился не нужен. Это происходило инстинктивно, чувства и сантименты только мешали политической карьере.

Но раньше это происходило с другими, а теперь с ним.

Речь Ельцина на пленуме ЦК, которая стоила ему карьеры, разумеется, не опубликовали. И тогда по стране пошли гулять фальшивки. Придуманный неизвестными доброжелателями «самиздат» и положил начало его всенародной популярности. Люди рассказывали друг другу, что Ельцин протестовал против

привилегий для начальства и культа личности Горбачева, против того, что Раиса Максимовна вмешивается в партийно-государственные дела и всем раздает указания… Поэтому его и сбросили.

Ничего этого в речи Ельцина не было. Но кто же об этом знал?

О Ельцине говорили и спорили, и чем меньше люди его знали, тем с большей уверенностью рисовали в своем воображении подлинного героя, борца за народное счастье, который восстал против опротивевшей власти. Он нигде не выступал и не появлялся, но незримо присутствовал во всех жарких дискуссиях о том, как нам жить. И когда заходила речь о том, кто может вытащить страну из ямы, все чаще стало упоминаться имя Бориса Ельцина. В определенном смысле это был плохой признак – люди восторгались человеком, которого практически не знали, а некоторые никогда не видели.

Ельцин стремительно обретал черты мифологического героя. Вот почему на протяжении нескольких лет многие буквально поклонялись ему. Какие бы истории с ним ни приключались, что бы о нем ни рассказывали, его пламенные сторонники не видели пятен на солнце. Этому беспримерно удивлялся Горбачев: почему люди приветствуют все, сделанное Ельциным, и хают все, что предложено самим Михаилом Сергеевичем?

На XIX партийной конференции Ельцину пришлось дать слово, и чуть не вся страна увидела Ельцина на экранах своих телевизоров. На фоне опостылевших партаппаратчиков он произвел сильное впечатление. Воспринимали его восторженно! Словно сказочного героя в доспехах. Причины этой магии станут ясны позднее. Растерявшиеся люди жаждали увидеть лидера, способного взять на себя ответственность и спасти страну от хаоса. Разочарование в Горбачеве наступило очень быстро. И вот фигура нового лидера материализовалась на экранах телевизоров в каждом доме.

На выборах народных депутатов СССР 26 марта 1989 года за Ельцина проголосовало 89,6 процента москвичей – это был тяжелый удар по партийному руководству.

Среди москвичей первым Ельцина оценил профессор Гавриил Попов, талантливый публицист и оратор. Он понял, что демократически настроенным политикам нужна фигура, которая пользуется народной любовью. Георгий Шахназаров, помощник Горбачева, подошел к Попову и спросил, почему демократы решили взять в вожаки Ельцина?

– Народу нравится, – объяснил Попов. – Смел, круче всех рубит систему.

– Но ведь интеллектуальный потенциал не больно велик, – возразил Шахназаров.

– А ему и не нужно особенно утруждать себя, это уже наша забота.

– Ну а если он, что называется, решит пойти своим путем? – спросил Шахназаров.

– Э, голубчик, – ответил Попов, тихо посмеиваясь в обычной своей манере, – мы его в таком случае просто сбросим, и все тут.

Гавриил Харитонович тоже оказался наивным человеком. Ельцин-то смог обойтись без москвичей-демократов, а они без него растеряли все, что имели…

Когда Ельцина стали приглашать к себе демократы, когда он познакомился с академиком Андреем Сахаровым, он поначалу чувствовал себя не в своей тарелке. Но быстро оценил свежие и гибкие мозги новых союзников. Они умели анализировать ситуацию, делать прогнозы, разрабатывать программу действий. Это общение сыграло важную роль в формировании его политических взглядов. Он усвоил определенные демократические принципы, которые никогда потом не нарушит.

Победа за победой

Ельцин ездил на общественном транспорте и заходил в районную поликлинику. Ловкий политический ход! Но он имел огромное значение для людей. Ельцин подтверждал убежденность людей в том, что так и должно быть, что высшие руководители не имеют права на какие-то привилегии. Иногда, впрочем, Ельцин и его команда перебирали в своем популизме. Во время поездки в Свердловск Наина Иосифовна рассказывала, как накануне штопала Борису Николаевичу носки. Добавила: три года муж не меняет костюм, приходится зашивать прорвавшуюся подкладку.

Тем сильнее будет потом разочарование, когда выяснится, что и сам Ельцин, и его окружение, и вообще вся новая власть в смысле обретения благ и устройства личного благополучия ничем не лучше прежней…

Но правда и другое: сброшенный Горбачевым с высокой должности, растоптанный и отвергнутый, лишенный многих привилегий, Борис Николаевич действительно посмотрел на жизнь высокого начальства иными глазами. Горе многому учит. Когда идешь на подъем, оглядываться вокруг и относиться к окружающему критически трудно. А вот когда выпадаешь из потока, оказываешься на берегу или даже на дне, тут многое открывается, личные переживания подталкивают к критическому анализу. И Ельцин произносил слова, которые в тот момент,

соответствовали настроениям опального политика:

«Пока мы живем так бедно и убого, я не могу есть осетрину и заедать ее черной икрой, не могу мчаться на машине, минуя светофоры и шарахающиеся автомобили, не могу глотать импортные суперлекарства, зная, что у соседки нет аспирина для ребенка. Потому что стыдно».

Ни до, ни после Ельцин не отказывался от привилегий, связанных с высоким постом, принимал их как должное и оделял ими своих приближенных. Но ему открылась несправедливость советской системы. Два чувства отныне стали руководить Ельциным: желание вернуть утерянные власть и положение, расквитаться с обидчиками и стремление изменить несправедливую систему…

Ельцин и его окружение сами были потрясены итогами выборов в народные депутаты РСФСР: каждый третий российский депутат победил под демократическими лозунгами. В Верховный Совет СССР Ельцин пришел одиночкой. В российском Верховном Совете у него уже была своя армия.

12 июня 1990 года утром на Первом съезде народных депутатов поименным голосованием была принята предложенная Ельциным Декларация о государственном суверенитете Российской Федерации. «За» высказались 907 депутатов, «против» – всего 13, воздержались – 9. Принятие декларации воспринималось тогда как важное событие, 12 июня объявили праздничным днем. В Декларации о государственном суверенитете не было ни слова о выходе из состава СССР. Смысл был в другом: провозглашалось верховенство российских законов над общесоюзными. И этот принцип все поддержали.

19 августа 1991 года страна проснулась и узнала, что президент Горбачев отстранен от должности, а всем управляет Государственный комитет по чрезвычайному положению. ГКЧП продержался всего три дня. Но эти три дня разрушили нашу страну.

По прошествии лет августовский путч многим кажется чем-то смешным и нелепым, дворцовой интригой, кремлевской опереткой. Конечно, даже недавняя история быстро забывается. Но те, кто наблюдал за событиями не со стороны, кто находился тогда в Москве, помнят, что нам было не до шуток. Это счастье, что ГКЧП составился из вовсе уж бездарных людей, а то страна могла бы и кровью умыться.

Почему Ельцин не был сразу же арестован? Похоже, его просто недооценили. Заговорщикам и в голову не приходило, что он станет сопротивляться. Они-то были уверены, что все демократы – трусы, хлюпики и позаботятся только о том, как

спасти свою шкуру. Да и руководителям ГКЧП не хотелось начинать дело с арестов. Они и в себе не были уверены и надеялись сохранить хорошие отношения с Западом, показать всему миру, что все делается по закону.

Белый дом был окружен танками Таманской дивизии и бронемашинами Тульской воздушно-десантной дивизии. Собравшиеся там депутаты в любую минуту ожидали штурма и ареста. И здание, вероятно, было бы захвачено в конце концов, если бы не действия Ельцина. Неожиданно для путчистов он не только не попытался с ними поладить и договориться, а, напротив, пошел на обострение. Он объявил путчистов преступниками и потребовал сдаться.

Соратники отговаривали его выходить на улицу, но он решил идти. Свое обращение Ельцин прочитал прямо с танка. Эти кадры, увиденные страной и всем миром, вошли в историю. Борис Николаевич стал символом законной власти, демократии и мужества. С этой минуты за его действиями следил весь мир.

Увидев Ельцина на танке, люди поняли, что заговорщикам можно и нужно сопротивляться. Если Ельцин их не боится, почему должны бояться другие? И москвичи двинулись к Белому дому. Они провели здесь три дня и три ночи. Уходили. Возвращались. Встречали здесь знакомых и коллег. Они были готовы защитить собой Ельцина, потому что Ельцин защищал их. И другой защиты и надежды не было.

Ельцин своими указами объявил членов ГКЧП уголовными преступниками и объяснил, что исполнение их приказов равносильно соучастию в преступлениях. Твердость и определенность поведения Ельцина создавали новую реальность. Местные руководители как минимум сохраняли нейтралитет и не спешили исполнять указания путчистов.

Безудержная радость охватила Москву, когда путч провалился и рухнул ГКЧП – последняя попытка старых советских руководителей удержать власть. Причем торжествовали и люди вовсе не демократических убеждений. Они были счастливы тем, что все рухнуло, что рассыпалась опостылевшая система и особенно тем, что с высоких кресел полетели большие начальники. Большущая толпа собралась посмотреть, как из здания ЦК КПСС на Старой площади буквально выгоняют недавних хозяев жизни. Это и была психологическая компенсация за многие годы лишений и неприятностей.

Августовский путч привел к полному крушению лагеря противников реформ. Все то, чего никак не удавалось добиться сторонникам реформ, совершилось в одно мгновение. Радикально переменились настроения в обществе. Даже те, кто еще

сомневался, решительно встали на сторону Бориса Ельцина, новой российской власти. Но путч сокрушил и Горбачева. Он все еще считал себя человеком номер один в стране. А в общественном мнении фигура Ельцина безвозвратно оттеснила Михаила Сергеевича на второй план.

Победа над путчем поставила демократов в положение победившей стороны. Они вдруг оказались властью. Однако не были готовы принять на себя управление страной. Не имели для этого ни механизма власти, ни программы. Они готовились к долгой борьбе в роли оппозиции. Но произошло иначе.

Реформы начались

Обосновавшись в Кремле в роли президента самостоятельной России, Борис Николаевич серьезно изменился. У него были свои представления о том, как должен вести себя президент великой России, и он старательно играл эту роль. Изменились его манеры, взгляд, даже походка стала неспешной. Он избегал стремительных движений – теперь они казались замедленными…

Ельцин унаследовал не только кремлевский кабинет своего поверженного соперника Горбачева, но и весь груз не решенных им проблем. Запас терпения у людей, казалось, был исчерпан. Они больше не желали слышать обещаний. Ельцин должен был действовать, и действовать немедленно.

Жизнь становилась все труднее. Магазины окончательно опустели. Правда, появились коммерческие киоски, в которых продавались самые экзотические товары, но по бешеным ценам. Вместо денежного оборота расцвел бартер, местные власти, областные хозяева запрещали вывозить продовольствие соседям и, естественно, не подчинялись Москве. Это вело к распаду государства.

Наступило время, когда казалось, что страну ждет экономическая катастрофа и избежать ее невозможно. Боялись, что колхозы и совхозы перестанут продавать продовольствие городам – ничего не стоящие рубли им не нужны, а заставлять больше некому. Что с исчезновением райкомов не удастся обеспечить тепло в домах и уборку улиц. Ждали, что голодные люди выйдут на улицы и устроят погромы. Единственный выход из положения – стремительно проводить рыночные преобразования.

Но эти настроения и ощущения уже забыты. А ведь именно поэтому начались гайдаровские реформы. Они были приняты, потому что страна уже падала в пропасть и приходилось ее спасать. Но, для того чтобы начать реформы, требовались

политическая воля, программа и команда, готовая их реализовать.

Политической воли у Ельцина хватило бы на десятерых.

Реформы Егора Гайдара позволили стране начать жизнь по нормальным законам, а не по воле власти. Экономика стала исполнять не заказы Госплана, а волю потребителей. У людей проснулась экономическая инициатива, проявилась деловая жилка, возник класс предпринимателей.

Но там, где заканчиваются достоинства, начинаются недостатки. Реформы как таковые продолжались всего несколько месяцев. А дальше начались компромиссы, отступления, тайные сделки – все это привело к формированию в стране особого экономического строя, невиданно обогатившего тех, кто умело конвертировал власть в деньги.

Самыми богатыми людьми России стали бывшие директора предприятий, которые тихо приватизировали целые отрасли. То, чем они управляли по должности, превратилось в их личную собственность. Поскольку они действовали аккуратно и избегали публичности, то остались неизвестны гражданам России, и ненависть общества обрушилась на других.

На заседании правительства Гайдар предложил отказаться от всех привилегий, пока экономическая ситуация в стране не изменится к лучшему. Отменили только поставку продуктов со спецбазы: отпала нужда – с началом гайдаровских реформ еда вернулась в магазины. Новая номенклатура с огромным удовольствием осваивала прелести жизни, доступные только большому начальству. Советская система привилегий пережила Советский Союз. Новые люди сели в старые кабинеты, получили право пользоваться спецсвязью, персональными машинами, поликлиниками, больницами и санаториями, которые были доступны прежней номенклатуре.

Теперь уже ни у кого не возникало желания отменить эти привилегии или отказаться от них. Напротив, брали все с огромным удовольствием. Оправдываясь, говорили, что чем-то надо компенсировать их каторжный труд. Новое состояло в том, что прежде высокая должность была единственным способом обрести все блага. Теперь за деньги можно было получить то же самое и много больше. Открылись радости, о которых советские чиновники в закрытой стране и мечтать не могли. Поэтому должность стала рассматриваться как инструмент зарабатывания очень больших денег.

Старая советская система распределения дефицита, основанная на личных связях, легко приспособилась к новым условиям. Изменились только масштабы добра, которое они

распределяли среди своих. Без связей на всех этажах бюрократического механизма нельзя было много заработать. Большие деньги раздавали крупные руководители, и чиновники с каждым годом все дороже оценивали свои услуги бизнесу. Выделение земли под строительство, передача зданий в аренду, защита от бандитов и от правоохранительных структур – все эти услуги продавались и покупались.

Вместо жесткого соблюдения единых правил игры, соблюдения налогового и таможенного кодекса постоянно делались исключения. Выносились решения о льготах. Реформаторов очень быстро оттеснили от власти. А чиновники осознали, как выгодно помогать бизнесу, который щедро расплачивался за оказанные ему услуги. И федеральные структуры, и местные чуть ли не в полном составе встроились в эту коррупционную систему. Органы власти и силовые ведомства превратились в мафиозные структуры, семьи, кланы, которые делили сферы влияния и жили по своим, неписаным законам. Они не только оказывали за взятки одноразовые услуги, но и становились тайными совладельцами крупных предприятий.

Появление олигархов было бы невозможно, если за каждым из них не стояли сильные мира сего, получавшие свою долю. Не бизнес покупал власть в России, а власть выращивала большой бизнес, который подчиняла себе.

Осень 1993 года

В начале 1993 года заговорили о том, что дни Бориса Ельцина как президента сочтены и он, видимо, скоро уйдет. Возникло ощущение, что он утратил власть над страной и за пределами Кремля ему больше никто не подчиняется.

Политики один за другим спешили дистанцироваться от президента, чтобы впоследствии доказать избирателям свою непричастность к непопулярной экономической политике. Казалось, что, когда Ельцину в ближайшем будущем придется уйти, его сменит вице-президент Александр Руцкой. Более проницательные люди видели, что на роль первого человека в стране с большим основанием претендует председатель Верховного Совета Руслан Хасбулатов.

Руслан Имранович со значением говорил:

– За ситуацию в стране отвечают два человека – президент и я.

Между правительством и Верховным Советом развернулась настоящая война. Депутаты во главе с Хасбулатовым исходили из того, что настоящая власть в стране – это они. Хасбулатов

пробивал пакет поправок к конституции, принятие которых ставило его вровень с президентом России. Он хотел, чтобы председатель Верховного Совета получил право подписывать законы, если этого не делает президент.

Хасбулатова раздражало, что в нем не видели фигуру, равную Ельцину. И это было несправедливо, потому что Руслан Имранович талантливый политик. Возможно, Хасбулатов и сам не сразу поверил, что сумеет загнать Ельцина в угол. Но шаг за шагом переигрывал президентскую команду, допустившую непозволительное количество ошибок.

Руслан Имранович гениально манипулировал Верховным Советом. Он чувствовал зал, знал, когда поставить вопрос на голосование, когда провести голосование, когда свернуть дискуссию, знал, как зажечь депутатов и как их успокоить. Многие из них его не любили, но поддерживали, потому что он был нужен в борьбе за выживание. Ему только сильно вредила несдержанность на язык. Даже бывшего премьер-министра Англии знаменитую Маргарет Тэтчер Хасбулатов в порыве раздражения назвал «заезжей бабёшкой».

По той, советской еще конституции распустить съезд и назначить новые выборы Ельцин права не имел. Но именно это казалось единственным выходом из тупика. Он не хотел ждать, пока его попытаются выжить из Кремля. Решил нанести удар первым и обезоружить своих противников.

Общество раскололось на сторонников и противников этого решения. Причем все – и те, кто полностью поддержал Бориса Николаевича, – сходились на том, что решение, им принятое, противоречит конституции. Но одни тем не менее считали его правильным: ситуация безвыходная, и заставлять страну страдать, затягивать конфликт преступно. Другие и по сей день отстаивают позицию, что нарушать конституцию не позволено никому, и Ельцин был обязан искать иное решение.

Поразительным образом нарушение конституции поддержали самые видные российские правозащитники. Возможно, все дело было в том, что в 1993-м спор шел не о конституции, а о выборе пути. С именем Ельцина связывались надежды на демократическое развитие России и необходимые для страны экономические реформы. Оппозиция отпугивала стремлением или вернуть страну к коммунистическому прошлому, или привести к новой диктатуре.

Утром 21 марта 1993 года умерла мать Ельцина Клавдия Васильевна. Ельцину об этом не говорили до вечера – не знали, как он это перенесет. В момент острейшего кризиса, когда его судьба буквально висела на волоске, на него обрушился такой

тяжелый удар.

26 марта собрался Девятый (внеочередной) съезд народных депутатов. Депутаты решили объявить Ельцину импичмент. Президент был готов объявить о роспуске съезда. Его помощники подготовили обращение к стране. Телевизионная группа готовилась записать выступление президента.

За отстранение Ельцина от власти проголосовали 617 депутатов, для импичмента не хватило трех десятков голосов. Борис Николаевич вышел к своим сторонникам, собравшимся на Васильевском спуске у Спасской башни Кремля. Выглядел он очень плохо. Но выкрикнул:

– Это победа!

Хотя о какой победе можно было говорить? Но в тот день страна находилась на грани гражданской войны. Каким бы ни было решение съезда, Ельцин бы власть не отдал. А Руцкой бы принял присягу, и появились бы в стране два президента…

Съезд народных депутатов назначил на 25 апреля референдум. Людям предстояло ответить на четыре вопроса:

1. Доверяете ли вы президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину?

2. Одобряете ли вы социально-экономическую политику, осуществляемую президентом и правительством России с 1992 года?

3. Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов президента России?

4. Считаете ли необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов России?

Пойдя на референдум, Ельцин вновь, не в первый уже раз, рискнул и политической карьерой, и должностью, и, может быть, жизнью. Если бы он проиграл и потерял власть, его бы неминуемо превратили в уголовного преступника со всеми вытекающими отсюда последствиями. Предугадать итоги референдума было невозможно. Но политический инстинкт не подвел Бориса Николаевича, как не подводил никогда в жизни…

В референдуме приняли участие 64,6 процента имеющих право голоса. К полнейшему изумлению депутатов, да и самого Ельцина, его поддержали 58 процентов, а политику реформ – 53 процента! За переизбрание президента высказался всего 31 процент, переизбрания депутатов хотели 43 процента. Это был фантастический успех, полная победа Ельцина, его правительства и курса реформ.

Но быстро оправившись от шока после провала на референдуме, оппозиция вновь принялась терзать конституцию, пытаясь законным путем лишить Ельцина полномочий. Съезд

народных депутатов внес более трехсот поправок в Конституцию РСФСР. Фактически это была уже новая конституция. Депутаты готовились провести поздней осенью 1993 года съезд и фактически ликвидировать институт президентства.

Помощники Ельцина говорили, что готовили юридически безукоризненный способ распустить Съезд народных депутатов, но президент не захотел ждать. Впрочем, есть и другая точка зрения: он и так слишком долго ждал. А двоевластие разрушало страну. Никто не работал, все ждали, чем закончится противоборство президента и депутатов.

18 сентября 1993 года на совещании руководителей советов всех уровней Руслан Хасбулатов публично оскорбил президента. Он сказал:

– Если большой дядя говорит, что позволительно выпивать стакан водки, то многие находят, что в этом ничего нет, мол, наш мужик. Но если так, то пусть мужик мужиком и остается и занимается мужицким делом. А наш президент под «этим делом», – председатель Верховного Совета выразительно щелкнул себя по горлу, – любой указ подпишет.

Грубые слова Хасбулатова превратились в casus belli – формальный повод для объявления войны. 21 сентября президент подписал указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе». Ельцин распустил Съезд народных депутатов и Верховный Совет и назначил на 12 декабря выборы в новый представительный орган – Федеральное собрание.

Хасбулатов и Руцкой считали, что теперь Ельцину конец: народ возмущен президентом и поддерживает Верховный Совет. Руслан Имранович верил, что он популярен в народе, а Ельцин людям надоел. Депутаты объявили президентские полномочия Ельцина прекращенными и поручили исполнение обязанностей президента Александру Руцкому. Правомерность такого решения подтвердил большинством голосов Конституционный суд. Депутаты засели в Белом доме и пытались управлять страной.

В Кремле решили подождать: долго они там не просидят. Пассивная позиция власти была ошибкой. Она привела к кровопролитию в Москве. Помимо депутатов в эту игру вступили и совсем другие люди. В Белый дом со всей страны стекались люди, почувствовавшие запах пороха и крови.

23 сентября в начале десятого вечера восемь вооруженных автоматами боевиков из тереховского «Союза офицеров» проникли в здание бывшего штаба Объединенных вооруженных сил СНГ на Ленинградском проспекте. Они обезоружили охрану. Туда отправили отряд ОМОНа, боевики бежали. Но в перестрелке погибли капитан милиции и женщина, которая случайно подошла

к окну.

24 сентября вокруг Белого дома установили более жесткое оцепление: выйти из него можно было, но внутрь никого не пускали. Отключили воду, электричество и отопление. Милицейское охранение вокруг Белого дома стояло без оружия.

Патриарх Алексий II пытался выступить в качестве посредника, но руководители Белого дома не хотели ни разоружаться, ни идти на мировую. Отрезанные от страны, они питались слухами и верили в то, что народ их поддерживает. Им казалось: еще одно усилие – и ненавистный режим рухнет.

3 октября, в воскресенье утром, в столице начался мятеж. Толпа прорвала безоружное милицейское окружение, перегородила Садовое кольцо. Началась стрельба. Руцкой призвал толпу идти на мэрию – «Там у них гнездо» – и захватить Останкино – «Нам нужен эфир!» Озверевшая толпа, разогнав милиционеров, захватила высотное здание мэрии на Новом Арбате и начала его грабить. Тащили все, что попадалось под руку, – телефонные аппараты, телевизоры, ковры, стулья…

Жестоко избили заместителя главы правительства Москвы Александра Брагинского, который в тот день дежурил в здании. Физик по профессии, он был избран депутатом Моссовета, потом его пригласили в столичное правительство. Он рассказывал главному редактору журнала «Континент»:

– Публика была разная. В военизированной форме, с автоматами.

– Вас били?

– Да, сильно. Они даже на колени пытались меня поставить, но я не встал. Меня вывели на улицу и повели к Белому дому, продолжая по дороге бить. Вокруг много бандитов было, которые жаждали расправы… Меня ввели в кабинет Руцкого. Мы с ним были знакомы. Он приказал меня обыскать и бросить в подвал.

– При нем вас били?

– Да, били…

– И он это видел?

– Видел. Он был в запале – захват мэрии, возможность победы – и в состоянии какого-то головокружения. Я упал, меня связали и отвели в подвал. Я лежал в крови…

Александр Брагинский так и не оправился от этой истории, он тяжело болел и умер в ноябре 2001 года на пятьдесят четвертом году жизни.

Свидетелем захвата здания мэрии был депутат Иона Андронов:

«Над проломом парадного входа торчал бетонный козырек, а на нем стоял горделиво пожилой усач в зеленой униформе и

черном берете набекрень в плакатном стиле Че Гевары. Но вместо кубинской сигары удалец держал у рта мегафон. Из него прогремело:

– Больше не будет ни мэров, ни пэров, ни херов!

Зрители весело загоготали:

– Браво, Макашов! Нашему генералу – слава!

Альберт Макашов, генерал-полковник без воинских побед и без малейшего фронтового опыта, сумел прославиться на всю Россию солдафонским острословием… Генерал пристрастился публично обзывать своих противников «сукиными сынами», «подлецами», «жабами», «крысами» или «жидами». И подстрекал по-своему линчевать их – кастрировать либо обвязать им мужские гениталии и повесить на столбах уличных фонарей».

Автобусы с вооруженными людьми под командованием генерала Макашова двинулись в сторону Останкина, чтобы взять телецентр и выйти в эфир. Если бы это удалось и на телеэкранах по всей стране появился Руцкой в роли нового президента, это могло бы изменить настроения в стране. Люди в большинстве своем предпочитают присоединиться к победителю. Вещание прекратили.

Когда прервалась телепрограмма, Руслан Хасбулатов был уверен, что это победа. Он радовался от души:

– Теперь мы выиграли. Мэрия взята. Останкино тоже. Штурм Кремля – дело нескольких часов. Сейчас сюда подходят верные нам войска. Оккупационный режим пал.

Страх распространился по городу. В какой-то момент казалось, что все кончено: столица в руках мятежников. Потом Ельцина будут подозревать в том, что он нарочно демонстрировал бессилие, дабы надежнее заманить мятежников в ловушку и получить возможность расстрелять Белый дом. Но едва ли он был способен в тот момент на такие хитроумные заговоры. Причиной трагических событий стали, прежде всего, разгильдяйство спецслужб и их неспособность предугадать следующий ход мятежников.

Утром 4 октября президент выступил по радио:

– Я обращаюсь к гражданам России. Вооруженный фашистско-коммунистический мятеж в Москве будет подавлен в самые кратчайшие сроки… В столице России гремят выстрелы и льется кровь. Свезенные со всей страны боевики, подстрекаемые руководством Белого дома, сеют смерть и разрушения… Чтобы восстановить порядок, спокойствие и мир, в Москву входят войска…

Первый вице-премьер Олег Сосковец встретился с первым заместителем Хасбулатова в Верховном Совете Юрием

Ворониным и передал предложение президента: немедленно сдать оружие, чтобы избежать кровопролития. Воронин ответил отказом. По Белому дому было выпущено двенадцать снарядов – десять болванок, два зажигательных. Этого оказалось достаточно.

Евгений Савостьянов, который тогда руководил Московским управлением Министерства безопасности, рассказывал:

– В октябре девяносто третьего в Москве был вооруженный мятеж. Когда говорят, что войска расстреляли парламент, то я прошу обратить внимание на два обстоятельства. Не погиб ни один депутат парламента и ни один сотрудник аппарата Верховного Совета! А кто же погиб? Случайные прохожие, работники правоохранительных органов, павшие от рук бандитов, и вооруженные бандиты, засевшие в Белом доме и пытавшиеся нападать на объекты в Москве и чуть не устроившие в России гражданскую войну.

После подавления мятежа было задержано 6580 человек, потом их всех быстро выпустили, осталось человек двадцать. Ходили слухи о том, что на стадионе «Асморал» (бывший «Красная Пресня») омоновцы расстреляли 6000 участников обороны Белого дома… Слухи не подтвердились. Генеральная прокуратура сообщила, что 3–4 октября 1993 года около Белого дома, у здания московской мэрии и в районе телецентра Останкино погибли или впоследствии скончались от ран 123 человека.

Процесс по делу об участниках событий в октябре девяносто третьего не состоялся. Государственная дума объявила амнистию, всех обвиняемых освободили… 7 октября в память о погибших Ельцин объявил общенациональный траур.

События осени 1993 года стали поворотными в истории современной России. Страна стояла на пороге гражданской войны. Ельцин сделал то, что приветствовали одни и прокляли другие. Он решил тяжелый политический кризис силовыми средствами. Нарушил конституцию, чтобы принять другую.

Споры о том, имел ли Ельцин право разогнать парламент и расстрелять Белый дом, продолжаются и поныне. Многие не могут простить ему то, что он нарушил конституцию и устроил пальбу из танков в центре Москвы. А как развивались бы события, если бы Ельцин не применил силу? Руцкой, Хасбулатов и генерал Макашов вполне могли взять власть в Москве. Не последовали бы за этим чистки и расправы с политическими противниками, куда более кровавые, чем обстрел Белого дома?

До подавления мятежа Борис Николаевич был одним из нескольких политиков, которые вели борьбу за власть. После октябрьских событий он стал хозяином в стране. Отношение к

нему мгновенно изменилось. Изменился и он сам.

Но Ельцин не воспользовался своей победой, чтобы стать диктатором. Он провел всеобщие выборы и получил Государственную думу, которая его не жаловала. Но после осени девяносто третьего в стране наступила политическая стабилизация. И до конца ельцинской эпохи уже не было ни мятежей, ни путчей, ни схваток воинствующей оппозиции с органами правопорядка.

12 декабря 1993 года одновременно с избранием депутатов Первой Государственной думы страна проголосовала за новую конституцию, которая в первую очередь изменила положение президента. Если прежде президент был всего лишь одним из центров власти и парламент при желании мог сильно ограничить его полномочия и вообще доставить ему массу неприятностей, то теперь он практически не зависел от воли депутатов.

Парламент лишился и возможности участвовать в формировании правительства. По новой конституции президент назначает председателя правительства. От Государственной думы, конечно, требуется согласие. Но, если депутаты трижды отклоняют предложенную президентом кандидатуру, он имеет право своим указом назначить премьер-министра, распустить Думу и объявить новые выборы. Если Дума выразит недоверие правительству, то президент может с ней согласиться и отправить кабинет в отставку, а может, напротив, распустить Думу и назначить новые выборы.

Чеченская война

1994 год, который мог стать началом нового этапа строительства России, закончился на трагической ноте. Попытка навести конституционный порядок в Чечне привела к кровопролитной войне.

Чеченская эпопея есть история ошибок, каждая из которых настолько ухудшала ситуацию, что российская власть вскоре оказалась в тупике. А ведь в самом начале с чеченцами еще можно было договориться на вполне приемлемых условиях, удержать республику под федеральным контролем без применения военной силы.

Возглавивший Чечню генерал Советской армии Джохар Дудаев хотел переговоров с Ельциным. Считал, что с ним, лидером целого народа, должен встретиться сам глава России. В Грозный прилетел вице-президент Руцкой. Встретился с Дудаевым.

Казалось, два генерала-летчика нашли общий язык. Но,

вернувшись в Москву, Руцкой сказал на сессии Верховного Совета, что в Чечне расцвел бандитизм. Это было недалеко от истины. Но с кем-то в Грозном все-таки следовало договариваться. А Руцкой оттолкнул и тех, с кем еще можно было иметь дело. В ответ оскорбленный Джохар Дудаев объявил в Чечне мобилизацию. Фактически это было объявление войны Москве.

Все, кто мог, вооружились – или с оружием в руках стали зарабатывать на жизнь, или, напротив, защищаться от бандитов. В худшем положении оказались в республике русские, им неоткуда было взять оружие, и они чаще всего становились жертвами уголовников.

Зараза поползла по всему Северному Кавказу. Конфедерация народов Северного Кавказа превратилась в агрессивную вооруженную силу. Чечня вообще стала бандитской территорией, оттуда потекли фальшивые банковские документы (авизовки) и рэкетиры. Болезнь развивалась по худшему сценарию. То ли как раковая опухоль, которая дала метастазы сначала по всему Кавказу, потом в глубь России. То ли как острый воспалительный очаг, который отравляет весь организм в целом.

Во второй половине 1994 года Федеральная служба контрразведки предложила свой вариант решения чеченской проблемы: дать оппозиции оружие и деньги, и она сама свергнет Дудаева. Казалось, что его власть ослабла. Федеральная служба контрразведки убедила Ельцина, что решит чеченскую проблему руками оппозиции: сами чеченцы наведут порядок в республике и попросят Москву взять их под свое крыло.

Люди из спецслужб – мастера уговаривать. Многие политики попадали в глупое положение, поверив в их обещание обделать самое заковыристое дельце без шума и пыли…

Оппозиция получила от федеральной армии бронетранспортеры, вертолеты и сорок танков. 26 ноября 1994 года отряды оппозиции, поддержанные танками и федеральной пехотой, вошли в Грозный. И в тот же день были разгромлены боевиками, верными Дудаеву. Танки легко дошли до центра города, где их сожгли из гранатометов. Танкисты – несчастные ребята – попали в плен. Чеченцы пригласили телевидение, чтобы операторы засняли, как захваченные в плен солдаты и офицеры признают, что их отправила в Чечню Федеральная служба контрразведки.

Министр обороны Павел Грачев публично отрекся от своих подчиненных, заявив, что такие люди, мол, не числятся в списках личного состава Вооруженных сил России. Он действовал, как сговорились: утверждал, что все это работа самой чеченской

оппозиции. Но командир не может бросить своих солдат в трудной ситуации…

Солдаты федеральных сил, которых, мало что объясняя, бросали в Чечню, не могли толком понять, ради чего они воюют на своей собственной земле. И подозревали, что в неблагоприятной ситуации их тоже оставят на произвол судьбы. Это в значительной степени предопределило неудачу в первой чеченской войне.

Директор Федеральной службы контрразведки Сергей Степашин – в отличие от других силовых министров – не прятался за чужие спины, а взял на себя ответственность за трагедию в Грозном. Он не побоялся сознаться в том, что в плен захвачены именно российские солдаты и офицеры, и сделал все, от него зависящее, для освобождения их из плена. Всех танкистов, штурмовавших Грозный, по его приказу зачислили в штат Федеральной службы контрразведки, чтобы уволить их с правом на пенсию. Погибших танкистов зачислили задним числом, чтобы пенсию получали родные.

Президент Ельцин испытал чудовищное унижение: ему утер нос какой-то генерал-чеченец, которого он и на порог не пускал! Душа Ельцина жаждала мести. И все вокруг уверяли президента, что задавить Дудаева несложно.

Совет безопасности принял решение о полномасштабной военной операции в Чечне. Операцию планировалось провести в две-три недели. Военные докладывали, что настоящего противника в Чечне нет и быть не может, там есть некоторое количество вооруженных бандитов – они, завидев наступающую армию, быстро разбегутся.

Так началась война. Она оттолкнула от Ельцина почти всех его сторонников. Мало кто сохранил ему верность – помимо тех, кому он был работодателем. Он перестал в глазах людей быть реформатором и стал властителем – таким же, как многие другие, кого люди не любят и не уважают, вынуждены терпеть, но не более. Кровавая чеченская война – пожалуй, главное, что можно поставить в вину президенту Ельцину.

Его последние выборы

Борис Николаевич вступил в президентскую гонку в 1996 году в исключительно неблагоприятных обстоятельствах. Он давно находился у власти, и у людей были все основания винить его во всех неудачах экономической жизни. Да, собственно, одной только войны в Чечне было достаточно для того, чтобы погубить любую политическую карьеру.

Академик Юрий Рыжов вспоминал, как на заседании Президентского совета Ельцин спросил у присутствующих:

– Идти или не идти на выборы?

Он не кокетничал. Скорее проверял уже принятое решение. Первым отозвался питерский мэр Анатолий Собчак:

– Борис Николаевич, у вас рейтинг меньше пяти процентов. Могут пройти коммунисты. Пусть лучше Черномырдин пойдет в президенты.

Рыжов сидел как раз напротив Ельцина, видел: у него ни один мускул не дрогнул.

Выступил иркутский губернатор Юрий Ножиков:

– В нашей области, Борис Николаевич, вы третий по рейтингу.

Ельцин отрезал:

– Я везде – первый!

Два человека – Анатолий Чубайс и Александр Лебедь – сыграли в 1996 году ключевую роль в победе Ельцина. Борис Николаевич сумел поставить себе на службу самого умелого менеджера и самого популярного политика страны.

Несколько очень богатых бизнесменов согласились финансировать избирательную кампанию Ельцина. Борис Березовский и Владимир Гусинский еще и обещали мобилизовать телевизионные возможности двух каналов – ОРТ и НТВ.

Уверенность противников Ельцина в том, что в 1996 году он одержал победу только благодаря умелой пропагандистской кампании, отражает веру в тотальную пропаганду, во всемогущество телевидения, политической рекламы, умелого манипулирования мозгами. В то, что, если постараться, избирателя можно заставить проголосовать за что угодно.

Это не совсем так. Личный интерес олигархов совпал с интересами большей части страны. Прихода к власти кандидата от компартии Геннадия Зюганова и его команды боялись и те, кто не нажил палат каменных. Поэтому на выборах 1996 года многие говорили: лучше Ельцин со всеми его недостатками, чем Зюганов и его команда. Все знали, кто такой Ельцин и чего от него ждать.

Да и кандидата от коммунистов трудно было назвать обаятельным политиком, за которого хочется голосовать. Один немецкий журналист так отозвался о Зюганове: он похож на трактор «Беларусь» – неуклюжий, неповоротливый, зато ему износу нет. За плечами бесцветная карьера. Бюрократ средней руки. Когда Зюганов говорит, кажется, что ему так же скучно, как и слушателям…

Стратегия ельцинского штаба, который возглавил Анатолий Чубайс, была очень простой. Люди должны осознать, что

предстоит сделать выбор не между двумя кандидатами, а между нормальной жизнью и возвращением к тоталитарному режиму.

Сам Ельцин старался опровергнуть представление о нем как о больном и уставшем человеке. Ему предстояло объехать всю страну и повсюду демонстрировать динамизм и решительность, готовность решать любые проблемы. Знаменитые кадры, когда Ельцин, сбросив пиджак, танцует на сцене, будут потом показаны сотни раз.

Певец Евгений Осин вспоминал:

– Во время моего выступления он вдруг попросил, чтобы ему «подыграли что-нибудь такое», и совершенно неожиданно выскочил на сцену, повергнув в шок администраторов и охрану…

Больное сердце нельзя подвергать таким испытаниям. Но он хотел победить и ради победы готов был на все. Борис Николаевич вернул себе симпатии тех избирателей, которые в нем успели разочароваться, но не стали ему врагами. Мало кто знал тогда, чего это ему стоило. Проблемы с сердцем в 1995 году несколько раз укладывали Ельцина в постель. Он вел, мягко говоря, неправильный образ жизни.

Александр Шохин вспоминал, как Борису Николаевичу с явным удовольствием снова и снова наливали. Заранее предвидя ответ, как бы по простоте душевной спрашивали:

– Сколько наливать?

– Ты что, краев не видишь?

Спрашивать, почему Ельцин пил, наверное, нелепо. В нашей стране удивление скорее вызывают непьющие люди. Впрочем, помимо национальных традиций есть, наверное, и другие причины для злоупотребления горячительными напитками. Психиатры уверяют, что Борис Николаевич таким образом спасался от постоянных стрессов…

Кремль пустился во все тяжкие для того, чтобы скрыть детали его болезни, и это, естественно, породило множество слухов в России и за рубежом. Говорили, что состояние президента на самом деле хуже, чем об этом сообщается. Так оно потом и оказалось.

Президентские выборы прошли 3 июня 1996 года. Выиграть в первом туре Борису Николаевичу не удалось. Ельцин набрал больше всех голосов, но ему предстоял второй тур – соревнование с Зюгановым. Генерал Лебедь по количеству собранных голосов был на третьем месте. Тогда решили заключить союз с Лебедем. И это получилось! Лебедь очень помог Ельцину, хотя, пожалуй, погубил тогда собственную политическую карьеру.

Если бы Александр Иванович остался видным оппозиционным политиком, у него, возможно, сохранился бы

шанс на вторую попытку в 2000 году. Но он был слишком неопытен, хотел получить все и сразу. Не победив на выборах, не знал, чем ему заняться. Сидеть в Думе – это не для него. И тут подоспело предложение Ельцина войти в президентскую команду. У провинциального генерала, не успевшего освоиться в Москве, закружилась голова от близости власти.

19 июня Лебедь предложил своим сторонникам голосовать за Ельцина. Взамен он получил крепкое рукопожатие Бориса Николаевича, который многозначительно произнес:

– Это союз двух политиков.

На самом деле это была циничная сделка. Ельцин накануне второго тура голосования покупал Лебедя и голоса его избирателей. Александру Ивановичу дали должность секретаря Совета безопасности и помощника президента. Лебедь, казалось, не верил своим глазам: неужели это он в Кремле, рядом с президентом?

Но самое ужасное состояло в том, что перед вторым туром, в ночь с 25 на 26 июня, у Ельцина вновь развился тяжелейший инфаркт – врачи поражались, как он вообще выжил… Предвыборный штаб Ельцина должен был проводить избирательную кампанию без кандидата. Борис Николаевич в прямом смысле не мог встать с постели. Когда в день выборов показывали, как Ельцин опускает бюллетень в урну для голосования, вспомнились последние съемки уже смертельно больного Черненко…

Казалось, все рушится. Если страна поймет, в чем дело, люди не проголосуют за тяжелобольного человека, и победит Зюганов. Тем не менее люди уже сделали выбор. В воскресенье, 3 июля, во втором туре Борис Николаевич получил 53,82 процента голосов, Геннадий Андреевич – 40,3 процента.

Одержав победу на выборах, президент Ельцин представил убедительное свидетельство своего политического здоровья. Но теперь окружающий мир был обеспокоен его физическим здоровьем.

Болезнь и закат

Борис Николаевич не в состоянии был целый день высидеть в Кремле. Все больше времени проводил в загородной резиденции. Его появление на телеэкране производило странное и жалкое впечатление. Он казался далеким не только от народа, но и от собственного правительства. Многие министры видели его только по телевидению. Он замкнулся в узком окружении, где главную скрипку играли его дочь Татьяна Дьяченко и ее будущий муж

Валентин Юмашев.

История болезни Ельцина составляет не один толстенный том. Букета даже известных всем нам заболеваний достаточно, чтобы другого человека – не президента – давно отправили бы на покой. Правда, нам постоянно говорили, что его интеллектуальные способности не затронуты. Но на телевизионном экране мы видели малоподвижного человека, который говорил крайне медленно и с видимым трудом.

Как только президент замкнулся в узком кругу особо близких и доверенных лиц, сложилось впечатление, что эти люди и принимают все ключевые решения в стране. Летом 1999 года общество было убеждено, что вся власть в руках этих людей. Появился даже термин «семья», потому что часть этого доверенного круга была связана с президентом не только служебными, но и родственными отношениями.

Никто твердо не мог назвать состав этой «семьи». Критерием был постоянный доступ к президенту – важнейшая привилегия в чиновничьем мире. Обычно в этот круг включали дочь президента Татьяну Дьяченко, журналиста Валентина Юмашева, главу президентской администрации Александра Волошина, предпринимателя Бориса Березовского, управляющего делами президента Павла Бородина.

Бориса Николаевича Ельцина страна когда-то поддержала как человека, выступившего против привилегий, готового разделить с людьми тяготы их жизни. А кончилось это святочным рассказом для телезрителей о том, что жена будто бы жарит ему котлеты, купленные в магазине, чему уж точно никто не поверил, и красивой жизнью его окружения, которое даже не стеснялось демонстрировать свое процветание. Вот это, наверное, больше всего отвратило людей от Ельцина.

Наконец наступил момент, когда Ельцин, видимо, осознал: его силы исчерпаны, то, что он предполагал, ему уже не сделать. Он всерьез задумался о преемнике.

При голосовании в Думе Путин набрал всего 233 голоса – меньше всех своих предшественников. Это была унизительно маленькая цифра. Слова Ельцина в поддержку Путина всерьез никто не воспринимал. А потом стало ясно, что на сей раз Ельцин не промахнулся.

Когда Путин возглавил правительство, закончилась, собственно, эпоха Ельцина. Ни мы, ни он сам об этом еще не подозревали. Но в тот день, когда удивленная и раздраженная страна узнала, что появился новый глава правительства, началась эпоха мало кому известного Путина.

Многие сомневались: сам ли Борис Николаевич принял

неожиданное для страны и мира решение уйти, чтобы передать кресло Путину? Или же вынужден покинуть Кремль, подчиняясь чьей-то сильной воле? И вообще – в какой степени в последние месяцы и годы он решал, что и как будет, а в какой прислушивался к настойчивым советам других?

Ельцин, несмотря на возраст и болезни, оставался человеком очень волевым и своенравным. Он не любил ездить по накатанной колее. Ему нравилось удивлять окружающих хорошо подготовленными экспромтами, которые потом обильно цитировались. Иногда его своенравие проявлялось самым странным образом.

Так почему же он все-таки решил уйти досрочно? Сейчас, наверное, не все это помнят, но в конце 1999 года Ельцин еле-еле ходил. Он производил впечатление неизлечимо больного человека, который не в состоянии управлять государством. Казалось, земной жизни ему осталось совсем немного. Уйдя в отставку, он явно продлил свою жизнь на несколько лет.

Но в 1999 году его явно преследовал не страх смерти. Он боялся того, что может последовать за победой на выборах кого-то из его политических противников. В разгар бурной предвыборной кампании один из оппозиционных политиков публично напомнил ему о судьбе семьи румынского вождя Николае Чаушеску, сметенного волной народного гнева. Это прозвучало достаточно зловеще, потому что Николае и Елена Чаушеску были расстреляны без суда и следствия, а их сына посадили на скамью подсудимых…

Борис Николаевич был человеком не робкого десятка и, скорее всего, боялся не за себя, а за семью – в узком смысле этого слова. Боялся или его пугали – этого мы знать не можем. В окружении президента опасались, что выборы выиграет команда Примакова – Лужкова и за этим последуют репрессии в отношении ельцинской семьи. Опасались, вероятно, напрасно. Но в 1999 году в Кремле все силы были брошены на избрание президентом своего человека. Считалось, что досрочные выборы дадут ему фору, а другие кандидаты не успеют приготовиться к предвыборной кампании.

Ельцин с удовольствием вспоминал, как ловко он организовал передачу власти Владимиру Путину. При этом не задумывался – или не хотел задуматься – над тем, что эта операция носила циничный характер. Формально все было сделано по закону, а по существу право российских граждан выбрать себе такого президента, которого они хотят, было ограничено. Позднее станет ясно, что Ельцин привел к власти своего антипода (по взглядам на мир). И именно в тот момент

началось изменение политической системы.

– Это решение, – вспоминает бывший сотрудник президентского аппарата Андрей Ваврa, – в тот момент представлялось единственно возможным, обусловленным конкретной политической ситуацией. Имею в виду принцип передачи власти доверенному лицу (я не про личности, а именно про сам принцип). Одноразовое действие превратилось в скором времени в базовый принцип всей нашей политической системы. На ключевых постах оказались доверенные лица. «Свои». Но доверенные лица не могут все делать сами. Они должны тоже опираться на таких же доверенных лиц – тоже на «своих». В результате страна разделилась на «своих» и всех прочих…

Татьяна Дьяченко позднее признавалась журналистам, что Владимир Владимирович связан «человеческими обязательствами»:

– И не перед какой-то абстрактной командой, а перед папой.

Теоретически речь должна была идти не только о личной судьбе Бориса Николаевича, семьи и некоторых фигур его окружения. Логично было бы предположить, что они обговорили и те ключевые направления политики, которые Путин возьмется продолжать. Но эту важнейшую часть разговора оба участника судьбоносной беседы в Кремле нам не пересказали. Может быть, эта тема и не обсуждалась? Наследник обещал первому президенту позаботиться о нем и его семье, но в большой политике не стал связывать себе руки.

Все поразились, как легко Борис Николаевич пережил уход на пенсию. Он вел тихую жизнь пенсионера, лечился, ходил в театры, путешествовал, насколько позволяли силы. Несколько раз Ельцин высказывал то, что не очень нравилось в Кремле. Например, в декабре 2000 года в интервью «Комсомольской правде» твердо заявил:

– Я категорически против возвращения гимна СССР в качестве государственного. Такими вещами не шутят.

Владимиру Путину эти слова никак не могли понравиться, потому что это он решил вернуть стране старый гимн с новыми словами.

24 июня 2002 года на пресс-конференции президент Путин так отозвался о Ельцине:

– Он свободный человек. Имеет возможность свободно передвигаться, встречаться, высказывать свое мнение. Думаю, что ничего здесь плохого нет. Но по многим проблемам у меня есть свое мнение, и я буду реализовывать то, что считаю нужным, то, что считаю соответствующим интересам России. Борис Николаевич яркий человек, опытный политик. У него есть свое

мнение, он его высказывает. Ну спасибо. Будем иметь в виду.

А Ельцин еще несколько раз выражал свое несогласие с политической практикой своего наследника. Резкий тон первого президента воспринимался как несогласие с политическими шагами Путина. Но когда его спрашивали, не сожалеет ли он, что выбрал Владимира Владимировича своим преемником, твердо отвечал:

– Нет.

Со стороны судить непросто, но возникало ощущение, что Борис Николаевич жил в нереальном мире, считая, что дела в государстве идут все лучше и лучше. Семья, заботясь о здоровье близкого и дорогого человека, делала все, чтобы он пребывал подальше от забот и тревог страны.

Смерть и прощание

Борис Николаевич Ельцин скончался в понедельник 23 апреля 2007 года в 15 часов 45 минут в Центральной клинической больнице. У него остановилось сердце. На смерть Ельцина откликнулась вся страна.

Президент Владимир Путин позвонил Наине Иосифовне и выразил ей соболезнования. Вечером он выступил по телевидению, и слова его звучали искренне:

– Мы знали Бориса Николаевича как мужественного и при этом сердечного, душевного человека. Это был прямой и смелый национальный лидер… Ушел человек, благодаря которому началась целая эпоха. Родилась новая демократическая Россия – свободное, открытое миру государство. Благодаря воле и прямой инициативе Бориса Ельцина была принята новая конституция, провозгласившая права человека высшей ценностью. Она открыла людям возможность свободно выражать свои мысли, свободно выбирать власть в стране.

На пленарном заседании Государственной думы председательствовал вице-спикер Олег Морозов. Он предложил почтить память Ельцина минутой молчания. Только депутаты-коммунисты отказались вставать и не участвовали в похоронах первого президента России, которого всегда ненавидели.

Президент Путин перенес на день оглашение своего послания Федеральному собранию и своим указом объявил общенациональный траур. Церемония прощания с Ельциным проходила в храме Христа Спасителя. Гроб стоял в центре зала, почетный караул нес президентский полк. На двух скамейках сидела семья – на первой Наина Иосифовна с дочками и зятьями, на второй внуки.

Выстроилась большая очередь. Цветы раскупали с невероятной скоростью. К середине ночи желающих попрощаться было больше всего. К утру поток спал. Проститься с Ельциным, по данным милиции, успели 25000 человек. Люди проходили мимо гроба, накрытого российским флагом, кланялись и оставляли цветы. Многие, кто побывал в храме Христа Спасителя, отмечали, сколько в этом нескончаемом потоке было хороших, открытых и молодых лиц.

По православному канону в последний раз отпевали почившего в бозе императора Александра III в 1894 году. И в послании Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II говорилось:

«Впервые за сто с лишним лет мы прощаемся с главой Государства Российского в храме, прощаемся с молитвой».

А страна три дня говорила о Ельцине. Вдруг не без ностальгии вспомнили эпоху, которую последние годы поминали только недобрым словом – «лихие девяностые».

Самого Бориса Николаевича считают ответственным за распад Советского Союза, тяжелый экономический кризис, хаос, коррупцию и власть олигархов. Его эпоху называют десятилетием упущенных возможностей, временем великих надежд и разочарований.

Но только ли Ельцин виноват в том, что не сбылись наши чаяния? Мы наивно надеялись, что все произойдет как-то само собой, без нашего участия. Что он все сделает за нас один. Это задача не для одного человека. Не получилось, и тогда Ельцина стали топтать ногами с той же остервенелостью, с какой еще недавно потрясали его портретами на митингах и демонстрациях.

Считать его правление эпохой бесконечных провалов и неудач, понятное дело, крайне выгодно для наследников. А тут, после смерти Ельцина, вспомнили о том, что он был выдающейся фигурой, без которой невозможны крутые повороты истории, что он – первый избранный народом глава России. Сколько бы ни кричали об «антинародном режиме», Борис Николаевич – единственный, кто получил мандат народа (причем не единожды!) на свою политику. Более того, он первый, кто добровольно – в отличие от Николая II, Хрущева или Горбачева- оставил свой пост. И он первый глава государства, кто счел своим долгом дважды просить прощения за свои ошибки.

После смерти Ельцина вспомнили, какой была страна, когда он стал президентом: очереди, пустые полки, забастовки и бунты… Вспомнили, что демократия и либеральные реформы заложили базу для нынешних экономических успехов. На короткий миг изменилось государственное телевидение: на

экраны вернулись его прежние соратники и помощники, которые не только называли Бориса Николаевича выдающимся политиком, чье имя навсегда вошло в историю, но и с тревогой повторяли, что основные достижения его эпохи либо отменены, либо поставлены под сомнение – прежде всего свободы и права человека.

Ельцин принадлежал к тем, кто делает историю. Хотя хочется воскликнуть: о каком месте в истории можно говорить применительно к человеку, которым все недовольны? Но пройдет время, и оценки изменятся. Ведь даже Леонид Ильич Брежнев, который при жизни был только объектом насмешек, персонажем анекдотов, сейчас оценивается иначе и многим кажется олицетворением стабильности, сытой и спокойной жизни.

Ельцин создал государство, в котором мы живем. Без него мы бы оказались совсем в другой стране. Нарушив историческую традицию, Ельцин перестал давить своих подданных и насильно тянуть в светлое будущее. Нельзя сказать, что народ ему за это сильно благодарен.

Владимир Путин. Последняя надежда

Владимира Путина воспринимают в первую очередь как выходца из Комитета государственной безопасности. Одних это пугало – зачем нам выбирать чекиста в президенты? Другие – были довольны: чекист – значит, надежный и серьезный человек.

В переходную эпоху человек отчаянно ищет точку опоры. Вчера люди бунтовали против власти, сегодня ждут от нее защиты. Многие полагают, что при Ельцине царила не демократия, а анархия. А с анархией надо кончать. И тут нужны люди из спецслужб, которые по праву занимают заметные посты в государственном аппарате.

Но в отношениях Путина с известным ведомством на Лубянке не все так просто.

Карьера Путина нетипична. В 1991 году он перешел на сторону новой власти и расстался с партийным билетом. Это был непростой выбор. КГБ на сломе эпох покинули многие. Уходили в бизнес, в банки, в частные службы безопасности, но не в политику и тем более не к демократам. А Владимир Владимирович работал у Анатолия Собчака, который считался врагом Комитета госбезопасности. Могло ли это понравиться недавним сослуживцам Путина по Ленинградскому областному управлению КГБ?

Благодаря Владимиру Владимировичу на старом здании КГБ на Лубянской площади вновь появилась памятная доска, посвященная Юрию Андропову. В 1999 году, когда отмечалось 85-летие со дня рождения Андропова, Путин возложил венок к памятнику председателю КГБ. В роли главы правительства в декабре 1999 года выступал на коллегии ФСБ по случаю Дня чекиста и сказал:

– Позвольте доложить, что прикомандированные вами к правительству сотрудники ФСБ с работой справляются.

У чекистов это вызвало бурю восторгов.

Владимир Владимирович хотел сделать приятное своим подчиненным, а может быть, и загладить тот свой поступок – уход из КГБ. Ведь чекистов воспитывали в убеждении, что эта служба – на всю жизнь.

«Инициативников не берем»

Владимир Путин родился в Ленинграде 7 октября 1952 года. Его отец работал слесарем на заводе, был инвалидом Великой Отечественной. В ногах у него остались осколки гранаты, и они

ныли в непогоду. Мать – Мария Ивановна – пережила блокаду. До войны у них родились двое мальчиков. Оба умерли в раннем возрасте. Настоящая трагедия… Володя, поздний ребенок, был для родителей светом в окошке. Жили трудно, будущий президент России вырос в коммунальной квартире, где не было ни ванной, ни горячей воды.

Володя Путин – белобрысый паренек с чубчиком – запомнился одноклассникам как «нормальный пацан». Не откровенничал, в личные дела не допускал и ни с кем особо не дружил. «Жесты, ухмылочки, смех в кулачок, – рассказывали бывшие соученики корреспондентам «Комсомольской правды». – С ним, как с Михаилом Сергеевичем Горбачевым: поговоришь час – и ни о чем…»

После восьмого класса он перешел в школу с усиленным преподаванием химии. Учился неважнецки – получал тройки по химии, физике, алгебре и геометрии. Пока не понял, что без знаний ничего в жизни не добьешься. По характеру упрямый. На выпускном вечере поспорил с классной руководительницей, что съест поднос эклеров – двадцать штук, но съел только четырнадцать.

Некоторые убеждения, которые явно влияют на его политическую линию, у Путина сложились в юные годы. Он рассказывал:

– Я понял, что в любом случае – прав я или нет – надо быть сильным, чтобы иметь возможность ответить… Всегда надо быть готовым мгновенно ответить на причиненную обиду. Мгновенно!.. Если хочешь победить, то в любой драке нужно идти до конца и биться, как в последнем и самом решающем бою… В принципе, это известное правило, которому меня позднее учили в Комитете госбезопасности, но усвоено оно было значительно раньше – в детских потасовках… Не надо никого пугать. Пистолет необходимо вынимать только тогда, когда вы приняли решение стрелять.

Вот об этом качестве чаще всего и вспоминают одноклассники и соседи Путина: «О последствиях драки он не размышлял: сразу бил в морду, и все». И дрался до последнего, поэтому чаще всего побеждал, и его старались не задевать.

Юному Путину хотелось быть лидером:

– Желание не уступать крепким ребятам ни в чем у меня существовало… Я заранее знал, что если сейчас не начну заниматься спортом, то завтра здесь, во дворе и школе, уже не буду иметь то положение, которое было.

Это, выходит, всегда имело значение: положение, репутация, мнение окружающих…

Сначала занялся боксом, но ему сломали нос. Перешел на самбо. Потом взялся за дзюдо. Его друг, которого он уговорил участвовать в соревнованиях, получил травму шейных позвонков и умер. Путин сильно переживал, но спорт не бросил. Невзрачному невысокому юноше, который говорил быстро и невнятно, успехи в спорте помогли обрести уверенность в себе. Он стал мастером спорта по самбо и дзюдо, в 1976 году выиграл чемпионат города. Уже взрослым человеком он несколько раз сталкивался на улице со шпаной, драки не боялся. Однажды даже сломал при этом руку.

– Еще до того, как окончил школу, у меня возникло желание работать в разведке, – рассказывал Путин журналистам, написавшим о нем книгу «От первого лица», – хотя это казалось недостижимым, как полет на Марс… Книги и фильмы типа «Щит и меч» сделали свое дело. Больше всего меня поражало, как малыми силами, буквально силами одного человека, можно достичь того, чего не могли сделать целые армии. Один разведчик решал судьбы тысяч людей.

Замечательный актер Донатас Банионис, сыгравший главную роль в классическом фильме о советских разведчиках «Мертвый сезон», рассказывал, как в 2001 году его включили в правительственную делегацию Литвы, которая ехала в Москву. В Кремле президент Валдас Адамкус представлял Путину членов делегации. Владимир Владимирович заметил, что Банионисa ему представлять не надо:

– Вы – мой «крестный отец»!

И рассказал, что пошел в разведку, посмотрев «Мертвый сезон».

Девятиклассник Путин отправился в приемную управления КГБ по городу Ленинграду и Ленинградской области. Комитет госбезопасности был единственным местом в стране, где внимательно выслушивали всякого, кто пришел.

Володя Путин сказал, что хочет работать в КГБ.

– Отрадно, – сказал сотрудник приемной, – но есть несколько моментов.

– Каких?

– Во-первых, мы инициативников не берем. Во-вторых, к нам можно попасть только после армии или какого-нибудь гражданского вуза.

– После какого вуза?

– После любого!

– А предпочтительнее какой?

– Юридический!

Владимир Путин поступил на юридический факультет

Ленинградского университета, где, в частности, слушал лекции профессора Анатолия Александровича Собчака, хотя и недолго. Этот человек сыграет в его жизни ключевую роль.

Однокурсникам он запомнился спокойным, сдержанным, умеющим владеть собой. Ничем особо не выделялся. Заместитель министра юстиции Карелии Александр Рехлов, который трудился с будущим президентом России в одном студенческом строительном отряде, рассказал журналистам:

– Путин ничего не пил. И не курил. На девочек даже особого внимания не обращал.

В конце учебы у него появился свой «Запорожец» – мама выиграла машину в лотерею. Путиным очень нужны были деньги, но родители решили сделать любимому сыну подарок. На четвертом курсе сбылась его мечта. К нему обратились вербовщики из КГБ. Путин был счастлив. Журналисты потом спросят его, а не думал ли он о той репутации, которая была у госбезопасности, об участии комитета в репрессиях?

– Честно скажу, – ответит Путин, – совершенно не думал. Я толком ничего не знал.

Не знал тот, кто не хотел знать или для кого это прошлое не имело значения…

Поначалу служба в Ленинградском УКГБ не показалась особенно интересной.

– Меня оформили в секретариат управления, потом в контрразведывательное подразделение, и я там проработал около пяти месяцев, – рассказывал Путин журналистам. – Подшивал дела какие-то. А через полгода отправили учиться – на шесть месяцев – на курсы переподготовки оперативного состава. Считалось, что база у меня есть, а нужна чисто оперативная подготовка. Я там поучился, вернулся и еще около полугода отработал в контрразведывательном подразделении.

Владимир Владимирович вспоминал о том, как в управлении занимались диссидентами. На Пасху, во время крестного хода, будущий президент следил за порядком…

Красная книжечка сотрудника КГБ была своего рода масонским знаком, удостоверявшим не только благонадежность ее обладателя, но и его принадлежность к некоему закрытому ордену, наделенному тайной властью над другими. Один из приятелей Путина рассказывал другому:

– Видел его сегодня на стадионе. Когда он показывал свою книжечку, люди перед ним чуть ли не по стойке «смирно» вытягивались и честь отдавали…

На университетского выпускника Путина обратили внимание кадровики Первого главного управления КГБ (внешняя разведка).

Владимир Путин с радостью ухватился за предложение перейти в разведку. Для начала ему предстояло год учиться в Москве.

Враги и предатели

В разведшколе учились год или два. Двухгодичники, получавшие полноценное языковое и страноведческое образование, с некоторой долей высокомерия относились к одногодичникам. Выпускникам присваивали следующее звание, и они приступали к службе на новом поприще. Те, кому повезло, оставались в Москве в Первом главном управлении КГБ. Упор – помимо специальных дисциплин – делался на изучение иностранного языка. Успехи в его изучении сильно влияли на распределение. Оперативные отделы, занимавшиеся Северной Америкой, Западной Европой, Японией, приглашали к себе тех, кто как минимум хорошо освоил язык. Путин, проучившийся год, был возвращен в Ленинградское управление и зачислен в первый (разведывательный) отдел.

Чем занимались офицеры разведотдела Ленинградского управления?

Пытались разрабатывать иностранцев, которые попадали в город, в надежде кого-нибудь из них завербовать. Прежде всего интересовались иностранными моряками как морально нестойкими – с ними знакомились в так называемом Интерклубе, заполненном агентами КГБ. Разрабатывали советских людей, которые ездили за границу, на предмет их зарубежных контактов. Путин служил, видимо, неплохо, получил майорские погоны и вновь был отправлен в Москву на переподготовку. А потом уехал в первую и последнюю загранкомандировку – в представительство КГБ СССР в Германской Демократической Республике. Это был 1985 год.

Молодой человек, пожелавший стать разведчиком, выбирает сферу деятельности, в которой не действуют обычные правила морали и нравственности. Задача разведчика – уговаривать других идти на преступления, ведь завербованного агента заставляют красть документы, выдавать секреты, лгать всем, включая самых близких, предавать друзей и родину. При этом офицер-вербовщик знает, что его агент может закончить свои дни за решеткой или даже погибнуть.

Специалисты уверены, что такая работа сама по себе часто наносит тяжелый ущерб психике разведчика. Он вынужден постоянно вести двойную жизнь. Вот почему в разведывательной школе слушателей пытаются морально вооружить, объясняя, что во имя родины надо идти на все. Впрочем, сотрудники спецслужб

такие же люди, как и все. Среди них есть и дураки, и умные, дальновидные и недалекие, порядочные и не очень. Есть, конечно, черты, характерные именно для сотрудников спецслужб или, во всяком случае, для большинства из них.

Правила конспирации – на всю жизнь; болтунов в госбезопасности не терпят, хотя ничто человеческое и им не чуждо, и после обильных возлияний они иногда выкладывают женам то, что тем знать совсем не обязательно. Разведчики не только привыкают скрывать свое подлинное занятие, но и таят истинные эмоции, чувства и взгляды. Когда разведчик с кем-то беседует, он пытается узнать о собеседнике все, ничего не сказав о себе.

Владимир Владимирович внимательно слушает. У собеседника это создает иллюзию не только внимания, но и согласия, которого в реальности нет и в помине. У Путина есть свое мнение, и он сопоставляет это мнение с наблюдениями за человеком, который напрасно пытается его в чем-то убедить…

Разведчик постоянно прикидывает, что вы за человек, можно ли с вами иметь дело, выясняет, какие у вас связи. Разведчик подозрителен, его так воспитывали.

Бывший помощник Ельцина Георгий Сатаров отметил: «Путин не доверяет никому. Ельцин мог увлекаться, влюбляться, доверять, иногда незаслуженно. В Путине ощущается тотальное недоверие… Ельцин не боялся сильных людей в своем окружении. Новых масштабных фигур, выдвинутых Путиным, не видно».

В разгар кризиса вокруг телекомпании НТВ (казавшейся власти недопустимо самостоятельной) весной 2001 года Путин принял одиннадцать журналистов, после того, как Светлана Сорокина обратилась к нему с телеэкрана с просьбой встретиться и поговорить. Они были давно знакомы. Оба из города на Неве. К Светлане президент относился с уважением. После разговора Сорокина, похоже, была разочарована больше других. Она, видимо, надеялась, что сумеет что-то объяснить президенту, раскрыть ему глаза, убедить, что он не прав. И натолкнулась на железную стену. Журналисты потом говорили, что Путин делит мир на «своих» и «чужих». И потому достучаться до него невозможно.

Главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов рассказал в эфире, какая беседа состоялась у него с президентом Путиным после трагедии с подводной лодкой «Курск»:

– Мы говорили два с половиной часа. Один на один. Это был такой длинный и серьезный разговор. Я тогда точно понимал, что «Эху» не жить. Я шел с таким чувством, что… а, все равно.

Разговор был очень серьезный, солидный и уважительный с двух сторон.

Венедиктов спросил:

– Владимир Владимирович, а как вы расцениваете людей, которые против вас?

Президент ответил примерно так:

– Люди, которые против меня – двух типов: враги и предатели. Враги – это обычная история. С ними воюешь, потом заключаешь перемирие, потом партнерствуешь, потом опять воюешь. Любая война заканчивается миром, и твой вчерашний враг становится твоим партнером. А предатели – это те люди, которые были в твоей команде, поддерживали тебя изо всех сил, а потом, когда ты что-то не так сделал, они перебежали. И часто бьют в спину. С предателями никаких разговоров быть не может.

Венедиктов решил пошутить и сказал:

– А в этой системе координат я вам кто?

Путин ответил:

– Вы в этой системе координат, конечно, враг.

Подобные оценки журналистов в России давно не звучали…

Одного из генералов госбезопасности журналисты спросили:

– На ваш взгляд, Путин – человек Системы?

– Вне всяких сомнений. Он отлично знает правила и всегда им следует. И своих не сдает, можете не сомневаться. За это Владимира Владимировича можно только уважать.

Впрочем, проницательный Руслан Хасбулатов, бывший председатель Верховного Совета России, заметил в газетном интервью:

– Только не преувеличивайте его чекистское прошлое. Мне кажется, что он больше играет в чекиста, чем является им.

Работа в разведке – это не совсем воинская служба, но все-таки что-то от военного было и в сотруднике КГБ. Разведка – военизированная организация, хотя там не надо поминутно щелкать каблуками и допустима умеренная дискуссия со старшим по званию. Может быть, поэтому политологи отмечают, что Путину привычнее и приятнее иметь дело с людьми в погонах, которые не только слушают, но и слушаются: «Он действует как отец-командир, а не как лидер демократической державы. Он предпочитает командовать, а не убеждать».

В Санкт-Петербурге, когда Владимир Путин уже работал в мэрии, его за глаза ласково называли Штази – так сокращенно именовалось Министерство государственной безопасности ГДР, с которым он тесно сотрудничал во время командировки в Восточную Германию. МГБ ГДР представляло собой огромного спрута, опутавшего всю страну.

Представительство КГБ СССР по координации связей с Министерством государственной безопасности ГДР размещалось в помещении бывшей больницы в берлинском пригороде Карлсхорст. Сотрудники КГБ занимали большой комплекс зданий, окруженный колючей проволокой и тщательно охраняемый. Счастливчикам разрешалось ездить в Западный Берлин, где магазины ничем не уступали лондонским или парижским. Можно было отовариться, посидеть в пивной или посмотреть порнофильм – это экзотическое удовольствие советскому человеку еще было в новинку.

Наши разведчики использовали ГДР как плацдарм для проникновения в НАТО и для вербовок на территории Западной Германии. Большое значение придавалось научно-технической разведке, то есть промышленному шпионажу. Во время встречи в Российской академии наук в мае 2010 года Путин неожиданно вспомнил о работе в разведке:

– Когда я служил в другом ведомстве, еще в своей прошлой жизни, наступил момент – где-то в конце восьмидесятых, – когда полученные специальными средствами разработки ваших коллег из-за рубежа все равно не внедрялись в экономику Советского Союза. Не было даже оборудования для того, чтобы их внедрять!

Еще одна задача – она считалась как бы второстепенной – сбор информации о том, как ведут себя наши друзья – восточные немцы. Но этим следовало заниматься очень осторожно. Вербовать граждан социалистической страны, заниматься конспиративной деятельностью строжайше запрещалось. Запрет обходили: вербовка не оформлялась, а недостатка желающих поделиться информацией с советскими товарищами не ощущалось.

Владимир Путин проработал в ГДР пять лет и вполне легально. Не в центральном аппарате представительства КГБ, а в Дрездене, где находилась небольшая группа советских офицеров связи при окружном управлении госбезопасности.

Советские чекисты в Дрездене жили все вместе в доме для сотрудников Окружного управления МГБ ГДР. Рядом детский сад и ясли, тоже принадлежавшие госбезопасности. Вторая дочка, Катя, родилась у Путиных в Дрездене. Работали в хорошо охраняемом отдельном особняке в пяти минутах от дома. Обедать Путин приходил домой. Часть зарплаты платили в долларах, так что, когда вернулись в Ленинград, купили «Волгу».

Путин приехал в Дрезден старшим оперуполномоченным, потом стал помощником начальника отдела, старшим помощником начальника отдела. За что Владимира Владимировича повышали по службе?

– За конкретные результаты в работе – так это называлось, – объяснял Путин журналистам. – Они измерялись количеством реализованных единиц информации. Добывал какую-то информацию из имеющихся в твоем распоряжении источников, оформлял, направлял в инстанции и получал соответствующую оценку.

Главная задача – пытаться вербовать западных бизнесменов и ученых, которые приезжали в город. Неизвестно, удалось ли Путину добиться больших успехов на этом направлении. Вербовка – редкая удача в карьере разведчика. За вербовку американца раньше давали орден. Иногда за всю профессиональную жизнь разведчику удавалось завербовать только одного человека.

Одно время говорили о том, что Владимир Путин чуть ли не принадлежит к числу супершпионов XX века. В реальности он был офицером на небольшой должности и в малых чинах. Грандиозной карьеры в разведке не сделал. Может быть, если бы сделал, то сидел бы сейчас на пенсии и копался в огороде, как очень многие, кто отличился и сделал карьеру…

В январе 1990 года, когда советская система уже рушилась, подполковник Владимир Путин вернулся в родной город, разочарованный и уверенный, что будущего у КГБ нет и надо искать запасной аэродром. Видимо, чекистская романтика без полноценного материального подкрепления немного стоит. Путину вроде бы предложили бесперспективную должность в управлении кадров Ленинградского управления. Он отказался, сказал, что найдет работу сам. В те времена это приветствовалось, потому что полным ходом шло сокращение аппарата госбезопасности. Его перевели в действующий резерв КГБ.

Сначала он подыскал себе незавидное место помощника проректора Ленинградского университета по международным вопросам. Надо было присматривать за иностранными студентами, аспирантами и преподавателями, выявлять среди них тех, кто представляет интерес для КГБ в смысле вербовки. Путин подумывал о защите диссертации по международному частному праву, подыскал себе научного руководителя и подбирал литературу, полагая, что либо станет преподавателем, либо уйдет в бизнес.

В питерской мэрии

Но тут все устроилось наилучшим образом – он перешел к Собчаку, избранному к тому времени председателем Ленсовета. Собчака критиковали за то, что он взял на работу бывшего

офицера КГБ, но Анатолий Александрович коротко отвечал:

– Он мой ученик.

Политикам-демократам тоже хотелось иметь свои спецслужбы. Собчак выступал перед сотрудниками Областного управления госбезопасности в Большом доме на Литейном. С руководителями управления встречался в бане на госдаче на Каменном острове. Но, судя по впечатлениям питерских журналистов, чекисты мэра не полюбили.

Видимо, по рекомендации Путина начальником питерской госбезопасности стал Виктор Васильевич Черкесов, с которым они вместе учились. Это возмутило питерских правозащитников, которые прекрасно помнили, как их допрашивал Черкесов, дослужившийся до должности начальника следственной службы Ленинградского областного управления. Но профессиональный чекист Черкесов решительно встал на сторону Собчака во время августовского путча 1991 года…

Между прочим, в те дни проявился характер Путина. Во время августовского путча он срочно вернулся из отпуска и был рядом с питерским мэром Анатолием Собчаком. Не стал выжидать и смотреть, чья возьмет. Продемонстрировал готовность разделить его судьбу. А ведь в первый день путча сомнений не было: произошел государственный переворот, и эти люди берут верх в стране. Собчака в случае победы ГКЧП точно не ждало ничего хорошего. Министр внутренних дел Борис Пуго сразу потребовал от руководителей Гостелерадио СССР убрать Собчака с телеэкрана, немедленно отключить Ленинград, прекратить питерское вещание…

Более того, 20 августа подполковник действующего резерва Путин демонстративно написал рапорт начальнику Ленинградского управления КГБ с просьбой уволить его из органов госбезопасности. При неблагоприятном развитии событий этот рапорт трактовался бы как обстоятельство, отягчающее вину. Под руководством Путина сняли красный флаг с Дома политпросвещения – символическое событие для Ленинграда. Так что если у Владимира Владимировича есть позиция, он от нее не откажется. Если он в чем-то убежден, то пойдет до конца. Если что-то твердо решил для себя, то добьется своего. Тем, кто строит прогнозы относительно политического будущего Путина, следует учитывать его характер и принципиальные представления о жизни и людях…

Путин возглавил в мэрии Комитет по внешним связям, очень влиятельный. К комитету у петербуржцев были претензии. Городские газеты писали, что комитет выдавал лицензии на экспорт сырья и цветных металлов в обмен на поставки

продовольствия, которое в город так и не попало. Впрочем, такие истории происходили тогда по всей России. А Путин проявил себя дельным администратором. Поддерживал хорошие отношения с Анатолием Чубайсом и Егором Гайдаром, хотя, скажем, Собчак с ними конфликтовал.

Собчак безоговорочно доверял Владимиру Владимировичу. Десять лет Путин состоял при нем безотлучно. В марте 1994 года он стал первым заместителем мэра Петербурга, но должность председателя Комитета по внешним связям сохранил за собой.

– Мы с Путиным познакомились в 1991 году, – рассказывал Сергей Степашин, – когда я приехал работать в управление КГБ по Ленинграду. Путина, кстати, там все бизнесмены звали Штази. Он их отстроил за пять секунд. Не строя буквально… Для меня он в целом предсказуем. Хотя… Пусть не обижается, но я не думал, что он сможет раскрыться как публичный политик.

Путин держался в тени. Его даже называли серым кардиналом Смольного. Один из его коллег по Санкт-Петербургу рассказывал мне:

– Кабинет мэра находился на третьем этаже, заместители мэра разместились на втором, Путин сидел на первом – подчеркнуто скромно. Он действительно был серым кардиналом, никогда не выставлялся. Мы все высовывались, и нас нещадно били. А он был незаметен.

Вице-премьер и министр финансов Алексей Кудрин, еще один выходец из питерской мэрии, на вопрос: «Власть изменила Путина?» – ответил так:

– На удивление он остался тех же принципов, подходов, взглядов. Такое редко бывает. Да… Не замечали мы тогда, что рядом с нами работает будущий президент.

Жизнь могла сложиться по-разному, поэтому в 1996 году в Санкт-Петербургском горном институте Владимир Путин предусмотрительно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Стратегическое планирование воспроизводства минерально-сырьевой базы региона в условиях формирования рыночных отношений» и получил степень кандидата экономических наук.

В последний год работы с Собчаком Путин возил с собой помповое ружье – видимо, ждал неприятностей. В 1996 году Путин был одним из руководителей предвыборного штаба Анатолия Собчака, но на этом посту не преуспел. Собчак потерпел поражение. Для Путина этот проигрыш со временем обернется большим выигрышем…

К Собчаку он навсегда сохранит чувство благодарности. Против бывшего петербургского мэра прокуратура завела дело по обвинению в коррупции. Собчака попытались посадить. Но, когда

Анатолия Александровича вызвали на допрос в прокуратуру, его жена (ныне член Совета Федерации) Людмила Борисовна Нарусова, невероятно энергичная женщина, положила Собчака в больницу.

Вмешался Путин, уже будучи директором ФСБ. Большая следственная группа, присланная из Москвы, собирала материал о взяточничестве среди чиновников питерской мэрии, что само по себе было неприятно для Путина. Получив санкцию Ельцина, Владимир Владимирович сам поехал в Петербург, договорился с главным врачом Военно-медицинской академии Юрием Леонидовичем Шевченко (будущим министром здравоохранения) и под носом у следователей на самолете частной авиакомпании вывез Собчака за границу для лечения.

Операция ФСБ против прокуратуры – это что-то новое в истории отечественных спецслужб. Путина могли обвинить в превышении служебных полномочий или в попытке помешать правосудию. Но Собчака очевидно травили, и поступок Путина вызвал симпатии. У Анатолия Александровича было больное сердце, и он рано умер. Перед смертью он все-таки вернулся на родину благодаря Путину, который не отрекся от своего бывшего профессора и начальника.

Когда Собчак скончался, Путин отправил самолет, чтобы доставить его гроб в Санкт-Петербург. Бросив все дела, приехал проводить его в последний путь. Печаль Путина на похоронах Анатолия Александровича была искренней.

Но все это произойдет потом, а 1996 год оказался трудным для Путина. После проигрыша Собчака на выборах Владимир Владимирович оказался, как он сам выразился, «безработным без всяких перспектив на трудоустройство».

Собчак пытался пристроить своего недавнего заместителя в Министерство иностранных дел, даже звонил министру иностранных дел Евгению Примакову, просил подыскать должность для Путина. Собчак не понимал, что и его самого никуда не возьмут. Полтора месяца Путины жили на даче, пока она не сгорела.

Трудоустроиться в Москве не просто

Вспомнил о нем управляющий делами президента Павел Бородин, позвал в Москву. Сам Павел Павлович рассказывал в газетном интервью, что был перед ним в долгу: Путин оказал ему услугу, когда заболела учившаяся в Петербургском университете дочь Бородина… Теперь Павел Павлович нашел ему место у себя в управлении делами.

– Я не хозяйственник, – отказался Путин. – Я бы лучше работал в администрации президента.

Бородин познакомил его с главой президентской администрации Николаем Егоровым. Тот предложил Путину место своего заместителя. Обещал буквально на следующей неделе подписать указ у Ельцина. Обнадеженный Владимир Владимирович улетел в Питер, а тут Егорова сняли… Сменивший его на посту главы президентской администрации Чубайс просто ликвидировал эту должность.

Путин по-прежнему оставался без работы. Но у него было много хороших друзей среди влиятельных питерцев, перебравшихся в Москву. Коллега по мэрии Алексей Кудрин возглавил Главное контрольное управление президента. Он пригласил Путина и сказал, что Чубайс готов дать место начальника Управления по связям с общественностью.

Путину работа не очень нравилась. Но все-таки президентская администрация. Согласился. Но тут о нем вспомнил еще один выходец из Питера – Алексей Большаков, которого тогда сделали первым заместителем главы правительства. Он поговорил с тем же Бородиным: Путину надо как-то помочь. Бородин предложил Владимиру Владимировичу кресло своего заместителя – заниматься российской собственностью за границей.

В августе 1996 года Путин приступил к работе. Он поначалу чувствовал себя не слишком уютно на новом месте, а вот Людмиле Путиной Москва сразу понравилась – она, видимо, всегда хотела жить в столице.

В Управлении делами он просидел всего восемь месяцев. Чубайс вернулся в правительство, и Путина все-таки взяли в президентскую администрацию. Освободилось кресло руководителя Главного контрольного управления – его начальник Алексей Кудрин ушел в правительство. Со временем Путин сделает Кудрина первым вице-премьером и министром финансов. Кудрин высокого мнения о Владимире Владимировиче. Он говорил журналистам:

– Я ушел из правительства, когда пришли Примаков и его окружение. Потом Путин стал председателем правительства – меня это сильно воодушевило. Я Путина хорошо знал. Нас было три первых зама у Собчака: нынешний губернатор Яковлев, Путин и я. Путина все представляют таким спецслужбистом. А ведь его основное образование – юридический факультет Ленинградского университета. Это человек, выросший в свободолюбивом университете, абсолютно современный.

В марте 1997 года Путин возглавил Главное контрольное

управление президента России. Работа Путину не нравилась. Он подумывал об уходе. Но этот опыт окажется полезным для президента Путина. Скажем, именно в роли начальника Контрольного управления он убедился в том, что Министерство обороны не сможет само себя реформировать. И публично сказал об этом.

Самое же важное состояло в том, что он попал в кремлевские коридоры, в высшую номенклатуру. Все эти люди на виду, к ним присматриваются, из них черпается резерв на выдвижение. В мае 1998 года Путина повысили – он стал первым заместителем руководителя администрации президента. Поручили заниматься отношениями с регионами, выяснять, как используются кредиты, куда уходят деньги, получаемые губернаторами. Но на этом посту он пробыл каких-нибудь два месяца, пока его не отправили на Лубянку.

Как произошло назначение в ФСБ, он сам рассказывал журналистам. Путину сказали, чтобы он поехал в аэропорт и встретил главу правительства Сергея Кириенко, который возвращался от президента, отдыхавшего в Карелии.

Кириенко вышел из самолета со словами:

– Володя, привет! Я тебя поздравляю!

– С чем?

– Указ подписан. Ты назначен директором ФСБ.

Путин говорил потом, что не очень обрадовался:

– У меня не было желания второй раз входить в одну и ту же воду.

О том, что Путин возглавит органы госбезопасности, заговорили чуть не за год до того, как это назначение состоялось. Тогда полагали, что назначения Путина желает влиятельная питерская команда во главе с Чубайсом. Молодые реформаторы хотят иметь своего человека в силовых структурах. Путин же в сентябре 1997 года заявил журналистам, что вопрос о переходе в ФСБ с ним «никто из руководства администрации президента и правительства не обсуждал и даже не намекал на такую возможность»…

Есть люди, которые, впрочем, утверждают, что с Путиным, естественно, заранее обсуждали это назначение и узкий круг высшего руководства знал о грядущем назначении. Людмила Путина рассказывала, что за три месяца до назначения муж поделился с ней новостью.

А вот, что ему не очень хотелось идти на Лубянку, – это похоже на правду. Путин в полной мере оценил преимущества свободной рыночной экономики, которые обеспечили высокий уровень жизни, возможность запросто поехать с семьей за

границу, летом – на море, зимой – на горнолыжные курорты. А пришлось вернуться в закрытую сферу. Тем более что ни один из предшественников хорошо с Лубянки не ушел. Да и думал, наверное, над тем, как примут человека, который в 1991 году демонстративно покинул КГБ?

25 июля 1998 года Путин был утвержден директором Федеральной службы безопасности. Коллегии его представил премьер-министр Кириенко:

– Задачи ФСБ очень серьезные, а наиболее важным сейчас является обеспечение экономической безопасности. Назначение Путина директором ФСБ не случайно. Новый руководитель службы – профессиональный разведчик, имеет опыт работы в спецслужбах. Деятельность Путина в Главном контрольном управлении администрации президента помогла ему накопить знания и опыт в борьбе с экономическими преступлениями.

Новый директор сказал, что вернулся в родной дом. От генеральских погон благоразумно отказался.

– Я оставил службу в КГБ подполковником, – рассказывал Путин обозревателю «Комсомольской правды» Александру Гамову. – Когда снова перевели на Лубянку, мог практически сразу получить генерала. Но, думаю, это было бы с моей стороны некорректным. В воинских коллективах есть определенная традиция: очередную звезду надо заслужить.

Став директором, Путин серьезно сократил центральный аппарат госбезопасности и перевел в Москву на видные должности нескольких петербуржцев. Обилие питерцев на Лубянке раздражало москвичей. Путина это не смущало. Заместителями он назначил Виктора Черкесова, Николая Патрушева и старого друга Сергея Иванова, с которым они вместе начинали службу в КГБ.

Сергей Борисович Иванов рассказывал «Известиям»:

– Познакомились мы, когда после окончания университета попали на работу в одно очень маленькое подразделение одной немаленькой организации… Подразделение занималось разведкой. Года два работали вместе, один возраст, примерно одни взгляды, иногда ироничные по поводу там деятельности партийных организаций в органах безопасности… Занимались спортом, хотя разным: он дзюдо, я баскетболом. Были просто нормальные отношения двух молодых парней. После чего я отбыл из Ленинграда фактически навсегда, а он остался… Мы не забывали друг друга, иногда созванивались, иногда были длительные периоды провалов – когда уезжали за границу… Когда он был назначен директором ФСБ, предложил мне перейти туда на работу…

Декларируя свои принципы, Владимир Владимирович заявил, что одно только укрепление карательных органов не принесет обществу вожделенного порядка, хорошо, что есть у нас гражданское общество, что существуют различные точки зрения… Его слова произвели благоприятное впечатление.

Как объяснил Путин, ФСБ ставит перед собой три главные задачи:

– Это, прежде всего, добывание упреждающей информации об угрозах безопасности страны с последующим докладом об этом президенту и правительству. Другое важное направление – содействие правительству в реализации как внутренних, так и международных экономических программ. Третье – противодействие иностранным спецслужбам, предпринимающим попытки завладеть секретами в сфере экономики, особенно в военно-промышленном комплексе.

Когда Путин возглавил Федеральную службу безопасности, на него обратили внимание в стране. Отметили, что он сохраняет хладнокровие, не выходит из себя, не повышает голоса, не делает оплошностей. Тверд, но старается ни о ком плохо не говорить. По характеру жесткий и резкий. Очень точен и настойчив в достижении цели. С юмором и хорошей реакцией. Несколько высокомерен и чуть-чуть кокетлив.

Жена Людмила Путина впервые показалась на публике, когда пришла на похороны Раисы Горбачевой вместе с Наиной Ельциной. Жена Путина привыкла вести себя незаметно, как положено жене сотрудника КГБ. Но говорят, что она такая же энергичная и властная, как и ее муж. В 1994 году она попала в тяжелую автомобильную аварию, ее отвезли в больницу. Вмешался начальник Военно-медицинской академии Юрий Шевченко. Он прислал своих хирургов и забрал Путину к себе. Ей сделали операцию на позвоночнике, потом у нее оказался еще и перелом основания черепа… Хорошие хирурги ее спасли.

Людмила Шкребнева, будущая жена Путина, выросла в Калининграде, играла в драмкружке в районном Доме пионеров, на всех школьных собраниях декламировала стихи. Она поступила в Калининградский технический институт, но ушла со второго курса, чтобы стать стюардессой. Как-то с подругой поехала в Ленинград и на выступлении Аркадия Райкина познакомилась с Путиным. Чекист Путин мог достать билеты в любой театр. Будущей жене сказал, что работает в уголовном розыске. У него действительно было – для прикрытия – удостоверение сотрудника уголовного розыска.

Людмила сразу решила, что это тот человек, который ей нужен. Она летала к нему на свидания из Калининграда. Роман

продолжался три с половиной года, прежде чем он решился сделать ей предложение. Женился он сравнительно поздно. Кадровики, наверное, на него посматривали косо – в КГБ не любили холостых. Людмила переехала в Ленинград. Под влиянием мужа поступила на рабфак филологического факультета ЛГУ. Теща Путина Екатерина Тихоновна работала кассиром в автоколонне, тесть Александр Аврамович – на Калининградском ремонтно-механическом заводе.

У Путиных две дочери, их назвали в честь бабушек. Они уже взрослые, получили образование, сейчас устраивают свою личную жизнь. Мало кто их видел в лицо и знает, где они и чем занимаются… Владимир Владимирович приложил максимум усилий, чтобы его дочери остались вне зоны внимания средств массовой информации и общества.

Полоний для Литвиненко

Директору ФСБ Путину досталась в наследство проблема Литвиненко, которая даст о себе знать уже в бытность Владимира Владимировича президентом России.

Весной 1998 года подполковник госбезопасности Александр Литвиненко публично заявил, что ему приказано убить известного предпринимателя – а в ту пору и крупного государственного чиновника – Бориса Березовского. Тот занимал пост заместителя секретаря Совета безопасности, потом исполнительного секретаря СНГ.

Березовский попросил разобраться в этой истории заместителя главы президентской администрация Евгения Савостьянова, курировавшего силовиков. В его кремлевском кабинете подполковник Литвиненко написал заявление, в котором сообщил, что приказ ему отдал заместитель начальника Управления по разработке и пресечению деятельности преступных организаций ФСБ капитан первого ранга Александр Петрович Камышников.

– Есть люди, которых невозможно достать, – сказал ему Камышников. – Они накопили большие деньги, и добраться законными путями до них нельзя. Они всегда откупятся и уйдут от ответственности. И эти люди наносят большой ущерб государству. Вот ты, Литвиненко, знаешь Березовского? Ты и должен его ликвидировать.

13 ноября 1998 года Березовский опубликовал в газете «Коммерсант» открытое письмо Путину с требованием расследовать эту историю. 17 ноября Литвиненко с четырьмя коллегами (среди них был и бывший уже начальник седьмого

отдела УРПО ФСБ Александр Иванович Гусак) устроили в «Интерфаксе» пресс-конференцию, на которой повторили, что им поручено убить Березовского. Приказ отдан руководителями управления, которые требовали наказать «еврея, обворовавшего полстраны». Офицеры говорили, что «такой приказ – не случайность в практике Федеральной службы безопасности».

В обществе по-разному отнеслись к этой истории. Немногие поверили в то, что руководители ФСБ дают приказы убивать. Опытные люди, прошедшие большую жизненную школу, понимают: нет ничего тайного, что не стало бы явным. Другое дело, что в частном разговоре высокопоставленный офицер мог бросить что-то вроде:

– Убил бы ты этого Березовского! Вот бы пользу стране принес.

Александр Вальтерович Литвиненко родился в Воронеже в декабре 1962 года. Служил во внутренних войсках, обеспечивал перевозку ценных грузов Гохрана. Молодого офицера вызвали в особый отдел и предложили сотрудничать. Он дал подписку и взял нехитрый псевдоним – Иван. В 1988 году его пригласили в Комитет госбезопасности. Он окончил Высшие курсы военной контрразведки и служил по линии Третьего главного управления КГБ.

Литвиненко познакомился с Березовским, когда участвовал в расследовании реальной попытки убить Бориса Абрамовича. В июне 1994 года взорвали припаркованную возле его штаб-квартиры машину, начиненную взрывчаткой, когда Березовский проезжал мимо. Он чудом остался жив. Литвиненко был тогда оперуполномоченным Управления ФСБ по борьбе с терроризмом. Чуть позже он пришел на помощь Березовскому, которого подозревали в причастности к убийству популярного телеведущего Владислава Листьева. Когда к Березовскому приехали офицеры регионального Управления по борьбе с организованной преступностью и потребовали, чтобы он поехал с ними на допрос, Литвиненко с оружием в руках будто бы сказал:

– Кто подойдет к Березовскому – буду стрелять!

Так, во всяком случае, описывал эту историю сам Борис Абрамович. Литвиненко действительно уговаривал милицию не уводить Березовского в наручниках. Но в реальности в судьбе Березовского приняли участие более влиятельные люди. Как будто бы он дозвонился до премьер-министра Черномырдина. Начальник Московского управления госбезопасности генерал Анатолий Трофимов прислал своих людей, и милиция отступилась.

В августе 1997 года Александра Литвиненко взяли в седьмой

отдел УРПО – отдел специальных задач. Литвиненко рассказывал потом, что перед ними поставили простую задачу: воры в законе распустились, посадить их невозможно, поэтому придется убирать внесудебными способами. Уже в эмиграции Литвиненко описывал, как его коллеги-чекисты крышевали бизнес. Отрабатывая деньги, не останавливались ни перед чем.

Благодарный Березовский позвонил только что назначенному директором ФСБ Путину, попросил принять Литвиненко. Подполковник принес Владимиру Владимировичу самодельную схему коррупционных связей бандитских группировок с силовыми ведомствами. Предложил создать внутри ФСБ подчиненную лично директору группу, которая займется борьбой с коррупцией. Путин подполковника выслушал, идеей не соблазнился…

Когда Литвиненко устроил пресс-конференцию и выступил с громкими разоблачениями системы госбезопасности, Путин расформировал Управление по разработке и пресечению деятельности преступных организаций – любимое детище его предшественника генерала Николая Ковалева. Но Главная военная прокуратура заявила, что обвинения Литвиненко в адрес руководства ФСБ не подтвердились.

А вот коллеги на него сильно обиделись. Предательство корпоративных интересов на Лубянке не прощают. Уволили. Припомнили старые дела. Литвиненко и его приятелей по расформированному седьмому отделу обвинили в том, что они кого-то избили при обыске, на кого-то давили, добиваясь нужных показаний.

Березовский взял Литвиненко в аппарат Исполнительного секретариата СНГ советником отдела по вопросам безопасности Департамента военного сотрудничества и безопасности. Но это подполковника не спасло. 25 марта 1999 года его арестовали по обвинению в превышении полномочий с применением насилия при проведении следственных действий. Задержали его бывшие сослуживцы. Литвиненко уверял, что по дороге в Лефортово один из них повторял:

– Зачем ты полез на телевидение? Попер против системы? Тебя же люди предупреждали. Сидел бы тихо.

В ноябре военный суд признал Литвиненко невиновным. Сотрудники ФСБ его вновь арестовали. 26 ноября 1999 года в зале суда – невиданное дело – появились вооруженные люди и увели Литвиненко, несмотря на возмущение судьи. 16 декабря 1999 года суд вновь освободил его из-под стражи под подписку о невыезде.

Осенью 2000 года бывший подполковник Литвиненко с семьей покинул Россию и через Турцию перебрался в Англию, где

получил политическое убежище… Летом 2002 года его заочно судили в России и приговорили к трем с половиной годам тюремного заключения. В октябре Литвиненко получил британское подданство. С помощью разных журналистов написал несколько книг – «ФСБ взрывает Россию» (о причастности госбезопасности к взрыву домов в 1999 году), «Лубянская преступная группировка», «Вызываю себя на допрос». Многие утверждения Литвиненко вызывали серьезные сомнения, поскольку не подтверждались фактами, но рисовали чудовищную картину тесного сращивания спецслужб с криминальными структурами.

Отношение к самому Литвиненко и к его словам изменилось после его убийства.

1 ноября 2006 года он встретился в Лондоне с бывшими коллегами по ведомству госбезопасности – Андреем Луговым, Дмитрием Ковтуном и Вячеславом Соколенко. В тот же день Литвиненко почувствовал себя плохо. Жена положила его в больницу. Состояние Литвиненко быстро ухудшалось. Его перевели в университетскую клинику, где предположили, что он отравлен каким-то радиоактивным веществом. Но не удавалось установить само вещество.

Поздней ночью 23 ноября 2006 года он скончался от острой сердечной недостаточности. Только за три часа до смерти удалось обнаружить следы радиоактивного вещества полоний-210. Стала ясна причина смерти. Если бы полоний не нашли, его смерть не была бы признана убийством, не было бы оснований и для возбуждения уголовного дела. Возможно, убийцы на это и рассчитывали.

В предсмертном заявлении Александр Литвиненко обвинил в попытке убить его президента России Владимира Путина. Британские следователи считают исполнителем Андрея Лугового. Министерство внутренних дел Великобритании просило Генеральную прокуратуру выдать им подозреваемого. В июле 2007 года Российская генеральная прокуратура отказалась экстрадировать Лугового. В декабре он был избран депутатом Государственной думы по списку партии Владимира Жириновского.

Существует несколько версий убийства Александра Литвиненко. Чаще всего упоминаются две. Первая: он убит Березовским. Цель: навредить Путину и России. Вторая: он убит российскими спецслужбами. Задача: отомстить отступнику и предателю.

Версия о причастности Березовского вызывает сомнения. Во-первых, добыть полоний частным образом не так просто. Во-

вторых, в компетентности британских детективов трудно сомневаться. Если бы выяснилось, что Борис Абрамович причастен к этому преступлению, он немедленно оказался бы за решеткой.

Версия о причастности российских спецслужб тоже вызывает сомнения. Почему целью стал, скажем, не тот же Березовский, а Литвиненко? Люди компетентные отвечают, что для спецслужб важнее наказать отступника, выходца из своих рядов, чтобы все знали: корпорация предательств не признает. В тире, где тренировались офицеры спецназа, вместо мишеней использовали фотографии Литвиненко…

Опять же следует возражение: почему покарали подполковника Литвиненко, а не, скажем, генерала Олега Калугина, живущего в Соединенных Штатах и также осужденного заочно? На это отвечают, что Калугин – человек из прежних времен. А Литвиненко служил на Лубянке совсем недавно, когда директором Федеральной службы безопасности был Путин.

Но все это лишь версии и предположения. Установить истину может только суд. Российская генеральная прокуратура тоже заявляла, что расследует убийство Литвиненко, он не был лишен российского гражданства. Пока, однако, общественности никакой информации прокуратура не предоставила.

Кассета для прокурора

Владимир Владимирович проработал в ФСБ всего год, потому что его вовлекли в большую политику. Наверное, все началось с того, что в один из февральских дней 1999 года генерального прокурора России Юрия Скуратова попросил приехать в Кремль глава президентской администрации и секретарь Совета безопасности генерал Николай Бордюжа. На столе у него лежала обычная видеокассета с любительской записью сюжета, который вскоре станет знаменитым – голый человек, очень похожий на генерального прокурора, познает радости жизни под руководством опытных профессионалок.

Бордюжа показал кассету Юрию Ильичу. Генеральный прокурор был потрясен и в тот момент, по словам Николая Николаевича, даже и не пытался отрицать, что на видеопленке запечатлен именно он.

После совместного просмотра кассеты Бордюжа сказал Скуратову:

– Я даже не знаю, как себя вести, какие слова подобрать для этого момента, но в этой ситуации вам лучше уйти.

Он посоветовал генеральному прокурору написать заявление

об отставке. В принципе, если генеральный прокурор балуется с проститутками – за чужой счет, кстати, – да еще позволяет, чтобы его фотографировали, то есть становится беззащитным перед элементарным шантажом, он, конечно же, должен немедленно покинуть свой пост.

Как кассета попала к самому Бордюже? Запись, как выяснилось, была сделана годом ранее. И кто ее передал в Кремль? Ну не почтальон же ее притащил… Вот этого мы так и не узнали…

Кассету пустили в ход, когда в Кремле решили избавиться от Скуратова. Это были очень тяжкие месяцы для Бориса Ельцина. На ключевой должности генерального прокурора – на случай всяких непредвиденных обстоятельств – хотелось иметь надежного союзника. Скуратов тоже не знал, как сложится будущее, и держался отстраненно, поэтому в Кремле не считали, что могут на него положиться.

Обескураженный Скуратов тут же, в кабинете Бордюжи, написал заявление:

«Уважаемый Борис Николаевич!

В связи с большим объемом работы в последнее время резко ухудшилось состояние моего здоровья (головная боль, боли в области сердца и т. д.) С учетом этого прошу внести на рассмотрение Совета Федерации вопрос об освобождении от занимаемой должности Генерального прокурора РФ.

Просил бы рассмотреть вопрос о предоставлении мне работы с меньшим объемом».

Вернувшись домой, Скуратов решил взять тайм-аут и подумать. Он позвонил лечащему врачу и сказал, что ему нужно лечь в больницу. Ельцин тем временем подписал заявление Скуратова об отставке. Но Скуратов уже отказался от своего заявления и сказал Бордюже, что остается на должности генерального прокурора.

В Кремле рассчитывали, что Скуратов уйдет тихо. Как в свое время министр юстиции Валентин Ковалев, которого сфотографировали во время такого же рода банных развлечений. Но за Ковалева даже товарищи-коммунисты не вступились. А Скуратов перешел в контратаку, говорил, что его преследуют по политическим мотивам, мешают расследовать громкие коррупционные дела в президентском окружении. И у него появились союзники.

17 марта 1999 года Совет Федерации обсуждал вопрос об отставке Юрия Скуратова с поста генерального прокурора. Сенаторы высказались против! Тогда Кремль пошел ва-банк. Ночью по российскому каналу показали кустарно сделанный

порнофильм.

Утром Скуратов приехал к Ельцину. Присутствовали глава правительства Примаков и директор Федеральной службы безопасности Путин.

Ельцин твердо сказал Скуратову:

– В такой ситуации я с вами работать не намерен и не буду.

Путин добавил:

– Мы провели экспертизу, Борис Николаевич, кассета подлинная.

Ельцин произнес с нажимом:

– Надо написать новое заявление об отставке.

– Но Совет Федерации же только что принял решение, – возразил Скуратов.

– На следующем заседании Совет Федерации рассмотрит новое заявление.

Примаков посоветовал:

– Юрий Ильич, надо уйти. Ради интересов прокуратуры. Да и ради своих собственных интересов.

Скуратов ответил, что напишет заявление… Скуратова отстранили от должности, перестали пускать в здание прокуратуры. Против него возбудили уголовное дело. Но заменить его своим человеком долго не удавалось, потому что Совет Федерации никак не соглашался на увольнение Скуратова. Губернаторы надеялись, что он выдаст важные кремлевские тайны. Ничего важного он так и не поведал, чем напомнил незабвенных Гдляна и Иванова. Страна жаждала разоблачений, даже их требовала, но ни знаменитые в прошлом следователи, ни отстраненный от должности генпрокурор так ничего и не рассказали.

Однако же скандал, крайне болезненный для Ельцина, разразился. Ответственность за провал операции со Скуратовым возложили на Николая Бордюжу. В апреле 1999 года его отправили в отставку. А Путин получил второй пост – секретаря Совета безопасности…

Последние месяцы 1998-го и начало 1999 года были временем отчаяния и тревоги в жизни обитателей Кремля. Стало ясно, что президент Ельцин настолько тяжело болен, что неизвестно, сколько времени он продержится.

История болезни Бориса Ельцина остается тайной. Но академик Чазов, руководитель кардиологического центра, в котором Ельцину делали операцию, пишет, что у Бориса Николаевича было пять инфарктов. Шестой мог стать смертельным. Чазов считает, что здоровье Ельцина было подорвано не только физическими и эмоциональными

перегрузками, но и злоупотреблением горячительных напитков, а также неумеренным приемом успокаивающих и снотворных препаратов.

Вопросы, кто придет после него и как он себя поведет, – не покидали ни самого Ельцина, ни его окружение. Ведь тогда сильны были позиции тех, кто говорил, что Ельцина надо судить за развал страны. И в устах некоторых политиков это звучало угрожающе.

В какой-то момент Ельцин, кажется, даже был готов передать государство Примакову. Через две недели после назначения Евгения Максимовича главой правительства президент вдруг многозначительно и доверительно заговорил с ним:

– Давайте думать о стратегических вопросах. Я мыслю вас на самом высшем посту в государстве!

Примаков благоразумно отказался развивать эту тему. Да и Ельцин быстро понял, что Евгений Максимович слишком самостоятелен. Эскизный портрет преемника набросать несложно: молодой, энергичный, располагающий к себе, желательно из военных, из тех, кто в политике недавно и не успел примелькаться. Такие качества, как верность и надежность, обязательны.

Первым на этот пост и опробовали Николая Николаевича Бордюжу. Военная косточка, подтянутый, улыбчивый, спокойный, внимательный, умеет ладить с людьми. Чем не кандидат в преемники? В сентябре 1998 года его сделали секретарем Совета безопасности, а через четыре месяца поставили во главе президентской администрации. Такой концентрации власти не было ни у кого из кремлевских администраторов.

Бордюжа, условно говоря, был Путиным номер один. Но Бордюжа подкачал. Исполнительный и доброжелательный офицер оказался непригодным к этой работе. Он не только не разобрался в сложнейших кремлевских интригах, но и не проявил к ним интереса. Не хватило ему и других искомых качеств – беспредельной жесткости и твердости.

Угол поиска у Ельцина сузился. Борис Николаевич подбирал людей определенного склада: офицер Бордюжа, офицер Степашин, офицер Путин. Время уходит катастрофически быстро, а окончательный выбор все еще не сделан. В полуфинал выходят двое – генерал Степашин и путейский генерал Аксененко, министр железнодорожного транспорта. У каждого свои достоинства.

Сергей Вадимович Степашин достаточно молод, предан Ельцину, надежен. Николай Емельянович Аксененко всю жизнь проработал на железной дороге. Чистый хозяйственник.

Политикой не занимался, ни в депутаты, ни в губернаторы не баллотировался. Новый человек, и это плюс. Отправляя Примакова в отставку, Ельцин никак не мог решить, кого поставить взамен – Степашина или Аксененко? В последний момент все-таки выбрал Степашина, Аксененко сделал дублером, но с перспективой. Впрочем, скоро стало ясно, что Николай Емельянович на главу правительства не тянет. Но и премьерство Степашина было недолгим…

Ельцин нашел того, кого столько времени искал. Множество людей, мечтавших стать президентом, остались у разбитого корыта. Впервые главой России стал человек, который этого совершенно не ожидал.

Рано утром 5 августа 1999 года Ельцин вызвал к себе Путина:

– Я принял решение, Владимир Владимирович, и предлагаю вам пост премьер-министра. Вы примерно представляете, почему я вынужден отставить вашего предшественника. Я знаю, что Степашин ваш друг, тоже петербуржец, но сейчас нужно думать о другом. Ваша позиция должна быть твердой.

– На кого будем опираться на выборах? – деловито поинтересовался Путин.

– Не знаю, – ответил Ельцин, – будем строить новую партию. Но главное – ваш собственный политический ресурс, ваш образ.

У Путина был опыт политической борьбы в Санкт-Петербурге. Неудачный.

– Предвыборной борьбы не люблю, – признался Владимир Владимирович. – Очень. Не умею ею заниматься и не люблю.

– А вам не придется этим заниматься, – утешил его Ельцин. – Главное – ваша воля, уверенность в себе. Вы готовы?

– Буду работать там, куда назначите, – сказал Путин.

Президент сказал Владимиру Владимировичу, что ему придется не просто сменить нерешительного Степашина, но и действовать предельно жестко.

Путин, как говорится в книге «Президентский марафон», понравился Ельцину «холодным взглядом и военной точностью формулировок». Владимир Владимирович – в отличие от своего предшественника – не смущался и не краснел, было ощущение, что он «готов абсолютно ко всему в жизни, причем ответит на любой вызов ясно и четко».

«Он просто очаровывает»

За три дня до назначения в правительство Путин похоронил отца – Владимира Спиридоновича. Путин-старший почти два года провел в онкологической больнице. Они легли в больницу

одновременно с женой, но Мария Ивановна быстро ушла в мир иной.

Владимира Спиридоновича лечили от радикулита, а оказалось, что он поражен раком, который уже дал метастазы. Онкологи продлили ему жизнь на полтора года. Он вновь смог ходить. Сын прилетал к нему почти каждую неделю, навещал. Но Владимир Спиридонович так и не успел порадоваться за сына… Родителей Путина похоронили на Серафимовском кладбище, где потом найдут вечное упокоение моряки затонувшей подводной лодки «Курск».

Несмотря на смерть отца, Владимир Владимирович в первый премьерский день держался спокойно. Выступая по телевидению по случаю назначения Путина главой правительства, Ельцин говорил:

– Ровно через год будут президентские выборы. И сейчас я решил назвать человека, который, по моему мнению, способен консолидировать общество, опираясь на самые широкие политические силы, обеспечить продолжение реформ в России. Он сможет сплотить вокруг себя тех, кому в новом, XXI веке предстоит обновлять великую Россию. Это секретарь Совета безопасности, директор Федеральной службы безопасности Владимир Владимирович Путин…

Слова Ельцина и назначение Путина всерьез никто не воспринимал. Казалось: пришел еще один калиф на час. Предсказывали: ну и этого через неделю-другую уберут. До выборов все равно придется терпеть ельцинские трюки… В окружении Ельцина думали иначе. В конце августа 1999 года Наина Иосифовна рассказывала корреспондентам:

– Сейчас это назначение трудно объяснить, но пройдет некоторое время, и все поймут, что решение это было правильным.

Публику сразу оповестили, что Путин – прихожанин храма Живоначальной Троицы на Воробьевых горах. В отличие от Ельцина он осеняет себя крестным знамением, знает, как вести себя в церкви. После назначения премьер-министром Путин стал часто приезжать к патриарху. 31 декабря 1999 года патриарх Алексий II с амвона храма Христа Спасителя призвал «молитвенно поддержать Владимира Владимировича».

Собственно политическая карьера Путина, по существу, началась летом 1999 года. Если бы не чеченская война, Путина, возможно, считали бы промежуточным премьером. Но в военной ситуации он проявил напор и решительность. Взрывы в Москве и в других городах напугали людей. И вдруг появился защитник, который излучал уверенность, который обещал наказать

преступников и начал действовать жестоко и беспощадно.

В начале сентября 1999 года, судя по опросам общественного мнения, за Путина готов был голосовать всего один процент. Через два месяца – больше 30 процентов.

В Путине увидели молодого и уверенного в себе человека, который не только еще ничем не опорочен, но и не боится взять на себя ответственность. Он продемонстрировал те качества, которые люди хотели видеть в руководителе страны, – решительность и твердость. Вторая война в Чечне была воспринята как свидетельство восстановления былой мощи государства и единения общества хотя бы на почве противостояния общему врагу. Это привело к неожиданному эффекту: социологи зафиксировали ожидание позитивных перемен в стране. Хотя реальные сдвиги в экономике не происходили, люди стали более оптимистично смотреть на происходящее. Путин предстал как сильная фигура, которую надо поддержать.

Многие считали, что его репутация и политическое будущее зависят от итогов второй чеченской кампании. Казалось, рост его рейтинга скоро остановится, потому что в стране не так много любителей казарменно-туалетной лексики. Но постепенно стало ясно, что люди готовы голосовать за Путина не только из-за Чечни. А тогда, похоже, и сам Владимир Владимирович был потрясен внезапным ростом своего рейтинга, то есть популярности в народе.

В Вашингтон прилетел Валентин Юмашев. Он рекламировал Путина как альтернативу Примакову, который так и не отказался от своего советского менталитета.

– Примаков, – доверительно говорил Юмашев первому заместителю Государственного секретаря Соединенных Штатов Строубу Тэлботту, – будучи премьер-министром использовал спецслужбы для запугивания своих политических противников, а вот Путин обуздает спецслужбы и позаботится о том, чтобы они превратились в законопослушные ведомства демократического государства…

Сила Владимира Владимировича состояла и в том, что никто ничего о нем не знал. Он был человеком без прошлого, человеком, лишь недавно вышедшим из тени. И это оказалось неоспоримым преимуществом на выборах. Люди желали смены политических поколений. Недовольные прежней политической элитой, мечтали увидеть новые лица.

За полтора месяца до ухода в отставку Ельцин сказал журналистам о Путине:

– С каждым днем я больше и больше убеждаюсь, что это

единственный вариант для России, наиболее приемлемый… Он может, будучи президентом, повести Россию за собой. Поэтому моя поддержка его личной кандидатуры была и есть, мало того – она не только остается, убежденность моя нарастает с каждым днем. Вы посмотрите на его действия, вы проанализируйте его поступки: насколько они логичны, умны, сильны…

Наина Иосифовна сказала о Путине короче:

– Когда его ближе узнаешь, он просто очаровывает.

26 марта 2000 года большинство избирателей поддержали Путина. Люди устали от Ельцина, от невыполненных обещаний, от политиков его эпохи. При этом никто, даже те, кто проголосовал за Путина, не представляли себе, каким именно он будет президентом.

Журналист Ксения Пономарева, заместитель руководителя первого предвыборного штаба Путина, рассказывала, что критические комментарии приводили нового президента в сильнейшее раздражение:

– Ему кажется дикой мысль, что кто-то имеет право публично обсуждать его действия.

В самом начале его президентства канадские журналисты спросили Путина, существует ли в стране оппозиция?

– Если то, что я вижу на экранах телевизоров, – ответил Владимир Владимирович, – не является оппозицией, то что же это такое? Тогда это хулиганство.

Путин не пояснил, что именно показалось ему телевизионным хулиганством. Можно только гадать. Видимо, речь шла о передаче старого НТВ «Куклы».

Но если какая-то передача действительно вышла за рамки закона, на это тоже есть закон – можно и нужно обратиться в суд. А если для этого нет оснований, если телепередача всего лишь в едкой форме высмеивает поступки или слова политика, то это просто часть нормальной общественной жизни. Неприятная, конечно, для политика. Но это плата за остальные удовольствия, которые он получает. Мы вручаем политику свои судьбы, судьбу страны. Политик живет на налоги, которые мы платим. И он должен смириться с тем, что общество придирчиво следит за каждым его шагом.

Ну кто из нас любит критику? Все мы уверены в том, что поступаем правильно, а критики несправедливы. Никакая власть не хочет, чтобы люди знали о ее ошибках, промахах, некомпетентности и непрофессионализме.

Но все совершают ошибки. Ошибки, совершенные президентом, могут быть очень опасны. Поэтому нужны негосударственные средства массовой информации, которые

должны обо всем рассказывать, никому не делая скидок. И если нет независимого от власти телевидения, которое не покажет, что происходит в стране, то страна ничего и не узнает. Когда у человека есть два глаза, он даже не подозревает, что этот оптический плюрализм позволяет ему видеть мир таким, какой он есть. Те, кто в силу несчастного случая лишился одного глаза, знают, как мгновенно и безнадежно искажается мир.

Критика в средствах массовой информации – неотъемлемая часть нормальной политической жизни. Политик должен с этим смириться, потому что свобода печати имеет огромную ценность для государства.

Возможно, дело в том, что всей предшествующей карьерой Путин не был готов к публичной деятельности. Должно быть, ему было сильно не по себе в первые месяцы, а может, и годы в Кремле. Комментарии журналистов его раздражали. Ему не нравилось, что каждый его шаг – как актера на сцене – обсуждается, оценивается, критикуется, высмеивается. Это и определило его отношение к журналистам.

– Вы думаете, это приятно, – как-то заметил Путин, – сидеть в Кремле и читать гадости, которые про меня журналисты пишут?

Тяжелое впечатление произвел ответ президента Путина известному американскому тележурналисту Ларри Кингу на вопрос о судьбе подводной лодки «Курск».

– Так что же случилось с вашей подводной лодкой? – спросил журналист, надеясь, что президент России расскажет зрителям о подлинных причинах гибели «Курска».

– Она утонула, – с легкой иронией ответил президент.

Не знаю, что произошло тогда с Путиным, что он хотел тогда сказать. Наверное, ему хотелось обрезать знаменитого американца, показать себя человеком ироничным и светским. Но вышло наоборот. Люди решили, что такая высокомерно-легкая улыбка может быть только у человека, который не понимает, что речь идет о смерти людей и бесконечном горе их родных…

Наверняка потом Путину было очень неприятно, что не только Америка, но и Россия увидела эту незабываемую улыбку на своих экранах. Несложно предположить, что для кремлевской команды этот эпизод стал еще одним аргументом против существования средств массовой информации, которые позволяют себе показывать не то, что надо, а то, что есть.

По существу, людей стали натравливать на средства массовой информации. Говорили: телевидение врет, журналисты врут… Но, пожалуй, ни один журналист не врет так, как врут чиновники. Для чиновников настали счастливые дни. Свободные средства массовой информации – это было единственное, чего они хоть

немного, но боялись. Покажут, какие они есть, и стыдно будет, и начальство по головке не погладит. А теперь они ожили, они больше не боятся, потому что увидели: начальство мнением общества, которое выражается через средства массовой информации, больше не интересуется.

Телевидение в первую очередь оказалось под контролем высшей власти. Красивые слова о том, что телевидение должно принадлежать государству, надо понимать правильно: не государству, а президенту, его команде, чиновникам. Иначе говоря, президентская команда вслед за французским королем повторяет знаменитую формулу: государство – это мы. Кремлевские чиновники внушают нам, что их интересы – это интересы государства…

Государевы люди и неодворяне

Журналист Олег Блоцкий, исследовавший генеалогическое древо семьи Путиных, замечает: «По всему выходит, что нынешний президент России Владимир Путин – третий в своем роду, кто родился вне крепостной неволи». Автор восторженной книги о Путине, видимо, хотел обратить внимание на то, сколь невелики традиции свободы в России.

Эпоха Горбачева и Ельцина была слишком недолгой, чтобы эти традиции укоренились. Потому, наверное, так легко вернуть общество в управляемое состояние, когда люди охотно подчиняются начальству, не смея слова поперек сказать и соревнуясь в выражении верноподданничества. Люди готовы строиться в колонны и шеренги, не дожидаясь, когда прозвучит команда, а лишь уловив готовность власти пустить в ход кулак или что-то потяжелее. Это куда более укоренившаяся традиция – всеми фибрами души ненавидеть начальство, презирать его и одновременно подчиняться ему и надеяться на него.

Генерал Константин Пуликовский, президентский полпред на Дальнем Востоке, перечисляя губернаторов, которые хорошо работают, с удовлетворением отметил:

– Это государевы люди.

Государя императора у нас нет с февраля 1917 года. Люди принадлежат самим себе, а не императору. Высшие должностные лица обязаны служить народу. Но это в теории, а на практике чиновники знают, кому служить…

Путин считал своей задачей выстроить вертикаль власти, дабы привести в норму «разболтанную и расхлябанную государственную систему». Любопытно, что это оказалось не так уж сложно. Думали: как заставить губернаторов подчиниться? А

никто, собственно, и не сопротивлялся. Достаточно было слегка их припугнуть, и прежней вольницы как не бывало. Все охотно построились и колоннами двинулись вперед. Все ставят президенту в заслугу то, что власть перестала зависеть от олигархов и губернаторов. Перечень можно продолжить. Власть перестала зависеть также и от парламента, и от общества в целом.

– Все тихо и незаметно «легли» под Путина, – говорил тогда журналистам Борис Немцов, который из правительства перешел в оппозицию. – Президент и его администрация провели зачистку политического поля, которое теперь выглядит как безликая равнина, а в центре возвышается бесконечно высокий монумент под названием «президентская власть». Госдума стала филиалом администрации президента, Совет Федерации – мелким подразделением Кремля. Губернаторы помалкивают, боясь высунуться. Большинство политических сил страны подобострастно поддакивают власти…

Государство, конечно же, должно быть сильным. Но в чем сила государства? Не в том, что вышестоящий чиновник может снимать и увольнять нижестоящего, а в том, что исправно функционируют все институты государства.

Во время беседы с президентом депутаты от агропромышленной группы спросили его, что больше всего ему мешает. Путин ответил: чиновничество. Диагноз точный. Вопрос в том, как избавляться от всевластия аппарата. Принято думать, что надо объявить очередное сокращение, скажем, четыре министерства слить в одно. Наверное, это само по себе полезно. Но дело не в количестве чиновников, а в том, какую роль государственный аппарат играет в нашей жизни. Без чиновников обойтись нельзя, важно, чтобы всевластию аппарата что-то противостояло.

Но за последние годы роль главного врага нашего президента – чиновничества – несказанно выросла. И будет расти дальше по мере того, как теряют свое значение другие институты общества: парламент, политические партии и независимые средства массовой информации.

Главой своего первого правительства президент Путин назначил Михаила Михайловича Касьянова. Он сыграл важнейшую роль в определении экономической политики России в начале двухтысячных годов, когда ситуация в стране складывалась исключительно благоприятно.

Касьянов – третий ребенок в семье. Он рано лишился отца. Уже в детстве был похож на себя нынешнего – в школу ходил в белой рубашке и галстуке. Никогда не дрался, хотя в правительстве ему понадобился бойцовский характер… Касьянов

служил в армии, рано вынужден был начать работать. Всего достиг сам. Единственный министр финансов, кто не получил образования по специальности.

Он окончил Автомобильно-дорожный институт по специальности инженер-водитель. Интерес к транспортным делам Касьянов потерял раньше, чем окончил институт. Нашел интересную работу в отделе внешнеэкономических связей Госплана РСФСР. Молодой специалист пошел в гору, когда Ельцин сформировал свое первое правительство. Касьянова взял к себе Виктор Ярошенко, очень близкий к Борису Николаевичу человек.

Ярошенко сформировал сначала госкомитет, а затем и Министерство экономики России. В этом ведомстве Касьянов занимался внешнеэкономическими связями. Сам Ярошенко вскоре потерял пост и утешился креслом торгпреда в Париже. А Касьянов получил лестное приглашение в Министерство финансов руководить Департаментом иностранных кредитов и внешнего долга. Он быстро был произведен в заместители министра, а в правительстве Степашина неожиданно стал министром финансов.

Достоинство Касьянова состояло в том, что он занимался отношениями с внешними партнерами и остался в стороне от скандалов, слухов и сплетен, которые губили репутацию его коллег. Многим заместителям министра финансов пришлось покинуть министерство отнюдь не под аплодисменты. О Касьянове тоже много писали, называя его то «мистер два процента», то «мистер десять процентов» – в зависимости от того, сколько он, дескать, просил за заключение сделки. Но никто из обвинителей реальных компрометирующих материалов не представил.

Касьянов – умелый переговорщик. Считает, что успех приходит не к тем, кто слепо следует инструкциям, а к тем, кто умеет быть непредсказуемым и неожиданно меняет направление удара. Самыми сложными для него были переговоры с Парижским клубом кредиторов в 1996 году. Они шли пять дней и ночей. Один из участников переговоров упал в обморок…

Касьянов стал первым после знаменитого графа Витте финансистом на посту премьер-министра. Как правило, главы правительств разбираются в деньгах ровно настолько, чтобы уметь тратить чужие деньги. Тогда все отмечали, что Михаил Михайлович молод для должности председателя Совета министров. Статный мужчина с широкой улыбкой и приятным тембром голоса. Нравится женщинам. Спокоен. Не выходит из себя. Не говорит глупостей. Ладит с людьми. Неплохо говорит по-

английски. Курит, но в меру. Вообще очень умеренный человек.

Он явно подходил Путину. Но в какой-то момент Владимиру Владимировичу, надо понимать, показалось, что Касьянов слишком самостоятелен. 24 февраля 2004 года, выступая по телевидению, Путин сказал, что правительство Касьянова отправлено в отставку. Причина этого решения осталась непонятной. Сам Владимир Владимирович сказал, что отставка «не связана с оценкой итогов деятельности прежнего состава правительства, которую он в целом считает удовлетворительной».

Обычно охлаждение отношений между президентом и премьером связывают с арестом одного из крупнейших бизнесменов страны Михаила Ходорковского. Председатель Совета министров не мог понять, какое преступление совершил Ходорковский и почему его посадили…

14 марта 2004 года прошли выборы президента. Соперничать с Путиным было некому. Владимир Владимирович легко получил мандат еще на четыре года. 1 марта он поручил сформировать правительство Михаилу Ефимовичу Фрадкову.

Выбор президента всех изумил. Фрадков – осторожный чиновник, не высказывающий своего мнения и практически незаметный. При Ельцине был министром внешних экономических связей, пока ведомство не упразднили. Получил пост министра торговли, но при очередной реорганизации правительства и это министерство было упразднено. При Путине Фрадков возглавил Федеральную службу налоговой полиции. Это при нем родился лозунг: «Заплати налоги – и спи спокойно». Когда налоговое ведомство расформировали, его назначили постоянным представителем России при Европейском союзе… Фрадков, наверное, рекордсмен – он трижды возглавлял ведомства, которые оказывались ненужными и прекращали свое существование.

Возможно, потому таким неожиданным было его триумфальное возвращение в Москву. 5 марта 2004 года Государственная дума утвердила его председателем Совета министров. Михаила Ефимовича называли «техническим премьером», имея в виду, что он не слишком самостоятелен, а лишь проводит курс Кремля. Менялись люди у власти и политика правительства. Рост цен на энергетические ресурсы обеспечил быстрый рост доходов. Необходимость в модернизации экономики, инновационном развитии исчезла.

2004 год вообще был рубежным в истории России.

1 сентября боевики, посланные руководителем чеченских террористов Шамилем Басаевым, захватили школу в североосетинском городе Беслане. Заложниками оказались более

тысячи детей и их преподавателей. За неделю до этого в Северной Осетии заседала Республиканская антитеррористическая комиссия. Приехали полномочный представитель президента в Южном федеральном округе, командующий внутренними войсками, заместитель министра внутренних дел, заместитель генерального прокурора… Приняли решение: сотрудникам силовых ведомств на сопредельных с Чечней территориях до конца августа нести службу в усиленном режиме. Но никто не сумел помешать боевикам.

Боевики, захватившие школу, начали с расстрелов и убили два десятка человек. Обезумевшие от горя родители вооружились, чем могли, и требовали немедленно освободить детей. События вышли из-под контроля. В результате стихийного штурма погибли 330 человек, из них более ста – дети.

У матерей, которые потеряли детей, было много вопросов. Они требовали наказать виновных. Говорили, что решение штурмовать школу было неверным: нельзя было отдавать приказ танкам стрелять – начался пожар и погибли дети… У многих осталось ощущение, что причины бесланской трагедии так и остались не исследованы. Теракт в Беслане повлек за собой большие политические последствия.

Но неожиданные: отменили выборы губернаторов.

И потерял работу главный редактор газеты «Известия» Раф Шакиров, который посвятил очередной номер бесланской трагедии. Рвущие душу фотографии убитых детей власти не понравились: зачем об этом напоминать? Журналисты писали о том, что ни ФСБ, ни милиция не смогли предотвратить теракт: боевики беспрепятственно проехали по городу и захватили школу. И власть обиделась на журналистов. Силовики – главная опора, обижать их никому не позволено.

Директор Федеральной службы безопасности Николай Патрушев в интервью «Комсомольской правде» говорил:

– Когда мне приходится вручать нашим ребятам правительственные награды, я внимательно вглядываюсь в их лица. Высоколобые интеллектуалы-аналитики, широкоплечие обветренные бойцы спецназа, молчаливые взрывотехники, строгие следователи, сдержанные опера-контрразведчики… Внешне они разные, но есть одно важное качество, объединяющее их, – это служивые люди, если угодно, современные «неодворяне».

Формула смутила. Если чекисты – неодворяне, то кто же остальные граждане?..

Чекисты-неодворяне занимали все более заметные места в жизни страны, получали депутатские мандаты и губернаторские кресла. Сменив популярного, но слишком самостоятельного, по

мнению федеральных чиновников, боевого офицера и Героя Советского Союза Руслана Аушева, генерал Мурат Зязиков стал президентом Ингушетии. Начальники Воронежского управления госбезопасности генерал Владимир Кулаков и Смоленского управления генерал Виктор Маслов – губернаторами своих областей.

– Понимаете, чекисты всегда считали себя избранными, – объяснял генерал Кулаков журналистам. – Уж не знаю, кем именно, – Богом, партией или людьми, – но этой избранностью мы дорожили. Особые отношения внутри Системы передавались из поколения в поколение. В девяностых годах по спецслужбам был нанесен решительный удар, и все эти понятия девальвировались, но сейчас прежние ценности восстанавливаются.

Правда, все они на высоких должностях не удержались…

В начале мая 2005 года Путин вручал награды. Орден «За военные заслуги» получил депутат Государственной думы Игорь Баринов, в прошлом подполковник госбезопасности. Получив награду, отрапортовал:

– Благодарю за награду. Внедрение в Госдуму прошло успешно.

Наверное, он вспомнил шутку самого Путина, который в роли главы правительства пришел в ФСБ и произнес то же самое. А может, и не шутил: подполковник госбезопасности считает себя в Думе представителем не избирателей, а Лубянки?..

Силовики взялись обеспечить стабильность в стране и гарантировать исполнение принятых в Кремле и в Доме правительства решений. Но горячее стремление силовиков «подтянуть» разболтавшуюся страну и «построить» граждан привело к тем последствиям, которые и предсказывали экономисты. Наведение порядка железной рукой ведет к подавлению политических прав и свобод, что исключает развитие экономики. В стране установился государственно-монополистический капитализм. Вся крупная промышленность фактически управляется государственными чиновниками. Это и есть главная причина сохранения сырьевой экономики, которая плохо поддается модернизации.

Нынешнее руководство страны вовсе не намерено сворачивать к социализму. Напротив, это достаточно молодые люди, которые вкусили прелестей капитализма. Им понравилось отдыхать за границей, посылать туда своих детей. Но обещание отстранить олигархов от власти вылилось в передел собственности. «Нелояльных» выдавили из страны или посадили, забрав у них собственность. Все дороги открылись перед своими,

близкими к власти бизнесменами, которые невиданно разбогатели.

В кадровой политике Путин руководствуется проверенным принципом: рядом должны быть люди, которых он давно знает и кому доверяет. Владимир Владимирович умеет дружить. И помнит хорошее. Соответственно породило множество анекдотов обилие на высоких постах и в списке миллиардеров выходцев из Питера, которые, в свою очередь, тащили за собой собственную свиту.

Стремление расставить повсюду своих людей в значительной степени продиктовано желанием взять на себя управление финансовыми потоками, самим распоряжаться богатой государственной собственностью, которая в умелых руках становится частной.

О том, как устроена нынешняя жизнь, стало ясно на примере печально знаменитого дела «Трех китов». В августе 2000 года таможенники задержали незаконно ввезенную партию импортной мебели. История рутинная, но брат одного из участников сделки, Евгений Жуков, руководил секретариатом заместителя директора ФСБ, начальника Департамента экономической безопасности генерала Юрия Заостровцева.

«Имел или нет генерал-полковник Заостровцев причастность к контрабандным делам, – осторожно писал депутат Государственной думы Александр Хинштейн, – установить так и не удалось». Но в историю «Трех китов» вовлеклись серьезные ведомства и влиятельные люди. Таможенников поддержало Министерство внутренних дел. Сформировали совместную оперативно-следственную группу МВД и Государственного таможенного комитета.

А владелец «Трех китов» Сергей Зуев и его партнеры вроде бы стали искать людей в прокуратуре. В ноябре 2002 года генеральная прокуратура изъяла дело и тут же его прекратила. Несколько томов с важными доказательствами потерялись. А в декабре прокуратура еще и возбудила дело против самих таможенников и следователя из Следственного комитета МВД Павла Зайцева «за превышение полномочий».

Началась настоящая война спецслужб. А в обществе возник громкий скандал. Вмешался президент Путин. Надо понимать, он искал человека со стороны, которому можно было бы доверить это непростое дело. Попросил по старой памяти Виктора Черкесова, в ту пору полномочного представителя президента в Северо-Западном округе (включающем Санкт-Петербург), найти независимого следователя. Тот рекомендовал следователя питерской прокуратуры Владимира Лоскутова.

Путин поручил ему провести следствие. Владельца «Трех китов» Сергея Зуева и еще нескольких человек арестовали. Заместителя генерального прокурора, санкционировавшего прекращение контрабандного дела, уволили. Открылась неприглядная картина массовой коррупции, в том числе среди чекистов.

«Высшие чины прокуратуры, МВД, ФСБ, Федеральной таможенной службы, члены парламента оказались вовлечены в громадный преступный промысел, – пишет депутат Хинштейн. – Ежемесячно казна недосчитывалась миллиардов долларов… «Черкизон» был основным местом реализации контрабанды, поступавшей из Китая по каналу, крышевавшемуся высокопоставленными сотрудниками ФСБ и МВД».

8 отставку отправили два десятка высокопоставленных чиновников, в том числе несколько высших офицеров госбезопасности. Считается, что расстались с теми, кто мешал следствию или сам был причастен к контрабанде. Юрий Заостровцев из ФСБ ушел.

Но конфликт продолжался. Весной 2006 года следователь Лоскутов сумел доложить Путину: следственная бригада не работает, ему самому угрожают. Считается, что в результате потерял кресло генеральный прокурор Владимир Устинов. А президент еще раз попросил помочь Черкесова, которого в марте 2003 года перевел в Москву и поставил во главе нового, но сравнительно небольшого ведомства – Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков.

Виктор Васильевич Черкесов уверенно вступил в эту опасную игру. Аппарат госнаркоконтроля помогал следователям. Говоря профессиональным языком, вел оперативное сопровождение дела «Трех китов». Это столкнуло Черкесова с его бывшими коллегами по ведомству госбезопасности. В конкуренции с другими силовиками он явно стал проигрывать. Лоскутова вернули в Питер. Два других следователя сами оказались под следствием. А Черкесову ответили тем, что возбудили дело против его подчиненного – генерал-лейтенанта Александра Бульбова, начальника Департамента оперативного обеспечения Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков. Бульбов заявил в зале суда, что его арест – месть ФСБ за его участие в расследовании контрабандных дел.

9 октября 2007 года «Коммерсант» поместил большую статью генерала Черкесова о междоусобной войне спецслужб под названием «Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев».

Виктор Черкесов напомнил, что именно чекисты удержали

страну «от окончательного падения и в этом историческая заслуга президента Путина», поэтому так опасно критиковать «чекистский крюк», на котором держится страна. Но в чекистской корпорации, призывал Черкесов, должны соблюдаться определенные законы: «Те, кто обнаруживает, что его подлинное призвание – это бизнес, должны уйти в другую среду. Не пытаться оставаться одновременно и торговцем, и воином. Так не бывает. Либо-либо».

Один из самых информированных людей в стране обвинил своих коллег по спецслужбам в незаконной коммерческой деятельности, в крышевании бизнеса, в использовании своего положения для зарабатывания больших денег. Слова генерала Черкесова – более чем авторитетное свидетельство.

Поначалу бизнесмены с радостью нанимали бывших силовиков, надеясь на их связи, или напрямую обращались к действующим офицерам различных ведомств, чтобы одолеть конкурентов различными способами, включая заведение уголовных дел. Со временем стало ясно, что без людей, принадлежащих к корпорации спецслужб, дела вообще не делаются. В мире бизнеса возник страх, что в любую минуту люди в погонах заберут успешный и процветающий бизнес. А они процветают и получают прекрасный доход…

Разговор с «товарищем Волком»

В июне 2000 года президент США Билл Клинтон приехал в Москву. Трехдневные переговоры с Путиным, констатировали американцы, ни к чему не привели. Путин внимательно и невозмутимо слушал Клинтона, но не более того. Американцы подсчитали, что Путин произнес около двухсот слов, но сводились они к одному: нет.

Владимир Владимирович считал (или ему внушили), что незачем договариваться с президентом Клинтоном, который заканчивает свой срок. Он готовился к диалогу уже с новым хозяином Белого дома. Путин с удовольствием продемонстрировал гостям свои кремлевские апартаменты – библиотеку с бюстом Пушкина, личную часовню, спортзал с тренажером и кушеткой для массажа. Проходя по коридору, показал темную комнату и небрежно пояснил:

– Это медпункт предыдущего обитателя.

Клинтон сразу же заметил, что намерен навестить Бориса Ельцина, и поинтересовался, остался ли тот на прежней даче.

– Да, – сказал Путин, – я разрешил ему там остаться.

«Свою миниатюрность и любезные манеры, – вспоминает

Строуб Тэлботт, – Путин использовал к собственной выгоде: казался невозмутимым и рассудочным, в начале поединка кланялся партнеру, выманивал его, сбивал с ног, но никогда не называл противником».

Путин тщательно готовится к переговорам, и его трудно застать врасплох неожиданным вопросом. Он держит в уме огромное количество цифр и фактов. Неопытный партнер попадет впросак. Он готовится к переговорам, встречам, интервью, не теряется, какие бы вопросы ни задавали ему иностранные политики, бизнесмены и журналисты. Отвечает ясно, коротко и образно.

– У него компьютерный ум, – свидетельствует Михаил Кожухов, который был первым пресс-секретарем Путина. – Он держит в памяти блоки информации… И у Путина шикарное чувство юмора. Он мне, конечно, понравился, его профессиональное умение вести разговор, располагать к себе… Мне кажется – это прирожденное. Я видел многих людей, которые приезжали к нему с предубеждением, а уходили с симпатией. Но у него есть еще одна особенность: он очень корректно держит дистанцию…

11 сентября 2001 года, после терактов в США, президент России был первым иностранным лидером, который позвонил американскому президенту Джорджу Бушу-младшему, чтобы произнести слова поддержки и сочувствия. Путин сказал Бушу, что ему известно о переводе американских вооруженных сил в состояние полной боевой готовности. В таких случаях Москва всегда отдавала аналогичный приказ – обычная мера предосторожности. 11 сентября Путин распорядился не предпринимать ответных действий и не создавать американцам лишних проблем.

– В этот момент, – скажет потом Буш, – он ясно дал мне понять, что «холодная война» действительно закончилась.

На следующий день Путин вновь позвонил американскому президенту и сообщил, что объявил в России траур в связи с трагическими последствиями террористических актов в Соединенных Штатах Америки. Путин не объявляет траур даже тогда, когда на Кавказе гибнут российские граждане… Американцы, травмированные внезапным осознанием собственной уязвимости, были благодарны Путину.

Путин поддержал американскую операцию в Афганистане против талибов и террористов Осамы бен Ладена. Не возражал против появления американских военных в бывших республиках Советского Союза. Возможно, он лишь смирился с неизбежностью, но выглядело это как дружеский шаг.

В середине ноября Джордж Буш пригласил Путина к себе на ранчо для неформального разговора. Буш объяснил журналистам:

– Лучшая дипломатия начинается с того, что партнеры лучше узнают друг друга. Я хочу знать его ценности, а он должен понять мои.

Путин объявил, что Россия отказывается от военно-морской базы в Камрани (на территории Вьетнама) и от разведывательного центра в Лурдесе на территории Кубы. Базой во Вьетнаме российские моряки давно не пользовались. А вот центр в Лурдесе был передовой станцией радиоэлектронной разведки, которая прослушивала почти всю территорию Северной Америки. Отказ от разведцентра на Кубе – это был ясный сигнал Соединенным Штатам: мы не рассматриваем вас как врага.

Военные и спецслужбы не смели противоречить Путину. Надеялись, что это лишь тактика, временное отступление. Поколениями военные, как и все наше общество, воспитывались в уверенности, что главный враг – Соединенные Штаты и рано или поздно с ними придется воевать. Иначе говоря, курс на партнерство с американцами Путин проводил, преодолевая молчаливое сопротивление военных, военно-промышленного комплекса, силовых ведомств.

Президент Путин, видимо, рассчитывал, что американцы примут во внимание его просьбу воздержаться от военных действий против Ирака. Ошибся, не понимая мотивов американских политиков. Владимир Владимирович человек самолюбивый и ранимый. Он чисто по-человечески обиделся на американцев. Не за то, что они решили избавить мир от Саддама Хусейна. В отличие от большинства российских политиков Путин не питает ни малейшей симпатии к ближневосточным диктаторам и даже не пытается это скрыть. Владимир Владимирович был глубоко разочарован тем, что Буш и его советники, начав иракскую войну, пренебрегли его мнением и его личными политическими интересами.

С этого момента началось изменение внешней политики России. Владимир Владимирович сильно разочаровался, пытаясь дружить с американцами по своим правилам. К сожалению, его команда не объяснила президенту, что у американцев правила другие.

Путин и его команда искренне верили, что в Вашингтоне на многое закроют глаза в знак благодарности за то, что они сделали для американцев. Но готовность президента Путина помогать Бушу в борьбе против терроризма не создала российской власти иммунитета от критики.

По мнению нашей власти, угроза терроризма настолько

велика, что борьба с ним важнее всего на свете, ради этого можно отказаться от гражданских прав и отступить от принципов демократии.

Россия – не единственное государство, сталкивающееся с проблемой терроризма. Страны, успешно противостоящие этому злу, доказывают своим примером: именно развитая демократия позволяет обеспечивать и высокий уровень жизни, и эффективную борьбу с терроризмом. Открытая демократическая система позволила в США подключить к борьбе с терроризмом лучшие интеллектуальные силы общества. После 11 сентября 2001 года – ни одного крупного теракта на территории страны…

Разговоры о том, что у нас свои традиции и вообще Россия еще не готова к полной демократии, представляются оскорбительными. Выходит, американцы в конце восемнадцатого века, когда они приняли свою конституцию, уже были готовы к полноценной демократии, а наши люди и в двадцать первом веке не созрели? Американцев невозможно убедить в том, что назначать губернаторов полезнее, чем их выбирать. Или что средства массовой информации должны быть государственными. Или что не надо проводить открытое парламентское расследование причин терактов…

Российские руководители крайне недовольны тем, как американские политики реагируют на политику Путина. Особенно не нравится то, что все оценки даются публично, хотя в Вашингтоне всего лишь перечисляют те претензии, которые давно высказывают правозащитные организации, считающие, что российская власть тащит страну назад.

2004 год был переломным во всех отношениях. Стратегическое партнерство с Западом было признано ненужным. Россия самодостаточна и могущественна.

Появление «оранжевых»

Многое в российской внешней политике изменили «оранжевые революции» – так именовались события в Украине, Грузии и Киргизии, где общества, возмутившись произволом, ненасильственным путем сменили власть в своих странах. Хотя, возможно, революция – слишком сильное определение.

Скажем, события осени – зимы 2004 года в Украине прочно вошли в историю как «оранжевая революция». Но серьезные исследователи называют эту формулу просто удачной метафорой. Система власти в Украине как таковая не претерпела изменений. Беспрецедентным было участие самых обычных людей в политической борьбе.

События в соседней стране вызвали в России острую реакцию. И непонятно было, что перевешивает: недовольство тем, что эти республики намерены выйти из российской сферы влияния, или страх перед тем, что и в нашей стране может произойти нечто подобное?

В организации «оранжевых революций» обвинили Запад, что, в свою очередь, привело к ухудшению внешнеполитического климата. Заговорили о новой «холодной войне»…

Что же произошло в Киеве?

На президентских выборах 2004 года боролись два основных кандидата: от оппозиции лидер «Нашей Украины» Виктор Ющенко, которого поддержала популярная Юлия Тимошенко, и от партии власти – глава правительства Виктор Янукович, который, заполняя документы, «забыл» указать прошлые судимости и допустил массу смешных орфографических ошибок…

Уходящий президент Леонид Кучма растерял поддержку избирателей. Началась массовая акция «Украина без Кучмы». Страна вступила в избирательную кампанию в состоянии высокого политического возбуждения. Задолго до «оранжевой революции» тысячи людей выходили на улицы, проводили демонстрации, разбивали палаточные городки в центре Киева.

К тому же в разгар предвыборной кампании Виктор Ющенко был отравлен. В его окружении были уверены, что это произошло во время ужина с руководителями Республиканской службы безопасности. Ющенко остался жив, но был обезображен. Эта история прибавила выборам драматизма.

Янукович объявил, что сделает русский язык вторым государственным и введет двойное гражданство с Россией (он не исполнил свои обещания, став в конце концов президентом). Обращало внимание присутствие немалого числа российских политтехнологов и поп-звезд, сражавшихся на стороне Януковича.

Путин приехал в Украину в канун первого тура голосования. Он публично отметил немалые успехи премьер-министра Януковича. Это воспринималось как поддержка одного из кандидатов. Участие Москвы усилило противостояние запада и востока Украины. Да еще мэр Москвы Юрий Лужков съездил в Донецк и рассказал, что Украина – молодое государство. Дескать, может и на два разделиться. Или присоединиться к России… Многие украинцы, которые вообще не собирались идти на избирательные участки или не знали, кого поддержать, проголосовали за Ющенко.

Первый тур выборов 31 октября никому не принес успеха. Ющенко и Янукович собрали почти одинаковое число голосов. 21

ноября – второй тур. Предварительные данные разнились. Одни сулили победу Ющенко, другие – Януковичу. Вечером прекратила работу компьютерная система Центральной избирательной комиссии. Подсчет голосов вручную сразу породил предположения о манипуляции с бюллетенями.

ЦИК объявил результаты – Янукович собрал 49,46 процента голосов, Ющенко-46,61 процента.

Януковича поздравил Путин. Дважды: 22 ноября – по результатам первых опросов и 25 ноября – уже официально.

А Украина взорвалась. В Киеве люди стали собираться на Майдане Незалежности и на Крещатике. Городские Советы народных депутатов Киева, Львова, Ивано-Франковска, Тернополя, Винницы выразили недоверие Центральной избирательной комиссии, признали победителем Виктора Ющенко и сообщили, что будут исполнять только его распоряжения. К ним присоединились областные советы западной части Украины. На следующий день во многих городах начались забастовки и манифестации в пользу Ющенко. Донецк и Крым, напротив, присягнули Януковичу.

В Киеве десятки тысяч людей требовали отменить результаты выборов. Они выходили на улицы, может быть, впервые в жизни приняв участие в политической борьбе. В программе новостей государственного общенационального телеканала УТ-1 сурдопереводчица вместо пересказа официальной информации о победе Януковича сказала глухонемым жителям Украины:

– Результаты, сообщенные ЦИКом, сфальсифицированы. Не верьте. Наш президент – Ющенко. Мне очень жаль, что до этого приходилось переводить ложь. Больше я этого не буду делать. Не знаю, увидимся ли…

Украинские журналисты выступили против государственной цензуры и поклялись больше не врать. Оппозиция пикетировала основные правительственные здания в Киеве, парламент. Накал протеста был таков, что Служба безопасности Украины вышла из подчинения президенту Кучме и отказалась от участия в силовых акциях. Эта позиция силовиков фактически определила исход противостояния.

3 декабря 2004 года Верховный суд Украины признал действия Центральной избирательной комиссии неправомерными и постановил провести новые выборы. Третий тур прошел 26 декабря. Ющенко получил 51,99 процента голосов, Янукович – 44,2 процента.

«Оранжевая революция» представляла собой непосредственную реакцию общества на незаконные попытки перераспределить власть, протест против манипулирования

людьми и наглого использования административного ресурса. А российские политики придали выборам в Украине характер голосования «за» или «против» России. В результате поражение Януковича стало восприниматься как поражение российской власти и личная неудача Путина. Российских политиков напугал внезапный взрыв недовольства украинцев против коррупции, наглого манипулирования властью, фальсификации выборов. В Москве, похоже, искренне поверили в то, что события в Украине-лишь прелюдия «оранжевой революции» в России.

Начиная свое президентство, Владимир Путин хотел занять заметное место в кругу руководителей мировых держав. Ему льстила возможность быть с ними на равных. Через несколько лет его жизнеощущение изменилось. В очередном послании Федеральному собранию президент Путин раздраженно высказался относительно «товарища Волка», который делает, что хочет, имея в виду Соединенные Штаты…

Путин заговорил о «диктатуре в международных делах, упакованной в красивую обертку псевдодемократической фразеологии», об опасности «попыток перестроить созданную Богом многоликую и многообразную современную цивилизацию по казарменным принципам однополярного мира».

Находясь с визитом в Турции, еще жестче высказался о Западе – «добрые, но строгие дяди в пробковом шлеме» указывают, как жить:

– А если туземец будет возражать, то его накажут с помощью ракетно-бомбовой дубинки, как это было в Югославии.

Тогдашний Госсекретарь США Колин Пауэлл не принял упреков в попытке установить американское влияние на постсоветском пространстве:

– Мы не соревнуемся и не боремся за эти территории. Мы не принуждаем их выбирать между Востоком и Западом. Мы живем совсем в другом мире, в котором люди стремятся к свободе, демократии. Они хотят иметь возможность самостоятельно выбирать себе лидеров, партнеров и друзей.

Из его слов следовало, что Россия и Запад живут в разных мирах…

Групповой портрет с президентом

За восемь лет, что Владимир Путин находился в Кремле, абсолютное большинство политиков успевают надоесть избирателю. Недавние кумиры вызывают раздражение, претензии или даже насмешки. Самый хороший начальник с годами перестает нравиться. Счастливый роман российского общества с

Путиным продолжался к всеобщему удовольствию.

Александр Солженицын отказался принять орден от Ельцина, но принял Государственную премию от Путина.

«Путину, – считал Солженицын, – досталась по наследству страна, разграбленная и сшибленная с ног, с деморализованным и обнищавшим большинством народа. И он принялся за возможное – заметим, постепенное, медленное – восстановление ее. Эти усилия не сразу были замечены и тем более оценены…»

Президентам тоже не просто даются годы у власти. Они вступают в должность полные планов, бодрые и веселые, а уходят пасмурные, разочарованные и не очень здоровые. Путин же после двух президентских сроков находился в лучшей физической форме, чем когда занялся большой политикой.

Он и раньше делал гимнастику, плавал в бассейне, ходил пешком, парился в бане. Но в последнее время серьезно занялся спортом и в свои годы отлично выглядит. Не благодаря искусству медицинских светил, не благодаря чудодейственным таблеткам, а потому что позаботился о себе сам. Хватило силы воли… Если бы отношения с Англией были бы получше, можно было бы сравнить экранный образ нашего президента с Джеймсом Бондом в исполнении британца Дэниела Крейга. Раньше на роль супершпиона выбирали очевидно фактурных актеров. Но эстетические предпочтения меняются. И явно есть нечто общее: отличная фигура, быстрая реакция, немногословность, ироничная усмешка.

Встречающиеся с ним иностранцы говорили, что видят раскованного и абсолютно уверенного в себе человека.

«Путин, несомненно, один из самых умных и культурных глав государств в новейшей истории России, – писал профессор Дмитрий Фурман. – Первый, после Ленина, знающий иностранный язык и ни разу не ошибившийся с ударением…

Путина очень многие любят. Некоторые его, естественно, ненавидят. Но он ни у кого не вызывает тех презрительных насмешек и ощущения стыда, которые раньше вызывали у бессильных подданных многие наши всесильные правители…»

Путин, заметил когда-то питерский писатель Борис Стругацкий, последняя надежда на то, что у нас все, наконец, «устаканится». Что зарплаты будут выдавать вовремя, и они будут большими. Что пенсии будут не ниже прожиточного уровня. Что воры будут сидеть в тюрьме. Что по улице вечером можно будет пройти, ничего не опасаясь. Что Россия возродится как великая держава…

В Путина поверили миллионы людей, которые сперва разуверились в коммунистах, потом в демократах, да и вообще во

всех. Осталась последняя надежда – добрый царь. Добрый, сильный, властный и здравомыслящий. И вся эта надежда многие годы была сосредоточена на Путине…

Считается, что в России верховный правитель должен быть высоким, значительным и громогласным, с осанкой и повадками настоящего барина. Ельцин или Черномырдин казались самыми подходящими для такой роли. Внешне Путин не соответствовал этой роли. Но он проявил два очевидных таланта: он свой среди людей, принимающих решения, и одновременно умеет разговаривать с народом.

Не так просто определить взгляды Путина. Те, кто давно работает с ним, говорят, что он не из тех, кто раскрывается. Президент, конечно же, не коммунист. Сам говорит, что большевики в семнадцатом году украли «землю и свободу». Государственный аппарат занял командные высоты в нынешней российской экономике, но возвращение к прежней, советской жизни не состоялось. Путин на собственном опыте имел возможность оценить преимущества развитого капитализма.

– А правда, что вы однажды гонялись с палкой за крысами? – спросили президента американские журналисты.

– Да, было такое однажды, – подтвердил Путин. – И сделал для себя очень любопытный вывод: если крысу загнать в угол, она разворачивается и атакует, причем ведет себя очень агрессивно, преследует убегающего противника. Это, знаете, многому научило…

Возможно, поэтому в политике Путин осторожен. Он, кажется, не берется за решение неразрешимых проблем. Полагает, что менять надо только то, что необходимо. Его подход совпадает с мнением большинства. Множество проблем – в жилищно-коммунальном хозяйстве, в образовании, в здравоохранении – остаются нерешенными. Но не все в стране жаждут реформ. Скорее боятся их, опасаясь, что лекарство окажется хуже болезни.

Но если Путин что-то твердо решил для себя, он добивается своего. Далеко не все верили в возможность завоевать право провести Олимпиаду в Сочи. Он не только верил, но и сделал все, чтобы добиться победы. Можно с уверенностью сказать, что этим успехом поклонники большого спорта обязаны Путину, который приехал на заседание Олимпийского комитета прямиком с семейного ранчо президента Джорджа Буша.

Сложность состоит в том, что он избегает публично сообщать о своих намерениях, и люди часто не понимают, почему государственная машина добивается чего-то с упорством, достойным лучшего применения…

По своему характеру и воспитанию он с детства, кажется, более всего не терпит обвинений в слабости. Как руководитель не выносит предположений о том, что он поддается чужому влиянию. Если в обществе упорно говорят, что такого-то министра не сегодня завтра уберут, Путин ни за что его не тронет. Поэтому попытки предсказать грядущие кадровые перемены – гадание на кофейной гуще. Решения он принимает только сам – и часто совершенно неожиданные не только для политологов-кремленологов, но и для постоянных обитателей Кремля.

«Двор правителя, естественно, постоянно пытается проникнуть в его душу, – писал профессор Фурман, – занимается любительским психоанализом и сбором информации о его пристрастиях, привычках и влияниях на него. А правитель, также естественно, стремится сохранить себя как личность, свою свободу и свою приватную сферу и «прячется» от окружения. Любой двор – клубок тайн и интриг. Двери плотно запираются, но у этих дверей стоят люди, которые прислушиваются и пытаются подглядеть в замочную скважину. Это происходило всегда при различных дворах разных правителей…»

В 2008 году за Путина было готово проголосовать значительно больше избирателей, чем когда он баллотировался в первый раз. Рост цен на нефть, газ, металлы и другой российский экспорт наводнил страну деньгами. Удачная экономическая конъюнктура позволила улучшить положение людей. На социальные программы выделялись немыслимые даже для развитых стран суммы. Реальные зарплаты до кризиса увеличились. Средний доход российской семьи при Путине был вдвое больше, чем при Ельцине. Активный средний класс был доволен – можно зарабатывать, наслаждаться жизнью. Процветающие люди не ощущали необходимости участвовать в политической жизни.

Стабильность – это, пожалуй, главное, чего хотели россияне. Усиление роли государства в экономической жизни считалось гарантией стабильности. Социологи свидетельствовали об уверенности общества в том, что страна движется в правильном направлении. И надежды на развитие страны были связаны исключительно с Владимиром Владимировичем. Когда подошел к концу его второй президентский срок, общество в целом было готово вновь доверить свою судьбу Путину, связывая с ним явное улучшение экономической ситуации и возрастание роли России в мировой политике.

Писатель Борис Стругацкий на вопрос, как долго общественное недовольство будет обходить Владимира

Владимировича, ответил:

– Сколь угодно долго. Пока Путин будет оставаться Путиным – спокойным, немногословным, скромным и энергичным человеком, умело поддерживающим «идеологическое равновесие»: либералам – курс на либеральные реформы, имперцам-державникам – символы и хоругви вроде гимна и Михалкова.

В своем недовольстве государственным аппаратом и политикой президента либеральная интеллигенция оставалась в одиночестве. Большинство было довольно тем, что власть вновь взяла в руки все нити управления обществом. Времена полной свободы многим вовсе не принесли счастья. Считалось, что освобождение России от советской системы само по себе вызовет энтузиазм. Но выяснилось, что нет привычки к самоорганизации. В стране всегда была только вертикаль власти, но не было горизонтальных связей. Люди не привыкли договариваться между собой, ведь все решало начальство. Нет традиции принимать во внимание интересы других. «Компромисс» – презираемое слово.

Необходимость решать все самому оказалась невыносимо тяжким испытанием. Раньше знали, что будет завтра, что будет через десять лет. И вдруг заставили самих думать о завтрашнем дне, о том, как выжить. Большинство привыкло полагаться на начальство – и не выдержало его отсутствия. Исчезновение государственного аппарата, который ведал жизнью каждого человека, оказалось трагедией. Люди испугались хаоса, захотели сильной власти, на которую можно перевалить ответственность за свою жизнь. Путин, как психотерапевт, избавил страну от ощущения несостоятельности.

Чтобы ни говорилось о незыблемости конституции, сколько бы сам Владимир Владимирович ни повторял, что твердо намерен уйти в марте 2008 года, немалая часть общества искренне рассчитывала, что Путин останется в Кремле и после того, как закончится его второй президентский срок. Или по крайней мере вернется через четыре года.

В конце января 2008 года президент Путин принял участие в расширенном заседании коллегии Федеральной службы безопасности. Он отметил, что «последние несколько лет стали этапом не только возрождения, но и качественного развития и укрепления службы». Сказал, что удалось полностью восстановить ее оперативный, аналитический и боевой потенциал: «Успешно завершены структурные и организационно-штатные преобразования, стабилизован кадровый состав».

Путин призвал чекистов:

– Необходимо усилить работу по своевременному получению

информации о попытках вмешательства в наши внутренние дела. Это особенно важно в период идущих сейчас выборов президента Российской Федерации. Наша страна – суверенное государство, и мы не допустим, чтобы ход избирательной кампании кем-либо корректировался извне.

Опасения Владимира Владимировича оказались напрасными. Через два месяца в Кремле его сменил Дмитрий Анатольевич Медведев, которого выбрал сам Путин.

Дмитрий Медведев. Опыт дуумвирата

За год до президентских выборов 2008-го известный прозаик Василий Аксенов, кумир читающей публики, в брежневские времена лишенный советского гражданства, поделился впечатлениями от встречи группы писателей в Каминном зале Центрального дома литераторов с Дмитрием Анатольевичем Медведевым:

– Он мне очень понравился. Интеллигент. У него четкий ум. Он немедленно схватывает, о чем идет речь, и мгновенно дает интересный ответ.

Избрание Медведева президентом считалось делом вынужденным, а сам он рассматривался как фигура временная. Но молодой и современный политик придал политической жизни России новое измерение. Его знаменитые слова «свобода лучше несвободы», даже не изменив реальность, сами стали фактором жизни. Стилистика и тональность выступлений Дмитрия Анатольевича вообще оказались необычными, звучали резко – как фронда в отношении правящего класса. А призыв к модернизации экономики – как упрек в адрес премьер-министра.

В словах Медведева искали признаки готовности превратить вербальные формулы в реальные действия. С появлением нового человека в Кремле связывались большие надежды. Либеральная интеллигенция прежде всего рассчитывала на серьезное обновление политического устройства и духовного климата страны. Сформировался своего рода медведевский лагерь. Видные политологи и экономисты разрабатывали долгосрочные программы, рассчитывая, что Медведев воспользуется их разработками для масштабных преобразований.

Новый президент проявил готовность слушать, воспринимать полезные советы, часть которых со временем трансформировалась в законопроекты. Он заставил чиновников заполнять декларации о доходах, а это может стать – будь на то воля – первым шагом в реальном контроле за власть имущими. Поклонники ставят Медведеву в заслугу принятые по его инициативе важные поправки к уголовному кодексу, которые уменьшают возможность сажать бизнесменов по надуманным обвинениями; увольнения опорочивших себя силовиков в ходе преобразования милиции в полицию; предоставляют вчерашним школьникам возможности, не опасаясь внезапного появления людей из военкомата, сдавать вступительные экзамены в высшие учебные заведения.

Упрекают же Дмитрия Анатольевича в робости,

нерешительности, недостатке лидерских качеств. В том, что он так и не обзавелся сильной и влиятельной командой. Влиятельные должности заняли всего несколько ближайших друзей президента. Это заведомо ограничивает его возможности и перспективы.

И непонятными с самого начала оставались тонкости взаимоотношений Медведева с Путиным. Точнее, личные планы самого Владимира Владимировича.

Главный выборщик

Сложившаяся в стране политическая система и умонастроения тех лет позволяли Путину, когда истекал его второй президентский срок, принять фактически любое решение. Общество не стало бы возражать, если бы он просто остался в Кремле. Умелые законодатели нашли бы способ приспособить конституцию к реальности… Уважение к духу и букве закона-не самая сильная черта россиянина.

– Мы же знаем особенности нашего национального характера, – говорил Дмитрий Медведев в интервью журналистам Николаю и Марине Сванидзе. – Мы действительно незаконопослушные люди, это правда. В нас это проявляется в массе бытовых привычек. У нас это есть и на самом верхнем уровне. Мы все правовые нигилисты до мозга костей.

Но нарушение конституции или поспешная ее переделка повредили бы репутации не только государства, но и политиков, в этом участвующих. Особенно на мировой арене. Путин, заботясь о своем реноме, выбрал иной вариант. Подобрал на пост президента России человека, за которого страна проголосовала, а сам занял должность председателя Совета министров.

Публика гадала: уступает ли Путин президентское кресло Дмитрию Анатольевичу вынужденно и лишь на время? Или же Владимир Владимирович устал за восемь лет «на галерах», как он сам образно выразился, и собирается – по мере того как Медведев освоится в Кремле – вовсе оставить политику?

Тогда строилась масса предположений. Предостерегали: Владимир Владимирович что-то не рассчитал. В нашей политической системе вся власть принадлежит президенту, так что уверяли – Путину не только формально, но и по существу придется отойти на вторые роли… Кто-то даже уверенно предсказывал, что Медведев, набрав политический вес, воспользуется президентскими полномочиями и отправит Путина в отставку. Во всяком случае, оппозиционно настроенные политики и публицисты активно его к этому призывали.

Когда строились подобные предположения, явно не учитывались политические традиции и реалии нашей страны, как, впрочем, и характер самих Путина и Медведева.

Создатель Советской России Владимир Ильич Ленин тоже занимал второй (в официальной иерархии) пост в стране – возглавлял правительство, что не мешало именно ему руководить государством. Иосиф Виссарионович Сталин формально утверждался на посту председателя правительства указом, который подписывал председатель президиума Верховного Совета СССР. Однако же занимавший этот пост милейший Михаил Иванович Калинин (чью жену Сталин посадил) и в страшном сне не мог себе представить, что он отправит вождя в отставку. Правда, перед этим были устранены все реальные конкуренты и оппоненты, которые могли бы претендовать на его кресло…

Наверняка Путин долго размышлял над этим вопросом: кому он может передать ключи от главного кабинета в Кремле? Основной критерий понятен: абсолютная лояльность. Нужен проверенный сотрудник, который никогда, ни при каких обстоятельствах не повернет против Владимира Владимировича… Разговоры о том, что хорошему человеку можно довериться, наивны. Надо же понимать волшебную силу власти. Даже ангел, если за ним не присматривать, согрешит, столкнувшись с таким искушением, как власть.

Когда Путин еще баллотировался в президенты, его спросили:

– Кому вы доверяете?

– Доверяю? – переспросил Владимир Владимирович. – Сергею Иванову, секретарю Совета безопасности.

Старому другу и сослуживцу по ленинградскому управлению КГБ Путин поручил пост, который когда-то занимал сам. Потом Сергей Борисович стал министром обороны.

– У команды Путина отличное здоровье, бодрое настроение, – уверил он журналистов. – И мы пришли надолго.

Иванов считался одним из самых влиятельных в стране людей. Правда, в смысле внешнего облика Сергей Борисович казался неисправимым – слишком короткие брюки, неудачно подобранные галстуки, забавная прическа. Иногда он появлялся хорошо причесанным, иногда встрепанным. Пренебрежение внешним обликом для мужчины вовсе не порок, скорее даже симпатичная черта. Но высокое положение обязывает соблюдать определенные правила. Потом Иванова явно окружили профессиональной заботой, и он стал выглядеть солиднее и ухоженнее.

Вечером 15 февраля 2007 года в Кремле проходило

совещание по экономическим вопросам. Иванов не мог скрыть своего прекрасного настроения. Когда Путин объявил, что Сергей Борисович становится первым вице-премьером, он был на седьмом небе. На следующий день на заседании правительства председатель Совета министров Михаил Фрадков уточнил:

– Назначение Сергея Борисовича Иванова первым заместителем председателя правительства позволит правительству сконцентрировать усилия, обеспечить необходимый уровень координации в переводе российской экономики на новый качественный уровень, на использование современных технологий, научно-технических достижений.

У нас сложная административная система: есть правительство, есть аппарат правительства, есть министерства. Нет другой страны, где помимо главы правительства существует еще и изрядное количество вице-премьеров, которым подчиняются министры. Получается, что министр – не самостоятельная фигура, а мальчик, которому нужен еще и присматривающий дядька. А над простыми «вице» ставится свой куратор – первый вице-премьер. В данном случае с большой перспективой…

Еще раньше другим первым заместителем главы правительства стал Дмитрий Анатольевич Медведев. Его знали меньше, чем Сергея Борисовича. Медведев работал в администрации президента.

Администрация президента – это центральный государственный аппарат, который занимается проведением политики президента в жизнь, следит за исполнением принятых им решений и снабжает его разносторонней информацией о положении в стране. Медведев быстро прошагал по служебной лестнице – заместитель руководителя, первый зам, руководитель администрации.

– Это должности, которые имеют и серьезные полномочия, и серьезную ответственность, но при этом абсолютно непубличные, – признавал сам Дмитрий Анатольевич. – Руководитель администрации – все-таки первый помощник президента и не должен проявляться как самостоятельный политик.

К тому же Медведеву достался, пожалуй, более опасный участок, чем Иванову, – социальная сфера. Как он сам выразился:

– Недоразвитое, недореформированное здравоохранение и образование, забитое село и абсолютно нерешаемая жилищная проблема.

С одной стороны, о Медведеве сразу узнала вся страна. С другой, удовлетворить все запросы невозможно, а гнев

недовольных обыкновенно устремляется на того, кто раздает деньги. Переход в правительство не был его инициативой. Дмитрий Анатольевич не стремился на эту стезю, о чем сказал весьма откровенно:

– До того момента, пока я не ушел из администрации, не буду скрывать, я ни о какой отдельной политической карьере не думал…

Сергей Иванов и Дмитрий Медведев оказались на равных постах. Те, кто интересуется политикой, решили: Путин дает им возможность развернуться, показать себя, чтобы принять окончательное решение, кого назначить преемником. Возможно, это так. Но скорее, хорошо зная обоих, он сразу сделал выбор.

Впрочем, общество может только гадать.

Официальной цензуры у нас нет, но и выяснить, что происходит, тоже невозможно. Это в некоторых других странах политики живут, как за стеклянной стеной, и занавески запрещены. Даже личная жизнь руководителей государства изучается под увеличительным стеклом. Почему наши нынешние начальники – сверху донизу – твердо убеждены, что чем меньше мы знаем, тем лучше?

Во-первых, к власти пришло сравнительно молодое поколение, которое отличает презрительно-высокомерное отношение к народонаселению. Новые русские даже не в силах этого скрыть. В отличие от прежних времен у них в руках не только ничем не ограниченная власть и ресурсы целого государства (области, района, города), но огромные деньги в собственном кармане.

Начальники прекрасно устроили собственную жизнь, которая к нашему бренному существованию не имеет никакого отношения. Присмотримся к тому, чем они заняты. Пресыщенные и скучающие, они не знают, чем еще себя развлечь, и придумывают для себя все более экзотические приключения. Им смешна сама мысль о том, что надо отчитываться перед народом, который по части устройства собственной жизни им и в подметки не годится.

Во-вторых, у наших начальников действительно есть веские основания позаботиться о том, чтобы мы не знали, как делаются дела в различных учреждениях. Как только кто-то из них, утратив доверие, перестает быть начальником, тут же подтверждаются худшие слухи. Например, о безудержной, всепроникающей коррупции… Хуже того, реальность опережает самые смелые слухи. Невиданное по масштабам преступление в станице Кущевской подтвердило то, что мы всегда подозревали: преступники, чиновники и силовики слились в единый организм.

И разве лишь в одном Краснодаре? Конечно, власти есть что скрывать.

В-третьих, при всем своем высокомерии начальники явно ощущают неуверенность, понимая, что в реальной политической конкуренции они бы не выстояли. Не сумели бы отстоять право на высокую должность. Это на экранах собственного телевидения или в председательском кресле, в черном лимузине или на трапе авиалайнера, в окружении охранников и подручных они представляются крупными и значительными фигурами. Более близкое знакомство разрушает эту иллюзию. Думаешь в отчаянии: господи, да кто же их поставил нами руководить?..

Но это происходит только после их отставки. Или ареста. Когда убирают большого начальника, мы даже и не задаемся вопросом: а каким образом он занял высокое кресло? Ответ известен: по всей стране чиновники сами себя назначают на высшие посты. Но это возможно только в отсутствие реальных выборов и гласности, когда мы о них почти ничего не знаем и узнать не можем.

Нетипичная биография

Сегодня анализируют личности наших ведущих политиков, чтобы предугадать их поступки. Выясняют жизненный путь, тайные пристрастия, недуги и стремления… Главное, понять, как лидер принимает решения? С кем он советуется? Или все решает сам? Впрочем, искушенные профессионалы полагают, что психоанализ на расстоянии ненадежен. Психологические портреты на девяносто процентов – предположения. То, что мы видим, – это маска, сооруженная имиджмейкерами. Маска, кстати, необходима. Без нее политик надорвется, не выдержит нагрузки. Искренним в политике делать нечего. И жалостливым тоже. Хотя, если говорить о Медведеве, нет ощущения, что это человек с двойным дном.

На одной международной конференции, проходившей с участием российского президента, я имел возможность наблюдать Медведева с близкой дистанции. Он выступал, отвечал на вопросы, реагировал на реплики, парировал выпады, поддевал оппонентов. И вполне можно было составить представление об этом человеке.

Спокоен, хладнокровен и уверен в себе. Не делает лишних движений и не говорит ненужных слов. Хорошая улыбка (зеркало души, как многие уверяют) свидетельствует об отсутствии внутренних комплексов и фобий, которые изнутри сжигают некоторых его коллег. Правильная речь – мало кто в нашем

истеблишменте так говорит по-русски. Завидная реакция и природное остроумие – шутит легко и непринужденно. Он особенно выигрывал на фоне сидевшего рядом первого заместителя главы правительства Виктора Зубкова, типичного представителя старой (не по возрасту) номенклатуры. Они казались выходцами из разных миров.

Фактически так оно и есть. Один из дедушек Медведева – Афанасий Федорович – тоже был партийным работником, работал первым секретарем райкома на Кубани. Но отец будущего президента – Анатолий Афанасьевич – поехал учиться в Ленинград и всю жизнь преподавал в Технологическом институте имени Ленсовета. Как и мать – Юлия Вениаминовна Шапошникова, закончив филологический факультет Воронежского университета, отправилась в Ленинград поступать в аспирантуру.

Будущий президент родился 14 сентября 1965 года.

Дмитрий Анатольевич очень много – и достаточно откровенно – рассказывал о себе Николаю и Марине Сванидзе. Написанная ими книга о президенте рисует необычную для нашего чиновничьего мира фигуру.

Медведев очень впечатлительный:

– Я помню, посмотрел в детстве фильм «Вий», который на меня произвел неизгладимое впечатление… Несколько дней спал с трудом, потому что мне панночка снилась…

Романтический:

– Очень сильное впечатление на меня в детстве произвел Ремарк. Наверное, это как раз пришлось на определенную пору взросления, романтической влюбленности. Помню, что «Три товарища» были просто эстетическим шоком. Красиво было написано, начиная от несчастной любви и заканчивая романтическим употреблением алкогольных напитков…

Влюбчивый. Роман с будущей женой – Светланой Владимировной – начался в школьные годы, когда ему было четырнадцать лет:

– Мы учиться перестали, гуляли вместе на переменах, уходили с уроков… В итоге я доучился до того, что в десятом классе у меня был «неуд.» по поведению в первом полугодии и почти все тройки. И все было очень плохо. Родители были крайне недовольны… Правда, в какой-то момент я понял, что нужно хорошо закончить школу. И за два месяца я все ликвидировал. Окончил школу весьма неплохо…

Юношеская влюбленность переросла в сильное чувство. Одна женщина – на всю жизнь. О Медведеве не ходит никаких слухов, заставляющих подозревать нелады в семье и увлечения на

стороне. Напротив, они с женой по-прежнему ходят, взявшись за руки…

Словом, обычный городской мальчик из интеллигентной семьи. Как это происходило в те годы со многими школьниками, увлекался музыкой – современной, западной, каждую неделю ходил на концерт:

– В девятом и десятом классах я даже вел дискотеки – так мне это было интересно.

Послушный родительской воле:

– Альтернатива была такая – отцовский вуз или другой технический институт. Но где-то во второй половине десятого класса я понял, что меня тянет на филологию… И мать, и отец сказали, что лучше все-таки юрфак…

Настойчив в достижении поставленной цели.

На вступительных экзаменах недобрал баллов. Поступил на вечернее отделение. Но туда в советские времена брали только тех, кто работал, поэтому отец устроил его к себе на кафедру автоматизированных систем управления. На следующий год Медведев сумел, хорошо сдав экзамены, перевестись на второй курс дневного отделения. Это не только избавило его от необходимости два года служить в армии, но и позволило получить хорошее образование.

Юридические факультеты в первую очередь готовили работников следствия и прокуратуры. Одного из его предшественников в Кремле – Михаила Горбачева – после окончания юридического факультета распределили в прокуратуру в родное Ставрополье… Медведеву становиться следователем никак не хотелось:

– Это работа неромантическая совсем. Она тяжелая, трудная, связана с массой тяжелых вещей. Выезды на трупы и посещение тюрьмы – это не романтика.

И тут счастливый случай: кафедре гражданского права юридического факультета Санкт-Петербургского университета дали три аспирантских места. Медведев поступил в аспирантуру вместе с приятелем – Антоном Александровичем Ивановым, ныне председателем Высшего арбитражного суда…

Медведев защитил в 1990 году диссертацию на тему «Проблемы реализации гражданской правосубъектности государственного предприятия» и десять лет преподавал на родном факультете гражданское и римское право.

– Студенты его очень любили, – говорила мне президент Санкт-Петербургского государственного университета Людмила Вербицкая. – Когда он ушел, очень сожалели. Писали в Интернете: «Дима, вернись!»

Очень прагматичный.

Когда в перестройку разрешили кооперативы, понадобились умелые и хваткие юристы: писать уставы, готовить учредительные документы. Он создал вместе с двумя приятелями юридическую консультационную фирму «БалФорт». Но на деньгах не помешан, поэтому полностью в бизнес не ушел.

Его политические симпатии и антипатии очевидны.

– У меня после просмотра «Покаяния» Абуладзе было очень серьезное эмоциональное потрясение. И мы с моим товарищем ходили потом, часа два это обсуждали. Это был такой глоток совсем другого воздуха…

Фильм «Покаяние», который в перестроечные годы с боями выходил на экраны, – одна из самых сильных антисталинских картин. Неудивительно, что, став президентом, Дмитрий Медведев назвал сталинскую систему диктатурой и тоталитарным режимом, подавляющим элементарные права и свободы. Если в других случаях Медведева упрекали в профессорской обтекаемости выражений, то в данном случае президент произвел впечатление определенностью оценок:

– Сталин совершил массу преступлений против своего народа… Режим, который сложился в СССР, иначе как тоталитарным назвать нельзя… Мы сами допускали фальсификацию истории.

Эти три формулы явственно выделили Медведева из толпы высших чиновников, более чем симпатизирующих вождю и предлагавших другую формулу: Сталин – эффективный менеджер…

27 декабря 2010 года на заседании госсовета Владимир Путин предложил воспользоваться опытом Советского Союза в создании «обстановки межэтнического и межконфессионального мира».

Медведев не согласился с премьер-министром:

– Советский Союз был государством, построенным на идеологии, и, скажем откровенно, очень жестким государством. Россия – другая.

В феврале 2011 года Медведев приехал в родной город, чтобы участвовать в конференции «Великие реформы и модернизация России», посвященной 150-летию отмены крепостного права в России. Проводил конференцию Санкт-Петербургский государственный университет.

Дмитрий Анатольевич произнес речь в защиту свободы:

– Жизнеспособными оказались не фантазии об особом пути нашей страны и не советский эксперимент, а проект нормального гуманного строя, который был задуман Александром II. И, в

конечном счете, в историческом масштабе прав оказался именно он, а не Николай I или Сталин.

В 1989 году, когда шли первые – после семнадцатого года – свободные выборы, Медведев участвовал в избирательной кампании Анатолия Собчака. Профессор баллотировался в народные депутаты СССР. В отличие от других известных питерцев, которые присоединились к Собчаку, когда тот уже стал хозяином города, Дмитрий Анатольевич считал своим долгом агитировать за мало кому еще известного, но демократически настроенного человека. Так Медведев сделал первый шаг, который со временем приведет его в Кремль…

– Я Путина знаю практически полжизни, – сказал Медведев китайским журналистам.

Он не преувеличивает.

Осенью 1990 года Медведев стал советником председателя Ленсовета Собчака.

– Через месяц появился Владимир Владимирович Путин, – вспоминал Дмитрий Анатольевич. – Как человек гораздо более опытный, профессионально подготовленный, он через некоторое время стал руководителем группы помощников и советников председателя Ленсовета. То есть он стал старшим среди советников. И вот в таком качестве мы с ним бок о бок проработали год. Потом Собчак был избран мэром Ленинграда. Путин перешел в мэрию на должность вице-мэра по внешнеэкономическим связям. А у меня в тот период возникло ощущение, что я себя в этой сфере исчерпал… Поэтому я не перешел в исполнительную власть, а полностью вернулся на кафедру. Мы договорились с вице-мэром Путиным, что я буду экспертом того комитета, который он возглавил, на внештатной основе…

Дмитрий Медведев вел в Питере жизнь, которая его вполне устраивала. Преподавал, писал вместе с коллегами учебник по гражданскому праву, а деньги зарабатывал, консультируя крупные компании. В октябре 1999 года позвонил из Москвы Игорь Иванович Сечин, хорошо известный ему как ближайший помощник Путина. Не раскрывая карт, сказал:

– Владимир Владимирович приглашает поговорить.

Путин, тогда еще руководитель правительства, предложил Медведеву возглавить Федеральную комиссию по рынку ценных бумаг. Это министерская должность – изрядная карьера для питерского кандидата наук. Причем работа новая, интересная… Словом, соблазнительно. Медведев согласился. Через месяц перебрался в Москву. Для начала приступил к работе в Белом доме – заместителем руководителя аппарата правительства.

Имелось в виду, что это станет стажировкой, необходимой для того, чтобы освоиться в Москве, в хитросплетениях столичной жизни.

Но 31 декабря 1999 года Ельцин уступил Путину главный кабинет в Кремле. Владимиру Владимировичу понадобились все, на кого он мог рассчитывать. В тот же день он назначил Медведева заместителем руководителя своей администрации.

Августовская война

Военный конфликт из-за Абхазии и Южной Осетии – самый серьезный после окончания «холодной войны». И первое испытание Дмитрия Медведева в роли президента.

Президент Джордж Буш в благодарность за отправку грузинского контингента в Ирак (две тысячи солдат и офицеров) обещал Тбилиси военную поддержку и членство в НАТО. Белый дом считал перемены в Тбилиси очевидным успехом кампании демократизации.

В июле 2008 года в Тбилиси побывала Государственный секретарь Кондолиза Райс. В частных разговорах, по ее словам, она уговаривала президента Грузии Михаила Саакашвили, рассорившегося с Москвой, не вступать с Россией в противоборство, которое ему не выиграть. Но на публике демонстрировала Саакашвили поддержку и готовность добиваться вступления Грузии в НАТО:

– Мы всегда сражаемся за наших друзей.

Надо понимать, грузинские политики поверили этим словам.

Линия противостояния между южноосетинскими ополченцами и грузинской армией была фактически линией фронта, несмотря на наличие миротворческих сил. Соглашение о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта было подписано 24 июня 1992 года. Соглашение о прекращении огня и разъединении сил – 14 мая 1994 года. Но там постоянно шли перестрелки. Грузинские войска считали, что вправе подавлять сепаратистов. Осетины не опасались эскалации конфликта, чувствуя себя уверенно благодаря российской поддержке. Не без оснований полагали, что чем острее конфликт, тем большей станет помощь Москвы.

Несколько дней накануне войны грузины жаловались на обстрелы со стороны Южной Осетии. Тбилиси предложило прямые переговоры с Цхинвали при посредничестве российских дипломатов. Руководство Южной Осетии ответило отказом.

6 августа 2008 года возобновилась перестрелка между грузинскими войсками и формированиями Южной Осетии.

7 августа президент Саакашвили приказал своей армии в одностороннем порядке прекратить огонь. Заявил, что готов на переговоры в любом формате. Но через несколько часов в Тбилиси заявили, что осетинская сторона вновь открыла огонь и стреляет, укрываясь за спинами российских солдат. Грузия объявила о начале операции «по восстановлению конституционного порядка в Южной Осетии». В 23.30 грузинская артиллерия открыла огонь по Цхинвали. Потом в действие вступила авиация, началось наступление пехоты.

Реакция российского руководства была быстрой и жесткой. Москва не стала обращаться к Совету Безопасности ООН или вообще пытаться урегулировать конфликт политическими методами, хотя неизменно декларировала правильность именно такого подхода. Российское руководство в предшествовавшие годы неизменно критиковало применение силы Соединенными Штатами и Европейским союзом для прекращения конфликта на территории другого государства – скажем, в бывшей Югославии.

В отношении событий в Южной Осетии глава российского государства, не колеблясь, пустил в ход вооруженные силы – «для принуждения к миру». 8 августа президент Медведев подписал заявление:

«Сегодня ночью в Южной Осетии грузинские войска, по сути, совершили акт агрессии против российских миротворцев и мирных жителей… Ситуация дошла до того, что миротворцы с грузинской стороны стреляли по российским миротворцам, вместе с которыми были обязаны выполнять свою миссию по сохранению мира в регионе. Сейчас в Южной Осетии гибнут мирные люди, женщины, дети, старики, и большинство из них – это граждане Российской Федерации.

В соответствии с Конституцией и федеральным законодательством, как Президент Российской Федерации, я обязан защищать жизнь и достоинство российских граждан, где бы они ни находились. Логика предпринимаемых нами сейчас шагов продиктована этими обстоятельствами. Мы не допустим безнаказанной гибели наших соотечественников. Виновные понесут заслуженное наказание».

В одиннадцать утра российская авиация уже нанесла удары по объектам на территории Грузии. Днем через Рокский тоннель прошли части 58-й Российской армии. Они взяли под контроль Южную Осетию и двинулись дальше. 11 августа российские войска вошли в грузинские города Зугдиди, Сенаки и Поти и двинулись в сторону Тбилиси.

Это породило международный кризис. Западные партнеры России могли понять желание Москвы защитить жителей Южной

Осетии, но брать грузинские города – это уже совсем другая ситуация.

14 августа президент Медведев принял руководителей операции в Грузии. Присутствовали вице-премьер Сергей Иванов, министр обороны Анатолий Сердюков, начальник Генерального штаба генерал армии Николай Макаров, а также президент Южной Осетии Эдуард Кокойты и президент Абхазии Сергей Багапш.

– Цели, поставленные в ходе операции, полностью достигнуты, – удовлетворенно заметил Дмитрий Медведев. – Будем называть вещи своими именами: народ Южной Осетии пережил геноцид. И то, что было пресечено истребление почти целого народа, было законным, неизбежным и абсолютно оправданным.

От имени Европейского союза переговоры об урегулировании конфликта вел президент Франции Николя Саркози. Он настаивал на немедленном выводе российских войск с территории Грузии. Август 2008 года был низшей точкой в отношениях России с государствами Европы и Северной Америки. Они решительно протестовали против ввода российских войск на территорию Грузии, считая, что защитить Южную Осетию можно было и без такой масштабной военной операции.

18 августа президент Медведев полетел во Владикавказ. Он сделал остановку в Курске, где встретился с ветеранами Курской битвы и сказал:

– Россия не хочет обострения международных отношений, а хочет, чтобы ее уважали.

В расположении 58-й армии Медведев вручил награды отличившимся:

– Прошло десять дней с того трагического момента, когда вам пришлось столкнуться с вероломной грузинской армией! Наши вооруженные силы преодолели кризис девяностых годов и сейчас являются боеспособными и могут выполнять любые миротворческие операции и защищать жизнь наших граждан! Наша сильная сторона – это боевой дух. Мы их сломали, несмотря на внезапность нападения и степень интенсивности агрессии!

Во Владикавказе Медведев сказал военным, что поручил министру Анатолию Сердюкову подготовить программу перевооружения армии:

– К сожалению, эта миротворческая операция показала, что мы должны заняться этой проблемой. Грузинская армия была переоснащена за счет иностранных советников, в том числе американских. И мы должны заниматься вооружением, не жалея средств на это. Операция в Южной Осетии это хорошо показала.

19 августа, после срочного заседания министров иностранных дел стран-членов НАТО, французский министр Бернар Кушнер в отчаянии произнес:

– Если бы не вмешательство Европейского союза, Тбилиси был бы взят.

Некоторые российские соседи были напуганы всерьез. Как выяснится позднее, после августовской войны прибалтийские государства попросили НАТО разработать планы обороны против возможной российской военной акции. И не только прибалтийские…

Генеральный секретарь НАТО Яап де Хооп Схеффер сообщил, что совет НАТО – Россия временно прекращает работу. Госсекретарь Райс сказала журналистам:

– НАТО не позволит Москве одержать победу над Грузией и выстроить новый железный занавес. Мы воспрепятствуем российским стратегическим амбициям, которые направлены на подрыв грузинской демократии.

Кондолиза Райс говорила о «параноидальном агрессивном импульсе, который уже не в первый раз проявляет себя в российской истории».

Западным политикам ответил Дмитрий Медведев.

– Когда все это начиналось, я был в отпуске, – рассказывал президент в сентябре 2008 года политологам из международного клуба «Валдай». – Мне ночью позвонил министр обороны и говорит: «Грузины передали южным осетинам, что они собираются начать войну»… Я думал, может, это очередная провокация. И пока грузинские войска двигались к территории Южной Осетии, я никаких решений не принимал, надеясь, что у этих придурков хватит все-таки ума остановиться в какой-то момент. Не хватило… Мы терпели до тех пор, пока они не начали ракетный и артиллерийский обстрел города, не начали шарашить из орудий по домам, стрелять в миротворцев. Только после этого мне пришлось отдать указание о том, чтобы ответить…

Последний раз, когда я с Бушем разговаривал по телефону, а это было в период активной фазы нашей военной операции, я ему сказал: «В этой ситуации ты бы сделал то же самое, только, может быть, более жестко». Он не стал со мной спорить. Это означает, что реакция на такую ситуацию практически у любого государства, которое ценит жизни своих граждан и проводит самостоятельную внешнюю политику, была бы приблизительно одинакова. Другое дело, что этой реакции не ожидали от России и активно создавали у грузинской стороны ощущение: «Делайте что хотите, русские не сунутся, это не в их интересах…» Явный внешнеполитический просчет. Ошибка дипломатическая со

стороны США, со стороны Грузии, хотя со стороны Грузии это еще и преступление…

Когда я разговаривал с Бушем, он мне сказал: «А зачем тебе все это надо? Ты же молодой президент с либеральным «бэкграундом». Мне это вообще не надо, но есть ситуации, когда имидж – ничто, а реальные действия – все… Помню, как у нас развивались отношения с Саакашвили. Он крутился, все время говорил: «Давайте встретимся, я в Сочи приеду»… Через некоторое время приехала в Грузию Райс, после этого мальчика как подменили. Звонить перестал, говорит: «Встреча не нужна». Начал готовиться к войне… Там стоит во главе государства человек абсолютно непредсказуемый, отягощенный массой патологий, находящийся в несбалансированном состоянии психическом. Вы меня извините, употребляющий наркотические средства, о чем известно западным журналистам. Если наши коллеги по блоку НАТО хотят получить такого лидера, вперед тогда…

Августовская война 2008 года стала результатом непонимания Западом и соседними странами готовности России удерживать традиционную сферу своего влияния.

«Перспектива окружения России демократическими странами, связанными друг с другом союзническими отношениями, – писал профессор Дмитрий Фурман, – это перспектива падения нашей системы, то есть личной жизненной катастрофы для нашей правящей верхушки и не такого полного, но все же краха для огромного числа людей, для которых эта система – нормальная, привычная жизненная среда…

На постсоветском пространстве все страны, где установилась система, при которой власть реально избирается, устремляются в западный мир. Это естественное стремление быть рядом с подобными себе, быть признанными ими за своего, обезопасить себя и закрепить свои системы… И наоборот, страны, где президенты правят с незапамятных времен или передают власть назначенным ими преемниками, – борются с цветными революциями и опасаются расширения западных альянсов…

Что мы вообще хотим в Грузии? Самая главная наша цель – не допустить «западной» демократической трансформации грузинского общества, внешним выражением и одновременно закреплением которой было бы вхождение Грузии в западные политические структуры».

Верхом на асфальтовом катке

Августовская война, кажется, единственный случай, когда все

отметили решительность Дмитрия Медведева. Обыкновенно в отношении к президенту ощущается некая снисходительность: много предлагает, да мало что становится реальностью. Важные для страны идеи повисают в воздухе. Причина? Сам виноват: аппарат слабый…

Не надо обижать аппарат. Аппарат работает исправно. Скажем, выразил новый московский мэр неудовольствие ларьками возле метро, и его указание исполнили мгновенно. Не размышляя, бросились сносить все, что можно, лишь бы поскорее отрапортовать об исполнении. Пришлось руководителям мэрии придерживать самых рьяных.

«Стремление нижестоящих чиновников выслужиться перед вышестоящими, – пишет известный ученый-экономист, – породило такое характерное для административно-командной системы явление, как «перегибы». При этом всегда легче «перегнуть» палку, чем «недогнуть», ибо есть реальная опасность поплатиться за «гнилой либерализм». Существует объективная тенденция к росту перегибов на каждом более низком уровне пирамиды власти. Нарастание перегибов доводит до абсурда любые предложенные наверху меры».

Наш аппарат-это асфальтовый каток, работающий по своим правилам. Если их понять, то можно понять, на что способен аппарат.

Правило первое.

Реализуются только те распоряжения, за неисполнение которых начальник накажет. Это пошло со сталинских времен. Почему-то считается, что при вожде государственный механизм работал как часы. Часто говорят: вот когда был Сталин… В реальности задания вождя исполнялись, только если Сталин давал их кому-то лично и существовала опасность, что он может поинтересоваться результатом. Все остальные идеи и указания повисали в воздухе. Самое невинное поручение норовили спихнуть на кого-то другого. Полное отсутствие инициативы и самостоятельности было возведено в принцип государственного управления: ничего не решать без товарища Сталина!

Правило второе.

Аппарат состоит из людей, готовых исполнить любое указание, но если только от них этого реально потребуют. Гигантский бюрократический механизм совершает множество ненужных оборотов. Бумаги движутся в аппарате с черепашьей скоростью, ходят от одного чиновника к другому. Потому даже хозяин страны не знает, что именно произойдет с его поручением: когда оно дойдет до исполнителя и будет ли выполнено. Огромное количество документов движется по иерархической

лестнице не потому, что это необходимо, а потому что чиновник, который мог бы принять решение сам, не желает брать на себя ответственность. Система родилась еще в сталинские времена, когда старались собрать побольше виз на документе – труднее потом найти одного виноватого.

Многие годы исполком Моссовета возглавлял Владимир Федорович Промыслов. К нему постоянно обращались с просьбой дать квартиру, дачу или гараж. Поскольку в его кабинет попадали только заметные в обществе люди, то Промыслов старался никому не отказывать. Но резолюции на заявлениях ставил разными карандашами, и подчиненные твердо знали, что именно начальник желает: помочь или вежливо замотать вопрос…

Выжить в начальственной среде и продвинуться по карьерной лестнице непросто. Требуются особая предрасположенность к существованию в аппаратном мирке и годы тренировки. Иерархия чинов нерушима, как в армии. Начальники, конечно, бывают разные. Но мало кто терпит самостоятельных подчиненных. Нужны дисциплина и послушание. Как правило, попытки высказать собственное мнение пресекаются. Ценится умение угадать, чего желает непосредственный начальник.

К вершинам власти неостановимо идут осторожные, цепкие и хитрые, те, кто не совершает ошибок и не ссорится с начальством. Какой опыт приобретает чиновник, добираясь до самого верха? Аппаратных интриг. Дворцовых переворотов. Умение лавировать, уходить от опасных решений. И еще он исполняется полнейшего презрения к тем, кто ниже рангом.

Правило третье.

Можно быть святее папы римского, нельзя быть менее ортодоксальным.

Мой отец в молодые годы был помощником одного из руководителей партии. В должности кандидата в члены политбюро и секретаря ЦК Петр Демичев ведал вопросами идеологии. Благообразный, с пышной шевелюрой и в модных очках, он не был злым или коварным человеком. Говорил ровно и спокойно, был мягок в общении с людьми, выступал без бумажки. Но окружающие быстро заметили, что обещания Демичева не исполняются. Александр Твардовский ему в лицо обидно сказал:

– Я вам не верю. Вы говорите одно, а потом все получается по-другому.

Цензура не пропускала военные дневники Константина Симонова за честное описание трагических событий сорок первого года. Демичев высказался за публикацию дневника. Обрадованный Симонов пришел к заведующему отделом культуры ЦК Василию Шауро, который подчинялся Демичеву.

Невероятно осторожный Шауро покачал головой:

– Да, Петр Нилович так сказал, но я лично считаю, что это было бы необдуманным решением, надо посоветоваться, взвесить…

То есть держимордой можно быть большим, чем начальник! За это не накажут. Шауро чувствовал, что Демичев либеральничает, а это опасно. Оказался прав. Симоновские дневники не напечатали, Демичева из секретарей ЦК убрали, а Шауро сидел на своем посту до горбачевских времен.

И сегодня чиновник безошибочно выбирает формулу выживания – слово «нет». Люди гибнут на слове «да», потому что потом могут призвать к ответу: зачем позволил? Будешь отвечать… Сказав «нет», не пропадешь, за излишнюю бдительность выволочки не устроят. Невозможно добиться ясного и однозначного ответа, потому что в этом закрытом мирке каждое слово взвешивается на аптекарских весах. Чиновник на большой должности знает, что в предбаннике толкутся молодые и голодные аппаратчики, которые мечтают занять его место за столом и принять участие в дележе власти.

Правило четвертое.

Аппарат не всякому подчинится. Назначенный главой правительства Сергей Степашин старался честно исполнять свои обязанности и в первые же дни вызвал симпатии в обществе. А президент Ельцин был им недоволен:

– Нужно создать твердый центр власти, собрать вокруг себя политическую элиту страны. Проявите решимость…

«Степашин слишком мягок, – говорится в последней книге Ельцина. – Я не уверен в том, что он будет идти до конца, если потребуется, сможет проявить ту огромную волю, огромную решительность, которая нужна в политической борьбе…»

Степашин говорил:

– Я не Пиночет.

Вот поэтому с ним и расстались.

25 декабря 2009 года на заседании Комиссии по модернизации экономики Медведеву явно не понравилось легкомысленное отношение к его словам, и он резко оборвал генерального директора госкорпорации «Ростехнологии» Сергея Чемезова, который хотел выступить по поводу реплики президента:

– Нет, не надо. Мои слова – не реплика уже, а приговор. Реплики у вас. А все, что я говорю, в граните отливается.

Дмитрия Анатольевича, хотя он и произносит время от времени грозные слова, не боятся. Высокомерная и чванливая – с подчиненными! – бюрократия подчиняется только тому, кто

внушает страх. Хозяину, который регулярно рубит головы подданным. Если он по-человечески не захочет принять эту роль, аппарат подчинится другому. Медведев не из тех, кто рубит головы. Демонстративно убрал только московского мэра Юрия Лужкова. Аппаратчики сознают собственную значимость. Что хотят – исполняют, что им не нравится – не делают.

Правило пятое.

Нельзя нарушать два основных закона: аппарат, конечно, должен смертельно бояться хозяина, но тот обязан что-то подбрасывать своим людям. Аппарат способен легко повернуться против своих создателей. При попытке его укротить, тявкает и огрызается. Власть, привилегии, возможность получать свой кусок бюджетного пирога в обмен на лояльность и беспрекословное исполнение указаний.

Почему, например, в нашей политической системе бесполезно добиваться отмены спецсигналов на автотранспорте высших чиновников или отказа от системы спецполиклиник и спецбольниц? Оттого, что без привилегий работа в аппарате представляется чиновнику бессмысленной. Принадлежность к власти должна быть зримой и завидной, это крайне важно для самоощущения чиновника.

– У нас полусоветская власть, – отмечает известный публицист и бывший депутат Виталий Коротич. – Застенчивый сталинизм, единственная система, которая сохранила огромный круг привилегий. Нигде больше этого нет, ни в одной бывшей социалистической стране. Помню, когда Рыжкова в конце перестройки отстраняли, он сказал: «Ну ладно, вы себе найдете другого премьера, а где вы другой народ найдете?»

Всевластие аппарата – не чисто российское явление. Американский президент Джон Кеннеди, выслушав интересную идею, озабоченно говорил:

– Это отличная мысль. Нужно подумать, как нам получить согласие аппарата на ее принятие.

Но в нашей ситуации готовность аппарата помогать хозяину мало что решает. Существующая система управления позволяет кого угодно закатать в асфальт и что угодно снести. Но она не предназначена для того, чтобы взращивать и поощрять, создавать условия для развития и модернизации. И это ставит крест на благих начинаниях. На работу в аппарат приходят не разрешать, а запрещать.

Когда президент Медведев с высокой трибуны провозглашает одну из своих либеральных идей, сидящие в зале думают: это же он не всерьез, это предназначено для иностранцев или для журналистов… Аплодируют, преданно смотрят ему в глаза, но

делать ничего не собираются.

Никуда они не уедут

Дмитрий Анатольевич выдвинул лозунг модернизации. Виднейшие экономисты с ним согласны: если не модернизация, то экономика деградирует. Но радикальным переменам сопротивляется буквально все.

Во-первых, страна пока что живет за счет природных богатств.

На долю России приходится 5,6 процента мировых запасов нефти, 23,7 процента природного газа, 8,4 процента водных ресурсов, 8,1 процента пахотных земель, 23 процента лесов. Зачем что-то создавать, если можно торговать подарками матери-природы? Примерно три четверти российского экспорта составляют полезные ископаемые.

Во-вторых, общество не настроено на модернизацию.

Одна из самых заметных акций Медведева – переименование милиции в полицию. Ждали большего. Но реформа натолкнулась на реалии нашей жизни.

Почему так много преступников среди полицейских (милиционеров)? Что, изначально вербуют людей с порочными наклонностями? Или сама служба построена так, что у человека формируется не интерес к работе, а, напротив, стойкая ненависть к своему делу и стремление воспользоваться своей должностью, чтобы заработать?

По мнению руководителей МВД, причина в том, что платят людям в форме мало и трудно им отказаться от взятки, когда ее предлагают… Вообще-то у нас в стране многие получают маленькую зарплату, с трудом сводят концы с концами. Но при этом они не берут взяток, не воруют и не убивают.

Ревнивый муж, оскорбленный мужчина может ударить обидчика. Но если человек методично пытает свои жертвы, то мы имеем дело с патологическими отклонениями. Эти наклонности не могли не проявляться и прежде. Вот в чем главный вопрос: никто ничего не замечал? Или же, напротив, люди с этими качествами и находят себя в полиции (милиции)?

Вспомните опыт собственного общения со стражами порядка. Чуть ли не каждый говорит о том, что служба ему надоела… Да им просто неохота работать! Хорошие деньги приносит не официальная служба, а то, что делается помимо службы. Когда видишь офицера полиции на дорогом автомобиле, возникает нехорошая мысль, что его можно сразу сажать: на зарплату ему такой машины точно не купить.

Разве приходящих в правоохранительные органы молодых

людей учат защищать и охранять граждан? Разве, отправляя патрулировать город, говорят: помогайте людям, оберегайте их от неприятностей, спасайте от преступников? Учат их совсем другому: хватать и разгонять, сажать и наказывать.

Думаю, что пагубную роль сыграла и отправка полицейских (милиционеров) на Северный Кавказ. Не только омоновцы, но и обычные стражи порядка вахтовым методом проходили через эти горячие точки. Кому-то кажется, что этот опыт идет полиции на пользу. Но задача полицейского отличается от задачи бойца спецотряда и даже от задачи профессионального военного. Военных и спецназ учат уничтожать врага. Полицейского должны учить тому, как защищать и спасать людей. Но Кавказ учит подозревать решительно всех – от мала до велика, он учит видеть во всех, кто тебя окружает, врага. И если хочешь уцелеть, должен выстрелить первым.

Как с таким опытом полицейскому работать в российском городе? Люди, среди которых он находится, не враги. В большинстве своем это нормальные, законопослушные граждане, которым нужна помощь… В крайнем случае полицейский имеет дело с подозреваемыми, с тем, кого следует задержать, чтобы он предстал перед правосудием. Но его учили другому – гранату в окно, очередь из автомата, а потом уже смотреть, кто там в комнате…

Не знаю, проводилось ли комплексное социопсихологическое исследование молодежи, которая приходит в полицию. По собственному опыту каждый из нас может сказать: молодой человек идет на службу не для того, чтобы служить закону. Форма и оружие открывают широкие возможности. Просить ничего не надо, сами придут и все предложат. Лакомое место для тех, кто умеет извлекать пользу из своего положения. Во-первых, это сравнительно легкий способ зарабатывания денег. Во-вторых, можно удовлетворить страсть к власти над людьми.

Вот почему медведевский замысел не реализовался. Меньше всего заинтересованы в переменах те, кто должен был их проводить, – полицейское начальство. Генералы не хотят, чтобы их подчиненные перестали крышевать бизнес: они же в доле! Генералы против того, чтобы их людей сурово наказывали, а то испугаются и перестанут приносить деньги…

Президент Медведев сделал модернизацию своим лозунгом. Но социологи преподнесли неприятный сюрприз. Большинство опрошенных сограждан признались, что хотели бы покинуть Россию. Цифра напугала. Стали выяснять, отчего три четверти населения готовы бежать? И как их остановить, а то у нас и без того бедственная демографическая ситуация?

В принципе в сегодняшнем мире люди передвигаются совершенно свободно. Границы не мешают находить работу по душе. Люди уезжают и возвращаются. Современная наука так и существует. В какой-то стране собирается интернациональный временный трудовой коллектив, решает задачу и разъезжается. Потом эти же ученые собираются вместе уже в другой стране…

Но в нашем обществе активных и инициативных людей немного. Разве это просто – отправиться за границу и найти там подходящую работу? И язык нужно прилично знать, и владеть пользующейся спросом специальностью. Но главное – психологическая готовность начать жизнь на новом месте, никого и ничего не зная, способность рискнуть плюс малая толика авантюризма. Многие ли на это способны?

Так что же означает эта массовая готовность уехать? С моей точки зрения, это извращенная форма отчаяния, раздражения, ощущения безнадежности… У каждого из нас бывает горькая минута, когда из-за неурядиц на работе или в семье невольно вырывается: бросить бы все и уехать! Сейчас этот сигнал отчаяния одновременно подают три четверти опрошенных!

Во время съемок популярного телевизионного ток-шоу «Суд времени» (на Пятом канале) об эпохе Брежнева, то есть на тему, казавшуюся чисто исторической, зал внезапно взорвался. Такого накала эмоций не припомню. Меланхолическая аудитория превратилась в возбужденную толпу. Люди, которые обычно спокойно слушают дебаты историков, кричали, что при Брежневе все было прекрасно, жили чудесно: детские сады, пионерские лагеря, бесплатное образование и медицина, квартиру можно было получить!..

В зале сидели самые разные люди, в том числе и те, кто родился и вырос уже после смерти Леонида Ильича. Полагаю, что если бы, не дай бог, они все хотя бы на день вернулись в то время и пошли по магазинам, то пришли бы в ужас. Но они же говорили вовсе не о Брежневе, а о дне сегодняшнем!

Выплеснулись раздражение и недовольство нынешней жизнью. Честно говоря, я даже не предполагал, что они так велики. Высокие рейтинги Путина и Медведева воспринимаются как одобрение того, что происходит вокруг нас. Похоже, эти рейтинги скорее показатель надежды на доброго царя, который, может быть, что-то для нас сделает. А самим не дадут. Да мы и не сможем…

Принято считать, что стабильность – главное, чего хотят россияне. А гарантии стабильности – это усиление роли государства. Считается, что для страны стабильность важнее перемен. Жизнь становится лучше, мы движемся в правильном

направлении, мы уверены в будущем страны, так зачем что-то менять?

Но вот что мы не видим.

Социологи отмечают серьезное разочарование сегодняшнего российского человека, ощущение исторического поражения, неудачи. Это порождает нигилизм и цинизм.

Разочаровались в советских идеалах. Затем в надеждах перестроечного времени. И еще сильнее – в нынешней жизни. В результате не просто исчезли идеалы, а люди не верят, что идеалы в принципе могут быть. Это чиновники, достигшие вершины власти, жаждут стабильности, то есть покоя и комфорта. Но не общество, чувствующее себя обделенным.

Общество вступило в эпоху перемен ждущим обновления и мечтавшим о движении вперед, а сейчас разочаровано и развращено неприкрытым лицемерием. Конечно, жизненный уровень в сравнении с брежневскими временами, несомненно, много выше. Но отчего тогда такое недовольство?

После недолгой попытки отклониться от привычного маршрута страна вернулась на прежнюю колею.

К несправедливости советской системы, когда человеку на высокой должности положено все, а человеку без должности – ничего. И опять судьба зависит не от знаний, умения, опыта и таланта, а единственно – от воли высшего вождя.

К бьющему в глаза неравенству. Выяснилось, что новая власть в смысле обретения благ и устройства личного благополучия ничем не лучше прежней. А может, и хуже, потому что неравенство стало масштабнее, а ощущение обиды – острее.

К отсутствию возможностей для самореализации. И это, быть может, хуже всего.

У нас в стране с восхищением говорят об экономических успехах Китая. Чтобы идти по китайскому пути, нужны китайцы. Кто желает трудиться по-китайски – без отпусков, без суббот и воскресений, по две смены, добывая деньги на учебу детей? Но у нас и нет возможности зарабатывать, скажем, беспрепятственно открывать мелкий бизнес.

Любое дело в стране происходит с невероятным напряжением сил, аврально-словно внезапно началась война. От этой нераспорядительности, неподготовленности люди страдают дополнительно. Все утешают себя: ну что вы хотите, такая у нас страна. Сидит чиновник, который не исполняет своих обязанностей, и разводит руками: пока гром не грянет, мужик не перекрестится… Получается, что никто не виноват, так заведено испокон веку.

Какую чудесную индульгенцию мы выдали сами себе!

Конечно, изменить природу, понизить температуру, устроить дождь или остановить шторм человеку не под силу. Но предусмотреть возможные последствия, приготовиться к ним, сделать все, чтобы не быть застигнутым врасплох, вполне возможно. Более того, это входит в служебные обязанности соответствующих ведомств, служб и чиновников.

Природные бедствия демонстрируют все катастрофические недостатки нашей жизни.

Всеобщее и демонстративное равнодушие к исполнению своих обязанностей.

Бравирование нарушением правил и норм, что даже признается доблестью: нельзя, а нам можно!

Торжество непрофессионализма, когда неумение и нежелание хорошо делать свою работу встречает полное понимание и одобрение окружающих: а чего стараться-то?

Нераспорядительность начальников, у которых напрочь отсутствуют административная жилка и понятие ответственности. Всегда думает только о деле? Да он сумасшедший!

Отсутствие самого понятия трудовой морали, которая предполагает, что человек в принципе не может работать плохо. Торжествует иной принцип: они делают вид, что нам платят, а мы делаем вид, что работаем.

«Аккуратный, как часы», «обязательный», «исполнительный», «человек дела» – разве эта характеристика вызывает симпатии в нашем обществе? Скорее иронию и снисходительное сочувствие. Пусть кто-то другой будет таким, но не я…

Легко сказать: да так всегда было в России! А вот и нет! Хороший мастер, надежный работник, ответственный человек ценились в старой России. Штольц изображен Иваном Гончаровым в романе «Обломов» как олицетворение деловитости. И автор романа симпатизирует умелому, толковому Штольцу, который если берется за дело, то исполняет его. Но вот Никита Михалков в фильме «Обломов» выставил немца Штольца глубоко чуждым России человеком. Михалков тонко чувствует дух времени и настроения людей… И в самом деле – что мы, немцы, исполнять инструкции, следовать правилам, делать все, как положено, и заранее готовиться к форс-мажорным обстоятельствам?.. Здравый ум подсказывает, что нельзя в засуху идти в лес, жечь костры, жарить шашлыки. Но нам закон не писан! И лес не наш, и вообще ни за что мы не отвечаем.

Природные катаклизмы обнажают то, с чем и так сталкиваешься на каждом шагу. Только в повседневной жизни мы на это уже почти не обращаем внимания: чуть ли не каждый на своем месте не делает то, что обязан делать. Чиновник теряет

документы, механик не закручивает гайку, шахтер отключает датчик газа, врач оставляет иголку в зубе, который лечил… Это носит поголовный характер и в критической ситуации в масштабах страны превращается в настоящее бедствие.

С моей точки зрения, это не имеет отношения к национальному характеру, поскольку свойственно решительно всем этническим группам в нашем обществе. Вековечные традиции тоже ни при чем. Это проявление цивилизационной отсталости, которая стала следствием Октябрьской революции, Гражданской войны, эмиграции, коллективизации, раскулачивания и большого террора…

Произошло полное разрушение жизни. Самых трудолюбивых и умелых профессионалов изъяли. Или они сами бежали. На кого сознательно делали ставку? На малограмотных, но послушных. На ленивых, но верных. Не важно, сделано или не сделано, главное – умело рапортовать начальству. Вот какие сложились кадровые традиции. А если что не так, объяснение готово – вредительство, враги орудуют! И так продолжается уже много десятилетий. Все устройство нашей жизни воспитывает полную незаинтересованность в результатах своей работы, отучает от ответственности, умения действовать самостоятельно, не ожидая команды сверху. Обычная работа превращается в настоящее сражение. Битва за урожай, битва за нефть, война с пожарами.

Побывавшие за границей с завистью рассказывают, что во многих странах не только поезда, а весь транспорт ходит строго по расписанию. На электронном табло автобусной остановки точно указано, через сколько минут появится нужный автобус. Опоздание невозможно. В устах наших людей это звучит как рассказ о диковинках, об экзотике, в нашей жизни ненужной и неприменимой. Мысль о том, что все то же самое возможно и в наших условиях, вызывает дружный смех. Нам это надо?

Разумная организация работы потребует усилий от всех и каждого. А зачем нам себя утруждать? Окружающая жизнь неопровержимо доказывает, что личный успех и признание в обществе приносят отнюдь не увлеченность своим делом, не безукоризненное исполнение своих обязанностей и не честный труд…

Вот молодежь и идет в чиновники. Это не только стабильно и надежно. Принадлежность к государственному аппарату наделяет ни с чем не сравнимым ощущением власти над другими. И открывает беспрепятственный доступ к бюджету. Молодые люди не хотят заниматься бизнесом, рисковать. Предпочитают государственную службу, что в значительной степени продиктовано желанием получить в руки управление

финансовыми потоками, распоряжаться богатой госсобственностью, которая в умелых руках становится частной.

Молодые и современные чиновники желают наслаждаться той жизнью, о которой, поездив за границу, хорошо осведомлены. При этом уверенно называют себя людьми, заботящимися о государстве, а предпринимателей, создающих рабочие места, считают преступниками. Образовалось государство чиновников, их на миллион больше, чем десять лет назад. Но чиновники ничего не придумывают и ничего не создают. Не поэтому ли живем импортом и все кого-то догоняем? Раньше Америку, теперь Португалию…

Вернулись на традиционный российский путь: царь или вождь всем руководит и всем все объясняет – и как пахать, и как строить, и как пожары тушить. Все слушают, кивают, докладывают об исполнении. И все делается через пень-колоду. С одной стороны, зачем проявлять инициативу, самим стараться, если на все нужна команда сверху. А с другой, исчезает способность к самостоятельности. Ненужные органы атрофируются.

Общество отучили от самостоятельности и способности к самоорганизации. Вот что самое печальное. Утрачена вера в способность самому чего-то добиться и изменить жизнь. И от этой безысходности люди и говорят социологам: я бы отсюда уехал… Никуда на самом деле они не уедут. Но и здесь ничего не сделают.

А вот кто реально покидает страну – это люди, принадлежащие к истеблишменту.

Детский сад в Лондонграде

Нигде так хорошо не рожается, как в Лондоне! Главное впечатление от города – обилие русских детей, особенно малышей в колясках, с которыми прогуливаются не в Нескучном саду, а в Кенсингтонском парке.

В Лондоне русские бросаются в глаза. И вовсе не те, кто первым приходит на ум. Конечно, в девяностые российские нувориши накупили себе «мерседесов» и, приобретая недвижимость, задрали цены на жилье. Так ведь и арабские шейхи, приезжая в Великобританию, тоже не скупятся… Разумеется, англичане знают владельца футбольной команды «Челси», но это далеко не единственный футбольный клуб, принадлежащий иностранцу. Слышали имя Бориса Березовского, чью голову безуспешно пытается заполучить российская прокуратура, но таких беженцев здесь хоть пруд пруди. Вот что

англичане наотрез отказывают понимать, так это избрание в российский парламент человека, которого Скотланд-Ярд обвиняет в убийстве бывшего подполковника ФСБ Александра Литвиненко.

Неверно тем не менее полагать, будто в Лондоне скопились сплошь опальные политики и бывшие олигархи, противники режима и нарушители различных кодексов. Это ошибочное представление.

Основное русское население британской столицы далеко от политики – это молодые женщины с детьми и будущие мамы. В обширных парках, на речном берегу, на площадках с аттракционами множество женщин с колясками. Это выгуливающие русских детей няни. Или сами молодые мамы – обычно в сопровождении бабушек.

Отцы неизменно отсутствуют. Они не манкируют родительскими обязанностями. Русские лондонские семьи крепкие. Здесь чувства подкреплены трезвым расчетом. Отцы неустанно трудятся на родине – зарабатывают копейку в Москве или в других городах необъятной, но пустеющей России. Эти люди – вовсе не оппозиционеры, не бузотеры, вошедшие в конфликт с властью и поспешившие отправить семью от греха подальше. Напротив, верные ее слуги, крупные чиновники и преуспевающие бизнесмены. Ими движет дума о будущем детей.

Русские девушки бродят по лондонским улицам, изучают ассортимент универмагов и бутиков, сидят в кафе. Внешне – те же англичанки, аутентично говорят по-английски. Единственное отличие – ничем не заняты. Британские женщины деловиты, на трудовом фронте не отстают от мужчин. Наши не за тем туда отправлены. Им должно позаботиться о продолжении рода.

Ей-богу, несправедливы британские писатели к родной земле! Напрасно сетовали на суровый климат и лондонские туманы. Свежий воздух, много деревьев. Экологическую ситуацию не сравнишь с московской. Знакомая пара (он – крупный ученый-физик, она – архитектор) уехала на работу в Лондон несколько лет назад. Сомневались, осилят ли новое дело: ей грозило удаление почки, он задыхался от астмы. В британской столице все прошло: почка заработала, астма (аллергического происхождения) исчезла.

Молодые люди на здоровье еще не жалуются и думают о другом. Рожденный на британской земле получает право стать подданным королевы. Потому и отправляют на маленький остров будущих мам… И при этом старательно рисуют Запад сонмом врагов, со всех сторон окружающих нашу родину, мечтающих разорвать Россию на части или по крайней мере добраться до полезных ископаемых.

Внешний мир для большинства наших сограждан остается закрытым – паспорт-то можно получить, и визы дают, да поездка не по карману! Поэтому сведения о том, что там происходит, по-прежнему черпают из телепрограмм, выступлений политиков и пропагандистов. Пугают нас Западом те же люди, которые сами не вылезают из-за границы и пристраивают там свое потомство.

У нас дома они пропагандируют китайский опыт или восхищаются стойкостью кубинцев, поддерживают Иран или Венесуэлу, заступаются за Каддафи. Но не слышал, чтобы кто-то из них сказал: «Жена ждет ребенка. Отошлю ее рожать в Пекин». Или: «Врачи настаивают на операции. Лечу на Кубу». И детей не отправляют учиться в Каракас, к Уго Чавесу, или в Тегеран, к Ахмадинежаду в надежде, что они обустроятся в этих чудесных местах.

Нет, нет! Когда речь идет о себе любимых, о родной крови, о любимой жене, о наследниках и продолжателях рода, решения принимаются исключительно разумные. Лечиться? В Швейцарии или Германии. Где рожать жене? В Соединенных Штатах или – что ближе – в Лондоне.

Не надо судить наш правящий класс по публичным речам, по выступлениям по телевидению или в рабочих коллективах во время поездок по стране. Эти люди прекрасно отдают себе отчет в преимуществах политического устройства западных государств, которые на родине презрительно клеймят.

Они высоко ценят те возможности, которые западные демократии открывают перед своими гражданами. Им нравится надежность, налаженность и стабильность жизни, над которыми не властны ни чиновники, ни правительства. Они хотят, чтобы их дети были твердо уверены в своих правах, получили хорошее образование и возможность самореализации. Чтобы к их услугам были высокого класса медицина и современные лекарства (от которых наше Министерство социального развития избавляет российских граждан, или закупая дешевые аналоги, или заставляя врачей выписывать плохие отечественные). Чтобы, если, не дай бог, понадобится, можно было обратиться за помощью к полицейским, готовым помочь, потому что отправлены на улицу не наказывать и собирать дань, а помогать и защищать.

– Я действительно завидую тому уровню, на котором находится западная судебная система, – признался Дмитрий Медведев.

Отчего же наши начальники не желают так же устроить жизнь у себя на родине, чтобы иметь все это, не пополняя население Лондона? Причиной тому не злая воля и не жадность – сам пользуюсь, а вам не дам. Ими руководит исключительно здравый

расчет. Демократическое устройство государства лишает чиновников возможности безнаказанно обогащаться за казенный счет. Иное устройство жизни пересаживает чиновника, живущего не по средствам, из руководящего кресла на скамью подсудимых.

А у нас деликатнейший народ – не беспокоит бестактным вопросом: на какие доходы государственный муж, официально получающий скромную зарплату, отправил сына учиться в Великобританию, где получить высшее образование стоит немалых денег?..

В начале 2011 года Владимир Путин мобилизовал видных экономистов для работы над новой «Стратегией-2020». Предложения звучали радикальные: свободные выборы, политическая конкуренция, разделение властей, освобождение бизнеса от коррупционного давления и дани, которую собирают силовики…

– Причины бегства из страны среднего класса и политической элиты, – сказал ректор президентской Российской академии народного хозяйства и государственной службы Владимир Мау, – низкий уровень безопасности личности и собственности, а также неверие в возможность определять характер политической жизни в стране. Особенно это проявляется по отношению к детям, которых стремятся вывезти из страны уже для обучения в школе. Одновременно вывозятся средства, необходимые для обустройства за рубежом. Вывозится и капитал. Причем уехать оказывается более простым решением, чем бороться за улучшение условий внутри страны.

Вот это и есть самое прискорбное. Массовая эвакуация детей за границу – не в летние лагеря, не на языковые курсы и не на краткую стажировку – прежде всего свидетельствует о том, что правящий класс (те, кто занимается политикой или бизнесом, а чаще и тем и другим одновременно) не питает никаких иллюзий относительно будущего нашей страны. Люди, в руках которых, по существу, судьба государства, не желают, чтобы их дети связывали свое будущее с Россией.

Как заспорили президент и премьер

В начале 2011 года возникло ощущение нарастающего противостояния Путина и Медведева, что прежде представлялось немыслимым.

Владимир Владимирович, встречаясь с журналистами Первого канала, обещал, что не позволит развиваться иностранным неядерным вооружениям в ущерб безопасности России. Но военные дела – президентская прерогатива. А

Дмитрий Анатольевич согласился провести правовую экспертизу громких уголовных дел, в том числе тех, с которыми связывают личную заинтересованность премьер-министра.

Путин раскритиковал новый образовательный стандарт, хотя считается, что образование – сфера интересов президента. А Медведев заговорил об оттоке капитала и дурном инвестиционном климате, хотя этим ведает глава правительства.

В интервью французским журналистам Путин не преминул отметить, что обращается к Медведеву на «ты», а тот говорит ему «вы». Через несколько дней Медведев столь же непринужденно объяснил американским корреспондентам:

– Я работаю президентом, а он премьер-министром. И этим все сказано.

Газеты обратили внимание на то, что совещания в Кремле и Белом доме словно нарочито назначаются на одно и то же время. Чиновникам приходится выбирать – к кому ехать: к Путину или Медведеву? Знающие люди отмечают, что это лишь аппаратные игры. Команды обоих лидеров создают иллюзию соперничества президента и премьер-министра.

Но иногда их разногласия становятся заметными.

Владимир Путин несколько раз жестко высказался о Михаиле Ходорковском (в тот момент, когда шел второй процесс по его делу):

– У этого человека кровь на руках… Считаю, что вор должен сидеть в тюрьме.

Медведев счел необходимым публично поправить Путина. На встрече с руководителями телеканалов заметил:

– Ни президент, ни иное должностное лицо не имеет права высказывать свою позицию по этому делу или по какому-то другому делу до момента вынесения приговора.

Но из его слов не следует делать далеко идущих выводов. Медведев стал руководителем президентского аппарата как раз после того, как его предшественник Александр Волошин выразил несогласие с арестом Ходорковского. Медведев, надо понимать, не разошелся с Путиным во мнениях.

Думаю, что они вообще единомышленники в отношении всех значимых вопросов. Другое дело, что недавний преподаватель юриспруденции считает необходимым соблюдать букву закона: суд вынесет приговор, тогда можно высказываться…

Впрочем, похоже, со стороны противоречия между президентом и премьером кажутся ощутимее.

«2010 год начался с неожиданного для власти социального протеста, – пишет Леон Арон, директор российских программ Американского института предпринимательства. – В них вплелось

недовольство традиционного типа – малообеспеченные люди требовали больших зарплат и пенсий. Но впервые, может быть, прослеживалась и протестная волна среднего класса. Он требовал, чтобы государство не убивало его налогами, не давило коррупцией, судебным и полицейским произволом.

Протестовали люди, которых можно считать потенциальной политической базой президента Медведева. Ведь это он говорил о том, что коррупция душит, что в стране правит правовой нигилизм, и призывал Россию двигаться вперед…

С сентября 2010 года Путин дал невероятное количество интервью. Такого общения с прессой у него не было за все десять лет. И в каждом втором предложении отрицается все, к чему призывает Медведев… Путин ясно дал понять: со многим из того, что делается в политике, как международной, так и внутренней, он не согласен, многое его раздражает. Интервью премьер-министра свидетельствуют, что в позициях Медведева и Путина есть смысловая, а не просто риторическая разница».

24 января 2011 года в зоне прилета международных рейсов московского аэропорта «Домодедово» взорвалось мощное взрывное устройство. Это сделал террорист-смертник, находившийся среди встречающих. Погибли тридцать пять человек, многие получили тяжелые ранения.

После теракта Медведев потребовал найти и наказать виновных и среди администрации аэропорта «Домодедово», и в ФСБ, и в МВД. 25 января Медведев выступал на расширенном заседании коллегии Федеральной службы безопасности. Распорядился разобраться «с ответственностью лиц, отвечающих за безопасность на транспорте, и сделать кадровые выводы». Нескольких офицеров госбезопасности отправили в отставку.

Путин же предпочел никого не называть. 2 февраля 2011 года на встрече с журналистами Первого канала Владимир Владимирович сообщил журналистам, что дело о теракте в Домодедове уже «в целом раскрыто».

На следующий день к президенту Медведеву пришли директор ФСБ Александр Бортников и глава Следственного комитета Александр Бастрыкин. Они хотели как раз порадовать президента отчетом об успехах в расследовании теракта «Домодедово».

Медведев их огорошил:

– Считаю абсолютно недопустимым, когда до проведения всех следственных процедур и подготовки обвинительного заключения кто-либо объявляет о раскрытии преступления, тем более такого тяжкого, как преступление террористической направленности. Надо работать, а не пиариться.

Публика пришла к выводу, что президент выражает недовольство не столько Бортниковым и Бастрыкиным, сколько Путиным…

Весной 2011 года на волне революционных событий, охвативших арабский мир, взорвалась Ливия. Муамар Каддафи, который единолично правит страной четыре с лишним десятилетия, стал уничтожать людей, призывавших к переменам. На требования мирового сообщества прекратить применение силы Каддафи не откликнулся.

Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1973, которая требует любыми средствами спасти мирное население Ливии от карательных акций правительственных войск. Россия при голосовании воздержалась. Наталья Тимакова, пресс-секретарь президента, пояснила:

– Наша позиция была последовательной с самого начала и остается такой и сейчас. Мы осуждали и осуждаем то, что творит Каддафи в отношении мирного населения. И на этот счет разночтений с Западом нет.

А вот когда началась военная операция западных стран в Ливии – с воздуха уничтожали военную авиацию и бронетехнику Каддафи, чтобы спасти мятежников, – настроения в Москве изменились. И тут Путин и Медведев совершенно неожиданно публично не сошлись во мнениях.

Премьер-министр, выступая на военном заводе в Воткинске, осудил не только действия Североатлантического блока, но и резолюцию Совета Безопасности ООН:

– Правительство России не занимается внешней политикой. Но если вас интересует мое личное мнение, то оно у меня, конечно, есть… Ни по одному из параметров ливийский режим не подходит под критерий демократической страны, внутриполитическая ситуация приобрела характер вооруженной борьбы, но это, конечно, не значит, что кому-то позволено вмешиваться в чужой, даже вооруженный конфликт извне. Эта резолюция, безусловно, является неполноценной и ущербной. Если посмотреть, что написано, станет ясно: она разрешает любые действия против суверенного государства! Это мне напоминает средневековый призыв к Крестовому походу, когда кто-то призывал кого-то идти в определенное место и чего-то освобождать… А от этих ударов гибнет как раз мирное население! Где же логика и совесть?! Нету ни того ни другого!

Глава российского правительства фактически повторил слова Муамара Каддафи о Крестовом походе против его страны… Это был не первый случай, когда между президентом и премьером возникали противоречия. На сей раз Медведев ответил довольно

жестко:

– Ни в коем случае недопустимо использовать выражения, которые, по сути, ведут к столкновению цивилизаций, типа «Крестовых походов» и так далее. Это неприемлемо. В противном случае все может закончиться гораздо хуже, чем даже это происходит сегодня. И об этом должны помнить все.

Президент защитил резолюцию Совета Безопасности ООН:

– Я не считаю эту резолюцию неправильной. Эта резолюция в целом отражает и наше понимание происходящего в Ливии, но не во всем… Абсолютно безобразными были поведение, которое осуществлялось руководством Ливии, и те преступления, которые были совершены против собственного народа… Если сегодня говорить, что, мол, мы не понимали, что делали, это было бы неправильно: мы сознательно это сделали, и в этом были мои инструкции Министерству иностранных дел. Они были выполнены…

Впервые Путин подвергся цензуре на телевидении. Днем его слова, произнесенные на боткинском заводе, были главной новостью на федеральных каналах. А вечером они исчезли, словно премьер-министр ничего не говорил. Вместо Путина зрители услышали мнение Медведева, который, по сути, опроверг главу правительства.

В аппарате президента примирительно прокомментировали расхождение позиций двух самых влиятельных людей страны:

– Премьер-министр сам оговорился, что озвучил свое личное мнение. За осуществление внешней политики у нас, как известно, отвечает президент, а потому все соответствующие ведомства, в том числе МИД, действуют и будут действовать в соответствии с указаниями первого лица…

Судя по всему, в российском руководстве придерживаются разных точек зрения относительно событий в Ливии. На протяжении многих лет в Министерстве иностранных дел к Муамару Каддафи относились более чем благожелательно. Ему продавали оружие, его поддерживали на мировой арене. Отстаивание прежней линии, надо понимать, стоило должности российскому послу в Триполи, которого срочно отозвали в Москву.

Но позиция государства определялась не дипломатами в МИДе, а, скорее всего, российским Советом безопасности. Там, вероятно, и решили не возражать против резолюции ООН. Председательствует на заседании Совета безопасности президент, но не может быть, чтобы такой вопрос решался в отсутствие Путина или вразрез с его мнением.

Почему же глава правительства изменил свою позицию? Учел

внутриполитические соображения?.. Прошло еще несколько недель, и президент Медведев тоже стал критически оценивать действия Запада в Ливии…

8 апреля 2011 года Белый дом и Кремль еще раз разошлись во мнениях. На заседании правительственной Комиссии по связи и технологическим вопросам информатизации представитель Федеральной службы безопасности – начальник Центра защиты информации и специальной связи Александр Андреечкин пожаловался на зарубежные интернет-сервисы и другие новинки: правоохранительные органы не в силах контролировать зашифрованные сообщения, которые проходят через такие сервисы, они опасны для безопасности страны. Словом, надо запрещать…

Технические новинки усложняют жизнь всем спецслужбам. Но за пределами России специалисты ищут пути, как совладать с новшеством, чтобы оно служило прогрессу, а не террористам. А у нас привыкли запрещать. Вот и Интернет воспринимается как опасность…

«Источник в Кремле» (принято считать, что это руководитель президентской пресс-службы) сообщил журналистам, что это не политика государства, а личное мнение сотрудника ФСБ. Дальше что-то произошло. То ли пожаловался директор ФСБ Бортников, то ли кто-то еще, но пресс-секретарь Путина Дмитрий Песков выразился неожиданно резко:

– Представители ФСБ не высказывают личных точек зрения. Естественно, это позиция ведомства, и она тщательно аргументирована.

Иначе говоря, пресс-секретарь премьер-министра по сути одернул Кремль. Что стояло за этим? Неудовольствие: нам надоело, что вы нас постоянно поправляете?.. История, надо полагать, имела закулисное продолжение, потому что ФСБ все же обещала разговоры по скайпу не запрещать.

Тандем невозможен в принципе

Обсуждая судьбу Путина и Медведева, обыкновенно исходят из того, что это первая попытка управлять страной в четыре руки. В реальности с советских времен тандемы формировались при каждом нашем правителе! И рушились. Причем для младшего партнера, как правило, с весьма печальными последствиями.

Советская власть и началась с дуумвирата! Создавали новую Россию и вели Гражданскую войну двое – Ленин и Троцкий. Сотрудничали очень тесно. Многие документы начинал писать Ленин, а заканчивал Троцкий. 2 сентября 1918 года Россию

объявили военным лагерем: «Во главе всех фронтов и всех военных учреждений республики ставится Революционный военный совет». Председателем Реввоенсовета-с диктаторскими полномочиями! – назначили Льва Давидовича. Во время войны его власть была не меньше ленинской. Ленин умел работать со всеми, кто ему нужен, закрывая глаза на любые недостатки. Но и в нем проснулась ревность, он захотел быть единственным вождем и стал оттирать Троцкого от власти…

Многие годы имена Сталина и Молотова для всего мира были неразделимы. В народе Молотова воспринимали как самого близкого к вождю человека. Сталины и Молотовы когда-то дружили семьями. И Сталин сделал все, чтобы сокрушить сначала репутацию главы правительства, отобрал у него кресло председателя Совета министров, скомпрометировал ближайшего соратника, посадил его жену. Похоже, собирался разделаться и с самим Вячеславом Михайловичем…

После смерти Сталина образовался тандем: Георгий Максимилианович Маленков – глава правительства, Никита Сергеевич Хрущев – глава партии. Но Хрущев уже через год «съел» напарника – председателя Совета министров! Причем устроил ему публичную экзекуцию на пленуме ЦК, чтобы уж Маленков не поднялся.

«В полчаса увял этот человек, – записал свои впечатления от пленума Александр Твардовский, – исчезла вся значительность, был просто толстый человек на трибуне под устремленными на него указательными пальцами протянутых рук президиума, запинающийся, повторяющийся, «темнящий», растерянный, чуть ли не жалкий. Странно, что у него не хватило ума в свое время отойти в сторонку чуть-чуть, быть вторым, неужели так хотелось быть первым?..»

Так Хрущеву и второй не был нужен! Новый глава правительства Николай Александрович Булганин даже и не думал соперничать с Хрущевым. Но Никита Сергеевич все равно очень быстро подорвал его позиции. Руководители страны осматривали выставку продукции легкой промышленности. Булганин что-то сказал об искусственном шелке, и Хрущев публично на него набросился:

– Видите – председатель Совета министров, а ничего не понимает в хозяйстве, болтает чушь.

Сняв Булганина с должности, Никита Сергеевич просто взял себе пост главы правительства. И при нем тандемы больше не возникали…

После смещения Хрущева главой партии сделали Леонида Ильича Брежнева, а недавний хозяин Украины Николай

Викторович Подгорный занял формально не существовавший ключевой пост второго секретаря ЦК. Он и держался соответственно, простецки называл Брежнева Лёней. Брежнев делиться властью не захотел, переместил Подгорного в Верховный Совет, а затем и вовсе выставил из аппарата. Обычно Брежнев хотя бы перед самым заседанием предупреждал очередную жертву. С Подгорным поступили бесцеремонно. На пленум ЦК Николай Викторович пришел всесильным членом политбюро, а ушел никому не нужным пенсионером.

Но образовался другой тандем: Брежнев – Косыгин. Глава правительства в стране многим нравился. Расстаться с Алексеем Николаевичем Брежнев долго не решался, но следил за тем, чтобы главу правительства постоянно обвиняли в разного рода недочетах. Жестко критиковали Косыгина старые друзья Брежнева. Это лишало Косыгина возможности оспаривать волю генсека и тем более претендовать на первое место в партии и государстве. Лицо главы правительства хранило выражение легкого разочарования…

Юрий Владимирович Андропов сделал вторым человеком Константина Устиновича Черненко, хотя они не любили друг друга, соперничали. Но Андропов пришел из КГБ, не знал ни партийного аппарата, ни кадров, вынужден был опереться на Черненко. И тут же вытащил из-под Черненко его главную опору – заставил уйти с поста руководителя общего отдела ЦК, чтобы лишить его рычагов влияния в аппарате…

Михаил Сергеевич Горбачев начинал в паре с Егором Кузьмичом Лигачевым. И отодвинул его от власти раньше, чем стала ясна принципиальная разница во взглядах! Дело в том, что Егор Кузьмич так распределил обязанности: генеральный разрабатывает общую стратегию и представительствует, а он, Лигачев, ведет все текущие дела и расставляет кадры. Горбачев, видя, что Егор Кузьмич забрал себе слишком много власти, лишил его должности второго секретаря…

Многое ли изменилось в новой России?

Виктор Степанович Черномырдин был преданным сотрудником президента Ельцина в самые трудные времена. И что же? 21 марта 1998 года, в субботу, Борис Николаевич принимал главу правительства у себя на даче. Неожиданно сказал:

– Виктор Степанович, я недоволен вашей работой.

В понедельник Черномырдин уже паковал вещи. Виктор Степанович совершил ошибку, поверив, будто сменит Ельцина в Кремле, и стал вести себя слишком уверенно.

Так же убрали из Белого дома Евгения Максимовича

Примакова. Когда глава правительства пришел с очередным докладом, Ельцин внезапно сказал:

– Вы выполнили свою роль. Теперь, очевидно, нужно будет вам уйти в отставку. Облегчите мне эту задачу, напишите заявление об уходе с указанием любой причины.

И сам Ельцин, и его помощники называли массу причин для увольнения Примакова. Кроме реальной – глава правительства вел себя слишком самостоятельно. И глава правительства при Путине Михаил Михайлович Касьянов покинул свой пост по той же причине: претендовал на некую самостоятельность, хотя в значительно меньшей степени и исключительно в пределах своей компетенции…

Старые заслуги ничего не значат, когда речь идет о власти. Борьба за власть не заканчивается даже в тот момент, когда политик становится полновластным хозяином в стране. Уже рядом нет ни врагов, ни соперников. Только соратники и единомышленники. Так и от них приходится оберегать власть! Логика борьбы такова, что и соратники тоже не нужны. Зачем держать рядом с собой людей, которые по привычке ведут себя на равных? Надо окружать себя теми, кто видит в тебе вождя, кто не сомневается в твоем превосходстве, кто с первого дня привык смотреть на тебя снизу вверх.

Почему в некоторых странах, куда при первой же возможности перебираются наши соотечественники, возможны коалиционные правительства? Почему президент вполне успешно сотрудничает с премьер-министром, который принадлежит к другой партии и часто является конкурентом, а то и злейшим противником?

Это возможно в политической системе, где партии и политики, конкурируя, завоевывают симпатии и поддержку избирателей. Они не смеют говорить от имени всей страны, поскольку выражают мнение лишь части общества. Следовательно, им приходится считаться друг с другом. Часто нужны голоса политических противников, и приходится убеждать их в своей правоте, идти на компромисс и принимать их требования. Так формируется культура учета чужого мнения. Все знают, что пришли к власти не навсегда – пока не проиграл выборы. Но остается возможность вернуться – надо опять победить в борьбе за избирателей.

У нас иная система и иная мораль. У нас власть берут, не очень спрашивая избирателей, поэтому так страшно выпустить ее из рук. Второй раз к ней не подпустят. Дал слабину, позволил кому-то рядом набрать политический вес – и лишился всего. Вот и ответ на вопрос: почему бы, собственно говоря, не сохранить

нынешний тандем? В нашей политической культуре эта конструкция не работает. За последнее столетие не удалась ни одна попытка управлять страной в четыре руки.

Лидер оппозиции?

В одном из посланий парламентариям президент Дмитрий Медведев, процитировав знаменитую стихотворную строчку Самуила Маршака, заметил, что государству не следует быть «владельцем газет, пароходов».

Одно слово президента, даже скорее намек – и журналистское сообщество взволновано: неужели власть откажется от принадлежащих ей средств массовой информации, продаст все частным владельцам, что создаст новую ситуацию в общественной жизни? И это после стольких лет методичного установления контроля над телевидением!

Маленькая революция?

И я вспомнил, как на недавнем телевизионном форуме услышал от проницательного коллеги поразившую меня фразу:

– Медведев у нас лидер оппозиции.

Разница между Путиным и Медведевым носит стилистический характер, но и этого оказалось достаточно для оживления политической жизни. Иные интересы, иная лексика более молодого человека, не отягощенного комплексами и цинизмом, уже создали ощущение альтернативы. Отметим еще и разные интересы окружения президента и премьера. В системе, где так много зависит от воли, характера и настроения одного человека, появление Дмитрия Анатольевича в Кремле создало силовое поле, в котором как минимум возникла реальная дискуссия на ключевые политические темы, расширилась территория свободы слова. Вот почему, как я понимаю, коллега – не без иронии, разумеется, – назвал Медведева лидером оппозиции…

Политическая ситуация такова. Власть предоставила широкую экономическую свободу – обогащайтесь. Но при этом считает, что существование сколько-нибудь серьезной оппозиции ей мешает. А наличие телевидения, которое позволяет себе говорить то, что считает нужным, еще опаснее. Ну мыслимое ли это дело, если нельзя управлять телевидением, если оно каждый день показывает все, как есть, демонстрирует серость, глупость чиновника, его непригодность к работе, а вора называет вором? Разве можно такое терпеть?

Люди охотно переложили всю ответственность на власть. Из граждан превратились в подданных. Жизнь стала спокойной – и

слава богу. В принципе на протяжении десятка лет общество это устраивало. В своем недовольстве государственным аппаратом либеральная интеллигенция одинока. Большинство довольно тем, что власть вновь взяла в свои руки все нити управления обществом. Времена полной свободы многим вовсе не принесли счастья. Необходимость решать все самому оказалась невыносимо тяжким испытанием. Раньше человек знал, что будет завтра, что будет через десять лет, мог прогнозировать. И вдруг его заставили самого думать о завтрашнем дне, о том, как прожить. К этому не приучали. И не каждый способен, особенно в солидном возрасте, научиться это делать.

Активный средний класс тоже был доволен – можно зарабатывать, наслаждаться жизнью, и этого достаточно. Вполне процветающие люди не ощущают необходимости участвовать в политической жизни. Пока их не трогают, они будут сохранять лояльность власти. Но нынешний кризис и некая политическая неопределенность заставили их встрепенуться и забеспокоиться: что происходит и куда идем?

Сегодня, думаю, не один я первым делом ищу на газетной полосе не новости, а мнения. Новостей-то сколько хочешь, информационный вал захлестывает. Мне же важно разобраться, что происходит и почему. Выискиваю на полосе авторов, которым доверяю. Предпочитаю знакомые имена – компетентных и неангажированных специалистов.

Можно, наверное, говорить об особенностях нашей ментальности. Или же о традициях? Англосаксонская журналистика привычно делает упор на факт, русская или немецкая тяготеет к рассудительности. Потребность во «властителях дум» очевидна.

Впрочем, может, все объясняется проще – дело в нынешней политической системе? Каждый понедельник на «Эхе Москвы» в программе «Особое мнение» спрашивают мое мнение о происходящем в стране. Слушатели ждут ясных и четких ответов. А мне бы самому понять, что происходит и – особенно – что нас ждет?..

Страна перед выбором (и перед выборами!). Необходимы дискуссии, столкновения мнений, споры, новые идеи. А наша интеллектуальная жизнь крайне скудна! Свежих мыслей маловато. И авторы – все те же! Люди, которые появились на газетной полосе в горбачевско-ельцинские годы. Новых не очень-то видно. Вот близкий мне пример. Идет военная реформа, которая представляется вполне разумной. Но выяснилось, что в нашей стране практически некому ее обсуждать. Уважаемое мною «Независимое военное обозрение» пригласило в редакцию

специалистов (не состоящих на действительной военной службе), и они все уместились в одной комнате!

Немногим более осведомленных в секретах внутренней политики. Впрочем, вероятно, это не их вина. Как анализировать, не имея точной информации, готовности (и обязанности) чиновников рассказывать о своей работе?

Есть когорта журналистов, которые неплохо разбираются в тонкостях нашей системы, в том, как работает политический механизм. Они лично знают действующих лиц и многое могли бы объяснить. Но воздерживаются от излишней откровенности. Дорожат своим положением.

Если человек активно работает в журналистике, как правило, это означает, что его политические суждения приятны хозяину. В нашей нынешней жизни хозяин – это или сама власть, или люди (структуры), близкие к власти. Журналист, который пишет так, что владелец газеты (радиостанции или телекомпании) доволен, исполняется приятным чувством, что он трудится в полной свободе. Таким образом он превращается в фанатичного сторонника системы, в которой ему хорошо работается. И его раздражают те, кто замечает, что свобода мнений существует прежде всего для людей, которые поддерживают господствующую точку зрения.

Критически мыслящие журналисты, напротив, удалены от власти. Они вправе предполагать. Но не могут знать. К источникам информации их не подпускают, считают «внутренним врагом». К особенностям нашей духовной истории относится то, что понятия «интеллигент», «интеллигентный», «интеллигенция» неизменно сохраняют откровенно пренебрежительный оттенок. С пренебрежением к интеллекту давно следовало бы покончить, но ничего не меняется.

Интеллигент считает своим долгом быть еретиком, идти поперек течения, говорить не то, что говорят другие, противоречить общепринятой точке зрения и вступаться за униженных и оскорбленных. Потому интеллигентов так часто именовали антипатриотами, космополитами, предателями и осквернителями собственного гнезда. Так было всегда. После подавления первой русской революции 1905 года Максим Горький ездил по всему миру и призывал не давать кредиты царскому правительству. Это тоже казалось страшно непатриотичным…

Нонконформизм, стремление ставить под сомнение то, что кажется естественным и принято всеми без сомнения, – то есть оппозиция всему сущему – необходимы критически мыслящему человеку, как рыбе вода. В чем выражается политизация

интеллигенции? В протесте против примитивного существующего порядка, в котором главное – деньги и власть. Правящие круги воспринимают такую точку зрения, как вызов. «Критиканы», как говорят телевизионщики, лишаются эфира, то есть возможности публично выразить свою точку зрения. А в результате возникает ощущение бедности интеллектуальной жизни в стране, что в переломные моменты для России губительно.

Невероятна степень лицемерия в нашей общественной жизни. Чиновники с широкой улыбкой говорят, что государству принадлежит всего лишь один из федеральных каналов телевидения и несколько печатных изданий. Но частные владельцы охотно оказывают власти маленькую услугу: приобретают телекомпании и газеты и содержат за свой счет, чтобы те не выбивались из общего строя. Поэтому и приватизация принадлежащих государству средств массовой информации (если произойдет то, о чем намекнул президент) мало что изменит.

Средства массовой информацию не считаются важным институтом общества. Журналисты воспринимаются властью как обслуживающий персонал. Отношение к лояльной журналистике – высокомерно-презрительное: плохо обслужили. К тем, кто сохраняет самостоятельность, кто считает своим долгом работать профессионально, – раздраженно-ненавидящее: вы нам мешаете…

Конечно, большим разочарованием оказались несбывшиеся надежды на оживление политической жизни, на появление общественных дискуссий, жизненно необходимых стране для движения вперед. Президентство Медведева начиналось с разговоров о новой «оттепели», о либерализации, о реформах. Прекраснодушные коллеги мечтали о том, что при Дмитрии Анатольевиче будут созданы условия, в которых журналисты, прежде всего телевизионные, смогут работать профессионально, а не подчиняясь указаниям о том, кого показывать, а о ком молчать. Но все ограничилось некими сигналами и намеками.

После заседания Совета по правам человека при президенте в феврале 2011 года в Екатеринбурге, где выступал Медведев, политолог Дмитрий Орешкин поделился в «Новой газете» своим разочарованием: «Сам по себе жанр аккуратных недомолвок и многозначительных умолчаний начинает утомлять. Да, на этот раз президент сказал больше обычного. И, в общем, в правильную сторону. При полном сочувственном понимании ограниченности его политических ресурсов со стороны много повидавшей аудитории. Беда в том, что эти сигналы уже мало кого возбуждают. Какая, собственно, разница, если время в стране застыло и на гладкой кисельной поверхности ничего не происходит…»

Но почему, собственно говоря, кто-то решил, что Медведев намерен проводить политические реформы?

В самом начале своего президентства, отвечая на вопрос относительно ожидаемой «оттепели», Дмитрий Анатольевич сказал:

– В вашем вопросе уже содержится предположение о том, что «оттепель» нужна. Но что такое «оттепель»? Ослабление влияния государства на жизнь?.. «Оттепель» – это не признак развития государственного устройства. Это переходная фаза к чему-то новому… Нужно ли нам сегодня изменение общественно-политического устройства? Мой ответ – нет. Если же говорить о каких-то надеждах, которые люди испытывают, глядя на того или иного политического персонажа… Могу вам точно сказать, что значительная часть наших людей смотрит в телевизор на конкретного человека и думает: лишь бы ничего не испортил! Все в целом более или менее нормально, лишь бы он не сделал ничего такого, что ослабило бы страну, ее политическую систему…

Так что дальше разговоров не пошло. А если говорить о делах, то самый характерный пример – подписанный Медведевым новый закон, наделяющий Федеральную службу безопасности дополнительными полномочиями для борьбы с крамолой. Власть подтвердила, что озабочена контролем над духовным состоянием общества; исходя из того, что главная опасность исходит от идеологической эрозии, подбирает соответствующие инструменты для влияния на умонастроения.

Все гадают, что ждет страну на президентских выборах 2012 года.

Интеллектуальная публика сходится в том, что уход Медведева с президентского поста окончательно превратит власть в монолит. Пока что само его присутствие на политической арене создает ощущение плюрализма в общественной жизни. Хотя мало кто из политических журналистов сомневается в том, что принципиальных разногласий между президентом и премьер-министром нет.

Почему многие предсказывают возвращение Путина в Кремль?

Нынешние руководители страны извлекли из распада Советского Союза немало уроков. Первый и главный: власть надо крепко держать в руках. Чуть зазевался, и потеряешь. Второй урок – доверять можно только тем, кого знаешь лично и давно. Этот урок точно реализован. Видно, что уход из команды считается

худшим преступлением, предательством. Да никто и не уходит.

Власть – это единственное, что приносит удовольствие всегда. Все остальные виды удовольствий доставляют лишь кратковременную радость. К тому же в нашей стране все остальные удовольствия прилагаются к власти. Большой начальник ни в чем не знает отказа. Всем остальным постоянно приходится преодолевать препятствия. Мы на каждом шагу сталкиваемся с людьми, которые нас не любят и говорят нам «нет». А начальнику в нашей стране все говорят «да». Любое желание будет исполнено. Потерял власть – лишился всего. Кто же уйдет по собственной воле?

К тому же Владимиру Владимировичу явно не понравилась конструкция тандема.

Власть в нашем государстве носит личностный характер. Тот, кому она принадлежит в реальности, может в принципе занимать любой пост. При соблюдении одного условия: он недвусмысленно дает понять стране, что остается полновластным хозяином. Вот этого после избрания Медведева не произошло. Они с Путиным не объяснили чиновникам правила игры. Ведь в нашей стране не принято говорить откровенно.

Тандем, то есть некое подобие разделения власти, парализовало аппарат. После избрания Медведева чиновники растерялись, не понимая, кому угождать. Возникло смущение. С одной стороны, чиновники понимали, что реальное положение Путина не изменилось, он – главный. С другой, Дмитрий Анатольевич с первого дня вел себя так, как и положено президенту.

Различия в указаниях, которые поступали из Кремля и Дома правительства, носили незначительный характер. Но разница в стиле была огромной. Медведев произносил совершенно иные речи! Даже минимальная политическая конкуренция выявила слабость системы власти. Чиновники, пытаясь угадать желания начальства, попали в трудное положение. Вертикаль власти зашаталась, теряя устойчивость.

Путина, можно предположить, все это сильно раздражает. Наверное, с его точки зрения, государственная машина разболталась…

Однажды в узком кругу журналистов Путин признался:

– Я не хотел бы никем понукать, хотел бы создать такой властный механизм, который бы работал сам. Но не выходит – вынужден всех держать в узде, чуть вожжи ослабил – и шестеренки заедает.

Почему же ни Путин, ни Медведев так долго не соглашались объяснить обществу, кто из них вновь будет баллотироваться в

президенты? Обычный ответ: никак не договорятся. А может быть, ответ проще: поддерживали напряжение в обществе? Если один из них слишком рано откажется участвовать в выборах, то он утратит всякий вес, да и общество потеряет интерес к выборам. Избиратели возьмут и вовсе не придут голосовать…

Заметно, что возможность возращения Владимира Владимировича в Кремль вызывает разочарование среди немалой части мыслящей публики. Поразительным образом оппозиционно настроенные люди даже обратились к Медведеву с призывом участвовать в президентских выборах. Они исходят из того, что у Дмитрия Анатольевича сохраняется рейтинг надежды, а Путин свой запас выработал и ничего нового уже не привнесет.

«Действительно, и к этому надо относиться серьезно, харизма Владимира Путина рассыпается в глазах новой, молодой России, – пишет публицист Александр Ципко. – Но ведь еще три года назад все было по-другому. Путин как национальный лидер, олицетворяющий надежды на будущее, был не только политической, но и морально-психологической реальностью…

Ведь только благодаря тому, что Путин был в то время реальным национальным лидером, наш русский многомиллионный избиратель без тени сомнения проголосовал в марте 2008 года за никому не известного политика Дмитрия Анатольевича Медведева. Стоило Путину назвать преемником вместо Медведева Сергея Иванова или Владимира Якунина, и результаты голосования, скорее всего, были бы подобными. Где, в какой стране Запада возможно такое электоральное чудо?..»

Все эти годы телевидение следило за тем, чтобы принцип паритетности соблюдался неукоснительно – Путин и Медведев должны присутствовать на экране в равной пропорции. И постепенно в сознании общества Дмитрий Анатольевич стал столь же равновеликой фигурой, как и Владимир Владимирович.

В мае 2011 года 69 процентов опрошенных одобрили деятельность Дмитрия Медведева как президента, сообщил «Левада-центр», и столько же – деятельность Владимира Путина как премьера.

Социологи спрашивали: в чьих руках должна быть сейчас власть в стране?

Ответы: «в руках Путина» – 16 процентов, «в равной степени в руках обоих» – 31 процент, «в руках Медведева» – 42 процента…

«Какой-то части элит, а теперь и какой-то части общества перестала нравиться безальтернативность, – подвел итоги опроса социолог «Левада-центра» Алексей Левинсон. – Хотя прежде ее любили и умильно называли стабильностью. Вдруг открылось, что, пока мы упивались тем, как мы с ним (Владимиром

Путиным. – *Прим. ред.)* встаем с колен, его расторопные друзья и коллеги прибрали к рукам Россию, великую нашу державу. И хозяева не мы, а они, притом хозяева плохие. Хватит. То, что рейтинг Медведева догнал и начинает кое-где обгонять рейтинг Путина, и означает требование резкой перемены курса… У недовольной части общества сейчас установка не положительная, а отрицательная, это отрицание того, чем были столь довольны все десять лет…»

Экономический кризис обострил все проблемы: вопиющее неравенство, невероятная коррупция, неверие в возможность добиться справедливости. Страна требует социального равенства. В обществе ощущаются внутреннее напряжение, разочарование и неудовлетворенность, отчаяние и озлобление. Если в прежнее десятилетие страна жила в ожидании перемен к лучшему, то последние социологические опросы свидетельствуют об исчерпании запаса исторического оптимизма.

«Широко распространилось мнение, что в стране все плохо, – пишет Михаил Дмитриев, президент фонда «Центр стратегических разработок», в прошлом высокопоставленный правительственный чиновник, – экономика не развивается, а нефтедоллары присваивает правящая верхушка, прикрывая отсутствие успехов политической демагогией. Наряду со снижением доверия к Путину и Медведеву растет запрос на нового лидера, появления которого в прошлом люди боялись…»

Если начальство не меняется естественным для других стран путем нормальных выборов и отставок (сам не справился или подчиненные подвели), если обитатели высоких кабинетов и пассажиры черных лимузинов засиживаются на своих постах, то нарастает раздражение. Сейчас, наверное, не все помнят, но в последние брежневские годы смерть высших руководителей вызывала любые чувства, кроме скорби, сожаления и сочувствия. Даже грешно произносить эти слова, но ждали, когда все они исчезнут.

Концентрация недовольства явно превысила предельно допустимые нормы. Вот общество и ждет: кто и как будет вознагражден по заслугам?

Смешно вспоминать, по каким ничтожным (с нашей точки зрения!) поводам в других странах подают в отставку министры и губернаторы. Уходят сами, понимая, что иного выхода нет. У нас другая система. Чиновник высшего уровня наивно-прямолинейно спросил коллегу по аппарату:

– Чего вы так держитесь за свое кресло? Вам уже под семьдесят. Месяцем раньше уйдете, месяцем позже – какая разница?

Наступила пауза. Потом, сжав ручки кресла, тот сказал:

– Да я буду сражаться не только за год или месяц в этом кресле, а за день или даже час!

Судьба чиновника целиком и полностью в воле высшей власти. И все последние годы, надо понимать, действует принцип: команду не меняю. Вы верны мне, я верен вам.

В результате уже лет десять мы наблюдаем нечто вроде кадрового застоя. Основные фигуры не меняются, лица все те же. Похоже, многие успели обществу надоесть. Недавние кумиры вызывают раздражение, претензии или даже насмешки. Самый хороший начальник с годами перестает нравиться.

Попытки ограничить срок пребывания у власти успехом не увенчались. При Хрущеве записали в устав партии, что высшие посты можно занимать не более двух сроков. Как только Хрущева сняли, это положение отменили. Тогдашние губернаторы – первые секретари обкомов – сидели по пятнадцать-двадцать лет. А тяжело больные Брежнев, Андропов, Черненко руководили нами, пока не умерли.

Мой близкий друг, уважаемый профессор, поделился наболевшим:

– Хоть бы кого-нибудь расстреляли! Легче бы стало.

Человек либеральных убеждений, он вовсе не жесток и не жаждет публичных казней. Но я понимаю, что он имеет в виду. Кого-нибудь накажут? За разнообразные катастрофы, за мучения людей и вопиющее неумение и неспособность чиновников справиться со своими обязанностями… Люди жаждут политической крови. Требуют, чтобы чьи-то головы полетели, – не в прямом, конечно, смысле. Своего рода не денежная компенсация.

Социологи говорят о свойственном нашему обществу ощущении ущемленности, обделенности. Разочарование рождает цинизм, пассивность и равнодушие: от нас ничего не зависит, нашего мнения не спрашивают. С такими настроениями в модернизации страны не преуспеешь…

А когда снимают больших начальников, возникает ощущение торжества справедливости: вот сидел ты сверху, командовал нами, а теперь ты никто. Своего рода мрачное удовлетворение. Известный ученый вспоминал, как в сельской пивной восприняли сообщение по радио об аресте вселявшего страх в каждого из советских людей Лаврентия Павловича Берии, который только что был среди небожителей. Взяв пивную кружку, один из рабочих заметил:

– Хрен ты теперь, Лаврентий Палыч, свежего пивка попьешь.

И все. Легче стало.

Конечно, во сто раз важнее было бы понять, почему не работает государственный механизм, извлечь уроки из постоянных катастроф и неудач. Но на это надежды никакой. И я слышу от своего друга пугающую фразу: «Хоть бы кого-нибудь расстреляли…»

Социальная напряженность вырывается наружу под националистическими лозунгами. Национализм тщательно подпитывается. Вместо того чтобы воспитывать ощущение единства, общности, солидарности, политики неустанно делят народ России на своих и чужих, на наших и не-наших, на титульных и не-титульных, на правоверных и иноверцев. Молодежь все это впитывает. И откликается.

Внимание читающей публики привлекло масштабное исследование, проведенное «Левада-центром» и «Новой газетой». Пожалуй, впервые опросили людей, вполне преуспевших в новой России, прекрасно обеспечивших себя и свою семью, словом, тех, кому нет оснований жаловаться на свою судьбу.

Именно этот слой настроен весьма пессимистически, подводит итоги исследования руководитель «Левада-центра» Лев Гудков. Будущее, ближайшие лет десять-пятнадцать (срок возможного следующего путинского президентства), видится им «безрадостным и бесперспективным».

Характерно, что речь не идет о политическом протесте. Вопросы задавали отнюдь не диссидентам и борцам за демократию и права человека. Половина тех, кто считает, что Путин – надолго, называет нынешнюю ситуацию «застоем», «становлением диктатуры», «авторитаризмом». Но другая половина вполне позитивно оценивает деятельность Владимира Владимировича и нынешний политический порядок!

Чем же они недовольны?

«Этот класс людей, – пишет Лев Гудков, – ясно понимает связь между авторитарной политической системой и неэффективностью управления, между вытеснением политики из сферы открытой конкуренции и социальной недееспособностью бюрократии, бессилием нынешнего руководства страны добиться устойчивого развития страны и клановыми интересами околовластных групп…»

Более простыми словами это выразил, выступая на Красноярском экономическом форуме в феврале 2011 года, министр финансов Алексей Кудрин:

– Вертикаль российской власти управляет страной по понятиям, что чревато стагнацией экономики и сползанием в прошлое.

Политика как таковая, идеологические споры, сложные

взаимоотношения президента и премьера этих молодых людей мало интересуют.

«Главный источник угрозы их благополучию, – заключает Гудков, – само нынешнее российское государство, не ориентированное на формирование современных институтов и условий защиты «нормальной» жизни частного человека, свободного и независимого от тех, у кого сегодня власть… Эти люди умеют жить в нынешней России и могут решать свои проблемы, но то, как им приходится это делать, им не нравится…

Дело не в деньгах и не в возможности их заработать – эти люди могут и умеют это делать. Дело в сознании хронической незащищенности, униженности, зависимости, несвободы, постоянной опасности, исходящей от окружающей агрессивной среды…

Современные, европейские нормы и правила поведения, структуры сознания и поведения не прививаются к привычной для нас культуре насилия, хамства, терпения и холуйства. Проблема заключается в цивилизационной несовместимости уже почти европейского человека и все еще почти крепостного российского общества»…

Если преуспевающая (меньшая) часть общества разочарована отсутствием модернизации, то основная масса населения вообще полагает, что ее обманули: создан капитализм «для своих», уроки из экономического кризиса не извлечены, и улучшения не предвидится, пишет «Независимая газета».

Люди не доверяют власти, видя, что она поражена коррупцией. И одновременно верят только во вмешательство государства, которое обязано обеспечить всем определенный уровень жизни… Народ желает государственно контролируемой экономики без демократии. Иначе говоря: никакой модернизации!

А каковы настроения в высшем эшелоне?

«Реформаторские настроения в элите очень слабы, – приходит к выводу член-корреспондент Академии наук Константин Микульский. – Ее сопротивление реформам будет скорее нарастать, чем ослабевать. Вероятность превентивных репрессивных мер со стороны государства достаточно велика. Ведь элита может слишком много потерять даже от поверхностных реформ…»

Микульский считает, что в стране сложился такой вариант авторитарного политического режима, который менее всего расположен к реформам. А сколько-нибудь влиятельных демократических сил в стране нет. Некому подталкивать Кремль к переменам. Вот почему один известный политолог, чуткий к

настроениям современной власти, сулит «перестройку наоборот».

Очень показательна история с присуждением Владимиру Путину престижной немецкой премии «Квадрига» летом 2011 года. Вручение премии было намечено на 3 октября, день объединения Германии. Но одна из газет назвала имена лауреатов заранее, и вспыхнул международный скандал. Ряд видных европейских политиков и интеллектуалов запротестовали. Бывший президент Чехии, известный драматург Вацлав Гавел, человек с безупречной моральной репутацией и тоже лауреат «Квадриги», заявил, что вернет премию, если ее получит Путин.

«Премия вручается тем, кто является «образцом для Германии», – писал немецкий журнал «Штерн». – Преследование оппозиционеров, произвол в судах, убийства журналистов. Это Россия… Владимир Путин – образец для Германии?»

Некоторые члены попечительского совета «Квадриги» демонстративно из него вышли, заявив, что или вовсе не знали о присуждении премии Путину, либо изначально были категорически против. В конце концов попечительский совет, чтобы погасить скандал, объявил, что в 2011 году премии вообще не будут вручаться…

Вообще говоря, премию Владимиру Владимировичу предполагалось вручить за его заслуги в укреплении партнерских отношений между Германией и Россией, что само по себе не вызывает сомнений. Но необычно резкие протесты свидетельствуют о крайне негативном восприятии Путина достаточно широкими кругами европейской общественности. И это очень дурное предзнаменование…

Разумеется, мнение европейских интеллектуалов никак не помешает ему исполнять обязанности премьер-министра (или главы государства, если он вернется на пост президента). Западные лидеры встречались и подписывали соглашения и со Сталиным, и с Брежневым.

Но для самого Владимира Владимировича все это крайне обидно! Такого афронта он еще не испытывал. История с премией не расположит его к западным партнерам. Напротив, только усилит недоверие к ним, подозрительность… А настроения и эмоции, как показывают последние годы, очень сильно сказываются на внешней политике России.

Что же в таком случае произойдет в 2012 году, если Дмитрий Анатольевич Медведев покинет президентский пост и во внутренней политике страны окончательно сформируется однополюсная система? Не охватит ли равнодушие уже большую часть мыслящей публики? Не потухнут ли наши коллеги, которым

небезразлична судьба России, но которые увидят, что им просто негде высказаться и не к кому обращаться?

И не станет ли сам Дмитрий Анатольевич потом переживать, что вот была у него возможность выйти за рамки заранее прочерченной траектории, круто переменить и жизнь в России, и собственную судьбу, да он ею не воспользовался?

– Если я решение принимаю, – заметил однажды Медведев, – я его моментально выполняю и практически никогда не мучаюсь по поводу того, что сделал. Жизнь такая короткая…

Есть две причины, которые толкают политика вверх.

Одна – сжигающая изнутри жажда власти. Говорю об этом без тени осуждения. Офицер, не мечтающий стать генералом, и не должен им становиться: он не наделен необходимыми для полководца командными качествами. Честолюбие и амбиции необходимы политику. Он должен желать власти и уметь с нею обращаться.

Вторая причина – некое мессианство, внутренняя уверенность политика в том, что он рожден ради того, чтобы совершить нечто великое, реализовать какую-то идею или мечту.

И Путин, и Медведев оказались на вершине власти в достаточной степени случайно. Как минимум они к этому не стремились. Но в Путине проснулись все эти страсти. А Медведев, как мне представляется, их лишен.

Вот почему в свое время, выбирая между Ивановым и Медведевым, Путин предпочел уступить свое кресло Дмитрию Анатольевичу. Сергей Борисович по характеру и амбициям ближе к Путину. Заняв главный кабинет в Кремле, мог и не удовлетвориться предначертанной ему скромной ролью… И карьера Иванова пошла по нисходящей. В первых заместителях главы правительства он не удержался, перешел в простые «вице».

А что касается Медведева, Путин твердо знал его жизненные интересы и устремления… Должен заметить, что, с моей точки зрения, отсутствие властолюбия – по-человечески весьма симпатичная черта характера. Но властители такой страны, как наша, делаются из другого материала.

notes

Примечания

1

Здесь и далее орфография и пунктуация оригинальных документов сохранены. – *Прим. ред*

2

Неизвестная земля *(лат.)*.

3

В действительности в Берлине вспыхнул так называемый «Капповский путч», 10–17 марта 1920 года, который был подавлен. Организатор мятежа В. Капп бежал в Швецию.

4

Центр золотопромышленного района в Иркутской области. Основан в 1864 году. – *Прим. ред.*

5

Сторонники А. Кемаля Ататюрка, возглавившего турецкую буржуазно-национальную революцию (1923 г.), в результате которой Турция была провозглашена республикой. – *Прим. ред.*

6

АРА, сокращ. от англ. American Relief Administration – «Американская администрация помощи», действовавшая в 1919–1923 годах. Была создана с целью оказания помощи европейским государствам, пострадавшим в Первой мировой войне. – *Прим. ред.*

7

Totaliter *(лат.)* – полный.

8

Завод по переработке (очищению) благородных металлов. – *Прим. ред.*

9

Речь идет о Законе времен коллективизации, собственноручно написанном генсеком и одобренном ЦИК СССР «Об укреплении социалистической собственности» (так называемый «закон о колосках»). Согласно ему, граждане начиная с 12-летнего возраста, например, подбирающие колоски на колхозном поле, объявлялись «врагами народа» и могли получить минимальный срок заключения 10 лет, максимальный же не оговаривался. – *Прим. ред.*

Буквально – партизанская война. – *Прим. ред.*

11

После войны, чтобы повысить значение своей особы, у Сталина вошло в привычку заставлять себя ждать: приезда, приема, прихода, встречи. Даже на заседание Потсдамской конференции он приехал в Берлин с опозданием на один день…

12

От греческого *exarchos* – глава, начальник. В Православной Церкви глава церковного округа, иногда объединяющего несколько епархий. – *Прим. ред.*

13

Один из видов агломерации населенных пунктов. – *Прим. ред.*

14

Хрущев 2 июня 1962 года выступал в Москве на митинге советской и кубинской молодежи.

Здесь и далее орфография и пунктуация оригиналов документов, писем сохранены. *Прим. ред.*

Видимо, имеется в виду эндертериит – воспалительное поражение артерий, вызванное, в частности, обморожением конечностей, курением. – *Прим. ред.*

17

Завидово – обширное закрытое охотничье хозяйство, примерно в 140 километрах от Москвы, предназначенное раньше исключительно для высшего руководства СССР.

18

Видкун Квислинг, организатор и лидер фашистской партии в Норвегии. Содействовал захвату Норвегии фашистской Германией (1940 г.). Имя Квислинга стало нарицательным для предателей своего народа. – *Прим. ред.*

19

Можно лишь только догадываться, что это было за письмо «от руки». Брежнев, когда писал свои резолюции (обычно и резолюции ему писали другие), в редком предложении не допускал нескольких ошибок…

20

Экзерциргауз (от лат. exercitium – упражнение), здание, в котором в ненастную погоду проводились строевые обучения солдат; манеж. – *Прим. ред.*

21

Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству. Массовая добровольная общественная военно-патриотическая организация, существовавшая в СССР в 1927–1948 гг. – Прим. ред.

22

Detent – разрядка, ослабление напряжения. В политической терминологии 70-х годов обозначал разрядку международной напряженности (*франц.*). – *Прим. ред.*

23

Многие документы, принимаемые политбюро и секретариатом, решались заочным голосованием на специальных листах.

К слову, вскоре после «коронации» нового генсека эти двое будут отправлены «на пенсию».

25

Период насильственной сплошной коллективизации крестьянских хозяйств, когда под флагом «раскулачивания» более миллиона семей земледельцев были подвергнуты жесточайшим репрессиям. Плоды коллективизации, которая привела, по сути, к «раскрестьяниванию» крестьян, мы пожинаем до сих пор. – *Прим. ред.*

26

В замке Каносса (Северная Италия) в январе 1077 года в ходе борьбы за верховную власть отлученный от церкви и низложенный император Священной Римской империи Генрих IV униженно вымаливал прощение у своего противника – Папы Римского Григория VII. В переносном значении «идти в Каноссу» – согласиться на унизительную капитуляцию, признать поражение. – *Прим. ред.*

27

От франц. exercice – упражнение, тренировка для совершенствования мастерства. – *Прим. ред.*

28

Войны между Римом и Карфагеном за господство в Средиземноморье (III–II вв. до н. э.), завершившиеся победой Рима. – *Прим. ред.*

Комментарии

1

См.: *Абрамович Р.А.* Мартов и мировой меньшевизм. Нью-Йорк, 1959. С. 77.

2

Сталин И. Вопросы ленинизма. 11-е изд. ОГИЗ, 1945. С. 123.

3

Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. М.: Международные отношения, 1994. С. 248.

Ленин В.И. ПСС. Т. 23. С. 43.

5

АГГРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 15 октября 1987 г. Л. 156.

6

См.: *Бухарин Н.* Атака. Сб. теоретических работ. М.: Госиздат, 1924. С. 91–114.

Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 257.

8

Архив МБ РФ. Н-15318. Д. 21790. Т. 1. Л. 281.

9

Архив МБ РФ. Н-15318. Д. 14625. Т. 1.Л. 1.

10

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6601. Л. 1.

11

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24362. Л. 1.

Правда. 1920. 6 марта.

13

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23478. Л. 11.

14

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7310. Л. 1–2.

15

Ленин В.И.. ПСС. Т. 38. С. 186.

16

См.: Вождь. Ленин, которого мы не знали. Саратов, 1992. С. 97, 99.

17

Потресов А.Н. В плену у иллюзий. Париж, 1927. С. 99.

Потресов А.Н. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 301–302.

19

Письма Ленина к Горькому. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С. 43.

20

Марк Алданов. Портреты. М., 1994. С. 9.

21

РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1315. Л. 1–2.

22

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8492. Л. 1–2.

23

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1338. Л. 1–2.

24

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 325. Л. 2–3.

25

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26003. Л. 1.

Ленин В.И. ПСС. Т. 52. С. 179.

27

Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 343.

28

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23822. Л. 1–7 и др.

29

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27137. Л. 1.

30

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 457. Л. 1–9.

Ленин В.И. и *Горький А.М.* М., 1961. С. 276.

32

См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 33. С. 78–110.

33

Фишер Луис. Жизнь Ленина. London, 1970. С. 715–716.

Ленин В.И. и *Горький А.М.* С. 20.

35

Ленин В.И. ПСС. Т. 33. С. 1–18.

Ленин В.И. ПСС. Т. 33. С. 101–102.

37

РЦХИДНИ. Ф. 2. Д. 1166. Л. 1–2.

38

ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 3. Л. 31–33.

39

Ленин В.И. ПСС. Т. 14. С. 266.

Ленин В.И. ПСС. Т. 48. Л. 295.

Ленин В.И. ПСС. Т. 20. С. 21, 23, 40, 71.

42

ПСС. Т. 14. С. 15; Т. 12. С. 303, 320, 522–523.

Фишер Луис. Жизнь Ленина. London, 1970. С. 716.

Вече. 1984. № 16. С. 152–157.

45

РГАЛИ. Ф. 219. Е. хр. 138–142.

См.: *Сербиненко В.В.* Владимир Соловьев: Запад, Восток и Россия. М.: Наука, 1994. С. 1–203.

Родзянко М.В. Государственная Дума и февральская революция. Ростов-на-Дону, 1919. С. 30–31.

Монархия перед крушением 1914–1917. Из бумаг Николая. Госиздат, 1927. С. 33.

Чернов Виктор. Рождение революционной России. Прага, 1934. С. 155.

Ленинский сборник. Т. П. С. 195.

51

Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 1, 6.

Ленинский сборник. Т. II. С. 195.

Ленинский сборник. Т. II. С. 205.

Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 96.

Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 108–109.

Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 165–166.

См.: Новый журнал. 1958. № LV. С. 268.

Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 26.

59

См.: *Агронянц О.* Что делать? – Или деленинизация нашего общества. London, 1989. С. 67.

Ленин В.И. ПСС. Т. 12. С. 34, 70.

61

Ленин В.И. ПСС. Т. 12. С. 34–35.

Ленин В.И. ПСС. Т. 30. С. 310, 313, 322, 323, 325, 328.

63

См.: Ленинский сборник. Т. II. С. 195.

Ludendorff E. Meine Kriegserinnerungen 1914–1918 Berlin, 1919. S. 47.

Cermany and the Russian Revolution. London, 1958. P. 138.

Eduard Bernstein. Ein dunkeles Kapitel. Vorwarts (Berlin). Januar 14. 1921.

67

АПРФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 10. Л. 1–4.

Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. М., 1994. Т. II. С. 287.

Ленин В.И. ПСС. Т. 32. С. 182.

Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1919). Т. II. С. 387–389.

Ленин В.И. ПСС. Т. 32. С. 331.

Революция 1917 года. Сб. Рим, 1971. С. 312.

Троцкий Л.Д. 0 Ленине. С. 58–59, 61.

Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 247.

Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 281.

Нива. 1917. № 33.

Полторацкий Н. Бердяев и Россия. № V. 1967. С. 75.

Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 383–384.

Ленин В.И. Соч. Изд. III. Т. 29. С. 390.

80

Рид Джон. Десять дней, которые потрясли мир. 2-е изд. М., 1924. С. 69–70.

81

Edward Carr. The Bolshevik Revolution 1917–1923. London. Vol I. P. 99.

82

Пайпс Ричард. Русская революция. Часть вторая. М.: РОССПЭМ, 1994. С. 167.

83

ГАРФ. Ф. 325. Оп. 1.Д. 11. Л. 11.

Версты. № 2. С. 181. Париж, 1926.

Крупская И.К. Воспоминания о Ленине. М., 1989. С. 469.

Седьмой съезд РКП. Стенографический отчет. М.; П., 1923. С. 130.

Седьмой съезд РКП. Стенографический отчет. М.; П., 1923. С. 14.

Пайпс Ричард. Русская революция. Часть вторая. М., 1994. С. 248.

Седьмой съезд РКП. Стенографический отчет. С. 99.

90

Седьмой съезд РКП. Стенографический отчет. С. 33, 34, 42, 47.

91

Карл Радек. Портреты и памфлеты. Книга первая. М., 1933. С. 34.

Ленин В.И. ПСС. Т. 22. С. 280.

Ленин В.И. ПСС. Т. 31. С. 119–121, 533–534.

Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 420.

95

Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917-февраль 1918 гг. М., 1958. С. 171–172.

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3972. Л. 1.

97

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12072. Л. 1.

98

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8196. Л. 1.

99

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11480. Л. 1.

100

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9852. Л. 1,4.

101

Гиппиус. Избранная поэзия. Paris: Imka-press, 1984. С. 113.

102

Зиновьев Г. Ленинизм. Введение в изучение ленинизма. Л., 1925. С. 370–371.

103

Зиновьев Г. В.И. Ленин. Краткий биографический очерк. Л., 1924. С. 27.

АФСК РФ. Арх. № Р-33833. Т. 41. Л. 257.

105

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 78. Л. 5.

106

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2442. Л. 1.

107

РЦХИДНИ. Д. 2442. Л. 1.

108

РЦХИДНИ. Д. 2442. Л. 2.

109

Декреты Советской власти. Т. VIII. С. 222.

110

См.: РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9592. Л. 1.

111

См.: РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27071. Л. 1.

112

См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 48. С. 189–190.

113

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26159. Л. 1.

См.: Декреты Советской власти. М., 1977. Т. VI. С. 264–265.

115

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12390. Л. 1.

Фишер Луис. Жизнь Ленина. London, 1970. С. 401.

117

См.: РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 391. Л. 1.

118

См.: РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 122. Л. 1.

119

См.: РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 27069. Л. 1.

120

См.: РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 1952. Л. 24–25.

121

См.: РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1119. Л. 1–2.

122

См.: РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1952. Л. 38–39.

123

См.: РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24424. Л. 1.

124

См.: РЦХИДНИ. Оп. 2. Д. 794. Л. 1.

125

АПРФ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 4. Л. 211–214.

Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. М., 1994. Т. 1. С. 290.

Ленинский сборник. Т. XXXVI. С. 47.

128

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 571. Л. 2.

129

АФСК РФ. Р-1073. Д. 11184. Л. 57.

130

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19320. Л. 1–4.

131

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8885. Л. 14–25.

Ленин В.И. ПСС. Т. 30. С. 211.

Ленин В.И. ПСС. Т. 30. С. 220.

Ленин В.И. ПСС. Т. 30. С. 334–335.

135

Ленин В.И. ПСС. Т. 30. С. 218.

Савинков Б.В. Накануне новой революции. Варшава, 1921. С. 48.

Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. № LVI. С. 260.

Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 489.

139

Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 490.

Новый журнал. 1960. № LVI. С. 262.

Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 511.

Программа КП РФ. М., 1995. С. 16.

Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 520.

Фишер Луис. Жизнь Ленина. London, 1970. С. 462.

Фишер Луис. Жизнь Ленина. London, 1970. С. 461.

Троцкий Л.Д. 0 Ленине. М., 1924. С. 87.

147

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8924. Л. 1.

148

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15834. Л. 1.

149

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15000. Л. 1.

150

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15041. Л. 1.

151

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15042. Л. 1.

152

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15088. Л. 1.

Ленин В.И. Изд. IV. Т. 33. С. 48.

Вождь. Ленин, которого мы не знали. Саратов, 1992. С. 94.

155

АПРФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 10. Л. 86, 88.

Керенский А. Издалека (1920–1921 гг.). Париж: Издательство Я. Поволоцкого, 1922. С. 114.

157

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 708. Л. 1.

158

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 441. Л. 4–8.

159

РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2761. Л. 27.

См.: *Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н.* Красные конкистадоры. М., 1994. С. 84.

161

См.: *Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н.* Красные конкистадоры. М., 1994 С. 85.

Программа КП РФ. М., 1995. С. 12.

163

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 202. Л. 1–2.

164

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25671. Л. 1–2.

165

РЦХИДНИ. Ф. 2. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27149. Л. 1–3.

Balabanoff. Impressions of Lenin. University of Michigan Press, 1984. P. 29–30.

167

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 220. Л. 1.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 20. Д. 53. Л. 59.

169

АПРФ. Ф. 3. Оп. 20. Д. 53. Л. 55.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 20. Д. 53. Л. 29.

171

АПРФ. Ф. 3. Оп. 20. Д. 53. Л. 32.

172

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 85. Л. 1–2.

173

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 13–18. Л. 1–3.

Ленин В.И. ПСС. Т. 41. С. 234.

175

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 612. Л. 1.

176

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8885. Л. 23.

177

РЦХИДНИ. Ф. 2. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1178. Л. 1–2.

Потресов А.Н. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 302–303.

179

Любящий тебя В. Ульянов. Письма Ленина матери. М., 1967. С. 36.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 37.

181

АПРФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 307. Л. 173.

182

Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. 3-е изд. М., 1989. С. 86–87.

183

Цит. по: *Фишер Л.* Жизнь Ленина. London, 1970. С. 123.

Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. С. 157.

Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. С. 217.

186

РЦХИДНИ. Ф. 127. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

187

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24299. Л. 1.

188

РЦХИДНИ. Ф. 127. Оп. 1. Д. 61.

Солженицын А. Ленин в Цюрихе. Париж, 1975. С. 24.

Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. 3-е изд. М., 1989. С. 217.

191

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 24299.

192

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3327.

193

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1 Д. 3238, 3327, 4389, 4498, 3341, 4365 и т. д.

194

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4462. Л. 2.

195

РЦХИДНИ. Ф. 127. Оп. 2. Д. 61. Л. 1-14.

196

РЦХИДНИ. Ф. 127. Оп. 1. Д. 61. Л. 7-14.

Ленинский сборник. Т. XXXVII. С. 233.

Ленинский сборник. Т. XXXV. С. 143.

199

РЦХИДНИ. Ф. 127. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

Цит. по: *Фишер Л.* Жизнь Ленина. London, 1970. С. 123.

201

Цит. по: *Фишер Л.* Жизнь Ленина. London, 1970. С. 123.

Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 32–33, 81,117, 224.

203

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 231. Л. 1.

Ленин В.И. ПСС. Т. 51. С. 206.

205

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 694. Л. 2.

206

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 515. Л. 1.

207

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 830. Л. 1.

208

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 171. Л. 1.

209

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Ф. 17. Оп. 3. Д. 195. Л. 1.

210

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Ф. 17. Оп. 3. Д. 216. Л. 4.

211

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 741,1165. Л. 1–4.

212

РЦХИДНИ. Ф. 2. Ф. 3. Оп. 2. Д. 991. Л. 1.

213

РЦХИДНИ. Ф. 2. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1318. Л. 1–3.

214

РЦХИДНИ. Ф. 2. Ф. 2. Оп. 2. Д. 135. Л. 1.

215

РЦХИДНИ. Ф. 2. Ф. 2. Оп. 2. Ф. 17. Оп. 3. Д. 106. Л. 4.

216

АПРФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 307. Л. 8-11.

217

АПРФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 308. Л. 11.

218

АПРФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 308. Л. 59.

219

АПРФ. «Особая папка». Пакет 18/2. Л. 7–9.

220

АПРФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 307. Л. 141.

221

АПРФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 310. Л. 1–2, 6–8.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 307. Л. 176.

Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 115.

Пайпс Ричард. Русская революция. Часть вторая. М., 1994. С. 7.

225

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.

См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 356–362.

227

См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 356–362.

См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 329.

229

См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 330.

230

РЦХИДНИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 412. Л. 147; Ф. 5. Оп. 2. Д. 34. Л. 19.

231

ЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2002. Л. 21.

232

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24472. Л. 1.

233

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 641. Л. 1.

234

РЦХИДНИ. Ф. 2. Ф. 17. Оп. 3. Д. 249. Л. 6.

235

См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 45. С. 300–309.

236

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23478. Л. 1-12.

237

АПРФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 9. Л. 74–78.

238

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 459. Л. 1–3.

239

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23478. Л. 11.

240

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25609. Л. 10–11.

241

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1113. Л. 1–3.

242

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 239. Л. 1; Д. 234. Л. 3.

243

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12500. Л. 14.

244

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 314. Л. 6.

Ленин В.И. ПСС. Т. 40. С. 101.

Архив МБ. Ф. 114728. Т. 82. Л. 426; Т. 83. Л. 1–2.

Архив МБ. Материалы Кронштадтского мятежа. Л. 1.

248

РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 367. Л. 40.

249

Архив МБ. Ф. 114728. Материалы Кронштадтского мятежа. Л. 1-15.

250

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 153. Л. 1.

251

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12176. Л. 1.

252

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12500. Л. 12.

253

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 463. Л. 1–2.

См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 44. С. 80.

255

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24327. Л. 1.

Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 79.

257

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7310. Л. 1.

258

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23478. Л. 1-11.

259

Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 428.

260

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12500. Л. 10–14.

261

Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 329.

Ленин В.И. ПСС. Т. 40. С. 239.

263

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18195. Л. 1.

264

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 147. Л. 4.

265

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 17826. Л. 1.

266

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12072. Л. 1.

267

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 125. Л. 1.

268

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27071. Л. 1.

269

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24533. Л. 1.

270

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 976. Л. 1.

271

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18552. Л. 1.

Плутарх. Соч. М., 1983. С. 160.

Троцкий Л. Д. Ленин, как национальный тип. 2-е изд. Л., 1924. С. 6–7.

Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. М., 1994. С. 206–210.

275

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8885. Л. 14–25.

Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 289.

Цит. по: Огонек. 1991. № 17. С. 7.

Русская идея. Т. 1. С. 290–291.

Время и мы. 1983. № 74. С. 141–142.

Александров Т.Н. Социалистическая идея и марксизм. М.: Прометей, 1991. С. 108.

281

Гиппиус З.Н. Забытая книга. М., 1991. С. 170.

282

АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 25. Л. 5.

283

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 284. Л. 9.

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12500. Л. 10–14.

285

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 69. Л. 2.

286

РЦХИДНИ. Д. 361. Л. 15.

Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 157.

Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 109.

289

Ленин В.И. ПСС. Т. 43. С. 221.

290

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 302. Л. 5.

291

Пайпс Ричард. Русская революция. Часть вторая. М., 1994. С. 18.

La Grand Revue. 1923. August. Vol. 27. N 8. P. 206.

293

См.: *Троцкий Л.Д.* О Ленине. Материалы для биографа. М., 1924. С. 101.

294

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13067. Л. 1.

295

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27142. Л. 1.

Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 200, 201, 204.

297

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 164. Л. 2.

Троцкий Л. Соч. Т. III. М.; Л., 1926. С. 92–93.

Там же. С. 73.

300

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 348. Л. 1.

301

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11873. Л. 5–6.

302

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15834. Л. 1.

303

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 387. Л. 10.

РЦХИДНИ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5. Л. 127–132.

305

Доклад Бюро Ев-секции при ЦК РКП от 18 ноября 1920 г. № 1515. Л. 1–2.

306

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22947.

Программа КПРФ. М., 1995. С. 19.

308

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 612. Вып. III. Л. 9-45.

309

Сталин И.В. О проекте Конституции СССР. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 5.

Сталин И.В. О проекте Конституции СССР. С. 16, 17, 23, 24.

311

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 236. Т. III. Л. 145–166.

312

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 236. Т. III. Л. 145, 161, 166, 194.

313

Сталин И.В. Речь на предвыборном собрании 11 декабря 1937 г. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. Л. 1–9.

314

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1.Д. 420. Л. 8.

315

Сталин И.В. Речь на предвыборном собрании 11 декабря 1937 г. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 7, 12–13.

316

АПРФ. Стенограмма заседания политбюро от 6 февраля 1986. Л. 169.

317

Время и мы. 1983. № 74. С. 130.

Гиппиус З.Н. Забытая книга. М., 1991. С. 183.

Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 115–127.

Ленин В.И. ПСС. Т. 49. С. 101, 161.

Ленин В.И. ПСС Т. 48. С. 162.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 693. Л. 100–101.

323

Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 356–357.

324

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 25. Л. 31.

Алданов Марк. Современники. Париж, 1928. С. 37.

Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 346.

327

РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5193. Л. 1–3.

328

РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3112. Л. 1.

329

История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. С. 256–257.

Редлих Р. Сталинщина как духовный феномен. Посев, 1971. С. 40.

331

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 30. Л. 216.

Новый журнал. 1964. № 75. С. 181–182.

333

АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 430. Л. 157 об.

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 612. Вып. III. Л. 9-45.

Время и мы. 1989. № 107. С. 255.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 25. Л. 92.

Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1945. С. 1–77, 106–156.

Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения. М., 1940. С. 69.

339

См.: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 153. Л. 2–6; Д. 190. Л. 2.

Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 92–148.

341

РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 82. Д. 1. Л. 10–10 об.

Сталин И.В. Вопросы ленинизма. С. 590–591.

Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 110.

Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 311–313.

Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 358.

Ленин В.И. ПСС. Т. 41. С. 376.

Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 117.

Стенографический отчет совещания стахановцев. М., 1935. С. 369.

Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1945. С. 71.

Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 165.

351

Сталин И. Вопросы ленинизма. С. 491.

Сталин И. Вопросы ленинизма. С. 491.

Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 150–162.

Сталин И. Соч. Т. 5. С. 71.

Сталин И. Вопросы ленинизма. С. 121.

356

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 612. Вып. III. Л. 35.

См.: *Сталин И.* Соч. Т. 5. С. 66.

Сталин И. Вопросы ленинизма. С. 595.

359

Сталин И. Соч. Т. 13. С. 228.

Сталин И. Вопросы ленинизма. С. 578–579.

Сталин И. Вопросы ленинизма. С. 598.

Барбюс Анри. Сталин. Гослитиздат, 1936. С. 351–352.

363

См.: Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 5–40.

Сталин И. Соч. Т. 13. С. 104.

365

Сталин И. Беседа с английским писателем Г.Д Уэллсом. Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. С. 3.

Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР. С. 34.

Сталин И. Вопросы ленинизма. С. 229–232.

Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР. С. 24.

369

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1.Д. 412. Л. 21.

Архив ОГПУ. № 471. Т. III. С. 18–31.

371

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 575. Л. 1-193.

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 612. Вып. III. Л. 9-45.

373

Akten zur deutschen auswartigen Politik 1918–1945. Bd. VII. Baden-Baden, 1956. S. 131.

Фолькишер беобахтер. 1941. № 125. 5 мая.

375

РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3808. Л. 1-12.

Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: ОГИЗ, 1946. С. 11.

377

Переписка Сталина с президентами США и премьер-министрами Великобритании. М., 1976. Т. 1. С. 84.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 45. Л. 50–52.

379

АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 45. Л. 50.

380

ЦАМО. Ф. 15. Оп. 725588. Д. 36. Л. 305.

381

ЦАМО. Ф. 15. Оп. 725588. Д. 35. Л. 2-17.

382

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1.Д. 28. Л. 107.

Известия ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 197–221.

Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 220–221.

385

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 413. Л. 53–55.

386

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 13. Л. 210–212.

387

ЦАМО. Ф. 220. Оп. 242. Д. 9. Л. 112–114.

Гриф секретности снят. М., 1993. С. 140.

389

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1.Д. 28. Л. 116.

Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 210.

391

АПРФ. Ф. 30. Оп. 1.Л. 84.

392

ЦАМО. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 41. Л. 75–81.

Волков А.Л. Незавершенные фронтовые наступательные операции. М., 1992. С. 94.

Волков А.Л. Незавершенные фронтовые наступательные операции. М., 1992. С. 134.

395

ЦАМО. Ф. 204. Оп. 93. Д. 7. Л. 103–274; Ф. 228. Оп. 720. Д. 68. Л. 12-574; Ф. 229. Оп. 209. Д. 32. Л. 1-162; Ф. 213. Оп. 2066. Д. 5. Л. 307–427; Ф. 208. Оп. 2579. Д. 22. Л. 6-10; Ф. 221. Оп. 1364. Д. 210. Л. 31–89; Ф. 214. Оп. 1441. Д. 48. Л. 184–340 и др.

396

ЦАМО. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 13. Л. 7.

Большевик. 1949. № 23. С. 7.

Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: ОГИЗ, 1946. С. 193.

399

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 321. Л. 31–34.

Правда, 1948. 14 ноября.

401

Сталин И. Соч. Т. 6. С. 398–399.

См.: Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 265.

Annali Feltrinelli. Vol. VIII. Milano, 1968. P. 670.

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 297.

405

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 259. Л. 36–37.

406

ЦГАНХ. Ф. 3429. Оп. 6. Д. 28. Л. 19–21.

407

Ходжа Энвер. Со Сталиным. Воспоминания. Тирана, 1957. С. 33, 52.

Ходжа Энвер. Со Сталиным. Воспоминания. Тирана, 1957. С. 47.

409

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 25. Л. 109.

410

РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 411. Л. 5, 22.

Цит. по: Вопросы истории КПСС. 1988. № 12. С. 52.

РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 28–40. Л. 1-29.

Сталин И.В. Речь на XIX съезде партии. Госполитиздат, 1952. С. 11.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 319. Л. 4–7.

Сталин И.В. Речь на XIX съезде партии. С. 7.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 319. Л. 11–15,19.

417

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 319. Л. 14.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 38. Л. 105–114.

419

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 318. Л. 12.

Сталин И.В. Речь на XIX съезде партии. С. 8–9.

421

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 310. Л. 93.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 311. Л. 10–14.

423

АПРФ. Ф. 0144. Оп. 30.ТІ. 188. Д. 15. Л. 31; П. 5. Д. 2. Л. 44 и др.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 397. Л. 109.

Исторический архив. 1993. № 2. С. 27.

Исторический архив. 1993. № 2.. С. 20.

427

АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 30. П. 118. Д. 10. Л. 3.

Ходжа Энвер. Со Сталиным. С. 74.

Degujep B. Iocun Броз Тито. Београд, 1953. С. 451.

Исторический архив. 1993. № 2. С. 20, 28.

Цит. по: *Гиренко Ю.С.* Сталин – Тито. М., 1991. С. 386.

432

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 319. Л. 21–22.

Великие сооружения сталинской эпохи. М., 1951. С. 242.

Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952. С. 36.

435

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 325. Л. 35.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 322. Л. 142.

437

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 322. Л. 144–145.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 336. Л. 84–89.

439

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 329. Л. 8-17.

Мао Цзэдун. Избр. произведения. Т. 3. М., 1953. С. 189

441

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 338. Л. 48.

Эту притчу Мао впервые использовал еще в июне 1945 года, когда выступал с речью при закрытии VII съезда КПК.

443

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 329. Л. 86–87.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 329. Л. 32.

445

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 329. Л. 51.

АПРФ. Ф. 45. МКФ. 0018: 20: 66: 23: А 10.

Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 36.

Сталин И.В. Речь на XIX съезде партии. М., 1952. С. 14.

449

Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. С. 36.

См.: *Гиренко Ю.С.* Сталин – Тито. М., 1991. С. 365.

Ленин В.И. ПСС. Т. 38. С. 186.

452

Сталин И.В. Беседа с корреспондентом «Правды». М., 1952. С. 11.

Сталин И. Соч. Т. 12. С. 140.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1073.

455

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1091.

Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1951. С. 164, 165.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 105.

458

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 612. Вып. III. Л. 35.

459

Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР М., 1937. С. 35.

Сталин И. Соч. Т. 2. С. 333, 340.

461

РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2959. Л. 19.

Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 33–34, 35.

463

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199.

464

АПРФ. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 1 июля 1941 г.

465

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 134. Т. I. Л. 1–2.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 26. Л. 69.

467

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 27.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 26. Л. 75.

469

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 28. Л. 6–7.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 24. Л. 32.

471

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 25. Л. 95.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 27. Л. 106, 140; Д. 28. Л. 41 и др.

473

АПРФ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1161. Л. 147–155.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 27. Л. 107.

475

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 343. Л. 141.

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 175. Т. I. Л. 34-235.

477

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 66. Т. III. Л. 34.

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 257. Т. III. Л. 338.

479

АПРФ. Ф. 45. Оп. 338. Л. 95–99.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 341. Л. 114.

481

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 318. Л. 95.

482

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 348. Л. 61.

483

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 325. Л. 21.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании. М., 1976. Т. I. С. 19.

485

Переписка… Т. 1. С. 29, 32.

Переписка… Т. 1. С. 48.

487

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 389. Л. 64–69.

Переписка… Т. I. С. 51.

489

Переписка… Т. I. С. 76.

Переписка… Т. I. С. 98.

491

Переписка… Т. I. С. 99.

Переписка… Т. I. С. 145.

493

Из «Особой папки» № 9485.

Переписка… Т. II. С. 78.

495

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 11. Л. 60.

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 87. Т. VI. Л. 124–130.

497

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 2223. Л. 237.

Переписка… Т. III. С. 304.

Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. М., 1980. С. 299.

500

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 235. Л. 27–35.

501

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 366.

502

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 269. Т. I. Л. 141–146.

503

ГАРФ. Ф. 3401. Оп. 2. Д. 269. Т. I. Л. 169–170.

504

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 176. Т. II. Л. 361.

505

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 176. Т. II. Л. 36.

506

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 337. Л. 38.

507

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 24. Л. 27.

508

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1 Д. 346. Л. 24–35.

509

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1 Д. 346 Л. 1.

510

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1 Д. 346 Л. 7.

511

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1 Д. 346 Л. 8.

512

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1 Д. 346.

513

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 80.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 8.

515

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 334. Л. 55.

516

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 94.

517

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 96.

518

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 109.

519

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 145–147.

520

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1 Д. 28. Л. 35.

521

Советская военная энциклопедия. Т. 4. С. 35.

Советская военная энциклопедия. Т. 4. С. 35.

523

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 100–103.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 334. Л. 88–89.

525

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 347. Л. 5–8.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 347. Л. 14–15.

527

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 347. Л. 24.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 347. Л. 41–45.

529

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 334. Л. 97.

530

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 334. Л. 110–111.

531

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 334. Л. 126.

532

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 334. Л. 105–106.

533

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 347. Л. 4.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 347. Л. 77.

535

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 335. Л. 38.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 347. Л. 57–58.

537

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 329. Л. 93.

538

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 348. Л. 58, 61.

539

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 329. Л. 54–70.

540

Переписка Председателя Совета Министров СССР… Документы (август 1941 – декабрь 1945 г.). М., 1976. С. 223.

541

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 372. Л. 109–112, 114–115.

Мао Цзэдун. Избранные произведения. М., 1963. С. 453.

Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 92.

Переписка Председателя Совета Министров СССР… Т. I. М., 1976. С. 45.

545

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 354. Л. 107.

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 18. Л. 110–111.

547

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 18. Л. 142–144.

Сталин И.В. Речь на XIX съезде партии. М., 1952. С. 11–14.

549

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 32. Л. 47.

550

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 32. Л. 45.

551

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 53.

552

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 65–66.

Хрущев вспоминает. М., 1971. С. 295.

Хрущев вспоминает. М., 1971. С. 293.

Хрущев вспоминает. М., 1971. С. 300.

556

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1486. Л. 2–3.

557

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1486. Л. 1.

558

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1486. Л. 4.

559

Хрущев вспоминает. С. 302.

Светлана Аллилуева. Двадцать писем к другу. Лондон, 1967. С. 7.

561

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1486. Л. 136.

Плутарх. Сочинения. М.:, Художественная литература, 1983. С. 424.

563

АПРФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 196. Л. 1–7.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1486. Л. 150–152.

565

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1486. Л. 153–156.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 356. Л. 26.

Иосиф Виссарионович Сталин. М.: Ирис-пресс, 1994. С. 125.

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 30. Л. 6, 8, 14–15, 23.

569

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 31. Л. 3, 4, 6.

570

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 53. Л. 17

Медведев Рой. Они окружали Сталина. М., 1990. С. 277.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 435. Л. 411.

573

Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии. М., 1989. С. 12.

См.: Хрущев вспоминает. М., 1971. С. 318–321.

575

АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 463. Л. 163.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 463. Л. 138.

См.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 140–148.

См.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 149, 155.

Административное законодательство. ОГИЗ, 1936. С. 126.

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 103. Л. 141.

581

Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 203.

Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 182.

Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 185.

Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 195.

585

АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 463. Л. 210–219.

586

АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 463. Л. 32–34.

Известия. 1953. 24 декабря.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 463. Л. 91.

589

АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 463. Л. 172.

590

АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 435. Л. 60–70.

591

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 269. Т. I. С. 141–146.

592

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 269. Л. 348.

593

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 30. Л. 42, 92.

Хрущев вспоминает. С. 235.

595

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 102. Д. 5, 94, 93.

596

АПРФ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 65. Л. 1, 4–5.

597

АПРФ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 65. Л. 1, 4–5.

598

ЦГА РСФР. Ф. 385. Оп. 13. Д. 492. Л. 1–2.

599

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 57. Д. 963. Л. 1–8.

600

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 57. Д. 963. Л. 9-10.

601

Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. 2-е изд. М., 1951. С. 238–239.

Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 134.

603

Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 132.

604

РЦХИДНИ. Постановление политбюро. Протокол № 57 от 31 января 1938 г. Л. 1–2.

605

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 134. Л. 33, 34, 38, 43, 45, 48–49.

606

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 30. Л. 8.

607

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 53. Л. 7, 17.

Хрущев Н.С. Речи на собраниях избирателей Москвы. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 3–22.

609

Хрущев вспоминает. С. 332–333.

Хрущев вспоминает. С. 334.

Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 130, 137.

Хрущев вспоминает. С. 337.

613

Хрущев вспоминает. С. 337.

АПФО. Особая папка. № 233. Л. 1-10.

Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 165.

Материалы XXII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1961 С. 140.

617

Вопросы истории. 1989. № 2. С. 113.

Материалы XXII съезда КПСС. С. 368–428.

619

Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. М.: Международные отношения, 1994. С. 117.

АПРФ. Особая папка. Пакет № 734. Л. 2.

621

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 170. Т. III. Л. 344–345.

Громыко АА. Памятное. Книга первая. М., 1990. С. 477.

623

АПРФ. Особая папка. № 734. Л. 2–3.

Материалы XXII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1961 С. 48, 49–50.

625

Вопросы истории. 1989. № 1. С. 108.

Вопросы истории. 1989. № 1. С. 115.

627

АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 211. Л. 92–93.

628

АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 211. Л. 103–104.

629

АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 211. Л. 204–206.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 211. Л. 268–269.

631

АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 211. Л. 270–272.

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 30. Д. 231. Л. 50–94.

Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 43.

Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 43–44.

635

АПРФ. Протоколы политбюро. № П-118/Х. Л. 125–130.

636

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 441. Л. 2, 5.

637

Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии. М., 1989. С. 313.

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 441. Л. 63–65.

639

Материалы XXII съезда КПСС. С. 449.

АПРФ. Особая папка. Пакет № 1. Л. 1–2.

641

АПРФ. Ф. 3. Оп. 23. Д. 207. Л. 14–41.

642

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 334. Л. 20, 22, 42, 43.

Громыко А.А. Памятное. С. 466–467.

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 539. Л. 186–187.

645

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 539. Л. 188–189.

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 468. Л. 92–96.

647

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 539. Л. 194.

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 446. Л. 23–38.

649

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 446. Л. 53.

Хрущев вспоминает. С. 362.

651

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 349. Л. 7–41.

652

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 349. Л. 116–117.

653

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 539. Л. 1–3.

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 597. Л. 1-30.

655

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 498. Л. 1–2.

Хрущев вспоминает. С. 440.

Хрущев вспоминает. С. 443.

658

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 597. Л. 145.

659

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 498. Л. 44–47, 151–156.

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 499. Л. 1-33.

661

Хрущев вспоминает. С. 451, 452.

662

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 568. Л. 54.

663

АПРФ. Особая папка. Пакет № 233. Л. 8–9.

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 468. Л. 86.

665

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 310. Л. 1–2.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 902. Л. 80–86.

Громыко А.А. Памятное. С. 480.

668

Архив ГШ. Ф. 16. Оп. 3753. Д. 6. Л. 1.

669

Архив ГШ. Ф. 16. Оп. 3753. Д. 6. Л. 1–7.

670

Архив ГШ. Ф. 16. Оп. 3753. Д. 6. Л. 1–5.

671

Архив ГШ. Ф. 16. Оп. 3657. Д. 26. Л. 163.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 902. Л. 77–78.

673

АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 902. Л. 73–75.

ЦАМО. Ф. 16. Оп. 3657. Д. 26. Л. 78.

675

АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 905. Л. 35–36.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 905. Л. 65–66.

677

АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 905. Л. 9-17.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 905. Л. 154–159.

Хрущев вспоминает. С. 478.

680

Архив ГШ. Ф. 16. Оп. № 3657. Д. 26. Л. 16–19.

681

АПРФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 259. Л. 5.

682

АПРФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 259. Л. 9-10.

683

АПРФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 253. Л. 20.

См.: Вопросы истории. 1989. № 2. С. 104–105.

685

Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии. С. 341.

АПРФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 749. Л. 1–2.

687

АПРФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 753. Л. 15–17.

688

АПРФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 749. Л. 3.

689

АПРФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 752. Л. 1–2.

690

АПРФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 753. Л. 3–4.

691

АПРФ. Ф. 80. Записи Брежнева. Л. 24, 27, 29.

692

Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии. С. 285.

693

Из записки КГБ Брежневу № 745-А. Л. 1.

694

Записка КГБ в ЦК КПСС от 25 марта 1970 г. № 745-А. «Особой важности».

695

ЦХСД. Стенографическая запись беседы с Хрущевым в КПК 10 ноября 1970 г. Л. 1-15.

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 132. Л. 35–38.

697

АПРФ. Ф. 206. Оп. 258. Д. 3. Л. 121–122.

ЦАМО. Особое хранение № 46661.Л. 18.

699

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 132. Л. 66–70.

700

Архив ГШ. Вх. № 2697. Л. 1.

701

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 125. Л. 26–31.

Шекспир У. Сонеты. М., 1984. С. 64.

703

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 238. Л. 96.

704

АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 334. Л. 43, 61.

705

Брежнев Л.И. Материалы к биографии. М.: Политиздат, 1991. С. 50.

АПРФ. Ф. 80. Рабочие записи Брежнева. Л. 1.

АПРФ. Ф. 80. Рабочие записи Брежнева в 1956 г. Л. 2.

708

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 17 декабря 1969 года. Л. 1-10.

Коэн Стивен. Переосмысливая советский опыт. Vermont, 1986. С. 153.

АПРФ. Ф. 80. Личное дело № 514 на Л.И. Брежнева. Л. 1-54.

711

АПРФ. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–2.

АПРФ. Из личного дела Л.И. Брежнева. Л. 20–21.

Брежнев Леонид Ильич. Малая земля. М., 1979. С. 3.

АПРФ. Ф. 80. Дневниковые записи за 1944 г. Л. 51–52.

Громыко А.А. Памятное. Книга вторая. С. 525.

Брежнев Леонид Ильич. Малая земля. С. 43.

717

АПРФ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 12. Л. 184.

718

АПРФ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 14. Л. 65.

719

АПРФ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 18. Л. 299.

720

АПРФ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 14. Л. 104.

721

АПРФ. Ф. 80. Рабочие записи за июль – август 1973 г. Л. 16.

Брежнев Леонид Ильич. Целина. М.: Политиздат, 1979. С. 10.

723

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро ЦК КПСС от 27 декабря 1973 г. Л. 7.

724

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро ЦК КПСС от 27 декабря 1973 г. Л. 5, 6.

725

ЦХСД. Протокол заседания секретариата ЦК КПСС от 20 ноября 1972 г. Л. 1.

Брежнев Л.И. О внешней политике КПСС и советского государства. М.: Политиздат, 1973. С. 532.

7 27

АПРФ. Ф. 80. Рабочие записи Л.И. Брежнева за 1958–1959 годы. С. 4148, 1, 2, 24, 27 и др.

Брежнев Л.И. Выступление на пленуме ЦК КПСС 27 ноября 1978 г. М.: Политиздат, 1978. С. 3, 7, 8, 9, 11, 14–15.

729

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро 3 января 1980 г. Л. 1–8.

730

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро 3 января 1980 г. Л. 4.

Брежнев Л.И. Материалы к биографии. С. 322.

732

АПРФ. Записки КГБ от 28 августа 1969 года. № 2169-«А». Л. 129.

733

РЦХИДНИ. Доклад КГБ при СМ СССР от 15 ноября 1976 г. № 2577-А. Л. 86–88.

734

АПРФ. Протокол политбюро № 56 от 19 мая 1977 года. Л. 1-13, 1–7.

Млынарж Зденек. Холодом веет от Кремля. Нью-Йорк, 1988. С. 119–142.

АПРФ. Пакет № 255. Л. 1–2.

Млынарж Зденек. Холодом веет от Кремля. 2-е изд. Нью-Йорк, 1988. С. 209.

АПРФ. Протоколы политбюро. Переговоры делегаций КПСС и КПЧ 26 августа 1968 г. Л. 1-39.

Млынарж Зденек. Холодом веет от Кремля. С. 280–283.

Брежнев Л.И. О внешней политике КПСС и советского государства. М., 1973. С. 136.

Конституция СССР. М., 1977. С. 8, 15.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 82. Д. 138. Л. 91-103.

743

АПРФ. Запись содержания беседы А.А. Громыко с Шах Вали. П-1772. Л. 10–16.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 117. Д. 73. Л. 132–133.

745

ЦХСД. Протокол политбюро № 176/125 от 12 декабря 1979 г. Л. 1–2.

746

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 7 февраля 1980 г. Л. 4–8.

ЦХСД. Протокол политбюро № 177 от 1 января 1980 г.

Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 13.

749

АПРФ. «О единой трактовке событий в Афганистане». № 167 ГС от 26 февраля 1980 г. Л. 112–114.

АПРФ. Особая папка. № 682. Л. 1.

См.: Аргументы и факты. 1995. № 24.

752

О феномене советского политического анекдота хорошо написала Д. Штурман в одной из своих статей. См.: Время и мы. 1983. № 74. С. 128–147.

753

АПРФ. П 28/34 от 17 декабря 1966 г. Л. 1.

АПРФ. П 257 от 26 января 1974 г. Л. 1–4.

Медведев Рой. Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева. Кн. I. М., 1991. С. 289.

756

АПРФ. Ф. 80. Рабочие записи за апрель – май 1976. Л. *2*–4.

Военский К. Година бед – година славы. СПб., 1908. С. 72.

758

АПРФ. Протокол заседания политбюро от 4 апреля 1985 г. Л. 249.

759

АПРФ. Пакет № 206-ОП. Л. 1–2.

760

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 13 апреля 1978 г. Л. 17–18.

Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. Культура, 1993. С. 16–17.

Медведев Рой. Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева. М.: Новости, 1991. С. 296.

Брежнев Л.И. Материалы к биографии. С. 363.

764

ЦХСД. Протокол политбюро № П 12/XVII от 28 июля 1966 г. Л. 1.

ЦХСД. Протокол политбюро № П111VI от 6 июля 1978 г. Л. 1.

ЦХСД. Беседа Брежнева в Будапеште 18 марта 1975 г. Л. 20.

АПРФ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.

АПРФ. Ф. 80. Записи военных лет. Л. 51, 51 об.

769

АПРФ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 46. Л. 75.

770

ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 248. Л. 181.

771

Медведев Владимир. Человек за спиной. М., 1994. С. 78–79.

АПРФ. Ф. 80. Дневниковая запись. Л. 1–2.

Доклад о снятии Хрущева с поста.

774

АПРФ. Ф. 80. Рабочие записи 15 октября – ноябрь 1964 г. Л. 1-15.

См.: *Брежнев Л.И.* Материалы к биографии. С. 64–66.

АПРФ. Ф. 80. Рабочие записи 1968 г. Л. 10–26.

777

ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1.

778

АПРФ. Ф. 80. Из дневниковых записей 1973–1974 годов. Л. 2-28.

779

АПРФ. Особая папка. № 206. Л. 7.

780

АПРФ. Ф. 80. Рабочие записи на Международном Совещании представителей коммунистических и рабочих партий. Л. 4-10.

781

АПРФ. Особая папка. № 2526. Л. 2-12.

См.: ЦХСД. Докладная КГБ/ № 3213-«А». Л. 10.

783

См.: ЦХСД. Докладная КГБ/ № 3213-«А». Л. 10.

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро № 177 от 3 января 1980 г. Л. 52–58.

785

Дневники императора Николая II. Орбита, 1991. С. 360.

786

АПРФ. Ф. 80. Из дневниковых записей за апрель – май 1977 г. Л. 5.

АПРФ. Ф. 80. Рабочие записи Л.И. Брежнева разных лет.

Брежнев ЛИ. Актуальные вопросы идеологической работы КПСС. Т. 2. М.: Политиздат, 1978. С. 387.

Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 14, 22.

790

АПРФ. Особая папка. Пакет № 591. Л. 1–2.

791

Брежнев Л.И. Актуальные вопросы идеологической работы КПСС. Т. 2. С. 395.

Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966. С. 59.

Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 53.

Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 54.

Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 48.

Материалы XXIII съезда КПСС. С. 39.

Материалы XXIV съезда КПСС. С. 90.

798

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 9 сентября 1982 года. Л. 348–350.

799

АПРФ. Ф. 80. Рабочие записи Брежнева с 1981 г. по 22 июня 1982 г.

800

АПРФ. Особая папка. Пакет № 483. Л. 1-18.

801

Коэн Стивен. Переосмысливая советский опыт. Vermont, 1985. С. 145.

Болдин В.И. Крушение пьедестала. М., 1995. С. 41–42.

803

Известия ЦК КПСС. 1988.№ 2. С. 282–286.

Время и мы. 1979. № 44. С. 137.

805

См.: *Медведев Владимир.* Человек за спиной. М., 1994. С. 146–150.

См.: *Медведев Владимир.* Человек за спиной. С. 177–179.

807

Материалы XXVI съезда КПСС. С. 216.

808

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро ЦК КПСС от 10 ноября 1982 г. Л. 1–5.

809

АПРФ. Стенограмма выступления Брежнева 18 марта 1975 г. в Будапеште. Л. 8.

810

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро ЦК КПСС от 18 ноября 1982 г. С. 464–465.

811

Конституция СССР. М., 1977. С. 5.

Время и мы. 1988. № 102. С. 206.

813

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро ЦК КПСС от 10 ноября 1982 г. С. 1–3.

Соловьев Владимир, Клепикова Елена. Юрий Андропов: тайный ход в Кремль. Санкт-Петербург, 1995. С. 294.

815

Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. 2-е изд. М., 1983. С. 126.

816

АПРФ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 69. Л. 8.

817

АПРФ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 61. Л. 2, 3, 4.

Хрущев вспоминает. М.: Прогресс, 1971. С. 398, 402.

819

Материалы пленума ЦК КПСС 14–15 июля 1983 г. М., 1983. С. 12.

СЗ СССР. 1934. № 64. С. 459.

821

АПРФ. Протокол заседания комиссии № 6 от 21 июля 1939 г.

822

Архив ФСБ. Дело № 2354. Л. 227–239.

823

РЦХИДНИ. Ф. 85. Оп. 29. Д. 349. Л. 4.

824

Донесение КГБ СССР № 1025-«А» от 6 мая 1968 г. Л. 1-14.

825

Донесение КГБ СССР № 877-«А»/ОВ от 31 марта 1981 г. Л. 1-11.

АПРФ. Особая папка. № 344. Л. 2-12.

827

АПРФ. Особая папка. № 664, 1220, 1520 и др.

828

АПРФ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 17. Л. 71.

829

АПРФ. Доклады КГБ. № 55396. Л. 1–2.

830

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 7 января 1974 г. Л. 19–32.

831

АПРФ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

832

АПРФ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

833

АПРФ. Доклад Комитета госбезопасности в ЦК КПСС от 20 декабря 1960 г. № 3313-«Ш». Л. 1.

834

АПРФ. Рабочая запись с совещания секретарей ЦК КПСС от 18 января 1983 г. Л. 1-25.

835

АПРФ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2. Л. 63.

Время и мы. 1988. № 102. С. 216.

837

АПРФ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

838

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1137. Л. 198.

839

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1113. Л. 1-257.

840

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1137. Л. 237.

841

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1133. Л. 65.

842

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1131. Л. 311.

843

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1113. Л. 254.

844

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1114. Л. 226.

845

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1113. Л. 252.

846

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1131. Л. 294.

847

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1122. Л. 7.

848

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1122. Л. 51, 58.

849

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1133. Л. 150.

850

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1139. Л. 95.

851

АПРФ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–2.

852

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1133. Л. 198–199.

853

АПРФ. Д. 1170. Л. 7.

854

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1165. Л. 3.

855

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1165. Л. 3–5.

856

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1162. Л. 10–16.

857

Материалы пленума ЦК КПСС 14–15 июня 1983 г. С. 24.

858

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1165. Л. 109–110.

859

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1148. Л. 119.

860

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1154. Л. 11–12.

861

Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. 2-е изд. М., 1983. С. 131.

862

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1169. Л. 214–215.

863

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1164. Л. 47.

864

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1161. Л. 18.

865

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1154. Л. 2–9.

Правда. 1983. 1 сентября.

Известия. 1991. 25 января.

868

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 2 сентября 1983 г. Л. 1–9.

869

АПРФ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 69. Л. 50.

870

АПРФ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 70. Л. 3.

871

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 24 марта 1983 г. Л. 19–21.

АПРФ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 94. Л. 1-10.

Медведев Рой. Генсек с Лубянки. М., 1993. С. 198.

Чазов Е. И. Здоровье и власть. М., 1991. С. 109.

Комсомольская правда. 1994. 17 июня.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1138. Л. 223.

877

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1148. Л. 10.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1114. Л. 154.

879

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1147. Л. 103–110.

880

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1164. Л. 49.

881

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1122. Л. 160.

882

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1122. Л. 4.

883

АПРФ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

884

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1116. Л. 73–75.

885

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1137. Л. 241.

Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. С. 124.

887

Ницше. Человеческое, слишком человеческое. СПб., 1908. С. 247.

Чазов Е. И. Здоровье и власть. М., 1991. С. 189.

889

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1150. Л. 11–12.

890

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1151. Л. 5.

891

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1152. Л. 4–5.

892

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1154. Л. 11–12.

893

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1162. Л. 10–16.

894

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1165. Л. 3.

895

Время и мы. 1986. № 89. С. 171.

896

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1170. Л. 265–268.

897

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1172. Л. 2-25.

898

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1173. Л. 2.

899

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Оп. 73. Д. 1175. Л. 37.

900

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Оп. 73. Д. 1175. Л. 117.

901

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Оп. 73. Д. 1175. Л. 125.

902

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Оп. 73. Д. 1176. Л. 51.

903

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Оп. 73. Д. 1176. Л. 54.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Оп. 73. Д. 1171. Л. 119–120.

905

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Оп. 73. Д. 1171. Л. 5-25.

906

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1178. Л. 91.

907

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1179. Л. 1–7.

908

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 10 февраля 1984 г. Л. 119–125.

909

Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993. С. 11–12.

Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева М.: Международные отношения, 1994. С. 283.

911

Гегель. Философия религии. Т. 1. М.: Мысль. 1976. С. 129.

912

Русская мысль. 1984. 1 марта. С. 4.

913

АРПФ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 1182. Л. 7-20.

914

АРПФ. Рабочая запись заседания политбюро от 23 февраля 1984 г. Л. 139–140.

915

АРПФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 420. Л. 25 об.

916

АРПФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1189. Л. 66–67.

917

Черненко К.У. Избранные речи и статьи. 2-е изд., дополненное. М., 1984. С. 667–669.

Вопросы истории КПСС. 1980. № 4. С. 11.

919

Русская мысль. 1986. 21 марта. С. 9.

920

См.: *Афанасьев Виктор.* Четвертая власть и четыре генсека. М.: Кедр, 1994. С. 53–54.

921

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1183. Л. 129.

Шахназаров Георгий. Цена свободы. М., 1993. С. 40–41.

923

АПРФ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 408. Л. 9-10.

924

АПРФ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 408. Л. 2.

925

АПРФ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 408. Л. 1.

926

АПРФ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 408. Л. 1-101.

927

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 88. Д. 1061. Л. 6–8.

928

АПРФ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 408. Л. 8.

929

АПРФ. Ф. 83. Оп. 88. Д. 1061. Л. 9.

930

АПРФ. Ф. 83. Оп. 88. Д. 1061. Л. 10–14.

931

АПРФ. Ф. 83. Оп. 88. Д. 1061. Л. 14.

932

АПРФ. Ф. 83. Оп. 88. Д. 1061. Л. 15.

933

АПРФ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 336. Л. 40.

934

АПРФ. Ф. 5. Оп. 88. Д. 1060. Л. 115.

935

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1233. Л. 263.

936

АПРФ. Ф. 5. Оп. 88. Д. 1069. Л. 7.

937

Черненко К.У. Избранные речи и статьи. 2-е изд., дополненное. М., 1984. С. 386.

938

АПРФ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 336. Л. 250–258.

939

Русская мысль. 1989. 24 марта. С. 10.

940

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 23 февраля 1984 г. Л. 131.

941

АПРФ. Ф. 3. Записка экономического отдела ЦК КПСС «Об использовании иностранной валюты в 1984 году». 22 июня 1985 г. Л. 1–6.

942

АПРФ. Оп. 73. Д. 1190. Л. 2–3.

943

АПРФ. Оп. 73. Д. 1196. Л. 232.

Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 250.

945

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 88. Д. 1060. Л. 110–114.

946

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 88. Д. 1061. Л. 114–115.

947

Черненко К.У. Избранные речи и статьи. 2-е изд., дополненное. М., 1984. С. 368–394.

948

АПРФ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 233. Л. 1.

949

АПРФ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 233. Л. 2.

Цит. по: *Медведев Рой.* Генсек с Лубянки. С. 110.

951

Медведев Владимир. Человек за спиной. М., 1994. С. 74–75.

См.: *Земцов И.* Черненко. Советский Союз в канун перестройки. Лондон, 1988.

Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. С. 285.

954

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1186. Л. 75–81.

955

АПРФ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 143. Л. 10.

956

АПРФ. Оп. 1. Д. 143. Л. 6.

957

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1207. Л. 2.

958

АПРФ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 193. Л. 38–50.

959

Медведев Вадим. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М., 1994. С. 9.

960

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1188. Л. 8–9.

961

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1190. Л. 87–89.

962

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1203. Л. 63.

963

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 66.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1233. Л. 214.

965

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1200. Л. 2-20.

Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 199.

967

Черненко К.У. Высокий гражданский долг народного контролера. М., 1984. С. 6.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1223. Л. 3.

969

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1187. Л. 259.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1193. Л. 81–83.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1219. Л. 253–255.

972

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1220. Л. 171.

973

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1223. Л. 7.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1190. Л. 3.

975

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1190. Л. 8.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1196. Л. 3.

977

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1198. Л. 107.

978

АПРФ. Оп. 22. Д. 310. Л. 1–2, 6–8.

Руссо Ж.-Ж. Избр. соч. Т. 3. М., 1961. С. 644.

Материалы пленума Центрального Комитета КПСС. 10 апреля 1984 г. М., 1984. С. 6.

981

Материалы пленума Центрального Комитета КПСС. 10 апреля 1984 г. С. 20.

982

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1277. Л. 3-12.

983

Материалы внеочередного пленума Центрального Комитета КПСС. 13 февраля 1984 г. М., 1984. С. 9.

984

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1205. Л. 2–3.

985

Горбачев М.С. Живое творчество народа. М., 1985. С. 7.

986

АПРФ. Отчет о работе КГБ за 1983 год. № 408-4(ОВ). Л. 55–66.

987

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 120. Л. 123.

Гегель. Соч. Т. 7. М.-Л., 1934. С. 150.

989

АПРФ. Ф. 3. Записка Б. Гостева в ЦК КПСС. Л. 1–6.

990

АПРФ. Оп. 73. Д. 1226. Л. 1–7.

991

АПРФ. Оп. 73. Д. 1226. Л. 131–158.

Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. М.: Прогресс, 1993. С. 27.

993

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 9 января 1985 г. Л. 21–23.

994

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 7 февраля 1985 г. Л. 53–70.

995

Громыко А.А. Памятное. Книга вторая. М., 1990. С. 532–533.

996

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1233. Л. 263.

997

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1233. Л. 263; Д. 1234. Л. 3, 4, 173, 213.

998

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1238. Л. 15.

999

Бердяев Николай. О назначении человека. Париж: Современные записки, 1931. С. 270.

См.: *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачевым. С. 34.

1001

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 11 марта 1985 г. Л. 126.

1002

Грачев Андрей. Кремлевская хроника. М., 1994. С. 92.

1003

Болдин В.И. Крушение пьедестала. М., 1995. С. 125.

1004

Любош С. Последние Романовы. Петроград, 1924. С. 97–98.

1005

Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 20.

1006

Горбачева Раиса. Я надеюсь… М., 1991. С. 12.

1007

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 11 марта 1985 г. Л. 127.

1008

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 10 февраля 1984 г. Л. 120.

1009

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 11 марта 1985 г. Л. 126–136.

1010

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 11 марта 1985 г. Л. 137.

1011

Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 58.

1012

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 15 октября 1987 г. Л. 164–165.

1013

ЦХСД. Постановление секретариата ЦК КПСС № 1193 с. Л. 1.

1014

Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. М., 1985. С. 9.

1015

Громыко А.А. Памятное. Книга вторая. 2-е изд., дополненное. М., 1990. С. 535.

1016

Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 99–100.

1017

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 15 октября 1987 г. Л. 141–142.

1018

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 15 октября 1987 г. Л. 155.

1019

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 22 сентября 1988 г. Л. 293.

1020

АПРФ. Ф. 3. Оп. 104. Д. 4. Л. 7.

1021

Демократизация – суть перестройки. Суть социализма. М.: Политиздат, 1988. С. 49.

1022

См.: Правда. 1990. 21 апреля.

Геллер М. Седьмой секретарь. London, 1991. С. 413.

Горбачева Раиса. Я надеюсь… С. 13.

1025

АПРФ. Ф. 84. Записка Горбачева в политбюро от 20 ноября 1979 г. Л. 1–2.

1026

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 24 января 1989 г. С. 108–111.

1027

АПРФ. Ф. 3. Оп. 111. Д. б. н. Л. 165–170.

1028

АПРФ. Стенограмма совещания секретарей ЦК КПСС 15 марта 1985 г. Л. 1-12.

1029

АПРФ. Стенограмма совещания секретарей ЦК КПСС 15 марта 1985 г. Л. 3–7.

1030

Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. М.: Культура, 1993. С. 319.

1031

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 14 октября 1986 г. Л. 2.

1032

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 4 апреля 1985 г. Л. 200, 248–251.

1033

Горбачев М.С. Живое творчество народа. М., 1985. С. 5.

1034

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 4 апреля 1985 г. Л. 251.

1035

Континент. 1985. № 46. С. 216.

1036

Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. М., 1985. С. 9–33.

1037

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 6 февраля 1986 г. Л. 185.

1038

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 15 октября 1987 г. Л. 138.

1039

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 4 апреля 1985 г. Л. 251.

1040

Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. С. 26.

1041

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 20 марта 1986 г. С. 41.

1042

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 6 февраля 1986 г. Л. 185.

1043

АПРФ. Ф. 3. Оп. 109. Д. 163. Л. 3.

1044

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 26 июня 1986 г. Л. 32–35.

Коммунист. 1989. № 18. С. 4.

1046

Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М., 1987. С. 20.

1047

Коммунист. 1989. № 18. С. 11.

1048

Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. С. 41.

1049

Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 16–17.

1050

Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 7–10.

1051

Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 11–13.

Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 29–35.

1053

АПРФ. Особая папка. № 644. Л. 1–4.

1054

См.: *Горбачев М.С.* Избранные речи и статьи. С. 1–422.

1055

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 4 апреля 1985 г. Л. 251.

1056

Правда. 1991. 19 августа.

1057

Геллер М. Седьмой секретарь. London, 1991. С. 414.

1058

АПРФ. Ф. 3 Оп. 73. Д. 1241. Л. 118–120.

1059

АПРФ. Особая папка. № 92. Январь 1988 г. Л. 1.

1060

АПРФ. Записка Министерства обороны СССР № 04311. Л. 1–4.

1061

АПРФ. Запись беседы М.С. Горбачева с Наджибуллой. К Пр. ПБ. № 92. П. II. Л. 1-15.

1062

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 18 апреля 1988 г. Л. 16.

1063

См.: *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачевым. С. 272–273.

1064

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 24 января 1989 г. Л. 232–234.

1065

Материалы пленума ЦК КПСС. 27–28 января 1987 г. М., 1987 г. С. 26.

1066

Материалы пленума ЦК КПСС. 27–28 января 1987 г. М., 1987 г. С. 29.

1067

Материалы пленума ЦК КПСС. 27–28 января 1987 г. М., 1987 г. С. 70.

1068

Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 124.

1069

Время и мы. 1987. № 99. С. 123.

1070

Горбачев М.С. Успех перестройки в руках народа. М., 1988. С. 22.

1071

Материалы пленума ЦК КПСС. 27–28 января 1987 г. С. 75.

1072

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 4 апреля 1985 г. Л. 212.

1073

АПРФ. Ф. 84. Записка № 1107-Е. Л. 1.

1074

АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 177. Л. 69.

1075

АПРФ. Ф. 3. Оп. 113. Записка Чебрикова № П1240. Л. 1–5.

1076

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 29 августа 1985 г. Л. 22–23.

1077

АПРФ. Ф. 3. Оп. 113. Записка Г. И. Марчука в ЦК КПСС № П2632. Л. 1–4.

1078

Материалы пленума ЦК КПСС. 27–28 января 1987 г. С. 28.

1079

АПРФ. Донесение КГБ СССР от 21 марта 1988 г. № 458– 4. Л. 1–3.

1080

АПРФ. Ф. 3. Записка В.И. Теребилова в ЦК КПСС, ПБ. – 1778. Л. 1.

1081

Конституция СССР. С. 8.

1082

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 20 ноября 1989 г. Л. 409.

1083

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 8 декабря 1989 г. Л. 529.

1084

ЦХСД. Протокол заседания политбюро № 87 от 28 мая 1990 г. Л. 1–5.

1085

Коммунист. 1989. № 18. Л. 16–17.—

Проблемы Восточной Европы. Вашингтон, 1992. С. 104.

1087

К гуманному демократическую социализму. Программное заявление XXVIII съезда КПСС. М., 1990. С. 4.

1088

Известия. 1991. 13 июля.

1089

Известия. 1991. 3 августа.

Горбачев М.С. Августовский путч. Новости, 1991. С. 63.

1091

См.: Российская газета. 1991. 16 августа.

1092

Правда. 1991. 20 августа.

1093

Грачев Андрей. Кремлевская хроника. М., 1994. С. 278.

См.: Известия (вечерний выпуск). 1991. 4 сентября.

1095

ЦАМО. Ф. 28. Оп. 93316сс. Л. 55–165.

1096

ЦХСД. Протокол № 118 заседания Президиума ЦК от 19 октября 1957 г. Л. 121–130.

1097

ЦХСД. Протокол № 118 заседания Президиума ЦК от 19 октября 1957 г. Л. 125.

1098

АПРФ. Особая папка. № 766. Л. 1.

1099

АПРФ. Срочное донесение. № 1789-2с. Л. 1.

1100

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 28 апреля 1986 г. Л. 434–437.

1101

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 29 апреля 1986 г. Л. 444–449.

1102

АПРФ. Ф. 3. Оп. 102. Д. б/н. Л. 1–2.

1103

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 15 мая 1986 г. Л. 519.

1104

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 15 мая 1986 г. Л. 512.

1105

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 5 мая 1986 г. Л. 465.

1106

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 28 апреля 1986 г. Л. 436.

1107

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 5 мая 1986 г. Л. 465.

1108

АПРФ. Ф. 84. НР – 1097 с. Л. 1.

1109

Перестройка и новое мышление. М., 1987. С. 240.

1110

ЦХСД. Ф. 89. Оп. 11. Д. 51. Л. 1.

1111

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 29 мая 1986 г. Л. 603.

1112

ЦХСД. Ф. 89. Оп. 11. Д. 55. Л. 1.

1113

ЦХСД. Выписка из протокола № 11 заседания политбюро ЦК от 8 мая 1986 г. Л. 1–4.

1114

Цит. по: *Струве Глеб.* Русская литература в изгнании. Paris: Imca-Press, 1984. С. 356.

1115

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 5 мая 1986 г. Л. 458.

1116

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 11 апреля 1985 г. Л. 274.

1117

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 25 июля 1985 г. Л. 63–65.

1118

Правда. 1986. 2 июля.

1119

Грачев Андрей. Дальше без меня… Уход президента. М.: Прогресс-Культура, 1984. С. 84.

Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. С. 32.

Континент. 1985. № 46. С. 217.

1122

Время и мы. 1986. № 90. С. 104.

1123

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 29 июня 1985 г. Л. 3.

1124

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 29 июня 1985 г. Л. 2–3.

1125

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1278. Л. 192.

1126

Континент. 1985. № 46. С. 215.

1127

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1276. Л. 5.

1128

АПРФ. Ф. 3. Оп. 102. Д. 230. Л. 174.

1129

Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1984. С. 144.

1130

Континент. 1987. № 54. Л. 223.

1131

Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. С. 190.

1132

АПРФ. Ф. 3 Оп. 73. Д. 1278. Л. 192.

1133

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 20 февраля 1986 г. Л. 210.

1134

Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. С. 143.

1135

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 14 октября 1986 г. Л. 3–4.

1136

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 6 мая 1985 г. Л. 12.

1137

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 22 октября 1986 г. Л. 2.

1138

Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 74–76.

1139

См.: *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачевым. С. 264–265.

1140

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 6 февраля 1986 г. Л. 169.

1141

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 23 января 1986 г. Л. 104.

1142

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1254. Л. 10.

1143

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1242. Л. 13.

1144

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 23 декабря 1985 г. Л. 1–3.

1145

Соловьев Владимир, Клепикова Елена. Борис Ельцин. М., 1992. С. 44.

1146

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 15 октября 1987 г. Л. 138.

1147

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 15 октября 1987 г. Л. 139–140.

1148

Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 239–241.

1149

Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 239–241.

1150

АПРФ. Ф. 84. Записка Н.И. Рыжкова от 17 ноября 1987 г. Л. 1.

1151

Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. С. 86.

1152

Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. С. 86–89.

1153

Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. С. 39.

1154

Соловьев Владимир, Клепикова Елена. Борис Ельцин. С. 57.

1155

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 20 ноября 1989 г. Л. 415.

1156

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 19 октября 1989 г. Л. 522.

1157

ЦХСД Выписка из протокола № 182 заседания политбюро ЦК КПСС от 22 марта 1990 г. Л. 1.

1158

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 3 мая 1990 г. Л. 533.

1159

Новое русское слово. 1994. 20–21 августа.

1160

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 3 мая 1990 г. Л. А. С. 533, 560.

1161

Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. С. 375.

Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. С. 382.

1163

АПРФ. Записка А.А. Бессмертных М.С. Горбачеву. 6 сектор. 72089. Л. 1.

1164

Ельцин Борис. Записки президента. М., 1994. С. 32–33.

1165

XXVIII съезд коммунистической партии Советского Союза. 2-13 июля 1990 г. Стенографический отчет. Т. 2. С. 500–501.

1166

Ельцин Борис. Записки президента. С. 56.

1167

Куранты. 1991. 7 мая.

1168

Ельцин Борис. Записки президента. С. 53–54.

1169

Ельцин Борис. Записки президента. С. 43.

1170

Аргументы и факты. 1991. 24 августа.

1171

Горбачев М.С. Августовский путч. М., 1991. С. 15.

1172

Степанков В., Лисов Е. Кремлевский заговор. М., 1992. С. 149–150.

1173

Ельцин Борис. Записки президента. С. 71.

1174

Медведев Вадим. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М., 1994. С. 21–23.

1175

Горбачев М.С. Живое творчество народа (материалы конференции). М., 1985. С. 3–46.

1176

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 13 марта 1986 г. Л. 241.

1177

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 7–8 мая 1987 г. Л. 225.

1178

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 27–28 декабря 1988 г. Л. 329.

1179

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 27–28 декабря 1988 г. Л. 24-246.

1180

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 28 декабря 1988 г. Л. 528.

1181

Континент. 1992 г. № 71. С. 218.

1182

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 27–28 декабря 1988 г. Л. 329, 339.

1183

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1277. Л. 7–9.

1184

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 22 ноября 1985 г. Л. 395.

1185

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 19 февраля 1988 г. Л. 575–576.

1186

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 18 февраля 1988 г. Л. 538–539.

1187

АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 10. Л. 88.

1188

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 15 января 1988 г. Л. 320.

1189

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 29 июня 1989 г. Л. 200–208.

1190

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 30 мая 1987 г. Л. 483–502.

1191

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 27–28 декабря 1988 г. Л. 339.

1192

Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 60.

1193

АПРФ. Шифротелеграмма из Тбилиси от 9 апреля 1989 г. № 220/Ш. Л. 177–178.

Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 57–62.

1195

ЦХСД. Протокол № 8 заседания политбюро от 25 апреля 1991 г. Л. 1–2.

Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. С. 516–521.

1197

Независимая газета. 1992.17 сентября.

1198

Огонек. 1995. № 11. С. 11.

1199

Аргументы и факты. 1993. 20 мая.

1200

АПРФ. Записка М.С. Горбачеву от 13 марта 1987 г. № П439. Л. 1–6.

1201

АПРФ. Ф. 84. Записка Горбачева «Об оценке советско-германских договоров 1939 года». Л. 1–2.

1202

АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 5 мая 1988 г. Л. 108–122.

1203

АПРФ. Особая папка. № 20–06/197. Л. 1-25.

1204

АПРФ. Особая папка. П-13/144 от 5 марта 1940 г. Л. 1–40.

1205

Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. С. 163.

1206

АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 5. П. 105-а. Л. 60–65.

1207

Цит. по: Проблемы Восточной Европы. Вашингтон, 1992. № 35–36. С. 103.

1208

Известия. 1993. 25 мая.

1209

Яковлев А.Н. Горькая чаша. Ярославль, 1994. С. 149.

Popper Karl. Unended Qneat. An Intellectual Autobiography. Fontana/Collins, 1976.

1211

Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 138.

Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 94.

1213

Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 96, 97.

1214

Достоевский Ф.М. Бесы. М.: Славянка, 1994. С. 241, 249.

1215

Новый Завет. Евангелие от Матфея (7:15).

1216

Яковлев А.Н. Горькая чаша. С. 143.

1217

Шахназаров Георгий. Цена свободы. М., 1993. С. 596.

1218

АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1152. Л. 4.

1219

Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 89.

1220

АПРФ. Ф. 3. Оп. 62. Д. 180. Л. 16–17.